

НИКОЛАЙ I

Леонид
Высочков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

«Николай Палкин», «коронованный барабанщик», «жандарм Европы» — эти и подобные им эпитеты в отношении «несимпатичного монарха», по выражению одного из историков, прочно закрепились как в массовом сознании, так и в исторической науке. Между тем император Николай Павлович был далеко не ограниченным человеком и незаурядным государственным деятелем, любящим, по его словам, «нашу матушку Россию». Да, он с гордостью называл себя «государем-консерватором», но не был реакционером, каким его часто изображают. Настоящая книга представляет собой по существу первую попытку дать взвешенную и объективную характеристику императору Николаю I как государственному деятелю и человеку.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Леонид Выходцев](#)
 -
 - [ПАМЯТНИК НА МАРИИНСКОЙ ПЛОЩАДИ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [«Меня будут называть Николаем Первым»:](#)
 - [«Какое громадное счастье жить так, семьею!»:](#)
 - [«...Имея под своим начальством](#)
 - [«Аничковский рай»:](#)
 - [«Наш ангел»: Старший брат Александр I](#)
 - [«Дорогой и бесценный Константин»: Цесаревич](#)
 - [«Разве может встать между вами и мной вопрос о неудовольствии?»:](#) Братские взаимоотношения на фоне трона
 - [Глава вторая](#)
 - [«Я долг святой исполнил, и Бог помог мне...»:](#)
 - [«Послезавтра поутру я — или государь, или без дыхания»:](#)

12–13 декабря 1825 года

- «Если буду жив»: 14 декабря 1825 года — один день из жизни императора
- «Мои друзья по Четырнадцатому»:
- «Государь-консерватор»: Уроки Декабря
- «Вот тебе моя инструкция!»: Собственная Его Императорского Величества Канцелярия и ее III Отделение
- «...Механизм управления в моей стране весьма прост...»:
Центральные органы управления
- «Ба! Да я Вас всех знаю!»:
- «Мне не нужно ученых голов, мне нужно верноподданных»:
Принципы кадровой политики
- «Мы — христиане»: Религия и церковь
- «Предмет наших ревностных попечений»:
- «Ты у меня будешь за него в ответе»:
- «Процесс, который я хочу вести против рабства...»:
Крестьянский вопрос
- «Здоровье московских фабрикантов и всей мануфактурной промышленности»
- «Я верю, что можем строить
- «С величайшим удовольствием вижу сие похвальное стремление»: Торговля

○ Глава третья

- «Принадлежать России и пользоваться ее покровительством есть истинное счастье»
- «Русские дворяне служат государству,
- «Ведь вам же хорошо было»:
- «Оставьте финнов в покое»:
- «Не судите о Кавказском крае как об отдельном царстве»:
Закавказье
- «Почти все горские народы в явном против нас возмущении»:
Кавказская война
- «Башкиры добрый народ»: Кочевые народы
- «Народ еврейский»
- «То-то хороша собралась у вас там компания!»:

○ Глава четвертая

- «Привязанность к охранительным началам всеобщего мира»
- «Самое важное из всех: восточное дело...»:
- «Счастливо прекратившейся ныне с Персией войны...»:

Туркманчай

- «Славный мир положил конец подвигам армий наших»:
Адрианополь
- «Каналья L. Phylippe»: Июльская революция во Франции в 1830 году
- «Я хочу показать султану мою дружбу»:
- «Мир будет спасен»:
- «Я не предвижу конца этой болтовне...»:
- «С нами Бог, разумеете, языцы...»: 1848 год
- «Если б своя рубаха не была ближе к телу»:
- «Брать себе ничего не хочу»: Николай I и народы Юго-Восточной Европы
- «Экспедиция наша в Хиву делает много шуму»:
- «Что, на Кяхту вы много продали?»:
- «Я жестоко наказан за излишнюю доверчивость...»:
- «Чтоб нашлась возможность отбиться под Севастополем»:
Крымская война

○ Глава пятая

- «К пользе, чести и славе России»:
- «Это мой Пушкин»
- «Я ведь не литератор...»: Венценосный цензор
- «В этой пьесе всем досталось, а мне в особенности»:
- «У меня голос не дурен...»:
- «Кроме баталической живописи,

○ Глава шестая

- «Мою рожу выкинуть»:
- «Пока есть сила, буду перемогаться до конца»:
- «Как если бы с него содрали кожу...»:
- «Каторжник Зимнего дворца»:
- «Проси его ко мне обедать»:
- «Доехал, как нельзя лучше, в горе фельдъегеря...»:
- «Мы ладно живем с моею старухой»:
- «Вселять в них и доверие к родителям, а не страх»:
- «Я его слишком люблю»:
- «Кто из Вас желает купить у меня девятку червей?»:
- «Желал бы кончить жизнь в покое!»

○ «ЭПИМЕТЕЙ НА ТРОНЕ»

○ ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНИЯ

○ ИЛЛЮСТРАЦИИ

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)

- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)

- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)

- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)

- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)

- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)

- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)

- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)

- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)

- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)

- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)

- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)

- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)

- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)

- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)

- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)

- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)

- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)

- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)

- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)

- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)
- [868](#)
- [869](#)
- [870](#)
- [871](#)
- [872](#)
- [873](#)
- [874](#)
- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)
- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)

- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)
- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)
- [894](#)
- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)
- [905](#)
- [906](#)
- [907](#)
- [908](#)
- [909](#)
- [910](#)
- [911](#)
- [912](#)
- [913](#)
- [914](#)
- [915](#)
- [916](#)
- [917](#)
- [918](#)
- [919](#)
- [920](#)
- [921](#)
- [922](#)

- [923](#)
- [924](#)
- [925](#)
- [926](#)
- [927](#)
- [928](#)
- [929](#)
- [930](#)
- [931](#)
- [932](#)
- [933](#)
- [934](#)
- [935](#)
- [936](#)
- [937](#)
- [938](#)
- [939](#)
- [940](#)
- [941](#)
- [942](#)
- [943](#)
- [944](#)
- [945](#)
- [946](#)
- [947](#)
- [948](#)
- [949](#)
- [950](#)
- [951](#)
- [952](#)
- [953](#)
- [954](#)
- [955](#)
- [956](#)
- [957](#)
- [958](#)
- [959](#)
- [960](#)
- [961](#)

- [962](#)
- [963](#)
- [964](#)
- [965](#)
- [966](#)
- [967](#)
- [968](#)
- [969](#)
- [970](#)
- [971](#)
- [972](#)
- [973](#)
- [974](#)
- [975](#)
- [976](#)
- [977](#)
- [978](#)
- [979](#)
- [980](#)
- [981](#)
- [982](#)
- [983](#)
- [984](#)
- [985](#)
- [986](#)
- [987](#)
- [988](#)
- [989](#)
- [990](#)
- [991](#)
- [992](#)
- [993](#)
- [994](#)
- [995](#)
- [996](#)
- [997](#)
- [998](#)
- [999](#)
- [1000](#)

- [1001](#)
- [1002](#)
- [1003](#)
- [1004](#)
- [1005](#)
- [1006](#)
- [1007](#)
- [1008](#)
- [1009](#)
- [1010](#)
- [1011](#)
- [1012](#)
- [1013](#)
- [1014](#)
- [1015](#)
- [1016](#)
- [1017](#)
- [1018](#)
- [1019](#)
- [1020](#)
- [1021](#)
- [1022](#)
- [1023](#)
- [1024](#)
- [1025](#)
- [1026](#)
- [1027](#)
- [1028](#)
- [1029](#)
- [1030](#)
- [1031](#)
- [1032](#)
- [1033](#)
- [1034](#)
- [1035](#)
- [1036](#)
- [1037](#)
- [1038](#)
- [1039](#)

- [1040](#)
- [1041](#)
- [1042](#)
- [1043](#)
- [1044](#)
- [1045](#)
- [1046](#)
- [1047](#)
- [1048](#)
- [1049](#)
- [1050](#)
- [1051](#)
- [1052](#)
- [1053](#)
- [1054](#)
- [1055](#)
- [1056](#)
- [1057](#)
- [1058](#)
- [1059](#)
- [1060](#)
- [1061](#)
- [1062](#)
- [1063](#)
- [1064](#)
- [1065](#)
- [1066](#)
- [1067](#)
- [1068](#)
- [1069](#)
- [1070](#)
- [1071](#)
- [1072](#)
- [1073](#)
- [1074](#)
- [1075](#)
- [1076](#)
- [1077](#)
- [1078](#)

- [1079](#)
- [1080](#)
- [1081](#)
- [1082](#)
- [1083](#)
- [1084](#)
- [1085](#)
- [1086](#)
- [1087](#)
- [1088](#)
- [1089](#)
- [1090](#)
- [1091](#)
- [1092](#)
- [1093](#)
- [1094](#)
- [1095](#)
- [1096](#)
- [1097](#)
- [1098](#)
- [1099](#)
- [1100](#)
- [1101](#)
- [1102](#)
- [1103](#)
- [1104](#)
- [1105](#)
- [1106](#)
- [1107](#)
- [1108](#)
- [1109](#)
- [1110](#)
- [1111](#)
- [1112](#)
- [1113](#)
- [1114](#)
- [1115](#)
- [1116](#)
- [1117](#)

- [1118](#)
- [1119](#)
- [1120](#)
- [1121](#)
- [1122](#)
- [1123](#)
- [1124](#)
- [1125](#)
- [1126](#)
- [1127](#)
- [1128](#)
- [1129](#)
- [1130](#)
- [1131](#)
- [1132](#)
- [1133](#)
- [1134](#)
- [1135](#)
- [1136](#)
- [1137](#)
- [1138](#)
- [1139](#)
- [1140](#)
- [1141](#)
- [1142](#)
- [1143](#)
- [1144](#)
- [1145](#)
- [1146](#)
- [1147](#)
- [1148](#)
- [1149](#)
- [1150](#)
- [1151](#)
- [1152](#)
- [1153](#)
- [1154](#)
- [1155](#)
- [1156](#)

- [1157](#)
- [1158](#)
- [1159](#)
- [1160](#)
- [1161](#)
- [1162](#)
- [1163](#)
- [1164](#)
- [1165](#)
- [1166](#)
- [1167](#)
- [1168](#)
- [1169](#)
- [1170](#)
- [1171](#)
- [1172](#)
- [1173](#)
- [1174](#)
- [1175](#)
- [1176](#)
- [1177](#)
- [1178](#)
- [1179](#)
- [1180](#)
- [1181](#)
- [1182](#)
- [1183](#)
- [1184](#)
- [1185](#)
- [1186](#)
- [1187](#)
- [1188](#)
- [1189](#)
- [1190](#)
- [1191](#)
- [1192](#)
- [1193](#)
- [1194](#)
- [1195](#)

- [1196](#)
- [1197](#)
- [1198](#)
- [1199](#)
- [1200](#)
- [1201](#)
- [1202](#)
- [1203](#)
- [1204](#)
- [1205](#)
- [1206](#)
- [1207](#)
- [1208](#)
- [1209](#)
- [1210](#)
- [1211](#)
- [1212](#)
- [1213](#)
- [1214](#)
- [1215](#)
- [1216](#)
- [1217](#)
- [1218](#)
- [1219](#)
- [1220](#)
- [1221](#)
- [1222](#)
- [1223](#)
- [1224](#)
- [1225](#)
- [1226](#)
- [1227](#)
- [1228](#)
- [1229](#)
- [1230](#)
- [1231](#)
- [1232](#)
- [1233](#)
- [1234](#)

- [1235](#)
- [1236](#)
- [1237](#)
- [1238](#)
- [1239](#)
- [1240](#)
- [1241](#)
- [1242](#)
- [1243](#)
- [1244](#)
- [1245](#)
- [1246](#)
- [1247](#)
- [1248](#)
- [1249](#)
- [1250](#)
- [1251](#)
- [1252](#)
- [1253](#)
- [1254](#)
- [1255](#)
- [1256](#)
- [1257](#)
- [1258](#)
- [1259](#)
- [1260](#)
- [1261](#)
- [1262](#)
- [1263](#)
- [1264](#)
- [1265](#)
- [1266](#)
- [1267](#)
- [1268](#)
- [1269](#)
- [1270](#)
- [1271](#)
- [1272](#)
- [1273](#)

- [1274](#)
- [1275](#)
- [1276](#)
- [1277](#)
- [1278](#)
- [1279](#)
- [1280](#)
- [1281](#)
- [1282](#)
- [1283](#)
- [1284](#)
- [1285](#)
- [1286](#)
- [1287](#)
- [1288](#)
- [1289](#)
- [1290](#)
- [1291](#)
- [1292](#)
- [1293](#)
- [1294](#)
- [1295](#)
- [1296](#)
- [1297](#)
- [1298](#)
- [1299](#)
- [1300](#)
- [1301](#)
- [1302](#)
- [1303](#)
- [1304](#)
- [1305](#)
- [1306](#)
- [1307](#)
- [1308](#)
- [1309](#)
- [1310](#)
- [1311](#)
- [1312](#)

- [1313](#)
- [1314](#)
- [1315](#)
- [1316](#)
- [1317](#)
- [1318](#)
- [1319](#)
- [1320](#)
- [1321](#)
- [1322](#)
- [1323](#)
- [1324](#)
- [1325](#)
- [1326](#)
- [1327](#)
- [1328](#)
- [1329](#)
- [1330](#)
- [1331](#)
- [1332](#)
- [1333](#)
- [1334](#)
- [1335](#)
- [1336](#)
- [1337](#)
- [1338](#)
- [1339](#)
- [1340](#)
- [1341](#)
- [1342](#)
- [1343](#)
- [1344](#)
- [1345](#)
- [1346](#)
- [1347](#)
- [1348](#)
- [1349](#)
- [1350](#)
- [1351](#)

- [1352](#)
- [1353](#)
- [1354](#)
- [1355](#)
- [1356](#)
- [1357](#)
- [1358](#)
- [1359](#)
- [1360](#)
- [1361](#)
- [1362](#)
- [1363](#)
- [1364](#)
- [1365](#)
- [1366](#)
- [1367](#)
- [1368](#)
- [1369](#)
- [1370](#)
- [1371](#)
- [1372](#)
- [1373](#)
- [1374](#)
- [1375](#)
- [1376](#)
- [1377](#)
- [1378](#)
- [1379](#)
- [1380](#)
- [1381](#)
- [1382](#)
- [1383](#)
- [1384](#)
- [1385](#)
- [1386](#)
- [1387](#)
- [1388](#)
- [1389](#)
- [1390](#)

- [1391](#)
- [1392](#)
- [1393](#)
- [1394](#)
- [1395](#)
- [1396](#)
- [1397](#)
- [1398](#)
- [1399](#)
- [1400](#)
- [1401](#)
- [1402](#)
- [1403](#)
- [1404](#)
- [1405](#)
- [1406](#)
- [1407](#)
- [1408](#)
- [1409](#)
- [1410](#)
- [1411](#)
- [1412](#)
- [1413](#)
- [1414](#)
- [1415](#)
- [1416](#)
- [1417](#)
- [1418](#)
- [1419](#)
- [1420](#)
- [1421](#)
- [1422](#)
- [1423](#)
- [1424](#)
- [1425](#)
- [1426](#)
- [1427](#)
- [1428](#)
- [1429](#)

- [1430](#)
- [1431](#)
- [1432](#)
- [1433](#)
- [1434](#)
- [1435](#)
- [1436](#)
- [1437](#)
- [1438](#)
- [1439](#)
- [1440](#)
- [1441](#)
- [1442](#)
- [1443](#)
- [1444](#)
- [1445](#)
- [1446](#)
- [1447](#)
- [1448](#)
- [1449](#)
- [1450](#)
- [1451](#)
- [1452](#)
- [1453](#)
- [1454](#)
- [1455](#)
- [1456](#)
- [1457](#)
- [1458](#)
- [1459](#)
- [1460](#)
- [1461](#)
- [1462](#)
- [1463](#)
- [1464](#)
- [1465](#)
- [1466](#)
- [1467](#)
- [1468](#)

- [1469](#)
- [1470](#)
- [1471](#)
- [1472](#)
- [1473](#)
- [1474](#)
- [1475](#)
- [1476](#)
- [1477](#)
- [1478](#)
- [1479](#)
- [1480](#)
- [1481](#)
- [1482](#)
- [1483](#)
- [1484](#)
- [1485](#)
- [1486](#)
- [1487](#)
- [1488](#)
- [1489](#)
- [1490](#)
- [1491](#)
- [1492](#)
- [1493](#)
- [1494](#)
- [1495](#)
- [1496](#)
- [1497](#)
- [1498](#)
- [1499](#)
- [1500](#)
- [1501](#)
- [1502](#)
- [1503](#)
- [1504](#)
- [1505](#)
- [1506](#)
- [1507](#)

- [1508](#)
- [1509](#)
- [1510](#)
- [1511](#)
- [1512](#)
- [1513](#)
- [1514](#)
- [1515](#)
- [1516](#)
- [1517](#)
- [1518](#)
- [1519](#)
- [1520](#)
- [1521](#)
- [1522](#)
- [1523](#)
- [1524](#)
- [1525](#)
- [1526](#)
- [1527](#)
- [1528](#)
- [1529](#)
- [1530](#)
- [1531](#)
- [1532](#)
- [1533](#)
- [1534](#)
- [1535](#)
- [1536](#)
- [1537](#)
- [1538](#)
- [1539](#)
- [1540](#)
- [1541](#)
- [1542](#)
- [1543](#)
- [1544](#)
- [1545](#)
- [1546](#)

- [1547](#)
- [1548](#)
- [1549](#)
- [1550](#)
- [1551](#)
- [1552](#)
- [1553](#)
- [1554](#)
- [1555](#)
- [1556](#)
- [1557](#)
- [1558](#)
- [1559](#)
- [1560](#)
- [1561](#)
- [1562](#)
- [1563](#)
- [1564](#)
- [1565](#)
- [1566](#)
- [1567](#)
- [1568](#)
- [1569](#)
- [1570](#)
- [1571](#)
- [1572](#)
- [1573](#)
- [1574](#)
- [1575](#)
- [1576](#)
- [1577](#)
- [1578](#)
- [1579](#)
- [1580](#)
- [1581](#)
- [1582](#)
- [1583](#)
- [1584](#)
- [1585](#)

- [1586](#)
- [1587](#)
- [1588](#)
- [1589](#)
- [1590](#)
- [1591](#)
- [1592](#)
- [1593](#)
- [1594](#)
- [1595](#)
- [1596](#)
- [1597](#)
- [1598](#)
- [1599](#)
- [1600](#)
- [1601](#)
- [1602](#)
- [1603](#)
- [1604](#)
- [1605](#)
- [1606](#)
- [1607](#)
- [1608](#)
- [1609](#)
- [1610](#)
- [1611](#)
- [1612](#)
- [1613](#)
- [1614](#)
- [1615](#)
- [1616](#)
- [1617](#)
- [1618](#)
- [1619](#)
- [1620](#)
- [1621](#)
- [1622](#)
- [1623](#)
- [1624](#)

- [1625](#)
- [1626](#)
- [1627](#)
- [1628](#)
- [1629](#)
- [1630](#)
- [1631](#)
- [1632](#)
- [1633](#)
- [1634](#)
- [1635](#)
- [1636](#)
- [1637](#)
- [1638](#)
- [1639](#)
- [1640](#)
- [1641](#)
- [1642](#)
- [1643](#)
- [1644](#)
- [1645](#)
- [1646](#)
- [1647](#)
- [1648](#)
- [1649](#)
- [1650](#)
- [1651](#)
- [1652](#)
- [1653](#)
- [1654](#)
- [1655](#)
- [1656](#)
- [1657](#)
- [1658](#)
- [1659](#)
- [1660](#)
- [1661](#)
- [1662](#)
- [1663](#)

- [1664](#)
- [1665](#)
- [1666](#)
- [1667](#)
- [1668](#)
- [1669](#)
- [1670](#)
- [1671](#)
- [1672](#)
- [1673](#)
- [1674](#)
- [1675](#)
- [1676](#)
- [1677](#)
- [1678](#)
- [1679](#)
- [1680](#)
- [1681](#)
- [1682](#)
- [1683](#)
- [1684](#)
- [1685](#)
- [1686](#)
- [1687](#)
- [1688](#)
- [1689](#)
- [1690](#)
- [1691](#)
- [1692](#)
- [1693](#)
- [1694](#)
- [1695](#)
- [1696](#)
- [1697](#)
- [1698](#)
- [1699](#)
- [1700](#)
- [1701](#)
- [1702](#)

- [1703](#)
- [1704](#)
- [1705](#)
- [1706](#)
- [1707](#)
- [1708](#)
- [1709](#)
- [1710](#)
- [1711](#)
- [1712](#)
- [1713](#)
- [1714](#)
- [1715](#)
- [1716](#)
- [1717](#)
- [1718](#)
- [1719](#)
- [1720](#)
- [1721](#)
- [1722](#)
- [1723](#)
- [1724](#)
- [1725](#)
- [1726](#)
- [1727](#)
- [1728](#)
- [1729](#)
- [1730](#)
- [1731](#)
- [1732](#)
- [1733](#)
- [1734](#)
- [1735](#)
- [1736](#)
- [1737](#)
- [1738](#)
- [1739](#)
- [1740](#)
- [1741](#)

- [1742](#)
- [1743](#)
- [1744](#)
- [1745](#)
- [1746](#)
- [1747](#)
- [1748](#)
- [1749](#)
- [1750](#)
- [1751](#)
- [1752](#)
- [1753](#)
- [1754](#)
- [1755](#)
- [1756](#)
- [1757](#)
- [1758](#)
- [1759](#)
- [1760](#)
- [1761](#)
- [1762](#)
- [1763](#)
- [1764](#)
- [1765](#)
- [1766](#)
- [1767](#)
- [1768](#)
- [1769](#)
- [1770](#)
- [1771](#)
- [1772](#)
- [1773](#)
- [1774](#)
- [1775](#)
- [1776](#)
- [1777](#)
- [1778](#)
- [1779](#)
- [1780](#)

- [1781](#)
- [1782](#)
- [1783](#)
- [1784](#)
- [1785](#)
- [1786](#)
- [1787](#)
- [1788](#)
- [1789](#)
- [1790](#)
- [1791](#)
- [1792](#)
- [1793](#)
- [1794](#)
- [1795](#)
- [1796](#)
- [1797](#)
- [1798](#)
- [1799](#)
- [1800](#)
- [1801](#)
- [1802](#)
- [1803](#)
- [1804](#)
- [1805](#)
- [1806](#)
- [1807](#)
- [1808](#)
- [1809](#)
- [1810](#)
- [1811](#)
- [1812](#)
- [1813](#)
- [1814](#)
- [1815](#)
- [1816](#)
- [1817](#)
- [1818](#)
- [1819](#)

- [1820](#)
- [1821](#)
- [1822](#)
- [1823](#)
- [1824](#)
- [1825](#)
- [1826](#)
- [1827](#)
- [1828](#)
- [1829](#)
- [1830](#)
- [1831](#)
- [1832](#)
- [1833](#)
- [1834](#)
- [1835](#)
- [1836](#)
- [1837](#)
- [1838](#)
- [1839](#)
- [1840](#)
- [1841](#)
- [1842](#)
- [1843](#)
- [1844](#)
- [1845](#)
- [1846](#)
- [1847](#)
- [1848](#)
- [1849](#)
- [1850](#)
- [1851](#)
- [1852](#)
- [1853](#)
- [1854](#)
- [1855](#)
- [1856](#)
- [1857](#)
- [1858](#)

- [1859](#)
- [1860](#)
- [1861](#)
- [1862](#)
- [1863](#)
- [1864](#)
- [1865](#)
- [1866](#)
- [1867](#)
- [1868](#)
- [1869](#)
- [1870](#)
- [1871](#)
- [1872](#)
- [1873](#)
- [1874](#)
- [1875](#)
- [1876](#)
- [1877](#)
- [1878](#)
- [1879](#)
- [1880](#)
- [1881](#)
- [1882](#)
- [1883](#)
- [1884](#)
- [1885](#)
- [1886](#)
- [1887](#)
- [1888](#)
- [1889](#)
- [1890](#)
- [1891](#)
- [1892](#)
- [1893](#)
- [1894](#)
- [1895](#)
- [1896](#)
- [1897](#)

- [1898](#)
 - [1899](#)
 - [1900](#)
 - [1901](#)
 - [1902](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1173

(973)

Леонид Выскочков

НИКОЛАЙ I

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

*На переплете и первой странице второй фототетради
воспроизведен портрет Николая I работы Ф. Крюгера, 1851 г.*

Издание второе, исправленное

© Выскочков Л. В., 2003, 2006

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2006

ПАМЯТНИК НА МАРИИНСКОЙ ПЛОЩАДИ (Вместо предисловия)

В 7 часов утра 25 июня 1859 года раздавшиеся с Петропавловской крепости пять орудийных выстрелов возвестили петербуржцам, что «сего числа имеет быть торжественное открытие памятника в Бозе почившего императора Николая I»^[1]. Открытие было приурочено ко дню рождения покойного Николая Павловича (25 июня 1796 года, по новому стилю этот день приходится на 6 июля). В соответствии с утвержденным регламентом, к 10 часам утра «по разосланным от Двора повесткам» в Зимнем дворце собрались особы, участвующие «в поезде» Их Императорских Величеств и Их Императорских Высочеств — члены Государственного совета, министры, сенаторы, «особы, имеющие вход за кавалергардов»^[2], дежурные кавалеры, статс-дамы и фрейлины. Другие особы первых классов с женами, представители дворянства и депутаты от купечества собирались в Исаакиевском соборе: военные и гражданские чины — в парадной форме, дамы — «в русском платье». Иностранные послы и посланники направлялись в дом министра государственных имуществ (Исаакиевская площадь^[1], д. 14).

В 11 часов утра Александр II, императрица Мария Александровна, члены императорской фамилии вышли из покоев вдовствующей императрицы Александры Федоровны, отбывшей 17 июня на пароходе «Олаф» для лечения на водах в Эмсе^[3]. В сопровождении свиты они прошли через Концертный и Николаевский залы и направились по парадной лестнице к Посольскому подъезду, где процессию ожидали нарядные экипажи. Золоченую карету Марии Александровны везли восемь лошадей цугом. Ее сопровождали у правого колеса — обер-шталмейстер, у левого — командир Собственного Его Императорского Величества Конвоя. За ним следовали четыре камергера (по два с каждой стороны) и четыре конюха верхом. Император Александр Николаевич ехал верхом рядом с каретой супруги. За каретами императорской семьи и приглашенных лиц после первых двух взводов лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного Его Императорского Величества Конвоя в каретах следовали статс-дамы, камер-фрейлины, гофмейстерины, первые и вторые чины

двора, дежурные кавалеры и камер-юнкеры. В «замке» находились конюшенный офицер и шесть конюхов верхом, а всю процессию заключали 3-й и 4-й взводы лейб-гвардии Кавказского эскадрона.

К этому времени у Исаакиевского собора уже были собраны войска. В почетном карауле от собора к памятнику, который предстояло открыть, стояла рота дворцовых гренадеров. После крестного хода и молебствия с коленопреклонением протодиакон возвестил «вечное поминовение в Бозе почивающего императора Николая I». Нева выглядела празднично. От Николаевского моста (ранее — Благовещенского, с 1918 года — Лейтенанта Шмидта), открытого при покойном императоре, и до наплавного Дворцового моста в три колонны было расположено 42 судна, включая канонерские лодки. По личной команде Александра 11 с Петропавловской крепости, из всех войсковых орудий и с военных кораблей на Неве был произведен салют. При орудийных выстрелах с канонерских лодок были использованы уменьшенные заряды, чтобы не вылетели стекла домов на набережных^[4]. На Исаакиевском соборе и ближайших церквях ударили в колокола. Мария Александровна, великие княгини и княжны, обойдя вокруг памятника, прошли в специально воздвигнутую палатку. Войска во главе с ротой дворцовых гренадеров совершили церемониальный марш. К вечеру центр города засиял иллюминацией. Особам первых двух классов, иностранным послам и посланникам были вручены через обер-церемониймейстера памятные медали. Нижние воинские чины, имеющие вензелевые изображения Николая I (сведения о них собирались по ведомствам), получили приглашения к обеденному столу в Красное Село 29 июня к 12 часам^[5].

Судьба оказалась благосклонной к этому монументу. Он сохранился, несмотря на кампании по сносу памятников. Этому способствовали отчасти громкие имена его создателей — архитектора Огюста Монферрана и скульптора барона Петра Карловича Клодта. Имя последнего ассоциировалось в первую очередь с конным ансамблем Аничкова моста и памятником И. А. Крылову в Летнем саду, место для которого, между прочим, определил сам Николай I. Сразу после Февральской революции известный литератор А. В. Амфитеатов, сосланный в 1902 году в Минусинск за антиромановский очерк «Господа Обмановы» (позднее — эмигрант, вернувшийся в Россию в 1916 году и вновь эмигрировавший после 1920 года), в статье «Идол самодержавия», опубликованной 22 марта 1917 года в газете «Русская воля», писал: «Возникла в Петрограде комиссия по охране памятников. А не нужна ли комиссия для разрушения

некоторых памятников... Наиболее возмутительным памятником голштиноготорпской династии, который надо непременно убрать с глаз народных, и чем скорее, тем лучше, является монумент Николая I на Исаакиевской площади...»^[6] Аналогичной была позиция Марины Цветаевой (в черновых тетрадях 1931 года): «Единственный памятник, который следовало бы сбить, — это памятник Николая I, убийцы Пушкина. Или, щадя работу Клодта, надпись: «Памятник воздвигнутый самодержавием убийце Пушкина»^[7]. Памятник на Исаакиевской площади все-таки устоял. Не потребовалось даже делать надпись, как на пьедестале памятника Александру III работы Павла Трубецкого, установленного в 1909 году у Николаевского (ныне — Московского) вокзала, затем нашедшего пристанище (уже без пьедестала) во дворе Русского музея, а позже — Мраморного дворца...

Зато канул в Лету памятник Николаю I перед университетом Святого Владимира в Киеве скульптора М. А. Чижова. Он был открыт по инициативе киевлян 21 августа 1886 года «в память императора», как было отмечено в их прошении, «возродившего наш древний город и давшего ему новую лучшую жизнь»^[8]. Такая же судьба постигла скромный памятник Николаю I в селе Медведь Новгородской губернии работы А. Н. Беляева по первоначально забракованной модели его учителя П. К. Клодта. Установленный в 1862 году по инициативе и в значительной мере на деньги местных крестьян, благодарных за освобождение их Николаем I от казенных податей в связи с неучастием в бунте военных поселян в 1831 году, он был сброшен солдатами вскоре после Февральской революции^[9].

На даче «Александрия» в Петергофе (перед Коттеджем) находилась мраморная статуя Николая I, заказанная вдовствующей императрицей Александрой Федоровной Н. С. Пименову и по его модели выполненная Р. К. Залеманом в 1869 году. (Эта статуя, вылепленная в гипсе в 1868 году, сохранилась в Русском музее.) Бронзовые бюсты императора и императрицы ранее находились и в Сергиевке (Старый Петергоф)^[10]. Покинул свой постамент колоссальный бюст Николая I из бронзы работы Н. С. Пименова (в кольчуге с зеркалом и корзно, закрепленном фибулой на правом плече), торжественно открытый на средства купечества в зале Петербургской биржи 27 сентября 1859 года. Неизвестна судьба установленного к столетию со дня рождения Николая I бюста из каррарского мрамора работы И. М. Захаржевского по модели Р. К. Залемана в Институте гражданских инженеров, бюста работы Медейского на Николаевском (Московском) вокзале, бюста в Морском музее,

находившемся ранее в здании Адмиралтейства. А на выставке новых поступлений Русского музея 1998 года был представлен бюст античного образца, выполненный в мраморе скульптором Трискорни, под названием «Портрет великого князя Николая Павловича»...

Историк Ю. В. Готье писал о Николае I: «Еще при жизни личность его вызывала среди современников два совершенно противоположных отношения. Многие из придворных деятелей, имевших личное общение с Николаем Павловичем, а в особенности те, которым удавалось наблюдать его в интимном семейном кругу, восхищались им и боготворили его; пишущему эти строки самому приходилось слышать от лица, имевшего доступ к императору Николаю, отзыв о нем, исполненный восторга и благоволения. Наоборот, представители передовых и независимых кругов русского общества, нередко на себе испытывавшие тяжесть реакционной политики николаевского времени, склонны были усматривать в личности самого государя источник реакции и гнета. Ненависть к Николаю I, естественно вытекавшая из такого отношения, нашла себе самое, быть может, яркое отражение в произведениях Герцена. Беспристрастное и хладнокровное отношение, необходимое для оценки деятельности и личности Николая Павловича, не наступило и до сих пор»^[11].

Интересная деталь — на памятнике, посвященном тысячелетию России в Новгороде, первоначально Николай I не был включен в число исторических персонажей, достойных увековечения, поправку внесли уже в ходе работы над памятником^[12]. Не был реализован и замысел Н. С. Пименова, относившегося к Николаю I с любовью и уважением. Он задумал создать грандиозную композицию «Георгий Победоносец», предназначавшуюся, как отмечается в литературе о Н. С. Пименове, для Георгиевской залы Кремлевского дворца. Впрочем, заказ вскоре был отменен. По мнению В. В. Стасова, знавшего скульптора, «эта конная группа, назначавшаяся для большой аванзалы Зимнего дворца, есть (по собственной, впрочем, затее Пименова) апофеоза императора Николая»^[13]. Небольшая модель скульптурной композиции впервые была показана широкой публике на московской выставке 1881 года. Святому Георгию Н. С. Пименов придал черты Николая Павловича. «Красивые, величественные, почти античные черты лица Николая I, — пишет В. В. Стасов — очень для этогогодились»^[14]. Раскрывая сюжет скульптурной группы, критик, ссылаясь на слова самого Н. С. Пименова, поясняет, что дракон, поражаемый копьем, «не есть простой дракон скульптуры и скульпторов, а — Аллегория Венгрии и европейской анархии, и за одним

разом пораженных наголову императором Николаем...»^[15]. На замечание В. В. Стасова, что дракон «мелковат», Н. С. Пименов отвечал, что он и должен быть в виде «противной и ничтожной гадины»^[16].

Не менее характерна история с изменением сюжетов исторических рельефов на памятнике Николаю I на Исаакиевской площади. По первому варианту, представленному Монферраном еще в марте 1856 года, предполагалось изобразить сцены из Русско-персидской войны 1826–1828 годов, Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, польского восстания (капитуляция Варшавы И. Ф. Паскевичу в ночь с 7 на 8 сентября 1831 года) и заключительный эпизод Венгерской кампании (сдача А. Гёргея корпусному командиру Ф. В. Ридигеру при Вилагоше на реке Чибэ в Ванате к северо-востоку от современного города Арад в Румынии). Однако, как выяснила И. Г. Токарева, уже 4 мая 1856 года были предложены совсем другие сюжеты. Все они касались событий внутренней жизни России: 1) вынос по приказу Николая I наследника Александра верным солдатам лейб-гвардии Саперного батальона во дворе Зимнего дворца после подавления восстания 14 декабря 1825 года; 2) Николай I на Сенной площади 23 июня 1831 года на следующий день после усмирения холерного бунта, когда он на взмыленной четверке появился перед толпой, вновь скапливающейся на площади; 3) награждение М. М. Сперанского знаком ордена Святого Андрея Первозванного за составление свода законов 19 января 1833 года (под датой 1832); 4) проезд по Веребьинскому мосту на трассе С.-Петербургско-Московской железной дороги царского поезда 19 августа 1851 года.

Заказ на рельефы в гипсе был поручен московскому скульптору Н. А. Рамазанову. Инженер А. И. Дельвиг (двоюродный брат поэта А. А. Дельвига) позднее вспоминал: «Мне было поручено Чевкиным наблюдать за успешностью работы Рамазанова, который был большой кутила, в каждый мой приезд я заставлял его за водкой и закуской. Вначале сюжетами трех барельефов (точнее называть их рельефами. — Л. В.) были назначены эпизоды из буйств 14 декабря, на Сенной во время холеры 1831 года и Варшавского, хотя при последнем императора не было в Варшаве. Сюжеты для барельефов передавались Рамазанову через меня. Когда я сообщил их П. Я. Чаадаеву, он заметил, что не следовало бы передавать потомству несчастных эпизодов из царствования того, кому сооружается памятник, и что в Петербурге, вероятно, одумаются и изменят сюжеты барельефов. Действительно, я вскоре получил изменение двух барельефов; тогда Чаадаев сказал, что и третий бунт отменят. Так и случилось. Между тем у

Рамазанова многое уже было сделано, и его работа пропала понапрасну»^[17]. При некоторой неточности в отношении «отмены» третьего бунта, ситуация описана верно. После письма вдовствующей императрицы Александры Федоровны Александр II приказал заменить сцену взятия Варшавы сюжетом построения Петербургско-Московской железной дороги. После того как было отвергнуто предложение Н. А. Рамазанова показать все основные сооружения царствования Николая, а на их фоне выдающихся людей николаевской эпохи (в том числе и А. С. Пушкина), остановились на сцене прохождения царского поезда через Веребьинский мост.

Первым был выполнен рельеф со сценой на Сенной площади, затем привезены в Петербург изготовленные в воске рельефы «14 декабря 1825 года» и «Сдача Гёргеля». В целом работу Н. А. Рамазанова, несмотря на интриги О. Монферрана, признали удовлетворительной. Но когда было решено вместо венгерского восстания изобразить сцену награждения М. М. Сперанского за составление «Свода законов», работу поручили петербургским скульпторам Н. С. Пименову и Р. К. Залеману. Впрочем, первый с февраля по август 1857 года выполнил только рисунки, а сам заказ был передан Р. К. Залеману. При работе использовались воспоминания М. А. Корфа, список членов Государственного совета с указаниями их внешних признаков. Гипсовая модель рельефа была одобрена Советом Академии художеств 4 ноября 1856 года.

Не останавливаясь подробно на истории сооружения памятника^[18], отметим, что, по общему мнению, портретное сходство генерала лейб-гвардии Конного полка в кирасе и каске, низко надвинутой на лицо, с Николаем I отступало на второй план. Изначально памятник стал символом, олицетворявшим самодержавного монарха в представлении многих людей, еще помнивших императора, хотя оценка его, естественно, была весьма различной. Для Л. Н. Толстого памятник Николаю I в Петербурге — это памятник «Палкину» в серии памятников «Палкиным» вообще; для М. Н. Залевского в «русском зарубежье» — один из двух «Медных всадников», охраняющих страну и столицу России»^[19]. Характерен эпизод в воспоминаниях Александра Бенуа о его встречах с Александром II в «блиндированной», как тогда говорили, карете: «Одна из этих встреч произошла у самого памятника Николаю I у Синего моста; карета, окруженная казаками, пересекла площадь с Вознесенской на Морскую. И, может быть, потому картина эта запечатлелась с такой отчетливостью в моей памяти, что я, не вполне отдавая себе отчет, все же

как-то особенно ощутил контраст между гордой осанкой Николая Павловича, невозмутимо сидящего на своем вздымающемся коне, и видом его сына, уподобившегося преступнику, которого влекут куда-то под охраной»^{20}.

В 1996 году исполнилось 200 лет со дня рождения императора Николая I, и вновь, как сто лет тому назад, это стало поводом для нового осмысления его личности. Не будем спешить подводить итоги царствования. Не эти глобальные оценки нас сейчас интересуют. Внимательно присмотримся к самому человеку и государю императору Николаю Павловичу. Тем более что личность самодержца во все времена многое определяла в истории России. Характеристика личности Николая I, конечно же, не будет однозначной. Прошли годы, когда изображение исторических персонажей в розовом или черном цвете было правилом хорошего тона и индульгенцией на право публикации. Присмотримся еще раз к застывшему в медном сплаве памятнику на Исаакиевской площади и постараемся разглядеть не мундир, а человека.

Глава первая
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

«Меня будут называть Николаем Первым»: Заветы Марка Аврелия

В 1871 году приглашенный для написания истории Санкт-Петербургского воспитательного дома А. П. Пятковский обнаружил в архиве IV Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии шкаф с бумагами Марии Федоровны, опечатанный без составления описи ее секретарем Г. И. Вилламовым в 1828 году. Среди бумаг оказалась папка «*Les études du grand duc Nicolas*». Так было найдено среди прочего письмо шестнадцатилетнего Николая к его учителю древних языков и морали Ф. П. Аделунгу от 24 января 1813 года. Это письмо на французском языке представляло собой сочинение по мотивам «Похвального слова Марку Аврелию» («*Éloge de Marc Aurele, par Ant. Thomas*»). Николай работал с французским изложением, хотя это произведение к тому времени дважды переводилось на русский язык (в 1777 году Д. И. Фонвизиним, в 1800 году С. Е. Родзянко). Позднее «Похвальное слово» значилось и в «Плане учения» для сына Николая Павловича Александра Николаевича, составленном поэтом В. А. Жуковским в 1826 году.

Но вернемся ко дню 24 января 1813 года, когда русская армия уже несколько недель шла по дорогам Европы. «Милостивый государь! — писал ученик Ф. П. Аделунга. — Вы доставили мне удовольствие прочесть, на одном из ваших дополнительных уроков, похвальное слово Марку Аврелию, соч. Тома; этот образчик возвышенного красноречия принес мне величайшее наслаждение, раскрыв предо мною все добродетели великого человека и показав мне в то же время, сколько блага может принести государь с твердым характером...»^{21} Устами старца Аполлония писатель Тома приводит размышления Марка Аврелия, пересказываемые Николаем: «Как частица вселенной, ты обязан, Марк Аврелий, принимать безропотно все, что предписывает мировой порядок, отсюда рождается твердость в перенесении зол и мужество, которое есть не что другое, как покорность сильной души. Как член общества ты должен приносить пользу человечеству: отсюда возникает обязанность друга, мужа, отца, гражданина. Переносить то, что предписывается законами естества, исполнять то, что требуется от человека по существу его природы: вот два блага, руководящих правила в твоей жизни. Тогда я уразумел, что

называется добродетелью и уже не боялся более сбиться с прямого пути... Для выполнения таких обязанностей нужно было бы, чтобы взор государя мог объять все, что совершается на огромных расстояниях от него, чтобы все его государство было сосредоточено в одном пункте пред его мысленным оком. Нужно было бы, чтобы до его слуха достигали все стоны, все жалобы и вопли подданных; чтобы его сила действовала так же быстро, как и его воля для подавления и истребления всех врагов естественного. Но государь так же слаб в своей человеческой природе, как и последний из его подданных... Правление этого государя вполне подтверждает, что он не говорил пустых фраз, но действовал по плану, глубоко и мудро обдуманному, никогда не отклоняясь от принятого пути»^[22].

В этих тщательно и четко изложенных фразах юношеского сочинения Николая нашли отражение и всё его мироощущение стоической покорности своему предназначению, своей «карме», и, кажется, вся программа будущего царствования. До вступления его на престол оставалось более 12 лет. Но имя императора Николая впервые прозвучало из уст четырехлетнего малыша Никоша (так называла его Мария Федоровна) еще в 1801 году...

Он появился на свет в Царскосельском дворце на половине великого князя Павла Петровича 25 июня (6 июля) 1796 года в половине четвертого утра, а без четверти четыре об этом сообщили Екатерине II. Бабушка Екатерина, по своему обыкновению дожидавшаяся появления очередного, уже девятого, ребенка великокняжеской четы, поспешила поздравить Марию Федоровну. Первое, что вырвалось из ее уст, было восклицание: «Экий богатырь!»^[23] В тот же день вечером в письме к своему старинному корреспонденту Фридриху Гримму Екатерина II писала: «Сегодня в три часа утра мамаша родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас и кричит он удивительно; длиною он аршин без двух вершков (61 см. — Л. В.), а руки немного менее моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря. Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом»^[24]. При святом крещении, совершенном 6 июля, в воскресенье, третий сын Павла Петровича и Марии Федоровны был уже официально наречен Николаем во имя святого чудотворца Николая Мирликийского (потом Константин, поддразнивая, будет называть его «царем Мирликийским»). Во время церемонии крещения все дамы, включая прислугу, были одеты в фижмы^[2] и платья с корсетами, включая кормилицу. Императрица благословила

внука образом Богородицы Одигитрии, с которым Николай не расстанется на протяжении всей жизни. Восприемниками младенца стали великий князь Александр Павлович и великая княжна Александра Павловна, которая заменила заболевшую Екатерину II. Среди поздравлений великокняжеской чете в стихотворении Г. Р. Державина «На крещение великого князя Николая Павловича» прозвучали слова, оказавшиеся пророческими: «Дитя равняется с царями».

Существовала еще одна причина, по которой Екатерина II так откровенно радовалась появлению третьего внука (внучки, в частности, незадолго до этого скончавшаяся двухлетняя Ольга Павловна, ее мало интересовали). Рождение Николая еще больше обеспечивало порядок в престолонаследии и, по некоторым данным, вновь подтолкнуло ее к давно вынашиваемым планам лишения великого князя Павла Петровича титула наследника. Явившись к Марии Федоровне, Екатерина потребовала от нее письменного согласия на лишение ее супруга прав на престол. После отказа раздраженная императрица удалилась и вскоре, 3 августа, холодно попрощавшись, уехала в Павловск^[25]. Впрочем, ее дни были сочтены. Она скончалась через пять месяцев после рождения Николая.

Великий князь Павел Петрович стал императором Павлом I. На некоторое время он покинул Петербург, отправившись на коронацию в Москву. 14 мая 1797 года, когда Николаю не исполнилось еще и года, многолетний друг Павла Петровича Екатерина Ивановна Нелидова писала императору из Павловска: «Я имела счастье видеть Ваших детей, больших и малых, они все ангелы, но Вы напрасно захотели бы составить понятие о красоте великого князя Николая! Я была поражена ею»^[26]. В письме к Марии Федоровне в августе того же года она вновь назвала Николая «ангелом».

Через некоторое время после рождения последнего, десятого ребенка, уже «порфиноносного» Михаила (28 января 1798 года), младших сыновей Павла I перевезли из Царского Села сначала в Павловск, а затем в Зимний дворец. Там их поместили «в верхнем этаже над комнатами государя, близ малого садика»^[27]. По воспоминаниям самого Николая Павловича, в Зимнем дворце он занимал помещение, где до женитьбы жил Александр Павлович. Оно состояло, «если идти от Салтыковского подъезда», из белой прихожей, зала с балконом, антресолей. Пол и стены внизу комнат были обтянуты шерстяными подушками, а выше были обои с изображениями зверей. В спальне две угла занимали большие круглые печи. Николай и Михаил спали на железных кроватях с покрывалами из белого

канифаса^[3]. В своих воспоминаниях о детских годах Николай Павлович так писал о них: «Два волосяных матраса, обтянутые холстом, и третий матрас, обтянутый кожей, составляли самую постель: две подушки, набитые перьями, одеяло летом было из канифаса, а зимою ватное из белой тафты. Полагался белый бумажный (хлопчатобумажный. — Л. В.) колпак, которого мы, однако, никогда не надевали, ненавидя его уже в те времена. Ночной костюм, кроме длинной рубашки наподобие женской, состоял из платья с полудлинными рукавами, застегивающегося на спине и доходившего до шеи»^[28].

Известно, что Павел I был нежным отцом. Он баловал детей, называя их «мои барашки, мои овечки»^[29]. Николаю отец подарил золоченую коляску с парой шотландских вороных лошадок и жокеем. Не к этой ли детской коляске восходит устойчивое предпочтение, которое Николай Павлович оказывал именно такому виду транспорта? Впрочем, еще раньше его привозили к Марии Федоровне в колясочке, обшитой зеленой тафтой, а позднее — в небольшой комнатной карете, обитой зеленым бархатом, золотым «гасом» (газом) и сафьяном. «Образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей, — вспоминал Николай Павлович, — за исключением этикета, которому придавали необычайную важность. С момента рождения каждого ребенка к нему приставляли английскую бонзу (няню-воспитательницу. — Л. В.), двух дам для ночного дежурства, четырех нянек, или горничных, двух камердинеров, двух камер-лакеев и восемь истопников»^[30]. Летом детей вывозили в Царское Село и тогда их помещали во флигеле, где потом находился Лицей.

Кормилицей Николая была крестьянка из Московской Славянки, входившей в Красносельскую дворцовую волость, Евфросинья Ершова, а бонной — шотландка Евгения Васильевна Лайон (Jane Lyon), дочь лепного мастера, вызванного в Россию. Николай любил ее и, обыгрывая ее фамилию (Lyon — лев, львица), называл «львицей». Он всегда спорил с Михаилом, доказывая, что его няня лучше, чем мистрис Кеннеди, приставленная к брату. Впоследствии Николай Павлович предоставит ей квартиру в Аничковом дворце и вплоть до ее смерти в 1842 году будет навещать ее, иногда «кушая чай» со всем своим семейством^[31]. Судя по всему, именно Е. В. Лайон оказала наибольшее влияние на Николая в ранние детские годы.

В отличие от старших братьев (Николай был младше Александра на 19, а Константина на 17 лет), воспитанием которых занималась Екатерина II, Николай и Михаил были отданы под непосредственное попечение

Марии Федоровны. По свидетельству статс-дамы Марии Федоровны А. И. Васильчиковой, Николай был ее «любимым сыном»^[32]. Но, в отличие от отца, мать не была ласкова с ним. Как отмечал А. Х. Бенкендорф, «она была рабою того, что называла своим долгом»^[33]. В понимание долга входило строгое наблюдение за воспитанием и обучением младших сыновей и соблюдение уже отживших во многом норм этикета XVIII века. Много позже, после визита Николая I в Англию в 1844 году, королева Виктория в своем дневнике особо отметит поразившие ее мысли и взгляды императора на воспитание детей: «Им следует внушать, — говорил он, — чувства возможно большего почтения, но в то же время вселять в них доверие к родителям, а не страх». Про свое воспитание он заметил, что «оно было очень строго и что он вырос в постоянной боязни перед матерью»^[34].

В первые годы Николай воспитывался под «ближайшим наблюдением» статс-дамы (с 1799 года графини, впоследствии светлейшей княгини) Шарлотты Карловны Ливен, вдовы артиллерийского генерал-майора Отто Генриха (Андрея Романовича) Ливена. Ее, ставшую в 1783 году воспитательницей дочерей великокняжеской четы, императрица Екатерина II называла «океаном нежности и снисходительности». С детских лет познакомился Николай и с детьми госпожи Ю. Ф. Адлерберг, урожденной Багговут (сестры генерала, павшего в 1812 году), которую рекомендовал в качестве гувернантки барон Николай. Ее сын Владимир был старше Николая на пять лет, а дочь Юлия — на восемь. Дружба с ними продлится всю жизнь. Именно графа Владимира Федоровича Адлерберга Николай Павлович назначит в духовном завещании своим душеприказчиком: «С моего детства два лица были мне друзьями и товарищами: дружба их ко мне никогда не изменялась. Г.-А. (генерал-адъютанта. — Л. В.) Адлерберга любил я как родного брата и надеюсь по конец жизни иметь в нем неизменного и правдивого друга. Сестра его, Юлия Федоровна Баранова, воспитала троих моих дочерей, как добрая и рачительная родная... В последний раз благодарю их за братскую любовь. Г.-А. Адлербергу оставляю часы, что всегда ношу с 1815 года, и серебряную чашу, в которой я голову обкачивал, в память, что мы с ним в детстве всегда ею любили играть. А сыну его Александру — портрет Владимира Федоровича, что в Аничкове...»^[35] Николай был постоянен в своей привязанности к людям, ему симпатичным.

Удивительная память Николая запечатлела кратковременное его пребывание (с 1 февраля по 11 марта 1801 года) в только что выстроенном,

но внутри еще не вполне отделанном Михайловском замке: «Наши помещения находились над апартаментами отца рядом с церковью... Моя спальня соответствовала спальне отца... За моей спальней находилась темная витая лестница, спускавшаяся в помещение отца. Помню, что всюду было очень сыро и что на подоконники клали свежее испеченный хлеб, чтобы уменьшить сырость»^{36}. Скромные покои великого князя Николая Павловича находились в юго-западной части замка и состояли из передней, столовой, диванной, кабинета и спальни. Их отделка не была завершена^{37}. В памяти Николая остался визит шведского короля Густава IV Адольфа, который подарил мальчику «фарфоровую тарелку с фруктами и бисквитами». Запомнил он и А. В. Суворова после возвращения из Швейцарского похода. Полководец встал тогда на колени, показывая и объясняя мальчику, что означают заинтересовавшие его многочисленные награды^{38}. Возможно, опальный генералиссимус приходил с визитом к великому князю Константину Павловичу.

Вечером 11 марта 1801 года — последний раз в своей жизни — Павел I посетил Николая, которому шел пятый год. Рассказывали, что Николай обратился к отцу со странным вопросом, отчего того называют Павлом I. Вот как передает этот диалог историк Н. К. Шильдер: «Потому, что не было другого государя, который носил бы это имя до меня», — ответил император. «Тогда, — продолжал великий князь, — меня будут называть Николаем Первым». — «Если ты вступишь на престол», — заметил ему государь, поцеловав сына, и быстро удалился из его комнат»^{39}. О трагедии, произошедшей в ночь на 12 марта, Николай Павлович написал скупое:

«События этого печального дня сохранились также в моей памяти как смутный сон»^{40}. Ночь, когда был убит отец, запомнилась ему необычным возбуждением, небрежным видом солдат Семеновского полка и странной сценой: брат Александр на коленях перед матерью... Шарлотта Карловна Ливен не растерялась. Быстро одев малышей, она увезла их в Зимний дворец, куда вскоре перебралась и вся императорская семья. Это событие предопределило негативное отношение Николая Павловича к Михайловскому замку.

Старший брат Александр стал императором Александром I. Коронация его в Москве, сопровождавшаяся различными празднествами, запомнилась детям. В их играх роль императрицы исполняла обычно сестра Николая Анна, а он сам всегда был императором^{41}.

С воцарением старшего сына вдовствующая императрица, которой

явно не удалась роль Екатерины II, большую часть времени проводила в своих загородных резиденциях — Павловске и Гатчине. Там в здоровой и размеренной обстановке, вдали от большого двора прошли дальнейшие годы Николая. Современники, посещавшие Павловск, встречали великих князей в окружении Марии Федоровны. Так, в дневнике С. П. Жихарева за 28 мая 1807 года осталась запись: «Вчера целый день пробыл в Павловске... Видел императрицу Марию Федоровну и маленьких князей Николая и Михаила, которые копали что-то в саду»^[42]. В Павловске Мария Федоровна посадила березовую «семейную рощу», где каждому члену семьи было посвящено отдельное дерево. Вдовствующая императрица демонстративно чтит память родителей и мужа и к 1810 году воздвигла памятник «Супругу-благодетелю». У трех ее младших детей — Анны, Николая и Михаила — с детства выработалось чувство семейной близости. Мало замечаемые двором, они образовали своего рода детский клуб, «триопатию», и носили особые кольца. И позднее они поддерживали тесные семейные связи, которые Анна Павловна назвала «семейным союзом».

В семилетнем возрасте Николай полностью переходит на попечение гувернеров. Центральной фигурой воспитательного процесса становится курляндец генерал-майор Матвей Иванович Ламздорф (1745–1828). Ранее более десяти лет он состоял кавалером при великом князе Константине Павловиче, дослужился в 1793 году до генерал-майора, начальствовал в присоединенной к России Курляндии и был назначен в начале 1799 года директором Сухопутного шляхетного корпуса, который с 10 марта 1800 года стал именоваться Первым кадетским корпусом. Возможно, выбор Павла I пал на него потому, что он был свояком воспитателя Александра Павловича Ф.-Ц. Лагарпа. Как отмечает военный историк М. С. Лалаев, генерал М. И. Ламздорф был «наставник заботливый и строго-требовательный, пользовался особым доверием императрицы Марии Федоровны»^[43]. Он осуществлял «главное наблюдение» за воспитанием Николая и Михаила.

В кратких рукописных воспоминаниях сына М. И. Ламздорфа Николая Матвеевича, написанных по просьбе М. А. Корфа, отмечалось, что трудно было «согласовывать мнение покойной императрицы Марии Федоровны с желаниями императора Александра Павловича», так как императрица «желала, чтоб их императорские высочества сколь можно более занимались науками, носили партикулярную одежду и вовсе не участвовали в военном управлении, между тем исполнение сего желания представляло большие

затруднения и было причиною многих неудовольствий»^[44]. Упрямый характер великого князя Николая также затруднял воспитание. «Припоминаю, — писал сын генерала, — что отец мой, возвращаясь вечером домой, неоднократно крайне был озабочен образовавшейся уже тогда в его императорском высочестве твердою волею исполнять то, что ему казалось нужным, не обращая внимания на мнение воспитателей. Настоятельные действия к побуждению его высочества отказаться от своих намерений всегда порождали большие неудовольствия»^[45]. Сам Николай Павлович в воспоминаниях о своем детстве писал: «Граф Ламздорф умел вселить в нас одно чувство — страх, и такой страх и уверение в его всемогуществе, что лицо матушки было для нас *второе* (выделено Николаем. — Л. В.) в степени важности понятий... Одним словом, страх и искание, как избегнуть от наказания, более всего занимали мой ум»^[46].

Брату Михаилу при его более податливом и веселом характере доставалось меньше, а Николай был строптив и упрям. Методы, какими воспитатели добивались тогда выполнения своих требований, представить нетрудно. Со стороны Ламздорфа это были брань, толчки, щипки; он наказывал линейкой и шомполами, а в ярости, случалось, ударял мальчика и об стену. Николай Павлович вспоминал: «Меня часто и, я думаю, не без причины обвиняли в лености и рассеянности, и нередко гр. Ламздорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков». Не брезговали и розгами. Мемуарист Д. А. Скалой, рассуждая о наказаниях крепостных крестьян на конюшне, пустился в общие сентенции на эту тему: «Время было такое: били людей по убеждению, а не из злобы. Даже царственные лица не были от этого изъяты. Император Николай Павлович с братом Михаилом Павловичем много претерпели от своего воспитателя Ламздорфа. Я это знаю из рассказов моего великого князя, который сам несколько раз подвергался жестоким наказаниям розгами. Мы, молодежь, ужасно возмущались и восставали против сечения»^[47]. Стоит добавить, что сечение широко практиковалось тогда во всех военно-учебных заведениях. Как отмечал адмирал И. А. Шестаков, рассуждая о николаевском царствовании, «сечение, доведенное до искусства, вошло в программу Морского корпуса»^[48]. В рассказе «Ученическая история» А. В. Эвальд также отмечал, что в гатчинском Сиротском институте «главным орудием воспитания тогда считалась березовая розга»^[49].

Прошло много лет, и в разговоре с П. Д. Киселевым Николай Павлович признает недостатки своего образования: «Наш с братом Михаилом главный наставник был не слишком просвещенным человеком и не

отличался способностью не то что руководить нашим учением, но хотя бы привить нам вкус к нему; напротив, он был ворчлив, а порою жесток. Любая детская шалость приводила его в невообразимую ярость, он нас бранил на все лады, часто сопровождая свою брань щипками, что, разумеется, было весьма неприятно. Мне доставалось сильнее, чем Михаилу, чей легкий и веселый характер больше нравился наставнику»^[50].

После этого становится понятной фраза из воспоминаний Н. М. Ламздорфа: «Государь император Николай Павлович по врожденному великодушию и доброте сердца не только никогда не напоминал покойному отцу моему о бывших при воспитании его величества неудовольствиях, но... отдал ему впоследствии полную справедливость и всегда осыпал его милостями. Самою любимой для отца моего наградой был портрет его императорского величества, присланный отцу моему в Курляндию, где тогда он находился, чрез особого фельдъегеря в день коронации его величества в Москве 22-го августа 1826 г.»^[51]. В день бракосочетания Николая Павловича барон М. И. Ламздорф получил графский титул и поместье в Курляндии. Когда же в марте 1828 года генерал скончался в Петербурге, его сын доложил императору о желании отца быть погребенным без всяких воинских почестей при участии одних родных. Николай «изволил отозваться: «Надеюсь, что вы меня не исключите из числа родных»^[52]. Вместе с Михаилом Павловичем он присутствовал при отпевании генерала в Аннинской церкви.

Непоколебимая твердость (в детстве часто подменяемая упрямством) — идеал, к которому стремился великий князь.

«Ты обязан, Марк Аврелий, — писал Николай в 1813 году, — принимать безропотно все, что предписывает мировой порядок, отсюда рождается твердость в перенесении зол...» Хорошо знавший великого князя с детских лет В. А. Муханов записал в свой дневник после кончины императора 21 февраля 1855 года: «Твердость его напоминала мужей древности, украшавшихся сим качеством»^[53]. Но наряду с «рыцарскими правилами, строгим соблюдением дела, сердечностью и нежной привязанностью к окружающим, — как писал о Николае-ребенке историк А. М. Зайончковский, — в нем безгранично были развиты самолюбие и вспыльчивость, соединенная с некоторой долей строптивости и своеволием»^[54]. Ошибки свои он признавал только под большим давлением. Когда его что-то сердило, он в порыве гнева мог разбить топориком детские игрушки или побить товарищей по играм, которых притом очень любил^[55]. Вообще он ни в чем старался не уступать,

особенно брату Михаилу, даже если это касалось фарсов, каламбуров, желания острить, что особенно проявилось в 1809–1810 годах. Недостатки в воспитании и обучении великого князя Николая признают многие современники. «Если бы, — отмечал тот же В. А. Муханов, — при столь многих прекрасных свойствах, которыми был одарен покойный император, он получил воспитание, соответственно его великому назначению, то, без сомнения, он был бы одним из великих венценосцев»^{56}.

Разумеется, Николаю Павловичу стремились дать хорошее воспитание. Секретарь Марии Федоровны Г. И. Вилламов записал в дневнике 16 марта 1809 года мысли, доверенные ему императрицей-матерью: «Она видит, что престол все-таки со временем перейдет к великому князю Николаю, и по этой причине его воспитание особенно близко ее сердцу»^{57}. По замыслу Александра I, университетом для его младших братьев мог стать Царскосельский лицей^{58}. «Невольно думается о том, — писал издатель «Русского архива» П. И. Бартенев, — сколько могло бы произойти добра, если бы мысль эта исполнилась, если бы великие князья Николай и Михаил Павловичи воспитывались в Лицее, в товариществе с детьми хороших русских семейств. Николай Павлович, уже с января 1809 года означенный именем цесаревича на медали с его изображением (хранящейся в императорском Эрмитаже) и намеченный в преемники Александру Павловичу (ввиду бездетности обоих старших внуков Екатерины Великой), мог бы с ранних лет приобрести надежных и изведанных слуг своего державства. Оба брата могли бы избежать страсти к солдатчине, которой так опасалась их великая бабка относительно второго своего внука»^{59}. Не осуществилось и намерение послать великих князей для учебы в Лейпцигский университет. Возможно, помешал 1812 год.

Так уж вышло, что великие князья с детства были шефами гвардейских полков, играли в оловянных и фарфоровых солдатиков, строили в саду крепости. В детских играх проявлялась разница характеров. Будущий генерал-инспектор по инженерной части Николай возводил крепости, а генерал-фельдцейхмейстер (формально назначен Павлом I шефом артиллерии в день рождения, фактически с 1819 года) младший брат Михаил их разрушал. Вообще, в детстве Николай был застенчив, робок, боялся орудийных выстрелов, а страх перед грозой сохранялся у него до 1808 года. Как отмечалось в одном из журналов-дневников воспитателей за 1805 год, Николай «вовсе не отличался воинственным духом и во многих случаях обнаруживал робость и даже трусость»^{60}.

Впрочем, его голубые глаза загорались всякий раз, когда при нем говорили о сражениях.

Военная амуниция в виде игрушек также окружала его с раннего детства. Уже в августе 1798 года ему было куплено деревянное ружье, а в августе 1800 года — шесть деревянных шпаг. У Николая и Михаила имелись также алебарды, гренадерские шапки, барабан, трубы, зарядные ящики и деревянные лошади. В сентябре 1801 года Николай впервые сел на верховую лошадь^{61}. Однажды в Царском Селе он встал в караул у неохраемых дверей спальни Александра I (последний заявлял, что «хотел быть охраняемым любовью своих подданных»). Увидев это, государь едва удержался от смеха. «Хорошо, дитя мое, — сказал он брату, — но что бы ты сделал, если бы явился обход? Ты не знаешь пароля?» — «В самом деле, отдается ведь всегда пароль и лозунг, — отвечал князь, недовольный собою. — Все равно я бы не пропустил никого, будь это сам Аракчеев, который проходит всюду»^{62}. Не с этих ли детских лет берет начало стойкая нелюбовь Николая Павловича к А. А. Аракчееву?

И все же великим князьям постарались дать неплохое образование. Выбор преподавателей, по мнению М. А. Корфа, «можно было назвать счастливым и несчастливым»^{63}. Учителя более подходили для университетских курсов, нежели школьных уроков. Для преподавания был приглашен известный статистик академик А. К. Шторх, который читал лекции по политической экономии и на их основе издал свое учебное пособие в 1819 году на французском языке. Академик А. К. Шторх был сторонником освобождения крестьян, и, возможно, из его лекций Николай Павлович почерпнул первые сведения по крестьянскому вопросу. Статистика Российской империи (то есть экономическая география со статистическими сведениями) читалась по Е. Ф. Зябловскому. В представлении Николая Павловича эти педагоги были большими педантами.

Среди преподавателей Николая Павловича в разное время были А. И. Маркевич, приглашенный из Австрии М. А. Балугьянский, читавший курс истории права, профессор кафедры римского права Педагогического института В. Г. Кукольник (отец писателя Нестора Кукольника), преподававший естественное право. Бывший профессор русского языка и словесности Дерптского университета коллежский советник Г. А. Глинка вместе с европейски эрудированным знатоком изящных искусств генерал-майором Н. И. Ахвердовым изучал с великими князьями русский язык, русскую историю, географию, статистику и русскую словесность. Впрочем,

Николай под руководством Н. И. Ахвердова с большим удовольствием учился строить крепости, делать из воска бомбы, картечи, ядра. Преподаватель Первого кадетского и Горного корпусов статский советник и член Академии наук Крафт отвечал за математику и механику, Вольгемут преподавал физику. Именно в физике и точных науках Николай достиг наибольших ученических успехов. Швейцарский уроженец профессор всеобщей истории Дю-Пюже (du Puget Dyverdon) учил великих князей также и французскому языку, пастор англиканской церкви Питт и К. И. Седжер — входящему в моду английскому, цензор немецких книг и директор немецкого театра Ф. П. Аделунг — немецкому. Он же занимался с великими князьями латинским и древнегреческим языками, логикой и «моралью», то есть нравоучительным чтением в основном из античной истории.

Особые трудности возникали у Николая Павловича на уроках русского языка. С азбукой его познакомила мисс Лайон. Известно, что до шестилетнего возраста великий князь знал только 13 букв русского алфавита. В 1802 году начались регулярные уроки по русскому языку, которые давал один из дежурных «кавалеров» полковник П. П. Ушаков. С его сыном, поступившим в 1809 году в Пажеский корпус, Николай был особенно дружен. Он писал ему короткие письма-записки, называл его «Лоло» и подписывался «Романов III» (то есть третий по старшинству после Александра и Константина)^[64]. Известно также, что с 1804 года Николай читал по-русски извлечения из «Деяний Петра Великого» И. И. Голикова и сочинений М. В. Ломоносова. По свидетельству историка С. М. Соловьева, позднее, когда Николай I подбирал учителей для наследника, у него появилось желание обратиться к редактору и издателю «Вестника Европы» М. Т. Каченовскому. Император говорил, что «уважает этого ученого, по журналу которого он выучился читать по-русски»; впрочем, Николая I тогда отговорили, «выставляя на вид его вредное направление, скептицизм»^[65]. В журнале, который вели воспитатели великого князя, под 16 февраля 1809 года отмечалось: «Великий князь очень хорошо учится, кроме русского языка, о котором можно сказать, что он знал изредка, от того, что великий князь мало размышляет и по временам забывает самые простые и давно известные ему вещи»^[66]. Первые письма, которые Николай писал императрице-матери начиная с 30 мая 1809 года, были на французском языке; на русском он начинает писать только полтора года спустя. По мнению М. А. Корфа, «русские письма объемистее, но содержат по большей части лишь сухие выдержки из лекций, готовые даты и цифры,

так что личность Николая Павловича в них как бы вполне исчезает». Позже Николай старательно пишет сочинения на русском языке. Раскрывая заданную 14 апреля 1811 года тему: «В чем состоит в мире самое истинное и одно прочное добро?» — он, как видно из его письма к Марии Федоровне, отвечал, «что должно оное полагать в добродетели»^{67}. В 1813 году Г. И. Вилламов, перечитывавший письма Марии Федоровне, отзывался о сочинениях Николая уже несколько иначе: «Написаны они очень хорошо, очень смешно, но совершенно не назидательны, так как предметом карикатур и насмешек были его сверстники и учителя»^{68}. А с орфографией трудности возникали и позднее. Представляя офицерам своего полка подготовленное им собственноручно наставление, Николай Павлович, по свидетельству князя Н. Н. Тенишева, сказал: «Не обращайтесь внимания, господа, на орфографию. Я должен сознаться, что на эту часть при моем воспитании не обращалось должного внимания»^{69}. При этом именно Николай I сделает русский язык обязательным для делопроизводства во всех государственных учреждениях (кроме МИДа) и официальным языком при Императорском дворе.

Разговорный русский язык никаких затруднений у Николая Павловича не вызывал. По замечанию его биографа Поля Лакруа, «великий князь говорил скоро и легко; он изъяснялся с такою же свободою по-русски, как по-французски и по-немецки»^{70}. По более позднему свидетельству А. Ф. Тютчевой, Николай I, несомненно, «обладал даром языков»^{71}. Как отмечали и другие мемуаристы, Николай Павлович превосходно знал французский, хорошо английский, может быть, чуть хуже немецкий и почти не испытывал трудностей в русском языке, предпочитая разговор на русском, если его понимали собеседники^{72}. «Зачем ты картавишь? — заявил он однажды камер-пажу Александры Федоровны П. М. Дарагану. — Это физический недостаток, а Бог избавил тебя от него. За француза тебя никто не примет, благодари Бога, что ты русский, а обезьянничать никуда не годится. Это позволительно только в шутку»^{73}. Когда в 1829 году в Кодне предводитель местного польского дворянства Левкович обратился к Николаю I с речью по-французски, тот оборвал его: «Господин предводитель, я понимаю и по-русски, и по-польски; французский язык между нами совершенно не нужен»^{74}.

Любимыми пригородами Петербурга у маленького Николая были Петергоф и Павловск. В 1802 году он как-то заметил, что больше всего любит Петергоф^{75}. Но с осени 1809 года Мария Федоровна стала

зимовать не в Павловске, а в Гатчине, и с этого времени обучение выдвигается на первый план, а гимназический курс заменяется подобием университетского.

«Латинский язык был тогда главным предметом, — вспоминал Николай Павлович, — но врожденная неохота к оному, в особенности от известности, что учимся сему языку для посылки со временем в Лейпцигский университет, сделало сие учение напрасным. Успехов я не оказывал, за что часто строго был наказываем, хотя уже не телесно»^[76]. Более того, Николай и Михаил Павловичи были единственными из великих князей, которых пытались обучить не только латинскому, но и древнегреческому языку. Как видно из письма Фридриха Аделунга Марии Федоровне от 8 октября 1813 года, вдовствующая императрица сочла необходимым изучение древнегреческого языка только в ограниченном объеме для понимания терминов, вошедших во французский язык. Предложение Ф. П. Аделунга познакомиться также с древнегреческой мифологией Марией Федоровной было отвергнуто^[77]. В сущности, это был первый и последний опыт преподавания основ древнегреческого языка в семье Романовых. Вряд ли можно согласиться со встречающимися в литературе утверждениями, что Константин Павлович блестяще знал древнегреческий язык и читал в подлиннике Плутарха^[78]. По свидетельству его воспитателя Цезаря Лагарпа, великие князья Александр и Константин, изучая историю, читали «Амиотова Плутарха», то есть перевод^[79]. В связи с «греческим проектом» Екатерины II Константина обучали не древнегреческому, а новогреческому языку, и всю жизнь его сопровождал грек по национальности гофмейстер его двора генерал граф Д. Д. Курута. По свидетельству Д. В. Давыдова, его брат видел, как в гневе «разъяренный цесаревич говорил что-то Куруте с особенным жаром на греческом языке»^[80].

Что касается Николая Павловича, то опыт его обучения древним языкам оказался не вполне удачным. Много лет спустя, в 1851 году, по распоряжению Николая I из библиотеки Эрмитажа в Публичную библиотеку были переданы книги на латинском языке. Министр Императорского двора П. М. Волконский заметил тогда директору Императорской Публичной библиотеки М. А. Корфу: «Государь терпеть не может латыни с тех пор, когда его мучили над нею в молодости, и не хочет, чтобы в новом музее (так называли вначале вновь отстроенный Эрмитаж) оставалось что-то на этом ненавистном ему языке»^[81]. При встрече с М. А. Корфом Николай Павлович добавил: «Терпеть не могу вокруг себя этой

тоски»^[82].

Труды римских авторов использовались в основном в качестве нравоучительного чтения. В письме к матери от 4 сентября 1809 года «Никош» писал: «...Я окончил утреннее занятие латинским языком, в котором перевел одно место из Корнелия Непота о Эпаминонде (беотийском полководце, разгромившем Спарту в 371 году до н. э. — Л. В.), величие его характера меня так поразило, что я невольно в первую минуту подумал, что в изображении его кое-что прибавлено из новейших издателей»^[83]. Как и его старшие братья, Николай читал и извлечения из Плутарха. Он прилежно изучал также «Комментарии Юлия Цезаря», поскольку это имело прямое отношение к истории военного искусства, но во французском переводе (Le Deist de Botidoux. Paris, 1809). А вот сюжеты, связанные с философией, его не только не интересовали, но даже вызывали раздражение, которое проявлялось иногда в резких фразах. Однажды на уроке Н. И. Ахвердова в феврале 1809 года зашла речь об одном из древнегреческих философов, которого Николай в свойственной ему безапелляционной манере назвал «дураком». Преподаватель, которого покорило это выражение, заметил, что уместнее было бы назвать его «сумасшедшим»^[84].

Античная ученость не произвела особого впечатления на Николая Павловича, хотя позднее в разговоре он мог ради шутки бросить ту или иную латинскую фразу из застрявших с детства в его памяти. «Ты не можешь себе представить, — говорил он М. А. Корфу, — какую тоску наводит на меня одно воспоминание о греческих и латинских моих уроках, пользы которых себе я никогда не мог осознать»^[85]. Дело было не только в нерасположенности самого Николая к древним языкам. Вероятно, нужно вспомнить, что начало XIX века ознаменовалось в России отходом образованной части общества от чрезмерного увлечения античностью и осознанием национальных истоков, формированием русской национальной культуры. Если А. С. Пушкин в лицейском стихотворении 1814 года мимоходом бросает фразу «Сенека, Тацит на столе» (в другом варианте: «Сенека, Плиний на столе»)^[86], то это совсем не означает, что читали подлинники. В «Евгении Онегине» воспитанник Лицея уже прямо заявляет: «Латынь из моды вышла ныне»^[87]. Еще в большей степени это относилось к древнегреческому языку. Когда в 1826 году Комитет об устройстве училищ во главе с А. С. Шишковым решил вместо французского языка включить в гимназический курс древнегреческий, член Комитета С. С. Уваров не согласился и представил императору собственное мнение.

Неожиданно он нашел поддержку у Николая I, наложившего на выписках из журналов Комитета резолюцию: «Я считаю, что греческий язык есть роскошь, когда французский — род необходимости; а потому на это согласиться не могу, а требую подробного изложения причин»^[88]. В конце концов, было решено оставить французский и латинский языки во всех гимназиях, а древнегреческий ввести только в гимназиях университетских городов.

С удовольствием занимался Николай Павлович историей, причем военную историю знал хорошо, не по возрасту. Любил он и русскую историю, хотя она излагалась для него весьма своеобразно, под бдительной цензурой Марии Федоровны. Он изучал ее по пятитомному сочинению «История России» французского историка П. Ш. Левека, которая вышла в Париже в 1782 году и особенно подробно освещала недавние события XVIII века. «История» Левека была популярна в русском обществе, хотя вызывала противоречивые оценки. Шарль Массон в своих «Секретных записках о России», опубликованных первым изданием в 1802 году, откровенно написал о причинах недовольства Екатерины II: «Екатерина ненавидела это сочинение, как и труд аббата Шаппа, и задала себе огромную работу, чтобы отыскать какие-нибудь недочеты и ошибки у этого уважаемого историка. И все потому, что он двадцать лет назад имел мужество намекнуть, что Екатерина была убийцей Петра III и Ивана (Ивана VI Антоновича. — Л. В.)»^[89]. Императрица Мария Федоровна 23 июля 1811 года поручила Г. А. Глинке «вычеркнуть и замарать чернилами все то, что бесполезно или вредно читать великому князю Николаю в истории России, написанной г. Левеком, и представить эту книгу прежде, нежели великому князю, самой императрице с указанием зачеркиваемых мест»^[90]. Не удивительно, что преподаваемая таким образом история вызывала у Николая Павловича вполне положительное отношение ко многим сторонам жизни и царствования его бабушки. Еще ранее, в письме Марии Федоровне от 12 июля 1809 года, он писал: «В понедельник я читал русскую историю с Петра III и до конца царствования моей бабки; царствование ее мне показалось, любезная маменька, самым блистательным периодом в русской истории»^[91].

Николая особенно интересовали жизнеописания монархов и выдающихся исторических личностей. Уже в 1803 году, когда он изучал начальный курс русской истории, он «приходил в восторг от Владимира Мономаха»^[92]. Позднее он отмечал великодушие Михаила Романова, отказавшегося осквернить прах Бориса Годунова. По поводу участи

Мустафы I Николай пишет, что «не желал бы быть турецким султаном»; он чтит храбрость и прямодушие Карла Великого, а относительно Конфуция замечает: «Я никак не ожидал, чтобы китаец Конфуций обладал такими знаниями»^[93]. Интересна и его сентенция 1809 года по поводу непозволительной мягкости Людовика XVI. «Король Людовик XVI не исполнил своей обязанности, — сказал он однажды Дю-Пюже, — он был за то наказан. Быть слабым не значит быть милосердным. Монарх не имеет права прощать врагов отечества. Людовик XVI видел перед собою настоящее возмущение, скрытое под ложным названием свободы; он бы сохранил от многих невзгод свой народ, не пощадив возмутителей»^[94]. В июне 1810 года Николай размышляет о роли великих людей в истории, «в особенности государей, на которых лежит ответственность за счастье или несчастье их подданных»^[95]. В конце 1812-го — начале 1813 года он составляет «Краткое описание царствования Петра I». В сущности, мировоззрение Николая Павловича уже сложилось, и понятия «ответственность», «долг» были в этом мировоззрении ключевыми.

В это время судьбы Европы решались на полях сражений. Вполне естественно, что занятия военным делом и военной историей были наиболее предпочтительны для Николая. Как уже отмечалось, в нем рано проявился интерес к инженерному делу. «Математика, потом артиллерия и в особенности инженерная наука и тактика привлекали меня исключительно, — писал впоследствии Николай Павлович, — успехи по сей части оказывал я особенные, и тогда я получил охоту служить по инженерной части»^[96]. В его играх было заметно увлечение разными постройками, а в шестилетнем возрасте он уже мог рассуждать об Александровской мануфактуре и ее паровой машине. Между прочим, на уроках фортификации он написал записку «План похода для овладения Турцией»^[97]. Эти занятия соответствовали его наклонностям к рисованию и гравированию, которое было любимым занятием и Марии Федоровны. Разумеется, Николай Павлович занимался также фехтованием, верховой ездой (в которой он особенно преуспел), танцами. Иногда применялся и экскурсионный метод в обучении, как, например, при посещении Колпинской фабрики вместе с Михаилом под руководством Марии Федоровны осенью 1811 года. Вероятно, после посещения Крестовского острова, места традиционных развлечений немецкого населения столицы, Николай пишет в 1812 году сочинение о нем на немецком языке.

Первым учителем рисования Николая был директор Императорской Академии художеств И. А. Акимов, оказавший большое влияние на

становление русской исторической живописи. В январе 1810 года его заменил адъюнкт-профессор исторической живописи, академик Василий Козьмич Шебуев, три года тому назад вернувшийся из Италии. Это был видный представитель классического направления в живописи, прекрасный рисовальщик, которого современники называли «русским Пуссеном». При новом преподавателе обучение начали с копирования гипсовых моделей. Ученик быстро привязался к своему учителю. В одном из писем 1810 года, хранившемся в семье художника, Николай писал: «Сдрастуй милый мой Вася! Сожалею, что Нева препятствует мне тебя видеть»^[98] (имеется в виду ледоход на Неве, на время которого разводили наплавной Исаакиевский мост). Когда В. К. Шебуев, обучавший также Михаила Павловича и Анну Павловну, закончил 1 сентября 1812 года свои уроки, ему была назначена пожизненная пенсия по тысяче рублей ежегодно. Сохранившиеся в фонде Библиотеки Зимнего дворца в составе Государственного архива Российской Федерации рисунки Николая свидетельствуют об определенных успехах великого князя. Они изображают, часто в карикатурном виде, армейские типажи, в том числе отставного военного с большим животом, военную униформу, лошадей^[99]. Одним из художников, которому великий князь подражал, стал А. И. Зауервейд. В дальнейшем он работал при Военно-топографическом депо Главного штаба и стал в 1820 году «первым живописцем». Позднее Николай I пригласил его в качестве учителя рисования уже для своих детей. Характерная и очень симпатичная черта Николая Павловича: своих учителей он всегда помнил и чтит. Известно также, что в 20-е годы гравированию офортом учили его вернувшийся в 1823 году из Европы О. А. Кипренский, а также Н. И. Уткин.

В целом полученное образование можно оценить как весьма противоречивое и, пожалуй, бессистемное. Несомненно, определенные знания на уровне образованных людей своего времени Николай Павлович получил. (Вспоминается пушкинское: «Мы все учились понемногу...») В то же время ученые степени маститых преподавателей оказались скорее препятствием, нежели помощью в обучении. Лекции А. К. Шторха и Ф. П. Аделунга запомнились Николаю своей «усыпительностью», а уроки древних языков — отсутствием смысла. Признавая недостатки своего образования, Николай сделал соответствующие выводы при обучении своих сыновей — в первую очередь Александра и Константина. «Не надо слишком долго останавливаться на отвлеченных предметах, которые потом или забываются, или не находят никакого применения в практике, —

говорил он барону М. А. Корфу в октябре 1847 года. — ...По-моему, лучшая теория права — добрая нравственность, а она должна быть в сердце независимо от этих отвлеченностей и иметь своим основанием религию»^{100}. Именно практический, рациональный склад ума Николая Павловича будет определять его поступки. Историк А. М. Зайончковский писал: «Богато одаренный от природы тем практическим умом, который чужд всяких иллюзий и увлечений, великий князь в значительно большей степени проявлял способность к анализу, чем к творчеству; твердость раз установившихся убеждений в нем очень часто шла в ущерб той гибкости ума, которая неразрывна с легким восприятием новых идей, бесспорно ведущих к прогрессу, но и не чуждых роковых увлечений»^{101}.

«Какое громадное счастье жить так, семьею!»: Странствующий рыцарь на дорогах Европы в поисках прекрасной дамы

Во время «грозы двенадцатого года», подобно царскосельским лицеистам, великие князья Николай и Михаил остро переживали свое вынужденное заточение в Гатчине. Да и нудные уроки им весьма надоели. Позднее Александра Федоровна напишет в воспоминаниях: «Мой муж и Михаил ненавидели Гатчинский дворец, вспоминая проведенные в нем скучные зимы 1810, 1811 и 1812 годов, посвященные исключительно воспитанию»^{102}. Уже в 1812 году Николай Павлович просил разрешения вступить в действующую армию: «Мне стыдно сознавать себя бесполезным на земле существом, непригодным даже для того, чтобы пасть смертью храбрых на поле битвы»^{103}. Но у бездетного Александра I (внебрачные дети не в счет) были другие планы, да и Мария Федоровна пыталась отдалить момент, который должен был прервать обучение и разлучить ее с сыном. Впоследствии Николай Павлович вспоминал: «Все мысли наши были в армии; ученье шло, как могло, среди беспрестанных тревог и известий из армии. Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие, сходное с расположением моего духа»^{104}.

Только после вступления союзных войск в пределы Франции, в 1814 году, Александр I разрешил младшим братьям приехать в армию. 5(17) февраля Николай вместе с Михаилом в сопровождении М. И. Ламздорфа и немногочисленной свиты отправились в свое первое большое путешествие по дорогам России через территорию бывшего Великого герцогства Варшавского, еще не включенного в состав империи, в Германию, многочисленные государства которой еще также ждали признания своих послевоенных границ. Маленькая золоченая коляска-игрушка, подаренная когда-то отцом, сменилась настоящей дорожной коляской, в которой Николая Павловича отныне ожидали многие версты и дни беспокойной жизни. Только через 16 дней, 21 февраля, М. И. Ламздорф довез великих князей до Берлина, где они пробыли и следующий день. Внимание Николая сразу же привлекла старшая дочь прусского короля Шарлотта. Уже во время первой встречи он определил свое отношение к ней. «Тут, в Берлине, — вспоминал Николай Павлович в 1830–1831 годах, — Провидением

назначено было решиться щастием всей моей будущности: здесь увидел я в первый [раз] ту, которая по собственному моему выбору с первого раза возбудила во мне желание принадлежать ей на всю жизнь, — и Бог благословил сие желание шестнадцатилетним семейным блаженством»^{105}.

Далее путь следовал через Лейпциг в Веймар, где братья встретились со своей старшей сестрой Марией Павловной. Тем временем Александр I послал навстречу великим князьям в качестве наставника генерал-адъютанта П. П. Коновницына, прославленного в сражениях под Смоленском, Бородино, Тарутино, Вязьмой, Люценом и Лейпцигом. Этот выбор был вполне одобрен и Марией Федоровной, продолжавшей держать под контролем все, что касалось младших сыновей. Встреча с П. П. Коновницыным произошла во Франкфурте-на-Майне. Затем в Бруксале состоялась встреча с императрицей Елизаветой Алексеевной, гостившей здесь у своей матери, маркграфини баденской. Далее великих князей, по-прежнему неторопливо, повезли через Раштатт и Фрейбург в Базель. Только здесь они услышали впервые отдаленные выстрелы — это союзники осаждали неподалеку крепость Гюнинген. «Наконец, — вспоминал много лет спустя Николай Павлович, — въехали мы через Альткирх в пределы Франции и достигли хвоста армии в Везуле в то самое время, когда Наполеон сделал большое движение на наш левый фланг. В этот роковой для нас день прибывший флигель-адъютант Клейнмихель... привез нам государево повеление возвратиться в Базель. Можно вообразить наше отчаяние!» Александр I ожидал взятия Парижа. За две недели пребывания в Базеле удалось посетить Шафгаузен и Цюрих. Чувство грусти, охватившее его тогда, навсегда запомнилось Николаю. «Мы в Базеле узнали, — писал далее Николай, — что Париж взят и Наполеон изгнан на остров Эльбу. Наконец получено приказание нам прибыть в Париж, и мы отправились на Кольмар, Нанси, Шалон и Мо»^{106}.

Сохранившиеся письма вдовствующей императрицы Марии Федоровны своим сыновьям во время их зарубежного вояжа — один из немногочисленных источников, позволяющих судить о круге интересов взрослого Николая. Мария Федоровна, в свойственной ей манере и явно иронизируя над военными увлечениями сына, все же признавала за ним это право, принимала их как должное и необходимое. Так, в письме, отосланном в августе 1815 года, она писала: «Я приложила к письму подарок в Вашем вкусе, саблю, которую прикажу отнести Вам, знатоки говорят, что она великолепна, — а также одну вещицу для Вашего

арсенала»^{107}. Как известно, Николай Павлович любил холодное оружие. По преданию, с турецкой сабли, взятой у турецкого паши в кампанию 1811 года на Дунае и поднесенной великому князю, вероятно, графом А. Ф. Ланжероном, началась его коллекция оружия. (Позднее эта коллекция стала знаменитым Царскосельским арсеналом.) Тогда же, в 1814–1815 годах, путешествуя по Европе, великие князья Николай и Михаил видели многочисленные разоренные войной рыцарские замки, в которых хранилось различное оружие и амуниция. Несомненно, кое-что удалось приобрести, хотя по-настоящему Николай Павлович смог заняться своей коллекцией только став хозяином Аничкова дворца^{108}.

В апреле 1814 года великие князья в арьергарде армии въехали в Париж. Это произошло через четыре дня после того, как во Францию возвратился Людовик XVIII. Вопреки опасениям Марии Федоровны, Николая интересовали только серьезные заведения — Политехническая школа, казармы, госпитали, Дом инвалидов, где он беседовал с изувеченными ветеранами похода в Россию. Он ощущал также ответственность и за поведение русского воинства. Когда одна француженка обратилась к нему с просьбой передать императору письмо с жалобой на недостойное поведение офицера, Николай Павлович выполнил ее просьбу и проследил за тем, чтобы женатый офицер вернул француженку ее матери с приданым в 50 тысяч франков. К этой сумме он присовокупил свои 10 тысяч франков и вскоре после этого присутствовал на свадьбе француженки с чиновником министерства финансов.

Вероятно, тогда же в пригороде Парижа Нейи-Сюр-Сене произошла знаменательная встреча. Великий князь познакомился с герцогом Орлеанским, тем самым, который в 1830 году не по старшинству станет Луи-Филиппом, королем французов, вызвав негодование императора Николая I. Во время встречи с герцогом Орлеанским на Николая Павловича произвела незабываемое впечатление его счастливая семейная жизнь на фоне европейских политических катаклизмов. Супругой герцога была Мари Амели Бурбонская, дочь Фердинанда IV, славившаяся материнскими добродетелями и благотворительной деятельностью. Между Николаем Павловичем и герцогом Орлеанским произошел известный диалог. «Какое громадное счастье жить так, семьей!» — воскликнул великий князь, как бы говоря сам с собою. «Это единственное истинное и прочное счастье», — отвечал герцог Орлеанский с видом откровенности и убеждения»^{109}. Историк Н. К. Шильдер подверг сомнению эту идиллическую встречу, описанную в труде П. Лакруа, но она подтверждается и другими

источниками. Позднее, в беседе с графом П. Д. Киселевым, Николай Павлович расскажет: «Я получил столь сильное впечатление от его семейной жизни, о коей еще недавно я сам мечтал, не отдавая себе в том отчета, что попросил герцога Орлеанского позволения приехать через день проститься с ним и его семьей. Он дал согласие, и я провел еще один день, можно сказать, наслаждаясь счастьем, поскольку мои первые впечатления от Нейи подтвердились; и с тех пор я решил в своей семейной жизни придерживаться усвоенных мною правил... Людовик Филипп показался мне тогда человеком благородным, мудрым и счастливым. Со всей горячностью молодости я увидел в нем образец той жизни, к коей я себя готовил»^{110}.

Тогда же в Париже состоялось знакомство, переросшее в длительную если не дружбу, то привязанность, с одним из немногих людей, которые пользовались безусловным доверием Николая Павловича. Во время смотра государь рекомендовал Николаю начальника 2-й гренадерской дивизии генерал-лейтенанта Ивана Федоровича Паскевича. Сам И. Ф. Паскевич так рассказывал об этом знакомстве: «Николай Павлович после того постоянно меня звал к себе и подробно расспрашивал о последних кампаниях. Мы с разложенными картами по целым часам вдвоем разбирали все движения и битвы 12-го, 13-го и 14-го годов. Я часто у него обедал, и когда за службою не мог у него быть, то он мне потом говорил, что я его опечалил. Этому завидовали многие и стали говорить в шутку, что он в меня влюбился. Его нельзя было не полюбить. Главная его черта, которой он привлек меня к себе, это прямота и откровенность. Брата Михаила Павловича он любил, но к серьезным разговорам не допускал, да и тот их недолюбливал...»^{111}

Еще в апреле 1814 года в письме к Марии Федоровне Александр I испрашивал «приказаний» относительно целесообразности посещения великими князьями Голландии, Англии, Швейцарии, что было бы «крайне поучительно для них»^{112}. Разрешение было получено, и в июне по приглашению принца Оранского, будущего короля Вильгельма II, Николай и Михаил посетили основные города Нидерландов, начиная с Брюсселя (территория будущей Бельгии была тогда включена в состав королевства). Побывали в Гааге, Амстердаме и Саардаме, где осмотрели домик Петра Великого. Затем через германские государства, в том числе Пруссию, отправились в обратный путь в Петербург, чтобы принять участие в торжественном въезде Александра I в столицу. Несколько задержались они только в Берлине, где Николай Павлович встречался с семьей своего

будущего тестя.

Новый 1815 год, казалось, начинался мирно и буднично. «Северная почта» сообщала, что в воскресенье 10 января «господин действительный тайный советник первого класса, князь Александр Борисович Куракин дал превеликий бал и ужин, кои удостоить изволили присутствием ея императорское величество императрица Мария Федоровна с их императорскими высочествами государями великими князьями Николаем Павловичем и Михаилом Павловичем и государынею великою княжною Анною Павловною. Знатные обоего пола особы, а также гг. чужестранные министры находились на сем празднике, который как великолепием своим, так и приятностями и угощением соответствовал известному гостеприимству почтенного хозяина»^{113}.

Всевозможные столичные и придворные празднества занимали много времени. Разводы и учения, посещения военных учреждений, которым уже не могла препятствовать Мария Федоровна, отрывали великих князей от возобновившихся учебных занятий. Поездка в действующую армию была важным событием в жизни Николая. Судя по всему, он считал ее началом своей военной карьеры. Спустя много лет он скажет графу П. Д. Киселеву: «Я того не знаю, да и откуда мне знать с моим убогим образованием? В 18 лет я поступил на службу, и с тех пор — прощай ученье!»^{114}

Николай Павлович изучал финансы и военные науки. Особенно близки сердцу и душе великого князя оказались беседы инженерного генерала К. И. Оппермана, которого Николай I в дальнейшем весьма чтит. Опперман советовал великому князю читать описания замечательных военных кампаний. Но до серьезных книг дело не дошло. В марте 1815 года Наполеон, которого Николай Павлович, кстати, уважал как человека, сумевшего навести порядок после революции, покинул Эльбу и высадился на юге Франции. Союзные государства, подписавшие Парижский договор, объявили его «вне гражданских и общественных отношений» и поспешили, достигнув компромисса по спорным территориальным вопросам, подписать «заключительный акт» Венского конгресса.

Александр I разрешил великим князьям вновь под присмотром П. П. Коновницына отправиться в действующую армию в Германию. 13 мая в сопровождении М. И. Ламздорфа они выехали из Петербурга и после остановки в Берлине направились в главную квартиру русской армии в Гейдельберг. Здесь М. И. Ламздорф оставил своих воспитанников. Пребывание в главной квартире дало великим князьям возможность более тесного общения с Александром I. В письме к Марии Федоровне от 12

июня 1815 года П. П. Коновницын сообщал: «Их императорские высочества находятся в вожделенном здравии: при проходе всякий почти день войск бывают при государе императоре, который изволит их принимать по утрам всегда в своем кабинете, где несколько уже раз с ним и кушали... Государь часто по предполагаемым движениям сам изволит с ними заниматься, как нежный отец»^{115}.

Русская армия только вступила в пределы Франции, когда 6 (18) июня 1815 года в 18 километрах от Брюсселя Наполеон проиграл свое последнее сражение при Ватерлоо. Александр 1 поспешил в Париж, куда прибыл 28 июня (10 июля). Вслед за ним отправились и великие князья. Вновь, как и в 1814 году, Мария Федоровна беспокоится за нравственность великих князей, и П. П. Коновницын успокаивает ее в июльском письме: «...образ поведения их весьма согласуется с волею Вашею... Их высочества всякий день изволят кушать у государя, один раз были с ним в театре и во всех церемониальных выездах бывают при нем; в свободное время их высочества обозревают здесь все заведения, достойные примечания; третьего дня изволили осматривать укрепленные здесь окрестности с военными примечаниями»^{116}.

Накануне возвращения основных сил на родину был задуман грандиозный смотр в Вертю, призванный подчеркнуть военную мощь России. Он должен был пройти в два этапа: примерный смотр 26 августа (7 сентября) — в памятный день Бородинского сражения и парадный смотр 29 августа (10 сентября) в присутствии союзных государей и многочисленных гостей. Именно тогда, 29 августа, великий князь Николай Павлович впервые командовал второй бригадой 3-й гренадерской дивизии. Так произошла его первая встреча с командующим корпусом А. П. Ермоловым.

Сентябрь великие князья провели в основном в Париже, с Александром Павловичем. Они покинули город 20 сентября, а 24–25 сентября (6–7 октября) участвовали в смотре австрийских войск в Дижоне. Присутствовавший на смотре В. Р. Марченко записал: «В Дижоне были с государем великие князья Николай и Михаил и при них генерал Коновницын, князь Волконский, Виллие и я, не более. Их высочества оттуда отправились прямою дорогою в Берлин... Две недели мы прожили в Берлине по случаю свадебного сговора его высочества Николая Павловича и после поехали в Варшаву...»^{117} Великие князья воспользовались более прямой дорогой в Берлин, чем Александр I, который заезжал в Швейцарию. Николай и Михаил посетили в Бадене императрицу Елизавету Алексеевну, во Франкфурте-на-Майне встретились с цесаревичем Константином

Павловичем и с великой княгиней Екатериной Павловной. Затем побывали в Веймаре, осмотрели поле сражения под Лейпцигом, где в октябре 1813 года происходила знаменитая «битва народов», и на два дня раньше Александра I, 10 (22 октября) 1815 года, прибыли в Берлин. В столицу Пруссии приехали и старшие сестры императора: Екатерина Павловна, вдова герцога Ольденбургского, и Мария Павловна Веймарская. Их приезд был не случаен.

Избраннице Николая Павловича — прусской принцессе Шарлотте-Фредерике-Луизе-Вильгельмине, дочери прусского короля Фридриха Вильгельма III и покойной королевы Луизы, было тогда пятнадцать лет (она родилась 1 (12) июля 1798 года). Красивая и грациозная, по мнению современников, она была живым портретом покойной королевы, одной из признанных красавиц Европы, к которой был равнодушен и Александр I. (Не случайно, в зашифрованной переписке русских агентов накануне войны 1812 года он носил псевдоним «Луиза».) Закрепление династическими узами союзного договора с Пруссией отвечало политическим интересам и России, и Пруссии. Сама мысль о возможном династическом браке, судя по всему, могла возникнуть еще в 1809 году, во время пребывания королевской четы в Петербурге. Во всяком случае, уже 5 ноября 1813 года, по свидетельству статс-секретаря Марии Федоровны Г. И. Вилламова, вдовствующая императрица одобрила намерение Александра I. Она согласилась, чтобы младшие великие князья во время предполагаемой поездки посетили Берлин для знакомства с прусскими принцессами, но при этом отметила, что «было бы несправедливо женить младшего на дочери прусского короля, а старшего на племяннице»^{118}.

Теперь все устроилось как нельзя лучше. 23 октября (4 ноября) в Берлин вступил русский гренадерский полк, шефом которого был Фридрих Вильгельм III. Состоялся торжественный обед, на котором присутствовали члены императорской и королевской фамилий, а также фельдмаршалы Блюхер и Барклай-де-Толли. Одновременно русский император и прусский король, поднявшись из-за стола, провозгласили тост за здоровье помолвленных Николая Павловича и принцессы Шарлотты. Помолвка послужила поводом для обмена официальными письмами между родителями. В письме от 14 января 1816 года прусскому королю Мария Федоровна, в частности, писала: «Обворожительный характер юной принцессы, ее ум основательный, неподдельный, нежность ее чувств наглядно показывают мне счастье моего сына и мое собственное; она сроднится с нами и, сделав Николая счастливейшим из смертных, сделает меня счастливейшею из матерей и утешит меня в разлуке с моими

дочерьми. Вот мои ожидания, государь, и они вам доказывают, насколько я расположена любить и лелеять принцессу. Я глубоко тронута добротой Вашего величества по отношению к Николаю, который, как должно, оценивает ваше доверие, проявляющееся в том, что Вы вверяете его заботам принцессу: он оценивает эту честь со всем жаром сердца религиозного, чистого, честного и прямодушного, всецело отдавшегося своей невесте и сознающего всю ответственность, связанную с мыслью об обязанности сделать из счастья своей подруги постоянное занятие своей жизни. Вот излюбленный предмет наших разговоров, возобновляемых при каждом случае. Благословение Божие да снизойдет на этих двух дорогих существ и сохранит им навсегда их чувства, их убеждения, обеспечив, таким образом, счастье их жизни»^{119}. Впрочем, до свадьбы было еще далеко. Она была отложена до совершеннолетия великого князя и состоялась только через год и восемь месяцев. Пробыв в Берлине до 27 октября (8 ноября), Александр I отправился домой. Вместе с ним уезжал и П. П. Коновницын, который вскоре, после реформы военного управления, был назначен военным министром, получив в свое подчинение хозяйственную часть с подчинением начальнику Главного штаба генерал-адъютанту князю П. М. Волконскому.

6 декабря 1815 года в Петербурге состоялись празднества по случаю заключения всеобщего мира. Одновременно отмечалось и тезоименитство Николая Павловича (зимний Никола). Прошел большой парад войск, была отслужена торжественная литургия, состоялся прием. Вечером Петербург был иллюминирован^{120}. Хотя Николай Павлович еще не считался совершеннолетним, 1 января 1816 года, по просьбе университета в Або (ныне город Турку в Финляндии) Александр I назначил великого князя его канцлером. В начале того же года Николай Павлович был назначен шефом Северского конноегерского полка. Он принимал также участие в празднествах по случаю бракосочетания сестер: 12 января великой княжны Екатерины Павловны с наследным принцем Вюртембергским Вильгельмом и 9 февраля великой княжны Анны Павловны с наследным принцем Нидерландским Вильгельмом.

Значительным событием в жизни взрослеющего князя стала поездка на Юг, первое большое его путешествие по России, в которое он отправился 9 мая 1816 года в сопровождении генерал-адъютанта Павла Васильевича Голенищева-Кутузова. Его маршрут лежал тогда через Лугу, Великие Луки, Витебск, Смоленск, Могилев, Бобруйск, Чернигов, Киев, Полтаву, Харьков, Екатеринослав, Елизаветград, Николаев. В Николаеве,

присутствуя 27 июня на спуске 74-пушечного корабля, он провозгласил тост за императора Александра I и сказал: «Мы присутствуем при создании нашего флота в Черном море. Будем просить Бога, чтобы этот флот сделал быстрые успехи и чтобы наши военные флоты вскоре не имели в чем завидовать флотам Франции и Англии»^{121}.

Далее, посетив Одессу, Херсон и Новочеркасск, великий князь направился в Крым; он побывал в Симферополе, Севастополе и Керчи^{122}. Мария Федоровна учитывала и образовательно-воспитательное значение этого путешествия, и необходимость приобретения в народе известной популярности великого князя. По ее заданию Николай вел особый журнал, состоявший из двух частей: «Общего журнала по гражданской и промышленной части» и «Журнала по военной части». Великий князь тщательно фиксировал в них свои путевые впечатления. В августе через Таганрог, Новочеркасск, Воронеж, Курск, Тулу он отправился в обратный путь, чтобы в Москве дожидаться императора.

Однако Николай еще не был вполне самостоятельным в своих поступках. За ним присматривали и ему давали наставления. К январю 1816 года относится сохранившаяся копия письма бывшего наставника Николая Павловича П. П. Коновницына, написанного для великих князей по поручению Александра I с изложением основных правил поведения. В 12 пунктах содержатся следующие советы: постоянно «питать» разум и сердце, «исследовать каждый день свои поступки», «в рассуждениях общих оскорблять никогда не должно», «избегайте льстецов», «не будьте высокомерны», «умеряйте честолюбивые желания», «повинуйтесь слепо императору вашему», «если придет время командовать вам частями войск, сколько бы велики или малы ни были, да будет первейшее ваше старание о содержании их вообще и о призрении больных и страждущих», «поверхностное и с первого взгляда суждение о людях почти всегда обманчиво», «крайне остерегаться надобно пристрастия», «буде случится Вам быть в военных действиях, принимайте совет людей опытных». Интересно последнее пожелание: «Украшайте себя познаниями военными по склонностям вашим. Подробности службы необходимо нужно знать по опыту; но до известной степени и для того более, чтобы уметь взыскать оную на подчиненных... Чтение лучших военных авторов приуготовляет вас в теории, а практика покажет вам дальнейшие познания на опыте»^{123}.

К такого же рода морально-этическим наставлениям относится «Записка» К. В. Нессельроде (датирована 10 сентября 1816 года), составленная накануне поездки Николая Павловича в Англию.

Отличившийся незадолго до этого на военной службе в качестве одного из информаторов Александра I (он сообщал ему о состоянии наполеоновской Франции накануне войны 1812 года, скрываясь под псевдонимом «Танзор»), будущий канцлер знал свое дело, когда наставлял великого князя: «О стране, о народе можно сказать то же, что и о человеке. О человеке судят поспешно, сравнивая его с людьми, ему подобными, но когда судят о нем по его действиям, то есть когда его сравнивают с ним самим, то доискиваются до самых сокровенных его побуждений. Чтобы судить о нравах, законах, администрации и политике страны, нужно сравнивать действительное положение страны с ее историей»^{124}. Такие характерные наставления в системе воспитания конца XVIII века, как, например, знаменитые письма лорда Честерфильда к сыну, несомненно, откладывались в памяти. Следующая мысль К. В. Нессельроде — о том, что происхождение «английских политических учреждений» было последствием не единоличной воли, это «плод времени, событий, всего того, что коренится в духе английского народа и его истории»^{125}. Эта мысль, несомненно, стала близка Николаю Павловичу.

Знакомство с Англией, «этой достойной внимания страной», по словам Марии Федоровны, должно было завершить образование Николая. Впрочем, ставилась и цель политическая — укрепить отношения с недавним союзником, пошатнувшиеся после Венского конгресса. Сопровождать великого князя должны были генерал-адъютант П. В. Голенищев-Кутузов, кавалеры И. Ф. Саврасов и Г. А. Глинка, доктор Крейтон (Crighton), а также барон П. А. Николаи, ранее служивший в посольстве в Лондоне при графе С. Р. Воронцове. Подробные инструкции получил посол в Лондоне граф Х. А. Ливен.

Это было осенне-зимнее путешествие. Отбыли из Павловска 13 (25) сентября и 21 сентября (3 октября) прибыли в Берлин, где провели больше трех недель. Только 15 (27) октября Николай Павлович продолжил путешествие. Он посетил в Веймаре Марию Павловну и через Кассель, Кобленц, Кёльн, Ахен, Льеж, Брюссель прибыл в Кале вечером 5(17) ноября. На голландской яхте «Royal Sovereign», которой командовал адмирал Кекберн, великий князь отбыл в Англию и высадился в устье Темзы в Диле около 10 часов утра 6 (18) ноября. После непродолжительного отдыха 9 (21) ноября Николай Павлович был уже в Лондоне. Программа пребывания в Англии оказалась насыщенной. Помимо официальных визитов и приемов, Николай Павлович добросовестно осматривал промышленные предприятия Лондона, Бирмингема,

Манчестера, в чем ему помогал в качестве экскурсовода герой Ватерлоо герцог Веллингтон. Великий князь совершил также две ознакомительные поездки по стране. Первую — на север, в Шотландию с посещением Эдинбурга и Глазго; вторую — на юго-запад с посещением Ливерпуля, Плимута и Портсмута. Две встречи в Англии заслуживают быть отмеченными особо: с молодым Вальтером Скоттом и уже известным социалистом-утопистом Робертом Оуэном. Еще во время Венского конгресса Александр I принял Роберта Оуэна, представившего ему «памятную записку» со своими предложениями и просьбой о помощи. Вероятно, по желанию императора Николай Павлович посетил его образцовое предприятие в Нью-Ла-нарке. Великий прожектор предлагал организовать в России фабрики наподобие нью-ланаркской, но с использованием труда крепостных крестьян. По мнению некоторых исследователей, эта мысль могла возникнуть у Р. Оуэна под влиянием химеры военных поселений^{126}. Каких-либо последствий эта встреча не имела. Тогда же, 16 декабря 1816 года, эдинбургский лорд-мэр В. Арбатнот представил великому князю молодого литератора Вальтера Скотта, который в честь великого князя сочинил оду на мелодию Гайдна. В этих стихах, напечатанных в тогдашних газетах и вошедших в собрание поэтических произведений Вальтера Скотта, Николай Павлович прославлялся как освободитель Европы от «тирана» Наполеона. Здесь же отмечалось, что отныне Англия и Россия связаны «взаимными интересами, нуждами и опасностями». Однако Вальтер Скотт не был вполне искренен. За два дня до этого, в личном письме к одному из своих друзей, он, упомянув о великом князе Николае, заметил, что ему «не нравится это дрянное имя»^{127}. Между прочим, в своих стихах он предназначал Николаю Павловичу и корону. «К счастью, поэты не оракулы», — холодно отреагировал тогда великий князь, обращаясь к своему адъютанту^{128}.

Среди официальных встреч важными были контакты с принцем-регентом Георгом, не благоволившим к России. Отношения с ним, первоначально натянутые, благодаря Николаю Павловичу стали более дружелюбными. В начале января 1817 года он провел четыре дня у принца-регента в Брайтоне; эти дни были заполнены музыкой и балами, на которые, как писал Г. А. Глинка, «являлись первейшие красавицы в мире»^{129}. Современники отмечали, что своим тактичным и естественным для молодого человека поведением великий князь импонировал тем, с кем встречался. Его облик, напоминающий античных героев, особенно нравился дамам. Успехи великого князя в английском обществе были

отмечены русской прессой^{130}. Познакомился Николай Павлович и с русскими англоманами в Англии, прежде всего с русским послом Х. А. Ливеном и леди Е. С. Пемброк (дочерью графа С. Р. Воронцова), которая с восторгом описала посещение Николаем Павловичем их замка Вильтон-Хауз.

Четырехмесячный вояж подходил к концу. Уже 3(15) марта 1817 года Николай Павлович оставил Англию, так понравившуюся ему своим консервативным бытом, за исключением разве что митингов в Гайд-парке и прений в парламенте. Он так отзывался об уличных митингах: «Если бы на наше несчастье какой-нибудь злой гений перенес к нам эти клубы и митинги, которые больше шумят, чем делают дело, то я просил бы Бога, чтобы он повторил чудо смешения языков или уже отнял дар слова у тех, кто делает из него такое употребление»^{131}.

На королевской яхте Николай Павлович отбыл из Дувра в Кале. Пребывание во Франции было кратковременным. Через Мобеж, где располагался русский оккупационный корпус под командованием М. С. Воронцова, он направился в Брюссель для свидания с Анной Павловной, затем — в Штутгарт на встречу с Екатериной Павловной, супруг которой Вильгельм I занял к тому времени королевский престол в Вюртемберге. Затем через Веймар Николай Павлович поспешил к даме своего сердца в Берлин, где его принимали как будущего члена семьи. Приятным сюрпризом великому князю было назначение его 5 (17) апреля 1817 года шефом 3-го (в 1819 году его порядковый номер изменится на 6-й) Бранденбургского кирасирского полка. Через три дня, 8 (20) апреля, в Потсдаме состоялась торжественная передача кирасир новому шефу. Николай Павлович, гарцуя на английском гнедом жеребце в прусском кирасирском мундире с оранжевой лентой Черного орла, провел полк церемониальным маршем мимо прусского короля. Это событие нашло отражение в известном групповом портрете Франца Крюгера «Парад в Берлине», над которым живописец, вероятно по заданию Николая Павловича, работал около пяти лет начиная с 1824 года. Тогда же в Берлине великий князь принял участие в военных маневрах в окрестностях столицы и большом параде. Если учесть, что еще ранее Николай Павлович дотошно изучил прусский военный устав, то можно представить, как он поразил офицеров знанием всех деталей службы. Впрочем, на этот раз Николай Павлович пробыл в Берлине недолго и уже 27 апреля (9 мая) вернулся из своего путешествия в Петербург. Все родственники к тому времени были оповещены о предстоящем бракосочетании.

Примерно через месяц после посещения Николаем Павловичем Берлина, 31 мая (12 июня), вслед за ним направился кортеж его невесты. Он ехал медленно и только 9 (21) июня достиг самого восточного города Прусского королевства — Мемеля (Клайпеды). «Мой жених, — напишет впоследствии в своих воспоминаниях Александра Федоровна, — встречал меня у пограничного шлагбаума, с обнаженной шпагой во главе войска...»^{132} В 7 часов утра Николай Павлович предстал перед прусскими войсками, выстроившимися вдоль границы, в блестящем мундире Бранденбургского кирасирского полка. Его встречал брат невесты принц Вильгельм, также с обнаженной шпагой. «Здравствуй, пруссаки!» — обратился Николай Павлович к эскорту принцессы и поспешил к невесте, протягивая ей руку. «Наконец-то вы среди нас, дорогая Александра, — произнес он шепотом и затем громко, для окружающих, добавил: — Добро пожаловать в Россию, Ваше королевское высочество»^{133}.

О чем думала слегка заплаканная принцесса Шарлотта в карете, запряженной восемью лошадьми, за которой следовали еще 11 карет и повозок с небогатым приданым и небольшой свитой? Возможно, она вспоминала Мемель и то время, когда семилетней девочкой «оказалась здесь вместе с королевской семьей, спасавшейся от Наполеона после Йена-Ауэрштедтского разгрома в 1806 году, трудные годы жизни в Мемеле и Кенигсберге, когда ей на платье выделялось 5 талеров в год, а стол королевской семьи мало чем отличался от стола зажиточного бюргера? Или, может быть, встречу со своим Никсом в 1814 году, когда они признались в своих чувствах, она — отцу Фридриху Вильгельму III, он — брату Александру I. Во всяком случае, именно в это время в ее первом из шести альбомов-дневников появилось несколько записей на немецком языке, но русским алфавитом. Несомненно, она вспоминала и октябрьский день 1815 года, совпавший с празднованием 400-летней годовщины династии Гогенцоллернов и Бранденбургско-Прусского государства, когда Александр I и Фридрих Вильгельм III объявили об их помолвке. В те дни в берлинском театре был дан бал, который открыли вальсом помолвленные. Позднее в России празднование дня рождения Александры Федоровны, который совпадет с днем бракосочетания, всегда будет открываться музыкой этого вальса...

По дорогам, показавшимся Шарлотте «невозможными», ее повезли через Дерпт (Тарту) к Санкт-Петербургу. Вскоре, 18 (30) июня, ее встречали в Каскове выехавшие к ней навстречу Александр I, Мария Федоровна и великий князь Михаил Павлович. «Я нашла вдовствующую

государыню гораздо моложе, стройнее и лучше сохранившеюся, нежели привыкла видеть женщин лет под 60», — писала впоследствии Александра Федоровна^{134}. Вдовствующей императрице было тогда 58 лет. Первое впечатление, от которого так много зависит во взаимоотношениях женщин, оказалось благоприятным. «Мой характер, — писала Александра Федоровна, — понравился Марии Федоровне. Я держала себя вполне естественно, была весела, откровенна, жива, резва, как подобает молодой девушке, тогда как великие княжны держали себя чопорно в ее присутствии...» Императрица прощала невестке, когда та тайком таскала вишни со стола, но сделала резкое замечание позднее, узнав, что та без спроса отправилась посетить императрицу Елизавету Алексеевну. Александра Федоровна вспоминала, что великие князья порою сучали во время придворных раутов, тогда Мария Федоровна «журила своих сыновей Николая и Михаила за то, что они усаживались в угол с вытянутыми, сучающими физиономиями, точно медведи или марабу. Правда, — добавляла она, — у моего Николая лицо было слишком серьезно для 21 года, особенно, когда он посещал общество или балы. Он чувствовал себя вполне счастливым, впрочем, как и я, когда мы оставались наедине в своих комнатах; он бывал тогда со мною необычайно ласков и нежен».

После встречи в Каскове дальнейший путь к Павловску шел через Гатчину и Царское Село. 19 июня (1 июля) прибыли в Павловск, где принцессу встречал весь двор и императрица Елизавета Алексеевна. 20 июня (2 июля) на седьмой версте от Петербурга по Царскосельской дороге состоялся торжественный въезд принцессы в столицу. Далее все развивалось в стремительном темпе. 24 июня (6 июля) состоялся обряд миропомазания, а 25 июня, в день рождения и совершеннолетия Николая Павловича, которому исполнился 21 год, в дворцовой церкви Зимнего дворца прошла церемония обручения. Мужчины были в полной парадной форме, а женщины «в национальных костюмах». «Я впервые надела, — писала Александра Федоровна, — розовый сарафан, бриллианты и немного подрумянилась, что оказалось мне очень к лицу...»^{135} Невесту часто катали по улицам Петербурга, тогда не произведшего на нее особого впечатления, кроме вида на Неву из окон комнат Елизаветы Алексеевны. В честь принцессы давались обеды в саду Эрмитажа или прилегающих галереях. Наконец, 1(13) июля 1817 года в дворцовой церкви состоялось бракосочетание Николая Павловича и Александры Федоровны, как нарекли Шарлотту во время принятия православия. Имя Александра ассоциировалось с именем Александра I, а отчество было дано в честь

иконы Федоровской Божьей Матери, издавна считавшейся покровительницей дома Романовых, а также, вероятно, и в честь Марии Федоровны. Александр I и Елизавета Алексеевна как посаженные отец и мать по такому случаю были вынуждены находиться вместе. Они поднесли хлеб-соль в Аличковом дворце, подаренном молодоженам Александром I.

Свадебным сюрпризом невесте стала комната-салон, которая в мельчайших деталях воспроизводила ее комнату в Шарлоттенбурге, замке Шарлотты под Берлином. Вечером состоялся ужин, для которого Александру Федоровну вновь переодевали. В своих воспоминаниях она тщательно фиксировала все перемены костюма: «Статс-дамы присутствовали при моем раздевании; мне надели утреннее платье из брюссельских кружев на розовом чехле; ужинали мы в семейном кругу с некоторыми из старых приближенных: графом Ламздорфом, княгиней Ливен и нашими прусскими дамами». Начиналась семейная жизнь. «...С полным доверием, — писала Александра Федоровна, — я отдавала свою жизнь в руки моего Николая, и он никогда не обманул этой надежды»^{[136](#)}.

«...Имея под своим начальством весь инженерный корпус!»

Во время бала в день бракосочетания 1 июля 1817 года Александр I объявил великого князя Николая Павловича главным инспектором Корпуса инженеров (генерал-инспектором по инженерной части) и шефом лейб-гвардии Саперного батальона, о чем указ был подписан 3 июля. Это назначение в целом соответствовало устремлениям Николая Павловича, который еще в годы обучения увлекался военно-инженерным делом. Уже тогда в ходе преподавания математики Крафт учил его основам фортификации. Позднее под общим руководством инженерного генерала К. И. Оппермана, преподававшего тактику, полковник А. И. Маркевич читал ему курс артиллерии, а полковник Джанотти — инженерного дела. Правда, познания великого князя не отличались глубиной. И дело было не только в учителях или неспособности ученика. Многие объяснялось общей неразработанностью этих курсов, усовершенствованных уже при Николае I.

Назначенный на новую должность Николай Павлович близко к сердцу принял новые заботы. Под его руководством уже в 1818 году было разработано «Общее наставление для обучения и занятий саперных и пионерных батальонов». Николай Павлович сразу передал его для ознакомления царственному брату. Тот, однако, приказал ознакомить с «наставлением» всесильного А. А. Аракчеева. Пришлось Николаю Павловичу представить его с извинениями генералу от артиллерии и кавалерии графу А. А. Аракчееву. В своем представлении он пояснял: «Правила о фронтовой и гарнизонной службе почерпнуты из существующих на то постановлений, а прочие части сего наставления существовали, но вновь пополнены с некоторыми переменами и соединены в одно. Со времени введения сих правил во всех батальонах примерным образом оныя улучшились по части фруктовой, а по прочим частям приобрели более единообразия, руководствуясь во всем постоянными правилами. При том долгом почитаю уведомить ваше сиятельство, что оное наставление разослано по батальонам только после сообщения оного к покойному генерал-фельдмаршалу (Барклаю-де-Толли. — Л. В.), которому и угодно было оное одобрить»^{137}. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о том, как внимательно Николай Павлович вникал во все

мелочи по инженерным войскам, но не забывал и о планах преобразования (проект учреждения Инженерного комитета наподобие Ученого комитета по артиллерийской части и др.)^{138}.

Со всем пылом молодости Николай отдается своим новым обязанностям. «Я страстно люблю военную службу, — говорил он позже П. Д. Киселеву, — и предан ей душой и телом»^{139}. Особенно много времени Николай Павлович уделяет лейб-гвардии Саперному батальону, элитной части, образованной еще в 1813 году. По штату батальон имел в составе две саперные и две минерные роты общей численностью около 800 человек, отобранных из лучших рекрутов и офицеров. Батальоном командовал инспектор Инженерного корпуса генерал-лейтенант К. И. Опперман. По мнению историка Г. С. Бабаева, «юный, но полный знаний, горячо преданный военному делу и особенно строю и инженерной специальности, требовательный и строгий, но вместе с тем замечательно заботливый и горячо любящий русского солдата, выше всего ставящий звание воина и умеющий передать подчиненным свою горячую любовь к военному делу и истинными царскими милостями поощрить рвение достойных, великий князь Николай Павлович явился замечательным начальником и главою Инженерных войск. Ближе других частей к великому князю стоял его шефский лейб-гвардии Саперный батальон, несший свою службу на глазах его высочества»^{140}. Всех гвардейских саперов Николай Павлович знал в лицо и по фамилии, включая рядовых. Этот батальон сыграл немалую роль 14 декабря 1825 года. Свою любовь к саперам и инженерному делу Николай Павлович сохранил на всю жизнь. «Наша инженерная часть», «Мы саперы», «Мои саперы», «Я — старый гвардейский сапер» — эти слова были весьма частыми в его лексиконе^{141}. Став императором, он иногда по привычке, некстати, вмешивался в управление инженерными войсками. Сенатор Великого княжества Финляндского К. И. Фишер даже заметил по поводу планов укрепления Аландских островов (в Бомарзунде): «Государь был чувствителен к критике инженерных планов (неудобство раздачи должностей великим князьям). Государь во всю свою жизнь сохранил в себе остатки генерал-инспектора по инженерной части»^{142}.

Одновременно продолжалась служба и по линии гвардейского корпуса. В 1818 году Николай Павлович был назначен командиром 2-й бригады 1-й пехотной дивизии под начальством барона Г. В. Розена, а с мая 1821 года — генерал-лейтенанта И. Ф. Паскевича. В составе бригады находились полки: Измайловский, шефом которого Николай Павлович числился с 11 июня 1800 года, и Егерский, а также Гвардейский морской экипаж. По просьбе

великого князя 18 апреля 1819 года в состав его бригады был включен и его любимый гвардейский Саперный батальон.

Занятия по управлению инженерными войсками, в состав которых после введения в 1818 году бригадного управления, были включены конно-пионерные и понтонные части, ранее находящиеся в артиллерии, отличались многообразием. Вскоре, 24 ноября 1819 года, Александром I был утвержден доклад Николая Павловича об учреждении Главного инженерного училища (позднее ставшего Николаевской инженерной академией с училищем) с целью «образовать искусных инженерных, саперных и пионерных офицеров»^[143]. Ближайшими сподвижниками Николая Павловича в этом начинании были граф К. И. Опперман и генерал-майор граф Е. К. Сиверс, ставший первым начальником училища. Император Александр I писал Е. Ф. Татариновой, занимавшей апартаменты в замке: «Брат Николай просит у меня Михайловский замок под инженерное училище, в чем я не могу ему отказать»^[144]. По иронии судьбы торжественное открытие Главного инженерного училища последовало в присутствии Николая Павловича 11 марта 1820 года — в годовщину убийства Павла I. В Модельной зале замка в 8 часов утра состоялся молебен. Впрочем, передача замка в Инженерное ведомство затянулась до 1822 года.

Преподаватели подбирались весьма тщательно самим великим князем. Так, по его инициативе и под его ответственность в училище стал работать профессор К. И. Арсеньев, незадолго до этого в числе 11 профессоров уволенный из университета по доносу члена Главного правления училищ М. Л. Магницкого. Когда его начальник, попечитель С.-Петербургского учебного округа Рунич представлялся великому князю по случаю награждения аннинской звездой, Николай Павлович, не дав сказать ему ни слова, с иронией заметил: «Сделайте одолжение, нам очень нужны такие люди, пожалуйста, выгоняйте их побольше из университета, у нас для всех найдутся места»^[145]. Великий князь вникал во все детали учебного процесса, он ввел в программу преподавание тактики и уставов. На свои средства великий князь содержал сверх штата собственных пансионеров. В созданную при замке отдельную чертежную он передавал некоторые свои чертежи, рисунки и модели. Став императором, Николай Павлович также часто посещал училище.

В ведении генерал-инспектора по инженерной части находилось строительство казарм, госпиталей, крепостных сооружений. Повеления Александра I сообщались Николаю Павловичу обычно через А. А.

Аракчеева, и ему же великий князь должен был докладывать об их исполнении. Сохранилась переписка о сооружении казарм и госпиталя в Ярославле, покупке Инженерным департаментом лесной «дачи» у полоцкого помещика Юрьева, необходимой для строительства Динабургской (город Двинск) крепости^[146]. На бланках управления генерал-инспектора по инженерной части можно прочесть «выражения благодарности» графу Аракчееву за присланные им списки чинов различных учреждений, другие документы, свидетельствующие о довольно жестком контроле за военной деятельностью Николая Павловича со стороны А. А. Аракчеева. Их взаимоотношения строились на чисто служебной основе и никогда не выходили за эти рамки.

Как командир бригады в 1821 году Николай Павлович участвовал в походе гвардейского корпуса в литовские губернии и после маневров при местечке Бешенковичи оставался там с войсками на зимних квартирах. Всю осень, зиму и весну он провел в Виленской губернии, дважды наведываясь в Петербург (повидаться с матерью и присутствовать на дне рождения Александра I). В начале 1821 года, когда И. Ф. Паскевич вступил в командование гвардией, великий князь временно исполнял обязанности начальника 1-й пехотной дивизии. Тогда же, в 1822 году, в гвардейском Саперном батальоне по предложению августейшего шефа был организован оркестр «медной» музыки, то есть духовых инструментов. После возвращения Саперного батальона из Литвы он занял первое место среди военных оркестров, или, как тогда говорили, «хоров» роговой музыки. С этого времени медные трубы полковых оркестров нового образца вошли в быт русской армии. В виде исключения лейб-гвардии Саперному батальону 17 февраля 1824 года было пожаловано знамя, что в принципе являлось привилегией исключительно тяжелой пехоты, не считая двух полков легкой пехоты — Егерского и Финляндского, получивших знамена за участие в боевых действиях 1812 года^[147].

Царственный брат Александр I явно не торопился продвигать по службе великого князя, который при всей своей сдержанности и осторожности уже начинал тяготиться ничтожной ролью бригадного командира. В рукописном дневнике А. С. Меншикова от 15 ноября 1823 года сохранилось любопытное свидетельство. Когда А. Ф. Орлов сказал великому князю, что «хочет отделаться от бригады», Николай Павлович, покраснев, воскликнул: «Ты — Алексей Федорович Орлов, я — Николай Павлович; между нами есть разница, и ежели так тошна бригада, то каково же мне командовать бригадой, имея под своим начальством инженерный

корпус!»^[148] Это недовольство и раздражение иногда приводили к нежелательным срывам в общении с подчиненными. В феврале того же года произошла ставшая известной «Норовская история». На смотре лейб-гвардии Егерского полка Николай Павлович выразил недовольство строевой подготовкой 3-й роты ее командиру штабс-капитану В. С. Норову в столь оскорбительной форме, что офицеры полка потребовали от него «сатисфакции». Не получив ее, 20 офицеров подали рапорты о переводе их на службу в армию (несколько человек было переведено в армию тем же чином). Впрочем, скандал удалось замять.

О том, что Николай Павлович готовил себя к большему, свидетельствует его «собственноручная записка» с предложениями по реформированию армии с целью уменьшить расходы на ее содержание. Написанная по-русски, хотя и несколько корявым слогом, она показывает неплохое знание комплектования армии и военной статистики. Записка интересна и общими высказываниями Николая Павловича, в которых отражена его известная в дальнейшем нелюбовь к «гласности», особенно если на военные темы рассуждают непрофессионально: «Мысля, когда во всяком обществе рассуждают гласно обо всех мерах правительства, нередко весьма фальшиво, иногда же не совершенно без основания, всего чаще слышишь, что наша армия так сильно давит государство, что нет способов поддержать 35 миллионам населения миллион солдат; к чему служит она в мирное время; что от этого Россия должна разоряться и погибнуть, и тому подобное. И скажу даже, что к тому столь сильно привыкли, что сии речи вошли как бы в пословицу и в разговоре весьма часто на третьем слове очутится одна из знакомых фраз... Не причисляясь к числу многих про то толкующих, не могу скрыть, что невольно иногда и мои мысли обращались к сему предмету, столь близкому каждому, носящему военный мундир; не стану и говорить ни про виды политические, ни вообще про причины, побуждающие правительство хранить ту же систему, рассуждать про это не подлежит подданным, еще же менее военным... Учреждение военных поселений, когда приведено будет к полному окончанию, будет иметь без сомнения самые благие последствия как для государства, так и для войска...»^[149] Чувствуется, между прочим, что русский язык еще только осваивается великим князем.

Под «видами политическими» Николай Павлович, судя по всему, подразумевает препятствия для подготовки обученного резерва в связи с тем, что значительную часть рекрутов поставляла крепостная деревня. Военные поселения А. А. Аракчеева, одной из целей которых было

самообеспечение части армии, критиковать также было опасно. Предложения Николая Павловича более скромны. Во-первых, он предлагает уменьшить численность штатных генералов и офицеров, а также запретить перевод из гвардии в армейские части в чинах ниже подполковника. Известно, что по Табели о рангах при переводе из гвардии в армию офицеры получали преимущество в один, а то и в два чина, что создавало известные привилегии для представителей аристократической части офицерства и обеспечивало более стремительный рост их карьеры. Более существенным предложением Николая Павловича был принцип частичного «кадрирования» армии, когда каждая часть имела бы свой небольшой обученный резерв, призываемый в случае войны. По новым штатам, как подсчитал Николай Павлович, армия сократилась бы на 75 770 человек и примерно 30 тысяч лошадей, а общие расходы составили бы 34 804 339 рублей и 32 с четвертью копейки. Эта четверть копейки весьма характерна. В ней вся суть характера великого князя, скрупулезность и требовательность в мелочах, доходящая до придирчивости, которая так часто портила его взаимоотношения с подчиненными. Мысль о создании хотя бы небольшого обученного резерва, судя по всему, была дорога Николаю Павловичу. Став императором, он постарался претворить ее в жизнь. Впрочем, не все поддержали это начинание. Когда в 1834 году Н. Н. Муравьев (будущий Муравьев-Карский) представил государю свою записку, где, между прочим, критиковал этот принцип, Николай I откликнулся раздраженной репликой на полях рукописи: «Весьма неосновательно»^[150]. И все же вряд ли можно безапелляционно причислять Николая Павловича к «законченному типу военного бюрократа», как это иногда делается^[151].

Во всяком случае, в отличие от Константина Павловича, он разделял мысль многих своих учителей о необходимости соответствия уровня образования офицеров требованиям теории и практики военного дела. Этим вопросам он уделял много внимания. Он согласился стать почетным членом общества при Главном гвардейском штабе для издания «Военного журнала». Помимо Главной инженерной школы, с именем Николая Павловича связано учреждение 9 мая 1823 года Школы гвардейских подпрапорщиков, той самой, где учился и М. Ю. Лермонтов (позднее преобразованной в Николаевское кавалерийское училище). В Москве, по воспоминаниям современников, великий князь часто посещал Школу колонновожатых, прообраз военной академии для подготовки штабных офицеров. Поддержал он и мысль своего учителя К. И. Оппермана об

издании «Инженерных записок». Этот журнал он в дальнейшем внимательно штудировал. В то же время он, как и многие строевые командиры, недолюбливал офицеров Генерального штаба. Потребовалось время, чтобы на практике, в поле, он приобрел уважение к их знаниям.

Так проходили годы. Только 3 марта 1825 года Николай Павлович был назначен начальником 2-й гвардейской пехотной дивизии. Зная привязанность брата к своим подшефным частям, Александр I изменил распределение гвардейских полков по бригадам. Таким образом, в состав 2-й дивизии вошли 3-я бригада (измайловцы, павловцы, гвардейский Саперный батальон) и 4-я бригада (егерцы и финляндцы). Но горький осадок за все эти годы остался в душе Николая Павловича, которому становилось все труднее мириться со своей участью. Когда граф А. И. Рибопьер, находившийся в 1824–1826 годах с миссией в Турции, представлялся после прибытия Николаю I, тот не скрыл своих чувств: «Что скажешь?.. Ты оставил меня бригадным генералом, а видишь теперь императором»^{152}.

«Аничковский рай»: Первые годы семейной жизни

Среди серых будней единственным утешением и радостью для великого князя был «Аничковский рай», как Николай Павлович называл первые годы семейной жизни, проводимые (во время пребывания его в столице) в Аничковом дворце. «Если у тебя кто-нибудь спросит, — как-то сказал Николай Павлович одному из своих приближенных, — в каком уголке мира скрывается истинное счастье, сделай одолжение, пошли этого человека в Аничковский рай»^{153}. На одном из бюстов Александры Федоровны работы немецкого скульптора Христиана-Даниеля Рауха Николай Павлович приказал сделать надпись: «Счастью моей жизни»^{154}. О взглядах самой Александры Федоровны на замужество красноречиво свидетельствует ее более позднее недатированное письмо некой подруге Софии в связи с вступлением последней в брак: «...Всегдашнее призвание женщины есть составлять счастье других, и призвание это прекрасное и великое. Оно — наша цель здесь на земле. Ради Бога, чтобы не было эгоизма, честолюбивых желаний, сердечной сухости! Питайте сердце свое чувствами кроткими, живите для мужа и детей, и Вы увидите, что жизнь не будет вам трудна, что она еще даст Вам удовольствие и что напоследок Вы будете счастливы»^{155}.

В первое совместное лето молодожены отправились в Павловск под присмотр Марии Федоровны, в то время как Александр 1 и Елизавета Алексеевна сначала находились в Царском Селе. Пока все было внове, интересно для Александры Федоровны: празднества, балы, нехитрые развлечения, участие в смотрах войск. Хотя определенный психологический дискомфорт она ощущала, этикет при дворе Марии Федоровны несколько тяготил. «Образ жизни в Павловске, — писала впоследствии Александра Федоровна, — показался мне особенно приятным, так как я с детства сообразовывалась с привычками других, то мне и в голову не приходило жаловаться на то, что я должна обедать, гулять и ужинать при дворе, более или менее заботясь о своем туалете... Мы сами чувствовали некоторое желание быть независимыми, то есть иметь собственный угол. Но в то время, как я заметила, подобная мысль меня не беспокоила. Напротив, я чувствовала даже признательность к свекрови...»^{156} («Собственный угол» в виде дачи-коттеджа, названной ее

именем «Александрия», появится только после того, как в 1825 году Александр I подарит Николаю Павловичу участок под Петергофом на берегу Финского залива.) Впрочем, замечала далее Александра Федоровна, «мало-помалу все привыкли к моим манерам, видя мое неизменное ко всем благоволение, проистекавшее от доброго сердца, и мне простили маленькие отступления от этикета ради врожденных мне изящества и живости». В отличие от Елизаветы Алексеевны, постоянно находившейся «в остуде» у Марии Федоровны, молодой невестке удалось добиться расположения свекрови, и «старушка Ш. К. Ливен» как-то заметила: «Вы любимица вдовствующей государыни»^{157}. Вскоре заговорили о беременности Александры Федоровны.

После того как 20 июля двор Александра I переселился в Петергоф, туда перебралась и великокняжеская чета, чтобы принять участие в праздновании тезоименитства Марии Федоровны, сопровождавшемся, как обычно, великолепной иллюминацией. Этот день совпадал с днем рождения Фридриха Вильгельма III, отца Александры Федоровны. Вскоре после этого Александр I должен был отправиться в поездку по России, завершавшуюся его многомесячным пребыванием вместе со всем двором в Москве. Перед тем как отправиться вслед за императором, молодые супруги 13 сентября устроили свой первый маскарад в Аничковом дворце. Николай Павлович в паре с принцем Вильгельмом в костюмах немецких солдат XVIII века разыграл сцену встречи двух ветеранов Семилетней войны. Маску Николая Павловича украшала большая бородавка. Александра Федоровна была в костюме индийского принца^{158}. Через неделю, 18 сентября, Николай Павлович с супругой медленно и осторожно двинулись в путь. Дорога заняла целых 12 дней.

В Первопрестольной Александра Федоровна отправилась в Успенский собор, где с трудом сделала 18 земных поклонов. Во время пребывания в Москве под руководством поэта В. А. Жуковского великая княгиня обучалась русскому языку и литературе. Между ними установились доверительные отношения. Великая княгиня произвела впечатление на поэта. В дневнике от 6 ноября 1817 года В. А. Жуковский отметил: «... Светлое утро и светлость в сердце. Урок мой был очень приятен: в моей ученице час от часу открываю более милых, непорочных прелестей сердца. Душа, откровенная до младенчества; ум прекрасный, но еще не наученный опытом. Я говорил с нею о высокой ее цели и о прекрасном образе, который она имеет в своей матери»^{159}. Правда, ученица не блистала познаниями, а наставник — педагогическими способностями. Уроки В. А.

Жуковского, вероятно, были «приятны», но не всегда достигали цели. Позднее в своих мемуарах Александра Федоровна напишет, что В. А. Жуковский был «слишком поэтичный, чтобы оказаться хорошим учителем»^{160}. Еще несколько лет великая княгиня не могла произносить длинных фраз на русском языке. Впрочем, как отмечала она, в то время еще «мало говорили по-русски, тогда как в настоящее царствование на нашем национальном языке говорят и чаще, и более правильно, а это очень хорошо, ибо вполне естественно»^{161}.

В то время ученица маститого поэта была весьма далека от житейских проблем. Однажды В. А. Жуковский застал ее за «важным» делом: выбором драгоценных камней. «Она спросила у меня, — пишет поэт, — люблю ли я камни? — Не знаю, люблю ли, потому что никогда не имел их; но больше думаю, что не люблю. — Она не выучила своей басни и с большим горем рассказывала мне, что ей было некогда»^{162}. Новшеством, введенным Александрой Федоровной в период жизни в Московском Кремле, было устройство под Рождество первой в России новогодней елки — обычай, который только стал распространяться в начале века в Германии. Через год елка появится и в Петербурге в Аничковом дворце.

17 апреля 1818 года в семейной жизни великокняжеской четы произошло важное событие. Родился первенец Александр Николаевич. «Первым певцом его рождения» стал В. А. Жуковский. Император Александр I узнал о рождении племянника во время поездки по Бессарабии и сделал свой подарок — тут же назначил его шефом лейб-гвардии Гусарского полка. В июне в Москве и Петербурге, куда двор переехал к 19 июня (1 июля), пышно принимали приехавшего с визитом союзника Фридриха Вильгельма III. Тогда петергофский праздник впервые был приурочен ко дню рождения Александры Федоровны, совпадавшему с днем рождения отца. Через несколько дней Фридрих Вильгельм покинул Россию, вскоре за ним последовал и брат Вильгельм.

Тем временем великокняжеская чета осваивала Аничков дворец, распахнув его двери для столичного общества. Осенний сезон в Петербурге был открыт балом в Аничковом дворце 3 октября. Осенью 1818 года наиболее частым, до трех раз в неделю, развлечением стало посещение театра, в первую очередь немецкого, более привычного тогда Александре Федоровне. В самом Аничковом дворце проходили литературно-музыкальные вечера, часто ставились театральные инсценировки, в которых с удовольствием принимал участие и Николай Павлович.

Семейная жизнь шла своим чередом, и 6 августа 1819 года в Павловске

родилась дочь Мария. Николай Павлович сначала был несколько огорчен, ожидая второго сына. Впоследствии же Мария стала его любимой дочерью. Плохая погода в Красносельских лагерях была причиной несчастья: 10 июля 1820 года в Павловске у Александры Федоровны родился мертвый ребенок. Николай Павлович заботливо ухаживал за женой. Александра Федоровна вспоминала: «В то время производили фурор романы Вальтера Скотта, и Никс читал их мне. Я была очень слаба, очень бледна и интересна (как рассказывали), когда я вновь появилась при Дворе. Со стороны некоторых, а именно Орлова и Бенкендорфа, я была встречена косыми взглядами и минами. Чтобы утешить меня в горе, что я произвела на свет мертвого ребенка, мне пообещали зимой поездку в Берлин»^[163].

Впервые после замужества Александра Федоровна в сопровождении супруга отправляется в Германию на воды и посещает родной Берлин. В свите находился и В. А. Жуковский. Тогда в Берлине произошло памятное для всех событие. По предложению герцога Карла Мекленбургского в честь гостей было решено устроить грандиозное театральное действие по пьесе английского поэта-романтика Томаса Мура (1779–1852) «Лалла Рук». Эта пьеса, написанная в 1817 году на восточные сюжеты (переведена на немецкий язык в 1820 году), состояла из прозаического текста, в который были включены четыре стихотворные поэмы. Фабула пьесы состояла в том, что некий бухарский хан Абдаллах сватает в жены своему сыну Аларису «тюльпаношкеку» Ладду Рук, дочь могольского владетеля Индии в 1658–1707 годах Аурангзеба — последнего подлинного правителя династии. Жених и невеста должны были впервые встретиться в Кашмире. В пути Лаллу Рук сопровождает бухарская свита, в которой находится поэт Фераморс, развлекающий принцессу своими рассказами. По замыслу постановщика, ставились «живые картины» на сюжеты четырех поэм, включенных Томасом Муром в прозаический текст: «Покровенный пророк Хоросана», «Рай и пери», «Огнепоклонники», «Свет гарема». Заключительным сюжетом пьесы был праздник роз в Кашмире. В 123 ролях пьесы в качестве актеров были заняты принц Вильгельм, различные немецкие принцы, принцессы, знатные гости. Главными же исполнителями стали Александра Федоровна в роли Лаллы Рук и Николай Павлович в роли принца Алириса, скрывающегося во время путешествия под видом поэта. Постановка должна была напомнить о свадебном путешествии самой Александры Федоровны.

Александра Федоровна была великолепа в своем костюме. Корона разделяла волосы, падавшие по обе стороны лица локонами, достигавшими дивных плеч. Стан облегал лиф из золотой парчи, концы широкого пояса

ниспадали на белые одежды. Наряд был украшен жемчугом и драгоценными камнями, даже восточные туфли были осыпаны изумрудами. Розовое газовое покрывало, затканное серебряными нитями, облакало прозрачным флером ее фигуру. Этот костюм стал одним из ее любимых маскарадных костюмов, и впоследствии его хорошо знали при дворе. Костюм Николая Павловича, придуманный им самим, состоял из голубого кафтана и широкого пояса, желтых восточных туфель и зеленой чалмы^{164}. Праздник состоялся в Большом королевском дворце 27 января 1821 года, повторное представление было дано 11 февраля для трех тысяч берлинцев в театре. Через год появилось изданное графом Брюлем иллюстрированное издание, посвященное этой постановке с 23 раскрашенными гравюрами. Большое впечатление образ двадцатитрехлетней Александры Федоровны в образе Даллы Рук произвел на В. А. Жуковского, и ранее равнодушного к своей ученице. Он даже начал в апреле 1821 года создавать предназначенный для нее рукописный журнал «Далла Рук», перевел несколько поэм Томаса Мура и написал два стихотворения, посвященных великой княгине под названиями «Далла Рук» и «Явление поэзии в виде Даллы Рук». В первом из этих стихотворений появилась строфа, ставшая знаменитой в русской поэзии:

Ах! не с нами обитает
Гений чистой красоты:
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты...^{165}

Это стихотворение, ходившее в рукописных списках, впервые было опубликовано лишь в 1827 году. Оно было известно А. С. Пушкину, и поэтическая фраза В. А. Жуковского — «гений чистой красоты» — появилась в стихотворении, посвященном А. П. Керн^{166}. Отныне к поэтическому псевдониму Александры Федоровны «Белый цветок» — в честь любимых ею белых роз (впрочем, она любила и васильки) — добавился еще один: «Далла Рук». Именно Александру Федоровну имел в виду и А. С. Пушкин в восьмой главе «Евгения Онегина»:

И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший, тесный круг,
Подобно лилии крылатой,
Колеблясь входит Лалла-Рук,

И над поникшею толпою
Сияет царственной главою
И тихо вьется и скользит
Звезда-Харита меж Харит,
И взор смещенных поколений
Стремится, ревностью горя,
То на нее, то на царя, —
Для них без глаз один Евг[ений],
Одной Татьяной поражен,
Одну Т[атьяну] видит он ^{167}.

Во время пребывания великокняжеской четы в Берлине началось греческое восстание. Решать проблемы, обострившиеся в связи с ним, в контексте Восточного вопроса Николаю Павловичу придется сразу после вступления на престол. Пока же он принял деятельное участие в денежном сборе в пользу православного населения Эллады. После кратковременного отъезда в Петербург Николай Павлович, вернувшись, сопровождал супругу в путешествии по Рейну, предпринятом под именем генерала и генеральши Романовых. Они посетили Галле, Франкфурт-на-Майне, Ахен и побывали на водах в Эмсе. Затем великокняжеская чета снова гостила в Берлине, где Николай Павлович не упускал возможности более детально ознакомиться с прусской армией. Он принял участие в маневрах под Потсдамом и даже предложил Александре Федоровне походный обед, который сам приготовил на костре из риса и говядины, запасливо положенных в ранец. Этим же летом Николай Павлович и Александра Федоровна посетили курорт Спа в бельгийской части Нидерландов, ставший модным еще с того времени, когда там пил минеральную воду Петр 1.

Продолжительный отдых на водах способствовал восстановлению здоровья Александры Федоровны. 30 августа 1822 года в Петербурге родилась дочь Ольга, а 12 июня 1825 года в Царском Селе — дочь Александра. Еще трое сыновей появились на свет, когда Николай Павлович стал императором. Все они получили имена в той же последовательности, какая была у братьев Николая Павловича: после Александра это были Константин (родился в Петербурге 9 сентября 1827 года), Николай (в Царском Селе 27 июля 1831 года), Михаил (в Петербурге 13 октября 1832 года).

Великий князь Николай Павлович щедро одаривал супругу подарками в пределах отведенной ему сравнительно скромной суммы на карманные и

комнатные расходы, предусмотренные по штату в 48 тысяч рублей. Так, в 1823 году из 40 477 рублей расходы на Александру Федоровну (не считая некоторых совместных, таких, как абонирование ложи в театре за 1000 рублей) составили: в Английский магазин (первый, в сущности, универсальный магазин столицы, находившийся на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы) по счету за жемчуг — 5000 рублей, в уплату ее долга — 5500 рублей, ювелиру Рюмплеру за кушак — 2928 рублей, секретарю ее высочества Шамбо за разные вещи — 5257 рублей. Ювелиру Дювалю было уплачено 662 рубля за фермуар^[4]. Нетрудно подсчитать, что только эти расходы составили 19 597 рублей. Расходы Николая Павловича были связаны с покупкой книг, военной артиллерии для своих коллекций, подарками (например, сабля для Михаила Павловича за 600 рублей), благотворительностью, оплатой вещей неизвестного назначения, купленных в Спа, небольшими тратами на карточные игры и т. д.^{168}

В эти годы сложился устойчивый семейный уклад, принципиально не нарушенный и после воцарения, хотя государственные заботы и обязанности, связанные с этикетом, стали отнимать больше времени. Александра Федоровна быстро уставала и не любила длинные придворные церемонии, не выстаивала долгих церковных служб. В то же время ее романтически-сентиментальное воспитание приводило к определенной внутренней сосредоточенности, которая, при всей внешней веселости, свойственна интровертным натурам. «Всю жизнь, — писала Александра Федоровна, — жила во мне склонность к меланхолии и мечтательности. После развлечений светской жизни я любила углубляться в самое себя, и в такие минуты природа оказывалась для меня столь же необходимой, как хорошая проповедь...»^{169} Она приходила в восторг от «хорошенькой Дудергофской горы с ее дикой природой» и других красивых видов. Позднее, когда она станет императрицей, здесь появятся ее дачи и мызы, как традиционно назывались помещичьи имения в северной части Петербургской губернии, относившейся ранее к шведской Ингерманландии. Но пока все это было впереди.

«Наш ангел»: Старший брат Александр I

Ангелу, венчающему Александрийский столп на Дворцовой площади, торжественно открытый в августе 1834 года, были приданы черты лица Александра I. При Николае I освободитель Европы от Наполеона стал превозноситься и как освободитель России. К слову сказать, известная пушкинская строка об Александре I — «в двенадцатом году дрожал»^[170] — отнюдь не способствовала выяснению истинной роли императора Александра I в победе над Наполеоном. Как бы он ни «дрожал», его непоколебимая уверенность в необходимости бескомпромиссной борьбы с Наполеоном (для него к тому же и личным врагом) стала одним из факторов общей победы. Признавая этот факт, Н. Г. Чернышевский писал: «Главнейшими причинами нашего торжества в 1812 году должны быть признаваемы твердая решимость императора Александра Благословенного, патриотизм народа, мужество наших армий и искусство полководцев»^[171]. Въезжавший в 1814 году в арьергарде русской армии в Париж, раздосадованный, что император задержал его в дороге, Николай Павлович, тем не менее, воспринимал брата именно как Императора-Освободителя. Позднее, став императором, он подчеркнет его роль средствами «монументальной пропаганды». Несомненно, ему импонировали и многие черты личности Александра I, столь обходительного в личном общении и умевшего при желании стать «душой общества». Еще в большей степени эти симпатии декларировались как самим Николаем Павловичем, так и его официальными летописцами. Историк Н. Г. Устрялов в своем труде о царствовании Николая I, просмотренном и исправленном самим Николаем Павловичем, писал о намерениях нового императора сразу же после восшествия на престол: «Первым царским словом императора Николая I был обет: жить единственно для любезного отечества, царствовать, как царствовал Александр Благословенный, чтобы совершить все, что желал он для счастья России, и, следуя примеру его, стяжать благословение Божие и любовь народную»^[172].

«Наш ангел!» — так Александра Федоровна и Николай Павлович называли между собой Александра I, естественно, несколько редактируя свои высказывания для истории. В дневнике Николая Павловича от 23 ноября 1825 года появилась запись: «Постоянное беспокойство за Ангела»^[173]. После получения известия о его кончине Александра Федоровна записала в своем дневнике под 27 ноября: «Ангел

действительно стал Ангелом на небесах, он у Бога. Ах, вся его жизнь была лишь приготовлением к смерти»^{174}. А Николай Павлович откликнулся несколько выпренной сентенцией: «Ангела нет больше на этом свете! Конец моему счастливому существованию, которое он создал для меня! Служить ему, его памяти, его воле — вот чему посвящаю я остаток моих дней, — все мое существование! Да поможет мне Бог и да пошлет мне его в Ангелы-хранители!»^{175} О «благоговейном отношении к старшему брату», по мнению авторов довоенного путеводителя по петергофскому коттеджу Николая I, свидетельствовали и портрет Александра I кисти Доу, и профильное его изображение на письменном столе с надписью: «Наш ангел на небесах»^{176}. Эта была известная фраза из письма ставшей вдовой императрицы Елизаветы Алексеевны к Марии Федоровне^{177}. О «трогательных» отношениях между Николаем и Александром пишет и один из современных исследователей^{178}.

И все же полной близости не было. Непринужденным отношениям между братьями препятствовала не только разница в возрасте в 19 лет. Николай Павлович знал брата разным. Он помнил, как в ночь убийства отца «Александр рыдал в глубине комнаты»^{179}. В детстве чувство ревности и досады вызывали приближенные к Александру I лица, как, например, Аракчеев. По свидетельству князя П. В. Долгорукова, младшие братья — Николай и Михаил, которых Александр I «трактовал весьма свысока, как мальчишек», «терпеть не могли Аракчеева»^{180}. Повзрослев, Николай Павлович чувствовал себя ущемленным фактическим отстранением от кормила государства. Даже внешне великий князь Николай Павлович старался не подражать царственному брату. Вот что пишет камер-паж Александры Федоровны П. М. Дараган, вспоминая 1817 год: «В то время император Александр Павлович был в апогее своей славы, величия и красоты. Он был идеалом совершенства. Все им гордились, и все в нем нравилось, даже некоторая изысканность его движений, сутуловатость и дергание плеч вперед, мерный твердый шаг, картинное отставление правой ноги, держание шляпы (треуголки не столько носили, сколько держали в руке. — Л. В.) так, что всегда между двумя развернутыми пальцами приходилась пуговица от галуна кокарды, приветливая манера подносить к глазу лорнетку; все это шло к нему, всем этим любовались. Не только гвардейские генералы и офицеры старались перенять что-либо из манер императора, но даже великие князья Константин и Михаил поддавались общей моде и подражали Александру в походке и манерах. Подражание это у Михаила Павловича выходило немного утрированно, карикатурно. По

врожденной самостоятельности характера не увлекался этой модой только один князь Николай Павлович»^{181}. Итак, младшие братья — Николай открыто, Михаил на уровне шаржа — отстаивали собственную манеру поведения, что бросалось в глаза внимательным наблюдателям. Позднее, сравнивая Николая I с Александром I, маркиз де Кюстин писал: «Люди, знавшие императора Александра, говорят о нем совсем иное: достоинства и недостатки братьев противоположны; они вовсе не были похожими и не испытывали один к другому ни малейшей приязни. У русских вообще нет привычки чтить покойных императоров, на сей же раз вычеркнуть минувшее царствование из памяти приказывают разом и чувства, и политика. Петр Великий ближе Николаю, чем Александр, и на него нынче куда большая мода»^{182}.

В изданной вскоре после смерти Николая I рукописи графа де Пасси содержалось утверждение: «Более энергический, чем император Александр, и менее суровый, чем Константин, государь Николай I был рожден для повеления народами»^{183}. Чрезвычайно важно и другое свидетельство современника — литератора Н. И. Греча: «Соперничества Константина Павловича император Александр не боялся, цесаревич не был ни любим, ни уважаем и давно уже говорил, что царствовать не хочет и не может. Александр боялся превосходства Николая и заставлял его играть жалкую и смешную роль бригадного и дивизионного командира, начальника инженерной частью, не важной в России. Вообразите себе, каков бы был Николай со своим благородным, твердым характером, с трудолюбием и любовью к изящному, если бы его готовили к трону хотя бы так, как приготавливали Александра»^{184}.

О чрезвычайной подозрительности «ангела» Александра I даже по отношению к членам семьи свидетельствуют некоторые фразы из воспоминаний Александры Федоровны: «Александр, столь добрый ко мне, был, однако, для меня причиною большого огорчения. Оставаясь везде самой собою, то есть действуя без расчета и показывая себя таковою, какова я была на самом деле, в надежде быть понятой, я не уразумела подозрительного характера императора — недостатка, вообще присущего людям глухим, император с трудом мог расслышать своего визави за столом и охотнее разговаривал с глазу на глаз с соседом. Ему казались такие вещи, о которых никто и не думал, будто над ним смеются, будто его слушают затем только, чтобы посмеяться над ним и будто мы делаем друг другу знаки украдкой от него. Эта подозрительность доходила до того, что становилось прискорбно видеть подобные слабости в человеке с

прекрасным сердцем и умом... Мы называли его в наших интимных письмах просто ангел, а не император, и, разумеется, он не мог найти людей более преданных ему, чем Николай и я»^{185}. О подозрительности и скупости Александра I писали и другие современники^{186}, а Денис Давыдов обратил также внимание и на его кокетство: «...Конечно, блестящий ученик Лагарпа, коего подозрительный и завистливый характер немало всем известен, не был лишен недостатков, вполне женственное кокетство этого Агамемнона новейших времен было очень замечательным...»^{187}

Семейная жизнь Александра I не удалась. Брак, подготовленный Екатериной II, не стал счастливым, хотя сначала таким казался. Он был заключен с дочерью маркграфа Карла Баден-Дурлахского принцессой Луизой-Марией-Августой (родилась в Карлсруэ 13 января 1779 года, миропомазана 9 мая, обручена 10 мая, повенчана 28 сентября 1793 года), когда Александру Павловичу не исполнилось 16 лет, а невесте — 15. Накануне бракосочетания, когда молодая пара забавлялась игрой в жмурки, веревочку и фанты, придворные умилялись. «Это Психея, соединенная с Амуром», — говорила о них Екатерина II^{188}. В «Секретных записках о России» Ш. Массон писал о Елизавете Алексеевне: «Она полюбила молодого великого князя, который должен был стать ее супругом и был равен ей красотой и скромностью. Она от чистого сердца готова была делать все, что от нее требовали: изучала русский язык, брала уроки греческого катехизиса и в скором времени уже могла публично исповедать свою новую веру; бородатый епископ совершил над нею таинство миропомазания, нанеся миро на ее нежные обнаженные руки и ноги, после чего она была провозглашена великой княгиней Елизаветой Алексеевной. Екатерина предпочла дать ей собственное отчество...»^{189} Сбылась, однако, русская примета, предвещавшая несчастье. Приближаясь к трону Екатерины II при первом еще приеме, Луиза, споткнувшись о его ступеньку, упала. От Елизаветы Алексеевны Александр I имел двух дочерей, умерших в младенчестве. Особенно близко она восприняла рождение 18 мая 1799 года княжны Марии Александровны, так же как и смерть ее 27 июля 1800 года от той же болезни, от которой скончается и Александр Павлович, — воспаления мозга. Это был психологически трудный период в ее жизни, заполненный тайными письмами к матери с обличением произвола Павла I и желанием «революции». «Последняя улыбка замерзающей Психеи, — писал Д. С. Мережковский, — любовь, если это можно назвать любовью, к гр. Головиной. Любовь Психеи к

Вакханке»^{190}. Когда Александр Павлович нашел ее письма к подруге, он потребовал объяснений. Впрочем, пограничной полосой между супругами пролегла ночь с 11 (22) на 12 (23) марта 1801 года. В отличие от Александра Павловича Елизавета смогла сказать открытое «да» и перевороту, и убийству Павла I. По мнению некоторых современников, среди пьяных военных, заполнивших Михайловский замок, непродолжительное время она была единственной властью. «Вот чего не мог простить ей Александр, — писал Д. С. Мережковский. — Произнесенное «да» легло между ними безмолвной чертой, связало и разделило их навеки. Она была ему не по плечу. Он хотел любить свободу, — она любила; с ним делалось, она делала. Для слабой тетивы слишком тяжелая стрела»^{191}. К своей супруге Александр Павлович постепенно охладел, причем Мария Федоровна во многом ставила это в вину своей слишком язвительной и умной невестке.

С 1801 года началась близость Александра I с супругой обер-егермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина, имя которого было упомянуто в известном пасквиле, полученном А. С. Пушкиным 4 ноября 1836 года. Уже в 1804 году секретарь Саксонского посольства в Петербурге писал об императоре: «В обществе император беседует большею частью с женщинами; а столь молодой, красивый и любезный монарх, конечно, имеет успех. До сих пор он остается верен одной привязанности и избрал предметом ее самую красивую женщину при дворе. Мария Антоновна Нарышкина, полька по происхождению, рожденная княжна Четвертинская, сумела снискать расположение Александра I, и он верен ей уже три года, несмотря на некоторые мимолетные непостоянства, составляющие, по-видимому, удел как монарха, так и частного человека. Однако привязанность эта сохраняет вид салонного ухаживания, не принимая того оттенка гласности, которым нередко отличается привязанность монархов»^{192}. Отношения окрепли после возвращения Александра I из Аустерлица в 1805 году. Именно с Нарышкиной он попытался создать семью частного человека, любимой женщине было запрещено вести разговоры о политике.

Императрица Елизавета Алексеевна горько переживала непостоянство и легкомыслие супруга, но продолжала его любить. В тяжелые минуты Александр Павлович вновь шел с ней на сближение. Так было накануне войны с Наполеоном в 1806 году. Литератор Ф. Ф. Вигель писал о столичных новостях той поры: «Все лето 1806 года прошло для правительства в приготовлениях к новой войне с Наполеоном... Приятная весть сначала шепотом, потом громко разнеслась по Петербургу:

императрица сделалась беременна... Уважаемая, но оставленная супругом, горестная мать, лишившаяся единственного утешения своего, единственной малолетней дочери, Елизавета Алексеевна была предметом его (русского народа. — Л. В.) сострадания и благоволения. Ее обожали, Константина Павловича ненавидели; а государь, полюбив войну, показывал желание всегда лично находиться в сражениях...»^{193} Впрочем, гром пушек в ночь с 3 на 4 ноября 1806 года, возвестивший о рождении ребенка, не изменил ситуации. Вновь родилась девочка: «Бедное дитя, названное по имени матери Елисаветою, было принято народом с досадою, как неудача; тем более привязалась к ней мать, которая, однако же, как и с первой дочерью Мариною, была счастлива ею только полтора года»^{194}. Вторая дочь умерла в 1808 году. Немногим пережив супруга, императрица Елизавета Алексеевна тихо скончалась во сне 4 мая 1826 года по пути из Таганрога в Москву в Белеве.

Появляясь с Елизаветой Алексеевной только на официальных приемах, Александр Павлович начал ее открыто третировать. Маркиз де Кюстин, наблюдая в 1839 году в Петербурге полонез, вспомнил времена своей молодости, когда 25 лет назад он танцевал полонез на балу во времена Венского конгресса: «Случай поместил меня между российским императором и его супругой, урожденной принцессой Баденской... Внезапно цепь танцующих пар по непонятной причине остановилась, музыка же продолжала звучать. Император нетерпеливо перегнулся через мое плечо и очень резко сказал императрице: «Двигайтесь же!» Императрица обернулась и, увидев за моей спиной императора в паре с женщиной, за которою он уже несколько лет открыто ухаживал, произнесла с непередаваемой интонацией: «Вежлив, как всегда». Самодержец взглянул на меня и прикусил губу. Тут пары двинулись вперед — танец возобновился»^{195}. От М. А. Нарышкиной Александр Павлович имел нескольких девочек — двух Елизавет, скончавшихся в младенчестве в 1803 и 1804 годах, и Зинаиду, умершую в 1810 году. Дольше других прожила София (Софи), трогательное письмо которой к «Рара» на английском языке, написанное крупным детским почерком, сохранилось в архиве. Ее кончина в 1824 году тяжело переживалась Александром Павловичем. Сын — Эммануил Дмитриевич Нарышкин — воспитывался за границей. Он прожил долгую жизнь и перед смертью в 1902 году уничтожил переписку своей матери.

Летом 1819 года во время летних лагерей в Красном Селе, после смотра 2-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, которой командовал

Николай Павлович, состоялся конфиденциальный разговор Александра I с братом о судьбах престолонаследия. К тому времени у великокняжеской четы уже был сын Александр, а Александра Федоровна вновь ждала ребенка. Император отметил «семейное блаженство» Николая, которого не знал ни он сам, ни их брат Константин. Николай Павлович так передал смысл его слов, произнесенных в присутствии Александры Федоровны: «Константин решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем более что они оба видят в нас знак благодати Божьей, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство»^{196}. Соответствующие документы были подготовлены Александром I только в 1823 году. Но даже спросить о подробностях документов относительно престолонаследия Николай Павлович не решался. Мария Федоровна, хорошо знавшая подозрительный характер старшего сына, не советовала Николаю первым начинать этот разговор.

Во всех российских церквях продолжали провозглашать здравие императору Александру I и наследнику цесаревичу Константину Павловичу... Александр I сохранял свое право на рокировку братьев.

«Дорогой и бесценный Константин»: Цесаревич

Если между Николаем и покойным братом — «ангелом» Александром, при всей внешней безоблачности отношений, в действительности возникали недоверие и напряженность, то в еще большей степени это проявлялось во взаимоотношениях с Константином Павловичем. Обращение к нему в письмах Николая «дорогой и бесценный Константин», или «дорогой и бесценный брат»^{197}, вряд ли должно вводить в заблуждение. Цесаревич был на 17 лет старше Николая (он родился в Царском Селе 27 апреля 1779 года) и всегда чувствовал свое превосходство над младшими братьями — Николаем и Михаилом. Это проявлялось еще в их детские годы. В рукописных воспоминаниях Н. М. Ламздорфа, сына Матвея Ивановича Ламздорфа, содержится свидетельство о том, что «его императорское высочество Константин Павлович советами, шутками и насмешками неоднократно затруднял действия воспитателя»^{198}.

Екатерина II связывала со своим вторым внуком различные несбывшиеся внешнеполитические прожекты. Благодаря одному из них — «греческому», он и получил свое имя, прозрачно намекающее на Константинополь. Кормилицей Константина одно время была гречанка Елена, а постоянным наставником — ставший графом грек Дмитрий Дмитриевич Курута, о котором Денис Давыдов впоследствии писал так: «Этот хитрый, но неспособный грек пользовался большим доверием великого князя»^{199}.

После того как в 1794 году ему исполнилось пятнадцать лет, Константин получил под свое начало 15 солдат, которых и начал муштровать. Решили, что он уже достаточно взрослый. В 1795 году генерал А. Я. Будберг вел соответствующие переговоры с домом Саксен-Заафельд-Кобургским. В октябре того же года супруга наследного принца Кобургского привезла на смотрины в Петербург трех дочерей. Граф А. А. Безбородко в письме к С. Р. Воронцову от 11 октября 1795 года писал: «Прибывшие сюда принцессы Саксен-Кобургские очень недурны, и притом очень хорош тон». Особо он отметил младшую шатенку, четырнадцатилетнюю Юлию-Генриетту-Ульрику (родилась в Готе 23 сентября 1781 года): она «довольно видна и приятнее других. Я думаю только, что она скоро толстеть станет. Выбор еще не сделан»^{200}. Ш. Массон, которого не стесняли соображения благопристойности, более скептически описал первое знакомство Константина Павловича с

претендентками на его руку: «Русские даже позволяли себе отпускать колкие замечания насчет этих принцесс, смеясь над старомодностью и дурным вкусом их одежд. Их представили ко двору только после того, как обновили их гардероб. Константину не понравилась ни одна из них; он говорил, что у них ужасно немецкий вид... Чтобы заставить его сделать выбор, пришлось подогрывать его воображение; и тогда он, к сожалению, указал на младшую, маленькую брюнетку, которая обнаруживала ум и внушала интерес. Она заслуживала большего счастья, нежели то, которое обещал ей характер супруга...»^{201} Воображение Константина «подогревалось», вероятно, и готовившимся к его свадьбе поистине царским подарком — он должен был стать владельцем Мраморного дворца, построенного по проекту Антонио Ринальди для Г. Г. Орлова и после его смерти купленного в казну у его братьев.

Жениху в то время пошел шестнадцатый год, хотя и выглядел он на все 23 года. Вот как описывала его мать принцессы: «У него широкое, круглое лицо, и если бы не курносый нос его, он был бы очень красив; у него большие голубые глаза, в них много огня и ума; ресницы и брови почти черные; небольшой рост и губы совсем пунцовые, очень приятная улыбка, прекрасные зубы и свежий цвет лица; в ясном взгляде видны кровь и душа неиспорченные... У него такая прямая душа, столько простоты, столько сочувствия ко всему великому и столько скромности!»^{202} Вероятно, герцогиня-мать увидела в женихе то, что ей хотелось увидеть. Оставим на ее совести некоторые поспешные комплименты. По мнению современников, внешне Константин больше всего напоминал покойного отца, хотя определенные черты сходства с отцом находили и у Михаила Павловича. Не только внешне, но и по характеру и темпераменту Константин походил на Павла Петровича. Сравнивая его с Александром Павловичем, Ш. Массон дал ему следующую весьма обстоятельную характеристику: «Этот молодой великий князь не имеет такой любезной и пленительной наружности, как его брат, но в нем больше смелости и живости: взбалмошность у него занимает место ума, а шалопайство — любви к народу... В нем были, однако, зародыши духовной и сердечной доброты, которыми пренебрегли его первые наставники... Несмотря на свою невыдержанность, он наделен способностями, кои могли бы сделаться блестящими качествами, потому что он мужественен, щедр и охотно выручает своих друзей. Его энергия неистощима, а свойственная ему откровенность редко встречается в принце. Впрочем, он достойный сын своего отца: те же странности и вспышки, та же жестокость, то же

буйство»^{203}.

Крепкое мускулистое телосложение делало Константина заметным среди придворных кавалеров. Современники отмечали его сутуловатость, небольшой вздернутый нос с несколькими светлыми волосинками на переносице, которые в минуты гнева приподнимались вместе с бровями, а на лице «отсутствие приятного выражения»^{204}. Любовью к мундиру и спартанскими наклонностями он выделялся даже среди братьев. Как отмечал П. Лакруа, «Константин спал мало, никогда не скидывал военного мундира. Вставал всегда в 3 часа утра»^{205}. Его слабостью были сигары, курение которых в высшем обществе считалось тогда дурным тоном.

Неудивительно, что брак, заключенный с Анной Федоровной, как стали звать принцессу после миропомазания, 15 февраля 1796 года, оказался неудачным во всех отношениях. По горячим следам Ш. Массон писал: «Кто бы мог вообразить, что молодой семнадцатилетний принц (17 лет ему исполнялось через два месяца после свадьбы. — Л. В.), живой и сильный, который только что женился на юной и прекрасной девушке, проснется после первой брачной ночи в пять часов утра, спустится на площадь перед дворцом и там с помощью палочных ударов будет муштровывать двоих солдат из своей охраны? Так поступил великий князь Константин. Не знаю, обещает ли эта воинственная ярость хорошего генерала, но она наверняка служит доказательством того, что он никуда не годный супруг»^{206}. Константин действительно пренебрегал супругой, и брак оказался бездетным. Сразу же после воцарения Павла I Константин был назначен шефом Измайловского полка, в который был включен и его гатчинский батальон. После коронации Павла I он сопровождал отца в его поездке по России. Вскоре он был также назначен генерал-инспектором всей кавалерии и главным начальником кадетского корпуса. Павел I явно к нему благоволил. В ноябре 1796 года ему было назначено денежное содержание в 100 тысяч рублей, супруге — в 60 тысяч. Но уже в декабре того же года он стал получать 500 тысяч рублей, как и его старший брат Александр. Он становится и помещиком Петербургской губернии: 2 июня 1797 года ему подарена мыза Стрельна, а 21 июня к ней дополнительно приписано 1500 душ крестьян. Во время Итальянского похода под именем графа Романова он находился в корпусе А. Г. Розенберга и получил замечание А. В. Суворова за неудачное вмешательство в руководство военными действиями. Почти весь Швейцарский поход Константин мужественно проделал пешком. За участие в этих кампаниях Павел I, в нарушение собственного закона о престолонаследии, 28 октября 1799 года

пожаловал Константину титул цесаревича, хотя его уже носил старший брат Александр. Характер великого князя за эти годы не изменился. Он по-прежнему был груб и несдержан.

В начале царствования Александра I произошла темная история, связанная с Константином, о которой некий саксонский дипломат в 1804 году писал весьма витиевато: «Как известно, супруга его, великая княгиня Анна Федоровна, урожденная принцесса Саксен-Кобургская, уже три года тому назад выехала из России и, кажется, никогда более не возвратится, так как обстоятельства, вызвавшие ее удаление, по слухам таковы, что не могут быть забыты императорскою фамилиею и не допустят примирения»^[207]. Суть дела была в таинственной кончине признанной красавицы Араужо, вдовы купца (по другим сведениям придворного ювелира или португальского консула), которая отвергла домогательства великого князя. Однажды ее увезли в Мраморный дворец, где она была изнасилована компанией пьяных офицеров, среди которых, как говорили, находился сам цесаревич. Когда ее тайком привезли назад, она была почти без чувств и умерла, успев произнести: «Я обещана». История получила громкую огласку. Александр I был вынужден назначить следствие, но виновных, как и следовало ожидать, не нашли^[208]. Анна Федоровна в том же году под предлогом лечения навсегда покинула Россию и уехала к родителям в Кобург (она умерла в Швейцарии 12 августа 1860 года и будет похоронена в родном Готе).

В то время как Александр I увлекся Марией Антоновной Нарышкиной, его брат Константин стал ухаживать за ее сестрой Жаннетой Антоновной Четвертинской, на которой в 1803 году, к неудовольствию Александра Павловича, даже хотел жениться. Уже упомянутый саксонский дипломат писал в 1804 году: «Великий князь проводит утро чрезвычайно деятельно. Исполнив до обеда все многочисленные обязанности корпусного начальника и инспектора трех округов, он обедает почти всегда у Марии Антоновны Нарышкиной и проводит у нее остальную часть дня с княжной Жаннетой Четвертинской, за которой он ухаживает уже три года. Чувство это сделалось даже настолько серьезным, что он, вероятно, женился бы на ней... Их величества никак не соглашались на это»^[209]. Затем наступил период увлечения французской актрисой Фридрихе, занимавшей помещения на третьем этаже Мраморного дворца. Их сын Павел Константинович Романов, родившийся в 1808 году, служил в армии и умер генерал-адъютантом в 1857 году.

Во время Наполеоновских войн Константин Павлович поначалу ничем

себя особо не проявил. В 1805 году он неудачно командовал гвардией при Аустерлице. В 1812 году Константин, как отмечает его биограф, «путался в армии и тылах и всем мешал»^{210}. Барклай-де-Толли выслал его из Витебска. Позднее он был отправлен в Тверь к великой княгине Екатерине Павловне. На исход войны Константин смотрел с пессимизмом и вместе с Марией Федоровной выступал за мир с Наполеоном, в то время как Елизавета Алексеевна всячески укрепляла решимость супруга бороться до конца. Тем не менее в конце 1812 года он вновь появляется в войсках. В дневнике Павла Сергеевича Пущина (будущего генерала) сохранилась любопытная запись от 15 ноября 1812 года: «Великий князь, став во главе кавалерии для похода, появился лишь в одном мундире без пальто, несмотря на сильный холод. Он желал подать пример, но нам было холодно, глядя на него»^{211}. Во время зарубежного похода русской армии, когда Николай и Михаил только бредили сражениями, Константин участвовал в битвах при Бауцене и Дрездене. Во время знаменитой Битвы народов под Лейпцигом он командовал резервами, а атака под его началом при Фер-Шампенаузе во время битвы за Париж оказалась одной из самых блестящих.

По условиям Венского конгресса 1815 года, значительная часть Польши была включена в состав России, причем Александр I обещал союзникам ввести там конституцию. Эти планы вынашивались давно. Еще 2 апреля 1814 года, разрешая командующим польскими войсками генералу Соколицкому и полковнику Шимановскому вернуться на родину, Александр I обещал, что польская армия, принявшая столь деятельное участие в походе на Россию, сохранит свое прежнее устройство, но командовать ею он назначит своего брата. Уже 9 (21) июня 1815 года было торжественно провозглашено «восстановление» Польши как Королевства (Царства Польского) в унии с Россией, а 15 ноября, находясь в Варшаве, Александр Павлович подписал Конституционную хартию Царства Польского. Наместником в Польше был назначен престарелый польский генерал Зайончек, а главнокомандующим польской армией при сохранении поста генерал-инспектора всей кавалерии — Константин Павлович, противник всяческого либерализма и конституций. В минуты гнева, как рассказывали, великий князь кричал на офицеров, что он «задаст им конституцию!»^{212} Отныне основным местопребыванием Константина стала Варшава. Мадемуазель Фридрихе, сопровождавшая Константина Павловича во время зарубежных походов 1813–1814 годов, вскоре должна была удалиться. Встреча с двадцатилетней графиней Жаннетой

Антоновной Грудзинской на одном из балов в 1815 году стала решающей в дальнейшей судьбе великого князя и отчасти в грядущих событиях междоусобицы.

Дочь графа Антона Грудзинского Жаннета (иначе Жанна, или Иоанна) родилась в Познани 17 мая 1795 года и получила образование в образцовом пансионе француза-эмигранта в Варшаве, а затем в Париже у мисс Колине. Современники отмечали ее образованность, такт, кроткий нрав и обаяние. Князь П. А. Вяземский уподоблял ее Ундине и находил, что, не будучи красавицей, она затмевала всех красавиц своим изяществом. Одна из современниц заметила, что «ни одна женщина, ни одна девушка не умела так нравиться»^[213]. Роман перерос в прочную и искреннюю привязанность, а в дальнейшем — в желание вступить в официальный брак.

Пока же Константин с увлечением отдается созданию польской армии, в которой срок службы был установлен в восемь лет, а оклады офицеров были выше, чем в русской армии. На смотр перед Александром I в Брест-Литовске 17 сентября 1823 года было собрано около 80 тысяч человек. По своему Константин любил свое детище, но его грубость и оскорбительное поведение стали причиной самоубийств пяти офицеров. Армия была хорошо обучена и вооружена. Но впервые в бой она вступила с... русскими войсками в начале 1831 года. Во время же Русско-турецкой войны 1828–1829 годов Константин Павлович добился от Николая I, чтобы его польская армия в ней не участвовала^[214]. Широкая до 1830 года автономия Польши и опора, как казалось Константину, на польскую армию давали ему относительную независимость и создавали возможности для политического маневра. В Петербург ездить он не любил и находил разные предлоги для отказа от таких поездок.

В 1816 году начальник штаба гвардейского корпуса Н. М. Сипягин предложил Константину Павловичу принять участие в Комитете по составлению нового военного устава. В ответном письме от 27 февраля того же года Константин Павлович писал: «Бога ради, избавьте подальше меня от вашего комитета сочинения воинского устава. Я от двух вещей бежал сюда из Петербурга за полторы тысячи верст: 1-е — в Мраморном дворце приемного зала и знаменной комнаты, и 2-е — вашего комитета. Боюсь поклонов и шаркания и сочинений устава так, что если мне сюда о нем будут писать, то я дальше еще за полторы тысячи верст убегу»^[215]. Тем не менее, когда дело доходило до военной муштры, все эти бравады оставались лишь словами. Денис Давыдов так писал о нем: «Цесаревич,

никогда не принадлежавший к числу бесстрашных героев, в чем я не один раз имел случай убедиться, страстно любил, подобно братьям своим, военную службу; но для лиц, не одаренных возвышенным взглядом, любовью к просвещению, истинным пониманием дела, военное ремесло заключается лишь в несносно-педантическом, убивающем всякую умственную деятельность парадировании»^{216}.

Константин Павлович не поддерживал новых веяний, робко проявлявшихся в армии, особенно в гвардии после заграничных походов. Среди таких начинаний было создание начальником Главного гвардейского штаба Н. М. Сипягиным «Общества военных людей» с целью повышения образования офицеров^{217}. Это предложение было дополнено идеей организации специальной библиотеки, «куда каждый офицер может приходить заниматься чтением и упражняться в делании выписок»^{218}. При библиотеке планировалось создать «Общество почетных и действительных членов, которого цель есть издание Военного журнала». Великие князья Николай и Михаил без промедления дали согласие быть среди его почетных членов. Иначе повел себя Константин Павлович. Он буквально взбесился от одной мысли оказаться наравне со своими младшими «братцами», тем более что мысль об «учености» офицеров ему была чужда. В ответном письме Н. М. Сипягину цесаревич писал: «...Но как в сем обществе, вероятно, есть члены — молодые офицеры, которые начали только служить и начнут писать, и хотя я весьма люблю, чтобы офицер имел хорошее образование и учился хорошо, но ученых из них не люблю... Не выдавши ничего и не зная настоящее дело опытом, прапорщик начнет писать и осуждать деяний фельдмаршала... Я скажу вам еще при том, что братцев своих, Николая Павловича и Михаила Павловича, хотя люблю сердечно, как нельзя уже более, но остаюсь в том мнении, что они, съездивши два раза в Париж и повояжировавши еще кой-где, могут ли рассуждать об разных военных обстоятельствах в надлежащем виде, как следует, не имевши никакого еще опыта?»^{219} Весьма красноречивое признание! Вряд ли мнение Константина Павловича о Николае могло принципиально измениться к 1825 году. Впрочем, по-своему цесаревич был все же прав. В общество, которое возобновило издание «Военного журнала» под редакторством Ф. Н. Глинки, вошли многие из будущих «декабристов» или лиц, близких к ним по своим взглядам: И. Г. Бурцов, М. К. Грабовский, А. Н. Муравьев, Н. Н. Муравьев, Е. П. Оболенский и др.^{220}

Отметим еще один момент. Если Константин Павлович, в отличие от Николая Павловича, и любил Польшу, хотя весьма своеобразно, то эта его

«любовь» не вызывала ответных чувств у поляков, за исключением, конечно, Жаннеты Грудзинской. Он не поддерживал более тонкой игры старшего брата Александра в польскую конституцию, высмеивая ее открыто, где только можно. По поводу первого польского сейма 1818 года он писал тому же Н. М. Сипягину: «Посылаю вам экземпляр программы бывшей здесь 15-го (27-го) числа в замке пьесы «Гратис», на которой я фигурировал в толпе народа, играя роль пражского депутата по избранию меня в гласные обывателями варшавского предместья Праги. Пьеса сия похожа на некоторую русскую комедию...» Отрицательно относился Константин и к позднейшим попыткам Николая исполнять Конституционную хартию и, в частности, коронованию его как короля Польши. Не случайно, не приобретя не только любви, но и элементарного уважения поляков, он будет вынужден бежать (притом, с точки зрения Николая Павловича, весьма непристойно для главнокомандующего) из Варшавы через Слоним в Витебск, опасаясь попасть в плен, так как в 1830 году почти вся польская армия перейдет на сторону восставших. Только смерть от холеры в Витебске 15 июня 1831 года избавит его от объяснений, весьма для него неприятных.

Можно только удивляться феномену общественного сознания, представлявшего цесаревича более либеральным и симпатичным по сравнению с Николаем Павловичем: благо, Николай досаждал в Петербурге, а Константин Павлович был далеко. Впрочем, как это обычно бывает, мнения разделились. Характеризуя умонастроения общества накануне 14 декабря 1825 года, французский посланник Ла Ферронэ напишет: «Дворянство и все, что связано с двором, открыто высказывается за Николая. В Константине их страшит его ненависть, как он сам признавался, к дворянству и боязнь встретить в нем характер отца. Напротив, армия, и особенно гвардия, высказывается за великого князя Константина...»^[221] По мнению одного из современных исследователей, большинство было за Константина, поскольку опиралось преимущественно на слухи. Армия знала о более легкой и сытой жизни своих сослуживцев в Польше; гвардейским офицерам цесаревич Константин Павлович был ближе и понятнее «как личность и как политический типаж»^[222]. Во время коронации в Москве в 1826 году цесаревичу приходилось раньше Николая Павловича уезжать с балов и из театров, так как народ явно оказывал ему лучший прием.

По разным причинам Константин в сравнении с Николаем был предпочтительнее для многих. А. С. Пушкин, узнав о смерти Александра I,

возлагал надежды на Константина. В письме к П. А. Катенину от 4 декабря 1825 года он отмечал, что в нем «очень много романтизма» и добавлял: «К тому же он умен, а с умными людьми все как-то лучше»^{223}. Н. П. Огарев о периоде междоусобицы писал: «Нам казалось, что он несравненно лучше Николая, что он человек свободы...»^{224} Показания бывшего члена Союза благоденствия, чиновника канцелярии петербургского генерал-губернатора Григория Абрамовича Перетца интересны упоминанием, что молодые офицеры вели разговоры «о взыскательности тогдашних великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича, наиболее о ныне царствующем государе-императоре, коего описывали скупым и злопамятным»^{225}. О непопулярности Николая Павловича писали впоследствии многие декабристы, в частности Г. С. Батенков, А. М. Булатов, В. И. Штейнгейль, которые отмечали, что великий князь несправедлив, мелок, придирчив, мстителен, скуп, любит шагистику и частые учения. Впрочем, известная неуравновешенность Николая Павловича была вполне понятна, двусмысленность положения действовала на нервы.

Позднее единомышленник Н. П. Огарева А. И. Герцен, вспоминая коронацию Николая I в Москве в 1826 году, напишет в своих размышлениях «Былое и думы» о Константине Павловиче и причинах симпатии к нему: «Он был тогда народнее Николая; отчего — не понимаю, и солдаты, для которых он делал один вред, любили его. Я очень помню, как во время коронации он шел возле бледного Николая, с насупившимися светло-желтого цвета взъерошенными бровями, в мундире литовской гвардии с желтым воротничком, сгорбившись и поднимая плечи до ушей»^{226}. Другой современник, хорошо знавший цесаревича, Денис Давыдов вспоминал о том же событии: «Прибыв в 1826 году в Москву для присутствия во время обряда коронования императора Николая, цесаревич был встречен сим последним на дворцовой лестнице; государь, став на колени пред братом, обнял его колени, что вынудило цесаревича сделать то же самое. Таким образом, свиделись оба царственные брата пред коронованием, по совершении которого цесаревич, выходя из собора, сказал Ф. П. Опочинину: «Теперь я отпет»^{227}. Но это будет позже. После событий 1820–1823 годов, когда Константин Павлович в безмолвном противоборстве потеряет последнюю возможность возложить на себя шапку Мономаха.

«Разве может встать между вами и мной вопрос о неудовольствии?»: Братские взаимоотношения на фоне трона

В 1803 году, два года спустя после «удаления жены» Константина Павловича Анны Федоровны, вдовствующая императрица Мария Федоровна пыталась образумить «блудного сына»: «Нравы, уже и без того растленные, испорченные, придут еще в вящее развращение через пагубный пример стоящего при самых ступенях престола, занимающего первое в государстве место»^{228}. Впрочем, понимая, что прошлое не вернуть, Мария Федоровна предлагала компромиссный вариант — выбрать новую невесту при обязательном утверждении ее кандидатуры: «В пребывание Ваше у разных дворов владетельных князей Германии изберите себе невесту, во всех отношениях вас достойную. Как скоро утвердитесь в вашем выборе и получите от меня и от императора дозволение, тогда на развод Ваш объявляю свое согласие»^{229}. Все это мало устраивало цесаревича. Он даже сочинил тогда шутливую песню, приравнивая новый брак с немецкой принцессой к пожару или наводнению. Теперь же, когда выбор его был сделан в пользу Жаннеты Грудзинской, такой вариант для Константина и вовсе становился неприемлемым.

Как уже отмечалось, летом 1819 года состоялась первая беседа императора с Николаем Павловичем относительно возможного престолонаследия, причем император ссылался на согласие Константина. Разговор об этом явно имел место. Когда в том же году великий князь Михаил Павлович проезжал через Варшаву, он встретился с Константином Павловичем, ожидавшим еще и Николая. «Видишь ли, Michel, — сказал он ему однажды среди своих приготовлений к встрече великого князя Николая Павловича, — с тобой мы по-домашнему, а когда я жду брата Николая, мне кажется, будто готовлюсь встретить государя... Я женат на женщине, которая не принадлежит ни к какому владетельному дому, и, что еще более, на польке: следственно нация не может иметь ко мне необходимой доверенности, и отношения наши всегда останутся двусмысленными. Итак, я твердо решил уступить престол брату Николаю, и ничто не поколеблет этой зрело обдуманной решимости. Пока она должна остаться в глубокой между нами тайне...»^{230}

В то время Константин Павлович еще продолжал добиваться права на развод с Анной Федоровной. Только 20 марта 1820 года последовал манифест. В нем говорилось, что супруга цесаревича еще в 1801 году удалилась в чужие края «и впредь возвратиться в Россию не может по крайне расстроенному ее состоянию». В связи с этим Синод разрешил развод согласно 10-му пункту духовного регламента. Но в манифест было внесено дополнение: «...Если какое лицо из императорской фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим соответствующего достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, в таком случае лицо императорской фамилии не может сообщить другому прав, принадлежащих членам императорской фамилии, и рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование престола»^[231]. Сам Константин формально сохранял права на российский престол. Речь шла только о его супруге и возможных детях, которые не становились наследниками. Это был так называемый морганатический брак^[5]. Подозрительный Александр I, несомненно, мог подумать и о возможном укреплении связей Константина Павловича с польской аристократией, и о перспективах использования братом польской карты. Если бы Константин в действительности мог чувствовать эпоху и реализовать свои амбиции в Царстве Польском! Но этого не произошло и не могло произойти. Во всяком случае, согласию на этот брак предшествовало вынужденное согласие Константина Павловича на негласный пока отказ от престола.

12 мая 1820 года состоялось венчание по православному обряду в церкви Королевского замка в Варшаве, а затем — по католическому в каплице замка. Кроме Дмитрия Куруты присутствовало еще три доверенных лица Константина Павловича. Цесаревич приехал в Королевский замок из своей резиденции в Бельведерском дворце один в кабриолете (легком двухколесном экипаже на одной оси без козел) на паре лошадей, которыми сам же и правил, и после обряда увез супругу на том же экипаже в Бельведер. В Петербург невестку не приглашали, хотя 8 июля того же года ей был пожалован титул княгини Ловичской по названию пожалованного цесаревичу имения Лович. По мнению биографов княгини, она, не вмешиваясь в политику, умела смирять вспыльчивый нрав своего супруга и заочно приобрела расположение императорской семьи. Именно через нее воздействовали на Константина Павловича, чтобы уговорить его все же приехать в Москву в 1826 году на коронацию Николая I. Позднее, во время польского восстания, уже больная, она окружила цесаревича заботой

и вскоре после его смерти скончалась «вследствие полного разложения внутренностей»^{232} в Царском Селе 17 ноября 1831 года, где и была погребена в склепе костела.

Продолжение интриги имело место в конце 1821-го — начале 1822 года, когда ко дню рождения Александра I, отмечавшемуся 12 декабря, все его братья были вызваны в Петербург, и около двух месяцев — впервые после 1816 года — вся семья Романовых пребывала вместе. Именно тогда, после посещения Михаилом Константином Павловича в Мраморном дворце, на прощание, когда младший брат уже садился в сани, цесаревич произнес известный монолог, который в русском переводе передается в различных изданиях с небольшими разночтениями: «Помнишь мои слова в Варшаве! Сегодня вечером все устроилось... Государь обещал составить обо всем этом особый акт и положить его к прочим, хранящимся на престоле в московском Успенском соборе; но акт этот будет содержим в глубокой тайне и огласится только тогда, когда настанет для этого нужная пора»^{233}.

После этого объяснения Константин Павлович написал письмо брату, помеченное 14 января 1822 года. Черновой его вариант предварительно был рассмотрен и исправлен самим императором. Практически это письмо было продиктовано императором: «Всемилоостивейший государь!.. Не чувствуя в себе ни дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, к которому по рождению моему могу иметь право, осмеливаюсь просить Вашего Императорского Величества передать сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение Нашего Государства. Сим могу я прибавить еще один залог и новую силу тому обязательству, которое дал я непринужденно и торжественно при случае развода моего с первой моей женой»^{234}. В заключение Константин Павлович обещал, «поступая в партикулярную жизнь», быть примером для верноподданных.

В ответном письме 2 февраля 1822 года Александр I писал: «Любезнейший брат!.. Нам обоим остается, уважив причины, Вами изъясненные, дать полную свободу вам следовать непоколебимому решению вашему, прося всемогущего Бога, дабы он благословил последствия столь чистейших намерений»^{235}. Впрочем, пока все это были скорее личные письма, чем официальные документы. Они были составлены так абстрактно, что в случае кончины Николая Павловича или его отказа от престола, давали возможность передачи короны и младшему брату Михаилу Павловичу. Константин так и не узнал точно, был ли составлен по

этому случаю обещанный манифест. В любом случае до его оглашения он не имел юридической силы.

Более чем через год после обмена письмами манифест действительно был подготовлен. Когда летом 1823 года архиепископ (впоследствии митрополит) Московский Филарет находился по делам в Синоде, министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын сообщил ему секретное повеление императора: ему было передано письмо Константина Павловича и поручено подготовить текст манифеста. Вскоре Филарет выполнил поручение и отдал проект манифеста Александру I во время приема в Каменноостровском дворце. Однако перед отъездом в Москву ему пришлось заехать в Царское Село, где на квартире А. Н. Голицына он вновь увидел свой текст, но уже после просмотра Александром I. Некоторые слова были подчеркнуты карандашом. Стараясь угадать смысл замечаний, Филарет внес исправления. Этот документ и был подписан Александром I в Царском Селе 16 августа 1823 года как манифест о добровольном отречении Константина Павловича от престола, в котором прямо говорилось: «... Вследствии того, на точном основании акта о наследовании престола наследником нашим быть второму брату нашему, великому князю Николаю Павловичу»^[236]. В пакетах, положенных на хранение в Государственном совете, Сенате и Синоде и в Успенском соборе, были копии документов, переписанные князем А. Н. Голицыным. Кроме архиепископа Филарета, о содержании заготовленных документов знали князь А. Н. Голицын и граф А. А. Аракчеев. После возвращения в Москву архиепископу удалось, не привлекая лишнего внимания, положить запечатанный пакет с манифестом и письмами за алтарем Успенского собора в специальный опечатанный ковчег. Если осенью и зимой в Петербурге прошли невнятные слухи о каких-то запечатанных пакетах, в Москве тайна была соблюдена^[237]. Секретные пакеты, запечатанные печатью императора, с манифестом Александра I о передаче права наследования престола от Константина к Николаю Павловичу имели собственноручную надпись Александра I: «Хранить в Государственном совете (аналогично — в Успенском соборе, Сенате, Синоде. — Л. В.) до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть, прежде всякого другого действия, в чрезвычайном собрании»^[238].

В современной исследовательской литературе отмечается одна из основных причин, почему Александр I, подготовив все документы для легитимного оформления передачи престола, так и не сделал их предметом гласности. Он считал, что «решение проблемы престолонаследия является

прерогативой только царствующей династии и потому должно быть сохранено в тайне от общества»^{239}. Но именно потому, что документы хранились в секретных конвертах, Александр I в любой момент мог потребовать их назад. Константин Павлович вообще мог сколь угодно долго мучиться вопросом о судьбе своего «отречения». В монографии о декабристе М. С. Луние, одном из доверенных лиц цесаревича, С. Б. Окунь пишет: «В то же время бесспорным представляется тот факт, что Александр, добившись отречения Константина, получив его согласие, счел необходимым скрыть от цесаревича манифест о передаче престола Николаю»^{240}. По мнению историка, Александр I подозревал Константина Павловича в том, что последний не считает вопрос окончательно решенным, а также в его тайной надежде на корону польскую. Впрочем, это был такой же зыбкий мираж, как несбывшиеся мечты Екатерины II на корону для него византийскую или даже шведскую. Константин Павлович так и останется лишь незадачливым претендентом на короны.

А вот мнение Н. Д. Чечулина и некоторых других исследователей о том, что Николаю Павловичу «не было ничего сообщено о существовании актов»^{241}, вызывает сомнение, хотя сам Николай Павлович старательно поддерживал эту версию. По крайней мере, в общих чертах о существовании манифеста Николай Павлович знал. Были осведомленные лица и за границей. Александр I сообщил о перемене в престолонаследии приезжавшему в Россию в октябре 1823 года брату Александры Федоровны принцу Фридриху Вильгельму. Не случайно и в берлинском придворном календаре на 1824 год Николай был назван наследником российского престола. Об этом же узнал и принц Оранский (будущий голландский король Вильгельм II), побывавший в Петербурге весной 1825 года. Но эта, возможно, сознательная «утечка информации» еще ни о чем не говорила. Современный исследователь справедливо пишет: «Пикантность ситуации состояла в том, что секретный пакет, в тайну которого были посвящены все заинтересованные лица, в любой момент мог быть востребован царем назад. Стоило Николаю сделать хоть малейший шаг, чтобы приблизить к себе престол, как трон был бы отодвинут от него»^{242}. Можно представить, какой моральной пыткой для Николая Павловича в его скромной военной должности была эта неопределенность в грядущей судьбе и двусмысленность положения. В свою очередь, это не увеличивало любви к «братцу Николаю» и со стороны Константина Павловича.

Через год после воцарения в предновогоднем письме к императору Николаю его брат Константин позволил себе нечто вроде легкого упрека и

кокетливого самоуничтожения. Цесаревич писал: «Моя бывшая служба двум покойным государям — вам порукой за меня на будущее. Да будет мое усердие вам приятно, и верьте его искренности. В противном случае скажите мне прямо, и повторять вам не придется — вы избавитесь от моей особы тот же час»^{243}. В ответном письме Николай Павлович пустился в общие рассуждения: «Разве может встать между вами и мной вопрос о неудовольствии? Если же это только, как я смею надеяться, выражение, вырвавшееся у вас из особо дружеского намерения (здесь и далее выделено Николаем Павловичем. — Л. В.), то знайте, что оно меня очень огорчило и что оно уничтожает иллюзию, которая одна только делает сносным мое положение, иллюзию, в которой я представляю себе, что вы и я, мы оба служим еще *нашему ангелу*»^{244}. Забыть об «ангеле» Александре I, который, впрочем, скорее походил на Аргуса, зорко охранявшего подступы к ступенькам трона, было трудно.

Глава вторая

ГОСУДАРЬ: НА СЛУЖБЕ РОССИИ

«Я долг святой исполнил, и Бог помог мне...»: Династический кризис

Когда Александр I подготовил документы о передаче престола Николаю Павловичу, князь А. Н. Голицын обратил его внимание на «неудобство», которое может возникнуть, «когда акты, изменяющие порядок престолонаследия, остаются на столь долгое время не обнародованными и какая может родиться от того опасность в случае внезапного несчастья»^{245}. Император после минутного молчания показал на небо и тихо сказал: «Будем же полагаться в этом на Господа. Он лучшим образом сумеет все устроить, нежели мы, слабые смертные». Действительно, старший брат просчитал все, кроме неожиданной смерти в Таганроге.

В первый день осени своего последнего года жизни, 1 сентября 1825 года, Александр I выехал из Царского Села в Таганрог, куда прибыл 13 сентября. Через десять дней к нему присоединилась императрица Елизавета Алексеевна, местом пребывания которой, в связи с прогрессирующей чахоткой (туберкулезом), был определен этот небольшой город на берегу Азовского моря. От лечения за границей и в Крыму отказались из-за лихорадки; кроме того, Таганрог с его сухим климатом по каким-то внутренним убеждениям императрицы был предпочтительнее. Между супругами, по наблюдениям современников, установились доверительные отношения. Правда, пребывание в Таганроге омрачило письмо А. А. Аракчеева с известием об убийстве в Грузии дворовыми графа его любовницы-домоправительницы А. Ф. Минкиной, полученное 22 сентября. Не спрашивая императора, Аракчеев передал все дела генерал-майору Эйлеру «по тяжкому расстройству здоровья». Неделями раньше поступил донос унтер-офицера 3-го Украинского уланского полка И. В. Шервуда о замыслах на цареубийство среди членов тайного общества. По свидетельству Николая Павловича, Александру I еще в 1818 году «сделались известными замыслы и вызов Якушкина на цареубийство...»^{246}. Этой и последующей информации о тайных обществах тогда не придали значения. После же своего последнего путешествия в Крым, состоявшегося 20 октября — 5 ноября, заболевший в дороге Александр Павлович почти не вставал с постели. Многие вспоминают, что он боялся принимать лекарства, опасаясь быть

отравленным заговорщиками. Не потому ли камешек, случайно попавший в сухарь, вызвал целое расследование. Александр Павлович не доверил его генерал-адъютанту П. М. Волконскому, которого назвал «старой бабой», а поручил расследование начальнику Главного штаба И. И. Дибичу^{247}. В ночь с 13 на 14 ноября в развитии болезни наступил критический момент. 19 ноября в 10 часов 52 минуты Александр Павлович скончался^{248}.

Н. И. Шениг вспоминал: «20 числа, князь Волконский, Дибич, Чернышев присутствовали при вскрытии тела, которое делали Виллие, Тарасов и другие доктора. Все тело найдено здоровым, только в голове нашли 5 унций воды... Перед концом он чувствовал страдания, при последних минутах просил у государыни прощения и умер, держа ее руку в своей... 21 ноября поутру в 9 часов, по приказанию Дибича, отправился я, как старший в чине... для присутствия при бальзамировании тела покойного государя. Вошед в кабинет, я нашел его уже раздетым на столе, и четыре гарнизонных фельдшера, вырезывая мясистые части, набивали их какими-то разваренными в спирте травами и забинтовывали широкими тесьмами. Доберт и Рейнгольд с сигарами в зубах варили в кастрюльке в камине эти травы. Они провели в этом занятии всю ночь, с той поры как Виллие вскрыл тело и составил протокол. Череп на голове был уже приложен, а при мне натягивали кожу с волосами, чем немного изменилось выражение черт лица. Мозг, сердце и внутренности были вложены в серебряный сосуд, вроде сахарной большой жестянки с крышкою, и заперты замком. Кроме вышесказанных лиц и караульного казацкого офицера, никого не только в комнате, но и во всем дворце не было видно. Государыня накануне переехала в дом Шахматова. Доктора жаловались, что все разбежались и что они не могут даже добиться чистых простынь и полотенец... По окончании бальзамирования одели государя в парадный общий генеральский мундир с звездой и орденами в петлице...»^{249}

В Петербурге только 25 ноября узнали о смертельной опасности жизни государя, что сразу же привело к династическому кризису. Историк М. М. Сафонов пишет: «Александр I, державший под контролем династическую ситуацию, мог бы царствовать как угодно долго. Но случилось непредвиденное: царь скончался, не дожив и до 48 лет. Известие о том, что Александр находится при смерти... положило начало борьбе за престол трех претендентов: вдовствующей императрицы Марии Федоровны, великих князей Константина и Николая»^{250}. По мнению историка, Мария Федоровна была не прочь повторить карьеру Екатерины II, тем более что ее честолюбивые надежды поддерживались как «немецкой» партией из ее

окружения, так и основными пайщиками Российско-Американской компании, видевшими именно в ней, а не в Николае, своего «агента влияния». Нет необходимости пытаться преувеличивать значение амбиций пожилой женщины, матери десятерых детей, игравшей роль своеобразного арбитра в отношениях между сыновьями. Однако распространенное мнение, что Мария Федоровна не играла никакой роли в надвигающихся событиях, также не соответствует фактам.

25 ноября петербургский почт-директор К. Я. Булгаков доставил через секретаря императрицы Марии Федоровны пакет из Таганрога с письмом И. И. Дибича. Такие же письма получили председатель Государственного совета князь П. В. Лопухин, генерал-губернатор М. А. Милорадович, дежурный генерал Главного штаба (постоянная должность в Главном штабе для руководства текущей работой) А. Н. Потапов. По свидетельству секретаря Марии Федоровны Г. И. Вилламова, он, выходя от императрицы, встретил великого князя Николая Павловича. Увидев в его руке письмо, великий князь сказал, что оно похоже на то, которое получил М. А. Милорадович^[251]. В письме И. И. Дибича от 15 ноября сообщалось, что в 5 часов утра Александр I исповедался и причастился Святых Тайн, что положение его опасное, хотя медики не теряют слабой надежды. Но к тому времени, когда Г. И. Вилламов встретил Николая Павловича, уже состоялось тайное совещание генералитета, в руках которого находилась вся военная власть в столице. Кроме упоминавшихся М. А. Милорадовича и А. Н. Потапова, в нем приняли также участие командующий гвардейским корпусом А. Л. Воинов и начальник штаба гвардейского корпуса А. И. Нейдгардт. О том, как проходило совещание, можно только догадываться. Но ясно, что М. А. Милорадович и А. Л. Воинов отправились к Николаю Павловичу с уже готовыми рекомендациями. При встрече М. А. Милорадович заявил, что если бы Александр I захотел передать престол Николаю Павловичу, то обнародовал бы манифест при жизни^[252].

Тщательно взвешивая слова, многое недоговаривая, Николай Павлович так запишет в дневнике о появлении 25 ноября около 6 часов вечера в Аничковом дворце военного губернатора: «...Иду в залы играть с детьми, вернулись к жене, ее нет; докладывают о Милорадовиче; пугаюсь; у меня, — он докладывает, что получил известие от Дибича, что Ангел очень плох! Уходит совершенно расстроенный. Матушка посылает за мною. У жены; сказал ей; у себя с нею; Крейтон, она отпускает его. В одноконных санях едем к матушке, она удручена, но покорна». После возвращения в Аничков дворец Николай Павлович вместе с женой в двухместной карете снова едет

в Зимний дворец: «...Матушка дает убедить себя прилечь в ее большом кабинете, зовет меня, очень тоскует; провожу ночь с Эдуардом»^{253}. Речь идет о флигель-адъютанте Николая Павловича В. Ф. Адлерберге, полное имя которого было Эдуард Фердинанд Вольдемар. Здесь же, в Малой передней Зимнего дворца остался и обер-гофмейстер Марии Федоровны П. Р. Альбедиль. На следующий день, заехав в 7 часов утра за вещами, Николай Павлович окончательно перебрался в Зимний дворец, оставив семью пока в Аничковом дворце.

27 ноября, когда между 11 и 12 часами служили обедню перед предполагаемым молебном во здравие Александра I в Малой церкви Зимнего дворца, камердинер Марии Федоровны Грим через стеклянную дверь в ризницу, где находились Мария Федоровна, Николай Павлович и Александра Федоровна, подал условленный знак. В своем дневнике Николай Павлович запишет: «... Во время молебна Гримм стучится в дверь, выхожу тотчас; в библиотеке, *батюшки* (выделено в тексте. — Л. В.); по фигуре Милорадовича вижу, что все потеряно, что все кончено, что нашего Ангела нет больше на этом свете!»^{254} Впрочем, несмотря на потрясение, Николай Павлович не забыл осведомиться о подлиннике письма. Ему ответили, что оно у генерала А. Н. Потапова. Когда Марии Федоровне сообщили о смерти сына, она упала, потеряв сознание, и была выведена из ризницы Александрой Федоровной. По другой версии, запечатленной секретарем Марии Федоровны Г. И. Вилламовым, это он вместе с лейб-медиком И. Ф. Рюлем принес скорбную весть Николаю Павловичу, когда тот находился в кабинете вдовствующей императрицы.

Как бы там ни было, сразу же после этого известия Николай Павлович, уже все для себя решив, направился в сопровождении присутствующих в Большую церковь Зимнего дворца для принесения присяги. Но так как ремонт церкви еще не был завершен, минут через десять все вновь вернулись через северные двери в Малую церковь. Николай Павлович приказал отцу П. В. Криницкому поставить аналой и положить на него Евангелие. Принесли присяжный лист, и Николай Павлович приказал священнику читать присягу. Дрожащим голосом, задыхаясь от рыданий, великий князь повторял за священником слова присяги, причем, как хороший актер, имя Константина Павловича произнес твердым и громким голосом. По официальной версии, он поспешил принести присягу добровольно, из чисто благородных побуждений. Вот как писал об этом один из составителей сборника, посвященного столетию Военного министерства, полковник Н. А. Данилов: «Здесь явилось смирение и

самоотвержение, поставившее великого князя Николая превыше властолюбивых увлечений. Он решительно отвергает вручаемое ему обольстительное самодержавие, упорно настаивает предоставить державу старшему брату и первый присягает императору Константину, а за ним безмолвно и все присутствующие»^{255}.

Уже около двух часов пополудни собрался Государственный совет. Князь А. Н. Голицын сообщил о запечатанных конвертах, которые следовало вскрыть прежде всякого другого действия. Пакет распечатали и манифест Александра I от 16 августа 1823 года прочли. Но это было распоряжение уже умершего императора, и мнения разделились. Пригласили отсутствующего члена Совета М. А. Милорадовича, который объявил, что Николай Павлович и войска присягнули Константину Павловичу, и предложил Государственному совету сделать то же. Его мнение было поддержано председателем одного из департаментов Государственного совета и Вольного экономического общества, вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, членом Комитета министров, одним из крупных пайщиков Российско-Американской компании и убежденным сторонником конституционной монархии адмиралом Н. С. Мордвиновым. Это было открытое давление на решение о присяге. Чтобы прояснить обстановку, решили пригласить самого Николая Павловича, но поскольку тот не был членом Государственного совета и на этом основании прийти отказался, все члены Совета в полном составе сами отправились к великому князю, тем более что заседания Совета тогда проходили в том же Зимнем дворце. В приемной зале апартаментов Михаила Павловича великий князь Николай Павлович со слезами на глазах предложил принести присягу Константину ради спокойствия государства. В ответ раздались рыдания некоторых членов Совета и даже возгласы: «Какой великодушный подвиг!» Свидетель тех событий военный министр А. И. Татищев впоследствии рассказывал: «...Великий князь Николай был действительно велик душою и характером. Звонкий голос его потрясал всех нас, а твердая воля убеждала. Никто из нас не пикнул и, как стадо овец, мы за ним начали присягать Константину, хотя некоторым и казалось это несправедливым, потому что воля покойного императора должна быть священной, тем более что цесаревич Константин добровольно отрекся от престола»^{256}. Парадоксальным было то, что в войсках гвардии, расквартированных в столице, присяга началась раньше, чем в высших государственных учреждениях! И все-таки Николай Павлович не мог быть вполне искренним, как бы ему этого ни хотелось и как бы ему в этом ни хотелось

убедить самого себя.

Как отмечает современный историк, неожиданная смерть Александра I дала Марии Федоровне еще один шанс: «При дворе у нее, в прошлом Виртембергской принцессы, была своя — немецкая партия. Основу ее составляли родной брат вдовствующей императрицы Александр Виртембергский, главноуправляющий ведомством путей сообщения, и Е. Ф. Канкрин, также германского происхождения, министр финансов. Сторонниками Марии Федоровны были председатель Государственного совета П. В. Лопухин и замещающий его на этом посту А. Б. Куракин. Мария Федоровна возглавляла ряд благотворительных учреждений и весьма успешно занималась коммерцией на почве благотворительности. Она была связана с финансовыми вельможно-аристократическими кругами, объединенными интересами Российско-Американской компании, которая стремилась направить русскую экспансию в Северную Америку, в Калифорнию, на Гаити, Сандвичевы (Гавайские. — Л. В.) острова. Для осуществления своих грандиозных планов эти круги нуждались в своем монархе и желали видеть на престоле слабую женщину. Мария Федоровна была самой подходящей кандидатурой для них. В числе сторонников вдовы Павла были военный генерал-губернатор Петербурга М. А. Милорадович, которому в те дни, по-видимому, уже мерещилась будущая роль Орлова, Потемкина или Платона Зубова»^[257].

Трудно судить, нужно ли было генералу от инфантерии графу Милорадовичу интриговать в пользу «немки в душе» (высказывание Н. И. Греча) Марии Федоровны. Возможно, его бы устроила и роль первого человека при старом боевом товарище Константине Павловиче. Узнав, что цесаревич отказывается от престола, М. А. Милорадович, проходя в своих комнатах мимо его портрета, сказал полковнику Федору Глинке: «Я надеялся на него, а он губит Россию». Вероятно, в чем-то он был солидарен и с Марией Федоровной и пользовался ее поддержкой. Адъютант М. А. Милорадовича А. П. Башуцкий утром 14 декабря 1825 года был у графа и обратил внимание на его перстень. М. А. Милорадович имел обыкновение носить перстни почти на всех пальцах руки, меняя их от случая к случаю, и в этот день надел новый перстень. «Тут, отпуская меня, граф впервые показал мне новый золотой перстень, с черною кругом эмалевою полосой и с медальоном, с рельефным на нем портретом императора Александра, которого он любил до невозможности. Перстень этот был прислан ему императрицею Марией Федоровной. «Notre ange est au ciel» («Наш ангел на небесах». — Л. В.)^[258] — произнес он, прочитывая надпись и крепясь,

чтоб сдержать слезы. «Поцелуйте», — сказал он, — протягивая мне перстень»^{259}.

Роль М. А. Милорадовича в событиях тех дней не совсем ясна, но, во всяком случае, она не была решающей; казалось, он выступал персонажем в трагикомическом фарсе, исход которого был уже предугадан Николаем Павловичем. Но тогда Милорадович чувствовал себя героем, навязывая решение в пользу Константина (или все же Марии Федоровны?). Он не понимал, что его просто используют, причем не только «немецкая партия», но отчасти и Николай Павлович. Последний не просто боялся гвардии, рупором которой выступал М. А. Милорадович. Он боялся обвинений в узурпации престола и разыгрывал свою партию с Константином. Он делал паузу, дожидаясь официального отказа от престола уже от имени «императора Константина».

Не все генералы были посвящены в тонкую игру М. А. Милорадовича в пользу Марии Федоровны, которая, казалось, специально запутывала ситуацию. Не хотела ли императрица в сложившейся обстановке предложить свою кандидатуру хотя бы в качестве регентши при малолетнем Александре Николаевиче (сыне Николая)? Хотя в силу указа Павла I от 5 (16) апреля 1797 года о престолонаследии она никаких юридических прав на престол не имела. Великого князя Михаила Павловича, следующего по старшинству после Николая, как серьезного претендента на престол, казалось, никто не воспринимал. Многие из высшего офицерства вполне искренне поддерживали кандидатуру Константина Павловича. Так, еще 10 декабря, за два дня до окончательного решения Николая Павловича самому, без помощи брата Константина, «брат» престол, уже упоминавшийся дежурный генерал Главного штаба А. Н. Потапов писал письмо «императору» Константину, умоляя его приехать в столицу: «Из глубины горящих к Вам искреннею привязанностью сердец наших мы взываем к Вам, государь: поспешите приездом Вашим в здешнюю столицу; явитесь перед гвардией, оживите народ! Все с восторгом встретят Вас, все-милостивейший государь»^{260}. У Константина Павловича, однако, были законные основания сомневаться в том, что все встретят его с «радостью». Он вернул письмо А. Н. Потапову «с наддразнением» и гневно отвечал: «Долг верноподданного есть слепое и безмолвное повиновение к высшей и священной власти»^{261}.

Получив 25 ноября в 7 часов вечера, то есть на два дня раньше, чем в Петербурге, известие о кончине старшего брата, цесаревич собрал в Бриловском дворце узкий круг должностных лиц, которым объявил о

смерти Александра Павловича. В то же время, отмечал один из свидетелей П. П. Колзаков, он ни словом не обмолвился о своем отречении: «Наш ангел отлетел, я потерял в нем друга, благодетеля, а Россия — отца своего...» Гневно и резко обрывал он тех, кто осмеливался называть его «Ваше величество»^{262}. Только позднее, уже на второй аудиенции, по воспоминаниям сенатора И. Д. Данилова, он огласил историю своего отречения, подтверждая верность слову, данному Александру Павловичу. Но поскольку ситуация и далее оставалась неясной, цесаревич держал в строгой тайне свою переписку с Петербургом, о которой знали только доверенные лица. Подтвердив письмами на имя «вселюбезнейшей родительницы» и «любезнейшего брата» свое старое решение, он сообщал, что уступает свое право на наследие Императорского Всероссийского престола великому князю Николаю Павловичу в силу рескрипта императора Александра от 2 февраля 1822 года (о манифесте от 23 августа 1823 года он мог только догадываться). Кроме того, цесаревич написал частное письмо к брату с обращением «Дорогой Николай». На следующий день его письма повез в Петербург находившийся тогда в Варшаве великий князь Михаил Павлович. После этого Константин стал ждать реакции из Петербурга.

Тем временем Россия присягала Константину Павловичу. Присяга в Москве состоялась 30 ноября. 10 декабря в Таганроге, в соборе, на верность цесаревичу Константину Павловичу присягнули П. М. Волконский, М. С. Воронцов, И. И. Дибич, граф К. О. Ламберт, казацкие генералы, офицеры и все городские жители^{263}. Подписные листы были посланы цесаревичу, который вернул их обратно в Таганрог. Между Петербургом и Варшавой непрерывно скакали курьеры. Среди них были адъютант Николая Павловича штабс-капитан А. П. Лазарев, старый друг Константина Павловича Ф. П. Опочинин, адъютант военного министра А. И. Татищева штабс-ротмистр А. И. Сабуров. Последний, узнав, что Константин Павлович гневается на обращение «Ваше величество», только тыкал пальцем на адрес пакета и бормотал: «К Вашему ...ству», что можно было понять и как «величеству», и как «высочеству». Впоследствии Константин Павлович смеялся над его находчивостью^{264}.

Сложилась странная ситуация, когда два брата учтиво отказывались от престола в пользу друг друга. Историк А. Е. Пресняков писал: «... Династический водевиль разрастался в дворцовую мелодраму. Затяжка междоусобицы придавала ему действительное значение кризиса государственной власти, попавшей в параличное состояние»^{265}. Другие

участники игры, Николай Павлович и Мария Федоровна, чьи цели временно совпадали, рассчитывали выиграть время, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. Когда же Константин 2 декабря получил известие о принесенной ему присяге в Петербурге (отослав к тому времени уже два письма с подтверждением старого отречения от престола), он понял, что проиграл. Правда, он поспешил все же дезавуировать законность этой присяги, в том числе в рескрипте П. В. Лопухину от 3 декабря. В тот же день в Петербург из Варшавы прибыл гостивший там великий князь Михаил Павлович, который, выполняя функции фельдъегеря-курьера, привез первые три письма Константина. Среди них не было того, чего ожидал Николай Павлович, — официального манифеста от имени императора Константина об отречении от престола. Цесаревич только подтверждал свое слово, данное Александру Павловичу. Естественно, что для объяснения верноподданным этих, по выражению великого князя Михаила, «домашних сделок»^{266} было недостаточно. Как отмечал секретарь Марии Федоровны, в то время «в комнатах императрицы происходили совещания, и Николай, казалось, был смущен»^{267}. Позднее на полях книги М. А. Корфа, в том месте, где описывался разговор Марии Федоровны с Николаем Павловичем, историк Н. К. Шильдер, столь сдержанный на страницах собственного официального труда, сделал запись: «Николай отказывался от престола потому, что не верил, чтобы Константин Павлович отказался от такого лакомого куска»^{268}.

В 1829 году во время посещения Польши Николай Павлович завел откровенный разговор с цесаревичем, с которым ехал вместе из Замосца в Луцк. «Надеюсь, — сказал государь, — что теперь, по крайней мере, ты отдашь справедливость моим тогдашним поступкам и их побуждению и сознаешься, что в тех обстоятельствах, в которых я был поставлен, мне невозможно было поступать иначе»^{269}. Как писал М. А. Корф, приведший эту цитату, «цесаревич опять старался прервать разговор и, наконец, сказал, что оставит после себя акт, в котором раскроется и его взгляд на это дело, и причина его действий». Но только после смерти светлейшего князя П. М. Волконского, последовавшей в 1852 году, при разборе его бумаг были обнаружены четыре одинаковых конверта с заглавием «Любезнейшим своим соотчичам от Его императорского Высочества великого князя Константина Павловича торжественное объявление». Оказалось, что после смерти цесаревича генерал Д. Д. Курута передал эти конверты П. М. Волконскому, который и хранил их нераспечатанными^{270}. В них находились письма с пометой «Варшава», но без года и числа.

Да, отношения между братьями простыми не назовешь. Как бы там ни было, после получения 3 декабря писем от Константина ситуация для Николая Павловича несколько прояснилась. Константин Павлович, оказавшись в ловушке, не желал нарушать слова, данного Александру I, и явно занимал враждебный нейтралитет, издали наблюдая за тем, как выпутается его младший «братец».

Именно с этого момента Николай Павлович начал готовить почву для переприсяги, не теряя пока надежды добиться отказа цесаревича от престола в более официальной форме. Ему удалось если не привлечь на свою сторону, то по крайней мере нейтрализовать тех, от кого зависела судьба престола и будущее России. Многие, запутавшись, сохраняли нейтралитет. Серьезным аргументом в пользу Николая Павловича оказался и заговор декабристов. Он явно вышел из-под контроля «немецкой партии» Марии Федоровны, так же как и владельцев контрольного пакета акций Российско-Американской компании. С последней прямо или косвенно (через акции, родственные или служебные отношения с основными пайщиками) были связаны многие из будущих декабристов: Я. И. Ростовцев, К. Ф. Рылеев, С. П. Трубецкой, Н. А. Бестужев, Д. И. Завалишин, В. И. Штейнгейль, служивший в канцелярии М. А. Милорадовича, Г. А. Перетц. Некоторые из морских офицеров, как, например, А. П. Арбузов, мечтали перейти на службу компании, обладавшей собственным флотом. Дом Российско-Американской компании, в котором находилась квартира К. Ф. Рылеева, а также дом адмирала Н. С. Мордвинова стали двумя штаб-квартирами заговорщиков. Накануне выступления мнения их разделились. Появилась идея сыграть самостоятельную партию. Современный историк междоусобицы 1825 года пишет: «...Если Штейнгейль и Батенков настаивали на прежнем варианте действий, который предполагал ввести конституцию посредством совершения дворцового переворота в пользу Марии Федоровны, то Рылеев и Трубецкой задумали совершить переворот государственный, предполагавший захват дворца, арест императорской фамилии, проведение радикального социального переворота. Их план строился на предположении, что противники Николая запустят в ход механизм дворцового переворота, а лидеры тайного общества сумеют овладеть ситуацией и сыграть свою игру. Примечательно, что главной ударной силой восставших должен был стать Гвардейский морской экипаж»^{271}. Были также и рядовые участники, искренне выступавшие в пользу Константина. В любом случае «партия» Марии Федоровны уже не могла владеть ситуацией. М. А. Милорадович, еще недавно хвалившийся 60 тысячами

штыков в кармане, также понял, что интрига провалилась. Не исключено, что 14 декабря 1825 года он честно попытался реабилитировать себя.

Необходимость борьбы с заговорщиками во имя сохранения самого принципа монархии была беспроблемным козырем в руках человека, решившегося открыто бросить перчатку своим противникам. Николай Павлович защищал не столько личные права на престол, сколько саму идею самодержавной власти.

«Послезавтра поутру я — или государь, или без дыхания»: 12–13 декабря 1825 года

Период междуцарствия, когда в формально-юридическом плане на престоле, скорее всего, находился все же «император» Константин Павлович, не признававший за собой этого титула, продолжался 17 дней: с 27 ноября (присяга Константину Павловичу в Петербурге) до 14 декабря (присяга Николаю Павловичу). Однако можно сказать, что все было решено уже в субботу 12 декабря.

Ночь с 11 на 12 декабря прошла в Зимнем дворце тревожно. Внутренний караул несла рота Московского полка, которая 14 декабря выйдет на Сенатскую площадь вместе со своим командиром штабс-капитаном Михаилом Александровичем Бестужевым. Впоследствии он вспоминал: «При смене дежурный капитан передал мне секретное предписание великого князя Николая Павловича: «Начиная от вечерней зари до утренней приводить часовых к покоям его высочества *лично самому капитану*» (выделено в тексте. — Л. В.). Во втором часу ночи, прошедши с часовым длинный коридор, освещенный одною только лампою, я остановился пред дверьми спальни его высочества, — часовые, один сходя с круглого матика, а другой, вступая на него, впотьмах нечаянно скрестились ружьями, и железо курков резко звякнуло. Почти в то же мгновение полуотворилась дверь и в отверстие показалось бледное испуганное лицо великого князя. — Что это значит? Что случилось? Кто тут? — спрашивал он дрожащим голосом. — Караульный капитан, Ваше Высочество, — отвечал я. — А, это ты, Бестужев! Что ж там такое? — Ничего, Ваше Высочество, часовые при смене сцепились ружьями. — И только?.. Ну, если что случится, то ты дай мне тотчас знать, — и он скрылся. — Это, по-видимому, ничтожное обстоятельство глубоко врезалось в его душу, что можно было заметить при личных его допросах, когда он несколько раз обращался ко мне с желчными упреками и когда вскоре после 14-го он составил дворцовую роту для охранения его особы более надежную стражею»^[272].

Оставляя без комментариев личные впечатления и объяснения М. А. Бестужева, обратимся к хронометражу субботнего дня 12 декабря 1825 года. Этот день был насыщен событиями. Утром в 5 часов 30 минут Николай Павлович был разбужен известием о прибытии из Таганрога

полковника лейб-гвардии Измайловского полка Александра Александровича Фредерикса (не путать с командиром Московского полка генерал-майором Петром Андреевичем Фредериксом). Пакет с секретным донесением был адресован «императору». На всякий случай И. И. Дибич отправил такой же пакет и в Варшаву. Поколебавшись, Николай Павлович все же вскрыл пакет. Начальник Главного штаба сообщал о раскрытии на Юге обширного заговора со связями в столице. Как отметил в дневнике Николай Павлович, «из петербургских заговорщиков по справке никого не оказалось налицо: все были в отпуску»^[273]. Но это была не вся правда. В донесении И. И. Дибича упоминались «гвардейский офицер Бестужев, служивший прежде во флоте, некто Рылеев (вероятно, секундانت покойного поручика Чернова на дуэли с флигель-адъютантом Новосильцевым) ...»^[274]. Мог ли Николай Павлович с его феноменальной памятью на лица и имена не знать этих людей? Именно штабс-капитан М. А. Бестужев, переведенный в лейб-гвардии Московский полк в марте 1822 года, стоял начальником караула в ночь с И на 12 декабря, когда и был получен этот пакет. Мог ли не знать он К. Ф. Рылеева, отставного артиллерии подпоручика, с 1824 года правителя канцелярии Российско-Американской компании, известного литератора и издателя, а также участника нашумевшей истории с дуэлью 10 сентября 1825 года?^[6]

Даже если предположить невероятное, что Николай Павлович не вспомнил их, то навести справки было не столь сложно. Тогда же Николай Павлович сообщил об этом письме трем лицам: военному губернатору М. А. Милорадовичу, главноуправляющему почтовым департаментом и своему человеку при дворе князю А. Н. Голицыну, а также своему личному другу генерал-адъютанту, командиру гвардейской кирасирской дивизией А. Х. Бенкендорфу. На совещании утром было решено узнать имена заговорщиков и приступить к арестам. Но, как известно, М. А. Милорадович, у которого потом в записной книжке нашли имена и адреса многих из них, не предпринял никаких шагов. В тот же день 12 декабря после обеда прибыл курьер из Варшавы с ответом Константина, в котором вновь не было ожидаемого Николаем Павловичем и Марией Федоровной официального манифеста с отречением от престола. В новом письме к брату от 8 (20) декабря цесаревич давал советы, как царствовать, а в письме к матери объяснял, что не может прислать манифеста, поскольку престола не принимал. Отказывался он и приехать в Петербург, чтобы своим присутствием подтвердить законность переприсяги: «Если бы я приехал теперь же, то это имело бы такой вид, будто я водворяю на трон моего

брата, он же это должен сделать сам...»^{275} «Водворять» брата Николая Константин явно не хотел.

Между прочим, после прибытия курьера из Варшавы Мария Федоровна пригласила своего секретаря Г. И. Вилламова. Он записал тогда в дневнике: «...После обыкновенного предисловия о необходимости сохранить тайну объяснила мне, что Константин еще 26-го ноября прислал акт, которым подтверждает отречение от престола; акт этот был доставлен Михаилом, но его хранили в тайне, чтобы дать Константину время узнать, что присяга принесена...»^{276} На самом деле первое письмо Константина Михаил Павлович привез 3 декабря, а его гневные письма после получения сообщения о присяге достигли столицы 7 декабря. Любопытно и откровенное мнение Г. И. Вилламова о младших великих князьях. Оказывается, вновь посланный из Петербурга в Варшаву Михаил Павлович застрял на станции Ненналь в ожидании «Бог знает чего». Снимая копии с ответов Константина после разговора с Марией Федоровной, Г. И. Вилламов сделал примечательную запись: «Хотя я с самого начала думал, что Константин не изменит своему слову, но я, сознаюсь, предпочел бы, чтобы он занял престол и дал время своему брату более созреть»^{277}.

После получения последних писем от цесаревича внимание Николая Павловича переключилось на подготовку текста манифеста о вступлении на престол и обработку генералитета. От активной поддержки командиров частей зависело многое. Известно, что Николай Павлович встречался с командиром Московского полка генерал-майором бароном П. А. Фредериксом, полковником лейб-гвардии Измайловского полка В. А. Перовским, командующим гвардейской пехотой генерал-лейтенантом К. И. Бистромом, дежурным генералом Главного штаба А. Н. Потаповым. Беседовал он также с главноуправляющим ведомством путей сообщения, своим дядей герцогом Александром Вюртембергским (который хотя и поддерживал партию Константина — Марии Федоровны, но все же занял выжидательную позицию), а также с его сыном, своим двоюродным братом, генералом от инфантерии принцем Евгением Вюртембергским. Встречался и с некоторыми гражданскими лицами, в частности, с будущим статс-секретарем и будущим главой II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии М. А. Балугьянским, с которым беседовал о предстоящей правительственной деятельности. И, конечно же, состоялся серьезный разговор с Марией Федоровной.

В напряженный день 12 декабря Николай Павлович получил дополнительную информацию к размышлению. Около девяти часов вечера

к нему пришел подпоручик лейб-гвардии Егерского полка, исполнявший должность старшего адъютанта командования гвардейской пехоты, член Северного общества Я. И. Ростовцев с пакетом от К. И. Бистрома. На самом деле в пакете лежало известное письмо самого Я. И. Ростовцева с предупреждением о заговоре. В своем письме Я. И. Ростовцев писал: «В народе и войске распространился уже слух, что Константин Павлович уже отказывается от престола. Следуя редко влечению Вашего доброго сердца, излишне доверяя льстецам и наушникам, Вы весьма многих против себя раздражили. Для Вашей собственной славы погодите царствовать. Против Вас должно таиться возмущение; оно вспыхнет при новой присяге, и, быть может, это зарево осветит конечную гибель России. Пользуясь междоусобиями, Грузия, Бессарабия, Финляндия, Польша, может быть, и Литва от нас отделятся. Европа вычеркнет раздираемую Россию из списка держав своих и соделает ее державою азиатскою, и незаслуженные проклятия вместо должных благословений будут нашим уделом... Всемиловитейший Государь! Ежели Вы находите мой поступок дерзким — казните меня... Ежели Вы находите мой поступок похвальным, молю Вас, не награждайте меня ничем; пусть останусь я бескорыстен и благороден в глазах Ваших и собственных!» Николай Павлович позвал Ростовцева в кабинет, обнял и поцеловал со словами: «Вот чего ты достоин»^[278]. О своем письме Ростовцев сообщил и вчерашним друзьям-заговорщикам (а именно Е. П. Оболенскому), уверяя, что не называл конкретных фамилий.

Я. И. Ростовцев пытался убедить Николая Павловича в возможности восстания не в Петербурге, а на Юге России; во всяком случае, так он писал в своем сообщении. На этом основании некоторые исследователи считают, что он выполнял план «северян» о дезинформации, тем более что они не знали о письме И. И. Дибича, полученном Николаем Павловичем утром^[279]. Однако Я. И. Ростовцев представлял не только «северян». Он контактировал с окружением Марии Федоровны и одновременно находился в тесной связи, в том числе и родственной, с пайщиками Российско-Американской компании, приходясь племянником ее директору Н. И. Кусову. «Демарш Ростовцева, — отмечает историк междоусобиц М. М. Сафонов, — был задуман как тонкий тактический ход. Он преследовал две цели: запугать Николая и заставить колеблющихся членов тайного общества действовать решительно, так как они уже преданы»^[280]. Второй цели Я. И. Ростовцев добился, первой — нет. А предал он в первую очередь К. И. Бистрома, который порвал отношения со своим адъютантом.

Известно, что К. И. Бистром был своим человеком в кругу Марии Федоровны. Вероятно, в ходе разговора Я. И. Ростовцева с Николаем Павловичем для последнего была важна та часть информации, которая вскрывала замыслы и возможности «партии Марии Федоровны и К⁰». Во всяком случае о письме Я. И. Ростовцева Николай своей матери не сообщил. Но именно после этой встречи великий князь сделал свою знаменательную приписку на письме к И. И. Дибичу, отправленном вечером 12 декабря с полковником А. А. Фредериксом: «Решительный курьер возвратился. Послезавтра поутру я — или государь, или без дыхания. Я жертвую собою для брата, счастлив, если как подданный исполню волю его. Но что будет в России? Что будет в армии?.. Я вам послезавтра, если жив буду, пришлю — сам еще не знаю кого — с уведомлением, как все сошло; вы также не оставьте меня уведомить о всем, что у вас или вокруг вас происходить будет, особливо у Ермолова»^[281].

Итак, информация, полученная Николаем Павловичем 12 декабря, была исключительно важной. Благодаря ей он мог более трезво взвесить свои шансы и оценить грозящую опасность.

Составление манифеста было поручено первоначально Н. М. Карамзину, но собственноручные наброски к манифесту у Николая уже имелись. Александра Федоровна отметила в своем «Кратком дневнике», что 9 декабря Николай Павлович только «показал свой манифест Карамзину»^[282]. Вечером 12 декабря к его написанию был привлечен М. М. Сперанский, известный своим быстрым пером и умением четко выражать мысли. Когда при Павле I писцам не хватало времени на «перебеливание» ответственных документов, он собственноручно писал их ночью. Теперь этот опыт вновь пригодился. Впереди также была ночь, так как в типографию текст нужно было сдать не позднее 13 декабря. Впрочем, по свидетельству Александры Федоровны, Сперанский был у Николая Павловича «для внесения исправления в манифест» уже 10 декабря. Как бы там ни было, теперь, когда проект манифеста, составленный Н. М. Карамзиным, был признан неудачным, именно М. М. Сперанский становился основным автором манифеста. На следующий день, 13 декабря, Николай Павлович (еще великий князь) одобрил проект манифеста, датировав его предшествующим днем 12 декабря, то есть днем, когда все было решено. Тем же числом было помечено и письмо, отправленное в Варшаву с извещением о вступлении Николая Павловича на престол^[283]. Одновременно Николай Павлович написал проект указа о назначении в случае своей смерти до совершеннолетия Александра Николаевича

правителем государства Михаила Павловича. Указ был издан в виде манифеста позднее, 22 августа 1826 года. О Марии Федоровне речь не заходила, поскольку Николай Павлович основывался на букве закона о престолонаследии.

Воскресным вечером 13 декабря Николай Павлович вызвал командующего гвардейским корпусом А. Л. Воинова и велел собрать утром 14 декабря для принесения присяги всех генералов и командиров отдельных частей. Начальник штаба корпуса А. И. Нейдгардт тотчас разослал «циркулярно по секрету» следующую повестку: «Начальник штаба Гвардейского корпуса генерал-майор Нейдгардт 2-й имеет честь уведомить, что командующий гвардейским корпусом приказать изволил завтрашнего дня, т. е. 14 числа сего декабря, в 7 часов утра всем гг. генералам, полковым командирам, равно командирам лейб-гвардии Саперного батальона, Гвардейского экипажа и Артиллерийских бригад, явиться в Зимний дворец к Его Императорскому Высочеству Государю Великому князю Николаю Павловичу. Одетым быть в полной парадной форме, а гг. генералам — в лентах»^[284]. В тот вечер шли последние приготовления всех участников противоборства: готовился Николай Павлович; готовились сторонники Константина, точнее — «партия» Марии Федоровны, в том числе оставшиеся тогда в тени деятели Российско-Американской компании, включая ее наиболее видного покровителя адмирала Н. С. Мордвинова; готовились «мятежники-реформаторы», будущие «декабристы». Их выступление было во многом на руку Марии Федоровне, но шансы, похоже, были невелики. Автор статьи о междоусобице М. М. Сафонов пишет: «Извещенный Ростовцевым Николай поспешил склонить на свою сторону генералитет и старших офицеров обещаниями генерал-адъютантства, флигель-адъютантства, различных повышений по службе. Николай обязал гвардейских полковых командиров под личную ответственность (!) привести полки к присяге. Солдатам была роздана большая сумма денег»^[285].

Последний тезис, основанный на поздних мемуарах некоторых декабристов, вызывает сомнение, тем более что артельные деньги, принадлежащие самим солдатам, не в счет. После того как Николай Павлович 12 декабря принял решение, у него оставалось слишком мало времени для открытой «предвыборной» агитации (до этого он был вынужден скрывать свои планы), да еще в стиле «демократа», обращающегося к солдатам. Манифест о вступлении Николая Павловича на престол стал известен не ранее 13 декабря, типография могла справиться

с тиражом его только к утру 14 декабря. Сама раздача денег выглядела бы как подкуп, свидетельствующий о шаткости позиций. Такой поступок был бы психологически невозможен для Николая Павловича. Наконец, каким солдатам, каких частей и какие деньги можно было безошибочно раздавать? Скорее всего, свидетельства современников отразили факт, имевший место через несколько дней после восстания 14 декабря. В «Описи изустным указам с декабря 1825 года и за 1826 год» под № 1 от 19 декабря значится указ военным министрам (то есть военному и морскому): «О выдаче денежного награждения полков лейб-гвардии нижним чинам, в приложенном списке означенным, — 4175 рублей». Это были значительные деньги. При аналогичном пожаловании 5 ноября 1826 года общая сумма составила 1754 рубля, то есть по одному рублю на человека. Во второй же половине декабря 1825 года были выданы денежные пособия офицерам от 1000 до 2000 рублей ассигнациями и различные подарки^{286}. Николай Павлович отлично понимал значение материальных стимулов.

Подводя итог периоду междоусобицы, М. М. Сафонов отмечает: «Свою дуэль с Николаем Мордвиновым и теми, кто делал ставку на Марию Федоровну, Николай Романов выиграл вечером 13 декабря»^{287}. Возможно, так оно и было. Но оставались еще «друзья по Четырнадцатому», те, кому предстояло 14 декабря выступить на Сенатской площади. Во всяком случае, вечером Николай Павлович нашел время посетить свое любимое детище — Главное инженерное училище, а уходя, произнес: «До свидания, господа, даст Бог, еще увидимся»^{288}. По свидетельству мемуариста, в его голосе слышалась неуверенность в будущем. Между тем в тот же день 13 декабря специальной повесткой члены Государственного совета были вызваны к восьми часам вечера на секретное общее собрание. За час до назначенного времени Николай Павлович сообщил исполняющему обязанности государственного секретаря А. Н. Оленину, что ожидает великого князя Михаила Павловича, с которым и прибудет на заседание. Было оговорено, что Николай Павлович займет место по правую сторону от председателя, а по прочтении бумаг пересядет на место председателя Государственного совета. Великому князю Михаилу Павловичу еще в начале заседания отводилось место рядом с братом, на нем он и должен был оставаться.

К назначенному часу члены Государственного совета стали собираться в Зимнем дворце. Именно здесь с 1821 по 1828 год в комнатах обер-гофмаршала Г. М. Толстого (позднее великих князей Николая и Михаила Павловичей) на втором этаже западной, Адмиралтейской, стороны дворца в

конце длинного коридора близ Малой церкви (помещения окнами во двор) и размещался Государственный совет^{289}. Великий князь Михаил Павлович задерживался. Он находился в 270 верстах в местечке Ненналь на почтовом тракте в Варшаву, где явно дожидался, когда закончится «дуэль» корреспонденций между старшими братьями. К нему был послан фельдъегерь, добравшийся до места назначения только около двух часов дня (13 декабря). Михаил Павлович сразу выехал в Петербург.

В столице наступила ночь, отмеченная, по выражению одного из мемуаристов, «особенной, необычной тишиной»^{290}. Слухи о том, что члены Государственного совета с восьми часов вечера находятся в Зимнем дворце, медленно ползли по притихшему городу. Наконец, в полночь председатель Совета сообщил, что великий князь Николай Павлович прибудет один. На календаре было уже 14 декабря. Николай Павлович сел рядом с председателем и начал читать манифест, о котором говорили тогда, что он написан Н. М. Карамзиным. Члены Совета непроизвольно встали. Встал и Николай Павлович, продолжая чтение стоя. Затем А. Н. Оленину было предложено прочесть рескрипт цесаревича Константина Павловича. Было решено собраться вновь для принесения присяги Николаю Павловичу в 9 часов утра того же дня 14 декабря. После этого Николай Павлович покинул заседание, за ним разъехались по домам и члены Государственного совета. Согласно дневнику Г. И. Вилламова, было три четверти часа ночи. А. Н. Оленин же в частном письме сообщил, что оставил дворец в 2 часа ночи.

Таким было ночное заседание, в официальном акте которого Николай Павлович титуловался «великим князем и высочеством», а в конце, после прочтения манифеста, — «императором и величеством». Позднее Николай I потребовал этот журнал не в мемории (конспективном изложении), как предписывалось с 1816 года, а в подлиннике, на котором собственноручно начертал: «Утверждаю. Николай». В подписанном тексте говорилось: «Государственный совет по выслушиванию сего манифеста обратил опять свое внимание на чтение всех подлинных приложений, объясняющих действия Его Императорского Величества. После сего Государь Император повелел правящему должность Государственного Секретаря прочесть вслух отзыв Его Императорского Высочества Государя Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича на имя председателя Государственного совета князя Лопухина. После чего Его Императорское Величество, всемилостивейше приветствовав членов Государственного совета, изволил заседание оного оставить в исходе первого часа ночи»^{291}.

Бессонной эта ночь была и на Мойке в доме Российско-Американской компании. Через три с лишним десятилетия Михаил Бестужев вспоминал: «Шумно и бурливо совещание накануне 14 в квартире Рылеева. Многолюдное собрание было в каком-то лихорадочно-высоконастроенном состоянии. Тут слышались отчаянные фразы, неудобноисполнимые предположения, слова без дел, за которые многие дорого заплатились... Чаше других слышались хвастливые возгласы Якубовича и Щепина-Ростовского... Зато как прекрасен был в этот вечер Рылеев!»^{292} Между прочим, в эту ночь Рылеев искал план Зимнего дворца, на что Александр Бестужев, усмехнувшись, сказал: «Царская фамилия не иголка, и если удастся увлечь войска, то она, конечно, не скроется...»^{293} Были и намерения цареубийства, о которых потом неохотно говорили на допросах. Во время одного из них К. Ф. Рылеев показал: «Говорил ли Одоевский: умрем, ах, как славно мы умрем! — не помню. Впрочем, подобное сему говорено было многими. Противу ныне царствующего государя никто особенно не восставал; Трубецкой потребовал, дабы его принесли в жертву и не предлагал оставить великого князя Александра Николаевича. А я и Оболенский никогда не утверждали, что надобно уничтожить всю Августейшую фамилию... Положено было захватить Императорскую фамилию и удерживать оную до съезда великого собора»^{294}.

А на Нарвской заставе, где несли караул солдаты Московского полка, еще с вечера ожидал прибытия Михаила Павловича адъютант Николая полковник лейб-гвардии Конного полка В. А. Перовский. Ночью, прикрываясь проверкой, приезжали сюда дежурный по караулам Московского полка Михаил Бестужев и подпоручик этого же полка князь М. Ф. Кудашев явно с целью задержать на заставе Михаила Павловича. Но полковник В. А. Перовский уже контролировал действия начальника караула подпоручика А. С. Кушелева. Встретив около девяти часов утра Михаила Павловича, он сразу же сопровождал его в Зимний дворец. Так Николай Павлович выиграл еще одно маленькое тактическое сражение, одно из тех, из которых сложится победа 14 декабря. Присутствие в тот день великого князя Михаила Павловича, шефа Московского полка, одетого в мундир генерал-фельдцейхмейстера, трудно переоценить. Ведь, по утверждению заговорщиков, он вместе с Константином Павловичем был арестован по приказу Николая.

Но вернемся к тому моменту, когда Николай Павлович, выйдя из зала заседаний Государственного совета, отправился в свои комнаты. (Первое время Николай I и Александра Федоровна жили в том же здании

Эрмитажа.) Он шел по коридору мимо постов внутреннего караула лейб-гвардии Конного полка, которым командовал корнет князь А. И. Одоевский, член Северного общества. После ночного дежурства, сменившись, князь Одоевский примет участие в восстании 14 декабря.

Дальнейшие события той беспокойной ночи нашли отражение в дневнике Александры Федоровны в записи от 15 декабря: «Я еще должна здесь написать, как днем 13-го отправилась к себе домой, как ночью ко мне вошел Николай, стал на колени, молился Богу и заклинал меня обещать мне мужественно перенести все, что еще может произойти. — «Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество и, если придется, умереть с честью». — Я сказала ему: «Дорогой друг, что за мрачные мысли? Но я обещаю тебе». И я тоже опустилась на колени и молила небо даровать мне силу и около бюста моей покойной матери я думала о ней и о возлюбленном императоре Александре. Мы легли очень поздно, и Николай встал рано, чтобы принять всех генералов и полковых командиров, которые собрались к нему и спешили к себе по казармам приводить солдат к присяге»^{295}. Было еще темно, но уже начинался день 14 декабря 1825 года.

«Если буду жив»: 14 декабря 1825 года — один день из жизни императора

Короткая тревожная ночь с 13 на 14 декабря прошла в заботах и волнениях. Вряд ли сон державной четы был столь безмятежен, как пишет М. А. Корф^{296}. Николай Павлович практически не спал, проводя несколько часов с Александрой Федоровной, то ли прощаясь, то ли укрепляясь в своей решимости постоять за свои права. Утром он успел написать краткое письмо-записку сестре Марии Павловне, а присутствующему при его одевании А. Х. Бенкендорфу сказал: «Сегодня вечером, может быть, нас обоих не будет более на свете, но, по крайней мере, мы умрем, исполнив наш долг»^{297}. Наступил пасмурный день 14 декабря; было восемь градусов мороза по Реомюру (около семи градусов по Цельсию). Как же вел себя Николай Павлович в этот поистине судьбоносный и для него, и для России день? Был ли он трусом и «испуганным пугалом»?^{298} Действительно ли у него «душа была в пятках», как уверял Дениса Давыдова генерал-майор А. Н. Чеченский, чье мнение было затем растиражировано А. И. Герценом в его книге «Былое и думы»?^{299}

Не было еще семи часов утра, времени, назначенного для аудиенции с высшим офицерством в Зимнем дворце, когда Николай Павлович вышел из своих комнат. В принципе такое время не считалось тогда ранним, но съезд для присяги в столь ранний час можно назвать беспрецедентным. Прочитав только что отпечатанный манифест о восшествии на престол, Николай Павлович неожиданно задал вопрос: «Не имеет места каких сомнений?» А затем, помолчав, прибавил: «После этого вы отвечаете мне головой за спокойствие столицы; а что до меня, если буду императором хоть на один час, то покажу, что был того достоин»^{300}. Генералы и командиры отдельных частей принесли присягу в Главном штабе. От присягнувших военачальников Николай Павлович мог требовать на законном основании выполнения всех обязанностей во время переприсяги в войсках. Примерно в это же время присягнул Сенат; около 7 часов 20 минут утра сенаторы уже разошлись по домам. Почти повторилась ситуация 27 ноября, когда гвардия присягала раньше правительственных учреждений. Только теперь генералитет присягал одновременно с Сенатом, но раньше Государственного совета.

Вскоре, где-то в промежутке между 8 часами 30 минутами и 9 часами утра, после гвардейских начальников во дворец прибыл в парадной форме М. А. Милорадович. Как вспоминал Николай Павлович, он явился «с новыми уверениями совершенного спокойствия»^{301}. Возможно, Милорадович еще ранее побывал на общей аудиенции с генералитетом около семи часов утра. Но в девятом часу утра он уже повстречался с членами Государственного совета, направлявшимися по коридору на половину Николая Павловича для принесения поздравлений. Оставшийся после заседания Государственного совета в Зимнем дворце, чтобы дожидаться официальной церемонии молебна и поздравлений, назначенных на 13 (по другим данным, на 14) часов, служащий Государственного совета В. Р. Марченко пишет: «Навстречу мне — граф Милорадович, щегольски одетый и веселый. «Я сейчас был с рапортом у нового императора, — сказал он, — о благополучном состоянии столицы; все места присягнули уже, да и город весь, можно сказать, потому что с утра нельзя пробиться к церквям». На вопрос же мой о войске отвечал, что и оно присягнуло, только в конной артиллерии под Смольным что-то случилось, но это вздор, и там теперь великий князь Михаил Павлович»^{302}. Этот разговор мог состояться вскоре после десяти часов утра.

Веселость М. А. Милорадовича не совсем понятна. То ли он уже подчинился обстоятельствам, сделав выбор в пользу Николая, то ли, наоборот, считал, что еще не все потеряно. Скорее всего, поняв, что авантюра с Марией Федоровной и кругами, стоящими за ее спиной, не удалась, губернатор не был уже заинтересован в обострении ситуации, которую он, как ему казалось, вполне контролировал. Он даже пригласил знакомого ему В. Р. Марченко на завтрак с пирогом к директору Театральной школы Аполлону Александровичу Майкову. Завтрак проходил на квартире дочерей Майкова, живших в казенной квартире дома Голлидея на втором этаже. А выше этажом находилась квартира Екатерины Телешевой, «с которой граф Милорадович был в коротких отношениях»^{303}. Около половины одиннадцатого утра сюда прибыла графская карета, и М. А. Милорадович, по обыкновению, сначала прошел к Е. А. Телешевой. Между прочим, и прошлый вечер военный губернатор провел весело, в надежде, что все образумится, у драматурга А. А. Шаховского в компании с членом Северного общества А. И. Якубовичем — известным бретером и дуэлянтом, участником знаменитой «четверной» дуэли из-за Е. И. Истоминой. (Незадолго до этого под предлогом лечения А. И. Якубович вернулся с Кавказа, чтобы просить о переводе в Петербург.)

По одним сведениям, когда М. А. Милорадович был еще наверху у Е. А. Телешевой, а по другим — уже на завтрак у А. А. Майкова, прибывший в дом Голлидея агент тайной полиции Фогель прошептал губернатору что-то на ухо. «Это было известие, — писал Р. М. Зотов, — что бунт 14 декабря начался»^{304}.

По мнению иностранных дипломатов, которым граф К. В. Нессельроде уже официально сообщил о восшествии на престол Николая I, в это время при дворе царица обстановка уверенности^{305}. Первые сведения, полученные Николаем Павловичем, действительно были обнадеживающими. К девяти часам утра, когда приехал Михаил Павлович, Николай, встречая брата, сказал; «Ну, ты видишь, что все идет благополучно, войска присягают и нет никаких беспорядков». — «Дай Бог, — отвечал великий князь, — но день еще не кончился»^{306}. И вот тогда-то, около десяти часов утра, командующий гвардейской артиллерией генерал-майор И. О. Сухожанет привез известие о замешательстве в казармах конной артиллерии, которое закончилось арестом нескольких офицеров. Николай Павлович приказал вернуть этим офицерам сабли, иными словами освободил их из-под ареста, но на всякий случай послал в казармы Михаила Павловича.

Наконец в одиннадцатом часу утра с известием о выступлении лейб-гвардии Московского полка появился в смятении начальник штаба гвардейского корпуса генерал-майор А. И. Нейдгардт. Это в его присутствии ротный командир штабс-капитан князь Д. А. Щепин-Ростовский нанес тяжелые сабельные удары командиру полка генерал-майору П. А. Фредериксу и командиру батальона полковнику П. К. Хвощинскому. Последний с кровавыми ранами вскоре появится в санях на Дворцовой площади и будет окружен людьми, пришедшими приветствовать нового императора и просто любопытными. Около 700 солдат Московского полка, пройдя из своих казарм на Фонтанке по Гороховой улице, построили первое каре у здания Сената, бывшего тогда, до перестройки его К. Росси, более приземистым.

«Надо отдать должное Николаю, — пишет Я. А. Гордин, — он сумел взять себя в руки и отдать приказания, которые предложил ему Нейдгардт, привести в боевую готовность те две части, которые к этому времени присягнули, — преображенцев и конногвардейцев. А владеть собой ему было нелегко, он в эти минуты не знал ни масштаба, ни непосредственной цели заговора. Он мог ожидать массового неповиновения, резни. Перед ним, конечно же, вставали апокалиптические картины, изображенные

Ростовцевым, — империя в огне, крови, развалинах...»^{307} Может быть, все так и было, только о целях заговорщиков уже отчасти информированный Николай Павлович догадывался. Осознавал он и опасность, тем более что солдат поднимали на мятеж в защиту «законного» государя.

Несмотря на эмоции, переполнявшие Николая Павловича, его распоряжения были четкими и логичными. Он сразу же послал дежурного генерал-майора С. С. Стрекалова в расположенный рядом батальон лейб-гвардии Преображенского полка, а флигель-адъютанта полковника И. М. Бибикова — за лошадь. Затем направился к главному караулу. Встретившийся по дороге командир Кавалергардского полка полковник С. Ф. Апраксин был отправлен выводить свой только что присягнувший полк. Но здесь же, на Салтыковской лестнице, произошла еще одна знаменательная встреча. Николай Павлович неожиданно увидел находящегося «в совершенном расстройстве» командующего гвардейским корпусом генерала от кавалерии А. Л. Воинова, того самого, который вместе с М. А. Милорадовичем был делегирован генералитетом к великому князю Николаю Павловичу 25 ноября с их вердиктом. Попавшему в неловкое положение генералу было приказано быть там, «где войска, вверенные ему, вышли из повиновения»^{308}.

Караул главной гауптвахты занимала 9-я рота лейб-гвардии Финляндского полка, которой командовал капитан Н. А. Прибытков. Всеми же караулами от Зимнего дворца до Адмиралтейства распоряжался полковник А. Ф. Моллер, по некоторым показаниям, член тайного общества. (Не потому ли его двоюродная сестра, впоследствии жена, Е. Н. Моллер рассказывала трогательную легенду, в соответствии с которой А. Ф. Моллер, проявив бдительность, помог задержать подозрительных людей, искавших под видом смены караула дорогу в комнаты императорской семьи.) Позднее А. Ф. Моллер был обласкан императором и 15 декабря среди прочих назначен флигель-адъютантом. Но это скорее была награда за пассивность, позволившую привести к присяге караульную роту.

В сопровождении генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова, полковника П. К. Хвощинского Николай Павлович спустился по внутренней лестнице к караулу. После его команды «в ружье», новому императору была отдана честь с барабанным боем и «салютованием знаменем», то есть преклонением его. Спросив солдат, присягали ли они и готовы ли доказать свою верность, и получив бодрый ответ, Николай

Павлович приказал зарядить ружья и повел караул из дворика через главные дворцовые ворота на площадь. Один из мемуаристов вносит существенную поправку: Николай Павлович взял только первый взвод, а другой оставил под командованием поручика П. И. Греча^{309}. Было приказано удвоить и наружные посты^{310}.

Момент заряжания ружей зафиксирован в воспоминаниях В. Р. Марченко. Как раз в это время он собирался «выпить рюмку мадеры и съесть кренделек» (так как отказался от завтрака с М. А. Милорадовичем) и в ожидании лакея подошел к окну, выходящему во внутренний дворик. Он увидел, что «император в парадной форме учит егерей или финляндцев, стоящих тогда в карауле». Были удивительны не сами по себе экзерциции, которыми частенько занимался Николай Павлович, а то, что солдаты стали заряжать ружья. Тут к В. Р. Марченко подошел статс-секретарь П. П. Свиньин и сказал, что с трудом проехал во дворец, так как «везде войска, народ валит на площадь»^{311}. Сообщается о заряжании ружей и в письме А. Н. Оленина.

Расположив взвод впереди главных дворцовых ворот и приказав быть неотлучно при нем петербургскому коменданту генерал-лейтенанту П. Я. Башуцкому, Николай Павлович в одном мундире лейб-гвардии Измайловского полка с «лентой через плечо, как был одет к молебствию»^{312} (шинель к парадной форме надевали только при сильных морозах), прошел вперед по Дворцовой площади. Сбежавшийся народ окружил его. В описании этой сцены в мемуарах разнятся только детали и степень восторженности (или агрессивности) толпы. Скорее всего, это происходило между половиной одиннадцатого и одиннадцатую часами. Находившийся во дворце В. Р. Марченко послал лакея узнать, что происходит. Как доложил лакей, Николай Павлович, остановившись между главными воротами и «Фонариком», прочитал манифест и сказал собравшимся: «Вы видите теперь, что я не отнимаю престол у брата»^{313}. Другие мемуаристы уточняют, что манифест был распечатан только ночью и его мало кто видел, поэтому Николаю Павловичу пришлось читать его вместе с приложениями и разъяснять содержание. Такого в истории династии Романовых еще не было!

Толпа стала кричать «ура!» и бросать в воздух шапки. В это время из-под арки Главного штаба, на серой в яблоках лошади, с трудом пробираясь сквозь толпу, подъехал начальник Главного штаба гвардейского корпуса А. И. Нейдгардт и доложил по-французски, что мятежные москвичи остановили свое движение на Сенатской площади, где построили

оборонительное каре. По воспоминаниям адъютанта М. А. Милорадовича А. П. Башуцкого (сына коменданта П. Я. Башуцкого), Николай Павлович не скрыл от народа это сообщение, а кратко передал его содержание. Послышались крики: «Батюшка! Государь! Иди к себе! Не допустим никого! Государь, иди к матушке, к детям, к царице! Ступай с Богом, мы не допустим!»^{314} По воспоминаниям Пармена Деменкова, отставного офицера лейб-гвардии Преображенского полка (судя по всему, одного из тех любопытных, без которых не обходится ни одно сколько-нибудь значительное происшествие), какой-то человек в шубе с лисьим воротником бросился обнимать и целовать Николая, приговаривая: «Батюшка наш отец, мы все за тебя станем». Тогда Николай Павлович, «освободясь от столь неожиданных объятий, милостиво и улыбаясь, изволил сказать: «Хорошо, спасибо; передай же им мой тебе поцелуй», при чем указывал на других, тут же стоявших. «Однако, — прибавил он, — пораздвиньтесь немного: мне нужно видеть, что там?»^{315} Другой мемуарист так передает эту сцену: «При первом его звуке: «дети» — эти львы стали агнцами... «Не могу поцеловать вас всех, — сказал государь, — но, вот за всех...» При этом слове он схватил и поцеловал ближайших, так сказать, лежавших у него на груди; несколько секунд в тишине смолкнувших тридцати тысяч народа слышались только поцелуи... Огромными кругами они ширились от этого центра далее, далее... Народ свято делил между собою поцелуи царя!»^{316} На площади пока был один караул финляндцев, построенный спиной к Комендантскому подъезду, правым флангом к главным дворцовым воротам. Тем временем с другой стороны Зимнего дворца подъехала обычная извозчичья карета, в которой находились сын Николая Павловича, семилетний Александр, со своим воспитателем К. К. Мердером. Молодые великие княжны были перевезены из Аничкова дворца в Зимний дворец еще заблаговременно^{317}. Ситуация продолжала оставаться напряженной. Настроение толпы могло измениться. Подоспевший в это время на Дворцовую площадь французский посланник Ла Ферронэ также слышал крики «ура!», которыми был встречен император, но добавляет: «Как меня уверяли, раздавались и угрозы, и слышно было имя Константина»^{318}.

Наконец со стороны Миллионной показался батальон Преображенского полка, выведенный из находящихся тут же казарм. Солдаты бежали в шинелях врассыпную, а на площади стали строиться у манежа. Николай подошел к преображенцам. После обычного: «Здорово, ребята!» — солдаты ответили уставным: «Рады стараться». По мнению П.

Деменкова, отклик был дружный, но Ла Ферронэ уточняет: «Если я не заметил в них ни малейших признаков энтузиазма, то, с другой стороны, — и ничего такого, что могло бы заподозрить их в неверности императору»^{319}. В толпе же, которой Николай Павлович читал перед этим манифест, слышались и такие возгласы: «Да, ему хорошо говорить! У него батальон с заряженными ружьями!»^{320} По воспоминаниям П. А. Каратыгина, который в это время вместе со своим братом, известным артистом-трагиком В. А. Каратыгиным, появился на площади, Николай Павлович в полной парадной форме находился перед батальоном Преображенского полка: «Он был бледен, но на лице его не было заметно ни малейшей робости; он распоряжался молодцом, и с этой минуты он вселил во мне искреннее к себе уважение»^{321}.

По мнению некоторых мемуаристов, во время доклада А. И. Нейдгардта Николаю Павловичу подали лошадь, и он сел верхом. Но вероятнее все-таки, что это произошло позднее у Главного штаба. Также не совсем точна информация Ла Ферронэ о том, что якобы в этот момент Николай Павлович приказал вызвать Конно-гвардейский и Кавалергардский полки. На самом деле еще в Зимнем дворце Николай, встретив адъютанта А. Х. Бенкендорфа П. М. Голенищева-Кутузова-Толстого, уже побывавшего утром на присяге в этих полках, приказал ему (на ухо!) ехать в лейб-гвардии Конный полк к генералу А. Ф. Орлову с приказанием, собрав полк, вывести его к находящейся рядом Сенатской площади. После встречи с А. И. Нейдгардтом и «братания» с народом на площади Николай Павлович обратился к караулу, продолжавшему стоять у ворот дворца: «Вам, ребята, поручаю защиту сына и всего семейства моего, а сам иду против бунтовщиков»^{322}. Затем, не теряя времени, отдал команду батальону преображенцев: «К атаке в колонну, первый и осьмой взводы вполоборота налево и направо!» Повернув батальон левым плечом вперед, Николай Павлович, как пишет он сам в воспоминаниях, повел его мимо заборов «достраивавшегося дома Министерства финансов к углу Адмиралтейского бульвара»^{323}. Дотошный исследователь М. А. Корф, сопоставляя различные показания, передает эту команду Николая Павловича несколько по-другому: «К атаке в колонну стройся, 4-й и 5-й взводы прямо, скорым шагом марш, марш»^{324}. Далее, как пишет М. А. Корф, «он повернул колонну, почти с места, левым плечом вперед в направлении к Адмиралтейской площади, остановив ее против угла строившегося дома и обнесенного временным забором дома Главного штаба»^{325}. Итак, около 11 часов 30 минут Николай Павлович выдвинул

батальон преображенцев с середины Дворцовой площади (позднее, в 1832–1834 годах, здесь будет установлена Александровская колонна) к углу Главного штаба, где приостановил движение недалеко от Адмиралтейской площади, почти напротив Невского проспекта, и приказал зарядить ружья. Тогда же ему привели верховую лошадь.

Пока было тихо. Выпавший снег заглушал полозья проезжавших саней и звук шагов. Бывший преображенец Пармен Деменков держался неподалеку от Николая Павловича. «Государь сидел на коне, шагах в двадцати впереди батальона, а в некотором отдалении от него — три или четыре генерала. Он был бледен, на лице его замечалось какое-то грустное выражение; но вместе с тем он, казалось, был величаво спокоен». Бледность, о которой упоминают мемуаристы, объяснялась и бессонной ночью, и естественным волнением, в минуты которого у страдавшего неравномерным кровообращением Николая Павловича кровь часто отливала от лица. Одному из генералов, подъехавшему с донесением, Николай резким тоном приказал передать П. П. Мартынову: «Если он уверен в своих измайловцах, то пусть спешит сюда, иначе может оставаться дома. Я и без него обойдусь»^[326].

К этому времени уже было послано за саперными батальонами — как гвардейским, так и армейским. Командир лейб-гвардии Саперного батальона полковник А. К. Геруа ожидал своих присягнувших саперов на Дворцовой площади. Именно на гвардейских саперов, большинство которых Николай Павлович знал в лицо и по фамилии, государь особенно надеялся. Не дождавшись их подхода, он вновь двинул свою небольшую колонну преображенцев и занял следующую позицию уже на Адмиралтейском бульваре, напротив Вознесенского проспекта, фактически фланкируя перспективы Вознесенского проспекта, Гороховой улицы и отчасти сохраняя контроль за Невским проспектом. Дворцовая площадь и Зимний дворец также оставались в поле видимости, так как Адмиралтейская площадь, не засаженная тогда деревьями, представляла собой большой и широкий плац.

Среди генералов при Николае Павловиче неотлучно находился А. Х. Бенкендорф. Начав движение почти в одиночку, Николай Павлович постепенно «обрастал» офицерами в «густых» эполетах. Кроме упомянутого генерал-адъютанта П. М. Голенищева-Кутузова-Толстого к нему в разное время присоединились командир Преображенского полка полковник Н. А. Исленьев, генерал-майор лейб-гвардии Измайловского полка С. С. Стрекалов, флигель-адъютант Николая Павловича с 1818 года А. А. Кавелин, генерал-адъютант Е. Ф. Комаровский. Известный своей

трусостью А. А. Аракчеев, сделавший ставку на Константина, оставался в Зимнем дворце. Принц Евгений Вюртембергский вспоминал: «Только при выходе из залы внимание мое слегка остановилось на мрачной и понурой физиономии графа Аракчеева, сердце и совесть которого подвергались одновременной пытке»^{327}. Впрочем, карьера Аракчеева уже была кончена.

Среди лиц, окружавших Николая Павловича, видели и Н. М. Карамзина, который тогда сильно простудился. Почти целый день он провел в Зимнем дворце и на Дворцовой и Исаакиевской площадях, куда за новостями для императрицы он ходил в придворном мундире, башмаках и шелковых чулках. «Некоторое время мы были без известий, — отметила в дневнике Мария Федоровна. — Карамзин отправился туда, но присоединившиеся к мятежникам негодяи стали бросать в него камнями»^{328}.

Источники содержат противоречивые указания на место последней встречи Николая Павловича с М. А. Милорадовичем: Дворцовая или Адмиралтейская площадь. Скорее всего, это произошло еще на Дворцовой площади. Адъютант М. А. Милорадовича А. П. Башуцкий оставил яркое описание этой сцены: «Граф М. А. Милорадович прошел через площадь от бульвара, следовательно, он подходил к государю сзади в то время, когда его величество шел вдоль фронта батальона... Все в его появлении было необычайно... Мундир его был расстегнут и частью вытащен из-под шарфа, воротник был несколько оторван, лента измята, галстук скомкан... Но каково же было наше изумление, когда с лихорадочным движением, с волнением до того сильным, что оно нарушало в нем всякое понятие о возможном и приличном, граф, подойдя к государю сзади, вдруг резко взял его за локоть и почти оборотил его к себе лицом. Взглянув быстро на это непонятное явление, государь с выражением удивления, но спокойно и тихо отступил назад. В эту же минуту Милорадович горячо и с выражением глубокой грусти произнес, указывая на себя: «Sire s'ils m'ont moi, dans cet état, il n'y a plus que la force, qui puisse agir!»^[7]. Не спрашивая ни о чем, государь на эту выходку ответил сперва строгим замечанием: «Не забудьте, граф, что Вы отвечаете за спокойствие столицы», и тотчас же приказанием: «Возьмите Конную гвардию и с нею ожидайте на Исаакиевской площади около манежа моих повелений, я буду на этой стороне с преображенцами близ угла бульвара». При первом слове государя Милорадович вдруг, так сказать, очнулся, пришел в себя; взглянув быстро на беспорядок своей одежды, он вытянулся, как солдат, приложил руку к

шляпе, потом выслушал повеление, молча повернулся и торопливо пошел назад по той же дороге»^{329}. На подвернувшихся санях обер-полицмейстера А. С. Шульгина, от которого, как всегда, пахло спиртным, М. А. Милорадович, спешив хозяина, в сопровождении своего адъютанта отправился прямо к Сенатской площади. Когда стало ясно, что через площадь не проехать, он кружным путем добрался до казарм Конной гвардии, где встретился с А. Ф. Орловым. Конногвардейцы, явно не спеша, седлали лошадей, выполняя команду на построение. Прождав 23 минуты, М. А. Милорадович в нетерпении сел на лошадь адъютанта командира полка и поскакал на Сенатскую площадь.

Вскоре со стороны Сенатской площади раздались первые выстрелы. Когда, по словам П. Деменкова, «какой-то генерал» подъехал к императору и «доложил о полученной графом Милорадовичем смертельной ране, то на лице государя выразилось глубокое сострадание. Однако к славе его должно прибавить, что он не смутился»^{330}. «Генералом», сообщившим о ранении М. А. Милорадовича, на самом деле был полковник А. М. Голицын. По различным данным, это произошло между двенадцатью часами и половиной второго. Вероятнее всего, роковой выстрел члена Северного общества отставного поручика Астраханского кирасирского полка П. Г. Каховского прозвучал в первом часу, возможно, между 20 и 30 минутами первого. Когда раненого М. А. Милорадовича заносили в находящиеся неподалеку казармы Конногвардейского полка, на рыжей лошади появился А. Х. Бенкендорф. Никак не отреагировав на случившееся, он демонстративно проскакал мимо.

Во время выстрела Николай Павлович находился уже на Адмиралтейском бульваре — обширном плацу, примыкавшем эспланадой к Адмиралтейству. Примерно к этому же времени, но еще до выстрела в М. А. Милорадовича^{331}, относится таинственная «челночная дипломатия» А. И. Якубовича. Он зачем-то подошел к Николаю Павловичу с предложением посредничества: «Ваше Величество, я был против Вас, теперь же я хочу умереть за Вас!» Государь поцеловал его и сказал: «В таком случае, поди к возмутителям и уговори их сдаться»^{332}. Позднее и Николай I, и один из конногвардейских офицеров барон И. И. Велио отметят в воспоминаниях, что А. И. Якубович с черной повязкой на голове, прикрывавшей незаживающую рану, полученную на Кавказе, показался им подозрительным и неприятным человеком. «У меня рука чесалась разбить ему череп, так он мне казался опасным», — записал позднее раненный в этот день и потерявший после ампутации руку И. И. Велио^{333}.

Действительно, А. И. Якубовича сопровождала во время его передвижений наемная карета, в которой, по свидетельству А. П. Башуцкого (Якубович подвозил его затем в Зимний дворец), находились два пистолета, ружье, шашка и кинжал. Когда утром следующего дня А. И. Якубович был арестован и приведен для допроса, за ним внесли весь этот арсенал, завязанный в узел.

Николай Павлович и в самом деле находился в смертельной опасности. Правда, «романтик» и болтун А. И. Якубович, так же как и решительный П. Г. Каховский, отказался накануне от цареубийства. Но оставался еще полковник А. М. Булатов, более двух часов находившийся шагах в двадцати от Николая с заряженным пистолетом. Как он признался потом императору, он так и не решился произвести выстрел. Да мало ли от кого еще могла исходить угроза?! Несмотря на вполне реальную опасность, Николай Павлович, подозревавший чуть ли не всех, предпочитал все же лично исполнять обязанности батальонного командира, пока части, принявшие присягу, не заблокировали восставших.

Вскоре после выстрелов на Сенатской площади первые два эскадрона Конной гвардии вынеслись на рысях из-за временных заборов, окружавших строящийся Исаакиевский собор, и А. Ф. Орлов доложил, что отставшие будут «сейчас»^{334}. Они действительно прибыли и стали выстраиваться спиной к дому князя А. Я. Лобанова-Ростовского — известному «дому со львами» (Адмиралтейский, 12). Прибытие конногвардейцев имело чрезвычайно большое значение. Шефом этого полка был сам цесаревич Константин Павлович. Николай тотчас подъехал к конногвардейцам и обратился по-уставному. «Здорово, ребята!» Затем, напомнив, что еще до назначения цесаревича он в детстве также был их шефом, Николай Павлович задал вопрос: «Признаете ли Вы меня за Вашего царя?» Конногвардейцы ответили: «Ура!»^{335}

Первая из нескольких вялых, скорее демонстративных атак конногвардейцев на каре москвичей была отбита. Когда же Николай Павлович выехал вместе с А. Х. Бенкендорфом на Сенатскую площадь, он был встречен выстрелами^{336}. Тем временем В. Ф. Адлерберг был послан к шталмейстеру В. В. Долгорукову с целью «приготовить загородные экипажи для матушки и жены», чтобы «в крайности выпроводить их под прикрытием кавалергардов в Царское Село»^{337}. Принц Евгений Вюртембергский пишет, что он посоветовал предпринять аналогичные меры шталмейстеру Ф. В. Самарину^{338}. В то же время Николай Павлович неоднократно посылал в Зимний дворец А. Ф. Орлова с информацией о

развитии событий. Наконец, распорядившись о подвозе артиллерии, он сам поспешил во дворец, чтобы убедиться в подходе Саперного батальона. Именно тогда у здания Главного штаба произошла знаменательная встреча с мятежными лейб-гренадерами, которых вел поручик Н. А. Панов. Перед этим около 900 гренадеров под его командованием уже перешли по льду Неву в районе Мраморного дворца и по Миллионной улице направились к Зимнему дворцу. Вероятно, их появление у Зимнего дворца было далеко не случайным, а соответствовало планам Северного общества. Но гвардейские саперы уже были на месте. С. А. Хомяков в письме к сыну, бывшему конногвардейцу и будущему славянофилу А. С. Хомякову, писал: «Говорят, что саперы предупредили это покушение только пятью минутами»^{339}. Вот что свидетельствует один из офицеров лейб-гвардии Саперного батальона: «Едва успел он (батальон. — Л. В.) выстроиться на большом дворе, как в главных дворцовых воротах послышался шум и громкий говор, от которого доходили до саперов только слова: «Раздайтесь! Пропустите!» Вслед за тем с криками «ура!» показалась у входа во двор нестройная толпа солдат лейб-гвардии Гренадерского полка в шинелях и фуражках, державших ружья наперевес». Присутствие Саперного батальона во дворе оказалось неожиданностью: «Поручик Панов остановился перед ним в недоумении и нерешимости. По прошествии нескольких минут, махнув опять шпагою, он закричал: «Ребята! Да это не наши, правое плечо вперед, за мною марш».

Гренадеры выбежали со двора, «оставив саперов в раздумье... Саперы поняли только, что их хотя и пассивное присутствие во дворе Зимнего дворца спасло царственные... лица от величайшей опасности»^{340}. Взводы Саперного батальона были распределены по основным подъездам и входам в Зимний дворец. Впрочем, наблюдавший за этой сценой из окна Зимнего дворца В. Р. Марченко отметил, что и до этого лестницы во дворце «были набиты солдатами с ружьями»^{341}. Вероятно, это были солдаты караула.

Вот тогда-то гренадеры во главе с Н. А. Пановым бросились от Зимнего дворца к Сенатской площади, но у здания Главного штаба им преградили путь кавалергарды. Направлявшийся к Зимнему дворцу Николай Павлович стал невольным свидетелем этого инцидента. Вот что писал об этом адъютант А. Х. Бенкендорфа: «Начало смеркаться. В это время бегут роты Лейб-гренадерского полка по площади от дворца и кричат: «Конституцию!» На вопрос, что они разумеют под этим, они отвечали: «Жену Константина Павловича!» Государь приказал пропустить этих несчастных к мятежникам...»^{342} Об этом же рассказывал и арестованный по подозрению в принадлежности к тайному обществу Г. А.

Перетц. Впрочем, он уточнил: «... В армии бунтовавшие солдаты будто бы знали цель общества, что им обещано было уменьшение службы и прибавка жалованья»^{343}.

Убедившись в прибытии саперов, Николай Павлович вернулся к Сенатской площади, где кроме grenадер Н. А. Панова к восставшим присоединилось 200 grenадер, которых другой дорогой привел к площади поручик А. Н. Сутгоф, и около 1100 моряков Гвардейского экипажа во главе с Н. А. Бестужевым. Всего восставших было уже около трех тысяч человек. Поскольку нерешительные атаки конногвардейцев не принесли успеха, Николай Павлович продолжал сосредоточение войск, добившись 3—4-кратного превосходства. Однако в стойкости многих частей приходилось сомневаться. Безрезультатными оказались и переговоры с мятежниками, в том числе Петербургского митрополита Серафима и Киевского Евгения (после половины третьего), а также обращение великого князя Михаила Павловича, прибывшего на площадь во главе с остатками Московского полка. Правда, мятежные москвичи во избежание контактов со своим августейшим шефом уже были поставлены внутри каре лейб-grenадеров. Безуспешно пытался уговорить матросов Гвардейского экипажа командующий гвардейским корпусом генерал от кавалерии А. Л. Воинов.

Тем временем посланные за артиллерией дежурный генерал Главного штаба А. Н. Потапов и вдогонку ему командующий гвардейской артиллерией генерал-майор И. О. Сухозанет прибыли с четырьмя орудиями 1-й легкой пешей батареи 1-й артиллерийской бригады. Батареей командовал поручик И. М. Бакунин. Когда артиллерия стояла еще на Гороховой улице, в окружении Николая Павловича стали говаривать о необходимости ее использования. Николай Павлович ответил по-французски: «Да, но я еще не совсем уверен в артиллерии»^{344}. Интересно, что даже французский посланник Ла Ферронэ, находившийся в гуще событий рядом с Николаем Павловичем, сказал: «Становится темно, и мне кажется, государь, что без пушек обойтись нельзя, потому что кабаки дадут случай развернуться бунту в городе»^{345}. Кстати, о возможности такой меры говорил накануне восстания А. И. Якубович, но это предложение было отвергнуто К. Ф. Рылеевым. В необходимости использования «последнего довода королей» убеждали Николая Павловича также К. Ф. Толь и И. В. Васильчиков. К половине третьего орудия были выдвинуты на угол Адмиралтейского бульвара напротив Сената^{346}.

Николай Павлович продолжал колебаться. Он не любил кровопролития, что будет отмечено наблюдателями во время Русско-

турецкой войны 1828–1829 годов. Но начинал доминировать другой фактор. Николай Павлович записал: «Погода из довольно свежей становилась холоднее, снегу было весьма мало и оттого весьма скользко; начинало смеркаться, — ибо был уже 3 час пополудни»^{347}. Как всегда, император точен в деталях. По расчетам Института теоретической астрономии, солнце зашло в тот декабрьский день без двух минут три^{348}. Темнота была на руку восставшим. Нельзя было допустить ошибки, учитывая, что настроение толпы, собравшейся в районе Сенатской площади, было иное, нежели днем у Зимнего дворца. Неустойчивым оставалось и настроение части присягнувших войск.

Распространенная легенда о том, что орудия прибыли без снарядов, опровергается показаниями одного из офицеров-артиллеристов — подпоручика Н. В. Вахтина. Тогда, пишет он, «было положение иметь в батарее боевых снарядов, кажется, 10, а поэтому оных хватило для усмирения мятежа»^{349}. Но за дополнительными картечными зарядами действительно посылали. Полковник А. В. Нестеровский приказал тому же Н. В. Вахтину отправиться с зарядным ящиком в артиллерийскую лабораторию на Выборгской стороне. Взяв первого попавшегося извозчика, подпоручик отправился в путь, но в лаборатории без письменного приказа ему зарядов не выдали, и он с пустым зарядным ящиком вернулся назад. К тому моменту, когда он еще отправлялся на Выборгскую сторону, орудия уже сделали четыре выстрела картечью, при возвращении он застал «дело оконченным: бунтовщики бежали по направлению от Сената через Неву, где собирались в группы, по которым было сделано еще три выстрела»^{350}.

Начало артиллерийского огня зафиксировано во многих мемуарах. Последним парламентаром, посланным Николаем Павловичем, был артиллерийский генерал И. О. Сухозанет, и это явилось прозрачным намеком восставшим. Когда ему прокричали «подлеца», он поскакал назад, условленным знаком на скаку выдернув из шляпы белый султан. Был конец четвертого — начало пятого часа пополудни.

По приказу Николая Павловича, первый выстрел был сделан поверх каре. В письме к М. А. Корфу, написанном через много лет генерал-адъютантом Л. И. Философовым, говорится: «...Трижды Николай Павлович отдавал звонким голосом команду: «Пальба орудиями по порядку; правый фланг, начинай! Первая!» и приказывал: «Отставь!». Наконец, сказав: «Первая!», поскакал ко дворцу. Пальник, два раза слышавший команду «отставь», не торопился выполнять приказ «пли!». На

вопрос командира взвода: «Что ты не стреляешь?» — последовал ответ вполголоса: «Свои, Ваше благородие». — «Ежели бы я стоял перед дулом, то и тогда не должен бы ты был останавливаться!» — закричал командир батареи поручик И. М. Бакунин»^[351]. Далее Л. И. Философов вспоминал: «Выстрел тотчас последовал, за ним второй, третий, так поспешно один за другим, что едва на седьмом выстреле канониры наши расслышали дробь для прекращения пальбы, с третьего выстрела уже раздавшуюся, и то, когда мы все офицеры, на батарее бывшие, бросились их останавливать».

Расположение орудий, выдвинутых вплотную на расстояние каких-нибудь 100 метров, было следующим: три орудия — на углу Адмиралтейского бульвара и Сенатской площади (на левом фланге, здесь же до открытия огня находился Николай Павлович); одно — у манежа Конногвардейского полка под командованием великого князя Михаила Павловича. (Редкий случай, когда шеф всей русской артиллерии командовал одним орудием!) Огонь продолжался не более четверти часа. Позднее М. А. Корф на полях рукописи воспоминаний И. О. Сухозанета напишет: «Сделаны из трех орудий картечи две очереди. Потом забили дробь — первые два орудия стрельбу прекратили, а третье, ставшее по направлению к Галерной, пустило два, а может быть, и три ядра»^[352]. Пожалуй, здесь допущена одна неточность: ядрами стреляли по льду Невы, а по Галерной улице — картечью, так что картечные пули долетали до конца улицы. В этой связи С. А. Хомяков писал сыну (напомним, бывшему конногвардейцу): «Вашему бывшему полку приказано было произвести атаку. По недостатку места она была сделана на рысях и отбита. Тогда государь, отступив немного в сторону, приказал действовать артиллерией. Было сделано 8 выстрелов картечью. На первый выстрел, пущенный поверх голов, бунтовщики отвечали криком: «Да здравствует свобода!» Второй выстрел, лучше направленный, несколько ослабил крики «ура», а третий смешал бунтовщиков и обратил их в бегство, они направились по Галерной. Четвертый, пятый и шестой выстрелы, врезавшись в их беспорядочную толпу на этой узкой улице, произвели страшные опустошения, седьмой и восьмой, направленные против нескольких кучек, собиравшихся на льду Невы, не достигли их, потому что стреляли ядрами»^[353]. Офицер-артиллерист Н. В. Вахтин упоминает не о двух, а о трех выстрелах по льду Невы. Еще более противоречивы показания свидетелей о позиции того орудия, которое было выдвинуто для ведения огня по льду Невы: 1) у памятника Петру I; 2) на парапете набережной; 3) на Исаакиевском мосту (наименее вероятно)^[354]. Но более важно другое. В

целом уложились в табельное число выстрелов — не более десяти, а скорее всего — восемь.

От количества выстрелов, естественно, зависело число жертв, относительно которых свидетельства современников особенно противоречивы. От 70–80 человек (официальная цифра) до тысячи человек. Эти крайние цифры, так же как и «точная» цифра, приведенная в записке С. Н. Корсакова — 1271 человек убитыми, мало убедительны. В последнем случае к убитым, в основном «черни» из числа любопытных, нужно было бы приплюсовать в четыре раза больше раненых и тогда общее число жертв сравнялось бы с числом жертв печально известного дня 9 января 1905 года! Если исходить из четырех картечных выстрелов, то, как считал военный историк Г. С. Габаев, официальная цифра по числу убитых была правдоподобной. Но при шести, как минимум, картечных выстрелах потери должны быть большими. Известно, что картечный заряд ближнего действия, предназначенный для расстояний до 200 сажень (около 400 метров), представлял собой картонный цилиндр с латунным поддоном, причем в цилиндре находилось 100 круглых кованых чугунных пуль (картечин). Но близкое расстояние (около 100 метров) на самом деле должно было не увеличить, а уменьшить число жертв, так как в этом случае картечь в значительной части пролетала поверх каре, оставляя в здании Сената и соседних домов многочисленные отметины. Кто-то мог также погибнуть от ружейного огня и во время преследования кавалерией, утонуть в образовавшихся при стрельбе ядрами по льду Невы полыньях... Потери со стороны правительственных войск, включая умерших от ран, были незначительны. Вероятно, общее число убитых вряд ли превышало 200 человек, а вместе с ранеными — 700 человек^{355}. Как известно, обер-полицмейстер А. С. Шульгин получил приказание к утру очистить площадь и прилегающие улицы от трупов. По свидетельствам современников, он не нашел ничего более умного, как ночью сбрасывать трупы прямо в полыньи на Неве. Узнав об этом, «государь был очень недоволен»^{356}.

Но вернемся к тому моменту, когда Николай Павлович, не дожидаясь окончания артиллерийского огня, повернул лошадь к Зимнему дворцу. О его появлении там рассказывает В. И. Фелькнер: «Государь... сошел с коня у главных ворот и приветствовал л-гв. Саперный батальон словами: «Здорово, мои саперы!» Затем в кратких словах рассказав им ход несчастных событий этого дня, государь удостоил благодарить саперов за их верность и усердие, которое обещал никогда не забыть. «Если я видел сегодня изменников, сказал государь, то с другой стороны, видел также

много преданности и самоотвержения, которые останутся для меня всегда памятными»^{357}. Императрица Александра Федоровна запишет: «Когда я обняла Николая 14 декабря на маленькой лестнице, я чувствовала, что он вернулся ко мне другим человеком»^{358}.

Свои детские впечатления об этом дне оставила и великая княжна Ольга Николаевна. В своих воспоминаниях дочь Николая писала: «14 декабря мы покинули Аничков дворец, чтобы переехать в Зимний, входы которого можно было лучше защищать в случае опасности. Я вспоминаю, что в тот день мы остались без еды, вспоминаю озадаченные лица людей, празднично одетых, наполнявших коридоры, Бабушку с сильно покрасневшими щеками. Для нас устроили наспех ночлег: Мэри (Марии Николаевне. — Л. В.) и мне у Мама́ на стульях. Ночью Папа́ на мгновение вошел к нам, заключил Мама́ в свои объятия и разговаривал с ней взволнованным и хриплым голосом. Он был необычайно бледен»^{359}. Обе императрицы многое могли видеть собственными глазами, так как Адмиралтейская площадь далеко просматривалась из окна. Александра Федоровна сдержала свое слово, и императрица-мать особо отмечала ее стойкость: «Эти страшные события здесь под окнами! Жизнь обоих сыновей моих в опасности... несчастные, обольщенные солдаты, сбитые с толку избытком верноподданничества!. Утешением мне служит то, как выказал себя мой сын Николай; и лучшею поддержкою ему служила его жена, держала себя превосходно. Милая, милая дочь моя!»^{360} Но события дня не прошли для Александры Федоровны бесследно. Когда Николай Павлович в сопровождении А. Х. Бенкендорфа, А. Ф. Орлова и И. В. Васильчикова проследовал во внутренние покои, то, по позднему свидетельству маркиза де Кюстина, нашел жену, пораженную нервными конвульсиями головы. Отныне эти припадки будут преследовать ее.

Что касается оценки поведения самого Николая Павловича, мнения современников весьма противоречивы. Даже Николай Павлович иногда противоречил сам себе. «Я не трушу», — сказал он тогда Е. Ф. Комаровскому^{361}. Потом, в другой раз, княгине Сайн-Витгенштейн признается, что был 14 декабря далеко не храбр, «но долг заставлял меня побороть себя»^{362}. А вот отзыв уважавшего Николая 1 артиста П. А. Каратыгина: «Известно всем, что это несвоевременное представление на Руси имело несчастное *fiasco* благодаря твердости и мужеству молодого императора»^{363}. Николай Павлович действительно был на пределе физических возможностей. Он опасался не только и не столько за себя, сколько за семью. О ней были все его помыслы. Перед применением

артиллерии он посылал предупредить о выстрелах. К семье он спешил и после команды открыть огонь.

В это время в Зимнем дворце уже около пяти часов томились неизвестностью приглашенные: государственные сановники, высшее духовенство, военные и гражданские чины, дамы, съехавшиеся на торжественный молебен по случаю воцарения, который был назначен первоначально на час дня (по другим данным, на два часа)^{364}. По свидетельству В. И. Фелькнера, молебен состоялся в 6 часов вечера «с обыкновенною в таких случаях торжественностью»^{365}. Секретарь же Марии Федоровны Г. И. Вилламов отметил, что Николай Павлович вернулся с Сенатской площади в 6 часов вечера; благодарственный молебен состоялся в 7 часов, а обед — в 8 часов, после чего присутствующим было предложено провести эту ночь во дворце^{366}. Императрица Александра Федоровна отнесла молебен также к семи часам вечера^{367}, а М. А. Корф — к половине седьмого^{368}. Вероятно, последнее в наибольшей степени соответствует действительности.

Перед молебствием Николай Павлович приказал вынести к лейб-гвардии Саперному батальону семилетнего Александра. Его, одетого в мундир лейб-гвардии Гусарского полка, вынес камердинер Марии Федоровны Гримм. Вызвав вперед солдат, награжденных знаками отличия военного ордена, Николай Павлович разрешил им поцеловать наследника и, перед тем как распорядиться об охране Зимнего дворца, сказал: «Я не нуждаюсь в Вашей защите, но его я вверяю Вашей охране!»^{369} Именно эта сцена запечатлена на первом из исторических рельефов памятника Николаю I на Исаакиевской площади.

О действиях Николая Павловича между этой сценой и молебствием подробно рассказывает К. Ф. Толь: «...Отправя наследника к государыне императрице Александре Федоровне, государь сел на лошадь, и мы все за ним поскакали опять к войскам, на площади стоящим. Тут Его Величество поручил мне ехать к графу Милорадовичу, сказать ему, что ему крайне прискорбно, что он пролил кровь при таком несчастном случае, и приказал мне обстоятельно узнать о его положении... Гр. Милорадович произнес умирающим голосом: «Скажите государю, что я весьма счастлив, что мог пролить кровь мою в столь важную минуту. Я умираю спокойным, ибо чувствую, что исполнил долг, как всякому истинно русскому прилично» (М. А. Милорадович по национальности был серб. — Л. В.). Граф Милорадович лежал на постели, около него стояли доктора: Рюль, Крейтон и другие, от которых узнал я, что он ранен пулею, которая, попав в правый

бок, остановилась около левой лопатки, где и вырезана была. Для прислуги находились камердинер государя и несколько придворных служителей. При сем случае доктора Рюль и Крейтон сказали мне, что рана весьма опасна, и он от оной умереть должен. С сим печальным известием возвратился я к государю, которого нашел у средних ворот Зимнего дворца. Донесение мое принято было Его Величеством с крайним соболезнованием. После сего государь, сойдя с лошади, прошел к государыне Марии Федоровне, а находившиеся при нем вошли в залу, где весь двор собран был, чтобы идти в церковь служить молебен»^{370}. Операцию М. А. Милорадовичу, не получившему до этого ни одного ранения в пяти десятках сражений, проводил его домашний врач военный медик В. М. Буташевич-Петрашевский (отец известного М. В. Буташевича-Петрашевского)^{371}. Присутствовали также адъюнк-профессор Медико-хирургической академии И. П. Буяльский, хирург лейб-медик Н. Ф. Аренд и Буш. Посмотрев на вырезанную пулю, М. А. Милорадович воскликнул: «О, слава Богу! Это пуля не солдатская. Теперь я совершенно счастлив!»^{372} Отставным поручиком П. Г. Каховским была выпущена пистолетная «злая пуля с хвостиком».

После К. Ф. Толя к М. А. Милорадовичу по поручению Николая Павловича приезжали справляться о состоянии здоровья князь В. С. Трубецкой (будущий генерал от кавалерии, член Государственного совета и сенатор), а позже флигель-адъютант Николая Павловича А. А. Кавелин. Последний прибыл с собственноручным письмом от государя «в семь или в начале восьмого часа». Вероятно, поведение М. А. Милорадовича в критические минуты 14 декабря полностью реабилитировало его в глазах Николая Павловича. «Твой друг искренний» — так подписался государь в письме к умирающему генералу, выражая надежду на Бога^{373}. Пулю, смертельно его ранившую, М. А. Милорадович попросил А. А. Кавелина передать Николаю Павловичу: «Доложите Его Величеству, что я очень рад, принося ему и Отечеству на жертву свою жизнь. Это всегда была участь моя»^{374}. Почти теми же словами передает эту фразу и его адъютант. Впоследствии каска и шпага Милорадовича хранились под стеклянным колпаком в Аничковом дворце в кабинете Николая Павловича^{375}. Зла на него император не держал. Граф М. А. Милорадович умер на солдатской койке в казармах лейб-гвардии Конного полка, прижимая к груди письмо Николая Павловича. Это произошло в три четверти третьего часа ночи с 14 на 15 декабря. Заходивший ночью на главную гауптвахту Зимнего дворца грустный и озабоченный великий князь Михаил Павлович сообщил об этом

караулу. Последние часы с М. А. Милорадовичем провел Евгений Вюртембергский, сжимавший руку умирающего генерала. Золотого перстня с медальоном, подаренного Марией Федоровной, на руке графа не было; его успели украсть.

После молебна, продолжавшегося около получаса, император еще на полчаса удалился со своей семьей во внутренние покои. Возможно, тогда он и «отобедал» с Александрой Федоровной, так как не ел с самого утра. Если молебен начался около шести часов вечера, то к семи часам Николай Павлович должен был освободиться. Примерно в это время, выйдя из комнаты Марии Федоровны, Николай Павлович увидел в комнате караула среди генералов незадолго до событий 14 декабря приехавшего в столицу эстляндца К. Ф. Толя и приказал ему следовать за ним. В кабинете Николая уже находился главноначальствующий над почтовым департаментом князь А. Н. Голицын (в 1824 году он лишился должности министра народного просвещения, но сохранил свое значение при дворе). Ему были даны приказания относительно почтового департамента. Отпустив А. Н. Голицына, Николай I обратился к К. Ф. Толю: «Ты мне теперь очень нужен. Приведено несколько захваченных офицеров, сними с них допросы, авось либо откроем все их замыслы»^[376]. Николай отлично понимал необходимость оперативных действий по выявлению организаторов заговора, и его рабочий день не был окончен.

По воспоминаниям К. Ф. Толя, первый допрос начался в 7 часов вечера, последующие затянулись до трех часов дня 15 декабря. Они проводились в комнате, примыкавшей к кабинету Николая Павловича. Не только снаружи, но и внутри Зимнего дворца были приняты дополнительные меры по усилению караулов. Как пишет В. И. Фелькнер, «к 9-ти часам вечера потребован был от л.-гв. Саперного батальона к дверям кабинета государыни императрицы караул при поручике Аделунге, а в некоторых дворцовых залах поставлены были пикеты, также при офицерах...»^[377]. Арестованных под караулом приводили со связанными за спиной руками с главной гауптвахты Зимнего дворца. Общий надзор осуществляли дежурный генерал-адъютант, командир лейб-гвардии Гусарского полка В. В. Левашов и петербургский комендант П. Я. Башуцкий. Лично К. Ф. Толем было допрошено 13 человек. Среди них Д. А. Щепин-Ростовский, А. Н. Сутгоф, К. Ф. Рылеев, А. А. Шторх, С. Н. Жеребцов, Б. А. Бодиско 1-й, М. К. Кюхельбекер (брат Вильгельма Кюхельбекера), А. И. Якубович, А. О. Корнилович, Е. В. Свечин, П. Н. Креницын 4-й, один чиновник и, наконец, в седьмом часу утра 15 декабря

несостоявшийся диктатор князь С. П. Трубецкой. О последнем из показаний К. Ф. Рылеева уже было известно, что именно он должен был возглавить восставших. Еще нескольких человек допросил В. В. Левашов. Это была вторая бессонная ночь для Николая. В рукописи второго издания книги М. А. Корфа было отмечено, что «государь лег в 3-м часу». Николай Павлович зачеркнул эти слова и вместо них написал: «Ни на минуту не ложился, а пробыл всю ночь, как был в шарфе и шпаге, в непрерывных допросах приводимых арестованных или в отдаче приказаний и получении донесений со всех концов»^{378}. Письменные показания, подписанные арестованными, К. Ф. Толь относил в кабинет Николая Павловича, которого «от усталости» находил иногда дремавшим на диване «в полном мундире». Тем не менее он тотчас вставал с дивана и говорил: «Садись, Карл Федорович, читай мне»^{379}. После этого Николай Павлович писал коротенькие записки коменданту Петропавловской крепости А. Я. Сукину с указаниями о том, как содержать арестантов. Позднее А. Я. Сукин сделал «реестр» этих записок, указав время получения и сняв с них копии. Первая записка, полученная на исходе дня 14 декабря в «12 часов пополудни» (около 12 часов ночи), относилась к правителю канцелярии Российско-Американской компании, отставному подпоручику и издателю К. Ф. Рылееву, имя которого называлось еще в донесении И. И. Дибича, полученном 12 декабря. Николай Павлович писал: «Присылаемого Рылеева посадить в Алексеевский рavelин, но не связывая рук; без всякого сообщения с другими, дать бумагу для письма и что будет писать — ко мне, собственноручно мне приносить ежедневно»^{380}.

Тем временем уже с вечера 14 декабря мороз усилился. Караул на дворцовом дворе развел костры. Необычно для современников выглядел Петербург в ту ночь: «Дворцовая, Адмиралтейская и Сенатская площади представляли вид только что завоеванного города: на них также пылали костры, около которых гвардейские солдаты отогревались и ели принесенную им из казарм пищу. По окраинам этих площадей протянуты были цепи застрельщиков... на углах стояли караулы и при них заряженные орудия... ходили пехотные и разъезжали конные патрули»^{381}. Арестованные по всему городу солдаты и матросы в сводной колонне, по приказанию Николая I, были доставлены Е. Ф. Комаровским в Петропавловскую крепость (всего около 700 человек).

Сам Николай Павлович, резюмируя свои действия в тот день, приказал занести в свой формулярный список следующее: «14-го декабря 1825 года во время возникшего в Петербурге бунта командовал главною гауптвахтою

Зимнего дворца и с находившейся тогда на оной 9-ю егерскою ротою л.-гв. Финляндского полка занимал ворота, ведущие на большой двор; потом, по прибытии 1-го батальона л.-гв. Преображенского полка, лично вел оный и занял им Адмиралтейскую площадь. С прибытием же л.-гв. Конного полка занял и Петровскую площадь. Наконец, принял начальство и над прочими собравшимися войсками гвардии, в сей день в столице находившимися и прибывшими верными долгу присяги. Когда же, при неоднократных увещаниях, толпа бунтовщиков не покорялась, то рассеял оную картечными выстрелами четырех легких орудий № 1-й легкой батареей гвардейской артиллерийской бригады, коими командовал тогда поручик Бакунин. По совершенном рассеянии злоумышленников занял окрестности Зимнего дворца и продолжал начальствовать войсками до минования опасности и роспуска оных по квартирам»^{382}.

Казалось, что длинный день 14 декабря никогда не Закончится. В Зимнем продолжались допросы. По воспоминаниям И. О. Сухозанета, в начале седьмого утра, когда дежурные генерал-адъютанты пили чай, мимо них провели арестованного С. П. Трубецкого, полковника, старшего адъютанта Главного штаба, князя из рода Гедиминовичей. После того как его допросил К. Ф. Толь, князя ввели в кабинет Николая Павловича. Император говорил резко, нервно. После предъявления арестованному манифеста, написанного его рукой, Трубецкому пришлось сознаться в авторстве. Николай Павлович укорял князя, рефреном звучала мысль, что его ожидает «ужасная судьба». И все же в заключение допроса Николай Павлович вдруг сказал, чтобы Трубецкой успокоил жену короткой запиской: «Напишите только: «Я буду жив и здоров»^{383}. (В известном кинофильме «Звезда пленительного счастья» последняя фраза — вероятно, сознательно! — была опущена.)

Той же ночью Николай Павлович отправил несколько писем, отразивших его противоречивые чувства. Среди них — письмо от 15 декабря московскому генерал-губернатору князю Дмитрию Владимировичу Голицыну, одному из немногих, кому Николай Павлович доверял и благоволил. Это письмо было написано крупным нервным почерком — казалось напряжение тревожной и бессонной ночи. Часть текста написана карандашом (Николай Павлович вообще предпочитал писать карандашом) в виде вставок, словно автор сам сомневался в правильности подобранных слов и выражений: «Я вступил на престол, начав с пролития крови моих подданных. Но смиряюсь перед Богом и прошу Всевышнего, да отвратит от меня и государства навсегда подобные гибельные происшествия. Если бы

дошли до Вас нелепые слухи, то поручаю объявить всенародно, что я и весь императорский дом совершенно здоровы; что любовь народа, мне оказанная, и приверженность моей гвардии меня утешают в тяжелой моей скорби... Всем доброжелательный Николай». Ниже приписано: «Твер. пом. Муравьева (Никиту) прошу непременно доставить, жива или мертва, прямо ко мне»^{384}.

Начинались будни следственного процесса.

«Мои друзья по Четырнадцатому»: Николай I и декабристы

В одном из пунктов манифестов Николая I от 12 и 20 декабря 1825 года говорилось: «Время вступления Нашего на Престол считать с 19-го ноября 1825 года»^{385}. Тем не менее настоящим днем своего воцарения Николай Павлович считал 14 декабря. С тех пор именно в этот день ежегодно служили молебн «в память, — как писала А. Ф. Тютчева, — злосчастного события 1825 года, о котором хорошо было бы позабыть»^{386}. Однако забыть о том, что он, хоть и по голосу совести, но «пролил кровь», как признавался государь французскому посланнику Ла Ферронэ после новогоднего приема дипломатического корпуса 20 декабря 1825 года (1 января 1826 года)^{387}, было трудно. Считая 14 декабря днем восшествия на престол, Николай Павлович не забывал ни тех, кто поддержал его в решающую минуту, ни тех, кто стал для него олицетворением «зла», с которым предстояло бороться.

15 декабря в двенадцатом часу дня в мундире лейб-гвардии Преображенского полка (первой части, которая поддержала его), Николай I сошел с крыльца главной гауптвахты и подошел к построенному во дворе лейб-гвардии Саперному батальону. Взяв за руку брата Михаила, он представил его как преемника в звании генерал-инспектора по инженерной части, заявив, что оставляет за собой звание шефа батальона. Затем, выйдя за главные дворцовые ворота, сел на лошадь и произвел смотр гвардейского корпуса, части которого церемониальным маршем прошли мимо него в свои казармы^{388}. Многие офицеры получили звание генерал-адъютантов и флигель-адъютантов, а в последующем и различные награды. Награждение продолжалось и многие годы спустя. Так, в 1850 году был награжден знаком ордена Святой Анны 3-й степени один из скромных участников той драмы — иподиакон Прохор Иванов^{389}. После завершения строительства нового Кремлевского дворца в 1849 году, когда было решено украсить стены Георгиевского зала мраморными досками всех полков, имеющих георгиевские знамена, император распорядился, чтобы начало было положено с Преображенского полка. Четверо седых дворцовых гренадер прикрепили доску к стене и был сыгран гимн «Боже, царя храни». Николай I тогда сказал: «Вы мой первый полк и надеюсь, что и останетесь им навсегда; передайте же товарищам, как я Вас награждаю за

Вашу верность»^[390].

Движение декабристов было воспринято Николаем Павловичем прежде всего как революционная зараза, привнесенная с Запада. Именно в этом ключе он дал свою трактовку этих событий уже 20 декабря (1 января), выступая перед дипломатическим корпусом по случаю нового 1826 года. Эта речь была занесена в депеши иностранных посланников: «Я хочу, чтобы Европа знала всю правду о событиях 14/26 декабря... Ничего, заявляю Вам, не будет скрыто; причины, последствия и виновники этого заговора будут известны всему миру, как известны они мне самому... Смерть императора была предлогом, а ни в коем случае не причиной только что подавленного восстания. Замышлялся этот заговор уже давно, покойный император знал о нем и относил его к 1815 году, когда несколько революционеров, зараженных революционными идеями и неопределенным желанием улучшений, стали мечтать о реформах и подготавливать обширную конспирацию. Мой брат Александр, оказывавший мне полное доверие, — часто говорил мне об этом... Это восстание нельзя сравнивать с восстаниями в Испании и Пьемонте. Слава Богу, мы еще далеки от этого и, надеюсь, что никогда не дойдем до такого положения. Большое счастье для России, да, полагаю, и для всей Европы, что этот мятеж вспыхнул теперь... Это пример, который я должен дать России, и услуга моя Европе. Думаю, что оказал ей еще большую услугу, доказав, что с энергией и твердостью вполне возможно сломить дерзость революционеров и расстроить их преступные замыслы. Я снова Вам всем повторяю — это не военное восстание. Я более чем когда-либо уверен в моих войсках. Несколько негодяев и сумасшедших думали о возможности революции, для которой, благодарение небу, Россия далеко еще не созрела. Вы можете заверить свои правительства, что эта дерзкая попытка не будет иметь никаких последствий»^[391].

Размышляя тогда и впоследствии о причинах выступления декабристов, Николай Павлович никогда не забывал и тех, кого иронически называл «Mes amis de Quatorze» («Мои друзья по Четырнадцатому»), памятуя о благих пожеланиях реформ для России, которые они вынашивали.

В литературе обычно делается акцент на жестокость Николая Павловича, проявленную во время судебного процесса над декабристами, и его мстительность к осужденным. Часто иронизировали над его ответом маршалу Веллингтону в связи с просьбой английской короны об амнистии: «Я удивлю Европу своим милосердием». Позднее А. И. Герцен писал:

«Николай велел умертвить пятерых: Пестеля, Рылеева, Бестужева-Рюмина, Сергея Муравьева и Каховского. Чтобы к смерти прибавить бесчестие, он топор заменил веревкой. Этот палач не нашел, что таким образом из виселицы делается крест, перед которым преклонится не одно поколение»^{392}. Но все познается в сравнении. В Лондоне 1 мая 1820 года было публично повешено также пять человек во главе с Артуром Тистельвудом, причастных к антиправительственному заговору. После подавления венгерского восстания, уже Николай I просил о снисхождении к пленным венграм, но только в Араде было казнено 13 генералов^{393}.

Впрочем, так называемое общественное мнение нельзя сводить только к оценке А. И. Герцена. В то время и в провинции, и в Москве почти единодушно осуждались планы и методы действия заговорщиков. Отец известного славянофила А. С. Хомякова писал сыну о выступлении декабристов: «Их преступление есть оскорбление нации»^{394}. Сообщил он и о том, что государь «не надеялся услышать столько правды, сколько сказал ему Бестужев». С. А. Хомяков пересказал содержание разговора нового императора с одним из московских сановников, вероятно, С. И. Мухановым. Николай I спросил последнего относительно предполагаемого приговора мятежникам: «Не боятся ли, что он будет суров?» Тот ответил: «Напротив, государь, боятся, что Вы будете слишком милостивы». — «Ни то, ни другое, — возразил государь, — я нахожусь в настоятельной необходимости дать урок: но, надеюсь, у меня не станут оспаривать лучшее право государей — прощать и смягчать наказание»^{395}.

Не вдаваясь в полемику о жестокосердии Николая Павловича, приведем несколько выдержек из его писем к матери, которые в какой-то мере передают всю гамму чувств, испытываемых им тогда. В письме от 12 июля 1826 года из Царского Села Николай Павлович пишет: «Приговор состоялся и объявлен виновным. Не поддается перу, что во мне происходит; у меня какое-то лихорадочное состояние, которое я не могу определить. К этому, с одной стороны, примешивается какое-то особое чувство ужаса, а с другой — благодарности Господу Богу... Голова моя положительно идет кругом... Только чувство ужасающего долга на занимаемом посту может заставить меня терпеть все эти штуки. Завтра в три часа утра это дело должно совершиться; вечером, надеюсь, сообщить Вам об исходе»^{396}. В тот же день императрица Александра Федоровна записала в дневнике: «Я бы хотела, чтобы эти ужасающие два дня уже прошли... О, если бы кто-нибудь знал, как колебался Николай! Я молюсь за спасение душ тех, кто будет повешен. 1) Пестель. 2) Сергей Муравьев. 3) Бестужев-Рюмин. 4)

Рылеев. 5) Каховский»^{397}. Вероятно, тогда же Николай Павлович подготовил для военного генерал-губернатора П. В. Голенищева-Кутузова собственноручную записку с описанием порядка казни. В ней он расписал всю церемонию совершения «обряда» вплоть до барабанного боя^{398}. Строгая регламентация всего, в том числе торжественных и печальных церемониалов, была у него в крови. Аналогично позднее он расписал и обряд собственных похорон.

Между тем жизнь продолжалась. Камер-фурьерский журнал отмечает, что 12 июля Николай Павлович в 8 часов утра выезжал на прогулку в дрожках вместе с принцем Карлом Прусским, а в 10 часов вечера присутствовал на вечернем «собрании» (так назывались встречи в интимном кругу императрицы) на «Колоннаде». Кроме принца Карла Прусского и сопровождающих его лиц, были приглашены флигель-адъютант А. А. Кавелин, фрейлины С. Г. Моден, А. А. Эйлер и еще не состоящая в штате девица Россет (будущая мемуаристка)^{399}. Но предстоящая ночь обещала быть тревожной. В дневнике Александры Федоровны 13 июля сделана следующая запись: «Что это была за ночь! Мне все мерещились мертвецы. Я просыпаюсь от каждого шороха. В 7 часов Николая разбудили. Двумя письмами Кутузов и Дибич доносили, что все прошло без каких-либо беспорядков; виновные вели себя трусливо и недостойно, солдаты же соблюдали тишину и порядок...»^{400}

Итак, сообщение было передано императору в 7 часов утра 13 июля. Трудно сказать, как возникла легенда о сцене у пруда, возле которого Николай якобы забавлялся игрой с собакой, бросая ей платок, когда ему сообщили о казни. Основанием для этой сцены, вошедшей в роман М. Д. Мариш «Северное сияние» и поставленный по нему кинофильм «Звезда пленительного счастья», послужили, вероятно, рассказы А. О. Смирновой-Россет. Она писала: «В тот день, когда произнесен был указ над обвиненными 14 числа, приехал старый князь Лопухин и прочел государю весь лист. Государь купал в канаве своего терьера и бросал ему платок. Камердинер пришел ему сказать, что приехал князь Лопухин. Он сказал, что он направится в свой кабинет, а за ним «Гусар». Я взяла платок и сдуру отдала его камердинеру»^{401}. А. С. Пушкин в дневниковой записи от 3 марта 1834 года отнес этот эпизод к полудню 13 июля^{402}. Как отмечается в комментариях к последнему изданию воспоминаний А. О. Смирновой-Россет, описываемая сцена могла иметь место, но только не 13-го, а 12 июля, то есть в день вынесения приговора^{403}. В целом, память не подвела мемуаристку. Она не ошиблась даже в кличке собаки. Во всяком случае, в

более поздних записях в «Гардеробной сумме государя императора» за 1847–1851 годы упоминаются расходы на стрижку собаки «Гусар» (с 1851 года также «Драгуна», а с 1850 года еще и «Муфты»)^[404]. Пудель «Гусар» изображен на малахитовом прессе 1846–1850 годов (экспозиция «Коттеджа»), Вероятно, новые собаки получали старые клички.

Николай Павлович почтительно должен был внимать и советам того, кого еще недавно именовал «императором» — цесаревича Константина. Спустя много лет в разговоре с П. Д. Киселевым Николай I заметил по поводу принципа наследования: «...Представьте, я впитал этот принцип так глубоко, что пока мой брат Константин был жив, я, несмотря на его отказ от трона, всегда считал себя лишь его лейтенантом и не предпринял ни одного важного поступка, предварительно не обсудив с ним»^[405]. Так вот, получив сообщение Николая Павловича о «петербургских событиях», цесаревич трижды прочел отчет и в письме от 22 декабря 1825 года писал брату: «Нужно разыскивать подстрекателей и руководителей и, безусловно, найти их путем признаний со стороны арестованных. Никаких остановок до тех пор, пока не будет найдена исходная точка всех этих происков...»^[406]. Давая советы брату, цесаревич в то же время отказывался приехать в Петербург, аргументируя это тем, что его присутствие более полезно для дела в Варшаве. В ответном письме цесаревичу от 29 декабря того же года Николай Павлович отмечал: «Я держусь правила обрушиваться лишь на тех, которые разоблачены». А через месяц, 29 января 1826 года, добавлял: «... Если Богу будет угодно, я дойду до дна озера»^[407].

Самых суровых мер против мятежников требовала и властная мать Николая, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Утром 13 июля 1826 года, получив известие о казни, Николай пишет матери из Царского Села: «Пишу на скорую руку — два слова, милая матушка, желая Вам сообщить, что все совершилось тихо и в порядке, гнусные и вели себя гнусно, без всякого достоинства...»^[408]. Затем, в 9 часов утра, Николай Павлович принял И. И. Дибича, а в 12 часов — А. Н. Голицына и статс-секретаря Р. И. Ребиндера^[409]. Времени на игры с «Гусаром» в полдень, при всей любви Николая Павловича к своим собакам, явно не оставалось, тем более что после приема он отправился в Петербург и следующее письмо матери пишет, уже узнав некоторые подробности казни: «Час тому назад мы вернулись сюда и, по полученным сведениям, вроде все спокойно... Пять казненных проявили большое чувство раскаяния и особенно Каховский, который, идя на казнь, сказал, что молится за меня. Его единственно я жалею... Завтра мы на площади отслужим молебен;

эстрада находится как раз на том месте, где погиб несчастный Милорадович»^[410]. Строки письма о молебствии уточняются записью за этот же день в Камер-фурьерском журнале, где сообщается о повестке, разосланной от двора: «Соизволили в будущую среду, то есть сего июля 14-го дня пополудни в 1/2 7 часа съезжаться всем знатным обоего пола особам, а также гвардии и армии штаб-и обер-офицерам во временную Адмиралтейскую Исаакиевскую церковь для принесения благодарности Господу за избавление России от бунта, открывшегося 14 декабря прошлого 1825 г., и быть дамам в белом русском платье, а кавалерам в праздничных кафтанах»^[411].

Вынесение смертного приговора далось Николаю Павловичу нелегко. Императрица Александра Федоровна в дневнике за 13 июля свидетельствует: «Мой бедный Николай так много перестрадал за эти дни! К счастью, ему не пришлось самому подписывать смертный приговор»^[412]. Предположение о том, что при вынесении приговора члены Верховного уголовного суда старались предвосхитить желание императора, лишено оснований^[413]. Более того, необходимо учитывать влияние на позицию Николая I в целом более жесткого мнения многих членов суда о необходимости сурового наказания. Как отмечал автор многих исторических трудов и публикаций великий князь Николай Михайлович (внук Николая Павловича), А. И. Чернышев, П. В. Голенищев-Кутузов, А. Н. Потапов были известны своим подобоострастием; Д. Н. Блудов — «либерализмом на словах» и «только граф Бенкендорф считался более самостоятельным и все время старался смягчить государя...»^[414]. По мнению августейшего историка, «весь сонм окружающих царедворцев, большинство их, думали исключительно о своем благополучии и старались выслужиться перед молодым, неопытным и мало известным новым самодержцем России, внося только смущение в чуткую душу Николая Павловича»^[415].

На третий день после казни декабристов, 16 июля 1826 года, в 8 часов утра Николай Павлович с Александрой Федоровной отправились из Царского Села в «первопрестольный град» Москву в коляске в сопровождении различных лиц для предстоящей коронации, состоявшейся 22 августа того же года.

Общество по-разному отреагировало на приговор суда. Большинство считало его справедливым и законным, либеральное фрондирующее меньшинство — ужасным. «Во всякой другой стране, — писал М. С. Воронцов, — более пяти были бы казнены смертью»^[416]. «Как нелеп и

жесток доклад суда», — отметил в своем дневнике находившийся тогда далеко от Петербурга князь П. А. Вяземский^{417}. Получив конфиденциально от В. В. Стасова копию записки Николая Павловича с описанием ритуала казни декабристов, Л. Н. Толстой писал в благодарственном письме от 9 июня 1878 года, что для него «это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это ответ на главный вопрос, мучивший меня»^{418}. «Это какое-то утонченное убийство!» — возмущался Л. Н. Толстой^{419}. Но возмущался он задним числом, а в юности принадлежал к числу тех, кто обожал и любил императора. При закладке храма Христа Спасителя в 1839 году он был счастлив, увидев царя издали^{420}. При всем нелицеприятном отношении к Николаю I в зрелом возрасте не он дал название своему очерку «Николай Палкин», а его первые публикаторы. Проводя же исторические параллели, писатель как-то заметил: «За время Николая I не было от его деспотического правления столько озлобления, как от нынешнего конституционного государственного строя»^{421}.

Расследование обстоятельств 14 декабря — это, в сущности, первое серьезное государственное дело молодого императора. Традиционным стало обвинение Николая Павловича в лицемерии во время допросов, как, впрочем, и признание его умения найти к каждому арестанту индивидуальный подход. Историк и литературовед П. Е. Щеголев писал: «Боязнь, как бы следствие чего-либо не оставило неоткрытым, заставила Николая Павловича стать во главе следственной комиссии, заставила не только неустанно следить за всеми ее действиями, но и самому опуститься до роли производящего дознание...»^{422}. Допуская в известной степени справедливость этих слов, можно все же предположить, что во многих случаях Николаю Павловичу и не нужно было притворяться. Честь мундира, забота о благе Отчизны и исполнение долга перед Россией — так, как он его понимал, — не были для него пустыми фразами. Общественное для него всегда было выше личного. Хорошо знавший императора граф П. Д. Киселев вспоминал: «Государь любил повторять, что без принципа власти нет общественного блага, что это значит исполнять долг, а не пытаться завоевать популярность слабодушием, что народами следует управлять, а не заискивать перед ними, что любовь должна приобретаться благодаря справедливости, что царь, угодничающий перед толпой, в конце концов, неизбежно вызывает безразличие, а потом и презрение»^{423}.

Нелюбовь ко всему тайному, даже из лучших побуждений, также во многом была обострена декабристским заговором. Великая княжна Ольга

Николаевна вспоминала о встрече в Петербурге в 1841 году своего отца с принцем Вильгельмом (будущим королем и императором Вильгельмом I), записавшимся в масоны. Николай Павлович заявил по поводу тайных союзов: «Если их цель действительно благо Родины и ее людей, то они могли бы преследовать эту цель совершенно открыто. Я не люблю секретных союзов: они всегда начинают как будто бы невинно, преданные в мечтах идеальной цели, за которой вскоре следует желание осуществления и деятельности, и они по большей части оказываются политическими организациями тайного порядка. Я предпочитаю таким тайным союзам те союзы, которые выражают свои мысли открыто»^{424}.

Личного плана жестокость для него не была характерна, а подозрения и месть не распространялись на родственников. По отношению к арестованным Николай Павлович был по-своему справедлив. Когда император узнал, что подследственные в Петропавловской крепости находятся в плохих камерах и плохо питаются, то, по словам освобожденного с оправдательным аттестатом А. М. Исленьева, приказал «обрести хорошее помещение, хорошо кормить и допускать родных для свидания»^{425}. Николай Павлович не столько мстил и злорадствовал, сколько выполнял свой долг, иногда вполне искренне жалея самого себя. Давая разрешение на свидание С. П. Трубецкого с женой, он пишет его сестре, графине Е. П. Потемкиной, ходатайствовавшей об этой милости: «Я весьма счастлив, графиня, что печальная услуга, которую я имел возможность Вам оказать, доставила Вам несколько минут утешения. Желая, чтобы Вы убедились, как тяжело для меня быть вынужденным на такие меры, которые при всей пагубности их в виду *общаго блага* (здесь и далее выделено Николаем I. — Л. В.) погружают в отчаяние целые семейства; мне кажется, что сам не менее заслуживаю сожаления. Как бы я желал быть Вам в чем-нибудь полезным. Вы нуждаетесь в утешении, я *это* знаю, и простите мне выражение, Ваша покорность судьбе заставляет меня еще больше уважать Вас... Относительно испрашиваемого Вами у меня свидания распоряжения сделаны; я назначил его в понедельник на Пасхе, т. е. в день наиболее близкий к указанному Вами мне времени...»^{426}

Когда В. А. Жуковский, выполняя очередную просьбу, спросил Николая Павловича, посоветует ли он известному «декабристу без 14 декабря», находящемуся за границей Н. И. Тургеневу вернуться в Россию, последовал ответ: «Если спрашиваешь меня как императора, скажу: «Нужно», если спрашиваешь как частного человека, то скажу: «Лучше ему не возвращаться»^{427}. И это при том, что по дипломатическим каналам от

английского правительства было официально потребовано выдать осужденного Н. И. Тургенева^{428}.

Можно, конечно, считать лицемерием и материальную помощь, оказываемую родственникам декабристов. С. А. Хомяков писал сыну: «Но о чем не печатают, к великому удивлению всех, это о прекрасных поступках государя, который поистине выказывает характер величавый и благороднейший. Жена Рылеева и мать Бестужева молят о милосердии к себе и своей бедности; им дают пенсию...»^{429} Не забывал Николай Павлович и о подарках к именинам дочери Рылеева Настеньке и т. д. С 1831 по 1852 год на нужды осужденных родственников ежегодно выдавались суммы из Управления Главного штаба. Дети 20 семей были устроены в различные учебные заведения на казенный счет. Если бы все правители были такими лицемерами по отношению к своим «неверноподданным»!

Позднее, когда эмоции отступили, их сменили более спокойные размышление и анализ. Отношение Николая Павловича к своим «друзьям по Четырнадцатому» становится более сдержанным и в чем-то сочувственным. Так, когда он ознакомился с рукописями К. Ф. Рылеева, то сказал А. Х. Бенкендорфу: «Я жалею, что не знал о том, что Рылеев талантливый поэт; мы еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять их»^{430}.

Доброжелательное и тактичное отношение к родственникам осужденных, продолжающим гражданскую или военную службу, также отличительная черта не столько «лицемера», сколько строгого, но справедливого государя. Вспомним судьбу А. Ф. Орлова (внебрачного сына Федора Григорьевича Орлова, брата более знаменитых Алексея и Григория Орловых, наследника их имений), сумевшего также смягчить участь своего брата генерал-майора М. Ф. Орлова, участника ранних декабристских обществ и руководителя Кишиневской управы Южного общества. Благодаря протекции брата, 15 июня 1826 года наказание М. Ф. Орлову было ограничено отставкой от службы и высылкой в деревню Калужской губернии, но уже на следующий день он получил разрешение на жительство в Москве. Младший брат П. И. Пестеля, полковник Владимир Иванович Пестель, командовавший 14 декабря Кавалергардским полком, поддержавшим Николая Павловича, не остался без «монаршей признательности». В письме к отцу И. Б. Пестелю, известному своим генерал-губернаторством в Сибири в 1806–1819 годах, он рассказал о разговоре с императором 15 января 1826 года. Тогда Николай Павлович

взял его за руку и сказал: «Ежели один сын огорчил отца, другой его во всем утешает, скажи это ему, успокой его, и сам будь покоен. Я надеюсь, что ты и меня будешь утешать»^[431]. Далее Владимир Пестель добавил: «Мне хотелось бы, чтобы Вы могли видеть лицо императора, когда он говорил со мною. Это выражение участия и просветленности, которое проступало в каждой черточке его лица, сказало мне в тысячу раз больше утешения и надежды, чем лестные слова, которые он мне адресовал». В январе 1826 года В. И. Пестель был награжден знаком ордена Святой Анны 2-й степени, в июле получил флигель-адъютантство, а закончил службу генерал-лейтенантом и сенатором.

Для надзора за декабристами в Сибири был назначен известный своей честностью и доброжелательностью Станислав Романович Лепарский, на протяжении 16 лет командовавший Северским драгунским полком. Николай Павлович хорошо знал его по своей должности шефа этого полка. В отношении жен осужденных декабристов, последовавших за своими мужьями в Сибирь, Николай Павлович фактически проявил солидарность с Александрой Федоровной, записавшей в дневнике 13 июля 1826 года: «Жены высылаемых намерены следовать за своими мужьями в Нерчинск. О, на их месте я поступила бы также»^[432]. Сам Николай Павлович знал их всех и во время обеда 22 декабря 1851 года, когда зашла о них речь, «перечислил всех жен преступников 14-го декабря, которые при ссылке их мужей в Сибирь добровольно за ними последовали, и прибавил, что, во всяком случае, это знак преданности, достойный уважения, тем более что часто видели противное»^[433]. Как известно, 14 из 23 жен получили разрешение последовать за мужьями, и 10 воспользовались этим разрешением.

По случаю десятилетия царствования, срок каторжных работ для декабристов был уменьшен с 15 до 13 лет, хотя сами осужденные и часть общества надеялись на большую милость^[434]. Когда же в письме от 27 декабря 1836 года В. И. Штейнгейль попросил простить его и перевести в Ишим или какой-нибудь другой ближайший к России город (в Сибири традиционно Россией называли территорию к западу от Урала), то Николай Павлович наложил резолюцию: «Согласен, давно в душе простил его и всех»^[435]. А через полгода, 18 июня 1837 года, он легко откликнулся на просьбу наследника-цесаревича, совершавшего ознакомительное путешествие по России: «С удовольствием я согласился на твое желание облегчить участь виденных тобой преступников в Кунгуре и других. Всегда рад, чтоб милости могли чрез твое ходатайство от меня исходить, когда сие

возможно учинить без опасности и без несправедливости к другим»^{[{436}](#)}.

Николай Павлович действительно думал о реформах, признавал их необходимость и неизбежность. В этой связи существовала еще одна ипостась взаимоотношений Николая Павловича со своими «друзьями по Четырнадцатому» — это реакция императора на идейное наследие декабристов, на их планы реформирования России.

«Государь-консерватор»: Уроки Декабря

Возвратившись после коронации в Петербург, Николай I повелел делопроизводителю следственной комиссии А. Д. Боровкову составить обзор основных проектов и предложений декабристов^[437]. Получивший название «Свод показаний членов злоумышленных обществ о внутреннем состоянии государства», этот обзор представлял собой компиляцию из показаний Г. С. Батенкова, А. А. Бестужева, П. Г. Каховского, Г. А. Перетца, В. И. Штейнгейля и некоторых других декабристов. Материалы, подготовленные А. Д. Боровковым, были представлены Николаю 6 февраля 1827 года. Один экземпляр их он переслал Константину Павловичу, настойчиво требовавшему выведать все планы заговорщиков, другой — В. П. Кочубею, который 29 апреля 1827 года заменит на посту председателя Государственного совета и Комитета министров умершего П. В. Лопухина. Кстати, впоследствии В. П. Кочубей скажет А. Д. Боровкову: «Государь часто просматривает Ваш любопытный свод и черпает из него много дельного, да и я часто к нему прибегаю»^[438].

«Свод показаний членов злоумышленных обществ» был представлен в учрежденный 6 декабря 1826 года и активно действовавший до 1830 года Комитет, получивший свое название по дню учреждения и открывший целую серию «особых», «келейных», «секретных» комитетов николаевского царствования. Он должен был ответить на следующие вопросы Николая I: «1) Что предполагалось сделать при Александре I; 2) Что имелось в наличности; 3) Что можно было признать удовлетворительным и что нельзя было оставить незаменимым»^[439]. Заканчивая свою записку о задачах работы Комитета 6 декабря, Николай Павлович писал князю В. П. Кочубею: «Ежедневно уведомляйте меня при наших свиданиях об успехах дела, которое я почитаю из важнейших моих занятий и обязанностей. Успех, который делом докажется, будет лучшая награда трудящимся, а мне — душевное утешение». На заседании Комитета, состоявшегося 27 марта 1827 года, «Свод», составленный А. Д. Боровковым, был прочтен. «Там содержатся многие истины, — отмечалось в журнале Комитета, — на кои правительство отчасти обратило уже внимание... Как бы то ни было, Комитет положил извлечь из сих сведений возможную пользу при будущих трудах своих»^[440]. Об этом же писал в одном из своих «Писем из Сибири» склонный к объективному анализу М. С. Лунин: «Правительство, свирепствуя против членов тайного общества,

отдало ему дань, достойную его высокой миссии, усвоив и развив некоторые из его основных идей»^[441].

По мнению князя П. В. Долгорукова, высказанному в 1864 году, «мысль, руководившая учреждением «Комитета 6 декабря», была хороша; но, как мы сейчас сказали, неисполнима без введения в России порядка конституционного, а Николай слышать не хотел о перемене образа правления»^[442]. Князь не совсем прав. Реформы, связанные с отменой крепостного права, судебной системой, уничтожением телесных наказаний, о которых писал далее П. В. Долгоруков, оказались возможны при сохранении самодержавия (только с отменой чинов пришлось подождать до Октября 1917 года). Но реформы, безусловно, требовали готовности общества к ним, в первую очередь готовности правящей элиты и дворянства к определенным жертвам, с ними связанным. Далеко не все к этому были готовы. Даже скромные предложения Комитета об ограничении роста числа дворовых, запрещении раздроблять дележом и продажей имения с числом ревизских душ менее ста, некотором упорядочении чиновпроизводства и т. д. оказались почти нереализованными. Отправляясь в Варшаву весной 1830 года, Николай Павлович захватил эти проекты реформ. О дальнейшем князь П. В. Долгоруков писал так: «Константин Павлович сильнее всего образом восстал против каких бы то ни было перемен, говоря, что все это заморские затеи и в России менять нечего: все идет прекрасно и не мешало бы русские порядки ввести в чужих краях. Николай Павлович положил проекты в портфель, поехал в Берлин на маневры, потом возвратился в Петербург и тут был испуган известием о июльской революции во Франции. Вслед за тем было получено известие о сентябрьской революции в Бельгии; потом о ноябрьском восстании в Польше. Окончательно ошеломленный Николай Павлович, при ограниченности ума своего не понимавший необходимости и пользы предупреждать революции разумными реформами, сделался врагом всяких нововведений, всяких улучшений, и в каждом свободном и честном голосе ему стал слышаться набат революции. Даже из паллиативных проектов «Комитета 6 декабря» один только проект был приведен в исполнение: учреждение сословия почетных граждан, да и то лишь по смерти сумасбродного цесаревича Константина Павловича»^[443].

Решительно не согласиться можно только с одним утверждением П. В. Долгорукова. Николай Павлович никогда не отрицал необходимость реформ и по-своему был готов к ним. Неоднократно говоря об этом в интимных беседах, он лишь подчеркивал легитимность их проведения. Так,

в беседе с французским посланником графом Сан При он заявил: «Я отличал и всегда буду отличать тех, кто хочет справедливых преобразований и желает, чтобы они исходили от законной власти, от тех, кто сам бы хотел предпринять их, и Бог знает какими средствами»^{444}. Другой тезис, являющийся основополагающим для взглядов Николая I, — это признание постепенности проводимых реформ. В сентябре 1845 года в разговоре с начальником канцелярии М. С. Воронцова, своим старым знакомым С. В. Сафоновым он заявил так: «Я никогда не препятствую натуральному ходу вещей и, конечно, смело могу сказать, что мы осмотрительно идем вперед без крупных перемен или сильных переворотов. Этим Россия может похвалиться перед другими державами»^{445}.

Влияние событий 14 декабря, так же как и последующих революций в Европе, проявилось, с одной стороны, в стремлении императора провести реформы бюрократически-канцелярскими средствами и, по возможности, так, чтобы общество этого не заметило, с другой — в максимальной централизации государственной власти, замыкающейся на личной канцелярии царя. Игнорируя общественное мнение, царь пытался решать поставленные задачи, наивно полагая, что все находится в самодержавной власти. Характеризуя принципы внутренней политики Николая I, историк А. А. Корнилов писал: «...Правительственная система императора Николая была одной из самых последовательных попыток осуществления идеи просвещенного абсолютизма»^{446}. Развивая эту мысль, историк считал, что царствование Николая I — это последовательное, хотя и закончившееся крахом осуществление идей Н. М. Карамзина. Как известно, Н. М. Карамзин считал самодержавие залогом развития России, иногда резко обрушиваясь на некоторые нововведения недавнего царствования Александра I. Однажды в присутствии Марии Федоровны Николай I, обращаясь к суровому критику, воскликнул: «Пощадите, пощадите сердце матери, Николай Михайлович!» На что Карамзин, не смутившись, ответил: «Я говорю не только матери государя, который скончался, но матери государя, который готовится царствовать»^{447}. Впрочем, простудившемуся 14 декабря 1825 года историографу, к сожалению, оставалось жить недолго. Как отмечал А. И. Герцен, «Карамзин умер, пользуясь до конца своей жизни расположением Николая»^{448}.

Обычно в литературе делается акцент на реакционно-охранительные начала политики Николая I, возобладавшие после 14 декабря. Но на самом деле подавление «мятежа реформаторов» не было поворотным пунктом в

области внутренней политики, оно лишь закрепило те тенденции, которые уже наметились в последнее десятилетие или по крайней мере в последние годы царствования Александра Павловича. «Я считаю царствование Николая I, — заявлял В. О. Ключевский, — прямым логическим продолжением второй половины предшествующего царствования»^[449]. Эту же мысль высказывал в своем лекционном курсе С. Б. Окунь. Крах реформаторских планов Александра I в области крестьянского вопроса после неудачи с Секретным комитетом 1818–1819 годов отмечают и современные исследователи, связывающие их с «мощным и вполне определенным сопротивлением подавляющей части дворянства». «Отказавшись от реформ, — пишет С. В. Мироненко, — самодержавие перешло к реакции, которая началась не с разгромом восстания декабристов в 1825 г., как считают многие, а несколькими годами ранее. Именно Александр I начал реакционный курс, а Николай I лишь продолжил начатое старшим братом»^[450].

Можно только согласиться с утверждением, что события 14 декабря способствовали формированию у Николая Павловича стойкого неприятия как революционного, так и либерального движения. Либералов, или, как их тогда еще называли, «либералистов», он также не любил. Но дело было не только в его личных симпатиях и антипатиях. Он чувствовал поддержку большинства общества. «Одаренный сильной волей и обширным государственным умом, — писал о Николае I граф Д. А. Толстой, — он твердою рукою повел Россию к предположенной им цели, стремясь неуклонно по пути, им избранному, а так как характер этого великого государя был вполне национальным, то и вышло, что Россия не только безропотно, но даже охотно за ним следовала»^[451]. Пожалуй, именно реакция самого общества, его консервативные настроения стали более существенным фактором, нежели «реакционная» политика николаевского правительства, тем более что сам Николай Павлович начал царствовать все же с желанием провести необходимые реформы. Сам он с гордостью мог бы отнести себя к тем монархам, которых он называл «государями-консерваторами». В начале 1848 года, накануне Февральской революции во Франции, когда Европа уже представляла «колоссальную картину все возрастающего потрясения», Николай Павлович отмечал в своем аналитическом обзоре некоторые заслуги ненавистного ему «короля баррикад» Луи Филиппа в борьбе с революционным движением, но считал, что последнего все же нельзя причислить «к разряду государей-консерваторов, так как если он и может искренно разделять их взгляды, он

не может обладать их властью»^[452]. У самого же Николая Павловича были и легитимистские принципы, и власть, и даже желание реформ сверху, от имени государя.

В начале царствования Николай Павлович, сознательно расшаркиваясь перед цесаревичем Константином, выбрал для себя неблагодарную, хотя внешне благородно-красивую роль его наместника на троне, возможно, испытывая душевную потребность в постоянном самооправдании. Это в какой-то степени искусственно ограничивало возможности для проведения реформ в наиболее благоприятный период. Мнение Константина Павловича, недовольного самим фактом учреждения Комитета 6 декабря и назвавшего «младшего братца» даже «якобинцем», действительно было важным для Николая I. Весьма правдоподобно свидетельство П. В. Долгорукова, сославшегося на известного деятеля николаевского царствования Д. Н. Блудова: «...Николай Павлович при жизни Константина не считал себя настоящим государем, а лишь, как бы сказать, наместником законного царя Константина; во всем отдавал ему отчет, без совета с ним не предпринимал ничего важного; приказал сообщать ему даже копии с самых секретных дипломатических бумаг, и на совет Кочубея утвердить составленные «Комитетом 6 декабря» проекты Николай отвечал: «Как же я могу сделать это без согласия брата Константина Павловича? Ведь настоящий-то, законный царь — он; а я только, по его воле, сижу на его месте!»^[453] Выражение «это место» как синоним престола характерно для лексики Николая Павловича и употреблялось им на протяжении всей жизни. На закате дней в одном из откровенном разговоров с А. Д. Блудовой император, по свидетельству неопубликованной части ее мемуаров, заявил: «Я этого места не искал и не желал; меня Бог поставил»^[454].

В письме к цесаревичу Константину Павловичу от 29 ноября 1829 года Николай Павлович писал: «В 29 лет в обстоятельствах, в каких мы находимся, позволительно страшиться задачи, которая, казалось мне, никогда не должна была выпасть мне на долю и к которой, следовательно, я не готовился. Я никогда не молил Бога ни о чем так усердно, как чтобы он не подвергал меня этому испытанию. Его воля решилась иначе; я постараюсь стать на высоте долга, который он на меня возлагает. Я начинаю царствовать под грустными предзнаменованиями и с страшными обязанностями. Я сумею их исполнить. Никто не ощущает большей потребности, чем я, быть судимым со снисходительностью. Но пусть же те, которые судят меня, примут во внимание, каким необычайным образом я вознесся с поста недавно назначенного командира дивизии на пост,

который занимаю в настоящее время, кому я наследовал и при каких обстоятельствах»^[455]. В воспоминаниях великой княжны Ольги Николаевны, относящихся к 1845 году, находится еще одно аналогичное свидетельство. Во время встречи Николая I в Неаполе с Фердинандом II Неаполитанский король открыл ему сердце, восхищаясь абсолютной властью русского императора. «Как глубоко было его удивление, — пишет дочь Николая Павловича, — когда Папа сказал ему, что считает себя первым слугой своего государства и для него прежде всего долг, а потом уже собственные удобства и развлечения»^[456]. Граф П. Д. Киселев в своих записках о Николае I свидетельствует, что во время одной из бесед Николай Павлович сказал, «что если бы он мог выбирать, то не выбрал бы своего нынешнего положения». «Но я прежде всего христианин, — добавил он, — и подчиняюсь велениям Провидения; я часовой, получивший приказ, и стараюсь выполнять его как могу»^[457]. Такое фатально-стоическое восприятие судьбы и предназначения, может быть, в чем-то лукавое, было для него весьма характерно.

К сожалению, применение «последнего довода королей» 14 декабря и последовавшие затем (по сути своей очень сдержанные) репрессии в виде назидательного урока обществу противопоставили Николая I образованной части дворянства, понимавшей необходимость реформ. В предшествующее царствование парадокс заключался в том, что тайные проекты «дворянских революционеров» и Александра I соседствовали и даже совпадали^[458]. Точно так же и при Николае I многие мысли и чувства были общими, но рассуждать о них без приглашения и гласно, особенно печатно, было нельзя и небезопасно. Всякое легальное проявление оппозиционности, критики существующего строя было невозможно в период цензурного устава не только 1826 года, доставшегося в наследство от эпохи Александра I, но и более сдержанного устава 1828 года или в «мрачное семилетие» 1848–1855 годов.

О ненормальности и даже опасности для власти такого положения писал, в частности, М. С. Лунин в обзоре «Общественное движение в России в нынешнее царствование» (1840 год): «Общественная мысль, остановленная в своем развитии давлением грубой силы, ушла в себя... Между тем пороки политического устройства отражаются на нравах, обычаях, наклонностях и привычках. Рабство, утвержденное законами, является обильным источником безнравственности для всех классов населения; отсутствие гласности поощряет и развивает всевозможные беспорядки, обеспечивая им безнаказанность»^[459]. Что уж тут говорить,

если сам Николай Павлович, признавая невозможность искоренения воровства чиновников, заметил как-то наследнику Александру, что только они вдвоем и не воруют^{460}. «Нельзя радикально лечить болезнь, скрывая ее», — считал М. С. Лунин^{461}. Об этом же в годы Крымской войны с горечью писал историк М. П. Погодин: «Государь, очарованный блестящими отчетами, не имеет верного понятия о настоящем положении России. Став на высоту недостигаемую, он не имеет средств ничего слышать: никакая правда до него достигнуть не смеет, да и не может; все пути выражения мысли закрыты, нет ни гласности, ни общественного мнения, ни апелляции, ни протеста, ни контроля... О народе, который трудится, проливает кровь, носит все тяготы, страдает, и между тем дышит любовью, самую чистую преданностью к царю и Отечеству, ни у кого и мысли нет. Народ как будто не существует нравственно, известный только по ведомостям казенной палаты»^{462}.

Нежелание прислушиваться к искренним словам людей, которых он зачастую подозревал в краснобайстве и некомпетентности, влияние узкого приближенного круга людей с консервативными и просто реакционными взглядами, гипертрофированная «келейность» приводили к изоляции, отсутствию широкой социальной опоры в обществе. Все это в сочетании с мелочным формализмом подрывало благие начинания, подавляло инициативу, и тогда, как отмечал хорошо знавший императора генерал А. О. Дюгамель, «вследствие недоверчивого и крутого характера» государь «действовал как гасильник просвещения»: «Сколько благородных стремлений были окончательно подавлены этим невыносимым формализмом, никому не позволявшим выходить из сферы своей специальности, сколько талантов иссякло в самом источнике, оттого, что им не давали простора для развития! И кто же от этого более всех пострадал, как не сам император Николай, ибо в конце его царствования он очутился в одиночестве, не зная, на кого возложить свое доверие»^{463}.

Одновременно в царствование Николая Павловича — как антитеза бюрократическо-реформаторской деятельности правительства — происходит становление российского либерализма. В «Кратком обзоре общественного мнения в 1828 году», составленном III Отделением для императора, с сарказмом говорилось о «так называемых либералах, а также апостолах русской конституции». Неудачное начало Русско-турецкой войны дало им повод обвинять в неудачах командование и самого царя. «Число этих либералов, — говорилось в докладе за подписью А. Х. Бенкендорфа,

— довольно значительно, особенно среди молодых людей хорошего происхождения и среди офицерства»^[464]. Позднее носителями либеральных идей становятся западники и славянофилы. Наибольшее распространение в 30—40-е годы получило западничество, видными представителями которого являлись В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, Е. Ф. Корш, К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев. В отличие от западничества, славянофильство было представлено не очень широким кругом интеллигентов. Это прежде всего А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин, П. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Д. А. Валуев. Близки к ним были писатели В. И. Даль, С. Т. Аксаков, А. Н. Островский, Ф. И. Тютчев. Центрами либеральной мысли являлись кружки историка Т. Н. Грановского в Москве и юриста К. Д. Кавелина, служившего в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел в Петербурге. Люди 40-х годов, бросая вызов николаевскому царствованию с его мелочной регламентацией, в то же время видели в самодержавии потенциального союзника, способного возглавить движение за реформы.

Среди фрондирующего меньшинства были и так называемые «революционные демократы», в частности А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Все, что можно было сказать плохого о Николае, они сказали. Николай Павлович отвечал им взаимной неприязнью. Когда 1 ноября 1851 года М. А. Корф предложил для пополнения книжного фонда Публичной библиотеки использовать книгообмен с Парижской библиотекой, император откликнулся репликой по поводу русских книг в Париже: «Да кто же их там станет читать? — разве наши изменники и беглецы. А прогос, теперь за границей завелись два мошенника, которые пишут и интригуют...»^[465]

Помимо кружка А. И. Герцена и Н. П. Огарева, образовавшегося во время обучения А. И. Герцена в Московском университете (1828–1833), с «революционно-демократическим» направлением обычно связывают петрашевцев, Кирилле-Мефодиевское общество в Киеве (1846 — март 1847). В июне 1834 года некоторые из членов кружка Герцена — Огарева были арестованы. Самого Герцена в апреле 1835 года выслали в Пермь, потом в Вятку. Позже А. И. Герцен жил во Владимире и Новгороде, а в 1842 году возглавил левое крыло западников в Москве. В 1847 году он уехал за границу и в 1852 году основал в Лондоне Вольную русскую типографию. В Кирилло-Мефодиевском обществе активно участвовали профессор университета историк Н. И. Костомаров, писатель П. А. Кулиш; состоял в нем и Т. Г. Шевченко. Задачи общества, изложенные в уставе под названием

«Закон Божий», предусматривали освобождение Украины и создание славянской федерации в составе России, Украины, Польши, Чехии, Сербии, Болгарии со столицей в Киеве.

Не всех участников этих кружков можно безоговорочно отнести к «революционерам». Так, известные «пятницы» у М. В. Буташевича-Петрашевского в 1845–1849 годах посещали литераторы Г. Данилевский, А. Плещеев, В. Энгельсон, А. Баласогло, А. Ханыков, М. Салтыков-Щедрин, Ф. Достоевский, поэт С. Дуров. С ними общались экономист В. Милютин, будущий знаменитый географ В. Семенов-Тянь-Шанский, композитор А. Рубинштейн. Первоначально задачи кружка состояли в самообразовании, потом акцент сместился на изучение новых социальных учений, прежде всего утопического социализма в виде фурьеризма. Некоторые из членов кружка выступали за ликвидацию крепостничества и самодержавия, за демократизацию России. В апреле 1849 года А. Ф. Орлов направил императору для ознакомления записки по делу будущих петрашевцев с предложением их ареста. На докладе Орлова Николай Павлович наложил резолюцию: «Я все прочел; дело важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно в высшей степени преступно и нетерпимо. Приступить к аресту, как ты полагаешь, точно лучше, ежели только не будет огласки от такого большого числа лиц на то нужных»^{466}. По обвинению в «заговоре идей» посетители Петрашевского были арестованы в ночь с 22 на 23 апреля 1849 года. Приближающийся Венгерский поход заставлял Николая I спешить. К следствию было привлечено 123 человека. После окончания следствия 24 сентября Николай I распорядился 22 из них передать военно-судной комиссии, которую возглавил брат министра внутренних дел генерал-адъютант В. А. Перовский. После обряда приготовления к смертной казни на Семеновском плацу осужденные были сосланы на каторгу, в арестантские роты и рядовыми в линейные войска.

Над всеми соображениями, желаниями и ощущениями Николая Павловича как императора довлело главное, что определяло его действия. Уже после его кончины генерал А. О. Дюгамель, воздавая должное недостаткам и достоинствам покойного императора и выражая мнение многих его современников, записал: «Он никогда не соглашался на какие-либо сделки с революцией, и даже либерализм внушал ему подозрения. В качестве самодержца всей России император Николай пришел к убеждению, что для империи не было иного спасения, как в союзе с консервативными принципами, и в течение всего тридцатилетнего царствования никогда не уклонялся от предначертанного пути»^{467}. В

начале же этого пути был день 14 декабря. Уже под впечатлением первых допросов декабристов государь заявил младшему брату Михаилу Павловичу: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока, Божьей милостью, я буду императором»^{468}. Биограф Николая I Н. К. Шильдер писал: «День 14 декабря окончательно закалил характер Николая Павловича. Некоторым образом он обрек его на роль укротителя революций (*dompteur des revolutions*)»^{469}.

«Вот тебе моя инструкция!»: Собственная Его Императорского Величества Канцелярия и ее III Отделение

При восшествии Николая I на престол общество жило ожиданием реформ. М. Я. Фок доносил А. Х. Бенкендорфу в августе 1826 года: «Все ждут если не полного преобразования, то хоть исправления в порядке управления. Оно необходимо и, конечно, не понравится неблагонамеренным или тем, которые сами заинтересованы в сохранении злоупотреблений»^{470}. Впрочем, Николаю и здесь приходилось считаться с мнением цесаревича Константина Павловича, который в письме от 8 (20) декабря 1825 года советовал «ничего не менять из того, что было установлено нашим дорогим, прекрасным и обожаемым усопшим, как в наиважнейших, так и малых делах...»^{471}. Николай Павлович попытался навести порядок по-своему.

Как отмечают историки государственных учреждений, вторая четверть XIX века — это время дальнейшей централизации государственного управления на всех уровнях с повышением личной роли императора в разработке и принятии решений. Характеризуя эти тенденции, В. О. Ключевский писал: «Основания правительственного строя остались прежние, но, взявшись руководить громадной империей без всякого участия общества, Николай должен был усложнить механизм центрального управления. Вот почему в его царствование создалось громадное количество либо новых департаментов в старых учреждениях, либо новых канцелярий, комиссий и т. д. Все это время было эпохой необозримого количества комитетов, комиссий, которые создавались для каждого нового государственного вопроса. Всего лучше выразилась мысль этих правительственных перемен в создании целого сложного управления»^{472}.

Таким органом стала Собственная Его Императорского Величества Канцелярия, образованная еще при Павле I, но получившая значение высшего органа в 1812 году. При Николае I функции Канцелярии были значительно расширены, что нашло отражение в усложнении ее структуры и создании Отделений^{473}. 31 января 1826 года в составе Канцелярии были образованы два отделения: I Отделение следило за выполнением «высочайших повелений» и готовило бумаги для доклада императору, а также ведало личным составом чиновников. II Отделение было призвано

завершить работу по систематизации законов (кодификации). Позднее, 3 июля того же года, было учреждено наиболее известное III Отделение, которому были переданы функции высшей полиции.

Проект А. Х. Бенкендорфа об устройстве высшей политической и уголовной полиции привлек внимание Николая Павловича еще в начале царствования^{474}. Сохранилась легенда, по которой в ответ на просьбу Бенкендорфа дать инструкцию для III Отделения, император протянул ему платок, чтобы вытирать слезы несчастных, со словами: «Вот тебе моя инструкция». Было ли это на самом деле — сказать трудно, но этот жест соответствует представлению о несколько сентиментальном и склонном к внешним эффектам монархе. Во всяком случае, сам А. Х. Бенкендорф в своей записке писал: «Всякий порядочный человек сознает необходимость бдительной полиции, охраняющей спокойствие общества и предупреждающей беспорядки и преступления»^{475}. III Отделение выполняло и функции «института социальных исследований». А. Х. Бенкендорф справедливо считал, что знание общественного мнения так же важно для властей, как знание топографической карты для главнокомандующего.

III Отделение находилось с 1831 года на углу набережной Мойки (дом 58) и Гороховой улицы, но в 1838 году было переведено на Фонтанку, 16. На старом месте осталась квартира А. Ф. Орлова. Число служащих этого печально известного Отделения никогда не было большим. Поначалу его штат был определен в 16 человек, к концу царствования Николая I общая численность достигла 40 человек. Даже в последний год существования, накануне преобразования в Департамент государственной полиции в 1880 году, здесь работало всего 72 служащих.

Исполнительным органом III Отделения стал Отдельный жандармский корпус. Жандармские команды были созданы еще в 1815 году, а с 1817 года их включили в состав Корпуса внутренней стражи. С апреля 1827 года жандармы вместе со всем Корпусом внутренней стражи, а с 1836 года как Отдельный корпус были официально подчинены III Отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. По всей стране стали создаваться жандармские округа во главе с генералами, подчиненными лично шефу жандармов, что выводило их из юрисдикции местных властей, злоупотребления которых они также были призваны пресекать. (Не случайно в заключительной сцене комедии «Ревизор» в качестве вестника правосудия появлялся именно жандарм.) Жандармский корпус был элитным подразделением, и желающих надеть голубой мундир

всегда оказывалось больше, чем вакансий.

С момента основания III Отделения его главным начальником и одновременно шефом жандармов стал автор проекта граф (с 1832 года) Александр Христофорович Бенкендорф — типичный представитель группы служилых немцев, личный друг Николая Павловича. Он был сыном рижского гражданского губернатора, генерала от инфантерии Х. И. Бенкендорфа, женившегося на Анне-Юлиане Шиллинг фон Канштадт, подруге Марии Федоровны, приехавшей вместе с ней из Вюртемберга. А. Х. Бенкендорф воспитывался при дворе и, будучи тринадцатью годами старше Николая Павловича, был знаком ему еще с детских лет. Он показал себя способным кавалерийским генералом в 1812 году, но в целом, по оценке современников, обладал весьма заурядными способностями и, присутствуя на разных совещаниях, порой с трудом понимал суть вопроса. О его известной рассеянности ходили анекдоты. Рассказывали, в частности, что, отправившись однажды из своего дома на Большой Морской улице с визитом к французскому посланнику, жившему через несколько домов, он не смог назвать новому, не знавшему его швейцару своей фамилии. Граф был известным щеголем, и утром парикмахер приводил в порядок его довольно редкие волосы. Посетителей он принимал около десяти часов утра, выходя к ним в простом сюртуке без эполет. С дамами он был особенно предупредителен и, по отзыву М. А. Корфа, «без меры преданным женщинам»^[476]. Как командующий Императорской главной квартирой, А. Х. Бенкендорф был постоянным спутником Николая Павловича в его многочисленных вояжах. Однажды, когда он серьезно заболел, к нему прибыл Николай Павлович и, выходя из его комнат, со слезами на глазах сказал присутствующим: «Вот умирает человек, который никогда ни с кем меня не поссорил, а со многими из Вас помирил. Я хочу, чтобы Вы все знали это»^[477]. В письме к А. Х. Бенкендорфу от 19 июня 1837 года Николай I называл его «милым другом»^[478].

В последние годы жизни шефа жандармов отношение к нему Николая Павловича несколько изменилось. Возможно, это объяснялось тем, что граф скомпрометировал себя в глазах императора несколькими «самоуправными действиями», в которые «был вовлечен своими подчиненными». Это и стало «причиной угасшей популярности и даже постепенного охлаждения царя, перешедшего почти в равнодушие, прикрытое, впрочем, до конца внешними формами прежней приязни»^[479]. Перед тем как А. Х. Бенкендорф отправился на лечение минеральными водами за границу, император пожаловал ему 500 тысяч рублей серебром.

Казалось, здоровье графа пошло на поправку. Но при возвращении через Ревель (ныне город Таллин в Эстонии) в Петербург он неожиданно скончался на пароходе «Геркулес» и был тут же обобран, бросившей его последней возлюбленной. Узнав о его смерти, император плакал и приказал пастору, служившему церковный обряд, упомянуть в надгробном слове, «каким роковым считает для себя государь 1844 год, унесший у него дочь (Александру Николаевну. — Л. В.) и друга»^[480]. В письме к И. Ф. Паскевичу 18 (30) сентября 1844 года Николай Павлович писал: «Тяжелый год лишил меня на днях моего верного Бенкендорфа, которого службу и дружбу 19 лет безотлучно при мне не забуду и не заменю, все об нем жалеют»^[481]. Впоследствии о покойном друге Николаю Павловичу напоминал его бюст на каминной доске императорского кабинета. По свидетельству П. П. Каратыгина (сына артиста П. А. Каратыгина), он находился «в ногах железной кровати, на которой скончался Николай Павлович»^[482]. Этот бюст хорошо виден и на фотографиях императорского кабинета.

Посты А. Х. Бенкендорфа унаследовал Алексей Федорович Орлов, командир Конногвардейского полка, оказавший неоценимую услугу Николаю Павловичу 14 декабря 1825 года. Участие брата Михаила в Южном обществе декабристов не помешало карьере А. Ф. Орлова. Он сразу же получил титул графа, а впоследствии, в 1856 году, уже после смерти Николая Павловича, стал князем. Решительный генерал и удачливый дипломат, он стал героем известной эпиграммы А. С. Пушкина («Орлов с Истоминой в постели...»), но был известен как очень порядочный человек, хотя и такой же порядочный лентяй. По некоторым свидетельствам, он не хотел принимать предложенных ему постов, но император настоял на своем. Примерно с 1837 года, по мере того как меркла звезда А. Х. Бенкендорфа, Орлов становится едва ли не самым близким Николаю Павловичу человеком. С этого же времени — подобно тому как это прежде делал Бенкендорф — он постоянно сопровождает государя в его поездках и разделяет с ним ночлег. По свидетельству княгини Меттерних, Николай Павлович обращался с Орловым как с братом. В 1839 году М. А. Корф писал: «Граф Орлов есть... едва ли не ближайший к государю человек, и если государь не ценит свыше меры достоинство его в государственном отношении, то, по крайней мере, видит в нем истинно преданного себе русского душою, благородного, доброго и столь благонамеренного, сколько любезного и приятного в общественной жизни человека. Проходит редкий день, чтобы Орлов не видел государя, то

есть не обедал или не проводил с ним вечера, и между тем, в этих близких, можно сказать, в сердечных, отношениях он едва ли кому делал зло, не упуская никому случая делать добро»^[483]. Позднее баварский дипломат Оттон де Брэ отзывался об А. Ф. Орлове так: «Император называет графа Орлова своим другом, относится к нему как к таковому и сообщает ему самые сокровенные свои намерения, но граф... скорее хороший исполнитель, нежели советник»^[484]. Впрочем, некоторые подозревали, что А. Ф. Орлов не вполне искренен. Один из современников писал: «... Честолюбие и страсть к деньгам — вот что побуждало его служить Николаю»^[485]. Характеристику Орлова оставила и великая княжна Ольга Николаевна, писавшая о нем как о русском человеке, который «готов ко всему, чего потребует Царь». Это искупало его недостатки. «Папа очень ценил его, так как он был прекрасным и понятливым работником. Мама же его недолюбливала. Имя Орлова останется неразрывным с царствованием Папа. Всегда добродушный, всегда благодушный, он был желанным гостем у нас. Папа постоянно дразнил его и называл «mauvais sujet» («шалолай»). — Л. В.)»^[486].

Поскольку А. Х. Бенкендорф был рассеян, а А. Ф. Орлов ленив, то всю текущую работу по III Отделению выполняли его заведующие (директора канцелярии). Первое время аппарат тайного политического сыска фактически находился в руках М. Я. фон Фока. Через несколько дней после его смерти, 4 сентября 1831 года, в дневнике А. С. Пушкина появилась запись: «На днях скончался в Петербурге фон Фок, начальник III Отделения государственной канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный, твердый»^[487]. Пушкин передает высказывание Николая I о нем: «Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и жалеть о себе, что не мог его любить», и добавляет: «Кто же будет на его месте?»

Место фон Фока с 1831 по 1836 год занимал сын порховского помещика А. Н. Мордвинов, а затем — на протяжении почти двух десятилетий — Леонтий Васильевич Дубельт (1839–1856), бывший также и начальником штаба Корпуса жандармов (с 1835 года). По семейной легенде, он был сыном дворянина и похищенной им испанской принцессы Медины-Челли. Службу начал в 1807 году выпущенным досрочно из Горного корпуса четырнадцатилетним прапорщиком. Участник Отечественной войны 1812 года (ранен под Бородино) и заграничных походов, бывший адъютант генералов Д. С. Дохтурова и Н. Н. Раевского, Дубельт был масоном, но, как показало следствие, к декабристским организациям отношения не имел. С 1822 года командовал

Старооскольским пехотным полком, но в 1828 году, не поладив с начальником дивизии, подал в отставку и в чине полковника оставил строевую службу. В 1830 году, вопреки желанию супруги (племянницы адмирала Н. С. Мордвинова), поступил в Корпус жандармов и стал дежурным офицером у А. Х. Бенкендорфа. Л. В. Дубельт объяснял свой поступок тем, что будет «опорой бедных, защитой несчастных»^[488]. А. Х. Бенкендорф чрезвычайно его ценил и называл своей «правой рукой». Говорили, что, будучи ловеласом, Л. В. Дубельт оказывал своему начальнику услуги интимного характера. Вскоре он стал генерал-майором. По наследству со всем составом III Отделения, как просил перед смертью А. Х. Бенкендорф, он перешел к А. Ф. Орлову, получив в дальнейшем чины генерал-лейтенанта (1844 год) и генерала от кавалерии (1856 год). В памяти современников Дубельт остался вкрадчиво вежливым человеком с лисьими повадками; по выражению лица и голосу собеседника он мог угадывать то, что тот тщательно скрывал. В Петербурге его прозвали «Le général Double» («Лукавый генерал»)^[489]. К доносчикам Дубельт относился сурово. Деньги платил в сумме, кратной цифре 3, — десятками и сотнями. «В память тридцати сребреников», — объяснял он в частных разговорах^[490]. За клевету не брезговал иногда давать пощечины.

В состав III Отделения входило несколько экспедиций, в том числе 1-я, секретная, которая была основным органом политического сыска и следствия. Среди архивных дел этой экспедиции — «дело об отставном поручике Викторе Теплякове», совершившем в глазах императора предосудительный поступок. Он избежал присяги на подданство Николаю I, а чтобы не рассказывать об этом на исповеди, «уговорил своего брата вместо себя приобщиться святых тайн, за что и был выслан по Высочайшему повелению в Херсон»^[491]. Впрочем, судьба Теплякова сложилась благополучно. Ему было разрешено лечиться минеральными водами на Кавказе, затем он стал чиновником особых поручений при таганрогском градоначальнике и в 1829 году «был отправлен в Болгарию и Румелию (южная часть Болгарии. — Л. В.) для собирания разных памятников древностей»^[492]. В 1830 году Тепляков был переведен в штат новороссийского генерал-губернатора.

Характерно и расследование по доносу содержавшегося за воровство в Виленском тюремном замке дворянина Станислава Здановича на своего брата. В 1839 году он донес, что его брат Александр принадлежит к тайному обществу. Во время обыска на квартире А. Здановича были изъяты «предосудительные книги», в том числе изданные в двух томах в Париже в

1836 году стихи Адама Мицкевича, немецкая книга с описанием польских полководцев, принимавших участие в восстании 1830–1831 годов, и польское сочинение, содержащее критику в адрес покойного цесаревича Константина Павловича^{493}.

В этой же экспедиции рассматривались дела «об оскорблении Его Величества». Так, в 1839 году в Новочеркасске был арестован человек, назвавшийся сначала рядовым Великолуцкого полка Иваном Боцмановым, а потом беглым из Москвы дворовым графини А. А. Орловой-Чесменской. Он своей рукой переписал под диктовку пасквиль в стихах, авторство которого, по его мнению, принадлежало А. С. Пушкину:

О, великий государь, премудрые твои законы,
Переменил ты мундир и панталоны;
Не много царствовал, да много накуролесил,
Сто двадцать два сослал в Сибирь и пятерых повесил^{494}.

Функции других экспедиций III Отделения распределялись следующим образом: 2-я занималась делами раскольников, которых Николай Павлович считал заблудшими душами; 3-я — слежкой за иностранцами (еженедельные ведомости о них присылались в III Отделение); 4-я — крестьянским вопросом, пресекая злоупотребления помещиков и тщательно фиксируя слухи об освобождении крепостных, распространявшиеся как среди помещиков, так и среди крестьян; 5-я (с 1842 года) — цензурой и периодическими изданиями. До образования последней с 1828 года в составе III Отделения были должности цензора с помощником, на которых возлагалась театральная цензура. Но и этого показалось недостаточным, и под воздействием революций 1848 года был создан Комитет 2 апреля 1848 года под председательством Д. П. Бутурлина.

После смерти вдовствующей императрицы Марии Федоровны в 1828 году для управления подведомственными ей ранее многочисленными благотворительными учреждениями создается IV Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Временными были V и VI Отделения. V Отделение во главе с П. Д. Киселевым было учреждено для проведения в виде опыта реформы казенной деревни в Санкт-Петербургской губернии 29 апреля 1836 года. После образования в конце 1837-го — начале 1838 года Министерства государственных имуществ, также возглавляемого Киселевым, V Отделение продолжало контролировать деятельность нового министерства. Наконец, VI

Отделение, созданное 30 августа 1842 года, подготовило учреждение Кавказского наместничества. В целом Собственная Его Императорского Величества Канцелярия была достаточно эффективным органом сбора и анализа информации, а также контроля императора за пульсом общественной жизни.

А вот другие высшие органы государственной власти продолжали терять свое значение. Внезапное посещение Сената Николаем Павловичем в 1827 году (утром сенаторов даже не оказалось на рабочих местах) показало недееспособность этого учреждения, хотя, по выражению статс-секретаря Николая Назаровича Муравьева (отца Н. Н. Муравьева-Амурского), «сделало полезную электризацию параличному»^{495}. Высочайшее повеление от 11 января 1832 года было направлено на ускорение прохождения дел в Сенате. Обсуждались также вопросы более четкого разделения дел между такими высшими органами, как Сенат, Государственный совет, Комитет министров. В дневнике М. А. Корфа от 23 ноября 1828 года сохранилось свидетельство об отношении императора к Государственному совету. Граф П. Д. Киселев передал свой разговор с государем, состоявшийся на днях: «Государь жаловался, что Совет очень устарел в своем личном составе. Киселев, со своей стороны, нашел, что это несколько не беда; что Совет, по существу своему и по духу нашего правления, должен быть не provocateur, а conservateur, то есть больше оберегать существующее, нежели допускать какие-либо нововведения, а если и допускать, то с крайнею осмотрительностью в отношении к главным началам и основным идеям монархического права; что для этого лучше годятся старики, естественно привязанные к прежнему, нежели молодые люди с живым воображением; что последних надобно сажать в министры и правители, потому что Россия не может ни оставаться в неподвижном состоянии, ни отставать на века, и тогда уже их дело будет выдумывать и созидать, а Совету останется только умерять их жар и свято поддерживать главный фундамент»^{496}.

Пост председателя Государственного совета и Комитета министров последовательно занимали: старый царедворец, отец фаворитки Павла I, П. В. Лопухин (1816–1827) и бывшие «молодые друзья» Александра I В. П. Кочубей (1827–1834), ставший незадолго до смерти в 1834 году государственным канцлером, и Н. Н. Новосильцев (1834–1838). Затем наступила очередь управленцев, выдвинувшихся в николаевское царствование: И. В. Васильчикова (1838–1847), В. В. Левашова (1847–1848) и А. И. Чернышева (1848–1856), занимавшего также пост военного

министра. Последний за активную поддержку Николая Павловича во время междоусобицы уже 22 августа 1826 года был возведен в графское достоинство, а в 1841 году — княжеское. Наибольшим доверием Николая Павловича пользовался, и не без основания, князь Илларион Васильевич Васильчиков, бывший также активным участником многих секретных комитетов, в том числе по крестьянскому вопросу. Осведомленный М. А. Корф писал: «Князь Васильчиков был единственный человек в России, который во всякое время и по всем делам имел свободный доступ и свободное слово к своему монарху; человек, которого Николай не только любил, но и чтит как никого другого... которого он считал и называл своим другом»^{497}.

В царствование Николая I резко возросло значение многочисленных действующих на правах высших учреждений различных комитетов: Комитет 6 декабря 1826 года, два Сибирских (1821–1838 и с 1852), Западных губерний (1831–1848), Кавказский (с 1840), многочисленные комитеты по крестьянскому вопросу и др. Императору хватало времени и сил курировать их деятельность.

«...Механизм управления в моей стране весьма прост...»: Центральные органы управления

18 июля 1839 года, вскоре после празднества в честь бракосочетания великой княжны Марии Николаевны, состоялся бал в Михайловском дворце, который давала супруга великого князя Михаила Павловича — известная не только остроумием и изяществом манер, но и литературно-музыкальными интересами великая княгиня Елена Павловна. Перед ужином к маркизу де Кюстину подошел император и, взяв за руку, подвел его к креслу императрицы, чтобы продолжить разговор, начатый в Зимнем дворце. Естественно, маркиз начал с комплиментов в честь устроителей празднества и выразил удивление, как император, «ведя жизнь столь деятельную, умеет найти время для всего, и даже для того, чтобы разделить удовольствие толпы». Николай Павлович несколько утрируя, а может быть, и бравируя, высказал следующую мысль: «По счастью, механизм управления в моей стране весьма прост; когда бы при наших расстояниях, создающих трудности во всем, правление было сложным по форме, для него не достало бы головы одного человека»^[498]. На деле, однако, институт самодержавия представлял собой громоздкую бюрократическую машину с далеко не простыми механизмами власти.

Система центральных учреждений не претерпела особых изменений. Были созданы два новых министерства — Министерство Императорского двора (22 августа 1826) и Министерство государственных имуществ (27 декабря 1837/8 января 1838 по новому стилю). Главное управление ревизии государственных счетов в 1836 году было переименовано в Главное управление государственного контроля. Главное управление путей сообщения с 1832 года, после того как ему было передана из Министерства внутренних дел строительная часть, стало называться Главным управлением путей сообщения и публичных зданий. Созданный в 1797 году Капитул императорских орденов был включен в 1842 году в состав Министерства Императорского двора. По инициативе фабрикантов и купцов при Департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов были учреждены Мануфактурный (1828) и Коммерческий (1829) советы. В то же время в состав Министерства народного просвещения вошло Главное управление цензуры (1828–1862). В январе 1834 года подчиненное Министерству финансов Горное ведомство

получило военную организацию, а министр финансов стал главноначальствующим Корпуса горных инженеров (упразднен в 1863 году).

Под влиянием восстания декабристов, войн с Персией и Турцией произошла дальнейшая централизация военного аппарата. До 1828 года это достигалось тем, что должности начальника Главного штаба и военного министра занимал один человек — А. И. Чернышев. Однако в докладе, сделанном в 1835 году, он потребовал соединить «фронтовую и хозяйственную части», и к 1836 году перестройка была завершена. В структуру Военного министерства входили Военный совет, Канцелярии, генерал-аудиториат (высший суд), Военно-ученый комитет, Военно-Походная канцелярия Его Императорского Величества. В компетенции военного министра находились Артиллерийский, Инженерный, Комиссариатский, Провиантский, Медицинский департаменты, занимавшиеся обеспечением войск всем необходимым. Одновременно в 1827–1829 годах «Свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части», состоящая из наиболее квалифицированных офицеров, была объединена с Военно-топографическим депо и Корпусом картографов в Департамент Генерального штаба. В 1832 году была создана Императорская Военная академия, директором которой вплоть до 1852 года был И. О. Сухозанет. После кончины Николая I Военная академия была переименована в Николаевскую академию Генерального штаба.

Пост управляющего Военным министерством занимал сначала А. И. Татищев (1823–1827). Затем наступило долгое министерство трудолюбивого и преданного графа (с 1826), генерал-адъютанта (с 1812), генерала от кавалерии (с 1826), впоследствии светлейшего князя (с 1849) А. И. Чернышева (1827–1852). По отзывам современников, он обладал скорее способностью администратора, нежели полководца. Только в последние годы царствования Николая I его сменил В. А. Долгоруков (1852–1856). Впрочем, сначала ведущей (до ее ликвидации в 1832 году) была должность начальника Главного штаба, которую с апреля 1823 года занимал И. И. Дибич-Забалканский, произведенный в день коронации в 1826 году в генералы от инфантерии. Вскоре он стал графом (1827), генерал-фельдмаршалом (1829), был главнокомандующим в Русско-турецкую войну (с февраля 1829) и Польскую кампанию (с декабря 1830). С 1828 года товарищем начальника Главного штаба, а затем и начальником (1831–1832) стал А. И. Чернышев, совмещавший эту должность с управлением Военным министерством. С 1832 года он стал именоваться министром.

Серьезная структурная перестройка ожидала Морское ведомство. Уже

через две с половиной недели после воцарения Николая Павловича был создан Комитет образования флота. Было известно, что в последнее десятилетие царствования Александра I флот находился в упадке. На Черноморском флоте вместо 15 кораблей и фрегатов по штату насчитывалось 10 судов. На Балтийском флоте из 27 линейных кораблей и 26 фрегатов оставалось 15 судов, а годных к плаванию — всего 5. Объяснялось это и передачей Англии эскадры Д. Н. Сенявина, блокированной в Лиссабоне в 1808 году во время русско-английского конфликта после Тильзита, и продажей части кораблей Франции и Испании, и последствиями наводнения 1824 года, повредившего ряд судов, и просто упадком кораблестроительной деятельности. В последние два года министерства маркиза И. И. Траверсе (1811–1828) корабли совершали маневры в основном в «Маркизовой луже» (часть Финского залива у Кронштадта).

В результате деятельности Комитета 1 сентября 1827 года было утверждено новое (предварительное) Положение о Морском министерстве с образованием вместо упраздненной Адмиралтейств-коллегии нового Адмиралтейств-совета под председательством морского министра, причем экспедиции были упразднены. На следующий год, 31 марта, для «сосредоточения» управления «в высшем отношении» был учрежден при Его Императорском Величестве Морской штаб, переименованный в 1831 году в Главный морской штаб. В связи с этим в 1828 году начальник старого штаба А. Ф. Моллер был переименован в морского министра (1828–1836). В конце 1831 года было изменено управление Черноморским флотом и портами. Командование сосредотачивалось в руках главного командира с правами и обязанностями командира отдельного корпуса. Начальником штаба Черноморского флота был назначен бесспорный авторитет для Николая Павловича в морской части М. П. Лазарев. Именно ему император доверял самые сложные ревизии, и по его докладу в 1836 году был уволен допустивший злоупотребления и воровство главный комендант Кронштадтского порта. Преобразования продолжались и позже. В 1832 году Морское ведомство вновь стало именоваться Морским министерством, но возглавлялось оно управляющим без прав министра. Главенствующая роль все больше переходила к Главному морскому штабу, а Морское министерство превращалось в хозяйственный департамент при нем. Раздельное существование двух органов имело и отрицательные последствия, поэтому в 1836 году снова вернулись к единой организации. По новому положению о Морском министерстве от 8 апреля 1836 года Морское министерство было полностью подчинено начальнику Главного

морского штаба, получившего права министра. Одновременно А. Ф. Моллер был отстранен от должности, а управление министерством было возложено на начальника Главного морского штаба.

На протяжении четверти века управление флотом сначала фактически (с 1827 года), а затем и формально (с 1836-го по февраль 1855 года) находилось в руках весьма примечательной личности николаевского царствования — светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова (правнука А. Д. Меншикова). Из-за конфликта с А. А. Аракчеевым он в 1823 году был переведен из Военного министерства в Министерство иностранных дел, а на следующий год отправлен в отставку. В январе 1826 года повелением Николая I он был возвращен на службу и в 1827 году включен в состав Комитета образования флота. На следующий год он был назначен начальником Морского штаба (с 1831 года — Главного Морского штаба). В связи с новым назначением он получил звание контр-адмирала, а в 1833 году стал полным адмиралом. 30 сентября 1854 года А. С. Меншиков был переведен на должность главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами в Крыму, сохранив должность морского министра. Деятельность свою он закончил в 1855–1856 годах на посту кронштадтского генерал-губернатора.

Современники давали ему весьма противоречивую оценку. Император Александр I говорил, что «у Меншикова есть ум лишь для того, чтобы кусаться», а его «душа чернее сапога»^[499]. Князю не отказывали в уме и образованности, и это позволяло ему справляться с управлением флотом. Но при этом, как отметил баварский дипломат де Брэ, А. С. Меншиков «был бы в большом затруднении, если бы ему пришлось командовать самым маленьким судном»^[500]. Характеризуя светлейшего князя, дипломат отмечал, что он «всем известен своей склонностью к сатире и едким словечкам». Будущий адмирал И. А. Шестаков оставил о нем такое воспоминание: «При всем уме, трудолюбии и начитанности князь Меншиков тогда уже поражал меня каким-то потемкинским *sans façon* (бесцеремонностью. — Л. В.) в разговорах и страстью к балагурству. Английская набережная, на которой стоял дом, впоследствии ему подаренный^[501], была в то время фешенебельным гулянием. Князь устроил выступное окно и из него караулил появление императора. В часы ожидания двигались по набережной различные личности, и острый на слово князь не пропускал никого без колких, а иногда не совсем нравственных замечаний. Но тех, к которым особенно лежала его сатирическая душа, светлейший брал на язык у самого Исаакиевского

моста и не спускал до будки в другом конце набережной»^{502}.

Министерство внутренних дел в начале царствования Николая I возглавляли В. С. Ланской (1823–1828) и А. А. Закревский (1828–1831). Последний, еще будучи дежурным генералом Главного штаба, предусмотрительно «старался угождать на всякий случай молодым великим князьям Николаю и Михаилу». По характеристике князя П. В. Долгорукова, он был «человек совершенно бездарный и даже тупоумный, чуждый всякой образованности, но довольно хитрый», «полный тип азиата»^{503}. Позднее министрами были Д. Н. Блудов (1832–1839) и А. Г. Строганов (1839–1841). Более длительный срок этот пост занимал Лев Алексеевич Перовский (1841–1852), брат оренбургского военного губернатора, один из внебрачных сыновей графа А. К. Разумовского, получивший графский титул в 1849 году. 30 августа 1852 года министром стал известный своей деятельностью по введению инвентарей в Юго-Западном крае Д. Г. Бибилов (1852–1855).

Среди них резко выделялась фигура Дмитрия Николаевича Блудова, в прошлом одного из учредителей литературного общества «Арзамас». Он начал службу одним из «архивных юношей» Московского архива Коллегии иностранных дел, затем стал поверенным в делах русского посольства в Лондоне (1817–1820). По рекомендации Н. М. Карамзина Блудов был назначен одним из делопроизводителей учрежденной 17 декабря 1825 года Верховной комиссии по делу о декабристах; был также делопроизводителем и в Комитете 6 декабря 1826 года. В конце 20-х — начале 30-х годов он провел большую работу по концентрации архивных документов в Государственном архиве. По аналогии с П. Д. Киселевым, Д. Н. Блудова, пожалуй, можно назвать «начальником штаба по архивной части», поскольку он нередко консультировал Николая Павловича по вопросам делопроизводства. Он последовательно занимал посты статс-секретаря, товарища министра народного просвещения (с ноября 1826), главноуправляющего делами иностранных вероисповеданий, министра внутренних дел (1832–1838), министра юстиции (май — сентябрь 1838). Занимая более двух десятилетий пост главноуправляющего II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (декабрь 1838-го — 1862 год), он стал «как бы вторым министром юстиции». По отзыву современников, Блудов представлял «старую классическую школу», «отличаясь любезностью в обхождении и остроумием»^{504}. Он был членом Государственного совета, а 18 апреля 1842 года ему был пожалован графский титул. Даже князь П. В. Долгоруков нашел для него добрые

слова, признав его ум, добросовестность, заслуги в защите университетов в 1848 году, а также исключительную порядочность и честность. По его мнению, родовым гербом Д. Н. Блудова мог бы быть медный самовар, подававшийся за вечерним чаем, «явление редкое в роскошном Петербурге, в особенности редкое в салонах петербургских сановников»^{505}. Правда, в этом было и что-то показное. Сенатор К. И. Фишер писал впоследствии о «пустословии» слышавшего либералом Д. Н. Блудова, считая, что его сделали великим после смерти^{506}. М. Д. Бутурлина удивляла предполагавшаяся публикация многотомного описания жизни сановника^{507}. Тем не менее, по воспоминаниям его дочери, Блудов находил в себе мужество не всегда соглашаться с императором. Однажды это привело к отдалению графа на некоторое время от государя, но в последние годы жизни Николая I их отношения вновь стали близкими и они часто беседовали на политические темы^{508}. А. С. Пушкину импонировали манифесты, составлявшиеся Д. Н. Блудовым по поручению Николая Павловича в 1830–1831 годах; один из них, а именно февральский манифест 1831 года, он назвал «удивительно прекрасным»^{509}. Уже после смерти Николая I в 1855 году граф Д. Н. Блудов стал президентом Академии наук, а позднее — председателем Государственного совета и Совета министров (1862–1864).

Министерство юстиции, которое, по отзывам современников, было малозначимым, первое время по-прежнему возглавлял князь Д. И. Лобанов-Ростовский (1817–1827). Это ему и его брату Якову Ивановичу А. С. Пушкин посвятил в 1825 году стихотворение «Заступники кнута и плети»^{510}. Недолго министром был М. Ю. Долгоруков (1827–1829). Уже с февраля 1829 года министерство возглавил Дмитрий Васильевич Дашков (1829–1839), в прошлом активный участник литературного общества «Арзамас», известный своей моральной стойкостью, один из немногих гражданских и «безусых» министров, носивший только небольшие баки. М. А. Корф оставил противоречивую характеристику Д. В. Дашкова: «В десятилетнее почти управление министерством юстиции он был превосходным судьей и юристом, но никогда не был хорошим администратором, еще менее законодателем, потому что то и другое требует труда ежедневного, постоянного, усидчивого, а к такому труду Дашков не был ни склонен, ни способен». Он был нелюдим, апатичен и высокомерен. Тем не менее после кончины М. М. Сперанского для продолжения работы по кодификации в Польше, Финляндии, Остзейском крае Николай I хотел выдвинуть именно его. Он говорил М. А. Корфу: «Покамест мысли мои останавливаются только на Дмитрие Васильевиче

Дашкове: он один кажется мне способным к этому делу, да и просто нет больше никого. Но сладит ли и он, возьмется ли даже за такой труд? Посмотрим. Надо с ним переговорить, подумать...»^{511} В августе 1839 года Дашков заболел туберкулезом и так и не выздоровел. Николай I навестил его 20 ноября, а в ночь с 25-го на 26-е его не стало. Самым кратковременным оказалось министерство Д. Н. Блудова (15 февраля — 31 декабря 1839). После его кончины министром был назначен Виктор Никитич Панин (31 декабря 1839–1861) — «холодный и малодоступный»^{512}. Глава петербургских реакционеров, он был известен своими консервативными взглядами по крестьянскому вопросу.

Министерство народного просвещения после отставки князя А. Н. Голицына возглавлял адмирал А. С. Шишков (1824–1827). Так же как и Д. И. Лобанов-Ростовский, он быстро потерял свое место, возможно, потому, что на известном заседании Государственного совета 27 ноября 1825 года поддержал мнение о необходимости принесения присяги Константину Павловичу (не вскрывая запечатанных конвертов). Преобразованием этого министерства Николай Павлович озаботился буквально с самого начала царствования, и уже 14 мая 1826 года был создан Комитет устройства учебных заведений для реформы школы, а 8 декабря 1828 года утвержден устав средних учебных заведений. В соответствии с ним уровень образования должен был соответствовать социальному положению учащегося. Основные же преобразования самого министерства в период с 1828 по 1833 год, по мнению князя П. В. Долгорукова, свелись к следующему: «При увольнении Шишкова в 1828 году министром народного просвещения назначен был добрый, но совершенно бездарный попечитель Дерптского университета князь Карл Андреевич Ливен (1828–1833. — Л. В.), старший сын знаменитой Шарлотты Карловны, а товарищем к нему определен Семен Семенович Уваров, пять лет спустя «заступивший» его место. Министерство просвещения было раздроблено; Синод снова составил отдельное ведомство, и обер-прокурор его, князь Петр Сергеевич Мещерский, получил право доклада у государя, а департамент духовных дел иностранных исповеданий, особенно порученный управлению Д. Н. Блудова, перечислен был в Министерство внутренних дел, а Блудов назначен был товарищем министра внутренних дел А. А. Закревского»^{513}.

После отставки К. А. Ливена возшла звезда Сергея Семеновича Уварова, длительное время совмещавшего свои должности с президентством в Академии наук (1818–1855). Во время царствования

Александра I он был известен либеральными взглядами, но после 14 декабря 1825 года поменял свои идейные ориентиры, восприняв взгляды историка М. П. Погодина, впервые изложенные им в «Московском вестнике» в 1827 году (затем в профессорской лекции в 1834 году). С 1 марта 1832 года С. С. Уваров стал управляющим Министерством народного просвещения, а с 21 марта 1833 года — министром (до 20 октября 1849). Именно ему принадлежал знаменитый циркуляр, направленный попечителям учебных округов: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование согласно Высочайшим намерениям Августейшего Монарха совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности»^{514}. Эта «уваровская триада» при пожаловании ему титула графа стала его девизом. Когда в 1831 году в ответ на русофобию западноевропейской прессы в связи с польским восстанием А. С. Пушкин написал стихотворение «Клеветникам России», С. С. Уваров перевел его на французский язык и передал через А. Х. Бенкендорфа императору. Одна из фраз в его переводе звучала более грубо, чем в оригинале: «Для того чтобы восторжествовал один из народов, нужно чтобы погиб другой»^{515}. Позднее С. С. Уваров и А. С. Пушкин относились друг к другу с крайней неприязнью. В пушкинском дневнике в записи, датированной февралем 1835 года, есть такие слова о министре народного просвещения: «Это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Об нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой и попал в президенты] Академии наук, как кн[ягиня] Дашкова в презид[енты] Р[оссийской] Ак[адемии]»^{516}. Вскоре после начала революций 1848 года Уваров был вынужден подать в отставку, не столько из-за паралича, сколько из-за несоответствия его программы новым задачам. Он уступил место сначала П. А. Ширинскому-Шихматову (1849–1853), а затем А. С. Норову (1853–1858).

Министерством иностранных дел сначала в должности одного из двух статс-секретарей Коллегии иностранных дел совместно с Каподистрией (Капо д'Истрией) управлял Карл Васильевич Нессельроде (1816–1856). Он на один год превысил рекорд продолжительности пребывания на аналогичном посту своего австрийского коллеги князя Меттерниха. Будучи сыном немца-католика, уроженца Вестфалии, и дочери банкира-еврея из Франкфурта-на-Майне, Нессельроде родился на английском корабле, стоящем на лиссабонском рейде. Раз в год он ходил исповедоваться в Англиканскую церковь при английском посольстве^{517}. Канцлер не умел ни говорить, ни писать по-русски и представлял тип «немца старого

покроя», «отменно способного к ведению обычных, мелких дипломатических переговоров»^{518}. По мнению князя П. В. Долгорукова, это был «искусный пройдоха, обретший большую помощь в хитрости и ловкости своей жены-повелительницы, столь же искусной, как и он, пройдохи и к тому же страшной взятчицы». «Его страстью, — пишет желчный князь, — были три вещи: вкусный стол, цветы и деньги. Этот австрийский министр русских иностранных дел, Нессельроде, не любил русских и считал их ни к чему не способными; зато боготворил немцев...»^{519} Один из членов французского посольства, граф Рейзет, заставший Нессельроде уже на закате его карьеры, также отмечал в начале 50-х годов увлечения графа оранжереями и его гастрономические пристрастия: «Канцлер был старичок небольшого роста, очень живой и веселый, в сущности очень эгоистичный и очень походил на Тьера. Он был весьма воздержан, хотя любил хорошо поесть; до обеда ничего не ел, только выпивал поутру и в три часа дня по рюмке малаги (сладкое десертное вино из Малаги с большими сроками выдержки. — Л. В.) с бисквитом. Он сам заказывал обед и знал, из чего готовится каждое кушанье»^{520}.

К моменту восхождения Николая I на престол К. В. Нессельроде, казалось, олицетворял стабильность внешнеполитической системы, ориентированной на Австрию. Отказываясь от престола, Константин Павлович в письме от 8 (20) декабря советовал брату: «Ничего не меняйте в установившейся политике К. В. Нессельроде... Примите за основание, что Вы лишь уполномоченный покойного благодетеля и что в каждое мгновение Вы должны быть готовы отдать ему отчет в том, что Вы делаете и сделаете»^{521}. Николай Павлович не склонен был оставлять во внешней политике все без изменения, но К. В. Нессельроде, к сожалению, оставил. Во время Крымской войны министерство Нессельроде, долгое время подыгрывавшее союзной Австрии, вызывало у общества только чувство протеста и оскорбленной гордости за Россию. В дневнике от 10 марта 1855 года В. С. Аксакова записала: «... Если б не Нессельроде, который беспрестанно его (Николая I. — Л. В.) принуждал возвращаться к безобразной политике немецкой, то государь был бы увлечен совсем на другой путь!.. Ему, этому изменнику, ему одному обязаны мы позором и затруднительным положением России»^{522}. Это было почти всеобщее мнение.

И все же при Николае I Министерство иностранных дел подверглось серьезному реформированию. В 1832 году на него было распространено

«Общее учреждение министерства»; Коллегия иностранных дел упразднена, образованы департаменты. Новая структура была закреплена «Учреждением министерства иностранных дел», принятым в 1846 году. Тогда же Департамент церемониальных дел был переименован в Экспедицию церемониальных дел, а Канцелярия министра преобразована в Департамент внешних сношений. Министерство иностранных дел оставалось единственным учреждением, где в дипломатической переписке продолжал употребляться французский язык (заменен на русский только в 1887 году).

Другим немцем, доставшимся Николаю Павловичу от предшествующего царствования, был министр финансов Егор Францевич Канкрин (1823–1844), сын заведующего соляным делом, которого Екатерина II пригласила из Ганау (Гессена). А. И. Рибопьер писал, что Канкрин не любит ни Россию, ни русских, и добавлял при этом: «... говорят, что он по происхождению еврей»^{523}. Когда требовалось, он говорил по-русски, хотя и на ломаном языке^{524}. Он был образованным экономистом, из тех, которые считали, что «упорядочение финансов и прочное обоснование народного богатства всегда должны корениться в народном благосостоянии»^{525}. Его экономия вошла в пословицу. Рассказывали, как однажды на Пасху он поднес Николаю Павловичу большое яйцо, наполненное золотыми монетами, изготовленными из обрезков, оставшихся после чеканки на монетном дворе. С тех пор эти обрезки также стали использовать^{526}. Министр финансов был врагом новых налогов, займов, он выступал против излишних расходов, составляя иногда оппозицию самому Николаю Павловичу, даже когда речь заходила об ассигнованиях на армию. Император так отзывался о нем: «А то, бывало, придет ко мне Канкрин в туфлях, греет у камина спину и на всякое мое слово говорит: «Нельзя Ваше Величество, никак нельзя!»^{527}. Баварский дипломат позднее писал о нем: «Он... довел покровительственную таможенную систему, введенную для поощрения отечественной промышленности, до чудовищных размеров»^{528}. Во время его министерства таможенный доход по империи вырос на 250 %. К его заслугам относили также бездефицитный бюджет, которого он добился жестким сокращением расходов, а также дальнейшим развитием питейно-откупной системы.

Поощряемый и подталкиваемый Николаем I, министр финансов провел в 1839–1843 годах так называемую «реформу Канкрина», связанную с преодолением девальвации ассигнаций и переводом денежной системы на

серебряный монометаллизм. Он был противником железных дорог и излишней образованности народа и полагал, что «крепостная зависимость — это вовсе не самое худшее еще положение, в какое может попасть человек»^{529}. По поводу разногласий между ним и Николаем I американский историк У. Пинтнер писал, что по некоторым важным вопросам Е. Ф. Канкрин был побежден царем. Но это не было конфликтом между консервативным министром и прогрессивным политиком: «Возможно, более правильно понять это как конфликт поколений между сравнительно молодым правителем, более осведомленным о происходящих в мире переменах и о необходимости для России сделать некоторые соответствующие исправления, и старым бюрократом... который не понимал, что политика, которая обеспечивала стабильность в прошлом, может привести к серьезным проблемам, если не к полному крушению государства, в том случае, если она будет продолжаться бесконечно»^{530}.

Преемником Е. Ф. Канкрин стал Ф. П. Вронченко (1844–1852), который не имел «ни одного из тех качеств, какие необходимы в занимаемой им должности». По выражению Оттона де Брэ, его познания были «познаниями сборщика податей»^{531}. То же можно было бы сказать и о министре П. Ф. Брое (1852–1858). Независимо от личных качеств министров политика в области финансов носила консервативный характер и в первую очередь исходила из интересов государственного бюджета. За это время численность армии и флота возросла почти на 40 %, а ежегодные расходы на их содержание — на 70 %^{532}.

Министерство Императорского двора в течение почти всего царствования Николая I, с 1826 по 1852 год, возглавлял князь (с 1834 года светлейший князь), генерал-фельдмаршал (с 1850) и генерал-адъютант (с 1801) Петр Михайлович Волконский. Начальник Главного штаба при Александре I, он в связи с конфликтом с А. А. Аракчеевым попал в 1823 году в немилость, но был вновь возвышен Николаем I. У него было характерное прозвище «Prince de pierre» («Каменный князь») ^{533}. Многие современники, в частности А. С. Пушкин, у которого министр отказался купить для двора бронзовую статую Екатерины II, иронизировали над его бережливостью. Но, как заметил М. А. Корф, «он скупился не на свои, а на царские деньги»^{534}. Преодолев в 1845–1846 годах тяжелую болезнь, «он был бодр телом и духом», понимал все с полуслова, был «холоден, как воплощенный опыт». Но и он «знал свою страсть — часы, карманные, столовые, стенные и прочие»^{535}. В качестве учредителя Военно-топографического депо, в ведении которого находилась литографическая

мастерская, он составил солидную библиотеку с коллекцией рисунков, гравюр и литографий. Это у его жены, статс-дамы Софьи Григорьевны Волконской, с осени 1836 года снимал свою последнюю квартиру А. С. Пушкин (Мойка, 12). Современники сожалели, что П. М. Волконский не оставил мемуаров. Впрочем, какие-то дневники, как свидетельствуют отрывки о таганрогском периоде жизни Александра I, князь все же вел.

Параллельно с Министерством Императорского двора существовал образованный при Павле I в 1797 году Департамент уделов во главе с министром, находившийся ранее в непосредственном ведении императора. Департамент уделов осуществлял управление удельными имениями и крестьянами (бывшими дворцовыми), доходы с которых предназначались на производство выплат членам императорской фамилии (великим князьям и княжнам). С 1826 года должности министра Императорского двора и министра Департамента уделов были совмещены, а непосредственное руководство ими возложено на вице-президента Департамента уделов (с 1840 года товарища министра). В первый год царствования Николая I временным управляющим Департаментом уделов был князь А. Н. Голицын. С 1828 года вице-президентом, а с 1840 года товарищем министра был Лев Алексеевич Перовский. Причиной его назначения на эту должность стало то, что ранее он был адъютантом князя П. М. Волконского и, управляя его домашними делами, составил себе хорошую репутацию. При нем в 1833 году при Департаменте уделов было открыто Земледельческое училище, а в 1846 году образован Комитет по крестьянскому вопросу. С 1850 года Л. А. Перовский заведовал также Комиссией для исследования древностей и увлекался археологией. Графский титул ему был присвоен одновременно с братом в 1855 году. После кончины в 1852 году П. М. Волконского Николай I, стремясь предотвратить конфликт двух своих любимцев, графа В. Ф. Адлерберга и Л. А. Перовского, принял соломоново решение и разделил Министерство Императорского двора и уделов на Министерство уделов во главе с Л. А. Перовским и Министерство Императорского двора во главе со своим другом юности В. Ф. Адлербергом (1852–1870). (После смерти Перовского указом Александра II от 24 ноября 1856 года Министерство уделов было упразднено и вновь вошло в состав Министерства Императорского двора и уделов.)

В 1852 году Л. А. Перовский одновременно был назначен управляющим Кабинетом Его Императорского Величества. Созданный как личная канцелярия Петра I в 1704 году Кабинет постепенно трансформировался в хозяйственный орган, ведавший императорской «комнатной суммой» и «комнатной рухлядью». С 1826 года во главе

Кабинета стоял министр Императорского двора, который являлся его управляющим (до 1852 года П. М. Волконский, в 1852–1856 годах Л. А. Перовский). В 1827 году Кабинет Его Императорского Величества был разделен на отделения, одно из которых ведало хранением императорских регалий и сбором ясака в Сибири. Кабинету подчинялись управления Колывано-Воскресенским и Нерчинскими горнозаводскими производствами, императорскими фарфоровыми, стекольными, зеркальными заводами, гранильными и бумажной фабриками, шпалерной мануфактурой, рудниками и обширными лесными дачами.

С момента образования Министерства государственных имуществ 26 декабря 1837 года бессменным его министром был убежденный противник крепостного права, «начальник штаба по крестьянской части», как называл его император, генерал от инфантерии (1834) и генерал-адъютант (1823) Павел Дмитриевич Киселев (декабрь 1837–1856), получивший титул графа (1839). Назначенный в феврале 1819 года начальником штаба 2-й армии, он оказался связан служебными отношениями со многими из будущих декабристов, среди которых сложилось мнение, что при благоприятном развитии событий он примкнет к ним после победы восстания. В 1826 году П. Д. Киселев ездил в Петербург для личных объяснений с Николаем I и был оставлен на прежней должности. Известность он получил в качестве полномочного председателя диванов (советов) Молдавского и Валашского княжеств во время их оккупации русскими войсками в 1829–1834 годах. После возвращения он был назначен членом Государственного совета (декабрь 1834), а в 1835 году — Секретного комитета по крестьянскому вопросу. В 1836 году П. Д. Киселев стал начальником V Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, которое подготовило реформу казенной деревни. Затем возглавил Министерство государственных имуществ, образованное по его плану на основе Департамента государственных имуществ Министерства финансов. Ему подчинялась примерно треть всего сельского населения России — все категории государственных крестьян, колонисты, ямщики, кочевые народы и т. д. Министерство провело инвентаризацию государственных имуществ и возвратило в казну незаконно отчужденные земли. 3-й департамент (с 1845 года Департамент сельского хозяйства) ведал развитием земледелия и скотоводства. В 1843 году был учрежден Лесной департамент, которому подчинялся военизированный (до 1867) корпус лесничих. В составе Министерства государственных имуществ некоторое время находилось Главное управление государственного коннозаводства (1848–1856). В 1851 году образована Особая комиссия для исследования рыболовства на озере

Пейпус (Чудском) и Балтийском море.

Великая княжна Ольга Николаевна познакомилась с П. Д. Киселевым двенадцатилетней девочкой и посвятила его характеристике полстраницы своих мемуаров: «Совершенно независимый в своих взглядах, всегда полный блестящих идей, образованный и в то же время всегда готовый научиться еще чему-нибудь, он даже в разговорах с Папа, который с ним очень считался, сохранял свою независимость. Один из одареннейших деятелей тогдашнего царствования, с 1835 года он стал членом всех тайных комитетов по крестьянскому вопросу. С этих пор в течение пятнадцати лет он оставался всегда дорогим гостем нашего дома. В разговорах с глазу на глаз Папа любил противоречия, даже охотно вызывал на них, и он особенно любил свободную манеру Киселева в разговорах»^[536]. Ольга Николаевна была не одинока в своих оценках. 3 июня 1834 года А. С. Пушкин записал в дневнике: «Обедали у Вяземского: Жуковский, Давыдов и Киселев. Много говорили о его правлении в Валахии. Он, может быть, самый замечательный из наших государственных людей, не исключая Ермолова, великого шарлатана»^[537].

Впрочем, бюрократическая система оказывала свое влияние даже на талантливых от природы людей, к которым, несомненно, относился П. Д. Киселев. После воцарения Александра II он был направлен послом в Париж, где долгое время, с 1829 по 1855 год, на различных постах, в том числе чрезвычайного и уполномоченного министра, находился его брат Н. Д. Киселев. Язвительный П. В. Долгоруков из своего европейского «далека» писал: «Да, граф Киселев, несмотря на его либеральные принципы, всегда оставался царедворцем и как таковой всю жизнь умел принаравливаясь ко всем партиям, ко всем убеждениям. В России он был ласков и любезен с теми, которые были выразителями общественного мнения. В обращении с другими европейская вежливость исчезала. И этот министр, такой обаятельный в обществе, постоянно говорил «ты» подчиненным чиновникам и офицерам (следует отметить, что такова была традиция, которой следовал и Николай Павлович. — Л. В.). Прибыв в Париж, он поспешил присвоить европейские обычаи и был вежлив и предупредителен со всеми, оставляя за собой право быть любезным с теми, которые могли быть ему полезны. В России он представлял странную смесь либерала и царедворца, европейца и паши; с вида крутой, на самом деле гибкий и ловкий, он сделался в Париже настоящим вельможей двора Людовика XIV»^[538]. Признавая ум, способности и честность П. Д. Киселева, так же как прогрессивность его взглядов, граф де Брэ считал, что

граф «в России исполняет только обязанности администратора и поэтому не принимает участия в настоящей политической деятельности»^{539}. Мемуары современников довольно ярко характеризуют этого деятеля николаевской администрации, «талантливого министра-непрофессионала»^{540}.

Высшей надзирающей политической, а в необходимых случаях и военной властью в окраинных регионах России и в обеих столицах был институт генерал-губернаторов, а с 1832 года в Польше и с 1844 года на Кавказе — наместников. Уже на закате царствования Николая I, в 1853 году, была издана инструкция генерал-губернаторам, которая подытожила их обязанности и полномочия и надолго стала руководством к действию. В ней отмечалось, что генерал-губернаторы — «главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, высшего правительства по всем частям управления во вверенном ему крае»^{541}. Генерал-губернатор должен заботиться о благочинии дворянства, воспитании юношества в правилах доброй нравственности, веры и преданности, заниматься развитием сельского хозяйства, промышленности и ремесел. В случае объявления данной местности на военном положении им предоставлялись особенно широкие права. При генерал-губернаторах находилась только канцелярия, а их распоряжения исполнялись через органы губернского управления. Генерал-губернаторы по своему статусу были приравнены к министрам, имели право личного доклада императору и непосредственного обращения в Сенат.

«Ба! Да я Вас всех знаю!»: Местная администрация

Как отмечал В. О. Ключевский, «столь развитый правительственный механизм требовал множества рабочих рук. Царствование Николая I было временем развития чиновничества, знати, табели о рангах»^{542}. К началу 60-х годов XIX века в России числились 62 губернии и области (50 — в европейской части, 3 — в Предкавказье и 9 — в Сибири) с 550 уездами. Продолжающаяся в это время бюрократизация государственного управления привела к дальнейшему увеличению числа чиновников, а их удельный вес в составе всего населения, по подсчетам Б. Н. Миронова, вырос за время царствования Николая с 4,2 до 6,0 %^{543}. Но не Николай породил бюрократию, она досталась ему от старой России. Отношение к ней общества было почти однозначным. В одном из отчетов А. Х. Бенкендорфу М. Я. Фок писал в августе 1826 года: «В продолжении двадцати пяти лет бюрократия питалась лихоимством, совершаемым с бесстыдством и безнаказанностью»^{544}.

Среди руководителей региональной администрации николаевской поры выделялись колоритные фигуры наместников М. С. Воронцова и И. Ф. Паскевича.

Граф Михаил Семенович Воронцов, получивший затем титул князя (1845) и светлейшего князя (1852), генерал-адъютант (с 1815), впоследствии генерал-фельдмаршал (1856), сделал карьеру еще при Александре I, но апогей его власти пришелся на эпоху Николая I. Известный своим гуманным отношением к солдатам, он командовал оккупационным корпусом во Франции (1815–1818). Его административные способности были высоко оценены. В 1823 году он назначается генерал-губернатором Новороссии и полномочным наместником (с 1828 года генерал-губернатором) Бессарабской области. В его ведении были все причерноморские губернии России: Екатеринославская (включавшая тогда Ростовское и Таганрогское градоначальства), Херсонская, Таврическая, а также Бессарабская область. Оставаясь на этих постах, он в 1828 году руководил осадой и взятием Варны. 27 декабря 1844 года, сохранив пост новороссийского генерал-губернатора, он был назначен наместником на Кавказ (1844–1854). Власть М. С. Воронцова стала распространяться на весь Южный регион страны от устья Дуная до Аракса. Не жалующий его

князь П. В. Долгоруков был вынужден признать способности графа, но с весьма существенной оговоркой: «...человек замечательного ума и редких способностей, административных и военных, но души самой подлой, низкий придворный интриган»^{545}. Воронцову была поставлена задача «упорядочения» местного общественного уклада, развития путей сообщения, поощрения образования. Вполне подходящий под определение М. П. Погодина «консерватор с прогрессом», склонный к предпринимательской деятельности, не случайно названный в известной эпиграмме А. С. Пушкина «полу-милордом, полу-купцом»^{546}, он много сделал для развития просвещения, земледелия, промышленности, торговли, виноградарства и виноделия Юга России. Несмотря на доносы он неизменно сохранял доверие Николая Павловича^{547}.

В последний год жизни императора, уже в ходе Крымской войны, кавказским наместником стал боевой талантливый генерал, командовавший в 1833 году русским экспедиционным корпусом на Босфоре, а затем командир 5-го пехотного корпуса на Юге России Николай Николаевич Муравьев, будущий Муравьев-Карский (1854–1856). Его отношения с императором были более сложными. В рассказе о путешествии на Кавказ в 1837 году, записанном А. Х. Бенкендорфом, Николай Павлович особо остановился на своем разрыве с Н. Н. Муравьевым: «По прибытии из Николаева в Одессу я 6 сентября вместе с Сашею и братом Михаилом посетил собор, где жена моя уже была накануне, после чего смотрел на площади два батальона Подольского егерского полка. Они оказались не лучше полка, виденного мною в Николаеве, за что досталось от меня не на шутку генералу Муравьеву»^{548}. После этого Муравьев более десяти лет находился в отставке (1837–1848).

Близким другом Николая I можно считать наместника Царства Польского графа Эриванского (1828) и светлейшего князя Варшавского (1831), генерал-фельдмаршала (1829) Ивана Федоровича Паскевича (1832–1856), с которым император многие годы вел доверительную переписку. В Великом княжестве Финляндском вполне достаточно было должности генерал-губернатора. Ее последовательно занимали граф (с 1830), генерал от инфантерии (с 1829), сенатор (с 1826) Арсений Андреевич Закревский (1823–1831) и светлейший князь А. С. Меншиков (декабрь 1831–1854). С 1854 года исполняющим обязанности генерал-губернатора был назначен лифляндец генерал-адъютант (с 1831) и член Государственного совета (с 1852), впоследствии граф (1856) и генерал-фельдмаршал (1866) Федор Федорович Берг (генерал-губернатор в 1855–1861 годах).

Военными генерал-губернаторами в Петербурге были: П. В. Голенищев-Кутузов (1825–1830), граф П. К. Эссен (1830–1842), А. А. Кавелин (1842–1846), М. Е. Храповицкий (1846–1847), Д. И. Шульгин (1847–1854). Император внимательно следил за их деятельностью, позволяя себе иногда иронию. По воспоминаниям М. А. Корфа, в апреле 1839 года в Петербурге был пожар, на который Николай Павлович прибыл раньше П. К. Эссена. «Ну, Петр Кириллович, — сказал государь, — мы порядком за тебя похлопотали и, благодаря Бога, свое дело сделали, теперь нечего уже беспокоиться: огонь дальше не пойдет»^[549]. Но когда в 1842 году обнаружили большие беспорядки в судебной части петербургского генерал-губернаторства, дело рассматривалось в Государственном совете. На журнале заседания Николай I наложил резолюцию: «Неслыханный срам! Беспечность ближнего начальства неимоверна и ничем не извинительна; мне стыдно и прискорбно, что подобный беспорядок существовать мог почти под глазами моими и мне оставаться неизвестным»^[550]. На место графа Эссена был назначен пользующийся доверием Николая генерал-адъютант А. А. Кавелин.

К наиболее влиятельным и доверенным руководителям региональной администрации, несомненно, относился московский генерал-губернатор князь (с 1844 года светлейший князь) генерал от кавалерии Дмитрий Владимирович Голицын (1820–1844). Ему москвичи были обязаны, в частности, устройством Мытищинского водопровода и разбивкой Петровского парка. Позднее московский старожил М. Д. Бутурлин отмечал, что «все предначертания для блага и украшений вверенной ему первопрестольной столицы, не трудно было ему приводить в исполнение, по чрезмерному доверию к нему покойного императора. Не было в Москве и навряд ли будет у ней градоначальник с таким значением и административным влиянием в С.-Петербурге, какими пользовался князь Д. В. Голицын»^[551]. Когда однажды министр внутренних дел А. А. Перовский вздумал послать в Москву своих ревизоров, князь заявил, что его могут ревизовать только сенаторы, и отправил проверяющих назад, добавив крепкое словцо в адрес министра. На жалобу А. А. Перовского Николай Павлович якобы ответил: «Я уже просил тебя, чтобы ты не трогал у меня ни Голицына в Москве, ни Воронцова в Одессе»^[552]. Европейские революции 1848 года заставили Николая Павловича вновь вспомнить о А. А. Закревском, которого он направил наводить порядок в Москве (1848–1856).

В жизни Юго-Западного края значительную роль сыграл бывший

адъютант М. А. Милорадовича, потерявший в сражении при Бородине руку, киевский военный, подольский и волынский генерал-губернатор, генерал от инфантерии (1843), генерал-адъютант (1843), сенатор (1843) и член Государственного совета (1848), позднее министр внутренних дел Дмитрий Гаврилович Бибииков (1837–1852). В Северо-Западном крае наибольшее значение имела деятельность Виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора Федора Яковлевича Мирковича (1839–1850). Можно также выделить витебского, могилевского и смоленского генерал-губернатора князя и генерала от инфантерии Александра Михайловича Голицына (1820–1844). В Прибалтике действовал рижский военный, лифляндский, курляндский и эстляндский генерал-губернатор, генерал от инфантерии (1839) Евгений Александрович Головин (1845–1848), ранее известный своей военной и административной деятельностью в Оренбургском крае и на Кавказе и способствовавший распространению в крае православия и русского языка. Его сменил светлейший князь, внук генералиссимуса и впоследствии петербургский генерал-губернатор генерал-адъютант Александр Аркадьевич Суворов (1848–1861).

Оренбургским военным губернатором и командующим Отдельным оренбургским корпусом недолго был упоминавшийся Е. А. Головин (1830–1831). Однако прежде всего история этого пограничного со Средней Азией региона связывается с именем близкого Николаю I человека, генерал-адъютанта (с 1833), генерала от кавалерии (с 1843), впоследствии графа (с 1855) Василия Алексеевича Перовского (1833–1842, 1851–1857), младшего брата управляющего удельным ведомством Льва Перовского. В развитии Восточной Сибири и Дальнего Востока большая заслуга принадлежит генерал-губернатору Восточной Сибири Николаю Николаевичу Муравьеву (1847–1861), впоследствии графу с титулом Амурский (1858)^[553].

С администрацией губернского и тем более уездного звена дело обстояло намного хуже. Местная администрация была признанным злом России. Еще при вступлении своем на престол Николай Павлович в резолюциях на бумагах Комитета 6 декабря 1826 года не только дал убийственные характеристики сенаторам, но и отметил, что ни в чем не может положиться на губернаторов^[554]. При этом государь всячески пытался поднять их значение и ответственность. Для местной администрации общей тенденцией было усиление власти губернаторов. В «Наказе губернаторам» от 3 июня 1837 года губернатор был назван «хозяином губернии». Губернское правление превратилось в исполнительную канцелярию при губернаторе. В 1837 году уезды были

разделены на станы со станowymi приставами во главе, чиновниками из местных помещиков, назначаемыми губернским управлением по рекомендации Дворянского собрания. Исправник, начальник земской полиции, действовал по-старому. Бюрократизация местного управления была призвана обеспечить большую согласованность с центральными органами. Стало уделяться больше внимания сбору статистических сведений, необходимых для принятия управленческих решений. В 1831 году была утверждена новая форма губернских отчетов, предусматривающая сведения о неподатном населении: дворянах, разночинцах, обер-офицерских детях и т. д. Указом губернаторам от 14 октября 1842 года были утверждены формы 27 таблиц. Был упорядочен церковный учет населения; составление метрических книг распространено на католиков, лютеран, мусульман и иудеев. С 1846 года стали обобщаться сведения о народонаселении по уездам.

Во время многочисленных поездок по России Николай Павлович интересовался состоянием казенных учреждений, местной администрации, подготовкой кадров чиновников. Бывший полковник и бывший редактор «Военного журнала», уволенный из армии в марте 1826 года за связи с членами Северного общества, орловский чиновник и известный литератор Ф. Н. Глинка подробно описал в одном из «писем к другу» посещение императором типичного губернского города средней полосы России. Император прибыл в Орел в 1834 году для смотра 3-го Резервного кавалерийского корпуса. «Не одна военная часть занимала здесь государя», — отмечал Федор Глинка. Император внимательно осмотрел «богоугодные заведения», а затем Училище для канцелярских детей. Одному из учеников, наиболее отличившемуся в искусстве чертить планы, Николай Павлович пожаловал 500 рублей, приказав хранить их в Приказе Общественного призрения до его выпуска. Обратившись к ученикам, государь сказал, что «он надеется видеть в них, со временем, честных и образованных слуг Себе и Отечеству и уверен, что они, воспользовавшись благами воспитания, щедротами Его даруемого, по вступлении в службу составят новое поколение Канцелярских служителей, которое резко отличается от прежних прямотушием, бескорыстием и усердием к общей пользе»^[555]. Гражданскому губернатору А. В. Кочубею был пожалован орден Святой Анны 1-й степени, а троих его сыновей император приказал принять пажами к Императорскому двору. Губернский предводитель дворянства был награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

Император придавал большое значение добросовестности и справедливости облеченных властью губернаторов. Во время пожара в

Костроме в ночь на 6 сентября 1847 года сгорело более сотни зданий, две фабрики, монастырь, различное имущество на сумму полмиллиона рублей. Следствие, организованное гражданским губернатором действительным статским советником Григорьевым, пошло по самому легкому пути: благодаря оговорам, сделанным под влиянием угроз и телесных наказаний, виновниками были признаны польские солдаты и чиновники, служившие в городе. Впоследствии правда всплыла, и Николай Павлович, возмущенный действиями губернатора, встал на сторону поляков. Военно-судная комиссия в итоговом заключении «вменила суд в наказание» и уволила Григорьева со службы. Управлять Костромской губернией был назначен генерал-адъютант А. А. Суворов (внук фельдмаршала).

Николай Павлович пытался бороться со злоупотреблениями местных властей, прибегая иногда к суровым мерам. Так было, например, в случае со смоленским губернатором Н. И. Хмельницким, пытавшимся покрыть грехи полковника Шванебаха по растрате денег, выделенных на строительство шоссе. Но дело это было безнадежное. Как отмечал один из мемуаристов, «упорно охраняя порядок, которому подобные безобразия были присущи, думали уничтожить свойственное системе зло невероятными строгостями и карами»^[556]. Даже в придворном ведомстве не все обстояло благополучно. Берлинскому художнику Францу Крюгеру за отлично написанный портрет Николай I велел подарить золотые часы, усыпанные бриллиантами. Однако чиновники дворцового ведомства принесли Крюгеру только золотые часы, на которых не оказалось ни одного бриллианта. Узнав об этом, Николай I сказал художнику: «Видите, как меня обкрадывают! Но если бы я захотел по закону наказать всех воров моей империи, для этого мало было бы всей Сибири, а Россия превратилась бы в такую же пустыню, как Сибирь».

Свои особенности имело и управление казачьими областями. Казачьи войска и области, населенные казаками, были на особом учете у императора. Не случайно атаманом всех казачьих войск в 1834 году был назначен цесаревич Александр. В 1835 году военное и гражданское управление казачьими войсками было сосредоточено в Департаменте военных поселений Военного министерства (с 1857 года в Управлении иррегулярных войск). С 12 февраля 1828 года введена единая система воинских чинов и званий в казачьих частях. Помимо существующих в начале царствования Николая Павловича Донского, Черноморского, Оренбургского, Уральского, Сибирского казачьих войск, были образованы Азовское казачье войско (из бывших запорожцев, принявших русское подданство; 1828 год) и Кавказское линейное казачье войско (1833).

Созданный еще в 1819 году Комитет об устройстве Донского казачьего войска разработал в 1835 году Положение, в соответствии с которым для рядовых казаков устанавливался пай в 30 десятин земли. Управление было разделено на военное (войсковое дежурство) и гражданское (областное правление), объединявшиеся войсковым наказным атаманом. После того как в 1836 году началось введение Положения в Области войска Донского, стало ясно, что атаман Кутейников мало подходит для этой задачи. Новым атаманом было решено назначить 68-летнего генерала от кавалерии Максима Григорьевича Власова, бывалого воина, отмеченного множеством ранений. 5 февраля 1836 года он прибыл в Петербург и на другой день был принят императором. Николай Павлович встретил Власова ласково и высказал свои взгляды на казачество: «Я назначаю тебя наказным атаманом на Дон, вместо Кутейникова... Я дал новый закон казакам и надеялся, что он упрочит их благосостояние, что его примут с радостью, с благодарностью; вышло другое: его приняли холодно... Ваши же опытные люди сидели в комитете... Я только утвердил, что они написали, и думал, что утверждаю счастье края! Да я сам вникнул в него; скажу по совести, что я считаю его благодетельным, тем больше, что казачество в нем не изменяется: целая Россия управляется одними правилами, а у вас остаются свои; как деды ваши жили, так и вы будете жить; та же казацкая свобода, та же степная жизнь»^{557}. Далее император отметил, что недовольны в основном дворяне, хотя их крестьян он не забрал назад в казну. Во время обеда 8 февраля военный министр граф А. И. Чернышев еще раз уточнил пожелания государя: «Атаман нынешний — не прежний атаман; от нынешнего атамана государь требует современного взгляда на вещи. Дух казачества важная вещь: будь поборником его, рубись за него перьями, как рубился саблею с неприятелем, но изгони с Дона подьячество: на сцене Донской должна быть пика, а не перо... Государь то и дело говорит: пропал Дон, запишут его и замарают чернилами!» 20 октября 1837 года в Новочеркасске в присутствии Николая I атаман Власов вручил наследнику Александру Николаевичу атаманскую булаву в знак главного его начальствования над всеми казачьими войсками.

Отношение Николая Павловича к чиновничеству вообще и провинциальному особенно было весьма скептическим. По существующей легенде, оказавшись после дорожного происшествия в уездном городе Чембаре Пензенской губернии и принимая местных чиновников, император воскликнул: «Ба! Да я Вас всех знаю!» Он пояснил, что хотя первый раз в Чембаре, но знает всех по «Ревизору» Н. В. Гоголя^{558}. Впрочем, государь

не был сторонником насмешек над должностными лицами и, согласно другому рассказу, высказал свое мнение уже после встречи с ними. Отвечая на письмо наследника Александра из Твери, 8 мая 1837 года император предупреждал: «Не одного, а многих увидишь подобных лицам «Ревизора», но остерегись и не показывай при людях, что смешными тебе кажутся, иной смешон по наружности, но зато хорош по другим важнейшим достоинствам, в этом надо быть крайне осторожным»^{559}.

Николай Павлович хорошо знал чиновничество не только по «Ревизору». Служба, начатая им со сравнительно скромных должностей, частые поездки по России, знакомство с материалами ревизий и судебных процессов позволяли ему отчетливо представить карьеру чиновника, выбившегося из низов. Однажды во время поездки в 1834 году он разговорился со своим врачом И. В. Енохиным, выходцем из духовного сословия, и как любитель церковного пения стал петь с ним духовные стихи. Затем шутливо спросил: «Каково, Енохин?» — «Прекрасно, государь, Вам бы хоть самим на клиросе петь». — «В самом деле, у меня голос не дурен и если б я был тоже из духовного звания, то, вероятно, попал бы в придворные певчие. Тут пел бы, покамест не спал с голоса, а потом... Ну, потом выпускают меня по порядку. С офицерским чином хоть бы в почтовое ведомство. Я, разумеется, стараюсь подбиться к почт-директору, и он назначает меня на тепленькое местечко, например, почт-директором в Лугу. На мою беду, у лужского городничего хорошенькая дочка, Я по уши в нее влюбляюсь, но отец никак не хочет ее за меня выдать. Отсюда начинаются все мои несчастья. В страсти моей я уговариваю девочку бежать со мною и похищаю ее. Об этом доносят моему начальству, которое отнимает у меня любовницу, место, хлеб, и напоследок отдают под суд. Что тут делать без связей и без протекций?» — В эту минуту вошел в кабинет Бенкендорф. — «Слава Богу, я спасен: нахожу путь к Бенкендорфу, подаю ему просьбу, и он освобождает меня из беды!»^{560} Служба — службой, законы — законами, но без связей и протекции сделать карьеру и прожить было трудно, и Николай Павлович хорошо это понимал.

«Мне не нужно ученых голов, мне нужно верноподданных»: Принципы кадровой политики

В известной «ученической истории» А. В. Эвальда рассказывается, как учащиеся старших классов Гатчинского Воспитательного дома (Военно-сиротского института) не ладили с воспитателем и, наказанные розгами, стали конфликтовать с фон Дервизом. Узнав об этом, Николай I прибыл лично и приказал главных зачинщиков сдать в солдаты. На просьбу управляющего этим учебным заведением сенатора С. С. Ланского пощадить воспитанников, так как за все время пребывания в институте они считались лучшими учениками, император строго ответил: «Мне не нужно ученых голов, мне нужно верноподданных»^[561]. Только позднее, все-таки смирившись, он ограничился отправлением их чиновниками в дальние города.

Послушание, дисциплинированность и личная преданность были качествами, весьма ценимыми императором. В его царствование в министерствах и приравненных к ним главных управлениях в качестве руководителей преобладали усатые старцы, рекрутированные из доверенных генералов (гражданские чиновники, а до 1831 года и армейские офицеры права ношения усов не имели). «Прозаическому, осеннему царствованию» Николая I (выражение А. И. Герцена) не нужны были яркие личности. Бюрократическая машина их просто отсеивала. По свидетельству современников, просматривая «Адрес-календарь», порой нельзя было найти на какой-нибудь ответственный пост подходящего руководителя. Как отмечал Н. И. Греч, «из 60 миллионов населения трудно было выбрать 8 умных министров и 50 честных губернаторов»^[562]. В то же время заурядные, но послушные, лично известные и преданные Николаю I администраторы могли весьма долго занимать свои посты.

Прежде всего император ценил тех, кто активно поддержал его 14 декабря 1825 года, но не спешил расставаться и с теми, кто достался ему от предшествующего царствования. А. А. Аракчеев был исключением, подтверждающим правило.

К моменту воцарения Николая Павловича он единственный, помимо начальника Главного штаба, обладал правом непосредственного доклада императору. Впрочем, карьера Аракчеева была кончена. Он и раньше был нелюбим Николаем Павловичем. «Государь не любит Аракчеева. Это

изверг, говорил он в 1825 году», — записал А. С. Пушкин в дневнике 8 марта 1834 года^[563]. К тому же во время междоусобицы Аракчеев поставил на Константина Павловича. Несмотря на милостивый рескрипт императора от 19 декабря 1825 года, по которому А. А. Аракчееву вновь вверялось управление военными поселениями (после его самостийного отстранения от обязанностей в связи с убийством дворовыми людьми его любовницы)^[564], на этот счет никто не заблуждался. Уже на следующий день последовал рескрипт, освобождавший А. А. Аракчеева от заведования делами Комитета министров, Императорской канцелярии и от членства в Государственном совете. И хотя формально он оставался главным над военными поселениями начальником, опальный генерал от артиллерии 9 апреля того же года попросил разрешения отправиться для лечения минеральными водами в «чужие края». Николай Павлович позволил и выделил ему для поездки в Карлсбад (ныне город Карловы Вары в Чехии. — Л. В.) 50 тысяч рублей серебром. А. А. Аракчеев демонстративно передал деньги на благотворительные цели, в основном в ведомство Марии Федоровны, заявляя, что ему хватит суммы, вырученной от продажи сервизов^[565]. На время отсутствия графа временное управление военными поселениями вверялось П. А. Клейнмихелю. После же возвращения А. А. Аракчеева из-за границы, «заботясь» о его здоровье, Николай Павлович разрешил ему дышать здоровым деревенским воздухом в Грузии, а 23 октября 1826 года сама должность главного над военными поселениями начальника была упразднена, и граф получил полную отставку. Не понравилась Николаю I и самовольная публикация Аракчеевым переписки с ним Александра I. Подводя итоги первому году царствования, Николай Павлович с легким сердцем мог написать цесаревичу Константину: «Главное то, что вот уже год прошел, и *какой год*, и ничто не переменялось, даже лица, за исключением одного, которое настолько злоупотребило доверием нашего ангела, что напечатало его *собственноручные* (выделено Николаем I. — Л. В.) письма, для раздачи друзьям»^[566]. Опыт военных поселений вскоре был признан неудачным. После польского восстания 1830 года они были преобразованы в округа пахотных солдат (в 1857 году военных поселян передали в ведение Министерства государственных имуществ). Последовавший незадолго до кончины временщика указ от 8 апреля 1833 года гласил: «Не считать графа А. А. Аракчеева инспектором артиллерии и пехоты»^[567].

Вообще Николай Павлович привыкал к людям, и среднестатистическое пребывание министров и руководителей других

ведомств на своих постах отличалось завидной продолжительностью. В этом плане Николай Павлович был полной противоположностью своему отцу Павлу I. О некоторых принципах подбора Николаем I кадров при назначении на ответственные посты говорится в записках М. А. Корфа. Так, после смерти председателя Государственного совета князя В. П. Кочубея летом 1834 года первая мысль о назначении на эту должность Н. Н. Новосильцева была подана великим князем Михаилом Павловичем, который знал, что его протеже пользовался полным доверием цесаревича Константина^{568}. В данном случае Николай Павлович считал нужным уважить мнение брата. Чаще же он подбирал кадры из того круга людей, которых знал по прошлой совместной службе. Так, когда граф С. С. Уваров, уже потерявший благосклонность императора и разбитый параличом, был вынужден просить об отставке, выбор государя на вакантный пост министра народного просвещения неожиданно для окружающих пал в январе 1850 года на князя П. А. Ширинского-Шихматова. В данном случае Николай Павлович помнил его по добросовестной службе по инженерной части. Известного по пушкинской эпиграмме П. А. Ширинского-Шихматова современники иронично называли Шахматовым и говорили, что «с его назначением его министерству и самому просвещению в России дан не только шах, но и мат»^{569}. Но для Николая I в тот момент важнее были твердость религиозных убеждений, а не «умствования». Впрочем, граф де Брэ в своем аналитическом обзоре объяснял это назначение тем, что князь долго был помощником С. С. Уварова. Признавая его «честным человеком», он в то же время отмечал, что «по своим способностям Шихматов не отличается от заурядного директора канцелярии»^{570}.

А вот как после смерти Н. Н. Новосильцева решался вопрос о назначении на пост председателя Государственного совета и Комитета министров Иллариона (Лариона) Васильевича Васильчикова. Его называли «царевым другом»; считалось, что он один из всех сановников, окружавших императора, говорит ему правду^{571}. Приватные рассуждения Николая Павловича передает барон М. А. Корф: «Более всего, — сказал он, — озабочивает меня теперь вопрос о преемнике графу. Есть человек, душевно преданный мне и России, высоких чувств, всеми любимый и уважаемый, но от которого по слабости здоровья почти совестно требовать такой жертвы, да и едва ли он и сам согласится, — это граф (после князь. — *Примеч. М. А. Корфа*) Илларион Васильевич; беда еще в том, что он глух, смертельно глух! Всех способнее к этой должности был бы, конечно, во всех отношениях Михайло Михайлович [Сперанский]; но боюсь, что к

нему не имели бы полной доверенности, он мой редактор и потому его стали бы подозревать в пристрастии ко мне. Граф Литта тоже человек с высокими достоинствами, которым я отдаю полную и душевную справедливость, но у него не русское имя и притом он католик. Князь Александр Николаевич [Голицын] не годится ни по способностям, ни по летам. Оставался бы еще граф Петр Александрович [Толстой]; но этот тяжел, ленив и тоже не годится. Вообще надо еще хорошенько подумать...»^{572} Позднее на вечере у вдовы В. П. Кочубея Николай Павлович подошел к И. В. Васильчикову и после продолжительного разговора убедил графа принять эту должность. «Я принял это звание, — сказал граф М. А. Корфу, — с тяжким сознанием своей малоспособности, с уверенностью даже, что оно разрушит последние остатки моего слабого здоровья; но принял и счел противным долгу совести отказываться от него собственно в виду тех ничтожностей, которые находил вокруг себя в числе кандидатов».

Иногда Николаю Павловичу все же приходилось терпеть в должности и человека, который лично ему не импонировал по нравственным критериям. По свидетельству М. А. Корфа, узнав о смерти председателя Государственного совета Н. Н. Новосильцева, он заявил: «Пусть родные хоронят... как хотят; впрочем, разумеется, что по наружному церемониалу должно быть соблюдено все приличие... как было при похоронах прежнего председателя Совета князя Лопухина». Далее М. А. Корф отмечает, что он «предполагал найти более сочувствия или, по крайней мере, вида сочувствия к смерти графа, хотя и знал, что прямого искреннего расположения к нему не было, а особенного уважения, при гласности в целом Петербурге довольно безнравственной частной жизни покойного, также быть не могло»^{573}.

Во второй половине 30-х годов установился определенный порядок докладов министров Николаю I. Министр Императорского двора П. М. Волконский имел ежедневный доклад. Раз в неделю в четко определенный день докладывали: шеф III Отделения А. Х. Бенкендорф, командующий Главною квартирой В. Ф. Адлерберг, министр Государственных имуществ П. Д. Киселев, руководители военного и морского ведомств, министр финансов, председатель Государственного совета. Некоторые министры обращались к Николаю Павловичу через председателя Комитета министров (Государственного совета). Иногда для личного доклада императору необходимо было испрашивать особое разрешение, как это было, по свидетельству А. И. Дельвига, с министрами внутренних дел и юстиции.

Не имел личного доклада первое время и главноуправляющий путями сообщения (с октября 1833 по 1844 год эту должность занимал граф К. Ф. Толь). Но назначенный на этот пост П. А. Клейнмихель, до этого долго служивший дежурным генералом Главного штаба, а затем управляющим Департаментом военных поселений (родственник по линии жены Варвары Аркадьевны Нелидовой), сразу же получил разрешение являться наравне с другими министрами для доклада по четвергам, что «считали особой милостью»^{574}.

Даже для людей, хорошо знавших государя, доклад являлся тяжелым испытанием. Николай Павлович был вспыльчив, хотя обычно справедлив. Однажды летом 1851 года при докладе с военным министром А. И. Чернышевым «сделался удар» и у него отнялся язык. Немедленное кровопускание спасло ему жизнь, но полностью восстановить здоровье оказалось трудно, так что потребовалось лечение в «чужих краях» на водах Киссингена^{575}. Впрочем, тот же испуг, подлинный или мнимый, мог способствовать карьере, как это случилось с Ф. В. Вронченко, уронившим при встрече портфель или, по другой версии, рассыпавшим бумаги. Граф П. Д. Киселев, приходивший для доклада по понедельникам, избрал другую тактику. Его секретарь Л. Ф. Львов писал: «Граф имел для этого дня два портфеля: один синий, другой — зеленый. Оба портфеля граф брал с собой, и до входа в кабинет государя предварительно осведомлялся у камердинера, в каком расположении и нас (роении находится государь, и согласно с ответом камердинера вносил с собою в кабинет тот или другой портфель»^{576}.

Был и другой, более приятный, неофициальный способ общения государя с теми из своих подчиненных, кому он доверял и кому особенно благоволил, — приглашения к вечернему или обеденному столу. Академик Георг-Фридрих Паррот писал в своей записке, представленной императору в ноябре 1827 года: «Хорошо сделал бы государь, если бы признал возможным пожертвовать один день в неделю и приглашать к своему столу нескольких министров, также членов советов и даже некоторых директоров департаментов и выдающихся людей науки. На таких общих обедах должны быть допущены веселость и свободный обмен мыслей»^{577}. Через А. Х. Бенкендорфа академику было передано, что «государь любит искреннюю, неподдельную правду и охотно прислушивается к ней»^{578}. Николай Павлович широко практиковал именно такой способ общения, хотя круг лиц, допускавшихся на семейные трапезы, все же был ограничен. Камер-фурьерские журналы дают в этом отношении исчерпывающую

информацию. Что же касается «советов» императору, то следовало быть осторожным. Николай Павлович не любил общие рассуждения и вообще предпочитал в разговоре самому задавать вопросы. Как писал Оттон де Брэ, государь «охотно принимает советы, когда он их спрашивает»^{579}. Был и другой путь общения с императором для желающих высказать свои соображения — подача записок, которые тщательно изучались, хотя для их подачи, как в случае с академиком Г.-Ф. Парротом, обычно предварительно требовалось разрешение.

Император любил лично награждать за заслуги перед Россией и в связи с юбилеями лиц, пользовавшихся его доверием: прикреплять награжденным знаки орденов или объявлять о других милостях. Весьма характерен эпизод с награждением министра финансов Ф. В. Вронченко знаком ордена Андрея Первозванного, приведенный в записках М. А. Корфа: «12-го октября, совершилось пятидесятилетие службы нашего министра финансов. Это число пришлось в пятницу, всегдашний день его личного доклада; но государь в нежной предупредительности велел ему на этот раз явиться к себе вместо пятницы в четверг. Едва Вронченко вошел в кабинет, как государь, взяв со стола приготовленные заранее знаки Андреевского ордена, сам их на него возложил и потом прочел ему написанный собственноручно проект грамоты на эту милость. Вронченко, почти в беспамятстве от такого счастья, припал к его ногам и умолял отдать ему этот черновой проект как драгоценную для него награду; но государь не согласился, говоря, что проект отошлется в 1-е отделение Собственной канцелярии, для заготовления по нем настоящей грамоты»^{580}.

В своих отношениях с подчиненными Николай Павлович был требователен и строг, но справедлив. Сотни резолюций по морскому ведомству, особенно многочисленные за первые четыре года царствования, отразили его пристальное внимание к мельчайшим подробностям флотской жизни. К примеру, А. С. Меншиков докладывает императору о рапорте капитан-лейтенанта Симановского с просьбой о переводе его по болезни с Черноморского на Балтийский флот. Николай Павлович накладывает резолюцию: «С юга на север за здоровьем обыкновенно не переводят. Желая видеть медицинское освидетельствование»^{581}. А на докладе А. Ф. Моллера с просьбой о награждении корабельных инженеров и прочих чиновников за участие в постройке корабля «Император Петр I» пишет: «Когда лично удостоверю, что корабль чисто отделан». В 1829 году фрегат «Помощный» разбился на камнях у острова Оденсгольм, жители которого содействовали спасению команды. На рапорте А. Ф. Моллера о

вознаграждении жителей деньгами в сумме 916 рублей император накладывает резолюцию: «Согласен на счет виновного капитана»^[582].

В наградах Николай Павлович на первый взгляд бывал «Николаем Непредсказуемым»^[583]: он нередко уменьшал награду, но часто, напротив, удивлял щедростью. На самом деле в этих вопросах наблюдалась строгая закономерность. Вот характерный пример. В ходе крейсерских операций у Босфора 14 (26) мая 1829 года бриг «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта А. И. Казарского, вооруженный 18 карронадами и двумя орудиями малого калибра, был настигнут двумя турецкими линейными кораблями — «Селимие» (110 орудий) под флагом капудан-паши и «Реал-бей» (74 орудия). На военном совете было принято предложение младшего по чину штурмана И. Прокофьева, который по обычаю высказывался первым: в случае захвата корабля взорвать бриг, для чего у входа в крюйт-камеру был положен пистолет. Бой длился четыре часа. Успешно маневрируя парусами и веслами, Казарский мешал противнику вести прицельный огонь и метким огнем заставил «Селимие» лечь в дрейф, а «Реал-бей» прекратить преследование. В ходе боя «Меркурий» получил 22 пробоины, 297 повреждений в рангоуте, парусах и такелаже, потерял четыре человека убитыми и восемь ранеными. Сам Казарский был контужен, но не покинул пост. После боя бриг «Меркурий» дошел до Сизополя, где присоединился к своей эскадре. На докладе адмирала Грейга 18 мая Николай I наложил резолюцию: «Капитан-лейтенанта Казарского произвести в к. 2 ранга, дать Георгия 4 класса, назначить в флигель-адъютанты с оставлением при прежней должности и в герб прибавить пистолет. Всех офицеров в следующие чины, и у кого нет Владимира с бантом, то таковой дать. Штурманскому офицеру сверх чина дать Георгия 4 класса. Всем нижним чинам дать знаки отличия военного ордена и всем офицерам и нижним чинам двойное жалованье в пожизненный пенсион. На бриг «Меркурий» Георгиевский флаг»^[584]. Отныне в Черноморском флоте всегда один из кораблей должен был носить имя «Меркурий» или «Память Меркурия». В дворянские гербы не только Казарского, но и других офицеров «Меркурия» было внесено изображение пистолета — как символ решимости не сдавать корабль.

Судьба отпустила Казарскому только четыре года. В 1831 году в чине капитана 1-го ранга он состоял при Николае I и руководил охраной императорской семьи во время эпидемии. Умер А. И. Казарский при невыясненных обстоятельствах, официально от холеры (скорее всего, он был отравлен), когда боролся с хищениями в Николаеве в 1833 году. В 1834

году на Балтийском море был построен 20-пушечный бриг «Казарский», а в Севастополе открыт памятник в виде древнегреческой триеры с надписью на пьедестале: «Казарскому, потомству в пример».

Щедрость императора становится вполне объяснимой, если учесть, что буквально за три дня до славного боя фрегат «Рафаил» новейшей постройки с севастопольской верфи во время крейсерства между Трапезундом и Батумом был окружен турецкой эскадрой в 15 вымпелов. Турки забили в барабаны и закричали: «Рус, сдавайся!». На военном совете было решено «драться до последней капли крови», но командир корабля, капитан 2-го ранга Стройников, принял решение сдать корабль. Это был единственный до Цусимы случай, когда сдался корабль под российским флагом. После турецкого плена из 200 человек команды в живых осталось чуть больше семидесяти. Рассказывали, что после обмена пленными и возвращения Стройникова Николай Павлович в гневе написал резолюцию: «Разжаловать! В рядовые! Без срока службы! Без права женитьбы! Дабы не плодить в русском флоте трусов!»^[585] В отношении же фрегата «Рафаил» Николай Павлович еще 4 (16) июня 1829 года в Варшаве написал указ на имя адмирала А. С. Грейга: «...когда он будет возвращен во власть нашу, то, почитая фрегат сей впредь недостойным носить флаг Российский и служить наряду с прочими судами нашего флота, повелеваю вам предать оный огню»^[586]. Что и было выполнено через четверть века: фрегат, названный турками «Фази-Аллах» («Данный Богом»), был зажжен во время Синопского боя в 1853 году флагманским кораблем адмирала П. С. Нахимова и взлетел на воздух.

В целом документы и воспоминания современников позволяют сделать вывод о том, что в кадровых вопросах Николай I руководствовался не личными симпатиями и антипатиями, а служебной пригодностью начальствующего состава, пользой для Отечества. Это для него — да и не только для него — было главным. Адмирал М. П. Лазарев позже скажет: «Хотя я Николаю и многим обязан, но Россию на него никогда не променяю»^[587]. Николай I, в свою очередь, знал, что М. П. Лазарев служит России честно, а значит, честно служит и ему — императору. Впрочем, не всегда выбор императора был удачен.

Характерной и симпатичной чертой императора была заботливость о своих доверенных подчиненных. Как пишет А. В. Эвальд, «император Николай никогда не оставлял своих верных слуг и заботился о них с трогательным вниманием. Когда какой-нибудь заслуженный генерал делался от старости уже негодным к действительной службе, государь

создавал для него какое-нибудь почетное место, чтобы отставкою не оскорбить старика»^[588]. Характерен случай с Александром Александровичем Кавелиным, который был адъютантом Николая Павловича еще до его воцарения в 1818–1825 годах, а в 1846 году получил звание генерал-адъютанта. Это определило его успешную карьеру: директор Пажеского корпуса (1830–1834), петербургский генерал-губернатор (1842–1846), член Государственного совета (1842). Он же возглавлял штат воспитателей при цесаревиче Александре Николаевиче (1834–1841)^[589]. Когда А. А. Кавелин заболел психическим расстройством, Николай Павлович отправил его комендантом в Гатчину. В Гатчинском дворце ему выделили помещение; было приказано исполнять все его прихоти. Однажды ночью в одном белье А. А. Кавелин пришел в располагавшиеся рядом казармы Кирасирского полка, и по его приказу полк начал учения перед дворцом, после чего А. А. Кавелин отпустил солдат по казармам, а офицеров пригласил к себе на чай.

Вообще, среди окружавших Николая Павловича людей мало кого можно назвать его «сподвижниками»; в лучшем случае это были добросовестные исполнители разной степени компетентности. Только лучшие его министры и представители высшей администрации, такие, как П. Д. Киселев, Е. Ф. Канкрин, М. С. Воронцов, Н. Н. Муравьев-Амурский, в меньшей степени С. С. Уваров и Д. Н. Блудов, напоминали деятелей эпохи просвещенного абсолютизма. По этому поводу историк А. А. Корнилов заметил: «...Большая часть его сотрудников, особенно те, с которыми он работал в последние годы царствования, — бездарные люди, часто своекорыстные и лживые холопы, без всяких определенных убеждений и взглядов»^[590]. Порой они даже не испытывали должной благодарности к государю, чьи нравственные критерии были для них слишком завышены. Как замечал князь П. А. Гагарин в своем рукописном дневнике, Николай Павлович был «не любим даже теми сердцами, которым он сделал добро»^[591]. Вспоминая о Н. Н. Муравьеве-Карском и А. П. Ермолове, историк А. М. Зайончковский писал: «Многие из лиц, обладавших выдающимися способностями и отличавшихся искренней преданностью к государю, не пользовались его доверием и стояли в стороне от дел... Отчасти благодаря этой способности государя в его царствование во главе управления стояли люди, не всегда по своим качествам соответствовавшие тому высокому положению, которое они занимали; это особенно было заметно в конце его тридцатилетнего правления, когда люди прежних царствований сошли со сцены. По отзывам

всех современников, император Николай Павлович был действительно несчастлив в выборе людей»^{[1592](#)}. Это особенно относится к наиболее приближенным к трону функционерам, окружавшим Николая Павловича в повседневной жизни.

«Мы — христиане»: Религия и церковь

Отношение Николая Павловича к религии было чуждо экзальтированности Павла I или мистицизма и космополитизма Александра I. Наиболее одиозные их проявления, насаждавшиеся в последние годы царствования старшего брата, были устранены. Если «северный сфинкс» был склонен к провиденциализму («Будем же полагаться в этом на Господа»), то Николай Павлович, со свойственным ему прагматизмом, в письме к А. А. Аракчееву от 6 апреля 1826 года напомнил пословицу: «На Бога надейся, а сам не плошай»^[593]. Сама церковная организация рассматривалась им как государственное учреждение, призванное решать общенациональные задачи в земных интересах верноподданных.

Николай Павлович считал, что «добрые христианские нравы составляют первое основание общественного благоденствия». Исходя из этой преамбулы, в указе Синоду от 11 января 1828 года говорилось о желании государя, «чтобы чин духовный имел все средства... к образованию юношества», а церкви служил «не препираясь заботами о жизни и безбедного своего существования»^[594]. Материальное положение духовенства было улучшено. Признавая необходимость духовных основ, доброй религиозной нравственности как основы воспитания, император больше внимания обращал на земную составляющую деятельности церкви, ее организационную структуру, подчиняя честолюбивые устремления церкви общегосударственным задачам, в частности, идеологическим. Православие было выдвинуто во главу официальной государственной доктрины. Николай I был против превращения церкви в политическую организацию, преследующую узконациональные интересы. Это относилось как к православной церкви, так и к другим конфессиям. Сам царь был глубоко верующим человеком, более всего ценившим в других христианское начало (недаром он акцентировал внимание на том, что Пушкин «умер христианином»), но вовсе не фанатиком. Он выступал против насильственного распространения какой-либо религии, а также против «коммерциализации» церкви. Сразу после своего вступления на престол Николай Павлович постарался ограничить ее доходы, считая, что «некоторый торг» недостоин церкви, особенно если дело касается «исправления необходимых духовных треб». В связи с погребением камер-фрейлины графини Протасовой в Александро-Невской лавре в 1826 году поступил счет от монастыря на 8 тысяч рублей. Император «указать

соизволил, чтобы за места для погребения в Александроневской лавре принимаемо было в уплату, если в самой церкви, то не более 1000 рублей, а вне оной, на кладбище, — не более 200 рублей»^{595}.

«Для Папа, — вспоминала Ольга Николаевна, — было делом привычки и воспитания никогда не пропускать воскресного богослужения, и он, с открытым молитвенником в руках, стоял позади певчих. Но Евангелие он читал по-французски и серьезно считал, что церковнославянский язык доступен только духовенству. При этом он был убежденным христианином и глубоко верующим человеком, что так часто встречается у людей сильной воли»^{596}. Он не забывал перед сном совершить вечернюю молитву, обращался к Богу и в трудные минуты жизни. 22 июля 1854 года, в день именин цесаревны, фрейлина А. Ф. Тютчева занесла в свой дневник впечатления от пребывания рядом с ней в церкви императора: «При виде того, с каким страдальческим и сосредоточенным видом он молится, нельзя не испытывать почтительного и скорбного сочувствия к этой высоте величия и могущества, униженной и поверженной ниц перед Богом»^{597}.

В то же время жизнь среди людей разных национальностей и конфессий приучала к терпимости. Детей к исполнению обрядов особенно не принуждали, тем более что окружение было в основном протестантским. Первым преподавателем Закона Божия у детей стал отец Павский, но более серьезно преподавание вел отец Бажанов. Возможно, несколько преувеличивая, Ольга Николаевна вспоминала: «Вероятно, из оппозиции к религиозному безразличию нашего окружения в нас, детях, развилось сильное влечение к нашей православной вере. Благодаря нам наши родители выучились понимать чудесные обряды нашей Церкви, молитвы праздников и псалмы, которые в большинстве случаев читаются быстро и непонятно псаломщиками и которые так необычайно хороши на церковнославянском языке»^{598}. Под датой 1844 год она поместила и общие рассуждения об отношении к православию: «Мы говорили также часто о религии. То, что молодые девушки переходили в католичество, нас очень удручало. В большинстве случаев это были те, кто воспитывался за границей, главным образом во Франции. Они вырастали безо всякой связи с родной церковью. Мы же были пронизаны учением нашей православной веры... Мы научились понимать, что русский характер и русская церковь неразъемлемое единство»^{599}.

Церковь не могла остаться в стороне от общих процессов, происходивших в обществе. Централизация и бюрократизация всех звеньев

управления затронула и ее. Святейший синод с 30-х годов начал все больше превращаться в подобие гражданского министерства. С 1835 года обер-прокурору Синода было предписано присутствовать на заседаниях Государственного совета и Комитета министров. Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий, находившийся в составе Министерства народного просвещения (со времени его вхождения в Министерство духовных дел и народного образования в 1817–1824 годах), в 1832 году был передан в состав Министерства внутренних дел.

Показателен эпизод с посещением императором новгородского Юрьева монастыря 24 мая 1835 года. Государь прибыл, как он это любил, неожиданно. Все монахи после утренней службы спали в кельях, и государь вошел в монастырь с черного входа, со стороны конюшен — «яко тать в нощи», по выражению настоятеля монастыря архимандрита Фотия. Добившийся победы над А. Н. Голицыным и «Библейским обществом» в 1824 году, архимандрит Фотий решил ограничиться руководством монастыря, который помогала обустроивать графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская. Николай Павлович гулял по территории, любовался Волховом и прекрасным садом. Наконец по монастырю разнесся слух о его приезде. Прибежал архимандрит, наскоро надевший синюю бархатную рясу. Однако он не догадался, как это положено, благословить государя. Николай Павлович задавал разные вопросы, хвалил настоятеля за благоустройство, наконец пожелал, чтобы была отслужена ектенья. Совершал службу иеромонах, сам же Фотий стоял рядом с государем. Николаю понравилось церковное пение, он подпевал, а потом сказал: «Пение стройное, приятное, мелодия превосходная — жалко подладить не могу»^[600]. После службы Николай Павлович подошел к Фотию и попросил благословения. Тот благословил императора и протянул руку для целования, затем царь отбыл из монастыря. Через несколько дней Фотий был вызван в Петербург, где ему было объявлено, что император собственноручно сообщил в Синод о своих замечаниях. Николай Павлович не оставил без внимания ни одной мелочи: архимандрит должен был сам служить ектенью, он не подносил к целованию креста, не поцеловал руку у государя, сам протянул руку для целования, был одет вместо черной рясы в фиолетовую. Святейший синод осудил поведение Фотия и поручил отдать его под начало наместнику Александро-Невского монастыря Паладию, дабы тот научил и вразумил его, как полагается встречать царствующих особ. По-своему честолубивый и страдающий манией преследования Фотий в письмах к графине Орловой постарался показать себя невиновным, хотя его доводы выглядели неубедительно. Он действительно

часто надевал роскошные рясы и ризы. Кстати говоря, о том, что в мужском монастыре вместе с Фотием находилась графиня А. Н. Орлова-Чесменская, — в чьем благочестии никто не сомневался, — замечаний со стороны императора не последовало.

В одном из писем наследника из Предуралья Николай Павлович обратил внимание на рассуждения о «важности в делах раскольников». В ответном письме 9 июня 1837 года он довольно подробно изложил свое видение этой проблемы: «Ты прав, находя особую важность в делах раскольников: предмет трудный, требующий особой бдительности и осторожности в принимаемых мерах. Терпеть их своевольства нельзя, но притеснять их, доколь они тихи, столь же несправедливо и неблагоприятно. Их желание снять с них запрещение брать к себе беглых попов бессмысленно, ибо где и в каком крае на свете допустить можно, чтоб явно и с разрешения правительства кто-либо покидал произвольно свою должность и нагло поступал в должность мнимую к людям, не терпящим над собой никакой власти? Никто им не запрещает избирать или приглашать к себе священников, но не из беглых. Вот в чем они виновны. Но согласен я полагать, что одним сим воспрепятствованием не ограничиваются земские власти; но, пользуясь поводом, весьма вероятно, приобщают другие произвольные насильственные меры, вовсе даже противные воле высшего начальства. К несчастью, сему причиной искать должно общую нищету нашу в хороших и благомысленных исполнителях»^{601}.

При Николае Павловиче было разрешено возобновление служб в старообрядческих церквях с условием, чтобы священник был «доброй нравственности», а не «беглый поп»^{602}. На самом деле, решить вопрос о священниках было не так просто, ибо какой же священник не из беглых мог пойти в общину к раскольникам? Тогда же по отношению к некоторым сектам стало практиковаться и переселение на колонизируемые окраины. Созданная в Тифлисе Комиссия по делу поселений занималась переселением раскольников и сектантов, в частности, духоборов и молокан. В ответ на письмо наследника из Тамбова Николай Павлович 8 июля 1837 года замечает: «Молокане тоже дурная [ноша], с которою тоже постоянные строгие правила необходимы, как и для других. Но они не столь дерзки, ибо чувствуют, что не правы»^{603}. По докладу министра внутренних дел Д. Г. Бибикова 18 февраля 1853 года был учрежден Особый комитет для пересмотра постановлений о расколе, который кроме организации публикаций против старообрядцев поддержал применение к ним

полицейских мер.

Отношение к другим конфессиям определялось их благонадежностью и отсутствием (или присутствием) политической оппозиции. В любом случае никаких насильственных мер по обращению в православие, воспринимавшихся как русификация, император не терпел. В 1849 году был посажен в Петропавловскую крепость Ю. Ф. Самарин, обвиненный в разглашении секретных документов. В «Письмах из Риги», распространявшихся в списках, Самарин выступал против немецкого засилья в Остзейских губерниях. Будущий известный славянофил и публицист, а тогда начинающий чиновник, он обратил на себя внимание властей неумеренной ревностью к обрусению Прибалтийского края и распространению там православия. «Вы хотите принуждением, силой сделать из немцев русских, — сказал ему Николай в личной беседе, — ... но мы этого не должны именно потому, что мы — христиане»^[604].

Храмы различных христианских конфессий оставались отличительной чертой веротерпимого Петербурга, в то время, например, как в Англии католики подвергались различным ограничениям, а иногда и гонениям. Можно заметить также, что в западных губерниях, несмотря на ограничения с открытием новых костелов, ремонт действующих храмов не возбранялся^[605]. В армии представителям разных конфессий — правда, в минимальных формах — разрешалось отправлять культовые обряды. Постановлением 1829 года было предписано выдавать за счет казны на погребение скончавшимся нижним чинам православного исповедания — гроб, 2,5 аршина холста, венчик и разрешительную молитву; мусульманам — 18 аршин холста; евреям-иудаистам — 21 аршин холста^[606].

Во время путешествия по России в 1816 году великий князь Николай Павлович имел возможность, хотя бы взглядом путешественника, посмотреть на католические монастыри в западных губерниях. Многое он сумел заметить. В «Общем журнале по гражданской и промышленной части» Николай особо отметил, что в Могилевской губернии «37 католических монастырей, из коих половина почти иезуитских, воспитывающих юношество всех исповеданий; главнейшие в Орше и Могилеве, всякий день обращают они в свою веру молодых людей, и как они совершенно отделены от гражданского ведомства, даже их имения, то ежедневно происходят беспорядки и замешательства»^[607]. По причинам политического характера первое время Александр I, также как и Павел, был умерен в вопросах католичества и греко-униатской церкви. Убедившись в ошибочности такого подхода, Александр I особым указом в 1820 году

выслал иезуитов из России, Полоцкая академия Иезуитского ордена и подведомственные ему училища были закрыты.

Во время польского восстания 1830 года католическое духовенство поддержало идею польской независимости. Считая, что религия не должна иметь отношение к политике, Николай Павлович начал наводить порядок, как мог и как умел. Однако многие меры, направленные против дальнейшей экспансии католицизма, воспринимались польским населением болезненно. Так, в 1832 году император возобновил действие давно забытой папской буллы, согласно которой обители, имеющие менее шести монашествующих, должны быть упразднены с переводом монахов в действующие монастыри того же ордена. В записках под 1832 годом А. Х. Бенкендорф писал: «Хотя эта мера и соответствовала строгой букве закона, однако произвела громкий вопль между поляками, прикрытый похвальной привязанностью к вере, но в сущности возбужденный желанием втайне упрекнуть правительство в поступке против веротерпимости и правосудия»^[608]. Одни монастыри были закрыты, другие превращены в православные храмы. В 1841 году правительство конфисковало недвижимые имения римско-католической церкви. Указом от 1 мая 1832 года Виленский университет (польский) был закрыт с преобразованием медицинского факультета в Медико-хирургическую академию, а богословского — в Римско-католическую духовную академию. Через десять лет, в 1842 году, Медико-хирургическая академия была также закрыта. На следующий год, в 1843 году, Духовную академию перевели в Петербург.

О значении, которое император придавал обучению и воспитанию с имперских позиций, свидетельствует его выступление перед депутацией жителей Варшавы в 1835 году. Николай I тогда не забыл сказать: «Хорошо воспитывая своих детей и внушая им начала религии, верность государю, вы можете пребыть на добром пути»^[609].

Одной из важнейших мер, направленных на ослабление влияния католицизма, было объединение униатской церкви с православной. Брестская уния 1596 года на украинских и белорусских территориях Речи Посполитой была введена по инициативе и под давлением Ватикана. Она позволяла в рамках католического государства контролировать православную паству, а также разрывала традиционные религиозные и культурные связи православного населения с Россией. Согласно Брестской унии, православная церковь Украины и Белоруссии признавала своим главой римского папу с 188 сохранением богослужения на славянском

языке и основных обрядов православной церкви. После разделов Речи Посполитой униатская церковь была подчинена Римско-католической коллегии в Петербурге, а с 1828 года — особой Униатской коллегии. Как отмечает в своих записках А. Х. Бенкендорф, «государь старался снова поднять в этих издревле русских губерниях православное вероисповедание, пережившее там польское завоевание и все ухищрения латинян»^[610]. Интересно, что это пишет лютеранин, незадолго до смерти принявший католицизм.

С целью подрыва польского влияния на верующих православного вероисповедания и предотвращения дальнейшей экспансии католицизма в Полоцке был созван церковный собор. При поддержке униатского митрополита Иосифа Семашко и других епископов собор составил торжественный акт о присоединении униатской церкви к православной. 12 февраля 1839 года соборное постановление было оглашено. Прошение на имя государя подписали 1305 духовных лиц. 25 марта Николай Павлович написал на прошении: «Благодарю Бога и принимаю». Полуторамиллионное население литовской и белорусской епархий присоединилось к православной церкви. (Только в Холмской епископии униатская церковь просуществовала до 1875 года^[8].) В связи с этим событием была выбита медаль с надписью: «Отторженные насилем (1596) воссоединены любовью (1839)». Но и после акта 1839 года униаты оставались в поле внимания Николая Павловича. Не случайно 16 декабря 1840 года Собственная Его Императорского Величества контора препроводила для «собственного употребления государя императора» статистические сведения об униатах^[611].

Большое значение придавал император и методам убеждения польского католического духовенства. В письме к И. Ф. Паскевичу от 20 декабря 1844 года (1 января 1845) Николай Павлович писал: «Во главе всего враждебного нам ставлю духовенство и воспитание; первое должно сделать послушным, вопреки всех препятствий, и я требую сего непременно и постоянно; второе начато, должно продолжать...»^[612] Он также выражал удовлетворение ректором устроенной в Петербурге Римско-католической духовной академии, который, между прочим, просил не присылать в академию учеников из Царства Польского как дурно влияющих на других воспитанников. Николай Павлович хотел бы и саму резиденцию католического митрополита перенести из Могилева в Петербург, где было легче контролировать его действия. После кончины митрополита Павловского, на которого Николай Павлович возлагал

большие надежды, он почувствовал себя в изоляции, несмотря на перевод академии в Петербург. В 1844 году он провел встречу с римско-католическими епископами, пригласив их в столицу. «Я ни в чем не желаю вредить католическому исповеданию, потому что я сам католик, — заявил он, явно эпатируя присутствующих. — Душевно и сердечно привержен к своему исповеданию, и был бы столько же привержен к римскому, если бы в оном родился; в отношении религии церкви католической намерения мои чисты»^{613}. При условии повиновения государю, что соответствует каноническому уставу, заявил он, «я есть и буду вашим покровителем». Далее он перешел к значению образования: «Знаю, что должное направление воспитания духовенства составляет самое лучшее средство к образованию хороших священников, и потому желаю, чтобы воспитание это было католическое, но не менее того утверждено на монархических основаниях; желаю, чтоб образовались подданные верные, послушные и преисполненные христианской любви и приверженности к престолу. Итак, да будет воспитание духовенства католическое, но не иезуитское, как в Галиции или редемптистов во Франции. Признаюсь откровенно, что я не потерплю иезуитов, и, если бы предшественник мой Александр I-й не удалил их из государства, я сам бы это сделал»^{614}.

Однако ослабить польско-национальный характер католического духовенства без поддержки папы было трудно. Положение католической церкви в России стало предметом беседы Николая I и папы Григория XVI во время пребывания императора в Риме (13) декабря 1845 года. Николай Павлович мог догадываться о сути претензий папы. Незадолго до этого в Вене он имел неприятный разговор с императрицей-матерью Каролиной Августой, которая упомянула о гонениях, которым подвержена католическая церковь в России. Великая княжна Ольга Николаевна впоследствии вспоминала: «Папа возразил ей, попросив доказательств таких гонений. На это императрица не смогла ему ответить и стала говорить о русских законах, которые были направлены против католичества. «Назовите мне их!» — сказал Папа. «Я не могу сейчас точно вспомнить», — ответила она...»^{615}

Накануне беседы с папой государственный секретарь Ватикана кардинал Ламбрускини уже имел аудиенцию у Николая Павловича; кроме того, он провел предварительные консультации с графом К. В. Нессельроде. Стало ясно, что договориться не удастся. Затем около половины двенадцатого Николая I ввели в покои Григория XVI. Николай Павлович шел твердой военной походкой, гордо подняв голову и не глядя

на кардиналов. На приветствие папы он ответил радушно и поцеловал ему руку. Дальнейшая беседа проходила в кабинете. У папы были заранее припасены бумаги, в которых излагались различные претензии; выступал папа и против перевода Духовной академии в Петербург, поскольку это не было сделано по его булле. Николай Павлович пообещал разобраться во всем, но сказал, что вынужден считаться и с основными узаконениями своего государства. Это вызвало реплику папы, что законы-де могут быть изменены. В заключение разговора император еще раз попытался объяснить свою позицию: «Надеюсь, ваше святишество позволит мне сделать некоторые возражения. В России надо различать три разряда католиков: католики, проживающие в собственной России, католики литовских провинций и католики Царства Польского. Отношения к первым поставлены на такую почву, против которой и вы не станете протестовать. Хуже обстоит дело в Литве и еще хуже в Польше, где религия служит только маской, за которой скрываются революционные вождедения, где само духовенство более занято земными делами, чем духовными»^[616]. Разговор, продолжавшийся более часа, закончился заранее подготовленной папой фразой: «Государь, подумайте о том, что Бог создал царей для блага народов, а не народы для произвола царей». Затем последовала процедура прощания. Николай Павлович еще раз поцеловал руку папы.

Немедленно после свидания император вновь принимал кардинала Ламбрускини, однако на его предложение о постоянном представителе папы — нунции при российском дворе ответил, что этот вопрос сначала должен быть обсужден в Синоде. Ночью с 5(17) на 6(18) декабря Николай Павлович покинул Рим, но граф Нессельроде остался здесь для продолжения переговоров. 15 января канцлер имел прощальную аудиенцию у папы и через три дня тоже покинул Рим.

Надежды папской курии на уступки не оправдались. В 1846–1847 годах при генерал-губернаторе Д. Г. Бибикове польское духовенство в Юго-Западном крае было лишено права поземельного владения. Бибилов же предложил раздел казенных земель между русскими, служащими в крае, для предотвращения отдачи земель в аренду польской шляхте (с барщиной). В годы его министерства (1852 — 30 августа 1855) иностранным духовным учреждениям запрещалось приобретать недвижимость без особого разрешения императора. Было установлено обязательное участие Министерства внутренних дел в решении всех вопросов иностранных вероисповеданий; в духовных римско-католических учреждениях усилено преподавание русского языка и отечественной истории.

С другими крупными конфессиями в России особых конфликтов не возникало. Лютеранская церковь, например, была единственной официально признанной в Финляндии (до 1869 года). Благополучно обстояло дело и с исламом. Еще указом Екатерины II от 22 сентября 1788 года было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание с центром в Уфе, которому подчинялось все мусульманское приходское духовенство империи, кроме Таврической губернии. Восточная типография, переведенная в 1800 году из Санкт-Петербурга в Казань, печатала религиозную литературу на арабском языке. При Николае I указом от 23 декабря 1831 года было утверждено Положение о Таврическом магометанском духовном правлении с центром в Симферополе, во главе которого стоял таврический муфтий. В 1833 году был опубликован новый императорский указ, в котором говорилось: «Все мусульмане России должны выполнять все требования своей религии, строго выполняя ее догматы. Вероотступников наказывать следующими тремя способами: первый раз — розгами, второй раз — палками и третий раз — ногайками»^[617]. В переводе на татарский язык указ был опубликован с дополнительной подписью муфтия Сулейманова. Высочайше утвержденным положением Комитета министров от 13 ноября 1826 года в окрестностях Санкт-Петербурга был выделен участок земли под магометанское кладбище.

Подводя итог, можно сказать, что Николай Павлович проявлял должную для монарха веротерпимость и в то же время заботился о распространении православия. Он оставил о себе благодарную память у большинства иерархов православной церкви. Уже много лет спустя после его смерти митрополит Платон Киевский скажет в личной беседе: «Император Николай Павлович всем сердцем был предан всему чистокровному русскому и в особенности тому, что стоит во главе и в основании Русского народа и царства — Православной вере»^[618].

«Предмет наших ревностных попечений»: Просвещение и наука

Первыми кадровыми решениями Николая Павловича на этом поприще стало увольнение наиболее одиозных фигур прошлого царствования: попечителя Петербургского университета Д. П. Рунича и члена Главного правления училищ М. Л. Магницкого. Опальный академик К. Ф. Герман в 1828 году получил знак отличия за беспорочную службу, университетскую же историю 1821–1822 годов император повелел в его формуляре не упоминать^{619}. Было повышено вдвое жалованье профессорам и введены зарубежные командировки для ознакомления с опытом и изучения иностранных языков. 6 апреля 1844 года утверждено «Положение о производстве в ученые степени». Оно содержало правила присуждения степеней кандидата, магистра и доктора на философском, юридическом и медицинском факультетах университетов. В 1846–1847 годах ординарными профессорами университетов становятся и многие академики. Император лично контролировал все кадровые назначения в столичных вузах и продвижение по службе в системе Академии наук.

В начале царствования, 14 мая 1826 года, был создан Комитет устройства учебных заведений. В августе 1827 года особым указом Николай Павлович конкретизировал свои требования. Задуманная реформа образования имела и ярко выраженный социальный подтекст. В частности, император считал необходимым запретить крепостным крестьянам обучаться в гимназиях и университетах. «Для сего необходимо, — указывал он, — чтобы повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности сообразуемы с будущим вероятным предназначением обучающихся»^{620}. Манифестом от 13 июля 1826 года обращалось внимание на нравственное воспитание, а дворянство признавалось оградой «престола чести народной», призванной к «усовершенствованию отечественного природного, не чужеземного воспитания». Построенный на этих принципах новый устав для низших и средних учебных заведений был утвержден 8 декабря 1828 года. Он сохранял трехчленную схему образования (приходское училище — уездное училище — гимназия), но ограничивал контингент учащихся для каждого типа учебных заведений.

Перестройка высшей школы была осуществлена в 1835 году на

основании «Положения об учебных округах» (25 июня 1835) и «Общего устава императорских российских университетов» (26 июля 1835). Университетская автономия была ограничена. Министру предоставлялось право назначать профессоров по своему усмотрению независимо от ученого совета. По новому уставу университеты состояли из трех факультетов: философского, юридического и медицинского, причем философский имел два отделения: историко-филологический и физико-математический. Одновременно повышалась плата за обучение и вводилась студенческая форма.

В то же время практическая направленность образовательного процесса при Николае I привела к расширению специального и технического образования. В 1828 году в Петербурге был создан Технологический институт. В 1829 году вновь возрождается Санкт-Петербургский Главный педагогический институт, закрытый в 1819 году в связи с образованием на его базе университета. В указе о создании педагогического института от 30 сентября 1828 года говорилось: «Успехи народного просвещения в Государстве нашем не перестают быть предметом Наших ревностных попечений»^[621]. В 1830 году создано Архитектурное училище, а в 1832-м — Училище гражданских инженеров (в 1842 году они были объединены в Строительное училище). В Могилевской губернии было основано Горыгорецкое земледельческое училище, преобразованное в 1848 году в Земледельческий институт. В Москве в 1844 году открылся Межевой институт. Создаются ветеринарные и другие училища. В Петербурге в 1835 году основано Училище правоведения, в подготовительные классы которого в 1847 году был принят П. И. Чайковский.

В 1848 году как реакция на новую волну революционного движения в России наступило «мрачное семилетие». На ниве просвещения снова возобладали идеи еще александровского министра народного просвещения адмирала А. С. Шишкова, который считал, что «науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру»^[622]. 24 октября 1849 года новый министр народного просвещения П. А. Ширинский-Шихматов выступил с «Наставлением ректору и деканам юридического и первого отделения философского факультетов». Им вменялось в обязанности «иметь постоянный и деятельный надзор за преподаванием всех вообще предметов». На лекциях и экзаменах преподаватели должны были наблюдать «за неприкосновенностью начал, служащих основой государственного быта». Министр предлагал

исключить из преподавания обзоры новых политэкономических учений, ибо «сен-симонисты, фурьеристы, социалисты и коммунисты играют столь важную роль в современных событиях на Западе Европы. Основная мысль их есть достижение всеми возможными способами безусловного равенства. Объявив непримиримую войну всему, что возвышается над безземельною и бездомною чернью, коммунизм нагло подводит под свой железный уровень все состояния с уничтожением всех отличий породы, заслуг, богатств и даже ума»^{623}.

Вместе с тем Николай Павлович понимал необходимость развития науки в связи с общими задачами социально-экономического развития страны. Императорская Академия наук получила 8 января 1836 года новый устав и штат, по которому сумма на ее содержание выросла примерно в два раза. Структурно она осталась, как это было предусмотрено уставом 1803 года, в системе Министерства народного просвещения. В соответствии с уставом 1836 года число специальностей было увеличено за счет греческой и римской словесности и древностей, восточной словесности и древностей и др. Важным событием академической реорганизации было присоединение к Императорской Академии наук Российской академии. Это стало целесообразным после смерти ее президента адмирала А. С. Шишкова. В докладной записке С. С. Уваров предлагал на базе Российской академии основать три академии по разным профилям, но Николай Павлович принял другое решение и по рескрипту 19 октября 1841 года Российская академия была присоединена к Академии наук как одно из ее отделений. Именно тогда в Академии наук были образованы три отделения: 1) физико-математических наук; 2) русского языка и словесности; 3) историко-политических наук и филологии (с 1844 года историко-филологическое). Уставом 1836 года закреплялось создание самостоятельных академических музеев (на базе Кунсткамеры): Азиатского, Ботанического, Зоологического, Антропологического и др. В 1834 году была образована Временная комиссия для печатания материалов Археографической экспедиции, которая через три года получила государственный статус.

Особое внимание уделялось развитию астрономических исследований, необходимых для создания более точных топографических карт. Распоряжением императора от 24 февраля 1830 года было намечено сотрудничество Академии наук и Генерального штаба «по предмету астрономического определения местностей»^{624}. В 1834–1838 годах на Пулковой горе по проекту архитектора А. П. Брюллова (старшего брата

художника) была сооружена Главная астрономическая обсерватория, официально открытая 7 (19) августа 1839 года. Центр здания проходил через Пулковский меридиан. В Мюнхене для обсерватории был изготовлен 15-дюймовый (38 см) рефрактор, то есть линзовый телескоп, долгое время бывший лучшим. Работы по обустройству продолжались до 1843 года. Вскоре обсерватория получила признание как «астрономическая столица» мира. В монографии, посвященной развитию академической науки в России во второй четверти XIX века, М. Ф. Хартанович делает такой вывод: «Реорганизовав структуру Академии наук и тем самым укрепив одно из звеньев государственной системы, Николай I, как видим, осознавал прямую зависимость между развитием науки и благополучием государства. Он всячески старался уделять внимание российской науке не только регулярной финансовой поддержкой, но и разовыми государственными субсидиями для различных как бы незначительных начинаний»^[625].

Одной из неприятных обязанностей Министерства народного просвещения была передача ему функций цензуры. Цензурный устав 10 июня 1826 года, подготовленный еще в предшествующее царствование и претендующий на то, чтобы давать направление развитию литературы (так называемый «чугунный»), просуществовал недолго. Этот устав был сочинен еще в 1824 году Магницким, тем самым, который обвинял великого князя Николая Павловича в покровительстве «вредным» профессорам. Цензурный устав 1828 года должен был поставить необходимые плотины на пути проникновения свободомыслия в Россию, причем показательно, что сомнительные случаи цензорам рекомендовалось толковать в пользу авторов. Тем не менее остается фактом, что министр народного просвещения С. С. Уваров преследовал политическую и социальную тематику в журналах, а в 1836 году было объявлено временное запрещение на открытие новых периодических изданий.

Право цензуры высочайшими повелениями было предоставлено также министерствам двора, финансов, военному, внутренним дел, II и III Отделениям Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и некоторым другим государственным учреждениям. После получения первых известий о революционных событиях в Европе цензура ужесточилась. Высочайшим повелением от 2 апреля 1848 года был образован Особый комитет под председательством Д. П. Бутурлина для высшего надзора за «духом» и направлением книгопечатания (в него вошли М. А. Корф, С. Г. Строганов, П. И. Дегай, Л. В. Дубельт).

«Ты у меня будешь за него в ответе»: Звезда М. М. Сперанского

На одном из рельефов памятника императору Николаю Павловичу, обращенном в сторону Мариинского дворца, под датой 1832 год изображена сцена награждения М. М. Сперанского. Выбор этого сюжета был не случаен. Николаю Павловичу приписывают слова: «Я не хочу умереть, не совершив двух дел: издания свода законов и уничтожения крепостного права»^{626}. Об этом же писала его дочь Ольга Николаевна: «Чтобы создать свод законов, выведя наше законодательство из тогдашнего хаоса, он призвал Сперанского и был удовлетворен окончанием этого труда еще в свое царствование. Еще другой большой заботой было улучшение судьбы крестьян»^{627}.

Свод законов, действительно, был создан в 1832 году, хотя изображенная сцена награждения М. М. Сперанского в действительности произошла чуть позже. В юбилейном издании, посвященном столетию Государственного совета, об этом событии было написано несколько витиевато: «Его величество государь император в общем собрании Государственного совета 19 января 1833 года. После окончательного рассмотрения и утверждения «Свода законов», встав с своего места, изволил позвать к себе составителя свода, Михаила Михайловича Сперанского, обняв его и сняв с себя звезду Ордена святого Андрея Первозванного, возложил на него в знак своей признательности за выполненный труд»^{628}. По обыкновению император поцеловал Сперанского. Позднее, в 1837 году, после завершения занятий Сперанского с наследником ему были дополнительно пожалованы алмазные знаки к имеющейся уже звезде Андрея Первозванного (высшая награда империи).

...В памятный день 19 января 1833 года М. М. Сперанский зашел по старой дружбе к Федору Петровичу Львову. Супруга Львова, Елизавета Николаевна, впоследствии вспоминала: «...Однажды он к нам приезжает и я, видя, что у него отстегнулась Андреевская звезда, хотела ее поправить. — Ради Бога, оставьте ее так, — сказал он мне, — сейчас сам государь свою мне надел, когда я ему поднес мой Свод законов, он точно так ее надел; мне и вечером расстаться с нею будет тяжело»^{629}. Рескрипт о награждении знаком ордена был подписан на следующий день, 20 января 1833 года. Впрочем, на рисунке, изображающем торжественное заседание

Государственного совета, по которому был изготовлен рельеф на памятнике Николаю I, изображено больше, чем 15 томов «Свода законов». Одновременно на столе было тогда выложено 45 томов (считая приложения, 48 переплетов) первого «Полного собрания законов Российской империи» и 6 томов (8 переплетов) второго «Полного собрания». Итого — 71 переплет!

В день чрезвычайного заседания Государственного совета в Большом зале заседаний (иначе называемом, в честь советников, «Советским»), находившемся на первом этаже Старого Эрмитажа (с 1828 по 1885 год), Николай Павлович произнес тщательно подготовленную речь. По свежим впечатлениям этого неординарного события М. М. Сперанский сразу же после заседания сказал М. А. Корфу: «Государь говорил как *профессор* (выделено М. А. Корфом. — Л. В.). Ни я и никто из работавших... над этим делом столько лет не могли бы представить его так полно, так отчетливо и убежденно. Жаль, искренне жаль, что не было тут стенографа и что ни Европа, ни даже сама Россия ничего не узнает об этой речи!»^[630] В журнал Государственного совета было занесено только краткое изложение выступления императора. Отчасти содержание речи Николая I нашло отражение и в дневниковых записях М. А. Корфа. Император сам открыл заседание Государственного совета и сказал, «что при самом восшествии на престол он счел долгом обратить внимание на различные части управления, о коих не имел почти никакого сведения». Далее М. А. Корф передает речь императора следующим образом: «Его величество в самой молодости своей слышал о недостатках у нас в оном, о ябеде, о лихоимстве, о неимении полных законов, или о смешении оных от чрезвычайного множества указов, нередко один другому противоречащих. Сие побудило его с первых дней его правления рассмотреть, в каком состоянии находится комиссия, для составления законов учрежденная. К сожалению, представленные сведения удостоверили его, что труды комиссии сей не имели никаких последствий. Не трудно было открыть, что сие происходило главнейше от того, что всегда обращались к составлению новых законов, а не к основанию на твердых началах старых. Посему он признал за благо прежде всего определить, к чему по законодательству правительство должно направить виды свои, и, вследствие того, обратился к началам противным тем, коими прежняя комиссия руководствовалась, т. е. чтобы не созидать новых законов, но собрать и привести в порядок старые»^[631].

Действительно, предыстория создания Свода законов относится еще ко времени образования 31 января 1826 года в составе Собственной Его

Императорского Величества Канцелярии II Отделения, специально созданного по рескрипту Николая I для работ по кодификации, то есть систематизации существующего законодательства, а в необходимых случаях — и его редактирования. В рескрипте на имя князя Лопухина от 31 января 1826 года было предписано «вместо сочинения новых законов» «собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые существуют»^{632}. И до этого бессвязность и противоречивость многочисленных законов были очевидны. Но все попытки исправить положение были обречены на неудачу. Так было с екатерининской Комиссией по составлению нового уложения и с Комиссией по составлению законов, действовавшей при Александре I. Формально во главе вновь созданного II Отделения был поставлен юрист и бывший первый ректор Санкт-Петербургского университета (1819–1821) Михаил Андреевич Балугьянский. Помощником же его и душой всего дела стал М. М. Сперанский, которого Николай Павлович частенько привлекал к написанию манифестов, но к которому все еще продолжал присматриваться. Постепенно он преодолевал недоверие к нему как к бывшему опальному государственному секретарю Александра I, реформатору 1807–1812 годов, только в 1821 году возвращенному в Петербург и включенному в состав Государственного совета.

М. М. Сперанский был одним из тех государственных мужей, на которых Николай Павлович обратил внимание еще в дни междоусобицы. По воспоминаниям Николая Павловича, их встреча произошла 12 декабря 1825 года. «Изготовив в скорости проект манифеста, — вспоминал Николай, — призвал к себе М. М. Сперанского и ему поручил написать таковой, придерживаясь моих мыслей...»^{633} По свидетельству же, сохранившемуся в кратком дневнике Александры Федоровны, это случилось раньше — еще 10 декабря^{634}. В то же время имя М. М. Сперанского всплывало во время допросов декабристов, и «подобные сомнения и недоверчивость, — писал царь, — весьма тягостные... долго не могли совершенно рассеяться»^{635}.

Тем не менее М. М. Сперанский был включен в состав Верховного уголовного суда над декабристами и должен был судить заговорщиков-реформаторов. Манифест 12 июля 1826 года накануне казни декабристов также был написан его рукой. 21 января 1826 года Комиссия составления законов была преобразована во II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, а 4 апреля был издан указ об укомплектовании его чиновниками. Среди них оказались уволенные при

Александре I профессора университета А. П. Куницын и М. Г. Плисов. Начальником Отделения был назначен бывший ректор Санкт-Петербургского университета и учитель юриспруденции великих князей М. А. Балугьянский, ушедший в отставку в 1821 году в знак протеста против действий Д. П. Рунича и увольнения преподавателей. Сперанскому Николай пока не доверял, хотя именно он, не будучи членом Комиссии, направлял всю ее работу. Позднее М. А. Балугьянский передавал слова Николая I, обращенные к нему по поводу М. М. Сперанского: «Смотри же, чтобы он не наделал таких же проказ, как в 1810 году; ты у меня будешь за него в ответе»^[636].

6 декабря 1826 года Сперанского включили в состав Особого комитета, а 8 июля 1827 года он был «жалован бриллиантовыми знаками ордена Св. Александра Невского». 2 октября того же года он стал действительным тайным советником (чин второго класса). Хватало и других наград и поощрений, среди которых табакерки с портретом императора и парным портретом императорской четы, «аренда» имения, денежные вознаграждения.

Работу по кодификации планировалось осуществить в три этапа: 1) публикация всех изданных законов; 2) составление свода действующих законов; 3) подготовка усовершенствованного законодательства с последующим изданием нового гражданского кодекса. Начальный этап, продолжавшийся с 1 мая 1828 года по 17 апреля 1830 года, завершился изданием первого «Полного собрания законов Российской империи» с хронологическим расположением законодательных актов от Соборного уложения 1649 года до манифеста о вступлении на престол Николая I от 12 декабря 1825 года — всего 30 920 актов. К изданию в сорока томах, вышедшему после допечаток тиражом шесть тысяч экземпляров, были приложены указатели (т. 41: Указатель хронологический в двух частях; т. 42: Указатель алфавитный), книги штатов (т. 43–44), книга тарифов, а также чертежей, рисунков гербов городов и их планов (т. 45). С 1830 года начался следующий из намеченных этапов — публикация «Второго Полного собрания законов Российской империи», включающего в себя законодательные акты царствования Николая I. (В это собрание были включены и акты Александра II до указа от 28 февраля 1881 года, после чего началось печатание Третьего собрания.)

Одновременно с работой над «Полным собранием законов» (в него не были включены некоторые акты по военному ведомству, Императорскому двору и Синоду) в 1832 году был опубликован в 15 томах действующий «Свод законов Российской империи, повелением государя императора

Николая Павловича составленный». В нем законодательные акты (всего 42 тысячи отдельных статей) располагались в систематическом порядке. Первый том, включавший «Основные законы и учреждения государственные», начинался со статьи: «Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный». После рассмотрения «Свода законов» на указанном заседании Государственного совета 19 января 1833 года, было решено ввести его в действие с 1 января 1845 года с тем, чтобы дать время на ознакомление с ним и распечатку необходимого количества экземпляров. Впоследствии, с 1834 по 1839 год, выходило «Продолжение Свода законов...», а в 1842 году последовало его переиздание в тех же 15 тематических томах. Затем вновь до 1855 года выходило «Продолжение...», оформленное в качестве единого «Свода» уже в 1857 году. За составление «Свода законов» был награжден не только М. М. Сперанский, но и М. А. Балугьянский, который в 1837 году был возведен в дворянство с включением в герб цифры «15» по числу томов. Умер он тайным советником и сенатором.

Для национальных окраин России, где в значительной степени сохранялись рудименты старого законодательства, были подготовлены отдельные своды законов: «Свод законов Великого княжества Финляндского», «Свод законов остзейских» и «Свод законов западных губерний». В 1838 году был издан «Свод военных постановлений» в пяти частях, составленный из 15 книг (23 128 статей). В 1847 году Сенатом был издан «Сборник правил и узаконений, не вошедших в Полное собрание законов».

Таким образом, второй этап работы по усовершенствованию законодательства был выполнен. На последнем этапе предполагалось исправить и дополнить действующее законодательство «сообразно нравам и обычаям и действительным потребностям государства»^[637], усовершенствовав гражданское и уголовное законодательство. К гражданскому кодексу, однако, так и не успели приступить.

Пристальное внимание императора вызывало и сословное законодательство. Николай I стремился поднять статус дворянства, одновременно усиливая значение государственной службы. Выше уже приводились слова В. О. Ключевского о том, что «царствование Николая I было временем развития чиновничества, знати, Табели о рангах»^[638]. Правда, особенно в начале царствования рассматривались и проекты отмены получения дворянства выслугой чинов. Так, А. С. Пушкин в записке «О народном воспитании», составленной по поручению

императора в ноябре 1826 года, критиковал чиновничество с точки зрения столбового дворянина: «Чины сделались страстью русского народа»^[639]. В защиту существующего порядка выступил С. С. Уваров, и в конечном счете его мнение было поддержано Николаем Павловичем.

В то же время были введены и определенные ограничения, в частности, повышены разряды, необходимые для получения личного и потомственного дворянства. Закон от 11 июня 1845 года предусматривал получение личного дворянства по службе, начиная с чинов IX–VI классов (титулярного советника), потомственного — с V класса (статский советник на гражданской службе и майор, то есть первый штаб-офицерский чин — на военной). Еще раньше, по указу 30 октября 1826 года, награждение орденами перестало давать потомственное гражданство, а только личное (для купцов это правило действовало до 1832 года). С июля 1845 года для получения личного дворянства чиновники на службе должны были получить уже три степени знака ордена Святой Анны. Награждение низшими степенями ордена Святого Станислава вообще было отменено. В развитие идей Комитета 6 декабря 1826 года в целях сохранения родовой собственности аристократических фамилий были введены в 1845 году так называемые майораты. Действие этого закона было весьма ограничено: не подлежащими дроблению до 1861 года были объявлены всего 17 крупных родовых имений.

Между тем личное дворянство в обществе не рассматривалось как «настоящее», так как права личного дворянства распространялись только на жену; дети получали неопределенное звание «обер-офицерских детей». Для того чтобы ограничить получение дворянского звания и одновременно распространить социальную защиту с рядом привилегий на детей личных дворян и священников (не принимающих сан), а также на определенные категории чиновников и купцов, манифестом от 10 апреля 1832 года было введено личное и потомственное почетное гражданство. Присвоение такого звания давало минимум необходимых личных прав, в том числе освобождало от подушного оклада, рекрутской повинности и телесных наказаний. Потомственное почетное гражданство присваивалось детям всех личных дворян, детям священников, имевших образование, купцам 1-й гильдии после десяти лет пребывания в ней, 2-й гильдии — с 20-летним стажем, купцам, имеющим звания коммерции-и мануфактур-советников, лицам, награжденным орденами, а также получившим ученые степени. Дети священников, не получившие образование, выпускники университетов и приравненных к ним учебных заведений, например, Академии художеств, чиновники XIV–X классов получали личное

почетное гражданство. В конце 30-х годов почетное гражданство стало присваиваться и артистам императорских театров. Артисты первого разряда, прослужившие 10 лет, получали личное почетное гражданство, а 15 лет — потомственное. Почетные граждане имели право на титулование «ваше благородие»^[640]. Как отмечал историк С. Б. Окунь, создание института почетного гражданства было «своеобразной попыткой феодальной регламентации категорий буржуазного общества»^[641]. Но для какого-нибудь подвыпившего артиста императорских театров, которого блюстители порядка не могли тащить в полицейскую часть для наказания розгами, эта «попытка» была весьма значимой. Не случайно артисты императорских театров поднесли по этому случаю императору серебряное блюдо с благодарственными подписями^[642].

16 октября 1838 года М. М. Сперанский простудился и слег, после чего «полным здоровьем уже не пользовался до самой смерти». 7 февраля 1839 года он вновь простудился. М. А. Корф писал: «Во время первой болезни император Николай несколько раз его навещал, сложил с него ссуду, незадолго перед тем выданную ему из государственного казначейства для покупки дома, и, наконец, пожаловал его в графы. Между тем в ту же первую болезнь князь Васильчиков тайно объявил мне волю государя, чтобы в случае кончины больного немедленно запечатать его бумаги»^[643]. Последней наградой больному Сперанскому было возведение его 1 января 1839 года (день рождения) в графское достоинство. Указ был подписан одновременно с пожалованием любимцу Николаю Павловичу И. В. Васильчикову титула князя. В память о пережитых страданиях Сперанский выбрал себе для графского герба девиз: «В невзгодах уповает».

Сын сельского священника, бывший либерал с обширными планами реформ при Александре I, М. М. Сперанский скончался на 68-м году жизни вечером 11 февраля 1839 года. Камер-фурьерский журнал в записи от 15 февраля 1839 года (среда) зафиксировал редкое нарушение Николаем Павловичем привычного распорядка дня. Император утром «с докладом никого принимать не изволил», а в половине двенадцатого один в санях направился в Александро-Невскую лавру, чтобы в церкви Благовещения Божьей Матери присутствовать при отпевании члена Государственного совета графа М. М. Сперанского. Затем Николай Павлович проводил своего верного сподвижника до могилы^[644]. Император и наследник первыми бросили по горсти земли в могилу графа Сперанского. После него осталось 600 тысяч рублей долга. Его внук был убит на Кавказе во время попойки со своим сослуживцем. Вдова Сперанского жила за границей и за год до

смерти в 1857 году передала его архив в Императорскую Публичную библиотеку, которой заведовал старый знакомый Сперанского М. А. Корф^{645}.

По свидетельству М. А. Корфа, «император Николай истинно, глубоко скорбел о Сперанском, как едва ли когда скорбел о другом из своих наперсников. Он чувствовал, как тесно связалось это имя с историей его царствования, как велико было содействие Сперанского к его славе. Как высоко он стоял над другими нашими государственными людьми той эпохи»^{646}. После кончины М. М. Сперанского в одной из бесед император так сказал о нем и своих с ним взаимоотношениях: «Сперанского не все понимали и не все довольно умели ценить: сперва и я сам, может быть больше всех, был виноват против него в этом отношении. Мне столько было наговорено о его либеральных идеях; клевета коснулась его даже и по случаю истории 14 декабря! Я нашел в нем самого верного, преданного и ревностного слугу, с огромными сведениями, с огромной опытностью. Теперь все знают, чем я, чем Россия ему обязаны, — и клеветники умолкли. Единственный упрек, который мог бы я ему сделать, это чувство его к покойному брату; но тут, конечно...» На этом Николай Павлович прервал свою фразу^{647}. После кончины М. М. Сперанского работу по завершению Уголовного свода продолжил Д. Н. Блудов. Этот свод был утвержден императором 15 августа 1845 года под названием «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных».

«Процесс, который я хочу вести против рабства...»: Крестьянский вопрос

Если «первое дело», которым был озабочен император после своего восшествия на престол, было связано с кодификацией и отчасти выполнено, то в отношении «второго дела» — отмены крепостного права — требовался особо взвешенный подход.

A propos

Россия оставалась аграрной страной. Даже в 1913 г. земледелие давало около 65 % валового продукта страны. Но вопрос об отмене крепостного права не был частным вопросом, касавшимся только российской деревни. От его решения зависела возможность реформирования армии и развития промышленности, так как сельское население оставалось основным потребителем ее продукции, а также торговли. Городское население было немногочисленным, к тому же в городах предпочитали покупать импортные товары. Привычная фраза, что во второй четверти XIX в. разложение феодально-крепостнической системы переросло в кризис, верна, но нуждается в уточнении. Во-первых, продолжался рост производительных сил; во-вторых, население крепостной деревни отнюдь не вымирало. Другое дело, что темпы развития снизились, а сельское хозяйство развивалось по экстенсивному пути за счет увеличения посевных площадей. Тем не менее, по имеющимся подсчетам, в 1802–1863 гг. в 20 российских губерниях сбор зерновых и картофеля увеличился с 4,1 до 4,4 четверти на душу населения, т. е. на 7 %. Соответственно товарность сельского хозяйства увеличилась с 9—12 % до 17–18 %. Товарность земледелия в помещичьем хозяйстве к середине XIX в. достигла 45–50 %, хотя главным поставщиком продукции на рынок продолжало оставаться крестьянское хозяйство^{[\[648\]](#)}. Нахождение большей части России в зоне рискованного земледелия (годовая температура на несколько градусов ниже общеевропейской, амплитуда колебаний почти в два раза больше, пониженная влажность) накладывало свой отпечаток на жизнь и быт русского крестьянства. Время полевых работ колебалось от четырех месяцев в году в Вологодской губернии до семи под Москвой и девяти под Одессой. Отсюда значение неземледельческих крестьянских работ и отхожих промыслов, связанных с мелочной торговлей. По данным

паспортной статистики (занижавшей реальный отход), в 40-х гг. число выданных паспортов достигло миллиона.

Примерно половину сельского населения страны (т. е. большей части населения) составляло крепостное крестьянство, но его численность и удельный вес при Николае I постепенно уменьшались^{649}. В этот период происходит повышение платежеспособности крестьянства. Государственная подушная подать при Николае I, взимавшаяся со всех категорий крестьян и мещан, не повышалась (с 1818 по 1860 г. она составляла 95 коп. сер.). Государственные и удельные крестьяне платили также оброчную подать казне и двору, которая, в связи с переводом ее в 1839 г. с ассигнаций на серебро, реально понизилась (в первой половине века на 20 %), в то время как цены на сельскохозяйственную продукцию за этот же период выросли (на 50 %). Поскольку в 1857 г. на долю государственных и удельных крестьян приходилось 53 % (по другим подсчетам — 56 %) всего крестьянства, то их платежеспособный спрос увеличился. Государственные и удельные крестьяне кроме подушной подати платили и оброк (государственные в размере половины подушной подати). Помещичьи крестьяне несли также повинности по отношению к помещику (барщина, оброк или смешанная повинность). Тенденции их платежеспособности просчитать труднее, но, вполне возможно, что помещичье рвение, выразившееся в повышении повинностей, в целом отставало от роста доходности крестьянского хозяйства. Это повышало интерес крестьян к рынку и способствовало развитию товарно-денежных отношений^{650}.

По данным X ревизии (1858 г.), в России насчитывалось 127,1 тыс. семей потомственных дворян, из которых крепостными владело 106,9 тыс. дворян. Если исключить 3,7 тыс. дворян, у которых были только дворовые, то помещиками являлись 102,2 тыс. дворян. Крупнопоместных помещиков (владевших более 500 душ) было только 3858 семей (3,5 %). Остальные были мелкопоместные и среднепоместные. Ярким проявлением кризиса феодально-крепостнической системы была помещичья задолженность. В 1833 г. в кредитных учреждениях было заложено помещиками 43,2 % ревизских душ, в 1859 г. — 66 %. За годы царствования Николая I общая сумма помещичьей задолженности увеличилась примерно в 4 раза и достигла 425 млн руб.^{651} Возвращение долгов становилось все более проблематичным. Во время реформы 1861 г. они будут взысканы за счет крестьянских выкупных платежей.

Большинство дворянства было не готово к отмене привычной системы.

Против крепостного права выступали некоторые демократы (петрашевцы и др.) и либералы (западники, славянофилы), но даже такой «западник» как П. Я. Чаадаев, по свидетельству инженера А. И. Дельвига, накануне своей смерти (14 апреля 1856) «хотел написать книгу против освобождения крестьян»^{652}.

Мысль о необходимости отмены крепостного права, нашедшая дополнительные обоснования в проектах «друзей по Четырнадцатому», появилась у Николая Павловича еще со времени учреждения Комитета 6 декабря 1826 года, но претворять ее в жизнь он не спешил, считая необходимым подготовить все постепенно, осторожно и без лишней огласки. Первые годы приходилось заботиться и о реакции цесаревича Константина Павловича. Хорошо информированный о настроениях в правящих кругах Е. М. Феокистов вспоминал: «Вот что, между прочим, я слышал от военного министра Д. А. Милютина, близкого родственника графа Киселева. Однажды государь рассказал Киселеву, что еще в первые годы по вступлении своем на престол остановился он на определенном плане уничтожения у нас рабства, но захотел предварительно узнать мнение Константина Павловича; тот отвечал из Варшавы, что умоляет [дать] ему умереть спокойно, не смущать его мыслью о тех ужасах, которые неминуемо постигнут Россию. «Я не мог, — заметил Николай Павлович, — не уважить это требование, ибо для всех Вас я император, а для меня императором был брат мой Константин»^{653}. По свидетельству П. Д. Киселева, датированному 1856 годом, мысль о необходимости уничтожения крепостного права не покидала императора на протяжении всего царствования^{654}, а «шестидесятник» Н. В. Шелгунов эту же мысль выразил в ироническом контексте: «Император Николай I каждый год начинал освобождение крестьян»^{655}.

Впервые крестьянский вопрос оказался в повестке дня, точнее программы работы Комитета 6 декабря 1826 года, хотя слухи об освобождении крестьян активно распространялись с самого начала воцарения Николая Павловича. Уже в донесении директора канцелярии III Отделения М. Я. Фока от 23 августа 1826 года говорилось о слухах об освобождении крепостных накануне коронации и связанным с этим событием приездом цесаревича Константина в Москву: «Проект освобождения крестьян также разлетелся в прах, а решительные меры, принятые правительством для искоренения злоупотреблений, не позволяют распространителям тревожных слухов создавать и поддерживать различные

выдумки»^{656}. Польское восстание 1830 года не только прервало активную работу Комитета 6 декабря, но и способствовало распространению слухов о «воле». Николай I издал распоряжение «преследовать строжайшим образом всех тех, кто подобные ложные слухи распространять будет, принимая на месте и самые деятельнейшие меры к прекращению и малейших признаков неповиновения крестьян помещикам их». Следующий период активизации в этом направлении начинается с середины 30-х годов и продолжается до 1842 года. Затем, с небольшим перерывом, крестьянский вопрос вновь стал основным в повестке дня николаевского правительства в середине 40-х годов, хотя «галицийская резня» польских помещиков в соседней Австрии в 1846 году была уже предвестником революций 1848–1849 годов, вновь приостановивших разработку проектов реформы. Даже в «мрачное семилетие» 1848–1855 годов мысль об освобождении крестьян не оставляла государя.

Трудность поставленной задачи состояла в том, что в отличие от реформы в остзейских губерниях при Александре I Николай Павлович считал невозможным безземельное освобождение крепостных, которое привело бы, по его мнению, к пауперизации большей части населения. Начальник штаба Корпуса жандармов и главноуправляющий III Отделением А. Е. Тимашев в своих замечаниях на статью П. В. Еленева в 1861 году подчеркнул, что, по свидетельству многих лиц, заветной мечтой покойного императора было освобождение крестьян с землей. Более того, А. Е. Тимашев считал, что только польский мятеж помешал обнародованию уже подготовленного манифеста. По свидетельству компетентного рецензента, «необходимость быть на страже против революционных движений, начавшихся в 1846 г., остановила правительственные работы, относящиеся к этому предмету и возобновленные с наступлением спокойствия. Эти работы велись деятельно перед Крымской войной. Еще в январе 1855 г., за месяц до кончины, Николай Павлович в беседе с председателем Департамента законов Государственного совета Д. Н. Блудовым говорил, что не желал бы умереть, не завершив великого начинания, но не допустит «увольнения» крестьян без земли. «Это для блага помещиков», — прибавил тогда Николай Павлович»^{657}. Косвенные подтверждения именно такого варианта освобождения крепостных крестьян находятся и в так называемых «Записках» А. О. Смирновой, на самом деле скомпонованных ее дочерью из рассказов покойной матери. Тем не менее один из разговоров А. О. Смирновой-Россет с императором, который можно датировать 1826 годом (в нем упоминается, что А. С.

Пушкин прочитал царю «Стансы»), вполне правдоподобен. Свою тираду государь якобы закончил следующими словами: «Философы не научат царствовать. Моя бабка была умнее всех этих краснобаев в тех случаях, когда она слушалась своего сердца и здравого смысла. Но в те времена все ловились на фразы. Они советовали освободить крестьян без наделов, это — безумие»^[658]. Позднее (возможно, в 1832 году), в беседе с А. О. Смирновой-Россет по одному частному поводу, Николай Павлович в очередной раз заявил, что будет счастлив только тогда, «когда народ этот освободится от крепостной зависимости»^[659].

В 30-х годах Николай Павлович внимательно следил за реформами, особенно земельно-крестьянской, проводившейся после Русско-турецкой войны 1828–1829 годов в Дунайских княжествах русской военной администрацией во главе с П. Д. Киселевым. В Молдавии и Валахии были установлены четко зафиксированные нормы работы крестьян на местных помещиков-бояр (позднее в западных губерниях России это называлось инвентарями). Княжества стали опытным полем, социальной лабораторией, в которой николаевская военная администрация, решая конкретные задачи, ставила свои с дальним прицелом опыты. Николай Павлович исходил из того принципа, что русская военная администрация в вопросах регламентации крепостных отношений не должна идти ни на какие уступки боярам. Оценка этих преобразований в литературе весьма противоречива. Историк В. Я. Гросул считал, что реформа облегчила положение местного крестьянства, хотя каких-либо существенных изменений и не принесла. После введения инвентарей (1833), вывода русских войск и возвращения П. Д. Киселева в Петербург (1834) талантливого генерала-администратора ожидала блестящая карьера. Заместитель П. Д. Киселева по военной администрации в княжествах Ф. Я. Миркович тоже был замечен. Вскоре он был назначен генерал-губернатором Северо-Западного края, где отношения между местными крестьянами (белорусами, литовцами) и помещиками-поляками были особенно напряженными.

8 мая 1834 года П. Д. Киселев прибыл в столицу. На следующий день 9 мая в десятом часу вечера он был принят императором, который три вечера потратил на изучение его отчета об управлении княжествами. По его просьбе великая княжна Мария Николаевна сделала для него «извлечение» из отчета. Во время приема Николай Павлович сказал буквально следующее: «Меня в особенности заинтересовало одно место, это то, в котором ты говоришь об освобождении крестьян; мы займемся этим когда-нибудь, я знаю, что могу рассчитывать на тебя. Ибо мы имеем те же идеи,

питаем те же чувства в этом важном вопросе, которого мои министры не понимают и который их пугает. Видишь ли, — продолжал государь, указывая рукой на картонные, стоявшие на полках кабинета, — здесь я со вступления моего на престол собрал все бумаги, относящиеся до процесса, который я хочу вести против рабства, когда наступит время, чтобы освободить крестьян во всей империи»^{660}.

Через 30 лет, возвращаясь к этому памяtnому разговору, граф П. Д. Киселев записал в своих воспоминаниях: «В 1834 году по возвращении моем из княжеств, император Николай Павлович, при вечернем разговоре, изволил мне сказать, что, занимаясь подготовлением труднейших дел, которые могут пасть на наследника, он признает необходимейшим преобразование крепостного права, которое в настоящем его положении более оставаться не может. Я, — продолжал государь, — говорил со многими из своих сотрудников и ни в одном не нашел прямого сочувствия; даже в семействе моем некоторые (Константин и Михаил Павловичи. — Л. В.) были совершенно противны. Несмотря на то, я учредил комитет из семи членов для рассмотрения постановлений о крепостном праве. Я нашел противодействие. По отчету твоему о княжествах я видел, что ты этим делом занимался и тем положил основание к будущему довершению этого важного преобразования; помогай мне в деле, которое я почитаю должным передать сыну с возможным облегчением при исполнении, и для того подумай, каким образом надлежит приступить без огласки к собранию нужных материалов и составлению проекта или руководства к постепенному осуществлению мысли, которая меня занимает, но которую без доброго пособия исполнить не могу»^{661}.

П. Д. Киселев был приглашен императором пожить в Петергофе, а в сентябре вместе с ним отправился на смотр кавалерийского корпуса в Орел. Потом были отпуск, поездка на Украину и на минеральные воды в Карлсбад. Только в октябре 1835 года П. Д. Киселев вернулся в Петербург. Но разговор забыт не был, тем более что в 1835 году был образован Комитет по крестьянскому вопросу. Николай Павлович согласился с мыслью М. М. Сперанского, что первым шагом к «преобразованию крепостного права» должно быть устройство казенных крестьян. «Этот род людей, — писал тогда М. М. Сперанский, — беднеет и разоряется не менее крестьян помещичьих... Земские исправники суть те же помещики». 17 февраля 1836 года П. Д. Киселев был приглашен во дворец на обед вместе с графами Ю. А. Головкиным и А. Х. Бенкендорфом. После обеда Николай Павлович попросил Киселева остаться, посадил его напротив и завел

разговор о реформе казенных крестьян: «Я давно убедился в необходимости преобразования их положения; но министр финансов, от упрямства или неумения, находит это невозможным... Я желаю прежде всего сделать испытание на петербургской губернии... Мне нужен помощник, и как я твои мысли на этот предмет знаю, то хочу тебя просить принять все это дело под свое попечение и заняться со мною предварительным примерным устройством этих крестьян, после чего мы перейдем в другие губернии и мало-помалу круг нашего действия расширится... Поручить же преобразование петербургских крестьян Эссену — кроме вздора ничего не будет. А потому не откажи мне и прими на себя труд этот в помощь мне»^{662}. В заключение разговора Николай Павлович посоветовал увидеться со Сперанским и сказал: «Ты будешь *мой начальник штаба по крестьянской части*. Еще раз спасибо».

Вскоре после этого разговора было учреждено V Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, начальником которой был назначен П. Д. Киселев. Реформа в Петербургской губернии подготовила образование 27 декабря 1837 года (8 февраля 1838) Министерства государственных имуществ во главе с П. Д. Киселевым^{663}. Обиженный на П. Д. Киселева министр финансов назвал тогда новое ведомство не только имуществ, но и преимуществ. До этого Министерство финансов, которому подчинялись казенные крестьяне, стремилось прежде всего к исправному получению податей и выбиванию недоимок. Отныне на первый план выдвигались задачи организации новой системы управления крестьянами. Вместо губернских казенных палат Министерства финансов образовывались палаты государственных имуществ. Уделялось внимание развитию органов самоуправления крестьян, рациональному ведению хозяйства, повышению благосостояния государственной деревни^{664}. 18 июля 1839 года, в связи с неурожаем и голодом, охватившими многие губернии, было принято решение засеять в государственной деревне картофель, чтобы сбор его кроме семян составлял по одной четверти на ревизскую душу. Правилами, «Высочайше утвержденными» 8 августа 1840 года, предписывалось засеять картофелем часть общественной запашки или крестьянских наделов по решению управляющих палатами государственных имуществ. Несмотря на «картофельные» бунты 1841–1843 годов, вызванные излишним усердием управляющих, именно в это время начинается широкое распространение картофеля в крестьянском быту. Кроме того, предпринимались различные меры к поддержанию холмогорской породы скота, развитию коннозаводства и садоводства. 23

ноября 1842 года был подписан указ об учреждении в казенных селениях приходских училищ. К 1855 году их число достигло 2434, а училось в них 170 194 человека^{665}. В дальнейшем в 40—50-х годах в селениях государственных крестьян во впечатляющих масштабах развернулась подготовительная работа по «переложению податей с душ на землю и промыслы», имеющая целью переход от подушного обложения (феодальный принцип) к обложению по доходам (капиталистический принцип). В связи с этим потребовалось приступить к проведению кадастра, то есть оценке качества земли и эффективности промыслов^{666}. Эта колоссальная работа в России так и не была завершена.

Как отмечает один из современных исследователей, «к середине 1830-х гг. у Николая I созрело твердое убеждение в том, что пришло время вплотную заняться изменением положения крепостных крестьян»^{667}. Это убеждение основывалось и на практическом знакомстве с российской действительностью, и на теории. В этой связи вспоминают лекции профессора А. К. Шторха, доказывавшего великим князьям преимущества вольнонаемного труда. Но вряд ли эти «усыпительные» лекции оказали большое влияние на Николая. Более правдоподобен другой сюжет. По сведениям, сообщенным дочерью А. О. Смирновой-Россет, в одном из разговоров (судя по всему, уже после 1848 года) Николай Павлович, будучи в хорошем настроении, рассказал о запомнившейся ему встрече с Робертом Оуэном в Нью-Ланарке во время своей поездки в Англию в годы молодости. Тогда английский философ-утопист также заявлял о преимуществах труда «свободных работников». После этого Николай Павлович прочитал А. О. Смирновой те отрывки из работы Адама Смита, на которые ему указал Оуэн, и добавил, что с этого момента он стал думать об освобождении крестьян^{668}.

Понимал император и социальную опасность крепостного права. В известном отчете III Отделения за 1839 год отмечалось, что «простой народ не тот, что был 25 лет перед сим»: «...Новые веяния раздули в его сердце искру, которая может когда-нибудь вспыхнуть. Вообще крепостное право есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же... Начать когда-нибудь с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа». Конкретно же по поводу бывших в 1839 году беспорядков, «ропота» и «неудовольствия» было отмечено, что они «угрожают хотя отдаленной, но страшной опасностью»^{669}. Весь этот фрагмент был отчеркнут Николаем Павловичем на полях, а после слова

«вспыхнуть» он поставил большой крест.

Как свидетельствуют донесения с мест, у III Отделения были основания для таких выводов. В секретном рапорте подполковника Корпуса жандармов Шварца из Тверской губернии от 7 сентября 1839 года сообщалось о «слухах и нелепых толках» в Московской и Тверской губерниях: «о вольности, об уничтожении дворян и истреблении фабрик». В четырех уездах жандарму пришлось прочесть старый манифест от 12 мая 1826 года, предписывающий повиновение помещикам^{670}. Знакомясь с отчетами III Отделения, Николай Павлович обращает внимание и на социальные аспекты крепостного права, общественное мнение. Его беспокоят и нравственность дворян, и настроения крестьян. Неизвестно, успел ли он ознакомиться с высказыванием, которое содержалось в одной из записок М. П. Погодина, распространявшейся в списках во время Крымской войны: «Для нас не Мирабо страшен, а Емелька Пугачев. Ледрю-Роллен со всеми коммунистами не найдут у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону Маццини (Мадзини. — Л. В.) не перешагнет никто, а Стенька Разин лишь кликни клич! Вот откуда грозят нам опасности»^{671}. Задолго до этого, в 1834 году, Николай I поддержал выход в свет книги А. С. Пушкина «История Пугачева». На ее издание из государственного казначейства выделили солидный кредит в размере 20 тысяч рублей^{672}. Во втором томе были помещены извлеченные из архива документы с описанием убийств помещиков. Возможно, способствуя этому изданию (не распроданному к моменту гибели поэта), Николай Павлович хотел лишний раз напомнить дворянам об опасности крепостного права и тем более злоупотребления им.

Размышляя о необходимости отмены крепостного права, Николай Павлович учитывал и социально-экономические факторы. Однажды, в одном из разговоров с А. О. Смирновой-Россет император заявил: «Как мне ни пели бы о том, что оно (крепостное право. — Л. В.) было полезно с экономической точки зрения, это неправда; оно вбило в нас гвоздь, который сидит в русской коже и давит на меня как несправедливость, которую я лишь терплю»^{673}. А во время приема делегации смоленских дворян 17 мая 1847 года Николай Павлович сказал: «Я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе, как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством — с другой»^{674}. Тогда же он отметил, что «крепостное право причиною, что у нас нет торговли, промышленности»^{675}.

Методы решения крестьянского вопроса в понимании Николая

Павловича должны были исключать опору на крестьянство или какое-либо заигрывание с крепостным населением в борьбе с помещичьей фрондой. Это касалось и западных, и прибалтийских губерний. Как и в вопросах внешней политики, Николай Павлович был принципиальным противником опоры на какие-либо массовые движения. Реформы, в его представлении, должны были проводиться только сверху и только законными методами. Царствование Николая I — это эпоха секретных, или, по его терминологии, «келейных» комитетов. Николай Павлович всякий раз в официальном и частном порядке напоминал о необходимости сохранения тайны. Если при Александре I был создан один секретный комитет 1818–1819 годов, то при Николае I — целых девять. Первым был уже упоминавшийся преобразовательный Комитет 6 декабря 1826 года, активно действовавший до 1830 года (до 1832 года прошло еще два его заседания). Широкий спектр обсуждавшихся вопросов во многом предопределил тематику последующих комитетов. Специальный Комитет 1829 года обсуждал вопрос о запрещении продажи крестьян без земли. Секретный комитет 1835 года положил начало реформе государственной деревни.

10 ноября 1839 года Николай I учредил секретный Комитет 1839 года с целью рассмотреть возможные модификации закона о вольных хлебопашцах 1803 года и перспективы распространения инвентарей в помещичьих имениях. В том году Николай Павлович был еще полон радужных надежд на возможность серьезных реформ. Характерно свидетельство нейтрального наблюдателя. В июле 1839 года состоялась прощальная аудиенция американского посланника Д. Далласа, во время которой произошел любопытный разговор. «Отметив, что политический строй в России и США разный, Николай Павлович заметил: «Но и наше и ваше правительство одинаково стремится к счастью и благополучию населения. Я в настоящее время занят мыслью о введении некоторых либеральных реформ. Особенно по министерству юстиции, и надеюсь, что достигну успешно своей благой цели»^[676]. Обсуждение вопросов в Комитете 1839 года вылилось в широкое обсуждение общих принципов реформы крепостной деревни, предложенных П. Д. Киселевым. В июне 1841 года окончательный журнал Комитета с приложением проекта об обязанных крестьянах был представлен императору, который наложил резолюцию: «Исполнить». Однако там же имеется приписка председателя Комитета графа И. В. Васильчикова: «Оставлено без исполнения по особому словесному повелению». В начале 1842 года проект был внесен в Государственный совет. Заседание Общего собрания Государственного совета в присутствии Николая Павловича состоялось 30 марта 1842 года.

Естественно, вся эта «келейная работа» не могла быть скрыта от общества, в котором продолжали циркулировать слухи о предстоящем освобождении крестьян. Особенно распространились они во время работы Комитета 1839–1841 годов. По свидетельству М. А. Корфа, «какой-нибудь месяц секрет, действительно, сохранялся, как следовало; потом в городе заговорили втихомолку, что готовится какое-то важное преобразование в отношениях между помещиками и крестьянами; наконец, разнеслось, — гласно уже во всех сословиях, — молва, тотчас долетевшая и до провинции, что готовятся дать крепостным людям вольность»^{677}. Среди дворовых распространился слух, что это произойдет 16 апреля 1841 года, в день бракосочетания наследника, и что после венчального обряда император будет бросать с балкона билеты с объявлением воли. Даже французские дипломаты в своих депешах из Петербурга сообщали о дворянской фронде, допуская, что императору, замахнувшемуся на дворянские привилегии, грозит участь отца. Слухи снова распространились во время обсуждения указа об обязанных крестьянах на заседании Государственного совета в 1842 году. Тогда император отметил, что дело уже возбудило молву, источник которой заключается в «неуместных разглашениях со стороны лиц, облеченных моим доверием и обязанных самим долгом их присяги хранить государственную тайну. Виновные в этом впредь, — заявил он, — будут судимы по строгости законов как за преступление государственное»^{678}.

Однако никакие угрозы не помогали. Князь И. В. Васильчиков в своей записке 1845 года отмечал, что «различные толки об освобождении крестьян продолжаются»^{679}.

По мнению историка С. В. Мироненко, Комитет 1839–1841 годов должен был сделать закон о свободных хлебопашцах 1803 года обязательным для исполнения. Таким образом, предлагалась фактическая программа освобождения крестьян с землей за выкуп^{680}. Только при таком предположении становится понятной сцена, описанная дочерью Николая I Ольгой Николаевной, которая произошла в 1842 году: «В конце зимы в одно прекрасное утро, когда мы сидели спокойно у Мама, занятые чтением вслух и рукоделием, послышались вдруг шаги Папа в неурочное время. Затянутый в мундир, он вошел с серьезным лицом. «Благослови меня, жена, — сказал он Мама. — Я стою перед самым значительным актом своего царствования. Сейчас я предложу в Государственном совете план, представляющий собой первый шаг к освобождению крестьян». Это был указ для так называемых оброчных крестьян, по которому крепостные

становились лично свободными, но должны были продолжать службу своему помещику дальше. Помещиков призывали к участию в таком освобождении, провести же его в жизнь представлялось им самим»^{681}. Буквально в последний момент Николай Павлович все же отступил. Во время обсуждения вопроса в Государственном совете московский генерал-губернатор князь М. Д. Голицын сказал, что эта мера будет иметь смысл, если перевод крестьян из крепостных в обязанные будет обязателен для помещиков. На это Николай заметил: «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую меру никогда не решусь, как не решусь и на то, чтобы приказывать помещикам заключать договоры; это должно быть делом их доброй воли, и только опыт укажет, в какой степени можно будет перейти от добровольного к обязательному»^{682}. П. Д. Киселев выступил на совете только однажды, заявив, что закон будет «предисловием или вступлением к чему-нибудь лучшему и обширнейшему впоследствии времени»^{683}. Через три дня, 2 апреля 1842 года, закон был подписан императором. 7 апреля он был опубликован в ряде газет: Сенатских, Санкт-Петербургских, Московских и губернских ведомостях. Редакция «Санкт-Петербургских полицейских ведомостей» по повелению государя пустила этот номер в розничную продажу. В тот день тексты указа передавались из рук в руки, о них толковали кто во что горазд; по выражению современника, «самые женщины показали свои способности быть публицистами»^{684}.

Объясняя причины этого отступления, С. В. Мироненко пишет: «В момент обсуждения проекта Киселева в Секретном комитете Николай I отступал всякий раз, когда сталкивался с явно выраженным сопротивлением большинства членов: он не считал возможным пойти на открытый конфликт с сановной аристократией...»^{685} Чтобы успокоить общество, все слои которого были охвачены ожиданием перемен, и одновременно «сохранить лицо», Николай Павлович в 1842 году пошел на издание куцега закона об обязанных крестьянах. По свидетельству М. А. Корфа, за границей распространилось мнение, «что правительство хотело сделать гораздо более, но не посмело»^{686}. В соответствии с этим законом, крестьяне, получая с согласия владельцев личное освобождение, могли арендовать на определенных условиях помещичьи земли. На основе указа от 2 апреля 1842 года помещики перевели в обязанные крестьяне всего 24 708 душ (подлежащих ревизии мужчин). Помещики откровенно смеялись над этим законом, но не заметили, что личная свобода крестьянина предполагалась без особого выкупа. Иными словами, по мнению В. О.

Ключевского, молчаливо признавалось, что «личность крестьянина не есть частная собственность землевладельца, что их связывают отношения к земле, с которой нельзя согнать большую часть государственных плательщиков. На почве закона 1842 года только и стало возможным Положение 19 февраля, первая статья которого гласит, что крестьяне получают личную свободу без выкупа»^[687].

Два секретных комитета были посвящены обсуждению проблемы дворовых людей. В феврале 1840 года по записке Д. Н. Блудова возник специальный Комитет 1840 года, обсуждавший проблему сокращения числа дворовых людей, которых тогда насчитывалось более, чем ревизских душ. Включенный в состав Комитета граф А. И. Чернышев резко выступил против освобождения дворовых, считая, что, «когда мысль общей политической свободы уже давно обладает умами в Европе», всякие нововведения опасны. После доклада журнала Комитета Николай I наложил резолюцию: «Дело сие оставить впредь до удобного времени»^[688]. В конце 1843 года Николай Павлович вновь потребовал вернуться к этому вопросу, проведя для начала строгий учет дворовых. Был создан Комитет 1844 года о дворовых людях, на первом заседании которого выступил сам император. Итогом работы Комитета стал указ от 12 июня 1844 года, разрешавший помещикам отпускать дворовых людей на волю по обоюдному согласию. Однако этот указ остался без последствий.

Комитет 1846 года был создан для рассмотрения записки Л. А. Перовского «Об уничтожении крепостного состояния в России», поданной Николаю I в ноябре 1845 года. В своем проекте Л. А. Перовский неоднократно повторял, что в деле ограничения крепостного права «слово страшнее дела». Комитет признал необходимым дальнейшую разработку законов по этому вопросу, но этим фактически дело и закончилось.

Комитет 1847 года, собравшийся 8 июля, рассматривал записку М. А. Корфа о распространении на всю Россию закона 1824 года, предоставившего грузинским помещичьим крестьянам право выкупаться на свободу при продаже с публичного торга с внесением суммы оценки имения. Николай I считал, что таких крестьян нужно относить к государственным крестьянам на особом положении, так как название «вольных, или свободных хлебопашцев», с его точки зрения, было неудачным. 8 ноября того же года закон был утвержден. Как отмечает В. И. Семевский, после этого в России существовало четыре способа освобождения крестьян: 1) увольнение без земли отдельными семействами или душами (вольноотпущенные); 2) увольнение с землей на правах

подворно-участкового владения (свободные хлебопашцы); 3) увольнение с земель на правах общинной собственности (безоброчные государственные крестьяне); 4) увольнение только с правом пользования землей (обязанные крестьяне)^{689}.

Закон 8 ноября 1847 года действовал недолго. После Февральской революции 1848 года во Франции консервативные тенденции во внутренней политике правительства стали преобладать. Тульский предводитель дворянства В. А. Норов представил Николаю I записку о вреде этого указа, которая поступила на обсуждение нового Комитета 1848 года. В результате появился указ от 19 июля 1849 года, в соответствии с которым выкуп на волю был поставлен в зависимость от воли разорившегося помещика. По подсчетам В. И. Семевского, на основании этого указа выкупилось в 1848 году в двух имениях 15 душ, в 1849 году в И имениях 732 души, в 1850 году в пяти имениях 160 душ, в 1852 году одна душа; всего 964 ревизских душ. Это имело больше эмоциональное, чем практическое значение. Позднее Карл Маркс в одной из статей преувеличил значение этого указа, считая, что он привел к массовому выкупу целых селений крепостных крестьян^{690}. На момент издания этого закона пришелся очередной пик слухов о намерении Николая I освободить крепостных. Но если учесть, какое количество имений было заложено в кредитных учреждениях, значение закона действительно могло быть весьма велико. В декабре 1847 года жандармский подполковник Гринфельд доносил: «...Дворяне Калужской губернии встревожены были слухом, будто бы уже состоялось Высочайшее повеление об освобождении крестьян из владения помещиков, что большая часть дворян этому не верила, и, наконец, совершенно успокоилась, когда стал известен указ 8 ноября 1847 года, которым предоставлено крестьянам, заложенным в кредитные установления, вносить сумму, состоявшую на последних торгах продажи»^{691}. А месяцем позже подполковник Дурново из Тверской губернии снова доносил о толках среди местных дворян о намерении государя в непродолжительном времени освободить крепостных^{692}.

Более решительно Николай I действовал в Юго-Западном и Северо-Западном краях, где после подавления польского восстания 1830–1831 годов с местными помещиками можно было особенно не церемониться. Польское восстание привело к тому, что многие поместья польских помещиков были конфискованы. Только в пяти западных литовско-белорусских губерниях было конфисковано 217 имений и 72 тысячи крестьян^{693}. Впрочем, они в основном сдавались в посессию польским

шляхтичам с правом требовать панщину. Естественно, польские управляющие постарались отомстить крестьянам, сослужившим добрую службу правительству во время восстания. Д. Г. Бибилов, назначенный в 1838 году генерал-губернатором Юго-Западного края, считал такое отношение к крестьянам политической ошибкой. П. Д. Киселев в 1835 году в поданной императору записке, напомнив, что крестьяне в западной России представляют силу, в десять раз превышающую по численности помещиков и шляхту, продолжал: «Низший класс, состоящий из крестьян, не по истинной преданности к России, но по ненависти к владельцам католикам, наложившим тяжкое на них бремя безучастием своим в их замыслах, дает собою важный перевес в пользу правительства; а потому само собою следует, что нужно обессилить связь и влияние первых классов, а с тем вместе утвердить права, благосостояние и преданность к правительству последнего»^[694]. Только в 1846 году крестьяне конфискованных имений были включены в состав государственных крестьян.

В 1840 году П. Д. Киселев внес на рассмотрение Комитета западных губерний записку об инвентарях. Комитет постановил ввести их в отдельных имениях. С августа 1840 года началось правительственное введение инвентарей в имениях, взятых в опеку за злоупотребление помещиками своей властью. Николай Павлович потребовал более радикальных мер в этом направлении. 15 апреля 1844 года было высочайше утверждено положение Комитета, которым предписывалось учредить в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Киевской, Волынской, Витебской и Могилевской губернские комитеты для составления инвентарей. По инициативе киевского военного губернатора Д. Г. Бибилова первоначально они были разработаны для трех украинских губерний Юго-Западного края (Правобережной Украины); 26 мая 1847 года были высочайше утверждены «Правила для управления имениями по утвержденным для оных инвентарям в Киевском генерал-губернаторстве». Вся земля, находившаяся в пользовании крестьян, сохранялась за ними, регламентировался высший предел барщины, отменялись дополнительные платежи; крестьянские повинности устанавливались в размере одной трети валового дохода с каждого конкретного крестьянского участка.

Работы по введению инвентарей ускорили события в соседней австрийской Галиции. В борьбе с польским национализмом правительство Меттерниха спровоцировало в 1846 году выступления православных крестьян против польских помещиков-католиков. В письме к И. Ф. Паскевичу от 24 февраля (8 марта) Николай Павлович подробно и

откровенно писал: «Известия, которые привез мне вчера Коновницын из Галиции, весьма любопытны. Мне кажется, что комюнизм, ибо он точно есть, мужики там поняли по-своему, то есть резать помещиков при первом законном предлоге. Здесь оно хорошо, но опасно дать этому развиться. Теперь настало время соседям наказывать виновных, будет ли у них столько духу?»^{695} В следующем письме от 14 (26) марта он добавляет, «что мужики в австрийской Галиции душат не только помещиков, но и попов (ксендзов и униатских священников. — Л. В.), а других вяжут и представляют к начальству». Далее император высказывал следующие соображения: «Верю очень, что теперь австрийцам нелегко будет приводить народ к порядку, ибо, сколько народное орудие в том случае им ни было полезно, оно самое опасное, ибо выводит из порядка и послушания, а тут и коммунизм готов. Этого-то примера я боялся для наших на Волыни и Подоле и сейчас послал Бибикова с строгим приказом отнюдь не дозволять никакой подобной попытки, ибо никогда не позволю распоряжков снизу, а хочу, чтобы ждали сверху. Мои правила тебе известны давно. Ты и в Польше проучи мужиков, которые бы хотели предлогом воспользоваться, чтоб подобное затевать; они доноси, ежели подозревают (то есть подозревают своих помещиков. — Л. В.), но не распоряжайтесь сами»^{696}. После подавления Краковского восстания Краков при поддержке Николая I отошел Австрии.

Под влиянием Галицийского восстания инвентари под названием «претационных табелей» были введены И. Ф. Паскевичем в 1846 году на территории Царства Польского, где крестьяне были освобождены без земли декретом Наполеона 1807 года. В соответствии с табелями, помещики лишались права уменьшать наделы и увеличивать повинности^{697}. В 1845–1847 годах началось введение инвентарей в литовско-белорусских губерниях. С назначением Д. Г. Бибикова в августе 1852 года министром внутренних дел было принято решение заменить их инвентарными правилами, аналогичными инвентарям Правобережной Украины. Общие «Инвентарные правила для управления помещичьими имениями в северо-западных и белорусских губерниях» были учреждены незадолго до Крымской войны, 28 декабря 1852 года. Но ввести их не удалось из-за сопротивления помещиков. Одной из причин медленного введения инвентарей в Северо-Западном крае, несмотря на все усилия Д. Г. Бибикова, была обструкционистская позиция цесаревича Александра Николаевича, который после 1848 года стал всячески поддерживать «священные права дворян»^{698}. В общей сложности за 12 лет (1845–1857)

инвентари были введены только в десятой части имений. Тем временем началась Крымская война, и решением Секретного комитета 15 апреля 1854 года их внедрение было приостановлено. В Бессарабии, где крестьяне-царане, живущие на помещичьих землях, считались лично свободными, начиная с 1836 года стала действовать система «добровольных контрактов», определявшая взаимоотношения между собственниками земли и арендаторами. 27 марта 1846 года были изданы правила, предусматривающие заключение типового «нормального контракта».

Штаб-офицер Корпуса жандармов доносил в рапорте от 21 января 1848 года: «В Тверской губернии между помещиками и вообще в обществе с некоторого времени усилились толки об непременном будто бы намерении государя императора предоставить в непродолжительном времени свободу людям крепостного состояния и что будто бы по этому случаю в некоторых губерниях помещики составили даже частные комитеты, в которых совещаются об удобнейшем проведении Высочайшей воли этой в исполнение»^{699}. В 1846–1847 годах слухи об освобождении крепостных крестьян распространились в Калужской и Смоленской губерниях^{700}. Дворянство Виленской губернии, встревоженное «известными последними событиями в соседней Галиции», намерено было «приступить к суждениям об испрашивании дозволения дать свободу крестьянам»^{701}. По этому поводу начальник округа жандармов заметил, что «мысль о предоставлении крепостным людям личной свободы давно бродит в умах владельцев Западного края, без всякого, однако, в них укоренения»^{702}.

Слухи подогревались тем, что мнение Николая Павловича о необходимости в перспективе уничтожения крепостного права иногда становилось известным и провинциальному дворянству. Так, смоленский губернский предводитель дворянства князь Друцкий-Сокольницкий сообщил своим землякам о благосклонном приеме депутации смоленских дворян, состоявшемся 17 мая 1847 года, во время которого государь завел разговор об освобождении крестьян: «...Его Величеству благоугодно было приказать депутатам, чтобы по возвращению их... представлено было письменное мнение по сему предмету в собственные руки его величества, — после чего Его Величество соизволил сказать: «Я говорю с Вами, господа, келейно, и надеюсь, что это останется между нами»^{703}. Николай Павлович знал, с кем имеет дело, потому что перед этим внимательно познакомился с представленными III Отделением списками смоленских дворян, желавших перевести своих крепостных в обязанные крестьяне^{704}.

Тем не менее тайной этот разговор не остался. По губернии поползли слухи. Кстати говоря, одним из основных источников распространения подобных слухов Николай I считал дворовых. Выступая перед депутатами дворянства Санкт-Петербургской губернии 21 марта 1848 года, он сказал: «У нас существует класс людей весьма дурной, и на который я прошу вас обратить особенное внимание — это дворовые люди... Часто за столом или в вечерней беседе, вы рассуждаете о делах политических, правительственных и других, забывая, что люди эти вас слушают и по необразованности своей и глупости толкуют суждения ваши по-своему, то есть превратно»^{705}.

Демократически настроенная общественность положительно оценивала активность правительства в этом направлении, о чем свидетельствует письмо В. Г. Белинского П. В. Анненкову, написанное в декабре 1847 года: «...У нас не без новостей... Большое движение по вопросу об уничтожении крепостного права... дело это может опять заглухнуть. Окружающие Николая I друзья своих интересов и враги общего блага утомят его различными проволочками, а потом, воспользовавшись благоприятным случаем... отклонят его внимание от этого вопроса, и он останется нерешенным при таком монархе, который один по своей мудрости и твердой воле способен решить его»^{706}.

Накануне событий 1848 года государь, казалось, готов был решиться на освобождение крестьян, но после известий о революции «император Николай Павлович призадумался, и крестьянское дело было отложено в дальний ящик, а висело оно тогда на ниточке»^{707}. Февраль-март 1848 года как переломный момент отмечается многими современниками. Д. Н. Блудов в записке Александру II в январе 1857 года свидетельствовал, что известие о Французской революции и ожидание последующих событий явилось «одною из причин сих перемен»^{708}. Директор Департамента Министерства государственных имуществ Заблоцкий-Десятовский в черновых листах книги о П. Д. Киселеве, позднее исключенных при публикации, напоминает и о неудаче прежних мер, что не могло не навести Николая I на мысль, «что время к разрешению крестьянского вопроса еще не наступило»^{709}. Сам Николай I, выступая перед депутатами петербургского дворянства 21 марта 1848 года, говорил: «Переходя к быту крестьян, скажу вам, что необходимо обратить особое внимание на их благосостояние. Некоторые лица приписывали мне по сему предмету самые нелепые и безрассудные мысли и намерения. Я их отвергаю с негодованием. Когда я издал указ об обязанных крестьянах, то объявил, что

вся без исключения земля принадлежит помещику-дворянину. Это вещь святая и никто к ней прикоснуться не может... Некоторые русские журналы позволили себе напечатать статьи, возбуждающие крестьян против помещиков и вообще неблагоприятные, но я принял меры и этого впредь не будет. Господа! У меня полиции нет, я не люблю ее: вы моя полиция»^{710}.

Дочь императора Ольга Николаевна вспоминала: «Когда в 1854 году началась Крымская война, он (император. — Л. В.) сказал Саше: «Я не доживу до осуществления моей мечты; твоим делом будет ее закончить»^{711}. Через два месяца после кончины Николая Павловича А. О. Смирнова-Рос-сет напишет письмо, в котором расскажет о своей встрече в Аничковом дворце в апреле 1855 года с великим князем Константином Николаевичем: «...Он говорил о назначениях моего мужа, о Бибикове, о Блудове и сказал: «Ведь они за инвентари и, кажется, ваш супруг на этот счет мнения Бибикова и Блудова?» Я отвечала: «Да и Вы также, Ваше Высочество». Он продолжал: «Ведь это подготовит волю; ведь вы знаете, что на смертном одре Государь взял слово с брата (наследника Александра. — Л. В.). Дай Бог, кончить войну, а потом начнется другое дело. Я знаю, что вы за это стоите»^{712}.

Распространено мнение, что двадцатилетняя работа секретных комитетов «не породила ни одного закона, осязательно отразившегося на жизненных условиях крепостной деревни»^{713}. В то же время, как отмечал М. М. Бородин, только в период 1826–1848 годов было издано более ста мелких законов, которые «изрешетили и расшатали устои крепостной жизни»^{714}. Всего, по более точным подсчетам В. И. Крутикова, с 1826 по 1855 год было издано 367 актов о помещичьих крестьянах^{715}. Интересна трансформация указа Павла I от 5 апреля 1797 года. Из придаточного предложения указа о непринуждении к работе в воскресные дни положение о том, что три дня работы на помещика «при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным потребностям», в николаевское время окончательно превратилось в императив. На практике об этом вспоминали редко, тем не менее манифест уже в новой формулировке «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика и о не принуждении к работе в дни воскресные» вошел в «Свод законов» 1832 года и был повторен в издании 1842 года^{716}. Среди утвержденных предложений секретных комитетов можно назвать два указа, посвященных дворовым людям. Указом Сената от 12 июня 1844 года помещикам предоставлялось право отпускать дворовых людей без земли по обоюдным договорам, а по высочайше утвержденному мнению

Государственного совета, дворовые крестьяне имений, заложенных в банках, отпускались без согласия помещиков. Можно вспомнить и закон о запрещении обезземеливать крестьян продажей земли без крепостных душ, с уточнением, чтобы на каждую «душу» приходилось не менее 4,5 десятин земли (1827), который вошел в «Свод законов» издания 1832 года, но исчез через десять лет при переиздании. Или указы, запрещающие продавать крестьян в розницу (1841), покупать крестьян дворянам, не имеющим земли (1843), отдавать крестьян в горнозаводские работы и др. ^{717} В 1836 году было утверждено мнение Государственного совета, согласно которому крепостные люди, доставшиеся в наследство недворянам, отбираются немедленно в казенное ведомство с уплатой денежной компенсации. Одна из проблем, возникших в это время, касалась юридического права крепостных владеть купленными ими землями де-факто на имя помещика. В августе 1847 года было решено рассмотреть этот вопрос в Государственном совете. В связи с этим в разговоре с П. Д. Киселевым Николай Павлович сказал: «Я разрешил представление Комитета министров; это будет доброе дело, хотя, говорят, что будет ропот, страшат разными последствиями; но я твердо положил отсекай все, что в понятии добрых людей не может безвредно более сохраняться, и тихо, осторожно, но безостановочно буду выполнять свою обязанность; прежде утвердим за крепостными недвижимую собственность, ими приобретенную, потом и движимую, но не разом и не теперь; пока человек есть вещь, другому принадлежащая, нельзя движимость его признать собственностью; но при случае и в свою очередь и это сделается» ^{718}. По именному указу, подписанному 3 марта 1848 года, крепостным разрешалось с дозволения помещика приобретать земли и другое недвижимое имущество с оформлением купчих крепостей на гербовой бумаге. Относительно недвижимых имуществ, приобретенных ранее, говорилось: «Никаких о том от крепостных людей споров не допускать и никаких по оным разысканий не делать» ^{719}.

Конфискация, в том числе и за различные злоупотребления помещиков, так же как и покупка казенных имений в казну, были одним из направлений деятельности николаевской администрации. По подсчетам В. И. Семевского, с 1838 по 1855 год казной было куплено 178 имений с 54 349 бывшими крепостными, ставшими государственными крестьянами. Практиковалась и передача помещичьих имений в опеку (в 1849 году было передано 140 имений). Николай Павлович вполне понимал ограниченность этой меры. Маркиз де Кюстин передает грустные слова императора: «Не

могу же я купить всю Россию»^{720}.

Приведенные факты опровергают мнение одного из авторов юбилейного издания «Великая реформа», считавшего, что Николай I, «несмотря на все уверения в противном, на самом деле был убежденным охранителем неприкосновенности крепостного права»^{721}. Николай Павлович проводил последовательную политику ограничения крепостного права, мечтал при удобном случае сделать и нечто большее. Почему же, будучи убежденным противником крепостного права, он не довел это дело своей жизни до логического конца? Можно назвать несколько причин: 1) влияние революций 1830 и 1848 годов, усиливших охранительные тенденции; 2) сопротивление аристократической фронды и многих из ближайшего окружения императора; 3) психологическая неготовность массы среднего и мелкопоместного дворянства идти на необходимые компромиссы, в частности, по вопросу о земле; 4) осознание определенного запаса прочности существующей социальной системы, хотя и испытывающей кризис. Еще оставался запас времени, чтобы не торопиться с началом переустройства российского общества на новых основах, так как к разрешению этого конфликта внутренне общество еще не было готово.

«Три раза начинал я это дело, — говорил Николай Павлович П. Д. Киселеву в 1854 году, — и три раза не мог продолжать: видно, это перст Божий»^{722}. Вероятно, он имел в виду 1826, 1839 и 1841–1842 годы. Первая половина 40-х годов — это время максимальной активности николаевского правительства в крестьянском вопросе. Несомненно, что и постановку крестьянского вопроса имел в виду князь П. А. Вяземский, когда в записной книжке от 25 июня 1844 года заметил: «У нас революционным является правительство»^{723}. Комментируя факт активизации правительственной деятельности в 1842–1848 годах, Е. В. Тарле отмечал, что первые 15 лет царствования Николая I ознаменовались активной дипломатической деятельностью, подавлением польского восстания, кодификационными работами, униатским вопросом, а последние годы (с 1848) отмечены обострением международной обстановки, подавлением европейских революций^{724}. Незадолго до революции 1848 года Николай Павлович словно об Эльдорадо мечтал о 25 или хотя бы 10 годах мира для решения крестьянского вопроса^{725}. Во время приема смоленских дворян 17 мая 1847 года он сказал: «Я требую только 10 лет мира, чтобы освободить крестьян»^{726}. Через год начались революции в Европе, через шесть лет — война.

Подводя итоги деятельности Николая I в области крестьянского вопроса, главным результатом которой были уменьшение (абсолютное и относительное) численности крепостного населения, смягчение крепостного права и подготовка общественного мнения в пользу реформы, В. И. Семевский писал об искреннем желании императора подготовить падение крепостного права в России. Причинами же неудач историк считал, во-первых, «сильное противодействие со стороны ближайших сотрудников», а во-вторых, готовность самого царя «довольствоваться маловажными мерами, из которых многие остались без результата»^{727}. И все же, думается, главная причина была в другом. Вряд ли наследник Александр Николаевич, высказывавший на заседаниях секретных комитетов более консервативные взгляды, был большим поборником освобождения крестьян, чем Николай Павлович. А. Е. Тимашев, критикуя утверждение Ф. П. Еленева о том, что Александр II еще до вступления своего на престол не мог не сознавать необходимости освобождения крестьян, утверждал, что на самом деле Александр Николаевич «был положительно его противником». Далее же Ф. П. Еленев добавлял, что, по рассказу П. Д. Киселева, знаменитые слова, впоследствии сказанные предводителям московского дворянства: «Гораздо лучше, чтобы это произошло сверху, нежели снизу», — были сказаны императором цесаревичу незадолго до кончины^{728}.

Наказ отца пал на подготовленную почву и в нужное время. В 1858 году в одной из статей современник Николая I Карл Маркс писал: «В России Александр I и Николай не по каким-либо мотивам гуманности, а из чисто государственных соображений пытались произвести перемены в положении народных масс, однако оба они потерпели неудачу... Сомнительно, чтобы сам Николай, случись или не случись Восточная война, был бы в состоянии откладывать этот вопрос»^{729}. Запас прочности старого режима оказался исчерпанным, когда Александр II, идя по проторенному пути, создал еще один Секретный комитет по крестьянскому вопросу (одиннадцатый с 1818 года). Но наступала другая эпоха, и вскоре Комитет стал гласным.

«Здоровье московских фабрикантов и всей мануфактурной промышленности»

Историки спорят: были ли 30—40-е или, может быть, 50-е годы началом промышленного переворота, завершившегося в пореформенный период? Или же Россия переживала тогда лишь «мануфактурный период с характерными для его последней стадии вкраплениями механизированного производства»?

A propos

Общее число предприятий с 1820 по 1840 г. увеличилось на 50 % и достигло 6863; на них работало 436 тыс. рабочих. С 1825 по 1860 г. общая численность промышленных предприятий увеличилась с 4189 до 15 338, а численность работников — до 565 тыс. В горнозаводской промышленности вплоть до реформы 1861 г. преобладал крепостной, а в обрабатывающей — вольнонаемный труд (4/5 всех работников). Первые паровые машины появляются на Александровской мануфактуре в 1799 г., на заводе Ч. Берда в 1792 г., первый пароход на Неве появился в 1815 г. Но именно при Николае I начинается широкое внедрение паровых двигателей в производстве и на транспорте. По подсчетам А. С. Нифонтова, в 50-х гг. XIX в. паровыми машинами было оснащено 18 % предприятий (с численностью рабочих свыше 16 чел.); на них производилось 45 % продукции. По отдельным отраслям показатели разнились: в бумажной и химической промышленности — 20 %, в пищевой — 22 %, в деревообрабатывающей — более 40 %, в машиностроении — 45 %. Это был уже значительный показатель.

Крупнейшими промышленными районами являлись Московская губерния (до четверти рабочей силы), Владимирская с мануфактурными поселками, Петербург с металлообрабатывающими (в 1860 г. — 15 заводов) и текстильными предприятиями, а также Приуралье с его металлургией. Производство чугуна к 1837 г. достигло почти 10 млн. пудов, а выработка железа — 5,8 млн. пудов. К 1850 г. последняя цифра превысила 10 млн. пудов, чему способствовал новый способ переделки чугуна на железо — пудлингование, впервые примененное на Нижнетагильском и Нижнесальдинском заводах Н. Н. Демидова в 1825 г. Наиболее быстроразвивающейся отраслью российской промышленности стала хлопчатобумажная. В 40-х гг. общее количество предприятий сокращается,

но объем производства и качество продукции растут. Численность рабочих в 1850 г. достигла 144 527 человек. Русские изделия были замечены на Лейпцигской ярмарке 1828 г. Наибольший рост бумагопрядилен последовал после разрешения в 1842 г. импорта машин из Англии. В 1827 г. в Центральной России было восемь бумагопрядилен, вырабатывавших 16 410 пудов пряжи. Это помимо казенной Александровской мануфактуры, производство которой доходило до 25–30 тыс. пудов, а также прядильных фабрик Ренненкампа в Петербурге и некоторых других. В 1839 г. в России имелось уже 11 бумагопрядилен, выработавших 198 тыс. пудов пряжи. В 1843 г. вырабатывалось 300 тыс. пудов, в 1850–1105 тыс. пудов. Не менее важным было увеличение доли русской пряжи в производстве: с 34,5 % в 1843 г. до 96,8 % в 1850 г. В начале 50-х гг. их было лишь 2 тыс. (в основном в Петербурге и Финляндии). Успехи ткацкого хлопчатобумажного производства были значительно слабее. Введение механических ткацких станков шло медленно.

Вопросами торгово-экономической деятельности занимался Департамент мануфактур и внутренней торговли, который находился в системе Министерства финансов (с 1819). Для обсуждения важнейших вопросов промышленной политики в 1828 г. был основан Мануфактурный совет с участием промышленников. В том же году основан Технологический институт для подготовки технически образованных кадров, признанный «способствовать распространению и прочному устройству мануфактурной промышленности». Его целью объявлялась подготовка «людей, имеющих достаточные теоретические и практические познания для управления фабриками или отдельными частями оных»^[730]. Промышленная политика правительства находила отражение в газетах: «Коммерческая газета» (с 1825), «Купец» (1832–1835), «Листок промышленности, ремесел, искусств и фабрик» (1838–1839), «Мануфактурные и горнозаводские вести» (с 1839), «Северный муравей» (1830–1833), «Эконом» (с 1842) и др. В 1829 г. было принято решение устраивать поочередно в столицах выставки мануфактурных изделий с наградами за качество продукции. В то же время в 1835 г., по предложению Е. Ф. Канкрин, было принято решение устраивать мануфактурные выставки не раз в два года, а раз в четыре года. Мотивировалось это тем, что выдававшимися на выставках наградами «в некоторой степени дается направление к умножению мануфактурных заведений, не совсем соразмерное с постепенным приращением потребления»^[731]. За счет русской казны финансировались русские отделы на всемирных выставках

(до 1889). Для подготовки к Первой всемирной выставке в Лондоне в 1851 г., организованной английским Королевским обществом искусств, мануфактур и торговли, Николай I в 1850 г. образовал Комитет из министров иностранных дел, финансов и государственных имуществ. Для участия во Второй всемирной выставке в Нью-Йорке (1853) с конкретными заданиями по приобретению приборов был командирован член Мануфактурного совета академик И. Х. Гамель.

Николай Павлович был постоянным посетителем промышленных выставок, ознакомился с экспонатами и беседовал с экспонентами. 13 мая 1833 года в 3 часа дня он дал обед в Зимнем дворце на 500 «кувертов» по случаю выставки российских произведений в Петербурге. Присутствовали военные и статские особы первого класса, министры, иностранные посланники, Санкт-Петербургское купечество первых двух гильдий, московские фабриканты, члены Мануфактурного и Коммерческого советов и Комитета выставки. Представители московского и петербургского купечества были приглашены за императорский стол в Георгиевский зал. По одну сторону от императора сидел Е. Ф. Канкрин, по другую — московский суконный фабрикант И. Н. Рыбников, фабрику которого Николай I вместе братом Михаилом осматривал в прошедшем году. С ним он и поддерживал разговор во время обеда. «Выставкой я очень доволен, — сказал государь, — нашел все изделия и прочие вещи слишком хороши»^{732}. Поинтересовавшись состоянием московских предприятий и строительством биржи, император заметил: «Москва становится мануфактурный город, как Манчестер, и, кажется, вовсе забыли несчастный двенадцатый год»^{733}. В заключение обеда император подошел почти ко всем купцам, которые сидели за его столом. Он сказал им несколько слов, а Александра Федоровна, подойдя к И. М. Кондрашову и указав на свое белое шелковое платье, заметила: «Это ваша материя»^{734}. Потом присутствующие повидали младших сыновей Николая Павловича, причем Константин показал, как он умеет лазать на мачты, оседлав плечо отца. На этом сцена братания с купечеством закончилась.

В 1835 году Николай I с супругой посетил в Москве публичную выставку мануфактурных и фабричных изделий. Как пишет в своих воспоминаниях великая княжна Ольга Николаевна, выставка была «устроена с большим вкусом и изяществом в доме Дворянского собрания, при единодушном стремлении всех фабрикантов отличиться перед своим царем. Императорская чета несколько раз с величайшим вниманием

осматривала всю выставку, расспрашивая производителей о каждой мелочи и ободряя их своим поощрением. Наконец, Государь, чрезвычайно довольный виденным, призвал к себе всех главных экспонентов и, изъявив им свою благодарность за успехи их производств, прибавил, что теперь, когда промышленность получила надлежащее направление и может лишь идти к дальнейшему еще развитию, необходимо и правительству и фабрикантам обратить свое внимание на попечение о рабочих, которые, ежегодно возрастая числом, требуют деятельного и отеческого надзора за их нравственностью, без чего эта масса людей постепенно будет портиться и обратится, наконец, в сословие столько же несчастное, сколько опасное для самих хозяев. В заключение он сослался на пример двух фабрикантов, находившихся тут же в числе прочих и особенно отличавшихся своим обращением с рабочими, прибавив, что велит доносить себе обо всех тех, которые последуют этому примеру, чтобы иметь удовольствие явить им за то знаки своего благоволения»^{735}.

Во время своих многочисленных поездок Николай Павлович старался не пропускать промышленных предприятий. Направляясь в Москву в начале весны 1835 года, он сделал первую остановку в Колпине, чтобы осмотреть основанный еще при Петре I завод, значительно усовершенствованный в его царствование^{736}. Во время зарубежных поездок Николай Павлович всегда интересовался техническими достижениями. В 1837 году А. Н. Демидовым был приглашен в Россию для исследования каменноугольных залежей Дона известный знаток горного дела француз Фредерик Ле-Пле. Николай очень интересовался ходом исследования и приставил к французу своего адъютанта^{737}. Интересовался он также опытами в производстве торпед и гальванизацией, необходимой для промышленности. В 1842 году в Петербурге был основан гальванопластический завод герцога Максимилиана Лейхтейнбергского^{738}.

В конце 20-х — начале 30-х годов в поисках дополнительных источников шерсти для промышленности, которая поступала в основном из Новороссии, было обращено внимание на Казахскую степь. В 1828 году по инициативе сенатора Энгеля, поддержанной Канкриным, образцы «пуха» казахских овец были посланы на различные шерстяные и суконные фабрики. Образцы материй, выработанных на фабриках рижского фабриканта Борнгаупта и графа Комаровского, представили императору.

Суконное производство в Центральной России продолжало расти до 40-х годов, а затем начало падать из-за конкуренции со стороны польских

фабрик. Причинами этого стали развитие в Польше овцеводства, производство шерсти в соседней прусской Силезии и особые польские тарифы. Во время беседы с суконным фабрикантом И. Н. Рыбниковым 13 мая 1833 года Николай I поинтересовался, чем вызваны, как он слышал, затруднения в сбыте тонких сукон в Москве. Московский купец отметил увеличение в округе фабрик и добавил, что «к тому же и из Польши везут очень много тонких сукон, поелику пошлина взимается почти ничтожная, в сравнении по тарифу из прочих мест наложенной». Николай не согласился: «Там фабрики почти все разорены, нельзя же их с прочими сравнить, ибо они наши подданные; им и так почти равных сукон почти вовсе везти нельзя»^{739}.

Правительство Николая I заботилось об усовершенствовании русской шелковой промышленности. Заманчиво было переключить ее на закавказский шелк-сырец, который в то время отличался от итальянского шелка в худшую сторону из-за дурной размотки и неровности нити. До середины 20-х годов шелковая промышленность работала в основном на шелках итальянском, французском, турецком («брусском»), персидском («кашанском»), причем получала его в виде сырца (в мотках, смотанных с коконов). С конца же 20-х годов начинает преобладать готовая шелковая пряжа. Развитие механического прядения шелка из закавказского шелка-сырца привело в 50-е годы к постепенному сокращению ввоза шелковой пряжи из-за границы.

Под 1837 годом, описывая пребывание Николая Павловича в Москве, его дочь Ольга Николаевна отметила благотворную деятельность губернатора князя Голицына: «Промышленность начинала развиваться, пробовала торговать своими товарами. Папа всячески поддерживал промышленников, как, например, некоего Рогожина, который изготовлял тафту и бархат. Ему мы обязаны своими первыми бархатными платьями, которые мы надевали по воскресеньям в церковь. Это праздничное одеяние состояло из муслиновой юбки и бархатного корсажа фиолетового цвета»^{740}. Речь шла о мануфактур-советнике купце Павле Назаровиче Рогожине.

Николай Павлович внимательно относился к нуждам сезонных рабочих-отходников и постоянных рабочих на предприятиях, особенно Москвы и Петербурга. Он думал не только о положении крестьян и ужасах новой пугачевщины, но и о возможных волнениях среди рабочих, опасался массовой пауперизации. Это можно объяснить надвигающимся на Европу «призраком социализма»^{741}. Но какими бы соображениями ни

руководствовался император, факт остается фактом: Николай Павлович проявлял заботу о рабочем населении столицы. С легкой руки маркиза де Кюстина получили широкую огласку слухи о больших жертвах при восстановлении Зимнего дворца после пожара (из-за жарко топящихся железных печей для просушки стен и связанных с этим перепадов температур во дворце и на улице во время морозов). «Каждый день, — писал маркиз де Кюстин, — уносил с собой множество жертв»^{742}. На самом деле, как свидетельствуют архивные документы, все несчастные случаи, в первую очередь со смертельным исходом, не остались без расследования. Документально удалось установить только один такой случай. Находившийся у временных железных печей малолетний крепостной Шереметевых Иван Егоров был отправлен сначала во временный лазарет при Зимнем дворце, а затем в больницу, где скончался 23 февраля 1839 года от «нервической горячки»^{743}. По неизвестным причинам 3 мая 1839 года скончался крепостной крестьянин Ямбургского уезда помещика Блока Макар Федотов^{744}. В основном же в документах зафиксированы относительно немногочисленные несчастные случаи, неизбежные при таком большом строительстве: из-за падения и разных аварий. Следует отметить, что семьям погибших оказывалась помощь, и весьма существенная. Так, семье мещанина П. С. Антропова из Торжка в октябре 1838 года было выдано единовременно из сумм на строительство Зимнего дворца 500 рублей, а также назначен пенсион по 300 рублей в год ассигнациями находившимся ранее на его иждивении матери 70 лет, вдове 37 лет и «убокому» брату 50 лет. Вдове крестьянина Калужской губернии Андрея Лгунова 5 декабря 1840 года также был выдан пенсион в 300 рублей ассигнациями^{745}. Судя по всему, это было нормой. Если учесть, что среднестатистические расходы на питание одного работника в 40-х годах составляли в счете на ассигнации около 15 рублей в месяц или 180 рублей в год (соответственно около 3 рублей и 36 рублей серебром)^{746}, то пенсион в 300 рублей ассигнациями можно считать достаточно щедрым. Известно также, что во время осмотра работ в Зимнем дворце 17 сентября 1838 года Николай Павлович увидел железные печи с трубами и, уже зная о слухах в городе, заявил: «Жизнь последнего из моих подданных мне дороже, потому что считаю себя отцом всех; я приказываю следить и заботиться о здоровье рабочих, лучше прождать десять лет возобновления дворца, чем знать, что оно куплено ценою жизни одного из этих молодцов»^{747}.

Характерен в этом отношении и другой эпизод, рассказанный бывшим

жителем Гатчины. Когда Николай I узнал, что архитектор, восстанавливающий флигели при дворце, заставляет рабочих для просушки стен спать в сырых комнатах, он приехал в Гатчину, взял архитектора за ухо и провел его по всем комнатам, где спали рабочие. Карьера архитектора на этом закончилась ^{748}.

Развитие промышленности и рост численности рабочих привели к появлению первых законов, регламентирующих взаимоотношения между работодателями и наемными работниками. Закон 24 мая 1835 года впервые обязал хозяина заключать с работниками письменный договор о найме, выдавать рабочим расчетные листы, иметь книгу для записи расчетов с рабочими. Одновременно рабочему запрещалось покидать производство до окончания срока договора. При увольнении работодатель был обязан предупредить работника за две недели. Осенью того же года появилась инструкция, рекомендующая хозяевам проявлять заботу о рабочих. 7 мая 1845 года был принят закон «о неупотреблении малолетних на ночные работы на фабриках». Все эти законы не предусматривали наказаний за их нарушение, но все же представляли собой шаг вперед в социальном законодательстве.

«Я верю, что можем строить в России железные дороги»

На четвертом историческом рельефе памятника Николаю I на Исаакиевской площади под датой «1851» изображена сцена «Осмотр Веребьинского моста», которая напоминала о завершении строительства Петербурго-Московской железной дороги, после смерти императора долгое время носившей название Николаевской (с 1923 года — Октябрьской). Этому событию предшествовала длительная история. Как известно, еще в год вступления Николая Павловича на престол в Англии была открыта первая Стоктон-Дарлингская железная дорога, затем более значительная Ливерпульско-Манчестерская (1830) и Лондонско-Бирмингемская (1836). В прессе и в обществе начались споры о пользе и вреде опасного во многих отношениях нововведения.

В 1835 году известный впоследствии инженер и предприниматель С. И. Мальцев проехал по Ливерпульско-Манчестерской дороге в Англии и по конно-железной дороге в Австрии из Будвейса в Минц, построенной по проекту профессора Венской политехнической школы чеха Ф. А. Гёрстнера. По возвращении в Петербург С. И. Мальцев, доказывая, что он не зря «болтался» за границей, начал при встрече с императором разговор о железных дорогах. Николай тогда был настроен осторожно. «Государь упомянул об опасности железных дорог, указав, что в Англии при открытии какой-то дороги задавили лорда. Против этого, — писал С. И. Мальцев, — я старался выставить, каким опасностям подвергаются у нас при езде на лошадях. Тогда государь сказал: «А снег? Ты забыл, что у нас 6 месяцев нельзя ездить будет?» На этот вопрос я доложил, что можно будет очищать. Государь еще что-то пошутил, но мой рассказ произвел на него впечатление»^[749].

Зимой 1835/36 года на балу у Е. Ф. Канкрин Николай Павлович завел разговор с С. И. Мальцевым в присутствии министра финансов. Известный противник железных дорог Е. Ф. Канкрин на ломаном русском языке попытался доказать, что у «молодого человека» слишком «воображение сильное». О дальнейшем С. И. Мальцев вспоминал так: «Тут государь спросил меня, куда бы я повел дорогу? Я отвечал: из Москвы одну в Китай, другую в Индию»^[750]. Государь засмеялся и, посоветовав Е. Ф. Канкрину в шутку отправить С. И. Мальцева в сумасшедший дом, отошел. К этому

времени у Николая Павловича уже побывала записка чешского инженера из Австрии Ф. А. Герстнера с проектом строительства в России нескольких протяженных железных дорог: Петербург — Москва — Нижний Новгород; Москва — Одесса, или Москва — Таганрог. В случае принятия проекта Ф. А. Герстнер обращался со «скромной просьбой о монополии в течение 20 лет». На такой проект Николай Павлович согласиться не мог, но принципиально уже склонился к мнению о необходимости железных дорог в России. Во время очередной встречи с Ф. А. Герстнером император вновь завел с ним разговор: «Ты мной будешь доволен. Я верю, что можем строить в России железные дороги; в Америке, где снегу много, выстроили; я посылаю осмотреть, и начнем!»^{751}

Как известно, в конечном счете, в виде опыта было решено построить небольшую Царскосельскую дорогу. У этого строительства оказалось много противников, среди которых был главноуправляющий Главным управлением путей сообщения и публичных зданий К. Ф. Толь (1833–1842).

Министр финансов Е. Ф. Канкрин скрепи сердце согласился: «Ну, это можно; вот в Павловске кабак, к нему дорога; это полезно»^{752}. Великий князь Михаил Павлович, которому принадлежал Павловск, тоже первоначально не одобрял новой затеи. Вот что пишет в своих воспоминаниях под 1838 годом великая княжна Ольга Николаевна: «В этом предприятии видели зарождение революционной ячейки, которая могла привести к нивелировке классов и другим еще более страшным вещам. Дядя Михаил сдался только тогда, когда ему пообещали, что он получит в своем парке такую же беседку для музыки, как в Баден-Бадене и других немецких курортах»^{753}.

Строительство Царскосельской дороги началось 1 мая 1836 года и продолжалось полтора года. Открытие состоялось 30 октября 1837 года; в этот день в поезде, состоящем из паровоза с тендером и восьми вагонов, находился император. Первое время движение осуществлялось по воскресным и праздничным дням паровой тягой, а в другие дни — лошадьми. Опыт оказался удачным. В 1838 году дорога была продлена до увеселительного концертного заведения в Павловске — «кабака», по терминологии Е. Ф. Канкрин. По примеру концертных заведений в лондонском парке, принадлежавших когда-то Джейн Вокс, такие сооружения стали называться «вокзалами» («Вокс-холл»). В России все железнодорожные станции, по примеру павловского вокзала, также получили это название.

Локомотивы, или «сухопутные пароходы», закупились Ф. А.

Гёрстнером в Англии и Бельгии. Собственно, сам термин «паровоз» начал утверждаться в русской печати именно со времени строительства этой дороги, чтобы «сухопутные пароходы» можно было отличать от «водяных пароходов», известных в России с 1815 года. Дорога на всем протяжении до Павловска длиной 25 верст (27 км) была открыта 22 мая 1838 года. Вероятно, одну из первых поездок, среди прочих событий 1838 года, описывает дочь Николая I: «Папа же для того, чтобы подать пример, устроил деревенскую поездку большим обществом по железной дороге из Петербурга в Царское Село. Это чуть не окончилось трагично. Искры, которые врывались в окно, зажгли скатерти, тотчас же поднялась общая паника, но, к счастью, все обошлось без серьезных последствий. Только некоторым дамам стало дурно»^{754}.

13 (25) января 1841 года было принято решение о строительстве магистрали, соединяющей две столицы. Учреждался и «Комитет устройства железной Петербургско-Московской железной дороги». Вскоре, 1 февраля 1842 года, последовал указ о строительстве магистрали за счет казны. Из двух проектов дороги, — придерживающегося старого шоссе через Новгород и минующего его, — Николай выбрал тот, который был более прямым, а значит, и более дешевым. Незадолго до утверждения проекта, 25 января, Николай Павлович принял делегацию купцов, благодаривших его за попечение о пользе и процветании коммерции. Приняв купцов в неофициальной обстановке и в сюртуке, император сказал: «Мне надо было бороться с предубеждениями и с людьми; но когда я сам убедился, что дело полезно и необходимо, то ничто уже не могло меня остановить. Петербургу делали одно нареkanie: что он в конце России и далек от центра империи; теперь это исчезнет. Через железную дорогу Петербург будет в Москве и Москва в Кронштадте». Обратившись к цесаревичу, государь добавил: «Человек смертен, и потому, чтобы иметь уверенность в довершении этого великого дела, я назначил председателем Комитета железной дороги вот его: пусть он доделает, если не суждено мне»^{755}. В том же году на трассе были начаты изыскательские работы, а в 1843 году — укладка железнодорожного полотна. Если ширина колеи Царскосельской дороги значительно превосходила западноевропейскую (соответственно 1829 и 1435 мм), то для Московской дороги эта разница уже не была столь значительной — 1524 мм, что давало экономию на земляных работах до 3 %.

Одновременно на строительстве дороги работало от 30 до 40 тысяч человек. Судя по документам, их положение было терпимым, по крайней

мере хлеб выдавался без нормы. Позднее, в 1864 году, Н. А. Некрасов опубликовал свое известное стихотворение «Железная дорога», упомянув про «косточки русские», за которое журнал «Современник» получил очередное предупреждение. Образ страдающих русских крестьян-землекопов отныне стал хрестоматийным, но справедливость требует уточнить два момента. Во-первых, на земляные работы традиционно подражались отходники из белорусских губерний. Во всяком случае, в 1847 году около 10 тысяч белорусских крестьян, распродав имущество, вместе с семьями двинулись в Петербург просить императора освободить их от польских помещиков и отправить на строительство железной дороги, где, судя по всему, было немало их земляков. Возможно, об этом походе белорусов на Петербург, остановленном войсками у Гатчины, рассказывал А. В. Эвальд, отнесший событие к началу 40-х годов^[756]. Во-вторых, на строительстве Петербургско-Московской железной дороги работали и четыре американских паровых экскаватора, установленные на рельсы. Известно, что один из них применялся на Степановской выемке близ Петербурга, другие — на Кузнецовской высоте между Валдайской и Березайской станциями. Один ковш такого экскаватора поднимал 1/4 куб. сажени грунта весом до 250 пудов.

По предложению инженера П. П. Мельникова, руководившего строительством дороги, было решено отказаться от закупки подвижного состава за границей. Министерству путей сообщения был передан Александровский завод за Невской заставой (позднее Путиловский, он же «Пролетарский»). С 1846 года завод стал выпускать пассажирские и товарные паровозы. К началу эксплуатации было произведено 164 паровоза и 2669 вагонов. Производство рельсов было налажено на заводе в Людинове (Калужская губерния) благодаря стараниям С. И. Мальцева, которому перешли в наследство заводы промышленного округа Калужской, Смоленской и Орловской губерний. В связи с этим были освоены новые технологии. Если раньше сортовое железо в России изготавливали молотами из кричного железа, то теперь было применено пудлингование. В 1847 году был готов первый участок до Колпина, в июне 1849 года — до Чудова, в августе того же года — между Вышним Волочком и Тверью. Для своего времени это была самая длинная железная дорога в мире (649,7 км, не считая вторых путей), которая к тому же технически не уступала высшим достижениям железнодорожного дела. Ширина ее колеи (5 футов, или 1524 мм) отличалась от зарубежной (1435 мм) и стала типовой для железных дорог в России. На дороге было 252 сооружения. Как отмечал академик Д. С. Лихачев, это было и «самое большое архитектурное сооружение в

мире»^{757}. Все станции на трассе, включая вокзалы в Петербурге и Москве, были построены одним архитектором — К. Тоном и «могут рассматриваться как единое произведение зодчества»^{758}. В ходе строительства под руководством инженера Журавского было построено 184 моста.

В октябре 1850 года Николай Павлович проехал часть трассы, сданной в эксплуатацию. В письме к графу П. А. Клейнмихелю от 1 ноября 1850 года он писал: «Настоящее путешествие мое я начал с С.-Петербургско-Московской железной дороги, проехав по Северной дирекции от С.-Петербурга до с. Чудова, а по Южной от Вышнего Волочка до д. Кольцово, за Тверь. К искреннему моему удовольствию дороги эти найдены мною, в отношении превосходного устройства, изящности отделки, исправности содержания и примерного порядка в управлении, в виде и состоянии, превосходящем мои ожидания»^{760}. К 1851 году строительство дороги в основном было завершено. По всей трассе провезли по батальону лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков. Затем в связи с 25-летием коронации к поездке в Москву по железной дороге стал готовиться Императорский двор. Правда, значительная часть грузов с прислугой отправилась заблаговременно обозом, как в старые времена. Большая же часть всего необходимого и двор были распределены в императорском и двух дополнительных литерных поездах, отправлявшихся в разное время. На императорском поезде нашлось место для лошадей «собственного седла государя императора», выбранных Николаем Павловичем. Это были Лорд и Чара. Их сопровождало 17 человек «верхового отделения». По «части упряжной» на платформы были погружены восемь городских экипажей императорской четы: коляска парная Ея величества, кареты четырехместная и двухместная, коляска фамильная, русская парная, дрожки одиночные, коляска английская с верхом и тюльбери. Это не считая экипажей великих князей, княгинь, коляски А. Ф. Орлова и др. Унтер-штаб-майстера для присмотра за ними сопровождало 25 человек. Как свидетельствуют архивные документы, императорский поезд отправился из Санкт-Петербурга 19 августа 1851 года в половине четвертого утра^{760}.

Отправляясь в путь, особенно заботились о болезненной Александре Федоровне. Для проверки трассы по ней предварительно проехали П. А. Клейнмихель, обер-гофмаршал А. П. Шувалов и лейб-медик М. Мандт, «чтобы удостовериться, каждый по своей части, будет ли покоен проезд для императрицы»^{761}. Далее, как пишет М. А. Корф, «18-го августа, вечером, она прибыла на Петербургскую станцию и провела ночь в предназначенном

для нее вагоне, состоявшем из трех изящно убранных комнат, с камином, с кухней, погребом и ледником. Поезд, в котором находились также государь, цесаревич с супругою и двумя старшими своими сыновьями и оба младшие великие князья, тронулся 19-го августа в 4-м часу утра, сначала очень медленно, чтобы не потревожить сна императрицы. В движении своем этот поезд был неоднократно останавливаем государем для обозрения разных работ железной дороги и, сверх того, подвергся задержке от нелепости одного из строителей, которому вздумалось для украшения какого-то моста выкрасить идущие по нем рельсы масляною краскою, от чего, несмотря на все напряжение паров, колеса вертелись бесплодно...». Некоторые из сюжетов этой поездки (в том числе одна из комнат императорского вагона) запечатлены на рисунках того времени^{762}.

Много лет спустя один из августейших пассажиров того поезда, император Александр II, на оригинале рукописи М. А. Корфа сделал два уточнения. Во-первых, среди лиц, находившихся в поезде, он назвал также великую княгиню Ольгу Николаевну с супругом и некоторых других лиц. Второе замечание касалось «задержки» у моста. В этом фрагменте Александр II исправил: «Посыпать рельсы песком»^{763}. Между прочим, речь как раз шла о Веребьинском мосту (том самом, что на рельефе памятника). Это был самый высокий на трассе мост (49, 7 м) и второй по длине после Мстинского (489,7 м). Его построили по проекту известного своими выверенными математическими расчетами и установкой обновленного шпиля на Петропавловской крепости инженера Д. И. Журавского. Позднее, после пожара деревянного моста в 1881 году, он был заменен дамбой с трубой для пропуска воды^{764}. (В 2002 году магистраль снова была спрямлена.)

Событие, связанное с проездом императорского поезда по этому мосту 19 августа 1851 года, осталось в памяти многих современников, хотя все они рассказывали об этом немного по-разному. Разночтения в основном касаются причины пробуксовки колес локомотива (песок или масляная краска). Вероятно, М. А. Корф более точен, так как опирался на старые записи. По его мнению, это была краска, а потом для сцепления употребили песок. Вот что пишет другой современник: «Перед всяким большим мостом императорский поезд останавливался: государь со свитою выходил из поезда, спускался к реке и оттуда любовался проходом поезда по мосту. На Веребьинском овраге... для большей красоты мастер окрасил железные рельсы черной масляной краской. Ко времени прохода поезда масло не успело еще высохнуть, и как только паровоз вступил на мост

своими колесами, он не мог поднять в гору поезд за недостатком сцепления между его колесами и рельсами. Колеса вертелись на месте (буксовали), паровоз же, а вместе с ним и поезд оставались неподвижными. Встревоженные путешественники удивлялись такому бессилию паровоза. Американец Уайненс и обер-машинист Бартнер, находившиеся на паровозе, соскочили с него на путь, и только тогда обнаружились причины буксования колес. Немедленно распорядились посыпкою колес золою и песком; поезд двинулся далее и, пройдя благополучно мост, остановился...»^{765} Вот, собственно, какую сцену должна была наблюдать группа людей во главе с императором, изображенная на историческом рельефе памятника...

На протяжении всего пути народ стекался к железнодорожной колее (тогда однопутке, с разъездами у станций), чтобы посмотреть на императорский поезд. В Москве ожидали прибытия Николая I в 7 часов вечера, на вокзале собралась огромная толпа. Однако пробило 9 часов вечера, а поезда все не было. Толпа заволновалась. Послышались крики: «Нет государя; уходили его, злодеи!» Когда уже опасались начала бунта, в 11 часов вечера поезд наконец прибыл. Этот эпизод М. А. Корф передает так: «Выйдя из вагона, государь, в виду всех перекрестясь, обняв Клейнмихеля, направился к иконе Иверской Божьей Матери и приехал в Кремлевский дворец уже в первом часу ночи»^{766}.

На следующий день, 22 августа, в Успенском соборе было совершено молебствие в связи с 25-летием царствования. Оно отмечалось без особой пышности. Николай Павлович объявил, что прибыл в Москву «молиться и благодарить Бога, а не веселиться», чем объяснялось и отсутствие ожидаемых наградений и всяких придворных празднеств. Чтобы не омрачать юбилей, газеты умолчали тогда о первой серьезной аварии на железной дороге с человеческими жертвами: около Клина столкнулись два поезда с фельдъегерями, выехавшими навстречу друг другу и не разминувшимися на станции.

В письме к П. А. Клейнмихелю, который только что его встречал, Николай Павлович благодарил его за труды: «С душевным удовольствием вижу осуществление моих желаний, и если это предприятие еще не совсем окончено, то работы уже доведены до такой степени, что для первого опыта мог быть перевезен значительный отряд гвардейских войск, и я, со всем своим семейством, совершил по железной дороге переезд из С.-Петербурга в Москву... Испытанное усердие ваше служит мне уверением, что согласно моему прежнему указанию, С.-Петербурго-Московская дорога будет

окончена к 1-му ноября сего года, и тем самым будет открыт для общего пользования способ быстрого и удобного сообщения в Империи»^{767}.

Действительно, официально для пассажирского движения железная дорога была открыта 1 ноября 1851 года. В положении, напечатанном для пассажиров, отмечалось, что время на дорогу между столицами составляет 18 часов; в действительности же, как показала практика, оно равнялось 23 часам. К пассажирам предъявлялись жесткие требования: иметь паспорт и свидетельство полиции на беспрепятственный выезд, быть на вокзале за час до отправления поезда, багаж доставлять за два часа; запрещалось также курить не только в вагонах, но и на остановочных пунктах. Билеты стоили в зависимости от класса 19, 13 и 7 рублей серебром. Вопреки опасениям скептиков, пассажиры быстро освоили «чугунку» (позднее рельсы были заменены на стальные), которая, по выражению Николая Павловича, «перенесла Москву в Кронштадт и обратно»^{768}.

В царствование Николая I началось строительство Варшавско-Венской железной дороги, но для эксплуатации были открыты только некоторые участки. В 1845 году открылось движение на линии Варшава — Гродзинск, в 1847 году на линии Варшава — Скерневицы — Александров — Рогов — Зомбковицы. В феврале 1851 года было принято решение о строительстве железной дороги из Петербурга до Варшавы. Николай I приказал приступить к строительству «немедленно и в возможной скорости, не только для тех целей, для которых обыкновенно сооружаются железные дороги, сколько из видов стратегических». «В случае внезапной войны, — говорил он, — при теперешней общей сети железных дорог в Европе, Варшава, а оттуда и весь Запад может быть наводнен неприятельскими войсками прежде, чем наши успеют дойти до Луги»^{769}. Новую дорогу было решено строить на счет казны посредством займа. Таким образом, давление внешнеполитического и военного соревнования заставляло Николая Павловича, трезво оценив обстановку, идти в ногу с начавшимся в России промышленным переворотом, в частности в сфере транспорта. Масштабы России и недостаток средств не позволили быстро воплотить в жизнь обширные планы железнодорожного строительства. К ноябрю 1853 года Варшавская дорога была доведена до Гатчины (41 верста). После того как Петергоф стал уездным городом (1848), Николай Павлович дал согласие и на строительство Петергофской двухколейной железной дороги, но проехать по ней ему не удалось. Прерванное Крымской войной строительство возобновилось при Александре II в 1857 году.

Развивалось и паровозное сообщение, которое при Александре I было

представлено несколькими пароходами. К 1850 году пароходы ходили по Волге, Днепру, Волхову, Неве и важнейшим озерам — Ладожскому, Онежскому, Ильменю, Байкалу, Аральскому. В 40-х — начале 50-х годов появились пароходные общества на Волге: «По Волге», «Меркурий», «Самолет». К 1860 году только в Волжском бассейне насчитывалось более 350 пароходов.

«С величайшим удовольствием вижу сие похвальное стремление»: Торговля

Вторая половина царствования Александра I была временем общего упадка торговли в России. В письме к Николаю I А. А. Бестужев писал: «Купечество, стесненное гильдиями и затрудненное в путях доставки, понесло важный урон: в 1812 г. многие колоссальные фортуны погибли, другие — расстроились... Дела с казной разорили множество купцов и подрядчиков, а с ними их клиентов... Шаткость тарифа привела в нищету многих фабрикантов...»^{770}

Правительственная политика в отношении внутренней торговли России продолжала оставаться преимущественно либеральной и поощрительной. В основе ее лежала озабоченность сбытом сельскохозяйственной продукции, от чего зависело благосостояние крестьянства, дворянства и, косвенно, всего населения. Именно от успехов товарообмена, как отмечал Е. Ф. Канкрин в 1825 году, «происходит внутреннее богатство разных классов людей, но сей благотворительной цели нельзя достигнуть, доколе в каждом уезде не будет довольно значительного города и нескольких торговых местечек»^{771}.

A propos

Во второй четверти XIX в. обороты ярмарочной торговли увеличились примерно вчетверо. В 1850 г. в 94 % городских поселений функционировала стационарная торговля, дополненная ярмарочной (78 %) и базарной (81 %)^{772}. Рост товарооборотов сопровождался увеличением численности купеческого сословия: со 123 796 душ в 1836 г. до 180 399 душ в 1851 г.; выросли и объявленные купцами при выборке гильдейских свидетельств капиталы. В то же время тяжесть налогообложения торговли повысилась незначительно.

Гильдейская реформа Е. Ф. Канкрин не достигла полностью цели повышения торгово-экономического значения городов за счет перехода крестьянства в городские сословия. Как отмечает историк Б. Н. Миронов, «сосредоточить торговлю и промышленность в городе было равносильно намерению отнять работу и заработок у миллионов крестьян»^{773}. В целом торгующее крестьянство составляло значительную конкуренцию купечеству. Число крестьянских свидетельств на право торговли с 1830 к

1850 г. увеличилось примерно с 4 тыс. до 7,5 тыс. Мелочной торговлей крестьянской продукцией крестьяне могли заниматься без специального разрешения. Даже отмена многих ограничений при переходе в городские сословия в 1832 г. не привела к быстрому увеличению горожан. По подсчетам Б. Н. Миронова, несмотря на общий рост городского населения, его удельный вес оставался стабильным: 7,2 % в 1824 г. и 7,1 % в 1857 г. Его росту препятствовала и узость внутреннего рынка в связи с низкой производительностью и тем, что хозяйство еще во многом сохраняло натуральный характер, хотя платежеспособность деревни в целом росла. В то же время до 1863 г. городским сословиям было запрещено производить лавочный торг на селе, а из-за слабого развития купеческого капитала постоянная лавочная торговля развивалась медленно. Важное значение имела отмена в 1842 г. долгое время существовавшего запрета промышленникам заниматься рыночной продажей своих изделий, что подрывало диктат купеческого капитала.

Самыми крупными ярмарками были Нижегородская (до пожара 1817 г. — у Макарьевского монастыря), торговые обороты которой увеличились с 12,7 млн. руб. в 1825 г. до 57,6 млн. в 1852 г.^[774], Харьковская, Коренная в Курске, Ирбитская. В 1831 г. Министерство внутренних дел отдало распоряжение губернаторам о присылке ежегодно ведомостей о ярмарках. По подсчетам Б. Н. Миронова, общее количество ярмарок во второй четверти XIX в. увеличилось с 4969 до 5620 (на сопоставимой территории с 3707 до 4229). Товарообороты крупнейших Нижегородской и Ирбитской ярмарок, ориентированных на восточные окраины России, продолжали расти. В Центральной России роль ярмарочной торговли начинает падать в связи с развитием прямых торговых связей и стационарной торговли. Это, в частности, отразилось на резком падении товарооборота Ростовской ярмарки Ярославской губернии.

Правительство Николая I проводило политику всемерного поощрения торговли. Указом 6 декабря 1836 года был принят первый специальный закон об акционерных обществах — «Положение о товариществах по участкам или компаниях на акциях». В 1842 году был утвержден устав сберегательных касс, 5 октября 1892 года — устав Санкт-Петербургской биржи, в 1848 году — Нижегородской ярмарочной биржи. Он разрешал основание компаний при условии утверждения правительством их уставов. В целях предупреждения спекулятивных сделок разрешались лишь именные акции. Начиная с 1848 года в законодательство о товариществах вносятся и другие дополнения.

Во время беседы с купцом-фабрикантом И. Н. Рыбниковым 13 мая 1833 года Николай I особо поинтересовался сроками Нижегородской ярмарки и сказал: «Я под конец самой, хотя на один день постараюсь быть...»^{775} И действительно, он посетил Нижний Новгород и Нижегородскую ярмарку. Конъюнктура рынка иногда находила отражение в личной переписке императора. Так, в письме «любезному отцу командиру» (И. Ф. Паскевичу) в июне 1847 года Николай Павлович писал: «Торговля идет славно; подати поступают гораздо исправнее прошлого года, а в кредитную кассу уже поступило за всеми вычетами 132 мил. наличных золотом и серебром, и продолжают поступать по миллиону и более в неделю; состояние банков тоже цветущее»^{776}.

К 40-м годам XIX века относятся первые практические шаги фабрикантов к овладению Закавказским рынком. В конце 1846 года владельцы хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых и писчебумажных фабрик, чугунных, железоделательных, хрустальных и стекольных заводов учредили «Закавказское торговое первоначальное депо». Среди учредителей были секунд-майор Мальцев, Гучков и Прохоровы. С 1847 года общество занялось оптовой торговлей в Тбилиси, открыв также розничный магазин текстильных товаров. Дела компании шли неудовлетворительно, и в 1852 году «депо» было ликвидировано. Другая компания — «Общество закавказской оптовой торговли» — была основана в начале 1848 года московскими и ивановскими фабрикантами. На докладе Е. Ф. Канкрин Николай Павлович наложил резолюцию: «С величайшим удовольствием вижу сие похвальное стремление и буду ему покровительствовать с убеждением в пользе»^{777}.

Значительный прогресс, по сравнению с царствованием Александра I, был достигнут во внешней торговле. В начале 1827 года в одном из мнений в Комитете министров Н. С. Мордвинов, основываясь на статистике 1825 года, писал: «Вся почти внешняя торговля наша производится не на русские, а на иностранные капиталы... На петербургской главной в России бирже участвуют русские природные купцы по внешней торговле только в отпускных товарах на 1/40, а в привозных — на 1/60 часть»^{778}. За годы царствования Николая Павловича ситуация несколько поменялась.

A propos

По подсчетам статистика К. И. Арсеньева, годичный оборот внутренней торговли составлял 900 млн. руб., а внешней — лишь 235. При общем положительном сальдо общий оборот внешней торговли увеличился

с 153,6 млн. руб. (золотом) в 1821–1825 гг. до 283,3 млн. в 1846–1850 гг., т. е. в 1,8 раза^{779}. В экспорте преобладали: зерновые (до 35 % стоимости экспорта), лен, пенька и сало. На долю металлов приходилось 7,5 % вывоза, а промышленных изделий — 5,5 %. На внешний рынок отправлялось около 5 % урожая зерновых. Во внешней торговле стабильно первое место занимала Англия. В Англию попадало 37 % сельскохозяйственного экспорта, в германские государства — 11 %, во Францию — 10 %. Пошлины на ввозимые товары можно охарактеризовать как умеренно-протекционистские. После запретительного тарифа 1822 г. они менялись сравнительно мало (тарифы 1825, 1830, 1831, 1836, 1841 и 1850 гг.). Только в 1850 г. под давлением землевладельцев был издан более благоприятный для импорта промышленных товаров тариф.

В структуре российского импорта первые места занимали хлопок (12,8 %), красители (5,8 %) и машины (5,1 %). Во время выставки мануфактурных изделий в Петербурге в 1833 году распространились слухи об уменьшении импортных пошлин на некоторые товары и даже об их отмене. Эти слухи повергли российских производителей в уныние. В разговоре 13 мая 1833 года Николай Павлович, отвечая на вопросы об этих слухах, сказал: «Это неправда, но, напротив, уверяю вас, что тариф вновь будет рассмотрен, и на некоторые статьи пошлина надбавится, а некоторые мануфактурные изделия и вовсе будут запрещены»^{780}.

В начале 1836 года Государственный совет предложил министру финансов Е. Ф. Канкрину позаботиться об учреждении представителями деловых кругов компании для торговли с Персией и Турцией. Канкрин предложил создать одну компанию под покровительством правительства (типа Российско-Американской), назвав ее «Российско-Азиатской», со свободным вступлением в нее всех желающих. Свое мнение он объяснял тем, что это «не позволит опасаться монополии в таком предприятии, к которому наше купечество, может быть, еще долго не обратило бы своих усилий без особых поощрений от правительства»^{781}. Однако он был не прав. В том же году, пребывая на Нижегородской ярмарке, Николай Павлович передал Канкрину записку от графа П. А. Толстого из Москвы, сообщавшего об учреждении московским купечеством компании для азиатской торговли. Впрочем, дальше предположений дело не продвинулось. В 1838 году у московского купечества возникла идея организации торгового дома в Астрабаде (с 1930 года — город Горган на каспийском побережье Ирана) для торговли с Персией. Как и в

предыдущем случае, Николай I выступал сторонником максимального покровительства компании. В 1843 году он распорядился выдать денежное пособие в 1000 рублей московским фабрикантам, решившим отправить в Турцию партию сукна. Сукно, однако, не имело хорошего сбыта в Константинополе, так как не соответствовало вкусам покупателей и к тому же встретило конкуренцию со стороны французского, английского, немецкого и голландского сукна.

В целом в 40-е годы XIX века экспорт в Турцию и Персию, Среднюю Азию и особенно в Китай вырос в два раза, а доля в русском экспорте готовых изделий повысилась с 53 до 60 %. Торговля со Средней Азией носила застойный, но не колониальный характер. Импорт товаров превышал экспорт, торговое сальдо было не в пользу России. Российская промышленность почти не употребляла низкого по качеству среднеазиатского хлопка: предпочтение отдавалось американскому и египетскому. В среднеазиатском импорте в Россию преобладали изделия местного производства, причем 90 % из них составляли хлопчатобумажные ткани. Сыграло свою роль и торговое соперничество Англии, хотя оно и не носило такого катастрофического по своим последствиям характера, как в Персии. Резко возросший вывоз по всей азиатской границе России золотой и серебряной монеты русской чеканки соответствовал вытеснению русских изделий английскими. В предыдущие годы важнейшую роль в торговле с Азией играла Нижегородская ярмарка, однако ее характер постепенно менялся и она все больше становилась центром внутренней торговли. Сосредоточение азиатской торговли наблюдалось также в Оренбурге, Троицке, Семипалатинске и Астрахани. Торговля с Индией не привлекала внимания николаевского правительства, и это, между прочим, опровергает английскую версию о стремлении Николая I к завоеванию Индостана.

Глава третья

ИМПЕРАТОР:

**ПОДХОДЫ К НАЦИОНАЛЬНОМУ
ВОПРОСУ**

«Принадлежать России и пользоваться ее покровительством есть истинное счастье»

Выступая перед депутацией поляков в Варшаве во дворце Лазенки 5 октября 1835 года, Николай Павлович вполне искренне заявил: «Поверьте мне, господа, принадлежать России и пользоваться ее покровительством есть истинное счастье»^{782}.

Сказать, что «царствование Николая I — золотой век русского национализма»^{783}, — значит сказать правду, но не всю правду. Российская империя была полиэтнической страной, где существовали различные конфессии, а принцип равноправия и веротерпимости был сформулирован еще в наказе Уложенной комиссии Екатериной II. Кроме того, само слово «русский», как правило, было синонимом слова «православный», независимо от того, к какой национальности принадлежал тот или иной служилый человек. Эта идея, отражая потребности обширного государства, подчас могла принимать вид «имперской». Местные власти порой пытались насильственно ускорить темпы русификации окраин, но такие случаи, скорее, были исключениями. Верховная власть довольно гибко для своего времени, особенно в сравнении с другими многонациональными государствами, реагировала на различные проявления «национального вопроса». Что же касается известной поэтической фразы Т. Г. Шевченко: «От молдавана до финна на всех языках все молчат, все благоденствуют»^{784}, — то она не всегда носила иронический оттенок.

Как отмечают авторы «Политической истории Финляндии (1809–1995)» Осмо Юссила, Сеппо Хентилиа и Юкка Невакиви, при Николае I национальной государственной идеей была идея многонациональной династической унии. Это несколько отличалось от возобладавшего при Александре II подхода к Российской империи как единому и неделимому государству, в котором финляндская автономия выглядела инородным телом.

Сам Николай I признавал идеальным государственным строем или абсолютную монархию, или сильную республику, способную противостоять революционным движениям. Что касается конституционных монархий, то, за исключением консервативной Англии, император относился к ним весьма критически, считая конституционные формы правления в монархиях лживыми, слабыми и построенными на обмане

избирателей^[785]. В то же время, вступив на престол, он сам оказался в неожиданной для себя роли конституционного монарха. Конституционные формы правления в сочетании со значительной автономией существовали в Великом княжестве Финляндском (с 1809 года) и Царстве Польском (1815–1830). В Бессарабской области (с 1812 года до начала 30-х годов XIX века) также существовали элементы самоуправления и учитывались национальные особенности. Не одобряя конституционные проекты, Николай I считал необходимым придерживаться законов, доставшихся ему в наследство от старшего брата. Во всех отношениях он был человеком долга, верным своему слову.

Истинное отношение Николая I к народам России проявилось во время его уже упоминавшегося весьма интимного разговора с начальником канцелярии М. С. Воронцова С. В. Сафоновым в сентябре 1846 года: «Мы не ищем завоеваний, но — прочного устройства там, где владеем, и благосостояния присоединенных к России народов»^[786]. Николай Павлович искренне был в этом уверен и не сомневался в том, что это возможно. Он был человеком — и государем — своего времени, и вряд ли уместно укорять его за то, что в годы революций 1848 года он солидаризировался с запиской К. В. Нессельроде, выступавшего против каких-либо территориальных переделов в связи с идеей самоопределения и «любви народов»^[787].

Естественно, Николай Павлович не мог одобрить и те планы своих «друзей по Четырнадцатому», в которых отразились идеи федеративного устройства России. Критикуя идею раздела России на «12 союзных республик»^[788], отец известного славянофила А. С. Хомякова считал, что ее авторы не знают истории России и не понимают ее народного духа. Возможно, С. А. Хомяков имел в виду «Конституцию» Никиты Муравьева, в соответствии с которой предполагалось образовать 16 федеративных образований, включая 11 территориальных держав, три по национальному признаку (Западная держава с центром в Вильне, Украинская — в Харькове, Кавказская — в Тифлисе) и две области: Столичную (со столицей в Нижнем Новгороде с переименованием его в Славянск) и Донскую с центром в Новочеркасске^[789]. Несомненно, Николаю Павловичу больше импонировали взгляды П. И. Пестеля, считавшего необходимым сохранение единого централизованного государства в границах, расширенных до «естественных пределов», но не больше. Так, в «Русской правде» П. И. Пестель предлагал закрепить за Россией весь Дальний Восток, включая реку Амур на всем его протяжении, часть

Монголии, «киргизские», то есть все казахские земли, Черноморское побережье Кавказа. Считая реку Прут плохой границей, он выступал за присоединение одного из Дунайских княжеств — а именно «Молдавии» (то есть части современной Румынии со столицей в Яссах), с тем, чтобы граница прошла по линии Карпаты — Фокшаны^[790].

Отчасти эти «заявления о намерениях» были вскоре претворены в жизнь самим Николаем I. Так, в результате войны с Персией, по Туркманчайскому договору 1828 года, в состав России была включена Восточная Армения; по Адрианопольскому миру с Турцией — Черноморское побережье Кавказа (которое еще предстояло завоевать) и часть современной Грузии в районе Ахалциха и Ахалкалаки. В 40-е годы продолжается процесс присоединения Казахской степи за счет земель Старшего жуза в районе озера Балхаш, Копала, Семиречья, Приаралья. В конце царствования активно идет хозяйственное освоение Приамурья. Из планов П. И. Пестеля по выходу на «естественные границы» не была полностью осуществлена только та часть, которая относилась к юго-западной границе. По Адрианопольскому договору 1829 года в состав России была включена дельта Дуная (сохранялась до Парижского мира 1856 года) и граница перенесена с Килийского на Георгиевское гирло. Это было небольшое, но важное в стратегическом отношении приобретение, позволявшее контролировать судоходство по Дунаю (оно было потеряно в результате Крымской войны). Дельта Дуная была присоединена к Бессарабской области. В начале царствования Николая I пограничная Бессарабская область с центром в Кишиневе, вошедшая в состав России по Бухарестскому миру 1812 года, обладала определенной автономией. Согласно «Положению о Бессарабской области» 1818 года, она имела привилегию управляться «по обычаям земли молдавской». Высшая законодательная и распорядительная власть находилась у Верховного совета из десяти членов под председательством полномочного наместника. Половина назначалась царем, другие были выборными депутатами. Решения Верховного совета считались окончательными и не подлежали утверждению императором. Аналогично формировались сословные учреждения. В местном делопроизводстве в первые годы после присоединения Бессарабии сохранялся молдавский язык^[791]. Молдавским боярам были дарованы права потомственного дворянства. Рядом привилегий пользовались бояринаши, получившие права личного дворянства. Задача заселения разоренного войнами края решалась за счет привлечения колонистов на покинутые Ногайской ордой земли Буджака,

армянских поселенцев в Григориополе и создания в Тираспольском уезде в 1817 году военных поселений Бугского казачьего войска (из представителей разных национальностей православного вероисповедания, несших ранее пограничную службу по Днестру).

После оккупации Дунайских княжеств в ходе Русско-турецкой войны было принято новое «Учреждение для управления Бессарабской областью» (1828), по которому местная автономия края значительно сократилась. Верховный совет был переименован в Областной и превратился в совещательный орган, хотя некоторые особенности местного управления еще сохранялись. В 1847 году Сенатом был издан «Сборник правил и узаконений, не вошедших в Полное собрание законов Российской империи», относящихся к некоторым регионам, в том числе по Бессарабской области^[792]. Только в 1873 году область была преобразована в губернию, а некоторые особенности местного судопроизводства оставались памятником былой автономии и предметом обсуждения.

A propos

Россия не укладывалась в привычную схему колониальной державы типа Англии или Франции, и не только потому, что не имела (если не считать Аляски) заокеанских колоний. При анализе национальных проблем России необходимо учитывать, что национальный вопрос не всегда совпадал здесь с колониальным угнетением. В начале XIX в. в Российской империи сложилось три типа национальных окраин. Западные национальные окраины (Прибалтика, Литва, Белоруссия, Украина, Царство Польское, Финляндия) по своему социально-экономическому развитию не уступали центральным губерниям, а частично даже превосходили их. Поставки польского сукна, например, составляли серьезную конкуренцию московскому мануфактурному району. Эти «окраины» не были колониями в экономическом смысле, а вопрос о степени «национального угнетения» и политике «русификации» является дискуссионным. В рассматриваемый период национальный вопрос был острым в Польше. В Прибалтике же он скорее был связан с остзейским вопросом. Другой тип аграрно-сырьевых окраин, не развитых в экономическом отношении, был представлен осваиваемым степным Югом и Сибирью, которые при незначительной плотности коренного населения были прежде всего объектами русской колонизации. Разные экологические ниши хозяйствования способствовали сравнительно мирному сосуществованию разных культур. И только третий тип окраин (Центральный Кавказ, Закавказье, Казахстан, некоторые районы Поволжья и Предуралья), где имелся значительный процент местного

населения, являлся объектом колониального и, в меньшей степени, национального угнетения. Здесь местное население частично потеряло свои земли в связи с раздачей их помещикам, казакам или переселенцам и отчуждением для государственных нужд. Этот регион постепенно становился сырьевой базой и рынком сбыта для российской промышленности. На особом положении была Русская Америка, сырьевая заокеанская колония, которая не подвергалась массовой русской колонизации.

К середине XIX в. территория Российской империи (включая Аляску) занимала около 18 млн. кв. км., а численность населения России с конца XVIII в. до Крымской войны выросла с 36 млн. до 61,799 млн. чел. (по административно-полицейскому исчислению 1856 г.). Плотность населения была крайне неравномерна: в Сибири (10 млн. км) проживало 1,3 млн. чел., а в Русской Америке (1,5 млн. км) не более 15 тыс. (индейцы, эскимосы, алеуты, несколько сот русских). К середине века в России насчитывалось 69 губерний и областей. Увеличение численности населения за счет присоединения новых территорий (механический прирост населения) было больше характерно для первой трети XIX в. Во второй трети века стал преобладать естественный прирост в связи с превышением рождаемости над смертностью. Удельный вес русского населения, который до этого падал, в 30 — 50-х гг. снова стал расти. Между VIII и X ревизиями (с 1833 по 1858 г.) он увеличился с 45,32 до 45,74 %.

Общие тенденции в изменении численности и удельного веса отдельных этносов проанализированы историком В. М. Кабузаном. По его данным, в царствование Александра I наиболее крупными этносами после русских были украинцы, белорусы, поляки, литовцы, латыши, татары, финны, евреи. В связи с более низким естественным приростом происходило уменьшение удельного веса украинцев, белорусов (в том числе за счет обрусения), литовцев, латышей. Удельный вес украинцев, обставлявших в начале XIX в. 1/5 часть населения, к X ревизии (1858 г.) несколько снизился (с 19,83 до 17,15 %). Особенно уменьшился удельный вес белорусов (с 8,34 до 5,30 %). При общем увеличении в абсолютных цифрах стабильным оставался удельный вес финнов. В то же время повысился удельный вес татар, немцев, башкир, молдаван (за счет заселения Бессарабии молдаванами из Запрутской Молдавии), казахов и особенно евреев. К царствованию Александра II они вышли на пятое место после славянских народов^[793]. Более высокие темпы прироста были характерны для народов, не знавших крепостного права, за исключением эстонцев и латышей, формально уже «освободившихся». В первой

половине XIX в. (с V по X ревизию) темпы прироста составили у русских 73 %, черемисов /марийцев) — 75, мордвы — 105, эстонцев — 49, татар — 117, башкир — 213 %.

При Николае I были предприняты серьезные усилия по изучению населения Российской империи. В октябре 1841 г. в системе Академии наук было сформировано Третье историко-филологическое отделение, основной задачей которого стала разработка языкознания, истории и этнографии преимущественно восточных и нерусских народов. Обширные историко-этнографические материалы по Кавказу были собраны историком П. Г. Бутковым, ставшим в 1841 г. академиком. Статистик П. И. Кёппен много лет занимался изучением этнического состава населения России и на основе полученной из разных источников информации составил три этнографические карты: С.-Петербургской губернии, Финляндии и Европейской России. Им же в 1852 г. был закончен большой «Этнографический атлас народов России». В Академию наук систематически поступали различные сведения о населении из западных губерний: о русских жителях Выборга, о литовцах Августовской губернии (1849), некоторых губерниях Великого княжества Финляндского (1852). Служащий Российско-Американской компании Л. А. Загоскин в результате путешествия составил «Пешеходную опись части русских владений в Америке» с очерками по этнографии и истории народов Аляски, удостоенную Демидовской премии в 1849 г.^[794]

В одном из разговоров с маркизом де Кюстином Николай Павлович, отметив, что он исполняет волю Петра I, сказал: «Исполнять эту волю весьма непросто; всеобщая покорность заставляет вас думать, будто у нас царит единообразие — избавьтесь от этого заблуждения; нет другой страны, где расы, нравы, верования и умы разнились бы так сильно, как в России. Многообразие лежит в глубине, одинаковость на поверхности: единство наше только кажущееся. Вот, извольте взглянуть, неподалеку от Вас стоят двадцать офицеров; из них только двое первых русские, за ними трое верных нам поляков, другие частью немцы; даже киргизские ханы (в данном случае речь идет о казахах. — Л. В.), случается, доставляют ко мне сыновей, чтобы те воспитывались среди моих кадетов...»^[795] Понимая сложность национальных взаимоотношений, Николай I предпочитал говорить о постепенном «сближении» с русскими других народов (поляков, немцев, евреев), но был против методов насильственного русификаторства. Дочь Николая I великая княжна Ольга Николаевна, характеризуя взгляды

отца по национальному вопросу, сочла нужным особо отметить: «Что же касается Папа, то он не делал разницы ни в именах, ни в национальности. Он считался со способностями и характером человека, требовал уважения и допускал вольномыслие»[{796}](#).

И все-таки, хотя император руководствовался буквой закона, некоторые личные пристрастия и антипатии у него имелись.

«Русские дворяне служат государству, немецкие — нам»: Остзейцы у трона

Одним из уроков 14 декабря явилось недоверие Николая I к русской аристократии, верхушке дворянства, о которой и раньше, будучи великим князем, он был невысокого мнения. Это своеобразное влияние на кадровую политику императора отмечали многие современники^[797]. Родственные узы связывали дом Романовых, который в Германии именовали Голштейн-Готторпским, со многими немецкими владетельными домами. По словам историка А. Е. Преснякова, дом Романовых был российским скорее по национально-патриотическому настрою, чем по кровной связи, и в бытовом отношении также находился под сильным немецким влиянием^[798].

A propos

Но в России были и свои — русские — немцы (старожилы на присоединенных к России территориях, потомки иммигрантов, колонисты). В целом среди населения России удельный вес немцев в первой половине XIX в. увеличился с 0,57 до 1,12 %, причем в Прибалтике немцы составляли 6,5 % (в Курляндии 8 % населения), в Новороссии 2,8 %, в Петербургской губернии и Царстве Польском 5 % населения. Особенно много немцев было в Среднем Поволжье. Так, в Саратовской губернии их насчитывалось почти 10 %, а в Камышинском уезде даже 40,6 % населения^[799]. В наиболее привилегированном положении находились немецкие бароны из трех прибалтийских провинций — Эстляндии (части Эстонии), Лифляндии (от Чудского озера до Рижского залива с южной границей по Западной Двине и с центром в Риге) и Курляндии (к юго-западу от Лифляндии, включая Курголовский полуостров и левобережье Западной Двины, с центром в Митаве, ныне Елгаве). Современная восточная Латвия (Латгалия) входила тогда в северную часть Витебской губернии, где помещиками были поляки-католики. Латыши составляли около половины населения трех прибалтийских губерний. Губернские границы не совпадали с национальными. В Курляндской губернии латышей было 80 % населения, а в Лифляндской — 40 %. Численность коренного населения в Прибалтийских губерниях сокращалась в связи с притоком русских, поляков и евреев. Общий удельный вес латышей в составе населения России в 1833 г. составлял 1,39 % и продолжал снижаться^[800].

Несмотря на явные симпатии Александра I к прибалтийскому дворянству, крестьянское движение накануне войн с Наполеоном заставило его приступить к аграрной реформе в крае. В результате деятельности Комитета по «улучшению быта» остзейских крестьян было принято Положение 20 февраля 1804 г. Согласно этому документу, крестьяне объявлялись пожизненными и наследственными-252 ми держателями своих земельных наделов с сохранением барщины и оброка, которые фиксировались в «вакенбухах». В 1809 г. под давлением помещиков закон был откорректирован в их пользу. Начиная с 1810 г. эстляндские бароны заговорили о безземельном освобождении своих крестьян. 23 мая 1816 г. было принято «Положение об эстляндских крестьянах», в соответствии с которым эстонские крестьяне получили личную свободу без земли, к тому же свобода эта была обставлена многочисленными ограничениями (передвижение крестьян зависело от бывших хозяев). Сохранялись суд и полицейская власть помещика (вплоть до права телесного наказания). Крестьянин мог лишь арендовать свой надел, что вынуждало его соглашаться с барщинной арендой на условиях помещика-барона. Аналогичные «Положения» были распространены на латышских крестьян (25 августа 1817 г. в Курляндии; 26 марта 1819 г. в Лифляндии). Польские помещики в литовско-белорусских губерниях на предложение освободить крестьян ответили уклончиво, выражая готовность «последовать примеру своих братьев-русских»^[801].

Во второй четверти XIX в. сельское хозяйство прибалтийских губерний активно развивалось по прусскому варианту развития капитализма. Началась предпринимательская горячка — «грюндертум». Росла товарность помещичьего мызного хозяйства. Особое значение приобрело картофелеводство, в том числе для винокурения, развитие овцеводства (мериносы), переход к многополью с посадками клевера, производство льна на экспорт. На фоне несправедливого положения эстонского и латышского крестьянства немецкое дворянство (помещики-бароны) и бюргерство в городах сохраняли привилегии, закрепленные за ними при присоединении края к Российской империи.

Николай Павлович считал чрезвычайно важной информацию о положении немецкого населения. Получив письмо наследника Александра Николаевича с впечатлениями от его поездки по Саратовской губернии в 1837 году, он так отреагировал на содержащиеся в нем сведения о колонистах: «Радуюсь, что немецкие колонии найдены тобой в столь

отличном виде и духе»^[802]. Но все же он предпочитал знакомиться с местными проблемами на месте и самолично. Воспользовавшись пребыванием семьи на курорте в Ревеле в мае 1833 года, император совершил путешествие в Прибалтику. Его маршрут пролегал через Псков, Динабург (впоследствии Двинск и Даугавпилс), укрепления которого он занимался будучи великим князем, и Ригу. В Ревеле (Таллине) Николай I поселился во дворце, где останавливался Петр I. Здесь он провел смотр флота, а затем отправился в находящееся рядом имение А. Х. Бенкендорфа «Фалль». Посещением Прибалтики император остался доволен.

По свидетельству М. А. Корфа, в начале 1839 года «князь Васильчиков объяснялся с государем по бывшему перед тем в рассмотрении Комитета министров вопросу о мерах к распространению в Остзейском крае русского языка. Речь коснулась и привилегий этого края, которые вместе со Сводом местных законов должны были в то время подвергнуться окончательному рассмотрению. Васильчиков был русским в душе, однако русским благоразумным и поэтому жарким защитником этих привилегий, освященных царским словом стольких монархов и, как завет предков и старины, дорогих тамошним жителям, всегда отличавшимся преданностью правительству и России»^[803]. Император поддержал И. В. Васильчикова. «Что касается до этих привилегий, — сказал он, — то я и теперь, и пока жив, буду самым строгим их сберегателем, и пусть никто и не думает подбираться ко мне с предложениями о перемене в них, а в доказательство, как я их уважаю, я готов был бы сам сейчас принять диплом на звание тамошнего дворянина, если б дворянство мне его поднесло»^[804]. Обратившись затем к находившемуся рядом наследнику, Николай Павлович добавил: «Это я говорю и для тебя: возьми за неперменное и святое правило всегда держать то, что ты обещал»^[805].

Недовольство местных крестьян, влачивших нищенское существование, нашло выражение, в частности, в своеобразной форме протеста — переходе из лютеранства, которое исповедовали помещики-бароны, в православие. Распространялись слухи, что православным (принявшим «царскую веру») будет выделяться земля. В Южной Эстонии в православие перешло 16 % населения. Массовое крестьянское движение в Пюхаярви в 1841 году заставило правительство вновь обратить внимание на аграрные отношения в Прибалтике. Выступая в Государственном совете 30 марта 1842 года в связи с проектом Положения об обязанных крестьянах, Николай Павлович обратился к неудачному опыту крестьянской реформы в прибалтийских губерниях. «Оставляя крестьян

крепкими той земле, на коей они записаны, проект избегает неудобств тех положений, которые доселе действовали в Остзейских губерниях, положений, доведших крестьян до самого жалкого состояния, обратившего их в батраков и побудивших ныне тамошнее дворянство единодушно просить именно того же, что теперь предлагается»^{806}.

Зимой 1845 года из прибалтийских провинций снова пришли тревожные вести. «Пустили слух, — писала великая княжна Ольга Николаевна, — что государство даст тем, кто перейдет в православие, большие льготы... Во всяком случае, многие перешли в православие, и это повело к враждебным отношениям между крестьянами и их немецкими помещиками... Когда выяснилось, что движение вызвано политическими мотивами и сеяло ненависть между немцами и латышами, был послан Опочинин, чтобы на месте выяснить, каким образом начались беспорядки и от кого исходила пропаганда. Это было начало той борьбы рас, которая в наше время стала еще острее»^{807}. В Лифляндии новое положение было введено в 1849 году. В соответствии с ним помещик был обязан выделить часть мызной земли для аренды и продажи только крестьянам. Тогда же начался постепенный переход от арендной барщины к денежной ренте. Борьба латышских и эстонских крестьян против немецких баронов продолжала принимать все новые формы, одной из которых стало стремление к переселению. В мае 1847 года толпа самовольных переселенцев достигла Порхова, где была остановлена войсками.

Говорить о каком-либо стремлении к русификации Прибалтики, тем более насильственной, бессмысленно. Характерно, например, что военное положение, введенное в 1848 году в западных губерниях, не распространялось на Рижское военное генерал-губернаторство. Вероятно, именно в ориентации на немецкую часть населения Прибалтики и заключалась главная директива, данная Николаем I новому рижскому генерал-губернатору А. А. Суворову. Находившийся тогда на службе в Риге Ю. Ф. Самарин с возмущением писал в апреле 1848 года М. П. Погодину, что Суворов демонстративно подчеркивает свое расположение к немцам и даже пожурил встречавшего его чиновника, что тот обратился к нему на русском языке, а не на своем родном — немецком. «В одном из первых разговоров своих по приезде в Ригу, — писал далее Самарин, — князь Суворов в порыве откровенности сказал: «Признаюсь, не понимаю, к чему эта заботливость о православии, о распространении здесь русской народности. Остзейцы преданы государю — к чему же более?»»^{808}

В 1849 году Ю. Ф. Самарин, виновный в разглашении секретных

документов, как уже отмечалось выше, был посажен в крепость. Николай Павлович, который знал его родителей, вытребовал арестованного к себе для беседы. «Вы, очевидно, возбуждали вражду немцев против русских, — сказал он, — вы ссорили их, тогда как следует их сближать; вы укоряете целые сословия, которые служили верно: начиная с Палена (вероятно, имеется в виду генерал П. П. Панин. — Л. В.), я мог бы высчитать до 150 генералов». Далее Николай произнес уже цитировавшиеся выше и ставшие широко известными слова: «Вы хотите принуждением, силой сделать из немцев русских, с мечом в руках, как Магомет: но мы этого не должны именно потому, что мы — христиане»^[809]. Беседа с царем произвела на Юрия Самарина глубокое впечатление. Николай Павлович отпустил его к родителям в Москву.

Стремление правительства опереться на немцев (как иностранцев, так и остзейцев) получило при Николае I свое дальнейшее развитие. О реакции русского общества на немецкое влияние при дворе и на засилье немецких чиновников в разных ведомствах Николай Павлович был осведомлен. Незадолго до казни П. Г. Каховский писал из Петропавловской крепости в одном из писем императору: «Далек я, чтобы оправдывать леность, нерадение, беспечность дворянства русского. Но со всем тем нельзя не заметить, что тому причиной явное предпочтение, даваемое правительством всем иностранцам без разбора. На этот раз я укажу только на корпус инженеров водяной коммуникации. Там все офицеры, перешедшие к нам из иностранной службы, находятся на жалованье огромном, но пользы от них мало, или лучше сказать, нет никакой»^[810].

Одно из наиболее полных объяснений указанной тенденции дал А. И. Герцен, комментируя высказывание некоего остзейца: «Мы не любим русских, — сказал мне как-то в Риге один известный в Прибалтийском крае человек, — но во всей империи нет более верных императорской фамилии подданных, чем мы». Правительству известно об этой преданности, и оно наводняет немцами министерства и центральные управления... В немецких офицерах и чиновниках русское правительство находит именно то, что ему надобно: точность и бесстрашие машины, молчаливость глухонемых, стоицизм послушания при любых обстоятельствах, усидчивость в работе, не знающую усталости. Добавьте к этому известную честность (очень редкую среди русских) и как раз столько образованности, сколько требует их должность, но совсем не достаточной для понимания того, что вовсе нет заслуги быть безукоризненными и неподкупными орудиями деспотизма; добавьте к этому полнейшее равнодушие к участи тех, которыми они

управляют, глубочайшее презрение к народу, совершенное незнание национального характера, и всем станет понятно, почему народ ненавидит немцев и почему правительство так любит их»^{811}.

В сущности, об этом же писал представитель обедневших потомков немецких крестоносцев, инженер Главного управления путей сообщения и публичных зданий А. И. Дельвиг (двоюродный брат поэта А. А. Дельвига), принявший православие еще в училище (поступок для остзейца!). В своих мемуарах, описывая события около 1846 года, он попутно заметил: «Мне тогда еще не была вполне известна вся ненависть остзейских дворян, моих земляков, к России, к которой присоединены более 150 лет, но не признают ее своим отечеством, а служат, как они говорят, не ей, а государю, и этою преданностью эксплуатируют в свою пользу всю русскую землю»^{812}. По свидетельству современников, Николай Павлович заявлял: «Русские дворяне служат государству, немецкие — нам»^{813}. Как писал тот же А. И. Дельвиг, когда речь шла о каких-то назначениях, ревизиях и т. д., выбор императора из числа нескольких претендентов часто падал на тех, у кого была немецкая фамилия.

Достаточно сказать, что Главным управлением путей сообщения (с 1832 года Главным управлением путей сообщения и публичных зданий), где служил мемуарист, последовательно управляли герцог А. Вюртембергский (1822–1833), К. Ф. Толь (1833–1842), П. А. Клейнмихель (1842–1855). Среди офицерского состава некоторых гвардейских полков немцев было до 12 %^{814}. Врачи традиционно старались поддерживать свою корпоративность по национальному принципу. Во многом это было характерно и для дипломатического корпуса. Великая княжна Ольга Николаевна была вынуждена отметить: «При Нессельроде было много блестящих дипломатов, почти все немецкого происхождения, как, например, Мейендорф, Пален, Матусевич, Будберг, Бруннов. Единственных русских среди них, Татищева и Северина, министр недолго любил, как и Горчакова»^{815}.

Особое отношение к немецкому чиновничеству и остзейскому дворянству отмечают и другие источники^{816}. Тем большим диссонансом выглядит утверждение стороннего наблюдателя о том, что в Прибалтике Николай I якобы поддерживал местное крестьянство, хотя и освобожденное от крепостного права еще при Александре I, но влачившее жалкое существование под контролем помещиков-баронов^{817}. На самом деле, Николай Павлович последовательно становился на защиту сословных прав и привилегий немецких баронов и бюргеров. Показательно, например, что

удовлетворение требования офицера фон Бринкена в 1833 году, пожелавшего, чтобы его судило местное дворянство, вызвало раздраженное замечание А. С. Пушкина: «Конечно, со стороны государя есть что-то рыцарское, но государь не рыцарь»^[818]. Когда же лифляндское дворянство отказалось судить фон Бринкена, под предлогом, что он воспитывался в корпусе в Петербурге, поэт в записи от 3 мая 1834 года удовлетворенно откликнулся: «Вот тебе шиш и — поделом»^[819].

При дворе немецкое окружение также бросалось в глаза. Когда в 1837 году М. Ю. Лермонтов написал свое известное стихотворение «Смерть поэта», то в строке: «Вы, жадною толпой стоящие у трона» он, несомненно, имел в виду и остзейское окружение императорской семьи, в том числе А. Х. Бенкендорфа с его остзейско-вюртембергскими по родителям корнями. Известная мемуаристка А. О. Смирнова-Россет писала о нем: «Он обладает педантическим упрямством немецкого советника, он совершенно лишен идеала, воображения и был бы превосходным чиновником в Гессен-Касселе и всякой другой трущобе; он действует в стране, которой не знает, он исполнен тайного презрения немцев к die Russen, он не любит России»^[820].

В окружении царя имелись целые династии Ливен и Адлербергов, семейное благополучие которых было заложено женщинами. Уже упоминавшаяся статс-дама (1794) Шарлотта Карловна Ливен заведовала воспитанием дочерей Павла I, а затем его младших сыновей Николая и Михаила. Впоследствии она занялась воспитанием дочерей Николая Павловича. Возведенная в 1799 году Павлом I с потомством в графини, она получила при воцарении Николая I княжеский титул, а в декабре того же 1826 года — светлейшей княгини. Этому не помешало и то, что она была известна как большая придворная сплетница. В донесении директора канцелярии III Отделения М. Я. Фока от 5 августа 1826 года сообщалось: «Слухи, распускаемые придворной челядью и лицами, окружающими графиню Ливен, одни смешнее и нелепее другого»^[821]. Светлейшая графиня способствовала выдвижению своих родственников. Ее старший сын генерал от инфантерии (1827) Карл Андреевич Ливен, как уже отмечалось, стал министром народного просвещения; средний — генерал от кавалерии (1819) Христофор Андреевич — долгие годы провел послом в Лондоне (1812–1834), причем до семейного «разъезда» «им управляла жена его Дарья Христофоровна, урожденная Бенкендорф» (сестра Александра Христофоровича). Сын Карла — Вильгельм Карлович — выдвинулся в последние годы жизни Николая Павловича, став одним из «самых выдающихся», с точки зрения Оттона де Брэ, приближенных

императора^{822}. Он продолжил карьеру при Александре II прибалтийским генерал-губернатором (1861–1863). Характеризуя его за десяток лет до этого, Оттон де Брэ писал, что, «происходя из дворянского рода Курляндии, барон — преданный слуга России, но не забывает, однако, своего немецкого происхождения»^{823}.

Другой династией, приближенной к трону, были Адлерберги, имевшие шведско-немецкие корни. Возвышение этой фамилии было обязано вдове Выборгского коменданта Юлии Федоровне Адлерберг, урожденной Багговут. Она имела прямое отношение к воспитанию Николая Павловича. Князь Петр Долгоруков писал: «Шарлотта Карловна Ливен определила Юлию Федоровну Адлерберг нянюшкой: сперва к великому князю Николаю Павловичу, а потом к великому князю Михаилу Павловичу. Юлия Федоровна усердно мыла и обтирала этих двух индивидуумов, а между тем, будучи женщиной хитрой и ловкой и под личиной холодного добродушия весьма вкрадчивой, втерлась в доверие к императрице Марии Федоровне»^{824}. В этой цитате допущена одна неточность: Ю. Ф. Адлерберг была назначена не няней, а гувернанткой великого князя Николая Павловича (1797–1802), заняв в дальнейшем почти на четыре десятилетия должность начальницы Смольного института (1802–1839). В 1824 году она стала статс-дамой. Но по сути князь-публицист прав. Вот что писала в одном из вариантов автобиографических записок А. О. Смирнова-Россет: «При царских детях были дамы, которых называли полковницами. Они давали отчет доктору о состоянии здоровья ребенка, заставляли его молиться и были неотлучны от него. Полковницей в[еликого] князя Николая была полковница Адлерберг, а ее помощницей полковница Тауберт. Вот откуда та привязанность, которой пользовались и пользуются Адлерберги»^{825}.

Уже в 1827 году, когда А. И. Чернышев был назначен военным министром, а П. А. Клейнмихель — дежурным генералом, В. Ф. Адлерберг стал начальником Военно-походной канцелярии и командующим Главной квартирой. «Чернышевское время, — писал П. В. Долгоруков, — ознаменовано было в Военном министерстве воровством, доходившем до грабежа: Чернышев, Клейнмихель и Адлерберг брали подряды и поставки под чужим именем и делили между собой огромные суммы. Когда в марте 1842 года один из самых презренных царедворцев эпохи Александра I и Николая, князь Александр Николаевич Голицын, низкопоклонный под личиной добродушия, подлый под личиной вельможи и развратный под личиной ханжи, потеряв зрение, принужден был оставить двор и звание

министра почт, звание это было возложено на Адлерберга. Владимир Федорович отличается совершенным отсутствием ума, соображений и познаний: трудно встретить такую полную, совершенную, безграничную бездарность»^{826}.

Впрочем, Николая Павловича он устраивал, так как сохранял звание главноуправляющего почтовой частью до 1856 года. По замечанию А. О. Смирновой-Россет, Адлерберг «вполне заслуживал доверие, которым пользовался»^{827}. В 1852 году он одновременно занял пост, требующий ежедневного общения с императором, — министра Императорского двора и уделов. Его сын, Александр Владимирович, в свою очередь, стал одним из доверенных лиц Александра II, командующим Императорской главной квартирой (с 1861 года), впоследствии министром Императорского двора и уделов, унаследовав этот пост от отца (1870–1882). Дочь Юлии Федоровны Адлерберг, тоже Юлия Федоровна, в замужестве Баранова, стала воспитательницей дочерей императорской семьи, статс-дамой (1846), гофмейстериной Александры Федоровны (1855). В 1846 году она была вместе с потомством возведена в графское достоинство.

Выражавший оппозиционные настроения русской аристократии князь П. В. Долгоруков напишет в 1862 году: «Адлерберги и родственники их Барановы ныне составляют какую-то особую династию, которая с присовокуплением к ней разных приближенных царских составляет в России какое-то особое сословие: царскую дворню. Сословие это, подобно тинистому и грязному болоту, окружает престол и отделяет его от России. Когда Александр Николаевич воцарился, по Петербургу ходила какая-то песенка, написанная господином, по-видимому, весьма незнакомым с историей, потому что он принимал Голштейн-Готторпов за Романовых. Куплеты этой песенки я позабыл, но помню припев их:

От Адлербергов и Барановых,
Избави, Боже, дом Романовых»^{828}.

«Ведь вам же хорошо было»: Царство Польское

На другом полюсе симпатий и антипатий Николая Павловича находились поляки. В «Записке о положении дел в Европе», составленной в начале 1848 года, император, отмечая влияние предшествующих событий в Европе в 1830 году, в частности Июльской революции во Франции и восстания в Бельгии, писал: «Польша вздумала последовать их примеру; с Божьего соизволения Россия подала пример сопротивления. За эту попытку Польша заплатила своим существованием. Если бы так было везде»^[829].

A propos

Выполняя обещания, данные на Венском конгрессе, Александр I даровал польским землям, включенным в состав Российской империи, конституцию под названием «Учредительная хартия»^[830]. Разграничением границ с Пруссией и Австрией и введением в действие конституции занимался председатель Временного правительствующего совета Царства Польского В. С. Ланской. Впрочем, он не был сторонником широкой автономии, подчеркивая, что этот акт не приведет к сближению поляков с Россией. В границах России (включая старые территории Речи Посполитой, вошедшие в состав империи при Екатерине II) оказалось более половины всех поляков (54,5 %); остальные же оказались в составе Австрийской империи (28,95 %) и Прусского королевства (17,05 %)^[831]. В составе населения России поляков было около 6 %. На территории Царства Польского они составляли в начале XIX в. 73 %, в 1858 г. — 71,35 % (снижение за счет более высоких темпов естественного прироста евреев, украинцев и переселения немцев). На территории Правобережной Украины поляки составляли 6 %, в Белорусско-Литовском регионе — 5 %^[832]. В связи с уменьшением численности белорусов во второй четверти XIX в. поляки стали третьим этносом в России после русских и украинцев. Николай Павлович в начале царствования был доволен Польшей, которая залечила раны после Наполеоновских войн. Польская армия представлялась блестящей, промышленность — процветающей. Население Польши в период 1815–1830 гг. увеличилось с 2,7 до 4 млн. чел, а Варшавы — с 80 до 150 тыс.

В соответствии с «Учредительной хартией», в Царстве (Королевстве) Польском была введена широкая автономия, создан сейм, состоящий из двух палат: сената, члены которого назначались царем, и Посольской избы с избранием депутатов на местах. Для управления текущими делами были образованы Государственный совет и министерства. Господствующей религией на территории Польши объявили католическую, хотя допускались и другие конфессии. В Варшаве был создан университет, польский язык принят в делопроизводстве на всех уровнях. Были оставлены в силе наполеоновские декреты 1807–1808 годов: отмена крепостного права без земли, гражданский кодекс. Финансово-промышленные льготы способствовали подъему разоренной войнами экономики. Наместником был назначен польский генерал И. Зайончек. Польша получила армию с преобладанием польских частей (хотя и во главе с непопулярным цесаревичем Константином), находившуюся в привилегированном положении: ее отличали восьмилетний срок службы и повышенные оклады офицерам. Правда, В. С. Ланской еще тогда предвидел, что, создавая польскую армию, «мы питаем себе змия, готового всегда излить свой яд на нас»^[833]. При Александре I уже наметились противоречия между конституционными учреждениями Польши и самодержавием, между Петербургом и Варшавой. Начались некоторые цензурные ограничения.

Биографы Николая I отмечают, что негативное отношение к полякам сложилось у него в детстве из рассказов его няни Е. В. Лайон, которая в 1794 году случайно оказалась во время восстания в Варшаве и вместе с другими русскими дамами провела время в семимесячном заключении^[834]. От нее Николай узнал о происходивших тогда жестокостях. Позднее, проезжая в 1814–1815 годах по дорогам Польши, великий князь Николай Павлович мог наглядно убедиться в неприязни поляков к русским. Годом позже, в 1816 году, побывав в Витебской губернии, он записал в «Общем журнале по гражданской и промышленной части»: «В Белоруссии дворянство почти все из весьма богатых поляков, отнюдь не показало преданности к России, и, кроме некоторых витебских и южных могилевских дворян, все прочие присягнули Наполеону»^[835].

В манифесте, обращенном к польским подданным при восшествии Николая I на престол, подтверждались все права и привилегии Польского королевства: «Учреждения, данные вам блаженной памяти императором и королем Александром I, останутся без изменений. Я обещаю и клянусь перед Богом соблюдать конституционную хартию»^[836]. Но не более! Николаю Павловичу была чужда сама мысль о возможной политической

независимости Польши, содержащаяся в «Русской правде» Пестеля. Тем более кощунственной представлялась ему идея «правильной сдачи губерний» (части земель Виленской, Минской, Волынской и Подольской) «дружественному» славянскому государству, что при известных условиях допускалось П. И. Пестелем^{837}. В то же время в первые годы царствования перед Николаем I возникала деликатная проблема, которую он по-своему пытался разрешить, — конституционное устройство Царства Польского, выглядевшее инородным телом в самодержавном государстве. Заявляя в цитиrowанном разговоре с маркизом де Кюстином, что он «сам возглавлял представительную монархию», Николай Павлович вполне искренно негодовал на «неблагодарную» Польшу.

Начало царствования Николая не привело к серьезным преследованиям польских членов тайных обществ. Константин, призывая своего брата к репрессиям, был против судебных преследований поляков. Следственная комиссия в Варшаве арестовала всего 8 человек, причем следствие над ними тянулось до 1828 года. Все обвиняемые, за исключением одного, были оправданы, один отделался легким наказанием за недонесение о заговоре. После того как в 1826 году умер старый наместник польский генерал Иосиф Зайончек, Константин Павлович сосредоточил в своих руках все управление Польшей и как наместник, и как командующий польской армией. Ему же был подчинен Литовский корпус, точнее войска северо-западных губерний, ранее входивших в состав Речи Посполитой.

Русско-персидская и Русско-турецкая войны не оставили времени Николаю Павловичу посетить Польшу. Впрочем, он не очень-то и торопился встретиться с Константином, хотя о своем королевстве не забывал. В день своего торжественного въезда в Варну 1 (13) октября 1828 года в письме к цесаревичу Константину Павловичу Николай I писал: «Я жалую Варшаве 12 орудий, как замечательное историческое воспоминание, ибо достойно внимания, что здесь явилась именно русская армия с польским королем, чтобы отомстить смерть другого польского короля. Да сблизятся поляки и русские все более друг с другом. Вот в чем цель всех моих желаний и всех стремлений моего разума. Быть может, подаренные пушки докажут то, что я высказываю здесь этими словами»^{838}. Помня о том, что он является польским королем, Николай Павлович проявил здесь хорошее знание истории: польский король Владислав III погиб под Варной 10 ноября 1444 года. «Смерть Владислава отомщена», — сказал император, въезжая в крепость^{839}. Однако пушки, подаренные им Варшаве, спустя

два года будут стрелять по русским войскам.

Оппозиционные настроения польских депутатов проявились уже во время коронации Николая I в Варшаве в зале Сената 12 (24) мая 1829 года, когда он сделал то, что должен был сделать, но не сделал, следуя параграфу 45 Конституционной хартии, Александр I. Церемония коронации императора как польского короля олицетворяла собой идею унии Польши с Россией. Как всегда, Николай Павлович уделил большое внимание разработке процедурной части. Единственным отступлением от традиций было коронование не в Кракове, находившемся за пределами границ Царства Польского, а в Варшаве. Церемония была встречена должностными лицами холодно, не последовало ни аплодисментов, ни каких-либо других знаков приветствия. «Глубокое благоволение и слезы радости» польской знати в восприятии присутствовавшего при коронации В. А. Жуковского^[840], скорее, были скорбью и слезами горя. (Тогда еще не было известно о том, что молодой шляхтич Смагловский хотел организовать в тронном зале покушение на императора^[841].) Еще одно предзнаменование омрачило пребывание императора в Варшаве. При его въезде в город 5 (17) мая лошадь Константина Павловича, который должен был командовать парадом, вдруг заупрямилась и отказалась повиноваться. Цесаревичу, пока ему не подвели запасную лошадь, пришлось преодолеть часть пути пешком.

Пребывание в Польше Николай Павлович использовал для поездки в Берлин, где пробыл 6 дней. Затем он снова вернулся в Варшаву. Здесь было получено известие о победе Дибича над турками при Кулевчи. 13 (25) июня в сопровождении цесаревича Николай выехал из Варшавы.

Через год, 2 мая 1830 года, император с А. Х. Бенкендорфом вновь направился по тракту на Динабург (Двинск) через Ковно (Каунас) и Остроленку в Варшаву, куда прибыл 8 (20) числа для участия в четвертом сейме, оказавшемся последним. Министр внутренних дел представил Николаю Павловичу список из 16 депутатов, которым следовало для обеспечения правительственного большинства назначить пенсии или отблагодарить другим способом. Николай ответил негодующим отказом. Позднее он рассказывал П. Д. Киселеву: «Поверите ли, один министр, между прочим, весьма уважаемый, явился ко мне просить средства для привлечения голосов, чтобы получить большинство, без коего можно было попасть в зависимость от оппозиции. Он просил должности, награды, деньги и обещания тем, кто не станет вносить свое имя в списки, в коих уже значилось более 60 имен. Я был возмущен! Не думаю, что монарх

может унизить себя и опуститься до такой степени»^{842}.

Описывая пребывание императора в Польше, А. Х. Бенкендорф, несомненно, корректировал записи сообразно последующим событиям, но все же писал откровенно: «Вообще в Царстве ничего не изменилось, кроме разве того, что были еще недовольнее самовластным правлением цесаревича. Всякая надежда поляков на перемену к лучшему исчезла, даже многие из русских, окружавших цесаревича, приходили доверить мне свои жалобы и общий ропот. Я держался настороже против этих откровений; но они были так единодушны и так искренни, что невольно пробудили во мне чувство сострадания к полякам, а еще более к трудному и жестокому положению государя. Цесаревич в личном обращении своем с ним всегда представлялся почтительным и 264 покорным подданным; но в сношениях с министрами и даже в разговорах с своими приближенными он нисколько не таил постоянной оппозиции... Можно было тогда же предугадать близость реакции и бунта, если бы жалобы скрывались в тайне; но они высказывались совершенно явно. На государя все смотрели как на надежду лучшей будущности, и возрастающее благосостояние края служило важным перевесом тем неприятностям и унижениям, от которых терпели отдельные личности, а не нация»^{843}.

Вместе с императрицей Николай I присутствовал на открытии 16 (28) мая сейма. Он говорил на французском языке и призывал поляков благоразумно пользоваться конституционными правами. Вероятно, Николай Павлович делал над собой усилие: в губерниях, включенных в состав России еще при Екатерине II после раздела Речи Посполитой, в общении с польскими помещиками император предпочитал русский язык. Цесаревич Константин Павлович не одобрял действия своего младшего «брatца». Так же, как это было год назад во время коронации Николая I как польского короля, он выступал против созыва сейма и называл его «нелепой шуткой». Однако Николай Павлович настоял на своем. Цесаревичу пришлось присутствовать на сейме среди депутатов в качестве представителя предместья Варшавы Праги^{844}. Как отметил историк А. А. Кизеветтер, Николай I мог принять только одно из двух решений: «...Или конституцию нужно уничтожить, или, если она существует, ее нужно соблюдать, — *tertium non datur*» («третьего не дано»)^{845}.

Николай Павлович присутствовал на сейме один день, когда обсуждался вопрос об открытии памятника Александру I, затем поехал осматривать войска в Брест-Литовск, Седлец (Седльце), Елизаветград (ныне г. Кировоград). Побывав в имении графини Браницкой под Белой

Церковью, он посетил Киев и через Брест-Литовск вторично въехал в Польшу. 7 июня император вернулся в Варшаву и через неделю закрыл сейм, который отверг даже безобидный проект, интересовавший Николая Павловича, об ограничении разводов. В заключительном слове 16 (28) июня Николай сказал: «Хотя и находясь вдали от вас, я всегда буду стоять на страже вашего истинного счастья»^{846}. «Все окончилось по виду миролюбиво, — писал А. Х. Бенкендорф, — хотя, в сущности, довольно холодно»^{847}. Николай Павлович был обижен отсутствием поддержки на сейме, подчеркиванием польских цветов в нарядах дам, отсутствием многих приглашенных на бал в его честь. Он заметил: «Может быть, это патриотично, но совсем невежливо»^{848}.

И все же ничто не предвещало трагических событий. Тем неожиданнее оказалось для Николая Павловича известие о начале польского восстания в ноябре 1830 года. Телеграмма из Варшавы, датированная 17 (29) ноября, пришла в Петербург через Берлин (!): «Общее восстание. Заговорщики овладели городом. Его Императорское Высочество жив и здоров, он в безопасности посреди русских войск»^{849}. В ту ночь группа конспираторов и члены тайного шляхетского общества школы подхорунжих с криками «Смерть тирану!» напали на Бельведер. Предупрежденный женой Константин Павлович успел бежать из Бельведерского дворца. Были убиты русский генерал-майор А. А. Жандр, обер-полицмейстер поляк Ф. К. Любовицкий, польский военный министр М. И. Гауке и еще шесть польских генералов, оставшихся верными присяге, в том числе начальник пехоты граф Станислав Потоцкий, Цементовский, Трембицкий, Брюмер и Новицкий. Восставшие захватили арсенал и вооружились. В течение суток восстание охватило всю Польшу, и Константин Павлович отдал приказ примерно семитысячной русской армии отступить за Буг.

Поводом для восстания стали слухи о дополнительном призыве в армию в связи с революциями в Европе и манифест Николая I по поводу Бельгийской революции. Говорили, что польская армия будет авангардом русской при ее подавлении. Но это был всего лишь предлог. Уж слишком оскорблено оказалось национальное чувство поляков, потерявших свою государственность в конце XVIII века в результате соглашений Пруссии, России и Австрии.

Цесаревич Константин повел себя довольно странно. «Не желаю вмешиваться в эту польскую драку», — заявил он. Позднее он говорил польским офицерам: «Я более поляк, чем все вы, я женат на польке. Я так долго говорил на вашем языке, что с трудом изъясняюсь теперь по-

русски»^{850}. Якобы для того, чтобы избежать кровопролития, он, после своего отхода из Варшавы, освободил от присяги оставшиеся верными ему польские части (лейб-гвардии Конно-Егерский полк, отдельные другие роты; всего около 4 тысяч поляков). В начале декабря русские войска покинули Польшу. Власть перешла сначала к Временному правительству, затем к диктатору Иозефу Хлопицкому.

Общественное мнение в Европе сложилось в пользу поляков. А. Х. Бенкендорф писал: «Либеральные журналы немецкие и английские поощряли и разжигали их своими напыщенными возгласами о свободе и национальной самостоятельности. Галиция и Познань рукоплескали варшавскому движению, как бы предвидя в нем и собственное свое возрождение, а европейские кабинеты улыбались этой новой помехе России на пути возрастающего ее могущества. Соседи же наши, как Австрия, так и Пруссия, еще не видя в событиях Царства Польского близкой опасности для самих себя, не принимали мер, чтобы воспрепятствовать своим польским подданным оказывать содействие, и людьми и деньгами, общей их отчизне»^{851}.

После установления в Варшаве умеренной диктатуры генерала И. Г. Хлопицкого поляки послали в Петербург депутатов — министра финансов князя Ф. К. Любецкого (Друцкого-Любецкого) и члена сейма графа Езерского. Целью неофициальных контактов были поиски компромисса с Николаем I после того, как положение в Польше несколько стабилизировалось. Польское правительство было готово пойти на уступки при соблюдении следующих требований: точное соблюдение конституции 1815 года, амнистия и присоединение к Царству Польскому восьми «воеводств», то есть литовско-белорусских губерний и Правобережной Украины. Прозвучало и пожелание оккупации польскими войсками австрийской Галиции.

Для Николая I это оказалось неприемлемо, он и не собирался обсуждать предложения польской стороны. Император принял посланцев отдельно — не как представителей нового правительства, но как своего министра (Любецкого) и «путешественника» (Езерского). А. Х. Бенкендорф вспоминал об этой встрече: «Призвав к себе одного Любецкого, в качестве своего министра, но и то в присутствии великого князя Михаила Павловича и еще нескольких других свидетелей, он (император. — Л. В.) много и очень строго говорил о варшавских мерзостях и не допустил Любецкого произнести ни одного слова касательно его миссии. Мне поручено было переговорить в том же духе с Езерским, которого государь принял

несколько позже, неофициально и при мне. Любецкому он велел остаться в Петербурге, а Езерскому позволил возвратиться в Варшаву, уполномочив его передать там все им слышанное, по письменному мною составленному изложению. Это было последним средством, которое государь в великодушии своем хотел еще испытать, для избавления мятежных своих подданных от ужасов войны и от наказания за дальнейшее неповиновение. Бумага оканчивалась следующими словами: «Первый пушечный выстрел, сделанный поляками, убьет Польшу»^{852}.

В разговоре с Езерским Николай Павлович, требуя безоговорочного подчинения поляков, тем не менее сказал:

«Роль палача отталкивает меня, и я хочу воспользоваться лишь правом миловать»^{853}. 12 декабря был опубликован манифест, в котором говорилось о примирении со всеми, кто вернется к исполнению долга. А за четыре дня до этого император писал цесаревичу: «Если один из народов и двух престолов должен погибнуть, могу ли я колебаться хоть мгновение?»^{854} Не забывал он и о родстве славянских народов. «Вспомните, — говорил он, выступая перед офицерами в Михайловском манеже 26 ноября 1830 года, — что вы братья одной крови»^{855}. Впрочем, поляки тоже подчеркивали общность, но другого плана. Тогда родился лозунг: «За нашу и вашу свободу». Однако крестьянское население Польши заняло пассивную позицию. Землю им не обещали, а лозунг восстановления Польши от Балтики до Черного моря с белорусскими и украинскими землями был нереален. «Наварили себе паны пива, так сами его и пейте», — заявили в одном из сел крестьяне на призыв вступить в повстанческую армию.

Пока польские депутаты оставались в Петербурге, диктатор Хлопицкий послал к ним с депешами офицера лейб-гвардии КонноЕгерского полка Тадеуша Вылежинского. По возможности ему было поручено рассказать об обстановке в Польше самому императору. 21 декабря он выехал из Варшавы и на восьмой день прибыл в Петербург. Первый разговор 28 декабря у него состоялся с И. И. Дибичем, второй — с А. Х. Бенкендорфом, который дал волю своим чувствам. Собственно, он изложил взгляды уязвленного императора. «Посмотрите на Галицию, — сказал Бенкендорф, — разве она не несчастнее вас? Нет там ни народного представительства, ни конституции, ни войска, ни польских чиновников, ни даже польского языка, да сверх того обременена податями. То же самое и великое княжество Познанское... Сравните себя с Литвою, с Волынью и другими польскими провинциями, состоящими под русским управлением,

— что за громадная разница!.. Только в одном Царстве Польском, где полякам было лучше всего, вспыхнула революция! Подумайте только, как ваш край процветал! — чужестранцы дивились. Население увеличивалось, налоги не были чрезмерны, управлялись вы сами, все отрасли промышленности, земледелие и фабричное производство развивались превосходно, города росли, вся Польша представляла собою подобие драгоценного камня, на который приятно было смотреть. Была одна беда — действительно вел. кн. Константин тормозил намерения государя, но надо было немного потерпеть. Решено отозвать великого князя, и тогда для полного своего счастья вы ни в чем уже не нуждались бы и стали счастливейшим народом на свете»^{856}. Естественно, А. Х. Бенкендорф несколько лукавил. В частности, политика министра финансов Царства Польского Ф. К. Любецкого, поддержавшего восставших, была направлена на повышение сбора налогов. Но ситуация была несопоставима с той же австрийской Галицией. Не случайно И. И. Дибич во время предшествующей беседы особо отметил возмущение Николая I поведением сенатора министра финансов князя Ф. К. Друцкого-Любецкого, которого он сам же назначил и который «будучи министром государя, должен был строго охранять конституцию, думать о счастье края, предупреждать зло, откуда бы оно ни происходило»^{857}.

Наконец, 30 декабря, в полдесятого вечера, посланец польского диктатора был приглашен как частное лицо к императору в Аничков дворец. Государь в сердцах выговорил ему: «Ведь вам же хорошо было! Конституцию, которую я застал, я уважал и хранил без изменения. Приехав в Варшаву на коронацию, я сделал столько добра, сколько мог сделать. Быть может, и было что-то нехорошее, но я тут ни при чем. Надлежало войти в мое положение и иметь ко мне доверие. Я желал, чтобы все было хорошо, и желание свое, в конце концов, осуществил бы»^{858}. Николай Павлович потребовал «совершенного, безусловного подчинения». Он дал понять, что возможно прощение, хотя ему трудно будет сдерживать возмущение «русских подданных». Повесить, признавал он, придется только подстрекателей, не более пяти-шести человек^{859}. Услышав мнение Вылежинского, что поляки «останутся глухи к словам манифеста», государь заключил: «Ежели вы полагаете, что они не пожелают добровольно подчиниться, то остается одно средство, к которому я должен буду прибегнуть как император всероссийский и как король польский. Один только выстрел с вашей стороны, и я уже ни за что не отвечаю. Скажите об этом и в Варшаве»^{860}. Мужество и честность Т.

Вылежинского произвели впечатление на императора. Он разрешил ему вернуться в Варшаву и даже назначил его своим флигель-адъютантом.

18 января в Варшаве было создано консервативное правительство во главе с одним из бывших «молодых друзей» Александра I князем Адамом Чарторыйским. Когда от Езерского узнали, что Николай I предлагает только амнистию в случае подчинения, сейм по предложению Романа Солтыка 13 (25) января 1831 года принял решение о детронизации Николая I и его наследников, а также об освобождении от присяги не только поляков в королевстве, но и их «братьев» — восьми восточных воеводств. Узнав об этом, император сказал: «Тем лучше. Теперь я могу обходиться с ними не как с подданными, а как с врагами»^[861]. Притязания поляков на Литву, Белоруссию и Правобережную Украину дали основание Николаю I заявить, что они восстали не ради сохранения хартии 1815 года, а ради захвата русских губерний. Фридрих Вильгельм III и Меттерних заключили с Николаем I конвенцию против повстанцев.

Тем временем, еще в декабре 1830 года, главнокомандующим русской армией, направляемой в Польшу, был назначен И. И. Дибич-Забалканский. 18 (30) января армия перешла польскую границу. В записке, составленной вскоре после этого, Николай I писал, что «Польша всегда была соперница и непримиримый враг России». Не одобряя присоединения коренных польских земель к России в 1815 году, он выдвинул идею передачи Австрии и Пруссии большей части ее территории. Помимо прочего, это давало возможность спрямить оборонительные рубежи России на Западе, ликвидировав польский «выступ». Государь писал: «Объявить, что честь России получила полное удовлетворение завоеванием королевства, но что Россия не имеет никакого интереса владеть страной, неблагодарность которой столь очевидна, что ее истинные интересы требуют установить свою границу по Висле и Нареву; что она отказывается от всего остального, как недостойного принадлежать ей, предоставляя своим союзникам поступить с ним по своему усмотрению...» Единственно необходимым Николай I считал сохранение за российским императором титула короля польского «во избежание того, чтобы подобное наименование, данное другой какой-либо части, не создало вновь государства, враждебного России, чего она не потерпит ни в каком случае»^[862]. Вероятно, с геополитической точки зрения это было бы правильно, но такой расклад после польского восстания не мог устроить ни пруссаков, ни австрийцев, ни самих поляков. Во всяком случае, ответа от Пруссии император не дождался.

Тем временем 21 января 1831 года в Белостоке с И. И. Дибичем соединился великий князь Константин Павлович. Схватка предстояла нешуточная. Польская армия была прекрасно вооружена и обучена, а захваченные поляками арсеналы создавали возможность ее увеличения. К началу боевых действий польская армия насчитывала около 80 тысяч человек и от 140 до 158 орудий. В дальнейшем после мобилизации ее численность увеличилась до 130–140 тысяч человек. Под командованием Дибича было в первой линии около 120 тысяч человек, а всего 183 тысячи штыков и сабель и 664 орудия.

Первое столкновение под Сточком 2 (14) февраля закончилось победой польских войск. 13 (25) февраля на подступах к варшавскому восточному предместью Праге (на правом берегу Вислы) под Гроховом (Грохув) произошло крупное сражение. Трехкратное превосходство русских в живой силе и артиллерии позволило им нанести польской армии поражение. Хлопицкий был серьезно ранен. Обе стороны понесли значительные потери. Был почти полностью уничтожен кирасирский полк имени принца Альберта. Польская армия с достоинством отступила под защиту пражских орудий. Поляки оставили на поле боя 10 тысяч человек убитыми и ранеными, русские — 8 тысяч. Русские заняли предместье Варшавы Прагу. В польской столице началась паника. Однако И. И. Дибич в решительную минуту остановил войска. Победа стала походить на поражение. А. Х. Бенкендорф пишет: «В упомянутую выше минуту, когда он вел свои колонны на пражские укрепления, один генерал дал ему совет приостановить нападение, чтобы избежать кровопролития, и он имел слабость его послушаться»^[863]. И. И. Дибич не раскрыл имени этого генерала, но Александр Христофорович считал, что им был великий князь Константин Павлович.

В марте польские войска неожиданно перешли Вислу и в одиннадцатидневной кампании нанесли поражение трем отдельным группировкам русской армии. Потери русских составили чуть ли не 16 тысяч человек, 10 знамен и 30 пушек. В марте польская армия, также скрытно, перешла Буг, чтобы воспрепятствовать соединению армии И. И. Дибича и гвардейского корпуса под командованием великого князя Михаила и К. И. Бистрома. На этот раз их замысел не удался. Благодаря значительному превосходству в силах 14 (26) мая под Остроленкой полякам было нанесено поражение, которое вынудило их вновь отступить к Варшаве. Восстание в Литве и на Волыни, куда вторгся польский корпус генерала Ю. Дверницкого, было также подавлено.

Итоги четырехмесячного командования в Польше И. И. Дибича были в

целом неутешительны. Звезда полководца закатилась. «Докажите, что вы еще старый Забалканский», — писал ему Николай I июня¹⁸⁶⁴. 29 мая (10 июня) в селе Клешове, около Пултуска, Дибич заболел холерой, свирепствовавшей в Польше, и в тот же день умер. Смерть спасла его от немилости и отставки. 3 июня Николай Павлович получил известие о его смерти и на следующий день назначил главнокомандующим генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича. Через день после его приезда, в ночь с 13 на 14 июня, скончался великий князь Константин Павлович. После сражения под Гроховым, в связи с размолвкой с Дибичем, он оставил войска и отбыл в Белосток, где находилась его больная супруга княгиня Лович. Под угрозой захвата Белостока повстанцами они уже вместе поехали через Минск в Витебск. Казалось, в России не было угла, где бы цесаревич мог преклонить голову. Но судьба оказалась к нему по-своему благосклонной. В Витебске он скоропостижно скончался от холеры, страдав всего несколько часов. Его тело было привезено в Петербург, куда он так не хотел приезжать, и предано земле в Петропавловском соборе. Приглашенная в столицу Николаем I княгиня Лович недолго жила в Елагинском дворце и Царском Селе. «Подобно императрице Елизавете Алексеевне, — писал А. Х. Бенкендорф, — она не смогла пережить супруга».

Между тем И. Ф. Паскевич форсировал под Торунем Вислу и, прикрывшись границей с Пруссией, развернул активные наступательные действия. В августе его войска подошли к западному пригороду Варшавы — Воле (на левом берегу Вислы). Две линии редутов защищали генералы Генрик Дембиньский и Иосиф Бем. Со стороны Праги на правом берегу находились русские войска барона Г. В. Розена. Главнокомандующий польской армией генерал Круковецкий вступил в тайные переговоры с И. Ф. Паскевичем. Тот вновь предложил амнистию и некоторые гарантии, но отверг требования присоединения к Польскому королевству восьми «воеводств» и амнистии полякам Украины и Литвы, принявшим участие в восстании. 6 сентября на рассвете после мощной артиллерийской подготовки русская пехота взяла передовые редуты в штыки. На следующий день рано утром штурм возобновился. Раненый в руку И. Ф. Паскевич ожидал капитуляции, однако никто из польских руководителей не взял на себя смелость ее подписать. Наконец С. Малаховский написал записку, что с 5 часов утра ворота будут открыты русским. Варшава пала, русская гвардия под командованием великого князя Михаила Павловича вступила в город. Воспользовавшись перерывом на время переговоров, части польской армии покинули столицу и отступили к Плоцку. Сообщение

о блестящем, хотя и кровопролитном штурме Варшавы привез флигель-адъютант ротмистр А. А. Суворов (внук полководца, бравшего Варшаву в 1794 году). Императорская семья находилась в это время в Царском Селе, окруженном в связи с холерой кордонами. Николай Павлович лично прибыл к линии кордонов навстречу Суворову и, торжествуя, привез его во дворец. «Варшава у ног Вашего Императорского Величества», — сообщал Паскевич. 5 октября А. С. Пушкин написал «Бородинскую годовщину». С падением затем Плоцка, Замостья и Модлина (в 1833 году он был переименован в Новогеоргиевск) Польша была покорена. В начале октября остатки повстанческой армии (около 40 тысяч человек) тремя группировками перешли границы Пруссии, Австрии и Краковской республики, где и сложили оружие.

После подавления польского восстания отношение Николая I к полякам, и до того достаточно прохладное, превратилось в открыто неприязненное. «Ты отомстил за Россию, ты покориł Варшаву — отныне ты светлейший князь Варшавский!» — писал он 4 сентября 1831 года И. Ф. Паскевичу^[865]. В Польше началась модернизация крепостей для русских гарнизонов. Позднее, когда уже была заложена крепость, грозившая своими орудиями Варшаве, в письме от 29 мая 1832 года из Елагина дворца император вновь поделился с фельдмаршалом своими чувствами: «Радуюсь душевно, что закладка цитадели счастливо исполнена... Ты правильно говоришь, что нужна справедливая строгость и непреодолимое постоянство в мерах, принятых для постепенного их преобразования. Не отступлю от этого ни на шаг. Благодарности от них не ожидаю и, признаюсь, слишком глубоко их презираю, чтоб оно мне было в какую цену; я стремлюсь заслужить благодарность России, потомства: вот моя постоянная мысль. С помощью Божею, не унываю и буду стараться, покуда силы будут, и сына готовлю в тех же мыслях и вижу, что он чувствует, как я»^[866].

В ноябре 1831 года Николай I учредил Временное правительство Польши, а в феврале 1832 года вместо конституции ввел «Органический статут», заменивший конституцию. Польша объявлялась «неотъемлемой частью Российской империи», а польская корона — наследственной в русской императорской фамилии без процедуры отдельного коронования. С упразднением сейма, Государственного и Административного советов управление возлагалось на совет директоров под председательством наместника. Министерства были ликвидированы, усилен контроль над местными учреждениями. Император пристально наблюдал за замещением всех сколько-нибудь важных административных должностей в Польше. По

поводу одной должности по управлению горной частью Николай Павлович в письме из Москвы от 29 ноября (11 декабря) 1833 года заметил, что «непременно надо туда русского»^[867]. Позднее, в 1844 году, старинные воеводства были переименованы в губернии. 6 ноября 1831 года рядовых участников восстания амнистировали, но руководители понесли различные наказания. Многие поляки были высланы в глубь России, имения польских помещиков, активно участвовавших в восстании, конфисковали. Увидев однажды во время посещения Оружейной палаты бюсты «знаменитых людей Польши», Николай Павлович приказал убрать их на лестницу, а черный запечатанный ящик, в котором хранились польская конституция и польские знамена, положить вниз под портрет Александра I^[868].

Ликвидировалась отдельная польская армия, а ее структурные подразделения распределены по русским частям. Рекрутский призыв проводился на общих основаниях с другими губерниями, причем император следил за отношением к новобранцам. В письме к И. Ф. Паскевичу в Варшаву от 29 октября 1844 года император особо отметил, что из присланных в Петербург поляков-рекрутов очень много больных и госпитализированных по дороге. Догадываясь о злоупотреблениях конвойных майоров, Николай Павлович сообщил, что для строгого расследования им послан флигель-адъютант, и добавил: «В три дуги согну мошенников, марающих мундир»^[869]. В 1833 году, в связи с попыткой поднять восстание (экспедиция Ю. Заливского), было введено военное положение, которое практически просуществовало все царствование Николая I. Были предприняты и меры экономического характера, повышены таможенные пошлины на изделия польской промышленности, прежде всего сукна. Но ликвидация старой таможенной границы с 1851 года объективно способствовала развитию польской промышленности.

Особое внимание было обращено на просвещение: образован Варшавский учебный округ, подчиненный общероссийскому министерству, в 1831 году закрыт Варшавский университет, в 1832-м — Виленский. Чтобы воспрепятствовать отъезду молодежи за границу, в июле 1834 года был открыт университет Святого Владимира в Киеве. В столичных университетах для подготовки чиновников из поляков были созданы специальные отделения. В 1833 году в больших польских городах образовано по одной гимназии (в Варшаве и Августовском воеводстве — по две). Только в 1840 году при гимназиях открылись дополнительные курсы для подготовки кандидатов на низшие судебные должности (Варшавский университет был воссоздан только в 1869 году). В одном из

писем в декабре того же года к И. Ф. Паскевичу император одобрил его меры по постепенной замене французского языка в делопроизводстве русским: «Другое дело говорить, ибо с людьми, которые другого языка не знают, как французский, иначе объясняться нельзя; и то уже большой шаг к будущему»^[870].

Был образован также специальный Комитет Западных губерний (1831–1848), который рассматривал вопросы введения в Западной Белоруссии и Литве общеимперского законодательства. Было решено начать с Витебской и Могилевской губерний, где высочайшим указом вводился административный порядок великороссийских губерний. В западных губерниях особенно болезненно был воспринят «разбор шляхетского сословия», когда мелкие «шляхтичи», которые не могли доказать дворянского происхождения, записывались в государственные крестьяне или городские обыватели. Созванный при поддержке правительства церковный собор в Полоцке 12 февраля 1839 года принял решение о воссоединении униатской и православной церквей, что должно было ограничить польско-католическую пропаганду на Украине и в Белоруссии. Впрочем, сами названия «Белоруссия» и «Литва» указом от 18 июля 1840 года были запрещены к употреблению. Несколькими месяцами раньше, 25 мая 1840 года, Николай I отменил действие Литовского статута в украинских и литовско-белорусских губерниях, что означало распространение на них общероссийского законодательства. Конфискованы были имения активных участников восстания из польских помещиков.

Отныне даже простое упоминание польских фамилий становится для Николая I неприятным. Бывшая смолянка А. И. Соколова вспоминает: «Не было случая, чтобы государь, очень милостиво относившийся всегда к воспитанницам Смольного, когда-нибудь пошутил с полькой... Услышав польскую фамилию, государь моментально прерывал свой милостивый разговор и отходил, не бросив даже взгляда на растерянную воспитанницу...»^[871] Однако справедливость требует признать, что в помощи польским сиротам он не отказывал. А вот многочисленные просьбы о помиловании часто отвергал, хотя порой это давалось ему нелегко. Внучка Д. Г. Бибикова С. Д. Толь (рожденная графиня Толстая) вспоминала об одном характерном случае по рассказу деда. Однажды во время посещения Киева император ехал в коляске. Вдруг лошади резко свернули, и кучер с трудом удержал их. Оказалось, что лошади испугались листа белой бумаги, который протягивала с прошением просительница, жена одного видного повстанца. Она просила вернуть мужа из Сибири.

«Государь внимательно читал, а дама громко рыдала. Дочитав прошение, Николай Павлович отдал его обратно просительнице и резко, почти злобно промолвил: «Ни прощения, ни даже смягчения наказания вашему мужу я дать не могу», — и крикнул кучеру: «Пошел!» После возвращения Д. Г. Бибилов направился в кабинет к государю и неожиданно увидел Николая Павловича, который трясся от душивших его рыданий: «Ах, Бибилов, когда б ты знал, как тяжело, как ужасно не сметь прощать»!»^[872]. Впрочем, в дальнейшем он попросил напомнить о просительнице. О случае амнистии участника восстания в Литве Шиманского в 1832 году, ответившего затем из Парижа «гнуснейшим письмом, наполненным самых грязных ругательств в адрес императора Николая», рассказал А. Х. Бенкендорф^[873].

Внимательно следил Николай Павлович за браками и просто связями своих сподвижников с поляками. Сожительница начальника военных поселений в Новороссии графа И. О. Витта К. А. Собаньская, причастная к тайному политическому сыску, ему была омерзительна, хотя А. С. Пушкину она показалась «женщиной действительно очаровательной»^[874]. «Долго ли граф Витт даст себя дурачить этой бабе, которая ищет одних своих польских выгод под личиной преданности, и столь же верна г[рафу] Витту как любовница, как России, быв ей подданная, — писал Николай Павлович И. Ф. Паскевичу в декабре 1837 года. — Весьма хорошо б было открыть глаза графу Витту на ее счет, а ей велеть возвратиться в свое поместье на Подолию»^[875]. Действительно, еще до смерти И. О. Витта Собаньская вышла замуж за капитана лейб-гвардии драгунского полка, а позднее — за французского литератора. Другого мнения он был о княгине Голицыной, рожденной Езерской. «Она недурна, — писал он, — и, кажется, довольно умна; я ее обласкал, как первую польку, за русского вышедшую; не думаю, чтоб многие последовали ее примеру»^[876]. В следующем году Николая Павловича беспокоил уже роман наследника с фрейлиной-полькой Ольгой Калиновской.

В письме к И. Ф. Паскевичу от 20 декабря 1844 года (1 января 1845) Николай Павлович отмечал несоординированность действий по отношению к полякам со стороны Пруссии и Австрии и попустительство пропаганде польских ксендзов (в 1846 году в австрийской Галиции украинские крестьяне будут уничтожать их вместе с помещиками-поляками). Допуская возможность неудачи подавления мирными средствами польского национализма, он доверительно пишет: «Тогда остается нам одна горькая юдоль — бороться и силой удерживать покой и покорность; тогда должно нам истреблять постоянно все, что вредно и

опасно, быть может, — самая тяжелая и неприятная обязанность святая пред нашим Отечеством, драгоценной кровью два раза покорившим Польшу. Не могу довольно повторить тебе, что при строжайшем правосудии надо непоколебимо идти вперед к цели, истребляя все способы нам вредить»^{877}.

В 1846 году прекратила свое независимое существование Краковская республика — последний клочок независимой Польши, который венские трактаты наделили конституцией, сеймом и Правительствующим сенатом. В январе 1846 года в связи с польским движением против австрийской власти в соседней Галиции Краков стал местом сосредоточения польских эмигрантов, провозгласивших образование «национального правительства Польской республики». Австрийские войска дважды безуспешно пытались подавить восстание. Наконец в марте объединенные силы трех держав (Австрии, Пруссии и России) вступили в Краков. В письме к И. Ф. Паскевичу от 24 февраля (8 марта) Николай Павлович сообщал о своем предложении австрийцам: «Сегодня писал я к ним, что требую уничтожения Кракова, не хотят взять его австрийцы, как условлено в Теплице, возьму я, ибо мы вошли; но не желаю того. Французы и Англия, может быть, протестуют по Венскому конгрессу, но так как Бельгию по революции они же отняли у Голландии, то имеем и мы право — по революции же уничтожить это вредное гнездо, и уничтожим»^{878}. По договору, заключенному в Вене 6 ноября 1846 года, Краков отошел к Австрии.

Победа Николая I над Польшей, которая даже в 1848–1849 годах не набрала силы для нового выступления, была военной победой, но не политической. Даже в условиях чрезвычайного положения, введенного в западных губерниях в 1848 году, несколько тысяч поляков бежали через границу, чтобы вступить в повстанческие польские войска, формировавшиеся за границей. Отчуждение «усмиренных» поляков и Западной Европы по отношению к России усилилось. Польские эмигранты наполнили страны Европы. Многие из них сражались потом на стороне Венгрии и Турции против России. Опыт польского парламентаризма также оказался не востребуемым. В литературе распространено мнение, согласно которому восстание в Польше спасло Бельгию, куда французская армия, изгнавшая голландские войска, вступила во время подавления польского восстания, что стало решающим фактором утверждения независимости нового государства. Но это маловероятно. Без союзников и прежде всего без Пруссии, решавшей тогда свои проблемы, Николай I

нападать на Бельгию не собирался и не мог это сделать географически. В польских губерниях Николай Павлович добился покорности, но не «слияния» с Россией. И с ликвидацией конституции Польша оставалась головной болью императора.

«Оставьте финнов в покое»: Великое княжество Финляндское

Финляндия как окраина России попадает в поле внимания Николая Павловича задолго до вступления на престол. Еще будучи великим князем, он по просьбе Абовского университета 1 января 1816 года был назначен его канцлером и вполне серьезно отнесся к своему назначению, тем более что не был избалован старшим братом почетными должностями. После известного пожара Абовского университета осенью 1827 года Николай Павлович способствовал организации университета в Гельсингфорсе (в Або осталась гимназия), в том числе щедрыми книжными пожертвованиями из своих библиотек. В 1828 году он разрешил передать в дар библиотеке университета собрание из 24 тысяч книг, принадлежавших ранее офицеру кавалерии Павлу Константиновичу Александрову (1808–1857), внебрачному сыну великого князя Константина Павловича. Книги были доставлены из Мраморного дворца. Кроме того, император передал в библиотеку университета две небольшие, но ценные личные библиотеки научных книг: коллекции Иоганна Геннинса (около 3000 томов) и Жозефа фон Рейманна (около 2800 томов).

A propos

Со времени включения в 1809 г. в состав Российской империи шведской Финляндии, преобразованной в Великое княжество Финляндское, утвердился взгляд, что Финляндия является не губернией, а отдельным государством со своими особенностями в управлении (во многом это оказалось заслугой М. М. Сперанского). Только Финляндия и Польша имели своего статс-секретаря, обладавшего правом непосредственного доклада государю. Как отмечают финские историки, благодаря рескрипту Александра I генерал-губернатору Фабиану Штейнхелю (осень 1810 г.) у народа Финляндии «оказалось несравненно больше привилегий, чем во времена шведского великодержавна»^[879]. Численность населения Финляндии выросла в первой половине XIX в. с 900 тыс. до полутора миллионов человек. Естественный прирост был примерно таким же, как у русских. Удельный же вес финнов в составе населения России составлял около 2 %. В Великом княжестве Финляндском финны составляли 86 % населения, в Петербургской губернии — около 8 %

(в Шлиссельбургском уезде — около 40 %)^{880}.

Еще 12 декабря 1825 года в манифесте по случаю восшествия на престол подтверждались коренные законы, права и преимущества жителей княжества Финляндского, которые «по конституции их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимой и непреложной их силе и действии». Естественно, и в Финляндии возникали различные трения, но они не выливались в какие-либо значительные конфликты. По мнению историка К. Е. Осмонсало, Николай I, благодаря позиции А. С. Меншикова, заморозил многие проекты русификации Финляндии, в том числе начатую было в 1835 году кодификацию финско-шведского законодательства^{881}.

Первое, с чего начал Николай, — это системы управления и просвещения. Буквально через две недели после восшествия на престол, рескриптом от 30 декабря 1825 года, он назначил своего сына Александра Николаевича канцлером Абовского (впоследствии Гельсингфорсского) университета. Эта должность передавалась императором по наследству: «По определению судьбы Всевышним, после кончины Его Величества Государя Императора Александра I блаженной памяти, наследовав престол Российской Империи, первую из Наших забот при обращении Нашего попечения на Великое княжество Финляндское было заняться Абоским университетом, благосостояние которого составляло предмет Наших желаний в течение десяти лет, в кои Мы исполняли должность Канцлера сего университета»^{882}. И в дальнейшем Николай Павлович проявлял детальное знание всех кадровых и хозяйственных вопросов его деятельности. Первоначально университет готовил специалистов для работы в пределах княжества, но 1 августа 1834 года вышел указ о правах выпускников университета на гражданскую службу в самой России.

Также император обратил внимание на систему управления Финляндией. Манифестом Николая I от 17 марта 1826 года она была преобразована. Комиссия финляндских дел была упразднена (должность статс-секретаря сохранена), а генерал-губернатор и Сенат стали основными звеньями управления. Канцелярия статс-секретаря финляндского была преобразована в Его Императорского Величества Канцелярию финляндских дел, а в делопроизводстве перешли с французского на русский язык. С 6 сентября 1826 года возглавлявший ее статс-секретарь стал именоваться министром статс-секретарем. В соответствии с регламентом по правовым вопросам российские власти обращались к статс-секретарю, а по исполнительным — к генерал-губернатору.

Финляндия была включена в Петербургский жандармский округ.

Ко времени вступления Николая Павловича на престол генерал-губернатором Великого княжества Финляндского (с 1823 года) был энергичный генерал Арсений Андреевич Закревский, оставивший по себе недобрую память среди финляндских подданных как «русификатор». Хороший администратор, неутомимый работник, но человек, не обладающий широким кругозором и не знающий ни одного иностранного языка, он явно был не на своем месте. Сохранявший на прежних постах людей, доставшихся ему в наследство от Александра I, Николай Павлович первое время благоволил ему. Вскоре Закревский стал также министром внутренних дел (апрель 1828–1831), генералом от инфантерии (1829), а в 1830 году получил титул графа. Однако 19 ноября 1831 года, формально по собственной просьбе, он «получил полное увольнение» и только в мае 1848 года, в связи с новой волной революций в Европе, стал московским генерал-губернатором.

В декабре 1831 года на должность финляндского генерал-губернатора был назначен начальник Главного морского штаба светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков. Большую помощь в управлении Финляндией оказывал и вице-ректор университета, уроженец Выборга, академик Петербургской академии наук генерал-лейтенант А. А. Теслев, который с 1833 года стал помощником генерал-губернатора. В 1848–1854 годах его сменил генерал от инфантерии Платон Иванович Рокасовский, бывший генерал-губернатором в 1861–1866 годах. С 1854 года исполняющим обязанности генерал-губернатора Финляндии был назначен Федор Федорович Берг (при Александре II генерал-губернатор). Поскольку А. С. Меншиков оставался в Петербурге, то при нем была учреждена особая Петербургская канцелярия генерал-губернатора, начальником которой стал выходец из Прибалтики К. И. Фишер.

Позднее сенатор К. И. Фишер вспоминал: «Приняв дела, нашел в них целый архив шпионской системы Закревского. Князь Меншиков разрешил мне запечатать эти тюки, никогда не справляться с ними и забыть, что такая система существовала. Князь соблюдал конституцию с великим тщанием, устраняя даже наружные формы, которые могли бы показаться нарушением принятых образцов, и, непроницаемостью своих видов и убеждений, умел держать все партии в равновесии, не убивая ни одной, но и не позволяя ни одной партии брать над другими верх. Этого не умел достичь ни Закревский своим шпионством, ни Берг — сладостью своего слова. С Финляндией довольно трудно управляться, если не считать в числе дозволенных средств — насилие»^[883].

Выбор императора пал на А. С. Меншикова, возможно, еще и потому, что он был начальником Главного Морского штаба (с 1836 года с правами министра), а Финляндия была страной с протяженным морским побережьем. Как бы там ни было, А. С. Меншиков управлял Финляндией из Петербурга, а в Финляндии «являлся случайным гостем»^[884]. Впервые он побывал в Гельсингфорсе в январе 1832 года. В 1834 году по пути в Стокгольм прошел на корабле вдоль морского побережья Финляндии, не сходя с палубы, и снова побывал в своем генерал-губернаторстве также по пути в Швецию в 1847 году. В 1844 году ему был пожалован в Великом княжестве Финляндском майорат (наследственное недробимое имение).

Столь редкие посещения великого княжества, конечно же, были объяснимы. Как отмечают авторы «Политической истории Финляндии», «высшие сословия и чиновничество Финляндии были настолько преданы императору, что Николай I не преминул заметить своим соотечественникам, которые хотели урезать привилегии финнов: «Оставьте финнов в покое. Это единственная провинция моей державы, которая за все время моего правления не причинила мне ни минуты беспокойства или неудовольствия»^[885]. Правда, справедливости ради надо сказать, что беспокоиться, конечно же, приходилось. Посещения российскими императорами Финляндии были прежде всего высочайшими ревизиями края, но в определенной мере и пропагандистскими акциями, демонстрировавшими связь между Петербургом и Гельсингфорсом.

Александр I после Боргоского сейма 1809 года только однажды, в 1819 году, проехался по Финляндии. Николай Павлович посещал Финляндию четыре раза: великим князем в 1820 году и императором в 1830, 1833 и 1854 годах — то есть тогда, когда степень лояльности финнов к России была наиболее важна во внешнеполитических расчетах. Первая поездка императора в Великое княжество Финляндское состоялась вскоре после получения известия об Июльской революции во Франции. 31 июля (11 августа) 1830 года он вдвоем с А. Х. Бенкендорфом на дрожках выехал из своего Елагинского дворца в Выборг. В 9 часов утра на паперти перед православным собором Николая Павловича встретил выборгский губернатор. Как известно, в конце 1811 года Александр I включил так называемую «Старую Финляндию», отвоеванную еще при Петре 1, в состав Великого княжества Финляндского. В Выборгской губернии тогда проживало около 10 % русских (православных). В Выборге этнический состав был более сложным: 30 % русских, 44 % финнов, 14 % шведов, 12 % немцев^[886]. Многие русские патриоты были недовольны этим решением.

По показаниям арестованного после событий 14 декабря бывшего члена Союза благоденствия Г. А. Перетца, будущие декабристы рассуждали о преимуществах «завоеванных финляндцев» и «о причислении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндскому»^{887}. Тем не менее при Николае I каких-либо принципиальных изменений в статусе губернии не произошло. При посещении Выборга Николай Павлович по заведенному порядку осмотрел войска, госпиталь, казенные учреждения и отправился далее в «Новую Финляндию» через Фридрихсгам с осмотром знаменитых Пюттерлакских ломок, где вырубался монумент для памятника Александру I. Через Ловизу и Борго 1 (13) августа император прибыл в Гельсингфорс, где был встречен вполне радушно. На другой день было объявлено, что финляндский генерал-губернатор А. А. Закревский «возведен в графское Великого княжества Финляндского достоинство». В рескрипте говорилось, что государь «оказывает сей знак монаршего благоволения с тем большим удовольствием, что оный согласуется с желанием, изъявленным финляндским Сенатом; соединить его, Закревского, теснейшими узами с согражданами финляндской нации и считать его в числе его сочленов»^{888}. Трудно сказать, насколько верно утверждение К. И. Фишера относительно «шпионской системы» А. А. Закревского, но, несомненно, в представлении местных жителей именно он был виновен в некоторых непопулярных распоряжениях, хотя некоторые из них и были продиктованы свыше. Именно при А. А. Закревском последовало высочайшее повеление принимать на службу только тех финнов, которые знают русский язык. Тогда шведы и финны, добровольно учившие русский язык, перестали ходить на занятия. Впрочем, через несколько лет в средних училищах были устроены параллельные кафедры, русская и шведская, с правом учащихся выбирать, по какой кафедре они будут изучать язык, историю и географию. О финском языке речь тогда не шла. В ходе школьной реформы в программу начальных школ Финляндии финский язык был включен в 1843 года, но первая финская гимназия была открыта лишь в 1858 году^{889}.

Любимым детищем Николая Павловича в Финляндии был Финский стрелковый батальон. Во время маневров в Красном Селе в 1829 году император вышел к нему в незнакомой окружающим новой форме. Это был мундир финского стрелкового батальона, ставшего гвардейским. А через полгода после смотра в Гельсингфорсе батальон принял участие в походе гвардии для подавления польского восстания 1830–1831 годов, причем по пути его следования в Финляндии местные жители безвозмездно по собственной инициативе поставляли для него в зимнюю стужу подводы. В

бумагах покойного историка Н. К. Шильдера М. М. Бородкин нашел черновой вариант статьи с правкой самого Николая I, рукой которого было написано: «Уже в многих делах сей прекрасный батальон доказал свою храбрость и отменное искусство в меткой стрельбе, и ныне в последних делах гвардии батальоном командовал достойный полковник Рамзай и получил рану»^[890]. Еще дважды батальон покидал пределы края: в 1835 году для участия в маневрах в Калише и в 1849 году для подавления восстания в Венгрии — батальон дошел до Бреста, где нес караульную службу. Один из мемуаристов приводит следующий анекдот, подтверждающий общее мнение о добром отношении Николая I к финским стрелкам: «Подъехав однажды к стрелкам, он сказал, что дает 10 р. каждому, кто попадет в яблоко мишени. Началась стрельба, и ни один не дал промаха. «Хорошо наказали», — заявил государь и велел выдать 10 000 р. (в батальоне было 1000 человек)»^[891].

Второе высочайшее посещение Финляндии состоялось в 1833 году; государя сопровождала императрица Александра Федоровна. Место, где она ступила на землю в Гельсингфорсе, было отмечено «камнем императрицы». На это время, по-видимому, пришелся пик популярности Николая I в Финляндии. В июне этого года в одном из писем к И. Ф. Паскевичу Николай Павлович с удовлетворением упомянул о Финляндии: «Посылаю тебе из любопытства письмо ко мне графа Ребиндера^[9] и адрес мне врученный депутацией в Гельсингфорсе; как бы везде так хорошо думали, куцы как бы нам легко было»^[892]. После этого визита особенно пышно было отпраздновано 6(18) декабря тезоименитство императора («Никола Зимний»). В новых помещениях гостиницы «Societe» прошел устроенный по подписке бал. Был установлен бюст императора и всем присутствующим розданы стихи в его честь, написанные И. Г. Линсенем.

Последующие годы николаевского царствования стали для Финляндии важными в плане постепенной переориентации ее экономических связей от Швеции к России. В 1840 году был осуществлен переход от шведской денежной единицы к русскому рублю, а на следующий год повышены таможенные пошлины. В 1837 году было открыто регулярное пароходное сообщение с Ревелем, а в 1845–1856 годах построен Сайменский канал, соединивший Восточную Финляндию с Петербургом. Наиболее тесно была связана с Петербургом экономика Выборгской губернии. В то же время Финляндия сохраняла свою политическую обособленность. При обсуждении «Свода законов Великого княжества Финляндского» (подготовленного в связи с кодификацией общероссийского

законодательства) было решено дать три года для ознакомления с ним местного населения, чтобы это не выглядело посягательством на старинные права финляндцев. В этот период одновременно действовали и старая редакция законов, и новый «Свод». Впрочем, от введения «Свода» фактически пришлось отказаться.

«Мрачное семилетие» 1848–1855 годов, последовавшее за новой волной европейских революций, естественно сказалось и на внутривнутриполитической жизни Финляндии, которая рассматривалась как зона проникновения революционных идей в Россию. В 1850 году была запрещена издательская деятельность на финском языке за исключением религиозной и сельскохозяйственной литературы. Начавшаяся в 1853 году Восточная (Крымская) война заставила императора вновь обратить внимание на автономную окраину со стратегической точки зрения. К этому времени относится его третья и последняя поездка в Финляндию, состоявшаяся в марте 1854 года, буквально накануне официального вступления в войну Англии и Франции. Сопровождавший императора будущий адмирал И. А. Шестаков писал: «Усилия союзников склонить на свою сторону Швецию вынудили его (Николая Павловича. — Л. В.) удостовериться лично в чувствах подданных, помнивших еще шведское владычество. Государь был мрачен, не скрывал трудностей и обстоятельств, при всяком случае говорил воинственные речи и, кажется, остался убежден, что финляндцы будут действовать как подданные России»^[893].

Николай Павлович прибыл в Гельсингфорс вместе с наследником цесаревичем Александром и многочисленной свитой в 4 часа утра. Газета «Helsingfors Tidningar» от 18 марта 1854 года передавала общие впечатления в самом благонамеренном духе: «Он пришел — и все сказали друг другу: Император все тот же. Пусть время лет, не щадящее и сильнейших, наложило свою печать на чело возлюбленного монарха, — высокий, могучий, как раньше, стоял он среди нас; все, что могли сделать годы и испытания, сводилось к тому, что его лик стал еще более властным и вселяющим преклонение; точно новое трогательное сияние разливалось вокруг его благородного чела»^[894]. Встреча была пышной и, судя по всему, искренней. Вечером Гельсингфорс, включая университет и казармы, был иллюминирован. Студенты встретили императора в Актовом зале пением гимна «Боже, царя храни». В 10 часов утра на Сенатской площади состоялся смотр лейб-гвардии финского батальона, собравший 8–9 тысяч зрителей. Профессор Эстландер в своих воспоминаниях также отметил несколько изменившийся облик императора, его похудевшее, но оставшееся

волевым лицом. «Государь, — писал он, — смотрел на волнующуюся массу народа, которая по площади подвигалась к нему... Весьма вероятно, что императору Николаю не часто приходилось наблюдать такое непритворное приветствие от народной массы; но в его лице не заметно было ни волнения, ни улыбки, ни малейшего удовольствия»^{895}. Затем император, несмотря на свежий мартовский ветер, без шинели, вышел на балкон в мундире лейб-гвардии финского стрелкового батальона. В спокойной реакции Николая Павловича не было ничего особенного. Он и раньше во время поездок по России не спешил радоваться восторженным изъяслениям чувств.

После подавления нового польского восстания в 1863 году император Александр II взял новый курс. Авторы «Политической истории Финляндии» отмечают: «Если для николаевской системы была характерна централизация, при которой управление окраинами осуществлялось через наместников, наделенных широкими полномочиями, Александр II стремился унифицировать управление западными окраинами империи... Но на практике уступки, которые были сделаны в начальный период правления нового императора, подготовили почву для расширения финляндской автономии. Правда, одновременно были посеяны семена более позднего конфликта: с одной стороны, существовала унифицирующаяся Россия, с другой — отделяющаяся от нее Финляндия»^{896}.

«Не судите о Кавказском крае как об отдельном царстве»: Закавказье

Другие методы применялись в отношении Закавказья и Кавказа, где геополитические интересы России сталкивались с болезненной реакцией Персии, Турции и стоящей за ними Английской колониальной империи. Принятие Александром I в 1801 году в российское подданство Восточной Грузии (находившейся ранее в сфере влияния Персии), присоединение Западной Грузии в 1804–1810 годах (в прошлом турецкой), а также Абхазии (1810) и Северного Азербайджана (в результате Русско-персидской войны 1804–1813 годов) принесли немало проблем. Эти приобретения, как выяснилось, еще предстояло отстаивать. Приходилось учитывать и амбиции местных владетельных династий.

A propos

На территории Азербайджана с ликвидацией в 1826 г. последнего Талышского ханства были образованы шесть «мусульманских провинций» (территория бывших ханств) и два округа (Елизавет-польский и Джаро-Белоканский), которые управлялись комендантами. Тогда же возник проект административной реформы края, «чтобы оный связать с Россиею гражданскими и политическими узами в единое тело и заставить жителей тамошних говорить, мыслить и чувствовать по-русски»^[897]. С присоединением в 1828 г. по Туркманчайскому мирному трактату с Персией Эриванского и Нахичеванского ханств была образована Армянская область в составе Эриванского, Нахичеванского уездов и Ордубадской области, причем еще годом раньше возникло «Временное областное правление», куда был введен армянский епископ Нерсес Аштаракский. После образования Армянской области ее начальниками были сначала грузинский князь А. Г. Чавчавадзе, а затем генерал В. О. Бебутов (в 1830–1838 гг.), происходивший из армянского княжеского рода. Российская администрация опиралась на местное дворянство, на первых порах активно привлекая его к управлению. В Грузии местное дворянство законом 24 мая 1827 г. было полностью приравнено в правах к русскому дворянству. Рескрипты 1846 г., а затем положения 1847 и 1851 гг. узаконили крепостничество в Азербайджане и Армении. Местные феодалы (агалары, беки, медики) также были уравнены в правах с русскими помещиками. В то

же время народы Кавказа и Закавказья не знали рекрутской повинности. Только на добровольной основе формировались некоторые национальные части, например, конно-мусульманский полк, образованный из мусульман Закавказского края. На маневрах под Калишем в 1835 г. 500 всадников в азиатских одеждах поразили воображение присутствующих своей вольтижировкой и инсценировкой сражения. В 1840 г. были созданы Кавказские конно-горские формирования, а в 1851 г. — Дагестанский конный полк. В годы царствования Николая I в Закавказье были проведены три административные реформы.

В целом Закавказье рассматривалось в Петербурге прежде всего как аграрно-сырьевая окраина России, но также как регион, важный в геополитическом плане. Эту мысль четко сформулировал министр финансов Е. Ф. Канкрин в 1827 г.: «Не без основания Закавказские провинции могут быть названы нашею колониєю, которая должна приносить государству весьма важные выгоды произведениями южных климатов»^[898]. Эта точка зрения была поддержана и И. Ф. Паскевичем, который в октябре 1830 г. писал: «Не должно ли смотреть на Грузию как на колонию, которая доставляла бы грубые материалы (шелк, хлопчатую бумагу и пр.) для наших фабрик, заимствуясь от России мануфактурными изделиями?»^[899] Сенатор В. Ган, проводивший ревизию в Закавказье в 1837 г., считал, что «заведение... фабрик и мануфактур... без всякой выгоды для здешнего края... будет вредить промышленности и торговле России»^[900].

В первые годы царствования Николаю I приходилось сталкиваться с сепаратистскими движениями в Азербайджане и Грузии. В 1831 году в Талыше пытался поднять восстание бывший талышский хан Мир-Гасан-хан, бежавший в Персию. В 1832 году был раскрыт заговор грузинской интеллигенции, мечтавшей вернуть грузинский престол династии Багратидов. В письме И. Ф. Паскевичу в Варшаву 29 декабря 1832 года (10 января 1833) Николай I писал о брожении среди грузинских княжеских фамилий: «В Тифлисе у нас пошли большие пакости, но, благодаря Богу, вовремя все открылось. Был заговор фамилии Арбелианов и Эрнстовых и некоторых других из дворян — перерезать господина Розена и всех русских и Грузию сделать независимою. Дело таилось более году; г. Чевчевадзе был всему известен и, кажется, играл в сем деле роль, сходную с Михайлою Орловым по делу о 14 декабря. Все почти схвачены, и делается строгое следствие; но все лучшее дворянство к оному вовсе непричастно»^[901].

Речь шла о заговоре части грузинской интеллигенции: А. Орбелиани, Э. Эристави, С. Додашвили, Я. Палавандиш-вили, с которыми в определенной мере солидаризировался А. Г. Чавчавадзе. Через две недели Николай Павлович смог уточнить, что «зачинщик всего дела царевич Окропир, живущий в Москве, женившийся на графине Кутайсовой и которому полтора года назад позволил съездить в Грузию; и он этим воспользовался для начатия заговора»^{902}. Отправляя для проведения расследования в Тифлис генерал-майора К. В. Чевкина, Николай Павлович предположил, что «оно (расследование. — Л. В.) неминуемо окончится к чести большинства грузинского дворянства»^{903}.

Не обходилось и без крестьянских восстаний. В 1837 году произошло восстание крестьян в Кубинском уезде, в 1837–1838 годах восстание армян-переселенцев из Турции в районе озера Севан. В мае — сентябре 1841 года особенно масштабным оказалось крестьянское восстание в Гурии в связи с введением денежной системы налогообложения. Позднее имели место волнения в Южной Осетии (1850) и Мегрелии (1850, 1853).

Николай Павлович был неплохо осведомлен об экономических возможностях Закавказья. Во время уже известного читателям званого обеда для купцов и промышленников в Зимнем дворце 13 мая 1833 года он, в частности, предложил основать торговые дома в Закавказье: «...Вот у нас Закавказский край имеет обильнейшие всякого рода произрастания, множество разных красок и виноградов, даже можно бы соперничать в вине и с Францией, но, к сожалению, все еще молчит в забвении»^{904}. Действительно, продукты закавказского земледелия становились предметом заботы правительства Николая I. Это касалось шелководства, а также производства шафрана, сахарного тростника, кошенили (насекомых, из которых добывали красную краску — кармин), а также растений, дававших натуральные краски для тканей: индиго (синий краситель из тропического кустарника) и местной марены. В 1830-х годах по приказанию Николая I были проведены опыты окраски тканей армянской кошенилью. На докладе Е. Ф. Канкрин в 1836 году император наложил резолюцию: «Полезно было бы сбор кошенили усовершенствовать, ежели точно от сего зависит доброта краски»^{905}. Появились некоторые скромные успехи в торговом земледелии: так, кроме марены, стали разводить табак и хлопок. Примерно 2/3 кахетинского вина в 30-е годы уже шло на продажу.

В годы царствования Николая I оживленно обсуждался вопрос о торговых льготах на ввоз иностранных товаров. В Закавказье еще в 1822

году был введен льготный 5 %-ный тариф, способствовавший оживлению торговой жизни, притоку иностранных купцов и дававший дополнительные прибыли казне. В то же время многие импортные товары проникали затем в центральные районы России, составляя конкуренцию отечественным товарам. Представители торгово-промышленных кругов в течение многих лет добивались отмены закавказских льгот по транзиту. Так как срок действия льготного тарифа заканчивался в 1830 году, вопрос о системе закавказской торговли был поднят в Государственном совете в 1827 году. В связи с продолжением войны с Персией Николай I наложил резолюцию: «Отложить сей предмет впредь до дальнейшего усмотрения»^[906]. В 1831 году было введено «Положение об устройстве торговых и таможенных дел в Закавказском крае», упразднившее льготы; одной из целей этого «Положения» было вытеснение с закавказского рынка иностранных товаров.

Заметным событием в истории края стали ревизия 1837 года во главе с сенатором Ганом и приезд в том же году Николая I. В Грузии Николай Павлович посетил бывшую турецкую крепость Ахалцих, а затем по новой дороге в Боржомском ущелье отбыл в Ахалкалаки. «Меня везде принимают весьма радушно, — сообщал он И. Ф. Паскевичу из Ахалциха 1 (13) октября. — Везде дворянство молодцы, у меня в карауле и конвое, а сегодня были турки и армяне»^[907]. Торжественная встреча императору была организована в Эчмиадзине. В Тифлисе Розен стал готовить большой парад. 8 октября император въехал в Тифлис. Оказалось, что Николай Павлович осведомлен о злоупотреблениях местной администрации и в первую очередь зятя Розена князя А. Дадияни. «Виденное мною в Грузии, — рассказывал государь А. Х. Бенкендорфу, — вообще довольно меня удовлетворило. Положение дорог и Гумрийская крепость свидетельствуют о попечительности барона Розена, но в администрации разные закоренелые беспорядки, превосходящие всякое вероятие... В числе прочих частей и военные начальники позволяли себе неслыханные злоупотребления»^[908]. Перед строем Николай Павлович приказал коменданту сорвать эполеты флигель-адъютанта с князя Дадияни, а затем, чтобы смягчить пилюлю, тут же назначил флигель-адъютантом сына Розена, поручика, награжденного Георгиевским крестом. Дадияни был отправлен в крепость Бобруйск для предания военному суду. Розену пришлось подать в отставку. 30 ноября 1837 года его сменил генерал-лейтенант Е. А. Головин.

Начиная с 1840 года основные проблемы управления Закавказьем рассматривались в межведомственном Кавказском комитете сначала

военного министра А. И. Чернышева, а потом А. Ф. Орлова. 10 апреля было принято «Учреждение 1840 года для управления Закавказским краем», в соответствии с которым все Закавказье разделялось на две части: Грузино-Имеретинскую губернию, включавшую Армянскую, Ахалцихскую и Джаро-Белооканскую области с главным городом Тифлисом, и Каспийскую область с Шемахой. Присоединенная к России в 1811 году Гурия утратила автономию еще в 1828 году, а 10 апреля 1840 года была превращена в Озургетский уезд Грузино-Имеретинской губернии. В состав губерний не вошли оставшиеся на особом автономном положении Абхазия (владельцы князья Шервашидзе до 1864 года), Мегрелия со столицей в Зугдиди (князья Дадияни формально до 1867 года, фактически до восстания 1857 года) и Сванети — Вольная и Княжеская (владение князя Дадешкелиани до 1857–1859 годов). Во главе всего этого образования стоял главноуправляющий краем с правами генерал-губернатора. Верховное грузинское правительство, куда входили представители знати, было ликвидировано. На административные должности стали назначаться в основном русские чиновники. По Положению от 10 апреля 1840 года Закавказье было разделено на две части: Грузино-Имеретинскую губернию и Каспийскую область, причем в первую были включены Армения и часть Азербайджана (Ганджа). Комендантская система была упразднена, на Азербайджан распространили общеимперское законодательство.

Распространение «Учреждения» на территории Закавказья к январю 1841 года вызвало недовольство местного населения, причем как крестьян, так и дворян. В 1841 году вышел закон о лишении имений и доходов с них тех местных владельцев-агаларов, которые владели землей не на постоянном праве («мульк»), а на временном («тийюль») в трех «дистанциях» Азербайджана. В 1841 году произошло наиболее значительное крестьянское восстание в Гурии, направленное против помещиков и злоупотреблений царских чиновников. Восстание распространилось и на Имеретию. Обеспокоенный Николай I предписал: «Принять самые решительные меры к усмирению возмущившихся»^[909]. В то же время административная реформа 1840 года уже в 1842 году была признана неудовлетворительной.

Вопросами устройства Кавказа и Закавказья было вынуждено заняться специальное VI Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Итогом этой работы стало образование 27 декабря 1844 года Кавказского наместничества с центром в Тифлисе (1844–1881). 26 марта 1845 года был сформирован аппарат наместничества, а 9 февраля 1846 года — совет и канцелярия. Совет состоял из назначенных императором

чиновников и губернаторов. Наместнику подчинялись начальники округов — жандармские и путей сообщения. В это время в Закавказье и на Северном Кавказе вводится губернская система управления. В отличие от центральных губерний здесь было введено «сокращенное управление», закавказские губернии не имели всех присутственных мест. Во главе губерний стояли военные губернаторы. В 1846 году были образованы Тифлисская, Кутаисская, Дербентская, Шемахинская (последние две из Каспийской области, образованной в 1840 году), а в 1849 году — Эриванская губернии. Отдельной административной единицей была Джаро-Белоканская область, созданная в 1830 году для джарских лезгин с центром в Белоканах. В 1840 году к ней было присоединено Елисуйское султанство (в 1859 году область была преобразована в Закатальский округ.).

Примыкающая к Закавказью Кавказская область в 1847 году была преобразована в Ставропольскую губернию. Впрочем, с управлением на Кавказе возникали постоянные проблемы. Кадры администрации оставляли желать лучшего. Во всяком случае, во время доклада Г. И. Филипсона 15 апреля 1848 года император бросил такую фразу: «Что меня пугают, что придется упразднить Ставропольскую губернию? Ну да, упразднить! Очень рад! Это у меня самая подлая губерния в России, где ни один порядочный человек не мог ужиться. Меня пугают еще бунтом крестьян; надеюсь, что там есть кому образумить дураков!»^[910]

Административные реформы способствовали преодолению раздробленности и экономическому развитию края. С назначением наместником М. С. Воронцова стало уделяться больше внимания просвещению. Помимо уездных училищ, в Тифлисе и Кутаиси в 1845 году были открыты три гимназии. Начинает издаваться местная газета «Кавказ», открываются русский и грузинский театры. Проявляется интерес к изучению истории и быта народов Кавказа. В 1854 году М. С. Воронцов обращается к Императорскому Географическому обществу с просьбой прислать академиков М. И. Боссе, О. Н. Бетлинга и Б. А. Дорна для изучения этнографии и языков народов Кавказа.

Так же, как и император, М. С. Воронцов считал важным увеличение числа русских переселенцев на Кавказе. При всем том проекты М. С. Воронцова не всегда встречали поддержку императора. М. С. Воронцов был сторонником свободы торговли вообще и в Закавказье в частности. «Мнение мое, — писал он министру финансов Ф. П. Вронченко в начале 1845 года, — о запретительной системе вообще давно известно вашему высокопревосходительству и Министерству финансов; не мне судить, ошибаюсь ли я, или нет, но я в душе уверен, что запретительная система,

как теперь введена у нас, вообще вредна промышленности и всем торговым и общественным оборотам, даже во внутренности империи, тем более за Кавказом. Я почитаю систему сию не только вредною, но и совершенно невозможною к исполнению за Кавказом, и результаты оной в видах, с которыми она была установлена, существуют только в воображении»^{911}. В своем стремлении к свободной заграничной — торговле М. С. Воронцов, так же как и его предшественник А. И. Нейдгардт, стремился добиться поддержки закавказского дворянства и купечества, что было важно, в частности, для победы над Шамилем. Представители же торгово-промышленных кругов центрального района исходили из интересов российской буржуазии. Отражая эту точку зрения, министр финансов Ф. П. Вронченко полагал, что свобода транзита будет препятствовать распространению изделий русской промышленности, а также приведет к наводнению английскими товарами рынков Средней Азии. Попутно он высказывал опасение, что вместе со свободой торговли в Закавказье проникнут и западные либеральные идеи. После некоторых колебаний к его мнению присоединился и К. В. Нессельроде. Точка зрения императора на этот счет ему, вероятно, была известна. Еще в 1837 году в Ереване главноуправляющий Закавказьем барон Г. В. Розен представил императору девять армянских купцов; они подали прошение о разрешении привоза в Закавказье западноевропейских изделий, на которые раньше обменивали рис и хлопок. В ответ на это Николай I предложил им отправить в Москву своего представителя, который бы наладил связи с русскими фабрикантами, хотя закавказская хлопчатая бумага как сырье для текстильной промышленности тогда еще не применялась^{912}.

Все эти вопросы обсуждались в сентябре 1846 года, когда Николай Павлович принял начальника канцелярии Кавказского наместничества С. В. Сафонова. Последний уже более двадцати лет служил при князе Воронцове. Он начал службу в августе 1825 года и со временем стал «первым любимцем» князя^{913}. Николай Павлович ему также доверял. В записи этого разговора с пометкой вверху рукой М. С. Воронцова «Весьма секретно» содержится немало откровенных высказываний императора относительно особенностей управления многонациональным краем. После вежливого вопроса о здоровье наместника, отдохнувшего на водах, государь начал разговор, продолжавшийся около полутора часов.

Николай Павлович четко формулировал свои принципы национально-государственной политики в отношении Закавказья: «Не судите о Кавказском крае, как об отдельном царстве. Я желаю и должен стараться

сливать его всеми возможными мерами с Россиею, чтобы все составляло одно целое. Я к этому стремлюсь и должен стремиться. Я стараюсь, чтобы все истекало отсюда (здесь он показал на свою грудь), чтобы тамошние жители знали и чувствовали, что они зависят от Севера, что на них падают лучи тамошнего солнца и что они получают свою жизнь и свое благосостояние, наравне с другими частями обширного Царства Русского, от одного светила. Вот к чему я стремлюсь. Я говорю с тобою откровенно; а вы желаете, предоставляя Закавказскому краю свободную торговлю, заставить жителей оного быть уверенными, что все хорошее получают они не от России, а извне, и вместо слития края, стремитесь к разъединению»^[914].

Неодобрение Николая Павловича вызвал проект М. С. Воронцова, который горячо пытался отстаивать С. В. Сафонов, о предоставлении Закавказью статуса порто-франко, то есть, говоря современным языком, свободной экономической зоны со льготным тарифом взимания таможенных сборов, как это в течение нескольких десятилетий было в Одессе (срок одесского порто-франко истекал в 1849 году). Напрасно С. В. Сафонов пытался убедить царя, что при пониженных тарифах доходы таможи не уменьшатся и что «слитию» края будет способствовать «величайшее добро» со стороны государя. В ответ на это император заявил: «Не думай, что кроме твоей канцелярии нет других важных управлений. Не думайте, что кроме Закавказского края нет другой важной отрасли в государстве. Я очень понимаю, что ты, как директор канцелярии, увлекаешься одним тебя занимающим предметом. Это очень естественно. Я сам четырнадцать лет управлял отдельною частью и думал тогда, что кроме моей части нет ничего важного в России и что все прочее трын-трава. Но с тех пор, как я уже двадцать первый год занимаю настоящее место, я переменяю образ моих мыслей и вижу, что кроме Кавказа есть у меня и другие важные обязанности. Поэтому-то надобно, чтобы вы почаще приезжали в Петербург, дабы осваиваться с этими идеями, знакомиться вообще с направлением дел и идти к одной общей цели. Вот мои собственные политические отношения против вашего проекта, не говоря о возражениях министров. Потом, положим, что, как вы говорите, контрабанда очень сильна, но все-таки часть товаров проходит через таможи, казна получает пошлину, а с учреждением порто-франко мы лишимся этих доходов»^[915].

Принятое через три месяца после этого разговора Положение от 14 декабря 1846 года о таможенной политике в Закавказье стало

определенным компромиссом: в нем разрешался транзит западноевропейских товаров через Закавказье в Персию и обратно, были снижены пошлины и приняты меры против контрабанды. Возврата к льготной торговле, существовавшей до 1821 года, не произошло, но все же запретительная система 1831 года была ослаблена.

Во время беседы императора с С. В. Сафоновым зашла речь и об Абхазии, где три порта вели торговлю под юрисдикцией местного князя Шервашидзе без карантинного и таможенного контроля со стороны русских властей. Это были Очамчира (с 1926 года г. Очамчира), Келасури и Гудава (с 1926 года г. Гудаута). О самом князе Николай I заметил: «Я видел Шервашидзе в Тифлисе. Он мне показался ловким человеком. Он был хорошо одет и имеет хорошие манеры»^[916]. Император также посетовал, что в Редут-кале «дурной порт». На это С. В. Сафонов сказал: «Нельзя не жалеть, что при заключении Адрианопольского трактата не обратили внимания на Батум и не присоединили его к России. Это довольно порядочный порт, и отсюда легко было бы можно устроить дорогу на Кутаис и Тифлис». Согласившись с этим утверждением, Николай Павлович пояснил: «Да, это жаль! Но в то время была пикировка между покойным графом Дибичем и князем Иваном Федоровичем (Паскевичем. — Л. В.), и потому-то Батум остался не нашим»^[917]. Как известно, Батуми вошел в состав Российской империи после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Были упомянуты в разговоре и некоторые другие уже уходящие в историю княжества Закавказья. Внутреннее самоуправление сохранялось в Мегрелии до 1857 года, в Сванети — до 1857–1859 годов, в Абхазии — до 1864 года. В 1842 году мегрельский князь Леван Дадияни передал под русское управление порт Редут-кале (Кулеви). Зашла речь и о Гурии, которую решено было включить в состав Имеретинской области. Николай I одобрил проект создания Дербентской и Имеретинской областей, но предписал назвать их губерниями. Далее император вновь подчеркнул свою старую мысль, что «просвещение есть первое условие» для слияния России с Закавказьем^[918].

«Почти все горские народы в явном против нас возмущении»: Кавказская война

Среди груза проблем, доставшихся Николаю в наследство от старшего брата, не последнее место занимал тесно связанный с Восточным вопросом кавказский узел противоречий. Впрочем, покорение «враждебного нам населения Кавказа» Николай I скорее считал не завоеванием, но «прочным устройством там, где владеем». В связи с Кавказской войной многие из его «друзей по Четырнадцатому» также задумывались над «кавказским вопросом». Так, сомнительная честь авторства идеи депортации народов Кавказа принадлежит, по всей видимости, П. И. Пестелю. Считая, так же как и Николай I, что горные районы Кавказа по стратегическим соображениям должны находиться в составе России, он делил народы Кавказа на «мирные» и «буйные», причем последние предлагал «силою переселить внутрь России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям»; кроме того, Пестель призывал «завести в Кавказской земле русские селения»^[919]. Между прочим, идея военных поселений на границе с Персией и Турцией, «дабы иметь разделение между народами, сходными по религии и обычаям», давно импонировала Николаю Павловичу, но, как сказал он С. В. Сафонову в 1846 году, «до сих пор нет денег, нет возможности»^[920].

A propos

Характер условного владения Россией Северным Кавказом отмечал еще Павел I, сказавший в 1800 г.: «Горские народы находятся более в вассальной зависимости, чем в подданстве»^[921]. В конце XVIII — начале XIX в. царское правительство все решительнее переходило от создания буферных государств-протекторатов к политике расширения территориальных владений. Исторический опыт контактов с народами, населяющими Северный Кавказ, не внушал оптимизма в отношении безболезненного решения кавказской проблемы. Стратегические и экономические интересы Российской империи требовали подчинения Кавказа, а народы, его населявшие, в свою очередь, имели полное право сами определять свою судьбу и сопротивляться геополитическим устремлениям империи. Свои корыстные интересы преследовали в этом регионе Англия, Турция и Персия. Интенсивное заселение и хозяйственное

освоение степного Предкавказья начались еще с 80-х гг. XVIII в. после завершения строительства кордонной Моздокско-Азовской линии (1776–1781). В 1792–1798 гг. на Кубани были созданы Черноморская и Кубанская кордонные линии. В 1792 г. Черноморскому казачьему войску пожалована для поселения Тамань, что способствовало заселению Прикубанья (с 1860 г. — Кубанской области). В 1820-е гг. идет интенсивное образование новых станиц. В 1817 г. левый фланг Кавказской линии был передвинут с Терека на Сунжу, а через два года — к подножию гор в Дагестане. Горцы Чечни и Дагестана лишились возможности не только совершать набеги, но и использовать свои зимние пастбища на Кумыкской «плоскости» (обустройство Сунженской линии завершилось к 1846 г.). В 1821–1822 гг. строятся укрепления у Черных гор, которые закрыли выход на равнину из ущелий Черека, Чегема и Баксана. Кабардинцев оттеснили в районы, неудобные для земледелия.

Столкновение интересов происходило в полиэтническом регионе, где христианство и ислам соседствовали с языческими верованиями, а разные социально-экономические уклады приводили к пестрой социальной мозаике. Этнический и языковой состав населения на Кавказе был наиболее сложным по сравнению с другими регионами России. Многочисленные народы Кавказа принадлежали к кавказской, тюркской и индоевропейской языковым семьям. Кавказская семья состояла из абхазско-адыгской, нахской и дагестанской групп. Тюркская семья была представлена балкарцами, карачаевцами, кумыками, татарами, ногайцами и трухменами (в Закавказье азербайджанцами); индоевропейская — осетинами, терскими и кубанскими (черноморскими) казаками, русскими и украинскими переселенцами, греками (в Закавказье армянами, курдами, татами). В целом самыми многочисленными народами собственно Северного Кавказа в конце XVIII в. (1795 г.) были адыгейцы (почти 40 %), аварцы (11 %), даргинцы (9,5 %), чеченцы (9,3 %), русские (8,8 %), ногайцы (4,7 %), украинцы (3 %). К 1858 г. в связи с миграционными процессами удельный вес адыгейцев снизился до 25,5 %, а украинцев вырос до 18,2 %. Местное население занималось земледелием (в Дагестане — террасным), скотоводством, ремеслами, а кумыки контролировали торговлю. Кумыкский язык в течение нескольких столетий был языком межэтнического общения на Кавказе.

Восточный Кавказ состоял из двух больших областей — Дагестана и Чечни. Лезгины жили в Дербентской и Кубинской провинциях, которые с 1846 г. находились в Шемахинской губернии (в состав России вошли в 1813 г.). В Дагестане имелись феодальные владения: шамхальство Тарковское

(кумыки), ханства Аварское (номинально в составе России с 1803), Мехтулинское (кумыки), Табасаранское, уцмийство Каракайтагское (даргинцы, кумыки). В то же время существовало 44 вольных общества (общины-джамааты) с патриархально-родовыми отношениями, которые были во многом характерны и для чеченцев. На Западном Кавказе наиболее многочисленными были адыгейцы, или, как их тогда называли, черкесы (прежде всего шапсуги и натухайцы), и кабардинцы. Большая Кабарда была разделена между четырьмя княжескими фамилиями, Малая Кабарда — между тремя. Кабарда была признана Турцией под российской юрисдикцией по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. Центральную часть Кавказа к югу от Кабарды занимали осетины. На стратегически важном стыке Восточной Грузии, Дагестана и Азербайджана находились Джаро-Белоканский союз шести «вольных обществ» (джарские лезгины) и султанство Илисуйское, номинально признавшие власть России после двух военных экспедиций 1803–1804 гг. В 1810 г. в состав России вошла Ингушетия. Строительство Военно-Грузинской дороги, раздача земель русским владельцам в Предкавказье привели к восстанию в Чечне в 1785 г., которое возглавил мусульманский проповедник шейх Мансур, впервые выдвинувший лозунг газавата (в переводе с арабского — набег) или джихада, то есть «священной войны» против неверных. Именно в это время началось усиление позиций ислама на Кавказе, хотя процесс этот был длительным. Исламизация Северного Кавказа начала осуществляться миссионерами из Дагестана с XVI в., но традиционные верования у различных народов сохранялись еще долго. Только к началу XIX в. мусульманство начинает преобладать у балкарцев и карачаевцев. Даже в 1840 г. в одном из военных обзоров значительная часть ингушей была отнесена не к мусульманам, а к «язычникам». Часть абхазов оставалась христианами. Христианство преобладало среди осетин.

Перенос левого фланга Кавказской линии с Терека на Сунжу в 1817 г. и активизация действий против горцев по утвержденному Александром I плану командира Отдельного Кавказского корпуса А. П. Ермолова (ему же было подчинено все гражданское управление в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях) приводят к полномасштабным военным действиям в ходе Кавказской войны (1817–1864). Оттеснив чеченские отряды со среднего течения Терека за р. Сунжу, Ермолов в 1818 г. основал крепость Грозная. Линия кордонов отделила наиболее плодородные земли Чечни от ее горных районов. Располагая силами корпуса (ок. 50 тыс. чел.) и Черноморского казачьего войска (40 тыс. чел.), «проконсул Кавказа» А. П. Ермолов стал окружать горные районы кордонами и крепостями, прорубать

просеки в лесах, разорять непокорные аулы, уничтожать посевы и стада, насильственно переселять горцев на равнину под надзор русских крепостей. «Покорные горцы» должны были выдавать аманатов (заложников) от всех аулов, принимать присягу, не давать убежища абрекам, мюридам и непокорным горцам. Они освобождались от налогов, но облагались некоторыми повинностями. Имя Ермолова запомнилось в горах, и еще долго чеченские матери пугали детей именем грозного «Ярмол-паши». В 1819 г. он занял Табасаран и Каракайтаг, в 1818 г. ликвидировал независимость Мехтулинского ханства, а в 1820 г. — Казикумык-ского. Ермоловым были подавлены крупные восстания: в 1821–1826 гг. в Адыгее и Кабарде и в 1824–1825 гг. в Чечне. Но каких-либо значительных результатов он все же не смог достичь. Не случайно А. П. Ермолов пришел к заключению, что «Кавказ — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном»^{922}.

Сосредоточив свое внимание после вступления на престол на балканских делах и русско-турецких противоречиях, Николай I был заинтересован в стабильной обстановке на Кавказе и мирных отношениях с Персией. Общее представление о положении на Кавказе, роль которого в международных делах во время восточного кризиса 1820-х годов значительно возросла, он все же имел. В рескрипте А. П. Ермолову от 12 февраля 1826 года император был вынужден с грустью констатировать: «Почти все горские народы в явном против нас возмущении»^{923}. Одновременно это было и выражением протеста против позиции А. П. Ермолова, считавшего преследование горцев после их набегов за Кубань и последующее разорение их ближайших селений вынужденной необходимостью. С такой директивой Ермолов назначил начальником Черноморской кордонной линии генерала М. Г. Власова, но Власов за эти действия и был отстранен Николаем I, когда в феврале 1826 года совершил нападение на натахайские аулы. Тогда было уничтожено 17 аулов и угнано несколько тысяч голов скота. В императорском рескрипте по поводу этих «побед» говорилось: «Ясно видно, что не только одно лишь презрительное желание приобрести для себя и подчиненных знаки военных отличий легкими трудами при разорении жилищ несчастных жертв, но непростительное тщеславие и постыднейшие виды корысти служили им основанием»^{924}.

Отставка Ермолова была связана не только с недоверием к нему со стороны Николая Павловича во время вступления на престол, не только со

слухами о его авторитете среди декабристов или доносами И. Ф. Паскевича. Принципиально важным оказалось несогласие императора с военными методами решения проблем на Кавказе (ставка на силу, медленное удушение горцев кордонами и жестокие карательные акции за набеги). Николай Павлович хотел быстрых результатов, но малой кровью. Вероятно, последнее обстоятельство стало решающим. В марте 1827 года Ермолов был заменен Паскевичем, и Николай I лично предписал опальному генералу «возвратиться в Россию и остаться в своих деревнях вплоть до моего повеления»^[925]. В мае А. П. Ермолов покинул Грузию без прощания с войсками.

Победы России в Русско-персидской и Русско-турецкой войнах привели к тому, что весь Кавказ, включая его Черноморское побережье, перешел под юрисдикцию России. Однако во многих районах это владычество продолжало оставаться чисто номинальным. Теперь, когда Персия и Турция были нейтрализованы и залечивали раны, внимание Николая I переключилось на горцев. В письме к И. Ф. Паскевичу от 25 сентября 1829 года, написанном вскоре после Адрианопольского мира, Николай I делится своими сокровенными замыслами: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее, — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных. Дело сие не требует немедленного приближения, но решительного и зрелого исполнения, когда получу от вас план ваш, которому следуя надеетесь исполнить мое ожидание»^[926]. А в марте следующего года управляющий главным штабом уже торопит с исполнением предложенного Паскевичем плана. Впрочем, в рапорте от 6 мая 1830 года Иван Федорович меланхолично замечал, что выполнение плана покорения горцев в течение летне-осенней кампании является делом «весьма трудным», поскольку речь идет о горцах, «которые в течение более 50 лет приобвыкли нам сопротивляться». «Известно, — продолжал Паскевич, — сколь трудно вести войну в горах с народами, обладающими оными и решившимися на упорное сопротивление»^[927]. А. С. Пушкин, совершивший незадолго до этого поездку в действующую армию И. Ф. Паскевича, писал о причинах ненависти: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены»^[928].

15 мая того же 1830 года И. Ф. Паскевич подписывает прокламацию «Жителям Дагестана и Кавказских гор». В ней он объясняет, что по условиям мирного договора с Турцией народы Кавказа перестали быть

подданными султана, и призывает их брать пример с покоренных областей, процветающих в составе России: «Благоверное намерение государя императора нашего было и есть сохранение всем хотящим состоять под Его державою свободного богослужения по обычаям веры каждого народа, соблюдая в целости все права, преимущества и собственность на вечные времена неприкосновенно»^[929]. Беда, однако, была в том, что горцы придерживались другой точки зрения. Хорошо знавший горцев русский офицер приводит слова одного из них: «Мы и наши предки были совершенно независимыми... Султан нами не владел и потому не мог нас уступить». А старый горец показал при этом на взлетевшую с дерева птицу: «Дарю тебе ее, возьми, если сможешь»^[930].

Паскевич попытался несколько видоизменить тактику Ермолова, перейдя от тотальной войны к отдельным карательным экспедициям. Впрочем, и прежняя тактика не была забыта. В 1828 году в связи со строительством Военно-Сухумской дороги (из Кабарды в Абхазию) к России была присоединена Карачаевская область. Вольные лезгинские общества, занимавшие территорию от реки Алазани до Кавказского хребта (селения Джары, Белоканы и др.), формально приняли российское подданство еще в 1803 году. Тогда во время экспедиции чуть не погиб будущий наместник Кавказа граф М. С. Воронцов. Позднее джарцы и белоканцы вновь «возмутились»; через их территорию продолжались набеги горцев на Грузию. В 1830 году И. Ф. Паскевич основал крепость Новая Закаталы и образовал Джаро-Белоканскую область. Со стороны Грузии была построена Лезгинская линия (между Закаталы и Кварели), отделившая Кахети от Дагестана. В июле того же года Г. В. Розен осадил Гимры.

Особое место в планах И. Ф. Паскевича занимала береговая линия. Он разработал план экспедиции, целью которой являлось «проложение и основание сухопутного по берегу Черного моря сообщения от крепости Анапы до Поти»^[931]. В июле 1830 года отряд численностью 2,5 тысячи штыков и сабель при восьми легких орудиях двинулся из Сухуми на северо-запад. Без боя были заняты Бомбары и Пицунда, но высадка десанта в Гаграх встретила отпор. Контролируемые убыхами (одним из адыгских племен) Гагры, где Кавказский хребет особенно близко подходит к морю, были для горцев воротами в Закавказье для набегов на абхазские селения. Борьба за «Кавказские Фермопилы», как назвал Гагры И. Ф. Паскевич, оказалась упорной. Было построено Гагринское укрепление, и на этом «Абхазская экспедиция» закончилась. «Сухопутное сообщение» между

Анапой и Поти стало возможным только с завершением в 1864 году Кавказской войны, когда адыгейские племена прекратили сопротивление.

Подводя итоги своего пребывания на Кавказе и явно преувеличивая собственные заслуги, И. Ф. Паскевич в начале 1831 года писал Николаю I: «Чем более я делаю наблюдений, тем более удостоверяюсь, что направления политики и сношений наших с горцами были ошибочны и не имели ни общего плана, ни постоянных правил... Опыт четырехлетнего моего управления оправдал мою политику, которая состояла в том, в частности, что я был снисходителен, но, в общем, угрожал твердостью и решительностью»^[932]. Одним из последних мероприятий И. Ф. Паскевича стало отправление аманатов (юношей-заложников из знатных семей, содержащихся в русских крепостях) в Ставрополь для обучения в особом училище, что было «высочайше разрешено» в январе 1821 года. Сын Шамиля Джамалуддин, отданный отцом в аманаты в 1839 году, прожил в России 15 лет. Когда ему исполнилось 10 лет, он был помещен в Павловское военное училище. Император относился к нему с особым вниманием.

Весной 1831 года И. Ф. Паскевич был переведен в Польшу, но его влияние на Николая Павловича оказалось столь велико, что до 1845 года именно он утверждал планы военных действий против горцев. Преемники И. Ф. Паскевича генералы Г. В. Розен (август 1831–1837), Е. А. Головин (30 ноября 1837–1842) и А. И. Нейдгардт (1842–1844) в основном следовали его тактике.

11 января 1832 года военный министр А. И. Чернышев довел до сведения командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена замечания Николая I по поводу покорения Кавказа. «Все частные распоряжения, относительно того края принимаемые, — полагал император, — должны клониться к упрочению приобретенных выгод посредством усмирения полудиких племен Кавказа, постепенного введения как между ними, так и вообще во всем Кавказском крае гражданского устройства, раскрытия всех источников, промышленности и торговли для обоюдной пользы вновь приобретенных земель и собственно империи так, чтобы со временем первая связывалась с последнею взаимными выгодами и нуждами, представляя единое целое без всяких следов насильственного присоединения»^[933].

Однако в условиях военных действий похвальные намерения оставались невыполнимыми.

Туркманчайский (1828) и Адрианопольский (1829) договоры,

несомненно, способствовали повышению авторитета России среди местного населения. Но одновременно в горах получило распространение учение мюридизма (от араб, «мюрид», или правильнее «мурид» — послушник), требовавшее полного подчинения религиозному вождю — имаму для борьбы с «неверными». Первым проповедником мюридизма стал около 1823 года Кази-мулла Мухаммед (Курали-Магома). Его программа была обширна. «Когда я возьму Москву, — заявлял он, — я пойду на Стамбул; если хункар (султан) свято соблюдает постановления шариата, мы его не тронем, — в противном случае горе ему! Он будет в цепях, и царство его сделается достоянием истинных мусульман»^[934].

Проповедь газавата сопровождалась заменой местного права (адата) шариатом. Беднейшие слои населения привлекали призывы к социальному равенству и справедливости. Первым имамом (в переводе с арабского «имам», буквально — «находящийся впереди», верховный правитель) стал ученик Кази-моллы аварец Гази-Магомед (Гази в переводе с арабского — «борец за веру»). В 1831 году он с 10-тысячным войском прорвал Кавказскую линию, взял Тарки (ныне окраина Махачкалы), овладел Кизляром и осадил Дербент. Бои разгорелись также на подступах к Грозной и Владикавказу. В августе 1832 года генерал Г. В. Розен вторгся в Чечню и, соединившись с отрядом А. А. Вельяминова, разорил 60 селений и принял изъявления покорности от 80 селений. В результате карательных экспедиций горцы были разбиты и в Дагестане, многие аулы уничтожены. Но чтобы добраться до имама, потребовался новый поход Розена в Дагестан. Гази-Магомед, оставшийся с горсткой мюридов, погиб в своем родном ауле Гимры 17 октября 1832 года. Но напрасно А. Х. Бенкендорф считал, что «с его смертью все возвратилось к порядку, и кавказские племена, устрешенные своей неудачей, перестали сопротивляться»^[935].

Вторым имамом стал аварец Гамзат-бек. Поскольку Аварское ханство оставалось вне зоны его влияния, он в 1834 году взял столицу ханства Хунзах. Молодые аварские ханы были истреблены в схватке, а их мать ханша Паху-бике казнена. Основными лозунгами имама стали присоединение к шариату и неподчинение неверным. Однако 19 сентября Гамзат-бек был убит в хунзахской мечети. Хунзахцы выступили против мюридов и избрали своим старшиной Хаджи-Мурата. Военной администрации было выгодно сохранение Аварского ханства как опоры режима, но из мужского потомства аварских ханов в живых остался только малолетний внук Паху-бике. Регентство досталось генералу русской службы Ахмет-хану Мехтулинскому, но до 1839 года его фактическим

соправителем был его сводный брат Хаджи-Мурат.

Третьим имамом стал также аварец — знаменитый Шамиль (1834–1859), родившийся в семье узденя (свободного поселянина) и поклявшийся бороться с царскими генералами и Хаджи-Муратом. Перед аварцами Шамиль предстал как мститель за убитых ханов, перед другими горцами — как мститель за Гамзат-бека. Получивший традиционное мусульманское образование, он отличался умом, обширными знаниями, железной волей и талантом организатора партизанской войны.

Первоначально местная феодальная верхушка не мешала Шамилю в его благочестивой пропаганде, тем более что он проповедовал принцип частной собственности, что было важно в условиях перехода от общинных отношений к классовому обществу. Создавалось впечатление, что Шамиля интересует только утверждение шариата, а не светская власть. Но именно постепенная замена ханско-бекской власти и внутреннего общинного управления имамско-наибской была главной задачей Шамиля. Первым опасность почувствовало русское командование. Стремясь воспрепятствовать проповеди мюридизма, барон Розен пригласил из Казани в Дагестан знаменитого мусульманского проповедника Тазадин-Мустафина. Пока тот был в областях, подконтрольных русской администрации, — ханствах Аварском, Казикумухском, Кюринском, Мехтулинском, шамхальстве Тарковском, приставстве Кумыкском, — проповедь против экстремизма была успешной. Но общинники «вольных обществ» не поддержали Тазадин-Мустафина.

18 октября 1834 года отряд генерал-майора Ф. К. Клюки фон Клюгенау штурмом взял резиденцию имама — аул Гоцатль. Войска Шамиля отступили из Аварии в Северный Дагестан, где местопребыванием имама стал аул Ахульго, превращенный под руководством чеченца-инженера, обучавшегося в Турции, в хорошо укрепленную крепость, считавшуюся неприступной. Попытки Шамиля в 1835-м — начале 1836 года вновь утвердиться в Аварии не увенчались успехом. Русские войска и Хаджи-Мурат, управлявший тогда Аварским ханством, отразили его нападение.

Положение на Кавказе не могло не тревожить Николая Павловича, тем более что кавказский фактор приобретал все более ярко выраженный геополитический характер. Летом 1834 года на Кавказском побережье в районе Туапсе побывал известный недоброжелатель России секретарь британского посольства в Константинополе (резидент разведки на Ближнем Востоке) Дэвид Уркварт. В 1836 году на английском и французском языках была опубликована его книга, в которой завоевание Кавказа расценивалось как самое важное событие во всей истории России, дающее ей господство в

Каспийско-Черноморском регионе и возможность угрожать Турции и Персии. Автор призывал английское правительство противодействовать овладению Россией Северным Кавказом и Дагестаном. Кавказ и Дарданеллы, по его мнению, — это ворота Индии^[936]. Теоретические рассуждения автора подкреплялись практическими действиями. Английские агенты, используя слабость береговой линии, пытались снабжать горцев оружием и припасами. Это проявилось в нашумевшем деле о захвате русским военным судном в ноябре того же 1836 года английской шхуны «Виксен» с грузом военной контрабанды в бухте Суджук-Кале (Цемесской). В протесте, поданном от имени английского правительства, министр иностранных дел Генри Пальмерстон ссылаясь на то, что этот район якобы не принадлежит России, то есть игнорировал Адрианопольский договор. Однако Россия отказалась вести какие бы то ни было переговоры по данному вопросу. Англии пришлось удовлетвориться возвращением другого судна — «Лорд Спенсер», действительно задержанного вне трехмильной запретной зоны, объявленной Россией в том году. В то же время еще 13 июля 1830 года всем иностранным государствам была разрешена свободная торговля с горцами в ряде портов в установленном законами порядке (запрещались военные грузы и работорговля)..

В мае 1837 года была снаряжена новая аварская экспедиция под командованием швейцарца генерала К. Фезе. По дороге к Хунзаху он взял селение Ашилту, но был окружен превосходящими силами горцев и вернулся в Темир-Хан-Шуру (г. Буйнакск). Во время нового похода Фезе вошел в Хунзах, но безуспешно осаждал аул Телетль, где находился Шамиль. Между К. Фезе и Шамилем был заключен договор о прекращении военных действий, в котором Шамиль фактически признавался главой горцев. Взамен Шамиль выдал в качестве аманата своего сына Гамзата. Тем временем Николай I совершал свое путешествие на Юг России и находился в Крыму, откуда через Тамань планировалась в октябре его поездка на Кавказ. Отправив императору рапорт о «победе» над Шамилем, командующий кавказским корпусом Г. В. Розен попытался привлечь Шамиля на свою сторону путем переговоров. Генерал-майор Ф. К. Клюки фон Клюгенау встретился с ним 18 сентября близ селения Гимры и, пообещав вознаграждение, предложил прекратить борьбу и прибыть в Тифлис для встречи с императором. Под тем предлогом, что ему необходимо посоветоваться, Шамиль уехал, а на повторное обращение ответил письменным отказом: «Сообщаю вам, что наконец решился не отправляться в Тифлис, если даже и изрежут меня по кускам, потому что я

многократно видел от вас измены, которые всем известны»^[937].

Из Крыма Николай I вместе с цесаревичем Александром Николаевичем на пароходе «Северная звезда» направился к побережью Кавказа, где высадился на берег в районе Геленджика. Черноморское побережье встретило его не только салютом императорскому флагу пушек генерала А. А. Вельяминова, но также бурей и пожаром провиантских магазинов. Николай Павлович находился вблизи пламени, а солдаты в шинелях переносили снаряды подальше от огня. Императору пришлось пережить пожар на берегу, в дрянном домишке, на голодный желудок. Зато он смог позволить себе неформальное общение с солдатами. На следующий день на пароходе Николай I отправился далее в Анапу, которую осмотрел после ночевки 24 сентября. Проводив сына до Керчи (вероятно, от греха подальше), он вновь на том же пароходе прибыл в Редут-Кале, а оттуда направился в Грузию (об этом шла речь выше). Из Тифлиса Николай Павлович возвратился по Военно-Грузинской дороге во Владикавказ. Его сопровождал конвой из горцев и казаков. Дальнейший путь лежал через Пятигорск, Георгиевск и Ставрополь и далее в станицу Аксайскую, где его ожидал наследник-цесаревич, являвшийся с 1834 года атаманом всех казачьих войск. Затем император посетил столицу Войска Донского Новочеркасск и через Воронеж и Москву 10 декабря вернулся в Петербург. Впоследствии Николай Павлович никогда не вспоминал виденное им на Кавказском побережье, кроме Геленджика и Анапы; вероятно, каменистый и безлюдный берег, прерывавшийся ущельями и устьями рек, да редкие земляные валы русских укреплений, где от пуль и болезней гибли солдаты, произвели на него гнетущее впечатление.

От формальной юрисдикции до действительного владения побережьем было по-прежнему далеко. Адыгейские племена, занимающие Черноморское побережье от Гагры до Сочи, — садзеи (джигеты) и саша на реке Сочи, с упорством отстаивали свою независимость. Продолжали сопротивление натухайцы и шегеки на побережье от реки Кубани до реки Пшады и шапсуги от Геленджика до реки Шахо. В 1836–1840 годах под руководством главного командира Черноморского флота М. П. Лазарева было осуществлено восемь десантных операций против горцев, в пяти из них он командовал лично. На 500-километровом побережье возникло 17 фортов, составивших Черноморскую линию. Горцы сопротивлялись тем более отчаянно, что форты ставились в устьях рек, которые традиционно использовались ими под зимние пастбища. В 1837 году были заложены укрепления Святого Духа на мысе Адлер, Новотроицкое на реке Пшаде и Михайловское на Вулане. В сентябре 1837 года во время высадки десанта у

мыса Адлер пропал без вести раненый прапорщик А. А. Бестужев-Марлинский, декабрист и писатель, чьи произведения уже успели покорить Россию. Тело его так и не нашли, хотя была обещана награда. В письме 8 июля 1837 года Николай Павлович писал сыну: «С прискорбием должен я тебя уведомить о геройской кончине бедного твоего товарища толстого Долгорукова, он пал в десантном деле на берегах Абхазских, изумив всех своей неимоверной храбростью, вот собственные слова Вельяминова»^[938]. В том же году на Кавказ был сослан М. Ю. Лермонтов.

В 1838 году были основаны укрепления Новороссийское в Цемесской бухте — на месте разрушенной еще в 1812 году турецкой крепости Суджук-Кале (Новороссийск), форт Александровский в районе реки Сочи (переименован в 1839 году в Навагинский), укрепление Вельяминовское на реке Туапсе (в честь генерала А. А. Вельяминова; с 1896 года Туапсе) и др. В 1839 году было проведено два десанта в устьях рек Субаши и Псезуапсе, где основаны форты Головановский и Лазаревский. При высадке десанта в Туапсе были задействованы семь линейных кораблей, шесть фрегатов, три корвета, два парохода и два транспорта, не считая десяти купеческих судов, зафрахтованных штабом.

В «Обзоре политического состояния Кавказа 1840 года» к «покорным» местностям и народам, управляемым назначаемыми властями приставами, была отнесена, в частности, Абхазия, где власть владетельных князей Шервашидзе (до 1864 года) поддерживалась русскими укреплениями в Сухуме, Бомбарах и Пицунде. Это же относилось к этническим группам абхазов в Самурзакане (южнее до реки Ингури на границе с Мегрелией) и прилегающей Цебельде по ущелью реки Кодор (с 1837 года). Спокойными считались кабардинцы, ногайцы, кумыки, карачаевцы (с 1834), ингушские племена (назрановцы, галаши, карабулаки, галгай).

Одновременно русское командование предприняло поход на очередную резиденцию Шамиля. После кровавого штурма 22–23 августа 1839 года Ахульго войсками генерал-лейтенанта П. Х. Граббе (8 тысяч штыков и сабель, 22 орудия, до трех тысяч горской милиции) цвет мюридистского воинства был уничтожен. Но Шамилю вновь удалось ускользнуть. Горные аулы изъявили покорность русскому командованию. Казалось, Кавказская война окончена. Граббе, поручив генералу Пулло «навести порядок» в Чечне, докладывал, что «партия Шамиля истреблена до основания». На полях доклада Николай Павлович наложил резолюцию: «Прекрасно, но жаль, что Шамиль ушел; и признаюсь, что опасюсь его новых козней, хотя неоспоримо, что он лишился большей части своих

способов и своего влияния. Посмотрим, что дальше будет»^[939]. Осторожная оценка Николая оказалась правильной, так как глубинные социальные причины войны устранены не были, что подтвердили дальнейшие события.

В начале 1840 года посланцы чеченцев пригласили Шамиля к себе, и он удалился из Северного Дагестана в горные районы Чечни — Ведено и Шатой, где его встретили как героя. Произвол жестокого и несправедливого генерала Пулло довел горцев до разорения. Кавказское командование, считая взятие Ахульго победой над горцами, стало вводить в Чечне и Дагестане полицейскую систему управления, запрещая заниматься набегами, и обладывало население гужевой повинностью. Кроме того, Пулло не придумал ничего лучшего как отнять у горцев оружие, являющееся для них одновременно и средством производства, и предметом культа. Разнесся слух, что на горцев будут распространены налоговая и рекрутская повинности. В 1840 году началось восстание в Чечне. К этому времени относится описанное М. Ю. Лермонтовым сражение 11 июля на притоке Сунжи реке Вайрик («Валерик»). Стихотворение прекрасно воспроизводит применявшиеся горцами военные приемы. За участие в этом бою М. Ю. Лермонтов был представлен к награде — знаку ордена Святой Анны, однако император представление отклонил.

Своей резиденцией с июля 1840 года Шамиль сделал ичкерийский аул Дарго, окруженный лесами. Отсюда он производил набеги на казачьи селения, шамхальство Тарковское и кумыкскую «плоскость», где его привлекали огромные, до 100 тысяч голов, стада баранов. В том же 1840 году с новой силой разгорелось восстание в горном Дагестане, где к Шамилю примкнул пользующийся популярностью среди аварцев Хаджи-Мурат. Вспыхнуло восстание и в Черкесии. Основные силы адыгейцев, состоявшие из абадзехов, шапсугов и натухайцев, обрушились на береговую Черноморскую линию. В феврале — апреле 1840 года под их напором пали укрепления Лазаревское, Вельяминовское (Туапсе), Николаевское и Михайловское. Бои были ожесточенные и сопровождались примерами самоотверженности с обеих сторон. Так, после овладения горцами Михайловским укреплением рядовой Архип Осипов успел взорвать пороховой погреб, превратив форт в огромную братскую могилу. Штурм Навагинского форта (Сочи) оказался для горцев неудачным, затем русские войска отбили потерянные укрепления. Пытаясь вернуть утраченную инициативу, Е. А. Головин в 1841 году свел свои войска, усиленные 14-й пехотной дивизией, в три отряда. Два из них, соединившись, атаковали Шамиля на реке Сулак на Хубарских высотах и

заняли стратегически важный аул Чиркей. Началось строительство на Судаке нового укрепления, названного в честь Головина Евгеньевским. Тем временем Чеченский отряд вернулся в Грозный, а Назрановский поставил под контроль Военно-Грузинскую дорогу. Несмотря на весьма скромные результаты этой операции, Николай I был доволен. В письме к И. Ф. Паскевичу от 8 июня 1841 года он так охарактеризовал положение дел: «Дела на Кавказе получили хорошее начало; на правом фланге Черноморской линии джигеты и часть убыхов до 3 т[ысяч] дворов сами вдруг поддались и выдали аманатов, что там дела наши подало на год вперед. На левом фланге было удачное дело с Шамилем на Хубаринской позиции, после чего Чиркей взят без боя, а Граббе пошел в Чечню»^[940].

Однако в том же 1841 году Шамиль вторично занял Аварию и вновь стал повелителем гор. Кроме горного Дагестана и Чечни, ему подчинилась значительная часть чеченской «плоскости». Общая численность семейств, проживавших на этой территории, достигла 230 тысяч^[941]. Военное командование сохранило контроль лишь за приморской частью Дагестана, мелкими укреплениями по рекам Сулак и Казикумухское Койсу, частью равнинной Чечни. Большая часть приобретенного Россией за полвека оказалась потеряна. Шамиль из «бродяги» вновь превратился во властителя государства, находящегося в зените славы.

Период с 1840 по 1847 год Н. Г. Чернышевский назвал «блистательной эпохой» Шамиля. В это время Шамиль проявил себя не только талантливым военачальником, но и мудрым государственным деятелем. Никогда еще зеленое знамя газавата не поднималось так высоко народами Кавказа. Территория имамата увеличилась примерно в три раза. По некоторым подсчетам, она составляла около 960 кв. км и включала до трех тысяч населенных пунктов — всего до 100–150 тысяч дворов. Еще с 1835 года Шамиль апробировал административно-территориальное деление горского военно-теократического государства — имамата. Оно было разделено на наибства в соответствии с военными задачами (позднее до 32 наибств). Наибы наделялись военными, административными, судебными и властными полномочиями, были организаторами и руководителями набегов для захвата добычи. С июля 1845 года столица имамата была перенесена в западную часть Ичкерии — Дарго-Ведено. Имама окружала гвардия телохранителей из 120 имамов и 12 он-баши (десятников) во главе с начальником стражи. Войска Шамиля состояли из постоянных конных воинов-мюридов (муртазиков), находящихся в непосредственном ведении наибов, и временно собираемого узденского ополчения. В своем

рапорте от 12 декабря 1842 года генерал А. И. Нейдгардт приблизительно определял общее число муртазиков в пять тысяч воинов, а ополченцев — до 48 тысяч человек. На содержание муртазиков Шамиль брал пятую часть военной добычи. Для командиров были введены знаки отличия в виде кругов на плече с надписью звания и заслуг. За особую храбрость давалась специальная кисть на шашку вроде темляка. Был составлен воинский устав — низам, содержащий нравственные нормы и предписывавший гуманное отношение к пленным. Шамиль провел ряд социальных преобразований и вел жесткую борьбу с ханами и беками, служившими России. Он поощрял торговлю, но боролся с роскошью и ограничил доходы духовенства. Однако государственная система Шамиля не смогла остановить рост социальных противоречий, а часть наибов перешла на сторону царизма. Уже после пленения Шамиль так выразил свое раздражение против горской аристократии: «Прежде всего, уничтожьте ханскую власть и дворянское звание, держите беков в таком же черном теле, в каком держал их я»^[942]. Впрочем, на место власти беков Шамиль ставил собственную власть. Наиб Шамиля Сулейман-эфенди, который перешел на сторону русских, писал: «Цель его состоит в том, чтобы поработить все разноразличные племена, населяющие пространство от владений Шамхала до Анапы, над которыми он хочет сделаться султаном и эмиром»^[943]. Сын Шамиля Казим-Мухаммед был провозглашен его наследником. В то же время тотальная мобилизация для войны с гяурами мужского населения приводила к нехватке рабочих рук в хозяйстве и требовала других источников пополнения бюджета. Имам был вынужден активизировать набеги для получения добычи. «Набеговая экспансия» заходила в тупик.

Происходящее на Кавказе вызывало постоянное беспокойство императора. Во время беседы 19 февраля 1842 года с генералом А. О. Дюгамелем, только что вернувшимся из Персии, Николай I сказал: «... Теперь я опасаясь, чтобы обнаружившийся между афганскими племенами дух непокорности не перешел к другим азиатским народам и, в особенности, к тем мусульманским племенам, которые живут вдоль берегов Каспийского моря и давно уже ведут против нас упорную войну»^[944]. Между прочим, император поинтересовался у генерала: «Проезжая по Закавказским провинциям, Вы, вероятно, слышали о Шамиле и о влиянии, которым он пользуется в среде своих единоверцев?»^[945] Ничего конкретного генерал доложить не смог, ограничившись общими словами, что «мусульмане сознают упадок своей религии и общих начал и ищут поддержки в экзальтации фанатизма»^[946].

Через пять месяцев после этого знаменательного разговора, в конце июля 1842 года, потерпел неудачу поход генерал-лейтенанта П. Х. Граббе в лесистую Ичкерия. Под влиянием этой неудачи появилось предписание военного министра от 20 августа 1842 года. Командованию Кавказским корпусом сообщалось, что в 1843 году «Е. И. В. высочайше повелеть соизволил наистрожайше предписать всем частным начальникам на Кавказе, дабы они отнюдь не предпринимали никаких экспедиций или поисков для наказания горцев, но оставаясь в полной готовности отразить всякие их против нас враждебные покушения, усугубили свои старания ко внутреннему устройству покорившихся племен и к склонению прочих следовать их примеру»^{947}.

Кавказская война противоречиво воспринималась в русском обществе. Великая княжна Ольга Николаевна так вспоминала о начале 40-х годов: «Для офицеров гвардии и других молодых людей стало обычаем принимать участие в войне против кавказских народностей и добывать себе лавры, вплоть до Георгиевского креста. Все дамы, к которым я причисляла и себя, были от них в восторге и считали их героями. Кавказские стихи Пушкина и Лермонтова были у меня в крови, а мои глаза восхищала красочная форма нижегородских драгун с казачьими шароварами и газырями на груди... Эта война стоила многих человеческих жертв, но вперед не подвигалась. Неизвестно было, которая из войн, французов в Алжире или наша на Кавказе, будет скорее закончена. С волнением слушала я рассказы генералов Анрепа или Граббе, когда они говорили о своих приключениях в Кавказских горах или об обычаях тамошних народностей»^{948}.

Начало 40-х годов — время поиска более конструктивной политики на Кавказе. Ставилась задача развития производительных сил края, торговли, просвещения. Именно об этом шла речь в особой записке, поданной начальником Черноморской береговой линии генералом Н. Н. Раевским на имя императора в 1840 году. По мнению Раевского, подобные меры должны были постепенно искоренить «набеговый промысел», порождавший состояние военной напряженности на Кавказе и Кубани. Аналогичные мнения высказывали преемники Н. Н. Раевского И. Р. Анреп, комендант Геленджикской крепости Чайковский и молодой офицер из отряда Граббе Д. А. Милютин (будущий военный министр). Последний предлагал применять средства «нравственного» и «материального» влияния, «согласовывать наше владычество с интересами самих горцев», «щадить их верования, обычаи, нравы». «Было бы безрассудно подводить все разнообразие племен Кавказа под одну общую систему», — писал он.

Частные меры малоэффективны, необходимо изменить образ действий, «ибо от успокоения кавказских племен зависит не только благосостояние Кавказского края, но и все будущее политического и коммерческого влияния России на Востоке»^[949]. Примерно то же советовал русскому послу в Лондоне Ф. И. Бруннову в 1841 году руководитель английской внешней политики Г. Пальмерстон. Довольный уступками России на Лондонских конференциях 1840–1841 годов, он снизошел до дружеского совета и высказался в том смысле, что война не лучший способ покорения черкесов, поскольку сама по себе является их образом жизни и не страшит их, а вот цивилизация и удовлетворение нужд через торговлю, развитие мирного быта разоружат их и покорят. Вспоминаются и слова А. С. Грибоедова, охарактеризовавшего действия Ермолова в Чечне, как «борьбу горной и лесной свободы с барабанным просвещением»^[950].

Император колебался. С одной стороны, он не хотел менять уже принятые решения, считая единственным средством для достижения этой цели силу оружия. «Необходимы только постоянство и твердая решимость в их исполнении, — заявлял он, — и тогда почти безошибочно можно определить годами время, когда Черкесия будет покорена»^[951]. В то же время он был согласен и со многими выводами оппонентов такой стратегии и понимал всю ненадежность ставки только на военную силу. Для характеристики взглядов императора весьма показательна записка, составленная им в ноябре 1842 года для главноуправляющего Закавказским краем и командира Отдельного Кавказского корпуса А. И. Нейдгардта: «Не хочу никаких завоеваний, и мысль об оных считаю преступною. Хочу нашего владычества краем, где признаю его покуда крайне шатким и неверным...». Далее, отмечая ненадежность сообщения по Военно-Грузинской дороге, плохо контролируемой русскими войсками, он делал следующий вывод: «Из сего следует, что необходимо покорение враждебного нам населения Кавказа. Но покорение следует исполнить не одним оружием... На воспитание, генерал Нейдгардт, должно быть обращено особое внимание, возможное соединение в одних школах воспитанников из всех народов весьма желательно, потому полезно, елико можно увеличивать число народных и уездных училищ; но воспитание в самом крае никак не должно превышать обыкновенных гимназических степеней, ибо все высшее образование для способнейших должно непременно быть в России, т. е. в общем корыте, даровать же его за Кавказом было бы действовать вопреки коренным правилам здешней политики»^[952]. Но пока в горах было не до «просвещения», даже

«барабанного».

В ноябре 1843 года русский отряд подполковника Д. Пассека был вынужден оставить Хунзах и с большими трудностями вышел из окружения. За спасение отряда Пассек был сразу произведен в генерал-майоры. Шамиль осадил Темир-Хан-Шуру (с 1922 года Буйнакск), хотя и безрезультатно. В ходе этой кампании Нейдгардт потерял все завоевания в горном Дагестане. Территория же имамата увеличилась более чем вдвое, а численность войск Шамиля достигла цифры в 20 тысяч человек. Кроме Дагестана и Чечни, влияние Шамиля распространилось на Кабарду.

Осенью того же 1843 года в очередной раз была поставлена задача нанести «конечный удар» Шамилю в течение одного 1844 года. Для этого на Кавказ отправили две дополнительные дивизии из 5-го корпуса генерала Лидерса. 14 ноября 1843 года Николай I писал ему: «Повторяю, в обыкновенном положении дела станем держаться условленного, но теперь столько же необходимо привести дела в прочное положение, уничтожив приобретенное Шамилем влияние, нанеся ему конечный удар, и, буде Бог поможет, окончательно одним же разом занять горы; дело важное, трудное, возможное и потому решительно исполнить требующее. Посылаю тебе на один год 2 дивизии в составе 24 батальонов с саперным бат., и стрелковым бат. при 32 орудиях, даю я тебе такие силы, каких Кавказ и во сне не видел. Умей меня понять и, пользуясь сими способами, исполни мою волю в точности. Ты должен проникнуть в горы, разгромить Шамиля везде, где тебе противостанет, все истреблять, что тебе будет противиться, но щадить все, что покоряется без боя; в особенности оказывая уважение к муллам, мечетям и к вере, чтобы разрушить и уничтожить и тень мысли, что мы точно ведем духовную войну. Сыпни деньги, стараясь ими привлечь на нашу сторону людей, пользующихся влиянием на племена. Ты должен всюду пронестись грозой, все опрокидывающей, и потому отсюда не отвлекаться побочными предприятиями, но стремиться все и постоянно к одной главной цели»^[953]. Далее предписывалось выбрать три или четыре главных пункта, «которые безотлагательно надо будет устроить и твердо занять». В заключение император еще раз подчеркивал жесткие сроки выполнения задачи: «Помни, что все должно быть кончено непременно в течение 1844 года, что я отнюдь и ни под каким предлогом не оставлю командированных войск на Кавказе долее сего»^[954].

Во время зимнего затишья, в январе 1844 года, Николай Павлович сообщал И. Ф. Паскевичу: «На Кавказе поутихло; после удачного дела под Казанищами Шамиль ушел в горы. Войска дрались славно, а

линейные казаки вновь показались молодцами, равно как и прочие казаки»^[955]. Нейдгардт произвел реорганизацию войск, сформировав пять отрядов: Чеченский (генерал от инфантерии А. Лидере), Дагестанский (генерал-лейтенант князь В. Бебутов), Самурский (генерал-майор князь М. Аргутинский-Долгоруков), Лезгинский (генерал-лейтенант Г. Шварц) и Назрановский (генерал-майор П. Нестеров). Всего 44 батальона, 104 сотни конницы и 78 орудий. Весной 1844 года он начал широкомасштабные военные действия, выдвинув против Шамиля отряды генералов К. фон Клюгенау, А. Лидерса, М. Аргутинского-Долгорукова. Но Шамиль, уничтожая собственные аулы и изматывая противника, в сражения не вступал. Нейдгардт не решился углубиться далеко в горы и предпочел укрепиться на занимаемых позициях. Рядом с селением Тарки на земле кумыков было заложено укрепление Петровское (современная Махачкала). В то же время осенью 1844 года в состав имамата Шамиля вошли многие аулы Кайтага и Табасарана.

Скромные успехи Нейдгардта раздражали Николая I. В декабре 1844 года на Кавказ с чрезвычайными полномочиями был назначен наместник М. С. Воронцов. Последний без радости принимал это назначение, хотя за ним было оставлено Новороссийское генерал-губернаторство. Воронцов получал безграничную гражданскую и военную власть над всем регионом. Как кавказскому наместнику, ему было подчинено не только Закавказье, но и Кавказская область. Знакомый с Кавказом по службе под началом князя П. Д. Цицианова, М. С. Воронцов представлял трудность поставленной задачи. Разговор с А. П. Ермоловым, которого он посетил в Москве, убедил его в ошибочности стратегии «решительного удара». Но именно из этой стратегии исходил император, требовавший в ходе кампании 1845 года разгрома Шамиля и захвата «центра его владычества». Таким центром для Шамиля мог стать любой малодоступный аул.

Прибыв 25 марта 1845 года в Тифлис, М. С. Воронцов попытался все же заставить противника принять генеральное сражение. В июне 1845 года Чеченский и Дагестанский отряды под его общим командованием (11 батальонов и 3 роты пехоты, свыше тысячи казаков, грузинская милиция), преодолевая сопротивление горцев, снова совершили поход по Ичкерийским лесам в горный район — Андию. Выжженное село Анди было взято, и отряд Воронцова двинулся к главной своей цели — столице имамата аулу Новое Дарго в верховьях реки Аксай. Шамиль применил «стратегию удава»: рассекая отряд на части, он уничтожал их в лесных завалах. С большими потерями Воронцов пробился в Дарго, который оказался покинутым мюридами во главе с Шамилем. На обратном пути 16

июля на поляне у селения Шаухал-Берды отряд попал в окружение. Во время похода погиб храбрый генерал Диомид Пассек. Своевременный подход на выручку наспех сформированного отряда генерал-лейтенанта Р. К. Фрейтага из Грозного 19 июля позволил избежать полной катастрофы. Князь П. В. Долгоруков писал: «Если бы отважный и энергичный генерал Фрейтаг, стремившийся на спасение окруженного в горах русского войска, опоздал бы хотя бы сорока восьмью часами, то Воронцов со всем отрядом был бы взят в плен Шамилем»^{956}. Только 20 июля соединившимся отрядам удалось пробиться к занятым русскими Герзель-Аулу. Во время этой экспедиции потери составили 1658 человек убитыми, 3350 ранеными; кроме того, потеряны были три горных орудия и весь обоз.

Поход Воронцова вошел в историю под названием «сухарной экспедиции». После разорения Дарго Шамиль перенес свою ставку в новую горную крепость, возведенную у ичкерийского аула Ведено. В письме к И. Ф. Паскевичу 1 (13) августа 1844 года Николай Павлович был уже не столь оптимистичен, как в начале года, и весьма краток: «Про Кавказ не пишу, начало было хорошо, но идет в даль, что не хорошо»^{957}.

Поняв ошибочность прежней стратегии и доверяя Воронцову, Николай Павлович избавил его от дополнительных инструкций, предоставив полную самостоятельность, но за ситуацией следил. Не случайно во время неоднократно упоминавшегося разговора с начальником Канцелярии М. С. Воронцова С. В. Сафоновым в 1846 году император был весьма озабочен положением дел на Кавказе. Сначала он поинтересовался обстановкой на правом фланге — Восточном берегу (Черноморском побережье), на что С. В. Сафонов ответил, что там дела «в хорошем положении». Затем Николай Павлович заметил, что и «на левом фланге также довольно хорошо», и перешел к ситуации в Чечне. «Здесь его величество, — пишет С. В. Сафонов, — вошел в подробное рассмотрение и рассуждение об известных уже делах в Чечне, о постройке Ачхоевского укрепления, о действиях Шамиля, о переселении жителей в горы, о желании чеченцев не передаваться к нам и проч.»^{958}

В том же году был достигнут и крупный успех: удалось отбить вторжение! Шамиля в Осетию и Кабарду с целью присоединения к имамату новых территорий на западе. К этому времени М. С. Воронцов отказался от стратегии медленного продвижения в горы и закрепления достигнутого путем строительства крепостей и дорог. С 1846 года он вернулся к тактике А. П. Ермолова, сжимая территорию имамата кольцом укреплений. В сентябре 1847 года после проведенной по всем правилам военного

искусства осады, с использованием подземных галерей для минирования, М. С. Воронцов захватил крепость Салту, превращенную в груды камней. Штурм стоил 535 убитых и 1888 раненых. По крепости было выпущено 12 тысяч снарядов. Здесь же спасал раненых знаменитый хирург Н. И. Пирогов. Это была первая победа Воронцова над Шамилем. В июне 1848 года князь М. Аргутинский-Долгоруков взял разрушенный Гергебиль, после чего был вынужден отойти, оставив развалины горцам. За этот поход он был произведен в генерал-лейтенанты; что же касается князя М. С. Воронцова, то он получил благодарность от императора.

В 1849 году русские войска отразили попытки горцев взять Темир-Хан-Шуру и прорваться в Кахети. В том же году, после смерти великого князя Михаила Павловича, командующим гвардейским и гренадерским корпусами и шефом воевавшего на Кавказе 44-го драгунского полка был назначен цесаревич Александр Николаевич. В следующем году он решил отправиться в инспекционную поездку на Кавказ. В Чечне цесаревич посетил Валерик, известный ему по стихотворению М. Ю. Лермонтова. Оказавшись на месте стычки, он, прищипорив лошадь, бросился вперед, так что несколько пуль просвистело рядом. М. С. Воронцов сделал представление о доблести цесаревича, и довольный Николай Павлович наградил сына знаком ордена Святого Георгия 4-й степени.

В том же году вновь участились набеги адыгов, которых возглавлял Мухаммед Эмин (Магомед-Амин), назначенный Шамилем наибом Закубанского края. За 1849 год он совершил 101 нападение на Кавказскую линию. С начала 1850 года Мухаммеду Эмину подчинились бжедухи, шапсуги, натухайцы, убыхи. Только в мае 1851 года его отряды удалось разгромить, и границы имамата снова сузились.

С конца 40-х годов в имамате начались подспудные брожения, обострилась внутренняя борьба в самом мюридском лагере. Постоянные переселения Шамилем целых аулов привели к деградации сельского хозяйства. Между тем источники военной добычи резко сузились. Как отмечают историки Кавказской войны М. М. Блиев и В. В. Дегоев, «военно-набеговая система, как форма хозяйственной специализации, в конце концов принесла узденской массе обнищание и голод»^[959]. Положение горцев на территории, контролируемой военной администрацией, было несравненно лучше. Стали расти прорусские настроения, начались переходы на сторону российских властей части аульской верхушки, выдача некоторыми аулами мюридов. Ориентация на Россию становилась альтернативой репрессиям имама и его культу личности. «Популярность Шамиля во впечатлительных умах горцев, — писал Н. А. Добролюбов, —

исчезла уже задолго до его плена... Шамиль давно уже не был для горцев представителем свободы и национальности... Уважение к себе он поддерживал более страхом, нежели любовью: палач был при нем неотступно, и казни были непрестанны»^{960}.

В июле 1851 года Хаджи-Мурат совершил неудачный поход на Кайтаг и был разбит А. И. Барятинским. Шамиль в оскорбительной форме обвинил своего знаменитого наиба в трусости и отстранил его от должности. Хаджи-Мурат стал противником Шамиля, и за ним пошла подавляющая часть аварцев. В районе крепости Воздвиженской Хаджи-Мурат сдался сыну наместника Семену Воронцову. На рапорте М. С. Воронцова об этом событии Николай I написал: «Слава Богу — важное начало!» Это была большая потеря для Шамиля. Хаджи-Мурат с почестями был доставлен в Тифлис. Впрочем, по выражению М. С. Воронцова, Хаджи-Мурат был «обоюдоострой шпагой»^{961}. В апреле 1852 года, потеряв надежду с помощью русских выволить от Шамиля свою семью, Хаджи-Мурат бежал и был убит в схватке. Его заспиртованную отрубленную голову отослали в Тифлис. После препарирования череп был отправлен для изучения антропологического типа горцев к Н. И. Пирогову, и таким образом попал в Кунсткамеру.

В январе 1852 года командующий левым флангом Кавказской линии князь А. И. Барятинский с 12-тысячным отрядом перешел Аргун и вторгся в Большую Чечню. На подступах к Ведено его встретил сам Шамиль и отбил нападение, но его возможности и влияние уже ослабли. К весне 1853 года отряды Шамиля были вытеснены в горный Дагестан, где их застало начало Крымской войны.

Уже после кончины Николая I и завершения Крымской войны Александр II смог сосредоточить на Кавказе 200-тысячную армию, вооруженную нарезным оружием. Войска генерал-лейтенанта Н. И. Евдокимова, применяя тактику А. П. Ермолова, в течение 1858 — начала 1859 года заняли Чечню. После взятия Ведено князь А. И. Барятинский (с июля 1856 года командующий Отдельным Кавказским корпусом и наместник на Кавказе) принудил к сдаче Шамиля, окруженного в Гунибе 25 августа 1859 года. «Власть Шамиля сокрушена, — писал в 1860 году в собственноручной записке Александр II, — он сам в наших руках, и война, стоившая нам столько крови на восточном Кавказе, кончена, надеюсь, навсегда»^{962}. Впрочем, война в Адыгее продолжалась до 1864 года.

«Башкиры добрый народ»: Кочевые народы

A propos

Используя кочевников и бывших кочевников на военной службе, российские власти делали определенные шаги к постепенному сближению местного управления и традиционного права с общероссийским законодательством. В первой половине XIX в. в целом был взят курс на внедрение прямого, а не косвенного — через местную знать, управления. Для непосредственного контроля со стороны властей с начала века использовалась также система приставов (они часто назначались из среды местной аристократии). Ханская власть повсеместно заменялась «наместнической», «султанской» или «бийской» (родовых старшин), а к середине века отменили и ее. 22 июля 1822 г. был утвержден разработанный М. М. Сперанским «Устав (впоследствии «Положение») об управлении кочевых инородцев». В том же году было разработано «Уложение об управлении сибирскими инородцами» («Сибирское уложение»), которое делало ставку на феодальную и полуфеодальную аристократию (тойонов, тайшей, зайсангов, мурз и др.). Сибирские народы были разделены на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. К первым причислялись татары и часть алтайских племен. «Оседлые» племена были уравнены в правах и обязанностях с крестьянами, за исключением рекрутской повинности, которая на них не распространялась. «Кочевые» народы были представлены многими национальностями Западной и Восточной Сибири: бурятами, якутами, хакасами, «тунгусами» (эвенками), «вогулами» (манси), «остяками» (ханты). «Бродячими» называли охотничьи и оленеводческие племена Крайнего Севера (ненцы, ламуты, юкагиры и др.).

В связи с падением ясачных сборов, шедших на содержание Кабинета Его Императорского Величества, правительство Николая I пыталось воспрепятствовать переделу земли. В результате деятельности 2-й ясачной комиссии (1828–1835), которая проводила перепись ясачных народов, были утверждены новые оклады, втрое превышающие предыдущие. У бурят, хакасов и якутов на непродолжительное время (1828–1838) вводились Степные думы, у «бродячих» народов — только родовые правления. Чаще всего кочевники обкладывались ясаком по числу скота, что было

подтверждено принятым при Николае I специальным «Положением о кочующих инородцах». До середины XIX века некоторые кочевые народы освобождались от податей, но должны были нести воинскую службу. В этом плане сохраняло свою силу положение 1806 года о создании иррегулярной конницы. Башкирские и калмыцкие конные полки с честью участвовали в Отечественной войне 1812 года и зарубежных походах. Иррегулярные части создавались из грузин, армян и некоторых горских народов.

Откочевавшие с территории Китая родственные монголам калмыки в середине XVII века образовали Калмыцкое ханство в малонаселенных степях по нижней Волге, Дону, Манычу и тогда же вошли в состав России. После ухода большей части калмыков обратно в Китай в 1771 году Калмыцкое ханство было ликвидировано, часть калмыков переселена в другие районы. Так появились оренбургские, уральские, терские и кумыкские калмыки. Общая их численность на протяжении XIX века не превышала 200 тысяч человек, естественный прирост оставался невысоким (с 1795 по 1858 год на 42,46 %). В 1825 году в соответствии с «Правилами управления калмыцким народом» калмыки были переданы из ведомства Министерства иностранных дел в Министерство внутренних дел и его Астраханской комиссии. С образованием Министерства государственных имуществ эти функции перешли к нему. В 1845 году были «установлены начала» для преобразования управления калмыками и для заселения дорог в калмыцких степях^[963]. В 1847 году в соответствии с «Положением об управлении калмыцким народом» калмыки, как и другие кочевые народы, были переданы в Министерство государственных имуществ с его губернским представителем в Астрахани и улусными приставами. Донские калмыки еще в конце XVIII века были включены в состав Области войска Донского с зачислением в казачье сословие. В 1847 году появился Закон об оседлости, который привел к сокращению поголовья скота и потере части земель, а установление фактической границы кочевий в 10 верст от Волги и 30 верст от Каспийского моря (еще в 1806 году) лишало калмыков рыбных промыслов.

Подавляющая часть башкир проживала на Южном Урале — главным образом на территории обширной Оренбургской губернии и немного в Пермской и Вятской губерниях. Система кантонного управления среди башкир и мещеряков (мишарей), установленная еще при Павле I законом 10 апреля 1798 года, обычно характеризуется как яркое проявление колониальной политики царизма, принудительно превращавшей башкир в военное сословие. Система территориальных кантонов заменяла старые

племенные волости во главе с башкирской верхушкой. Башкиры и мещеряки должны были вместе с оренбургскими казаками нести сторожевую службу на Оренбургской линии от Тобола до Каспия (с собственным снаряжением, оружием и лошадьми). Но постепенно, в связи с продвижением русских фортов все дальше в казахскую степь, башкиры перестают быть пограничными жителями. С 40-х годов в некоторых кантонах начинается замена военной службы денежным сбором. Не менее обременительной повинностью была почтовая гоньба, также замененная в 1834 году денежным сбором (по 25 копеек серебра с души), который предназначался для специального продовольственного капитала. К 50-м годам XIX века все денежные повинности были объединены в единый сбор в размере чуть более двух рублей серебра с души.

С 1818 по 1832 год в связи с генеральным межеванием земли в Башкирии не подлежали продаже. По закону же 1832 года башкиры-вотчинники получали от 40 до 60 десятин на душу, башкирские припущенники военного ведомства (мишари и тептяри) — по 30 десятин, а гражданские припущенники (татары, мордва, мари, чуваш и русские крестьяне) — по 15 десятин. Все свободные за наделом земли можно было продавать или отдавать в аренду при согласии двух третей башкир-вотчинников данной земельной дачи. Обычно этот закон рассматривается как «решительное наступление царских колонизаторов на башкирские земли». Действительно, при заключении сделок происходило немало злоупотреблений, и на плодородных землях появилось множество помещичьих и крестьянских хозяйств, принадлежащих владельцам разных национальностей. Но если сравнивать закон 1832 года с решением аграрного вопроса в отношении, например, индейцев в Америке или масаев в Восточной Африке, то нельзя не признать, что он был значительно более лояльным к коренному населению края. Впрочем, поводы для недовольства, конечно, имелись. В 1834 году кантоны были объединены в шесть округов, во главе которых поставлены «попечители» из русских офицеров. Служилое местное население объединялось в «Башкирско-мещерякское войско». Окончательно кантонная система была ликвидирована в 1863 году.

Во время возмущения государственных крестьян и башкир в Приуральском крае в 1834–1835 годах для их подавления приходилось применять войска. Стоит отметить, однако, что естественный прирост башкир, не знавших крепостной зависимости, подушной подати и рекрутской повинности (в первой половине XIX века на 213 %), был самым высоким в России после евреев, что косвенно свидетельствует о вполне

удовлетворительных условиях жизни. Проводить политику государственного обезземеливания башкир Николай I не собирался. В письме к великому князю Александру Николаевичу от 24 июня 1837 года император писал: «Башкиры добрый народ, но я полагаю, что полезнее со [временем] обратить его в хлебопашцы, ибо пользы военной от него нет, зло же может когда-нибудь от них произойти. Вообще дикий вооруженный народ иметь за собой неудобно»^[964]. В 1865 году с введением земского управления система кантонов была упразднена, и башкиры стали обычными сельскими жителями. Вскоре (в 1869 году) был отменен и запрет на отчуждение башкирских земель.

В царствование Николая I, внешне не всегда заметно, шел процесс действительного подчинения Казахской степи. В упомянутом разговоре с маркизом де Кюстином в 1839 году император, напомним, говорил: «... Даже киргизские ханы («киргизами» тогда обычно называли казахов. — Л. В.), случается, доставляют ко мне сыновей, чтобы те воспитывались среди моих кадетов...»^[965] Благотворное влияние русской культуры испытал на себе знаменитый казахский поэт-просветитель, ученый и исследователь Чокан Валиханов (1835–1865) — воспитанник Омского кадетского корпуса.

A propos

Формально Младший и Средний жузы, по тогдашней чиновничьей терминологии — орды, приняли российское подданство еще в XVIII в., когда джунгарское нашествие поставило казахов на грань уничтожения как этнос. Однако до 20-х гг. XIX в. подданство было лишь номинальным. При Александре I центральная власть предприняла шаги по закреплению на этих обширных территориях. По положению 1822 г. создавалось восемь внешних округов с окружными приказами, что привело к возникновению в степи новых городов. Округом управлял старший султан, получавший офицерское звание. Он выбирался султанами по рекомендации правительства. Округа делились на 15–20 волостей, представлявших отдельные роды во главе с волостными управителями, которыми были, как правило, султаны-тюре (чингизиды). Волости делились на аулы во главе со старшинами, объединявшие от 50 до 70 кибиток. Приобретение новых рабов было запрещено.

Местное управление и судопроизводство в значительной степени остались в компетенции местных султанов и биев, но их действия контролировались русской администрацией. 1824 год стал годом введения прямого правления назначенных царских чиновников. В 1824 г. была

ликвидирована ханская власть в Младшем жузе (северо-западная часть закаспийской степи). Его территория была разделена на три части во главе с султанами-управителями из чингизидов. Административная реформа 1822 г. вызвала движение, возглавляемое султанами Касымом и Сенсарджаном. В Среднем жузе (территория восточнее Младшего жуза) ханская власть была ликвидирована еще раньше — после смерти ханов Букея (1815) и Вали (1819). Было введено территориальное управление, ограничившее влияние родовых старшин.

Период фактического присоединения Казахской степи и введения системы колониального управления приходится на 30—60-е годы XIX века. В 1831 году была проведена новая административная реформа в Младшем жузе. Прилегающие к пограничной линии кочевья разделили на 32 дистанции во главе с начальниками из старшин и султанов, назначенных правительством. К 30-м годам относится и введение кибиточного сбора. В связи с такой системой налогообложения общая численность казахского населения в те годы может быть определена только приблизительно. По подсчетам В. М. Кабузана, в 1833 году в пределах России казахов насчитывалось около полутора миллионов человек, а их удельный вес в составе всего населения составлял 2,31 % (в 1897 году 4084 тысяч человек, то есть 3,18 %).

В эти годы в степи усиливается строительство укреплений. В результате экспедиции Г. С. Карелина на восточном берегу Каспия основано Ново-Александровское укрепление. Планируются создание Сырдарьинской линии укреплений и строительство в связи с этим форта на западном берегу Аральского моря. Ответом на эти действия русских властей стало самое крупное антиколониальное движение казахов Среднего жуза в 1837–1847 годах под руководством султана Кенесары Касымова (сына Касыма и внука хана Аблая, провозглашенного ханом Среднего жуза в 1841 году). Касымову, власть которого признали 33 казахских рода, удалось образовать довольно эффективную систему управления. В 1846 году, теснимый русскими отрядами, он перешел на территорию Старшего жуза, а весной 1847 года вторгся в Киргизию, где и был убит. Тем временем продолжалось строительство новых фортов по Иргизу и Тургаю (Уральское и Тургайское укрепления в 1845 году). Так происходило реальное подчинение Младшего и Среднего жузов.

При Николае I начинается присоединение и земель Старшего жуза, в районе озера Балхаш. Приняли российское подданство казахи, кочевавшие в районе Копала (1845 год). В 1846 году в состав России вошла юго-

восточная часть Казахстана до реки Или (часть Семиречья — территории между озерами Балхаш на севере, Алаколь на северо-востоке, Джунгарским Алатау на юго-востоке и Тянь-Шанем на юге). В том же году на другом направлении русские отряды достигли Аральского моря и устья Сырдарьи. На Аральское море из Оренбурга были доставлены суда «Николай» и «Константин», положившие начало Аральской военной флотилии. В 1846 году было построено Ново-Петровское укрепление, в 1847-м — Раимское, в 1848-м — форты Кара-Бутацкий и Кос-Аральский.

В 1853 году В. А. Перовский, пользовавшийся особыми полномочиями и поддержкой императора и не особо считавшийся с инструкциями Министерства иностранных дел, захватил кокандскую крепость Ак-Мечеть на Сыр-Дарье (впоследствии Перовск и Кзыл-Орда). Следствием этого стало создание оборонительной линии по Сырдарье. В 1854 году из Семипалатинска отряды Перовского перешли реку Или и в южной части Семиречья у подножия Алатау основали укрепление Верное (будущий город Алма-Ата, ныне Алматы). По новому административному делению, принятому в том же году, территория, подвластная прежде Пограничному управлению, была поделена на Область сибирских киргизов (казахов) с областным правлением и Семипалатинскую область. В Семиречье переселялись сибирские казаки, семипалатинские татары, русские крестьяне и немцы-колонисты. Южная часть Казахстана, подвластная кокандскому хану, была присоединена к России уже при Александре II в 1860-х годах. Тогда же пришло время активных военных действий и против государств Средней Азии.

В 1801 году одним из последних указов Павла I некоторые султаны Младшего жуза, возглавляемые Букеем Нуралиевым, а затем его сыном генералом Джангиром Букеевым, получили разрешение переселиться на запад от реки Жаик (Урал) и занять земли волжского левобережья. Осев в Нарым-песках, они образовали между Уралом и Волгой Букеевскую орду. В 1836–1838 годах в Букеевской орде произошло антифеодальное восстание, вызванное нехваткой летних кочевий, которое возглавили аульный старшина Исатай Тайманов и поэт Махамбет Утемисов. По воспоминаниям чиновника Министерства государственных имуществ Л. Ф. Львова, «Внутренняя Киргизская (Казахская. — Л. В.) орда, кочевавшая в степях Оренбургской и Астраханской губерний, была управляема ханом Джангиром, как бы независимым владельцем»^[966]. Министерство государственных имуществ вмешивалось обычно только тогда, когда дело доходило до земельных тяжб между уральскими казаками, казаками и калмыками. Однако в 1844 году на докладе графа П. Д. Киселева,

упомянувшего о Букеевской орде как об отдельном образовании, где еще сохранялась ханская власть, Николай Павлович наложил резолюцию: «В царстве другого царства быть не может»^{[19671](#)}. После смерти хана Джангира в 1845 году ханская власть была упразднена и в Букеевской орде.

«Народ еврейский»

Как отмечается в «Еврейской энциклопедии», Николай I проводил весьма энергичную политику по отношению к российским евреям: при нем была издана чуть ли не половина всех законодательных актов о евреях от времени Алексея Михайловича до смерти Александра II. Николай Павлович вникал в это законодательство и руководил им^[968]. Об отношении самих евреев к Николаю Павловичу тоже известно. В воспоминаниях, озаглавленных «Из записок еврея», говорится кратко: «Скончался Николай I, которого евреи крепко недолюбливали; воцарился император Александр II, на которого евреи возлагали большие надежды...»^[969]

A propos

С включением в состав России центральной Польши большая часть евреев стала российскими подданными (53,68 %). За пределами России осталось около миллиона евреев в Австрии, в основном в Галиции и на Буковине (27,66 %), и 418 тыс. в Германских государствах, прежде всего в Пруссии, в районе Познани (11,01 %) и немного в других странах, включая Турцию (7,66 %). На Правобережной Украине удельный вес евреев в составе населения составлял более 10 % (в Бердичевском уезде 27 %), в Царстве Польском — 11,52 % (данные за 1858 г.), в Белорусско-Литовском регионе — около 8 % (в Могилевской губернии — 11 %), в Прибалтийских губерниях — от 3 до 5 %, в Новороссии — 4 %^[970]. Рост еврейского населения в России был беспрецедентным. С конца XVIII до середины XIX в. их удельный вес увеличился с 1,40 % до 2,69 % и, как уже отмечалось, к началу 60-х гг. они стали пятым по численности народом России после русских, украинцев, поляков и белорусов.

Правительственную политику по отношению к евреям во второй четверти XIX века следует рассматривать исторически. Необходимо учитывать существование крепостного права в России, приводившего к тому, что в более узкой «черте оседлости» помещичьих имений оказывалась почти половина населения страны. Николай I унаследовал так называемую «черту оседлости» (введенную в 1796 году), в расширенном виде охватывающую территорию, равную половине Европы: Виленская, Гродненская, Ковенская, Витебская, Минская, Могилевская, Волынская,

Подольская, Киевская, Черниговская, Таврическая, Херсонская губернии, Бессарабская область, три губернии прибалтийские и пять польских. Как отмечает писатель А. И. Солженицын, «стесненность евреев в черте оседлости шла не от численности их, но от единообразия занятий в ней. Только в необъятной России такая черта могла выглядеть как тесная»^[971]. Первый погром в Одессе в 1821 году был вызван торговой конкуренцией евреев и греков^[972].

О том, что вопрос этот существовал, свидетельствовали и «друзья по Четырнадцатому». Впрочем, параграф 14 второй главы «Русской правды» П. И. Пестеля под названием «народ еврейский» Николай Павлович, вероятно, мог читать только с улыбкой. Бывший полковник и командир Вятского полка, дислоцированного в Тульчине (под Винницей), предлагал два способа решения еврейского вопроса. В соответствии с первым евреи (иудеи) отказывались от «неприятного отношения к христианам» и тогда Россия «не выгоняет евреев». Второй вариант был более радикален. Если евреи не инкорпорируются с основной массой населения, то задача России должна состоять «в содействии евреям к учреждению особенного отдельного государства в какой-либо части Малой Азии. Для этого нужно назначить сборный пункт для еврейского народа и дать несколько войска им в подкрепление. Ежели все русские и польские евреи соберутся на одно место, то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу людей, ищущих отечество, нетрудно будет преодолеть все препоны, какие турки могут им противопоставить и, пройдя всю Европейскую Турцию, перейти в Азиатскую и там, заняв достаточно места и земли, устроить особенное Еврейское государство»^[973].

До таких крайностей Николай Павлович все же не доходил, как бы ни злили его евреи-контрабандисты на польской и австрийской границах. Его раздражение в отношении евреев проявилось еще во время междуцарствия, когда в одном из писем он отмечал, что информация о положении в Варшаве поступает в основном от «жидов»^[974]. Слова «жид», «жидовский» в лексиконе императора обычно носили ругательный характер. Когда в 1841 году за построенный в Америке пароход «Камчатка» (по смете: 418 500 долларов) был предъявлен счет на 81 тысячу долларов больше, Николай I написал на докладе: «Жидовский щет! А уплатить надо»^[975].

Общее впечатление о евреях у Николая Павловича сложилось еще во время его путешествия по России летом 1816 года. В «Общем журнале по гражданской и промышленной части» великий князь записал тогда свои

впечатления о Могилевской губернии: «Крестьяне их (польских помещиков. — Л. В.) почти все на тяжелом оброке и весьма бедны, притом общая гибель крестьян сих провинций, жида здесь совершенно вторые владельцы, они промыслами своими изнуряют до крайности несчастный народ. Они здесь все — и купцы, и подрядчики, и содержатели шинков, мельниц, перевозов, ремесленники и проч., и так умеют притеснить и обманывать простой народ, что берут даже в залог не засеянный яровой хлеб и ожидаемую не засеянную жатву; они настоящие пьяницы, всюду всасывающие и совершенно истощающие несчастные сии губернии. Удивительно, что они в 1812 году отменно верны нам были и даже помогали, где только могли, с опасностью для жизни»^[976]. На самом деле, пророссийская ориентация евреев была не удивительной и не случайной. Некий раввин писал в 1812 году своим единоверцам, что ни в одной земле евреи не пользуются такой веротерпимостью и такими выгодами, как в России^[977].

Как отмечает «Еврейская энциклопедия», сводное «Положение» о евреях 1835 года «не наложило на евреев новых ограничений»^[978]. Оно подтверждало право приобретать в пределах черты оседлости незаселенные имения, вести торговлю на тех же правах, что и русские. Евреи допускались к участию в ярмарках внутренних губерний России (формально на срок до шести месяцев). Разрешались все роды фабричной деятельности (включая откуп винокуренных заводов), однако запрещалась торговля вином в долг и под залог домашних вещей. Положение защищало права иудейской религии и устанавливало награды для раввинов. К разумным ограничениям относилось установление брачного возраста (18 и 16 лет). Сурово осуждая сектантство среди великороссов, Николай I считал, что и в иудаизме есть изуверские секты. В случае подозрений в ритуальных убийствах дела рассматривались очень тщательно, как, например, в Велиже, когда следствие продолжалось с октября 1827 года по 1834 год. После выяснения ложности обвинения постановлением Государственного совета, утвержденным Николаем Павловичем, 18 января 1835 года синагога в Велиже была вновь открыта.

Николай Павлович по-своему пытался быть справедливым. В заметках Л. В. Дубельта есть эпизод, когда император приказал посадить в крепость еврея, виновность которого еще не была полностью доказана: «Я осмелился возразить и сказал: «Дайте время, Государь, рассмотрим дело подробно и ежели он точно виновен, то не уйдет от нас, — или же он окажется невинным, то чем искупите Вы его невинное заключение?» —

Правда, что он взглянул на меня так строго, что признаюсь, хоть сквозь землю провалиться, и я подумал: ну быть беде! Но, помолчав несколько, он сказал: «Нет, посади его в крепость!» Приказание я исполнил, а через 4 месяца обнаружилась совершенная невинность несчастного еврея. «Ты был прав, — сказал мне государь, — теперь скажи, — чем могу я вознаградить его невинное заключение?» — «Деньгами, — отвечал я, — этот народ готов за сто рублей просидеть и год в крепости». Его Величество приказал выдать жиду 4 т. рублей. Много ли людей, готовых так честно сознать свою ошибку?»^[979]

Общая направленность политики николаевского правительства заключалась в стремлении уравнивать еврейское население с православным в несении всех государственных повинностей. Это касалось и личной рекрутской повинности, которой евреи не знали с самого присоединения к России. Ранее евреи-мещане заменяли рекрута уплатой 500 рублей, но в 1827 году для них была введена рекрутская повинность. Устав от 26 августа 1827 года предусматривал набор среди рекрутов-евреев, почти вдвое превосходящий общероссийский показатель. Отчасти это объяснялось тем, что рекрутов брали и в покрытие податных недоимок. В 1830 году был принят сенатский указ — за дополнительного рекрута с еврейской общины (кагала) списывалось 1000 рублей. За поставку рекрутов предусматривалась круговая порука. От рекрутства полностью освобождались «купцы всех гильдий, жители сельскохозяйственных колоний, цеховые мастера, механики на фабриках, раввины и все евреи, имевшие среднее или высшее образование». Кстати, до указа 1827 года галицийские евреи из Австрии, где существовала воинская повинность, спасались от воинской службы именно в России. В 1844 году кагалы были повсеместно упразднены; их функции переданы городским управам и ратушам, но сбор податей и рекрутская повинность по-прежнему оставались в компетенции общины.

В николаевской армии евреи находились в равном положении с русскими и представителями других национальностей. В армии в какой-то степени учитывались религиозные потребности не только православных и мусульман, но и иудеев. О забавном случае, произошедшем с Николаем Павловичем на православной Пасхе, сообщает леди Г. Блумфильд. Известно, что Николай Павлович имел обыкновение во время Пасхи или целовать присутствующих, или, по крайней мере, подставлять щеку (так что она становилась черной от многочисленных прикладываний), произнося при этом: «Христос Воскресе!» «Мне рассказывали, — вспоминала супруга английского дипломата, — что однажды государь

приветствовал этими словами часового, который отвечал к его удивлению: «Никак нет, это неправда». Оказалось, что часовым был еврей»^[980]. Разумеется, требования соблюдать кошерную пищу были нереальными, и сами еврейские общины часто отказывались принимать обратно бывших солдат-евреев как «испорченных». Правда и то, что офицерами могли стать только евреи христианских вероисповеданий. Но в этом случае уже ничто не мешало их службе, как гражданской, так и военной. Многочисленные ограничения для евреев в армии были введены уже после кончины Николая Павловича. При Николае же крещеных евреев было достаточно и в армии, и на государственной службе. Император внимательно следил и за положением евреев-рекрутов. В письме к И. Ф. Паскевичу в Варшаву от 29 октября 1844 года он особо отмечал, что все 150 рекрутов-евреев, набранных в польских губерниях, добрались до Петербурга в полном порядке^[981]. Отставные солдаты из евреев были первыми, кому разрешалось постоянное проживание в столице, впрочем, их численность оставалась незначительной. Всего, по официальным данным, в 1826 году в Петербурге было 370 евреев; в 1858 году эта цифра составляла около 500 человек (в 1869 году — 6,7 тысячи). В основном это были специалисты, и среди них акушерка императорской семьи и зубной врач Николая I.

В общественном сознании введение рекрутской повинности омрачала память о малолетних кантонистах. Здесь необходимо уточнить, что никто не заставлял сдавать детей насильно. Тем же указом 1827 года еврейским обществам было предоставлено право по своему усмотрению вместо одного взрослого рекрута сдавать в кантонисты одного мальчика (с 12 лет). Другое дело, что зажиточные евреи старались отправить вместо себя в армию детей вдов и сирот, но это было дело самой общины. Система кантонистов существовала в своем классическом варианте с 1805 года (тогда же появился и сам термин), а расцвет ее пришелся на годы аракчеевщины. Известны случаи, когда новгородские крестьянки подбрасывали своих мальчиков в Воспитательный дом в Петербурге для того, чтобы они не оказались в армии, а выросли свободными людьми. У евреев система кантонистов была введена на 22 года позже. Удельный же вес их составлял 2,4 % (то есть меньше, чем удельный вес еврейского населения)^[982].

Император, сам военный человек до мозга костей, считал армию лучшей школой воспитания, а также одним из средств «преобразования» евреев. До 1840 года официально существовал термин «бесполезные» евреи, затем он был заменен на «не имеющие производительного труда».

По мнению новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова, 80 % подведомственного ему еврейского населения было «бесполезных», то есть занятых преимущественно торговлей, в том числе торгующих водкой в счет будущего урожая. Попытки «преобразования» евреев носили, таким образом, чисто социально-экономический, а не этнический или религиозный характер.

Кроме армии использовались другие пути «преобразования» евреев, в том числе светское образование. Положение 1835 года не препятствовало евреям в получении среднего и высшего образования, а степень доктора давала право на государственную службу. В 1840 году при учреждении «Комитета при определении мер коренного преобразования евреев в России» было решено: «действовать на нравственное преобразование нового поколения евреев учреждением еврейских училищ в духе, противном нынешнему талмудическому учению»^[983]. С 1844 года началось учреждение двухлетних и четырехлетних училищ, в которых еврейскими педагогами преподавались только еврейские предметы. Это тоже объяснялось стремлением Николая Павловича к единообразию. Очень скоро «школобоязнь» прошла и сменилась стремлением евреев к получению светского образования.

Сельскохозяйственные еврейские колонии представляли собой третий путь «преобразования евреев». Как и цыган (последние были приписаны к Министерству государственных имуществ), Николай Павлович пытался приучить евреев к земледелию. По «Положению» 1835 года еврейское земледелие было расширено. Помимо дозволения получать казенные земли в бессрочное пользование, правительство разрешало покупать землю в пределах черты оседлости. Поселяне освобождались от подушной подати на 25 лет, от земской — на 10, от рекрутской повинности — на 50 лет. В отличие от цыган, евреи, получив землю и ссуду на обзаведение, сразу не разбегались. Но еврейские поселения выглядели удручающе на фоне русских, украинских и болгарских сел, а также немецких колоний. Сказывалось отсутствие навыков в земледелии, соблюдение субботы (с пятницы до воскресенья коровы не доились); женщины оставались дома, подростки к сельскохозяйственному труду не привлекались.

В сельской местности евреи предпочитали другие, более привычные им занятия. Николай I назначил трехгодичный срок выселения евреев из деревень Западного края, чтобы пресечь их винный промысел, но с возрождением в 1827 году винных откупов пришлось вновь допустить евреев к участию в торгах. Это объяснялось тем, что желающих заниматься откупами не хватало, что приводило к падению цен. Из среды

откупщиков вышли некоторые известные общественные деятели, в том числе Евзель Гинцбург, который «держал откуп» в осажденном Севастополе, а в 1859 году основал банкирский дом в Санкт-Петербурге. Были и евреи-сахарозаводчики.

В последние годы жизни Николай I вернулся к своей давней идее — заставить евреев заниматься производительным трудом. Было решено начать «разбор» мещанского населения. Установили два разряда. В первый попадали имеющие оседлость и имущество. Остальные в течение пяти лет должны были записаться или в ремесленники (цеха), или в земледельцы. В связи с этим проектом в 1851 году были опубликованы временные правила о «разборе» евреев. А в 1852 году появились особые правила о еврейских ремесленных цехах. В 1853 году под руководством Д. Г. Бибикова была проведена перепись евреев в западных губерниях и Бессарабии для упорядочения рекрутской повинности. Экономические права евреев в Западном крае были ограничены. Впрочем, планы по «разбору» евреев не были осуществлены из-за внезапной кончины Николая I в феврале 1855 года.

В книге «Двести лет вместе» писатель А. И. Солженицын констатирует: «В еврейской историографии устойчиво утвердилось мнение, что его (Николая I. — Л. В.) политика была исключительно жестокой и мрачной. Однако личное вмешательство Николая I оказывалось далеко не всегда вредным для евреев»^[984]. Приведем еще один его общий вывод по проблеме: «Да, еврейство России (3 %) было, несомненно, притеснено гражданским неравноправием. Но и 82 % крестьян — вне общего для всех равного права. Утвердилось говорить: преследование евреев в России. Однако — слово не то. Это было не преследование, это была: череда стеснений, ограничений, — да, досадных, болезненных, даже и вопиющих»^[985]. И еще: «надо признать, что такая древняя, проращенная и сложно-переплетенная проблема — пришлась не по подготовке, не по уровню и прозорливости российских властей того времени. Но и: приписывать российским правителям ярлык «гонителей евреев» — это искривление их намерений и преувеличение их способностей»^[986].

«То-то хороша собралась у вас там компания!»: Российские колонии в Америке

В царствование Николая 1 территория Российской империи простиралась на три континента, включая Америку, где хозяйственным освоением полутора миллионов квадратных километров Аляски и Алеутских островов занималась Российско-Американская компания.

A propos

Указом Павла I от 8 июля 1799 г. компании было присвоено наименование «состоящей под высочайшим покровительством Российско-Американской компании». В ее монопольное пользование передавались все промыслы и ископаемые на северо-восточном берегу Америки «не токмо выше 55° северной широты, но и за оный далее к югу», где она имела право «занимать открываемые ею земли в российское владение»^[987]. С 1800 г. правление компании находилось в Петербурге. На территории Русской Америки был создан ряд постоянных поселений с центром в Ново-Архангельске на о. Баранова (Ситка). При содействии правительства компания организовала в 1804–1840 гг. 25 экспедиций, в том числе 13 кругосветных. Несмотря на то, что организация пушного промысла носила хищнический характер и иногда сопровождалась жестокостью по отношению к местному населению, компания способствовала социально-экономическому развитию края. Ее деятельность приводила к столкновению с интересами Англии и набирающими силы Соединенными Штатами Америки. Конвенция 5 (17) апреля 1824 г. о мореплавании, рыболовстве, торговле и поселениях в Русской Америке (Аляске) носила компромиссный характер, хотя уступки России были более значительны. В течение ближайших 10 лет Россия предоставляла американцам право рыбной ловли в прибрежных водах, относящихся собственно к экономической зоне Российско-Американской компании, и торговли «с природными жителями». Протесты правления компании были отклонены. Численность подведомственного ей населения была невелика. К 1837 г. она составляла 11 022 человека, в основном алеутов и креолов (от смешанных браков), число которых росло особенно быстро. Русских насчитывалось 550 человек (в 1839 г. — 813 человек; максимальное число). Российско-Американская компания не стремилась к увеличению населения, так как

рабочих рук хватало, а обеспечение их продовольствием всегда представляло проблему. В результате эпидемии оспы в 1837–1838 гг., несмотря на меры по оспопрививанию, численность населения сократилась до 7470 человек, затем снова возросла до прежнего уровня. Численность даже соседних индейцев-тлинкитов оставалась неизвестной, они считались «совершенно независимыми».

Отношение Николая I к Российско-Американской компании было сдержанным. Он не разделял взгляды декабристов на перспективы торгово-экономической экспансии в бассейне Тихого океана, тем более что многие из «друзей по Четырнадцатому» были связаны с компанией, а К. Ф. Рылеев был правителем ее канцелярии. Известна реплика Николая I при освобождении столоначальника компании Ореста Сомова: «То-то хороша собралась у вас там компания!»^[988] Как известно, дом правления компании на Мойке, 72, где находилась служебная квартира Рылеева, стал одним из центров подготовки выступления декабристов.

После истечения срока договора в 1834 году посещения Русской Америки американскими промысловиками и вывоз пушнины продолжались, хотя и незаконно. Торговый российско-американский договор 6 (18) декабря 1832 года зафиксировал принцип наибольшего благоприятствования в торговле; затем он продлевался до 1911 года. Предложение Мексики в 1833 году заключить торговый договор (что позволило бы уравновесить давление США в Калифорнии) было отвергнуто Николаем I. В 1839 году компания оставила форт Росс в Калифорнии, существовавший с 1811 года и приносящий одни убытки. В начале 1848 года Калифорния, где было обнаружено золото, была занята американскими войсками, хотя ее официальное присоединение к федерации состоялось позже.

В 40-х годах пришло понимание значимости компании для страны в целом, хотя официально ее цели оставались чисто коммерческими. В первом параграфе нового устава, утвержденного в 1841 году, говорилось, что компания образована «для промыслов на матерой земле С.-З. Америки и на островах, как Алеутских и Курильских, так и на всей части Северо-Восточного моря»^[989]. Недоговоренность исчезла позднее: в проекте устава 1861 года было прямо сказано, что компания организована «для управления российскими колониями в Америке»^[990]. Но деятельность компании становилась экономически неэффективной. Основной меховой промысел приходил в упадок, так как американские и английские

скупщики предлагали местным жителям за шкурки более высокие цены. Компания не могла бороться с браконьерством и незаконной торговлей. Ее внутренней валютой вместо денег были прямоугольные разного цвета кожаные «марки». Это не создавало возможности для нормального финансового оборота и, по словам современного историка, «приводило к застою в этой далеко отстоящей «конечности» империи и развитию в ней гангренозных явлений»^[991]. Хотя компания выполняла отдельные поручения правительства, она все же не стала чисто государственным инструментом подобно британской Ост-Индской компании, лишившейся в 1833 году права на монопольную торговлю с Индией и превратившейся в один из административных органов. Достаточно вспомнить, что за Ост-Индской компанией стояла 250-тысячная английская армия.

Николай Павлович не проявлял особого оптимизма по поводу деятельности Российско-Американской компании, но все же пытался укрепить ее экономическую базу. После открытия в Калифорнии золота он 17 февраля (1 марта) 1850 года распорядился «объявить Российско-Американской компании, что полезно бы оной заняться по примеру других частных лиц добыванием золота в Калифорнии»^[992]. В 1850–1851 годах следы золота нашли на Кенайском полуострове, но содержание золота в песке было ничтожно малым. 13 (25) декабря 1850 года Николай I утвердил устав российско-финляндской компании «для производства в Восточном океане ловли китов и с целью распространения стремления торговли и развития». Компании были обещаны поддержка и некоторые субсидии, но в связи с Крымской войной она не успела по-настоящему развить свою деятельность. Правление Российско-Американской компании пыталось ходатайствовать о выделении военного судна для борьбы с браконьерами, но, несмотря на принципиальное согласие Николая I, вопрос не был решен из-за отсутствия источников финансирования (А. С. Меншиков предлагал это сделать за счет компании или дополнительных ассигнований со стороны казны).

Указом Николая I от 3 сентября 1836 года было введено обязательное образование для детей служащих компании. Начиная с 1850 года основное направление экспансии компании перемещается с востока на юг, прежде всего на освоение Приамурья. Значительный доход компании стала приносить чайная торговля (до 30 % поставок китайского чая в Россию). Промысловая деятельность все больше уступает место непосредственному управлению обширными территориями. Начало Крымской войны и вступление в нее Англии заставило Российско-Американскую компанию

(после ходатайства в Министерстве иностранных дел) подписать при поддержке английской Гудзонбайской компании договор с Англией о взаимной нейтрализации их владений. Речь шла о нераспространении на них военных действий на три года с 1 мая 1854 года. Судя по всему, английское правительство санкционировало столь невыгодное соглашение, исходя из опасения возможной продажи Аляски Соединенным Штатам. Реально это произошло через 13 лет, при Александре II (1867 год).

*

Естественно, однозначно и беспроblemно разрешить национальные противоречия, подавить центробежные тенденции в многонациональной, с разными уровнями экономического развития регионами Российской империи было весьма сложно, если вообще возможно. Предельная бюрократическая централизация, как показал исторический опыт царствования Николая I, тоже не всегда оказывалась эффективной. Она не решала всех проблем, хотя в ряде случаев удавалось найти приемлемые решения как для центральной власти, так и для национальных элит регионов. Однако тяжелый груз национальных проблем достался в наследство преемникам покойного императора Николая Павловича.

Глава четвертая
ДИПЛОМАТ НА ТРОНЕ

«Привязанность к охранительным началам всеобщего мира»

14 декабря 1825 года граф Нессельроде уведомил иностранных дипломатов, аккредитованных в Петербурге, что новый император, подобно своему предшественнику, «будет исповедовать ту же верность принятым на себя обязательствам, то же уважение ко всем правам, санкционируемым существующими трактатами, ту же привязанность к охранительным началам всеобщего мира и связей, существующих между всеми державами»^{993}. Заявление было встречено европейскими державами с удовлетворением. Оно давало основание надеяться, что и впредь Россия не будет стремиться к самостоятельной роли на Востоке. Через неделю, 20 декабря (1 января 1826 года), принимая дипломатов, император произнес фразу, которая заставляла задуматься. Он заявил, что не в состоянии «дать какие-либо гарантии относительно будущего своего образа действия, кроме чистоты своих намерений и непреклонной решимости следовать во всем по стопам своего предшественника»^{994}. Возникал вопрос: какого периода? В 1821–1824 годах Александр I, придерживаясь принципов легитимизма, подчинял свои действия в отношении мятежников-греков, восставших против законного государя, осторожным демаршам европейских держав. В последние же годы царствования, когда в полной мере обозначился кризис Священного союза, он стал склоняться к более самостоятельной позиции России.

Пока оставалось лишь гадать и присматриваться к новому императору.

Характеризуя Николая I как дипломата, академик Е. В. Тарле писал: «На престол Российского государства вступил человек, которому суждено было в течение своего долгого царствования сделаться суперарбитром и грозой для правительств Средней Европы, страшилищем для всех прогрессивных слоев европейского общества, а затем, утратив дипломатическую ориентацию, шагнуть в неожиданно разверзшуюся пропасть, чтобы насмерть разбиться при падении»^{995}. Не имея достаточного опыта и знаний, он в первые годы царствования проявлял большую осторожность и оставил на своем посту среди прочих министров, доставшихся ему в наследство от Александра I, К. В. Нессельроде — залог преемственности своей политики. Он, несомненно, был умнее своего министра; он был самоуверен и не ждал от него самостоятельных советов.

И хотя Николай Павлович уступал покойному брату во внешнеполитических интригах, его умение разбираться в людях, его трезвый расчет практика помогли ему в начальный период царствования. «Николай вскоре освоился с внешней политикой, — отмечал историк, — и она стала даже одним из любимейших его занятий»^[996]. На начальный период его царствования приходятся наиболее впечатляющие победы российской дипломатии, поддержанные русской армией.

Среди недостатков Николая Павловича как дипломата отмечают отсутствие должной гибкости, проистекавшее из следования правилам хорошего тона. Великая княжна Ольга Николаевна писала о дяде Вильгельме (будущем короле и императоре), сравнивая его со своим отцом: «В политике, как и в картах, он походил на Папа. Они оба играли с козырей, и их девизом было: «Козыри, вперед!». Оба они не любили тонкостей игры, видя в них что-то неблагодарное. Нессельроде, канцлер и министр иностранных дел во время царствования Папа, был тем, кто, как никто другой, умел облечь в вежливую форму то, что было резким в его выражениях или поступках. Он был одним из последних представителей блестящей эпохи, давшей таких способных людей, как Штейн, Талейран, Меттерних, которые в 1815 году могли создать растерзанным народам Европы новую базу существования»^[997].

Николай Павлович и в политике хотел быть джентльменом, который всегда держит свое слово. К сожалению, он слишком часто рассчитывал на ответную благодарную реакцию. Уже много лет спустя после его смерти митрополит Платон Киевский скажет в личной беседе: «Некоторые из мыслителей совершенно справедливо называют современную политику блудницей, для которой нет чести, нет памяти о сделанном добре. Наш незабвенный царь-христианин был чужд этой гнусной политики-блудницы, с которой так открыто для всего мира любодействовала и Австрия, и Пруссия, и Англия, и другие державы»^[998].

Подводя итоги влиянию на Николая I его «друзей по Четырнадцатому», историк Н. К. Шильдер писал: «День 14 декабря 1825 года окончательно закалил характер императора Николая. Некоторым образом он обрек его на роль укротителя революций (*dompteur des revolutions*)»^[999]. Одновременно это был и политический завет Александра I. Незадолго до своей последней поездки на Юг России осенью 1825 года император счел нужным дать великому князю Николаю Павловичу свои общие наставления в контексте европейской безопасности: «В Европе повсюду революционное настроение умов. Оно проникло и в Россию, хотя

притаилось. Мы должны при помощи божественного Провидения усугубить свою бдительность и свое рвение. Государи ответственны перед Богом за сохранение порядка и благоустройства среди своих подданных. Тебе, любезный брат, предстоит довершить важное дело, начатое мною основанием Священного союза царей»^{1000}.

Трафаретный ярлык «жандарм Европы» порой мешает разобраться в истинных мотивах действий Николая Павловича — политика достаточно умного и трезвого, беспокоившегося прежде всего о своем доме и далеко не всегда мечтавшего об интервенции и вмешательстве во внутренние дела соседних государств. Следует также отметить, что традиционное представление о Николае I как безусловном стороннике неограниченной монархии для всех стран независимо от исторических традиций и конкретной политической конъюнктуры подвергалось сомнению уже компетентными современниками, бывшими участниками доверительных бесед императора. Одно из свидетельств такого рода, ставшее к тому же известным еще при жизни Николая I, содержится в книге маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» (первое издание в мае 1843 года). Во время бала у великого князя Михаила Павловича в Михайловском дворце в июле 1839 года Николай Павлович в присутствии сидящей в кресле императрицы Александры Федоровны около четверти часа беседовал со знатным путешественником и известным в Европе писателем, причем позволил себе достаточно откровенные высказывания.

Маркиз де Кюстин так передает его тираду: «Русские добрый народ, но надобно еще сделаться достойным править ими... В России еще существует деспотизм, ибо в нем самая суть моего правления; но он отвечает духу нации... Я люблю свою страну и, мне кажется, понимаю ее; поверьте, когда невзгоды нашего времени слишком уж донимают меня, я стараюсь забыть о существовании остальной Европы и ищу убежища в глубинах России». Далее следует наиболее интересный отрывок из высказываний Николая I, заслуживающий быть приведенным полностью, за исключением реплик самого де Кюстина: «Мне понятна республика, это способ правления ясный и честный, либо, по крайней мере, может быть таковым; мне понятна абсолютная монархия, ибо я сам возглавляю подобный порядок вещей; но мне непонятна монархия представительная. Это способ правления лживый, мошеннический, продажный, и я скорее отступлю до самого Китая, чем когда-либо соглашусь на него. Я сам возглавлял представительную монархию (намек на Польшу до польского восстания 1830–1831 годов. — Л. В.), и в мире знают, чего мне стоило нежелание подчиниться требованиям *этого гнусного* (выделено в тексте. —

Л. В.) правления... Покупать голоса, развращать чужую совесть, соблазнять одних, дабы обмануть других, — я презрел все эти уловки, ибо они равно унизительны и для тех, кто повинуется, и для того, кто повелевает; я дорого заплатил за свои труды и искренность, но, слава Богу, навсегда покончил с этой ненавистной политической машиной. Больше я никогда не буду конституционным монархом. Я слишком нуждаюсь в том, чтобы высказывать откровенно свои мысли, и потому никогда не соглашусь править каким бы то ни было народом посредством хитрости или интриг»^{1001}.

Почти аналогичное высказывание приводится и в неопубликованной части мемуаров А. Д. Блудовой. По ее свидетельству, Николай Павлович говорил ее отцу, известному деятелю николаевского царствования Д. Н. Блудову: «Я понимаю республику и понимаю самодержавное правление — это честные и открытые отношения...» Представительная же, ограниченная монархия есть «вечная борьба, которая зарождает двоедушие и междоусобную моральную войну». «Все, что было или казалось открыто и честно, приходилось ему по душе», — заключала А. Д. Блудова. Отметив, что «никакой тени эгоистического или своекорыстного чувства в его действиях не было», А. Д. Блудова далее резюмировала: «По пылкости характера, по долгой привычке повелевать и встречать безусловное повиновение, бывали у него примеры своеволия, но никогда это не было в пользу свою личную; даже его ревнивое охранение монархической власти всюду и самодержавия у нас истекало из глубокого убеждения, что такая власть была необходима для хорошего управления. Конституционное правление он не любил потому, что считал эти беспрерывные интриги, искательство у избирателей или лесть и заискивание депутатов самую опасною игрою, которая должна была в конце концов вводить фальшь и неприязнь между народом и царем»^{1002}. Как вспоминал П. Д. Киселев, Николай Павлович любил повторять, что «без принципа власти нет общественного блага, что это — значит исполнять долг, а не пытаться завоевать популярность слабодушием, что народами следует управлять, а не заискивать перед ними, что любовь должна приобретаться благодаря справедливости, что Царь, угодничающий перед толпой, в конце концов неизбежно вызывает безразличие, а потом и презрение»^{1003}.

Впрочем, для одной страны исключение Николай Павлович все же делал. Консерватизм государственного строя Англии пришелся ему по душе еще во время его посещения «Страны туманного Альбиона» зимой 1816/17 года. После своего второго визита в эту страну классической

парламентской монархии в 1844 году он сказал Д. Н. Блудову: «Вот в Англии я понимаю конституцию и помирился с ней. Там они как-то умеют соединять свободу с горячей любовью к монарху»^{1004}.

Позднее, накануне европейских революций 1848 года, Николай Павлович уже по-другому расставлял акценты, оценивая возможные последствия «эпохи реформ» в Англии: «...Англия, направляемая неосторожными руками, начала свое самоубийство, проводя реформы, которые разрушили ее древнюю, веками испытанную организацию и внесли повсюду такой беспорядок, что старая Англия исчезла, уступив место Англии, которая, можно утверждать, ничего не сохранила от своей прежней организации кроме пороков, но которая, чтобы поддержать себя, открыто выставляет себя общепризнанной защитницей всего, что является беспорядком, революцией и разрушением»^{1005}.

Отказываясь от поддержки революционных и национально-освободительных движений в Европе, Николай I аналогично подходил и к пограничным странам Востока. В беседе с назначенным русским посланником при Тегеранском дворе генералом А. О. Дюгамелем в 1837 году он признавал, «что ничто так не соответствует выгодам России, как бессилие, в котором находятся в настоящее время Турция и Персия»^{1006}. При этом, однако, Николай I не считал нужным и выгодным поддерживать центробежные тенденции на Ближнем и Среднем Востоке. Во время следующей беседы с вернувшимся из Персии А. О. Дюгамелем 19 февраля 1842 года император сказал: «Я более всего опасюсь анархии в Персии, потому что такой порядок вещей непременно отразился бы на всем пространстве наших Закавказских провинций... Ввиду всего, что происходило в Азии в последние три года, можно было бы просто обратиться к этим народам со словами: Россия не приходит к Вам на помощь, потому что Вы сами должны быть достаточно сильны для того, чтобы отражать иноземцев, нападающих на Ваши земли»^{1007}. «Легитимист» брал верх в Николае Павловиче только тогда, когда революционная волна — как это было в 1830 и 1848 годах — грозила захлестнуть Россию или когда его действия непосредственно вытекали из принятых им союзнических обязательств.

Для Николая Павловича принципиальным была не форма государственного строя, а его сущность и потенциальные способности в борьбе с либерализмом и революцией. Сильную демократическую республику он явно предпочитал конституционной монархии, считая, что последняя форма государственности, охраняя благополучие небольшой

части людей, не выражает интересов народа. После того как Николай I убедился в консервативном курсе Луи Наполеона, он не испытывал уже какого-либо комплекса к правителю, «избранному всеобщей подачей голосов». Граф П. Д. Киселев свидетельствует: «При известии о государственном перевороте 2 декабря (1851 года. — Л. В.) государь зашел на несколько минут перед обедом к государыне с пакетом в руке и воскликнул: «Браво, Людовик Наполеон!» — и рассказал о событиях в Париже по сообщению, полученному из Берлина. — «Он понял свое время и действовал в соответствии с ним. Браво! Я протянул бы ему обе руки, чтобы вытянуть Европу — и все общество в целом — из той ямы, где она оказалась вследствие коварства» (Это слово заменяло у него слово «царствование», коего государь старался избегать, говоря о Людовике Филиппе)»^{1008}.

Более сложной была реакция Николая I на стремление Луи Наполеона провозгласить Францию империей, а себя императором Наполеоном III по праву наследования. По воспоминаниям П. Д. Киселева, государь был очень озабочен сообщением о коронации Луи Наполеона в декабре 1852 года: «Если бы, по крайней мере, было хоть немного времени, чтобы оценить ситуацию; почти единодушное одобрение французов много значит при нынешнем состоянии Франции, но надо еще посмотреть, как это мнение устоит перед интригами различных партий... Наш императорский титул Франция признала только спустя 40 лет, однако отношения между двумя странами оставались неизменно добрососедскими... Я не отрицаю полностью выборной системы, но лишь указываю на ее недостатки. Наше наследственное правление тоже результат народного выбора, точно так же, как и в Англии. Выбор, павший на Романова, чья мать приходилась сестрой последнему Рюриковичу, спас страдавшую от внутренних распрей Россию»^{1009}.

По мнению французского посланника маркиза де Кастельбажака, стремившегося сгладить неизбежный в этом случае конфликт, дело было не столько в императорском титуле как таковом (Николай I, по мнению французского дипломата, готов был признать Луи Наполеона, но не Наполеона III), сколько в сомнении относительно целесообразности перемены устоявшегося строя, а также в принципиальном нежелании ревизии итогов антинаполеоновских войн. Еще 30 апреля 1852 года в своей депеше во Францию маркиз де Кастельбажак писал: «Русский государь восторженно относится к принцу, он видит в нем спасителя Франции; но самодержавный монарх полагает, что еще надолго плотинной,

сдерживающей демократический поток, должно служить правление республиканское... В его словах: «сохраните республику сильную и консервативную и берегитесь империи», следует видеть искренний совет друга, который, указывая на опасность, желает ее отдалить»^{1010}. Нежелание Николая I после 2 декабря 1852 года обратиться к Луи Наполеону, избранному «императором французов» в качестве Наполеона III, «monsieur, mon frère» («монсеньор, мой брат») и предпочтение формуле «monsieur et bon ami» («монсеньор, добрый друг») были восприняты Наполеоном III как пощечина. Без этого, по мнению австрийского первого министра графа Бейста, с которым солидаризировался французский дипломат граф Рейзет (Резэ), никогда не началась бы Крымская война^{1011}. В Петербурге, по выражению французского министра Тувнеля, на Наполеона III смотрели как на шляпу, занявшую место законной короны^{1012}.

Итак, и абсолютная монархия, столь дорогая сердцу императора Николая Павловича, и сильная охранительными принципами республика, и конституционная, но консервативная монархия, как в Англии, были хороши для него, но только в том случае, если они служили гарантами против революционного движения, которое отождествлялось с анархией. Именно борьба с революционным движением с противопоставлением ему постепенных реформ сверху, стала альфой и омегой внутренней и внешней политики Николая I. Абсолютная монархия и дееспособная республика в его представлении были наиболее честными, достойными способами правления. В целом же Николай I, несмотря на некоторые колебания, оставался убежденным противником использования в государственных интересах России революционных и национально-освободительных движений. Исходя из своего печального опыта 14 декабря 1825 года, он был сторонником решительных действий в случае массовых движений, считая в то же время, что лучше их своевременно предупреждать.

При возникновении бунта, полагал император, необходимо действовать решительно и бесстрашно. Не случайно Николай I был так недоволен действиями Константина Павловича в Варшаве в ноябре 1830 года. По его мнению, цесаревич не выполнил своих обязанностей главнокомандующего. «Если бы я там был в то время, — заявил государь посланцу из Варшавы Тадеушу Вылежинскому, — то, ручаюсь, что дела приняли бы другой оборот. В таких обстоятельствах следует употреблять против черни картечь. Это — неприятная и печальная необходимость, но и единственное средство, которое может отвратить большие впоследствии

бедствия»^{1013}. Постоянно возвращаясь в своих воспоминаниях к своим «друзьям по Четырнадцатому», он, отправляясь в Теплиц и Калиш в 1835 году и допуская возможность покушений в Польше, оставил 30 июля завещание — наставление сыну и наследнику цесаревичу Александру: «Ежели б, чего, Боже сохрани, случилось какое-либо движение или беспорядок, садись сейчас на коня и смело явись там, где нужно будет, призвав, ежели потребно, войско, и усмиряй, буде можно, без пролития крови. Но в случае упорства, мятежников не щади, ибо, жертвуя несколькими, спасешь Россию»^{1014}. И император Александр Николаевич выполнит завет отца и в 1863 году подавит новое восстание в Польше...

*

Французский историк дипломатии А. Дебидур так охарактеризовал нового российского императора: «Как и Александр, Николай I мечтал о том, чтобы разрушить Турецкую империю или, по крайней мере, ослабить ее настолько, чтобы она навсегда была подчинена ее политике. И притом его нельзя было отклонить от намеченной цели; в этом отношении он резко отличался от брата. Его невозможно было обмануть. Он имел то большое преимущество перед иностранными дипломатами, что умел не хуже их в случае необходимости скрывать свои намерения, но, раз приняв или объявив свое решение, он последовательно проводил таковое или, по крайней мере, пытался проводить, и никакие хитрости со стороны этих дипломатов не могли помешать ему»^{1015}. Правда, сразу же необходимо отметить, что распространенное на Западе представление о Николае I как о разрушителе Османской империи требует уточнения. До 40-х годов николаевское правительство исходило из тезиса, что сохранение слабой и зависимой от России Турции более выгодно для России. И все же уже первые заявления Николая I после вступления на престол давали иностранным послам, аккредитованным в Петербурге, основания для тревоги.

«Самое важное из всех: восточное дело...»: От Петербургского протокола до Наварина

A propos

Помимо воли Николая Павловича логика развития восточного кризиса, начавшегося с восстания греков в 1821 г. против турецкого владычества, заставляла принимать принципиально важные решения, тем более что английское правительство в 1823 г. признало греков воюющей стороной. В 1824 г. обстановка в Греции стала катастрофической. Махмуд II обратился за помощью к своему вассалу — правителю Египта Мухаммеду-Али, обещая предоставить ему в управление Сирию и Крит. Египет, под власть которого перешла уже Аравия, представлял собой динамично развивающееся государство с создаваемым с помощью французских субсидий военно-морским флотом. Египетская армия под командованием сына Мухаммеда-Али и Ибрахима высадилась в Греции и приступила к систематическому уничтожению греческого населения; страна превращалась в пустыню. Традиционные связи России с православной Грецией, значение греков в торговле (около тысячи греческих кораблей под русским флагом контролировали больше половины причерноморской торговли России), не говоря уже о чисто моральных аспектах, и собственные геополитические интересы России (проливы, влияние на Балканах) не могли оставить Россию в стороне. Турция, так и морские европейские державы, с тревогой следила за возможной реакцией России. Без России решить вопрос было трудно, а с Россией — опасно.

Во время беседы с чрезвычайным французским послом графом Э. Сен-При Николай I произнес фразу, которая встревожила многие европейские кабинеты: «Брат мой завещал мне крайне важные дела, и самое важное из всех: восточное дело... Если все мои союзники не будут в единомыслии и добросовестно стремиться к одной и той же цели — скорейшему окончанию этого дела, то они вынудят меня приняться за него и совершить его одному...»^{1016} Содержание этой беседы было передано английскому правительству послом в Петербурге Странгфордом уже 5 (17) января в следующем резюме: «Если возможно будет с союзниками, заявил он (Николай. — Л. В.), тем лучше, если же нет, то он будет действовать

самостоятельно»^{[1017](#)}.

Следствие над декабристами показало Николаю Павловичу, насколько отрицательно воспринималось широкой общественностью игнорирование во имя Священного союза интересов славянских народов и православных греков, борющихся за свою независимость. Роль Священного союза Николай I трактовал иначе, чем его старший брат. Он сужал его компетенцию задачами борьбы с революционным движением в Европе. Максимум, на что пошел Александр I, это проект «умиротворения Греции», так называемый «Мемуар 9 (21) января 1824 года», предусматривающий создание трех автономных греческих княжеств под общей турецкой юрисдикцией. В принципе он устраивал Англию и Австрию, но, опубликованный в европейской прессе, вызвал возмущение не только турок, но и самих греков. У Николая Павловича имелось достаточно аргументов для того, чтобы понять необходимость корректировки ближневосточной политики России.

Приезд иностранных делегаций для поздравления Николая со вступлением на престол стал поводом для неофициальных переговоров и уточнения позиций. Английское правительство вигов отправило в Петербург своего противника тори Веллингтона — своего рода символ русско-английского боевого союза 1812–1815 годов, считая его наиболее подходящей кандидатурой, тем более что Николай Павлович помнил его по своему визиту в Лондон и уважал как военачальника. Веллингтон имел чин фельдмаршала русской армии и на прием надел русский мундир, правда, не подогнанный по фигуре, из-за чего выглядел в нем более чем карикатурно. Присутствующие с трудом сдерживали невольные улыбки. Веллингтону долго втолковывали в Лондоне цели его миссии. От него требовалось: 1) добиться посредничества Англии в решении спорных вопросов русско-турецких отношений и 2) по возможности договориться о совместных выступлениях против Турции с целью принудить ее отказаться от мысли руками египетской армии вырезать греческое население Морей (славянское название Пелопоннеса). Если без военных действий решить проблему оказалось бы невозможно, то ставилась задача подтолкнуть Россию к войне, но так, чтобы это выглядело как инициатива самой России и чтобы в результате войны Россия не добилась политического преобладания в Греции.

Николай же вел свою игру. Делая вид, что греки — это бунтовщики, которые его мало интересуют, он перенес основной акцент переговоров на необходимость выполнения Турцией старых трактатов в отношениях с Россией. Николай сразу отверг предложение о посредничестве Англии, а по

второму вопросу, словно делая снисхождение, согласился действовать совместно с европейской коалицией. 23 марта (4 апреля) 1826 года был подписан Петербургский протокол, исходным положением которого стало взаимное обязательство России и Англии добиваться автономии Греции на условиях ее даннической зависимости от Турции. Это был первый международный договор по греческому вопросу. Его подписание стало дипломатическим успехом России.

Незадолго до этого, ни слова не говоря Веллингтону, Николай I предписал российскому поверенному в делах в Константинополе Минчаки вручить турецкому правительству нечто вроде ультиматума. Нота была вручена на следующий день после подписания Петербургского протокола, что создавало впечатление согласованного с Англией шага. Турции предлагалось вывести войска из Дунайских княжеств, которые она оккупировала после событий 1821 года, освободить сербских депутатов, задержанных в Константинополе, даровать Сербии все преимущества, которые были предусмотрены Бухарестским договором 1812 года, а также отправить уполномоченных для решения спорных пограничных вопросов. До истечения шестинедельного ультиматума, 22 апреля, Турция согласилась с условиями, причем сербские депутаты были уже отпущены. Турецкие же войска получили приказ оставить территорию автономных Дунайских княжеств — Молдавии со столицей в Яссах и Валахии со столицей в Бухаресте (современная территория Румынии без Трансильвании). Работа русской и турецкой делегаций началась в Аккермане (Белгороде-Днестровском), и 25 сентября (7 октября) 1826 года была подписана конвенция. Помимо прочего, она устанавливала право российского посланника и консулов делать представления господарям княжеств «как в отношении исполнения основных законов, так и сохранения иных прав и преимуществ сего края»^{1018}.

Продолжением Петербургского протокола стали решения Лондонской конференции 24 июня (6 июля) 1827 года, подписанные, кроме России и Англии, также Францией. Секретная статья содержала конкретные меры давления на Турцию в случае, если последняя не примет посредничества европейских держав, без участия «во враждебных действиях между обеими воюющими сторонами»^{1019}. К этому времени русская эскадра адмирала Д. Н. Сенявина уже две недели как покинула Кронштадт. В Портсмуте Сенявин выделил из своей эскадры отряд из четырех линейных кораблей, четырех фрегатов и одного брига под командованием контр-адмирала Л. Г. Гейдена для действий в Средиземном море. С начала октября группа

действовала совместно с английской и французской эскадрой под общим командованием старшего по чину вице-адмирала Кодрингтона. Турецко-египетские суда были блокированы в Наваринской бухте у побережья Морей. Командующие эскадрами обратились к возглавлявшему египетские войска Ибрахиму-паше (сыну египетского правителя Мухаммеда-Ал и) с ультиматумом. Ибрахима, однако, «не смогли найти», и это дорого обошлось турецко-египетскому флоту. Через два дня, 8 (20) октября 1827 года, когда задул свежий ветер, союзные суда в количестве 27 вымпелов начали продвижение в бухту с целью блокировать турецко-египетские суда (66 боевых кораблей). Первыми в бухту входили английские и французские корабли (последние по диспозиции занимали места против тех египетских судов, где служили французские офицеры). Казалось, Кодрингтон предпринял все, чтобы избежать боевого столкновения. Но не все рядовые турки и египтяне разбирались в хитросплетениях европейской политики. Парламентар, посланный Кодрингтоном, был случайно убит. На суда союзной эскадры направились подожженные брандеры в виде пылающих костров, причем один из французских кораблей загорелся. Союзники были вынуждены отвечать. Под огнем турецких береговых батарей последними в Наваринскую бухту входили русские корабли. Флагманским кораблем «Азов» командовал капитан 1-го ранга М. П. Лазарев, лейтенантом на нем служил П. С. Нахимов, мичманом — В. А. Корнилов. В начавшемся морском сражении только один «Азов» уничтожил три фрегата противника и «сбил» линейный корабль, который затем подорвали сами турки. Более 50 турецко-египетских судов было уничтожено, многие уничтожили турки из-за полной негодности на следующий день. Это была победа. Любопытно, однако, что английский король назвал эту победу «досадным событием», а правительство виги из-за скандала было вынуждено уйти в отставку. К власти пришли тори, а новый кабинет возглавил Веллингтон. Из русского посольства в Лондоне сообщали, что трудно сказать, кого Веллингтон ненавидит больше — Россию или Грецию.

Усилившиеся противоречия между союзниками попыталась использовать Порта. 8 (20) октября было объявлено, что именно Россия якобы организовала восстание греков. Султан заявил об отказе от Аккерманской конвенции и призвал к «священной войне» против России. Каких-либо конкретных шагов, тем не менее, предпринято не было. После разгрома янычарского корпуса в 1826 году султану не удалось создать боеспособную регулярную армию и даже с ополчениями дело продвигалось туго.

19 января 1828 года Нессельроде сообщил адмиралу Л. П. Гейдену в

секретной депеше, что войну с Турцией решено начать в конце марта. Это стало возможным благодаря завершению войны с Персией — первого военного конфликта в царствование Николая I. Прервем на время изложение ближневосточных событий, чтобы посмотреть, что в это время происходило на Среднем Востоке.

«Счастливо прекратившейся ныне с Персией войны...»: Туркманчай

Николай I, сосредоточивший внимание на балканских делах и урегулировании русско-турецких отношений, пытался сохранить с Персией (с 1935 года — Иран) мирные отношения и добиться ее нейтралитета в предстоящем военном столкновении с Турцией. Об этом он уведомил А. П. Ермолова в рескрипте от 12 февраля 1826 года. Иными, однако, были намерения Персии. После Гулистанского договора 1813 года, когда к России отошел Северный Азербайджан, Персия более десятилетия готовилась к реваншу. По Тегеранскому трактату 1814 года, Англия предоставляла Фетх Али-шаху ежегодную субсидию. Большое внимание уделялось перевооружению и обучению персидской армии на европейский лад. События междоусобицы в России, которые были восприняты в Персии как начало междоусобной войны между братьями, также способствовали решению шаха начать войну. При тегеранском дворе верх взяла воинственная группировка валиагда (наследника престола), «сына тени Аллаха на земле» (персидского шаха) Аббас-Мирзы. Еще в 1824 году Персия выдвинула дополнительные притязания на отошедшую к России в 1805 году Шурагельскую область между Карским пашалыком и Ереванским хребтом. Эта стратегически важная область контролировала подступы к Грузии, с присоединением которой к России Персия смириться не могла. В депеше с Кавказа, полученной Николаем I 25 марта 1826 года, А. П. Ермолов докладывал о подготовке в Персии регулярных войск и антирусской пропаганде в Южном (персидском) Азербайджане.

Просьбы А. П. Ермолова об усилении Кавказского корпуса остались без внимания. Постепенно Николай I стал сужать круг обязанностей «проконсула Кавказа». Так, Ермолов был лишен права вести самостоятельные переговоры. Для урегулирования спорных вопросов в связи с незавершенным размежеванием границ в Персию весной 1826 года был послан А. С. Меншиков, но война уже стала неизбежной. 16 (28) июля персы совершили нападения на русские аванпосты со стороны Эриванского ханства, а эриванский сардар, усиленный курдской конницей, двинулся на Тифлис. Затем наместник персидского Азербайджана Аббас-Мирза с 30-тысячной армией вторгся на территорию Карабаха и Талышского ханства. Пала Ленкорань, был осажден Баку, восстания охватили Азербайджан. Эриванский сардар занял Елизаветполь (Гянджу, или Ганджу; позднее

Кировабад). Сам Аббас-Мирза начал осаду крепости Шуши — административного центра населенного армянами бывшего Карабахского ханства. Небольшой гарнизон крепости при помощи армянских добровольцев выдержал 40-дневную осаду.

Николай I получил известие о вторжении персов в Москве, где проходили коронационные торжества. Несмотря на недовольство, он попытался подбодрить А. П. Ермолова воспоминаниями об их встрече на маневрах в Вертю в 1815 году. В письме от 16 августа 1826 года государь писал: «Был бы Николай Павлович прежний человек, может быть, явился к вам, у коего в команде первый раз извлек из ножен шпагу; теперь остается мне ждать и радоваться известиям о ваших подвигах и награждать тех, которые привыкли под начальством вашим пожинать лавры»^{1020}. За неделю до этого, увидев среди представлявшихся ему лиц находящегося в отставке Дениса Давыдова, Николай Павлович спросил, может ли тот «служить в действительной службе». Получив утвердительный ответ, милостиво улыбнулся и прошел дальше. Через несколько дней все формальности были выполнены, и 10 сентября 1826 года генерал-майор Д. В. Давыдов уже был в Тифлисе.

Тем временем посланный Ермоловым отряд князя генерал-майора В. Г. Мадатова 3 (15) сентября разбил на реке Шамхор вчетверо превосходящий передовой отряд персов и через два дня освободил Елизаветполь. Аббас-Мирза, сняв осаду Шуши, двинулся навстречу Мадатову. 10 (22) сентября прибыл И. Ф. Паскевич, который по поручению А. П. Ермолова принял командование войсками. Смотров кавказских войск Паскевич остался недоволен. Впрочем, другой реакции от него ждать и не приходилось «Нельзя представить себе, — писал он Николаю I, — до какой степени они мало выучены. Боже сохрани с такими войсками быть первый раз в деле; многие из них не успеют построить каре или колонну, — а это все, что я от них требую. Я примечаю, что сами начальники находят это не нужным. Слепое повиновение им не нравится, — они к этому не привыкли; но я заставлю их делать по-своему»^{1021}.

Через три дня, 13 (25) сентября, в четырех верстах от Елизаветполя, у перекрестка дорог, где возвышается мавзолей поэта Низами Гянджеви, произошло генеральное сражение. Под начальством Аббас-Мирзы находилось 50 тысяч войска, половину которого составляла иррегулярная конница кочевых племен, но были и 24 батальона регулярной пехоты (в синих курточках и белых панталонах) с 25 орудиями под командованием английских офицеров. Имелось также до 50 небольших пушек-

фальконетов, перевозившихся на верблюдах. Русских войск было немного, но они представляли цвет Кавказского корпуса (8 тысяч человек, 24 орудия). Первой линией русской пехоты командовал генерал Мадатов. В решающий момент сражения двум батальонам Ширванского карабинерного полка противостояло 18 батальонов персов. У Паскевича хватило мужества и ума не мешать ермоловским генералам В. Г. Мадатову и А. А. Вельяминову. После упорного боя, исход которого решил удар Нижегородского драгунского полка, противник был разгромлен. В том числе оказались разбиты и шахские гвардейцы-сарбазы, называвшиеся «железоедами»». Аббас-Мирза повернул вспять, посадив пехотинцев за спинами всадников. Потери персов составляли до двух тысяч убитыми и до тысячи пленными. Было захвачено два орудия, четыре знамени. С русской стороны выбыли из строя 12 офицеров, включая убитого командира Ширванского полка Грекова, и 185 нижних чинов. Через два дня Аббас-Мирза переправился через Араке. Карабах и большая часть Талышского ханства были очищены.

Это было первое большое сражение николаевского царствования, и император на награды не поспешил. Князь Мадатов получил чин генерал-лейтенанта, а также золотую саблю с бриллиантами с надписью «За храбрость», генерал-лейтенант Вельяминов получил знак ордена Святого Георгия Победоносца 3-й степени, а полковник граф Симович и майоры Юдин и Клюки фон Клюгенау — 4-й степени (первые георгиевские кавалеры нового царствования). И. Ф. Паскевич получил золотую саблю с бриллиантами с надписью «За поражение персиян под Елизаветполем». «Уверен, — писал ему император, — что она в ваших руках укажет храбрым войскам путь к новым победам и к славе»^{[1022](#)}. Захваченные персидские пушки были выставлены на Красной площади. В том же месяце, 21 сентября, отличился Д. В. Давыдов, разбивший четырехтысячный отряд персов при урочище Мирок.

С весны 1827 года военные действия, приостановившиеся из-за непроходимых в осенне-зимний период дорог, возобновились — уже без А. П. Ермолова, который 29 марта (10 апреля) был заменен Паскевичем. Русские войска двинулись в Эриванское ханство и 8 июня заняли Эчмиадзин. Оставив часть войск для блокады Эривани (Еревана), Паскевич, несмотря на палящий зной, двинулся по долине Аракса. 26 июня он занял Нахичевань, 5 июля под Джеван-Булаком разбил двигавшегося навстречу Аббас-Мирзе, а 7 июля взял крепость Аббас-Абад. 28 сентября главные силы вновь осадили Эривань и после инженерной подготовки 1(13) октября взяли город штурмом при поддержке жителей. «Знаменитая

Эривань, — докладывал Паскевич Николаю I, — которой приобретение, как полагали, должно было стоить потоков крови, пала перед победоносным русским оружием, без великих пожертвований с нашей стороны...»^{1023} Тем временем отряд генерала Г. Е. Эристова начал наступление из Карабаха на столицу персидского Азербайджана Тавриз (Тебриз), в который вступил без сопротивления 14 октября. Вскоре прибыл с главными силами Паскевич, и Персия запросила мира. С ноября 1827-го по февраль 1828 года с перерывами продолжались переговоры, которые со стороны России вели А. С. Грибоедов (на его двоюродной сестре был женат И. Ф. Паскевич) и А. М. Обрезков, а со стороны Персии — Аббас-Мирза.

Успехи России создавали реальную возможность претендовать на весь Иранский (Южный) Азербайджан или, по крайней мере, на создание на этой территории буферных государств. Однако Николай I оказался весьма умерен в своих притязаниях. Необходимо было учитывать и реакцию европейских держав. Свою позицию по этому вопросу император выразил в следующем постулате: «Я при самой крайней необходимости предпочитаю устройство независимых ханств в Азербайджане присоединению оного к России: ибо сей мерой подадим справедливую причину думать, что стремимся водворить со временем исключительно наше владычество в Азии, и тем самым охладим искренние и дружественные связи наши с первенствующими державами в Европе».^{1024} Получив известие о взятии Тавриза, Николай Павлович писал своему «старому командиру»: «Считаю необходимым нам далеко не лезть в глубину Персии; но елико возможно скорее сделать экспедицию в Астрабат (Астрабад; с 1930 года Горган. — Л. В.) или Зинзили (Энзели; с 1925 по 1980 год Пехлеви. — Л. В.), где по-вашему удобнее, и стать там твердой ногой»^{1025}.

В соответствии с инструкциями Николая I основными условиями русской стороны в переговорах стали следующие: «уступка нам двух областей при Араксе», в основном населенных армянами, и «вознаграждение денежное», определенное сначала в размере 15 куруров (30 млн. рублей серебром): 5 — в течение первого месяца, 10 — в течение трех месяцев. Предполагалось, что все это время войска будут оставаться на территории южного Азербайджана. В случае невыплаты установленной суммы, писал И. Ф. Паскевич императору, «вся Азербайджанская область отделяется от Персидского государства, и назначаются в оных независимые ханства под покровительством России»^{1026}. Переговоры затянулись в

связи с началом Русско-турецкой войны, на которую персы возлагали определенные надежды. Пришлось предпринять дополнительные военные усилия. В январе 1828 года русские отряды направились из Тавриза по трем направлениям: на восток в сторону Каспия к Ардебилу, на юго-запад к озеру Урмию и на юго-запад к Тегерану, где был занят Туркманчай (в 50 километрах от Тавриза). Шах был вынужден принять все условия мира, продиктованные победителями. В ночь на 10 (22) февраля 1828 года И. Ф. Паскевич и Аббас-Мирза подписали Туркманчайский мир, а через два месяца была объявлена война с Турцией.

По Туркманчайскому договору к России отошли «в совершенную собственность» только ханства Эриванское и Нахичеванское, населенные в основном армянами. Граница устанавливалась по верхнему и среднему течению Аракса до впадения его в Куру и южнее устья Куры включала Талыш-ское ханство, вошедшее в состав России еще в 1813 году (граница проходила там по Талышскому хребту). Были подтверждены установленные Гулистанским договором 1813 года свобода торгового мореплавания и исключительное право России иметь на Каспии военный флот. Персия должна была выплатить России на покрытие военных расходов 10 куруров туманов (20 млн. рублей серебром) контрибуции. Кроме того, Персия обязывалась не препятствовать переселению в русские пределы армян. В соответствии с договором с 1828 по 1831 год в Россию выехало 100 тысяч армян, а до начала Крымской войны — еще 200 тысяч. Был подписан также «Особый акт о торговле», распространявший на русских купцов ряд льгот.

Такой исход войны наносил удар по английскому влиянию на Среднем Востоке. Не случайно Николай Павлович высоко оценил роль И. Ф. Паскевича. В указе Правительствующему сенату от 15 марта 1828 года говорилось: «В воздаяние отличного усердия и важных отечеству заслуг генерал-адъютанта нашего, генерала от инфантерии Паскевича, многими блистательными победами в продолжение счастливо прекратившейся ныне с Персией войны приобретшего новую славу нашему оружию и увенчавшего сии подвиги заключением выгодного во всех отношениях мира, коим пределы государства распространяются за Араке, и присоединяется к владениям нашим область Армянская, — всемилостивейше жалуем его и потомство его в графское Российской империи достоинство, повелевая ему отныне именоваться графом Паскевичем-Эриванским»^{[1027](#)}.

А. С. Грибоедову, который доставил текст договора в Петербург, была устроена торжественная встреча. Посланец победного мира также был

обласкан Николаем I. «Государю угодно меня пожаловать 4 тыс. червонцами, Анною с бриллиантами и чином статского советника»^{1028}, — писал Грибоедов И. Ф. Паскевичу. Вскоре он был назначен в Тегеран «полномочным министром». Русский посол был весьма тверд в отстаивании российских интересов, строгом соблюдении всех пунктов договора и своевременной выплате контрибуции. Однако ему пришлось столкнуться с атмосферой враждебности, которая усилилась в связи с обращением к Грибоедову с просьбой оказать помощь в переселении в Россию двух армянок из гарема зятя шаха Аллая-хана и влиятельного человека при дворе, главного евнуха ханского гарема Мирзы Якуба, родом из Еревана. 11 февраля 1829 года антирусская придворная группировка организовала погром русской миссии. Члены посольства, включая А. С. Грибоедова, были растерзаны толпой.

Разгром российского посольства в Тегеране поставил русско-персидские отношения на грань третьей войны в тот момент, когда близился переломный момент в войне с Турцией. Успехи русских войск заставили Фетх Али-шаха принести извинения, для чего в Петербург направилась делегация во главе с сыном Аббас-Мирзы Хоеров-Мирзой. Персы везли щедрые подарки, включая списки рукописи поэмы «Шах-Наме» и алмаз «Шах». Императрице поднесли четырехрядный жемчуг, драгоценные ткани, изделия из эмали, маленькие чашки для кофе, а Николаю Павловичу — чепраки, усеянные бирюзой, и седла с серебряными стременами. «Извинительное» посольство Хосров-Мирзы достигло своей цели. Формальная версия о непричастности шахского правительства к случившейся трагедии была принята Николаем I. Но вряд ли уместны намеки на то, что Персия якобы «покупала» расположение царя. Один из современных исследователей так оценивает достижения русской дипломатии этого периода на Среднем Востоке: «Отказ от силового решения проблемы после гибели А. С. Грибоедова позволил России в дальнейшем одержать важную дипломатическую победу над Великобританией, добившись похода иранцев на Герат в 1837–1838 гг. вопреки воле англичан. Иран сумел собраться с силами и доказать дееспособность центральной власти в борьбе с сепаратистами и мятежниками»^{1029}.

Однако расцвет русской торговли в Закавказье после Туркманчайского мира в конце 20-х — начале 30-х годов оказался кратковременным. Русские набивные ситцы по своему качеству не могли конкурировать с английскими тканями, особенно в Тавризе, куда английские товары доставлялись прямо

из Трапезунда. В связи с этим центр русско-персидской торговли сместился в прикаспийскую провинцию Персии — Гилян. Из русских товаров сюда привозились металлы, металлические изделия, хрусталь, фарфор, сундуки, краски, пушнина, нефть, соль и др. В докладной записке в конце 1837 года министр финансов Канкрин особо отметил успехи гилянской торговли. На этом докладе Николай I наложил свою резолюцию: «Слава Богу, что опомнились»^{[1030](#)}.

«Славный мир положил конец подвигам армий наших»: Адрианополь

Во второй половине апреля 1828 года Министерство иностранных дел России направило Порте и распространило в Европе декларацию о войне, в которой не только подробно отмечались факты нарушения Турцией различных статей предшествующих договоров и ее отказ от посредничества европейских держав, но одновременно выдвигались условия будущего мира. Декларация заканчивалась заявлением о решимости Николая I «не покидать оружия, доколе безопасность и пользы державы его не будут обеспечены на основаниях, в сей декларациях означенных»^{[1031](#)}.

14 (26) апреля Николай подписал манифест о начале войны. А за шесть дней до этого состоялась его беседа с австрийским посланником графом Зичи, посланным Меттернихом с целью уговорить его вернуться в лоно Священного союза (отказавшись тем самым от самостоятельной политики в отношении Греции). Николай Павлович, констатируя, что война неизбежна, сообщил о том, что сам встанет во главе армии, чтобы «быть готовым принять в любой момент предложения султана, которые тот, возможно, пожелал бы мне сделать, увидев, что мое решение бесповоротно, а также и для того, чтобы иметь возможность остановить войска, когда мне это покажется необходимым. Вести войну я буду не на турецкий манер. Если истинные намерения Порты состоят в том, чтобы принять мои требования, я приму ее предложения всякий раз, когда мне их представят»^{[1032](#)}.

Вероятно, Николай I мог предвидеть в случае особых успехов недовольство великих держав. Возможно, этим объясняется тот факт, что в конце апреля К. В. Нессельроде объявил умеренные, как считали в Петербурге, условия будущего мира. Они включали территориальные изменения, намеченные, кстати говоря, еще П. И. Пестелем в «Русской правде»: присоединение Анапы и Поти, то есть черноморского побережья Кавказа. Предусматривалось также срытие турецких крепостей по Дунаю, подтверждение привилегий Молдавии, Валахии и Сербии, восстановление прав русской торговли и проход русских судов через Босфор, «умеренная контрибуция», «умиротворение Греции».

Спустя одиннадцать дней после подписания манифеста о войне, 25

апреля (7 мая), 95-тысячная 2-я армия под командованием престарелого П. Х. Витгенштейна, получившего вскоре чин генерал-фельдмаршала, пересекла в трех местах Прут и вступила на территорию Дунайских княжеств. В соответствии с планом, разработанным начальником штаба генералом от инфантерии графом И. И. Дибичем, ставилась задача разгрома Турции в течение одной кампании. Осада крепости Браилов (ныне город Брашев в Румынии) на левом берегу Дуная была поручена великому князю Михаилу Павловичу; впрочем, осада продлилась всего около месяца. 7 (19) мая в полночь в русский лагерь прибыл и сам император. Переболев лихорадкой, он выехал затем в Бендеры для встречи Александры Федоровны и вместе с ней отправился в Одессу, а затем 18 (30) мая, уже один, — в Измаил. Там, в карантине, состоялась его встреча с бывшими запорожцами-старообрядцами, жившими в Турции и теперь вновь присягнувшими на верность России.

Многолюдный императорский лагерь был разбит у деревни Сатуново. Болотистая местность заставила соорудить на левом берегу Дуная фашинную гать протяженностью семь верст. Сам бывший военным инженером, Николай I внимательно следил за подготовкой гати и лично составил диспозицию на переправу. Через месяц после перехода через Прут русские войска 27 мая (8 июня) при поддержке Дунайской флотилии форсировали Дунай у Исаки в районе Сатуново. Для переправы было использовано 40 лодок задунайских казаков, а меткая стрельба русских батарей сбила турок с их позиций. На следующий день император сам переправился через Дунай в лодке атамана Гладкова, который был пожалован чином полковника и Георгиевским крестом 4-й степени. Ему выдали также 10 крестов для награждения отличившихся казаков. Первые четыре казака, которые за ночь до переправы уже выбирали на турецком берегу наиболее удобные места для высадки, были переведены в гвардию. Иначе вышло с бывшими казаками-староверами из некрасовцев, то есть потомками булавинских казаков, ушедших в Турцию с Некрасовым еще при Петре I. Встретив Николая I хлебом-солью, они упали на колени, но император был с ними откровенен: «Не стану обманывать вас ложными надеждами: я не хочу удерживать за собой этот край, в котором вы живете и который занят теперь нашими войсками; он будет возвращен туркам, следственно поступайте так, как велят вам ваша совесть и ваши выгоды. Тех из вас, которые захотят возвратиться в Россию, мы примем, и прошедшее будет забыто; тех же, которые останутся здесь, мы не тронем, лишь бы они не обижали наших людей. За все, что вы принесете в наш лагерь, будет всегда заплачено чистыми деньгами»^{[1033](#)}. Наделенные

турецким правительством земель и рыбными ловлями, некрасовцы предпочли остаться в Турции. К 20 июня (2 июля) все крепости южнее Силистрии сдались русским войскам. Только под Басарджиком (Добрич, позднее Толбухин) произошли первое столкновение с турками в открытом поле и соединение двух русских корпусов.

Турция смогла выделить на Дунайский театр 150 тысяч человек под командованием Хюссейн-паши, а на Кавказский — 50 тысяч иррегулярных войск. Султанский план военных действий в Румелии был достаточно реалистичен. На первом этапе предполагалось тремя корпусами занять оборону в предгорьях Балканского хребта, избегая решительных сражений, а три других корпуса оставить в качестве резерва к югу от Балкан. Основной ударной силой на начальном периоде войны, в виду незавершенности военной реформы после ликвидации корпуса янычар в 1826 году, должны были стать иррегулярные формирования и ополченцы. Выступили в поход и шесть обученных европейскими и египетскими инструкторами регулярных батальонов. Основные операционные планы турецкого командования на Кавказе исходили из опоры на крепости; предполагался также рейд турецко-курдской конницы по тылам русской армии с целью вызвать восстание мусульманского населения Дагестана, Гурии, Имерети. Тем временем мобилизация на местах шла плохо. В июне 1828 года вспыхнуло восстание в Боснии. Недостаток сил, причем со стороны как России, так и Турции, привел к некоторой стабилизации в военных действиях. Турки предпочитали отсиживаться в крепостях, а русская армия в условиях 45-градусной жары и болезней несла потери в личном составе, даже не участвуя в сражениях. Стратегический план русского командования предусматривал совместные действия армии и флота; поход же в центральную Болгарию, который мог вызвать восстание болгар, не входил в намерения Николая I.

После разведывательной вылазки отряда генерала П. К. Сухтелена к Варне, где находился 15-тысячный гарнизон, П. Х. Витгенштейн сосредоточил основные силы (до 35 тысяч человек) под крепостью Шумла (город Шумен), где находилась ставка Хюссейн-паши (до 40 тысяч человек). Русский лагерь был разбит на высотах перед Шумлой. Здесь находился и Николай Павлович вместе со своим младшим братом. Бои шли с переменным успехом. Николай иногда попадал под огонь, награждал отличившихся воинов в бою и все больше убеждался в ошибочности принятого плана. Позиции турок под Шумлой оказались слишком сильными. Витгенштейн не смог выманить Хюссейн-пашу в открытое поле для сражения, атаковать же крепость не решился. 8 (20) июня он направил

основные силы под Варну, куда уже из Анапы подошел Черноморский флот под командованием адмирала А. С. Грейга: шесть линейных кораблей, три фрегата, два бомбардирских судна. Флот принял участие в бомбардировке Варны и захватил 14 вспомогательных турецких судов. 21 июля (2 августа) в Варну выехал и Николай Павлович. Через три дня трудного и опасного перехода его отряд достиг высот, окружавших Варну, где уже находились войска А. С. Меншикова. Через несколько дней император неожиданно прибыл на фрегате в Одессу, где его ожидала супруга. Император был верен себе. Он не любил долго оставаться на одном месте, да и день рождения супруги, пусть с небольшим опозданием, он все же хотел отметить. 21 августа (2 сентября) на фрегате «Флора» Николай Павлович отбыл назад к Варне, но буря заставила корабль вернуться в Одессу. Тогда на коляске вдвоем с А. Х. Бенкендорфом и в сопровождении ничтожного конвоя император преодолел 200 верст по руминской земле. Появление его в лагере под Кюстенджи (Констанца) вызвало восторг. Как пишет А. Х. Бенкендорф, «нам подали хороший суп и постлали хорошие постели»^{1034}. В Каварне Николай снова пересел на фрегат «Флора», и 27 августа судно бросило якорь посреди русской эскадры у Варны, мечети которой уже были повреждены русскими ядрами.

Штаб-квартирой императора стал линейный корабль «Париж». Каждое утро Николай прибывал в осадный лагерь, а на ночь возвращался на корабль, стоявший на рейде. Между тем осада продолжалась без особых успехов. Под бастионы подводились мины, после взрывов образовывались бреши, удобные для штурма. Приходилось отбивать и попытки турок деблокировать крепость. Присутствие Николая Павловича в армии оказывало двойственное влияние. В какой-то степени это мешало единоначалию и привносило суету. Не случайно многочисленную свиту, сопровождавшую Николая, полевые офицеры прозвали «золотой ордой». В конце августа положение начало меняться. На театр военных действий подошла русская гвардия. После почти трехмесячной осады, 29 сентября (11 октября), сильнейшая турецкая крепость на побережье капитулировала. На следующий день сдалась и цитадель. В общей сложности в плен сдалось 6 тысяч турок.

30 сентября (12 октября) состоялась торжественная церемония награждения отличившихся^{1035}. Граф М. С. Воронцов получил шпагу с алмазами и благодарственный рескрипт.

На корабле «Императрица Мария» Николай Павлович отправился в Одессу. Его ждало очередное испытание морской стихией. Только чудом

корабль не выбросило на турецкий берег. Позднее император приказал при строительстве нового одноименного корабля вделать кусок старого форштевня в дубовый форштевень нового судна в память того, что было пережито в октябре 1828 года. Новый корабль «Императрица Мария» был флагманом П. С. Нахимова в Синопском бою.

Овладение Варной стало главным стратегическим успехом кампании 1828 года. После этого большая часть сил 2-й армии ушла на зимние квартиры за Дунай. Тем не менее турецкой армии удалось, как и планировалось, удержать русскую армию между Дунаем и Балканским хребтом. Изнурительная война явно затягивалась.

В конце октября 1828 года И. И. Дибич представил императору план на новую кампанию. В этом плане предусматривалось два варианта. Во-первых, наступление через Малые Балканы на Константинополь, а во-вторых, движение вверх по долине Дуная, чтобы сначала поднять восстание сербов, а потом двигаться на турецкую столицу. Николай I сообщил о содержании плана И. Ф. Паскевичу, высказав и свои соображения: «Я предполагаю в предложениях будущей кампании вести за Дунаем войну более систематическую, нежели наступательную; ограничиться овладением Силистрии, Журжи и других крепостей, оставшихся доселе в руках турок на реке сей, стать на оной твердою ногою и с сего основания делать демонстрации к стороне Бургаса и, смотря по обстоятельствам, от сего рода войны перейти к действиям более наступательным...»^[1036] Исходя из мнения царя, И. И. Дибич представил вторую записку. В ней дополнительно обосновывалась необходимость предварительного создания на среднем Дунае операционной линии от Рушчука (город Русе в Болгарии) до Никополя. Тогда же, в ноябре 1828 года, Николай Павлович сформировал Комитет «для обсуждения планов действий против Порты». С ноября 1828 года русская эскадра блокировала проливы Босфор и Дарданеллы с целью воспрепятствовать подвозу продовольствия в Константинополь. Положение в столице Османской империи становилось критическим.

Кампания 1829 года началась сменой командующих. В феврале П. Х. Витгенштейн по собственной просьбе был отправлен в отставку. Его заменил более деятельный генерал И. И. Дибич. Новый командующий появился и у турок; им стал Решид Мехмет-паша. Численность турецкой армии на Балканах была доведена до 150 тысяч человек. Русская балканская армия насчитывала от 105 до 125 тысяч человек. Это было не так уж много, учитывая сложность местности и наличие у противника многочисленных крепостей.

Военные действия начались на море. 4 (16) февраля 1829 года отряд Черноморского флота во главе с адмиралом М. Н. Кумани с десантом на борту взял крепость Сизополь (Сизопол). После этого Грейг перевел флот из Варны к Сизополю. К концу месяца у южного склона Балканского хребта была занята линия Ямболь (Ямбол) — Бургас, которая позволяла контролировать три перевала. В конце апреля — начале мая основные усилия Дибича сосредоточились на блокаде Силистрии (ныне город Силистра в Болгарии), где находился 30-тысячный гарнизон. Попытка контрнаступления турецкой армии была отбита. 30 мая (11 июня) Дибич нанес поражение 40-тысячной армии Решид-паши к югу от Силистрии под Кулевчи. Осада Силистрии продолжалась 44 дня, и 18 (30) июня крепость сдалась. Оставив отряд А. И. Красовского под Шумлой, Дибич совершил марш через Балканский хребет по маршруту, намеченному еще в апреле 1811 года М. И. Кутузовым. Левая колонна двигалась через Береговой перевал, правая — в направлении Провадия (Праводы) — Айдос, через Надир-Дербентский перевал.

Левая колонна начала движение 30 июня (12 июля), а правая — 3 (15) июля. Фактор неожиданности позволил преодолеть невысокие перевалы сравнительно легко. 13 (25) июля передовые отряды с ходу взяли крепость Айдос и спустились в долину Бургасского залива, где их уже ожидала русская эскадра. Дибич располагал за Балканами всего 25-тысячным войском. Однако узнав о незначительности гарнизона в Адрианополе (Эдирне), он предпринял 2 (14) августа наступление на этот важнейший турецкий город в Восточной Фракии. На самом деле только гарнизон Адрианополя насчитывал 13 тысяч человек. Имея всего 12 тысяч при НО орудиях, И. И. Дибич подошел к Адрианополю. Его действия походили на авантюру, так как скутарийский паша мог нанести ему удар во фланг из Филипполя (Пловдива). Тем не менее известная поговорка «Смелость города берет» оказалась верной. Утром 8 (20) августа И. И. Дибичу преподнесли ключи от Адрианопольской цитадели. Русская армия заняла город, с которым было связано само создание Османской империи. «Любезный друг, с какою радостью я могу сказать вам: спасибо, Забалканский, — писал Николай И. И. Дибичу 4 августа, — название это принадлежит вам по праву, и я даровал его вам от всего сердца»^{[110371](#)}. До Константинополя оставалось 200 верст; полевой армии турок на пути к столице практически не существовало. В самом Константинополе был раскрыт заговор против султана.

На Кавказском театре военных действий с самого начала инициатива принадлежала армии И. Ф. Паскевича. 12 (24) июня 1828 года десантный

отряд А. С. Меншикова после сорокадневной осады овладел Анапой, где находились шеститысячный гарнизон и отряды аджарских беев (в предшествующих войнах русские войска брали эту крепость в 1791 и 1808 годах). Падение Анапы лишило Турцию важной крепости и операционной базы на побережье Кавказа. Захвачено было четыре тысячи пленных, 83 орудия и 29 знамен. Вскоре, 14 (26) июня, 25-тысячный корпус генерала И. Ф. Паскевича перешел границу. 23 июня (5 июля) капитулировала крепость Карс — центр Карского пашалыка, населенного в основном армянами и курдами. В июле-августе 1828 года русские войска нанесли поражение Кёсе Мехмед-паше под Ахалцихом, вскоре были заняты Ардаган, Потти и Баязет. В сентябре И. Ф. Паскевич отвел войска в Грузию на зимние квартиры.

Тревожное положение на Кавказском театре сложилось после получения в Турции известия о разгроме русской миссии в Тегеране И февраля 1829 года. Аджарский владетель Ахмед-бек расценил это как возобновление войны России с Персией и предпринял попытку отбить Ахалцих, однако безуспешно. Не удалось туркам прорваться и через Гюмры (Гумры) в Закавказье. После двух побед в конце июня — начале июля русская армия перешла в наступление. 27 июня (9 июля), в годовщину Полтавского сражения, был взят Эрзерум (Эрзурум) — крупнейшая турецкая крепость на Кавказе с гарнизоном до 20 тысяч человек. Отсюда русский отряд повернул на северо-запад, к побережью, и подошел к Трапезунду (Трабзону). Русские войска овладели также Мушским пашалыком. Успехи русских войск в Анатолии дали возможность И. Ф. Паскевичу разрешить А. С. Пушкину летом 1829 года приехать в действующую армию к его друзьям. Эта поездка была описана Пушкиным в «Путешествии в Арзрум». Впрочем, хвалебных стихов в адрес Паскевича Пушкин так и не написал, а самому ему пришлось оправдываться перед А. Х. Бенкендорфом, поскольку он без разрешения оказался за границей Российской империи.

Концентрация турок и курдов у Эрзерума заставила Паскевича отказаться от дальнейшего продвижения к морю. Кавказский корпус двинулся против нового сераскира Осман-паши, который, невзирая на указания султанского правительства о переходе к обороне, попытался соединиться со стоящими у Эрзерума войсками. 9 октября, то есть через 25 дней после заключения мира, произошло самое кровопролитное за всю войну сражение у Байбурта, а сам город был разрушен. В последних числах сентября в Трапезунд прибыл русский бриг с извещением о заключении Адрианопольского мира.

Для переговоров в Адрианополе Николай I назначил И. И. Дибича, заверив, что в своих требованиях он не выйдет за рамки Декларации и Манифеста от 14 апреля 1828 года. Затем в Адрианополь прибыли А. Ф. Орлов и Ф. П. Пален. Махмуд II более всего опасался наступления русской армии на Константинополь, но именно этого и старался избежать русский император. В письме к Дибичу за два дня до заключения мира Николай Павлович называл взятие Константинополя «случайностью, осуществления которой молил Бога не допускать»^{1038}. Эту мысль разъясняет К. В. Нессельроде: «Мы не хотим Константинополя. Это могло бы стать самым опасным завоеванием, которое мы могли бы сделать»^{1039}.

Продолжение войны грозило новыми внешнеполитическими конфликтами. Нужно было торопиться закрепить достигнутое. В июне 1829 года, при посещении прусского короля Фридриха Вильгельма III, Николай Павлович согласился с предложением своего тестя отправить в Константинополь начальника Генерального штаба Пруссии генерала Мюффлинга, чтобы склонить султана к мирным переговорам с Россией. Правда, хотя император вновь заявил об «умеренности» в требованиях к Турции, отступать от своих первоначальных условий мира он не собирался. Французский посол в Берлине граф Агу явно поторопился в донесении к правительству сделать вывод, что Николай I ограничится одной Анапой^{1040}.

Чтобы заставить турок подписать мир, потребовались новые усилия. И. И. Дибич действовал в соответствии с инструкциями императора: «... Настаиваю, чтобы в том случае, если переговоры прервутся, вы направили отряд войск к Дарданеллам, дабы быть уверенными, что незваные гости не явились там для вмешательства делам нашим»^{1041}. Дибич предписал войскам выступить к Константинополю; 2-й корпус занял на Черноморском побережье Мидию, 6-й корпус — Л юле-Бургас, а 7-й корпус 26 августа — Энос (Энез) на берегу Эгейского моря. Установилась непосредственная связь с находившейся в Архипелаге эскадрой Л. П. Гейдена. В тот же день один из отрядов достиг берега Мраморного моря в районе Чорлу.

2 (14) сентября 1829 года в султанском дворце Эски-Сарай был заключен Адрианопольский трактат. Русский текст состоял из 16 статей основной части и Дополнительного акта о Дунайских княжествах. В статье II подробно перечислялись крепости в Европейской части Турции, великодушно возвращаемые Турции. Статья III предусматривала перенос пограничной линии с Измаильского на Георгиевское гирло Дуная, что означало передачу России всей дельты. В принципе, в отношении

Дунайской дельты Николай Павлович был готов пойти на уступки. Более важным ему представлялся принцип свободы судоходства по Дунаю, что также было закреплено в договоре (статья VII). Теперь Россия была не просто дунайской державой; при желании она могла контролировать все дунайское судоходство и всю черноморскую торговлю хлебом Австрийской империи. Не случайно, позднее, в связи с жалобами на русскую таможенную в Сулине, у австрийцев возник даже проект постройки канала от Галаца до Констанцы.

Статья IV содержала перечисление крепостей на Кавказе, возвращаемых Турции. За Россией закреплялась часть Ахалцихского пашалыка с крепостями Ахалцих, Ацхур и Ахалкалаки (ныне часть Грузии), а также Черноморское побережье от устья реки Кубань до крепости Святого Николая, включая Анапу и Поти. Греция, Сербия, Молдавия и Валахия получали автономию, причем Порта безоговорочно присоединялась к Лондонскому трактату от 27 июня (6 июля) 1827 года и протоколу 10 (22) марта 1829 года относительно Греции. Последняя получала автономию в весьма урезанных границах: по линии от залива Арто до залива Волос, включая Кикладские острова (за пределами Греции оставались Фессалия, Крит, Ионические острова, отошедшие Англии в 1815 году, и др.). В соответствии с договоренностями Греция должна была стать конституционной монархией, на престол которой мог претендовать один из принцев. Статья IX предусматривала выплату Турцией России контрибуции в размере 10 млн. голландских дукатов. Статья XI предусматривала порядок вывода русских войск из Дунайских княжеств после уплаты контрибуции. Для России это было выгодно, потому что позволяло на законном основании продолжать держать войска в стратегически важном районе (они были выведены в 1834 году). Турецкий рынок открывался для русских товаров.

Турецкий текст договора был ратифицирован султанской печатью в 20-х числах октября. Обмен ратификационными грамотами был произведен И. И. Дибичем и главным хранителем финансов султана Мехмедом Садык-эффенди 28 октября 1829 года. После завершения войны генерал от инфантерии граф И. И. Дибич получил чин генерал-фельдмаршала и прибавление к фамилии, став Дибичем-Забал-канским. Наконец, 22 января (3 февраля) 1830 года на Лондонской конференции Греция была признана независимым государством, а в мае 1832 года на греческий престол вступил баварский принц под именем Оттона I.

Реализация мирного договора во многом зависела от деятельности турецкого посольства Халиль-паши в Петербурге и А. Ф. Орлова в

Константинополе. Естественно, турецкая сторона пыталась добиться смягчения договора, тем более что с деньгами у султанского правительства, так же как у персидского, были большие проблемы. Во время приема Халиля-паши 9 февраля 1830 года Николай I развил свою основную мысль о необходимости сохранения целостности Османской империи как одной из задач своей внешней политики. В заключение встречи император сказал: «Сейчас султан занят важными реформами в своей державе. Нужен мир и нужно время, чтобы укрепить и завершить начатое дело. Новый разрыв погубил бы все начинания. Я постараюсь избежать такого разрыва»^{1042}. В начале апреля Николай Павлович согласился снизить контрибуцию на 2 млн. дукатов, а А. Ф. Орлов в Константинополе намекнул на возможность ее дальнейшего снижения еще на 1 млн. дукатов в случае предоставления Греции полной независимости. Султан согласился, и по поводу этого миллиона был подписан отдельный акт, не подлежащий оглашению. В счет контрибуции могли приниматься и товары. Поскольку с 1831 года султанское правительство начало борьбу с Мухаммедом Али, контрибуция перестала выплачиваться, но Россия особенно не возражала. Реально Турция передала России около 5 млн. дукатов, из которых большая часть пошла на выплаты войскам, участвовавшим в войне, а меньшая — на выплаты в качестве компенсации русским купцам, а также на подавление польского восстания.

4 (16) сентября, через два дня после заключения Адрианопольского мира, начал работу секретный комитет, который должен был определить принципы политики России в отношении Турции. Общий вывод Комитета был следующий: «Выгоды от сохранения Оттоманской империи в Европе превышают ее невыгоды» и, следовательно, «разрушение ее было бы противно истинным интересам России»^{1043}.

Вскоре после заключения Адрианопольского мирного договора, завершившего Русско-турецкую войну, Николай Павлович с чувством удовлетворения так начал свое письмо к И. Ф. Паскевичу от 25 сентября 1829 года: «Бог благословил наше дело, любезный Иван Федорович, и славный мир положил конец подвигам армий наших, стяжавших новые неувядаемые лавры под предводительством ваших и товарища вашего в Европе... Чин фельдмаршала, мною вам данный, принадлежит вам не по пристрастию какому, но по славным делам, которые присоединили имя ваше к именам Румянцева и Суворова; с сердечной радостью пишу вам это, ибо слова мои в моих устах вам не лесть, а справедливость»^{1044}.

«Каналья L. Phylippe»: Июльская революция во Франции в 1830 году

В «Записке о положении дел в Европе», составленной в начале 1848 года, Николай так определял влияние предшествующих европейских событий и, в частности, Июльской революции во Франции 1830 года: «Этот печальный и навеки постыдный акт был началом всего последующего: этого было достаточно бездельникам и революционерам, чтобы покуситься на дальнейшее; вскоре вторичный успех, столь же позорный и прискорбный, увенчал их дерзость, и Бельгия была отделена от Голландии. Польша вздумала последовать их примеру; с Божьего соизволения Россия подала пример сопротивления. За эту попытку Польша заплатила своим существованием. Если бы так было везде»^{1045}.

Луи Филипп — «король баррикад», незаконно узурпировавший престол, стал для Николая Павловича олицетворением всех злых сил. В интимных беседах и в личной переписке он не скупился на язвительные эпитеты в его адрес. Так, в письме к И. Ф. Паскевичу в 1844 году по поводу возможного бунта в Италии император не преминул заметить, что нужно всего ожидать от Луи Филиппа: «Тут верно вмешается каналья L. Phylippe»^{1046}. В беседе с другим доверенным человеком — графом П. Д. Киселевым — Николай Павлович более обстоятельно рассказал о своем отношении к Луи Филиппу, с которым — тогда еще герцогом Орлеанским — он познакомился в Париже в 1814 году. Семейная идиллия герцога, как мы помним, произвела глубокое впечатление на будущего императора. «Людовик Филипп, — рассказывал император, — показался мне тогда человеком благородным, мудрым и счастливым. Со всей горячностью молодости я увидел в нем образец той жизни, к коей я себя готовил. Но с той минуты, как он ловким трюком стянул корону со своего племянника Короля, чьим опекуном и покровителем по родству он являлся, — о! с той минуты мое отношение к этому человеку не могло не перемениться. Я приказал Нессельроде строго придерживаться всех наших обязательств по отношению к Франции, и когда Пален, назначенный послом, прибыл проститься и спросил меня, что передать от моего имени, я ответил: «Ничего. У вас есть дипломатические предписания, достаточно будет их»^{1047}.

Для характеристики взглядов и чувств Николая Павловича особенно

важны его собственноручные заметки по поводу европейских событий 1830 года, в которых он в какой-то степени пытался успокоить самого себя. «Настоящие серьезные обстоятельства в их связи с прямыми интересами России заставили меня дать самому себе отчет в испытываемых мною побуждениях. Последствия их рассмотрения пред судом моей совести, по-видимому, определяют их обязанности», — так формулирует император в преамбуле появление этой аналитической записки^{1048}. Далее же он напоминает о значении великих событий 1812 года, «когда Россия, победив и уничтожив неслыханную агрессию Наполеона, явилась в качестве освободительницы на помощь Европе для свержения угнетавшего ее ига. Но воспоминания о благодеяниях стираются быстрее, нежели воспоминания об оскорблениях».

Для Николая I в большей степени, чем для любого другого монарха, характерно понимание взаимосвязи внутренней и внешней политики, влияния событий в Европе на Россию. Его отношение к революционным и национально-освободительным движениям в Европе — это отношение человека, опасющегося за порядок в собственном доме. Во внешнеполитических акциях российского императора прослеживается стремление балансировать между защитой принципов легитимизма и невмешательством во внутренние дела других государств (это может показаться странным при традиционном подходе к Николаю I как «жандарму Европы»). В «собственноручных заметках» о политических событиях 1830 года Николай Павлович отмечал отсутствие каких-либо причин для экспансии России и ее относительную самостоятельность от Европы: «Географическое положение России до того благоприятно, что в отношении ее собственных интересов оно делает ее почти независимой от всего происходящего в Европе; ей незачем искать себе союзников, так как ей нечего страшиться, ей достаточно ее границы — в этом отношении ей нечего желать и, следовательно, она не должна бы никому внушать беспокойства».

К сожалению, его советы свергнутой династии оказались напрасными: «Мы задолго предвидели это ужасное событие и для убеждения Карла X и его министров мы исчерпали все средства, допустимые дружбой и нашими добрыми отношениями». С горечью констатирует император, что европейские державы, не посоветовавшись, признали новую власть, а сам он уступил «ради сохранения союза»^{1049}.

При всей нелюбви к конституционным монархиям Николай Павлович считал безусловно необходимым соблюдать существующее

законодательство как для себя — в отношении внутренних автономий в России, так и для конституционных монархов Европы. Когда Карл X, в нарушение конституционной хартии 1814 года, решил распустить палату депутатов, потребовавшую отставки министерства Полиньяка, и самовольно изменить избирательный закон, Николай I посоветовал ему этого не делать во избежание непоправимого. В записках А. Х. Бенкендорфа приводятся мысли шефа жандармов, высказанные царю, относительно причины революции во Франции. Основной из них он считал то, что «не слабые Бурбоны шли во главе народа, а что он сам влачил их за собою и что Россию наиболее ограждает от бедствий то обстоятельство, что у нас, со времен Петра Великого, всегда впереди нации стояли ее монархи...»^{1050}

Революция во Франции привела к власти представителя младшей ветви Бурбонов, крупнейшего землевладельца и финансиста Луи Филиппа, герцога Орлеанского. Именно он вышел на балкон с трехцветным знаменем в руках, хотя Карл X 2 августа вместе со своим сыном, герцогом Ангулемским, отрекся в пользу внука, герцога Бордоского. Австрия и Пруссия, к неудовольствию Николая Павловича, признали Луи Филиппа. Много позже Николай I видел корни революционных потрясений 1848 года именно в событиях Июльской революции: «Когда я рассматриваю современное состояние Европы, представляющей колоссальную картину все возрастающего потрясения... я не могу не искать первой причины всего происходящего в непостижимом ослеплении и страхе, который в 1830 г. заставил признать, — а тем самым и утвердить, — небывалый, разрушающий самые основы нашего существования акт захвата власти Луи Филиппа, завершивший собой бунт против законного государя»^{1051}.

Сторонники жесткой бескомпромиссной позиции России в непризнании трехцветного флага ожидали разрыва дипломатических отношений России и Франции. Однако этого не произошло. После продолжительной и первоначально весьма напряженной беседы императора с французским посланником бароном Бургоэном, к которому лично Николай Павлович благоволил, было решено воздержаться от демонстративных жестов, которые могли бы быть восприняты как вмешательство во внутренние дела другого государства. «Во мне нет никакой вражды против Франции: это знает Бог, — заявил Николай Павлович Бургоэну, — но я ненавижу принципы, которые вводят всех в заблуждение»^{1052}.

Далее барон Бургоэн вспоминал: «Император внимательно и спокойно

слушал меня. Он уже успокоился, и вместе со мной начал рассматривать важнейшие пункты новой конституции, которая должна была заменить хартию 1814 года. Он со своей точки зрения критиковал многие пункты, и разговор наш превратился в теоретическую дискуссию и закончился словами столь же благородными и прекрасными, как и все прежние»^{1053}. Когда же коллеги Бургоэна по дипломатическому корпусу поспешили к нему с вопросом, правда ли, что он покидает Петербург, французский дипломат уже мог пошутить: «Совершенно правда, через три дня отправляюсь с императором в небольшое путешествие по военным поселениям»^{1054}. Корабли с трехцветными флагами были пропущены в Кронштадт.

В отличие от Июльской революции во Франции Августовская революция в Брюсселе (Бельгия с 1815 года входила в состав Нидерландов) оценивалась императором по-иному. Он считал эту революцию следствием французской и подражанием тому примеру беззакония, который был подан Луи Филиппом: «Брюссель вскоре последовал примеру Парижа. Там, в Париже, была виновата королевская власть, так как восстанию дала повод именно она. В Брюсселе, напротив, ничего подобного не произошло, были лишь благодеяния монарха». Чувство горечи и разочарования вызвала у Николая I позиция австрийского императора и прусского короля: «Австрия и Пруссия, подобно тому, как они поступили относительно Франции, не посоветовавшись предварительно со своими старыми союзниками, — поспешили дать ей свое согласие. Мы же с самого начала следовали по иному более благородному пути и, будучи поборниками принципа справедливости, не посчитались с гневом Англии и Франции...» И все же необходимо, напоминает Николай Павлович, беречь те принципы Венской системы, которые были заложены Александром I: «Будем постоянно хранить этот священный огонь и не обесчестим его новым согласием с актами подлости и несправедливости держав, претендующих на союз с нами лишь тогда, когда мы им нужны для умножения подобных действий. Будем сохранять, — говорю я, священный огонь для торжественного момента, которого никакая человеческая сила не может избежать, не может задержать, — момента, когда должна будет возникнуть борьба между справедливостью и адским принципом»^{1055}. В начале октября 1830 года на докладе по бельгийским делам Николай написал: «Не Бельгию желаю я там побороть, но всеобщую революцию, которая постепенно и скорее, чем думают, угрожает нам самим, если увидят, что мы трепещем перед нею»^{1056}.

Внимательно анализируя ситуацию внутри и вокруг Бельгии, Николай Павлович подтвердил свои обязательства нидерландскому королю: «...Я готов выполнить в согласии с моими союзниками взятые на себя обязательства во всем их объеме и в части, касающейся меня, я не колеблюсь ответить на призыв Вашего Величества: уже отдан приказ, чтобы были собраны необходимые войска»^{1057}. Но Николай I понимал также невозможность и бессмысленность выступления России без Пруссии и Австрии: «Всякое изолированное выступление с моей стороны не только не достигнет намеченной цели, но, возможно, нанесет решительный ущерб». Вынужденное признание Вильгельмом I независимости Бельгии изменило ситуацию. «Мы признали факт независимости Бельгии, — писал Николай I, — так как король Нидерландов сам признал ее...»^{1058}

«Я хочу показать султану мою дружбу»: Ункяр-Ескелеси

Специальный комитет, работавший в конце Русско-турецкой войны, определил основные принципы отношения к Турции. Николай I взял курс на укрепление с ней добрососедских отношений. Начало 30-х годов ознаменовалось крупнейшим в истории России успехом в ближневосточных делах — Ункяр-Ескелесийским договором 1833 года.

Общая канва событий хорошо известна. В 1832 году начался военный конфликт между Махмудом II и его вассалом, правителем Египта Мухаммедом Али, который считал, что не получил должной награды за свое участие в экспедиции в Морею. За Египтом стояла Франция, оказывавшая Мухаммеду Али военную помощь. «Восточный Наполеон», как называли сына египетского правителя Ибрахима-пашу, нанес поражение султанским войскам, пленил их главнокомандующего Решид-пашу и двинулся к Константинополю. Султан обратился за помощью к западным странам, но Франция сама субсидировала Мухаммеда Али, а Англия без поддержки сухопутной армии оказать помощь Махмуду II не могла. По поговорке «утопающий и за змею хватается» султан обратился к России. И Николая Павловича долго упрашивать не пришлось.

В ноябре 1832 года император направил со специальной миссией в Константинополь и Александрию генерала Н. Н. Муравьева. В своих записках Н. Н. Муравьев вспоминал слова, сказанные ему императором: «Я хочу показать султану мою дружбу. Надо защищать Константинополь от захвата. Вся эта война есть не что иное, как продолжающееся проявление революционного духа, охватившего Европу, в особенности Францию. Если Константинополь будет захвачен, мы получим по соседству гнездо всех безродных, которые окружают теперь египетского пашу. Необходимо разрушить новый зародыш зла и беспорядка. Надо показать мое влияние в делах Востока»^{1059}.

Муравьев на военном корабле прибыл в Константинополь 9 (21) декабря 1832 года. Передав предложение о присылке эскадры, он 23 декабря (4 января) отбыл в Египет. После его отъезда поступили новые сведения о приближении египтян к столице и о разгроме турецкой армии Ибрахимом-пашой. В письме к И. Ф. Паскевичу от 12 (24) января 1833 года Николай Павлович от общих рассуждений о мире переходит к египетско-

турецкому конфликту: «Я начинаю разделять твою надежду на мир на сей год видеть еще сохраненным; но, правду сказать, не знаю, радоваться ли сему, ибо зло с каждым днем укореняется, наша же сторона бездействием слабеет, тогда как противная всеми адскими своими способами подкапывает наше существование. В голову всего я ставлю францужско-египетское нашествие на султана. Знают, что не могу я допустить другим завладеть Царьградом, знают, что сие приобретение насильное, противное нашим выгодам, должно поднять зависть Австрии и Англии, и потому наше долготерпение вознаграждается задачей, которую один Бог решить может и которая должна отвлечь значительную часть сил наших! Из Царьграда, после известия разбития и пленения визира, никаких новых известий я не получал; довольно странно»^{1060}.

Обещания, данные Н. Н. Муравьеву Мухаммедом Али, оказались невыполненными. В связи с нависшей над столицей опасностью султан просил посла А. П. Бутенева ускорить прибытие русской эскадры. 9 февраля 1833 года эскадра во главе с М. П. Лазаревым в составе четырех линейных кораблей, трех фрегатов, корвета и брига бросила якорь в бухте Буюк-дере в виду английского и французского посольств. Затем двумя отрядами транспортных судов были доставлены и войска. Первый отряд десантировался 24 марта (6 апреля), а второй — 11 (23) апреля. В окрестностях Константинополя, в Ункяр-Ескелесийской долине на азиатском берегу, разбил лагерь 10-тысячный экспедиционный корпус. Остававшаяся в Дунайских княжествах 30-тысячная русская армия также была приведена в боевую готовность. 23 апреля (5 мая) в Константинополь прибыл наделенный чрезвычайными полномочиями граф А. Ф. Орлов. Турецкий султан и египетский паша пошли на взаимные уступки, которые были зафиксированы в соглашении, подписанном в Кютахии 4 (16) мая. Мухаммед Али получил в управление Сирию и Алеппо и признал свою зависимость от султана. Войска его сына Ибрахима покинули Анатолию.

Сложившаяся ситуация дала возможность России заключить с Турцией выгодный договор о союзе. Историк Е. П. Кудрявцева особо подчеркивает удачный выбор Николаем I для переговоров с султаном А. Ф. Орлова: «Твердость его характера при внешней доброжелательности и открытости позволила ему добиться уважения членов дивана и благосклонности султана. Дипломатический талант и личное обаяние в очередной раз помогли успешной реализации планов петербургского кабинета»^{1061}. Султанское правительство обратилось к Орлову с просьбой о заключении союзного договора, на что тот в соответствии с инструкцией Николая I с

готовностью согласился. За два дня до подписания Ункяр-Ескелесийского договора русская эскадра формально получила разрешение покинуть Босфор. Несомненно, это было сделано для того, чтобы избежать обвинений в насильственном характере договора. Впрочем, Порте все равно пришлось направить послам Англии и Франции ноту, в которой обосновывалось право «свободно заключать по своему независимому желанию договор с той дружественной державой, с какой сочтет нужным»^{1062}.

Перед отплытием эскадры состоялся парад союзных войск, по случаю которого султан надел гусарский мундир, а также выучил несколько приветствий по-русски и раздал ордена. Для участников похода им была учреждена особая медаль. А на вершину холма Сельви-Бурун солдаты втащили в качестве монумента многотонный обломок скалы, на котором среди надписей на русском и турецком языках стояла дата 25 июня 1833 года — день рождения императора. 26 июня (8 июля) был заключен Ункяр-Ескелесийский договор, а 28 июня пришло известие об отступлении армии Ибрахим-паши за Тавр. Эскадра М. П. Лазарева вышла в море, взяв курс на Севастополь.

Еще не получив окончательного известия о заключении трактата, но имея обнадеживающую информацию о ходе переговоров, 6 (18) июля 1833 года Николай Павлович писал И. Ф. Паскевичу: «От Орлова имею весьма удовлетворительные известия, все идет, как желать только можно, и даже трактат наш почти что уже заключен был. Он полагал отплыть с флотом и войсками 27-го или 28-го числа, чему я очень рад, ибо докажет всему свету, что можно верить нашему слову. С Англией начинаем приходить в лучшие отношения»^{1063}.

Заключенный на восемь лет оборонительный союз на время закрепил преобладание России в Турции. Он состоял из шести явных статей и одной секретной. Вновь была подтверждена незыблемость Адрианопольского и других русско-турецких соглашений. В случае нападения (в первую очередь подразумевалась угроза нападения со стороны мятежного вассала султана), Россия обязывалась снабдить Турцию «сухим путем и морем таким количеством войск и сил, какое обе высокие договаривающиеся стороны признают нужным». Остальные явные статьи касались оплаты расходов, связанных с посылкой войск, порядка ратификации и сроков действия договора. В случае военного конфликта, в который была бы вовлечена Россия, секретная статья предусматривала конкретные действия Порты. В ней говорилось, что «император всероссийский, желая

освободить Порту от тягости и неудобств, которые произошли бы для нее от доставления существенной помощи», предусматривал ограничение помощи Турции «закрытием Дарданелльского пролива, т. е. не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом»^{[1064](#)}. Право прохода через проливы русских военных судов прямо не оговаривалось, но поскольку подтверждались прошлые союзные русско-турецкие договоры, то можно было использовать договоры 1798 и 1805 годов, в которых это право было зафиксировано.

«Мир будет спасен»: Возрождение Священного союза

1833 год стал своеобразной кульминацией успехов политики Николая I и в отношениях с консервативными немецкими монархиями. В годовом отчете К. В. Нессельроде за 1833 год указывалось, что в течение года Россия ставила перед собой две задачи: «во-первых, сохранить на Востоке существующий и основанный на трактатах порядок, и, во-вторых, строить на западе оборонительную систему против революционных агитаций, направленных к низвержению всего социального порядка, основанного на положительном законе». Опасения новой волны революции в Италии и Венгрии заставили Австрию искать более тесного союза с Россией. Сближение с Австрией было выгодно и Петербургу, поскольку давало возможность противопоставить ее поддержку Англии и Франции в восточных делах. Аналогичными были подходы и к политике прусского тестя Николая Павловича. Эти задачи были решены заключением трех конвенций.

Первая конвенция была заключена в Мюнхенграце в Богемии 6 (18) сентября 1833 года. Она стала возможной в результате личных десятидневных переговоров Николая I и Франца I по восточному вопросу. По этому договору Россия и Австрия брали на себя взаимное обязательство совместно «поддерживать существование Оттоманской империи под управлением нынешней династии»^{1065}. Две секретные статьи предусматривали совместные действия против египетского паши «в духе совершенной солидарности». Вторая конвенция, подписанная на следующий день, 7(19) сентября, между теми же участниками, устанавливала взаимную гарантию польских владений и выдачу участников революционного движения. Австрийский император также конфиденциально сообщил Николаю Павловичу, что после его смерти престол перейдет его слабоумному сыну Фердинанду, и попросил помочь сохранить целостность Австрийской империи. Николай был тронут доверием, а вот его отношение к «врагу-супостату» и «болтуну» Меттерниху осталось прежним. В письме к прусскому королю Фридриху Вильгельму III 18 сентября 1833 года он писал: «Если выработанное нами соглашение будет одобрено Вами, Государь, я полагаю, что еще раз этот мир будет спасен»^{1066}.

Третья конвенция, заключенная Россией, Австрией и Пруссией 3 (15) октября того же года в Берлине, носила аналогичный характер, но конкретизировала «общие действия против революционеров». Конвенция содержала следующий тезис: «Каждый независимый государь имеет право призвать себе на помощь, во время смут внутренних, а также при внешней для его страны опасности, каждого другого независимого государя, который признан им будет более полезным для оказания ему помощи, и что сей последний имеет право исполнить или отказать в этой помощи сообразно своим интересам или обстоятельствам»^{1067}. Витиеватая фраза свидетельствовала о намерениях трех монархов дружно бороться с социальными потрясениями, но это не было простым возвращением к старому Священному союзу. Теперь для любой интервенции требовалось официальное обращение «независимого» монарха. Принцип вмешательства переставал быть столь универсальным, как в 1815 году. Священный союз Николая I был бледным подобием Священного союза времен Александра I; кроме того, отчасти он превращался в союз трех консервативных континентальных держав против морских держав — Англии и Франции. Вместе с тем конвенции отражали новое явление — значительно возросшее влияние России на Востоке. Если раньше Священный союз цементировался уступками Александра I, то теперь эта роль перешла к австрийскому канцлеру Меттерниху.

Давно положение России не было столь стабильным. В письме к И. Ф. Паскевичу от 15 (27) февраля 1836 года Николай Павлович писал: «Кажется мне, что среди всех обстоятельств, колеблющих положение Европы, нельзя без благодарности Богу и народной гордости взирать на положение нашей Матушки России, стоящей как столп и презиравшей лай зависти и злости; платящей добром за зло и идущей смело, тихо, по христианским правилам к постепенным усовершенствованиям, которые должны из нее на долгое время сделать сильнейшую и счастливейшую страну в мире!»^{1068}

«Я не предвижу конца этой болтовне...»: Восточный вопрос в 1839—1840-х годах

Период между двумя революциями нельзя назвать совсем бесконфликтным, но отношения России со странами Запада стали более ровными. Этот период, как отмечает историк В. Б. Михайлов, был отмечен преобладанием в российской политике умеренной «космополитической» тенденции и «полезными со всех точек зрения трудами царской дипломатии по упорядочению экономических связей империи с внешним миром. Серия торговых договоров и соглашений, заключенных Россией в 1842–1846 гг., свидетельствует о весьма высокой продуктивности этой работы»^[1069].

Серьезным испытанием для этих тенденций был второй египетский кризис 1839–1841 годов. На этот раз инициатором военного конфликта выступил сам турецкий султан, желавший поставить на место своего зарвавшегося вассала и отвоевать хотя бы Сирию и Киликию. В апреле 1839 года войска Махмуда II вступили в Сирию, а затем перешли Евфрат. В июне главные силы Мухаммеда Али во главе с Ибрахимом нанесли сокрушительное поражение турецким войскам под Незибом. Вообще, в Турции многие сочувствовали консервативным лозунгам Мухаммеда Али, объявившего султана, сторонника реформ, неверным гяуром и выступившего в защиту «истинного» ислама. Турецкий флот, посланный к Александрии в составе 19 кораблей, перешел на сторону Мухаммеда Али. Сам султан скоропостижно скончался, так и не узнав о постигшей его катастрофе. На престол вступил шестнадцатилетний Абдул-Меджид.

Николай I оказался в непрестом положении. Он не мог оказать помощь Порте, как по причинам чисто формальным (Ункяр-Ескелесийский договор был оборонительным), так и в связи с нежеланием провоцировать столкновение с Англией, в отношении с которой к этому времени наметилось улучшение. В этих условиях в Лондоне и Вене решили форсировать созыв конференции, чтобы односторонние гарантии Турции со стороны России были заменены общеевропейскими действиями. Франция, делавшая ставку на Мухаммеда Али, пока оставалась в стороне, но обойтись без России формально было нельзя. Проект первой конвенции согласовывался долго и болезненно. Русский посол в Лондоне Бруннов считал, что эта медлительность лишь на пользу России, так как

продолжается конфронтация Англии и Франции. Условием присоединения к коллективному договору Франция ставила сохранение за Египтом Сирии. Но Николай I начал проявлять беспокойство. На одном из докладов Бруннова он написал прямо: «Я не предвижу конца этой болтовне; я теряю терпение, и если в продолжение месяца не будет все окончено, то подумаю о других средствах для решения этого дела»^{1070}. Наконец английское правительство официально уведомило, что решило подписать конвенцию без Франции.

3 (15) июля 1840 года Англия, Россия, Австрия, Пруссия и Турция подписали первую Лондонскую конвенцию. Она провозглашала необходимые меры для давления на Египет и право держав при согласии Турции ввести для защиты Константинополя свои флоты в Мраморное море. Отмечалось также, что в дальнейшем Турция будет придерживаться «старого правила Оттоманской империи, в силу которого военным судам иностранных держав во все времена запрещалось входить в Дарданелльский и Босфорский проливы»^{1071}. Отдельный акт касался условий, которые державы предлагали Мухаммеду Али — передачу Египта в наследственное, а южной части Сирии в пожизненное владение. Один из дополнительных протоколов подчеркивал бескорыстие держав и их обязательство не стремиться к территориальным приобретениям или особым преимуществам в Турции. Обязательство Турции лишь в мирное время не пропускать военные суда других стран через проливы означало потерю Россией некоторых преимуществ; тем не менее подтверждалась политика сохранения целостности Турции. Формально не был отменен и Ункяр-Ескелесийский трактат, срок которого истекал в 1841 году.

В Петербурге встретили трактат одобрительно, тем более что здесь питали надежду на долгосрочный англо-французский конфликт. Однако ударом по самолюбию стало то, что вооруженное давление на Мухаммеда Али в виде бомбардировки Бейрута английской эскадрой и высадки австрийской пехоты в зоне конфликта осуществлялось без участия России. Египет, оставленный в потомственное владение паше, уже не мог претендовать на противовес Турции. А ведь именно угроза с его стороны и была тем базисом, на котором мог строиться союз России с Портой.

Англо-французские противоречия оказались все же менее значительными, чем англо-русские. После ухода в отставку правительства Тьера в октябре 1840 года Гизо пошел на контакт с Пальмерстоном. Россия, уже подписавшая договор о совместных действиях, не могла противиться включению в игру еще одного участника. Сначала был подписан

предварительный протокол четырех держав, зафиксировавший окончание египетского конфликта и желание держав заключить постоянное соглашение о режиме проливов. Эта конвенция была заключена с участием Франции в Лондоне 1(13) июля 1841 года; ничего нового в режим проливов она не вносила. Однако в декларативной части трактата и в дополнительном протоколе «О бескорыстии» провозглашалась система коллективной гарантии целостности Турции. Это означало лишение России самостоятельности в ближневосточных делах; отныне любое несогласованное действие российской дипломатии могло стать предлогом для законного противодействия европейских держав. Правда, у Николая Павловича еще оставалась надежда, что все потерянное можно будет вернуть путем договоренности с Англией. Но уже не на основе раздела наследства «больного человека», каким в его глазах выглядела Турция.

В середине 1841 года английское правительство возглавил Р. Пиль, а «Форин оффис» (Министерство иностранных дел) — Эбердин, слывший сторонником сближения с Россией. Считая обстановку благоприятной, Николай I в мае 1844 года отправился в свой английский вояж. Это был его второй после юношеского путешествия визит в Англию. При встрече с лордом Эбердином он был слишком откровенен, разыгрывая роль простого солдата. Прежде всего император заявил, что «Турция умирает», что ему придется двинуть свою армию, а в этих обстоятельствах его наибольшую тревогу вызывает Франция. «Чего она хочет? — вопрошал Николай. — Я ожидаю ее на многих пунктах: в Африке, в Средиземном море, далее на Востоке. Припомните ее экспедицию в Анкону. Почему же ей не предпринять такой же в Кандию (о. Крит. — Л. В.), Смирну? При подобных обстоятельствах разве Англия не должна будет перенести на восток все свои морские силы?»^{[1072](#)} В ответ на прямой вопрос, что желала бы Англия на Востоке, Пиль осторожно ответил, что «Англия ничего не желает для себя из турецкого наследства, но ей необходимо обеспечить свободный путь в Индию через Египет». Николай I решил, что договоренность о разделе состоялась, хотя на самом деле его намерения только встревожили английское правительство. Когда Министерство иностранных дел России попыталось в письменном меморандуме зафиксировать это «соглашение», передав его Пиллю через барона Ф. И. Бруннова, то ни подтверждения, ни опровержения не последовало. Стало ясно, что император принял желаемое за действительное, хотя почва для дальнейших переговоров еще оставалась. Позже, в интимной беседе с графом П. Д. Киселевым, Николай Павлович вновь затронул эту тему и повторил те же доводы: «Рано или поздно, но катастрофа неминуема, и

тогда они не будут знать, что делать. Вспыхнут зависть и недоверие, и в погоне за добычей прольются реки крови. В 1844 году в Англии я говорил об этом моему старому другу Веллингтону и тогдашнему министру графу Абердину (Эбердину. — Л. В.). Надо объединяться, — говорил я им, — чтобы избежать мировой войны. И в доказательство того, что я не жду для себя особой выгоды, я в качестве первого условия выдвигаю следующее: кои пожелают вступить в такой союз, должны отказаться от любых притязаний на территорию Турции»^{1073}.

В июне 1846 года английское правительство возглавил Россель, а на посту министра иностранных дел оказался старый недруг России Пальмерстон. Приехав в декабре того же года в Вену и встретившись с Меттернихом, Николай Павлович заявил: «Ни слова о политике, я приехал сюда побеседовать с вашей женой»^{1074}. Когда же запас любезностей иссяк, Николай обрушился с упреками на Меттерниха, заявив, что Константинополя он никому не отдаст и что если туда кто-либо осмелится направить войска, то русские их всегда опередят. Судя по всему, мысль о неизбежности скорого краха Османской империи всецело захватила Николая Павловича и не опровергалась его дипломатами. В интимном разговоре с П. Д. Киселевым император как-то сказал, «что как политик не может и желать лучшего соседа, но, к счастью, эта страна на пути к гибели из-за отвратительного управления, которое только ускоряет неизбежное падение». «Страну переполняет христианское чувство, — продолжал он, — а нападки со стороны мусульман только закаляют его, и оно день ото дня становится для них все более опасным и угрожающим. Будь у султана характер потверже, он бы перешел в христианство и народ в большинстве своем последовал бы за ним. Другого ему ничего не остается»^{1075}. Во время другой встречи с П. Д. Киселевым Николай Павлович еще раз уточнил свое видение статуса Константинополя и Европейской части Турции: «Если мусульмане покинут Европейскую Турцию, лучшее устройство для нее — создание двух-трех княжеств с центром в Константинополе, имеющем статус свободного города». «Он решительно отвергал, — свидетельствует П. Д. Киселев, — идею создания Греческой империи или присоединения Константинополя к России». Только неумная зарубежная пресса могла писать об этом с искренним заблуждением; чаще, выражаясь современным языком, имел место сознательный «черный пиар», в свете которого русский император должен был выглядеть не только «жандармом Европы», но еще и кровожадным завоевателем. Николай Павлович признавался, что в России такая идея существует, но относился к

ней отрицательно. «У нас есть мечтатели, лелеющие эту мысль, — говорил он, — но я считаю ее несовместимой с будущим России. Константинополь приведет Россию в упадок, точно так же, как и славянская конфедерация»[{1076}](#).

«С нами Бог, разумеете, языцы...»: 1848 год

Еще во время пребывания Николая I в Англии его старый знакомый Веллингтон заявил ему: «Не забывайте никогда, что мы постоянно продолжаем жить в революции»^{1077}. В январе 1848 года Меттерних писал своему коллеге Нессельроде: «Год, в который мы только что вступили, неминуемо будет ознаменован великими событиями. Струны слишком натянуты, чтобы не лопнуть. Юг Европы охвачен революцией, и в Италии неизбежно возникнет кризис, который не остановят усилия срединной Европы»^{1078}. Меттерних был прав за исключением того, что революция началась не с Италии, а вновь с Франции. Точнее, она началась еще в 1847 году гражданской войной в Швейцарии, если не считать еще более ранней «галицийской резни» 1846 года.

Для Николая Павловича, внимательно следившего за европейскими событиями, ничего нового в этих прогнозах не было. Русский посол в Париже, брат «начальника штаба по крестьянской части» Н. Д. Киселев, еще 19 января 1848 года сообщал о «возможности революции в 1848 году»^{1079}.

Февральская революция 1848 года во Франции, лишившая престола «короля баррикад», вызвала у Николая Павловича известное чувство удовлетворения. Когда 21 февраля в Петербурге было получено первое известие об отречении Луи Филиппа в пользу внука, графа Парижского, при регентстве герцогини Орлеанской, Николай Павлович был доволен, хотя его брат Михаил предчувствовал, что этим дело не завершится, и всем говорил: «Вы увидите, что через два месяца у них во Франции произойдет полная революция»^{1080}. Произошло это намного раньше. Уже на следующий день, 22 февраля (5 марта), в 5 часов дня после получения новой депеши о событиях во Франции Николай Павлович, по существующей легенде, прервал бал у наследника Александра Николаевича известной фразой, пересказанной биографом императрицы Александры Федоровны А. Т. Гриммом: «Sellez vos chevaux, messieurs: la république est proclamée en France!» («Седлайте коней, господа, во Франции провозглашена республика!»)^{1081}. Эта весьма сомнительная фраза разлетелась по всей Европе и 3 августа была упомянута в № 64 «Новой Рейнской газеты», издаваемой К. Марксом.

На самом деле все было прозаичнее, не так эффектно, и император не

выглядел столь кровожадно. Бал не был прерван, хотя Николай Павлович, появившись с бумагами в зале, сказал несколько отрывистых слов о перевороте во Франции и бегстве короля из Парижа, прежде чем удалиться с некоторыми лицами в кабинет наследника на совещание. Вечером он вновь появился среди гостей и, милостиво приветствуя командиров гвардейских полков, прибавил, что «дает слово, что за этих бездельников французов не будет пролито ни одной капли русской крови». Упомянул он и об отречении Луи Филиппа: «Скоро уже 18 лет, что меня считают глупцом, когда я говорю, что беззаконие будет наказано еще здесь; он получил то, что заслуживает, он уходит через ту дверь, через которую вошел»^{1082}.

В письме королю Пруссии Фридриху Вильгельму IV от 24 февраля (7 марта) 1848 года Николай I подчеркивал ту же мысль: «Дорогой и милый Фриц, важный момент, который я предсказал еще 18 лет тому назад, наступил. Революция возродилась из пепла и Людовик-Филипп теряет свой узурпированный трон тем же путем, если еще не более ужасным, каким он достиг его». Признавая далее, что *«нашему общему существованию (здесь и далее выделено Николаем Павловичем. — Л. В.) грозит неминуемая опасность»*, он призывает *«единодушно* отказаться на этот раз признать новый строй, который французское правительство только что установило». Николай I считал возможным в союзе с вюртембергским и ганноверским королями через три месяца выдвинуть 300-тысячную русскую армию на границу с Францией, предоставив Австрии задачу удерживать левый фланг против революционного движения в Италии. С оглядкой на позицию Англии он пишет: «Я не имею в виду агрессии с Вашей стороны против Франции. Напротив, я хотел бы оставить французов истреблять друг друга сколько им угодно; мы же должны ограничиться тем, чтобы мешать им распутаться и подавлять всякие попытки к революции в Германии»^{1083}.

Как известно, до вооруженного вмешательства дело не дошло. После июльского разгрома Кавеньяком революционного Парижа в письме русскому послу во Франции от 13 июля 1848 года Николай I передавал свои «искренние поздравления» республиканскому генералу и главе исполнительной власти «с победой, столь славно им одержанной над анархической партией», и далее писал: «Столь дорого купленной победой Париж и вся Франция спасены от огромной опасности, которой им угрожало торжество разрушительных учений коммунизма»^{1084}.

Вступивший на прусский престол в 1840 году Фридрих Вильгельм IV, страдавший нервными припадками — предвестниками помрачения рассудка, разочаровал Николая Павловича и своими политическими

фантазиями, и «гнусным образом февральского правления» 1847 года, когда рескриптом от 3 февраля провинциальные ландтаги (в надежде короля на получение займа) были созваны на общее собрание. Еще раньше, в 1846 году, флигель-адъютант прусского короля генерал Раух был отправлен с конституционными проектами в Петербург. Ничего, кроме раздражения, у Николая I это вызвать не могло. Он язвительно заметил прусскому королю: «...В то время, как мой брат дал конституцию полякам, Ваш отец обещал дать ее пруссакам. Оба эти факты были прискорбны и имели одинаково прискорбные последствия. Россия искупила свою ошибку кровью, пролитую при усмирении польского мятежа; а Вы, любезный друг, возбудили ложные надежды, Вы вступили в новую эру»^{1085}.

Падение престижа королевской власти в союзной Пруссии беспокоило императора. Николай Павлович мечтал не о восстановлении того, что было в Пруссии в 1847 году, а о возвращении к бывшим ранее «распорядительным началам», когда Пруссия была «своим величием обязана мужеству и победам своих властителей и в высшей степени воинственному духу...»^{1086}. Убежденный в своей правоте, войдя в роль защитника порядка, Николай Павлович подумывал об освобождении силой своего шурина от «интриг либералов». Когда прусский генерал Ф. В. Дона, присутствующий на маневрах, похвалил русские войска, император быстро отреагировал: «Они Вам нравятся? Так я Вам их даю. Возьмите их, идите на Берлин и освободите короля»^{1087}.

Опасения, высказанные Николаем в процитированном выше письме Фридриху Вильгельму от 24 февраля (7 марта) 1848 года, вполне оправдались. В начале марта революционное движение охватило немецкие государства и Австрию. 13 марта ушел в отставку и бежал из Вены Меттерних. Хотя он немало попортил крови императору, Николай I понимал важность этого события; он считал, что вместе с князем погибла «целая система отношений, идей, интересов и общих действий»^{1088}. А незадолго до этого, в циркуляре 4 марта, Французская республика отвергла трактаты 1815 года как основополагающие для государств Европы. Речь шла об отмене Венской системы и пересмотре итогов войн с Наполеоном. Правда, французское правительство заявило, что признает границы, установленные этими трактатами.

Николай еще возлагал надежды на прусского короля и 12 марта писал ему: «Будьте, дорогой друг, спасителем Германии и доброго дела; станьте смело на уровень обстоятельств и не отступайте от задачи, указанной Вам Провидением»^{1089}. Провидение рассудило иначе. Не успело письмо дойти

до адресата, когда восстание в Берлине 18–19 марта заставило Фридриха Вильгельма IV прибегнуть к компромиссам и лавированию. Русский монарх остался в полной изоляции.

13 марта Николай Павлович лично составил известный манифест, который — вероятно, из суеверия — датировал 14 (26) марта. Впрочем, этот манифест носил декларативный характер. Сообщая о революциях во Франции и союзных Австрии и Пруссии, Николай писал: «Мы готовы встретить врагов наших, где были они ни предстали, и, не щадя себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашей Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов наших». Манифест призывал к борьбе «за веру, царя и отечество» и к победе, которая даст право воскликнуть: «С нами Бог, разумеете, языцы, и повинуйтесь, яко с нами Бог!»^{1090}

В целом состояние в Европе в начале 1848 года Николай Павлович охарактеризовал как «колоссальную картину все возрастающего потрясения»^{1091}. Эта оценка, по сравнению с оценкой революции 1830 года, была более мрачной и пессимистичной. Впрочем, положение в самой России, на которую обрушились неурожай и эпидемии, тоже требовало внимания. О какой-либо интервенции в этот момент думать не приходилось. До июля 1848 года Николай в первую очередь помышлял о предотвращении революции в собственной стране. В письме к И. Ф. Паскевичу он так определил цель манифеста: «...Он указывает всем, и нашим и врагам, что я хочу не трогать других, но и не позволяя трогать меня; в этом вся моя задача»^{1092}. Во внешней политике приходилось руководствоваться чисто прагматическими соображениями. Уже в начале апреля 1848 года К. В. Нессельроде писал русскому послу в Париж: «При неприязни со стороны Германии и при польском восстании в перспективе мы полагали, как и вы, что не следовало бы, по крайней мере, понапрасну раздражать Францию. Республика или монархия, революционная или консервативная — Франция всегда остается державой, с которой надо считаться и которую никак не исключить из возможных комбинаций, направленных к созданию будущего европейского равновесия»^{1093}.

На втором этапе развития революции в Европе (лето — зима 1848 года) силы контрреволюции постепенно возросли, а в самой России были подавлены массовые крестьянские выступления. Введение царской армии в Дунайские княжества летом 1848 года ознаменовало начало открытой борьбы с европейскими революциями за пределами России. Подавление Июльского восстания рабочих в Париже, как уже отмечалось, было с

удовлетворением воспринято в Петербурге. Николай I поручил русскому послу в Париже Н. Д. Киселеву лично передать генералу Л. Э. Кавеньяку депешу К. В. Нессельроде от 13 (25) июля, в которой передавалось восхищение императора «прекрасным поведением» и «блестящей храбростью» генерала в эти дни. А вот Луи Наполеон вызывал у императора противоречивые чувства. Помимо прочего, он, казалось, олицетворял принцип реабилитации наполеоновского режима, что было для России неприемлемо. Но на определенные компромиссы Николай был готов. В письме к И. Ф. Паскевичу в конце 1848 года он писал: «Кажется, во Франции Луи Наполеон будет президентом; ежели только держаться будет в политике правил, соблюдавшихся Кавеньяком, то нам все равно и признать его можем»^{1094}. Официальное признание Второй республики состоялось в начале мая 1849 года, что совпало с манифестом о венгерском походе.

Только на третьем этапе революции (весна — лето 1849 года) Николай I смог осуществить крупномасштабную интервенцию в Центральную Европу для подавления Венгерской революции.

«Если б своя рубаха не была ближе к телу»: Венгерский поход

Оккупация Дунайских княжеств была прелюдией введения весной 1849 года армии И. Ф. Паскевича в Венгрию для оказания помощи Австрийской империи, связанной с Россией Берлинской конвенцией 3 (15) октября 1833 года. Через двадцать лет после этого похода митрополит Платон Киевский в личной беседе дал свою оценку столь непопулярной в обществе акции: «Некоторые говорят, что Николай Павлович на свое многолетнее величавое царствование положил пятно Венгерскою войною. Да не вступишь он за Австрийскую монархию, — и это многосоставное и разнородное государство распалось бы, для нас открылся бы путь к Царьграду, и нет сомнения, не было бы Крымской войны. Австрия удивила мир своею неблагодарностью, воистину самую черною, едва ли не беспримерною во всей истории человечества. Все это так, но что было побуждением повести войну против мятежной Венгрии? Слава русского оружия? Слава мощного русского царя? Мзда какая-нибудь? Нет и нет, а одно — верность обетам Священного союза, истинно рыцарская честь»^{1095}.

Впрочем, корысть имелась, но единственная. По мнению Николая Павловича, поход в Венгрию был необходим для сохранения монархических принципов и охранения России от революционной «заразы», да и участие в восстании польских эмигрантов также раздражало. В письме к Паскевичу от 8 апреля 1848 года, соглашаясь, что вмешательство России породит неблагодарность и зависть, он писал: «Верно, не вмешался бы, если б своя рубаха не была ближе к телу, то есть ежели не видел в Беме и прочих мошенниках в Венгрии не одних врагов Австрии, но и врагов всемирного порядка и спокойствия»^{1096}.

Революция в Венгрии началась через два дня после восстания в Вене народным восстанием в Пеште 3 (15) марта 1848 года. Власть перешла в руки Комитета общественного спасения. Вскоре началось формирование национальной армии (гонведа). После подавления в октябре венского восстания австрийское правительство бросило против венгров главные силы, которые заняли Пешт. Вскоре, однако, венгры снова очистили почти всю территорию страны. Венгерские войска под командованием польского генерала Ю. З. Бема успешно действовали и в Трансильвании (центральная

и северо-западная часть современной Румынии, ограниченная Карпатами и Западными Румынскими горами со смешанным населением). Командующий австрийскими войсками в Трансильвании обратился за помощью к командиру русских войск в Дунайских княжествах генералу А. Н. Лидерсу. Два русских отряда с разрешения Николая I в конце января — феврале совершили рейды в Трансильванию, заняв Германштадт и Кронштадт, но затем вернулись обратно. Тем временем венгерский парламент объявил полную независимость Венгрии от Австрии, а династию Габсбургов низложенной (14 апреля 1849 года в Дебрецене).

Соотношение сил складывалось не в пользу австрийцев. Под командованием Гёргея, польского генерала Бема и других венгерских военачальников находилось не менее 170 тысяч боеспособных войск, не считая гарнизонов. Австрийское командование реально располагало 120 тысячами человек (по русским источникам, перевес венгров был еще более значительным). Потеряв надежду разбить венгров собственными силами, австрийское правительство 9 (21) апреля 1849 года обратилось за помощью к Николаю I.

Великая княжна Ольга Николаевна впоследствии вспоминала, что депеша от юного Франца-Иосифа пришла в Пасхальную ночь 1849 года, когда августейшая семья присутствовала при освящении нового Кремлевского дворца. В письме говорилось, что Франц-Иосиф с детства привык видеть в Николае I защитника монархических принципов, наиболее искреннего и преданного друга своей семьи. «Австрийская империя, — вспоминала Ольга Николаевна, — была в опасности. Папа тотчас же подписал приказ о походе русских войск. Эта депеша и ответ на нее, помеченные числами, хранились в кабинете»^{[1097](#)}. Манифест «об усмирении мятежа в Венгрии» был составлен также императором и подписан им 26 апреля (8 мая) 1849 года. Он являлся своеобразным продолжением манифеста 14 марта 1848 года.

На западной границе России была мобилизована армия в составе 2, 3, 4-го и 5-го пехотных корпусов (175 тысяч человек). Первые три корпуса под общим командованием И. Ф. Паскевича (около 145 тысяч человек) в марте 1849 года двинулись с территории Польши через Словакию и Галицию в Венгрию (Дукля — Кашау — Мишкольц — Дебрецен — Вилагош). Путь пролегал через земли, занятые русинами. Последние восторженно встречали армию, солдаты которой, как они говорили, «по-нашему говорят и по-нашему молятся»^{[1098](#)}. Это контрастировало с пропагандой эмисаров лидера венгров Лайоша Кошута, которые

изображали русскую армию как скопище свирепых дикарей, одетых в звериные шкуры. Одновременно 5-й корпус под командованием А. Н. Лидерса (40 тысяч человек) с приданными ему австрийскими отрядами нанес удар с юга, с территории Валахии. Против трех основных группировок венгерских войск (129 тысяч человек, не считая разрозненных отрядов) было сосредоточено в общей сложности около 300 тысяч. И хотя командующий венгерскими революционными войсками генерал Артур Гёргей разбил австрийцев в северо-западной Венгрии, он потерял время, осадив в мае Буду (историческое ядро Будапешта). В начале мая Гёргей был назначен военным министром, а после отставки правительства Кошута 11 августа 1849 года стал диктатором.

19 июня 1849 года в своей депеше Александре Федоровне из Варшавы Николай Павлович сообщал: «Армия наступает на Токай одним корпусом, другим на Миклош. Венгерцы нигде не держатся»^{1099}. А через три дня он радостно докладывал: «Токай взят вплавь казаками, которые одни без лошадей и голые с одними шашками переплыли стосаженную ширину и взяли мост. 4-й пехотный корпус пошел на Дебречин (Дебрецен. — Л. В.); а 2-й и 3-й — на Мишкольц; везде принимают нас венгерцы радушно»^{1100}. В Токае под предлогом каких-то выстрелов по русским солдатам были сбиты замки с ряда винных погребов. Впрочем, это был единственный эпизод не совсем корректного отношения экспедиционных войск к мирному населению за все время кампании. В целом отношение к венграм было сочувственное.

Тем временем австрийская армия Гайнау заняла Пешт. Общее командование венгерскими войсками перешло к польскому генералу Г. Дембиньскому, а группировка Гёргея поспешила на помощь южной армии, командующим которой был назначен генерал Бем. В то же время А. Гёргею удалось спасти армию и соединиться с войсками на юге. Молниеносного разгрома венгров не получилось.

И. Ф. Паскевич отдавал должное военному искусству А. Гёргея, который успешно действовал в авангарде артиллерией, а затем маневрами отводил свои войска. У города Арад Гёргей встретил австрийский заслон, одновременно от Дебрецена на него наступала русская армия. Понимая бесперспективность дальнейшего сопротивления и стремясь избежать разорения страны, Гёргей вступил в переговоры с И. Ф. Паскевичем. Для последнего это стало полной неожиданностью, так как предполагалось, что война продлится не менее месяца. 1 (13) августа 1849 года у селения Вилагош (северо-восточнее Арада; ныне территория Румынии) Гёргей

вместе с армией (30 тысяч человек, 144 орудия) сдался русскому 3-му пехотному корпусу генерала Ф. В. Ридигера.

В письме к И. Ф. Паскевичу от 4 (16) августа 1849 года, после сообщения о капитуляции венгров, Николай I писал: «В знак моей признательности и благодарности перед Россией и той армией, которую ты вел на новую славу, я приказываю тебе отдавать везде и в моем присутствии все те почести военные, которые уставом определены моему лицу»^{1101}. В приказе по армии 22 августа (3 сентября) император перечислял и военные трофеи кампании: 150 знамен и штандартов, до 400 орудий, 80 тысяч войск, сдавшихся по капитуляции. Впрочем, он давал указание Паскевичу взять только знамена, а остальное имущество вернуть «хозяину», то есть австрийцам.

По-своему реагировала на победы армии в Венгрии русская демократическая общественность. «Победа над венграми прискорбна», — писал Н. Г. Чернышевский^{1102}.

Часть южной венгерской армии 6 (18) августа сдалась Лидерсу (Бем бежал в Турцию), а 21–23 сентября (3–5 октября) капитулировал гарнизон крепости Коморн. В конце августа (сентябре) русские войска двинулись в Россию. По ходатайству Николая I Гёргей был помилован австрийцами и интернирован в Австрии. Манифест «О благополучном окончании войны в Венгрии», подписанный Николаем 17 (29) августа 1849 года, заканчивался традиционной декларацией: «С благодарным сердцем и Подаятелю всех благ от глубины души воскликнем: да, воистину с нами Бог, разумеите, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог»^{1103}.

Габсбургская монархия была спасена. Английское правительство приятно удивило бескорыстие Николая. О «великодушии русского оружия» писал русскому послу Бруннову Пальмерстон. Разгром венгров приветствовало и славянское население, составлявшее не менее половины всего населения империи (в Венгерском королевстве оно преобладало), так как венгерское руководство в ходе революции пыталось обеспечить господствующее положение венгерской нации в ущерб славянам. Но победа потребовала жертв.

В воспоминаниях А. В. Эвальда рассказывается об одной из саперных рот, которой сильно досталось в ходе венгерской кампании. Из 300 человек списочного состава, по подсчету ее командира капитана Смирнова, назад вернулось 112 саперов. В память погибших сослуживцев капитан соорудил в Красносельском лагере курган, наверху которого поставил небольшую бронзовую статуэтку испанца со шпагой в руке, вывезенную им как

сувенир. Однажды в расположении роты появился император. На вопрос о кургане капитан ответил: «Это — памятник венгерской кампании». «А где же кавалеры твои? Я не вижу ни одного!» — спросил император. «Мои кавалеры, ваше величество, остались в Венгрии». Николай приказал им выйти за фронт. Потом долго говорил со старым генералом и в итоге выдал ему на роту 10 Георгиевских крестов, а для остальных медали и по 5 рублей денег на солдата. Капитан, не имевший награды за Венгрию, был произведен в полковники. Когда же рота, по приказанию императора, снова построилась, Николай Павлович приказал: «Составь рапорт о всех делах, в которых участвовал, и представь по начальству на мое имя, а этот свой памятник убери»^{1104}.

По официальным данным, во время венгерского похода русские войска потеряли 708 человек убитыми, 2447 ранеными и 10 885 умершими от ран и болезней. Соотношение характерно для николаевской армии в целом — основные потери она несла от ран и болезней. Расходы России на венгерский поход составили 47,5 миллиона рублей.

«Братъ себе ничего не хочу»: Николай I и народы Юго-Восточной Европы

Николай I не мог не обратить внимания на высказывания «друзей по Четырнадцатому» о славянах. В одном из своих писем-исповедей заключенный в Петропавловскую крепость П. Г. Каховский писал Николаю Павловичу о том, как воспринималась его единомышленниками политика Александра I в отношении греков и славян: «Целая нация (греки. — Л. В.) истребляется, и человеколюбивый Союз равнодушно смотрит на гибель человечества! Сербь, верные наши союзники, стоняют под игом бесчеловечия турецкого; черногорцы... забыты, покинуты на произвол судьбы»^{1105}. Однако, придерживаясь принципа невмешательства в дела других государств и принципиально выступая против заигрывания с национально-освободительными движениями, Николай I старался не соблазнять православные народы Османской империи ложными обещаниями.

Во время Русско-турецкой войны николаевское правительство постаралось избежать массовых выступлений турецких славян. План ведения войны не предполагал появления русских войск в густонаселенных районах центральной Болгарии. Комитет «для обсуждения планов действий против Порты», образованный в ноябре 1828 года, высказался также против организации восстания сербов, поскольку это затрагивало интересы Австрии. В войсках использовались отряды валашско-молдавских и болгарских волонтеров, но весьма ограниченно и не в качестве самостоятельных единиц. Оружие им выдавалось лишь под предлогом защиты от турок своей собственности. Известный деятель николаевского царствования генерал П. Д. Киселев в конце войны находился у Шипкинского перевала. «Казаки мои были в двух маршах от Софии», — писал он дежурному генералу Главного штаба А. А. Закревскому. По его словам, «болгары встречали нас přátельски», но И. И. Дибич, придерживаясь общего плана, приостановил движение войск на Софию^{1106}. В момент завершения переговоров в Адрианополе К. В. Нессельроде особо указал Дибичу на необходимость обеспечить «мир и спокойствие во всех областях, покоренных нашим оружием»^{1107}.

Изначально Николай Павлович поставил задачу неприсоединения к себе каких-либо балканских территорий (к югу от Дуная). Возможность

использования отрядов болгар и сербов не исключалась, но лишь в том случае, если бы пришлось вести третью кампанию в 1830 году. В тот же момент, когда султанское правительство склонялось к переговорам, было бы неразумно раздражать Порту. Выражая волю императора, И. И. Дибич писал 21 июня 1829 года А. С. Грейгу, что сейчас «важно не выводить султана из себя провозглашениями такого рода, которые могли бы привести к восстанию христиан у самых ворот столицы»^{1108}. Еще через три месяца он же писал Николаю I: «В. и. в-во уполномочили меня вооружить болгар, а сербам дать сигнал к действию. Исполняя в точности ваши повеления, я полагаю, государь, ограничиться пока одним частным вооружением болгар, необходимым для их личной безопасности, а что касается до того, чтобы всецело выполнить предписанную меру, то я полагаю, что обязан подождать, пока еще остается надежда на мирные переговоры, ибо восстание сербов и болгар причинит много затруднений в переговорах с Портой и в будущем беспредельно ухудшит участь сербов, особенно же болгар».

Принцип невмешательства по отношению к болгарам проводился и позднее. Встречающиеся в зарубежной литературе утверждения типа того, что в 1841 году «болгары, доведенные до крайности вымогательствами и притеснениями одного паши и тайно подстрекаемые русским правительством, отважились на открытое возмущение», не находят каких-либо подтверждений в источниках^{1109}. Российское правительство (в отличие от значительной части русского общества) не поддерживало национально-освободительной борьбы болгар, стремившихся к созданию автономного болгарского княжества. Впрочем, неразвитость Болгарии в социально-экономическом отношении препятствовала этим движениям.

Сдержанной, точнее сдерживающей была политика николаевского правительства и в Сербии, и Черногории. Русский консул в Дубровнике должен был удерживать черногорцев от участия в войне с Турцией. В конце октября 1828 года между военной администрацией Дунайских княжеств и представителем сербского князя Милоша Обреновича было заключено соглашение, в соответствии с которым сербские войска должны были находиться под Видином и Калафатом «единственно для отвлечения внимания турок, крепости занимающих, но отнюдь не производить против них открытого нападения»^{1110}. В начале февраля 1829 года командующему 2-й армией был отдан приказ приготовить оружие для сербов, но это рассматривалось в качестве крайнего варианта.

Английское правительство справедливо восприняло заключение

Адрианопольского договора как поражение и бросило все силы на вытеснение России из Юго-Западной Европы. Тем более что А. Ф. Орлов продолжал вести переговоры с султаном, требуя выполнения уже состоявшегося решения о присоединении к Сербии дополнительных территорий. Тем временем в Сербии оформилась оппозиция княжеской власти Милоша Обреновича и в 1835 году была провозглашена конституция, которая вызвала резкое недовольство как султанского, так и царского правительства. По мнению Николая I, Сербия, получившая автономию благодаря русскому оружию, должна была проявлять умеренность, как территория, находящаяся под юрисдикцией Турции. Под давлением российского Министерства иностранных дел Милош Обренович поспешил отменить ограничивший его власть устав. В 1838 году султан даровал Сербии новый устав, прозванный «турецким», который отстранял скупщину (парламент) от участия в управлении. Английский и австрийский консулы в Сербии по очереди поддерживали то Милоша, стремившегося к единоличной власти, то уставобранителей, автоматически занимая позицию, обратную России и обвиняя царское правительство — отчасти не без причин — во вмешательстве во внутренние дела Сербии. В августе 1842 года уставобранители добились свержения Милоша Обреновича. Последний был изгнан из Сербии. Скупщина призвала на его место князя Александра Карагеоргиевича, внука сербского национального героя Карагеоргия. Он считался ставленником венского двора. В Петербурге были недовольны, но Россия уже утрачивала влияние в княжестве. В письме к И. Ф. Паскевичу от 7 (19) декабря 1842 года Николай Павлович довольно флегматично прореагировал на события в Сербии: «Жду донесений Ливена по сербскому делу; оно щекотливо, ибо поддерживать права наши я должен, но решить в чужом деле тоже трудно и неловко»^{1111}.

Вероятно, по этой причине 1837 год становится заметной вехой в сближении России с Черногорией, которая должна была стать новым плацдармом влияния на Балканах. Фактически Черногория была самостоятельным государством, хотя и не признанным ни Турцией, ни европейскими государствами. Постоянные военные конфликты требовали от страны большого напряжения сил. После смерти правителя Черногории Петра I и прихода к власти Петра II Негоша Россия возобновила оказание ей регулярной денежной помощи. Эта помощь была увеличена в 1837 году, а в 1851 году Россия способствовала признанию правителем Черногории племянника Негоша Данилы Станкова. В отличие от своих предшественников Данила не захотел совмещать в одном лице духовную и

светскую власть и сообщил в Петербург о своем решении не принимать духовный сан. Памятуя уроки Сербии, в Петербурге признали его лишь светским князем, а Черногорию — княжеством, что укрепляло надежды черногорцев на полную независимость. Это усиливало позиции России в Черногории, но вызвало недовольство Австрии и Турции.

В сущности, мы не найдем ни одного примера, когда бы Николай Павлович использовал национально-освободительные движения в российских интересах. Император сохранял верность своим принципам даже в начале Крымской войны, когда многие публицисты славянофильского толка призывали бросить клич братьям-славянам как в Турецкой империи, так, если понадобится, и в Австрии. «Сербы ждут, без сомнения, как ворон крови, знака к восстанию», — писал М. П. Погодин ^{1112}. При этом Николай Павлович постоянно выражал сочувствие южным славянам. Когда в 1853 году осложнилось положение в Черногории, он, по свидетельству А. Д. Блудовой, говорил: «Только бы черногорцы не погибли», причем «его лицо дышало таким бескорыстием, живым участием, так ясно было видно, что дорого ему охранение Черногории не то что из политических соображений, а от сердечного горячего сочувствия к народу» ^{1113}. Продолжая свои рассуждения об отношении императора к южным славянам и грекам, мемуаристка замечает, что «все-таки, несмотря на подозрения и сомнения, сердце лежало к ним у Николая Павловича и болело за них до конца» ^{1114}.

Как человек Николай Павлович мог лично симпатизировать некоторым национальным движениям. Когда в 1821 году началось восстание греков, он, бывший тогда великим князем, находился в Берлине. Николай Павлович принял активное участие в денежном сборе в пользу восставших, боровшихся как за свободу Эллады, так и за православную веру ^{1115}. Став императором, Николай I использовал банкротство Священного союза, чтобы занять более самостоятельную позицию в греческом вопросе. Как известно, Русско-турецкая война 1828–1829 годов способствовала обретению Грецией сначала автономии, а затем независимости. 22 января (3 февраля) 1830 года Греция была провозглашена независимым государством. Еще раньше, в апреле 1827 года, Национальное собрание Греции избрало президентом графа И. Каподистрию, находившегося с 1808 года на русской службе, а в 1816–1822 годах руководившего вместе с К. В. Нессельроде российским Министерством иностранных дел. В связи с избранием на этот пост в июле того же года он был уволен с русской службы. Будучи президентом, Каподистрия проводил политику сближения

с Россией, но в 1831 году он был убит. Это привело к ослаблению влияния России в Греции, тем более что греческий король Оттон отказался принять православие. После длительных междоусобиц греческая революция 1843 года привела к установлению конституционной монархии, что отражало профранцузские симпатии греческого общества. Николай I проявил по этому поводу явное беспокойство, считая, что революция в Греции может «зажечь пожар на всем Востоке»^{1116}. Признав конституционную монархию в Греции лишь год спустя, Николай Павлович не вмешивался в борьбу вокруг Греции.

В связи с ростом национального самосознания греков, выступавших за объединение всех греческих земель (включая находящиеся с 1815 года в составе Британской империи Ионические острова), английское правительство в январе 1850 года решилось провести превентивную операцию. Поводом стало «дело Пачифико» — сомнительные имущественные претензии, выдвинутые к Греции ростовщиком, являвшимся английским подданным. Английская эскадра блокировала побережье Эллады. Греческое правительство обратилось за помощью к Франции и России. Формально дело было решено в пользу Англии, но сумма претензий уменьшилась в 200 раз (до 150 фунтов стерлингов). Попытки вмешательства Англии во внутренние дела Греции Николай Павлович назвал «английским свинством»^{1117}. Он уверял представителя греческого правительства: «Если бы я занимал иное географическое положение, мои суда вклинились бы между вашими портами и английскими кораблями»^{1118}. Но, будучи изолированной, Россия могла только наблюдать за растущим влиянием Англии в Восточном Средиземноморье.

Сложным оставалось положение и в Дунайских княжествах, несмотря на присутствие здесь русских войск. Как уже отмечалось, Николай Павлович сразу же после перехода через Дунай честно и откровенно заявил местным казакам-некрасовцам, чтобы они не обольщались насчет присоединения этого края к России. В 1831 году Органическим регламентом, разработанным под руководством главы русской военной администрации П. Д. Киселева, в Молдавии (Яссах) и Валахии (Бухаресте) было введено местное самоуправление с предоставлением избирательных прав только местным боярам. В княжествах была проведена крестьянская реформа, установлена единая денежная повинность местных крестьян в пользу бояр-помещиков. Некоторые преобразования были направлены на улучшение здравоохранения, благоустройство городов, устройство полиции

и почтовой службы. Сам П. Д. Киселев склонялся к идее присоединения княжеств к России, но российское Министерство иностранных дел не разделяло его мнения. Собственно, это была точка зрения Николая Павловича, который вовсе не мечтал о присоединении славянско-православных земель. В 1834 году на основании Петербургского протокола Россия «простила» Турции треть контрибуции и снизила в два раза сумму ежегодных выплат. Русские войска были выведены из княжеств. Теперь господари уже не избирались, как того требовал устав, а были назначены русским правительством и утверждены турецким. Линия России на поддержку объединения двух княжеств также не была последовательной и четкой, хотя даже в 1848 году группа валашских бояр во главе с А. Филиппеску предложила, чтобы королем объединенного княжества стал член российской императорской семьи. В целом, Россия постепенно утрачивала свои позиции, проигрывая Франции.

Революционный подъем 1848 года, выразившийся в аграрном движении, привел в июне к тому, что молдавский господарь Михаил Стурдза был вынужден пойти на значительные уступки, а валашский господарь Георг-Димитр Бибеску отказался от престола. Остаться в данном вопросе в стороне Николай I не мог. Еще в апреле 1848 года в инструкции канцлера К. В. Нессельроде чрезвычайному послу России в княжествах генералу А. О. Дюгамелю разъяснялось: «Если нам позволительно присутствовать в качестве простых зрителей при изменениях, происходящих в Западной Европе, то мы не можем сохранять ту же чисто наблюдательную позицию по отношению к странам, где мы имеем права, которые должны защищать, и обязанности, которые должны выполнять. К этой именно категории принадлежат Молдавия и Валахия»^{1119}. Далее генералу было предписано сообщить по секрету правителям княжеств, что при необходимости «император оказал бы господарям материальную помощь, оккупировав княжества своими войсками»^{1120}. В соответствии с достигнутыми с Турцией соглашениями, в июле русские войска (всего около четырех тысяч человек) были введены в Молдавию, а в августе турецкий корпус, усиленный русскими войсками, — в Валахию. Согласно Балта-Лиманской конвенции, подписанной 19 апреля (1 мая) 1849 года, самоуправление княжеств ограничивалось: право выбора господарей, предоставленное ранее местным диванам, отменялось; отныне их должен был назначать султан с согласия России на семь лет, деятельность представительных боярских органов (Обыкновенных и Чрезвычайных собраний) приостанавливалась. В оккупированных княжествах при

господарях теперь находились «чрезвычайные комиссары».

Номинальный характер владения Турцией этими княжествами в дальнейшем не провоцировал крайних форм национальных движений. Позднее, уже в годы Крымской войны, командующий Дунайской армией князь М. Д. Горчаков в записке от 27 января 1854 года отметил некоторые тревожные настроения в связи с деятельностью «революционной партии»: «Часть бояр и людей среднего сословия находится под влиянием самых демагогических начал; цель ее (партии. — Л. В.) состоит в образовании на радикальных основаниях романского государства из обоих княжеств, Булгарии и Бессарабии и части Трансильвании»^{1121}. И в предшествующий период часть молодых бояр выступала за воссоздание романского государства за счет Турции (Валахия, Молдавия), Австрии (Трансильвания, Буковина) и России (Бессарабия), а также за отмену крепостного права, хотя и ограниченного регламентом 1831 года, но оставшегося.

В обстановке 1848–1849 годов даже славянофильство казалось Николаю I опасным. На объяснения И. С. Аксакова, что в отношениях его единомышленников к западным славянам «было только одно сердечное участие к положению единокровных и единоверных своих братьев», он откликнулся резкой припиской: «Потому что под видом участия к *мнимому утеснению* славянских племен таится преступная мысль о *восстании против законной власти* соседних и отчасти союзных государств и об общем соединении, которого ожидают не от Божьего произволения, а от возмущенья, губительного для России»^{1122}.

Николай Павлович боялся славянского объединения независимо от национально-освободительного движения 1848–1849 годов. И. С. Аксаков на один из вопросов, заданных ему в III отделении в марте 1849 года, отвечал, что его «более всех славян занимает Русь, а брата моего Константина упрекают даже в совершенном равнодушии ко всем славянам». Николай Павлович в этом месте сделал пометку: «И дельно, потому что все прочее мечта; один Бог может определить, что готовится в дальнейшем будущем; но ежели стечения обстоятельств и привели к этому соединению, то оно будет на гибель России»^{1123}. Идеологические противники Николая либерального и демократического направлений чувствовали эту враждебность императора по отношению к их политическим утопиям. В статье, опубликованной в августе 1849 года, А. И. Герцен писал: «Славянский мир ничего другого не желает, как объединения в свободную федерацию;

Россия — это организованный славянский мир, это славянское государство. Именно ей должна принадлежать гегемония, но царь отталкивает ее... Взятие Константинополя явилось бы началом новой России, началом славянской федерации, демократической и социальной»^{1124}.

Отказавшись от каких-либо территориальных приобретений за счет Дунайских княжеств или попавшей в беду Австрии, Николай Павлович, при определенных условиях, готов был сделать только одно исключение — для Галиции. Среди нескольких высказываний императора на этот счет приведем одно, содержащееся в его письме к И. Ф. Паскевичу от 14 (26) марта 1846 года по поводу ликвидации Краковской республики: «По краковскому делу я с тобой не согласен. Брать себе ничего не хочу. Дело решено еще в Теплице. Краков должен быть австрийским, а не прусским, так этому и быть. Но ежели хотят австрийцы поменяться и отдать мне Галицию, взамен всей Польши по Бзуру и Висле, отдам, и возьму Галицию сейчас, ибо наш старый край»^{1125}. В письме тому же И. Ф. Паскевичу от 10 июня 1848 года император, предполагая возможный распад Австрийской империи, формулирует следующий тезис: «...Одно положительно нам важно — это то, чтобы не возродилось с согласия или без согласия императора отдельное, самостоятельное новое царство в Галиции под именем польского или славянского. Ежели будет так, то я непременно вступлю в Галицию и присоединю древнее сие достояние. Ибо край сей может быть или австрийский, или русский. Иного не могу допустить никогда во что бы то ни стало»^{1126}. Вероятно, тогда же Николай Павлович написал заметки по славянскому вопросу, которые не найдены, но об основных тезисах которых можно судить по ответной записке К. В. Нессельроде от 15 (27) июня. Больше всего Николая Павловича беспокоила возможность образования в Галиции нового польского государства. Судя по всему, так же как и в письме к И. Ф. Паскевичу, написанному примерно в то же время, Николай Павлович ставит вопрос о присоединении Галиции как древнего Галицкого княжества. Не протестуя явно, Нессельроде замечает, что «Австрия не в первый раз выходит из бездны».

Выразив в мягкой форме свои сомнения, К. В. Нессельроде сразу же соглашается с другой мыслью императора: «Что касается высказанного вашим величеством намерения отказаться от принятия во владение Богемии, Моравии, Силезии, Кроатии (Хорватии. — Л. В.), Иллирии и австрийской Сербии, в случае, если бы эти провинции, отделившись от связывающего их общего центра, просили бы нас принять их, то я могу

только полностью разделять его»^{1127}. По мнению канцлера, кроме внешнеполитических трудностей, это вредно потому, что прием стольких провинций «расшатал бы великое русское единство», так как «легко ввел бы в его лоно множество чужеродных элементов». Нессельроде далее поясняет, что он имеет в виду усилившиеся бы в связи с этим католицизм, протестантизм и «демократические принципы». Общий вывод канцлера следующий: «...Было бы гораздо менее обременительно и более полезно вместо того, чтобы присоединять их к Российской империи, дать им сгруппироваться вокруг нее, покрыть их своим полным протекторатом и подчинить их своему влиянию». Итак, не конфедерация, а зависимые от России государства, и только в отношении Галиции вопрос оставался открытым. Николай I разработал даже проект о передаче Австрии и Пруссии польских земель в обмен на земли древней Галиции^{1128}. Ответа на свое предложение он, однако, не получил.

Принципа невмешательства Россия придерживалась и позднее. Ситуация стала меняться только в 1854 году на фоне антироссийских настроений европейских правительств. Уже в феврале этого года в конфиденциальной переписке Николай I пишет русскому послу: «Весьма быть может, что успехи наши возбудят бунты в Венгрии; препятствовать сему мы не в состоянии. Не станем и разжигать бунтов, но пользоваться ими будем в том смысле, что, угрожая сердцу Австрийской империи, они скорее побудят правительство принять условия наши к примирению»^{1129}. А на письме князя М. Д. Горчакова от 26 марта 1854 года император делает пометку: «Теперь время настало выдать прокламацию, чем я займусь»^{1130}. Он действительно пишет воззвание, которое, по его замыслу, могло бы распространяться в Болгарии от имени И. Ф. Паскевича. Впрочем, этим дело и закончилось.

При определенных условиях средством давления на Францию могли бы стать события в Испании. В воспоминаниях Эмилия Витгенштейна сохранилось свидетельство о разговоре с Николаем Павловичем, состоявшемся где-то в конце июля 1854 года: «Несколько дней тому назад император отвел меня в сторону и сказал: «Плохо дело, эти проклятые австрийцы ведут себя худо». — «Ничего, Ваше Величество, мы справимся с ними, так как право на нашей стороне». — «Да! Право на нашей стороне, дай Бог, чтобы все закончилось благополучно», — и он перекрестился. «Нам на руку, — сказал я, — что в Испании вспыхнула революция, она много поможет Вашему Величеству». — «Да, — отвечал он, — но я еще не знаю, какую она примет окраску; если она демократична, признаюсь, я не

желаю ее помощи!» — «Во всяком случае, эта революция, заставив Францию выставить войска на испанской границе, даст Пруссии возможность действовать свободнее». — «Да, — отвечал император, — в таком случае...» Но вошедшая в комнату императрица прервала нашу речь. И это человек, про которого говорят, что он подстрекает славянские земли к восстанию против их законного властителя, тогда как он не допускает даже мысли воспользоваться какою-либо выгодою, доставленною революциею»^{1131}.

Как видно из приведенных фактов, мысли об использовании революционных и освободительных движений в интересах России в трудные годы войны на фоне предательского, по общему мнению, поведения Австрии посещали Николая Павловича. Однако принципиально важным для него даже в этих экстремальных обстоятельствах оставался характер движения. По некоторым данным, осенью 1854 года через посредников, каковыми могли быть певцы итальянской оперы в Петербурге, он пытался вступить в контакт с итальянским революционером Мадзини, чтобы определить свое отношение к освободительным движениям в австрийских Ломбардо-Венецианских областях. Приверженность Мадзини республиканским идеалам, так же как и некоторые другие обстоятельства, не позволила осуществиться этим намерениям^{1132}.

Только во время Крымской войны Николай I всерьез задумался о необходимости и возможности опоры на национальные движения на Балканах не с целью их завоевания, но с целью защиты стратегических интересов России. В собственноручной записке, составленной им в ноябре 1853 года для канцлера К. В. Нессельроде, эти новые подходы проявились весьма ярко: «...Мы остаемся верны нашему провозглашенному уже принципу отказаться, по возможности, от завоевания, но вместе с тем признаем, что наступило время восстановить независимость христианских народов в Европе, подпавших несколько веков назад оттоманскому игу. Принимая на себя почин этого святого дела, мы приглашаем все христианские нации присоединиться к нам для достижения этой священной цели. Дело идет не только о христианах греко-католического вероисповедания, но и о судьбе всех христиан, без всякого различия, подвластных в Европе мусульманскому владычеству. Таким образом, мы провозглашаем желание действительной независимости молдо-валахов, сербов, болгар, босняков, греков с тем, чтобы каждый из этих народов вступил в обладание строною, в которой живет уже целые века, и

управлялся человеком по собственному выбору, избранным им самим из среды своих же соотечественников»^{1133}. К. В. Нессельроде устно и письменно выступил против идей записки, доказывая, что призывы к восстаниям христиан вступают в противоречие со всем курсом политики последних десятилетий. Другое дело, если восстания начнутся сами собой...

Николай Павлович не относил себя к мечтателям, считая утопичной и вредной идею славянской федерации, но допускал существование на Балканах независимых славянских государств. Рассматривая возможность славянского восстания против турок, он не обольщался особыми надеждами. На записке М. П. Погодина, датированной 7 декабря 1853 года, он оставил немало своих отметок. Так, М. П. Погодин писал: «Союзники наши в Европе, и единственные, и надежные, и могущественные, — славяне, родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере, а их 10 миллионов в Турции и (двадцать?) миллионов в Австрии. Это количество, значительное само по себе, еще значительнее по своему качеству, в сравнении с изнеженными сынами Западной Европы. Черногорцы ведь станут в ряды поголовно. Сербы тоже. Босняки от них не отстанут. Одни турецкие славяне могут выставить двести или более тысяч войска и какого войска! Не говорю о военной границе, кроатах, далматинцах, славонцах и проч.». Напротив этого отрывка Николай Павлович написал: «Писано и думано через увеличительное стекло; уменьшено в 1/10 долю, и этого довольно»^{1134}. 7 апреля 1854 года он направил И. Ф. Паскевичу упомянутое выше собственноручно написанное воззвание «единоверным братьям нашим в области Турции», которое предполагалось к распространению от имени князя Варшавского. В нем говорилось, что он (Паскевич) пришел «не для завоеваний, но с крестом в руках», и содержался призыв «соединиться в общем подвиге за Веру и ваши права»^{1135}.

Приверженность консервативным принципам и отсутствие должной активности послужили в дальнейшем причиной провала российской внешней политики на Балканах, хотя она и способствовала на первом этапе делу национального освобождения славян, греков и румын. «Диалектика истории, — пишет современный исследователь этого вопроса, — проявилась также и в том, что балканские народы, добившиеся с помощью России государственной самостоятельности, затем начинали ориентироваться на Запад, хотя русское влияние на них оставалось значительным... Отказавшись от открытых захватов на Балканах, царизм

пытался установить там свою гегемонию системой «покровительства», искал опору в консервативных кругах балканского общества. В исторической перспективе эти планы были обречены. Прогрессивно настроенные представители балканской общественности находились в оппозиции к царизму»^{[1136](#)}.

«Экспедиция наша в Хиву делает много шуму»: Россия и Средняя Азия

Еще в 1817 году в структуре российского Министерства иностранных дел появилось единственное структурное подразделение, основанное на географическим признаке, — Азиатский департамент, просуществовавший до 1847 года. Министр иностранных дел К. В. Нессельроде предписывал департаменту «иметь главным предметом своим дела азиатских народов, России подвластных, а равно и тех, с коими сие государство находится в торговых или в других каких-либо сношениях»^{1137}.

Пока не было завершено присоединение Казахской степи, Средняя Азия оставалась «дальним зарубежьем», но англо-русское политическое и торговое соперничество на Среднем Востоке должно было столкнуть две империи в этом регионе. К царствованию Николая I относится и первая удачная попытка России установить контакты с Афганистаном, точнее с Кабульским княжеством. Посол Кабульского княжества с грамотами хаджи Хусейн Али прибыл в апреле 1836 года в Оренбург. По рекомендации В. А. Перовского он был принят в сентябре того же года начальником Азиатского департамента К. К. Родофиникиным. Азиатский комитет поддержал рекомендации Оренбургского военного губернатора — способствовать объединению афганских княжеств (Кабульского, Кандагарского, Гератского) под патронажем Персии для противодействия сикхам, а значит, и англичанам. В декабре 1836 года протокол этого решения был утвержден императором. Посланный в Кабул в качестве российского представителя адъютант В. А. Перовского И. Виткевич (из бывших сосланных поляков) побывал в Кандагаре и Кабуле. Однако осложнение в этот период русско-английских отношений заставило правительство заморозить связи с Афганистаном на два десятилетия и отказаться от активной политики в этом регионе. Что же касается Виткевича, то его жизнь трагически оборвалась при невыясненных обстоятельствах. Накануне аудиенции у императора 8 мая 1838 года его нашли в гостинице «Париж» на Большой Морской улице с простреленной головой.

Пребывание Виткевича в Афганистане послужило для Англии предлогом для начала первой Англо-афганской войны 1839–1842 годов. В ноябре 1841 года английская армия была уничтожена под Кабулом, а посланная в Афганистан карательная экспедиция к концу 1842 года также

была вынуждена оставить страну. В письме к И. Ф. Паскевичу от 7 (19) декабря 1842 года Николай Павлович, между прочим, с долей скепсиса заметил: «Нового ничего нет. В политике тоже с тех пор, как китайское и афганское дела кончены, последствия увидим»^{1138}.

На этом фоне и разворачивались события в Среднеазиатском регионе, где с конца XVIII века доминировали четыре крупных государства: Бухарский эмират в густонаселенной долине Зеравшана (половина населения Средней Азии), Хивинское ханство с Хорезмским оазисом, Кокандское ханство с плодородной Ферганской долиной и Ташкентское ханство, которое в начале XIX века было подчинено Коканду. Экспедиция В. А. Перовского в Хиву в 1839 году вызвала большой резонанс в мире.

Основным торговым партнером России в Средней Азии традиционно была Бухара. Хива же сама по себе не имела большого значения, однако единственный удобный путь в Бухару шел через владение хивинского хана. Не случайно уже в 1826 году в Азиатском департаменте рассматривалась записка генерал-майора Веригина, предложившего занять Хиву, препятствующую развитию торговых отношений с другими государствами региона. Тогда Азиатский департамент не поддержал проект, считая его преждевременным, с чем согласился и Николай I. Но назначенный в 1833 году оренбургским военным губернатором и пользовавшийся поддержкой Николая I В. А. Перовский мог меньше оглядываться на осторожного К. В. Нессельроде. Он выступил с проектом более активной политики по отношению к Хиве. В ответ на грабежи русских караванов в 1836 году Перовский предложил арестовать хивинских купцов, а их товары реквизировать. «Средняя Азия, — писал он, — без товаров наших существовать не может, доколе они не будут вытеснены товарами англичан; англичане же, с своей стороны, берут все меры для достижения этой цели; если мы не будем им противодействовать, то дело не кончится в нашу пользу»^{1139}. Император после некоторых колебаний с ним согласился.

В «Записке о Хивинском ханстве» (1839 год) развитие среднеазиатской торговли ставилось в зависимость от двух главных условий: 1) «предупредить англичан, которые с 1830-х годов делают неутомимые попытки проникнуть в Среднюю Азию» и 2) сделать Хиву «опорною точкою для всех политических и коммерческих предприятий России в Средней Азии, приведя ханство хотя в дипломатическую зависимость...»^{1140}. В Азиатском департаменте в марте 1839 года по распоряжению Николая I на заседании Особого комитета был рассмотрен и одобрен предложенный В. А. Перовским план военного похода на Хиву. 14

ноября отряд покинул Оренбург в сопровождении свыше 10 тысяч верблюдов. Однако идея похода зимой (когда нет жары) оказалась неудачной. Дело в том, что в казахских степях зимой свирепствуют сильные морозы, снег и гололед.

В начале января 1840 года в одном из писем к И. Ф. Паскевичу Николай Павлович, имея в виду реакцию Англии, писал: «Экспедиция наша в Хиву делает много шума, но она была необходима, и шум этот нас пугать не должен. Покуда имею известие от Перовского только за небольшим 300 верст от границы. Мороз был до 32°; но все шло хорошо, и обмороженных вовсе не было; но не один холод, много еще препятствий следует преодолеть до решительного успеха»^[1141]. Отряд В. А. Перовского, так и не вступив в контакт с противником, преодолел за две недели 670 километров и в феврале достиг укрепления Чушка-Куль, воздвигнутого у подъема на плато Усть-Урт. При этом была потеряна половина верблюдов и личного состава, и поход на этом завершился. В обществе над ним посмеивались. Позднее у одного из учеников Александровского лицея (бывшего Царскосельского) нашли во время обыска «возмутительное» либретто к сатирической опере-буфф «Поход в Хиву», где высмеивались приближенные ко двору сановники. Впрочем, экспедиция способствовала нормализации отношений между Россией и Хивой. В августе 1840 года в Оренбург прибыли из Хивы находившиеся в рабстве русские подданные, отпущенные хивинским Алла-Кули-ханом без выкупа. Вновь отношения осложнились только в 1846 году после возведения на Мангышлаке укрепления Ново-Петровского, что вызвало недовольство хивинского хана. Следующее посольство состоялось в 1848 году в связи с обострением отношений Бухары с Кокандом.

Действия английских агентов в Бухаре, исторически доброжелательно настроенной к России, не принесли должного результата. В 1840 году Николай I принял специальную миссию бухарского эмира Насруллы. Опасения вторжения английских войск (как это было в Афганистане) вынудили бухарские власти искать поддержки в России. В 1848 году в Оренбург прибыл посланник эмира, доставивший информацию о происках англичан в Средней Азии. В середине 30-х годов внимание правительства привлекло юго-восточное побережье Каспия, что обуславливалось падением торговли с Персией и усилением английской конкуренции. Следует напомнить, что в районе Мангышлака традиционно существовали торговые контакты с туркменскими племенами. В первой половине XIX века в Туркмении работали русские экспедиции Н. Н. Муравьева (1819–1821) и Г. С. Карелина (1832, 1836).

Под влиянием донесений Карелина граф Е. Ф. Канкрин высказал мысль, что «едва ли не нужно будет иметь некоторые фактории на трухменском берегу, из коих та, которая будет ближе к Персии, могла бы быть сделана под видом коммерческого заведения»^{1142}. По докладу Нессельроде 14 ноября 1836 года Николай I утвердил предложение Канкринна об учреждении Особого комитета, в котором на следующий год обсуждалось как это предложение, так и проект основания с разрешения персидского правительства фактории в Астрабаде. Последний проект давал возможность свободного пароходного сообщения. Вопросы укрепления влияния России на юго-востоке Каспия рассматривались в феврале 1838 года на заседании Азиатского комитета. Среди них был и вопрос о принятии туркмен (недавних союзников во время Русско-персидской войны) в российское подданство. 20 февраля Азиатский комитет решил отклонить просьбу туркмен-иомудов о вступлении в подданство. В отношении же предполагаемой компании в Астрабаде постановил учредить «частное купеческое товарищество или торговый дом под какую-либо фирмою, с негласным участием казны и с пожертвованиями от нее достаточной по усмотрению суммы»^{1143}. Журнал Комитета был высочайше утвержден 5 марта 1838 года. Московское купечество откликнулось на предложение и организовало товарищество, осуществившее несколько торговых экспедиций в Астрабад в 1838 и 1841 годах под начальством тбилисского купца Эривандова. После протеста Персии в 1841 году против русско-туркменской торговли в Гасан-Кули русский полномочный министр А. О. Дюгамель добился специального фирмана, официально разрешавшего Эривандову торговать в Астрабаде. Попытки создания Астрабадского торгового дома для торговли с Азией продолжались до 1845 года, но казенный характер предприятия оказался для него препятствием.

«Что, на Кяхту вы много продали?»: На дальневосточных рубежах

Еще не закончилась Русско-турецкая война, а российское Министерство иностранных дел обратило внимание на дальневосточные рубежи страны. К этому подталкивали освоение Приамурья и перспективы торговли с Китаем и Японией.

Структура традиционной меновой торговли в Кяхте (меха в обмен на китайку — хлопчатобумажные ткани) в начале царствования Николая I претерпела значительные изменения. К 1830 году импорт тканей практически прекратился, зато резко возрос ввоз чая. В русском экспорте доля мануфактурных изделий в стоимостном выражении почти сравнялась с мехами. В беседе с московским мануфактурщиком И. Н. Рыбниковым 13 мая 1833 года Николай Павлович не забыл поинтересоваться и тем, как идет торговля с Китаем: «Что, на Кяхту вы много продали?» — «До девяти тысяч штук, Ваше императорское величество», — отвечал купец^{1144}.

A propos

Россия, в отличие от Англии, спокойно восприняла запрет на ввоз в Китай опиума, о чем последовал специальный императорский указ. Одновременно, в 1841 г., был введен новый тариф для кяхтинской торговли. В 1840–1842 гг. Китай потерпел сокрушительное поражение от Англии в ходе первой опиумной войны. В 1844 г., несмотря на неравноправный Нанкинский трактат от 20 февраля 1844 г., разрешивший свободный ввоз в Китай опиума, Россия вновь подтвердила свое отрицательное отношение к этой торговле. В 1845 г. пошлина на чай была снижена, а прочие товары разрешалось ввозить в Россию беспошлинно. В 40-х гг. Китай становится основным потребителем русского сукна, вывозимого в Азию, и, в меньшей степени, хлопчатобумажных тканей. Развитие отношений с Китаем отразилось и на вкусах общества. По свидетельству великой княжны Ольги Николаевны, в 1832 г. в моду вошло «все китайское», в том числе лакированные работы и вышивка золотом по черному шелку^{1145}.

Отношения с Китаем осложнял неурегулированный вопрос о границе. Уже в сентябре 1828 года от Главного управления Восточной Сибири были

затребованы подробные сведения об условиях плавания по Амуру, однако реально тогда этими сведениями не воспользовались. Не желая спровоцировать активность Англии в этом регионе, российское Министерство иностранных дел сообщило в 1844 году главному правлению Российско-Американской компании, что по повелению Николая I ей предлагается взять обследование Амура на себя. Весной 1846 года компанейское судно «Константин» под командой Гаврилова начало обследование устья Амура. Г. И. Невельской на транспорте «Байкал» принял участие в Амурской экспедиции 1849–1855 годов, которую впоследствии и возглавил при поддержке генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. Г. И. Невельской доказал, что устье Амура доступно морским судам, а Сахалин является островом. Летом 1850 года он поднял русский флаг на посту Николаевском (Николаевск-на-Амуре) и по собственной инициативе объявил Приамурский край и остров Сахалин российским владением. В 1853 году был поднят русский флаг в заливе Императора Николая I (Советская гавань) и Муравьевском посту на юге Сахалина (Корсаков). В начале 1854 года после настоятельных обращений Н. Н. Муравьева было принято его предложение начать переброску войск по Амуру для защиты Камчатки, Сахалина и лимана Амура. В апреле Муравьев уведомил внешнеполитические службы Цинской империи (Лифаньюань) о предстоящем «сплаве» русских войск по Амуру в связи с начавшейся Крымской войной. Ответа не последовало. В мае вниз по Амуру отправилась первая партия. Результаты Амурской экспедиции Г. И. Невельского, переведенного после смерти Николая I в Петербург, послужили затем обоснованием Айгунского договора с Китаем 1858 года по русско-китайской границе.

После того как Россия и Цинская империя вошли в соприкосновение не только на Дальнем Востоке, но и в Центральной Азии, 25 июля (6 августа) 1851 года в Кашгаре на границе с Россией был подписан Кульджинский договор, разрешивший русским купцам торговлю в специальных факториях в Кульдже и Чугучаке. Поскольку Россия не имела дипломатических отношений с Китаем, предварительные переговоры были проведены по линии Российской Духовной миссии в Пекине. В ходе Крымской войны генерал-губернатор Восточной Сибири поставил вопрос о разграничении русско-китайской границы в Приморье, что привело в дальнейшем к подписанию Айгунского (май 1858), Тяньцзиньского (июнь 1858) и Пекинского (1860) договоров уже при Александре II.

После «открытия» Японии для европейцев под пушками эскадры командора М. Перри в 1854 году был заключен и первый русско-японский

договор. Он был подписан 26 января (7 февраля) 1855 года (менее чем за месяц до кончины Николая I) в Симодэ вице-адмиралом Е. В. Путятиным. Договор устанавливал «постоянный мир и искреннюю дружбу между Россией и Японией». Для русских судов открывались три порта — Симода, Хакодате и Нагасаки. В условиях, сложившихся к концу Крымской войны, Россия пошла на уступки в отношении границы, которая была проведена между островами Уруп и Итуруп. Южная часть Курильских островов отходила к Японии, а Сахалин признавался «неразделенным» и в совместном владении.

«Я жестоко наказан за излишнюю доверчивость...»: Накануне войны

Как-то уже во время Крымской войны Николай Павлович сказал графу П. Д. Киселеву: «Я жестоко наказан за излишнюю доверчивость по отношению к нашему молодому соседу (австрийскому императору Францу Иосифу I. — Л. В.). С первого свидания я почувствовал к нему такую же нежность, как к собственным детям. Мое сердце приняло его с бесконечным доверием как пятого сына. Два человека пытались избавить меня от столь сильного заблуждения. Я был возмущен и несправедливо отнесся к их добрым намерениям. Ныне я признаю это и прошу у них прощения за мое ослепление»^{1146}. Речь шла об Австрии, но нечто похожее Николай Павлович мог бы сказать и в адрес английских «джентльменов».

Прелюдией Крымской, или Восточной, войны стало новое обострение восточного вопроса. В рутинных спорах о «святых местах» в Палестине никто сначала не заметил грозных признаков надвигающейся бури. В 1850 году православный патриарх Иерусалимский Кирилл обратился к турецким властям с просьбой разрешить починку главного купола храма Святого Гроба Господня. Тогда же в Париже появилась брошюра священника Боре, обвинявшего палестинское православное духовенство в захвате некоторых святынь, принадлежавших ранее католической церкви. В мае того же года французский посол в Константинополе в энергичных выражениях потребовал от султана Абдул-Меджида восстановить права латинской церкви в Палестине. Интересно, что французская общественность вспомнила о «святых местах» — храме в Вифлееме, где родился Христос, и Гробе Господнем в Иерусалиме — спустя полвека после того, как Франция утратила над ними контроль. В 1740 году по настоянию Франции преимущественные права здесь получили католики, но в годы Французской революции первенствующее место заняла православная церковь. Луи Наполеону нужна была поддержка католической церкви, так же как и успехи во внешней политике. Декабрьский переворот 1851 года, предоставивший ему неограниченную власть, Николай I расценил как шаг на пути ликвидации последних остатков республиканского строя. Но когда ровно через год, в декабре 1852 года, Луи Наполеон провозгласил себя

«императором французов» с титулом Наполеона III, то он натолкнулся на жесткое сопротивление русского императора. Николай воспринял это как вызов державам, воевавшим с Наполеоном, и прежде всего — России. Английское правительство заверило русского посла, что оно также не позволит нарушить договоры 1815 года. Чувствуя поддержку Англии, Николай сделал резкое заявление в адрес Луи Наполеона, однако Англия признала французского императора «дорогим братом». Английский министр иностранных дел Эбердин делал вид, что это объясняется лишь страхом перед французской армией. Но признания титула Наполеона Третьего и обращения «дорогой брат» от Николая Павловича Луи Наполеон так и не дождался; российский император снизошел только до обращения «дорогой друг». Наполеон III воспринял это как оскорбление, смыть которое, равно как и упрочить его положение внутри страны, мог лишь реванш за поражение Франции в 1812 году.

Спор из-за «святых мест» тем временем продолжался. После письма Николая I, адресованного лично султану, в начале 1852 года был издан султанский фирман, возвращавший преимущественные права православной церкви. В августе того же года французский посол, угрожая блокадой проливов, вернулся в Константинополь на военном корабле. Это было явное нарушение Лондонской конвенции 1841 года о нейтрализации проливов. Вновь султанское правительство уступило Франции. В российском Министерстве иностранных дел царила полная уверенность в поддержке действий России со стороны Англии, не говоря уже о союзных Австрии и Пруссии. Российский посол в Лондоне Бруннов поддерживал эти иллюзии, отметив в начале 1853 года, что Англия привыкает смотреть на Турцию «как на отжившую комбинацию». Ф. И. Бруннов знал, как угодить императору. Николай Павлович наложил на этом документе резолюцию: «Эта депеша самая замечательная из всех»^{1147}. Создавалась иллюзия, что Франция находится в изоляции и ей можно диктовать желаемые условия. В конце 1852 года войска в южных губерниях были полностью укомплектованы и переведены на военное положение.

В конце декабря 1852 года состоялась беседа Николая I с английским послом Сеймуром. Николай Павлович откровенно рассказал послу о своих планах, считая, что его предложения вполне будут поняты и оценены. «Дела Турции, — заявил император, — в крайнем расстройстве. Она грозит падением. Разрушение ее будет большим несчастьем, и для Англии и России важно прийти к совершенному соглашению, так, чтобы ни одна из обеих держав не сделала решительного шага без ведома другой». «Я хочу говорить с вами как друг и как джентльмен, — сказал император. — Если

нам удастся прийти к соглашению — мне и Англии, — остальное мне не важно, мне безразлично, что делают или сделают другие». Далее Николай Павлович развивал все те предложения, которые уже озвучивал в 1844 году. Он заявил, что не допустит, чтобы Константинополем завладели Англия, Франция или Греция. «Может случиться, что обстоятельства принудят меня занять Константинополь», но «я... расположен принять обязательство не водворяться там, разумеется, в качестве собственника; в качестве временного охранителя — дело другое». По мнению Николая, в зоне влияния России могли бы быть, кроме Дунайских княжеств, Сербия и Болгария. Англия также не осталась бы внакладе. «Что касается Египта, то я вполне понимаю важное значение этой территории для Англии. Тут я могу сказать, что если при распределении оттоманского наследства после падения империи вы овладеете Египтом, у меня не будет возражений против этого. То же самое я скажу и о Кандии (Крите. — Л. В.)». В заключение столь откровенной беседы Николай I попросил, чтобы английское правительство высказалось по этому предмету. Помня о неудачном опыте 1844 года, он не настаивал на формальном договоре: «Я доверяю английскому правительству. Я прошу у них не обязательства, не соглашения; это свободный обмен мнениями и, в случае необходимости, слово джентльмена. Для нас это достаточно»^{1148}.

Ответ английского министерства был отрицательным. Но он был составлен в таких обтекаемых фразах, что Николай Павлович не почувствовал опасности. Привыкший к победам на внешнеполитическом поприще, гордый и самоуверенный человек, окруженный льстецами, император все больше утрачивал чувство реальности. В любом раскладе он ошибочно исключал возможность совместных выступлений Англии и Франции и автоматически сбрасывал со счетов Австрию. Осторожность покинула его. Он не почувствовал, что его увлекают в капкан.

Казалось, никто не верит в то, что Николай Павлович не стремится к завоеваниям в Турции. Он ведь считал, что дальнейшие приобретения России на Балканах или в Проливах только ухудшат ее международное положение и внутреннюю прочность. Значительная доля вины за неправильную оценку обстановки ложилась на русскую дипломатию. Опасаясь за свои должности, николаевские послы не всегда докладывали правду, они боялись гнева самодержца. В той или иной степени это относится к посланникам в Лондоне (Ф. И. Бруннову), Париже (Н. Д. Киселеву, брату П. Д. Киселева), Вене (П. К. Мейендорфу) и Берлине (А. Ф. Будбергу). Накал антироссийских настроений, который не позволил бы России безнаказанно вновь оккупировать Дунайские княжества, явно не

был ими в должной степени учтен, а самое главное, — не доведен до сведения императора.

Миссия А. С. Меншикова в Константинополь, куда он прибыл 16 (28) февраля 1853 года на военном пароходе, была заведомо обречена на неудачу. Переговоры продолжались с 4 (16) марта по 9 (21) мая. Но уже 5 апреля в Константинополь прибыл хорошо знакомый с местной обстановкой английский посол лорд Ч. Стрэтфорд-Каннинг, незадолго до этого ставший виконтом Редклиффом (это его в 1832 году Николай I отказался видеть в качестве посла в Петербурге). Талантливейший из дипломатических врагов Николая, он переиграл Меншикова, тем более что тот был скован четкими инструкциями Нессельроде. Посланцу Николая предписывалось добиться от султана восстановления всех прежних прав и преимуществ православной общины, а также включить в договор пункт о праве русского посольства в Константинополе «делать представления» в пользу православной церкви. При передаче содержания проекта договора в Лондон в переводе Редклиффа выражение «делать представления» превратилось в «давать распоряжения». В подобной редакции документ приобретал повелительный и оскорбительный характер. Таким он и был воспринят в Европе. По совету английского посла турецкое правительство согласилось удовлетворить все требования России относительно «святых мест», однако «дружественные представления в пользу восточной православной церкви» султанское правительство, поддержанное Англией и Францией, принять отказалось. Турция объявила, что этот пункт является вмешательством в ее внутренние дела.

9 (21) мая 1853 года пароход «Громоносец» с российским посольством на борту взял курс на Одессу. Европейское общественное мнение захлестнула волна русофобии. В ноте России от 19 (31) мая ответственность за разрыв отношений возлагалась на турецкое правительство. Последнему предлагалось в восьмидневный срок принять ноту А. С. Меншикова. В свою очередь Порты, надеясь на обещанную ей помощь, решила не отступать. В Безикскую бухту, расположенную у входа в Дарданеллы, вошли английская и французская эскадры. Общие интересы Англии и Франции, направленные на подрыв дальнейшего усиления позиций России на Ближнем Востоке, сгладили на время их традиционные противоречия.

В качестве последнего средства давления на Порту 14 (26) июня появился манифест Николая I «О движении российских войск в Придунайские княжества». «Не завоеваний ищем мы; в них Россия не нуждается, — говорилось в документе. — Мы ищем удовлетворения

справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность православной церкви». 22 июня (4 июля) армия под командованием генерала от артиллерии М. Д. Горчакова перешла Прут и заняла Молдавию и Валахию. 31 июля от имени Англии, Франции, Австрии и Пруссии в Петербург была направлена «венская нота», полученная Николаем I 3 августа. Ее смысл заключался в том, что все спорные вопросы на Ближнем Востоке отныне должны ставиться под контроль европейских держав. Увидев в ноте ссылки на Адрианопольский договор, Николай Павлович схватился за нее как за спасительную соломинку, но турецкое правительство, провоцируемое Каннингом-Редклиффом, полностью отвергло ноту. Для Николая Павловича какие-либо дальнейшие уступки оказались неприемлемыми — он прошел свою половину пути и ждал того же от турецкой стороны. Впрочем, по-настоящему сложность своего положения он еще не осознавал.

В конце сентября — начале октябре в Ольмюце, Варшаве и Потсдаме состоялись встречи Николая Павловича со своими «союзниками». В укреплении союза северных дворов император не достиг особого успеха. Пруссия колебалась. Австрия не хотела укрепления позиций России на Дунае. Англия же была недовольна усилением влияния России на Кавказе, в Средней Азии, Китае... В беседе с английским послом в Вашингтоне Пальмерстон так изложил свои старые мечты: «Для меня идеальная цель войны заключается в следующем: Аландские острова и Финляндию возвратить Швеции; ядро польского королевства восстановить как барьер между Германией и Россией; Валахию и Молдавию отдать Австрии; Крым, Черкесия и Грузия отрываются от России; Крым и Грузию передать Турции. Черкесия становится независимой, либо подчиняется султану»^{1149}. В Константинополе победили воинствующие круги, увидевшие редкую возможность извлечь пользу из трудного положения России и руками европейцев решить свои внешнеполитические проблемы. Вслед за ультимативным требованием 14 (26) сентября вывести войска из княжеств султан Абдул — Меджид 22 сентября (4 октября) объявил о состоянии войны с Россией. 22 октября в проливы вошла англо-французская эскадра.

«Чтоб нашлась возможность отбиться под Севастополем»: Крымская война

Впрочем, напугать Николая Павловича это не могло. Еще в письме к И. Ф. Паскевичу от 4 (16) января 1834 года Николай Павлович довольно скептически оценивал маневры англо-французской эскадры в Средиземном море: «Флоты воротились в Мальту и Тулон, но вооружения не прекращены; за то и мы готовы будем их принять; но что они нам могут сделать? Много — сжечь Кронштадт, но не даром; Виндау? (до 1917 года Виндава, позже Вентспилс. — Л. В.) — разве забыли, с чем пришел и с чем ушел Наполеон? Разорением торговли? — но за то и они потеряют. Чем же открыто могут нам вредить? В Черном море и того смешнее; положим, что турки от страха, глупости или измены их впустят, они явятся пред Одессу, сожгут ее, — пред Севастополь, положим, что истребят его, но куда они денутся, ежели в 29 дней марша наши войска займут Босфор и Дарданеллы!»^[1150] К сожалению, Николай сбрасывал со счетов союзницу Австрию, с которой только что был заключен договор о взаимопомощи.

11 (23) октября турки переправились через Дунай и заняли городок Калафат. 20 октября (1 ноября) Николай I подписал манифест «О войне с Оттоманскою Портою». Начало военных действий в Дунайских княжествах было вялым. Сражения при Ольтенице и Чечати на левом берегу Дуная не принесли явной победы ни туркам, ни русским. На Кавказе, если не считать успешной операции турок, когда они вырезали русский гарнизон в крепости Святого Николая, военная фортуна была на стороне русского оружия. В ноябре 1853 года в битвах при Ахалцихе и Башкадыкларе (Баш-Кадыр-Ляре) И. М. Андронников и В. О. Бебутов разгромили турок. Но главным событием на первом этапе войны стала-406 л о уничтожение турецкой эскадры в бухте Синопа П. С. Нахимовым 18 (30) ноября 1853 года. Эта победа произвела гнетущее впечатление на европейские державы. Эскадра Нахимова в ходе боя, продолжавшегося четыре с четвертью часа, полностью разгромила Черноморскую эскадру турок. Среди пленных оказался командующий эскадрой Осман-паша. Все русские корабли своим ходом смогли вернуться в Севастополь.

В ходе Крымской войны определенные надежды английская дипломатия возлагала на Шамиля. За годы войны горцы заняли Анапу, а также взорванные и оставленные русскими гарнизонами в апреле 1854 года

возводившиеся с таким трудом форты на Черноморском побережье. Летом 1854 года набег Шамиля в Кахети оказался успешным; он дошел до села Цинандали (в 60 километрах от Тифлиса), захватил ценности и заложников. Но на этом его активные действия закончились. В конце 1854 года новым главнокомандующим и наместником на Кавказе был назначен Николай Николаевич Муравьев. Он заявил: «Кавказ нельзя отдавать на жертву туркам и горцам; Кавказ отстоять можно и должно»^{1151}. Впрочем, Муравьев признавал право горцев на независимость под протекторатом России и заключил с Шамилем договор о торговле, установивший относительное перемирие.

В сложившейся обстановке в начале 1854 года в Петербурге был взят курс на разрушение Османской империи. Но вступать в войну с Англией и Францией Николай не торопился. Он сохранил даже чувство юмора. Когда император узнал о воззвании султана, обещавшем всем перебежчикам из русской армии службу в Турции тем же чином, он пошутил: «Жаль, что я не знал этого, а то я перешел бы на службу в Турцию со своим «чином»^{1152}.

В начале 1854 года «добрые друзья» — Наполеон III и Николай I обменялись посланиями. Император французов предлагал вывести войска из княжеств и начать с Турцией мирные переговоры, после чего англо-французская эскадра покинула бы Черное море. Николай Павлович не внял совету. «Мое упование лежит на Боге и в моем праве, — написал он в ответ, — а в случае надобности я отвечу, что Россия будет в 1854 году такой же, как в 1812-м»^{1153}.

Месяцем раньше, 9 (21) февраля 1854 года, последовал манифест «О прекращении политических сношений с Анг-лиею и Францией». Но не Россия объявила им войну, хотя об этом и сообщается в авторитетных изданиях. Не дождавшись объявления войны со стороны России, Англия сделала это 27 марта. В качестве предлога был использован переход русских войск через Дунай. На следующий день войну России объявила Франция. 10 апреля в Лондоне была подписана англо-французская союзная конвенция. Карты были открыты. В марте английская, а затем и французская эскадры вошли в Балтийское море.

Тем временем осада русскими войсками Силистрии оказалась неудачной. Воспользовавшись разрешением императора, Паскевич 12 (24) июня снял осаду. Получив это сообщение, Николай Павлович был удручен: «Итак да будет воля Божия! Осада Силистрии снята. Крайне опасаясь, чтобы дух в войсках не упал, видя, что все усилия, труды и жертвы были тщетны и что мы идем назад, а зачем? — и выговорить не смеем. Надо,

чтобы Горчаков и все начальники хорошо растолковывали войскам, что мы только временно отступаем, дабы обезопаситься от злых умыслов наших соседей. — Это слишком важно»^{1154}.

В связи с началом высадки союзников в Варне и враждебной позицией Австрии русские войска летом были выведены из княжеств. Военные действия на Балканском театре прекратились. Княжества были оккупированы австрийцами, надеявшимися задержаться здесь как можно дольше. Пруссия на протяжении всей войны не смогла четко определить свою позицию и металась между двумя лагерями, напоминая, по выражению Бисмарка, «пуделя, потерявшего хозяина»^{1155}. Заключив 8 (20) апреля оборонительный и наступательный союз с Пруссией, Австрия была настроена несколько более решительно. Она угрожающе концентрировала войска по всей линии разграничения с Россией. Николай Павлович горько писал И. Ф. Паскевичу в июне 1854 года: «Ежели война с австрийцами будет неизбежна, ты в совокупности сил своих найдешь возможность и случай приобрести новую неувядаемую славу, горько наказав вероломных и неблагодарных подлецов»^{1156}.

В августе 1854 года австрийцы от имени великих держав передали предварительные условия мирного урегулирования: 1) замена русского покровительства над Дунайскими княжествами протекторатом пяти великих держав; 2) свобода судоходства по Дунаю с установлением контроля держав над устьями; 3) пересмотр конвенции 1841 года о Черноморских проливах; 4) замена покровительства России православному населению в Турции коллективными гарантиями. Обиженный как формой, так и существом предложений, Николай Павлович «не дал им никакого хода».

Весной и летом того же года нападению подверглись морские побережья России: Одесса, побережье Финляндии, Соловецкий монастырь, Кола, Петропавловск-Камчатский. На Аландских островах были разрушены укрепления Бомарзунда. Союзная эскадра подходила в Кронштадту, но на активные боевые действия не решилась. Россия располагала значительными военно-морскими силами, но уступала союзникам по парходам и не имела винтовых кораблей, что заставляло прибегать к оборонительной тактике.

2 (14) сентября 1854 года 62-тысячная армия союзников высадилась в Евпатории и двинулась на Севастополь. Попытка А. С. Меншикова задержать неприятеля у реки Альмы 8 (20) сентября закончилась неудачей. Наглядно проявилось превосходство нарезных штуцеров, с помощью

которых противник мог уничтожать орудийную прислугу у орудий, не имевших щитков. Меншиков отвел армию к Бахчисараю, прикрывая пути внутрь России. Севастополь остался беззащитным и неукрепленным с севера, но союзники почему-то решили нанести удар с юга, опираясь на базы в Балаклаве и Камышовой бухте. Под руководством адмиралов В. А. Корнилова, П. С. Нахимова, В. И. Истомина, военного инженера Э. И. Тотлебена началось строительство оборонительных сооружений. На фарватере Южной бухты 9 (21) сентября были затоплены первые корабли.

5 (17) октября Севастополь выдержал первую бомбардировку, которая так и не завершилась штурмом. Меткий огонь русских батарей сорвал планы противника. Однако во время бомбардировки погиб В. А. Корнилов: на Малаховом кургане ядром ему раздробило верхнюю часть бедра. Придя в себя на перевязочном пункте, он успел сказать: «Скажите всем, как приятно умирать, когда совесть спокойна. Благослови, Господи, Россию и государя; спаси Севастополь и флот».

Той же осенью А. С. Меншиков дважды пытался контратаковать союзников. 13 (25) октября произошло сражение на подступах к Балаклаве, где в «долине смерти» погибла почти полностью английская бригада легкой кавалерии, в которой служили многие представители английской аристократии. Меншиков не достиг успеха, но штурм города был сорван. 24 октября (5 ноября) при Инкермане также не удалось развить намечавшийся успех, но союзники были вынуждены приступить к длительной и тяжелой осаде.

Война со стороны России все больше приобретала оборонительный характер и велась в основном на ее собственной территории. Более того, Николай Павлович принял очень тяжелое для себя решение согласиться с четырьмя пунктами мирного урегулирования. С июня 1854 года русским послом в Вене стал князь А. М. Горчаков, который на 56-м году жизни впервые получил ответственное задание. Нессельроде был против Горчакова, обвиняя его в недостаточной компетентности. «Я назначил его потому, что он русский», — заявил государь^[1157]. В конце февраля начались неофициальные контакты дипломатов. В новом меморандуме держав требования к России возросли. Теперь требовалось отказаться и от устья Дуная. Николай Павлович, считая, что не все потеряно, не согласился с этим. Тем более что союзники оставались в Крыму. На вопрос А. М. Горчакова, при каких условиях согласиться на перемирие, царь сказал: «Покинуть Крым — другое невозможно»^[1158].

В конце 1854-го — начале 1855 года император составил четыре

собственноручные записки с анализом перспектив военных действий, в том числе в случае вступления в войну Австрии и Пруссии. Николай Павлович советовался с Паскевичем. Но думая о западной границе, он мысленно все время возвращался к севастопольским бастионам. В предсмертном письме к князю М. Д. Горчакову 2 февраля 1855 года государь благодарил его за посылку к А. С. Меншикову 12 батальонов и замечал: «Как бы желательно было, чтоб нашлась возможность отбиться под Севастополем до прихода сих новых частей! Но не вижу к сему никакой вероятности»^{1159}. Император рассматривал далее самые неприятные варианты развития событий, в частности оборону Меншиковым Николаева в случае оставления Крыма и военные действия против Австрии, для чего необходимо опираться в качестве основного пункта сбора войска на Брест: «Ежели дела склонятся к разрыву, я намерен отправиться сам к армии, вероятно в Брест; думаю, что присутствие мое может там быть не бесполезно». Именно в Польше были сосредоточены самые отборные войска. В приложенной собственноручной записке Николай Павлович более подробно разобрал действия И. Ф. Паскевича в случае войны с Австрией. В то же время он считал, что Пруссия останется нейтральной и не согласится с появлением французских войск в Германии. Условием успеха император считал «объединение сил, а не разъединение»^{1160}.

В Крыму нужен был хотя бы небольшой успех. Против Севастополя, который обороняло около 40 тысяч человек, союзники сосредоточили в это время около 120 тысяч и продолжали подвозить новые контингенты. А. С. Меншиков делился планами с М. Д. Горчаковым: «Мне предписываются следующие две операции: первая — постараться с помощью сильного огня отнять Евпаторию... Вторая — выступить из Севастополя и атаковать осаждающих»^{1161}. Впрочем, сам Николай Павлович начал сомневаться в успехе. Наступление на Евпаторию 5 (17) февраля 1855 года закончилось неудачей. Отряд С. А. Хрулева понес потери, что произвело на императора тяжелое впечатление. Донесение от Меншикова от 7 февраля было получено им 12-го числа, когда он уже лежал больной. Император приказал наследнику написать А. С. Меншикову, что увольняет его по болезни, но Меншиков под предлогом болезни уже сам сдал командование. Главнокомандующим в Крыму был назначен М. Д. Горчаков.

После Евпатории война продолжалась уже без Николая I. Союзникам тоже дорого обошлась ненастная зима 1854/55 года. Ноябрьский шторм, уничтоживший многие корабли, и жестокие эпидемии негативно воздействовали на общественное мнение воюющих стран. После шести

общих бомбардировок города и двух штурмов одиннадцатимесячная севастопольская эпопея закончилась оставлением Южной стороны города вечером 27 августа (8 сентября) 1855 года. По наплавному мосту защитники перешли на Северную сторону, сохранившую сообщение с русской армией под Бахчисараем. Укрепления были взорваны, оставшиеся корабли затоплены. Боевые потери гарнизона составили 102 тысячи человек, потери союзников — 71 тысячу. С учетом же умерших от болезней взаимные потери были гораздо больше. На братском кладбище на Северной стороне Севастополя было похоронено 127 587 павших защитников. Свои кладбища оставили под Севастополем и союзники. Только на французском кладбище было похоронено 80 генералов, 2000 офицеров и 88 тысяч солдат. Склепы, наполненные переломанными костями и разбитыми черепами, были окончательно снесены в начале 80-х годов XX века.

По мнению военных обозревателей (среди которых был и Ф. Энгельс), система ведения войны союзниками потерпела полную неудачу. На Кавказе Н. Н. Муравьев одержал крупную победу, взяв 16 (28) ноября 1855 года крепость Карс с 16-тысячным гарнизоном во главе с английским генералом. В Севастополе окончание войны застало русские войска на Северной стороне города, союзники не смогли больше сделать ни шагу. Для России война закончилась позорным миром, но не позорным поражением. 18 (30) марта был заключен Парижский мирный договор. Россия на время осталась без Черноморского флота и перестала быть Дунайской державой. Впрочем, ненадолго. Но это уже — другая история.

Глава пятая

АВГУСТЕЙШИЙ МЕЦЕНАТ

«К пользе, чести и славе России»: Обращение к истокам

В одном из писем к наследнику Александру, совершавшему образовательное путешествие по России, 19 мая 1837 года Николай Павлович писал, призывая сына любить «нашу матушку Россию»: «Люби ее нежно; люби с гордостью, что ей принадлежит и *родиной* называть смеешь, *ею* править, когда Бог сие определит для ее славы, для *ее* счастья! Молю Бога всякий день в всяком случае, чтоб сподобил тебя на сие великое дело к пользе, чести и славе России»^{1162}.

И своей жизнью, и своей государственной, поистине каторжной работой Николай I опровергает распространенное мнение о непросвещенном абсолютизме «малосимпатичного монарха», столь импонировавшее советским историкам. С самого начала своего царствования, когда еще не была отдана циркуляром по Министерству народного просвещения знаменитая уваровская триада «самодержавие, православие, народность», Николай Павлович был верным последователем идей Н. М. Карамзина. Впоследствии известный либеральный историк А. А. Корнилов в своем университетском курсе истории XIX века (1912 год) сделает вывод: «Подводя итоги этому замечательному тридцатилетию, мы должны признать, что правительственная система императора Николая была одной из самых последовательных попыток осуществления идеи просвещенного абсолютизма. Император Николай по своим взглядам не походил на Людовика XIV и никогда не сказал бы, как тот: «L'Etat c'moi»... И, если бы Карамзин пережил царствование Николая, он должен был бы признать, что опыт осуществления его системы сделан, и вместе с тем должен был бы убедиться, к чему эта система неизбежно приводит, притом именно к чему она приводит в такой обширной, малонаселенной и быстро развивающейся стране, как Россия»^{1163}.

Обращение к национальным истокам стало характерной чертой царствования Николая Павловича, который воспринял восстание на Сенатской площади как явное влияние западных идей. Поддержка отечественной истории, охрана памятников истории и культуры, равно как и использование их в воспитательных и идеологических целях, отвечали личным пристрастиям императора. Ему были одинаково дороги дела Петра I, недавние события войны 1812 года и памятники древних времен.

Одним из символов возвращения к национальным истокам, как это ни парадоксально, стал культ образа Петра I. Парадоксально, потому что Петр как раз насаждал западничество, с которым теперь, в его новом обличье, предстояло бороться Николаю. Если воцарение его старшего брата Александра I вызвало у современников воспоминания о лучших днях Екатерины Великой и абстрактные поэтические ассоциации с античными мотивами и образом Александра Македонского, то совершенно иным было восприятие восшествия на престол императора Николая I. Буквально сразу же после трагических событий на Петровской площади 14 декабря 1825 года авторы многих произведений возлагали надежды на умеренные реформы сверху благодаря мудрости монарха, достойного блаженной памяти Петра Великого. Сопоставление Николая I с его великими предками и прежде всего с Петром I присутствует в стихотворениях Ф. Глинки, А. Мерзлякова, И. Ободовского, А. Полежаева, М. Суханова, В. Федорова, И. Чеславского. Не избежал общих настроений и А. С. Пушкин. В известном стихотворении «Стансы», поднесенном императору через А. Х. Бенкендорфа в марте 1826 года, он также возлагал надежды на молодого царя, заканчивая знаменательным четверостишием:

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он неутомим и тверд,
И памятью как он незлобен^{1164}.

Официальный отзыв последовал через того же А. Х. Бенкендорфа: «Государь остался совершенно доволен произведением Пушкина, но не желает, чтобы оно было опубликовано»^{1165}. Как известно, славословий и советов в свой адрес Николай I не любил.

В самом начале царствования Николая Павловича, в 1826 году, Екатерингофский дворец, построенный Петром I для Екатерины, был подчинен по высочайшему повелению Гоф-интендантской конторе. В 1840-х годах дворец был отремонтирован, а личные вещи Петра I переданы в 1850 году в Петровскую галерею Зимнего дворца^{1166}. Это оказалось кстати, так как в 1924 году деревянный дворец пострадал от пожара и был разобран. Бережно сохранялся и знаменитый Монплезир в Петергофе. Интересны воспоминания Л. Ф. Львова о посещениях дома Петра I Николаем Павловичем, когда он в летнее время жил в Александрии: «Из Александрии ежедневно, несмотря ни на какую погоду, государь пешком в

9 часов утра отправлялся в Большой Петергофский дворец; заходил непременно во дворец Мон-Плезира и, войдя в спальную царя Петра, с благоговением и крестным знамением прикладывался к царскому колпаку, находившемуся на царской постели»^{1167}. В 1844 году был сооружен каменный футляр и над старейшей постройкой столицы, первым деревянным домиком Петра I в Петербурге (архитектор Р. И. Кузьмин) на Петровской набережной. Если верить одному из свидетельств, то Николай Павлович был не прочь получить в подарок от нидерландского короля и домик Петра I в Саардаме^{1168}.

Заезжий путешественник маркиз Астольф де Кюстин со свойственной ему манерой все упрощать и утрировать сделал в 1839 году в сущности верный вывод о близости образа Петра I царствующему императору: «Люди, знавшие императора Александра, говорят о нем совсем иное: достоинства и недостатки двух братьев противоположны; они вовсе не были похожи и не испытывали один к другому ни малейшей приязни. У русских вообще нет привычки чтить память покойных императоров, на сей раз вычеркнуть минувшее царствование из памяти приказывают разом и чувства, и политика. Петр Великий ближе Николаю, чем Александр, и на него нынче куда большая мода»^{1169}. В отношении Александра I маркиз был прав только отчасти. В то время, когда он писал эти слова, на Дворцовой площади уже несколько лет возвышалась Александровская колонна, венчавшаяся фигурой ангела, лицу которого было придано портретное сходство с лицом покойного императора. Но современное и злободневное звучание петровской тематики было отмечено верно. С упоминания о Петре I началась беседа императора с маркизом де Кюстином во время бала, который давала в Михайловском дворце великая княгиня Елена Павловна. «Я потому так разговариваю с вами, что знаю — вы можете понять; мы продолжаем дело Петра Великого»^{1170}.

Николай I, в отличие от Петра I, не абсолютизировал европейские образцы для подражания. «Упрек этот, обращенный к Петру I и ближайшим продолжателям его дела, — отметил тот же маркиз де Кюстин, — служит дополнением к похвальному слову императору Николаю, который взялся остановить этот нескончаемый поток». И далее, вновь многое утрируя и упрощая, французский путешественник пишет: «Пример императора Николая подтверждает мою оценку; он еще прежде меня подумал о том, что время показной культуры для России прошло и что все здание цивилизации в этой стране требует перестройки; он подвел под общество новый фундамент; Петр, прозванный Великим, не оставил бы от него

камня на камне и выстроил заново — Николай действует тоньше. Дабы вернее достигнуть цели, он скрывает ее. Во мне поднимается волна почтения к этому человеку: всю силу воли он направляет на потаенную борьбу с тем, что создано гением Петра Великого; он боготворит сего великого реформатора, но возвращает к естественному состоянию нацию, которая более столетия назад была сбита с истинного своего пути и призвана к рабскому подражательству... Природа зовет русских на великие дела, тогда как во все время их так называемого приобщения к цивилизации их занимали разными безделками; император Николай понял призвание русских лучше своих предшественников, и в царствование его все возвратилось к правде и потому обрело величие»^{1171}.

Став императором, Николай Павлович уделил особое внимание первоисточникам по эпохе Петра I. Когда в 1826 году начальник Московского Главного архива иностранных дел А. Ф. Малиновский через графа К. В. Нессельроде преподнес государю краткий перечень письменных древностей, находящихся в архиве, то Николай I крестиком пометил рукописные книги, с которыми желал бы познакомиться лично. Среди них были книги с современными портретами царей Михаила, Алексея, Федора, Петра и Иоанна^{1172}. По распоряжению императора наиболее важные документы, считавшиеся секретными, как, например, следственные материалы по делу царевича Алексея, были сосредоточены в особом архивохранилище Архива Министерства иностранных дел. Петровская тема, только намеченная в русской литературе XVIII — первой четверти XIX века, стала популярной именно при Николае I.

Николай Павлович, естественно, жил в иное время, чем Петр I, но их сближало стремление видеть Россию великой державой. Российское Государство было для них выше личности, выше интересов отдельного человека, будь это даже сам император, который обязан показывать пример в службе, точнее, в служении России «ради общего блага подданных»^{1173}. Применяя современную терминологию, они оба были «государственниками».

Особой заботой императора являлись памятники истории и культуры прошлых эпох. Уже в первые годы царствования гражданским губернаторам поступили циркуляры сообщать об имеющихся «древностях». В опубликованной посмертно заметке просвещенного чиновника и известного любителя истории К. С. Сербиновича читаем: «Известно, что император Николай Павлович очень дорожил отечественными древностями и стариной, заботился о восстановлении и

сохранении памятников живописи, зодчества и ваяния, основал Археографическую комиссию, Археологическое общество и некоторые другие учреждения, на которые возложено было собрание, хранение и издание старинных документов и летописей, производство раскопок и вообще приведение в известность памятников отечественной старины»^{1174}.

Весьма характерны в этом плане воспоминания художника Ф. Г. Солнцева, бывшего одним из первых профессиональных художников-реставраторов. В 1833 году по заданию А. Н. Оленина он работал в Новгороде и привез более ста рисунков новгородских древностей. Николай I, сам занимавшийся в юности живописью и гравюрой, смог оценить профессионализм и точность рисунков. Художнику была назначена ежегодная персональная пенсия. В 1836 году, пишет Ф. Г. Солнцев, «императору Николаю Павловичу, любителю и ценителю отечественной старины, угодно было восстановить царские терема — драгоценный памятник XVII века». Речь идет о Теремном дворце 1635–1636 годов. В загородных дворцах под Москвой художник нашел подлинные образцы мебели, карнизов, наличников того времени, которые были использованы при восстановлении интерьера и наружного убранства Теремного дворца. Во время пребывания в Москве в конце 1836 года Николай I посетил дворец. Молча прошел он по всем комнатам и наконец обратился к Ф. Г. Солнцеву: «Польза, честь и слава, ныне и присно, вовеки веков, аминь. Пойдем, я представлю тебя императрице. Не заживайся здесь; отдохни от трудов. Тебе здесь холодно; приезжай в Петербург, я тебя погрею». В Петербурге министр императорского двора П. М. Волконский передал художнику крест ордена Святого Владимира, и только тогда Ф. Г. Солнцев понял, что слова Николая I «польза, честь и слава» — девиз этого ордена — были произнесены императором не случайно. Во время другой поездки Николая I в Москву Ф. Г. Солнцев, хорошо изучивший экспонаты Оружейной палаты, смог грамотно и толково дать все необходимые пояснения и перевести надписи вязью. Император обратился к сопровождавшим его служителям музея: «Не стыдно ли вам. Столько лет служите здесь и ничего толком объяснить не умеете. Он лучше вас знает»^{1175}.

После смерти А. Н. Оленина император взял зарекомендовавшего себя художника под свое покровительство. В 1843 году по личному распоряжению Николая I Ф. Г. Солнцев осматривал монастыри и церкви в Киеве, Витебске, Могилеве и Чернигове. В сентябре 1843 года он должен

был доложить свои соображения о ремонтных работах в Софийском соборе. «Ну, что ты подделываешь? Тебя не любят там?» — спросил император, указывая на Киево-Печерский монастырь. Ф. Г. Солнцев доложил, что под более поздней штукатуркой он нашел древний слой, выполненный на растительном клее без песка, на котором может находиться древняя живопись. «Открой мне это», — сказал государь при расставании с художником. «Мы отбили немного штукатурки, — продолжает Ф. Г. Солнцев, — и совершенно явственно обозначились две фигуры, с которых я тут же нарисовал кроки... Так, благодаря благосклонному вниманию и покровительству покойного государя Николая Павловича, довелось мне срисовать фрески и открыть ныне столь известные в археологии мозаики Киево-Софийского собора»^{1176}. Митрополит Филарет был недоволен произошедшим и летом 1844 года при очередном посещении Николаем I Киева заговорил об этом: «Ваше Величество, открытие и возобновление древней живописи здешнего собора повлечет староверов к поощрению в их лжемудриях». — «Я, владыко, не смотрю, как молятся, лишь бы молились, — заметил государь. — Ты любишь старину, и я люблю. Теперь в Европе дорожат малейшею старинною вещью. А мы, возобновляя древнюю живопись, можем ли думать, что оказываем предпочтение староверам. Вздор. Не противоречь»^{1177}. Естественно, реставрация 1844–1852 годов, так же как и более поздняя, в конце XIX века, была далека от совершенства; стенопись частично оказалась записана масляными красками. И только в середине XX века древняя живопись была полностью освобождена от позднейших наслоений.

Поддержанный императором, Ф. Г. Солнцев в своих многочисленных поездках по России «срисовывал» памятники во многих русских городах: Александровской слободе, Белозерске, Витебске, Владимире-на-Клязьме, Изборске, Коломне, Ладоге, Могилеве, Москве, Новгороде, Новом Иерусалиме, Орле, Осташкове, Печоре, Пскове, Рязани, Суздале, Твери, Тихвине, Торжке, Троицкой лавре, Туле, Чернигове, Юрьеве-Польском. С 1838 года он начал работать над рисунками «Древностей Российского государства», литографии которых удалось издать только в 1846–1853 годах благодаря субсидии Николая I в размере 100 тысяч рублей ассигнациями.

Кроме сохранения памятников истории и культуры Николай Павлович осуществляет обширную программу увековечивания исторических событий в новых для России формах монументальной пропаганды. Прежде всего он обратился к недавнему славному военному прошлому России. Это

контрастировало с позицией Александра I, который демонстративно избегал проявления национальных чувств, не посетил ни одного из мест событий Отечественной войны 1812 года и саму победу приписывал исключительно Промыслу Божию. Подавление польского восстания, открытие Александровской колонны (1834), свидание с австрийским императором и прусским королем в Калише (1835), двадцать пятая годовщина войны с Наполеоном в Вознесенске Херсонской губернии (1837), открытие монумента на Бородинском поле (1839) сопровождались парадами и маневрами, прославляющими воинскую доблесть России^{1178}. Ряд публикаций художественного и исторического характера, а также театральные постановки на сюжеты из русской истории также соответствовали сценарию николаевского царствования.

Те же цели преследовало и установление памятников, посвященных историческим событиям и выдающимся соотечественникам. В 1917 году в России насчитывалось более тысячи памятников, но в основном их установка проходила уже в первое десятилетие XX века. В соответствии с русской православной традицией памятные места ознаменовывались сооружением храмов и часовен. Император Петр I вплотную приблизился к идее создания светских памятников на местности, но задуманные проекты остались неосуществленными. К началу царствования Николая I имелись лишь единичные памятники.

При Николае же было поставлено более сотни памятников^{1179}. Расположив известные нам произведения монументальной скульптуры в хронологической последовательности, мы увидим, что только четыре года (1829, 1830, 1843 и 1854) не отмечены их возведением. Многие памятники были сооружены на средства казны или при поддержке государства и под патронажем Николая Павловича. В меньшей степени памятники сооружались городскими обществами или частными лицами. Тематика их была достаточно разнообразна. Во-первых, это памятники державным предшественникам: князьям Владимиру Святому, Дмитрию Донскому, царям Михаилу Федоровичу (вместе с И. Сусаниным) и Петру I (четыре государственных и один частный), Екатерине II (два памятника на средства городских обществ), Павлу I (в Гатчине), Александру I (памятники в Петербурге, Варшаве, Грузии и Царево-Александровском руднике близ Миасса). Во-вторых, это немногочисленные и скромные памятники и памятные знаки, посвященные членам императорской семьи: императрицам Марии Федоровне и Александре Федоровне (в Умани и Гельсингфорсе), цесаревичу Александру Николаевичу (в Воткинске).

Самому Николаю I при его жизни (в 1846 году, по инициативе М. С. Воронцова) был поставлен только памятный знак в виде чугунного креста на месте аварии в Тифлисе в 1837 году. Несколько обелисков в честь пребывания Николая I во время Русско-турецкой войны было установлено в Бессарабии: в Белграде на месте смотра войск и слушания литургии (1838), а также на месте переправы через Дунай в Сатунове (1891).

Из исторических деятелей увековеченными при Николае I оказались Ермак, Иван Сусанин (на памятнике Михаилу Федоровичу), князь Г. А. Потемкин-Таврический, англичанин-меценат Джон Говард, М. И. Кутузов и М. Б. Барклай-де-Толли. Русско-турецкие войны при Екатерине II были запечатлены в памятниках Катульского поля и князю В. М. Долгорукову-Крымскому в Симферополе, а Русско-персидская война 1804–1813 годов в царствование Александра I — в монументе главнокомандующему князю П. Д. Цицианову. При Николае Павловиче появляются первые монументы в честь деятелей науки и культуры: памятники Витусу Берингу, М. В. Ломоносову, Г. Р. Державину, И. А. Крылову в Санкт-Петербурге, Н. М. Карамзину в Симбирске, И. Ф. Богдановичу в Курске. Отдельно можно выделить памятники в честь научных открытий, в частности посвященные обнаружению скелета мамонта (на Украине) и геодезической съемке меридиана (в Бессарабии).

В 1835 году был разработан проект первой крупной программы по установке единого комплекса памятников на местах главных сражений Отечественной войны 1812 года^{[\[1180\]](#)}. В сущности, это был первый план монументальной пропаганды в России. Всего предполагалось установить 16 монументов трех классов, изготовленных из чугуна без фигур и «мелочных непрочных украшений». Из представленных монументов император отобрал три, исполненных А. У. Адамини. Скульптор подготовил оригинальный проект чугунной колонны с церковной главой. До 1849 года в первую очередь были сооружены памятники в Бородине, Смоленске, Ковно (Каунасе), затем — в Малоярославце и Красном. В начале 1848 года в связи с нехваткой в казне средств программа была свернута, однако уже отлитые к тому времени монументы установили в Полоцке и Клястицах. Таким образом, всего было поставлено семь монументов (1 — первого разряда, на Бородинском поле, и 6 — второго класса). По образцу памятников второго класса были поставлены памятники в память сражений с поляками при Грохове, Воле, Остроленке, а также в память взятия Ахалциха во время Русско-турецкой войны. Фактически на основе этого же проекта А. П. Брюлловым был выполнен памятник Дмитрию Донскому на Куликовом поле в 1850 году.

Известны также немногочисленные частные памятники, поставленные в царствование Николая Павловича: Петру I, Екатерине II в селе Троицком, Александру I в Грузии по заказу А. А. Аракчеева, императрице Марии Федоровне в имении Кузьминки под Москвой, князю В. М. Долгорукову-Крымскому в Симферополе, а также памятник поэту И. Ф. Богдановичу в Курске.

Следует согласиться с мнением К. Г. Сокола, который отметил особую роль Николая I в этой сфере деятельности: «Роль императора — вовсе не преувеличение: он был инициатором сооружения многих памятников и утверждал их проекты»^{1181}. Именно в царствование императора Николая I в обществе формируется новое восприятие памятников по истории Отечества.

В дальнейшем эти тенденции нашли отражение в уваровской триаде: «православие, самодержавие и народность», названной, с легкой руки А. Н. Пыпина, теорией «официальной народности». Сформулированная еще историком М. П. Погодиным, она получила официальное признание в знаменитом циркуляре, направленном попечителям учебных округов министром народного просвещения С. С. Уваровым в 1834 году. Уваров предложил обширную программу, основанную на принципах русской государственности и культуры. Целью ее было «приноровить общее всемирное просвещение к нашему народному быту, к нашему народному духу, утвердить его на исторических началах православия, самодержавия и народности». При любой реформе, направленной на дальнейшую модернизацию России, следовало учитывать ее исторический уклад. «Направление, данное Вашим Величеством министерству, и его тройная формула, — писал С. С. Уваров императору в 1843 году, — должны были восстановить против него все, что носило еще отпечаток либеральных и мистических идей...»^{1182}

«Это мой Пушкин»

Отношение Николая I к Н. М. Карамзину, В. А. Жуковскому, А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову достаточно подробно анализировалось в исследовательской литературе. Но только в последнее время сквозь идеологические наслоения стала пробиваться истина.

Так, как выяснилось, это о Николае Павловиче писал А. С. Пушкин: «С Гомером долго ты беседовал один, // Тебя мы долго ожидали...» Именно так воспринял эту оду Н. В. Гоголь: «Был вечер в Аничковом дворце... Всё в залах уже собралось; но Государь долго не выходил. Отдалившись от всех... он развернул «Илиаду» и увлекся ее чтением во все то время, когда в залах давно уже гремела музыка и кипели танцы. Сошел он на бал уже несколько поздно, принесся на лице своем следы иных впечатлений»^[1183]. Это стихотворение вошло в собрания сочинений А. С. Пушкина под названием «Гнедичу»; причины такой метаморфозы были вполне объяснены в статье Л. М. Аринштейна (1997). Всего в «николаевский цикл» А. С. Пушкина входит девять стихотворений. Среди них «Пророк» (8 сентября 1826), «Стансы» (декабрь 1826), «Друзьям» (1828), «Герой» (19 сентября 1830), а также четыре стихотворения, связанных с внешнеполитической ситуацией 1830–1831 годов, прежде всего с польским восстанием. Это стихотворение, посвященное памяти М. И. Кутузова «Перед гробницею святой» (1830), обращение к неизвестному «Когда безмолвная Варшава поднялась», конечно же «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» (август 1831). Свои стихи на польскую тему А. С. Пушкин направил императору через А. О. Россет, сопроводив их особой запиской-четверостишием. Наконец в 1834 году А. С. Пушкин пишет стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один...».

После этого стихов, прямо или косвенно посвященных Николаю I, Пушкин не писал, а его отношения с императором приобретали и драматический характер. Так, если на литературном обеде в ноябре 1827 года Пушкин говорил: «Меня должно прозвать или Николаевым, или Николаевичем, ибо без Него я бы не жил. Он дал мне жизнь и, что гораздо более, свободу: виват!», то позднее его симпатии к императору подвергались испытаниям. В письме к Чаадаеву 19 октября 1836 года он писал: «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя»^[1184]. О Пушкине после смерти тайком говорили, что он любил Николая Павловича как человека, но

считал, что для России нужен другой император^{[1185](#)}. Однако противостояния, подобного тому, что было между Пушкиным и Александром I (на котором, в представлении поэта, лежало клеймо отцеубийцы), не существовало. Показательно, что нигде и никогда А. С. Пушкин не упоминал о том, что он разделял взгляды декабристов; другое дело, что многие из них были его друзьями.

В свою очередь, и отношение императора к А. С. Пушкину претерпевало изменения. После их первой беседы в московском Кремле 8 сентября 1826 года Николай Павлович, по свидетельству Ксенофонта Полевого, мог воскликнуть: «Господа, это мой Пушкин!» — но в последующем он начинал в этом сомневаться. Тем не менее в значительной мере Николаю Павловичу удалось достигнуть известного компромисса с поэтом, тем более что в ряде вопросов они находили общий язык. Естественно, государь ничего не понимал в поэзии; его складу личности это было не дано. Но его замечания исторического или политического характера в ряде случаев были уместны^{[1186](#)}. Контроль за творчеством обидчивого А. С. Пушкина осуществлялся не только через А. Х. Бенкендорфа, но отчасти и более гибкими методами. Трудно сказать, насколько правдива информация в «воспоминаниях» А. О. Смирновой-Россет, изданных ее дочерью на основе рассказов матери, но во всяком случае она не противоречит известным фактам. В салоне А. О. Россет — «черноокой Россетти», воспетой А. С. Пушкиным, — поэт часто встречался с императором, и, по версии дочери, Николай I разрешил фрейлине передавать ему произведения Пушкина. Однажды, уходя, Николай Павлович сказал ей: «Вы будете курьером Пушкина, его фельдъегерем»^{[1187](#)}. Тем не менее в основном официальная переписка велась через А. Х. Бенкендорфа. Именно он 17 февраля 1832 года передал по поручению императора в дар Пушкину вышедшие к тому времени тома «Полного собрания законов Российской империи»^{[1188](#)}.

В июле 1831 года А. С. Пушкин добивается права заниматься в архивах, что подразумевало его возвращение на государственную службу. «Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям, — писал А. С. Пушкин в официальном письме А. Х. Бенкендорфу, — дозволение заняться историческими разысканиями в наших государственных архивах и библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III»^{[1189](#)}. На этом письме А. Х. Бенкендорф наложил резолюцию:

«...Государь велел принять его в Иностранную коллегию с позволением рыться в старых архивах для написания истории Петра Первого»^{1190}. Дочь А. О. Смирновой-Рос-сет по рассказам матери так воссоздает этот эпизод: «На днях Е[го] В[еличество] сказал А. С. Пушкину: Мне хотелось бы, чтобы нидерландский король подарил мне дом Петра Великого в Саардаме. — Если он подарит его Вашему Величеству, отвечал Искра, я попрошусь в дворники. Государь рассмеялся и сказал: Я согласен, а пока я подарю тебе быть его историографом и разрешаю тебе заниматься в архивах»^{1191}. В начале 1836 года Николай Павлович отказал Н. А. Полевому в его просьбе разрешить «составление летописи» (документированного жизнеописания) Петра I, наложив резолюцию: «Историю Петра Великого пишет уже Пушкин, которому открыт архив Иностранной коллегии; двоим и в одно время поручить подобное дело было бы неуместно»^{1192}. После же смерти Пушкина Николай Павлович поручил работу уже профессиональному историку Н. Г. Устрялову, опубликовавшему затем «Историю царствования Петра Великого».

Как известно, желание получить формальное право заниматься в государственных архивах стало одной из причин, побудивших А. С. Пушкина вернуться на службу. 30 декабря 1833 года граф К. В. Нессельроде известил письмом министра двора князя П. М. Волконского о пожаловании А. С. Пушкину чина титулярного советника и звания камер-юнкера: «Государь Император Высочайше пожаловать соизволил в звание камер-юнкера Двора его Императорского Величества состоящего в ведомстве МИД Титулярного Советника Пушкина...»^{1193} Формально Николай Павлович был прав и не мог дать А. С. Пушкину по его чину большего звания. Но поэт увидел в этом насмешку и был взбешен. Его успокаивали В. А. Жуковский и М. Ю. Виельгорский. Только благодаря Н. М. Смирнову, в то время жениху А. О. Россет, узнавшему через камердинера размер Пушкина, удалось заказать злополучный мундир, чтобы поэт смог все же появляться при дворе.

В то же время Николай Павлович по мере возможности защищал Пушкина от несправедливых нападок «Северной пчелы» — например, в начале 1830 года, когда Ф. В. Булгарин раскритиковал седьмую главу «Евгения Онегина». Известно, что произведения А. С. Пушкина и В. А. Жуковского входили в число традиционных подарков детям императорской четы. В 1835 году Пушкину было выдано на уплату долга 30 тысяч рублей и предоставлено шесть месяцев отпуска.

Светские успехи жены, принятой с 1831 года в столичном обществе и

ставшей царицей балов, раздражали Пушкина. Графиня М. Д. Нессельроде привезла ее и на танцевальный вечер в Аничков дворец, где собирался узкий круг избранных. Нравы же двора были хорошо известны поэту. Наталья Николаевна вряд ли знала, что молва приписывала ее мужу эпиграмму на отца графини Нессельроде — бывшего министра финансов Д. А. Гурьева. Во всяком случае, та ненавидела А. С. Пушкина. А поэт формально был возвращен на службу по ведомству К. В. Нессельроде. 14 января 1834 года Наталья Николаевна официально представлялась императорской семье. Беспристрастное исследование показывает, что хотя роман Николая Павловича с Натальей Пушкиной был замечен, ухаживания царя «не выходили из рамок приличия»^{1194}. Более того, именно они делали положение Натальи Николаевны неуязвимым. Флирт императора с Н. Н. Пушкиной продолжался недолго: с осени 1833-го до марта 1834 года. Пушкин пошел на радикальную меру и на четыре месяца отправил супругу в деревню, что оказалось для нее самым большим наказанием в жизни. С осени 1835 года, когда внимание Николая Павловича к Наталье Николаевне ослабло, за ней стал ухаживать Дантес. За несколько дней до дуэли Николай I имел разговор с Натальей Николаевной и советовал ей вести себя осторожнее, чтобы избежать сплетен.

Известны слова умирающего А. С. Пушкина, переданные императору через В. А. Жуковского: «Жаль, что умираю, весь его был бы». Историки литературы склонны ныне считать эти слова подлинными, хотя и интерпретируют их в вольтеровском духе: «...Вот я, твой раб, умираю, и это право остается у меня всегда; ты царь, не в силах помешать мне: истина сильнее царя (слова... из письма к К. Ф. Толю, написанного накануне поединка с Дантесом)»^{1195}. «Никакого конфликта с самодержавием у Пушкина-историка не было, — отмечает один из современных исследователей. — Пушкин-историк ладил с Николаем I (в отличие от Пушкина-поэта, находившегося в большом раздоре с Александром I, да и Николай I «Медного всадника» печатать не разрешил, но Пушкин ради поэзии на конфликт не пошел)». Общий вывод автора звучит так: «...Дуэль фактически явилась следствием конфликта Пушкина не с Дантесом (никто, и в первую очередь сам Пушкин, не сомневался в невинности Наталии Николаевны); дуэль разрешала конфликт поэта с голландским посланником при российском императорском дворе бароном Геккерном»^{1196}.

Дуэль А. С. Пушкина с поручиком Кавалергардского полка Жоржем Шарлем Дантесом (приемным сыном голландского посланника Луи-Борхарда де Беверваарда фон Геккерна) 27 января 1837 года в пятом часу

пополудни за Черной речкой возле Комендантской дачи, равно как и различные версии, связанные с ее предысторией, неоднократно описывались в литературе. Вряд ли все можно свести к какой-то одной версии, в том числе и к последней, согласно которой причиной дуэли послужили попытки Геккерна овладеть списком записок Екатерины II, находившимся у Пушкина. Действительно, барон был известен как делец на ниве антикварного бизнеса, а записки императрицы можно было выгодно перепродать за границу. Геккерну, к слову сказать, удалось овладеть каким-то другим списком.

Современники отмечали провокационную роль Геккерна, выступившего в роли сводника, о чем сама Наталья Николаевна рассказала мужу. Позднее Николай I писал брату Михаилу Павловичу, что Геккерн «точно вел себя как гнусная каналья». Принято считать, что основным поводом для состоявшейся дуэли стал анонимный пасквиль, полученный Пушкиным в ноябре 1836 года, хотя Геккерн к нему отношения не имел. Приемный отец Дантеса, не заинтересованный в скандале, постарался все устроить. 12–14 ноября 1836 года удалось предотвратить первую дуэль, так как Дантес, спасая положение, сделал официальное предложение сестре Натальи Николаевны Пушкиной — Екатерине Гончаровой. Однако помолвка не была объявлена официально. 17 ноября секунданты договорились о новой дуэли, которая должна была состояться 21 ноября на Парголовской дороге. И вновь она была отменена в связи с заверениями о скорой свадьбе. Мнимая беременность Екатерины Николаевны заставляла торопиться. 23 ноября состоялась встреча Пушкина с Николаем I. Император взялся поддержать поэта, но взял с него честное слово не участвовать в поединке. Вскоре, 26 ноября, последовал официальный рапорт Дантеса командиру полка о женитьбе, а само бракосочетание (без участия Пушкина) состоялась в узком кругу 10 января 1837 года. Дуэль снова откладывалась, но уже ничто не могло ее предотвратить. Дантес спас карьеру, но опозорил себя в глазах света, да и Пушкина раздражали новоявленные богатые родственники. Помимо всего прочего взрыв негодования вызвали у него и сплетни, распространяемые Геккернами, о сожительстве поэта с сестрой Натальи Николаевны — Александрой.

Великая княжна Ольга Николаевна писала: «По городу уже циркулировали анонимные письма; в них обвиняли красавицу Пушкину, жену поэта, в том, что она позволяет этому Дантесу ухаживать за собой. Горячая кровь Пушкина закипела. Папа видел в Пушкине олицетворение славы и величия России, относился к нему с большим вниманием, и это внимание распространял и на его жену, в такой же степени добрую, как и

прекрасную. Он поручил Бенкендорфу разоблачить автора анонимных писем, а Дантесу было приказано жениться на младшей сестре Натальи Пушкиной, довольно заурядной особе. Но было уже поздно: раз пробудившаяся ревность продолжала развиваться»^{1197}.

Уже по завершении дуэли, около часа ночи 28 января, смертельно раненному Пушкину принесли записку Николая I, которую потом вернули царю. Смысл ее сводился к тому, что император надеется его еще увидеть, советует исполнить долг христианина и быть спокойным насчет судьбы своей семьи. Узнав о безнадежном состоянии поэта, Николай поручил Жуковскому «запечатать кабинет Пушкина» тотчас после его кончины, уничтожив все крамольные и непристойные рукописи. После смерти Пушкина список мемуаров Екатерины II был изъят. Как камер-юнкера поэта было приказано отпевать в придворной Конюшенной церкви. На отпевании присутствовали придворные чины и генералитет, но «немецкая партия» продемонстрировала свое отношение к происходящему: прусский посол отказался явиться на панихиду. Иностранцы связывали с именем Пушкина деятельность так называемой «русской партии»^{1198}. Похороны поэта в провинции отвечали и стремлению императора не придавать этому событию большой огласки. Впрочем, это решение соответствовало воле покойного. После дуэли Николай Павлович потребовал от Дантеса передать ему оскорбительное письмо, написанное Пушкиным 25 января 1837 года его приемному отцу Геккерну, где поэт называл Дантеса «выблядком». Дантес так и не смог этого сделать: вероятно, он уничтожил письмо сам. Военный суд, в соответствии с пунктом воинского устава Петра I о дуэлях, приговорил Дантеса к повешению, но после конфирмации Николая I он был разжалован в солдаты и 19 марта выслан из России. 1 апреля был вынужден уехать и голландский посланник Геккерн.

Николай Павлович сохранил двойственное отношение к Пушкину. Тот нарушил слово дворянина, не сдержал данное ему обещание не драться на дуэли с Дантесом ни под каким предлогом. Император был склонен оправдать поведение Дантеса, обвиняя в первую очередь Геккерна. В принципе, именно так Николай Павлович поступал и в других случаях, когда разбирал дуэли. Самые тяжелые наказания несли не дуэлянты, а те, кто спровоцировал дуэль или, вопреки служебным обязанностям, не предотвратил ее. 4 (16) февраля 1837 года Николай Павлович писал И. Ф. Паскевичу о смотре гвардии на Дворцовой площади (в связи с этим был перекрыт доступ к Конюшенной церкви, где находилось тело поэта): «Впрочем здесь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимает

публику и служит пищей разным глупым толкам. Он умер от раны за дерзкую и глупую картель, им же писанную, но, слава Богу, умер христианином»^{1199}. В ответ князь Паскевич отвечал государю: «Жаль Пушкина как литератора, в то время, когда его талант созрел; но человек он был дурной»^{1200}. В ответном письме от 22 февраля (6 марта) 1837 года Николай согласился с И. Ф. Паскевичем: «Мнение твое о Пушкине я совершенно разделяю, и про него можно справедливо сказать, что в нем оплакивается будущее, а не прошедшее. Впрочем, все толки про это дело, как и все на свете, проходит; а суд идет своим порядком»^{1201}.

Семья Пушкина была осыпана милостями. Император исполнил слово, данное Пушкину, и 30 января составил собственноручную записку, включив все пункты, которые были в черновом варианте у Жуковского: заплатить долги; заложенное имение отца очистить от долга; установить пенсион вдове и детям: 5 тысяч рублей ассигнациями в год Наталье Николаевне, 1500 рублей двум дочерям ежегодно до замужества; двум сыновьям по 1500 рублей ассигнациями на воспитание до поступления в Пажеский корпус; единовременно выдать 10 тысяч рублей; сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей (50 тысяч рублей). В уплату частных долгов А. С. Пушкина было выделено 92 500 рублей и «вместе с тем скинут долг Пушкина государственному казначейству 43 333 руб. 33 коп. асс.» из выдававшихся на издание «Истории Пугачева». В целом долги составляли 135 тысяч рублей. В 1844 году Наталья Николаевна обратилась к императору с просьбой оплатить ее новые долги и повысить пенсион. В середине апреля Николай удостоил Н. Н. Пушкину свидания. Какие-то деньги были выданы, а 28 мая объявлено о ее помолвке с П. П. Ланским, назначенным 9 мая командиром лейб-гвардии Конного полка с жалованьем 30 тысяч рублей.

«Я ведь не литератор...»: Венценосный цензор

В разговоре с Н. В. Кукольниковым по поводу его драмы «Рука Всевышнего Отечество спасла» Николай Павлович, критически, но доброжелательно, разбирая пьесу, сказал: «Я ведь не литератор и с писательскими приемами не знаком...»^{1202} Император немного позировал: в целом, он разбирался в литературе и, самое главное, знал, чего он от нее хочет.

Воспоминания Николая Павловича о своем детстве и восшествии на престол, написанные им манифесты, записки, письма и лаконичные, яркие и выразительные резолюции свидетельствуют о хорошем слоге, четко выражающем мысль. Это не перо поэта и мыслителя, а карандаш практика, способного к анализу, но чуждого «отвлеченных материй». Тяготеющий к точным наукам и инженерному делу, не очень разбирающийся в поэзии, но увлеченный театром, Николай Павлович читал много — от газет и журналов до сценариев спектаклей: первые — по долгу службы, вторые — еще и с удовольствием, но подчас также решая возникающие цензурные проблемы. Исполнение роли чтеца в домашних «собраниях» Александры Федоровны также способствовало знакомству с новинками русской и зарубежной литературы. Занимаясь историей императорской библиотеки, один из исследователей был вынужден сделать вывод, что, вопреки распространенному мнению, Николай Павлович «проявлял исключительную любовь к чтению, особенно много занимаясь военными науками, обмундированием войск и геральдикой»^{1203}.

Комплектованием личных библиотек Николая Павловича (в Зимнем дворце, Петергофе, Царском Селе) занимались библиотекари англичанин К. И. Седжер (умер весной 1840 года) и уроженец Женевы Ф. А. Жилье. «Мосье Жилье» сначала преподавал историю детям Николая Павловича. Ольга Николаевна не забыла помянуть его добрым словом. «Папа, — писала она, — назначил его потом заведующим библиотекой и хранителем арсенала в Царском Селе, ввиду того, что у него были также и большие познания в истории оружия. Как ученый он заслужил благодаря своим трудам европейскую славу»^{1204}. Оба этих человека являлись «по совместительству» и библиотекарями Эрмитажа, но основное внимание уделяли императорским библиотекам^{1205}.

Поставщиками книг и эстампов были книгопродавцы: в России — Терехов, Шлицдорф, Фельтен, Дюфур и Кюзель; в Париже — Варэ, Жио,

Юнг-Трейхель и Вюрц; в Вене — Кунич; в Берлине — Гропиус, Браунмюллер и Зейдель; в Лейпциге — Брокгауз. В 1855 году, во исполнение духовного завещания Николая I, его так называемая «секретная библиотека» (с коллекцией эротической графики), находившаяся в Царском Селе, перешла к наследнику — императору Александру II; остальные библиотеки — великому князю Константину Николаевичу^{1206}. В Аничковом дворце также имелись небольшие библиотеки — отдельно Александры Федоровны и Николая Павловича. Это были простые шкафы, затянутые серой тафтой. Библиотека императора отличалась тем, «что в ней над шкафами висели портреты генералов, с которыми он вместе служил»^{1207}. Различные справочные издания и карты поступали по линии Военного ведомства. Так, 16 декабря 1840 года Собственная Его Императорского Величества контора препроводила для «собственного употребления государя императора» вновь вышедшие издания, включая сведения о квартирном расположении войск в губерниях, несколько частей «Записок» Военно-топографического депо, топографические карты Виленской и Лифляндской губерний, топографические съемки окрестностей Бородино, план Санкт-Петербурга, а также карты Малой Азии (еще памятли были Египетские кризисы 1833 и 1839 годов).

Наметившееся в юности увлечение историей осталось у Николая Павловича и в зрелые годы. Из зарубежных историков он больше всего уважал Тьера, из русских — Каченовского (как издателя) и Карамзина. Известно, что незадолго до восстания декабристов, 31 октября 1825 года, великий князь присутствовал на вечере у Марии Федоровны, на котором Карамзин читал выдержку из 12-го тома своего труда об осаде Троицкой лавры. Позднее Николай I признавался графу П. Д. Киселеву, что мало читает: «У меня нет времени, но я все же нахожу его, чтобы почитать Тьера. Выбранный им сюжет и то, как он его преподносит, заставляет меня предпочесть его всем серьезным трудам, которые мне присылают. Я всегда с нетерпением ожидаю следующего тома. В промежутках тешу себя чтением Поля де Кока и «Journal des Débats», я листаю его уже 40 лет»^{1208}.

Были у Николая Павловича и свои любимые писатели, в том числе и для семейного чтения. Прежде всего следует назвать имя Вальтера Скотта, тогда уже признанного родоначальника исторического романа, хотя право на существование этого жанра еще оспаривалось критикой, и скептик «барон Брамбеус» (О. И. Сенковский) в «Библиотеке для чтения» называл его незаконнорожденным плодом науки и художественной

литературы^{1209}. Для Николая Павловича таких сомнений не существовало. Имя этого писателя напоминало императору английские впечатления молодых лет, а его произведения позволяли окунуться в поэтизированную атмосферу рыцарских времен^{1210}. Не случайно и «Бориса Годунова» государь без всякого злого умысла, а с вполне искренним желанием помочь, посоветовал А. С. Пушкину переделать в исторический роман, наподобие Вальтера Скотта. В его представлении это была высокая планка мастерства. В круг чтения императорской семьи входили также Шатобриан и Жермена де Сталь. Из произведений Франсуа Рене де Шатобриана на Николая Павловича, вероятно, могла произвести впечатление впервые опубликованная в 1826 году «История последнего из Абенсераджей», посвященная рыцарственной любви араба к испанке. Вероятно, императору были близки и «Замогильные записки», опубликованные посмертно (1848–1850), в которых писатель скорбел о том, что Европа устремляется к демократии и переходит от монархии к республике. Позднее Николай Павлович познакомился с произведениями Поля де Кока, иногда двусмысленными, к которым в большей степени тяготел его брат Михаил Павлович, снабжавший ими своих знакомых. Но, пожалуй, особенно император любил вполне социального, хотя и несколько сентиментального Эжена Сю, писателя, рисующего жизнь парижского «дна». Его роман «Парижские тайны» (1842–1843) он читал вслух, и при чтении на его глаза наворачивались слезы. С другим произведением Эжена Сю, «Вечный жид» (1844–1845), он познакомился в 1845 году.

Новейшие произведения как русской, так и иностранной литературы «озвучивались» в «вечерних собраниях» императрицы, когда не было музыки^{1211}. Первое знакомство Николая Павловича с русской словесностью состоялось в молодости, во многом по произведениям, публиковавшимся в «Вестнике Европы», который издавался историком М. Т. Каченовским^{1212}. Не случайно, посетив в 1837 году Московский университет, император, как писал в своей записке попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов, «удостоил высочайшим приветствием г. ректора как лично известного ему на ученом поприще чиновника»^{1213}. (Каченовский стал ректором в 1837 году.)

Благодаря В. А. Жуковскому и А. О. Смирновой-Россет, вокруг которой сложился кружок литераторов и людей искусства, Николай Павлович был в курсе основных тенденций развития литературы. Хотя было бы наивно предполагать, что занятый государственными делами император своевременно успевал знакомиться со всеми новинками русской

литературы. В качестве иллюстрации его некомпетентности часто приводят известный факт: роман Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1842) он приписал В. А. Соллогубу, чья повесть «Тарантас» (1845) с меткими зарисовками провинциального быта так ему понравилась. Что касается Н. В. Гоголя, то 19 апреля 1836 года на сцене Александрийского театра была поставлена его комедия «Ревизор». Гоголь писал тогда матери: «Если бы Государь не оказал своего высокого покровительства, то, вероятно, «Ревизор» не был бы никогда игран или напечатан»^{1214}. В письме к государю из Рима в апреле 1837 года Гоголь благодарил его: «Вы склонили Ваше царское внимание к слабому труду моему, тогда как против него неправо восставало мнение многих»^{1215}. Собственно, Николай Павлович уже в 1837 году заметил первые произведения Гоголя. Понравился Николаю Павловичу и «псевдоисторический», как определила позднее литературная критика, роман издателя «Северной пчелы» Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (1829). Роман этот имел тогда шумный успех у публики, но был подвергнут резкой критике А. С. Пушкиным.

Хорошо известна материальная помощь, оказанная Николаем Павловичем многим литераторам и их семьям. Вспомним только некоторые факты. Так, перед кончиной Н. М. Карамзина ему была назначена пенсия 50 тысяч рублей ежегодно; та же сумма после его смерти назначена вдове и детям (до поступления на службу сыновей и замужества дочерей). Вдове и сестре А. С. Грибоедова выдано пособие в 60 тысяч рублей единовременно и 5 тысяч рублей пенсий. Вдове Н. А. Полевого — пенсия 1 тысяча рублей; вдове К. Ф. Рылеева — пенсия 3 тысячи рублей^{1216}. Когда в 1845 году друзья Н. В. Гоголя, в том числе А. О. Смирнова-Россет, П. А. Плетнев, П. П. Вяземский, хлопотали о назначении писателю при его «стесненных обстоятельствах» пенсии (по тысяче рублей в год на пять лет), государь заметил о нем: «У него есть много таланту драматического, но я не прощаю ему выражения и обороты слишком грубые и низкие»^{1217}. Назначение пенсии писателю было поставлено в зависимость от решения министра народного просвещения С. С. Уварова. В итоге пенсия была назначена, но не на пять лет, а на три года. И. А. Крылову в день 50-летия была пожалована звезда ордена Святого Станислава и усиленная пенсия. Император принял также активное участие в решении вопросов, связанных с установкой памятника И. А. Крылову, и выборе места для него в Летнем саду.

Как критик литературных и публицистических произведений Николай Павлович обращал внимание прежде всего на их идейно-политическую

направленность, соответствие доктрине абсолютной монархии. Для императора это было *condicio sine qua non* (непременным условием). В 1832 году сразу после выхода первого номера был запрещен журнал И. В. Киреевского «Европеец», который мог попасть в руки Николая Павловича через В. А. Жуковского. Так или иначе, но император прочитал программную статью издателя и редактора «Девятнадцатый век». А. Х. Бенкендорф мог услужливо обратить его внимание на разбор постановки в Москве пьесы «Горе от ума» с выпадами против иностранцев, не знающих русского языка, но занимающих ответственные посты, что не могло понравиться остзейскому окружению Николая Павловича. Передавая затем мнение императора по поводу этого журнала, А. Х. Бенкендорф писал: «Его величество изволил найти, что все статьи есть не что иное, как рассуждение о высшей политике, хотя в начале оной сочинитель и утверждает, что он говорит не о политике, а о литературе. Но стоит обратить только некоторое внимание, чтобы видеть, что сочинитель, рассуждая будто бы о литературе, понимает совсем иное; что под словом *просвещение* (здесь и далее курсив документа. — Л. В.) он понимает свободу, что деятельность *разума* означает у него *революцию*, а искусно *отысканная середина* не что иное, как *конституция*. Посему его величество изволил находить, что статья сия не долженствовала быть дозволена в журнале литературном, в каковом воспрещено помещать что-либо о политике... Далее в той же книжке «Европейца» государь император изволил заметить в статье «Горе от ума» самую неприличную и непристойную выходку на счет находящихся в России иностранцев... Вместе с тем его величеству угодно, дабы на будущее время не были дозволяемы никакие новые журналы, без особого высочайшего разрешения, и дабы при испрашивании такого разрешения было представляемо его величеству подробное изложение предметов, долженствующих входить в состав предполагаемого журнала, и обстоятельные сведения об издателе»^[1218].

В 1834 году был закрыт журнал «Московский телеграф», издаваемый Н. А. Полевым, причем формальным основанием для этого послужил неблагоприятный отзыв о патриотической драме Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла», посвященной воцарению Романовых. Эта пьеса, где в каждой строке, по отзыву Н. В. Станкевича, «видна преданность престолу и отечеству»^[1219], пропагандировала идеи православия, самодержавия и народности, то есть известную «уваровскую триаду». Министр народного просвещения С. С. Уваров и выступил

инициатором репрессий против журнала, о котором он отзывался весьма резко: «Это проводник революции, он уже несколько лет систематически распространяет разрушительные правила. Он не любит России... Декабристы не истреблены: Полевой хотел быть органом их»^{1220}.

Общественность же по-своему откликнулась на закрытие «Московского телеграфа». По рукам стала ходить эпиграмма:

Рука Всевышнего три чуда совершила:
Отечество спасла,
Поэту ход дала
И Полевого задушила^{1221}.

Для обремененного большой семьей Полевого это действительно стало крахом, так как, продав водочный завод, он вложил свое состояние в издание журнала. Но его литературная деятельность на этом не закончилась. Когда осенью 1836 года Николай Павлович приехал в Москву, сопровождавший его А. Х. Бенкендорф навел по своей линии справки об издателе и, получив благоприятные отзывы, показал императору статью Н. А. Полевого «Памятник Петру Великому в Петербурге». Николай Павлович был чрезвычайно доволен и, вызвав через фельдъегеря автора, сказал, что готов поощрять его во всех полезных трудах. Осенью следующего года Н. А. Полевой переехал на жительство в Петербург и начал издавать журнал «Живописное обозрение».

Своей патриотической пьесой «Дедушка русского флота» Н. А. Полевой снискал новое благоволение императора. В письме к брату К. А. Полевому 24 ноября 1838 года он рассказал, как на четвертое представление пьесы неожиданно появился прибывший в тот день в Петербург Николай I: «Начался «Дедушка» — все загремело, и когда пошла вторая половина пьесы, — это были просто гром, крик, «ура»! Видно было, что государь наслаждался этим неподдельным голосом народа; он был весел, хлопал, смеялся. — «Полевой дал мне семейный праздник!» — сказал государь потом... «У автора необыкновенные дарования, — говорил он, — ему надобно писать, писать, писать! Вот что ему писать надобно (он улыбнулся), а не издавать журналы»^{1222}. Вскоре после этого Н. А. Полевой был вызван к А. Х. Бенкендорфу. В том же письме он пересказывает лестный для себя отзыв императора, переданный ему шефом жандармов: «Государь благодарит вас; велел мне сказать вам, что он никогда не сомневался в дарованиях ваших, но не предполагал в вас такого

сценического искусства. Но просит вас, приказывает вам писать для театра. Давайте мне все, что вы напишете, государь сам будет все читать»^[1223]. В конце беседы А. Х. Бенкендорф обнял драматурга и вручил ему бриллиантовый перстень стоимостью около 2500 рублей ассигнациями. В 1839 году Н. А. Полевой написал еще одну драму из петровской эпохи — «Купец Иголкин». Тогда же бывший учитель рисования Николая Павловича ректор Академии художеств В. К. Шебуев создал известную картину «Подвиг купца Иголкина». Сюжет драмы и картины был заимствован из сочинения И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России...»: заключенный под арест в годы Северной войны в Швеции новгородский купец Иголкин убил двух часовых, которые при нем оскорбили имя русского царя Петра I; Карл XII, узнав о причинах поступка, приказал освободить русского купца. Вспомним, что именно в эти годы маркиз де Кюстин отмечал популярность в России образа Петра I!

А вот Н. И. Надеждину за публикацию В. Г. Белинским в «Телескопе» первого из «Философических писем» П. Я. Чаадаева не повезло. Как известно, в 1836 году журнал был закрыт, а П. Я. Чаадаев, выступивший с критикой русской истории, православия, самодержавия и крепостного права, объявлен сумасшедшим. В. Г. Белинский стал работать редактором журнала «Московский наблюдатель» (1838–1839), а после его закрытия в 1839 году переехал в Петербург. В течение долгого времени он вел отдел литературной критики в журнале «Отечественные записки» (1839–1846), а с 1847 года стал работать в «Современнике», который в это время перешел в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева.

Очень остро Николай Павлович реагировал на встречающиеся в литературных произведениях сепаратистские настроения. Это, наряду с оскорблениями в адрес Александры Федоровны, стало одной из причин жестокого приговора в отношении автора поэмы «Сон» Т. Г. Шевченко, арестованного 5 апреля 1847 года и приговоренного к отдаче в солдаты Оренбургского отдельного корпуса. При этом причастность его к организации «Кирилло-Мефодиевского братства» тогда не была доказана. Резолюция Николая Павловича в отношении Т. Г. Шевченко гласила: «Под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать»^[1224]. В. Г. Белинский тогда крайне неодобрительно отнесся к деятельности Т. Г. Шевченко, равно как и к «Повести об украинском народе» П. А. Кулеша, напечатанной в журнале для детей «Звездочка» в 1846 году. В сущности, его оценку Т. Г. Шевченко полностью мог разделить и Николай Павлович. «Вера делает чудеса, — писал критик, — творит людей из ослов и дубин,

стало быть, она может и из Шевченки сделать, пожалуй, мученика свободы. Но здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и пошлеца, а сверх того горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому»^{1225}. И далее: «Мне не жаль его, будь я его судьей, я сделал бы не меньше. Я питаю личного рода вражду к такого рода либералам. Это враги всякого успеха. Своими дерзкими глупостями они раздражают правительство, делают его подозрительным, готовым видеть бунт там, где нет ничего ровно. И вызывают меры крутые и гибельные для литературы и просвещения... Ох эти мне хохлы! Ведь бараны — а либеральничают во имя галушек и вареников с свиным салом! И вот теперь писать ничего нельзя — все марают. А с другой стороны, как же жаловаться на правительство? Какое же правительство позволит печатно проповедовать отторжение от него области?»^{1226} Именно этими настроениями В. Г. Белинский объяснял запрет на печатание продолжения романа Жорж Санд «Пиччинино» в «Современнике» (было напечатано краткое изложение дальнейших событий романа), ее же романа «Леон Леони» и романа аббата Прево «Манон Леско».

Не менее внимательно Николай Павлович следил за оценками зарубежных политических деятелей, лично ему несимпатичных. На первом месте здесь, конечно же, стоял Луи Филипп. Во время вынужденного лечения в 1836 году в Чембаре Николай Павлович не поленился заглянуть в пятый том «Энциклопедического лексикона» («Encyclopédie des gens du monde»), а именно в статью о семействе Бонапартов, которую, как потом оказалось, переводил ректор Петербургского университета И. П. Шульгин. На странице 293 Николай Павлович обнаружил, что при перечислении детей бывшего голландского короля Людовика Наполеона был указан и «Карл Людовик Наполеон, родившийся в 1808 году, принц мужественный, любезный и кроткий, единственное утешение родителей по смерти старшего своего брата». Прочитав это, Николай Павлович написал на полях слово с восклицательным знаком, которое было опубликовано М. К. Лемке, только с отточием. Последовало разбирательство через А. Х. Бенкендорфа, но главный редактор Н. И. Греч решил не выдавать автора, заявив начальнику секретного отделения Лаврову: «Право, не помню: у нас переводят и девицы. Но за содержание статей отвечаю я, главный редактор. На которую гауптвахту идти?» Начальник отделения засмеялся и сказал: «Граф Бенкендорф просил Вас только внимательнее смотреть за изданием и больше ничего»^{1227}.

Беспокоили Николая Павловича и вопросы «контрпропаганды»,

борьба с русофобией, захлестнувшей европейскую прессу после польского восстания 1830–1831 годов. В связи с этим весьма кстати оказались стихи, написанные А. С. Пушкиным и П. А. Вяземским. В 1835 году П. Д. Киселев записал в своем дневнике о разговоре за «семейным обедом у императора», где граф высказал мнение о необходимости «повлиять на иностранную печать, составляющую ныне силу, с которою надо бороться, если не хотят приобрести ее, чтоб управлять ею, или, по крайней мере, надо иметь орган для опровержений безобразий лжи, которую они позволяют себе в отношении нас при всяком удобном случае». Канцлер К. В. Нессельроде возражал, что это «неприлично достоинству великого государства входить в борьбу с прессой». Киселев парировал, заявив, что «это, конечно спокойнее, но не полезнее»^{1228}. Кончилось тем, что такого рода поручения стали идти мимо К. В. Нессельроде через А. Х. Бенкендорфа. Высказывания самого Николая Павловича на этот счет в источнике не приведены, но, вероятно, государь скорее согласился бы с Нессельроде. В воспоминаниях великой княжны Ольги Николаевны за 1841 год приводится любопытный разговор между императором и приехавшим в Петербург принцем Вильгельмом, будущим прусским королем и германским императором. Когда зашла речь об открытом обмене мнений, Вильгельм заметил: «И все-таки вы допускаете цензуру в прессе?» — «Да, из необходимости, против моего убеждения». — «Против вашего убеждения?» — «Вы знаете, — возразил Николай Павлович, — по своему убеждению я республиканец. Монарх я только по призванию». — «Вам надо завести орган, предназначенный для того, чтобы опровергать ту клевету, которая, несмотря на цензуру, постоянно подымает голову». — «Я никогда в жизни не унижусь до того, что начну спорить с журналистами»^{1229}.

«В этой пьесе всем досталось, а мне в особенности»:

В императорской ложе и за кулисами

«Сценарии власти» — так назвал свою работу о российских государях американский историк Р. Уортман. Но мало кто из императоров уделял такое внимание сознательной разработке этого «сценария», осознанно отводя самому себе главную роль, которую старательно разучивал и разыгрывал, как император Николай Павлович.

Традиция представлять Николая I «лицемером» восходит к запискам де Кюстина. Но сам маркиз оговаривался, что не вкладывает в этот термин оскорбительного значения, подчеркивая лишь актерские качества императора. Отмечая беспрестанную смену масок на лице государя, Кюстин пишет, что по-гречески актеров, меняющих свои лики, и называли «лицемерами»: «Именно это я и хочу сказать: император всегда играет свою роль, причем играет с великим мастерством... Я вовсе не хочу сказать, что лицу этого монарха недостает честности, — нет, повторяю, недостает ему лишь естественности... Вы ищете человека и находите только императора. На мой взгляд, замечание мое для императора лестно: он добросовестно правит свое ремесло»^{1230}. Характерные черты поведения государя еще более рельефно оттеняются неприятным, по первому впечатлению, комплиментом, вырвавшимся у актрисы французского театра Бра (пожилой актрисы, исполнительницы характерных ролей), пришедшей просить его присутствовать на своем бенефисе. Тогда Николай Павлович задал ей вопрос: «Как Вы меня находите во главе моего войска?» — «Ах, государь, — отвечала актриса, — Вы очень подходите к Вашему амплуа (de Votre emploi)»^{1231}.

Действительно, Николай Павлович был не чужд сценическому искусству. Задатки актерских способностей проявились у него еще в юности. Когда великокняжеская чета поселилась в Аничковом дворце, первым делом Николай позаботился об устройстве театральной залы и предпочитал театр всем другим развлечениям. «Скажите откровенно, — спросил он однажды у графини Разумовской, — ведь мой театр лучше Эрмитажного во времена императрицы Екатерины? Репертуар, во всяком случае, разнообразнее, или, по крайней мере, забавнее»^{1232}. Сам великий князь с удовольствием принимал участие в любительских спектаклях,

предпочитая прежде всего пьесы Мольера и Дюмушэ. К трагедии он был менее склонен, отдавая предпочтение в этом жанре Корнелью. На вечерах же в Аничковом дворце, а летом — в загородных резиденциях он любил импровизировать, придумывая живые шаржи. Но если в детстве это могли быть его же учителя, то теперь их место заняли условные персонажи, например старые служаки. Ав 1821 году в Берлине Николай Павлович и Александра Федоровна, как мы уже знаем, стали главными персонажами грандиозной постановки «Лалла Рук».

Александра Федоровна тоже была любительницей театра. Но поскольку первое время она плохо владела русским языком, великокняжеская чета посещала спектакли немецкого театра на Дворцовой площади. Выбор театра, где артисты не блистали талантами, где в массовых сценах в качестве статистов выступали немецкие булочники и другие ремесленники, а сентиментальные немки в зале вязали чулки, смахивая в соответствующих местах слезы, объяснялся тем, что французская труппа была распущена еще в 1812 году. К тому же традиция посещения театров лицами императорской фамилии к этому времени была в значительной степени утрачена. Не мог же Александр I появляться в царской ложе с М. А. Нарышкиной? После того как великокняжеская чета стала посещать спектакли два-три раза в неделю, в немецкий театр потянулась и публика, желавшая видеть великую княгиню. Через год к немецкому театру прибавился французский. Осенью 1819 года французская труппа была возрождена и стала играть три раза в неделю в Большом театре.

На первом же представлении французской труппы, игравшей комедию «Cidevant jeune homme» («Бывший молодой человек»), где основную роль исполнял Сен-Феликс де Скво, присутствовал и Николай Павлович со своим братом Михаилом, тоже заядлым театралом. Очень скоро они стали приглашать к себе талантливого артиста. Однажды, когда де Скво посетил Михаила Павловича, неожиданно появился и Николай, который поприветствовал его просто, остановив попытки артиста ответить в выпретенных выражениях, положенных по этикету. Позднее де Скво вспоминал: «Ах, оставьте, пожалуйста! — сказал Николай Павлович — Надоели мне эти «высочества», я слышу их на каждом шагу. Поменьше этикета. Мне хочется похохотать, пошутить. Право, такие минуты для меня большая редкость. Давайте же пользоваться случаем». Великие князья и артист взяли зажженные канделябры, поставили на пол, чтобы устроить театральную рампу, и начали декламировать сцены из «Вертера». Подобно Александру I, великие князья обладали необыкновенной памятью, и один

из них начал наизусть говорить роль Шарлотты, другой — Альберта. Тогда «Вертер» пользовался огромным успехом в Петербурге. Так прошло два часа. Великие князья острили и сыпали каламбурами»^{1233}. Даже в конце 30-х годов в Гатчине Николай Павлович однажды затеял любительский спектакль по водевилю П. Каратыгина «Ложь 1-го яруса на первый дебют Тальони»; он сам выступил режиссером, а в качестве сюрприза вышел на сцену в шинели квартального надзирателя, рассмешив всю семью^{1234}.

После воцарения Николая I театральному делу было придано государственное значение. Именно в Большом театре представлял император своего нареченного зятя герцога Лейхтенбергского публике, после его помолвки 5 декабря 1838 года с любимой дочерью Марией Николаевной. Это зрелище, по воспоминаниям современников, было великолепно, «первые четыре ряда кресел занимали люди со звездами; бельэтаж горел в бриллиантах»^{1235}. Уже в первые годы царствования Николая Павловича возродилась жизнь и в Эрмитажном театре, пришедшем в запустение при Павле I и Александре I. В 1826 году театр был передан в ведение Дирекции императорских театров, которой подчинялись и все крупнейшие театры Петербурга и Москвы. В Эрмитажном театре спектакли начались после реставрации здания Карлом Росси в 1827 году постановкой балета «Эсфирь и Флора». С 1830 года возобновились и новогодние маскарады, проходившие здесь в первые годы царствования Александра I (1808–1812)^{1236}. Одновременно для выездных спектаклей на Каменном острове был построен Каменноостровский театр (архитектор С. Л. Шустов, вновь отстроен А. К. Кавосом в 1844 году). Вскоре еще два новых театральные здания украсили столицу. В 1832 году был открыт названный в честь Александры Федоровны Александринский театр. Архитектор К. И. Росси предусмотрел и обширные императорские апартаменты, в которые вел отдельный вход со стороны аркады. В небольшой передней находилось (и находится до сих пор) зеркало в бронзовой оправе, а на третьем этаже, куда вела белокаменная лестница, открывается анфилада небольших уютных комнат, которые можно было использовать по разному назначению, а также туалетная. С лестницы великолепные двери ведут в аванложу, украшенную зеркалами и малахитовым камином (нечто вроде передней), а затем — в саму ложу. Специальное потайное окошко в ложе позволяло видеть не только сцену, но и часть закулисья. С лестницы другие двери вели в нижнюю царскую ложу наравне со сценой, а также на саму сцену^{1237}.

Александринский театр считался «русским», так как в нем в основном

ставились произведения на русском языке. Впрочем, В. Г. Белинский не был высокого мнения о репертуаре этого театра, пьесы которого, по его замечанию, «разделяются на три рода: 1) пьесы, переведенные с французского, 2) пьесы, переделанные с французского, 3) пьесы оригинальные. О первых прежде всего должно сказать, что они большею частию неудачно переводятся, особенно водевили... Русские переделки с французского нынче в большом ходу: большая часть современного репертуара состоит из них. Причина их размножения очевидна: публика равнодушна к переводным пьесам; она требует оригинальных, требует на сцене русской жизни, быта русского общества... Об оригинальных пьесах нечего и говорить»^{1238}. Для элитной публики и дипломатического корпуса предназначался Михайловский (от Михайловской площади и дворца Михаила Павловича) театр, возведенный по проекту Александра Брюллова (перестроен в 1859 году А. К. Кавосом). Здесь французская труппа исполняла модные новинки парижской сцены, но были также русские постановки и балеты. В день открытия театра, 8 ноября 1833 года, были исполнены балет «Воспитанница Амура» (в другом варианте — «Амур в деревне»), а также, по личному указанию Николая Павловича, — водевиль П. А. Каратыгина «Знакомые незнакомцы»^{1239}.

«Государь Николай Павлович, — писал впоследствии артист Ф. А. Бурдин, — страстно любил театр. По обилию талантов русский театр тогда был в блестящем состоянии. Каратыгины, Сосницкие, Брянские, Рязанцев, Дюр, Мартынов, Самойловы, Максимов, Асенкова... Балет тоже отличался блеском, имея во главе первоклассных европейских балерин: Тальони, Фанни Эльслер, Черито, Карлотту Гризи и др., а французский театр по своему составу мог соперничать с Comédie Française; довольно назвать супругов Аллан, Брессана, Дюфура, Плесси, Вольнис, Мейер, Бертон, Руже, Готи, Верне, — позднее Лемениль и других... Театр был любимым удовольствием государя Николая Павловича, и он на все его отрасли обращал одинаковое внимание; скабрёзных пьес и фарсов не терпел, прекрасно понимал искусство...»^{1240} Добавим от себя: прежде всего он понимал, применяя более позднее выражение, идейно-политическое значение этого «самого массового» тогда вида искусства, но ценил также талант и юмор. Об этом последнем качестве один из историков театра писал: «Император Николай I оказывал театру снисходительное «отеческое» внимание. Он любил пошутить и поболтать с хорошенькой артисткой. Похохотать над водевилем Каратыгина или Федорова, заставить талантливого актера копировать кого-либо из лиц своей свиты... В трудные

минуты он приходил иногда на выручку к угнетенным цензурой авторам, если, впрочем, у последних оказывались сильные покровители»^{1241}.

В летний сезон, когда театральная жизнь в Петербурге замирала, артисты вызывались для спектаклей в загородные резиденции. Даже во время маневров в Красном Селе спектакли давались до четырех раз в неделю, а для проживания артистов были выстроены деревянные дачи. Так, в июле 1851 года по инициативе наследника для офицеров был устроен спектакль «Белая камелия» (по пьесе брата жены М. А. Корфа)^{1242}. На спектакли в Красное Село императорская семья приезжала из Петергофа. Когда же двор перебирался в Царское Село, где оставался иногда до 8 ноября, то спектакли давались два раза в неделю. Артисты приезжали к спектаклям из Петербурга, завтракали во дворце, а после обеда могли покататься по парку в придворных «линейках». После спектакля ужинали и возвращались в Петербург с подарками^{1243}. Спектакли в Царском Селе давались, как правило, в залах Царскосельского дворца, но во время траура и в связи с другими обстоятельствами они могли проходить и в комнатах Александровского дворца. Обычно игрались две пьесы — французская и русская. В дневнике А. И. Храповицкого под 22 октября 1838 года отмечено представление в Александровском дворце: «При сем спектакле присутствовала вся императорская фамилия с многочисленным двором. Во время французской пьесы (это был «Чиновник по особым поручениям» Э. Скриба. — Л. В.) аплодисментов почти не было, но в продолжении русской государь много аплодировал и смеялся. Потом всем было объявлено высочайшее благоволение»^{1244}.

В Царскосельском дворце артистам для трапезы выделяли один из залов. Об одном курьезном случае, свидетельствующем о снисходительном отношении государя к мелким прегрешениям артистов, рассказывает Ф. А. Бурдин: «Однажды после спектакля во дворце в Царском Селе два маленьких артиста Годунов и Беккер выпили лишнее и поссорились между собою. Ссора дошла до того, что Годунов пустил в Беккера бутылкой; бутылка пролетела мимо, разбилась о стену и попортила ее. Ужинали в Янтарной зале; от удара бутылки отскочил кусочек янтаря. Все страшно перепугались; узнав это, в страхе прибежали директор, министр двора князь Волконский; все ужасались при мысли, что будет, когда государь узнает об этом. Ни поправить скоро, ни скрыть это нельзя. Государь, проходя ежедневно по этой зале, должен был непременно увидеть попорченную стену. Виновных посадили под арест, но это не исправляло дела... Министр боялся резкого выговора, директор — отставки, а

виновным все предсказывали красную шапку. Действительно, через несколько дней государь, увидя испорченную стену, спросил у князя Волконского: «Что это значит?» Министр со страхом ответил ему, что это испортили артисты, выпившие лишний стакан вина. — «Так на будущее время давайте им больше воды», — сказал государь; тем дело и кончилось»^{1245}.

В 1837 году в Петергофе у Красного пруда был открыт новый летний императорский театр (старый «Оперный дом» на территории Верхнего парка пришлось снести еще в 1829 году)^{1246}. Артистов, непосредственно занятых в спектаклях, привозили пароходом. Иногда же, когда спектаклей было много, их поселяли на несколько недель в Монплезире^{1247}. В свободное время артистов можно было видеть купающимися в расположенном рядом бассейне. Вот что вспоминал о пребывании артистов в Петергофе в 1831 году начальник русской драматической труппы Р. М. Зотов: «Помню, что за холодным годом последовало самое жаркое лето, и в это время был дан балет «Киа-Кинг» в Петергофе на открытом воздухе, на площадке против Самсона. Зрелище было великолепное... На другой день после «Киа-Кинга» я на пристани Монплезира купался в 8 часов утра с некоторыми из театральных лиц, и в эту самую минуту подошел неожиданно государь; но взглянув на нас и узнав, кто купается, не велел беспокоить нас»^{1248}.

В театральный сезон, посещая театры почти ежедневно, Николай Павлович частенько заходил за кулисы, разговаривал с артистами. При встрече на улице завязывал с ними непринужденный разговор. Иногда это могло закончиться для артиста и плачевно. Актер-комик французской труппы Виктор Верне, которого император особенно жаловал, был удостоен такого разговора, после чего попал в полицейский участок за «приставание» к императору: плохо владея русским языком, он не смог объясниться с полицейским. И только позднее, когда все выяснилось, его выпустили с извинениями. После этого случая, когда в Михайловском театре Николай Павлович однажды направился к артисту, тот «вместо ответа замахал руками и опрометью бросился бежать... Государь очень смеялся, но Кокошкину (петербургскому полицмейстеру. — Л. В.) досталось»^{1249}. На следующий день вызванный в Зимний дворец артист получил золотую, осыпанную бриллиантами табакерку с портретом государя^{1250}.

К числу любимых артистов Николая Павловича относились братья Каратыгины. Позднее Ф. И. Шаляпин в своих воспоминаниях передал один

из анекдотов, сохранявшихся в театральной среде о Василии Андреевиче Каратыгине: «Николай I, находясь во время антракта на сцене и разговаривая с актерами, обратился в шутку к знаменитейшему из них, Каратыгину: «Вот ты, Каратыгин, очень ловко можешь притворяться кем угодно. Это мне нравится». Каратыгин, поблагодарив государя за комплимент, согласился с ним и сказал: «Да, ваше величество, могу действительно играть и нищих, и царей». — «А вот меня ты, пожалуй, и не сыграл бы», — шутливо заметил Николай. — «А позвольте, ваше величество, даже сию минуту перед Вами я изображу Вас». Добродушно настроенный царь заинтересовался: «Как это так?» Пристально посмотрел на Каратыгина и сказал уже более серьезно: «Ну, попробуй». Каратыгин немедленно встал в позу, наиболее характерную для Николая I, и, обратившись к тут же находившемуся директору императорских театров Геденову, голосом, похожим на голос императора, произнес: «Послушай, Геденов. Распорядись завтра в 12 часов выдать Каратыгину двойной оклад жалованья за этот месяц». Государь рассмеялся: «Гм... Гм... Недурно играешь». Распрощался и ушел. На другой день в 12 часов Каратыгин получил, конечно, двойной оклад»^{1251}. В другом варианте этой легенды фигурирует не оклад, а корзина с шампанским.

Вообще на подарки и знаки внимания артистам и авторам, пишущим для театра, Николай Павлович не скупился. Хорошо знавший свою театральную среду артист вспоминал: «Государь поощрял мастеров, доказательством тому служат неоднократные пособия Гоголю, драгоценные подарки всем авторам, писавшим для сцены: Кукольнику, Полевому, Каратыгину, Григорьеву, а Полевому он, ввиду его стесненного положения, пожаловал пенсию... Однажды, встретив Каратыгина и Григорьева, поклонился им в пояс, сказавши: «Напишите что-нибудь порядочное» (слыхал от П. И. Григорьева)... Во время болезни Дюра он прислал к нему своего доктора. Узнав о плохом здоровье Максимова, приказал его отправить лечиться на счет дирекции за границу»^{1252}. Артист П. А. Каратыгин упоминает о трех бриллиантовых перстнях (распространенная в то время форма оплаты литературного труда) за сочиненные им водевили: «Знакомые незнакомцы» (1830), «Ложь 1-го яруса» (1838), «1-е июля в Петергофе» (1839)^{1253}. Существенным было и Положение от 13 августа 1833 года, по которому артистам императорских театров стали выплачивать пенсии из Кабинетских денег^{1254}. В то же время задержки в выплате зарплаты по несколько месяцев считались обычным делом. Социальный статус артистов, как уже говорилось, повысился с распространением на них

в конце 30-х годов, в зависимости от выслуги лет, звания почетных граждан. А после выступления в Петербурге в 1837–1842 годах знаменитой балерины Марии Тальони, которая ввела танец на пуантах, публика стала подносить артистам цветы, а балеринам аплодировать, причем это делали не только мужчины, но и дамы, что раньше считалось непозволительным. Правда, «хлопомания» еще долго осуждалась, а жизнь артистов под управлением чиновников и директора императорских театров, бывшего гвардейского офицера А. М. Геденова, несмотря на «отеческое» отношение императора, оставалась тяжелой.

Значительные изменения претерпел не только театральный быт, но и репертуар театров. Уже к середине 30-х годов над всеми другими жанрами стал преобладать водевиль^[10], возникший во Франции и получивший в начале века общеевропейское распространение. Собственно, это был прообраз будущей оперетты. Водевиль нравились массовому зрителю, хотя, по мнению строгих критиков, например, В. Г. Белинского, «водевиль — прекрасная вещь только на французском языке, на французской сцене, при игре французских актеров»^[1255]. Водевиль привнесли в театр новые сюжеты и детали обывденной повседневной жизни, приблизили постановки к рядовому зрителю, которому импонировала их естественность. Это ценил и Николай Павлович, которому нравились многие водевили, хотя мнение о преобладании у него интереса именно к этому жанру спорно.

Вспоминая о летних неприятных спектаклях, Р. М. Зотов отмечает, что Николай Павлович был «очень невзыскателен в литературном отношении»^[1256]. В частности, ему нравился водевиль П. Г. Григорьева 2-го «Филатка и Мирошка соперники, или Четыре жениха и одна невеста», который в представлении В. Г. Белинского был синонимом «мещанской», или «слезной», комедии, хотя и имеющей право на постановку наряду с такими шедеврами, как «Горе от ума» и «Ревизор»^[1257]. Именно в водевиле «Филатка и Мирошка», пишет Р. М. Зотов, «Воротников своею игрою доставлял ему (императору. — Л. В.) истинное удовольствие»^[1258]. Впрочем, артист стал попивать и не являться на спектакли. Однажды, на Масленицу 1836 года, на пьесу с его участием Николай Павлович привез в Александринский театр своих детей. Назревал скандал. Артиста разыскали в одном из трактиров, но он так и не смог прийти в себя. Наступил звездный час для А. Е. Мартынова, которого перед тем за год до выпуска хотели исключить из Театрального училища. «Анонс сделали при поднятии занавеса... Царские дети заливались смехом. Государь тоже улыбался. За кулисами стояла тишина... Когда окончилась пьеса, то из царской ложи

раздались детские голоса: «Мартынова! Мартынова!» Публика также кричала: «Мартынова!»^{[1259](#)}

После смерти в 1840 году А. В. Воротникова молодой артист А. Е. Мартынов занял его место комика. Николай Павлович прощал любимому артисту многие выходки даже на сцене. Так, после восстановления Зимнего дворца были выпущены специальные медали, которыми награждались многие причастные к этому лица — от академиков до чернорабочих. В одной из сцен во время выступлений в Александрийском театре А. Е. Мартынов стал смешить публику, появляясь в роли дворника с метлой и медалью на груди. По существующему положению крестьяне, действительно, могли награждаться серебряными медалями на Аннинской ленте, и Николай Павлович подписывал такие указы даже в отношении крепостных, например, за работы на Сергеевской даче. Один из мемуаристов передает диалог между Григорьевым в роли купца и дворником: «Это что ты на себя навесил? — Дворник преважно отвечал, что это награда за заслуги Отечеству. — Какие такие твои заслуги? — Из дворца мусор возил! Говорили, что Мартынов за эту выходку получил приличное внушение. Через несколько дней появилось повторение той же пьесы, сбор был необычайный, и в боковой царской ложе появился государь. Когда дело дошло до этой сцены, то дворник пришел опять с медалью и опять важно объявил, что получил ее за заслуги Отечеству, но на вопрос: «Какие?», он осторожно показал на царскую ложу и на ухо купцу сказал громко: «Не велено сказывать». Государь расхохотался, и в театре последовал взрыв хохота, долго не умолкавший»^{[1260](#)}. В то же время другие, более безобидные реплики могли не понравиться императору. Так, осенью 1842 года полные сборы приносила длиннейшая, продолжавшаяся чуть ли не шесть часов драма «Ломоносов». Николай Павлович якобы приказал выбросить реплику М. В. Ломоносова в исполнении Василия Каратыгина: «Чем я хуже Сумарокова?» Она показалась обидной для его генерал-адъютанта С. П. Сумарокова^{[1261](#)}.

В воспоминаниях А. Я. Панаевой содержатся зарисовки, изображающие Николая Павловича в антрактах за кулисами: «Государь часто в антрактах приходил на сцену разговаривать с артистами и всякий раз обращал внимание на воспитанницу Новицкую. Когда государь бывал на сцене, никто не ходил, везде стояли чиновники, наблюдая, чтобы кто-нибудь по нечаянности не выскочил на сцену... Наконец государю надоела эта гробовая тишина за кулисами и на сцене, и он отдал приказ, чтобы никогда не стеснялись в его присутствии и все делали бы свое дело. Надо

было видеть, как суетились чиновники, чтобы, например, плотники, таща кулису, не задели государя, как все артистки расхаживали по сцене в надежде, что их осчастливит государь своим вниманием. Чтобы не задерживать публику, государь приказал Гедеонову докладывать ему, когда все готово для поднятия занавеса, и немедленно уходил в свою ложу»^{1262}.

Вникая во все детали постановок не только пьес, но и балетов, Николай Павлович, естественно, мог засмотреться на хорошеньких актрис или танцовщиц. В 1834 году в Петербурге наделал шум балет «Революция в серале», или «Восстание в серале» («*Révolte au sérail*»), поставленный балетмейстером Р. Тальони. В этом балете прекрасные танцовщицы на фоне декораций Альгамбры не только поднимались из мраморных ванн, но и преследовали противника с саблями в руках по всем правилам военного искусства^{1263}. Артист Ф. А. Бурдин, видимо понаслышке, писал: «Государь очень интересовался постановкой балета «Восстание в серале», где женщины должны были представлять различные военные эволюции. Для обучения всем приемам были присланы хорошие гвардейские унтер-офицеры. Сначала это занимало танцовщиц, а потом надоело, и они стали лениться. Узнав об этом, государь приехал на репетицию и строго объявил театральным амазонкам: «Если они не будут заниматься, как следует, то он прикажет поставить их на два часа на мороз с ружьями, в танцевальных башмачках». Надобно было видеть, с каким жаром перепуганные рекруты в юбках принялись за дело; успех превзошел ожидание, и балет произвел фурор»^{1264}. Непосредственно отвечавший за постановку балета Р. М. Зотов уточняет, что он сам с директором императорских театров А. М. Гедеоновым взялся учить танцовщиц «маршировкам и эволюциям», причем «государь и великий князь Михаил Павлович часто присутствовали при экзерцициях и даже поправляли нас»^{1265}.

Как-то на репетиции, когда танцовщицы в прозрачных пудермантелях и трико пробегали мимо Николая Павловича на сцену, он заметил, что среди них нет одной участницы. Маленькая, вертлявая Маринета-Бертран, кокетничая, заявила, что в таком виде она не может предстать перед императором, когда он не в зале, а на сцене. Николай Павлович напомнил, что он император, но танцовщица заявила, что подчиняется только своему непосредственному начальнику, Р. М. Зотову. «Государь разразился гомерическим смехом, — вспоминал тот. — «Вот это мило! Слышишь, Волконский, что она говорит: что я только император!» — Волконский пожал плечами и отошел, а государь, осмотрев в подробности ее костюм, отпустил ее и сказал, чтоб она вперед не противилась его

приказаниям!»^{1266} Кстати, в таких случаях Николай Павлович учитывал возрастной ценз зрителей. В дневнике А. О. Смирновой-Россет от 11 марта 1845 года сохранилась запись: «Государь ездил смотреть группы в трико в детском театре у Лемольта с наследником и герцогом Л[ейхтенбергским]; запретил продолжать эти представления»^{1267}.

Среди драматических актрис Николаю Павловичу импонировал сценический талант Варвары Николаевны Асенковой, актрисы Александрийского театра, первой исполнительницы ролей Марьи Антоновны («Ревизор») и Софьи («Горе от ума»). Она дебютировала 25 января 1835 года в бенефисе И. И. Сосницкого в комедии «Три султанши» и водевиле «Лорнет». Несмотря на полное одобрение императора, дирекция долго противилась зачислению ее в труппу, потому что она считалась самой бездарной ученицей Театрального училища, содержавшейся там благодаря заслугам ее матери актрисы Александры Егоровны (выступала на сцене с 1814 года, исполнительница ролей субреток). Наконец Асенкова была даже исключена из училища. Но благодаря урокам И. И. Сосницкого и страстной любви к театру она стала прекрасной актрисой. В. Н. Асенкова не была красавицей, но собирала толпу поклонников. Когда Н. А. Полевой написал для ее бенефиса в 1839 году драму «Параша-сибирячка», не одобренную цензурой, актриса, выбрав удобную минуту, попросила императора разрешить пьесу. Николай Павлович любезно согласился ознакомиться с ней. Время шло, бенефициантка томила в долгом ожидании. О дальнейшем сообщает П. А. Каратыгин: «В одно из представлений знаменитой танцовщицы Тальони государь был в Большом театре и во время антракта вышел из своей ложи на сцену: увидев меня, он подозвал меня к себе и спросил: «Когда назначен бенефис Асенковой?» Я ему отвечал, что через четыре недели; тут государь с обычной своей любезностью сказал мне: «Я почти кончил представленную мне драму Полевого и не нахожу в ней ничего такого, за что бы следовало ее запретить, завтра я надеюсь возвратить пьесу: поவிдай Асенкову и скажи ей об этом. Пусть она на меня не сердится, что я задержал пьесу. Что ж делать? У меня в это время были дела несколько поважнее театральных пьес»^{1268}. Успех пьесы был полный, и актриса получила от императора фермуар (ожерелье с драгоценной застежкой, защелкивающейся на груди) стоимостью в 1000 рублей серебром.

Когда 21 января 1834 года был дан с успехом водевиль «Хороша и дурна», от имени государя «всем артистам была объявлена благодарность, а Самойлова-младшая получила подарок с приветствием, что его величество

первую еще видит актрису, которая бы так хорошо разговаривала»^{1269}. Это была вторая из дочерей-актрис оперного певца В. М. Самойлова — Надежда Васильевна — актриса Александрийского театра, которая выступала в комедиях и водевилях. С ней связан следующий эпизод. После водевиля «Дочери второго полка» Николай Павлович сказал артистке несколько комплиментов, на которые та ответила глубоким реверансом. «Как Вы ловко это делаете, — сказал государь и сам сделал реверанс. — Ну, а ниже этого нельзя?» — Надежда Васильевна сделала реверанс еще ниже. Николай Павлович сделал так же. «Ну, а ниже этого, вероятно, нельзя?» — Н. В. сделала реверанс еще ниже. Государь засмеялся и сказал: «Нет уж, извините, я так не сумею»^{1270}. Николай Павлович сразу же обратил внимание и на ее старшего брата В. В. Самойлова, который не пользовался благосклонностью театральной дирекции и только в 1846 году (через 12 лет после дебюта) получил сильную роль в драме Яфимовича «Отставной театральный музыкант и княгиня». Как пишет биограф артиста, В. В. Самойлов имел громадный успех и понравился императору. Однако в дни «царских спектаклей», когда Николай Павлович посещал театр, дирекция по-прежнему не выпускала его на сцену, объявляя его «больным» или «занятым». Наконец Николаю Павловичу это надоело, и он приказал «привезти его без всяких отговорок и назначать к участию в каждом спектакле»^{1271}. После кончины императора артист с успехом играл в пьесах А. В. Сухове-Кобылина.

3 марта 1850 года сестры Самойловы вместе с другими александринцами были приглашены в Зимний дворец, где сыграли перед царской семьей одноактную комедию в стихах А. М. Жемчужникова «Странная ночь». На следующий день Николай Павлович с Марией Николаевной появились в театре на спектакле. Старшей, Вере Самойловой, были переданы диплом с венком и золотым браслетом, украшенным бриллиантами, и серьги за домашний спектакль. Получила подарок и Надежда. В конце спектакля им передали букеты из живых цветов и букеты с золотыми ручками и бриллиантовыми кольцами на золотой цепочке^{1272}.

Выказывая снисхождение к своим любимцам и поддерживая актрис, Николай Павлович не одобрял неумеренное проявление к ним чувств со стороны публики, выходящее, по его мнению, за рамки приличия. Когда в 1848 году в Петербург приехала знаменитая немецкая танцовщица Фанни Эльслер, то с ней долго не заключали контракт, так как А. М. Геденов боялся за репутацию своей любовницы-фаворитки Е. И. Андреевновой. Немецкая танцовщица все же дебютировала в Большом театре в балете

«Жизель», не пользовавшемся большой любовью публики. Ледяное молчание зала не смутило Фанни Эльслер, и закончила она под оглушительные аплодисменты. Публика ее приняла, «государь и вся царская фамилия и весь двор были в восторге от Фанни Эльслер»^{1273}. С ней заключили контракт на три года. О дальнейшем пишет М. А. Корф: «Если в Петербурге танцовщица Фанни Эльслер всегда вызывала живой восторг, то в Москве, где она давала представления в продолжение зимы с 1850-го по 1851 год, этот восторг достиг совершеннейшего неистовства, переступавшего даже пределы приличия». Публика попросту возила танцовщицу на себе. В «Северной пчеле» от 21 марта 1851 года (№ 64) появились сатирические стихи по поводу этих неумеренных восторгов. Барон М. А. Корф счел нужным сообщить мнение Цензурного комитета об этих стихах в журнале, поданном Николаю I, так как их не должна была пропустить цензура. Журнал был возвращен с пометкой государя: «Напечатаны с моего соизволения, как полезный урок за дурачества части московских тунеядцев»^{1274}.

Зимой 1853 года в Петербурге заслуженной славой пользовалась трагическая актриса из Франции Рашель (Элиза Рашель Феликс), прославившаяся в трагедиях П. Корнеля, в частности в роли Федры в одноименной его пьесе. (Это ее именем была названа пудра, вошедшая в историю моды.) 8 марта 1854 года она выступала в зале Дворянского собрания на концерте артистов итальянской оперы и декламировала произведения П. Корнеля и Ж. Расина^{1275}. Накануне ее отъезда, в связи со вступлением Франции в Крымскую войну, гвардейские офицеры устроили банкет. Когда один из генералов, осушая бокал с шампанским, сказал, что присутствующие не прощаются, так как скоро поднимут за нее тосты во Франции, Рашель парировала: «Благодарю Вас за пожелание, господа, но Франция не настолько богата, чтобы предлагать шампанское своим военнопленным»^{1276}. В начале же ее творческого турне в России государь, по рассказу М. М. Попова, безвозмездно предоставил в ее пользование Михайловский театр. Однако распорядившийся труппой Рашель ее брат, «честный еврей» Феликс, не только назначил тройную цену за билеты, но выдвинул условие, чтобы в ложе сидело не более шести зрителей. Три недели спустя, принимая Рашель в Гатчине, Николай Павлович выразил свое удовлетворение ее выступлением, но, поблагодарив ее за приглашение посетить спектакль в Петербурге, позволил себе иронию, сказав: «Хорошо, но я боюсь бывать, у меня семья большая и я могу быть седьмым!»^{1277} Актриса покраснела и свалила всю вину на

брата.

Любые происшествия в театре были достаточно веским поводом, чтобы о них докладывали императору. Так, 29 февраля 1832 года обер-полицмейстер генерал-майор С. А. Кокошкин донес, что служащий в 1-м департаменте Сената в должности обер-секретаря коллежский асессор Пулевский при разъезде из театра допустил глупую выходку. Он загородил проход для публики, заявив, что не отойдет, пока не подадут его кареты. В рапорте Николаю I далее говорилось: «Обер-полицмейстер лично просил Пулевского отойти от дверей, ибо он совершенно стеснил проход для публики. Но Пулевский отвечал, что не отойдет, присовокупляя к тому же, что не поймет, о каком проходе идет речь. После разъяснения, что проходом называется то самое место, где тот стоит, Пулевский ответил С. А. Кокошкину: «А я думал, Вы мне о другом проходе говорите», и, не сойдя с места, дождался кареты, которая ему была подана под именем полковника Пулевского». Если учесть, что в театре находился и австрийский посол, то можно понять возмущение Николая Павловича. Он набросал на листе бумаги карандашом записку для С. А. Кокошкина: «Извольте мне донести, что Вам известно и какие Вы приняли меры, дабы наглость получила заслуженное возмездие»^{[1278](#)}. Можно предположить, что «возмездие» последовало. Все это не было в глазах императора пустяками, так как он хорошо понимал общественный резонанс театральных постановок.

Именно поэтому не водевилям, хотя многие из них ему нравились, уделял он основное внимание. Неоднократно Николай Павлович выступал арбитром при постановке острых и злободневных произведений. Как отмечал Ф. А. Бурдин, император любил *haute comedie*, а его любимыми русскими пьесами были «Горе от ума» и «Ревизор». По мнению мемуариста, Николай Павлович не всегда был виновен в чрезмерных строгостях цензуры. Отдельные сцены из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» под разными названиями ставились с 1830 года. В 1831 году была осуществлена постановка в Москве. Наследники А. С. Грибоедова обратились в Цензурный комитет с просьбой разрешить опубликование пьесы. Цензор О. И. Сенковский счел напечатание возможным с заменой только одной фразы: «Кто что ни говори, они (львы и орлы. — Л. В.), хоть и животные, но все-таки цари» — на согласованный с покойным автором вариант: «Кто что ни говори, а все-таки они цари». К тому времени в России по рукам ходило около 40 тысяч рукописных списков этого произведения, и две или три тысячи экземпляров опубликованного текста с купюрами, по мнению Сенковского, не могли что-либо изменить. Тем не менее дело о разрешении печатания задержалось в III Отделении у М. Я.

фон Фока. В марте 1833 года в Московском цензурном комитете вновь рассматривался этот вопрос. Цензор Цветков не считал возможным опубликование пьесы на том основании, что по ходу действия молодая девушка остается на ночь в спальне с мужчиной и выходит вместе с ним «без всякого стыда». Главное управление цензуры все же сочло пьесу возможной к опубликованию, но для перестраховки представило это на рассмотрение императора. 16 апреля 1833 года последовала высочайшая резолюция: «Печатать слово от слова, как играется, — можно; для чего взять манускрипт из здешнего театра»^{1279}. Комедия была издана, хотя в полном виде постановка пьесы состоялась только в 1869 году^{1280}.

Больше повезло «Ревизору». Ф. А. Бурдин рассказывает, что В. А. Жуковский «однажды сообщил государю, что молодой талантливый писатель Гоголь написал замечательную комедию, в которой с беспощадным юмором клеймит провинциальную администрацию и с редкой правдой и комизмом рисует провинциальные нравы и общество. Государь заинтересовался»^{1281}. Жуковский прочитал пьесу Николаю Павловичу, и тот выслушал ее, смеясь от души^{1282}. Он пришел на ее премьеру в Александринский театр 19 апреля 1836 года, а вслед за ним потянулся и высший свет. Впервые со сцены прозвучали простонародные выражения типа «свинья в ермолке». В своем дневнике А. И. Храповицкий зафиксировал свои впечатления и эмоции: «Государь император с наследником внезапно изволил присутствовать, и был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души. Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество. Актеры все, в особенности Сосницкий, играли превосходно. Вызваны: автор, Сосницкий и Дюр»^{1283}. М. С. Щепкин, ссылавшийся на самого Н. В. Гоголя, передавал слова, сказанные Николаем Павловичем: «В этой пьесе всем досталось, а мне в особенности»^{1284}.

Не менее характерен случай с постановкой в Петербурге комедии А. Н. Островского «Не в свои сани не садись». Она уже прошла с успехом в Москве, но петербургские театральные чиновники боялись реакции государя, так как купец в пьесе оказывался благороднее и честнее дворянина. Однако реакция оказалась противоположной. Николай Павлович заявил, что «мало пьес, которые бы мне доставили такое удовольствие», — и в следующий раз привез в театр всю семью. Тем временем сам автор находился под надзором полиции за комедию 1849 года «Свои люди — сочтемся» (на сцене она появилась только через одиннадцать лет).

Особенно заботила государя патриотическая направленность русских драматических произведений. Сохранились свидетельства разговоров Николая Павловича с Н. В. Кукольников — автором исторической драмы «Рука Всевышнего Отечество спасла». О первом из них сообщает М. Ф. Каменская, считавшаяся тогда «невестой» писателя (на самом деле тот был женат). Однажды Нестор Васильевич пришел в дом ее родителей в воскресенье позже обычного и показал записку государя: «Николай Романов ждет к себе Кукольника завтра в девять часов утра». Конечно же, драматург забыл, что нужен мундир, и отец мемуаристки, граф Ф. П. Толстой, узнав, что тот числится по придворному ведомству, организовал срочную переделку мундира их родственника. Так как Н. В. Кукольник был высок и худ, а владелец мундира среднего роста и полон, то пуговицы от фалдочек оказались между лопаток драматурга. Нестор Васильевич заявил, что будет поворачиваться к государю только передом. Во время беседы с Н. В. Кукольников Николай Павлович сказал, что много хорошего слышал о его таланте, и поинтересовался, как идет работа над его новой драмой. Представляя, как мастерски лавировал Нестор Васильевич, граф Ф. П. Толстой впоследствии говорил: «Слава тебе, Господи, я по опыту знаю, как государь смешлив!»^{1285}

Свидетельства о реакции императора на премьеру несколько разнятся. Находившаяся в театре с семьей М. Ф. Каменская писала: «Приехала царская фамилия, вошла в боковую ложу, тотчас занавес взвился, и представление началось. Новая драма Нестора Васильевича прошла блистательно. Актеры играли превосходно; аплодисментам не было конца. Много хлопал и государь. Автор выходил в директорскую ложу несколько раз, чтобы раскланиваться публике, и всякий раз его встречали оглушительными криками «браво» и неистовыми аплодисментами. В райке простой народ, которому «Рука Всевышнего» пришлась по душе, так орал и бесновался, что всякую минуту можно было ожидать, что кто-нибудь вывалится»^{1286}. Несколько иначе описывает этот спектакль более хладнокровный свидетель Теобальд Роткирх. Оказывается, Н. В. Кукольник сидел в директорской ложе, ожидая реакции государя, ни жив ни мертв, но, несмотря на хороший прием драмы публикой, Николай Павлович «был серьезен и молчалив». После окончания спектакля, когда Н. В. Кукольник взглянул на императорскую ложу, то увидел милостивый кивок императора. Тем не менее он вернулся за кулисы в состоянии, близком к обмороку. Подошедший к нему дежурный флигель-адъютант пригласил драматурга в Зимний дворец к 12 часам следующего дня. Вот как описывается эта

встреча. «Здравствуйте, Кукольник! — сказал его величество, приветливо улыбнувшись. — Благодарю Вас за Вашу прекрасную пьесу и поздравляю с успехом. Без сомнения ей предстоит сделаться народной, как и «Жизнь за царя». Но для народной драмы в ней, по моему мнению, необходимо сделать кой-какие изменения... Предупреждаю, что для Вас мнение это отнюдь не обязательно: можете его принять или нет... Но полагаю, что произведение выиграло бы еще больше, ежели бы в нем сделаны были следующие изменения». — Тут государь, начиная с первого акта, проследил всю пьесу, указал на излишние длинноты, на новые сцены, которым следовало бы дать место в драме, на неестественность некоторых положений и т. д., наконец спросил: «Как Вы думаете?» Кукольник стоял, как очарованный, глаза его были неподвижно уставлены на монарха; ноги дрожали, он задыхался. «Ваше Величество! Вы так беспредельно осчастливили меня... клянусь Вам Богом, никто не сделал мне таких высоко-радушных замечаний, как Ваше Величество!»^{1287}

Порядок рассмотрения и обсуждения пьес в самих театрах первоначально определялся постановлением Дирекции от 3 мая 1825 года. Предполагалось, что к обсуждению должны привлекаться известные литераторы, которые могли бы высказать суждение о качестве произведения. Практика, однако, показала, что они манкировали своими обязанностями, ссылаясь на отсутствие времени. Уже в конце царствования Николая Павловича, 11 марта 1851 года, последовало распоряжение директора императорских театров в крайних случаях ограничиваться обсуждением пьес в «собраниях артистов». Было предписано приглашать для обсуждения пьес артистов, к которым явно благоволил Николай Павлович. Это были Каратыгин 1-й (Василий Андреевич) и Каратыгин 2-й (Петр Андреевич), Я. Г. Брянский, И. И. Сосницкий, Н. О. Дюр, Самойлова 1-я^{1288}.

В связи со строгостями цензуры практиковалось изменение названий иностранных опер и других музыкальных произведений. Так, «Сицилийские вечера» Джузеппе Верди были переделаны в «Джованни Гусман», опера «Гугеноты» Джакомо Мейербера получила название «Рауль и Валентина» (также «Гвельфы и Гибеллины»), «Пророк» — «Осада Гента» (позже «Иоанн Лейденский»), «Вильгельм Тель» Россини был разрешен Николаем Павловичем в знак особого благоволения к певцу О. А. Петрову в венской переделке и переводе Рафаила Зотова под названием «Карл Смелый»^{1289}. Министерство императорского двора внимательно следило за театральными рецензиями. В ноябре 1843 года князь П. М. Волконский

посчитал неприличным сравнение в «Северной пчеле» представления оперы Винченцо Беллини «Норма» с посещением зверинца, хотя в рецензии, как это и предписывалось 12-м параграфом Цензурного устава, и не разбиралась конкретно игра артистов. Последовало высочайшее решение, чтобы все издатели, которым дозволено печатать статьи об императорских театрах, предварительно предоставляли материалы для просмотра министру Императорского двора.

Подводя итоги этим сюжетам, можно сделать вывод: император Николай I был опытным театралом и профессионально разбирался в тонкостях театрального дела, рассматривая и оценивая спектакли, прежде всего исходя из их идейно-политического звучания, проявляя подчас более широкий кругозор, чем театральные критики и цензоры. Не было в России императора, который больше времени проводил в театре, вникая в его закулисную жизнь, причем не просто ради праздного любопытства. Позднее Ф. И. Шаляпин напишет: «Из российских императоров ближе всех к театру стоял Николай I. Он относился к нему уже не как помещик-крепостник, а как магнат и владыка, причем снисходил к актеру величественно и в то же время фамильярно. Он часто проникал через маленькую дверцу на сцену и любил болтать с актерами (преимущественно драматическими), забавляясь остротами своих верноподданных»^{1290}. Николай Павлович мог достойно оценить критику, понимал юмор и шутку, ценил игру талантливых артистов, к которым, как правило, благоволил. Наконец, иногда он вел себя просто как человек, со своими симпатиями и антипатиями. Он мог себе это позволить. Но не забывая в то же время о своих обязанностях государя.

«У меня голос не дурен...»: Музыкальные пристрастия

Распространенное представление о Николае Павловиче как о «коронованном барабанщике», вызывавшем в кабинет министров ударом в барабан, тенденциозно и неверно. Трудно сказать, на каком основании один из послереволюционных авторов сделал вывод: «Музыки этот человек терпеть не мог, но зато мог целыми часами услаждать свой слух барабанным боем»^{1291}. Да, он не был страстным меломаном или утонченным любителем музыки, но обладал неплохими музыкальными способностями, хорошим голосом и слухом, посещал оперу, любил пение и по-любительски пытался музицировать на духовых инструментах. С барабаном, кстати, тоже умел обращаться и мог бы стать, выражаясь современным языком, неплохим «ударником».

Еще будучи великим князем, на вечерах в Аничковом дворце под аккомпанемент на фортепиано Александры Федоровны он пел народные песни. Русские песни исполнялись военными оркестрами во время петергофских праздников, а на маневрах в Калише в 1835 году сводный военный хор спел песню «Как на матушке на Неве-реке молодой матрос корабли снастил», сочиненную, по преданию, самим Петром Великим.

Любил Николай Павлович и церковное пение. Став императором, он не пропускал церковных служб и по старой привычке часто заезжал причащаться в церковь Аничкова дворца, где во время обедни обыкновенно пел хор певчих Егерского полка. Когда хора не было, Николай Павлович вместе с псаломщиком сам участвовал в пении литургии. Эта привычка сохранилась до конца жизни. Во время воскресной обедни, по воспоминаниям А. Ф. Тютчевой, «император Николай стоял один впереди, рядом с хором певчих, и подпевал им своим красивым голосом»^{1292}. Современники отпускали ему комплименты, говоря, что он мог бы «на клиросе петь»^{1293}, что государь частенько и делал, подражая в том Петру I. Когда в 1837 году Алексей Федорович Львов унаследовал после смерти отца — директора Придворной певческой капеллы — его пост, Николай I поручил ему «привести в порядок все церковные напевы и положить на ноты духовно-музыкальные сочинения»^{1294}. Это было вызвано тем, что, посещая службы в разных церквях, император заметил отсутствие «определенной гармонизации» при исполнении песнопений. Композитор

успешно справился с поручением. Он же написал до тысячи листов нот напевов на «монгольском» (бурятском) языке для православных бурят с переводом текстов архиепископом Нилом.

Император был инициатором исполнения духовных песен в концертном варианте (вне стен храма), что в определенном плане нарушало традиции. Когда в 1850 году А. Ф. Львов подготовил программу из духовных песен для зала Дворянского собрания, духовенство выступило против нововведения, используя в качестве предлога то, что в «в зале пляшут». Тогда наследник Александр Николаевич предоставил зал в своем дворце. Когда начали исполнять духовные песни, глаза Николая Павловича сначала покраснели, потом наполнились слезами. В конце выступления он взял А. Ф. Львова за руки и сказал: «Вот единство, которое я желал; спасибо тебе, спасибо»^{1295}.

К духовному пению Николай Павлович обращался и в трудные минуты, ибо молитва успокаивала душевные муки и физическую боль. Так, в 1846 году, после известной аварии под Чембаром, император был вынужден несколько верст пройти пешком со сломанной ключицей. Войдя в избу, он тотчас запел: «Спаси, Господи, люди Твоя»^{1296}. Свою любовь к пению Николай Павлович передавал и детям. В Петергофе вместе с несколькими юношами из певческой капеллы они составили собственный хор и под руководством Александра Николаевича исполняли обедни в петергофской церкви. Во время этих выступлений великие княжны Ольга и Александра Николаевны облачались в длинные платья из малинового кашемира, наподобие кафтанов придворных певчих.

Серьезно разбираясь в духовной музыке, Николай Павлович хорошо знал творчество композитора XVIII века Джузеппе Сартти, который, будучи придворным капельмейстером Екатерины II, прославился сочинением не только патетических гимнов и музыки с пиротехническими эффектами и пальбой из пушек (как, например, для торжества по случаю взятия Очакова), но и духовными сочинениями. Впрочем, и в основе музыки на взятие Очакова был «Амвросианский гимн» («Тебе Бога хвалим»). По свидетельству графа Д. Н. Толстого, Николай Павлович любил музыку хорового концерта Сартти «Ныне силы небесныя», кроме ее финала «Аллилуйя», кончавшегося фугою. Случилось так, что осенью 1845 года в Петербург приехал внук композитора по женской линии, сын капельмейстера при берлинском дворе Муссини, который, в нарушение семейной традиции, стал художником. Он носил какой-то прусский орден и для представления Николаю I нарядился в малознакомый мундир, кажется,

прусской дворцовой стражи. Николай Павлович был с ним любезен и даже распорядился исполнить для него музыку деда на взятие Очакова, кроме, конечно, пушечной пальбы^{1297}.

Николай Павлович поддержал и создание русской национальной оперы. Зимой 1835/36 года композитор М. И. Глинка работал над оперой «Иван Сусанин» с артистами русской оперной труппы (формально она была отделена от драматической 11 декабря 1836 года). Незадолго до первого представления Николай Павлович поинтересовался у композитора, доволен ли тот «его артистами». Вскоре после этого М. И. Глинка через А. М. Гедеонова получил разрешение посвятить оперу государю императору, одновременно она получила название «Жизнь за царя»^{1298}. Первое представление состоялось 27 ноября 1836 года, в пятницу. В своих воспоминаниях М. И. Глинка пишет: «Успех оперы был совершенный... Меня сейчас после этого позвали в боковую императорскую ложу. Государь первый поблагодарил меня за мою оперу, заметив, что нехорошо, что Сусанина убивают на сцене; я объяснил его величеству, что не быв на пробе по болезни, я не мог знать, как распорядятся; а что по моей программе во время нападения поляков на Сусанина, занавес должно сейчас опустить, смерть же Сусанина высказывается Сиротою в эпилоге»^{1299}. Великие князья и великие княжны также благодарили М. И. Глинку. Вскоре композитору был вручен перстень из топаза, окруженного рядами бриллиантов (стоимостью в 4000 рублей ассигнациями). Впрочем, как это почти всегда бывает, мнения разделились, нашлись и суровые критики. Тот же А. И. Храповицкий назвал оперу «вздором и галиматьей», добавив: «Глинка от иностранного отстал, а к русскому не пристал, и вышла чепуха»^{1300}.

Это был звездный час М. И. Глинки, еще не омраченный началом бракоразводного процесса. 1 января 1837 года он был назначен капельмейстером Придворной певческой капеллы. В том же году композитор получил перстень из рубина, украшенного алмазами, стоимостью 1500 рублей ассигнациями от наследника цесаревича за музыкальное произведение для бала смоленского дворянства. В Великий пост того же 1837 года после удачного исполнения трио «Не томи, родимый» из оперы М. И. Глинки государь сказал С. А. Танееву: «Глинка — великий мастер; жаль, если при одной опере останется»^{1301}. Пять лет спустя, 27 ноября 1842 года, состоялась премьера оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила», которая была встречена публикой прохладно, тем более что исполнители не вполне подходили на свои роли. С пятого

действия императорская фамилия покинула театр. Эта опера испугала публику сложностью своего музыкального языка. Однако уже второе представление оказалось удачным, хотя задающий тон в музыкальной критике граф М. Ю. Виельгорский и заявил, что это «ученая музыка»^{1302}. В то же время многие считали, что эта опера удачнее утомительной оперы «Жизнь за царя».

Создание русского музыкального театра (оперы) требовало развития певческой культуры вообще. Летом 1838 года М. И. Глинка как капельмейстер Придворной певческой капеллы был отправлен по заданию Николая Павловича в Малороссию для набора певчих. Накануне поездки император подошел к нему и сказал: «Глинка, я имею к тебе просьбу и надеюсь, что ты не откажешь мне. Мои певчие известны по всей Европе и, следовательно, стоят того, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами»^{1303}. Поручение было выполнено. Обученные композитором малолетние певчие в новом обмундировании (они считались на придворной службе, что распространяло как на них, так и на их родителей некоторые льготы) были расставлены в Знаменном зале рядом с кабинетом императора для представления. Вот что пишет сам Михаил Иванович: «Я расположил певчих полукругом, сам же стоял посредине в мундире, со шпагой и треугольной шляпой в руке (так угодно было А. Ф. Львову, который тут же присутствовал)... Мы знали по прежним примерам, как государь экзаменует вновь набранных певчих, и тщательно приготовились к экзамену. Действительно, император начал с «Спаси, Господи, люди Твоя», и его величество не успел задать тон, как 19 мальчиков и два баса дружно подхватили и отлично исполнили этот кант. Государь был, видимо, доволен, заставил их еще пропеть. Что такое — не помню. В знак удовольствия, его величество поклонился мне весело и шутливо до пояса, отпуская меня. Этим не ограничилось изъяснение монаршего благоволения ко мне. Однажды, увидев меня на сцене, государь подошел ко мне и, обняв меня правою рукою, пошел, разговаривая со мною, несколько раз по сцене Большого театра в присутствии многих, находившихся тогда на сцене, и, между прочими, министра двора...»^{1304} В вознаграждение за набор певчих М. И. Глинка — сам, между прочим, не обладавший сколько-нибудь значимым голосом^{1305} — получил 1500 рублей ассигнациями.

Санкт-Петербург тогда посещали многие европейские знаменитости. Среди них был венгерский пианист из Австрии Ференц Лист, с которым Александра Федоровна познакомилась на водах в Эмсе. Он трижды

побывал в России с концертами, в 1842, 1843 и 1847 годах. На Николая Павловича исполнение произведений в новой виртуозной технике пианиста не произвело особого впечатления. Он видел в этой игре только замечательную победу над трудностями^{1306}. Но так считал не один Николай Павлович. Композитор М. И. Глинка отметил, что Ф. Лист, исполняя «всю блестящую модную музыку», играл «очень мило, но с вычурными оттенками»^{1307}.

Тем не менее Ф. Лист все же смог затронуть чувства государя, исполнив на первом же придворном концерте несколько пьес военной музыки.

В начале августа 1830 года Петербург впервые посетила одна из самых выдающихся певиц первой половины XIX века Генриетта Зонтаг, которой было тогда двадцать пять лет. Она выступала в Венской опере и славилась не только своим колоратурным сопрано, но и «вытягиванием» продолжительных, более полуминуты, нот^{1308}. Хотя итальянской оперы, по замечанию П. А. Каратыгина, тогда в Петербурге не было, по желанию Николая I графу Михаилу Юрьевичу Виельгорскому «удалось составить небольшой итальянский персонал для придворного спектакля, и она играла с ними в Царском Селе в опере «Севильский цирюльник» и «Отелло». Известная ария Дездемоны из третьего акта была венцом исполнительского мастерства знаменитой певицы. Далее П. А. Каратыгин вспоминает: «Эта несравненная артистка посетила вторично Петербург лет через десять или пятнадцать; но она уже была графиня Росси, супруга сардинского посланника, и, кажется, лишь однажды, по просьбе покойного государя, играла «Сомнамбулу» на Эрмитажном театре вместе с некоторыми любителями из высшего общества»^{1309}. Действительно, зимой 1840 года графиня Росси стала душой возобновившихся в Зимнем дворце музыкальных вечеров^{1310}. Выйдя замуж, певица, естественно, была вынуждена закончить свою артистическую карьеру. Чтобы уговорить ее спеть, приходилось прибегать к невинным хитростям. Так, когда однажды на предложение Николая Павловича спеть графиня сконфузилась, предполагая, что это намек на ее прежнее социальное положение, Николай Павлович подвел ее к великой княгине Марии Николаевне и попросил исполнить дуэт^{1311}. Графиня Росси участвовала также в благотворительных концертах, но не среди профессиональных певиц, а в кругу великосветских меломанов, включая графиню Бетанкур, баронессу Крюднер, графа Виельгорского.

Хотя италомания не так уж сильно затронула Николая Павловича, все

же, отдавая дань запросам общества, он приказал осенью 1843 года устроить «отборнейшую оперу», которая могла бы соперничать с парижской. В зале Дворянского собрания стали выступать европейские знаменитости: французенка (дочь испанского певца), певшая по-итальянски, Полина Виардо-Гарсия (как писали тогда, Паулино Виардо Гарция), Джудитта Паста, Джулия Гризи, Джованни Рубини, Антонио Тамбурини, Марио (Сальви) и др.^{1312} Поддерживая «итальянцев» (среди которых были представители разных национальностей), Николай Павлович не забывал об интересах русской оперы. Так, он запретил итальянской труппе в бенефис театрального сезона 1848/49 года исполнять «Жизнь за царя» М. И. Глинки, поскольку публика была недовольна неудачным исполнением этой труппой русских произведений^{1313}. Но именно тогда, в конце 40-х — начале 50-х годов, итальянская опера была в расцвете. Французский дипломат граф Рейзет (Резэ) писал о начале 1853 года: «Приближение войны не прервало празднеств и балов в Петербурге. Концерты и спектакли следовали один за другим. Марио, Лаблаш, Ронкони, госпожа Виардо были в северной столице. Марио и Ронкони с громадным успехом пели в «Риголетто» в присутствии императора, императрицы и всего двора». Интересный штрих в записках графа характеризует Николая Павловича: «Император и императрица занимали две ложи, одна над другою. Император следил за сценой с видимым удовольствием и делал дружеские знаки Ронкони. Но когда предупредили его, что императрица уезжает, он тотчас же последовал за нею, не дождавшись окончания»^{1314}.

Одним из любимых тогдашних композиторов и исполнителей произведений на скрипке был обруганный А. И. Герценом за создание национального гимна директор Придворной певческой капеллы А. Ф. Львов, который обучал музыке дочерей императора. Однажды, послушав, как А. Ф. Львов играет на скрипке, Николай Павлович заметил: «Сегодня Львов своей игрой заставил меня войти в самого себя»^{1315}. Выпускник института путей сообщения, восемь лет прослуживший под началом А. А. Аракчеева (что само по себе было подвигом даже в глазах Николая Павловича), ставший затем адъютантом А. Х. Бенкендорфа, А. Ф. Львов давно не занимался инженерным делом. Между прочим, увидев построенный им мост в имении А. Х. Бенкендорфа «Фалль» близ Ревеля, император заметил, что Львов построил не мост, а «перекинул через овраг свой легкий смычок»^{1316}. Именно А. Ф. Львов стал наставником Николая Павловича по музыкальной части на вечерних «собраниях» у императрицы.

Еще будучи великим князем, Николай Павлович пытался, и

небезуспешно, сочинять марши для военного оркестра, хотя нотной грамоте обучен не был. Тем не менее уже с 1833 года он увлекся домашним музицированием. Участник музыкальных вечеров А. Ф. Львов вспоминал, как однажды Николай Павлович к нему обратился: «Что, если бы ты попробовал составить из нас домашний оркестр и сочинил для нас музыку? Мы могли бы кое-как сыграть: императрица играет на рояли, я на трубе, Матвей Виельгорский на виолончели, Апраксин на басу, ты на скрипке, Михаил Виельгорский, Бартенева, Бороздина могут петь, а дети могли бы участвовать на чем-нибудь. Право, можно бы что-нибудь составить — попробуй»^{1317}. Тогда А. Ф. Львов стал писать маленькие музыкальные пьесы. Репетиции проходили два раза в месяц, публики не было. Обычно свою новую «штучку» композитор приносил в кабинет императора, который, обладая хорошим музыкальным слухом и памятью, запоминал мелодию после того, как А. Ф. Львов несколько раз ее проигрывал, и затем воспроизводил без ошибок свою партию. Музыкальные «собрания» продолжались до пожара Зимнего дворца в декабре 1837 года^{1318}.

Упомянутая Николаем Павловичем Анастасия Николаевна Бороздина, певица-любительница, одна из сестер-фрейлин Бороздиных, незадолго до этого вышла замуж за адъютанта великого князя Михаила Павловича поручика лейб-гвардии Измайловского полка Н. А. Урусова. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала: «После замужества Настеньки Бороздиной Мама стала искать даму с хорошим голосом, чтобы заменить ее. Ей назвали Полину Бартеневу из Москвы, и правда, у нее был голос соловья, нежный, совершенно чистый и бравший без труда верхние ноты на головокружительной высоте. Ее музыкальная чуткость была очень тонкой. Она была незаменима во всех благотворительных концертах и могла в самом деле выступать наравне с первоклассными артистами»^{1319}. Фрейлина Прасковья Арсеньевна Бартенева была ученицей М. И. Глинки.

Духовой инструмент, на котором играл Николай Павлович, в источниках и литературе называется по-разному. Как отмечал биограф А. Ф. Львова А. А. Берс, в семействе композитора долго сохранялась шуточная картина, подаренная Львову Александрой Федоровной. «На картине изображен играющий на тромбоне музыкант с лицом государя; часы в комнате, где он играет, показывают 2 часа ночи, свечи у пюпитра догорают, ребенок, лежащий в этой комнате, кричит и не может заснуть, а тромбонист, увлекшись игрой, не перестает играть»^{1320}. В мемуарах и литературе упоминаются флейта^{1321}, корнет^{1322}, корнет-а-пистон^{1323}. Сам Николай Павлович в приведенной выше фразе назвал инструмент

просто «трубой». В его гардеробных суммах за 1849 год зафиксированы расходы, о которых сказано «за чистку музыкальных труб Вашего Величества»^{1324}. Скорее всего, этим инструментом мог быть корнет-а-пистон (cornet-à-pistons), употреблявшийся тогда в военных оркестрах. Хотя нельзя исключать, что Николай Павлович мог пробовать свои силы на разных духовых инструментах.

С именем А. Ф. Львова связано создание гимна «Боже, царя храни». Стойкий ненавистник Николая I А. И. Герцен писал: «При Николае патриотизм превратился в что-то кнутовое, полицейское, особенно в Петербурге, где это дикое направление окончилось, сообразно космополитическому характеру города, изобретением народного гимна по Себастиану Баху и Прокопием Ляпуновым — по Шиллеру»^{1325}. Пытаясь несколько прояснить эту красивую, но туманную фразу, А. И. Герцен добавляет: «Сперва народный гимн пели, переиначивая на голос «God save the King», да, сверх того, его и не пели почти никогда. Все это нововведения николаевские. С польской войны велели в царские дни и на больших концертах петь народный гимн, составленный корпуса жандармов полковником Львовым». Употребление в России английского гимна (точнее, его мелодии) не было тогда исключением, аналогично он исполнялся и как прусский гимн. Собственно, это была «Молитва русских» на слова Жуковского, ставшая первым официальным гимном в 1816 году. Насчет же польской войны у А. И. Герцена явная неточность. Сочинение А. Ф. Львова «Боже, царя храни» впервые было исполнено в присутствии императорской семьи в Певческой капелле в ноябре 1833 года. После вторичного исполнения гимна большим хором певчих и двумя оркестрами Николай Павлович перестал колебаться; подойдя к А. Ф. Львову, он сказал: «Лучше нельзя, ты совершенно понял меня»^{1326}. Слова к гимну были написаны также В. А. Жуковским (два четверостишия принадлежат А. С. Пушкину). Первое публичное исполнение состоялось в Москве в Большом театре 11 декабря 1833 года. По требованию слушателей гимн был повторен три раза. Вскоре, 25 декабря 1833 года, когда праздновалась 21-я годовщина освобождения России от наполеоновского нашествия, Николай I велел его сыграть в Зимнем дворце во время внутреннего парада как «русский народный гимн». Таким образом, гимн появился только через три года после окончания польской кампании. В 1835 году он произвел потрясающее впечатление, когда во время русско-прусских маневров в Калише его одновременно исполнили 21 400 человек. За создание гимна А. Ф. Львов получил от императора табакерку, украшенную бриллиантами, и

флигель-адъютантство (1834). Ко времени назначения директором Певческой капеллы в 1837 году он был уже своим человеком в императорской семье. Его карьера развивалась успешно, в 1853 году А. Ф. Львов был переименован из генерал-майоров свиты в тайного советника с присвоением звания сенатора и гофмейстера^[11].

В императорской семье любили исполнять гимн «Боже, царя храни», что оказывало большое влияние на сентиментального Николая Павловича. Вот что вспоминал об одном импровизированном прослушивании сам автор гимна: «Один раз я был приглашен к императрице и меня провели в ее купальню. Это — маленькая комната, прекрасно убранная, низкий диван, камелек, мраморная ванна, пушистый ковер, несколько низких табуреток, одно окно и две двери, из которых одна ведет на круглую лестницу и прямо в кабинет государя. Вошел, я увидел на диване императрицу, у ног ее сидели три дочери и наследник; граф Виельгорский и флигель-адъютант Толстой стояли у камелька. Слабый свет покрытой лампы освещал комнату. После нескольких минут императрица предложила всем спеть гимн вполголоса и сама начала первая. В самое это время государь спускался по лестнице. Услышав пение, он остановился, слезы покатались из его глаз; наконец, он вошел, кинулся целовать жену, детей и легко вообразить, как мы все были тронуты до глубины сердца...»^[1327]

«Кроме баталической живописи, я не доверяю моему толку в картинах...»

По мнению историка искусства барона Н. Н. Врангеля, Николай I был «монарх *par excellence*, смотревший и на всю жизнь как на службу; человек, который знал, чего он хотел, хотя хотел иногда слишком много; мощный властитель, часто не с русскими мыслями и вкусами, но с размахом всегда чисто русским; непреклонный, повелительный, непомерно честолюбивый, император во всем, что он делал: самодержец в семье, в политике, в военном деле и в искусстве». Как и в военном деле, писал не благоволивший к Николаю барон, он «мнил себя знатоком и в сфере искусства решал вопросы безапелляционно на пользу и во вред искусству»^{1328}.

Впрочем, в области архитектуры и градостроительства, переживавших сложный переход от ампира к эклектике, Николай Павлович, благодаря инженерным познаниям и определенной практике, как правило, интуитивно принимал верные решения. Его заслугой стало завершение застройки центра Петербурга парадными классическими ансамблями^{1329}. В то же время при проектировании церквей он в 1841 году приказал «сохранять вкус древнего византийского зодчества», и за образцы были взяты чертежи из альбомов профессора Академии К. Тона.

Познания императора в области изобразительного искусства более спорны, хотя дилетантом он все-таки не был. Николай Павлович получил неплохое образование в живописи благодаря урокам В. К. Шебуева, О. А. Кипренского и гравера Н. И. Уткина. Он был хорошим чертежником и рисовальщиком. Свои рисунки, известные ранее по коллекции Ваттмара, император набрасывал легко и быстро. Художник Ф. А. Солнцев признавал за ним известные знания и техническую сноровку. О сохранившихся в фонде Библиотеки Зимнего дворца в составе Государственного архива Российской Федерации рисунках великого князя Николая Павловича уже упоминалось. Ранее была известна и коллекция военных костюмов, выгравированных Николаем «крепкой водкой» по рисункам художника-баталиста А. И. Зауервейда. Дочь Федора Толстого М. Ф. Каменская отмечает очень удачную карикатуру государя на генерала Ф. П. Уварова в старинном альбоме. Великая же княжна Ольга Николаевна вспоминает, что в будуаре Аничкова дворца над столом висел рисунок с изображением

«солдата-гвардейца, написанный Папа на дереве»^{[1330](#)}. По свидетельству Ольги Николаевны, в качестве подарков отец «любил принимать собственноручно написанные картины, но не предметы роскоши»^{[1331](#)}. До нас дошли офорты его работы, опубликованные в четвертом томе «Истории кавалергардов» С. Панчулидзева. Один из его рисунков с изображением всадника в восточном стиле был недавно опубликован в каталоге «Мир русской императрицы» по материалам выставки в петергофском «Коттедже».

Одно из свидетельств точности и наметанности глаза Николая Павловича приводится в воспоминаниях М. Ф. Каменской. Ее отец, вице-президент Академии художеств, во время работы над медалями, посвященными Отечественной войне 1812 года, довольно часто навещался к императору в Зимний дворец, показывая ему свои проекты, нарисованные пером. Особых замечаний никогда не было, и вдруг Николай Павлович заметил: «Послушай, Федор Петрович, воля твоя, а колено у твоего славянского воина повернуто неправильно». Граф пытался возражать, и тогда император решил сам стать в такую же позу: «И государь точно стал перед зеркалом в позу воина... Смотри в зеркало, передвинул ногу и стал прямо и твердо на всю ступню ноги. Потом присел к письменному столу и тут же на папенькином рисунке легонечко нарисовал карандашом ногу так, как ему казалось, что она будет стоять правильно». Вспыльчивый граф прибежал домой в Академию художеств, негодуя, что его так невежливо взяли учиться рисовать. Далее мемуаристка пишет: «Вбежав в свой кабинет, папенька заперся изнутри на ключ, проворно разделся догола и начал перед своим трюмо становиться в различные позы. По мере того, как он проверял себя, горячка его разом оставила: он вдруг чего-то застыдился... Проворно оделся и, открыв дверь, громко кликнул маменьку. Она сейчас же к нему прибежала. «Аннета, поищи, пожалуйста, где тут у меня стоит баночка с лаком, подай мне ее скорей...» — «Что с тобой? Отчего у тебя такое переконфуженное лицо? Не случилось ли с тобой во дворце что-нибудь неприятного?» — с участием начала расспрашивать маменька. — «Ничего со мною не случилось. Я сам виноват, виноват так, как в жизни никогда не был... Вот посмотри, у меня в этом рисунке медали, в правой ноге у воина, прокралась ошибка; я ее сам не заметил, а от государя она с первого взгляда не ускользнула. Каков молодец, какова у него верность взгляда, а я, скот этакий, еще обозлился на него... А он прав, тысячу раз прав! Гляди: это государь сам поправил мне правую ногу... Что ж мне не даешь лаку? Я покрою им карандаш его

величества и сохранию эту редкость потомству...»^[1332]

Став императором, Николай Павлович чтит своих учителей, но на первое место в суждениях об искусстве выдвигал соответствие или несоответствие произведений критериям православия, самодержавия и народности. В этом он был последователен. Первоначально формальным основанием для контроля за деятельностью Академии художеств была ее принадлежность к государственным учреждениям (с 1812 года в системе Министерства народного образования). Но уже указом от 9 февраля 1829 года Академия художеств поступила «под главное начальство министра Императорского двора». Так как президент А. Н. Оленин не имел достаточно времени для нужд Академии, то у императора появилась идея ввести должность вице-президента. С 1828 года вице-президентом Академии стал известный скульптор-медальер, преданный своему делу добрый и честный человек, отличающийся рассеянностью, граф Ф. П. Толстой, который с 1814 года работал над серией памятных медалей, посвященных Отечественной войне 1812 года. М. Ф. Каменская так вспоминала о его назначении. Оказывается, когда Николай Павлович стал подумывать о кандидатуре вице-президента (конференц-секретарь Академии А. Ф. Лабзин умер еще в 1825 году), то, казалось, препятствием этому назначению станет то, что по чину Ф. П. Толстой был только мичманом в отставке. Должность же требовала чина как минимум статского советника. «Только-то? — заметил император приятелю Толстого. — Ну, это не твоя беда! Был бы у меня вице-президент, а чины будут»^[1333]. Графу тут же был присвоен чин статского советника. Несомненно, это было удачное назначение, так как Академия художеств тогда «была целое особенное государство со своими обычаями, привычками и образом жизни, совсем особенным от остальных жителей Петербурга»^[1334].

Граф Ф. П. Толстой казался белой вороной среди титулованной столичной знати. Свою жизнь он посвятил служению искусству. Однажды, по воспоминаниям М. Ф. Каменской, когда ее отец занимался гравированием на меди иллюстраций к поэме «Душенька» И. Ф. Богдановича (этот эпизод мог иметь место между 1830 и 1833 годами), в Академии художеств ожидали государя. Увлеченный работой граф не утерпел и, отправившись в кабинет, прилег грудью к медной доске, покрытой мелом. Когда доложили о приезде императора, Ф. П. Толстой опрометью бросился его встречать, но тот неожиданно разразился хохотом. Мемуаристка так рассказывает об этой сцене: «Здравствуй, Толстой! — протянув руку, со смехом сказал Николай Павлович. — Скажи мне, давно

ли ты у меня в мельники пошел? Да посмотри на себя, ведь ты весь в муке!» — проговорил государь, дотрагиваясь пальцем до груди графа. Папенька опустил глаза и увидал, что весь перед его платья выпачкан мелом... — «Простите, ваше величество, я гравировал и не заметил, что выпачкался мелом!» — совсем успокоившись, извинился отец мой. — «То-то гравировал! Ах ты чудак! Ну, стой смирно, я тебя вычищу...» И государь, вынув носовой платок, начал выколачивать мел с вицмундира своего вице-президента... Когда Николай Павлович уезжал, на парадной лестнице много рук протянулось подавать ему шинель, но он остановил их и приказал: «Нет, наденьте прежде шинель моему мельнику; я боюсь, он простудится, а он мне дорог...»^{1335}

После смерти в 1843 году президента А. Н. Оленина Академию возглавил герцог Максимилиан Лейхтенбергский, а после его смерти, по указу Николая I от 3 ноября 1852 года, эту должность унаследовала его вдова, великая княгиня Мария Николаевна (за ней после замужества особым указом был сохранен титул великой княгини).

В царствование Николая I дипломатические представители за рубежом получили указание включать в свои отчеты сведения не только о политике и культуре, но и о положении искусства. Сам император старался не пропускать ни одной академической выставки работ преподавателей и учеников Академии, давая свою оценку произведениям, а зачастую и приобретая их для своих коллекций. Совершался этот ежегодный ритуал следующим образом. Обычно за два дня до визита министр Императорского двора П. М. Волконский уведомлял руководство Академии, что «государь император изволит быть в Академии художеств... поутру, почему в тот день публике не быть, пока его величество не изволит уехать из Академии»^{1336}. Следует отметить, что при покупке произведений Николай Павлович был не прочь последовать совету своего вице-президента. Однажды во время посещения выставки император сказал ему: «Федор Петрович, у меня до тебя просьба. Знаешь, кроме баталической живописи, я не доверяю моему толку в картинах; а мне надо купить что-нибудь на выставке, и я боюсь ошибиться. Так ты не отходи от меня и если какая-нибудь картина будет стоять того, чтоб я ее купил, ты мне глазами покажи на нее, я куплю»^{1337}. И действительно, по совету графа Николай Павлович оставил за собой две картины. Тогда же произошел и комический случай, подтверждающий мнение Ф. П. Толстого о «смешливости» государя. У графа был насморк, и он часто вынимал платок, о который имел обыкновение вытирать кисти при работе с

акварельными красками. Супруга, естественно, утром положила ему чистый платок, но по рассеянности граф захватил выпачканный красками. При каждом сморкании графа император посмеивался, и вспыльчивый Ф. П. Толстой уже еле сдерживался и всем своим видом выражал недовольство. Заметив это, Николай Павлович тут же превратил инцидент в шутку и, поймав его руку с платком, сказал: «Толстой, скажи мне милость, какой это у тебя флаг? Я что-то не разберу?»^{1338}

Впрочем, иногда государь был безапелляционен. Его мнение могло поставить крест на карьере художника. В 1826 году при ходатайстве Академии о присвоении крепостному Легашеву звания художника 14-го класса император затребовал работы к себе и отклонил ходатайство: «Я работы видел и нахожу, что рано давать чин»^{1339}. За плохо выполненные, по мнению императора, образа для церкви Святой Екатерины в Царском Селе художник Егоров «в пример других» был уволен со службы. Его признали «неспособным более к преподаванию уроков»^{1340}.

Большое внимание уделялось посещению академических выставок. Посетив 14 октября 1833 года выставку вместе с Александрой Федоровной, Николай Павлович на прощание сказал: «Благодарю вас, господа, я вижу, что Академия день ото дня идет вперед... Я рад поддерживать таланты и деньгами, и отличиями, только бы трудились, а не ленились»^{1341}.

Но не всегда посещение выставок императором заканчивалось благополучно. 23 сентября 1830 года Николай Павлович приобрел на выставке мраморную статую ребенка, пускающего пузыри С. И. Гальберга, две картины Штока, две «живописи» на стекле Федора Брюллова (брата Александра и Карла), а также перспективный рисунок А. И. Иванова^{1342}. В то же время император остался недоволен картиной Андрея Ивановича Иванова (отца Александра Иванова) «Смерть генерала Кульнева», работами учеников архитектурного класса, руководимого братьями Андреем и Александром Алексеевичами Михайловыми, а также бюстами — своим и Александры Федоровны, выполненными в качестве моделей для фарфорового завода Степаном Степановичем Пименовым. Указанным преподавателям было предложено подать в отставку.

В литературе эту историю обычно представляют как пример варварской расправы «царя-лицедея» с талантливыми художниками. Так, автор одной из популярных книг считает, что С. С. Пименов не угодил императору, может быть потому, что «не приукрасил» его, а кроме того якобы «царь не терпел людей безродных, беститульных»^{1343}. Объяснение, конечно же, наивное, если вспомнить, что сыну того же С. С. Пименова —

Николаю Степановичу — Николай Павлович открыто благоволил. Или как быть с беспризорным армянским мальчиком (по другой версии, христианином-турком, оказавшемся в Крыму) — будущим художником И. К. Айвазовским. Через семь лет после описываемой выставки, 14 марта 1837 года, последовало высочайшее повеление «о причислении художника Гайвазовского» (тогда его фамилия писалась так) к классу батальной живописи профессора А. И. Зауервейда для занятия «морскою военною живописью и предоставлении ему, по сему случаю, мастерской...»^{1344}.

Известно, что Николай Павлович был раним в отношении всего, что касалось Александры Федоровны. Во всяком случае, в последовавшем за злополучной выставкой 1830 го-468 да повелении говорилось: «Бюсты его величества и особенно государыни сделаны весьма дурно... Профессора Пименова отстранить вовсе от службы»^{1345}. Между прочим, за многолетнюю работу по заказам фарфоровой фабрики в декабре того же 1830 года С. С. Пименов был награжден бриллиантовым перстнем в 800 рублей^{1346}. Естественно, это не могло быть сделано без ведома императора и являлось своеобразным «утешительным призом».

Несомненно, что акция в отношении Академии художеств была не случайна, и дело тут не во внезапной вспыльчивости государя. Эту акцию необходимо рассматривать в комплексе мер, предпринятых под влиянием европейских революций 1830 года, направленных на наведение порядка в преподавании в Академии и, главное, на придание произведениям национального колорита. Николай Павлович взял курс на обновление кадрового состава преподавателей. В том же году последовало распоряжение ученикам Академии «списывать» копии с картин в Эрмитаже. Причем, в отличие от прочей публики, художникам не возбранялось быть при этом не только во фраках, но и сюртуках^{1347}. В 1837 году последовали повеления о замещении на занятиях с воспитанниками «одержимых болезнью» профессоров их коллегами. Подмена заболевших преподавателей стала возможной после прибытия из «чужих краев» Карла Брюллова (1835) и Федора Бруни^{1348}. Регламентировался и внешний вид художников и учеников. В том же году появилось распоряжение о «воспрещении» служащим Академии художеств «носить усы и бороды в виде жидовских»^{1349}. В 1840 году в Риме было учреждено особое начальство над находившимися в Италии художниками-пенсионерами. Особенно много таких, иногда мелочных, распоряжений и повелений последовало в 1848–1849 годах, когда всем русским художникам, кроме Пименова-младшего, наблюдавшего за поставкой

мрамора, было предписано возвратиться из охваченной революциями Европы в Россию^{1350}. Даже литографированные курсы лекций профессоров Академии отныне подлежали цензуре с предоставлением экземпляров в Публичную библиотеку^{1351}. Наконец, в связи с эпидемией и небольшим количеством представленных работ была отменена академическая выставка 1848 года. В 1853 году Совету Академии художеств было предписано обращать внимание на нравственность художников, и в случае вызова провинившегося назад в Россию с членов Совета, рекомендовавших этого пенсионера, предписывалось взыскивать деньги, потраченные на командировку художника.

В 1845 году Николай Павлович посетил два признанных центра европейской культуры — Дрезден и Рим. В Дрездене его привлекали знаменитая картинная галерея и недавно выстроенный придворный театр. Он выехал в Саксонию, прося не устраивать официальных встреч, что не очень облегчило положение тайных агентов безопасности. В одном из воспоминаний приводится рассказ скульптора, профессора Дрезденской академии Геннеля, ставшего свидетелем посещения русским императором галереи. Не зная о пребывании в Дрездене императора, он тем не менее сразу обратил внимание на импозантного мужчину, представлявшего достойный типаж для портретной зарисовки. Но он увидел и инспектора тайной полиции, тайком сопровождавшего господина, и поинтересовался, не русский ли это император. По виду испуганного начальника тайной полиции профессор понял, что угадал. Николай Павлович заметил внимание к своей персоне, так же, как и рисунок в блокноте. Он спросил профессора, кто он, и так завязался разговор. Рассмотрев набросок, император сказал: «Да вы крупный талант, вы владеете безукоризненно техникой рисования». А затем попросил его сопровождать по галерее, где в платный день было немного публики и Николай Павлович чувствовал себя свободно. Профессор Геннель рассказывал будущему мемуаристу: «Я был удивлен меткими замечаниями, сделанными русским государем по поводу стиля, колорита и самого сюжета многих первоклассных картин знаменитых художников. Между прочим, он относился очень скептически к исторической живописи, находя ее в большинстве случаев декоративной, ходульной, вымышленной или подкрашенной наподобие продажной женщины. Дойдя под конец к знаменитой Сикстинской мадонне Рафаэля, он, глядя восторженно на картину, произнес после минутного молчания: «Это единственная картина, возбуждающая во мне чувство зависти относительно ее обладания»^{1352}.

Посещение Рима стало возможным в связи с пребыванием Александры Федоровны в Италии и желанием добиться ясности в отношениях с Ватиканом. В декабре 1845 года Николай Павлович инкогнито, под видом генерала Романова, прибыл в Рим для переговоров с папой Григорием XVI по поводу присоединения в 1839 году униатов Западного края к православной церкви и различными претензиями католической церкви. В связи с прибытием Николая I была на скорую руку организована выставка работ русских художников-пенсионеров в Риме. Тогда же через графа Ф. П. Толстого художники-пенсионеры решили преподнести Николаю Павловичу подарок на память о его пребывании в Риме. Это был выполненный ими иллюстрированный путеводитель с кратким пояснительным текстом к изображенным здесь же римским достопримечательностям и видам. Второй экземпляр этого путеводителя предполагалось подарить Александре Федоровне, но подготовить его не успели. Николай Павлович был любезен: «Подарок этот очень мил, я его передам жене». — «Для ея величества они готовят другой», — сказал граф. «Нет, — возразил государь, — я отдам ей этот»^[1353]. Тогда же Николай I нашел время и для посещения мастерских русских скульпторов, особо отметив работы ученика С. И. Гальберга — П. А. Ставассера, который получил заказ от императора на две фигуры в мраморе, законченные им в 1847 году.

Положение Академии как структурного подразделения императорского двора имело и свои преимущества. Существовали различные формы поощрения художников, считавшиеся почетными, включая высочайшие заказы, награды в виде золотых часов, бриллиантовых перстней, золотых табакерок, украшенных бриллиантами, бриллиантовых серег. Когда Николай Павлович давал согласие стать крестным отцом детей художников, их женам преподносились дорогие украшения. Так, по случаю рождения дочери у Ф. А. Бруни в 1837 году его супруге были пожалованы бриллиантовые серьги, а в 1838 году, когда родился следующий ребенок, — бриллиантовый фермуар. Впрочем, и в том и в другом случае, давая формально соизволение «на восприятие от святой купели новорожденной дочери профессора Бруни», император предоставлял ему самому «избрать восприемника вместо его величества»^[1354].

На подарки Николай Павлович не скупился. Когда Ф. П. Толстой закончил серию из 21 медальона, посвященную Отечественной войне 1812 года, над которой он работал около 20 лет (1814–1836), он тут же был награжден императором. Дочь графа вспоминала: «Получив в награду за

свои медали Отечественной войны табакерку в 20 000 рублей, папенька тотчас же попросил кого следует стоимость этой награды превратить в деньги и тотчас же отдал их в ломбард, так что деньги были. За них прежде всего папенька уплатил все свои долги, взял на свои собственные нужды 2000 рублей, а из остальных денег попросил сестру мою Надежду Петровну сделать все, что будет нужно для моей свадьбы»^{1355}. В 1841 году были представлены к награде вице-президент Академии художеств граф Ф. П. Толстой, ректоры Академии В. К. Шебуев и В. И. Демут-Малиновский, хранитель музея А. Г. Ухтомский (график), профессора А. Г. Варнека, С. Ф. Галактионов (график, литограф) и Н. И. Уткин, причем бывшему наставнику Николая Павловича был пожалован «знак ордена Св. Станислава 2-й степени, императорской короной украшенный»^{1356}. В 1848 году в связи с просьбой об оказании пособия штабс-капитану П. А. Федотову, за которого ходатайствовал великий князь Михаил Павлович, художнику было выдано единовременно 200 рублей серебром и предоставлена квартира в Академии художеств. Кроме того, будущему основоположнику реализма в живописи, так же как ранее барону П. К. Клодту, было назначено ежемесячное пособие в 100 рублей ассигнациями (28 рублей 60 копеек серебром)^{1357}.

Одной из форм поддержки художников было устройство их детей в различные учебные заведения на полный пансион, в первую очередь в Академию художеств. Впрочем, это практиковалось в отношении и служащих придворного ведомства. Так, по протекции императрицы Марии Федоровны в ноябре 1827 года 14-летний сын покойного метрдотеля Бенуа Николай был определен в Академию художеств «для изучения архитектуры»^{1358}. Так началось восхождение известной в истории культуры и искусства династии Бенуа, в которой еще долгие годы сохранялась добрая память об императоре Николае Павловиче.

На протяжении всей своей жизни Николай Павлович не забывал о своем учителе Василии Козьмиче Шебуеве, чье творчество удачно вписывалось в патриотическое направление русского академического искусства, тем более что художник обращался и к образу Петра I и петровской эпохе («Подвиг купца Иголкина», «Петр Великий в сражении при Полтаве»). Он дослужился до действительного статского советника и ректора Императорской Академии художеств по части исторической живописи. Несмотря на то, что в его картинах доминировали темные краски, он неоднократно получал награды. Однако выполненные им вместе с Ф. А. Бруни и А. Е. Егоровым работы над росписью церкви Святой

Троицы Измайловского полка были признаны императором неудачными, хотя К. П. Брюллов и пытался защитить художников^{1359}. В. К. Шебуев был также директором Шпалерной мануфактуры. Вместе с другими архитекторами и художниками Академии (Александром Резановым, Александром Кракау, В. П. Стасовым и др.) он был прикомандирован для работ по возобновлению Зимнего дворца. Помимо пожизненной пенсии в 1000 рублей в год за преподавание в прошлом великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам, ему была назначена дополнительная пенсия в 3500 рублей за выполненный им плафон церкви в Царскосельском дворце^{1360}. В. К. Шебуев не намного пережил Николая Павловича и умер 17 июня 1855 года. Александр II выдал единовременное пособие вдове и дочери художника в размере 1500 рублей (на двоих) и назначил пенсион вдове (250 рублей), дочери до замужества (300 рублей) и сыну до производства в офицеры (200 рублей)^{1361}. Художник был похоронен на Смоленском кладбище. По архивным документам известно, что в 1909 году его внук пытался добиться выдачи денег на приведение в порядок могилы деда, напоминая, что это могила «бывшего преподавателя императора Николая Павловича». Специально назначенная комиссия Академии художеств, на основании отзыва В. В. Суслова, пришла к заключению, что могила и памятник находятся в хорошем состоянии^{1362}.

В начале царствования Николая I «первым портретным живописцем» продолжал оставаться английский художник Джордж Доу (Dawe; в транскрипции тех лет Георг Дове и Георг Дау), работавший с 1819 года в Петербурге над портретной галереей боевых генералов Отечественной войны 1812 года и зарубежных походов русской армии. (С помощью русских художников было выполнено более 300 портретов.) Он же выполнял официальные портреты Александра I и членов императорской семьи. Широко известен портрет великого князя Николая Павловича кисти Д. Доу 1823 года с характерной для живописца приподнятостью и романтизацией образа. Писал Доу Николая Павловича и как императора. Однако его жадность к деньгам и нещадная эксплуатация русских помощников, выполнявших черновые работы и занимавшихся изготовлением копий с его работ, вызвали возмущение русского общества, и разразился скандал. Это послужило Николаю Павловичу поводом для высылки Д. Доу в 1829 году из России^{1363}.

На долгие годы официальным портретистом императора стал берлинский военный живописец Франц Крюгер, знакомый Николаю Павловичу еще по картине «Парад в Берлине». Он четыре раза приезжал в

Россию (в 1832–1833, 1836, 1844–1845 и 1850 годах), встречался с Николаем I также в Пруссии^{1364}. Если в изображениях Д. Доу многое восходило к английской школе живописи, то на портретах Ф. Крюгера Николай Павлович предстал «с прекрасным лицом северного германца, то стоя по грудь, то повернувшись, то прямолично, но всегда в мундире Конной гвардии»^{1365}. Портреты Николая I кисти Ф. Крюгера с тщательной прорисовкой деталей мундира считались самыми точными; многочисленные копии и реплики с них украшали стены официальных учреждений. Наиболее известен портрет, выполненный Ф. Крюгером в 1832 году. В декабре того же года с него было предписано сделать портреты на всех подарочных табакерках, находящихся в Кабинете.

Вопросам репродуцирования портретов и других изображений императора и членов императорской семьи уделялось повышенное внимание. Особым 183-м параграфом Устава о цензуре 1826 года предписывалось: «При рассмотрении всякого рода изображений, представляемых к одобрению для гравирования или литографирования, наблюдать, чтобы портреты лиц августейшей фамилии имели художественное достоинство, приличествующее изображению особ Высочайшего дома...»^{1366} В спорных случаях предусматривалась экспертиза в Академии художеств. Так, рассмотрев в июле 1828 года рисунки художника Фридрици, изображающие сдачу крепости Исаки и переправу Николая I через Дунай в челне запорожцев (задунайских старообрядцев), Совет Академии не утвердил их, поскольку рисунки «не имеют надлежащего художественного достоинства»^{1367}.

Из художников-иностранцев и русских художников иностранного происхождения, связавших свою жизнь с Россией, по мнению барона Н. Н. Врангеля, «только француз Ладурнер и особенно немцы Зауервейд, Иебенс и Шварц передают нам «клейнмихельскую Россию»^{1368}. Собственно, Александр Иванович Зауервейд-старший был весьма относительным «иностранцем». Уроженец Курляндии, вскоре включенной в состав Российской империи, он воспитывался в Петербурге, учился в Дрездене, работал также в Париже и Лондоне, но после 1817 года окончательно связал свою жизнь с Россией. По мнению Н. Н. Врангеля, он «был очень добросовестным наблюдателем, но сухим живописцем, лишенным какой-либо поэтической грезы»^{1369}. Среди его работ — «Штурм крепости Варна 29 сентября 1828 года» (около 1836 года, ГЭ), событие, участником которого был и Николай Павлович, «Приезд Николая I в лагерь» (ПТ) и «Парад в Петергофе». Зауервейд был известен также серией работ по

основным сражениям войн 1812–1815 годов и картинами на исторические сюжеты, в частности «Петр I в Нарве». Николай Павлович чрезвычайно ценил художника, который часто сопровождал его в поездках по стране и за рубежом, и с горечью принял известие о его кончине в 1844 году.

В декабре 1845 года в Риме Николай Павлович обратил внимание на художника с большими усами и бакенбардами и спросил у сопровождавшего его графа Ф. П. Толстого: «Что это за усач?» — «Это наш художник Моллер», — ответил тот. Император тут же вспомнил первые работы Ф. А. Моллера на военную тематику, выполненные до того, как он обратился к бытовому жанру и портрету: «А ты худо сделал, что бросил батальную живопись; я ее люблю и она очень нужна: у нас довольно того, что можно передать потомству — подвиги на Кавказе и многое другое, а с тех пор, как не стало нашего Зауервейда, некому поручить; Коцебу не может, а другому нельзя, надобно быть военному, чтобы уметь писать эти сюжеты»^{1370}. Пожалуй, в этой фразе наиболее точно выражена позиция Николая I как императора, рассматривающего живопись (как и прочие виды искусства) в плане художественной летописи побед русского оружия и военно-патриотического воспитания. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в создании мемориальных памятников войны 1812 года: как скульптурно-архитектурных (памятники М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли Б. И. Орловского, Александровская колонна, храм Христа Спасителя, памятники на Бородинском поле), так и живописных. Уже в начале царствования была завершена работа, начатая при Александре I, над портретной галереей 1812 года. Экспозиции на военные темы были развернуты также в Большом и Малом фельдмаршальских залах Зимнего дворца^{1371}. В начале 40-х годов в Эрмитажном павильоне, примыкавшем к Зимнему дворцу, были созданы еще две исторические галереи — Дома Романовых и Петра Великого, а в 1848 году последовало распоряжение о создании мемориального комплекса Петра I на основе подлинных вещей, которые были затребованы из Академии наук.

Принцип историзма в живописи все же нарушался. Вмешивались политика, личные антипатии к некоторым современным деятелям или историческим персонажам. Портреты неугодных генералов, связанных с декабристами, были изъяты из портретной галереи 1812 года и отправлены в подвал Зимнего дворца (возвращены вновь в 1903 году); некоторых фаворитов Екатерины II (братьев Зубовых, А. Д. Ланского, Дмитриева-Мамонова) — розданы их потомкам^{1372}. И все же в ряде случаев, как, например, в отношении к старинной художественной мебели, у Николая

Павловича преобладал музейный подход, основанный на принципе историзма^{1373}. Как показывают специальные исследования, Николай I был «далеко не номинальным владельцем и распорядителем художественных и исторических ценностей императорского двора»^{1374}. Он активно влиял на формирование не только «собственной коллекции», но и фондов Эрмитажа. Особенно активен он был в 1850–1852 годах в связи со строительством по проекту берлинского архитектора Лео фон Кленца здания «Императорского музеума» (Нового Эрмитажа). Музей был открыт 5 февраля 1852 года. Помимо Николая Павловича, «собственную коллекцию» собирала и Александра Федоровна, заимствуя, впрочем, для украшения загородных резиденций художественные произведения и мебель из запасников Зимнего дворца. Характерный эпизод подхода Николая Павловича к памятникам культуры привел Ф. А. Бруни. Когда в Петербург была доставлена «Мадонна Альба» Рафаэля, ему была поручена ее реставрация. Картина очень понравилась императрице Александре Федоровне, выразившей желание иметь ее в своем кабинете. Редко когда отказывающийся жене Николай Павлович в шутку заметил: «Жирно будет». — «Вот он для тебя снимет копию, — прибавил он, указывая на Бруни, — не уступит подлиннику, а ее место здесь» (то есть в Эрмитаже)^{1375}. Для императрицы, действительно, была снята копия.

Иногда прибегали и к принципу «временного хранения». Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала об Александре Федоровне: «Ее единственной искренней потребностью, которую она себе разрешала, было то, что время от времени ей приносили и затем меняли картины из Эрмитажа. Потом Папа заказал для нее копии тех картин, которые она особенно любила». Для комнат Ольги Николаевны в восстановленном Зимнем дворце Николай Павлович также подарил картины «частью те, которые принадлежали еще бабушке, частью же копии из Эрмитажа»^{1376}.

Вмешательство императора имело и негативные последствия. Известно его активное участие в ревизии коллекции картин в 1848–1849 годах. Тогда Николай Павлович каждый день приходил на заседания комиссии и даже определял картины по школам, иногда дискутируя с Ф. А. Бруни. Для Нового Эрмитажа было отобрано 1600 картин. Самой же печальной страницей в истории комплектования коллекции Эрмитажа стал аукцион 31 августа 1853 года, когда часть картин из загородных дворцов «за ненадобностью» была предложена к продаже, и ими смогли пополнить свои коллекции многие любители живописи. Должной финансовой отдачи аукцион не принес и был повторен (дважды) в 1854 году в Таврическом

дворце^{1377}. Справедливость требует отметить, что подобные «чистки» были вполне в духе времени и проводились тогда и в других европейских столицах, хотя и не в таких грандиозных масштабах.

В то же время для экспозиции Нового Эрмитажа передавались вещи, хранившиеся ранее в академических музеях. В 1848 году в Академию наук поступило уведомление, что император, просмотрев печатные описи предметам, хранящимся в Кабинете Петра Великого, повелел все предметы передать в Эрмитаж за исключением моделей кораблей и портрета Екатерины II. Распоряжением министра от 2 мая 1851 года предписывалось египетский хрустальный бокал, находящийся в Азиатском музее, также передать в Эрмитаж^{1378}.

Новым в музейной деятельности Николая Павловича было перемещение центра тяжести при формировании коллекций на приобретение произведений русского национального искусства. Закупались работы А. Г. Венецианова, О. А. Кипренского, Ф. А. Бруни, К. П. Брюллова, М. Н. Воробьева, И. К. Айвазовского, братьев Григория и Никанора Григорьевичей Чернецовых^{1379}. Из города Луха Костромской губернии мальчиками пришли они в Петербург и были приняты графом Ф. П. Толстым в число учеников Академии художеств. Правда, они учились в качестве не казеннокоштных, а «посторонних» учеников. Братья с золотыми медалями окончили курс, и как пейзажисты, точно передающие виды местности и памятники архитектуры, отправились в командировки на Волгу, Крым, Кавказ. Как отмечает М. Ф. Каменская, они «составили свои знаменитые альбомы, так долго хранившиеся в библиотеке покойного государя Николая Павловича»^{1380}. В 1836 году Г. Г. Чернецов приобрел известность благодаря картине «Парад на Царицыном лугу 6 октября 1831 г. по случаю окончания польской кампании», на которой было изображено около 200 известных петербуржцев. Затем с натуры они писали виды Крыма и Кавказа, а в 1839 году проделали путь по Волге от Рыбинска до Ново-Павловского (в 47 верстах от Астрахани), где их баржа была задержана льдами. Помимо многочисленных этюдов братья привезли с собой «Параллель берегов Волги», представленную императору в 1851 году. В полном виде картина представляла собой 1982 рисунка общей длиной в 746 метров. Некоторое время она демонстрировалась в циклоrame (на двух цилиндрах, которые давали возможность одновременно просматривать виды сразу двух берегов Волги) на Васильевском острове. По каким-то соображениям (вероятно, в связи с курсом на экономию) от публикации знаменитой картины в виде альбома Николай Павлович

воздержался. Он ограничился тогда пожеланием, чтобы любители изящного оценили и поддержали «труд достойных художников», но меценатов не нашлось. «Параллель берегов Волги» была передана в «Русскую библиотеку» Эрмитажа, впрочем, ненадолго. Затем она поступила в Императорскую Публичную библиотеку, и в настоящее время находится в составе «Эрмитажного собрания» Отдела рукописей Российской национальной библиотеки^{1381}.

Начало созданию «отечественной» галереи было положено еще в первые годы царствования. Уже в 1827 году по ходатайству А. Н. Оленина были приобретены у сильно нуждавшегося А. Г. Венецианова две картины. Покупались картины и на академических выставках. В 1836 году Общество поощрения художеств поднесло Николаю I в дар картину А. А. Иванова «Явление Христа Марии Магдалине». Когда в 1845 году Николай Павлович в Риме посетил мастерскую художника, он уже был достаточно знаком с его работами. На него произвела большое впечатление огромная незаконченная картина «Явление Христа народу» (1837–1857), и он долго рассматривал многочисленные этюды. «Иначе и нельзя, чтобы написать хорошо картину», — сказал он и, выходя из мастерской, добавил, обращаясь к художнику: «Оканчивай, картина будет славная!»^{1382} В 1846 году государь приказал выдать художнику 1500 рублей с тем, чтобы он через год закончил свою картину. А. А. Иванов пришел в «нервическое расстройство» и постарался через наследника передать, что при всем желании он этого сделать не сможет.

Знаменитая картина К. П. Брюллова «Последний день Помпеи» (1830–1833) была приобретена известным меценатом, одно время служившим в российском посольстве в Риме, А. Н. Демидовым, князем Сан-Донато. Во время чествования А. П. Брюллова в Академии художеств 15 июня 1836 года она была выставлена в зале как подаренная уже государем Академии. Позднее картина украсила «Новый Эрмитаж». Николай Павлович уважал К. П. Брюллова и ценил его творческое вдохновение. Рассказывали, что однажды, когда во время прогулки он зашел навестить художника, тот работал. Приказав не докладывать и сказав, что он зайдет в другой раз, император удалился^{1383}. Николай Павлович заказал Брюллову картину из русской истории в жанре народной эпопеи «Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581 году» (1839–1841). Для большей наглядности в Красном Селе были устроены взрывы специально возведенных для этой цели укреплений^{1384}. Тем не менее картина осталась неоконченной.

Активно привлекался к строительной деятельности старший брат «великого Карла», Александр Павлович Брюллов, архитектор и портретист, автор проектов здания штаба гвардейского корпуса, Михайловского театра и Пулковской обсерватории. Но когда после кончины начальника Строительного департамента Морского министерства, бывшего учителя Николая Павловича инженерного генерала К. И. Оппермана, встал вопрос о кандидатуре на вакантный пост и архитектор начал настойчиво его добиваться, Николай Павлович выразил сомнение: «Довольно ли он опытен, чтобы управлять всеми обязанностями такого места, где нужны практические сведения?» Поскольку А. П. Брюллов возобновил свои попытки, используя протекцию А. С. Меншикова, император добавил: «Господин Брюллов наполнен вкуса и таланта и мастер рисовать; но опытности никакой не имеет в важных постройках совершенно другого рода, чем те, которые он когда-либо производил»^[1385]. Одних симпатий или рекомендаций при назначении на руководящую должность для Николая Павловича было недостаточно. Ему требовались доказательства опыта и практики.

Личные пристрастия Николая Павловича проявились в живописном убранстве петергофского «Коттеджа». Посетившему жилище императорской семьи генералу П. Х. Граббе в 1836 году бросилось в глаза несколько картин, «изображающих сцены из последних Турецкой и Польской войны»^[1386]. Картины украшали стены столовой, библиотеки, гостиной, кабинета и туалетной комнаты. В самой большой из них — столовой — находились картины с видами Александрии и «Балтийская эскадра в плавании по Финскому заливу» Жана Гюдена, модного парижского живописца, вызванного Николаем Павловичем в Россию. Были также представлены картины И. К. Айвазовского («Константинополь в вечернем освещении»), М. Н. Воробьева (итальянские виды), Т. А. Неффа. В библиотеке находились «Турецкое гуляние» Г. Г. Гагарина, «Татьяна за письмом к Онегину» Ф. А. Моллера, «Неаполитанский залив». Гостиную украшали два морских пейзажа И. К. Айвазовского и «Николай I со свитой в катере у Кронштадта». В кабинете висела картина Виктора Долли, напоминавшая о печальном событии в семье императора, — кончине при родах его больной туберкулезом дочери Александры Николаевны вместе с ребенком. Художник создал аллегория в виде ангела, возносящегося в небо, с которого срываются и падают вниз две звезды. Здесь же были портреты Ольги Николаевны кисти Т. А. Неффа и Александры Федоровны кисти А. П. Брюллова, а также ее брата Фридриха Вильгельма IV в латах на

коне во время Потсдамского турнира. В туалетной комнате находились гравюры с сюжетами из Русско-турецкой войны 1828–1829 годов (в частности, взятие Варны), акварели Шиффляра, изображающие русский десант на берегу Босфора во время египетско-турецкого конфликта 1833 года, и В. Г. Шварца, отразившие русско-прусские маневры в Калише в 1835 году. Здесь же висели портреты И. Ф. Паскевича и А. Ф. Орлова кисти Ф. Крюгера^{[1387](#)}.

Далеко не бывший поклонником императора, барон Н. Н. Врангель попытался объективно оценить деятельность Николая Павловича в сфере искусства. «Всем известна его замечательная строительная деятельность, оставившая незабываемые следы в истории русской архитектуры, — писал он, — и всякий, кому дорога красота Петербурга, помянет с благодарностью Николая I. Неустанная, упорная и трогательная забота его об устройстве Эрмитажа и грандиозные суммы, затраченные им для образования и пополнения этого музея, также заслуживают признательности. Император несомненно любил искусство, любил его по-своему и, если отбросить его личные заблуждения и ошибки, свойственные его эпохе, все же основанный им музей составит громадного значения вклад в нашу культуру»^{[1388](#)}.

Глава шестая

ЧЕЛОВЕК В МУНДИРЕ

«Мою рожу выкинуть»: Античный профиль глазами современников

На протяжении десятилетий с легкой руки А. И. Герцена сформировался отрицательный стереотип восприятия даже внешнего облика Николая Павловича. Впервые Герцен увидел нового императора четырнадцатилетним мальчиком во время коронации в Москве в августе 1826 года. Свои впечатления он зафиксировал много лет спустя: «Я тут видел его в первый раз; он ехал верхом возле кареты, в которой сидели вдовствующая императрица и молодая. Он был красив, но красота его обдавала холодом; нет лица, которое бы так беспощадно обличало человека, как его лицо. Лоб, быстро бегущий назад, нижняя челюсть, развитая насчет черепа, выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, нежели чувственности. Но главное — глаза, глаза без всякой теплоты, без всякого милосердия, зимние глаза»^{1389}.

Второй раз уже повзрослевший А. И. Герцен увидел Николая I в тяжелый для императора 1830 год, когда тот демонстративно приехал в Москву во время свирепствовавшей в стране эпидемии холеры. Эта встреча была также отражена позднее в его записках: «В самое это время я видел во второй раз Николая, и тут лицо его еще сильнее врезалось в мою память. Дворянство ему давало бал, я был на хорах собрания и мог досыта насмотреться на него. Он еще тогда не носил усов, лицо его было молодо, но перемена в его чертах со времени коронации поразила меня. Угрюмо стоял он у колонны, свирепо и холодно смотрел перед собой, ни на кого не глядя. Он похудел. В этих чертах, за этими оловянными глазами ясно можно было понять судьбу Польши, да и России»^{1390}.

Описание внешности императора носит для публициста прикладной характер, давая возможность перейти затем к перечислению предполагаемых отрицательных черт характера и идейно-политическим выводам. «Хищный взгляд» Николая I должен был, по мнению Герцена, отпугивать европейские страны от союза с Россией^{1391}. В описании публициста «взгляд» императора приобретает почти мистический характер. Сопоставляя приятный в его восприятии облик покойного Александра I с внешностью вступившего на престол Николая I, А. И. Герцен, прибегая к гиперболам и сравнениям, писал: «Какая разница с Николаем, вечно представлявшим остриженную и взлызистую медузу с усами. Он на улице,

во дворце, с своими детьми и министрами, с вестовыми и фрейлинами пробовал беспрестанно, имеет ли его взгляд свойство гремучей змеи — останавливать кровь в жилах»^{1392}.

Это негативное восприятие Николая Павловича, разделяемое многими в либерально-демократических кругах, было освящено авторитетом Л. Н. Толстого в повести «Хаджи-Мурат». Но если сам писатель, сомневаясь в своей объективности, хотел даже уничтожить эту главу, то следующим поколениям литераторов и историков ни сомнения, ни угрызения совести не были свойственны. Недостатка в безапелляционных приговорах не ощущалось. О «страшилище в огромных ботфортах и оловянных пулях вместо глаз» писал польский мемуарист И. Ф. Савицкий^{1393}. Литератор С. Б. Любош в 1924 году давал Николаю Павловичу следующую характеристику: «Стройный статный красавец, с правильными чертами энергичного лица, со строгим выражением серо-стальных глаз, он казался живым олицетворением власти и силы. Его суровые глаза не знали чарующей улыбки Александра; непреклонной повелительностью звучал его резкий металлический голос. Ничего похожего на расплывчатость Александра, на гибкость его многогранной души»^{1394}. А годом позже Л. Ельницкий констатировал: «Тупому и ограниченному уму его соответствовала грубая фельдфебельская физиономия с глазами навывкате»^{1395}. Глаза императора «полюбились» и историческим романистам. Вот как живописует его Мария Марич на страницах романа «Северное сияние», когда Николай Павлович утром 15 декабря 1825 года после допроса С. П. Трубецкого прилег на диване: «Его длинные в лаковых ботфортах ноги, перекиннутые через выгнутую ручку дивана, почти касались пола. Покатый лоб отливал желтизной усталости. Веки, полуприкрывающие выпуклые глаза, нервно дергивались»^{1396}.

На самом деле глаза Николая Павловича были сине-голубые, хотя со временем их цвет мог несколько поблекнуть. Вероятно, это была семейная черта. Синими были глаза у его брата Константина Павловича^{1397} и сына Александра Николаевича^{1398}. А вот взгляд императора мог действительно запечатлеться в памяти надолго. Бывший новочеркасский комендант В. А. Митрофанов, начинавший службу в 30-х годах в Донском учебном казачьем полку в Варшаве, дважды назначался ординарцем к Николаю Павловичу. Хотя он никогда не служил в гвардии (минус в глазах государя), а был выпускником университета, выбор начальства пал на него, поскольку он имел прекрасную лошадь и слыл искусным наездником. С самонадеянностью молодости при первом рапорте

императору В. А. Митрофанов подлетел к нему, но неожиданно смутился и опустил глаза. Вот что рассказал он потом своему знакомому А. Карасеву: «При всей своей смелости я не мог выдержать ужасного блеска его левого глаза, из которого ярко светился конец докрасна раскаленного гвоздя и прожигал мои глаза. Я успел сравнить этот левый глаз с правым, но в этом последнем, кроме строгого спокойствия, я ничего не заметил; что же касается левого, то он пронизывал насквозь и мог привести в трепет даже не робкого человека». Во время второго доклада В. А. Митрофанов специально постарался смотреть в глаза Николаю Павловичу, но, как и в первый раз, не смог делать это долго. «Только тогда я убедился, — делился он своими впечатлениями, — что левый глаз императора был снабжен от природы каким-то особенным сиянием, на которое, несмотря на усилия, можно было глядеть в продолжение только двух, много трех секунд»^{1399}. Считалось, что только Мария Николаевна, обладавшая характером отца, могла выдерживать этот взгляд. Младшая дочь графа Ф. П. Толстого Е. Ф. Юнге особо отметила в воспоминаниях, что однажды ее отец отказался выполнить приказ императора по Академии художеств и, «спокойно выдерживая сердитый взгляд Николая, убивавший, как тогда говорили, на месте людей, приступил к изъяснению своих мотивов»^{1400}. Дочь императора великая княжна Ольга Николаевна также не обошла вниманием этот сюжет. «Уважение, внушаемое им, — писала она об отце, — исходило главным образом от его взгляда, который могли выдерживать только люди с чистой совестью; все искусственное, все наигранное рушилось, и всегда удавалось этому взгляду торжествовать надо всем ему враждебным»^{1401}.

Наиболее заметная и реальная черта внешности императора, прежде всего бросающаяся в глаза современникам, — высокий рост и длинные ноги. Об этом, независимо от политических взглядов, мемуаристы пишут единодушно^{1402}. Маркиз де Кюстин отмечал, что «император на полголовы выше обыкновенного роста»^{1403}. Шведский военный министр В. В. Гаффнер, сопровождавший во время визита в Петербург в 1846 году наследного принца Швеции, пишет о Николае Павловиче: «...наружность его атлетическая, ростом он почти в два метра, хорошо сложен, с красивым лицом»^{1404}. Во время одного из разговоров с М. А. Корфом в 1849 году, по свидетельству мемуариста, «в доказательство обмельчания у нас народа, государь рассказывал, что прежде он был по росту 22-м в первой шеренге Преображенского полка, потом сделался 15-м, а теперь уже стоит 13-м»^{1405}. Благодаря Ксенофону Полевому, поместившему в своих записках письмо брата Николая Алексеевича от 24 ноября 1838 года, можно назвать

точный рост императора. После окончания пьесы Н. А. Полевого «Дедушка русского флота» Николай Павлович подошел к Василию Каратыгину с приветливыми словами. «Ты совершенный Петр Великий!» — сказал он, любуясь им. «Нет, государь, он был выше меня: 2 аршина 14 вершков». — «А в тебе?» — «Двенадцать». Государь померился с ним. «Всё ты выше меня: во мне 10 1/2»^{1406}. Нетрудно посчитать, что в переводе на современную метрическую систему рост императора был 189 сантиметров (Петра I — 203,5).

На протяжении всей своей жизни Николай Павлович старался сохранять военную выправку. Этому способствовали природные данные. В 1816–1817 годах во время визита в Англию великий князь в описании барона Стокмара выглядел «обворожительным юношей, высокого роста, не особенно худым, прямым, как сосна, с необыкновенно правильными чертами лица, открытым челом, твердо обрисованными бровями, прекрасным профилем, небольшим ртом и выточенным подбородком»^{1407}. П. М. Дараган вспоминал о великом князе Николае Павловиче годом позже: «Он был очень худощав и от этого казался еще выше. Облик и черты его лица не имели еще той округлости, законченности красоты, которая в императоре (Николае I в зрелые годы. — Л. В.) невольно поражала каждого и напоминала изображения героев на античных камнях. Осанка и манеры великого князя были свободными, но без малейшей кокетливости»^{1408}. А вот слова дочери императора Ольги Николаевны: «Мой отец был, по словам одного французского маршала, «*le physique du métier*» (образец военной выправки). Его большой рост, его четкий профиль вырисовывались резко на светлой синеве неба»^{1409}.

Современник, увидевший Николая Павловича в мае 1828 года под Браиловым, так передает свои впечатления: «Император Николай Павлович был тогда 32-х лет, высокого роста, сухощав, грудь имел широкую, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный, взгляд быстрый, голос звонкий, подходящий к тенору, но говорил несколько скороговоркой. Вообще он был очень строен и ловок. В движениях не было заметно ни надменной важности, ни ветреной торопливости, но была видна какая-то неподдельная строгость. Свежесть лица и все в нем выказывало железное здоровье и служило доказательством, что юность не была изнежена. И жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью. В физическом отношении он превосходнее всех мужчин, каких только я видел в армии, и могу сказать поистине, что в нашу просвещенную эпоху величайшая редкость видеть подобного

человека в кругу аристократии»^{1410}.

Позднее, когда Николай Павлович, несмотря на умеренность в еде и постоянные физические упражнения с ружьем по утрам, стал полнеть, он по-прежнему следил за своей фигурой. Маркиз де Кюстин в 1839 году отмечал: «...Он хорошо сложен, но немного скован; с ранней юности он взял привычку, вообще распространенную среди русских, туго утягивать живот ремнем; обыкновенно это позволяет ему выступать грудью вперед, однако не прибавляет ни красоты, ни здоровья; живот все равно выпирает и нависает над поясом»^{1411}. Насчет «живота» французский мемуарист прав. Во всяком случае, приехавший из Москвы в конце зимы 1843 года граф М. Д. Бутурлин отметил перемену в облике Николая Павловича: «...Выдававшийся вперед живот уже портил немного его статность»^{1412}. Живот виден и на рисунке А. Ф. Чернышева 1846 года «Император Николай I со свитой в Петергофе»^{1413}. Впрочем, в том же году леди Блумфильд при встрече отметила: «Он имел вид худее, чем когда был в Англии в 1844 году»^{1414}.

Что касается упомянутой «привычки» русских перетягиваться, Астольф де Кюстин не совсем точен. Перетягивание талии, достигавшееся различными способами вплоть до ношения корсетов, было данью общеевропейской моде и в не меньшей степени было распространено среди офицеров Пруссии (достигавшуюся такими средствами выправку высмеивал Г. Гейне). В дамской моде также господствовала «осиная талия», хотя корсеты были не менее вредны для дам. Один из исследователей русского быта замечает, что все три прозвища Скалозуба из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова — «хрипун», «удавленник», «фагот» — свидетельствуют о перетянутой талии. В одном из стихотворений А. С. Пушкина позднее также употребляется выражение «гвардейцы затяжные»^{1415}.

Что касается Николая Павловича, то он использовал скорее не корсет, а бандаж^[12]. А вот домыслы об использовании ваты для придания внушительности фигуре следует решительно отбросить. Когда в начале 1849 года доверенный лейб-медик императора М. Мандт отпросился в длительный отпуск, чтобы навестить жену, проживающую во Франции, то исполнять его обязанности был назначен выпускник Дерптского университета врач Конногвардейского полка Ф. Я. Кареллы С естественным чувством собственной значимости молодой доктор рассказывал своим знакомым «разные подробности из внутренней дворцовой жизни». Одну из этих «подробностей» приводит в своих

записках барон М. А. Корф: «Каррель не мог довольно выразить удивления своего к атлетическому, необычайному сложению его тела. «Видев его до тех пор, как и все, только в мундире и сюртуке, — рассказывал нам Каррель, — я всегда воображал себе, что эта высоко выдававшаяся грудь — дело ваты. Ничего не бывало. Теперь, когда мне пришлось подвергать его перкуссии (постукиванию. — Л. В.) и аскультации (прослушиванию стетоскопом. — Л. В.), я убедился, что все это свое, самородное; нельзя себе представить форм изящнее и конструкции более Аполлоново-Геркулесовской!»^{1416} О физической силе Николая Павловича свидетельствует случай, приведенный А. Х. Бенкендорфом. В октябре 1835 года недалеко от Тулы, испугавшись криков толпы, лошади понесли сани, в которых находился император. «...Государь, став на ноги в пошевнях, схватив вожжи и своею атлетическою силою скоро успел сдержать лошадей»^{1417}.

Многие из современников ощущали не только внешнюю, но и внутреннюю силу императора. Описывая внешний облик государя в начале царствования, граф де Пасси пишет: «Высокое чело, глаза, полные огня и величия, уста с несколько саркастическим выражением, богатырская грудь, колоссальный рост и, наконец, величественная походка придавали государю что-то необыкновенное»^{1418}. Несомненно, Николай Павлович обладал и определенным обаянием. Впервые увидевший его на приеме, устроенном императором для местного дворянства в Кодне в 1829 году, польский помещик (позднее участник польского восстания 1830 года и эмигрант на военной службе в Турции) Михаил Чайковский на себе испытал это удивительное воздействие: «Должен сознаться, что ни один человек на свете не произвел на меня большего впечатления, чем император Николай; он был в то время во всем цвете красоты и царственного величия. По росту, осанке и выражению лица он казался владыкой мира. Лицо его загорело, только лоб, прикрытый козырьком каски, был бел. Я не могу объяснить себе причины, но сердце невольно влекло меня к нему, я не мог наглядеться на него, в нем было какое-то обаяние и величие»^{1419}. Красноречивое и честное признание человека, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к России! Сравнивая с отцом цесаревича Александра Николаевича, будущего Александра II, А. Ф. Тютчева отмечала, что тот не обладал тем обаянием, «каким в свое время обладал Николай»^{1420}. Повстречавший русского императора в Дрездене в 1845 году профессор Геннель писал: «Без всякого признака тучности, шедший господин был, тем не менее, атлетического сложения, легкая

походка свидетельствовала о громадном запасе жизненных сил, хотя по лицу можно было дать незнакомцу лет под 50»^{1421}.

Современники считали, что внешне Николай Павлович очень походил на свою бабушку Екатерину II^{1422}, хотя такое сравнение не всегда импонировало государю. Однажды, когда его деятельность начали сравнивать с политикой Екатерины II, он раздраженно заметил, что у него, «кроме профиля, нет ничего общего с этой женщиной»^{1423}. Довольно часто его сравнивали и с Александром I, отмечая как общее, так и отличное в их физическом облике. Однажды, находясь полуинкогнито в Вене в 1835 году, Николай Павлович зашел за покупками для семьи в местный магазин, хозяин которого как раз собирался закрываться, чтобы поспешить на встречу русского императора, который, по слухам, должен был приехать в столицу Австрии. Николай Павлович представился сотрудником русского посольства в Вене, хорошо знакомым императору России. Завязался разговор. Владелец магазина, знавший своего бывшего постоянного покупателя Александра I, поинтересовался, похож ли нынешний русский государь на своего покойного брата. Любивший розыгрыши Николай Павлович не замедлил с ответом: «Похож ли он на него лицом? Таков ли он ростом, как Александр? Но, постойте, я часто имел счастье находиться вблизи императора Николая, он совершенного моего роста, ни на волос нет разницы». — «Так это очень красивый мужчина, и у него такие же маленькие глаза, как у Александра?» — «Напротив, у него большие глаза, как у меня... Нос, говорят, бабушки его, Екатерины, т. е. почти такой же, как у меня. Он немного лыс». — «Лыс? Так император Александр был также немного лыс», — сказал купец... «Вот моя рука, — заявил далее Николай Павлович, — я Вам даю слово, что я Вам доставлю не только легкое средство его видеть, но, может быть, даже средство говорить с ним...»^{1424} Естественно, Николаю Павловичу не трудно было выполнить свое обещание и уже в роли императора купить у ошеломленного купца подарки для Александры Федоровны и детей. Купец был в полном восторге, и вскоре на его магазине появилась надпись: «Истинному и доброму императору Николаю».

Через четыре года, уже в 1839 году, свои сравнительные характеристики оставил Астольф де Кюстин. Заметив, что Николай Павлович улыбается одними только губами, но «серьезными остаются глаза», маркиз де Кюстин продолжал: «...Это несовпадение выдает постоянную принужденность, которой вовсе не было видно в лице его брата Александра, быть может, менее правильном, но куда более

располагающем. Император Александр был всегда очарователен, но иногда неискренен; император Николай более прям, но неизменно суров, причем суровость эта иногда сообщает ему вид жестокий и непреклонный; в нынешнем самодержце меньше обаяния, но больше силы...»^{1425}

Несомненно, Николай Павлович во многом соответствовал тому ожидаемому внешнему облику настоящего русского государя, который сложился в народном восприятии. В то же время при всем различии в личном восприятии внешности Николая Павловича и выражения его лица (приятное, неприятное, суровое и т. д.) очень многие современники отмечают его античный профиль, античные черты, не свойственные славянину. Напрасно один из современных исследователей в связи с проектами памятника Николаю I пишет, что «физиономия покойного слишком контрастировала с античностью»^{1426}. Не только в молодости, но и в зрелости именно античные черты отмечали внимательные мемуаристы. В 1839 году маркиз де Кюстин оставил следующие заметки о Николае Павловиче: «На лице его всегда замечаешь выражение суровой озабоченности, — выражение, надо признаться, мало приятное, даже несмотря на правильность черт... У императора греческий профиль, высокий лоб, слегка приплюснутый сзади череп, прямой нос безупречной формы. Очень красивый рот, овальное, слегка удлиненное лицо, имеющее воинственное выражение, которое выдает в нем скорее немца, чем славянина»^{1427}. Даже в последние годы жизни, когда император под влиянием пережитого сильно изменился, античные черты лица бросались в глаза. Хорошо знавшая императора А. Д. Блудова писала о нем в 1854 году, противопоставляя его малопривлекательному английскому посланнику: «Высокий, стройный, с античными чертами лица, с матовой бледностью древней мраморной статуи...»^{1428} В тот же год другая фрейлина — А. Ф. Тютчева — занесла в свой дневник под 22 июля (именины цесаревны): «Стоя очень близко от него в церкви, я была поражена происшедшей в нем за последнее время огромной переменой. Вид у него был подавленный; страдание избородило морщинами его лицо. Но никогда он не был так красив: надменное и жесткое выражение смягчилось; крайняя бледность, особенно выделяющая изумительную правильность черт его лица, придает ему вид античной статуи»^{1429}. Об античных чертах лица Николая I вспоминали люди, которых трудно заподозрить в симпатиях к императору, например декабрист А. С. Гангеблов^{1430} или критик В. В. Стасов^{1431}. Даже А. И. Герцен был вынужден признать «античность» облика Николая Павловича, но, обращаясь к образам скульптурной галереи Ватикана, он не

замедлил подлить ложку дегтя: «...Это тип военачальников, в которых вымерло все гражданское, все человеческое, и осталась одна страсть — повелевать...»^{1432} Действительно, в динамичном повороте головы бронзового бюста Николая I работы немецкого скульптора Христиана-Даниэля Рауха, работавшего в России в 1840 году (у Николая Павловича уже усики), чувствуется властная повелительность римского императора-триумфатора, сочетающаяся, впрочем, с чем-то болезненным, отражающим какой-то внутренний трагический надлом души^{1433}.

Как уже отмечалось, в молодости и в первые годы царствования Николай Павлович усов не носил, хотя по своей должности шефа гвардейских частей (в армии и легкой кавалерии до 1832 года ношение усов было запрещено) имел на это право. Прозаическая причина появления усов стала известна после смерти Николая I, когда близ губы покойного была обнаружена большая бородавка. Она была видна и на гипсовой маске с лица императора, хранившейся ранее в Строгановском музее у Полицейского моста^{1434}. Можно добавить, что старшие братья Николая Павловича, как Александр, так и Константин, имели лысины. («Плешивым щеголем» назвал Александра I в черновых рукописях к десятой главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкин^{1435}.) Этому способствовали и парики, которые при Екатерине II носили по моде, а при Павле I — по приказу, так же как гарбейтели (косички), щедро посыпавшиеся рисовой пудрой. По этому поводу в случайном разговоре с А. С. Пушкиным великий князь Михаил Павлович заметил: «Государь Ал[ександр] и К[онстантин] Павлович от того рано оплешивели, что при отце моем носили пудру и зачесывали волосы, на морозе сало леденело, — и волосы лезли»^{1436}. Николаю Павловичу уже не пришлось носить парика (в юные годы он также не пудрился, но изредка стригся и завивался). Тем не менее лысина появилась сравнительно рано, где-то между 1826 и 1835 годами. Уже в 1826 году во время обеда с начальником Старорусского военного поселения генерал-лейтенантом С. И. Маевским император обратил внимание на седину его волос. «Лета и время, государь», — ответил С. И. Маевский. «Ну, вот и у меня, — показывая редкие волосы сзади головы, сказал государь. — Это для меня ново; по крайней мере, я этого прежде не видел»^{1437}.

Сравнительно раннее облысение, возможно, объяснялось наследственностью. О лысине императора свидетельствуют различные источники. Вот какую историю поведал И. С. Листовскому тайный советник М. В. Белинский, долго служивший у Николая Павловича.

Однажды государь, имевший обыкновение молиться перед сном, заснул у киота. С наклонившейся свечи растопленный горячий воск стал капать рядом со склоненной головой государя. Случайно зашедший камердинер ужаснулся и, разбудив императора, сказал о свече: «На голову бы Вам капнула, знак бы остался и догадались бы». — «Правду говоришь, старик», — заметил государь^{1438}. Впрочем, судя по всему, личному парикмахеру Николая Павловича (в последние годы жизни это был Персон) работы хватало: в 1850 году ему было выдано из гардеробных сумм 55 рублей 50 копеек, в 1851 году — 55 рублей 60 копеек, в 1852 году — 25 рублей 60 копеек^{1439}.

Внешний облик Николая Павловича был запечатлен на многочисленных официальных портретах и бюстах, а также зарисовках многих художников и любителей. Судя по всему, Николай I не любил позировать, а в выборе художников был капризен. Впрочем, как всегда, он привыкал к кому-то одному. После высылки из России английского художника Д. Доу, доставшегося ему в наследство от Александра I, на долгие годы официальным портретистом Николая Павловича стал прусский художник Франс Крюгер. С портрета, выполненного им в 1832 году (художник трижды бывал по вызову в России), переписывались миниатюры на подарочных табакерках и перстнях Кабинета Его Императорского Величества, копировались портреты для официальных учреждений^{1440}. По своим старым зарисовкам с натуры Ф. Крюгер в Берлине писал многие портреты, в том числе групповые, где изображал Николая Павловича в различных жанровых сценах, тщательно передавая все детали обмундирования.

Удостоиться личного сеанса императора даже художникам, выполнявшим портреты членов царской семьи, было не так просто. Вот что пишет художник А. П. Соколов о своем отце портретисте П. Ф. Соколове: «Известно, что Николай Павлович никогда не соглашался позировать для своего портрета; но после вполне удачного портрета императрицы, сделанного ему в подарок, он сдался на усиленные просьбы и назначил моему отцу, чрез министра двора князя Волконского, день и час, в который он должен прибыть во дворец для сеансов. Конечно, он приехал часом ранее, чтобы устроить удобное освещение, приготовить палитру и т. д. Государь вошел, но расположение духа было иное: комната, предназначенная для работы, ему почему-то не понравилась; он велел отцу перенестись в смежную и сел, прежде чем отец успел приготовиться, на первый попавшийся стул, при таком невозможном освещении, что

художник, собравшись с духом, решился, в крайне осторожных выражениях, сделать на этот счет замечание. Ответом было сухое и повелительное «рисуй». Прошло с четверть часа молчаливой работы, в которую отец едва успел набросать карандашом черты лица и приняться за краски, как государь встал, подошел к работе и, не долго думая, взял краску и, проведя под носом начатого портрета два гигантских уса, вышел из комнаты, сказав, что это его произведение отец может оставить себе на память»^{1441}.

Вообще к своим изображениям Николай I относился достаточно скептически. Посылая в сентябре 1833 года И. Ф. Паскевичу свой портрет-миниатюру, он не без юмора заметил в сопроводительном письме: «Желал бы с тобой быть неразлучным; за невозможностью сего, прошу тебя в замену оригинала принять и носить подобие моей хари»^{1442}. 22 декабря 1851 года приглашенный на обед к императору Модест Андреевич Корф, как директор Императорской Публичной библиотеки, благодарил государя за портрет основательницы библиотеки Екатерины II кисти Д. Г. Левицкого. Он сказал, что портрет помещен в Ларинском зале (названном так в честь купца-мецената. — Л. В.), хотя этот зал находится в корпусе, построенном при Николае I. Портрет же самого императора Николая I находится в Отделе рукописей при не столь выгодном освещении. «Этому легко пособить, — возразил, усмехнувшись, государь, — мою рожу выкинуть, а на ее место поставить портрет Екатерины II»^{1443}.

М. А. Корф, естественно, запротестовал, посчитав, что портрет Николая Павловича в Отделе рукописей все же уместнее, поскольку здесь хранятся рукописи, поступившие в его царствование как трофеи Ахалцихской, Ардебильской и других побед.

«Пока есть сила, буду перемогаться до конца»: Миф о «железном» здоровье

Мнение о «железном» здоровье Николая I было широко распространено и подчас встречается в воспоминаниях современников, неплохо информированных в других вопросах. Известно, что Николай Павлович был исключительно требователен к себе, рассматривая свою деятельность как «службу», хотя правильнее это было бы назвать служением России. Он привычно скрывал недомогания и усталость. Обычно это замечали только очень близкие люди. Так, например, М. А. Корф отмечал «частые хворания» императора^{1444}.

В детстве Николай Павлович не избежал обычных болезней, хотя в целом здоровье его было «весьма хорошее». Порой «беспокоили его желчь и глисты», тогда ему давали рвотное лекарство. Иногда он «страдал запором и кашлем»^{1445}. Свидетельства о болезнях Николая Павловича в более взрослом возрасте сохранились в воспоминаниях императрицы. Так, в конце июня 1818 года во время празднеств по случаю пребывания в Петербурге отца и брата Александры Федоровны великий князь неожиданно заболел и дрожал от лихорадки. «Я испугалась, — писала Александра Федоровна, — его уложили в кровать, и на следующий день обнаружилась корь. Болезнь была довольно легкая и шла обыкновенным путем. Я ухаживала за ним, однако иногда появлялась на празднествах»^{1446}. Затем переболели корью Александра Федоровна с сыном.

Вступление на престол стало для Николая Павловича тяжелым физическим и нравственным испытанием. Его усталость отмечается в различных источниках. В 1826 году в Царском Селе император принимал дела у отличавшегося завидной выносливостью А. А. Аракчеева, и его «бледное лицо выражало усталость»^{1447}. Когда ему в течение дня приходилось несколько раз переодевать тесные мундиры, он впадал в почти обморочное состояние^{1448}. Как отметила королева Виктория, император страдал приливами и отливами крови к голове. Вероятно, они были связаны с перепадами кровяного давления как проявлением вегетососудистой дистонии (нарушением мышечной регуляции сосудистой стенки). Многие наблюдавшие императора в минуты усталости или тревоги отмечали его бледное лицо. Приступы головной боли Николая Павловича запомнились

его дочери. В своих воспоминаниях, описывая жизнь в Аничковом дворце во время восстановления Зимнего дворца, она писала: «Когда Папа страдал головной болью, в кабинете ставилась походная кровать, все шторы опускались, и он ложился, прикрытый только шинелью. Никто не смел тогда войти, покуда он не позволит. Это длилось обычно двенадцать часов подряд. Когда он появлялся, только по его бледности видно было, как он страдал, так как жаловаться было не в его характере»^{1449}. В 1842 году в Царском Селе была устроена «карусель» — рыцарское состязание, которое в XVII веке заменило турниры. В нем принимали участие члены императорской семьи в настоящих латах, взятых из Арсенала. По свидетельству М. А. Корфа, «непривычный, по своей тяжести, наряд, однако же, очень утомил некоторых из кавалеров. У самого государя императора шла кровь носом»^{1450}. Александр II, просматривая мемуары, написал на полях записок лаконичное: «вздор». Но, скорее всего, более точен все же М. А. Корф.

В связи с расстройствами вестибулярного аппарата Николай I плохо переносил медленную езду по ухабистым дорогам: у него начинались головокружения, а иногда и рвота. Вряд ли можно верить А. Х. Бенкендорфу, отмечавшему, что во время морской бури при переходе из Варны в Одессу в 1828 году только он сам, граф Потоцкий и Николай Павлович «были совершенно здоровы и остались на ногах»^{1451}. Другой спутник и друг Николая Павловича граф В. Ф. Адлерберг в письме к И. И. Дибичу от 8 октября 1828 года свидетельствовал о противоположном: «Государь император много страдал от морской болезни и из всех сопровождавших Его Величество особ не было никого здорового»^{1452}. Напряженный ритм дня требовал иногда небольшой передышки. Великая княжна Ольга Николаевна запомнила такие сцены: «Случалось, что он засыпал у Мама на какие-то десять минут в ее удобных креслах, когда заходил к ней между двумя утренними конференциями, в то время как она одевалась. Такой короткий отдых был достаточен для того, чтобы сделать его снова работоспособным и свежим».

Неоднократно Николай Павлович болел серьезно. В мае 1828 года, находясь в Молдавском княжестве под Браиловым, он заболел «горячкой», однако, как пишет А. Х. Бенкендорф, благодаря «крепкому сложению и чрезвычайной умеренности в пище он скоро встал с постели»^{1453}. Впрочем, не исключено, что сама умеренность в пище объяснялась наследственной «тугостью на пищеварение», от которой, если верить князю П. В. Долгорукову, сын Николая Александр II лечился после обеда

кальяном, замечая, что курение помогает пищеварению^{1454}. Трагический случай произошел в ночь с 9 на 10 ноября 1829 года в Зимнем дворце, когда, выйдя на шум внезапно упавшей вазы, император поскользнулся на паркете, упал, ударился головой о стоявший рядом шкаф и долгое время пролежал никем не замеченный на холодном полу. Его уложили в постель, в которой он провел две недели. Как отмечал один из историков, болезнь Николая I «наделала много шуму и за границей»^{1455}.

Случалось Николаю Павловичу болеть простудными заболеваниями, которые стали называть новым модным термином «грипп». В письме от 12 (24) января 1833 года император пишет И. Ф. Паскевичу в Варшаву: «Я поручил графу Чернышеву уведомить тебя, любезный Иван Федорович, о причине моей невольной неисправности (вовремя не ответил на письмо. — Л. В.). Схватив простуду на маскараде, 1-го числа вдруг сшибло меня с ног до такой степени, что насилу отваяться мог. В одно со мной время занемогла жена, потом трое детей, наконец, почти все в городе переболели или ныне занемогают, и решили мы все грипп (так в подлиннике. — Л. В.), но не грипп съели. Быть так и скверно, и смешно»^{1456}. Конец того же года ознаменовался болезнью, о которой пошли слухи по столице. В середине декабря 1833 года в дневнике сенатора П. Г. Дивова появилась запись, что «последние дни император был болен»^{1457}. В январе 1849 года на маскараде в Большом театре Николай I снова простудился. В дневнике М. А. Корфа сохранилась информация об этой простуде со слов врача Ф. Я. Карелля: «Простуда сопровождалась обыкновенными его болями в правой половине головы и частою рвотою. Со всем тем во всю свою болезнь, продолжавшуюся дней пять, Карель, несмотря на жестокие страдания больного, никак не мог уговорить его лечь в постель. Лишенный возможности чем-нибудь заниматься, государь позволял себе ложиться только на диван. В шинели, всегда заменявшей ему халат, и в сапогах, которые вдобавок были еще со шпорами»^{1458}.

С годами стали возникать проблемы и с излишней полнотой. Как уже отмечалось, Николай Павлович, вероятно, использовал бандаж; возможно, это делалось и по медицинским показаниям. Как писал в 1882 году, ходатайствуя о предоставлении ему звания Поставщика Двора Его Императорского Величества, Людвиг Роох, его отец — «хирургических и механических дел мастер» поставлял для Николая I (а с 1850 года для цесаревича Александра Николаевича и других членов императорской семьи) «разные хирургические инструменты, ортопедические снаряды и бандажи по требованию лейб-медиков и камердинеров»^{1459}. Тогда за

давностью лет это было подвергнуто сомнению, так как в Министерстве Императорского двора нашлись документы только о последних поставках на небольшие суммы уже Рооха-младшего. Но сын Рооха писал правду, хотя, естественно, это была продукция не массового изготовления и приобреталась она не каждый год. Как свидетельствуют расходы гардеробной суммы Николая Павловича, в 1852 году за изготовление каких-то хирургических инструментов Рооху-отцу было выплачено 28 рублей 60 копеек^{1460}. Между прочим, после смерти при вскрытии у Николая I нашли одну редкую анатомическую аномалию: вместо двух почек у него была одна, но весьма большая. По одному из свидетельств, она хранилась затем в Медико-хирургической академии.

Известен случай, когда по совету И. В. Васильчикова император прибег к методу «нетрадиционной медицины», обратившись к подруге юности его жены — Анне Николаевне Рускони (урожденной Макаровой). Она проживала тогда в доме И. В. Васильчикова и была известна умением заговора или, по терминологии того времени, пользовалась «симпатическими средствами». Знакомая А. Н. Рускони М. Ф. Каменская (в доме ее отца графа Ф. П. Толстого А. Н. Рускони имела обыкновение ночевать с субботы на воскресенье) так рассказывает об этом случае в своих записках: «В доме Васильчиковых Анна Николаевна продолжала лечить «симпатическими средствами» и даже прославилась успешным лечением «рожи» посредством сухого платка или полотенца, взятого у больной особы. Этот платок Анна Николаевна «заговаривала», складывая какими-то мудреными складками в куколку, приказывала вытереть им больное место утром, вечером и опять утром и бросить в стирку... И рожа сейчас же проходила. Васильчиков предложил ему попробовать полечиться «симпатическим средством». Император согласился. Тогда Ларион Васильевич привез платок государя Анне Николаевне, она заговорила; он обтер им ногу три раза и рожа сейчас же прошла. С этих пор Николай Павлович так глубоко уверовал в генеральшу Рускони, что на моей уже памяти у нас в розовом доме, почти ни одного воскресенья не проходило, чтобы государь не прислал своего камердинера с просьбою к генеральше «заговорить» чей-нибудь платочек...»^{1461}

Важная веха в состоянии здоровья Николая Павловича — 1844 год. Узнав от Мандта о скоротечной чахотке своей дочери Александры Николаевны, протекавшей параллельно беременности, Николай Павлович прервал визит в Лондон и спешно вернулся. Ольга Николаевна вспоминала: «Смотреть на Папа было правда ужасно: совершенно неожиданно он стал

стариком». «После смерти Адини, — добавляет она в другой записи, — все сразу изменилось, и его энергия ослабела»^{1462}. Причину заболевания сестры Ольга Николаевна видит в простуде, но и микроклимат в новом Зимнем дворце был неблагоприятным. В восстановленном после пожара Зимнем дворце было устроено новое отопление наподобие центрального (амосовские печи), которое высушивало воздух. Поэтому стали ставить в жилых комнатах лоханки со снегом и водой, что производило неблагоприятное действие на легкие.

Время революционных выступлений в Европе — 1848–1849 годы — также стало серьезным испытанием для уже немолодого императора. По свидетельству баварского дипломата, Николай Павлович «вернулся с варшавских празднеств, следовавших за умиротворением Венгрии, если не стариком, то, во всяком случае, сильно постаревшим»^{1463}. Когда в августе 1849 года в Варшаве неожиданно после приступа заболел любимый младший брат Николая I Михаил Павлович, «рыжий Мишка», как за глаза называли его кадеты, не лишенный юмора «фрунтовик» почище императора, Николай Павлович не отходил от больного. «В это время, — писал М. А. Корф, — у государя смертельно болела голова, и он, однако ж, не давал себе ни минуты покоя: ему беспрерывно поливали голову одеколоном и уксусом...» На следующий день после погребения Михаила Павловича в Петропавловском соборе 16 сентября 1849 года «государь, хотя ему ставили рожки (пиявки. — Л. В.), присутствовал опять и на утренней, и на вечерней панихиде»^{1464}.

В последние годы жизни особенно болезненными стали приступы подагры (отложения мочевой кислоты в суставных хрящах, приводящее затем к поражению костной ткани). Русский посланник в Персии генерал А. О. Дюгамель, вероятно, не понимал во время доклада 19 февраля 1842 года, почему Николай I так внимательно расспрашивает его о подагре персидского Мохаммеда-шаха. По свидетельству М. А. Корфа, более серьезные припадки подагры у Николая Павловича начались в 1849 году. Так, 18 октября этого года император жаловался М. А. Корфу, что «начинает чувствовать припадки подагры, прежде совершенно ему незнакомой и которая на днях ночью так ущипнула его за ногу, что он, проснувшись, вскочил с постели»^{1465}. Действительно, подагрические приступы характеризуются резкими болями, часто локализующимися в плюсне — фаланговом суставе большого пальца ноги. Больные подагрой часто просыпаются от резкой сверлящей боли в пораженном суставе, который краснеет и опухает. Через несколько дней такой приступ может

повториться. Таким образом, болезни Николая Павловича в основном носили возрастной характер, если не считать склонности к инсультам. Стрессы во время Крымской войны сыграли впоследствии роковую роль.

«Как если бы с него содрали кожу...»: Униформа в жизни императора

По аналогии с известным героем рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре», Николая Павловича можно было назвать «человеком в мундире». Его обвиняли в мундиромании, в том, что он «старался всю Россию всунуть в мундир»^[1466]. Доля истины в этих высказываниях, несомненно, присутствует. Человек в мундире, будь то военнослужащий, чиновник, хотя бы дворянин в губернском дворянском мундире, воспринимался Николаем Павловичем как служивый человек России, а честь мундира была для него не пустым звуком.

Привычка к мундиру вошла в плоть и кровь будущего императора с детских лет. Примером служили отец и старшие братья. Никакие заботы Марии Федоровны оградить Никоша и Мишеля от чрезмерного увлечения военным делом со всеми его эффектными аксессуарами не помогли. Все мужчины дома Романовых во все времена хотели быть военными. Уже в день восшествия на престол 6 ноября 1796 года Павел I назначил Николая в возрасте четырех месяцев шефом престижного лейб-гвардии Конного полка в чине полковника, и его первые детские одежды шились из тканей цветов униформы этого полка. Вот что вспоминал сам Николай Павлович: «Пока я числился в Конной гвардии, я носил курточку и панталоны сперва вишневого цвета, потом оранжевого и, наконец, красного, согласно различным переменам в цветах парадной формы полка. Звезда Св. Андрея и крестик Св. Иоанна были пришиты к платью; при парадной форме — лента под курточкой, а иногда — супервест Св. Иоанна из золотой парчи с серебряным крестом под обыкновенной детской курточкой»^[1467]. Однако 20 мая 1800 года Павел I «в обмен с братом» назначил взрослого Константина шефом Конногвардейского полка, а своего «Никола-шу» — шефом Измайловского полка. Не случайно, обращаясь к конногвардейцам 14 декабря 1825 года, Николай Павлович напомнил, что он в детстве носил мундир этого полка, пока отец не назначил шефом полка Константина Павловича. Кстати, вскоре после смерти Константина Павловича Николай I 25 июня 1831 года сделал себе подарок ко дню рождения, назначив себя шефом лейб-гвардии Конного полка. В 1851 году он отпраздновал пятидесятипятiletний юбилей своего назначения в этот полк еще Павлом I. В форме этого полка (серой шинели с бобровым воротником и каской на

голове) Николай Павлович изображен на картине Н. Е. Сверчкова в саниах на Дворцовой набережной^{1468}. В этом мундире он ездил на свадьбу к дочери П. А. Клейнмихеля, когда простудился. В нем же он был изваян бароном П. К. Клодтом на памятнике на Мариинской (Исаакиевской) площади в 1859 году.

Солдаты и матросы хорошо понимали смысл военного мундира и то символическое значение, которое за ним скрывалось. Вот реакция бывшего офицера-преображенца, оказавшегося свидетелем первого появления Николая Павловича 15 декабря 1825 года перед толпой генералов, флигель-адъютантов и других офицеров: «...Вскоре я увидел вышедшего молодого императора в родном мне преображенском мундире, которого до сего дня никогда на нем не видал (потому что он до сего дня носил всегда измайловский мундир, как шеф этого полка)»^{1469}. Тем самым император выразил признательность к лейб-гвардии Преображенскому полку, батальон которого первым поддержал его 14 декабря. Вообще Николай Павлович часто использовал театральные и в то же время символические эффекты. Например, на торжество в связи со 100-летием Академии наук он прибыл, как сообщала «Северная пчела» 1 января 1827 года, «в мундире Преображенском, мундире полка Петра Великого»^{1470}. Одной из мемориальных акций Николая I сразу после вступления на престол была передача 19 января 1826 года мундиров покойного Александра I воинским частям. Даже колкому на язык цесаревичу Константину Павловичу этот жест пришелся по душе. «Я очень доволен, что крючок от мундира покойного государя императора зацепил его императорское величество, — писал он Ф. П. Опочинину 29 января 1826 года. — Это хороший знак и означает, что мундир, который имел счастье быть покойника государя, как бы чувствует, что царское к царскому прицепляется, и как бы поцеловался»^{1471}.

Уже в детские годы Николая мундир часто заменял гражданский костюм. Лучшей наградой для него было разрешение присутствовать в мундире Измайловского полка на месте развода войск^{1472}. В приходно-расходных книгах сохранились сведения, что в 1803 году для великого князя было сшито 16 измайловских мундиров, в 1804 году — 11 мундиров и 30 фраков. Впрочем, для мальчика тогда предназначалась и различная одежда из меха: медвежьи шубы, собольи сюртуки, круглые шляпы на вате, теплые бекеши и перчатки. С 1806 по 1810 год Николай носил лайковые перчатки, затем — только замшевые. С 1814 года в приходно-расходных книгах фигурируют уже только мундиры, а также огромное количество

перчаток. В сентябрьскую треть 1814 года было изготовлено для великого князя 113 пар перчаток, а в январскую треть 1815-го — 93 пары^{1473}. Упоминания о большом количестве перчаток не случайны. При всей неприязнательности быта Николай Павлович, по воспоминаниям его дочери Ольги Николаевны, «был щепетильно чистолюбив и менял белье всякий раз, когда переодевался. Единственная роскошь, которую он себе позволял, были шелковые носки, к которым он привык с детства».

В то же время его взгляды и привычки формировались под влиянием Отечественной войны 1812 года и последующих заграничных походов русской армии, событий, которые придали военному мундиру новую притягательность в русском обществе. Николай Павлович любил измайловский мундир и часто его носил. В парадном измайловском мундире с орденской лентой встретил он и день 14 декабря 1825 года. Когда в 1834 году для Александры Федоровны втайне от нее была построена в качестве подарка-сюрприза Никольская изба, то хозяйку домика встретил на пороге сторож-инвалид в форме Измайловского полка. Только присмотревшись, Александра Федоровна узнала в нем своего венценосного супруга. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала: «Его любимой одеждой был военный мундир без эполет, протертый на локтях от работы за письменным столом. Когда по вечерам он приходил к Мама, он кутался в старую военную шинель, которая была на нем еще в Варшаве и которой он до конца своих дней покрывал ноги»^{1474}. В источниках сохранились свидетельства и ношения великим князем Николаем Павловичем мундира Северского конноегерского полка, шефом которого он стал в начале 1816 года. Именно в нем он появился перед окружающими после первой свадебной ночи.

Став императором, Николай Павлович воспользовался своим правом ношения мундиров всех полков и надевал их в зависимости от обстоятельств, иногда довольно часто меняя. Вероятно, в связи с изготовлением новых мундиров после вступления на престол такими значительными оказались гардеробные суммы Николая I в 1826 году. Так, портному Акулову было выплачено тогда 10 507 рублей 50 копеек, перчаточному мастеру Битнеру — 1610 рублей, ему же за эполеты — 1640 рублей, султанному мастеру Зонову — 100 рублей, шляпному мастеру в Варшаве Нейману — 35 червонцев (в переводе по тогдашнему курсу 416 рублей 50 копеек)^{1475}. Для сравнения: в 1850 году портному Ильину было выплачено 165 рублей; в 1851 году фуражечному мастеру Можайскому — 8 рублей, портному Богданову — 129 рублей 40 копеек, портному Гильке —

38 рублей, перчаточному мастеру Френцелю — 36 рублей 88 копеек^{1476}. Суммы явно несопоставимые с 1826 годом, когда за изготовленные и приобретенные вещи были выплачены 21 381 рубль.

Довольно часто Николай Павлович появлялся в кавалергардском и казачьем мундирах. Последний мундир особенно охотно император надевал на маскарадах, естественно, не закрывая лицо маской, поскольку офицерам это было запрещено. В этих случаях, как, например, на маскарадах в 1849 и 1852 годах, он мог надеть и просто казачий кафтан и шапку. После смерти императора его лейб-гвардии казачий и лейб-гвардии финляндский стрелковый мундиры хранились в специальной витрине портретной галереи Зимнего дворца. В мундире сапера изображен Николай I на одной из картин из фондов Государственного Русского музея. Иногда Николай Павлович предпочитал общий генеральский мундир с Андреевской лентой. Вообще же, как свидетельствуют мемуаристы, в частности граф Рейзет (Резэ), Николай I «берег свое платье и не любил делать нового»^{1477}. Военная шинель или плащ заменяли ему халат во время болезни. В простой офицерской шинели прогуливался он по улицам Петербурга. У Николая Павловича хранились также прусские и австрийские мундиры. После назначения 5 (17) апреля 1817 года шефом 3-го (с 1819 года порядковый номер изменился на 6-й) Бранденбургского кирасирского полка он пополнил свой гардероб мундиром этого полка. Именно в нем он был запечатлен на страницах истории полка, изданной в Берлине в 1842 году, а также на картине Ф. Крюгера, изображающей великого князя на параде в 1824 году на берлинской Унтер ден Линден во главе этого полка. О том, что Николай Павлович любил носить блестящие прусские мундиры, упоминает и его биограф Поль Лакруа. Не обидели Николая Павловича и австрийцы. В 1835 году во время смотра австрийской армии его восхищение вызвали умелые и четкие маневры Уланского полка, и австрийский император назначил его шефом улан. Николай Павлович тотчас пожелал иметь мундир этого полка и уже на следующий день командовал своими уланами на новом смотре. После участия российских войск в подавлении венгерской революции в 1849 году Николаю I был пожалован чин австрийского фельдмаршала, и у него появился австрийский фельдмаршальский мундир. В том же году в кабинетных суммах российского императора были отмечены деньги, выплаченные магазину по счету за полный кирасирский мундир из Вены (56 рублей 24 копейки)^{1478}.

До 1825 года, писал А. И. Герцен, «все, кто носил штатское платье, признавали превосходство эполет...». Однако уже после 1825 года, по его

мнению, «офицеры упали в глазах общества, победил фрак — мундиры преобладали лишь в провинциальных городишках, да при дворе — этой первой гауптвахте империи»^{1479}. Николаю Павловичу ни до, ни после 1825 года такая мысль просто не пришла бы в голову или показалась бы кощунственной. Исключительными можно назвать случаи, когда, преодолевая себя, Николай Павлович все же был вынужден появляться в гражданском платье. Так было в 1828 году, когда во время Русско-турецкой войны при переходе из Варны в Одессу морская буря чуть не прибила корабль к турецкому берегу. По словам Дениса Давыдова, «государь, не желая быть узанным, переделся в партикулярное платье»^{1480}. При посещении инкогнито Вены в 1835 году во время прогулки по магазинам, чтобы купить подарки семье, он был в простом сюртуке, или, по свидетельству А. Х. Бенкендорфа (скорее всего ошибочному), — во фраке. Этот редкий случай запечатлелся в памяти современников и позже послужил для А. Н. Бенуа сюжетом рисунка «Император Николай I выезжает в фиакре из посольства в Вене в 1835 г.». Во время посещения (также инкогнито) Дрезденской галереи в 1845 году, по свидетельству случайно оказавшегося рядом профессора Геннеля, император выглядел следующим образом: «Одет был господин с изысканной элегантностью, но без малейшего намека на франтовство. На нем был синий, открытый спереди короткий сюртук, темно-коричневый шелковый жилет с вышитыми на нем цветочками и серые брюки; на голове имел он цилиндр, что увеличивало высокий его рост. В правой руке держал незнакомец тоненькую тросточку с серебряным набалдашником, а левая, одетая в перчатку, сжимала снятую с правой руки»^{1481}. Известно также, что во время пребывания императора в Риме в декабре 1845 года, по рассказам графа Ф. П. Толстого, на нем был «партикулярный сюртук», а на улице он накинул «сероватый плащ»^{1482}. Все известные случаи такого рода относятся к пребыванию императора за границей. Но даже тогда, когда этого требовал этикет, Николай Павлович, по возможности, старался избегать неприятного для него расставания с мундиром. Во время официального визита в Англию в 1844 году Николай I попросил разрешения присутствовать на обеде не во фраке, а в мундире, с которым «он до того сроднился, что расставаться с ним ему также неприятно, как если б с него содрали кожу»^{1483}.

Об отношении Николая I к партикулярной одежде свидетельствует случай, о котором И. С. Тургенев рассказывал в Лондоне А. И. Герцену. Присутствовавшая при разговоре Н. А. Тучкова-Огарева вспоминала:

«Всем известно, что Николай Павлович предпочитал штатской службе военную службу; особенно терпеть не мог, чтоб оставляли военную службу для штатской. Как-то случилось, что граф Т... оставил службу и взял отставку. Кажется, год спустя, находясь в Петербурге, Т... был приглашен к коротким знакомым на раут, куда и отправился в простом пиджаке. На его беду совершенно неожиданно явился туда и Николай Павлович. Он прохаживался по залам; его высокий рост позволял ему различить всех и в густой толпе. Заметив Т... который тоже был высокого роста, Николай Павлович направился в его сторону... и стал всматриваться в его костюм. «Vous — Ah! Mon sher T. (Ах, мой дорогой Т. — Л. В.). Как Вы разделись! Как это называется?» — «Peatjack, votre majesté (пиджак, Ваше Величество)». — «Как?» — переспросил Николай Павлович. «Peatjack, votre majesté», — повторил Т... с сильным сердцебиением. «Недурно, но какая разница с военным мундиром»^[1484]. Еще несколько раз Николай Павлович переспрашивал графа, делая вид, что забывает название пиджака, пока граф не спрятался за колонну, а затем и вовсе ретировался с раута.

А вот насмешек над военным мундиром Николай Павлович не признавал даже в театральных постановках. Однажды один из его любимых артистов А. М. Максимов спросил императора: «Можно ли на сцене надевать настоящую военную форму?» Государь ответил: «Если ты играешь честного офицера, то можно; представляя же человека порочного, ты порочишь и мундир, и тогда этого нельзя!» Однажды А. М. Максимов в водевиле «Путаница» все-таки надел мундир офицера лейб-гвардии Конно-пионерного полка, так что в антракте в закулисной полутьме Николай I принял его за настоящего офицера и долго всматривался, пытаясь узнать, пока не понял свою ошибку: «Фу, братец, я тебя совсем не узнал в этом мундире»^[1485]. Недовольство Николая Павловича вызвало осмеяние в одном из произведений, опубликованных в журнале «Сын Отечества» в 1842 году, фельдъегеря. Цензор А. В. Никитенко, пропустивший этот эпизод, несмотря на протекцию А. Х. Бенкендорфа, был отправлен на одну ночь на гауптвахту, так как насмешкам подвергся государственный служащий, исполняющий различные поручения императора. Весной 1854 года морской агент в Лондоне И. А. Шестаков прибыл в Петербург со срочной и конфиденциальной информацией, особенно важной в связи с тем, что Англия готовилась вступить в войну с Россией. Однако первым делом, как вспоминал сам И. А. Шестаков, он направился к канцлеру К. В. Нессельроде, чтобы предстать перед Николаем I по полной форме: «В Англии был со мною один мундир. И зная, что никакие причины не

извинят военного, дерзающего ехать по России в общечеловеческом платье, я сшил себе у Пуле, что он считал военным сюртуком, но нигде не мог достать иных пуговиц кроме английских. Если б я предстал перед Николаем Павловичем в сюртуке пулевского покроя, привезенное мною нерадостное известие показалось бы еще неприятнее, а война с англичанами началась бы, без сомнения, поручением коменданту взять в полон обангличаненного вестника»^{1486}.

Малейшее нарушение формы одежды или ошибка «в исполнении приема» не ускользали от строгого взора императора. Служивший одно время поэт А. А. Фет передает случай, о котором рассказывали в гвардии. Когда цесаревич Александр Николаевич показал отцу одну из первых фотографий, запечатлевших парад на Марсовом поле, которым сам же командовал, государь первым делом обратил внимание на солдата, поправлявшего сбитый кивер, что во время смотра осталось незамеченным. «Посмотрите, Ваше Высочество, — сказал он, обращаясь к наследнику, — что у Вас делается, когда меня встречают»^{1487}. Впрочем, в отличие от своего младшего брата Михаила Павловича, он мог все же проявить и сочувствие. Так, при встрече в 1852 году на Мариинской площади с больным водянкой гвардейским поручиком, оказавшимся в незастегнутом сюртуке и без сабли, государь посмотрел только в молящие о пощаде глаза офицера и молча прошел мимо. Дело осталось без последствий, хотя в таких случаях нарушителя обычно ожидал перевод из гвардии в армию тем же чином.

В 1833 году император выступил инициатором изучения истории военной униформы. В связи с этим составлялись описания и зарисовки одежды, снаряжения и вооружения российских войск со времен создания регулярной армии^{1488}. Особой отраслью прикладного искусства, находившейся под личным покровительством императора, стало изготовление из алебаstra или папье-маше небольших фигурок с изображением рядового и офицерского состава различных пехотных и кавалерийских частей; над ними в течение долгого времени работал глухонемой художник Владимир Королев. Счета за его работу сохранились в архивных документах с 1849 года, он продолжал выполнять задания и в начале царствования Александра II^{1489}. Отдельные модели выполнялись также в гипсе и бронзе. Как в Петербурге, так и в Царском Селе, полки кабинетов Николая Павловича в Зимнем дворце занимали эти многочисленные фигурки, выполнявшие роль наглядных пособий.

При Николае I продолжалась работа по усовершенствованию и

унификации гражданских мундиров. Накануне его воцарения уже существовали гражданские мундиры одинакового покроя. Они были однобортные со стоячим воротником и вырезом спереди юбки наподобие фрака, отличающиеся цветом: красные у сенаторов, темно-синие у чиновников Министерства просвещения и Ведомства путей сообщения, некоторых других и темно-зеленые у большинства служащих. Считая, что гражданским мундирам «недостает единообразия», Николай Павлович обратил на них внимание уже в начале царствования. 14 января 1826 года были утверждены мундиры для чиновников Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 29 апреля того же года — для председателя и членов Государственного совета (в связи с предстоящей коронацией), а 7 ноября 1827 года — для чинов Государственной канцелярии. Генеральная же реформа гражданских мундиров была проведена 27 февраля 1834 года. Все мундиры были сведены в единую систему с общим порядком обозначения рангов должностей. Вскоре, 5 марта 1834 года, был обнародован указ о «перемене формы» в министерствах. Предусматривались парадная, праздничная, обыкновенная, будничная, особая, дорожная и летняя формы одежды. Реакция современников была различной. Сенатор П. Г. Дивов, отмечая изменение формы одежды сенаторов (по сравнению с формой 1801 года), писал: «Сенату вместо красного цвета присвоен зеленый, по-прежнему с бархатным обшлагом; оставлен прежний мундир, но к нему добавлены ботфорты со шпорами в некоторых случаях. Вид получается довольно смешной»^{1490}.

Еще раньше произошли изменения при дворе. Уже в 1826 году все придворные чины получили темно-зеленый мундирный фрак с черным бархатным отложным воротничком, а указы от 11 марта 1831 года и 27 февраля 1834 года ввели новые фасоны придворных мундиров, которые оказались наиболее долговечными и просуществовали вплоть до 1917 года. Они напоминали гражданские мундиры, изготавливались из темно-зеленого сукна и имели красные суконные стоячие воротники и обшлага, отличаясь более роскошным шитьем с бранденбурами (вышитыми золотом ниспадающими кистями). Последним указом было добавлено шитье вокруг воротника. Парадные мундиры должны были носиться с белыми штанами до колен (кюлотами), белыми чулками и башмаками с пряжками или белыми брюками с золотыми лампасами. Мундирный фрак носили с черными брюками. Мундир камер-юнкера от камергерского ничем, кроме золотого камергерского ключа, не отличался. Для известного с 1762 года столь вожделенного для многих камергерского ключа в октябре 1833 года

был утвержден единый образец. Камергерский ключ носили на бедре с правой стороны: в обычные дни золотой, в парадном варианте — с бриллиантами. В каждом конкретном случае следовало предписание, в какой форме являться на официальное мероприятие, что фиксировалось и в камер-фурьерских журналах. На балы кавалеры обычно приглашались не в мундирах, а в мундирных фраках. Когда А. С. Пушкин был назначен камер-юнкером (7 января 1834 года), то на первый бал в январе 1834 года в Аничковом дворце он прибыл в камер-юнкерском мундире. Узнав, что гости во «фраках» (мундирных фраках), он оставил на балу супругу и, переодевшись дома в штатское, демонстративно отправился на вечер к С. В. Салтыкову. Император «был недоволен, — отметил поэт 26 января, — и несколько раз принимался говорить обо мне»^{1491}. На Масленице А. С. Пушкин уже танцевал мазурку на утреннем балу в Зимнем дворце. Особенной радости ему это не доставляло. Тем более что с соблюдением формы одежды камер-юнкеру явно не везло. Описывая бал в Аничковом дворце в декабре 1834 года, поэт подробно рассказывает, как он прибыл не в круглой, а в треугольной шляпе с плюмажем: «Г[раф] Бобр[инский], заметя мою... треугольную шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели. Вообще бал мне понравился.

Г[осуда]рь очень прост в своем обращении, совершенно по домашнему»^{1492}.

Между прочим, особым указом от 27 февраля 1834 года устанавливался особый дамский наряд, традиции которого восходили еще ко временам Екатерины II. Это были платья, напоминающие русский национальный наряд, которому и раньше старались подражать в парадной обстановке. Так, еще до указа в «русском платье» были придворные дамы во время бракосочетания Николая Павловича и Александры Федоровны или на балу в Москве в октябре 1831 года. По указу 1834 года наряд состоял из бархатного «верхнего платья» с откидными рукавами и со шлейфом, разрез спереди открывал юбку из белой материи. По «хвосту и борту» платья шло золотое шитье, такое же, как на парадных мундирах придворного ведомства. Замужние дамы должны были иметь повойник или кокошник, а девицы — «повязку» любого цвета с белой вуалью. Как отмечала А. Ф. Тютчева, «в дни больших праздников и особых торжеств богослужение отправлялось в большой церкви Зимнего дворца: в таких случаях мужчины были в парадной форме, при орденах, а дамы — в придворных костюмах, т. е. повойниках и сарафанах с тренем (шлейфом. —

Л. В.), расшитым золотом, производивших очень величественное впечатление»^{1493}. В таком стилизованном под русский костюм Александра Федоровна была на балу в Смольном 30 августа 1834 года. Как пишет смолянка В. Т. Быкова, «на императрице сверх белого атласного платья, украшенного золотом, была накинута мантия голубого бархата с длинным шлейфом». На великих княжнах поверх таких же платьев были розовые мантии, на головах — повязки и вуали. Александра Федоровна «была прекрасна в русском наряде». «Как хороша народная одежда, — восклицает восторженная смолянка. — Сколько поэзии!.. Спасибо государю: он ввел при дворе русские платья. Авось и русский язык войдет в употребление»^{1494}. Но не все одобряли новшество. Еще с осени по Петербургу ходили слухи о предстоящих новых тратах на дамские придворные платья. В дневнике от 27 ноября 1833 года А. С. Пушкин записал: «Осуждают очень дамские мундиры — бархатные, шитые золотом — особенно в настоящее время, бедное и бедственное»^{1495}. А под 20 декабря отметил «шум о дамских мундирах, — к 6-му мало будет готовых. Позволено явиться в прежних русских платьях»^{1496}.

Модифицированное «русское платье», которому так охотно следовали императрица с дочерьми, стало неотъемлемым атрибутом всех придворных торжеств. Впрочем, женская половина императорской семьи не была чужда и любимым Николаем Павловичем военных мундиров, точнее мундирных платьев: Александра Федоровна считалась шефом Кавалергардского полка, Александра Николаевна — лейб-гвардии Гусарского. На любимом портрете покойной дочери Александры Николаевны в кабинете Николая I она была изображена в мундире подшефного полка. Новгодним подарком к 1845 году для Ольги Николаевны стало назначение ее шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка. Она была рада, но с большим трудом отстояла право вместо расшитых генеральских чакчир ограничиться вышивкой на верховой юбке. Николай Павлович был рассержен на дочь — в первый раз в жизни. Такого рода факты дали основание одному современному историку (вслед за польским мемуаристом) заметить, что «Николай даже женскую прелесть без мундира не воспринимал»^{1497}. Во всяком случае, в представлении Николая Павловича, мундирное платье женской красоте не вредило.

Для студентов также была введена форма — золотые шитые петлицы на воротничках, треугольные шляпы и шпаги без темляков. Вскоре после того, как Петербургский университет в 1838 году был переведен со Звенигородской улицы в здание Двенадцати коллегий, Николай I посетил

его, проверяя, между прочим, все ли студенты со шпагами, так как казеннокоштные студенты их обычно не носили. Когда государь вошел в аудиторию, студенты встали, но не ответили на привычное армейское обращение: «Здорово, ребята!» Будучи не в духе, Николай Павлович отправился назад пешком по наплавному Исаакиевскому мосту и здесь неожиданно встретил нескольких студентов в расстегнутых сюртуках, без шпаг; к тому же они еще и не отдали ему честь. (По существующему порядку студенты обязаны были отдавать честь лицам императорской фамилии и генералам.) Николай Павлович остановил их и спросил: «Вы меня не знаете?» Студенты ответили: «Не знаем, Ваше превосходительство». Как вспоминает В. Б. Бланк, студенты были отправлены на Адмиралтейскую гауптвахту с приказанием доложить, что император велел посадить их под арест. Впрочем, через полчаса подъехала фельдъегерская тройка, и провинившиеся были доставлены в Зимний дворец, где их угостили «отличным обедом с вином»^{1498}. В момент подачи шампанского появился Николай I с бокалом в руке и сказал: «Господа, теперь, когда Вы ели хлеб-соль русского государя, то, вероятно, при встрече узнаете его». После этого он выпил за здоровье университета. Один из студентов, Оже де Ранкур, добавляет, что император сказал еще: «Ежели я сравнял Вас с офицерами, то и требую от Вас того же чинопочитания»^{1499}.

Не любил Николай Павлович и очков, считая их признаком вольнодумства и неблагонадежности. Собственно, очки были запрещены при дворе и в предшествующее царствование. Александр Павлович и Мария Федоровна, будучи близорукими, пользовались лорнетами. Николай I также не признавал очков, и редко кто по медицинским показаниям, как, например, генерал от инфантерии и генерал-адъютант «из числа аккуратных немцев» А. И. Нейдгардт, осмеливался носить их^{1500}. Когда в 1842 году император посетил Харьковский университет, ему бросился в глаза студент в очках, которым оказался упомянутый Оже де Ранкур. На грозный вопрос государя: «Зачем Вам очки?» — студент не растерялся и бойко ответил: «Без очков я не имел бы счастья лицезреть Ваше Величество»^{1501}. Николай Павлович прошел мимо, и случай остался без последствий.

Своих сыновей император приучал к мундиру с детства. Так, 10 июня 1830 года он писал из Варшавы воспитателю своего тринадцатилетнего наследника К. К. Мердеру: «К приезду нашему вели изготовить Саше кавалергардскую форму, но постарайся, чтоб хорошо его одели, жене

сделаем сюрприз и 1 июля пропарадируем с разводом»^{1502}. У наследника имелись также гусарский, павловский и казачий мундиры. Вступив на престол, Александр II начал свое царствование с изменения униформы как гражданской, так и военной. Подвергся модернизации гражданский мундир: мундир «французского образца» с вырезом юбки спереди был заменен полукафтаном с полной юбкой. Как отмечали современники, в начале царствования на улицах Петербурга нередко можно было встретить офицеров одного и того же полка, по-разному экипированных. Офицеры не поспевали за указами об изменении формы одежды. «Крючок» от мундира Николая I «зацепил» и его сыновей...

«Каторжник Зимнего дворца»: Рабочий день императора

«Первым тружеником народа своего» назвал покойного императора поэт А. Н. Майков^{1503}. Сам же Николай I, в шутку, в письме к Константину Павловичу от 21 марта (2 апреля) 1827 года писал о себе: «... твой каторжный du palais d'hiver» («каторжник Зимнего дворца»)^{1504}. В этом была доля истины. Если не считать Петра I, которому Николай старался подражать в многосторонности занятий, никто из государей нового времени не трудился так деятельно и самозабвенно. Судя по всему, Николай Павлович не относился к ярко выраженным «жаворонкам», но, как это было принято в семье родителей, вставал достаточно рано^[13]. В детстве подъем происходил между семью и восемью часами утра, причем одевался он тогда довольно лениво и медленно, спать ложился в десятом часу. Жизнь заставила подчиниться более жесткому ритму и подъему без промедления. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала, что летом отец вставал в 7 часов утра. «Он любил спартанскую жизнь, — писала она, — спал на походной постели с тюфяком из соломы (во время визитов в Англию матрасы набивали сеном. — Л. В.), не знал ни халатов, ни ночных туфель...»^{1505} Впрочем, ночные туфли, по крайней мере в последние годы жизни, у него были.

Ко времени около семи часов утра относятся самые ранние из зафиксированных современниками приемов императора. По воспоминаниям А. Я. Стороженко, перед тем как срочно отбыть в Польшу в действующую армию, он получил через жандармского офицера записку А. Х. Бенкендорфа, который предписал ему быть в 7 часов утра в Зимнем дворце для последующего представления государю. Вскоре камердинер позвал его в кабинет императора. «Еще было темно, — вспоминал мемуарист. — Довольно узкая, высокая лестница, освещенная не совсем ясно, привела меня к дверям кабинета...»^{1506}

Речь идет о лестнице «на половине их императорских величеств» в северо-западном «ризалите» (так принято было называть весь этот выступающий угловой объем Зимнего дворца), созданной в 1826 году по проекту архитектора В. П. Стасова. До пожара 1837 года она связывала второй этаж с третьим, где над комнатами Александры Федоровны находилась жилая «половина» Николая I, в том числе и его кабинет^{1507}.

Рядом с лестницей в 1826 году была установлена и «подъемная машина», изготовленная на Колпинском заводе, — один из первых в России лифтов. После пожара лестница была реконструирована по проекту архитектора А. П. Брюллова. В декабре 1838 года установили и новую конструкцию подъемного механизма, разработанную инженер-полковником А. А. Фуллоном. По проекту 1838 года «подъемная машина» связала уже не три, а только два нижних этажа жилой половины императорской семьи и предназначалась в первую очередь для императрицы и других женщин^[14].

Редкие подробности о «лифте» содержатся в воспоминаниях В. Т. Быковой, посетившей дворец вместе с другими смолянками во главе с начальницей Смольного института «бабушкой» Ю. Ф. Адлерберг: «... Великие княжны предупредительно посадили ее в кресло императрицы, поднимающееся посредством машины на самый верх. Наследник стал сзади ее. Бабушка казалась восходящею на небеса, а наследник был как бы ее ангелом-хранителем. Мы бежали по лестнице, и я старалась идти наравне с «восходящими», — нам так весело было на них смотреть». Выступивший по поручению Николая Павловича в роли «экскурсовода» цесаревич провел девочек также по комнатам третьего этажа, где они заглянули в кабинет императора; девочке, впрочем, бросился в глаза только «письменный стол, на котором хранятся великие дела»^[1508].

После пожара 1837 года в реконструированном Зимнем дворце у Николая Павловича появился второй кабинет на первом этаже. По одной из версий, император устроил его из-за того, что военному министру графу А. И. Чернышеву трудно было подниматься по высокой лестнице. Вероятно, и самому императору подъем стал доставлять трудности. Фрейлина А. Ф. Тютчева замечает: «Это был антресоль нижнего этажа, довольно низкий, очень просто обставленный, который император предпочитал занимать в последние годы своей жизни во избежание высоких лестниц, так как его парадные покои были наверху, над покоями императрицы»^[1509]. Перед небольшим кабинетом, который выходил окнами на Адмиралтейство, находился высокий вестибюль со сводами. Как свидетельствует план первого этажа Зимнего дворца, от Дворцовой набережной его отделяли кабинет великой княгини Ольги Николаевны (она вспоминает о виде на Неву), ее «почивальня» и кабинет наследника Александра Николаевича^[1510]. Благодаря акварелям академика Э. П. Гау можно представить интерьеры этого кабинета. По традиции внутреннее убранство комнат Николая I долго сохранялось и после его смерти. Из описи имущества камер-цалмейстерской службы (она отвечала за внутреннюю

обстановку дворца) 1859 года известно, что на двух окнах висели шторы из зеленого стамеда (шерстяной ткани. — Л. В.), на двух других, «полуовальных», — шторы из зеленой тафты на подкладке из зеленого коленкора. Мебель была красного дерева, но довольно простая: платяной шкаф «разборный», «полушкафы», столы на ножках и на колесах, другие столики, в том числе «китайские»; стулья, обитые зеленым сафьяном; бра у трюмо с тремя «рожками» для газового освещения, которое после восстановления дворца вошло в его быт; ширма; часы в футляре красного дерева; бронзовые шандалы; термометры; образ, писанный на фарфоре; тумба для дров с крышкою; каминные прибор и экран, обитый с одной стороны зеленым «кенсесом». Полы были покрыты коврами синего цвета. Имелась и плевательница с машинкой^{1511}. В целом выдержанный в зелено-синих тонах, этот интерьер выглядел довольно скромно на фоне внутреннего убранства комнат Александры Федоровны в Зимнем и Аничковом дворцах, запечатленных на акварелях Л. О. Премацци. Скромное убранство кабинета на первом этаже, где и скончался император, было отмечено польским мемуаристом И. Ф. Савицким: «В глубине кабинета стоял стол, заваленный бумагами, рапортами, схемами. В углу стояло несколько карабинов, которыми в свободное время тешился император. На столах, этажерках, консолях стояли статуэтки из папьемаше, изображающие солдат разных полков, на стенах висели рисунки мундиров, введенных царем в армию»^{1512}.

Утренние часы Николай Павлович проводил за разбором бумаг, которые всегда внимательно прочитывал полностью, испещряя их заметками карандашом на полях или накладывая краткие, но выразительные резолюции. Затем следовала непродолжительная утренняя прогулка. В Петергофе вместе с верным пуделем Гусаром император обычно направлялся в Монплезир. Рядом с Монплезиром находился бассейн с островком посередине, окруженный белой жостью. Когда однажды в 1846 году адъютант шведского кронпринца В. В. Гаффнер подошел к пристани у водоема, он застал раздевшегося императора. После вежливого вопроса к недавно представленному ему адмиралу Николай Павлович предложил разделить с ним купание. По настоянию великого князя Александра Николаевича В. В. Гаффнеру пришлось последовать в бассейн, где купались и адъютанты.

В Петербурге краткий маршрут Николая Павловича пролегал по Дворцовой набережной, на которую император отправлялся в простой шинели, раскланиваясь со знакомыми. Время этой личной прогулки не

фиксировалось в камер-фурьерских журналах. Как отмечала бывшая смолянка А. И. Соколова, «император выходил ровно в девять и, смотря по погоде, прогуливался час или полтора своим крупным и довольно быстрым шагом»^{1513}. Это свидетельство вызывает некоторые сомнения. Скорее всего, прогулки начинались раньше и не были столь продолжительными. Дело в том, что, как свидетельствуют камер-фурьерские журналы и воспоминания современников, в 9 часов утра Николай Павлович принимал министров и других высокопоставленных лиц. Находилось время и для докладов генералов и флигель-адъютантов. Так как они приходили рано, то для их завтрака кухонная служба ежедневно готовила угощение в виде пулярок, рябчиков, языков и телячьей печенки на сумму от 7 до 10 рублей ассигнациями в день^{1514}. Перед приемом посетителей в девятом часу Николай Павлович обычно успевал зайти на половину супруги.

Министрам и руководителям ведомств, имевшим право личного доклада государю, как уже отмечалось, были установлены особые дни для доклада. Для посетителей, приглашенных дополнительно, выкраивалось время после основных докладов. Воскресенья также были приемными днями. На протяжении многих лет именно в воскресенье Николай Павлович принимал представителей дворянства из разных губерний, например смоленских или новгородских. Однажды он перепутал дни недели и назначил прием предводителей дворян на 12 часов дня, оказавшегося субботой. Чиновник Собственной Его Императорского Величества Канцелярии М. В. Белинский, немного пугаясь от собственной смелости, положил в портфель для доклада императору записку, в которой робко напоминал, что за 15 лет не было примера, чтобы прием дворян назначался на субботу. Записка вернулась с карандашной пометкой Николая Павловича: «А я и забыл, что сегодня суббота»^{1515}.

Приемы проходили по отработанному сценарию, который отражен в описании конфиденциального разговора с императором 28 сентября 1846 года С. В. Сафонова — начальника канцелярии кавказского наместника М. С. Воронцова. Вот как встретил своего старого знакомого император: «... По полученному мною накануне письменному приказанию г. военного министра, я отправился в Царское Село и явился к нему в 9 1/2 часов. В 10 часов я отправился с ним из Старого дворца в Новый. Мы ожидали в комнате перед кабинетом государя около четверти часа. Затем вышел из кабинета камердинер его величества и позвал князя Чернышева. Доклад его сиятельства продолжался около получаса. По выходе из кабинета князь Чернышев сказал мне, что государь займется с Адлербергом и потом

примет меня. Прошло еще около получаса. Я услышал звон колокольчика и вслед за тем, в 11 3/4 часов, двери снова открылись, вышел камердинер и сказал мне: «Пожалуйте к государю». Я вошел в кабинет. Его Величество стоял посреди комнаты в сюртуке Семеновского полка без эполет. Я поклонился. «Здорово, — сказал Его Величество, — любезный Сафонов! Очень рад тебя видеть», — и протянул мне руку. Я поцеловал плечо государя. — «Садись», — сказал Его Величество и указал мне стул у окна. Сев против меня, он начал разговор, продолжавшийся около полутора часов»^{1516}.

В этом описании много характерных черт, в частности, вызов посетителей через камердинера (а вовсе не ударом в барабан, как писали некоторые «историки») и прием стоя (не сидя, чтобы не вставать) посредине комнаты. Известен и другой вариант приема посетителей — стоя, рядом с письменным столом. Так, например, император принимал арестованного И. Д. Якушкина в 1826 году или плененного старшего офицера с английского парохода-фрегата «Тигр» Альфреда Ройера в 1854 году. Иногда посетителей вводили и в пустую комнату, как это было во время приема новгородских дворян 22 августа 1831 года. Тогда они были приглашены в приемную комнату Малого дворца (дело происходило в Царском Селе после обряда крещения новорожденного Николая Николаевича). Приемная комната имела два окна, три двери; в ней находились диван и несколько кресел, на стенах висели картины. Государь вышел тогда из боковой двери, которую «сам изволил затворить»^{1517}.

Впрочем, иногда Николай Павлович неожиданно менял сценарий и вместо утреннего приема отправлялся в различные учреждения или учебные заведения, причем посещал их в самое неожиданное время. В отличие от утренней прогулки предобеденную прогулку императора камер-фурьерские журналы фиксируют четко. Она совершалась летом в коляске или кабриолете, зимой — в санях, в разные дни между половиной второго и половиной четвертого, продолжаясь тем не менее всего около пятидесяти минут^{1518}. Общество Николая Павловича во время этих прогулок могли разделять приехавшие погостить немецкие родственники, брат Михаил Павлович или Александра Федоровна. Прогулки с супругой могли совершаться и пешком, как стало модным в то время, по Английской набережной. На церковные службы император всегда приходил точно в назначенное время и простаивал их от начала до конца. Поскольку придворное общество не было столь обязательным и часто опаздывало, то, оказавшись как-то вдвоем с фрейлиной А. Ф. Тютчевой в «Ротонде» ровно

в 11 часов, он заметил ей: «По-видимому, сударыня, мы с Вами единственные пунктуальные люди в этом дворце!»^{1519}

Более частые встречи с императором происходили во время разводов, когда при представлении отдельных лиц имели место непродолжительные беседы. Об одном из таких разводов вспоминает Э. И. Стогов, который незадолго до этого приехал в Петербург с Камчатки и как штаб-офицер флота должен был при разводе явиться к государю: «Император Николай I был верхом — что за красавец, что за молодец, нельзя не любоваться... Нас перекликал комендант, а богатырский конь переступал только на одного человека — и ни разу не сбился. Дошла очередь и до меня. — «Капитан-лейтенант Стогов из Камчатки», — сказал комендант. — «Долго Вы там были?» — спросил император с приветливой улыбкой. — «12 лет, Ваше Величество». — «Скучно там было Вам?» — «Нет, государь, там много службы и там русское царство». — Николай милостиво поклонился»^{1520}.

Время обеда первоначально четко определено не было. В 1826 году обед начинался между половиной третьего и без двадцати минут четыре пополудни. Таким образом, колебания составляли более часа. А в день рождения Николая Павловича 25 июня 1826 года, когда царская семья пребывала в Царском Селе, обед в Агатовой комнате начался без пяти минут четыре^{1521}. В положении от 26 октября 1833 года, разработанном обер-гофмаршалом К. А. Нарышкиным при непосредственном участии императора, пунктом 3 определялось: «Время для обедов назначать в 4 часа, а для ужинов в 10 часов»^{1522}. Это обеденное время зафиксировано во многих мемуарах, в частности, у знакомых с бытом императорского двора М. П. Фредерикса и А. О. Смирновой-Россет. На 4 часа дня был приглашен к праздничному обеду в Петергофе в 1846 году военный министр Швеции В. В. Гафнер, и поскольку он не успел позавтракать на корабле, а обед запоздал еще на полчаса, он, по его собственному признанию, уже «был голоден как волк»^{1523}.

После обеда Николай Павлович работал в кабинете, но между половиной восьмого и восемью часами вечера, выпив чаю с семьей, мог отправиться на прогулку или в театр. После завершения строительства Мариинского дворца император во время пешей прогулки мог зайти к Марии Николаевне и затем уже присоединиться к семье, приехавшей в театр. Из театра императорская семья возвращалась домой около одиннадцати часов вечера, а после посещения маскарадов — около часа ночи. Если Николай Павлович задерживался на полчаса, то в этом бывала виновата одна из «масок»^{1524}. Но возвратиться домой не означало лечь

спать. Поздние прохожие еще долго видели освещенные окна в кабинете Николая Павловича. Обычно он занимался делами до двух или даже трех часов ночи. Его камердинер рассказывал: «Засну иной раз, а потом очнусь и подумаю: не пора ли государю подавать одеваться? Загляну, а он сам разделся и лег. Иной раз спросонья слышу шорох; смотрю, а государь, заметив, что я заснул, на цыпочках проходит мимо меня»^{[11525](#)}.

«Проси его ко мне обедать»: Император за обеденным столом

О спартанском образе жизни императора помимо дочери Ольги Николаевны свидетельствуют многие современники. «Ты знаешь, — писал Ф. П. Фонтон своему другу из действующей армии в 1828 году, — как царь воздержан в отношении нужд материальной жизни»^{1526}. Великая княжна Ольга Николаевна отмечала: «Во время маневров он мог беспрерывно оставаться восемь часов подряд в седле без того, чтобы хоть закусить чем-нибудь»^{1527}.

Питался Николай Павлович весьма умеренно, что было характерно для него с детства. Как отмечал М. А. Корф на основе журналов воспитателей, в возрасте шести лет великий князь «утром обыкновенно пил чай. За обедом обыкновенно кушал немного, за ужином иногда довольствовался куском черного хлеба с солью»^{1528}. В воспоминаниях самого Николая Павловича о детских годах присутствует только один гастрономический факт. Он запомнил, как находившийся с визитом в Петербурге еще при Павле I шведский король Густав-Адольф подарил ему «фарфоровую тарелку с фруктами из бисквита»^{1529}. С детских же лет Николая Павловича отличало упорство в достижении цели, переходящее в упрямство, проявляющееся подчас и в отношении приема пищи. Великие князья Николай и Михаил любили икру и мороженое. Но когда врачи запретили Михаилу употреблять эти деликатесы, то в знак солидарности с братом, как отмечено в журнале от 9 марта 1803 года, от них отказался и Николай^{1530}. И неизвестно ни одного документального или мемуарного свидетельства их употребления Николаем Павловичем в дальнейшем, хотя следует отметить, что мороженое подавалось на императорский стол ежедневно. В апреле 1811 года, когда у него расстроился желудок, доктор Рюль запретил великому князю есть за обедом жареную баранину со шпинатом, в связи с чем это блюдо было заменено телячьими котлетами. Великий князь настойчиво продолжал просить баранину, а когда ему было в том отказано, заявил, что «ничего не хочет, потому что сыт»^{1531}.

При всей непритязательности вкусов императора документы свидетельствуют о довольно широком ассортименте придворного стола. Так, в соответствии с кофешенскими и тафельдекерскими ведомостями, когда Николай Павлович утром пил, или, как тогда говорили, «кушал» чай,

то к нему дополнительно от пекаря выдавались на «фрыштик» (завтрак) кисло-сладкий хлеб, две круглые булки и заготовленные впрок сухари (длинные, круглые и «шпанские»). Сухари для императора должны были быть без пряностей. На день метрдотель выдавал в кабинет Николая I (для потребления вне общего стола, но не только личного, а и для угощения гостей) сахару-«рефинаду» 2 фунта (819 г, считая в русском фунте 409,5 г), черного и зеленого чаю «фамильного», то есть лучших фирм по 18 золотников (97 г, считая в золотнике 4,266 г), кофе ливанского 3/4 фунта (103 г), а также сливки, различные булки и крендели (сдобные, сахарные, с анисом, солью). Упоминаются также «витушки» и «палочки». На Пасху предусматривались куличи^{1532}, а на Масленицу — утренние блины. Для приготовления кипятка и нагревания пищи в суточных «продуктовых наборах» предусматривался спирт для горелок. После утреннего чая, за которым следовали прогулка, работа с бумагами или прием отдельных посетителей, Николай Павлович в десятом часу заходил на половину Александры Федоровны выпить кофе с молоком в присутствии семьи.

Императрица не была столь страстной любительницей кофе, как Екатерина II или Мария Федоровна, но разделяла общую привычку к кофе не только немецких принцесс, но и петербургских женщин (в то время как мужчины традиционно предпочитали чай). В то же время в связи с модой на всё английское церемония чаепития приобретала большое значение. Чайные сервизы производились на Императорском фарфоровом заводе и выписывались из Англии. Таможенные пошлины в этих случаях выплачивались из сумм Кабинета Его Императорского Величества.

Соблюдение этикета и престиж Дома Романовых заставляли устраивать обеды с большим количеством приглашенных, хотя Николай Павлович по возможности старался избегать излишнего многолюдья. 25 июня 1826 года (в первый день рождения после вступления на престол) за обеденный стол кроме императорской четы сели брат Александры Федоровны прусский принц Карл, а также Александр и Эрнст Вюртембергские. За отдельным кавалергардским столом угощалось 37 персон^{1533}. Под «кавалергардским» столом в данном случае понимался «маршальский» стол, то есть стол обер-гофмаршала. Дело в том, что еще при Павле I началось упрощение громоздкого дворцового хозяйства, и в штате 30 декабря 1796 года предусматривались три категории столов, включая «гофмаршальский», «обер-гофмейстерины» (для придворных дам) и «начальника кавалергардских рот». Описывая петергофские праздники 1846 года, В. В. Гаффнер отмечал характерную деталь: «При здешнем

дворе делается не так, как у нас, и императорская фамилия обедает и ужинает одна, а весь двор обедает с камергером, где бывает от трехсот до четырехсот человек»^{1534}.

A propos

Положением от 26 октября 1833 г. столы для придворных и придворнослужителей были разделены на шесть разрядов, а по последнему в царствование Николая I положению от 15 марта 1852 г. — на пять разрядов. «Тракование», как назывались установленные нормы, предусматривало денежные квоты, отпускаемые на «пищевое довольствие» различным категориям придворных, находящимся в штате, а также лицам, которых приглашали к обеду во время пребывания во дворце. В зависимости от разряда предусматривалось постепенное уменьшение как отпускаемых денежных сумм, так и количества блюд в связи с более ограниченным их ассортиментом. В целом прослеживается тенденция более экономного содержания двора, причем режим экономии распространялся и на императорский стол. В значительной мере это делалось для того, чтобы у метрдотелей не было соблазна присваивать выдаваемые им деньги или заказывать кухне и другим дворцовым службам излишнее количество блюд, закусок, вин и десерта, поскольку всё, что не съедалось за столом, по традиции поступало в собственность прислуги. Уже при Александре I камер-пажи перестали прислуживать за столом. Их место заняли официанты в перчатках. Метрдотели стали посредниками между кухней и другими службами, или, как их называли, «должностями»: кофешенской (выдача чая, кофе и припасов к ним), тафельдекерской (накрывание на стол), мундшенекой (вина и другие напитки), кондитерской (кондитерские изделия, конфеты и мороженое), сервизной и т. д. По положению, принятому еще при Павле I 30 декабря 1796 г., основная часть продуктов и напитков закупалась по подрядам от поставщиков на наиболее выгодных для двора контрактах. Собственные придворные службы, уходящие корнями в натуральное хозяйство, были ликвидированы. В связи с этим были упразднены штатные должности винокуров, медоставов, пивоваров, квасовников, купоров и т. д.

Придворная кухня, впитавшая в себя русские традиции, начиная с эпохи Петра I развивалась под влиянием немецкой, а затем французской кулинарии. Первым французским поваром, оставившим заметный след в реформе русской кухни, был Антуан Карем, привезенный в Россию князем П. И. Багратионом. Преемниками Карема в России стали Жан Жебон, Пети,

Т. Гилта, Жабон и др. Один из историков кулинарии пишет: «Они прожили в России около полу столетия и продолжали реформу, начатую Каремом. Эти пионеры французской кухни в России создали особую школу нового поваренного искусства, из которой начали выходить русские ученики, как, например, ученик Жебона Михаил Степанов, впоследствии получивший назначение метрдотеля двора его величества государя императора, положение, довольно высокое для русского повара»^{1535}. В одном из писем Ф. П. Фонтана 1828 года с Дунайского театра военных действий упоминается личный повар Николая I Миллер, сын которого был пристроен на службу в Министерство иностранных дел (в связи с этим автору письма, его сослуживцу, тоже кое-что перепало)^{1536}. Это тот самый Миллер, который позднее, во время путешествий императора в 1836–1837 годах, был уже метрдотелем и под началом которого находились два повара^{1537}. Впрочем, по замечанию А. В. Эвальда, государь был «не охотник до хитрой французской кухни»^{1538}, да и сама придворная кухня, вобрав традиции русской кулинарии, не являлась чисто французской. Но престиж императорского двора и императорского стола необходимо было поддерживать.

Документы свидетельствуют, что уже в начале царствования суммы, отпускаемые на содержание императорского стола, были сокращены. Положением по кухне от 14 декабря 1826 года гофмаршалу К. А. Нарышкину было предписано для самого Николая Павловича и Александры Федоровны кушанья готовить из расчета 25 рублей ассигнациями «на персону», а на гостей «прибавлять такую же сумму». Та же сумма выделялась и на питание детей. Великую княжну Ольгу Николаевну подвела память, когда она написала, что стол для детей обходился в сумму 25 рублей серебром^{1539}. На самом деле речь шла о 25 рублях ассигнациями (около 8 рублей серебром). Кроме того, эта сумма включала расходы на обедающих с ними воспитателей и учителей^{1540}. После уроков танцев, когда к девочкам приглашались их сверстники, ужин, как заметила Ольга Николаевна, был лучше: «вместо неизменного рыбного блюда с картофелем нам давали суп, мясное блюдо и шоколадное сладкое»^{1541}. Придворная контора предписывала также метрдотелям «приготавливать кушанья по вышеписаному, так, чтобы дороже не выходило; ибо на счет то не принимается, а притом полагалось в меру сию и самые вина, для приготовления кушаний потребные, как равно и устерсы (устрицы. — Л. В.), если спросят»^{1542}. Та же сумма в 25 рублей ассигнациями была предусмотрена и положением от 26 октября 1833 года.

Таким образом, хотя курс перевода ассигнаций в серебро (до реформы Е. Ф. Канкрина) только возрастал, суммы, отпускаемые на столы, сокращались. Возрастание цен на продукты приходило в противоречие с тенденцией экономии, но она все-таки прослеживается достаточно четко. «Высочайше утвержденным мнением» обер-гофмаршала от 22 мая 1834 года были сокращены суммы, отпускаемые на гостей за императорским столом. По докладу обер-гофмаршала, утвержденному 28 февраля 1841 года, было сокращено с десяти до восьми «перемен» (блюд) «для высочайших столов». Ранее обед состоял из следующих «перемен»: суп, пирожки, холодное, говядина с приправой или зеленью, «соус из рыбы», «соус из живности», зелень, жаркое («и к оному салат»), «молочное» или «хлебное», желе или крем. По новому положению «метрдоители по уменьшению суммы на столы и возвышению цен» предлагали на обед восемь «перемен»: суп, пирожки, говядину с приправою или зеленью, «соус из рыбы», «соус из живности», жаркое, «молочное» или «хлебное», желе или крем. На одно блюдо стало меньше и на ужине. Ранее было три «перемены»: суп, холодное и «соус из рыбы», а с 1841 года только две: суп, «соус из рыбы» или вместо него холодное из рыбы^{1543}. В одном из «ордеров камер-фурьерской должности» Придворная контора предписывала десерт, фрукты и вино подавать к столам или в комнаты их величеств только по запискам дежурных камер-фурьеров^{1544}. Новое сокращение произошло по положению от 9 марта 1848 года, когда «докладною запискою было назначено обеденные столы для их императорских величеств готовить впредь по 15 руб. асе.» (по курсу 4 рубля 28 копеек серебром), аналогично и суммы, отпускаемые на гостей, уменьшены были с 20 до 15 рублей ассигнациями (с 5 рублей 72 копеек до 4 рублей 28 копеек). Далее предписывалось «ужинов же вовсе не иметь, а в случае требования, отпускать суп и компот»^{1545}.

По вечерам во время так называемых «высочайших вечерних собраний» (своеобразных вечеров отдыха в узком кругу) у императрицы, проходивших как в Зимнем, так и в Аничковом дворцах, также не обходилось без угощения. Так, 8 и 9 марта 1848 года по реестрам из камер-фурьерской должности для «вечерних собраний» было заказано метрдоителями супу и компота на шесть персон, а 10 марта — «только для его императорского величества»^{1546}. В 1852 году дежурному камер-фурьеру предписывалось: «В вечерних собраниях у Ея Величества, не ожидая требования вин, три или четыре раза обносить на подносе, — примерно: налитые водой четыре стакана и по четыре рюмки шампанского

и красного вина, на случай, если кому угодно будет принять»^{1547}. По последнему «трактованию» от 15 марта 1852 года для императорского и великокняжеского столов предусматривались завтрак из четырех «перемен», ужин — из пяти, а обед — из шести, включая один или два супа или «взамен одного сало, ботвинью или щучину». Для императорского стола деньги метрдотелям выдавались из расчета 9 рублей 20 копеек в день, в том числе на завтрак 1 рубль 50 копеек, на обед 4 рубля 65 копеек и на ужин 3 рубля 20 копеек серебром. Но в случае, «когда спросится на ужин только суп и компот, полагать на персону 1—50»^{1548}. Для императрицы из кондитерской, как и раньше, отпускались конфеты (две тарелки на 1 рубль 72 копейки в день) и мороженое (тоже две тарелки на ту же сумму)^{1549}. Кстати, как и в Англии, мороженое ели тогда перед десертом^{1550}.

Для Александры Федоровны особо предусматривалось «диетное кушанье», обходившееся весьма дорого (4 рубля 28 копеек серебром в день)^{1551}. В чем оно заключалось, из архивных источников неясно. Но из воспоминаний известно, что ей было прописано странное лечение: «ничего жидкого, никаких супов, зато ростбиф, картофельное пюре, молочная каша и кожура горького апельсина»^{1552}. В еде императрица была более разборчива по сравнению с неприхотливым Николаем Павловичем. Ее любимым блюдом было мясо дикой козы с брусникой^{1553}. Когда в 1835 году во время русско-австрийских маневров под Кульмом в честь сражения 7 (29) сентября 1813 года князь Меттерних в походных условиях стал угощать присутствовавших тартинками собственного приготовления из черного хлеба с маслом, то, по его рассказу, «русская императрица долго глядела на хлеб и пожелала, наконец, сделать себе тартинку»^{1554}. Во время пребывания Александры Федоровны в Палермо ей, по свидетельству Ольги Николаевны, «из России выписали печи и печников, которые их ставили, русские пекари выпекали наш хлеб...»^{1555}. За границей Александра Федоровна была расточительна; позднее в Ницце она устраивала обеды на эспланаде перед дворцом на несколько сот человек. По одному из свидетельств, каждый обедавший мог взять с собой столовый прибор, включая серебряный стаканчик с вырезанным на нем вензелем императрицы. Так как ей не нравилась местная вода, то из Петербурга курьеры везли невскую воду в особых ящиках, наполненных льдом^{1556}.

Вообще императорский стол отличался от столов первых категорий только фруктами, десертом и винами. Для императорского стола, в первую очередь для Александры Федоровны, доставляли свежие фрукты и

виноград из ропшинских оранжерей, а также по контрактам с купцами, в частности с Елисеевыми^{1557}. Придворная контора была озабочена и своевременной доставкой к высочайшим столам молочных продуктов с елагиноостровской и царскосельской молочных ферм. Молоко и сливки поступали в кофешенскую и выдавались также к кофе. Для сохранности молочные продукты привозили в бутылках, обложенных льдом, которые затем сохраняли в леднике^{1558}. Для других столов в необходимых количествах молочные продукты покупались и у поставщиков. Существовали традиционно налаженные линии поставок продовольствия для императорского двора, включая и бесплатные поставки в качестве традиционных презентов, уходящих своими корнями в далекое прошлое. От Уральского казачьего войска ежегодно выборные старейшины привозили икру и рыбу первого, так называемого «царского лова». Эта традиция сохранялась и при последнем императоре Николае II, хотя дары постепенно уменьшались в объемах. Паюсную икру закупали также в Астраханской и Шемахинской губерниях; сушеные фрукты — в Астрахани. Бочонки сельдей поступали (в том числе и в дар) из Архангельска, Керчи, а также от Елисеевых («королевские сельди»). Крестьяне Архангельской губернии и некоторых других из года в год подносили в подарок императору стерлядь и белорыбицу, а приказные Тобольской казенной палаты — нельму. Мясо диких коз поставлялось из Митава (Елгавы) от Курляндской казенной палаты (оплата производилась Министерством двора только за упаковку). Иногда в Земледельческом училище заказывался английский баран (английская баранина тогда стала модной в Петербурге); в Области Войска Донского — фазаны; в Волынской губернии — трюфели (единственные грибы, употреблявшиеся в аристократической кухне). С проведением Петербургско-Московской железной дороги некоторые хлебобулочные изделия стали заказывать в Москве. Так, например, в 1852 году были заказаны пирожки «Матильда». К сожалению, большая часть архивных дел, где, как свидетельствуют описи, содержалась вся эта информация, не сохранилась.

Николай Павлович вина не пил. Так же как его отец Павел I, он не отличался гастрономическими прихотями; в еде и напитках был чрезвычайно умерен. Великая княжна Ольга Николаевна свидетельствует, что он «по-настоящему ел только раз в день, запивая водой. Чай ему подавали в то время, когда он одевался, когда же он приходил к Мама, то ему подавали чашку кофе с молоком. Вечером, когда все ужинали, он опять пил чай и иногда съедал соленый огурец»^{1559}. В другом месте

воспоминаний она отметила, что в Петергофе по утрам государь, «в то время как одевался, пил свой стакан Мариенбадской воды»^{1560}. После прогулки он выпивал второй стакан воды в Монплезире. Вспоминая о Николае Павловиче сразу после женитьбы, П. М. Дараган отметил, что он «был очень воздержан в пище», и добавил: «...Он никогда не ужинал, но обыкновенно при проносе соленых огурцов пил две ложки огуречного рассола»^{1561}. Соленые огурцы, видимо, и были единственной заметной для окружающих слабостью императора. По ведомости 1840 года, Николаю Павловичу ежедневно должны были подавать утром пять соленых огурцов^{1562}. Находясь в гостях, он обычно не привередничал. Когда во время прогулки он заходил на Васильевском острове к художнику А. И. Ладюрнеру и заставлял хозяина за трапезой, то принимал приглашение отобедать. Тогда с удовольствием поедая котлеты, приготовленные домоправительницей «чухонкой» Кристиной. Сохранился исторический анекдот о том, что «пожарские котлеты», сделанные однажды за неимением телятины из куриного мяса, вошли в моду после того, как их однажды отведал в Торжке по пути из Петербурга в Москву Николай I. На самом же деле «пожарские котлеты» впервые появились в Осташкове, но действительно дела Пожарского пошли в гору после того, как он переселился в Торжок^{1563}. Часто проезжавшему по этой трассе императору они, несомненно, были знакомы. Во всяком случае, великая княжна Ольга Николаевна, вспоминая о поездке в Москву на коронацию отца в августе 1826 года, отметила, что она в Торжке ела «превосходную котлету некой м-ль Пожарской»^{1564}. «У Пожарского в Торжке // жареных котлет отведай (именно котлет)», — советовал в том же году и А. С. Пушкин^{1565}.

Любовь к соленьяному, а также предпочтение русской кухне сближали Николая Павловича с Петром I. Как отмечал А. В. Эвальд, Николай Павлович хитрым французским блюдам «предпочитал простые русские кушанья, в особенности щи да гречневую кашу, которая, если не ежедневно, то очень часто подавалась ему в особом горшочке»^{1566}. Дорогие рыбные деликатесы он не любил. Отправляясь в Москву, император делал остановку в Игоре и обычно заказывал там два блюда. Однажды купечество решило угостить государя ухой из больших свежих стерлядей. Николай Павлович разгневался и уехал, даже не пообедав^{1567}. Когда в августе 1840 года рыбак Степан Гусев поднес по инстанции для императора сорок одну живую стерлядь, то ему было заплачено по подрядным ценам из сумм Придворной конторы, а рыба выпущена в

Сергиевский пруд. Министр Императорского двора предписал следить, чтобы в Петергофе, а также в Александрии и Знаменской «ником не была подносима рыба их величествам»^{1568}. По воспоминаниям современников, «в путешествиях своих государь Николай Павлович удивительно как умерен в своей пище и раз навсегда приказал своему maître d'hôtel Миллеру, чтобы за обедом у него никогда не было более трех блюд, что и решительно исполнялось». Однажды, с разрешения А. Ф. Орлова, Миллер после первого блюда внес форели (перед этим пойманные). «Что такое, — громко сказал государь, — четвертое блюдо? — Кушайте его», — сам, бросив салфетку на стол, ушел в другую комнату»^{1569}. В последние годы жизни Николай Павлович предпочитал овощные блюда, суп из протертого картофеля и компот.

А вот о своем окружении император заботился как подобает. Когда в 1836 году во время известного дорожного происшествия он сломал ключицу, то был вынужден две недели провести в городе Чембаре. Не в последнюю очередь для комфортабельной жизни сопровождавших его в той поездке В. Ф. Адлерберга и А. Х. Бенкендорфа (всего с прислугой было 19 человек, не считая императора) специальным курьером из Пензы стали доставлять вина, фрукты и «колонияльные товары» и даже говядину, хлеб и сливочное масло, так как качество местных продуктов не устраивало. Во всяком случае, в одном из писем А. Х. Бенкендорф сообщает, что «судаки и леги оказались сонными, а говядина с духом»^{1570}. После того как вина в Пензе были признаны плохими, их стали выписывать из Москвы.

Сохранившаяся приходно-расходная книга винного погреба Зимнего дворца за 1849 год свидетельствует о широком ассортименте вин и других напитков. Наиболее потребляемыми были красные бордоские вина: Шато-Лафит из западного винодельческого района Франции, произведенные в департаменте Жиронда из винограда поместья Шато-Лафит в Польяке и Медок одноименного района по побережью рек Гаронны и Жиронды. Это были тонкие классические сухие вина (до 12 градусов алкоголя). На третьем месте оказалось крепкое сухое вино типа Мадеры (Мадера и Мальвазир Мадер). Четвертое место занимало шампанское. В 1849 году (не учитывая погребов загородных резиденций) было выпито 2064 бутылки, из них по мундшенской для Его Величества выдано 950 бутылок, не считая еще 20, взятых императором в дорогу во время путешествия в Варшаву (вероятно, для находившегося там брата Михаила Павловича). Из этого количества 213 бутылок было выпито в январе, во время новогодних празднеств. Торговые марки не указаны, но среди них могли быть

знаменитые «Аи» и «Вдова Клико». На пятом и шестом местах оказались снова бордоские вина, но уже белые. Это прежде всего Го-Сотерн, производившееся в сорока километрах к югу от Бордо из белого винограда («для тонких» на две трети из сорта Семильон и на одну треть Совиньон) из завяленных ягод, уже подвергшихся под воздействием грибка благородному гниению, что повышало сахаристость золотистых по цвету сотернских вин. Далее отдельной графой указано тоже белое вино Барзак из Ле-Блага, популярное среди фрейлин (997 бутылок). На седьмом месте находился Вейн де Грав — вино из местности к югу от Бордо по левому берегу Гаронны, где производилось как простое красное, так и столовое белое вино. Популярны были также испанские вина большой выдержки «Покарет» (Пахарате или Малага Крема), собственно Малага и Херес. Наиболее ценные из них были получены в дар от испанского посла. Из бордоских вин можно отметить также Сен-Жульен^{1571}.

Слава бургундских красных вин уже ушла в прошлое. Это о бордоском сухом вине Шато-Лафит, противопоставляя его коварному шампанскому «Аи», писал А. С. Пушкин в «Евгении Онегине»: «Но ты, Бордо, подобен другу». Документы 1852 года свидетельствуют, что сохранялась традиция пушкинской эпохи начинать обед с сухих вин, а заканчивать холодным шампанским; впрочем, его могли подавать по требованию гостей и перед жарким. По одной из более ранних инструкций 1837 года красное вино полагалось выносить из погребов заблаговременно утром и помещать в теплой комнате, а белое, которое следовало подавать холодным, — за несколько часов до обеда. Шампанское подавалось сразу же из погреба, где оно хранилось во льду. Оно должно было быть очень холодным, но без снега и льда, чтобы легко наливалось^{1572}.

Бордоские вина поступали в основном через Английский магазин — первый универсальный магазин столицы, находившийся на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы. Естественно, в погребах были большие запасы различных коньяков, водок («французской», «сладкой Ланга», «водки Асорта» водочного заводчика Гартоха), а также измеряемого ведрами (в бочках) «простого вина», то есть хлебной водки. Последняя поступала из Санкт-Петербургского акцизно-откупного комиссариатства и выдавалась «в порцию нижним воинским чинам». На поставки элитных сортов пива заключались подряды сначала с Абрахамом Кроном — родоначальником современного пивоваренного предприятия имени Степана Разина, а после его смерти — с его сыном Федором Абрамовичем Кроном. На некоторые марки пива, кваса и меда заключались

также контракты с И. М. Глушковым, Е. С. Шпилевым, Петром Васильевичем Синебрюховым и его сыном Платоном, а также Артамоновым и Пивоваровым^{1573}. Мед и лимонад было предписано подавать и на маскарадах.

Как уже говорилось, Николай Павлович Бахусу не поклонялся, отличаясь в этом от Петра I, которому во многом другом старался подражать. В 1844 году королева Виктория отметила в одном из писем, что Николай I «никогда не пьет ни единой капли вина и ест чрезвычайно мало»^{1574}. Можно указать только одно мемуарное свидетельство употребления императором вина; впрочем, оно скорее подтверждает правило: находясь инкогнито в Дрездене, в «партикулярном» костюме, император в ожидании открытия картинной галереи зашел в соседнюю кондитерскую и кофейную Торниаменти, где заказал себе у кельнера «холодный завтрак из разных сортов жаркого и полбутылки красного вина»^{1575}. При оплате счета вышел конфуз: кельнер отказался взять золотой русский полуимпериял (около 5 рублей серебром), заявив, что игральные марки в уплату не принимаются. Пришлось вмешаться инспектору полиции, наградившему кельнера эпитетом «осел».

В то же время различные вина и другие напитки подавались как к императорскому столу, так и в комнаты императора. Согласно сохранившимся ведомостям, в 1840 году было предписано подавать «его императорскому величеству на фрыштик сек (сухое вино. — Л. В.), к обеденному столу — 1 бутылку Сен-Жульена (стоимостью 2 руб. 20 коп.), к вечернему столу — 1 бутылку легкого пива (10 коп.)». Здесь же уточнялось, что «в комнату отпускается временно по записке камердинера»: 1 бутылка коньяка (1 руб. 25 коп.), 2 бутылки белого меда (по 10 коп.), 2 бутылки клюквенного меда (по 9 коп.), 1 бутылка пива первого сорта (13 коп.), 2 бутылки пива 2-го сорта (по 10 коп.), 2 бутылки кислых штей (по 3 коп.)^{1576}. В период с 11 по 20 января 1840 года в комнаты Его Величества было подано: 2 бутылки коньяка, 2 — «зальцвассера» (вероятно, минеральной воды из Зальцбурга), 4 — «вина простого» (водки), 20 — «меда белого», 10 — «меда клюквенного», 20 — пива 1-го сорта^{1577}. Для сравнения за те же 10 дней в комнаты Александры Федоровны — 10 бутылок вина «Клодевужо», 10 — «вина простого» (водки), 16 — «зальцвассера», 10 — «меду белого», 10 — «меда клюквенного», 20 бутылок пива 1-го сорта, 20 — «кислых штей приборных»^{1578}.

Следует пояснить, что «кислые щи» были одним из трех наиболее распространенных в Петербурге видов кваса, наряду с «русским» и

«баварским» (известно до 150 рецептов). Это был сильно газированный шипучий напиток, продававшийся в бутылках. Что касается медов, то это были уже не те «ставленные меды», распространенные в более ранний период, а слабоалкогольные (около 1,5 градуса) шипучие напитки на основе различных соков, в которых натурального меда было не много^{1579}. «Вода», которую, по воспоминаниям мемуаристов, пил Николай Павлович, — это прежде всего минеральная вода из Зальцбурга в Австрийских Альпах. Сохранился небольшой архивный документ о закупке в 1848 году для Николая Павловича «альпийской воды», в связи с чем через банкирский дом «Штиглиц и К⁰» генеральному консулу в Париж была перечислена весьма солидная сумма в 549 рублей серебром^{1580}. О «Мариенбадской» воде, упомянутой великой княжной Ольгой Николаевной, документальных подтверждений пока найти не удалось.

Естественно, все эти напитки, подаваемые на стол или в комнаты государя, предназначались не только для личного потребления. Они могли использоваться для угощения или доставались прислуге. В отличие от курения, к которому Николай Павлович был строг (он не любил, чтобы курили в его присутствии), к умеренному потреблению вина и более крепких напитков он относился терпимо и каких-либо «антиалкогольных кампаний» не проводил. В обществе император обязан был произносить различные тосты и предпочитал это делать с бокалом шампанского в руках. В дороге и в особых случаях не обходилось и без более крепких напитков. Однажды при переправе через Неман неокрепший лед не выдержал экипажа государя, и он оказался по пояс в ледяной воде. После этого вынужденного купания он позволил себе выпить рюмку рома^{1581}. А вот как описывает ночлег Николая I в городе Пропойске Могилевской губернии (ныне Славгород) местный старожил со слов караульного офицера (в записи И. С. Листовского): «В комнату внесли складное кресло. Потом камер-лакей принес на малом подносе графинчик водки со стаканчиком, два ломтя черного хлеба и соль. Государь выпил стаканчик водки, посолил ломоть хлеба, закусил и показал графу Орлову. Тот сделал то же самое. Затем Государь, осведомись, что офицер, стоящий в той же комнате на часах, не понимает по-французски, с четверть часа поговорил с графом Орловым, потом пожал ему руку, пожелав покойной ночи. Государь лег, не раздеваясь, на походном кресле, а граф Орлов лег на диване»^{1582}.

Во время поездок, смотров войск и ревизий Николай Павлович, находившийся в привычном для него обществе офицеров, не забывал пригласить их к себе на обед. Забавный случай произошел в Варшаве, когда

император усомнился, принял ли его приглашение наряду со всеми фельдмаршал И. Ф. Паскевич. Он вызвал конвойного и сказал ему: «Поезжай к Ивану Федоровичу, проси его ко мне обедать; да скажи, что я без него не сяду за стол». Конвойный, которым оказался «кавказец», начал расспрашивать местных жителей об Иване Федоровиче, и его направили к квартальному надзирателю с таким же именем и отчеством. Уже отобедавшего, как объяснила кухарка, квартального разбудили и доставили на обед к императору. Когда Николай Павлович увидел за столом незнакомого старичка без эполет, он поинтересовался у А. Х. Бенкендорфа, кто это такой. Александр Христофорович не знал. Тогда, чтобы не конфузить старика, государь попросил выяснить это после обеда. Когда ошибка разъяснилась, Николай Павлович подозвал квартального надзирателя: «Ты — хороший служака, вот тебе от меня» — и подарил часы. «Таким образом, — заключает мемуарист, — пало столько благополучия на квартального: получил из рук государя подарок, обедал за царским столом и обедал в один день два раза, чем, как известно, полицейские желудки того времени не брезговали»^[1583].

В Петербурге обеды проходили обычно в семейном кругу, который становился все уже. В 1839 году вышла замуж старшая и любимая дочь Николая I Мария Николаевна, в 1841 году женился и зажил своим домом наследник Александр Николаевич, в январе 1845 года вышла замуж Александра Николаевна, а в 1846 году — и Ольга. Отправляясь в загородную резиденцию «Александррию», старались ограничиться минимумом прислуги. Гостей там бывало немного, хотя большой раздвижной стол и был рассчитан на 24 человека. По воспоминаниям современников, Николай Павлович за столом был, как правило, любезен, особенно с дамами. Вспылив однажды перед дежурной фрейлиной из-за якобы плохо заваренного чая, он на следующий раз постарался загладить оплошность, отпустив фрейлине комплимент по поводу хорошей заварки. Впрочем, аналогичные сцены происходили, когда чай подавала и сама императрица. Одна из мемуаристок, Елизавета Николаевна Львова, пишет: «Иногда императрица Александра Федоровна сама разливала чай в своей маленькой гостиной, где была круглая деревянная лесенка в верхние комнаты государя. Однажды, при двух или трех свидетелях, она ждала государя кушать и, прислушиваясь к шагам его, она уже знала, в каком расположении духа, и, точно, будучи озабочен, а может быть, и раздражен, государь Николай Павлович, сошел вниз, не говоря ни слова стал ходить по комнате. Государыня Александра Федоровна налила чашку чая, и камердинер подал ее государю на подносе. Он взял, попробовал: «Без

сахара», — сказал он с досадой, бросил чашку на поднос; она упала на ковер и, натурально, чай пролился. — «Скорее вытрите», — сказала царица человеку и не стала уверять государя, что сахар был, как многие бы женщины сделали, и тем более увеличили бы нерасположение духа царя, но налила другую чашку и сама поднесла ему, говоря: «Эта с сахаром». Государь обернулся к тем, которые были в комнате: «*Set ange de bonté me desarme toujours par sa' douseur!*» («Этот ангел доброты обезоруживает всякий раз своей нежностью!») (фр.). — Л. В.)»^{1584}. По некоторым свидетельствам, Николай Павлович предпочитал зеленый чай.

Барон М. А. Корф, с 1849 года также иногда приглашавшийся разделить императорскую трапезу, оставил следующие воспоминания: «Государь за домашними у себя обедами говорил обыкновенно по-русски, и только обращаясь к императрице, или когда у других шел разговор с нею, переходил к французскому языку. Гости вообще не заводили новых материй без особенного вызова, разве только иногда с императрицею; но государь сам был очень разговорчив, и беседа редко прерывалась... Перешептывания между соседями за такими обедами случались редко. Стол был вообще хорош, хотя не особенно изыскан; вина подавались после каждого блюда, а кофе не за столом, но уже после. Государь сидел всегда возле императрицы, занимавшей первое место, гости же размещались по чинам. После обеда государь обыкновенно становился у камина и подзывал к себе кого-нибудь из общества. Садились тут редко, кроме императрицы. Всё с обедом продолжалось обыкновенно не более полутора часов»^{1585}.

Одно из конкретных описаний поведения Николая Павловича за обеденным столом относится к 23 сентября 1851 года, когда М. А. Корф был приглашен вместе с князем П. М. Волконским на обед к Александре Федоровне. Император был в отъезде, и его ждали только через несколько дней: «Итак, мы ели, кончили устерсы и уже принимались за говядину, как вдруг тихо отворилась задняя дверь во внутренние комнаты и из нее выглянул государь... Императрица тотчас вспорхнула, как птичка, с своего места, и все мы, разумеется, тоже тотчас вскочили из-за стола. Пошли семейные объятия, расспросы, точно в семейном быту; прибежали немедленно дети цесаревича и повисли на шее у дорогого дедушки... Хозяин, как был в дорожном сюртуке, поместился возле хозяйки, мы спустились ниже на один прибор, и обед начался сизнова... Разговор за столом носил на себе, однако ж, явные следы усталости новоприбывшего... Обед шел чрезвычайно скоро, государь кушал очень мало, а за ним спешили или отказывались и другие; после же стола тотчас подали кофе и

последовал прощальный поклон»^{1586}.

Как уже отмечалось, некоторые из министров имели свой постоянный день для доклада и приглашались разделить обед. Об одном из последних обедов с императором, состоявшемся 31 января 1855 года, вспоминал граф П. Д. Киселев: «31 генваря, при моем докладе, государь изволил мне сказать с обыкновенною его приветливостью: «Ты ведь не забудешь, что нынче понедельник и что мы обедаем вместе». — Я отвечал, что простудился и опасаюсь быть неприятным гостем для императрицы, на что государь возразил: «Я тоже кашляю, — жена с нами обедать не будет, и мы вдвоем будем кашлять и сморкаться». Так и последовало, стол был накрыт в комнате Ея Величества, которую застал я на канапе, и которая в сей день оставалась на диете, т. е. без обеда»^{1587}.

«Доехал, как нельзя лучше, в горе фельдъегеря...»: Император в пути

Известная сентенция об императоре Александре 1, который « всю жизнь провел в дороге », не менее справедлива и по отношению к Николаю I. Во всяком случае, в последние годы жизни он задумывался над тем, что никто из его братьев не умер в Петербурге или вообще дома: Александр — в Таганроге, Константин — в Витебске, Михаил — в Варшаве. Значительная часть жизни Николая Павловича также прошла в дороге на суше и в море. Начав свои путешествия в коляске на « почтовых », он продолжал их на пароходах и в императорском вагоне поезда. Дороги России не были для него абстрактным понятием, и его характеристика без этой, весьма существенной стороны жизни была бы неполной.

В одном из выпусков исторических очерков, посвященных столетию Военного министерства, подводились итоги поездкам императора за четверть века. Оказалось, что, несмотря на отсутствие удобных в начале царствования путей сообщения, в 1825–1850 годах он совершил разъездов сухим путем 124 тысячи 486 верст и морским — 12 тысяч 850 верст; в среднем 5500 верст ежегодно. Не случайно и то, что именно в его царствование развернулось в широких масштабах строительство шоссейных дорог. В 20-е годы еще один большой непоседа и путешественник со стажем, А. С. Пушкин, мечтал: « ...Дороги, верно, у нас изменятся безмерно: шоссе Россию здесь и тут, соединив, пересекут »^{[1588](#)}. Пушкин успел все-таки прокатиться по первому шоссе из Петербурга в Москву, построенному в 1816–1833 годах общей протяженностью 702,5 версты (724 километра) с его 25 станциями. В дальнейшем, с 1833 по 1855 год, было построено еще 6,5 тысячи километров шоссейных дорог. Шоссе имели стратегическое значение, и если в целом дороги находились в ведении губернаторов, а их состояние контролировалось через Министерство внутренних дел, то шоссе были подведомственны Главному управлению путей сообщения. В 1849 году по докладу П. А. Клейнмихеля уже все дороги были подчинены его ведомству.

Николай Павлович ездил исключительно на « почтовых », но не брезговал, в случае необходимости, пересесть на первую попавшуюся почтовую телегу или сани. Так было в 1838 году, когда при возвращении из-

за границы после поломки колеса у парохода Николай Павлович, уступив императрице, дочерям и камер-юнгферам все три экипажа, находившиеся на судне, отправился далее в путь на маленькой почтовой тележке вместе с великаном А. Ф. Орловым. Потом они взяли вторую тележку и только в 172 верстах от Ревеля встретили коляску А. Ф. Орлова, возвращавшуюся из Берлина с фельдъегерем государя.

Спартанские наклонности Николая Павловича в полной мере находили отражение в его дорожном неприхотливом быту. Как отмечал А. Э. Эвальд, «государь никогда не ездил в карете или вообще в закрытом экипаже. Летом ему подавали крепкую рессорную коляску, зимой широкие пошевни, покрытые коврами»^{1589}. Пошевнями (иначе обшивнями) назывались сани, обшитые лубом, с высокой спинкой. В таких пошевнях император изображен проезжающим по набережной Невы на рисунке В. Ф. Тимма с картины Н. Е. Сверчкова (1853). В санях он часто ездил по делам, прогуливался перед обедом, выезжал на масленичные гулянья, объезжая Марсово поле и не отказывая себе в удовольствии прокатить в качестве «дедушки» толпу ребятишек. Император мог привезти с собой в Зимний дворец беспризорную девочку в грязном рваном платье, вскочившую на запятки, чтобы передать ее на попечение «бабушки» Александры Федоровны. Иногда он выезжал и со всей семьей.

Чаще же всего императора можно было увидеть в коляске. В «откинутой коляске», то есть в коляске с откидным верхом, изображен он в стихотворении Аполлона Майкова, которое в обиходе стало называться «Коляска». В характерной позе, в шинели с поднятой рукой Николай Павлович запечатлен на рисунке П. А. Каратыгина. Если при Александре I коляска окрашивалась в желтый цвет, то при Николае I цвет был заменен на синий. Впрочем, камер-фурьерские журналы и другие источники довольно часто фиксируют появление императора и в дрожках — легком, обычно двухместном открытом экипаже на рессорах. В таком хрупком на вид и, по выражению маркиза де Кюстина, «самом маленьком из мыслимых экипажей»^{1590} Николай Павлович умудрялся даже вдвоем с А. Х. Бенкендорфом совершать довольно дальние поездки, как, например, в Выборг. Он мог также прогуливаться с Александрой Федоровной, самостоятельно управляя лошадьми в кабриолете по-английски — легком, одноконном двухколесном экипаже без козел. Реже упоминается тильбюри — небольшой, четырехколесный экипаж с двумя рядами сидений. В этом случае Николай Павлович приглашал сестр рядом с собой одну из фрейлин или дам, а Александра Федоровна пристраивалась сзади с кем-нибудь из

приближенных.

Прекрасный наездник, Николай Павлович во время летних Красносельских лагерей верхом отправлялся за 12 верст в Александрию (Петергоф). Обычно это происходило с 12 до 16 часов; отобедав, он возвращался в лагерь. На маневрах он мог провести в седле 8 часов подряд, а вечером, как ни в чем не бывало, присутствовал на балу. Во время совместных прогулок верхом он был в наиболее хорошем расположении духа, тогда с ним легко можно было решить многие сложные вопросы. Именно верхом Николай Павлович изображен на известном групповом портрете «Николай I со свитой», исполненном Ф. Крюгером во время пребывания художника в Петербурге в июле 1832-го — мае 1833 года. Верхом был Николай Павлович и во время официальных церемоний, когда он следовал рядом с каретой императрицы. В свою очередь, он ценил хороших наездников. Во время смотра в Кодне государь обратил внимание на молодого поляка М. Чайковского и подозвал его к себе. Тот так лихо подскакал галопом, что лошади в свите императора забеспокоились. Фельдмаршал И. И. Дибич, удерживаясь за гриву своей лошади, сполз на землю, а генерал от кавалерии Д. Е. Остен-Сакен свалился на руки адъютантов под смех окружающих и самого Николая Павловича. М. Чайковский был приглашен в ландо императора.

Кстати, это одно из немногих свидетельств появления Николая Павловича в ландо — большой четырехместной карете с откидным на две стороны верхом, получившей свое название от немецкого города Ландау. Тогда он поместился на заднем сиденье рядом с И. И. Дибичем визави с двумя собеседниками на переднем сиденье, в том числе М. Чайковским. Обычно на ландо перевозили фрейлин. Таким же редким является упоминание о фаэтоне. Так, 10 марта 1838 года он отправился на нем вместе с Михаилом Павловичем из Аничкова дворца в Елагиноостровский^{1591}. В закрытых экипажах Николай Павлович мог оказаться только сопровождая Александру Федоровну в театр. Тогда он или садился в карету^{1592}, или отправлялся с супругой и дочерьми в «ландаве» (ландо)^{1593}.

Стремительное передвижение императора по дорогам поражало современников. Он почти всегда опережал маршрутные сроки. После взятия Варны (29 сентября 1828 года) Николай Павлович отправился в Петербург, чтобы поспеть к именинам матери, отмечавшимся 14 октября. Так как морская буря задержала его по пути из Варны, то он торопился. Выехав из Одессы в четвертом часу утра 8 октября вместе со своим

спутником А. Х. Бенкендорфом, он домчался до столицы за шесть дней, прибыв утром 14 октября ко дню рождения матери. Тогда А. А. Оленина записала в своем дневнике, рассказывая о болезни и смерти Марии Федоровны: «Взятие Варны вызвало у нее такую радость, что она заболела. Вначале болезнь не казалась опасной, но затем состояние стало ухудшаться. Император прибыл из армии накануне именин императрицы, 14 октября, десять дней спустя его матери не стало»^{1594}. Вернувшись в Петербург в сентябре 1833 года из Мюнхенгреца, Николай Павлович с гордостью пишет беспокоившемуся о его безопасности М. Ф. Паскевичу: «Доехал, как нельзя лучше, в горе фельдъегеря, в три дня и 13 часов»^{1595}. В том же году одновременно два человека — сенатор П. Г. Дивов и понимавший толк в быстрой езде А. С. Пушкин — отметили в своих дневниках, что император вернулся в Петербург 2 декабря, преодолев путь из Москвы всего за 38 часов^{1596}. Вероятно, этому способствовало завершение в том году строительства шоссе.

Со спортивным азартом Николай Павлович Добивался буквально рекордной скорости при передвижении. Возможно, одной из причин было то, что он плохо переносил медленную езду по плохим дорогам; в этом случае он страдал от мигрени и тошноты. Впрочем, возможно, император уступал также несколько тщеславному желанию удивить окружающих, а также сделать сюрприз родным или поспеть ко дню каких-нибудь семейных торжеств. Такими сюрпризами оказался богат 1835 год. Находясь на маневрах в Австрии, Николай Павлович неожиданно приехал в Вену, чтобы выразить соболезнования вдовствующей императрице. Тогда же он по просьбе княгини Меттерних нанес ей визит вместе с А. Х. Бенкендорфом. К этой поездке относится уже упоминавшаяся шутка с владельцем венского магазина; последний, никак не ожидая столь быстрого прибытия российского императора, тогда сказал: «...То же самое было с покойным императором Александром. Думаем, что он в Вене, вечером его видели в театре, и потом паф, на другой день он в Пресбурге (Братиславе. — Л. В.) или Праге. Недаром у них в гербе птица орел! Они путешествуют не как принцы; они летают, как птицы»^{1597}.

В октябре 1835 года, возвращаясь из Австрии, Николай Павлович торопился на встречу с Александрой Федоровной. Из Тулы он выехал на обычных перекладных пошевнях в сопровождении следовавшего сзади на таких же санях А. Х. Бенкендорфа. Только через несколько станций они пересели на высланные навстречу «государевы сани». Вспоминая об этом стремительном броске, А. Х. Бенкендорф писал: «...По чудесной

первопутке пролетели 140 верст, отделяющие Тулу от Москвы, в 7 часов. Из Москвы до Царского Села мы промчались всего в 38 часов, хотя, по случаю еще не везде установившейся зимней дороги, должны были несколько раз пересаживаться из саней в коляску»^{1598}. В 1849 году, когда Николай Павлович стремился поспеть в Петербург ко дню рождения Александры Федоровны (1 июля), у него в Луге сломалась коляска. Это не остановило императора; уже на «перекладных» он успел прибыть в Петербург накануне, 30 июня^{1599}.

В связи со строительством шоссе скорость передвижения увеличивалась, а само путешествие становилось более комфортным. В 1851 году император домчался из Елизаветграда (ныне Кировоград) до Петербурга за четыре дня и четыре часа, да еще с остановкой на сутки в Киеве. Средняя скорость передвижения по шоссе увеличилась до 480 верст в сутки, тогда как по обычным дорогам она составляла 340 верст. Тогда же восхищенный Брест-Литовским шоссе, Николай Павлович «за примерно-превосходное и совестное исполнение взятых на себя обязанностей» пожаловал подрядчика отставного поручика Вонлярского прямо в статские советники (5-й класс по Табели о рангах) с назначением одновременно состоять при I Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Считая понедельник днем тяжелым (14 декабря 1825 года, кстати говоря, тоже пришлось на понедельник), император, по воспоминаниям современников, никогда не выезжал в дорогу в этот день, а предпочитал воскресенье, время сразу после литургии. По свидетельству одного из камердинеров (в пересказе полковника А. И. Энгельмейера, записанном И. С. Листовским), Николай Павлович и в дорожном быту любил постоянство: «Государь скоро привыкал к платью, экипажам и лошадям и не любил перемен. Если ему подавалась новая лошадь, он спрашивал: «Это что за лошадь?» — «Новая, Ваше Величество». — «Дрянь, слабосильна!» Затем делал такие концы, что лошадь возвращалась совершенно мокрою. «Я говорил, что слабосильна», — замечал государь, выходя из саней. Так же точно новый экипаж всегда казался государю с недостатком: «Короток, негде ног протянуть». По большей части новую лошадь или сани подавали в первый раз вечером, когда государь ехал в театр, а на другой день, на вопрос государя: «Это что за лошадь? Это что за экипаж?» — ему отвечали: «Вчера изволили ездить в театр, Ваше Величество». Замечаний уже не было»^{1600}. Между прочим, именно при Николае I в Царском Селе появилось кладбище «лошадей седла его императорского величества».

Николай Павлович всегда отдавал дань тем, кто ему верно служил. Постоянными спутниками императора в его путешествиях были сначала А. Х. Бенкендорф, а начиная с 1838 года все чаще А. Ф. Орлов. Последний имел привычку засыпать и, как жаловался Николай Павлович А. О. Смирновой-Россет, наваливаться на сидящего рядом государя.

Во время дальних поездок впереди императора обычно скакал курьер, и на почтовых станциях ямщики спешили загодя вывести самых лучших и свежих лошадей, так что переупряжка занимала едва ли больше минуты. Зимой, в темное время, в нескольких саженьях скакали два курьера с факелами. Стремительные гонки по ухабистым дорогам приводили к большому падежу лошадей. Счет за них предъявляли к оплате еще больше. Однажды Николай Павлович попытался подсчитать число павших на его глазах лошадей, но ему сказали, что многие лошади околевают не сразу, а через некоторое время. Проверить не удалось. Естественно, губернаторы готовились к проезду императора, спешно ремонтируя по запланированному маршруту мосты. Однажды один мост рухнул сразу после того, как экипаж государя промчался по нему. Ставший невольным свидетелем этой сцены исправник запомнил кулак, который, не останавливаясь, показал ему Николай Павлович. При проезде императора по Пензенской губернии в 1836 году губернатор Панчулидзеv предписал почтмейстеру и исправникам, чтобы на каждой станции было по 85, а на подставе (на середине дистанции между станциями) — по 79 почтовых лошадей (учитывалось наличие свиты). Было наказано, «чтобы лошади не откармливались на стойке, но были мятые в гоньбе, кроме последних суток; чтобы лошадей объезжали в дышле, днем и ночью с фонарщиками или пучками зажженной соломы, дабы тем приучить их не бояться огня, а народ должен кричать — ура»^{[1601](#)}.

С представителями администрации и войск император обычно беседовал во время перемены лошадей. Из воспоминаний А. И. Герцена может создаться впечатление, что жестокосердный Николай I не принимал прошений, как это было с несчастной девушкой, неожиданно бросившейся в Москве в 1826 году к проезжавшему государю. На самом деле Николай Павлович считал прием прошений важной составной частью своей повседневной работы, хотя, естественно, ей придавались определенные организационные формы. Свои поездки по России он использовал для личных контактов с подданными. Бывало, правда, что в пылу усердия какой-нибудь генерал-адъютант спешил разогнать кучку собравшихся просителей. Характерный случай привел служивший по Артиллерийскому департаменту И. С. Жиркевич, случайно повстречавшийся с Николаем I и

принцем Оранским во время проезда через Боровичи в последних числах февраля 1828 года. Генерал-адъютант, ехавший впереди, приказал просителям удалиться, говоря, что государь и так озабочен. Прибыл император, а затем отставший от него А. Х. Бенкендорф. Александр Христофорович обратился к И. С. Жиркевичу с вопросом, и последний так рассказывает о последующих событиях: «Давно ли приехал государь и не подавал ли кто-нибудь прошений?» — Я ему отвечал, что государь приехал с полчаса, а прошений никто не подавал, ибо всех просителей заблаговременно удалил Н. Н. — «Напрасно! Как это можно делать! Государь так милостив ко всякому, что не тяготится принимать прошений никогда»^[1602]. После этого разговора просители были вновь собраны. Ознакомившись с их просьбами, двум из них А. Х. Бенкендорф не рекомендовал обращаться к императору. Затем Николай Павлович вышел на крыльцо и здесь же принял прошения.

Плохие дороги в сочетании с быстрой ездой неоднократно приводили к различным дорожно-транспортным происшествиям. Иногда они заканчивались благополучно, как во время путешествия императора по Закавказью в 1837 году, когда в Тифлисе лошади опрокинули коляску на крутом повороте спуска. Тогда Николай Павлович успел выскочить из экипажа. 16 ноября 1846 года, во время переправы по неокрепшему льду Немана, на чем настоял сам император, экипаж провалился под лед. Благо в том месте было неглубоко, и Николай Павлович отделался ледяной ванной. В сентябре 1852 года близ Гомеля сломалась ось коляски, тогда Николаю Павловичу пришлось 14 верст пройти пешком и пробыть в Гомеле два дня, пока продолжался ремонт. Но когда 7 сентября 1849 года рессора нового экипажа сломалась в самом Петербурге на Аничковом мосту, Николай Павлович рассердился не на шутку. Он решил наказать своих постоянных каретных мастеров Фребелиусов, отправив их на гауптвахту: отца, владельца мастерской, на двое суток, а сына, наблюдавшего за работой, — на восемь. Каретники также сделали выводы и под предлогом роста цен на качественные материалы повысили цену коляски для императора с 2000 до 3500 рублей^[1603].

Самой известной и серьезной аварией стало происшествие по дороге из Пензы в Тамбов недалеко от уездного города Чембара (с 1946 года город Белинский Пензенской области). В ночь с 25 на 26 августа 1836 года примерно в четырнадцать верстах от Чембара, на спуске напротив деревни Шалолетки при свете луны ямщик, не посчитав спуск крутым, не сдержал лошадей и не затормозил экипаж, как того требовала обстановка. На

середине горы экипаж опрокинулся набок, так что дремавший Николай Павлович сильно ушибся и сломал левую ключицу. А. Х. Бенкендорф, сидевший по правую сторону, отделался ушибом, а больше всех пострадал камердинер, сидевший рядом с ямщиком на козлах. Именно ему Николай Павлович, придя в себя, приказал оказать медицинскую помощь в первую очередь. Случившийся рядом отставной солдат поддерживал голову государя и дал ему напиться из своей фляжки, пока подоспели отставшие спутники. Перевязку сделал уездный врач Цвернер. На одном из экипажей государя повезли шагом, но сломанная ключица причиняла боль, поэтому оставшиеся до города несколько верст Николай Павлович прошел пешком. У города его встретил начальник внутренней стражи подпоручик Грачев, которого Николай Павлович сразу же узнал. Обратившись к нему с приветствием по фамилии, император прибавил: «Видишь, какая беда, и я инвалидом стал!»^[1604] Так как медицинская помощь была оказана грамотно, Николай Павлович, не желая обидеть уездного врача, продолжал у него лечиться, хотя основным лечащим врачом оставался сопровождавший его хирург Н. Ф. Арендт. Во время лечения император две недели провел уединенно в уездном училище, как всегда, вставая рано и допоздна занимаясь делами. Наконец, 8 сентября в 9 часов утра покинув Чембар, Николай Павлович отправился через Тамбов, Козлов, Рязань в Москву и затем возвратился в Царское Село. Перед отъездом врач Цвернер получил в подарок перстень ценою в 2000 рублей и деньгами еще 3000. Не остались без награды и другие лица, также были пожертвованы деньги (по 5000 рублей) на уездное училище и больницу.

Это событие осталось в памяти многих современников. Сам император в письме И. Ф. Паскевичу на четвертый день после аварии, 30 августа 1836 года, со свойственным ему чувством юмора честно сообщал о своем незавидном, хотя и неопасном положении: «...Спешу тебя уверить, что перелом ключицы мне никакой боли не причиняет, мучает же лишь одна тугая перевязка, но и к ней начинаю привыкать, впрочем, — ни лихорадки, ни других каких-либо последствий от нашей кувыркколлегии во мне не осталось»^[1605]. С этого времени, отправляясь в дальний путь, вместо своего постоянного кучера Якова Николай Павлович стал брать на дистанциях лучших из местных ямщиков, знакомых с трассой.

А вот в «неверной» водной стихии Николаю Павловичу не везло почти фатально, несмотря на всю его любовь к морю. Так, 24 июля (5 августа) 1824 года Николай Павлович с Александрой Федоровной на 84-пушечном корабле «Эмгейтен» вышел из Кронштадта для зарубежного вояжа. Буря

испортила путешествие. Только 10 (22) августа августейшие путешественники сошли на берег в Варнемюнде, где их ожидала прусская королевская семья^{1606}. Между прочим, в дневнике председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова за 1 марта 1901 года сохранилась запись о заслушанных тогда докладах: «Шильдер (читает. — Л. В.) анекдотический рассказ о поездке в. к. Николая Павловича и в. к. Александры Федоровны в Берлин; ехали туда морем три недели, а возвратились через Варшаву на колесах, потратив на то шесть недель. Свежо предание, а верится с трудом»^{1607}. По этому же поводу в своей книге Н. К. Шильдер добавил: «Действительно, Николай Павлович продолжал любить море, но море его не любило; большая часть последовавших затем морских путешествий его не принадлежала к числу приятных и счастливых».

Наиболее опасным оказалось плавание из покоренной турецкой крепости Варны в Одессу на корабле «Императрица Мария» в октябре 1828 года. Когда корабль достиг Георгиевского гирла Дуная, в полночь 4 октября начался шторм, продолжавшийся 36 часов. На корабле были разбиты бизань-мачта, на фок-мачте потеряны фор-брам-стенга, на грот-мачте — грот-брам-стенга, на бушприте — утлегер и бом-утлегер с парусами. Судно отнесло в противоположную сторону до высоты турецкой крепости Кюстенджи (Констанца). Тогда, по свидетельству В. Ф. Адлерберга, император весьма сожалел, что не поехал сухим путем, однако благодаря распорядительности капитана Папа-Христо корабль смог взять курс на Одессу. Только 8 октября в 2 часа ночи Николай Павлович смог съехать на берег, где его уже ожидали дорожные экипажи.

Буря сопровождала и посещение императором Кавказского побережья в 1837 году, когда ему, уже после того как он сошел с корабля на берег, пришлось задержаться на ночевку в Геленджике. При возвращении Николая Павловича с императрицей и дочерьми в 1838 году из Штеттина (Щецена) на пароходе «Геркулес» сломалось колесо, так что путешественники были вынуждены пристать к берегу у Ревеля (Таллина), откуда отправились в Петербург сухим путем. Как заметил по этому поводу сам Николай Павлович, он «был влюблен в море, но оно не платило ему взаимностью»^{1608}.

«Мы ладно живем с моею старухой»: Император и императрица

«Идеальным мужем и отцом» считала императора А. О. Смирнова-Россет^{1609}. Другой мемуарист, инженер В. М. Шиман, назвал его «образцовым семьянином»^{1610}. Таких свидетельств много. Впрочем, не менее известны обвинения Николая Павловича в лицемерии, распространявшемся и на его личную жизнь, наиболее жестко сформулированные историком М. Н. Покровским^{1611}. Несомненно, что отношения Николая Павловича к Александре Федоровне прошли разные стадии, как несомненно и то, что он всегда оставался с ней изысканно вежлив, заботлив, предупредителен. Любовь к детям была отличительной чертой его характера на протяжении всей жизни. Со времени «Аничковского рая» этот дворец оставался для него символом душевного и семейного счастья. Он любил бывать в нем, став императором, а после пожара Зимнего дворца в декабре 1837 года над ним был поднят императорский флаг. Только в 1839 году императорская семья вновь вернулась в обновленный Зимний дворец, посещая свой старый семейный дом на Страстной неделе и в другие дни, особенно зимой. Летом же императорская чета предпочитала загородные резиденции.

Любимой резиденцией императорской четы стала петергофская «Александрия» с ее оригинальным дворцом «Коттеджем» в неоготическом стиле, подобно английским загородным особнякам. Название «Александрия» было многозначным. Скорее всего, Николай Павлович следовал уже сложившейся традиции называть загородные дачи в честь жены, но это можно было понять и как намек на Александра I, и даже на Александра Македонского (египетские мотивы в виде «Египетских ворот» также присутствовали в Царском Селе).

Еще в августе 1825 года император Александр I подарил брату участок на петергофском взморье, куда великого князя Николая Павловича влекло воспоминание о Петре I. Здесь же сохранились фрагменты недостроенного дворца А. Д. Меншикова «Монкураж». Сразу же после воцарения Николай I поручил строительство уроженцу Эдинбурга Адаму Менеласу (многочисленные варианты написания его фамилии восходят к Moneylaws), работавшему в России с 80-х годов XVIII века под началом Чарльза Камерона и Н. А. Львова. В «Александрии» располагались и другие

готические постройки — сооруженный А. Менеласом «Руинный мост» (1827–1829), воскресающий, как замечает один из исследователей творчества архитектора, страницы романов Вальтера Скотта^{1612}; имитация развалин старинной английской базилики с двумя башнями — Шapelь — место жительства духовника Николая I (1825–1828) и др. Возвращение ко временам рыцарства, столь симпатичным не только для отца Николая Павловича, память которого он всегда чтит, но и для него самого, было невозможно без культа развалин, как, впрочем, и без культа прекрасной дамы, роль которой и выпала на долю Александры Федоровны. По мнению С. О. Кузнецова, это была «новая, более компактная и более удачная версия Михайловского замка»^{1613}. За несколько лет до смерти Адам Менелас стал фактически первым архитектором империи.

Необходимо отметить весьма значительную роль Николая Павловича в создании своей любимой загородной резиденции. В частности, на сохранившемся в архиве плане дачи он лично значками латинского алфавита отметил функциональное предназначение комнат^{1614}. Иногда в отсутствие хозяев для почетных гостей устраивались своеобразные экскурсии по «Коттеджу». Посетивший его в январе 1834 года генерал П. Х. Граббе отметил в памятной записке: «...Следы тесной семейной жизни государя, эти две детские кровати в одной комнате, кабинет, спальня императрицы, все это так близко, так вместе; этот вкус, как бы отдыхающий от пышности и во всем проглядывающий; несколько картин, изображающих сцены из последней турецкой и польской войны; вверху кабинет государя с телескопом, в который он обзревает свое подвластное море, Кронштадтом и всегда бодрствующим флотом загражденное, все это вместе производит впечатление какого-то кроткого величия, для души умирительное»^{1615}. Астольф де Кюстин, А. Ф. Тютчева, Г. Блумфильд и другие мемуаристы оставили свои зарисовки семейной обители императора, хотя иронизировали по поводу сырости, от которой на шкафах росли грибы, а в нижних комнатах могли появляться лягушки^{1616}.

В 1829 году, в год завершения строительства, был утвержден и герб «Александррии». У входа в «Коттедж» посетителей встречал щит из панциря черепахи с гербом по рисунку В. А. Жуковского, повторявшимся также и во внутренней отделке дворца и предметах обихода. На гербе на синем щите был изображен обнаженный меч, пропущенный через венок из белых роз, любимых цветов Александры Федоровны. Вокруг располагалась надпись: «За веру, царя и отечество»^{1617}. Над входом в «Коттедж» был помещен военный трофей — камень из ворот крепости Варны. Но

«Коттедж» был не только символом. Несмотря на некоторые недостатки, он в целом отвечал стремлениям Александры Федоровны и Николая Павловича к уединению, о котором они мечтали в молодости. Здесь Николай Павлович выступал в роли «петергофского помещика», называя «Александрию» «своим поместьем»^{1618}. Формально оно не принадлежало императрице, хотя недвижимостью ее порфиноносный супруг не обделил.

По справке, выданной конторой Николаевского (Аничкова) дворца после смерти Николая I, за Александрой Федоровной числились следующие имения: мызы Ропша и Кипень (дарственная от 1 января 1826), Дудергофские горы с шестью деревнями (от 20 февраля 1826), мыза Знаменская (от 20 апреля 1835), Сад Царицын, как стала называться бывшая Софиевка близ Умани (от 21 апреля 1836), имение Ореанда, или, как тогда писали, Орианда в Крыму (от 17 сентября 1837). Кроме того, по духовной Николая Павловича, составленной еще в 1844 году, после его смерти в пожизненное владение Александре Федоровне должны были отойти дача «Александрия» в Петергофе и Аничков дворец, что было оформлено 9 апреля 1855 года (после ее кончины они поступали в собственность Александра Николаевича)^{1619}. Таким образом, хотя в литературе и даже документах встречаются упоминания о «даче Ея Императорского Величества Александрии», она была собственностью Николая Павловича и находилась лишь во временном ее владении в 1855–1860 годах. Тем не менее Александра Федоровна распоряжалась ею как полноправная хозяйка. Так, в 1848 году последовало распоряжение составить единообразные планы загородных имений Александры Федоровны — «дачи Александрии и мызы Знаменской с подробным показанием всех без исключения находящихся там строений, садов, парков, езжалых и пешеходных дорог»^{1620}.

Вообще царская семья каждый год проводила до шести месяцев в окрестностях столицы. Великая княжна Ольга Николаевна отмечала: «Теперь как-то трудно себе представить, как часто наш Двор менял свое местопребывание между маем и октябрем месяцем. Весной мы проводили несколько дней на Елагином, чтобы избежать уличной пыли, затем Царское Село, переезд на июль в Петергофский Летний дворец и, наконец, из-за маневров, Гатчина или Ропша с ураганом светских обязанностей: приемы, балы, даже французский театр в маленьком деревянном доме»^{1621}.

Петергофский «Коттедж», несомненно, был любимым местопребыванием как родителей, так и детей. «Вот мы и в любезном *Коттедже*, но без тебя грустно», — писал Николай Павлович цесаревичу

Александру 1 июня 1837 года^{1622}. Император любил проводить здесь время в кругу семьи, иногда устраивая приятные сюрпризы супруге. Уже в 1826 году на любимых Александрой Федоровной Дудергофских горах началось строительство «Швейцарского домика». Другим подарком стал «Никольский домик» в Петергофе в ольховом лесу в русском стиле и с резным крыльцом. Вот что рассказывает о русской избе М. П. Фредерикс: «Когда этот сельский домик был готов, государь принял в нем императрицу по нашему обычаю с хлебом и солью, надев на себя длиннополый сюртук л.-гв. Измайловского полка, в коем он начал службу, как носили в то время отставные солдаты, а великие княжны, все три, были одеты в крестьянские сарафаны»^{1623}. Только по голосу императрица узнала тогда мужа.

Первые годы после замужества, когда Александра Федоровна была великой княгиней, современников поражала ее хрупкая красота. По свидетельству отца мемуаристки М. П. Фредерикс, в 1817 году она казалась «богиней красоты и грации»^{1624}. Графиня Шуазель-Гуфье, увидев ее в первый раз, «была поражена изяществом и красотой ее стана. Окруженная придворными дамами, она была выше их головой, точно Калипсо посреди своих нимф»^{1625}. Впрочем, уже в то время современники отмечали ее болезненность и быструю утомляемость. Сама Александра Федоровна так описала свое состояние во время богослужения в Александро-Невской лавре в 1818 году: «Это было настоящее испытание для меня, бедной женщины, всю жизнь не имевшей достаточно сил для того, чтобы стоять во время церковных церемоний; помню, что я испугалась, смотря на себя по возвращении с этого утомительного выезда! Волосы мои, которые были завиты, совсем распустились; я была бледна, как мертвец, и вовсе не интересна в моем розовом глазетовом^[15] платье, с кокошником, шитым серебром, на голове»^{1626}.

В расцвете красоты вступила она на престол, составив достойную пару величественному Николаю Павловичу. Описывая коронационные торжества в Москве в 1826 году, граф В. А. Соллогуб отметил «сияние короны на темных волосах» «молодой, прекрасной Александры Федоровны». «Императрица, — писал он о начале николаевского царствования, — была тогда в полном расцвете своей красоты, она олицетворяла, так сказать, идеал русской царицы»^{1627}. Несколько позже, 30 апреля 1834 года, А. С. Пушкин отметил в своем дневнике: «Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже 35 лет и даже 36»^{1628}. А чуть позже, 18 декабря того же года, заметил: «Г[осудары]ня очень

похорошела»^{1629}. Некоторым недостатком можно было считать явную «худобу» царицы. Впервые близко увидевший императорскую семью в 1843 году писатель-москвич М. Д. Бутурлин пришел в восторг и много позже, вспоминая об этой встрече, написал: «Покойная императрица, при всей своей худобе, была грациознейшей женщиной»^{1630}. Вот как одна из современниц описывает Александру Федоровну на балу в доме Юсуповых в 1836 году: «Когда мы вошли, ее величество уже танцевала французскую кадрили. Недаром весь Петербург приходил в восхищение от ее манеры танцевать и ее грации. Императрица Александра Федоровна танцевала как-то совсем особенно: ни одного лишнего рас, ни одного прыжка или неровного движения у нее нельзя было заметить. Все говорили, что она скользила по паркету, как плавает в небе облачко, гонимое легким ветерком»^{1631}.

События 14 декабря 1825 года не прошли бесследно для императрицы. Еще утром, когда она примеряла бриллиантовые украшения^{1632}, Николай Павлович сообщил ей об отказе от переприсяги некоторых частей, а позднее послал предупредить о возможности применения пушек. Тем не менее орудийные выстрелы и испытанный нервный стресс оказались для нее серьезным испытанием. «Какое начало царствования!» — воскликнули одновременно вечером того же дня Николай Павлович и Александра Федоровна. Она начала писать письмо отцу, но «почти без чувств упала тут же». Как отмечал биограф, у нее «с тех пор на всю жизнь осталось нервное движение в лице»^{1633}.

По свидетельству Ольги Николаевны, здоровье ее матери пошатнулось весной 1838 года: «Она страдала кашлем и несварением желудка». Лейб-медик М. Мандт нарисовал ее будущее в самых черных красках. Когда у нее случался «обыкновенный припадок биения сердца», она могла принимать знакомых лежа на диване или канapé^{1634}. Плохо чувствовала себя императрица во время жары, а также в промозглые петербургские зимы. Заговорили о необходимости лечения за границей, и, узнав об этом, Николай Павлович, по свидетельству дочери, сразу помрачнел^{1635}. Все чаще, сначала в сопровождении супруга, она стала уезжать на лечение за границу (1821, 1824, 1834, 1835, 1839, 1844–1845, 1852, 1856, 1859 годы). Императрица лечилась сывороткой, минеральными водами, в частности в Спа, Эмсе, Крейте (у подножия Альп), а также проводила зимы в Неаполе, Палермо, Ницце, Шлангенбахе. После Эмса здоровье пошло на поправку, но зимой 1841 года Александра Федоровна снова стала жаловаться на сердце: «Как другие люди заболевают мигренью, так она при каждом

малейшем волнении стала хворать припадками сердца, которые часто длились целые сутки. В такие дни она не могла держаться прямо и надеть платье, облежавшее ее»^{1636}.

Маркиз де Кюстин в 1839 году дает следующее описание Александры Федоровны: «Императрица в высшей степени изящна, и, несмотря на необычайную худобу, вся ее фигура дышит неизъяснимым очарованием. Манеры ее отнюдь не надменны, как мне рассказывали; они выказывают гордую душу, привыкшую смирять свои порывы. В церкви она была так взволнована (это было бракосочетание Марии Николаевны. — Л. В.), что, как мне показалось, могла каждую минуту лишиться чувств; несколько раз по лицу ее пробежала судорога, а голова начинала мелко трястись; ее глубоко посаженные нежные голубые глаза выдают жестокие страдания, сносимые с ангельским спокойствием; ее взгляд исполнен чувства и производит впечатление тем более глубокое, что она об этом впечатлении совершенно не заботится; увядшая прежде срока, она — женщина без возраста, глядя на которую невозможно сказать, сколько ей лет; она так слаба, что, кажется, не имеет сил жить: она чахнет, угасает, она больше не принадлежит нашему миру; это тень земной женщины. Она так и не смогла оправиться от потрясения, которое перенесла в день вступления на престол: весь остаток своих дней она принесла в жертву супружескому долгу»^{1637}.

Два фактора, по мнению де Кюстина, повлияли на здоровье императрицы: большое количество детей (семеро, не считая мертворожденного) и следование утомительному дворцовому этикету. «Императрица ужасающе худа, у нее томный вид и тусклый взор. Жизнь, которую она ведет каждый вечер — празднества, балы! — становится для нее пагубной». А несколько раньше замечает: «Все кругом видят состояние императрицы; никто о нем не говорит; император любит ее: у нее жар? Она не встает с постели? Он сам ходит за ней, как сиделка, бодрствует у ее изголовья, готовит и подносит ей питье; но стоит ей встать на ноги, и он снова убивает ее суетой, празднествами, путешествиями, любовью; по правде говоря, если ее здоровье в очередной раз резко ухудшается, он отказывается от своих планов, но предосторожности, принятые заранее, внушают ему отвращение; в России все — женщины, дети, слуги, родители, фавориты — должны до самой смерти кружиться в вихре придворной жизни с улыбкой на устах... Императрицу эта зависимость губит»^{1638}. Тем не менее сама императрица, похоже, не собиралась менять образ своей жизни, особенно отказываться от танцев. Когда в 1836

году доктора запретили ей танцевать, она нашла выход, одобренный императором. По воспоминаниям М. Ф. Каменской, все балы, на которых она предполагала появиться, должны были начинаться в шесть часов вечера, а заканчиваться не позднее десяти часов^{1639}.

Чрезвычайную худобу и преждевременное старение Александры Федоровны отмечали многие современники, но по-разному. Т. Г. Шевченко в поэме «Сон» (1844) назвал ее «высохшим опенком»^{1640}. Пожалуй, именно это вызвало наибольший гнев Николая Павловича, чувствительного к инвективам в адрес супруги. В. Г. Белинский писал в письме к П. В. Анненкову, предназначенному также для А. И. Герцена и его окружения: «Этот хохлацкий радикал написал два пасквиля — один на г[осударя] и[мператора], другой — на г[осударын]ю и[мператрицу]. Читая пасквиль на себя, государь] хохотал, и, вероятно, дело этим и кончилось бы, и дурак не пострадал бы, за только, что глуп. Но когда г[осударь] прочел пасквиль на и[мператри]цу, то пришел в великий гнев, и вот его собственные слова: «Положим, он имел причины быть мною недовольным и ненавидеть меня, но ее-то за что?» И это понятно, когда сообразите, в чем состоит славянское остроумие, когда оно распространяется на женщину»^{1641}.

Представленная первый раз Александре Федоровне 14 января 1853 года А. Ф. Тютчева отметила в дневнике на следующий день: «Я была поражена контрастом между лицом императрицы — лицом совсем старой женщины и ее фигурой, сохранившей все изящество и всю стройность молодости»^{1642}. Для людей же знакомых с ней с юности она и в это время оставалась «милой императрицей»^{1643}. Другие мемуаристы также отмечали болезненность Александры Федоровны, в связи с чем она иногда не появлялась на приемах или балах.

Свою жизненную позицию Александра Федоровна четко определила вскоре после вступления на престол: «Мой жребий все же прекрасен. Я буду и на троне только его подругой! И в этом для меня все!»^{1644} Первое время после воцарения, казалось, государственные дела должны были отодвинуть императрицу на второй план. Как пишет в своем дневнике сама Александра Федоровна, однажды она сказала государю: «Теперь я на втором плане в твоём сердце, так как первое место в нём занимает Россия». — «О нет, ты ошибаешься, — ответил Николай Павлович, — ибо ты и я одно; таким образом, ничто не может измениться». «Как это чудно! — продолжала Александра Федоровна. — Можно ли после таких слов не быть счастливой, счастливой без конца»^{1645}. Прошло несколько лет... «Мы живем ладно с моею старухой... Люблю, люблю мою старуху и детей», —

сказал Николай Павлович А. Я. Булгакову в 1831 году^{1646}.

Сострадание, хотя и немного наивное от незнания жизни, было для нее характерно. Когда завершился процесс над декабристами, она отметила в том же дневнике: «Жены высылаемых намерены следовать за своими мужьями в Нерчинск. О, на их месте я поступила бы так же»^{1647}. Мужественно встретила она и пожар Зимнего дворца в декабре 1837 года. Прибыв из театра уже после Николая Павловича, она первым делом забрала бумаги и письма из своего кабинета, окинув прощальным взглядом комнаты. «Скажите лучше, какое счастье, что дети мои спасены и что, по всей вероятности, не погибла ни одна человеческая жизнь!» — воскликнула она в ответ на сетования одного из присутствующих^{1648}. На самом деле жертвы были, но их постарались скрыть. Тогда же Николай Павлович распорядился, чтобы солдаты Преображенского полка первым делом выносили имущество с половины императрицы, прибавив при этом: «Прошу собой не рисковать»^{1649}.

Наиболее счастливым временем своей жизни Александра Федоровна считала период с 1834 по 1839 год. В 1839 году был восстановлен Зимний дворец, в котором кабинет Александры Федоровны занимал угловую комнату второго этажа северо-западного ризалита; с Адмиралтейской стороны к нему примыкала «почивальня». Казалось бы, возрождение из пепла Зимнего дворца должно было принести радость. Но это было не совсем так. 5 декабря 1838 года состоялась помолвка любимой дочери Николая Павловича Марии Николаевны с герцогом Лейхтенбергским, а 2 июля 1839 года — и сама свадьба. Тогда Александра Федоровна записала: «Я чувствую тихую печаль, когда мой семейный кружок в Зимнем дворце теряет одного из своих членов; это напоминает мне о том, что скоро наследник-цесаревич оставит нас и заживет своим домом, а за ним последуют и две другие старшие дочери. Новый Зимний дворец означает предел счастливого периода моей жизни как супруги и матери; как я утрачиваю с годами здоровье и силу молодости, так оставляет меня и семейное счастье»^{1650}. На портрете императрицы, написанном тогда англичанкой К. Робертсон, к грации и красоте примешивается чувство грусти-увядания; в руке у императрицы белая роза с опадающими лепестками...

Александра Федоровна не вмешивалась в политику, хотя, по возможности, старалась сгладить некоторые противоречия, возникавшие между Николаем I и ее братом Вильгельмом после восшествия последнего на престол. Она охотно общалась с Дарьей Христофоровной Ливен,

супругой русского посланника в Лондоне, любившей поговорить о политике^{1651}. Даже когда между последней и императором произошел разрыв из-за ее демонстративного «разъезда» с мужем, после чего Д. Х. Ливен стала жить с Франсуа Гизо, то и тогда императрица продолжала переписку, рискуя навлечь гнев Николая Павловича. Впрочем, иногда информация Д. Х. Ливен оказывалась полезной. Недаром маркиз де Кюстин заметил, что русскими шпионами являются женщины^{1652}. Однажды, когда императрица читала письмо от своей старой подруги, написанное, как всегда, на характерной зеленой бумаге, «государь вошел в кабинет и, увидев по цвету бумаги, от кого письмо, сделал жест, выражающий досаду, и ушел, воскликнув: «Бумага! Опять эта противная зеленая бумага!»^{1653}. В ноябре 1830 года Николай Павлович вслух читал императрице депеши о восстании в Польше. В дневнике А. О. Смирновой-Россет под 22 марта 1845 года сохранилось свидетельство о чтении Александрой Федоровной депеш русского посланника в Риме А. П. Бутенева^{1654}.

Какую-то дополнительную информацию Александра Федоровна получала благодаря своим прусским связям. В дневнике от 2 января 1854 года А. Ф. Тютчева пишет, как после лекций по русской истории профессора К. И. Арсеньева императрица удалилась на четверть часа в свой кабинет и вышла к цесаревне, сказав, что «хорошие известия из Пруссии подтверждают, что Пруссия сохранит нейтралитет»^{1655}. Указанные факты свидетельствуют, что при жизни Николая Павловича Александра Федоровна не была чужда политике. Князь П. В. Долгоруков, передавая слухи и толки после кончины императора Николая Павловича, писал, что императрица раньше канцлера А. М. Горчакова знакомится с дипломатическими депешами. Правда, он считал, что это якобы приводит к утечке информации; при покойном императоре она не посмела бы читать депеши^{1656}. В последнем князь был не прав. Особых тайн от супруги у Николая Павловича не было, и депеши она читала.

Большие возможности для Александры Федоровны открылись на ниве благотворительности. Сразу же после коронации она занялась своими обязанностями по заведованию Патриотическим и Елизаветинским институтами, хотя общее руководство благотворительными женскими учреждениями оставалось у деятельной Марии Федоровны. После ее смерти в 1828 году стало ясно, что заменить покойную императрицу Александре Федоровне не по силам. Николай I учредил специальный комитет из двенадцати членов под председательством принца П. Г.

Ольденбургского. Затем было образовано упоминавшееся IV Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии для заведования учреждениями Марии Федоровны, хотя за Александрой Федоровной сохранялся общий патронаж. В дневнике за 23 ноября 1835 года А. В. Никитенко записал: «Женские заведения, говорят старики и старушки, ныне не в таком цветущем состоянии, как при императрице Марии Федоровне. Это особенно замечают в Екатерининском институте. В Смольном монастыре упадок несколько прикрывается личным благоволением государыни Александры Федоровны к начальнице его, г-же Адлерберг»^[1657]. А бывшая смолянка Е. Н. Водовозова вспоминала, что Николай Павлович лично просил начальницу Смольного М. П. Леонтьеву оставить все как было при жизни Марии Федоровны. Когда однажды начальница донесла о необходимости исключения какой-то воспитанницы, то это чрезвычайно расстроило Александру Федоровну. «Узнав об этом, Николай Павлович был страшно взбешен, что таким сообщением растревожили его супругу во время болезни, и непременно приказал передать М. П. Леонтьевой, чтобы она не смела расстраивать его супругу донесениями о таких пустяках, как школьные шалости институток»^[1658].

Среди ближайшего окружения Александры Федоровны, составлявшего в разное время ее интимный кружок, участниками «вечерних высочайших собраний» у императрицы были: ее воспитательница, фрейлина прусского двора, швейцарка по происхождению, остававшаяся с ней до смерти Цецилия Вильдермет; подруга юности Цецилия Фредерикс, урожденная Туровская, протестантка-полька, подданная Пруссии, вышедшая в России замуж за командира Московского полка и принявшая православие (мать мемуаристки); сестра друга юности Николая Павловича Владимира Адлерберга, будущая воспитательница дочерей августейшей четы, фрейлина и затем статс-дама Юлия Федоровна Баранова; графиня Екатерина Федоровна Тизенгаузен, дочь Е. М. Хитрово, внучка М. И. Кутузова (приятельница А. С. Пушкина) и сестра также приближенной ко двору Дарьи Федоровны Фикельмон, бывшей замужем за австрийским посланником в Петербурге Карлом-Людвигом Фикельмоном, упоминавшаяся Шарлотта Карловна Ливен... После смерти Цецилии Фредерикс на первое место по влиянию на императрицу вышла Екатерина Тизенгаузен, деля его с Юлией Барановой. Это о Е. Ф. Тизенгаузен А. С. Пушкин писал: «Язык и ум теряя разом, / Гляжу на Вас единым глазом»^[1659]. Характеризуя ее в последние годы жизни Николая Павловича, А. Ф. Тютчева писала: «При внешности (важной особы. — Л.

В.) это было доброе существо с легкими и невинными претензиями на роль умной женщины и на политическое влияние. Но главной ее заботой было охранять доступ в приемную государыни, удаляя из нее всех незаконно стремившихся туда проникнуть и победоносно отстаивать свое первенствующее положение. Преобладающей страстью в ней было желание знать новости и тайны двора раньше всех прочих»^{1660}.

Нужно отметить также канцлера К. В. Нессельроде и его супругу Марию Дмитриевну (урожденную Гурьеву); обер-шенка, талантливое скрипача-дилетанта и композитора графа Михаила Юрьевича Виельгорского (живущего вместе с братом, управляющим двором великой княгини Марии Николаевны, тоже композитором и виолончелистом); А. И. Рибопьера, читавшего императрице вслух, и конечно же любимую ее фрейлину-пруссачку с неприятным характером Элизу Раух, являвшуюся «центром небольшого полунемецкого кружка, который с успехом добивался милостей императрицы». Бросающееся в глаза прусско-остзейское окружение Александры Федоровны вызывало раздражение русского общества. Справедливости ради следует отметить, что среди близких к императрице людей были также учитель русской словесности ее и наследника поэт В. А. Жуковский, занимающий проавстрийскую позицию обер-гофмаршал Андрей Петрович Шувалов и др.

Как все немки, Александра Федоровна любила по утрам пить кофе, причем между девятью и десятью часами вокруг нее собирался круг ее детей и внуков, приветствующих мать и бабушку. Поскольку в Петергофе она любила разнообразить павильоны для утреннего кофе, то все это требовало передвижения припасов, прислуги, фрейлин и т. д.: «По данному сигналу фургон мчался во весь опор к павильону, назначенному для встречи. Ездовые с развевающимися по ветру черными плюмажами скакали на ферму, в Знаменское, в Сергиевку предупредить великих князей и великих княгинь, что императрица будет кушать кофе в Ореанде, на «мельнице», в «избе», в Монплезире, в «хижине», в «шале», на ферме, в Островском, на Озерках, на Бабьем Гоне, на Стрелке — словом, в одном из тысячи причудливых павильонов, созданных для развлечений и отдохновения императрицы баловством ее супруга, который до конца жизни не переставал относиться к ней, как к избалованному ребенку»^{1661}.

Первые годы Александра Федоровна довольно активно вела переписку, два раза в неделю принимала государственного секретаря. Аудиенции у нее обычно бывали с 11 до 14 часов; с 14 до 16 часов она прогуливалась или с Николаем Павловичем, или одна. Ездил в карете четверней с двумя

казачками на запятках. Лето проводила сначала в Елагиноостровском дворце, позднее — в Петергофе. Вечерами читала свои любимые исторические книги, интересуясь, в частности, работами ведущего немецкого антиковеда Б. Г. Нибура^{1662}. В Аничковом и Зимнем дворцах устраивала свои памятные многим литературно-музыкальные вечера-«собрания». Выполняя требования этикета, присутствовала на различных торжественных церемониях, а при освящении Александровской колонны «императрица в парадном одеянии мужественно шла пешком с юными княжнами»^{1663}. О первой половине 30-х годов одна из мемуаристок вспоминала: «...При дворе жизнь текла в то время весело и шумно; великолепные празднества следовали одно за другим, в особенности на Масленице, когда устраивались катанья в санях, катанья с гор, балы, обеды и т. п... Не раз моим подругам и мне приходилось сменять во время бала белые атласные башмаки и надевать другие, взятые про запас»^{1664}. Любившая танцы Александра Федоровна охотно принимала участие не только в менуэтах, полонезах, но и в кадрилих и мазурках. «Самозабвенно интриговала» на маскарадах в доме В. В. Энгельгардта^{1665}. Впрочем, баварский посланник де Брэ записал около 1851 года: «Супруга императора Николая I в течение 34 лет оказывала постоянно благотворное влияние на окружающих среди развлечений довольно легкомысленного, хотя последнее время сделавшегося несколько серьезнее двора...»^{1666}

Странно, но болезненная Александра Федоровна, которую эти празднества, по мнению де Кюстина, убивали и которой грозила чахотка уже в 1839 году, пережила Николая Павловича. В статье «Августейшие путешественники», опубликованной в «Колоколе» в 1857 году, А. И. Герцен несколько раздраженно пишет о естественном, свободном от излишних условностей поведении Александры Федоровны, сорившей за границей деньгами: «Снова вдовствующая императрица дала Европе зрелище истинно азиатского бросания денег, истинно варварской роскоши...»^{1667} Следует признать, что отчасти он прав. Документы о вояжах Александры Федоровны свидетельствуют о немалых расходах. Так, во время последней ее поездки в 1859 году только в Пруссии она раздала в виде пожертвований для 90 человек 7500 талеров и 10 червонцев. Остановившись в Эмсе, она, как свидетельствуют счета гостиницы «Hôtel de Belle vue», занимала со свитой 20 комнат^{1668}.

Описывая предшествующее путешествие Александры Федоровны (1857 года), А. И. Герцен не преминул дать идеологически-политическую

характеристику императрицы: «Александра Федоровна, воспитанная в благочестивых правилах евангелически-потсдамского абсолютизма и расцветшая в догматах православно-петербургского самовластия... оставила революционный дворец и изволила проследовать в Берлин». Впрочем, новые веяния коснулись и ее, и она «из императрицы полковника становится гражданин-императрица. Простота завелась удивительная, никаких этикетов». Казалось, отмечает А. И. Герцен, Александра Федоровна снова ожила: «Особенно приятно нас поражает, что в Риме, в этом старом городе из всех старых городов, августейшая больная порхает, как бабочка... В Петербурге лет до пятидесяти она танцевала, одевалась, шнуровалась, завивалась. В Ницце — пикники, завтраки на яхтах, на море, музыка, *paties fines* (увеселительные прогулки. — Л. В.) — не знаю что. В Риме туда-сюда, суэта-суетствий... Какую надобно иметь приятную пустоту душевную и атлетические силы телесные, какую свежесть впечатлений, чтобы так метаться на всякую всячину... Чье здоровье выдержит эдакую барщину!»^{1669} Король Сардинии Виктор-Эммануил встречал вдовствующую императрицу в Ницце двухдневной иллюминацией. Александра Федоровна поселилась сначала на вилле местного банкира Авиндора, затем навестила своего сына Михаила Николаевича, занимавшего виллу графа Дюрсети, женатого на Чихачевой. Вилла ей понравилась, и она, по предложению графини, переехала сюда, а вместо надписи «Вилла Дюрсети» на вилле появилась русская надпись «Александровка»^{1670}.

Фрейлина А. Ф. Тютчева, мемуаристка нередко язвительная, тем не менее пыталась отчасти реабилитировать Александру Федоровну в глазах общества: «Дочь прусского короля, она была воспитана в то время, когда вся немецкая молодежь зачитывалась поэзией Шиллера и его последователей. Под влиянием этой поэзии все тогдашнее поколение было проникнуто мистической чувствительностью, мечтательной и идеалистической, которая для нежных натур и слегка ограниченных умов вполне заменяла религию, добродетель и принципы. Александра Федоровна принадлежала к числу таковых; ее моральный кодекс и ее катехизис — это лира поэта»^{1671}.

Несомненно, ее отличал чрезвычайный такт в общении с окружающими. Когда в 1845 году Александра Федоровна встречала свою будущую невестку — Марию Гессенскую, будущую Марию Александровну, то одну из мемуаристок удивила ее деликатность. В Ковно в спальне она «увидела три походных кровати, поставленных одна против

другой. Посредине стояла кровать государыни, а две другие по бокам предназначались для молодой принцессы и великой княгини Ольги Николаевны»^{1672}.

Отзывчивость, сердечность и незлобивость Александры Федоровны отмечали многие. Она могла вложить 5 рублей серебром в руку спящей нищенки, любуясь затем ее радостью при пробуждении, или, как сентиментальная немка, броситься в объятия мужа после церемонии бракосочетания дочери. «Александра Федоровна была добра, у нее всегда была добрая улыбка и доброе слово для всех, кто к ней подходил, но улыбка и это доброе слово не выходили за пределы небольшого круга тех, кого судьба к ней приблизила... Если она слышала о несчастьи, она охотно отдавала свое золото, если только что-нибудь оставалось у ее секретаря после расплаты по громадным счетам модных магазинов, но она принадлежала к числу тех принцесс, которые способны были бы наивно спросить, почему народ не ест пирогов, если у него нет хлеба»^{1673}.

Николай Павлович не только соблюдал внешний этикет во взаимоотношениях с супругой, но окружал Александру Федоровну неизменной заботой. Он не скупился на подарки, устраивал 1 июля в ее день рождения блестящие петергофские праздники с парадами, театрализованными рыцарскими турнирами с личным участием («карусель» 1842 года), иллюминации и т. д. Эти праздники неизменно начинались тем вальсом, который танцевали когда-то в Берлине помолвленные Николай и Шарлотта. «Счастливой супружеской парой» назвал Николая Павловича и Александру Федоровну граф Рейзет незадолго до Крымской войны^{1674}.

По-своему психологически точно отношения между Николаем Павловичем, выступавшим в роли лидера в семейном союзе, и Александрой Федоровной, добровольно и с радостью принявшей предложенную ей роль слабой и зависимой от супруга, охарактеризовала А. Ф. Тютчева: «Император Николай питал к своей жене, этому хрупкому, безответственному и изящному созданию, страстное и деспотическое обожание сильной натуры к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует. Для него это была прелестная птичка, которую он держал взаперти в золотой и украшенной драгоценными камнями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами, но крылья которой он без сожаления обрезал бы, если бы она захотела вырваться из золоченых решеток своей клетки. Но в своей волшебной темнице птичка не

вспоминала о своих крылышках. Для императрицы фантастический мир, которым окружало ее поклонение всемогущего супруга, мир великолепных дворцов, роскошных садов, веселых гор, мир зрелищ и фееричных балов заполнял весь горизонт, и она не подозревала, что за этим горизонтом, за фантасмагорией бриллиантов и жемчугов, драгоценностей, цветов, шелка, кружев и блестящих безделушек существует реальный мир, существует нищая, невежественная, наполовину варварская Россия, которая требовала бы от своей государыни сердца, активности и суровой энергии сестры милосердия, готовой прийти на помощь ее многочисленным нуждам»^{1675}.

Диктат Николая Павловича распространялся порой и на наряды супруги. Когда ему не нравилось какое-нибудь платье, он заставлял сменить наряд, чем иногда доводил супругу до слез. Впрочем, как заметила Ольга Николаевна, это «никогда не переходило в сцену, так как Мама сейчас же соглашалась с ним, и Папа, немного смущенный и сконфуженный, усиливал свою нежность к ней»^{1676}.

Вдовствующая императрица Александра Федоровна скончалась в возрасте шестидесяти двух лет 18 октября 1860 года в Павловске, завещав, чтобы через год после ее смерти дети и внуки заняли бы ее комнаты в Зимнем дворце и на даче «Александрия», где она «была счастливейшей супругой и матерью»^{1677}.

«Вселять в них и доверие к родителям, а не страх»:

Отец и дети

В обществе детей грозный император, казалось, преображался. Современники единодушно свидетельствуют о его любви к детям: как к своим собственным детям и внукам, так и к детям вообще. «Нежным отцом» называл Николая I граф В. А. Соллогуб^{1678} и «редким отцом семейства» — неизвестный мемуарист, описавший встречу императора с семьей шведского короля в 1838 году^{1679}. А семейная идиллия в изображении М. П. Фредерикс в свое время вызвала раздражение историка М. Н. Покровского. «Самое светлое воспоминание детства... — писала мемуаристка, — когда я присутствовала на утреннем завтраке членов августейшей семьи. Все они собирались каждый день к августейшей матери пить кофе. Что это была за картина. Боже мой! Во-первых, три красавицы великие княжны Мария, Ольга и Александра Николаевны, прелестные, полные обаяния, всякая в своем роде. Потом великие князья — один лучше другого... Тут император Николай Павлович был самый нежный отец семейства, веселый, шутливый, забывающий все серьезное, чтоб провести спокойный часок среди своей возлюбленной супруги, детей, а позже внуков. Император отличался своей любовью и почтением к жене и был самый нежный отец»^{1680}.

У красивых родителей были красивые дети. Вот впечатления двух современников 1831 и 1843 годов. Лето 1831 года М. Ф. Каменская проводила вместе с родителями в Царском Селе: «Помню, что тогда излюбленная прогулка наша была — ходить смотреть, как играли царские дети на зеленом лугу против Александровского дворца. Помню, что всякий вечер на круглой дорожке около луга густою толпою устанавливались царскосельские жители; всякому лестно было полюбоваться на эту живую семейную картину русского царя. И мы каждый вечер стояли в этой толпе и жадными глазами следили за каждым движением государя Николая Павловича, императрицы Александры Федоровны и их красавцев-детей. Наследнику Александру Николаевичу было тогда лет двенадцать; он был ловкий статный мальчик, всегда окруженный избранными ему товарищами... За наследником шли три сестры его: Мария, Ольга и Александра Николаевны, и так лесенкой доходили до Константина

Николаевича, тогда еще маленького, хорошенького карапузика, с которым, не стесняясь зрителями, воевала нянька его, англичанка Мими...»^{1681} Прошло 12 лет, дочери подросли, а Мария Николаевна вышла замуж. Москвич М. Д. Бутурлин, приехавший в Петербург, случайно оказался вместе с императорской семьей на выступлении итальянских певцов в конце зимы 1843 года в зале Дворянского собрания. Лет через 30 он вспоминал: «...Поистине скажу, что мнилось, какие-то идеальные типы, доступные только художнику, пронеслись перед моими глазами. За величавыми фигурами венценосной четы... мелькнули в расстоянии какого-то аршина от меня все три царские дочери, из коих Ольга и Александра Николаевны казались созданиями не от мира сего, особливо вторая... Что до великой княжны Ольги Николаевны, то бюст ее мог присниться одному лишь ваятелю древнегреческого искусства... Великая княгиня Мария Николаевна, хотя не безусловная красавица, не портила, однако же, ничем состава этой прелестной тройственности. Оттенялась великая княгиня цесаревна (нынешняя императрица), к которой природа не была чересчур щедра; да к тому же на лице ее виднелись пятна»^{1682}.

Когда М. Д. Бутурлин встретил дочерей Николая Павловича, Александра Николаевна уже готовилась к свадьбе с принцем Фридрихом Вильгельмом Кассельским; эта свадьба состоялась 16(28) января 1844 года. А 29 июня 1843 года великая княжна сделала последние записи в своей записной книжке: «Кончаю этот дневник и странно, что в то же время оканчиваю и мое девическое существование. Это молодое существование было очень прекрасно и очень счастливо. Я не знала горя. Бог и любящие меня люди помогли мне запастись нужным для моей будущности. Она раскрывается теперь передо мною, как заря прекрасного дня...»^{1683} Ей оставалось жить совсем недолго: 29 июля (10 августа) 1844 года, разрешившись от бремени шестимесячным сыном, она вскоре умерет (так же как и младенец). Память об этом трагическом событии омрачит жизнь царской семьи. Современники считали, что Николай Павлович переменялся после этого характером, что отразилось и на его правлении.

Взгляды Николая Павловича на воспитание детей нашли отражение в уже упоминавшемся разговоре с королевой Викторией во время его визита в Англию в 1844 году. В своем дневнике английская королева отметила, что мысли императора ее удивили. «Им следует внушать, — говорил он, — чувства возможно большего почтения, но в то же время вселять в них и доверие к родителям, а не страх...» Комментируя эти высказывания, историк С. С. Татищев писал, что «не без удивления услышала ее

величество из уст русского самодержца выражение его глубокого убеждения, что в настоящее время члены царственных домов должны стремиться стать достойными своего высокого положения, чтобы помирить с ним народное чувство»^{1684}.

Такими достойными своего положения хотел видеть Николай Павлович своих детей. И Ольга Николаевна, и ее старшая сестра Мария Николаевна признавали то фундаментальное влияние, которое оказал их отец на становление их личностей. По воспоминаниям Ольги Николаевны, дети воспитывались в строгости, но, с другой стороны, им предоставлялось и много свободы. Дети в любое время года гуляли на свежем воздухе, а когда летом 1828 года отец подарил им островок на озере в Петергофе, то в играх они возвели там из кирпича целый дом из четырех комнат. На кухне готовили обеды. Под присмотром матроса учились гребле. Без перчаток и шляпок девочки бегали по парку «Александрии». Свободы вполне хватало для того, чтобы играть на своих детских площадках, прыгать через веревку и заборы, лазать по веревочным лестницам трапеций. После обеда на так называемой «Молочной ферме» дети бежали на сеновал, где играли в прятки, обращаясь к своим сверстникам на «ты». Когда Николаю Павловичу пожаловались на слишком вольное поведение девочек, он сказал: «Предоставьте детям забавы их возраста, достаточно рано им придется научиться обособленности от всех остальных»^{1685}.

Детей не баловали конфетами или мороженым. Для гардероба девочкам до их пятнадцатилетия выделялось по 300 рублей в год ассигнациями; недостающее добавлялось в виде подарков на Рождество и в дни рождений^{1686}. Регламентировалось число ламп и свечей для освещения: ведь великих княжон готовили в невесты в небогатые германские княжества. Участвуя в придворной жизни, они с детских лет приучались к этикету. С одиннадцати лет на торжественных церемониях они уже носили русское придворное платье из бархата (без трена)^{1687}. Однажды на крестины Константина девочкам надели платья-декольте, белые туфли и екатерининские ленты через плечо. Увидев дочек, Николай Павлович еще издали воскликнул: «Что за обезьяны?! Сейчас же снять ленты и прочие украшения!»^{1688} В конце концов девочкам оставили только по нитке жемчуга.

Всеобщей любимицей в детстве была Мария Николаевна. Она любила, когда часовые отдавали ей честь, и летом в Царском Селе повадилась бегать к часовому на посту с апельсином в руке, чтобы, сделав книксен, сказать солдату: «Миленький солдат, сделайте мне честь, я Вам подарю

апельсин»^{1689}. Естественно, солдат отдавал ей честь, но когда Николай Павлович об этом узнал, то всем часовым было строго приказано отдавать честь великой княжне только тогда, когда она выходит или выезжает из дворца в сопровождении воспитательницы или членов царской фамилии.

А вот внушек император баловал. В дневнике А. Ф. Тютчевой под 14 декабря 1854 года отмечен такой эпизод: «Сегодня вечером я была у маленькой великой княжны. Она резвилась с своими братьями и с левреткой и была очень мила. Император пришел кормить ее супом, как он это делает почти каждый вечер...»^{1690}

Под Новый год Николай Павлович подходил к постели каждого из семи детей и благословлял их. Когда Ольга хотела поблагодарить его за заботу о ней во время болезни, он сказал: «Не благодари меня, то, что я чувствую, естественно; когда у тебя самой будут дети, ты поймешь меня»^{1691}. В связи с серебряной свадьбой в 1842 году Николай Павлович подарил всем дочерям по браслету из синей эмали со словом «bonheur» (счастье); эти браслеты были украшены цветными камнями, отделявшимися друг от друга жемчужинами. «Такова жизнь, — сказал он, — радость вперемежку со слезами. Эти браслеты вы должны носить на семейных торжествах»^{1692}. Тогда никто не мог предполагать, что скоротечная чахотка Александры Николаевны приведет ее в 1844 году к преждевременным родам и смерти. Ее тело перевезли в Петропавловскую крепость; гроб верхом сопровождали ее овдовевший муж Фриц, братья и Николай Павлович, который старался убежать от горя, энергично занимаясь делами. После смерти любимой дочери он стал избегать траурных церемоний, отказывался от черного цвета и не выносил слез. В комнате, где умерла Александра Николаевна, повесили икону святой царицы Александры. Николай Павлович сразу постарел.

О бытовой стороне жизни сыновей Николая Павловича известно из различных источников. Позднее М. А. Корф так написал о младших из них: «Великие князья Николай и Михаил Николаевичи были воспитаны и ведены, как и все дети императора, в самой патриархальной простоте. Половина их в Зимнем дворце, в конце известного большого коридора возле самой Ротонды подле Малой дворцовой церкви, состояла, кроме маленькой передней, всего из трех комнат: залы, которая была вместе билiardною, гостиною и даже столовою (для завтраков, потому что обедали все великие князья вместе с августейшими своими родителями); спальни, где стояли почти рядом, имея какую-нибудь сажень между собою головами к стене, две низенькие походные кровати... наконец, учебной, где

вдоль стен размещена была библиотека. Большой залю, примыкающей к учебной и посреди которой стояла огромная модель корабля, они располагали только в случае чрезвычайных и более многочисленных приемов»^{1693}. Описание достаточно точное. На плане «среднего этажа» Зимнего дворца последовательно отмечены: «дежурная» (у М. А. Корфа названа «передней»), «столовая», «почивальня», «учебная» и «корабельная»^{1694}. «Модель корабля», о которой упоминает М. А. Корф, на самом деле представляла собой настоящую учебную яхту в натуральную величину, сооруженную осенью 1839 года генерал-интендантским департаментом Управления флота Морского министерства. Она по частям была внесена в предназначенное для нее помещение и вновь собрана^{1695}. Кроме этой яхты, имелось множество небольших моделей кораблей^{1696}. Как известно, своего второго сына Константина Николаевича император предназначал к военно-морской деятельности и соответственно воспитывал. Жилые комнаты детей были вполне доступны для гостей. Как мы уже знаем, во время посещения смолянками Зимнего дворца цесаревич Александр Николаевич провел по ним девочек; в рекреационной (то есть комнате для отдыха и игр) великие княжны даже взбежали на деревянную горку и скатились по ней.

Жилые помещения для детей были устроены на первом этаже дворца. «Наши спальни были низкими, — вспоминала Ольга Николаевна, — моя рабочая комната, с четырьмя окнами, была очень большой и не слишком теплой; я предпочитала ей библиотеку, где стояли мои шкафы и мой рояль. Мой рабочий стол стоял между двумя колоннами, очень укромно и приятно»^{1697}.

Менее точны воспоминания М. А. Корфа о жизни семьи Николая Павловича в Петергофе, записанные им на основании рассказов великого князя Константина Николаевича, с которым осенью 1850 года он частенько возвращался в Петербург по железной дороге: «Говоря о том, что он и супруга его предпочитают в Павловске Константиновский дворец Большому уже и потому, что первый не так велик, великий князь прибавлял: «Мы привыкли к тесноте еще с детства; в Александрии Саша жил в конюшне, младшие братья — на гауптвахте, а я — почти в подвале. Вообще по образу полученного нами воспитания нам не приучаться к лишениям». На рукописи воспоминаний М. А. Корфа император Александр II позднее заметил: «Я не знаю, откуда он это взял. Я никогда не жил в конюшне, а на Ферме, куда я переехал из так называемого Котега (транскрипция Александра II. — Л. В.) в 1831 году. Мои комнаты занял

тогда Константин Николаевич. Впоследствии он занял особый домик внизу у выезда из Знаменского; младшие братья жили сначала также в самом Котее, в моих же комнатах, а с 1843 г. — в здании подле, где прежде помещалась кухня и где они оставались до их свадьбы»^{1698}. Посетившая Петергоф в 1846 году леди Г. Блумфильд также отметила, что великие князья Николай и Михаил Николаевичи жили «в другом маленьком коттедже, рядом с этим, и мы видели место, на котором они занимаются гимнастикой»^{1699}. О помещениях великих князей в Царском Селе и Зимнем дворце Ф. П. Литке писал В. А. Жуковскому из Петербурга 3 декабря 1842 года: «...И наша учебная (в Царск. С.) не трогалась еще с места, где процветала 10 лет. На бывшей половине государя-наследника поместились меньшие великие князья. И в городе мы теснимся по-старому»^{1700}.

Николай Павлович следил за поведением детей, начиная с самых малых лет, и поддерживал воспитателей в их разумных мерах воспитания чувства ответственности. Как-то в 1831 году Константин потерял свой кушак, и его англичанка Мими повязала его по рубашечке своим носовым платком. Свидетельница этой сцены писала: «...Маленький великий князь ревел во все горло и от стыда прятался головой ей в юбки... На тот неистовый крик подошел к ним государь, и когда узнал в чем дело, то дал сыну маленький подзатыльник и сказал: «Прекрасно, Мими! Прекрасно! Так ему и надо, пусть не теряет больше своих кушаков»^{1701}. Другой раз Константин выдернул стул из-под собиравшегося сесть Ивана Матвеевича Толстого, который грузно рухнул на пол. Николай Павлович попросил встать Александру Федоровну. «Попросим прощения, — сказал он, — что так плохо воспитали нашего сына»^{1702}. Подросших сыновей вообще не баловали. Занятия начинались в 8 часов утра. Однажды М. А. Корф, приходивший к младшим сыновьям императора как лектор, почувствовал себя не очень здоровым и пожаловался на «лихорадочный озноб». «Советую вам, — сказал Михаил Николаевич, — напиться на ночь горячего чая и хорошенько укрыться шинелью». «Этот совет укрыться шинелью, — писал М. А. Корф, — содержал в себе целую историю их спартанского воспитания»^{1703}.

В период между маем и октябрём двор часто менял свое расположение, и великие князья зачастую оказывались где-нибудь на военных маневрах: в Гатчине, Ропше, Красном Селе и т. д. Тогда они разделяли все тяготы полевой жизни наравне с кадетами и питались вместе с ними (только ночевали отдельно). Один из бывших кадетов, вспоминая,

как Николая и Михаила привозили в карете на отрядные учения и как тогда они ходили рядовыми во фронте 1-го кадетского корпуса, приводил следующий эпизод: «По окончании ученья государь повел нас с заднего плаца на штурм лагеря, направив колонну 1-го корпуса, в которой шли великие князья, в лагерный клоак, который они и перешли по пояс»^{1704}. Младшие сыновья повзрослели только к началу Крымской войны. После их возвращения 11 декабря 1854 года из поездки в Севастополь А. Ф. Тютчева дала им следующую характеристику: «Михаил очень скромнен по отношению к себе; его брат Николай менее умен; в нем есть некоторое мальчишество, он немного вульгарен, но оба они добрые малые, полны сердечности и патриотизма. Это любимцы императрицы, которая оживает, глядя на них»^{1705}. Впоследствии великая княгиня Мария Николаевна (Ольга Николаевна была бездетна) в воспитании детей придерживалась тех же спартанских принципов, что и ее отец, считая обязательными для сыновей физическую подготовку и фрунтовую выучку^{1706}.

Обычно Николай Павлович старался не отставать от кадетов. Приведем одну из зарисовок баронессы М. П. Фредерикс, относящуюся к 30-м годам: «В те годы нас очень занимало и забавляло, когда летом кадеты штурмовали в Петергофе фонтан Самсон. Несколько рот кадет разных корпусов собирались на площадке внизу, у главного бассейна Самсона; по команде государя они должны были влезть на одну из каскад, текущих с террасы Большого дворца, по сильно бившей воде. Императрица находилась на вершине каскада, на террасе, и кадеты, которым первым удавалось взобраться на этот каскад, что было весьма нелегко, получали маленький приз из рук ее величества; призы эти состояли из разных вещей, из собираемых камней, отделявавшихся на Петергофской гранильной фабрике... В конце штурма приходил наверх и государь, никогда не пропускавший окатить и себя водой из фонтана, чтобы не одни кадеты были вымочены в своей одежде. Он всегда старался давать собой пример»^{1707}.

С детских лет сыновья Николая Павловича приучались общаться со своими будущими подданными или подчиненными. В первый день Нового года наследник-цесаревич принимал обычно двух кадетов из каждого корпуса, а повзрослев, выполнял и более ответственные поручения. Так, во время известных бородинских маневров 1839 года Александр Николаевич по поручению императора делал смотр кадетским корпусам в мундире Бородинского полка, шефом которого был тогда назначен^{1708}. Впрочем, все дети императорской семьи воспитывались в окружении своих

сверстников, не исключая и самого Николая Павловича. Это были дети придворных или других лиц, проживающих при дворе. Вместе отмечались и праздники. Вот что вспоминает А. К. Анненкова (урожденная Мердер) о декабрьских праздниках 1831 года: «В сочельник, по издавна заведенным Ея Величества порядкам, в т. н. «Ротонде» Зимнего дворца была устроена елка. Около семи часов вечера цесаревич, великие княжны и князья, Виельгорский, Паткуль, дети баронессы Фредерикс и мы, братья и сестры, с присущим детскому возрасту нетерпением, ожидали звона колокольчика и открытия дверей комнаты, где ожидало их зрелище освещенной сотнями огней елки. Когда собрались все приглашенные — был дан сигнал, и дети стремглав бросились вступить во владение приготовленными для них подарками. Через часа два все разошлись довольные и веселые с подарками в руках»^{1709}. Как свидетельствуют архивные документы, нехитрые подарки для этого случая приобретались в Английском магазине. Что касается елок, то Николай Павлович относился к ним отрицательно^{1710}, считая, что они пожароопасны, но тем не менее каждый год радовал ими детей.

С детьми, даже самыми маленькими, Николай Павлович легко находил общий язык. Одним из его начинаний было создание Александровского сиротского корпуса, где перед поступлением в 1-й кадетский корпус воспитывались дети в возрасте до десяти лет. Самых маленьких грудных детей с красными погончиками на плечах белых рубашонок вносили на смотр их мамки в кокошниках. Обычно это воинство представляла императору сама Александра Федоровна, которая, приложив руку к правому виску, деланно серьезно докладывала о состоянии вверенного ей корпуса. Николай Павлович иногда начинал всячески тормозить и дразнить свое игрушечное войско. Однажды, подзадоривая карапузиков-кадетов, он сказал им: «Ну, какие Вы воины, когда у Вас командир баба и офицеры бабы! Вы просто девчонки, и верно все до одного трусишки страшные». — «Не плявда!» — пропищал один ребячий голосок из строя. — «То-то, не плявда! — передразнил его государь. — А что с тобою будет, коли я тебя, храбреца, посажу на пушку и прикажу выстрелить?» — «Не боюсь, стреляй!» — ответил задорный мальчуган». Кончилось тем, что кадетик действительно вскарабкался на небольшую пушчонку, стоявшую у парадного крыльца, и из нее произвели выстрел, во время которого лафет откатился немного назад. Мальчик не испугался и не упал. «Молодец, молодец!» — крикнул царь, схватил маленького храбреца на руки и расцеловал...»^{1711}

С воспитанниками различных военно-учебных заведений и кадетами Николай Павлович вел себя весьма непринужденно, позволяя и прощая им различные мелкие шалости. Так, в Гатчинском сиротском институте он позволял воспитанникам на руках сносить его в сани. Однажды, когда один из них на пари ущипнул его сзади, он только погрозил пальцем^{1712}. Приезжая в Москву, государь по несколько раз посещал различные корпуса. Один из тогдашних кадетов вспоминал: «Николай Павлович производил на нас чарующее впечатление своим богатырским видом и своим ласковым и милостивым обхождением. Представьте себе царя, играющего и забавляющегося с детьми: велит, бывало, снять умывальник, сядет в наш огромный таз и прикажет себя вытаскивать; дружно толпой приступали мы, хватая его за руки и за ноги, но так как работа оказывалась непосильной, то пускали в ход щекотку и щипки. — «Ну, не щипаться, мальчуганы!» — крикнет государь и начнет уступать, тогда, наконец, покрасневшись, мы осиливали и вытаскивали его... — «Молодцы, дети! Ну, теперь проходи в ворота», — и, расставив ноги, пропускает под собой всех»^{1713}.

Последний номер, похоже, был коронным и в играх с собственными детьми. Сын художника-портретиста П. Ф. Соколова, со слов отца, рассказал о характерном эпизоде: «Когда работали портреты великих княжон Марии и Ольги Николаевны в весьма грациозной детской группе, отцу необходимо было иметь их платица, чтобы заняться отделкой их на дому. Проезжая с женой на какой-то званый вечер мимо Зимнего дворца, он остановился, чтобы захватить их с собою. Знакомый со всеми входами и выходами дворца, отец направился прямо в детскую половину, где помещался гардероб. Каково же было его изумление, когда, отворив дверь в детскую, ему представилась следующая картина: посреди комнаты император Николай Павлович в сюртуке без эполет и мимо него торжественное шествие маленькой армии в различных пехотных и кавалерийских формах, с барабанами, свистульками, мал мала меньше, с комической важностью старающейся держать строй, чтобы заслужить одобрение своего командира. Увидев моего отца, император велел ему остаться смотреть, «какой у него развод». Эта маленькая комедия продолжалась довольно долго, пока, наконец, государь не закончил церемонии, расставив ноги и заставив весь отряд пройти под ними, как корабли проходили под колоссом Родосским. Мороз был большой, и мать чуть не замерзла, дожидаясь в карете возвращения мужа»^{1714}.

Памятуя о неудачном опыте своего воспитания и обучения, Николай Павлович большое внимание уделял подбору воспитателей и учителей для

своих детей. И Александр II, и великая княгиня, будущая королева Вюртембергская Ольга Николаевна, на первое место ставили генерала Карла Карловича Мердера, прирожденного педагога. Собственно, именно он и возглавлял весь педагогический корпус. Со времени же его болезни (1833 год) выдвинулся официально назначенный на эту должность 5 мая 1834 года генерал Александр Александрович Кавелин, бывший адъютант (с 1818) великого князя Николая Павловича, директор Пажеского корпуса, впоследствии петербургский генерал-губернатор и генерал от инфантерии. Поэт В. А. Жуковский, о котором обычно вспоминают в первую очередь, был лишь преподавателем русской словесности, «исполняя необременительные обязанности инспектора классов»^{1715}. Он прививал уважение к личности, воспитывал христианскую любовь к ближнему. Ольга Николаевна, как и ее мать, уважала поэта, но в то же время скептически относилась к его педагогическим способностям: «Я склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал»^{1716}. Ученики побаивались В. А. Жуковского.

Всеобщую историю преподавал женевец «мосье» Жилль, активно использовавший наглядный метод обучения и научивший детей конспектированию. С помощью литографий он пробуждал интерес к другим странам. Преподавателем русской истории был Тимаев, инспектор классов в Смольном, педант, строгий учитель и экзаменатор; русского языка — П. А. Плетнев. Именно В. А. Жуковский и П. А. Плетнев познакомили воспитанников с произведениями А. С. Пушкина. Августейшие ученики изучали также английский и немецкий языки, арифметику, посещали танцклассы, разучивая непереносимые менуэты, гавот и контрдансы. В определенные дни недели в библиотеке наследника актеры французского театра читали в подлиннике произведения французских классиков, в особенности Мольера. Рисование преподавал художник-баталист А. И. Зауервейд. К живописи особенную склонность проявляла Мария Николаевна, которая дополнительно брала уроки у А. Г. Ухтомского, что позволило ей стать просвещенной любительницей произведений искусства, президентом Академии художеств.

В общеобразовательную программу наследника-цесаревича вошло и посещение в 1835 году Калинкинской больницы, где по поручению Николая Павловича ему показали самых тяжелых больных сифилисом. Вид их произвел на Александра Николаевича столь страшное впечатление, что он, «побледнев, нашелся вынужденным поспешно выйти, присесть в

другой комнате и спросить стакан воды»^{1717}. Совершеннолетие цесаревича Александра Николаевича в 1834 году было обставлено торжественно. «Праздник совершеннолетия совершился, — писал А. С. Пушкин. — ...Это было вместе торжество государственное и семейственное. В[еликий] кн[язь] был чрезвычайно тронут. Присягу произнес он твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться — и залился слезами. Государь и государыня плакали также, — наследник, прочитав молитву, кинулся обнимать отца, который расцеловал его в лоб и в очи и в щеки — и потом подвел сына к императрице. Все трое обнялись в слезах»^{1718}. От наследника скрыли, что незадолго до этого из Италии пришло известие о кончине его любимого воспитателя К. К. Мердера.

В 1837 году Александр Николаевич совершил большое ознакомительное путешествие по России. На следующий год родителям пришлось всерьез беспокоиться за судьбу наследника в связи с его романом с фрейлиной Ольгой Калиновской (в первом браке Плаутина, во втором — Огинская). Александра Николаевича отправили в Европу в образовательное путешествие, но после возвращения весной 1840 года, по свидетельству сестры, «его любовь к Ольге Калиновской снова разгорелась жарким пламенем». «Он доверился, — пишет Ольга Николаевна, — дяде Михаилу, и тот, вместо того, чтобы призвать его к благоразумию, указал ему на свой собственный брак, жертвой которого он был, женившись не по любви. Папа был очень недоволен слабостью Саши»^{1719}. Фрейлине Калиновской пришлось отказать от двора. Ее приняли польские родственники. Только весной 1840 года Александр Николаевич, как пишет его сестра Ольга Николаевна, «раскаялся в своем заблуждении и уехал весной в Германию. 4 марта в Дармштадте была объявлена его помолвка». Николай Павлович и Мария Федоровна были счастливы. Мари (Мария Александровна) быстро завоевала все сердца, и Николай Павлович начинал к ней письма словами: «Благословенно Твое Имя Мария»^{1720}.

Обучением второго сына — Константина Николаевича, готовившегося для руководства военно-морским ведомством, с 1832 года занимался известный мореплаватель адмирал (тогда контр-адмирал) Ф. П. Литке. В письме к В. А. Жуковскому от 17 (29) октября 1841 года из Царского Села он писал о принципах воспитания для четырнадцатилетнего Константина: «Мы идем вперед, как всегда не торопясь, но изрядно успевая. Зимой приступим к военным наукам; Вы не поверите, что я тороплюсь начать их. Опасений Ваших, почтенный друг, чтобы специальное образование моряка

не помешало общему образованию принца, я не разделяю. Во-первых, не понимаю я, каким образом можно было бы, стремясь к общему образованию, избежать специального... Прежде всего должно ему быть человеком: это главное и об этом стараемся мы всеми средствами»^{1721}.

В качестве одного из преподавателей для Константина Николаевича был приглашен из Пруссии А. Т. Гримм. В отличие от А. И. Герцена, впоследствии нелестно отзывавшегося о нем, великая княжна Ольга Николаевна одобрила выбор Ф. П. Литке: «Он выбрал ему в преподаватели некоего Гримма, рациональный метод которого принес очень хорошие плоды. Костя, имевший прекрасную память, вдали от своих летних развлечений на кораблях балтийского флота приобрел очень большие познания в географии, математике, которые позволяли ему хорошо сдавать все экзамены. Благодаря своему пытливому уму и либеральным взглядам, не совсем обычным для Зимнего дворца, он проявил себя необычайно способным к пониманию всего делового, в то время, как в обращении с людьми ему не хватало такта. Он обладал способностями государственного деятеля, и его имя останется связано с реформами, осуществленными в царствование императора Александра II»^{1722}. Не случайно Николай Павлович завещал Константину все свои библиотеки (кроме «секретной» эротической).

В целом можно сказать, что дети Николая Павловича получили более систематическое и глубокое образование, чем дети покойного императора Павла I, а педагогические принципы воспитания не травмировали детской психики и способствовали формированию личности.

Для Николая Павловича семья и дети были в определенной степени незаменимым средством для снятия стресса. «Все кругом, — писал маркиз де Кюстин в 1839 году, — наперебой расхваливают семейственные радости, которые вкушает император Николай, однако мне видится в этом скорее утешение прекрасной души, нежели доказательство безоблачного счастья. Утешение — еще не есть блаженство; напротив, необходимость лечения доказывает наличие болезни; если у российского императора великая душа, то придворная жизнь не может полностью занять ее; отсюда — частные добродетели императора Николая»^{1723}. По словам В. А. Жуковского, лишь только император переступал порог своего дома, как «угрюмость исчезала, уступая место не улыбкам, а громкому смеху, откровенным высказываниям и ласковому обращению с окружающими»^{1724}. Несомненно, что «бегство» в семейную жизнь было защитной реакцией на надоевшие условности этикета, фальшивую

позолоту императорского двора. Вряд ли был прав М. Н. Покровский, когда писал о театральности и фальши семейной жизни императора. Маркиз де Кюстин был склонен считать, что семейные чувства Николая Павловича были вполне искренними: «Нынешний император оставляет свою самодержавную величавость лишь в кругу своей семьи. Там он вспоминает, что человеку природой заповеданы радости, независимые от обязанностей государственного мужа; во всяком случае, мне хочется верить, что именно это бесконечное чувство влечет императора к его домашним; семейственные добродетели, без сомнения, помогают ему править страной, ибо снискивают ему почтение окружающих, однако я не думаю, что он чадолюбив по расчету»^{1725}.

Естественно, было бы наивно представлять заботливого государя, правившего страной со многими нерешенными проблемами, безоблачно счастливым человеком. Возможно, это имело бы место, обладай правитель более ограниченными чувствами и более примитивной душевной организацией. При всем желании, даже в кругу семьи, Николай Павлович не мог абстрагироваться от действительности или уклониться от исполнения своих обязанностей государя. Он и дома чувствовал себя на службе или, по крайней мере, не забывал о ней. Английская королева Виктория в письме к королю Бельгии Леопольду от 30 мая (11 июня) 1844 года отметила: «Он несчастлив, и меланхолия, проглядывающая в его внешности, по временам наводила на нас грусть»^{1726}. Впрочем, в то время Николай Павлович мог вспоминать и о днях молодости и надеждах своего первого пребывания на берегах «Туманного Альбиона», когда, казалось, все еще впереди...

Перед кончиной Николай Павлович нашел силы проститься с каждым из своих детей и внуков отдельно. Фрейлина А. Ф. Тютчева записала в дневнике: «Благословляя цесаревну, он продолжительным взглядом, казалось, особенно поручил ей императрицу, как будто более всего он полагался на ее любовь и заботу. Благословив всех, он сказал, обращаясь ко всем вместе: «Напоминаю вам о том, о чем я так часто просил вас в жизни: оставайтесь дружны»^{1727}.

«Я его слишком люблю»: Николай I в окружении женщин

Летом 1833 года Дарья Христофоровна Ливен (урожденная Бенкендорф), супруга русского посланника в Лондоне Х. А. Ливена, женщина-дипломат и «агент влияния» в Англии в большей степени, чем ее муж, прибыла в Петербург. Она приехала извиняться и объясняться в связи с тем, что не смогла воспрепятствовать, как этого требовал К. В. Нессельроде, назначению известного русофоба Стредфорда Каннинга английским посланником в Петербург. (Только позднее Николаю I все же удалось отклонить эту неприемлемую для него кандидатуру.) Еще ничего не омрачало ее отношений с Николаем Павловичем и Александрой Федоровной, а ее знаменитые письма на зеленой бумаге пока что не были для императора «противными». Пройдет два года, и в 1835 году Д. Х. Ливен оставит мужа и под предлогом плохого здоровья откажется вернуться в Россию. Позднее она станет жить с французским послом в Лондоне Ф. Гизо, на руках которого и умрет в Париже в 1857 году. А летом 1833 года, по прибытии в Петергоф, где, как всегда, проводила лето царская семья, она уведомляет своего лондонского друга об обедах на «четыре персоны» с императорской четой и гостившим тогда в России братом Александры Федоровны принцем Альбертом. Ее возвращения с нетерпением ожидал английский король Вильгельм IV, известный многими странностями, среди которых увлечение женщинами было не самой неприятной. При первой же встрече с Д. Х. Ливен король стал расспрашивать ее о разных деталях быта императорского двора. Его интересовало все: как и с кем сидит за столом Николай I, в какой момент подают на стол мороженое... Наконец Вильгельм IV спросил: «Ухаживает ли император за женщинами?» — «Да, Ваше Величество». — «Ревнует ли его императрица?» — «Нет, так как император всегда посвящает ее в свои тайны, когда сердце его бывает затронуто». — «А! Я это очень одобряю», — сказал король, приехавший в 1830 году вступать во владение Виндзорским дворцом на козлах маленькой кареты, в которой помимо его супруги находились и две побочные дочери^{[1728](#)}.

Мужчины, занимающие престол, всегда вызывают повышенный интерес женского окружения. Тем более это относится к Николаю Павловичу, обладавшему величественной фигурой, античным профилем и

некоторой долей сентиментальности. «Внушая страх и уважение окружающим его, — писал в 1851 году французский посланник маркиз де Кастельбажак, — он в то же время надежный друг, и своей сердечной нежностью нередко уподобляется молодой романтической женщине»^{1729}. Настроенная во многом критически к императору А. Ф. Тютчева вынуждена была признать, что он обладал «утонченной вежливостью и учтивостью»^{1730}. На совести желчного князя-эмигранта П. В. Долгорукова остается утверждение о том, что император «в последние годы своей жизни любил употреблять в разговоре с женщинами тон самый грязный, самый циничный»^{1731}. Обычно же император, напротив, всегда был изысканно вежлив, обращаясь к женщинам на «Вы» независимо от возраста, как, например, к тринадцатилетней М. П. Фредерикс. Да и разговаривал он с ними в основном по-французски. Авторитет женщин оберегался при Николае I даже в театральных постановках. Впрочем, так обстояло дело в обществе. На маневрах же, в поле, где дамам было не место, он мог и похулиганить. Вспоминая один из смотров 40-х годов, бывший кадет Л. Ушаков писал: «В конце лагеря государь делал смотр отряду и в середине смотра, дав «вольно», слез с лошади (за ним во фронте были знамена) и отправил естественную надобность, повернувшись к веренице экипажей, наполненных блестящими дамами, которые тотчас же прикрылись зонтиками»^{1732}.

Во время первого своего посещения Англии великий князь Николай Павлович, тогда еще неженатый, произвел фурор в дамском обществе. Вот что писала Е. С. Пемброк в Москву графине М. В. де Бальмен 26 февраля 1817 года: «Наш дорогой великий князь Николай провел здесь (в доме корреспондентки. — Л. В.) два дня со своею свитою. Вчера утром он уехал и так нас обворожил, что только о нем и разговаривали... В его присутствии всем нам было легко: до такой степени он был любезен и добродушен»^{1733}. Тогда же леди Кембель заметила: «Что за милое создание! Он дьявольски хорош собою! Он будет красивейшим мужчиною в Европе»^{1734}. Впрочем, всецело увлеченный тогда принцессой Шарлоттой, будущей Александрой Федоровной, Николай Павлович на комплименты реагировал холодно.

Напрасно беспокоилась Мария Федоровна, когда Николай Павлович еще раньше, в 1814 и 1815 годах, впервые побывал в Париже. Великий князь был лишен легкомыслия. Возможно, этому способствовала экскурсия, устроенная для него еще в Петербурге доктором А. А. Крейтоном. По воспоминаниям врача Калининской больницы Реймера, в

1835 году Николай Павлович обратился к нему при обходе: «Я пришлю сюда своего сына и ты покажи ему самые ужасные примеры сифилитической болезни на мужчинах и женщинах. Когда я был молод и еще не женат, мой доктор Крейтон тоже водил меня по военному госпиталю; больные, которых я увидел, произвели во мне такой ужас, что я до самой женитьбы своей не знал женщин»^{1735}. В первые же годы после женитьбы он демонстративно подчеркивал свою привязанность к жене. Однажды на маскараде в Вене к Николаю Павловичу подошла дама в «домино» со словами: «Знаете ли Вы, Ваше Высочество, что Вы самый красивый мужчина в России?» «Великий князь ответил резко, отворачиваясь от нее: «Сударыня, это касается только моей жены»^{1736}.

Впрочем, существует и другая точка зрения на этот счет, хотя она представляется маловероятной. Шведский славист Стаффон Скотт без ссылок на источники (да и какие могут быть источники?!) пишет буквально следующее: «Между прочим, и сам Николай I основал побочные линии, например с Марией Ивановной Исаковой, урожденной Каратачаровой. В то время он был еще не царем, а великим князем Николаем Павловичем и даже не наследником престола. Их сын Николай носил отчество и фамилию мужа матери. От него пошел большой род, и праправнук Николая I Сергей Исаков родился в 1916 году в городе Кармель, штат Калифорния. Еще одним плодом великокняжеского периода Николая I была Йозефина Кобервейн, дочь фрейлины шведского короля Густава IV Адольфа Мари Анны Шарлотты Рутеншельд. Эта шведка недолгое время была замужем за Иосифом Кобервейном, чтобы дать ребенку фамилию и законный статус. Йозефина Кобервейн вышла замуж за французского художника по имени Александр Фрисеро, потомки которого живут во Франции по сей день»^{1737}.

Известно, что Николай Павлович был далеко не безразличен к женской красоте. Когда в 1844 году, спустя много лет после первого своего посещения Англии, он вновь прибыл в эту страну с визитом уже в качестве императора, королева Виктория отметила в письме к бельгийскому королю Леопольду: «...Его восхищение женской красотой очень велико... но он остается верен тем, кем он восхищался двадцать восемь лет тому назад»^{1738}. Годом позже, 3 (15) декабря 1845 года, во время просмотра в Риме работ русских художников — пенсионеров Академии художеств — он остановился перед картинами П. Н. Фролова с изображениями поясных фигур. «Они так с голых и пишут их?» — задал он вопрос сопровождавшему его вице-президенту академии графу Ф. П. Толстому. На

следующий день во время посещения скульптурной мастерской П. А. Ставассера император по достоинству оценил его работы. Этот эпизод, со слов графа Ф. П. Толстого, был затем включен в воспоминания Т. П. Пассек: «Государь пришел в восхищение от вылепленной Ставассером статуи нимфы с сатиром и спросил его: «Неужели у тебя натурщица так хороша и грациозна?» Рассматривая долго эту статую, он обратился к стоящему тут флигель-адъютанту В. И. Васильчикову и, закрыв ему рукою глаза, проговорил: «Тебе не надобно на нее смотреть, это опасно»^{1739}. Похвалил он и скульптуру русалки, а покидая мастерскую, заказал для себя группу «Сатир, обувающий нимфу» в мраморе. Как писал своей сестре в Петербург сам П. А. Ставассер, Николай I, любуясь «Нимфой» и «Русалкой», задал вопрос: «Которая же модель тебе более понравилась? То есть та ли, которая служила для «Русалки» или которая для «Нимфы»? Я отвечал, что нравятся обе. Царь улыбнулся и заметил: «Должно быть, у тебя прекрасные модели». Уходя, он опять посмотрел на группу, и опять похвалил: «Мне очень нравится; старайся, чтоб я не ошибся в тебе; смотри, не заленись!» Вышедши из мастерской и обратившись к окружающим, он заключил словами: «Je n'ai rien vu de plus gracieux!» («Я ничего не видел более изящного!»)^{1740}. Интересно, что сам скульптор за неделю до посещения его мастерской императором в письме к сестре выразил восхищение четырнадцатилетней натурщицей Розой, родившейся от римлянки и мулата: «Что у меня за натурщица! Это сама нимфа... Но, работая с ней, нужно иметь очень много терпения, потому что прекапризная и ленивая девушка»^{1741}.

О том, что Николай Павлович был небезразличен к женской красоте, косвенно свидетельствует и то, что значительные суммы тратились на закупку с помощью комиссионеров фривольных рисунков. Они поступали в запечатанных конвертах в «секретную библиотеку» императора, так что к концу жизни он, по мнению исследовательницы истории императорской библиотеки, стал обладателем одной из самых больших коллекций эротической графики^{1742}. В запасниках Павловского дворца-музея хранится одно из эротических полотен Карла Брюллова «Вакханалия». Вероятнее всего, эта картина принадлежала Николаю I. Она закрыта сверху литографией с изображением томной молодой красавицы, возлежащей в прозрачных одеждах. В золоченой раме есть замок, нужно повернуть маленький ключик — и картина откроется как книга. Молодая дама уступит место вакханалии с изображением Вакха, нетрезвых купидонов и вакханок, предающихся любви с ослом и с сатирами. Авторство Брюллова

не оспаривается, хотя «Вакханалия» им не подписана. Еще одно эротическое полотно Павловского дворца — «Марс и Венера» (Мартин Хенеслер, 1561), представляющее иллюстрацию к поэме Лукиана. В центре произведения — обнаженные Вакх и Венера, на которых Вулкан накинул сеть, выставив любовников на всеобщее осмеяние. Эту картину, хранившуюся первоначально в Гатчинском дворце, Николай I подарил наследнику. Известно также, что именно Николай Павлович привез из-за границы коллекцию поясов верности.

Сам Николай Павлович продолжал вызывать восхищение женщин и в зрелом возрасте. Леди Блумфильд оставила следующую запись, датированную 8 мая 1846 года: «Я встретила императора Николая в первый раз на спектакле у Воронцовых-Дашковых... Он, бесспорно, был самый красивый человек, которого я когда-либо видела, и его голос и обхождение чрезвычайно обаятельны... Различие в манерах, когда он разговаривает с дамами и когда командует войсками, поразительно»^{1743}. Даже «шестидесятник» Н. В. Шелгунов скрепя сердце был вынужден признать, что «Николай оставил целую массу людей, боготворивших его. Во внешности Николая было столько властительски обаятельного, что он не мог не нравиться, особенно женщинам»^{1744}. Взыскательная в оценке людей и «демократически» настроенная фрейлина А. Ф. Тютчева, отметив положительные качества императора как человека, писала: «...Тембр его голоса был также чрезвычайно приятен. Я должна поэтому сознаться, что сердце мое было им пленено, хотя по своим убеждениям я оставалась решительно враждебной ему. Я не могу отказать себе задним числом в маленьком удовлетворении самолюбия и не привести здесь мнения, высказанного императором по поводу меня: он сказал великой княгине Марии Николаевне, которая поспешила мне это передать как большую и очень лестную для меня новость, что я ему очень понравилась и что оживленное выражение моего лица делало меня лучше, чем красивой. Достаточно было этих одобрительных слов с уст владыки, чтобы с самого начала прочно поставить меня в новой окружающей среде. Никто после этого не посмел бы усомниться в том, что я хороша собой и умна»^{1745}.

Что уж тут говорить о «девичнике» Смольного монастыря, где издавна культивировалось «обожание» царской семьи. Чувство восхищения Николаем Павловичем многие из смолянок сохранили на всю жизнь. Одна из них, подруга матери Александра Бенуа, когда при ней, поддразнивая, начинали говорить, что Николай I не был примером супружеской верности, «закрывала глаза и кричала: «Неправда. Все это клевета!»^{1746}.

Восприятие молодой смолянки нашло отражение и в дневнике В. Т. Быковой, которая, вспоминая о его появлении в Смольном, писала: «Залу осветил своим явлением наш ангел-император! Какой красавец! Он все, кажется, молодеет»^{1747}. Это «обожание» иногда переходило разумные пределы. Одна из сестер-фрейлин Гудович, «афишировала такую безумную страсть к императору, что падала в обморок при его появлении»^{1748}.

Представители революционно-демократических кругов привычно обвиняли Николая Павловича в домогательствах по отношению к женщинам, циничности, двуличии, лицемерии, отказывая ему в то же время в подлинной страсти. «Я не верю, — писал А. И. Герцен, — чтоб он когда-нибудь страстно любил какую-нибудь женщину, как Павел Лопухину, как Александр всех женщин, кроме своей жены; он пребывал к ним благосклонен, не больше»^{1749}. Безапелляционно-обличительным приговором стала характеристика М. Н. Покровского в его пособии по русской истории, на долгие годы ставшем настольным учебником: «Лицемерием была проникнута вся его личная жизнь. Он был, конечно, также развратен, как все его предшественники и предшественницы. У него была постоянная фаворитка, с которой его законная жена Александра Федоровна была в большой дружбе — до того все это считалось естественным. Но, кроме того, к его услугам был целый гарем из придворных дам и девиц (фрейлин), балетных танцовщиц и т. д. Мужья и отцы, как чумы, боялись николаевского двора; поэт Пушкин пал жертвой обстановки, которая складывалась для людей, имевших красивую жену и в то же время имевших несчастье принадлежать к придворному кругу... На людях он самым почтительным образом относился к своей «законной жене», был самым нежным отцом семейства, разыгрывая целые комедии «семейного счастья» за утренним кофе или вечерним чаем, на елке и т. п.»^{1750}.

Автора этой цитаты нельзя упрекнуть в незнании источников. Хотя в действительности только некоторые из отцов отказывались от придворной карьеры своих дочерей. Так, в 1835 году во время прогулки по Английской набережной Николай Павлович и Александра Федоровна обратили внимание на старшую дочь графа Ф. П. Толстого. Как вспоминает М. Ф. Каменская, «государь, глядя на нас, весело засмеялся и похлопал отца моего по плечу». Сразу же все стали советовать Машеньке почаще гулять на Английской набережной, кузина привозила в дом разные сплетни, в том числе, что на Святой неделе его дочь станет фрейлиной императрицы. Все это вызывало только раздражение Ф. П. Толстого, и даже на придворных

рассыльных он стал смотреть как на врагов: «Ему все чудилось, что кто-нибудь из них везет мне фрейлинский шифр. Говорят, что неизвестность так мучила его тогда, что он даже решился закинуть по этому поводу словечко министру двора. «Отчего Вы меня об этом спрашиваете, граф?» — спросил князь Петр Михайлович Волконский. «Оттого, Ваше сиятельство, что я не желаю, чтобы моя дочь...» — (и папенька шепнул что-то на ухо князю). Министр с удивлением взглянул на него и холодно проговорил: «После того, что Вы мне сказали, граф, Вы можете быть покойны: дочь Ваша фрейлиной не будет»^{1751}. Младшая дочь Ф. П. Толстого (от второго брака) Е. Ф. Юнге в воспоминаниях, написанных по просьбе Л. Н. Толстого, также вспоминала о внимании, проявленном императором к ее сестре: «Моя сестра Мария Федоровна Каменская была известная в Петербурге красавица. Когда она девушкой гуляла под руку с отцом и им встречался император Николай Павлович, то последний осаживал лошадей и выходил из экипажа, чтобы пройтись и побеседовать с ними, и тем ужасно сердил моего отца, который, приходя домой, говорил: «Ну нет, если он опять это сделает, я его побью»^{1752}.

Разные слухи ходили про фрейлину А. О. Россет — «черноокою Россетти», вышедшую замуж в 1832 году за молодого дипломата Н. М. Смирнова. Достоверно известно лишь то, что по секретному предписанию Николая I в качестве приданого вместо обычных 3 тысяч рублей, положенных штатным фрейлинам, ей было выдано 12 тысяч^{1753}. Сами воспоминания бывшей фрейлины в этом отношении скупы. Вот молодая девушка, еще не ставшая фрейлиной, но уже живущая при дворе, она в 1826 году прыгает в Царском Селе по замерзающим лужам, и вдруг из открывшегося окна слышит голос Николая Павловича: «Это было самое красивое дитя на свете... Оли, вот мои новые фрейлины... Это мило, вот так-то простужаются. Пойдите согрейтесь и вымойте ноги водкой»^{1754}. Затем, когда ее разувала прислуживающая фрейлинам девушка, он пришел проверить, как выполнено его пожелание, попросив показать ножку и отпустив соответствующий комплимент. Этот случай вполне мог иметь место в апреле 1826 года. 27 апреля камер-фурьерский журнал впервые фиксирует присутствие девиц А. О. Россет и А. А. Эйлер (внучки академика) с фрейлиной С. Г. Моден на выходе Николая I и Александры Федоровны в церковь в день рождения цесаревича Константина Павловича^{1755}. Отношения Александры Осиповны с мужем, который принес ей положение и деньги, необходимые для поддержки родственников, оставались прохладными. В своих воспоминаниях она

непроизвольно сравнивает мужа с Николаем Павловичем, к которому не скрывает чувств: «По моему мнению, все мужья — свиньи; сделав детей своим женам, они полагают, что сделали всё, — все, за исключением императора Николая, идеального мужа и отца»^{1756}.

В дневниковой записи А. С. Пушкина за 8 марта 1834 года встречаем: «Вчера был у Смирновой], ц. н. — анекдоты»^{1757}. Обычно отмечается, что запись не поддается расшифровке; возможно, «ц. н.» — «царские наложницы». Если А. С. Пушкин не имел в виду саму А. О. Смирнову, то не поделилась ли она какой-то известной ей информацией? Впрочем, и это маловероятно, поскольку в небольшой сохранившейся части дневника она слишком сдержанна. Однако чувствуется, как А. О. Смирнова ревниво присматривается к окружающим императора дамам. В дневнике 10 марта 1845 года она пишет, как вспоминала со своими приятелями 38-й год, когда она только что вернулась после трехлетнего отсутствия из Парижа: «Эта зима была одной из самых блистательных. Государыня была еще очень хороша, прекрасные ее плечи и руки были еще пышные и полные и при свечах на бале, танцуя, она еще затмевала первых красавиц. В Аничковом дворце танцевали всякую неделю в белой гостиной; не приглашалось более ста персон. Государь занимался в особенности бар. Крюднер, но кокетничал, как молодая бабенка, со всеми и радовался соперничеством Бутурлиной и Крюднер. Я была свободна, как птица, и смотрела на все эти проделки как на театральное представление, не подозревая, что тут развивалось драматическое чувство зависти, ненависти, неудовлетворенной страсти, которая не переступала из границ единственно от того, что было сознание в неискренности государя. Он еще тогда так любил свою жену, что пересказывал ей все разговоры с дамами, которых обнадеживал и словами, и взглядами, не всегда прилично красноречивыми»^{1758}. Упомянутая Амалия Максимилиановна Крюднер, формально урожденная Лерхенфельд, на самом деле была внебрачной дочерью прусского короля Фридриха Вильгельма III. До ее первого замужества в нее был безнадежно влюблен начинающий дипломат Ф. И. Тютчев. По своему происхождению она являлась побочной сестрой (кузиной) императрицы Александры Федоровны^{1759}. Она была честолюбива, любила быть в центре внимания и старалась чем только могла вознаградить себя за жизнь с нелюбимым мужем. Супруга военного историка сенатора Д. П. Бутурлина графиня Елизавета Михайловна Бутурлина (урожденная Комбурлей) была известной петербургской «львицей». Еще одна дама, с которой в ту зиму, по воспоминаниям Ольги

Николаевны, танцевал Николай Павлович, — княгиня Зинаида Ивановна Юсупова (урожденная Нарышкина), жена гофмейстера Б. Н. Юсупова^{1760}.

Ревнивыми глазами, не признаваясь в том самой себе, А. О. Смирнова-Россет следит в первую очередь за двумя признанными красавицами Петербурга — А. М. Крюднер и Е. М. Бутурлиной, фиксируя даже отдельные аксессуары их костюмов: «Однажды в конце бала, когда пара за парой быстро и весело скользили в мазурке, усталые мы присели в уголке за камином с бар. Крюднер; она была в белом платье, зеленые листья обвивали ее белокурые локоны; она была блистательно хороша, но не весела. Наискось в дверях стоял царь с Е. М. Бутурлиной, которая беспечной своей веселостью более, чем простотой, всех привлекала, и, казалось, с ней живо говорил; она играла веером, смеялась иногда и показывала ряд прекрасных белых своих жемчугов... Я сказала m-me Krudner: «Вы ужинали, но последние почести сегодня для нее». — «Это странный человек, — сказала та, — нужно, однако, чтобы у этого был какой-нибудь результат, с ним никогда конца не бывает, у него на это нет мужества; он придает странное значение верности. Все эти маневры с ней ничего не доказывают»^{1761}. Всю ту зиму, как свидетельствует А. О. Смирнова-Россет, Николай Павлович «ужинал между Крюднер и Магу Пашковой, которой эта роль вовсе не нравилась», в компании с А. Ф. Орловым и Адлербергом; но вскоре «покойный Бенкендорф заступил место Адлерберга, а потом и место государя при Крюднерше». Как-то Николай Павлович сказал А. О. Смирновой: «Я уступил свое место другому», — и говорил о ней (баронессе Крюднер. — Л. В.) с неудовольствием, жаловался на ее неблагодарность и ненавистное чувство к России. «Она точно скверная немка, у нее, как говорил мне человек мой Григорий, жадность к деньгам неимоверная»^{1762}. Когда ее отношения с А. Х. Бенкендорфом стали слишком открытыми, для ее мужа был найден пост в Стокгольме. Впоследствии вторым браком А. М. Крюднер вышла замуж за финляндского губернатора Н. В. Адлерберга (младшего сына В. Ф. Адлерберга), который был моложе ее на 11 лет.

Вероятно, Александре Осиповне и Николаю Павловичу было что вспоминать. В дневнике за 10 марта 1845 года она отметила, как грустит Николай, когда рядом нет императрицы, которая поэтому так не любит оставлять его одного, уезжая за границу, как тогда говорили, «в чужие края». В тот день на особенно многолюдном «собрании» (вечере) у императрицы Николай Павлович подошел к А. О. Смирновой и сказал: «Вот уж скоро двадцать лет, как я сижу на этом прекрасном местечке. Часто

удаются такие дни, что я смотрю на небо и говорю: «Зачем я не там? Я так устал...» «Я хотела продолжать разговор, — пишет А. О. Смирнова-Россет, — но он повернул на старые шутки. Пусть не мое перо их передает: я его слишком люблю»^{1763}.

Николаю Павловичу нравилось интриговать женщин и делать разные сюрпризы, хотя не все они удавались. Во время утренних прогулок по Дворцовой набережной в своей обычной офицерской шинели он стал встречать девушку с нотной папкой, которая спешила на уроки музыки, чтобы содержать своего ослепшего отца — бывшего музыканта. Император начал раскланиваться при встрече. Завязалось знакомство, и он был приглашен к ней домой на Гороховую улицу. Казалось, что девушка не узнала в уличном знакомом императора. Так думал Николай Павлович. Наступил назначенный день встречи, и во время своей дневной прогулки, изменив обычный маршрут, государь отправился на Гороховую. К его удивлению, лестница дома оказалась освещенной. Правда, это был тусклый фонарик с оплывшим огарком, но для Гороховой улицы, заселенной в основном мещанами, ремесленниками и мелкими чиновниками, и это была роскошь. «Осторожно поднимаясь по достаточно грязно содержащимся ступенькам, государь издали услышал звуки музыки и ощутил какой-то странный запах, смесь подгоревшего масла с дешевым одеколоном... У одной из дверей горел такой же фонарь, как на лестнице. На двери значилась фамилия отца той молодой девушки, к которой направлялся государь». Однако когда он дернул за железную ручку, выглянувшая кухарка не пустила его на порог, заявив, что «барышня» ждет самого императора: «Так Вы по Вашему офицерскому чину и уходите подбру-поздорову». Раздосадованный неизвестно чем больше, то ли тем, что его узнала «барышня», то ли тем, что не пустила кухарка, Николай Павлович удалился^{1764}.

В отношениях с красивыми дамами из высшего общества император любил красивые и несколько театральные жесты. Как известно, признанным донжуаном был один из ближайших друзей Николая Павловича — А. Х. Бенкендорф. Тем более любопытно его описание встречи императора с княгиней М. Меттерних (урожденной княжной Зичи) во время стремительного неофициального визита в Вену в 1835 году. После открытия мемориала в Кульме августейшие гости провели четыре дня в Праге. Здесь Николай Павлович неожиданно с рыцарской галантностью заявил австрийскому императору, что поедет в Вену, чтобы засвидетельствовать свое почтение императрице-матери. Во время этого

визита Николай Павлович, почти никого не посетив, сделал одно исключение для княгини М. Меттерних, супруг которой оставался на маневрах. Вот что пишет А. Х. Бенкендорф: «Княгиня Меттерних, ошачливленная приемом у себя государя, умоляла меня убедить его повторить еще раз свой визит к ней вечером. Опасаясь, быть может, остаться наедине с прелестнейшей женщиной, самым обворожительным образом предавшейся увлечению своей радости, государь взял с собой меня; но оказалось, что и она, движимая, вероятно, тем же страхом уединенной беседы с красивейшим мужчиной в Европе, вооружилась против него присутствием двух замужних своих падчериц. Свидание было чрезвычайно любезно с обеих сторон, но несколько принужденно»^{1765}.

В более привычной обстановке двора Николай Павлович умел быть не только изысканно вежливым, но еще и остроумным; он расточал комплименты, изредка нарушая требования этикета. Однажды на костюмированном балу у Елены Павловны (супруги Михаила Павловича) император примостился у ног Александры Федоровны, сидевшей в окружении фрейлин, и начал заигрывать с восемнадцатилетней Сайн-Витгенштейн^{1766}. Другой раз при разъезде он попытался сесть в карету одной из фрейлин, но блюстительница двора Михаила Павловича Е. В. Апраксина («Юнона во гневе», как называл ее из-за ее темперамента великий князь), схватила императора за фалды, и он должен был уступить^{1767}.

Над великосветскими дамами Николай Павлович подшучивал иногда с плохо скрытой иронией. На известном балу во дворце Б. Н. Юсупова, состоявшемся 26 февраля 1837 года, среди самых прелестных женщин выделялась супруга князя Павла Николаевича Демидова (брата Анатолия, имевшего титул князя Сан-Донато) Аврора Карловна. Одна из мемуаристок, тогда молодая девушка, только начавшая выезжать на балы, пишет: «На этом бале она обратила на себя внимание всех оригинальностью своего наряда: неизвестно почему, вероятно, *par esprit de contrediction* (из чувства противоречия), при ее баснословном богатстве она явилась на этот блистательный бал в самом простеньком белом, креповом платье, без всяких украшений, и только на шею повесила себе на тоненькой черной бархотке (*à l'enfant*) (по-детски) бриллиантовый крест всего из пяти камней. По поводу этого креста тут же на бале ходил анекдот: рассказывали, что государь Николай Павлович, взглянув на ее простенький костюм, со смехом сказал ей: «*Aurora, comme c'est simple, et comme cela coûte peu!*» («Аврора, как это просто и как это стоит дешево!»)^{1768}. Не

понимавшей тогда в чем дело девушке объяснили, что за каждый камушек можно купить дом.

Непринужденно вел себя Николай Павлович и на маскарадах. «Император и наследник, — пишет граф Рейзет, прибывший в Россию в 1852 году, — бывали совершенно запросто на маскарадах в Большом театре. Государь появлялся обыкновенно в казачьем мундире, который очень шел ему. Он похаживал взад и вперед в толпе, говорил, смеялся; маски интриговали его, толкали как первого встречного, и никто, по-видимому, не обращал на него никакого внимания. Таков характер русской жизни: рядом с самым строгим этикетом допускается полная бесцеремонность»^{1769}. Впрочем, при Николае I маскарады чаще проходили не в Большом театре, а в «благородном собрании» или в доме Энгельгардта на Невском проспекте, когда вслед за императорской четой их стало посещать и высшее столичное общество. По воспоминаниям современников, «в этих маскарадах особенных костюмов не было... дамы были в масках и в разного вида домино и капуцинах, а мужчины просто во фраках с шляпою на голове»^{1770}. В разговорах с дамами на маскарадах Николай Павлович был, как всегда, любезен, но фамильярностей не любил, и они могли подчас вывести его из себя. Известно, что на маскарадах появлялись дамы из разных социальных слоев общества, что дало повод мадам Рондо сравнить маскарады с железной дорогой, которая также уравнивала различные классы и сословия. В маскарад 1851 года одна из сомнительных масок (вероятно, из кухарок или горничных) стала фамильярно флиртовать с государем, жеманно спрашивая: «Кто же я такая?» — «Дура», — вспылил Николай Павлович и отвернулся^{1771}.

На одном из маскарадов Николай Павлович познакомился с Варварой Аркадьевной Нелидовой, племянницей Екатерины Ивановны Нелидовой — фаворитки Павла I, тихо доживавшей свой век в Смольном, а на лето выезжавшей и в Царское Село (Николай Павлович по-своему заботился о ней). От своей тетки В. А. Нелидова знала некоторые подробности из детства Николая Павловича и рассказала ему о них во время танца, когда была в маске. Ее пригласили ко двору, и весной 1838 года она была назначена фрейлиной. «То, что началось невинным флиртом, — пишет Ольга Николаевна, — вылилось в семнадцатилетнюю дружбу. В свете не в состоянии верить в хорошее, потому начали злословить и сплетничать... Варенька Нелидова была похожа на итальянку со своими чудными темными глазами и бровями. Но внешне она совсем не была привлекательной, производила впечатление сделанной из одного куска. Ее

натура была веселой, она умела во всем видеть смешное, легко болтала и была достаточно умна, чтобы не утомлять... Я заметила, что женщины такого типа нравились деловым мужчинам, как так называемые «душегрейки». Папа часто после прогулки пил чай у Вареньки; она рассказывала ему анекдоты, между ними и такие, какие никак нельзя было назвать скромными, так что Папа смеялся до слез. Однажды от смеха его кресло опрокинулось назад. С тех пор кресло это стали прислонять к стене, чтобы подобного случая не повторилось»^{1772}.

Самый желанный взгляд для обывателя — через замочную скважину, со смакованием альковных подробностей, хотя бы на основе слухов. Именно так, «Слухи», назывался рукописный журнал, составившийся Н. А. Добролюбовым в 1855 году, после смерти Николая I. Особенно упорные слухи ходили о том, что причиной расположения Николая Павловича к П. А. Клейнмихелю, первому (как и П. А. Фредерикс) адъютанту Николая Павловича, была его услужливая готовность усыновлять детей императора. Обыгрывая фамилию графа, Н. А. Добролюбов писал, что детей было бы правильнее называть не «кляйн-Михелями» («маленькими Михелями»), а «кляйн-Николаусами»^{1773}. Варвара Аркадьевна приходилась П. А. Клейнмихелю родственницей по линии второй его жены. Служивший позднее под началом П. А. Клейнмихеля как главноуправляющего путями сообщения инженер А. И. Дельвиг пишет: «Между тем Клейнмихель, разведенный с первою женой по указу Синода, которым он лишен был права вступить во второй брак, женился на молодой, богатой, бездетной вдове [К. П.] Хорват, урожденной Ильинской. Сестра же его второй жены была замужем за Аркадием Аркадьевичем Нелидовым. Сестра же последнего, Варвара, по окончании воспитания в Смольном монастыре, жила у Клейнмихеля в доме Главного штаба. Молодая Нелидова очень понравилась государю. Многие обвиняют Клейнмихеля в том, что он этому способствовал, но я слышал от достойных веры людей, что он, напротив того, принимал меры, конечно, не вполне энергичные, удалить Нелидову от государя... но когда эти меры не помогли, то Клейнмихель воспользовался положением»^{1774}.

Звезда В. А. Нелидовой стала всходить во время перестройки Зимнего дворца параллельно с восхождением самого П. А. Клейнмихеля, который после завершения работ получил титул графа с девизом «Усердие все превозмогает», а также право помещения в герб изображения Зимнего дворца. В это время Нелидова уже была фрейлиной и жила в Зимнем, продолжая часто бывать и на квартире графа. Вероятно, она не сразу нашла

нужный тон в общении с домашними, сначала «держала себя величаво», так что сыновья Клейнмихеля над нею смеялись. Сам Клейнмихель с родственницей не церемонился и, как свидетельствует обедавший у своего начальника А. И. Дельвиг, принимал ее лежа «и на своем казарменном жаргоне звал ее стервою, иногда так громко, что и посторонние слышали». Но уже очень скоро В. А. Нелидова добилась всеобщего признания и одобрения. Как пишет М. П. Фредерикс, «она и не помышляла обнаруживать свое исключительное положение между своих сотоварищей фрейлин; она держала себя всегда очень спокойно, холодно и просто... она была достойная женщина, заслуживающая уважения»^{1775}. «Сама Нелидова, — писала А. И. Соколова, — тщательно скрывала милость, которую обыкновенно выставляют напоказ женщины, пользующиеся положением подобным ей»^{1776}.

В опубликованной двумя изданиями и написанной в жанре исторического детектива книге П. Гримма сделана попытка воссоздать образ В. А. Нелидовой, тогда еще памятный современникам (она умерла в 1897 году): «Несмотря на трех детей, которыми она подарила государя, ее лицо сохранило полный блеск молодости (речь идет о 50-х годах. — Л. В.). Черты ее строго правильные позволяли справедливо и основательно Нелидовой соревноваться с красивейшими женщинами во всей России. Она не была блистательной красавицей вроде Монтеспан и, скорее, напоминала собой непреодолимую строгую красоту Ментенон. Подобно Ментенон, сумевшей пленить сердце Людовика XIV, Нелидова пленила Николая не только своей красотой, но и умом. Она умела управлять своим повелителем с тактом, свойственным только женщине. Делая вид, что во всем покоряется, всегда умела направить его на путь, который, по ее мнению, был лучшим... она могла бы злоупотреблять своим влиянием по части интриг и кумовства, но была далека от этого, даже нередко ее влияние имело добрый результат, и никогда не старалась она выставляться на вид, не окружала себя призраками и ореолом власти; ей хорошо был известен гордый и подозрительный характер государя»^{1777}. Вероятно, эта характеристика справедлива. Именно такой рисуется ее образ в воспоминаниях современников.

Бывшая смолянка А. И. Соколова свидетельствует: «Больших и особенно знаменательных увлечений за императором Николаем I, как известно, не водилось. Единственная серьезная, вошедшая в историю связь его была с Варварой Аркадьевной Нелидовой, одной из любимых фрейлин Александры Федоровны. Но эта связь не могла быть поставлена в укор ни

самому императору, ни без ума любившей его Нелидовой. В нем она оправдывалась вконец пошатнувшимся здоровьем императрицы, которую государь обожал, но которую берег и нежил. Как экзотический цветок, Нелидова искупала свою вину тем, что любила государя всеми силами своей души, не считаясь ни с его величием, ни с его могуществом, а любя в нем человека. Императрице связь эта была хорошо известна... Она, если так можно выразиться, была санкционирована ею, и когда император Николай Павлович скончался, то императрица, призвав к себе Нелидову, нежно обняла, крепко поцеловала и, сняв с руки браслет с портретом государя, сама надела его на руку Варвары Аркадьевны. Кроме того, императрица назначила один час в течение дня, в который, во все время пребывания тела императора во дворце, в комнату, где он покоем, не допускался никто кроме Нелидовой, чтобы дать ей, таким образом, свободно помолиться у дорогого ей праха»^{1778}.

Впрочем, как отмечает А. И. Соколова, «помимо серьезной и всеми признанной связи, за государем подчас водились и маленькие анекдотические увлечения, которые он бесцеремонно называл «дурачествами», перекрестив их в оригинальное наименование «васильковых дурачеств» с тех пор, как услышал, что Ф. И. Тютчев поэтически назвал их «des bluettes». Среди фавориток Николая Павловича была, например, фрейлина Урусова, ставшая затем княжной Радзивилл^{1779}.

В начале 1834 года по Петербургу ходили слухи об истории с четой Безобразовых. А. С. Пушкин посвятил этой истории четыре записи в дневнике, но без подробных комментариев. Говорили о ревнивом флигель-адъютанте Сергее Безобразове (красавце и ловеласе), будто бы давшем императору пощечину и посаженном затем под арест, а потом отправленном на Кавказ. По слухам, фрейлина Л. А. Хилкова-Безобразова была любовницей Николая Павловича. Не случайно в октябре 1833 года А. С. Пушкин шутливо советовал в письме Наталье Николаевне не кокетничать с царем и Безобразовым^{1780}.

Возможно, к таким увлечениям императора можно отнести и москвичку Ольгу Александровну Долгорукову. Это о ней в дневнике за 10 мая 1834 года А. С. Пушкин писал: «Царь мало занимался старыми сенаторами, они роптали, глядя, как он ухаживает за молодой кн. Долгорукой (за дочерью Саши Булгакова! — говорили ворчуны с негодованием)»^{1781}. Карьеру актера А. М. Максимова злые языки связывали с тем, что он женился на танцовщице Аполлонской, бывшей

фаворитке императора^{1782}. Таким же «дурачеством» было кратковременное увлечение выпускницей театральной школы Марьей Дмитриевной Новицкой, вызвавшей фурор во время дебюта в опере «Фенелла» осенью 1833 года. В 1836 году она была выдана замуж за талантливого артиста-комика Н. О. Дюра, который скончался от скоротечной чахотки через три года^{1783}.

Случались у Николая Павловича и афронты, как в случае с красавицей Лавинией Жадимировской, урожденной Бравур, которая бежала от мужа с князем Трубецким, предпочтя его императору. Но это был уже открытый вызов общественному мнению и благопристойности в понимании Николая Павловича. Князь был арестован в Одессе и сослан на Кавказ. Кстати, этот сюжет стал основой романа Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов», впервые опубликованного в 1976 году^{1784}. Аналогичный случай связан с Софьей Несвицкой, урожденной Лешерн, которая предпочла изменять мужу с флигель-адъютантом Бетенкуром^{1785}. Позднее, когда она обратилась к императору с просьбой о материальной помощи, он ей отказал. В данном случае дело было не в высочайшей мстительности. Просто в отношении откровенных «кокотов» государь всегда был строг. Совсем по-другому было в случае с М. Ф. Каменской, урожденной Толстой. Ее сводная сестра по просьбе Л. Н. Толстого записала: «Когда сестра моя уже была замужем, Николай Павлович очень ухаживал за ней в маскарадах. Сестра рассказывала, что за ними там всегда ходил по стопам какой-то субъект; раз Николай Павлович заметил его и обернулся к нему, и раз, тоже в маскараде, Николай Павлович говорил ей, что не знает другой такой умной и привлекательной женщины, как она, и вдруг остановился и сказал: «Просите у меня теперь все, что Вы хотите, даю Вам царское слово, что не откажу, что бы это ни было». Она ответила, что не из корыстных видов беседует с ним, что ей ничего не надо. Впоследствии ее горькая жизнь заставила ее не раз прибегать к императору, который один мог помочь ей»^{1786}.

Много позже, пытаясь в какой-то мере реабилитировать Николая Павловича, Мария Петровна Фредерикс писала: «Известно, что он имел любовные связи на стороне — какой мужчина их не имеет, во-первых, а во-вторых, при царствующих особах нередко возникает интрига для удаления законной супруги; посредством докторов стараются внушить мужу, что его жена слаба, больна, что ее надо беречь и т. д., и под этим предлогом приближают женщин, через которых постороннее влияние могло бы действовать. Но император Николай не поддавался этой интриге, несмотря

ни на что, оставался верен нравственному влиянию своей ангельской супруги, с которой находился в самых нежных отношениях»^{1787}. Действительно, трудно привести пример, когда бы постороннее влияние, дамское или мужское, смогло повлиять на вопросы кадровой, внутренней или внешней политики. Только заступничество Александры Федоровны смягчало иногда решение Николая Павловича.

Государь тщательно соблюдал принятые правила благопристойности. В отличие от Александра I и Александра II, открыто третирующих своих жен, Николай Павлович не позволял себе ничего, что послужило бы намеком на его особые отношения с «Аркадьевной», как он называл Нелидову. Судя по всему, конспирация была на должном уровне. А. О. Смирнова-Россет, описывая подробно распорядок дня Николая Павловича в своем дневнике за 3 марта 1845 года, задает риторический вопрос: когда же царь бывает у фрейлины Нелидовой? Тем более что он «ложится почивать с императрицей в одной кровати»^{1788}. Молодая фрейлина Анна Тютчева долго ни о чем не догадывалась, хотя часто встречала В. А. Нелидову в обществе с Николаем Павловичем на больших и малых «собораниях» императрицы. Когда император умер, она встретила Нелидову, говорившую невпопад, увидела ее «безумные глаза» и только тогда поняла смысл неясных намеков окружающих.

«Императрица, — писала далее А. Ф. Тютчева, воссоздавая картину последней ночи, — с той ангельской добротой, которая является отличительной чертой ее характера, вспомнила в эту минуту про бедное женское сердце, страдавшее если не так законно, то не менее жестоко, чем она, и с той изумительной чуткостью, которой она отличается, сказала императору: «Некоторые из наших старых друзей хотели бы проститься с тобой: Юлия Баранова, Екатерина Тизенгаузен и Варенька Нелидова». Император понял и сказал: «Нет, дорогая, я не должен больше ее видеть, ты ей скажешь, что прошу ее меня простить, что я за нее молился и прошу ее молиться за меня»^{1789}. По этому поводу историк М. Н. Покровский, обличая Николая Павловича в лицемерии, писал: «Это лицемерие он выдержал до конца: после того, как он исповедался и приобщился, в его комнату больше не пускали фаворитку, вход туда имела только императрица»^{1790}.

Впрочем, моральные критерии такого рода большей частью переходящи и зыбки. Поведение Николая Павловича вполне укладывалось в понятие «любовный быт Пушкинской эпохи»^{1791}. Его «Донжуанский список» вряд ли превосходил список, составленный А. С. Пушкиным. Что же касается

«лицемерия», «элементов театральности», точнее, двойственности моральных норм и критериев оценки поведения, то все это было характерной чертой всего поколения пушкинско-николаевской эпохи. В этой связи Ю. М. Лотман заметил: «Система воспитания и быта вносила в дворянскую жизнь целый пласт поведения настолько скованного «приличиями» и системой «театрализованного жеста», что породило противоположное стремление — порыв к свободе, к отказу от условных ограничений. В результате возникла потребность в своеобразных отдушинах — прорывах в мир цыган, влечения к людям искусства и т. д. Вплоть до узаконенных форм на границах «приличия»: загул и пьянство как «истинно гусарское» поведение, доступные любовные приключения»^{1792}. Любителем кутежей и застолий Николай Павлович не был, а вот стремление хотя бы на время сбросить оковы этикета, который он сам же строго поддерживал, желание уединиться в «Коттедже» в качестве петергофского помещика или легкий флирт были вполне в его стиле. Кстати, по мнению историка Ю. В. Готье, «двойственность» облика была характерна для всех сыновей Павла I^{1793}. Это была типичность, продиктованная эпохой и обстоятельствами. Государственные заботы отнимали у императора все больше времени. Николай Павлович не перекладывал их на чужие плечи и, как правило, не искал сочувствия и утешения, жалуясь иногда только близким друзьям, как, например, Александре Осиповне Смирновой-Россет, оставившей в дневнике 10 марта 1845 года уже знакомую надпись: «Я его слишком люблю».

«Кто из Вас желает купить у меня девятку червей?»:

Хобби на досуге

Распорядок дня Николая Павловича был плотным, и времени для досуга оставалось немного. Публичные мероприятия в виде новогодних приемов, балов и других церемоний, как правило, являлись продолжением работы, продолжением службы. Самыми многочисленными были новогодний «народный маскарад» в Зимнем дворце, куда 1 января открывался доступ всем желающим, и праздник в Петергофе 1 июля по случаю дня рождения императрицы. Впрочем, революция 1848 года внесла свои поправки. Описывая иллюминацию и бал в Петергофе в июле 1850 года (в тот год назначенные на 3 июля), барон М. А. Корф меланхолически заметил: «При чудесной погоде и необыкновенном изяществе иллюминации и всего убранства целое походило на сказку из тысячи и одной ночи; но все же это был не прежний Петергофский народный праздник, укоренившийся, так сказать, в наших обычаях и преданиях, подобно бывалым прежде 1-го января народным же маскарадам в Зимнем дворце. Многие старожилы сожалели, даже и в политическом отношении, об отмене, с некоторого времени, того и другого»^{1794}.

О посещении театров, балов и маскарадов императорской фамилией, а также о любви Александры Федоровны к танцам уже говорилось. К началу 30-х годов характер бальных танцев существенно изменился. «В то время только что вошла в моду французская кадриль, — писала М. Ф. Каменская, вспоминая зиму 1831/32 года, — матрадур, краковяк и даже экосез были уже изгнаны; на вечерах только и танцевали, что вальс, галоп да французскую кадриль без конца...»^{1795} Семь лет спустя, передавая свое впечатление от придворного бала во дворце великого князя Михаила Павловича, маркиз де Кюстин со свойственным ему брюзжанием заметил: «...Танцевали одни полонезы, вальсы да те выродившиеся контрдансы, какие на французско-русском наречии именуются кадрилями; даже мазурки в Петербурге танцуют не так живо и изящно, как в Варшаве»^{1796}. Рассказывая о последней светской зиме своих родителей в начале 1838 года, великая княжна Ольга Николаевна заметила: «Это было время, когда танцы, и особенно мазурка, достигли своего апогея... Мама любила танцевать и была прелестна. Легкая как перышко, гибкая как лебедь —

такой еще я вижу ее перед собой в белоснежном платье, с веером из страусовых перьев в руках. Папа танцевал в виде исключения, только кадрили»^{1797}. Впрочем, он мог открыть бал полонезом.

В своих воспоминаниях великая княжна Ольга Николаевна несколько раз отмечает нелюбовь отца к балам, объясняя это ссорами его с братом из-за того, каких офицеров приглашать на них (тех, как считал Михаил Павлович, которые хорошо служат, или тех, что хорошо танцуют, как хотелось дамам). «Папа терпеть не мог балов, — пишет она, — и уходил с них уже в двенадцать часов спать, в Аничкове чаще всего в комнату рядом с бальной залой, где ему не мешали ни музыка, ни шум». Николай Павлович «принимал балы как неприятную необходимость, не любил их. Ему больше нравились маскарады в театре, которые были подражанием балам в парижской «Опера». Как Гарун аль-Рашид, он мог там появляться и говорить с кем угодно. Благодаря этому, ему удавалось узнать многое, о чем он даже не подозревал, в том числе и о недостатках, которые он мог устранить, и о необходимости кому-то помочь...». На «китайском маскараде» 1837 года Николай Павлович был одет мандарином с искусственным толстым животом, в розовой шапочке и с косичкой^{1798}. Более скромными и более семейными были балы в Аничковом дворце, на которых число приглашенных немногим превышало сто человек. И совсем интимными — «вечерние собрания» у Александры Федоровны.

Загородные резиденции позволяли уединиться в большей степени. Прежде всего это касалось петергофской «Александрии» и отчасти Царского Села. Пребывание в Гатчине обычно воспринималось как время для дачных увеселений, хотя это и казалось многим странным. 19 октября 1854 года фрейлина А. Ф. Тютчева писала в дневнике: «Я не понимаю, почему двор выбирает Гатчино именно тогда, когда хочет веселиться. Образ жизни здесь совершенно особый, похожий на жизнь в деревне. Для обедов и завтраков собираются в Арсенале, там же проводят вечера за музыкой, днем играют в *petits jeux* и в шарады, катаются с деревянных гор. Организуются прогулки в экипажах всякого рода: ландо, фэтонах, шарабанах и кабриолетах с самой фантастической упряжкой; охоты, в которых принимают участие дамы»^{1799}.

Впрочем, спартанские наклонности Николая Павловича проявлялись и в том, что он, как отмечала великая княжна Ольга Николаевна, не любил даже охоты^{1800}. Охота издавна считалась неременной чертой быта коронованных особ. В России страстными охотниками считались Алексей Михайлович, Петр II, Анна Иоанновна, позднее Александр III. Николай

Павлович охотился изредка в окрестностях Гатчины, в так называемом «Зверинце». Одно из первых упоминаний пребывания там еще великого князя Николая Павловича относится к 1818 году, когда Мария Федоровна разрешила ему провести в своих владениях несколько дней на охоте. Впрочем, это был скорее только повод провести время в тесном кругу преданных лиц. Александра Федоровна вспоминала: «Все были веселы, любезны каждый по-своему и разговорчивы; все расстались довольные друг другом»^{1801}.

При Николае I в «Зверинце» паслись стада оленей, ланей; здесь же разводили ослов. Была там и дворцовая молочная ферма. Гатчинский житель А. В. Эвальд вспоминал: «Император Николай Павлович не был страстным любителем охоты. Иногда он выходил с ружьем в дворцовый парк или зверинец, подстреливая пару диких уток, да и то редко. Случалось, в зверинце устраивалась охота на оленей, это делалось исключительно для развлечения какого-нибудь иностранного гостя. Устраивалась охота и на медведей. Для этого пойманных медведей выпускали в зверинце и их надо было непременно убить, иначе они бы задрали оленей или ослов. На одной из таких охот большой медведь сильно поломал егеря, хотевшего взять его на рогатину. Случилось это на глазах государя. Егерь, после схватки с медведем, стал негодным инвалидом, и государь назначил ему такую хорошую пенсию, что он мог жить не только безбедно, но и с большими удобствами»^{1802}.

Другой эпизод, связанный с охотой, сохранился в воспоминаниях М. Ф. Каменской, рассказавшей об одном из карликов, принадлежавших Васильчиковым. Карлика звали Со-фроном Осиповичем, ему было в конце 20-х годов около пятидесяти лет; он был грамотен и большой франт: «Пятидесятилетний малютка, кроме своего ума, остроумия и находчивости, был еще страстный охотник и меткий стрелок. Вот князю Иллариону Васильевичу Васильчикову раз и пришла в голову мысль взять с собой на царскую охоту своего Софрошу и потешить им государя. Выдумка князя имела успех: Софроша на охоте не дал почти ни одного промаха и ловкими своими словцами смешил Николая Павловича. За завтраком, говорят, государь посадил карлика около себя и, милостиво трепля его по плечу, спросил: «Ну что, маленький человечек, доволен ты сегодняшним днем?» — «Безмерно счастлив, ваше величество, и не забуду этого дня до последнего моего вдоха...» — «Ну, так научи меня, Софрон Осипович, как бы мне ознаменовать этот день, когда мы охотились вместе с тобою, так, чтобы ты никогда не забыл его». — «Примите меня на службу в вашу охоту,

ваше величество, и дозвоьте мне носить ее мундир. Тогда, если б я и мог забыть сегодняшний день, то это будет мне невозможно...» Государь расхохотался и тотчас приказал князю Васильчикову зачислить забавного карлика в свою охоту и велел нарядить его в мундир»^{1803}.

Судя по всему, сам Николай Павлович стрелял средне, о чем свидетельствует рассказ, относящийся к 1848 году. Тогда государь также охотился в «Зверинце» на уток, а егерь после каждого неудачного выстрела все покрикивал с досадой: «Ниже держите!» и т. п. Наконец Николай Павлович не выдержал и попросил егеря самого пострелять, указывая ему в качестве цели то одного, то другого голубя. Три голубя тут же пали, сраженные меткими выстрелами. «Ну, молодец, — сказал Николай Павлович, — теперь я вижу, что ты можешь учить других стрелять»^{1804}. В Музее П. И. Щукина в Москве находилась картина «Император Николай Павлович на охоте», воспроизведенная в первом издании труда Н. К. Шильдера^{1805}.

В источниках сохранились весьма немногочисленные свидетельства об участии императора в различных играх. Они подтверждают те особенности характера Николая Павловича, которые прослеживаются по другим источникам. Еще в отрочестве, помимо увлечения фарсами, каламбурами и придумыванием театральных сцен, Никош играл и в шахматы. Первые сведения об этом относятся к 1804 году, когда мальчику было 8 лет. Игра в шахматы упоминается и в дорожных записях В. И. Фелькнера, сопровождавшего императора на пароходе во время неофициального его визита в Стокгольм в 1838 году. Тогда государь коротал время с цесаревичем Александром Николаевичем и «довольно долго играл в шахматы»^{1806}. В возрасте около 14–15 лет Николай часто играл в бильярд и бостон. По отзывам воспитателей, играл он заносчиво и со «слишком большим желанием выиграть»^{1807}. Судя по всему, Николай Павлович и в дальнейшем не имел ничего против бильярда, хотя не удалось обнаружить свидетельств его личного участия в этой игре в зрелом возрасте. Бильярд был общепринятым развлечением в высшем свете, а в дворцовых покоях появился еще при Екатерине II. За бильярдом проводили досуг во время совместных русско-австрийских маневров в 1835 году в Теплице. Бильярдный стол имелся и на половине младших сыновей императора — великих князей Николая и Михаила.

Выписанная из Парижа модная тогда рулетка не привлекла особого внимания Николая Павловича. «Он не был игроком», — писала об отце Ольга Николаевна^{1808}. А вот свидетельств о карточных играх императора

сохранилось немало. Изобличая Николая Павловича, историк Ю. В. Готье отмечал, что он испытывал удовольствие от «самодовольного сознания, что он может играть в запрещенную его подданным игру, потому что он «сам козырь»^{1809}. Однако карты картам рознь, и Николай Павлович, запрещая азартные игры (где выигрыш зависит только от случая), сам в них не играл, предпочитая интеллектуальные игры на маленькие суммы. Как свидетельствуют документы, среди общих расходов великого князя Николая Павловича в 1823 году на карточные игры потрачено совсем немного^{1810}. В дальнейшем источники упоминают его игру в макао (1843 год)^{1811}, вист-преферанс (1849 год)^{1812} и баккара (без указания даты)^{1813}. По свидетельству графа В. А. Соллогуба, во время немногочисленных «собраний» у императрицы к вечернему чаю, «государь, обменявшись благосклонными словами с каждым из присутствующих, садился за карты»^{1814}. Смерть любимого брата Михаила Павловича в 1849 году надолго выбила императора из привычной колеи. В своих записках М. А. Корф писал: «...Он более месяца не брался за карты, хотя до этого печального события очень любил в осенние и зимние вечера, особенно прибывая в Царское Село, играть в вист-преферанс. Тем более все обрадовались, когда 29-го сентября после долгих убеждений императрицы решился, наконец, сесть за обыкновенную свою партию. На этот раз составляли ее великий князь Константин Николаевич и генерал-адъютанты Плаутин и граф Апраксин. Играли на четвертаки (25 копеек. — Л. В.)»^{1815}. Другими словами, игра шла «по маленькой». Но характер сказывался и в картах, император играл решительно и начинал с козырей^{1816}.

Карточные выигрыши и соответственно проигрыши были весьма невелики. В «Записках» М. Д. Бутурлина содержится рассказ о его московском знакомом князе С. М. Голицыне, который, приезжая в Петербург, «был всегда благоприемлемым гостем в кружке царской семьи». «Случилось раз, — пишет мемуарист, — что за карточным столом с августейшими супругами князь Голицын просил дозволения отправиться обратно в Москву на следующий день, и как ни уговаривал его государь остаться еще в Петербурге дня на два или на три, князь отозвался, что не отлагаемые по службе дела требуют немедленного его там присутствия. Князь, уложившись совсем в путь, послал уже за лошадьми, как вдруг является к нему полицейский офицер с заявлением, что по случаю поданного на него денежного взыскания выезд его из столицы задерживается. Крайне удивленный московский богач-вельможа, не быв

никогда никому должен ни полкопейки денег, едет к обер-полицмейстеру узнать, кто этот неизвестный ему кредитор и на какую сумму подал на него иск, — и узнает, что кредитор не кто другой, как государь, а иск состоит из нескольких бездельных рублей с копейками, проигранных князем одному из августейших партнеров на последнем вечере во дворце»^{1817}. В этом случае — весь характер Николая Павловича: склонность к розыгрышу, стремление заставить выполнять свои желания, принципиальность в выполнении обязательств и просто слегка тщеславная радость от выигрыша. Но выигрывал император не столь уж часто и неоднократно «жаловался на свое несчастье в картах». Однажды, когда ему удалось выиграть 21 рубль серебром, он подарил деньги Александре Федоровне на шляпку. Императрица шутливо поблагодарила, прибавив: «Это не будет нечто великолепное, конечно без перьев, но, во всяком случае, это выгодно»^{1818}.

В 1836 году девятнадцатилетнюю графиню М. Ф. Толстую стали вывозить в свет. На званом вечере без танцев в особняке безобразной старухи графини А. Г. Лаваль (тещи декабриста князя С. П. Трубецкого, отбывавшего в это время свой срок на Петровском заводе) на Английской набережной среди прочих гостей присутствовал император. Был здесь и генерал И. О. Сухозанет, потерявший ногу в сражении при Вавре в 1831 году. «На этом рауте мне было скучно, — писала впоследствии Мария Федоровна Каменская. — Там не танцевали, а только играли в карты. Там я увидела в первый раз известного игрока того времени одноногого генерала Сухозанета, который целый вечер, не вставая, как приклеенный, просидел за карточным столом и то и дело придвигал к себе груды червонцев и империалов. Помню, что к концу вечера мужчины, в том числе и отец мой, около этого стола составили сплошной кружок зрителей... Папенька после рассказывал, что игра шла просто баснословная. Он говорил, что и государь Николай Павлович тоже не раз подходил к этому столу, внимательно следил за игрой Сухозанета, и видно было, что он им не очень-то доволен»^{1819}.

Но это был генерал, которого Николай Павлович уважал за 14 декабря 1825 года и за Польшу. А вот Аркадия Африкановича Болдырева он, по слухам, долго не производил в генералы именно за карточную игру. Однажды во время праздника во дворце император прошел мимо него и сказал: «Болдырев, поздравляю тебя». Все бросились поздравлять его с чином генерала. Но, оказывается, государь изволил пошутить с издевкой. После службы, выйдя из церкви и вновь проходя мимо А. А. Болдырева,

Николай Павлович вновь обратился к нему: «Поздравляю тебя, ты, говорят, вчера выиграл»^{1820}. Вообще же, когда у Николая Павловича складывалось отрицательное мнение о человеке как о картежнике, он мог его и обидеть. По рассказу М. Д. Бутурлина, в том же 1836 году, когда император с неудовольствием наблюдал за карточной игрой И. О. Сухозанета, Николай Андриянович Дивов просил разрешения на поездку в «чужие края» для сопровождения графа Сергея Петровича Румянцева (брата покойного канцлера Н. П. Румянцева). Через военного губернатора графа П. К. Эссена Николай Павлович разрешил поездку с условием, «чтобы Дивов не обыгрывал графа Румянцева». По этому поводу мемуарист замечает: «Хотя престарелый сын Задунайского героя действительно проигрывал в Москве порядочные куши людям амфибического иногда оттенка, афронт этот ничем не был заслужен со стороны Николая Андрияновича»^{1821}. Пораженный этими несправедливыми словами, Н. А. Дивов, пошатнувшись, упал на стул.

Допуская в принципе карточные игры, Николай Павлович резко выступал против азартных игр и игровых притонов, приводивших к разорению многие дворянские семейства. В связи с этим еще 12 марта 1832 года был дан именной указ Правительствующему сенату, в текст которого император внес собственноручные правки. В преамбуле напоминалось, что в Петербурге азартные игры были запрещены в 1801 году, в самом начале царствования Александра I и далее говорилось: «Обращая попечение наше к устройению благополучия любезно верноподданным нашим на прочном основании, мы убедились, что азартная игра, в одно мгновение отъемлющая достояние у семейств, многолетними трудами приобретенное... в благоустроенном государстве никогда и ни под каким видом нетерпимая. Вследствие сего, подтверждая прежние узаконения, мы повелеваем, чтобы повсюду в империи нашей сорища для запрещенной карточной игры, а также и для всяких азартных игр вообще были неукоснительно местными начальствами открываемы и чтобы все найденные на оных игроки были предаваемы суду для строгого по закону наказания, без всякого различия звания и чинов, усугубляющих по мере возвышения оных виновность...»^{1822}

«Счастливый случай» в картах Николай Павлович признавал в благотворительных и праздничных карточных лотереях, до которых был большой охотник. Вещи для подарков в виде серебряных изделий, статуэток, малахитовых чернильниц, вееров, пряжек доставлялись из Английского магазина. Отмечая, что император был главным действующим

лицом на этих лотереях, граф В. А. Соллогуб писал: «Все эти вещи размещались камер-лакеями на нескольких столах в зале, примыкавшей к гостиной императрицы. После чая государь переходил туда и садился перед небольшим столиком, на котором лежала игра карт. Надо сказать, что под каждой из названных мною вещей вместо номера лежало название карты: двойка, бубен или десятка треф, или валет червей и пр. — «Господа, — обращаясь к окружавшим его столик царедворцам государь, — кто из Вас желает купить у меня девятку червей?.. Славная карточка...» Выигрыши Николай Павлович вручал лично, а деньги, собранные на лотереях, после того, как следовал расчет с магазином, «раздавались петербургским бедным»^{1823}. На одной из таких благотворительных лотерей в 1838 году был разыгран портрет В. А. Жуковского, написанный К. П. Брюлловым, а на вырученные деньги выкуплен на волю Т. Г. Шевченко, поступивший после этого в Академию художеств. Тот самый Шевченко, который через шесть лет в поэме «Сон» изобразит императора бьющим без повода в морду своего главного вельможу, а Александру Федоровну — «высохшим опенком»...

Человек устойчивых привычек, Николай Павлович не был падок на модные игры, приходившие в Россию из Европы. Однажды в разговоре с императором граф П. Д. Киселев, рассуждая о физическом здоровье, упомянул о пользе кегельной игры! «Прекрасно, — отвечал государь, приняв это в шутку за совет себе, — вот я начну ездить всякий день в Английский клуб или лучше стану собирать к себе членов Совета по департаментам, чтобы потешиться кегельной игрою. Но в чем я уверен, — продолжал он уже более серьезно, — это в большой пользе для здоровья от делания ружьем. Двадцать лет не проходило дня, чтоб я не занимался этим движением, и в то время не знал ни завалов, ни прочих теперешних пакостей; я старался даже приучить к этому и жену, *mais, hélas! tous mes efforts n'étaient qu'en pure perte* (но, увы, все мои усилия были лишь к моей невыгоде)». Это дало повод к нескольким шуткам со стороны императрицы, которая с обыкновенною своей грациозностью в движениях стала представлять неудачные свои попытки в ружейных приемах»^{1824}. Именно эти карабины и стояли в углу кабинета Николая Павловича, когда его застигла смерть. И во время досуга император до мозга костей оставался человеком в мундире.

«Желал бы кончить жизнь в покое!»

Во время нового обострения восточного вопроса накануне Крымской войны в одном из писем Николай Павлович не смог скрыть своих чувств: «Сколько все это мне на старости прискорбно, отгадаешь. Желал бы кончить жизнь в покое!»^[1825] Николай Павлович помнил о смерти, составлял и редактировал завещания, допускал в письмах общие фразы о бренности жизни.

Крымская война в еще большей степени подействовала на его общее самочувствие. Управляющий III Отделением Л. В. Дубельт записал в дневнике 13 января 1854 года: «Его величество страдает ногою и лежит в постели. Мандт говорит, что у него рожа, а другие утверждают, что это подагра»^[1826]. Судя по всему, в последние годы жизни император не избежал и остеохондроза. Фрейлина А. Ф. Тютчева отметила в своем дневнике 7 декабря 1854 года: «Сегодня утром я была в арсенале, когда подошел император. Он подошел ко мне и спросил, почему вид у меня больной. Я ответила, что у меня болит спина. «У меня тоже, — сказал он, — для лечения я растираю себе спину льдом и советую Вам делать то же». Он еще некоторое время поговорил со мной с большим участием...»^[1827] В неопубликованной части воспоминаний А. Д. Блудовой сохранилось свидетельство о том, что незадолго до смерти Николай I «жаловался на начало боли в горле и сказал, что опять начинает стрелять в палец ноги — подагра опять». «Я сидела, — пишет А. Д. Блудова, — подле него и посмотрела на его сапоги. Доктор Мандт перед тем говорил отцу моему, что государю нужно надевать бархатный (в дословном переводе с французского. — Л. В.) сапог, мягкий и теплый, чтоб не застудить подагру». Возможно, имелся в виду сапог из мягкой шевровой кожи^[16] с теплой подкладкой. Император не последовал совету. «Я должен служить во всем по порядку, — заявил он. — А уж если стану дряхл, так уж в чистую отставку пойду... Если не гожусь на службу, — уйду, — а пока есть сила, буду перемогаться до конца»^[1828].

Такого рода свидетельства довольно многочисленны. «Императрица рассказывала мне, — делилась в своем дневнике от 21 февраля 1855 года А. Ф. Тютчева, — что за последнее время цесаревичу случалось говорить: «Я не узнаю императора, у него нет прежней энергии — он слабеет, слабеет!»^[1829] Об одном из последних обедов с императором,

состоявшемся 31 января 1855 года, вспоминал граф П. Д. Киселев: «Государь кашлял изредка и жаловался на спинную боль, но был покоен и даже весел...»^[1830] На следующий день Николай Павлович занемог...

По официальной версии, Николай Павлович умер от пневмонии 18 февраля 1855 года, заболев незадолго до смерти гриппом. Насыщенное медицинскими подробностями заключение было опубликовано 26 февраля под названием «Описание хода болезни в Бозе почившего императора Николая Павловича». Каких-либо важных медицинских документов, свидетельствующих о ходе болезни и кончине императора, помимо официальных бюллетеней, не сохранилось. Известно, что недомогание началось 27 января. 31 января, как уже говорилось, император кашлял и жаловался на боль в спине, одышку. 4 февраля исследование показало упадок деятельности в верхней доле левого легкого. Нижняя доля правого легкого была поражена гриппом. 2 февраля император не выходил из своего кабинета. 5-го и 6-го он почувствовал себя лучше, но кашель не прекращался. С 8 февраля к наблюдению за императором присоединился лейб-медик Ф. Я. Карелль. Почувствовав некоторое облегчение, император решил 9 февраля, несмотря на протесты врачей, проводить маршевые гвардейские батальоны. По возвращении он испытал лихорадочный приступ и тупую боль в боку, вновь начался кашель. Несмотря на мороз, как всегда, в легком плаще и открытых санях, он поехал в Манеж. 10 февраля Николай Павлович в последний раз покинул Зимний дворец, отправившись на строевой смотр. 11 февраля врачи настояли на постельном режиме. Сильный озноб сменился лихорадочным жаром. В это время подоспело сообщение «о деле под Евпаторией». 13 и 14 февраля лихорадка продолжалась, и император почти не спал. На следующий день извержение «мокрот» сопровождалось кровью. Вечером августейший больной жаловался на подагрическую боль в большом пальце ноги. 16 февраля была сильная боль в «задних реберных мускулах с правой стороны». 17 февраля лихорадка усилилась. По официальным документам, именно в этот день медики предположили возможность летального исхода. Утром у Николая Павловича начался «легкий бред». В полдень было сильное «колотье» в левой стороне груди. К двум лечащим врачам в тот день присоединился врач наследника лейб-медик И. В. Енохин. По некоторым сведениям, Александру Николаевичу сообщили о возможности «паралича сердца». По свидетельству Л. В. Дубельта, «разнесся смутный слух о болезни государя императора»^[1831]. До этого времени болезнь удавалось держать в тайне. С этого дня стали появляться бюллетени за

подписями всех трех врачей, которые вывешивались во дворце. Их копии выдавались также некоторым сановникам, приезжавшим во дворец справляться о здоровье императора; например, П. Д. Киселеву был выдан бюллетень под № 3. Всего их было четыре, последний датирован девятью часами утра 18 февраля, то есть появился за 3 часа до кончины. Бюллетени были опубликованы все сразу 18 февраля.

Надежда исчезла в ночь с 17 на 18 февраля около 3 часов ночи. По свидетельству Л. В. Дубельта, Николай Павлович спросил Мандта: «Скажите мне откровенно, какая у меня болезнь? Вы знаете, что и прежде я всегда вам приказывал предупреждать меня вовремя, если заболел тяжело, чтоб не упустить исполнения христианского долга». — «Не могу скрыть перед Вашим Величеством, что болезнь ваша становится серьезною; у вас поражено правое легкое». — «Вы хотите сказать, что ему угрожает паралич?» — «Если болезнь не уступит нашим усилиям, то, конечно, это может последовать; но мы того еще не видим и не теряем надежды на Ваше выздоровление». — «А, теперь я понимаю мое положение, теперь я знаю, что мне делать»^{1832}. Другие мемуаристы (Д. Н. Блудов, А. Ф. Тютчева) относят этот разговор к 2 часам ночи. А. Ф. Тютчева описывает этот эпизод более драматически: «Мандт приложил стетоскоп к его груди и стал выслушивать. «Плохо, Ваше Величество», — сказал врач. «В чем же дело, — спросил государь, — образовалась новая каверна?» — «Хуже, Ваше Величество». — «Что же?» — «Начинается паралич». — «Так это смерть?» — Мандт рассказывает, что несколько мгновений он не мог произнести ни слова, потом сказал: «Ваше Величество, вы имеете перед собой несколько часов»^{1833}.

В бюллетене № 3 о состоянии здоровья императора говорилось: «В три часа дня на 18 февраля при сделанном исследовании впервые оказались в нижней доле правого легкого явные признаки начинавшегося паралича. Извержение мокроты за несколько уже перед тем часов сделалось гораздо затруднительнее; большой палец на ноге оставался по-прежнему нечувствителен, а кожа сухою. Появление этих опасных признаков возвестило безнадежность положения государя. Между тем головной боли и никаких нервических припадков вовсе не было; сознание совершенно ясное; даже дыхание меньше затруднительное, хотя развитие паралича в легких по направлению снизу вверх продолжало распространяться»^{1834}. В 5 часов утра император продиктовал депешу в Москву, в которой сообщал, что умирает и прощается с Первопрестольной. В последнюю ночь, когда уже наступил паралич легких и дыхание становилось более стесненным и

хриплым, император спросил Мандта: «Долго ли еще продлится эта отвратительная музыка?» Затем прибавил: «Если это начало конца, это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать»^{1835}. Император нашел силы проститься со всеми. Во время прощания с императрицей перед причастием Николай Павлович попросил одеть его в мундир. Духовник протопресвитер В. Б. Бажанов выслушал последнюю исповедь Николая Павловича... В 8 часов 20 минут духовник начал читать отходную. Когда священник благословил императора, он сказал: «Думаю, что я никогда сознательно не сделал зла». В 10 часов он потерял способность речи. Судя по воспоминаниям, агония была мучительной. Николай Павлович был требователен не только к другим, но в еще большей степени к себе. Император во всем должен подавать пример, и накануне смерти, уже исповедавшись и призвав наследника, Николай Павлович сказал ему: «Учись умирать». 18 февраля 1855 года в 12 часов 20 минут пополудни император Николай Первый скончался. В половине первого над Зимним дворцом был поднят черный траурный флаг.

Вот как описывала покойного императора А. Ф. Тютчева сразу после кончины: «Император лежал поперек комнаты на очень простой железной кровати. Голова покоилась на зеленой кожаной подушке, а вместо одеяла на нем лежала солдатская шинель. Казалось, что смерть настигла его среди лишений военного лагеря, а не в роскоши пышного дворца. Все, что окружало его, дышало самой строгой простотой, начиная от обстановки и кончая дырявыми туфлями у подножия кровати». В дневнике от 19 февраля фрейлина записала: «Вечером я пошла на панихиду. Тело государя лежит все еще на кровати, но уже одето в кавалергардский мундир. Черты застыли, лицо имеет свинцовый оттенок. Прекрасное и мягкое выражение первой минуты исчезло. Это поистине смерть со всем ужасом разрушения, смерть, неумолимо провозглашающая ничтожество и непрочность всего земного»^{1836}.

Сразу же после кончины императора по Петербургу пошли слухи об отравлении, о яде, который якобы по его просьбе дал ему лейб-медик М. Мандт^{1837}. Слухам способствовало быстрое разложение тела покойного императора. Как отмечает А. Ф. Тютчева, император «сам сделал все распоряжения на случай своей смерти и пожелал, чтобы его бальзамировали по системе Ганоло, заключающейся в том, что делается простой надрез в артерии шеи и впускается туда электрический ток»^{1838}. Естественно, фрейлина не могла быть точной в медицинском объяснении. Бальзамирование производилось «путем вливания в кровяные жилы

жидкостей, задерживающих гниение». Для бальзамирования тела, которое должно было проходить в присутствии министра Императорского двора, были приглашены 19 февраля в 10 часов вечера доктор Ф. Я. Карелль, лейб-хирург И. В. Енохин, лейб-медики Э. Рейнгольд, М. Мандт и М. Маркус. Бальзамирование было произведено незадолго до этого приглашенным в Россию из Вены для работы в Медико-хирургической академии профессором анатомии прозектором Венцелем Грубером. Ему помогал Г. Ю. Шульц. Бальзамирование, однако, оказалось неудачным. Соответствующий акт по этому поводу был написан рукой В. Л. Грубера и скреплен подписями 21 февраля. Особое мнение составил профессор анатомии П. А. Наронович, приписавший неудачу неопытности исполнителей. Специальная комиссия рассматривала процедуру бальзамирования 23 февраля и затем отметила в своем заключении от 25 февраля: «...Если бы при бальзамировании были удалены внутренности, то сохранение тела в целостности было бы гораздо вернее; но так как внутренности оставлены неприкосновенными, к бальзамированию же было приступлено спустя значительное после смерти время, то употребленный прозекторами Грубером и Шульцем способ мы считаем более верным...»^{1839} В итоге мастерство Венцеля Грубера не было поставлено под сомнение, и участники бальзамирования и аптекари были награждены.

Однако в обществе считали по-другому. В дневнике под 21 февраля А. Ф. Тютчева сообщает: «Бальзамирование произведено неудачно, и тело начинает разлагаться. Запах был очень ощутителен. Императрица-мать в залу не входила, она присутствовала на панихиде в соседней комнате. Вернувшись к себе, я застала там Лизу Карамзину, Ольгу Смирнову и Антонину Блудову. Эта последняя сказала мне, что необходимо уговорить государя немедленно опубликовать подробности смерти императора Николая, так как в народе уже ходит множество слухов, волнующих массы и могущих привести к беспорядкам. Все поражены внезапностью смерти...»^{1840}

Автор последней статьи о смерти Николая I И. В. Зимин приводит три версии кончины императора: 1) официальную — смерть от «паралича легких»; 2) смерть в результате соматических причин, связанных со стрессовой ситуацией и желанием уйти из жизни, наложившимися на простудное заболевание; 3) смерть в результате отравления при помощи лейб-медика М. Мандта^{1841}. Вряд ли нужно говорить, что все политические противники покойного императора с радостью ухватились за слухи о самоубийстве, которое, как им казалось, подводило итог всему

царствованию. Не будем торопиться с выводами. Но вся жизнь, служба и этические принципы Николая Павловича не укладываются в эту версию.

Великая княжна Ольга Николаевна писала о своем отце: «Папа стоял как часовой на своем посту. Господь поставил его туда, один Господь был в состоянии отозвать его оттуда. И мысль об отречении была несовместима с его представлениями о чувстве долга. В то время он был на высоте своей власти, и его влияние на окружающих казалось безграничным. Позднее, когда он узнал, что существуют границы даже для самодержавного монарха и что результаты тридцатилетних трудов и жертвенных усилий принесли только очень посредственные плоды, его восторг и рвение уступили место безграничной грусти. Но мужество никогда не оставляло его, он был слишком верующим, чтобы предаваться унынию; но он понял, как ничтожен человек. Как часто он говорил нам в это время: «Когда меня не будет больше, молитесь обо мне»^{[1842](#)}.

«ЭПИМЕТЕЙ НА ТРОНЕ» (Вместо заключения)

В древнегреческих мифах о братьях-титанах Прометее и Эпиметее (сыновьях Иапета, внуках Урана и Геи) рассказывается, как Прометей, украв для людей огонь, подвергся жестокому наказанию Зевса. В то же время благоразумный Эпиметей выполнил волю Зевса и взял предложенную ему в жены красавицу Пандору, наделенную прелестями всех богов («всеодаренную», как переводится с древнегреческого ее имя). Сам Зевс подарил ей в качестве приданого сундук-ларец, который запретил открывать. Дальнейшее известно. Любопытство взяло верх, Пандора открыла сундук, выпустив в мир людей всевозможные несчастья и болезни. Единственной полезной вещью в сундуке Пандоры для Эпиметея оказалась некая стоическая мудрость, чувство ответственности.

По сравнению с психотипом «Дионис» (свобода и импульсивность), «Прометей» (дух научного поиска), «Аполлон» (самодостаточность, стремление быть самим собой), «Эпиметей» обладает другими наклонностями и способностями. «Люди этого типа, — пишут об «Эпиметее» психологи, — обладают высокоразвитым чувством ответственности; они склонны поддерживать иерархические отношения в системе, где им приходится работать. Им хорошо понятны механизмы взаимоотношений начальник — подчиненный, причем они могут одинаково успешно действовать в обеих ролях»^[1843]. Чувство долга является преобладающим для людей этого типа. Как правило, без труда решая бытовые проблемы в житейских ситуациях, они стараются занять какой-нибудь пост, должность, всячески повышая затем их значимость и одновременно укрепляя свой авторитет. Чем бы они ни занимались, для них характерны бережливость, стремление сохранить накопленное для потомков. Одновременно это «летописцы общества, они не только пишут историю, но и преподают обществу уроки истории». Решая традиционную проблему соотношения в обществе свободы и равенства, когда с ростом свободы уменьшается равенство, а чрезмерное стремление к равенству-нивелированию ограничивает свободу, «лидер типа Эпиметея, ощущая себя инстинктивно знающим истину», пользуется этим, «рассматривая иерархию (неравенство) как единственный путь к свободе»^[1844].

Не смешивая характер (то есть модель поведения человека исходя из

определенных мотиваций) с темпераментом, отметим три наиболее распространенные структуры человеческого поведения, в которых проявляется личность. Первый тип характеризуется преобладанием когнитивных (познавательных) функций, связанных с развитием интеллекта, — это «мыслитель». Второй тип — аффективный (чувственный), для которого непосредственную ценность представляет общение с людьми, — это «собеседник». Наконец, тип личности, которому наиболее соответствует реконструкция личности Николая Павловича, — это «практик» с преобладанием практических (преобразующих мир) ценностей, склонностью руководить людьми или производственными процессами на разных уровнях, обладающий умением и готовностью принимать ответственные решения, но порой эмоционально не сдержанный^{1845}. Последний тип людей часто представляют физически развитые люди мощного телосложения — «атлетики», к которым, несомненно, относился император Николай Павлович.

Для практика характерна склонность к точным наукам, и в этом отношении Николай Павлович не был исключением, проявляя соответствующие наклонности в годы ученичества и затем искренне предаваясь своему увлечению инженерным делом. Он обладал даром языков (французский, английский, немецкий, русский, возможно, понимал по-польски). Явные недостатки в сфере широкого гуманитарного образования не мешали ему разбираться в людях, а также быть человеком весьма компетентным в определенных сферах — военно-инженерном деле, градостроительстве, картографии, повседневном быте армии от уставов до униформы. Основательность, практичность, стремление к порядку во всем, знание основ инженерного дела проявлялись и в строительной деятельности. Интересно наблюдение маркиза де Кюстина: «Мысль нынешнего императора находит воплощение даже на улицах Петербурга: он не возводит для собственного развлечения скороспелых колоннад из оштукатуренного кирпича; повсюду заменяет он кажущееся на подлинное, повсюду камень вытесняет гипс, а здания мощной основательной архитектуры изгоняют прельстительное, но ложное величие»^{1846}. «Я мало встречала людей, одаренных таким логическим, положительным и практическим умом, как император», — свидетельствовала Д. Х. Ливен^{1847}. В дневнике А. С. Пушкина приведена реплика, брошенная его добрым знакомым П. И. Полетикой в мае 1834 года. Тогда, сравнивая Николая I с покойным Александром I, Петр Иванович заметил: «Император Николай положительнее, у него есть ложные идеи, как и у брата, но он

менее фантастичен»^{1848}. Практический склад ума и особенности характера приводили к тому, что Николай Павлович старался вникнуть во все дела. Он развивал неутомимую деятельность, будь то чтение отчетов и бумаг, которые он изучал от корки до корки, испещряя пометками карандашом, отправляя с посыльными записки, написанные карандашом на полулистах почтовой бумаги, а то и меньше, или смотры, ревизии, дальние поездки по российским дорогам, зарубежные вояжи. «Деятельность его, и физическая и моральная, всегда превосходила, казалось, силы обыкновенных людей», — писал барон М. А. Корф^{1849}. Требовательный к себе, он не любил «тунеядцев» — слово, характерное для его лексикона^{1850}. Об этом же пишет и его дочь Ольга Николаевна.

Подобно Петру I, на которого он искренне старался походить, Николай Павлович старался научиться делать все, вплоть до того, что самонадеянно пытался управлять большим парусным судном нестандартных габаритов «Россия», которое было построено с некоторыми изменениями в плане по высочайшей воле^{1851}. В основах морского дела он, судя по всему, разбирался. Однако его непрофессионализм мог поставить в затруднительное положение командира и команду корабля. Это был 120-пушечного класса корабль (вооруженный 128 орудиями) длиной 208 футов и шириной 55 футов 8 дюймов, спущенный на воду в Новом Адмиралтействе 5 июля 1836 года^{1852}. За его громоздкость и неуклюжесть моряки называли его «коровой». Когда, взяв рупор, император стал лично командовать рискованным для остойчивости корабля поворотом, командир «России» В. А. Шпеер заранее подстраховался и шепотом передавал свою команду через стоящего сзади него экипажного адъютанта. Команда знала, что делать, и маневр кончился благополучно. Обращаясь тогда к А. С. Меншикову, известному своими меткими словцами, Николай Павлович с некоторой рисовкой сказал: «Морского дела не изучал, а Россию повернуть могу»^{1853}.

Николай Павлович хорошо рисовал и чертил резцом гравюры, проявляя склонность к коллекционированию не только военной арматуры, но и произведений изобразительного искусства. Он обладал хорошим голосом и музыкальным слухом, исполнял несложные произведения на «музыкальных трубах» во время домашних вечеров у императрицы. Феноменальная зрительная память, характерная для многих представителей династии Романовых, от Александра I до Николая II, помогала ему поддерживать личные контакты с людьми. Он помнил по фамилии и в лицо огромное число офицеров, чиновников, представителей

аристократии и артистов, унтер-офицеров и слуг. Как правило, он никого не забывал из тех, с кем ему приходилось общаться. Во время пребывания в Англии в 1844 году он узнал, например, бывшего пажа, который прислуживал ему в 1816–1817 годах, и, к удивлению присутствующих, подошел к нему, пожал руку и завязал непринужденный разговор. Но он так же хорошо помнил и своих недругов. И просто тех, кто ему не угодил, неохотно прощая или вовсе никогда не прощая их. Его «убийственную» в этом отношении память вспоминали многие. Он не был творческой личностью, не понимал поэзии, в художественной литературе предпочитал исторические романы Вальтера Скотта и сентиментальные французские романы Эжена Сю для семейного чтения вслух. Был страстным театралом и, не лишенный музыкального слуха и вокальных способностей, не был чужд музыке. Основным критерием оценки художественных произведений русских авторов для него была идейно-политическая направленность, соответствующая принципам самодержавия и народности. И на этом поприще он оставался практиком, взяв на себя роль верховного цензора.

Склонность к военному делу отвечала его потребностям в стремлении к порядку, игре по правилам, единообразию. И в этой сфере его качества руководителя-практика раскрылись наиболее полно. «По своим интимно-интеллектуальным потребностям, — писал А. Н. Савин, — Николай до конца своих дней оставался, в сущности, военным, не способным и не желающим вытравить из себя аромат кордегардии, всего свободнее дышал на ученье и на смотре, был несравненным фронтовиком... Николай тяготел к практическому, с охотой проверял выкладки своего министра финансов, имел военно-инженерные сведения»^{1854}. «Он входит даже в подробности», — отмечал Ф. Б. Гагерн^{1855}. Излишняя обстоятельность, внимание к мелочам перерастали подчас в придирчивость, он явно недооценивал психологическое значение этих постоянных мелких придилок, которые могли довести людей до исступления. В военной службе он был «неприятным педантом», что дало повод одному из авторов отнести его «к законченному типу военного бюрократа»^{1856}. Это утверждение верно только отчасти, но склонность к формальной стороне военного дела часто преобладала, что также вытекало из особенностей его психологического склада. «Рутинные бюрократические процедуры раздутого бюрократического штата, — пишут психологи, характеризуя тип «Эпиметей» в роли лидера-администратора, — начинают носить ритуальный характер, когда все усилия... бывают направлены на сохранение традиций и поддержание устоев». В то же время

«практичность, умение принимать взвешенные решения, определенность позиции... в значительной степени облегчают взаимодействие с ним окружающих. Работа в рамках конкретного плана, основанного на строго проверенных фактах, обуславливает надежность и стабильность... Правила игры будут соблюдены в деталях»^{1857}.

Характерное качество, свойственное личностям типа «Эпиметей», — преимущественная забота не о себе, а о других. Людям этого типа, отмечают психологи, «присуще стремление выполнить свой долг, отдавая, не получая, и заботиться, не ожидая заботы о себе». Приведем два характерных эпизода из Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, близких по своему содержанию и реакции императора на пренебрежение к нуждам солдата. Вот что рассказывает И. С. Листовский со слов Е. Ф. Долинского, бывшего адъютанта фельдмаршала И. И. Дибича: «Известно, что государь строго смотрел на дисциплину и при этом был внимателен к положению солдат. Раз, во время турецкой войны, в летний жаркий день... полк был в ранцах и полной походной форме. Когда государь, осмотрев, ушел в свою палатку, все начальствующие лица разошлись, а полк остался на том же месте, под ружьем. Государь сидел в своей палатке у окна и занимался... Зашед к Дибичу, он застал его обливающегося водой. Между тем, услышав голос государя, собрались все. Государь с большим гневом говорил: «Все предаются отдыху, а о бедных людях не подумали, что они в ранцах под ружьем в жару стоят». — «Ложись!» — крикнул государь, и вся команда легла»^{1858}.

В походных записках Ф. П. Фонтана рассказывается о похожем случае, произошедшем 29 июня (11 июля) 1828 года под Басарджиком. Тогда в сильнейший зной солдаты столпились у двух фонтанов, стараясь добыть воды. Когда Николай Павлович услышал шум, он вышел из палатки: «Несколько приветливых слов заставили солдат радушно и единодушно закричать свое: «Рады стараться!» — Но в это время государь, обращаясь назад, чтобы дать приказание завести очередь у фонтана, увидел другое зрелище. Около другого навеса близ царской палатки стояли вельможи, русские и европейские, попивая замороженное шампанское с зельтерской водою. Ты знаешь, как царь воздержан в отношении нужд материальной жизни, как мало он имеет потребностей, и ты можешь себе представить, какое на него сделало впечатление контраст между страданиями бедных солдат и невоздержанностью господ придворных. Видя там послов и посланников, государь не делал замечания, но он призвал коменданта Главной квартиры Бенкендорфа и строго приказал, чтобы этого впредь не

было»^{1859}.

О нравственных качествах Николая Павловича современники высказывают полярно противоположные мнения. «Он был страшно жесток, — пишет Л. Ельницкий, — но любил, чтобы его считали справедливым и добрым»^{1860}. О «бездушии» императора сообщал А. И. Герцен^{1861}. А вот по свидетельству мемуаристки М. А. Цебриковой (дочери вице-адмирала А. Р. Цебрикова и племянницы декабриста Н. Р. Цебрикова), ее отец считал Николай Павловича «образцом великодушия и справедливости»^{1862}. Николай Павлович не был чужд состраданию на бытовом уровне. Он мог, например, выступить в роли мецената при оказании помощи пострадавшим от пожара на Васильевском острове в 1831 году, проявить гуманность по отношению к пленным полякам или англичанам, подарить шинель нуждающемуся учителю, позаботиться о пострадавшем при столкновении с его санями извозчике, при дорожной аварии под Чембаром настоять, чтобы первую медицинскую помощь оказали пострадавшему более него лакею.

Николай Павлович был человеком своего времени и по-своему заботился о солдатах, хорошо зная их повседневные нужды. На основании упорядоченного устава о рекрутской повинности 1832 года срок службы солдат в действительной армии был сокращен с 25 (в гвардии служили 23 года) до 20 лет, а довольствие, выплачиваемое нижним чинам, увеличилось в 9 раз. В 1849 году нормы выдачи мяса были увеличены до 84 фунтов в год на каждого строевого солдата (это почти 100 граммов в день) и 42 фунта на нестроевого. Ранее даже в гвардии выдавалось всего 37 фунтов. Особое внимание император уделял госпиталям, число которых к 1851 году удвоилось, достигнув 189. Естественно, солдатская лямка оставалась нелегкой. Как пишет М. М. Бородин, «учить было тогда синонимом бить. От искрометных кулаков (костяшек) душа солдатская уходила в носки и пятки; громили по спине, шее, скулам. Увесистые пощечины в счет не брались...»^{1863}.

В качестве примера жестокости и лицемерия Николая Павловича часто ссылаются на его резолюцию 1829 года, впервые опубликованную без указания местонахождения источника в 1883 году. Суть дела состояла в следующем. Одесский градоначальник граф Ф. П. Пален, исполнявший во время отсутствия генерал-губернатора М. С. Воронцова обязанности новороссийского генерал-губернатора, донес Николаю I о двух евреях, которые во время карантина (через год, в 1830 году, страну потрясет эпидемия холеры) тайно перешли границу на реке Прут. Граф Ф. П. Пален

в рапорте от 11 октября 1829 года ходатайствовал о том, чтобы двух нарушителей, вероятно, контрабандистов, приговорили в порядке исключения к смертной казни, так как только строгое и примерное наказание, по его мнению, могло приостановить карантинные преступления. Тогда-то Николай Павлович и наложил резолюцию: «Виновных прогнать сквозь тысячу человек 12 раз. Славу Богу, смертной казни у нас не бывало и не мне ее вводить»^{1864}. Действительно, выполненное усердно такое наказание могло быть страшнее смертной казни, но все зависело от конкретного исполнения экзекуции. Известно, что многие из солдат и унтер-офицеров Черниговского полка за участие в восстании под Васильковым (Белоцерковский уезд Киевской губернии) были приговорены к различным телесным наказаниям, а трое (фельдфебель М. Шутов, унтер-офицер П. Никитин, рядовой О. Борисов) к 12 тысячам шпицрутен. Однако никто из них не умер, так как, по свидетельству бывшего члена Общества соединенных славян И. И. Горбачевского, человеколюбивый генерал К. Ф. Вреде просил солдат щадить своих товарищей. А вот офицера-поляка Д. Грохольского, разжалованного в рядовые, солдаты не пощадили. Он умер после экзекуции в шесть тысяч ударов^{1865}. Вообще же заимствованные из Пруссии шпицрутен были введены в русской армии еще при Петре I в 1701 году, а апогеем их применения следует считать вторую половину царствования «либерального» Александра I, насаждавшего их руками А. А. Аракчеева. Во время царствования Николая I верхний предел наказания шпицрутенами был ограничен шестью тысячами ударов, а затем в 1834 году последовало высочайшее повеление, в соответствии с которым максимальное наказание было снижено до трех тысяч ударов, хотя повеление это не было обнародовано, «дабы не ослаблять действие существующего закона»^{1866}. Об исполнении экзекуции над двумя нарушителями границы и ее последствиях ничего не известно. Можно предположить, что в этом случае император руководствовался принципом, сформулированным в напутствии наследнику Александру Николаевичу в 1835 году, когда Николай Павлович собирался на маневры в Калиш, находившийся в Польше на границе с Пруссией. Тогда, предполагая возможность покушений со стороны поляков, Николай Павлович составил нечто вроде назидательного завещания отца сыну, в котором были и такие слова: «...Усмиряй, буде можно, без пролития крови. Но в случае упорства мятежников не щади, ибо, жертвуя несколькими, спасешь Россию»^{1867}.

То, что обычно называют «жестокостью», не было сколько-нибудь ярко

выраженным свойством психики Николая Павловича. Скорее, это было проявление принципиального и осознанного подхода к людям определенных воззрений и поступков, к тем, кто выходил за рамки, предписанные субординацией, инструкциями, или позволял себе выражать чувства протеста, но прежде всего к тем, кто действовал, по убеждению Николая Павловича, во вред России. В беседах tête-à-tête государь «часто упоминал о своем трудном положении, обязывавшем его часто делать то, что ему вовсе не по сердцу»^{1868}. Непопулярные «меры пресечения», как правило, обуславливались не личной жестокостью Николая Павловича, а его службой на посту императора. Как считал любимый герой его юношеского сочинения, римский император-стоик Марк Аврелий, «ты пытайся убедить их, но действуй хотя бы и против их воли, раз уж ведет тебя к этому рассуждение справедливости»^{1869}. Право определять, что хорошо и что плохо, Николай Павлович, естественно, оставлял за собой. Хорошо его знавший А. В. Эвальд, сохранивший для нас уже приводившееся выше высказывание государя, что ему «не нужно умных голов, а нужно верноподданных», писал: «Ни к чему так строго и беспощадно не относился император Николай Павлович, как ко всякому проявлению неповиновения и вообще протеста... Человек добрый, внимательный к нуждам каждого, очень часто нежный... он становился суровым и беспощадным при малейшем проявлении того, что в те времена называлось либеральным духом. Суровую военную дисциплину с ее безмолвным повиновением... он неукоснительно проводил во весь строй гражданской жизни»^{1870}.

Что ж, Николай помнил записку о пагубности духа либерализма или вольномыслия, написанную покойным братом Александром I незадолго до поездки в Таганрог. Обладая «гениальным инстинктом охранения», по мнению рассуждавшего на этот счет уже позднее К. Н. Леонтьева, «государь был до такой степени идеальный самодержец, каких история давно не производила». Даже славянофилы, которые так же, как и он, являлись пламенными патриотами, вызывали его настороженность, потому что были либералами, а «Николай Павлович чувствовал, что под боярским русским кафтаном московского мыслителя кроется обыкновенная блуза западной демократии»^{1871}. Он был из числа тех, зачастую негибких деятелей и неудобных людей, которые не поступались своими принципами. Многие черты характера способствовали выполнению им обязанностей государя, но именно принципиальность и честность во всем подчас мешали ему быть гибким политиком.

Вопреки расхожему представлению о том, что Николай I был чужд всякого милосердия и сантиментов, он, при всем своем ярко выраженном темпераменте холерика, отличался склонностью к меланхолии и нередко выглядел несчастным. Проявляя свои чувства в ярко выраженной форме, он часто целовал людей, будь то растрогавший его декабрист П. Г. Каховский или незнакомый человек в лисьей шубе у Зимнего дворца утром 14 декабря 1825 года. Во время Пасхи, когда он христосовался с сотнями людей, его щека становилась черной. Он отличался чувствительностью и часто плакал, когда сердце его бывало затронуто. По свидетельству современников, он плакал во время допроса П. Г. Каховского, заливался слезами у гроба Н. М. Карамзина, чьи мысли о незыблемости самодержавия были ему так близки. Вместе с Александрой Федоровной плакал он во время торжественной присяги наследника-цесаревича в 1834 году, плакал над телом покойного А. Х. Бенкендорфа в 1844 году, как сиделка дежурил у сраженного апоплексическим ударом любимого брата Михаила Павловича в 1849 году, а во время его похорон, несмотря на болезнь, выдержал весь церемониал до конца. «Когда гроб стал медленно опускаться и загремели пушки и беглый огонь, государь так зарыдал, что раз даже вырвалось у него громкое всхлипывание»^{1872}. Со слезами на глазах высказывал новый император свои мысли и чувства французскому посланнику Ла-Ферронэ во время приема дипломатического корпуса 20 декабря 1825 года. Слезы наворачивались у него на глаза при одном из первых исполнений в интимном кругу гимна «Боже, царя храни» (зимой 1833/34 года), а также на первом светском концерте духовной музыки в 1850 году. Но особенно глубокие переживания ожидали его в годы Крымской войны, когда он как будто сразу сдал и постарел. После поражения под Альмой А. С. Меншиков направил к нему своего адъютанта С. А. Грейга, приказав откровенно рассказать обо всем, что тот видел: «Когда государь выслушал Грейга, слезы полились у него ручьем. Он схватил Грейга за плечи и, потрясая его довольно сильно, повторял только: «Да ты понимаешь ли, что говоришь»^{1873}.

Для Николая Павловича было характерно открытое проявление чувств, эмоциональных реакций, которые нередко можно было предсказать. По мнению Э. Кречмера, темпераменты «разделяются на две большие конституциональные группы — шизотимиков и циклотимиков». Впрочем, это не больные люди, а *только* предрасположенные при определенных обстоятельствах стать шизофрениками или приобрести циркулярный психоз, то есть стать циклоидами. Обладающие циклоидным характером,

по мнению Э. Кречмера, это «прямые несложные натуры, чувства которых в естественной и непритворной форме всплывают на поверхность и, в общем, понятны каждому. Шизоидные люди за внешним скрывают еще и нечто глубинное... Что скрывается за этой маской? Мы не можем по фасаду судить, что скрывается за ним... Цветы шизофренической внутренней жизни нельзя изучать на крестьянах, здесь нужны короли и поэты. Бывают шизоидные люди, относительно которых после десятилетий совместной жизни нельзя сказать, что мы их знаем»^{1874}. Они способны на неожиданные экстравагантные поступки вплоть до внешне немотивированного убийства или сотворения шедевра искусства. Николай Павлович был психически здоровым человеком, без сколько-нибудь заметной тенденции к патологии, но темперамент циклотимика-циклоида все-таки больше соответствовал его натуре. При некоторой неожиданности и даже непредсказуемости отдельных поступков Николая Павловича в глазах людей, не представляющих его внутреннего мира и системы ценностей, на самом деле в его действиях, в системе наград и наказаний и т. д. прослеживается четкая логичная мотивировка, в основе которой лежала, как правило, требовательная справедливость.

Представление о «масках», которые Николай I якобы то надевал, то снимал, разыгрывая свой «сценарий власти», верно только отчасти. Многие, как, например, хорошо знавшая императора М. П. Фредерикс, опровергают представление о некоторой его двойственности. Наоборот, цельная натура Николая Павловича была ближе к циклоидным характерам. Некоторое позерство и актерство вытекали из необходимости играть роль императора в соответствии с определенными установками и принципами, но они не были неожиданными. Он вел себя так, как должен был вести государь, по крайней мере так, как он должен был вести себя в его представлении. Описывая социальную установку психотипа циклоидов, Э. Кречмер пишет: «Они имеют потребность высказаться, высмеяться и выплакаться, ближайшим естественным путем стремятся к тому, что приводит их душу в адекватное движение, радует и облегчает ее, — к общению с людьми. Всякий раздражитель настроения находит в них отклик...» Чувство собственного достоинства у такого рода людей не приводит к резкому противоречию между личностью и окружающим миром; они не требуют жизни для себя и дают жить другим, но убеждены в ценности и правах своей индивидуальности. Лишь в редких случаях у них проявляется сильное честолюбие, которое подчас проявлялось у Николая Павловича. У циклоидов, как пишет Э. Кречмер, «влечение к труду и самомнение значительно больше, нежели сильное стремление к высоким

идеалам... Названия «деятельный», «экономный», «солидный» и прежде всего «прилежный» относятся к самым частым характеристикам нашего материала»^{1875}.

Николай Павлович скорее тяготел (только тяготел, оставаясь здоровым человеком) к циклоидам с депрессивной окраской. Здоровые, в принципе, люди с такими задатками в обычное время дружелюбны, не угрюмы, понимают юмор, смеются вместе с другими, иногда сами острят, но в то же время часто меняют настроение из-за каких-нибудь мелочей, при печальных обстоятельствах печалются дольше и глубже других, иногда плачут. «На тяжелых ответственных постах, — отмечает Э. Кречмер, — при опасных положениях, при неприятных ситуациях, при неожиданном крахе в делах они не становятся нервными, раздражительными, угрюмыми, как средние люди и особенно шизоиды, а делаются печальными. Все представляется им в мрачном свете и стоит перед ними как непреодолимое препятствие»^{1876}. Историк А. Е. Пресняков отмечал характерный для Николая Павловича перепад настроений, когда тот подчас «терялся в отчаянии от неудач — и тогда малодушно жаловался, даже плакал»^{1877}. В то же время меланхолические черты циклоида могут сочетаться и с гипоманиакальной половиной характера. Гипоманьяк вспыльчив, но человека с такими задатками гнев быстро освежает, он быстро вспыхивает и тут же становится добрым. Настроение циклоида меняется между веселостью и грустью, в целом же он отличается душевностью. Может быть, поэтому М. А. Корф несколько неожиданно для незнакомых близко с императором людей пишет о его «высокой, светлой, поэтической душе»^{1878}.

Действительно, некоторый налет романтизма, окрашенного в сентиментальные тона, не был чужд Николаю Павловичу: увлечение средневековым прошлым Англии, коллекционирование холодного оружия, царскосельская «карусель» в рыцарских латах, культ служения прекрасной даме в лице Александры Федоровны, склонность к произведениям Вальтера Скотта и Эжена Сю, любовь к морю, стремление к уединению в кругу семьи на лоне природы, стремление к идеалу в образе Петра I... «В Петергофе, — пишет А. Н. Бенуа, — образ двух русских государей, стяжавших себе славу неумолимой строгости, получает иной оттенок. Фигуры Петра Великого и Николая I приобретают в окружении петергофской атмосферы оттенок «милой уютиности». Один превращается в голландского средней руки помещика... Другой рисуется романтическим мечтателем, увлеченным мыслями о далеком рыцарском средневековье или

о менее далекой эпохе грациозно-шаловливого рококо»^{1879}. С учетом этих настроений становится понятным отмеченное инженером А. И. Дельвигом намерение, якобы высказанное Николаем Павловичем при посещении Нижнего Новгорода в 1843 году, после двадцатипятилетия царствования передать престол наследнику, а самому поселиться в одной из башен Нижегородского кремля^{1880}.

Среди недостатков характера Николая Павловича прежде всего бросалась в глаза его вспыльчивость. Проявлявшиеся еще в детском возрасте строптивость и вспыльчивость в дальнейшем сдерживались, но иногда прорывались как в мелочах быта (плохо заваренный или недостаточно сладкий чай), так и в общении с подчиненными. Он гневался на неисполнение приказа, при несогласии со своим мнением, а иногда и без причины, проявляя подчас оскорбительное бездушие и даже жестокость. Мемуаристка М. А. Цебрикова вспоминала о капитане ластовой (рабочей) команды Вернадском, как-то сразу состарившемся после психологического шока, который он испытал при следующих обстоятельствах. Император по своей привычке решил встретить на подходе эскадру кораблей, возвращавшуюся в Кронштадт после продолжительного плавания. Однако эскадру основательно потрепал шторм, и навести уставной порядок на кораблях не успели. «Он грозно спросил дивизионного вице-адмирала Игнатьева, отчего такой беспорядок на корабле; тот трепещущий стоял ни жив ни мертв от страха, бормоча что-то нечленораздельное. Николай Павлович закричал, что адмирала в отставку, капитана на салинг (позорное наказание для офицера, так как на салинг — верхнюю площадку на мачте — посылали нижних чинов). Потом наказание было смягчено: адмиралу — выговор, капитану — отставка, офицерам и команде — выговор в приказах. Вернадского перевели в ластовые»^{1881}. Об аналогичном случае рассказывает и будущий адмирал А. И. Шестаков, описывая посещение Николаем Павловичем Кронштадта вскоре после появления у его фортов английской эскадры Ч. Непеира в 1854 году: «Еще в «Ковше» он незаслуженно и непристойно оскорбил адъютанта великого князя (Константина Николаевича. — Л. В.) кн. Юшкова, а в Кронштадтской гавани, проезжая мимо корабля «Император Александр I», по которому стучали тогда десятки конопатчиков, закричал: «Что за шум?» Командир корабля Н. П. Опочинин нагнулся с корабля, чтобы поймать не расслышанные им слова государя, и услышал гневный крик: «Командира на салинг»... Его подвергли этому истинно телесному наказанию три часа и отпустили уже сигналом из Петергофа»^{1882}. Справедливости ради

следует признать, что, получив четкий и правдивый ответ, объясняющий причины беспорядка на корабле, Николай Павлович нередко этим и удовлетворялся, но он страшно гневался, когда видел или чувствовал, что его пытаются обмануть.

Обозвать кого-то дураком, как в детстве он обозвал одного из древних философов, было для него в запальчивости делом обычным. Незадолго до кончины, 12(24) февраля 1855 года, находясь не в духе, Николай Павлович последний раз навестил Инженерное училище. Он узнал об оплошности коменданта училища генерала А. И. Фельдмана. В одном из залов замка помещались тщательно выполненные модели крепостей (вплоть до каждой пушки), в том числе и осажденного союзниками Севастополя. По знакомству, Фельдман иногда разрешал посмотреть на них. Однажды сторож заметил среди посетителей двух подозрительных господ, державшихся особняком и делавших разные замечания в своих записных книжках. Их выпроводили, но пронесся слух, что это были иностранцы. Современник вспоминает, как разнес император коменданта — человека, кстати сказать, маленького роста, приходившегося Николаю Павловичу едва по пояс. «Как ты осмелился, старый дурак, — кричал на него государь, грозя пальцем, — нарушать мое строжайшее приказание о моделях? Как ты осмелился пускать туда посторонних, когда и инженерам не доверяю я эти вещи?... Не комендантом тебе быть этого замка, а самому сидеть в каземате под тремя запорами! Я не пощажу твоей глупой лысой головы, а отправлю туда, где солнце никогда не восходит!»^[1883] Мог он в личной переписке с И. Ф. Паскевичем обозвать «дураком»^[1884] и греческого короля.

Однако Николай Павлович был способен понять свою оплошность и в тактичной форме принести извинения. Когда в годы Русско-турецкой войны под Варной у него вырвалось обидное для генерала К. И. Бистрома замечание, он извинился небольшой запиской, написанной по обыкновению карандашом. Вспылив, он мог сказать «дурак» генералу Г. А. Захаржевскому, но уже на следующий день принести извинения перед строем. Вопреки распространенному мнению, Николай Павлович способен был признавать свои ошибки и исправлять чужие, в том числе допущенные Александром I. Так, один из братьев-генералов Сергей Алексеевич Тучков еще при покойном Александре Павловиче был привлечен к суду как генерал, действующий под началом П. В. Чичагова, несправедливо обвиненного в измене Отечеству за действия при Березине в 1812 году. На него М. И. Кутузов возложил всю вину и ответственность за то, что Наполеону с остатками войск удалось все же уйти. Вступив на престол,

Николай I объявил опального С. А. Тучкова от суда освобожденным, но тот, обиженный двадцатилетним следствием, не приехал даже на коронацию, несмотря на приглашение. Позднее, будучи в Измаиле, где проживал С. А. Тучков, Николай Павлович направился к его дому: «Сергей Алексеевич лежал больной в постели. Услыша о неожиданном приезде государя, он стал медленно одеваться, как дверь отворилась и Николай Павлович показался на пороге. Он быстро подошел к Тучкову, говоря: «Я знаю, ты болен; ложись в постель, нам недолго беседовать». — Сказавши это, государь придвинул стул к постели и стал говорить о делах, а о былом не было и помина. В продолжение всей службы Сергея Алексеевича государь спрашивал его, какую награду он желает получить. Тучков отвечал, что желает дать свое название Измаилу. Это было исполнено: с лишним сорок лет Измаил носил имя город Тучков»^{1885}. Вероятно, это был не единственный случай. Однажды в конце 1841 года крестьянина за дерзкие слова в адрес государя (сказанные в пьяном виде) присудили на каторгу. Когда наследник сообщил об этом отцу, Николай велел простить крестьянина и заметил вечером М. А. Корфу, что «не понимает, как это дело могло у него проскочить»^{1886}.

Кстати, сам Николай Павлович мог отнестись к таким выпадам весьма оригинально и со своеобразным юмором. По рассказу, записанному Л. И. Кингом, однажды в кабаке напротив Московского вокзала, где потом была построена гостиница, некто Иван Петров рассквернословился до того, что целовальник не выдержал. Желая унять пьяного посетителя, он указал на бюст императора: «Перестань сквернословить, хотя бы ради лика государева». Перепивший Петров ответил: «А что мне твой лик, я плюю на него!» — после чего повалился и тут же захрапел. Очнулся он в кутузке Рождественской части. Обер-полицмейстер С. А. Кокошкин донес об оскорблении Его Императорского Величества в утреннем рапорте государю. Прочитав докладную, Николай I улыбнулся и наложил резолюцию: «Объявить Ивану Петрову, что и я на него плюю, и отпустить»^{1887}. После этого случая Петров окончательно спился. Аналогично передает рассказ Богуславский, но там фигурирует портрет императора (вероятно, лубочная картинка «суздальской печати»). В его передаче мужик был приговорен к наказанию кнутом и ссылке на каторжную работу, но когда приговор по утвержденному в этих случаях порядку принесли на подпись императору, Николай Павлович написал резолюцию: «Вместо наказания сказать, что и я на него плюю; в харчевнях же и кабаках не позволять вперед иметь на стенах портретов

императорской фамилии»^{1888}. Эпизод вполне укладывается в рамки напутствия сыну Александру Николаевичу в 1835 году: «Пренебрегай ругательствами и пасквилями, но бойся своей совести»^{1889}.

Однажды в Комитете министров по ошибке вместо доклада положили в пакет на имя государя лист, на котором пробовали перья. Вместо ожидаемой грозы Николай Павлович, улыбнувшись, заметил: «Только тот не ошибается, кто ничего не делает»^{1890}. Подобных примеров можно привести множество. Николай Павлович завещал сыну Александру: «Будь вообще кроток, обходителен и справедлив; и сие последнее вмещает и снисходительность, и строгость, с которыми оно неразлучно»^{1891}.

От лиц, которым император доверял и чьи профессиональные качества уважал, он мог выслушать и противоположное мнение, а иногда и согласиться с ним. По свидетельству генерала П. Х. Граббе, во время маневров под Вознесенском в 1834 году он, испортив маневр государя, ожидал гнева. Случилось иначе: «Ошибку он приписал себе; после обеда удостоил продолжительного разговора; согласился с моими примечаниями о несходстве маневров с настоящей войной... и, видимо, хотел оставить во мне впечатление своего особенного благоволения. Двор последовал его примеру. На другой день поутру я получил орден Белого орла, что после недавнего не в очередь производства в генерал-лейтенанты означало особенную милость»^{1892}. Признавая вспыльчивость как характерный недостаток Николая Павловича, А. Д. Блудова отмечала, что «мелкого эгоизма или тщеславия самолюбия у него не было никогда»; «любил он величие и благоденствие не свои, а России»^{1893}.

В публицистике и научной литературе довольно противоречиво оцениваются храбрость или трусость, твердость или бесхарактерность Николая Павловича, хотя мемуары почти единодушно свидетельствуют о достаточном мужестве, которое он проявил и в день 14 декабря, и на театре военных действий с Турцией, и в ожидании террористических актов со стороны поляков. В детстве он, бывало, проявлял испуг, например при пушечных выстрелах, но в дальнейшем научился владеть собой даже в экстремальных ситуациях. Если он и беспокоился, то в первую очередь за судьбу близких ему людей, а если и боялся, то за судьбу России. Не случайно, признавая определенное мужество Николая Павловича, С. Б. Любош переносил проявление «трусости» императора в область политики и социальных прогнозов. Его «неизлечимая трусость» не была «физиологической трусостью, — полагал он, — ...Николай обладал железной волей и огромной самоуверенностью, но вечный страх был

сильнее и его воли, и его самомнения»^{1894}. «Бесхарактерным» называла императора В. С. Аксакова^{1895}. Историк А. А. Корнилов отмечал причины этой «бесхарактерности» и колебаний. По его мнению, Николай I, «ясно сознавая в то время необходимость преобразований, боролся с собой, видимо, старался обуздать свой собственный характер»^{1896}. Отмеченные колебания и сомнения в наибольшей степени проявлялись в последние годы его жизни. Это отметила, в частности, наблюдательная и склонная к анализу А. Ф. Тютчева: «Все последние акты его царствования, отмеченные печатью нерешительности и противоречий, свидетельствуют о мучительной борьбе, происходившей в душе этого человека, правдивого и благородного даже в своих заблуждениях»^{1897}.

Николай Павлович был верующим человеком. Но он верил также в свое предназначение и свою судьбу. Резко негативно оценивая Николая I как «политического деятеля», адмирал А. И. Шестаков вместе с тем писал: «Всем памятно, с какою готовностью он откладывал в сторону полубожескую важность, когда чувствовал себя несправедливым, с каким душевным удовольствием он испрашивал прощения у оскорбленных дикостью его природы. А смелость, которая валила на колени безумные толпы, озаряла его сиянием власти, не допускавшим мысли непокорности, отбросившим самое злодейство. Ничья рука не могла подняться на человека, носившего в себе убеждение неуязвимости. Страх в его глазах был для простых смертных, а не для помазанника, над которым блюла сверхъестественная охрана. Только с таким убеждением, с такою верою человеку несколько извинительно считать свою волю законом»^{1898}. Примерно к такому же выводу, не извиняя Николая Павловича, пришел и академик Е. В. Тарле, считавший, что император «был болен самой безнадежной, наиболее ослепляющей и отупляющей формой самоуверенности», поскольку уверовал в то, что «само провидение бдит над ним и вдохновляет его»^{1899}.

В определенной самоуверенности и известной доле рыцарства (в нежелании воспользоваться бедой соседа для достижения внешнеполитических целей) была скрыта и слабость, столь ярко проявившаяся в последние годы царствования. Не случайно, оценивая дипломатические и военные меры императора в 1848–1849 годах, канцлер О. Бисмарк назвал Николая Павловича «преувеличенно рыцарственным самодержцем»^{1900}. Во всяком случае, как отмечал, в частности, Н. Я. Данилевский, тогда Россия не только не воспользовалась трудным положением союзников, чтобы беспрепятственно округлить свою

территорию за счет Молдавии и Валахии, но и пришла на помощь Австрии^[1901]. В начале же Крымской войны Николай Павлович ждал ответных шагов от своих союзников и прежде всего от Австрии — таких, какие бы предпринял сам в силу своего характера и своих принципов, забывая, что благодарность в политике — удел дилетантов. Во многом была права А. Ф. Тютчева, рассуждая о причинах неожиданной и преждевременной смерти императора: «Нет никакого сомнения, что его убили последние политические события и не столько война и ее неудачи, сколько озлобление и низость не только его врагов, но и тех, в ком он видел своих друзей и союзников, на кого он считал себя вправе рассчитывать и ради кого он часто, вопреки собственным патриотическим чувствам, приносил в жертву даже интересы своей родной страны»^[1902].

Военные поражения Николай Павлович тоже переживал очень тяжело. Известие о неудачной попытке отряда генерал-лейтенанта С. А. Хрулева выбить противника из Евпатории, когда потери убитыми и ранеными составили почти 700 человек, было последним сообщением из Крыма, полученным уже больным императором. Вполне возможно, что именно нравственное потрясение и психологический шок стали причиной его преждевременной кончины.

Николай I не был реакционером, каким его часто изображали политические противники. Он был консерватором, но «консерватором с прогрессом», способным к определенным умеренным реформам сверху, подготовленным постепенно, без заигрывания с общественным мнением. Процессы, происходившие во время его царствования, которые он в значительной степени инициировал, способствовали созданию экономических основ нового общества, складыванию русской национальной культуры. Образ Петра Великого, воспринимаемый как символ национального единства, сыграл свою роль в идеологическом обеспечении этого процесса. Царствование Николая I подготовило грядущие реформы после Крымской войны, когда дворянство и правящая элита страны оказались готовы поступиться рядом своих корпоративных преимуществ во благо России.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

1796, 25 июня (6 июля) — рождение Николая Павловича в Царскосельском дворце.

1796, 6 (17) июля — крещение в церкви Царскосельского дворца.

1796, 7 ноября — назначен полковником лейб-гвардии Конного полка, а затем шефом.

1798, 28 января — рождение младшего брата великого князя Михаила Павловича.

1800, 28 мая — назначен шефом Измайловского полка.

1802 — начало обучения.

1809 — замена «гимназического» курса «университетским».

1814, 5 (17) февраля — начало первого заграничного путешествия вместе с Михаилом Павловичем из Петербурга в Париж.

1814, 21 февраля — прибытие в Берлин, знакомство на следующий день с принцессой Шарлоттой.

1814, апрель — начало июня — пребывание в Париже.

1814, 8 (16) июня — прибытие Николая и Михаила Павловичей в Брюссель.

1815, 13 (25) мая — начало второго заграничного путешествия Николая и Михаила Павловичей.

1815, 29 августа (10 сентября) — командование 2-й бригадой 3-й гренадерской дивизии на смотре в Вертю.

1815, 24–25 сентября (6–7 октября) — участие в смотре австрийских войск в Дижоне.

1815, 23 октября (4 ноября) — объявление в Берлине о помолвке великого князя и прусской принцессы Шарлотты.

1816, 1 (13) января — назначен канцлером Абовского (г. Турку в Финляндии) университета.

1816, 26 января — назначен шефом Северского конноегерского полка.

1816, 9 (21) мая — начало путешествия на Юг России через Витебск, Смоленск, Киев, Харьков, Екатеринослав, Николаев, Одессу, Севастополь, Новочеркасск, Курск, Тулу, Москву.

1816, 15 (27) августа — посещение вместе с Александром I

Успенского собора в Москве.

1816, 26 августа (7 сентября) — возвращение в Петербург.

1816, 13 (25) сентября — отъезд из Павловска в Англию.

1816, 21 сентября (3 октября) — 15 (27) октября — пребывание в Берлине.

1816, 5 (17) ноября — прибытие в Кале.

1816, 6 (18) ноября — прибытие в пригород Лондона Диле.

1817, 16 декабря — встреча в Эдинбурге с начинающим литератором Вальтером Скоттом.

1817, 3 (15) марта — переезд из английского Дувра во французский Кале.

1817, 5 (17) апреля — назначен шефом 3-го (с 1819 — 6-го) Бранденбургского кирасирского полка.

1817, 27 апреля (9 мая) — возвращение в Петербург.

1817, 9 (21) июня — встреча невесты Шарлотты в Мемеле (Клайпеде).

1817, 24 июня (6 июля) — миропомазание принцессы Шарлотты-Фредерики-Вильгельмины (род. 1/12 июля 1798 г.), нареченной великой княжной Александрой Федоровной.

1817, 25 июня (7 июля) — обручение Николая Павловича и Александры Федоровны.

1817, 1 (13) июля — бракосочетание Николая Павловича и Александры Федоровны в церкви Зимнего дворца.

1817, 3 (15) июля — назначен генерал-инспектором по инженерной части.

1817, 18 (30) сентября — поездка в Москву.

1817, 12 (24) октября — присутствие на закладке первого храма во имя Христа Спасителя на Воробьевых горах.

1818, 20 января (1 февраля) — вступление в управление Инженерным корпусом в должности генерал-инспектора.

1818, 2 (14) февраля — возвращение с Александром I в Москву.

1818, 17 (29) апреля — рождение великого князя Александра Николаевича в Московском Кремле (17.04.1817—1.03.1881; император с 18.02.1855).

1818, 5 (17) мая — крещение великого князя и наследника Александра Николаевича в церкви Чудова монастыря.

1818, 27 июля — назначен командиром 2-й бригады (полки лейб-гвардии Измайловский и Егерский) 1-й гвардейской пехотной дивизии под начальством барона Г. В. Розена, затем (с мая 1821 г.) И. Ф. Паскевича.

1819, 13 (25) июля — Александр I сообщает о предстоящем

наследовании престола после отречения его и Константина Павловича.

1819, 6 (18) августа — рождение великой княжны, впоследствии великой княгини Марии Николаевны (6.08.1819—9.02.1876).

1819, 24 ноября — учреждение Главного инженерного училища.

1820, 20 марта (1 апреля) — расторжение брака цесаревича Константина Павловича с Анной Федоровной.

1820, 12 (24) мая — бракосочетание цесаревича Константина Павловича с графиней Иоанной Грудзинской, впоследствии княгиней Лович.

1820, 10 (22) июля — рождение Александрой Федоровной мертвого ребенка в Павловске.

1820, 16 марта — открытие Главного инженерного училища (Инженерного замка).

1821, 15 (27) января — представление поэмы Томаса Мура «Лалла Рук» в виде пьесы в королевском замке в Берлине; Николай Павлович в роли бухарского принца Алариса, Александра Федоровна — в роли Лаллы Рук.

1821, 18 (30) марта — участие в параде в качестве шефа Бранденбургского кирасирского полка в связи с открытием памятника в Крейцберге близ Берлина в память войн 1812, 1814 и 1815 годов.

1821, 10 (22) сентября — возвращение с Александрой Федоровной из-за границы (через Польшу).

1821, 13 (25) сентября — 1822, май — участие в походе гвардии в литовские губернии, пребывание в Вильне.

1821, сентябрь — участие в маневрах в Бешенковичах.

1821, декабрь — 1822, январь — пребывание в Петербурге.

1822, 14 (26) января — письмо цесаревича Константина Павловича Александру I с отречением от престола.

1822, 2 (14) февраля — письмо Александра I цесаревичу Константину Павловичу в ответ на письмо от 14 (26) января.

1822, февраль — «норовская история» в лейб-гвардии Егерском полку.

1822, 22 мая — участие в параде войск в Вильне, возвращение в Петербург.

1822, 30 августа (11 сентября) — рождение в Санкт-Петербурге великой княжны Ольги Николаевны (30.08.1822—16.10.1892).

1823, 9 мая — учреждение школы гвардейских подпрапорщиков.

1823, 16 (28) августа — подписание Александром I неопубликованного манифеста о передаче престола Николаю Павловичу.

1823, 29 августа — положение митрополитом Филаретом

запечатанного конверта с манифестом от 16 (28) августа в ковчег алтаря Успенского собора.

1824, 24 июля (5 августа) — 10 (22) августа — неудачное плавание с Александрой Федоровной на корабле «Эмгейтен» из Кронштадта в Варнемюнде.

1825, 3 (15) марта — назначение начальником 2-й гвардейской дивизии (измайловцы, павловцы, егерцы, финляндцы, саперный батальон).

1825, 12 (24) июня — рождение в Царском Селе великой княжны Александры Николаевны (12.06.1825—29.07.1844).

1825, 30 августа (12 сентября) — присутствует на литургии в Александро-Невской лавре в связи с тезоименитством Александра I; последний совместный обед трех братьев во вновь отстроенном дворце великого князя Михаила Павловича перед отъездом императора на Юг.

1825, 30 августа (12 сентября) — поездка в Бобруйск для инспектирования собранных здесь в лагере войск.

1825, 15 (27) сентября — участие в параде в Бобруйске по случаю дня коронации Александра I и возведения укрепления «Фридрих-Вильгельм III».

1825, 19 ноября — кончина в Таганроге императора Александра I.

1825, 27 ноября — получение в Петербурге известия о кончине императора Александра I и присяга Константину Павловичу.

1825, 13 (25) декабря — подписание манифеста о восшествии на престол, датированного 12 (24) декабря с объявлением днем восшествия на престол 19 ноября.

1825, 14 (26) декабря — присяга и выступление декабристов в Санкт-Петербурге.

1825, 20 декабря (1 января 1826) — первый прием императором Николаем I дипломатического корпуса.

1825, 29 декабря (10 января) — 3 (15) января 1826 — восстание Черниговского полка под Васильковым Белоцерковского уезда Киевской губернии.

1825, 29 декабря (10 января) — начало шествия «печальной процессии» с телом покойного императора Александра I из Таганрога.

1826, 1 (13) января — манифест о различных амнистиях по служебным взысканиям.

1826, 28 февраля (12 марта) — встреча Николаем I и великим князем Михаилом Павловичем тела покойного императора Александра I в Царском Селе.

1826, 1 (13) марта — прощание с покойным императором

Александром 1 при открытом гробе.

1826, 13 (25) марта — отпевание и похороны Александра I в Петропавловской крепости.

1826, 17 марта — манифест о преобразовании управления Финляндией.

1826, 19 марта — парад по случаю годовщины вступления русских войск в Париж и раздача серебряных медалей, отчеканенных в соответствии с манифестом Александра I еще в 1814 г.

1826, 23 марта (4 апреля) — Петербургский протокол между Россией и Англией.

1826, 30 апреля — отправка А. А. Аракчеева в отпуск, фактически — в отставку.

1826, 4 (16) мая — кончина в Белёве императрицы Елизаветы Алексеевны.

1826, 6 (18) мая — увольнение попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого.

1826, 14 (26) мая — создание Комитета устройства учебных заведений.

1826, 23 мая (4 июня) — прощание с покойным Н. М. Карамзиным.

1826, 1 (13) июня — манифест об учреждении верховного уголовного суда над декабристами.

1826, 10 (12) июня — принятие первого цензурного устава, подготовленного в конце царствования Александра I.

1826, 21 июня (3 июля) — отпевание и похороны в Петропавловском соборе императрицы Елизаветы Алексеевны.

1826, 25 июня — отставка попечителя С.-Петербургского учебного округа Д. П. Рунича.

1826, 3 (15) июля — преобразование Особой канцелярии Министерства внутренних дел в III Отделение Его Императорского Величества Канцелярии.

1826, 13 (25) июля — обряд разжалования и приведения к исполнению приговора над осужденными к повешению декабристами; отправка в Сибирь первых осужденных.

1826, 16 (28) июля — вторжение персидских войск в Закавказье, начало Русско-персидской войны.

1826, июль — 5 сентября — оборона крепости Шуши под командованием полковника И. А. Реута в начальный период Русско-персидской войны.

24 июля (5 августа) — торжественный въезд Николая Павловича в Москву в сопровождении двух императриц и наследника Александра

Николаевича.

1826, 22 августа (3 сентября) — коронация Николая I в Кремле, обнародование подписанного 28 января манифеста о назначении в случае кончины императора правителем государства великого князя Михаила Павловича с опекуном над всеми детьми государя до их совершеннолетия Марии Федоровны.

1826, 22 августа — создание Министерства Императорского двора.

1826, 8 (20) сентября — прием Николаем Павловичем А. С. Пушкина и его амнистия.

1826, 3 (15) сентября — разгром генералом В. Г. Мадатовым Амир-хана на р. Шамхор.

1826, 13 (25) сентября — разгром Аббаса-Мирзы в Елизаветпольском сражении в ходе Русско-персидской войны.

1826, 25 сентября (1 октября) — Аккерманская конвенция между Россией и Турцией.

1826, 5 (17) октября — возвращение Николая Павловича из Москвы в Царское Село.

1826, 6 (18) декабря — образование Комитета 6 декабря.

1827, 28 марта — указ об увольнении А. П. Ермолова с заменой в должности командира Кавказского корпуса И. Ф. Паскевичем.

1827, 7 (19) мая — отъезд Николая Павловича из Петербурга для смотра войск 2-го пехотного корпуса в Вязьме.

1827, май — начало весенне-летней кампании в Закавказье, вступление русских войск в Эриванское ханство.

1827, 8 (20) июня — занятие русскими войсками Эчмиадзина.

1827, 24 июня (6 июля) — Лондонская конвенция по греческому вопросу.

1827, 5 (17) июля — сражение при Джеван-Булаке под Аббасабадом в ходе Русско-персидской войны.

1827, 7 (19) июля — взятие русскими войсками крепости Аббас-Абад (Аббасабад).

1827, июль — осмотр новгородских военных поселений.

1827, 26 августа — новый рекрутский устав.

1827, 19 (31) августа — запрещение принимать крепостных крестьян в высшие учебные заведения.

1827, 1 (13) сентября — утверждение нового (предварительного) Положения о Морском министерстве; образование Морского штаба.

1827, 9 (21) сентября — рождение в Санкт-Петербурге великого князя Константина Николаевича (9.09.1827—13.01.1892).

1827, 1 (13) октября — взятие Эривани (Еревана) в ходе Русско-персидской войны.

1827, 8 (20) октября — Наваринское сражение англо-франко-русской эскадры с турецко-египетским флотом у берегов Пелопоннеса (Морей).

1827, 14 (26) октября — взятие Тебриза (Тавриза) отрядом генерала князя Г. Е. Эристова.

1827, октябрь — поездка Николая Павловича в Двинск, Ригу и Ревель.

1827, 8 (20) декабря — хатти-шериф султана с объявлением России непримиримым врагом.

1828, в ночь с 9 (21) на 10 (22) февраля — Туркманчайский мирный договор между Россией и Персией, завершивший Русско-персидскую войну 1826–1828 гг. Переход к России Эриванского и Нахичеванского ханств.

1828, 25 марта — возвращение из опалы А. С. Меншикова, назначение его исправляющим должность начальника морского штаба с переименованием из генерал-адъютанта в контр-адмиралы.

1828, 14 (26) апреля — манифест о начале войны с Турцией.

1828, 25–30 апреля (7–12 мая) — переправа русских войск через Прут; отъезд Николая Павловича на театр военных действий.

1828, 7 (19) мая — переезд Николая Павловича через Прут на территорию Дунайских княжеств.

1828, 15 мая — август — пребывание (с перерывами) в Одессе вместе с Александрой Федоровной.

1828, 27 мая (8 июня) — форсирование Дуная русскими войсками.

1828, 28 мая (9 июня) — переправа Николая Павловича через Дунай.

1828, 7 (19) июня — сдача крепости Браилова.

1828, 12 (24) июня — сдача крепости Кюстенджи (Констанцы) генералу В. Г. Мадатову; завершение десантной операции А. С. Меншикова по взятию турецкой крепости Анапы.

1828, 27 июня (9 июля) — взятие И. Ф. Паскевичем Карса.

1828, 27 августа — 2 октября — пребывание на корабле «Париж» под Варной.

1828, 16 (28) августа — взятие И. Ф. Паскевичем Ахалциха.

1828, 27 августа (8 сентября) — занятие русскими войсками крепости Баязет.

1828, 29 сентября (11 октября) — капитуляция турецкой крепости Варна.

1828, 2 (14) октября — оставление Николаем Павловичем театра военных действий.

1828, 3 (15) — 4 (16) октября — шторм при переходе из Варны в

Одессу.

1828, 14 (26) октября — возвращение Николая Павловича в Санкт-Петербург.

1828, 24 октября (5 ноября) — кончина императрицы Марии Федоровны.

1828, 13 (25) ноября — отпевание и похороны императрицы Марии Федоровны.

1828, 28 ноября — открытие Технологического института.

1828, 8 декабря — утверждение нового устава для низших и средних учебных заведений.

1828 — образование Азовского казачьего войска из бывших запорожцев, принявших русское подданство. Присоединение к России Карачаевской области. Создание Мануфактурного совета. Принятие второго цензурного устава; учреждение Главного управления цензуры при Министерстве народного просвещения.

1828–1835 — 2-я ясачная комиссия в Сибири.

1829, 30 января (11 февраля) — убийство в Тегеране А. С. Грибоедова.

1829, 4 (16) февраля — взятие контр-адмиралом Кумани Сизополя (Сизопола).

1829, 9 (21) февраля — назначение графа И. И. Дибича главнокомандующим 2-й армией на Балканском театре военных действий вместо П. Х. Витгенштейна.

1829, 25 апреля (7 мая) — отъезд Николая Павловича из Санкт-Петербурга через Динабург и Белосток в Польшу.

1829, 4 (16) мая — прибытие Николая Павловича в Варшаву.

1829, 12 (24) мая — коронация Николая I в королевском замке Варшавы в зале сената как польского короля.

1829, 14 (26) мая — бой брига «Меркурий» с двумя линейными турецкими кораблями.

1829, 22 мая (3 июня) — 4 (16) июня — поездка в Пруссию, шестидневное пребывание с Александрой Федоровной в Берлине 25–31 мая, присутствие на бракосочетании племянницы (дочери Марии Павловны) с принцем Вильгельмом 29 мая (10 июня).

1829, 30 мая (11 июня) — победа под Кулевчи на Балканском театре военных действий.

1829, 13 (25) июня — отъезд из Варшавы через Луцк в Тульчин на смотр гвардейского корпуса 19 июня (1 июля).

1829, 30 июня (12 июля) — 10 (22) июля — переход русских войск тремя колоннами через Балканский хребет.

- 1829, 23 июля (5 июля) — посещение Киева (впервые после 1816 г.).
- 1829, 27 июня (9 июля) — взятие Эрзерума (Эрзурума) на Кавказском театре военных действий.
- 1829, 30 июня (12 июля) — осмотр крепостных сооружений Бобруйска.
- 1829, 11 (23) июля — возвращение в Царское Село.
- 1829, 8 (20) августа — капитуляция Адрианополя.
- 1829, 10 (22) августа — прием в Зимнем дворце персидского принца Хосрова-Мирзы (Хозрева-Мирзы).
- 26 августа (7 сентября) — взятие города Эноса с выходом к Эгейскому морю.
- 1829, 2 (14) сентября — Адрианопольский мирный договор, завершивший Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. Переход к России дельты Дуная и Черноморского побережья Кавказа.
- 1829, 22 сентября (4 октября) — парад войск на Марсовом поле по случаю завершения Русско-турецкой войны; производство И. И. Дибича в генерал-фельдмаршалы.
- 1829, 25 сентября (7 октября) — награждение И. Ф. Паскевича-Эриванского чином генерал-фельдмаршала.
- 1829, 29 октября (10 ноября) — 10 (22) декабря — болезнь Николая Павловича.
- 1829 — появление холеры в Оренбурге. Создание Коммерческого совета. Создание специального Комитета для обсуждения вопроса о запрещении продажи крестьян без земли. Первая выставка мануфактурной промышленности в С.-Петербурге. Восстановление Санкт-Петербургского Главного педагогического института.
- 1830, 22 января (3 февраля) — провозглашение Греции независимым государством.
- 1830, 14 (26) апреля — русско-турецкая конвенция об уменьшении военной контрибуции с Турции.
- 1830, 3 (15) марта — отъезд Николая Павловича из Петербурга для осмотра военных поселений гренадерского корпуса в Новгородской губернии.
- 1830, 7 (19) — 12 (26) марта — пребывание в Москве.
- 1830, 16 (28) мая — открытие четвертого и последнего польского сейма в Варшаве в присутствии Николая I.
- 1830, 3 (15) — 7 (19) июня — восстание солдат, матросов и городского населения в Севастополе.
- 1830, 31 июля (11 августа) — 5 (17) августа — поездка в Финляндию.
- 1830, июль — «Абхазская экспедиция» И. Ф. Паскевича, строительство

Гагринского укрепления.

1830, 29 сентября — 7 (19) октября — пребывание Николая Павловича в Москве во время холеры; публикация А. С. Пушкиным под датой 29 сентября стихотворения «Герой».

1830, 17 (29) ноября — восстание в Варшаве.

1830, 1 (13) декабря — назначение И. И. Дибича главнокомандующим армией для подавления польского восстания.

1830, 5 (17) декабря — воззвание Николая I к польской армии и народу польскому.

1830, 12 (24) декабря — манифест с предложением восставшим полякам сложить оружие.

1830 — образование на Кавказе Джаро-Белоканской области.

1831, 13 (25) января — решение польского сейма о детронизации Николая I и его наследников.

1831, 18(30) января — начало перехода русской армией польской границы.

1831, 25 января (6 февраля) — манифест о военных действиях против поляков («за честь и целость державы нашей»); переход через польскую границу главных сил русской армии.

1831, 13 (25) февраля — сражение с польской армией под Гроховом (Грохув).

1831, март — начало восстания в Литве.

1831, 14 (26) мая — поражение польских войск под Остроленкой, отступление поляков к Пултуску и Варшаве.

1831, в ночь с 14 (26) на 15 (27) июня — кончина от холеры цесаревича Константина Павловича в Витебске.

1831, 14 (26) июня — конец июля — холерная эпидемия в Санкт-Петербурге.

1831, 22 июня (4 июля) — холерный бунт на Сенной площади.

1831, 23 июня (5 июля) — прибытие Николая I на Сенную площадь.

1831, 28 июня (10 июля) — новый рекрутский устав.

1831, 11–22 июля (23 июля—3 августа) — восстание в связи с холерой в Новгородских военных поселениях, в частности в Старой Руссе; поездка Николая Павловича в Новгородскую губернию.

1831, 27 июля — рождение в Царском Селе великого князя Николая Николаевича (27.07.1831 — 13.04.1891).

1831, 2 (14) августа — создание А. С. Пушкиным стихотворения «Клеветникам России».

1831, 25 августа (6 сентября) — занятие войсками И. Ф. Паскевича

западного пригорода Варшавы Воли.

1831, в ночь с 26 на 27 августа (7 на 8 сентября) — капитуляция Варшавы.

1831, 16 (28) сентября — учреждение Комитета западных губерний (1831–1848).

1831, 6 (18) октября — парад и молебствование на Марсовом поле в честь окончания русско-польской войны.

1831, 11/12 (23/24) октября — 24/25 ноября (6/7 декабря) — пребывание в Москве с посещением Ярославля.

1831, 6 ноября (по н. ст.) — провозглашение Николаем I амнистии участникам польского восстания.

1831, 17 (29) ноября — кончина княгини Лович в Царском Селе.

1831 — преобразование Морского штаба в Главный морской штаб. Вторая выставка мануфактурной промышленности (в Москве).

1832, 14 (26) февраля — издание «Органического статута Королевства Польского», заменившего «Конституционную хартию».

1832, 10 апреля — манифест о новом сословии личного и потомственного почетного гражданства.

1832, 13 октября — рождение в Санкт-Петербурге великого князя Михаила Николаевича (13.10.1832—5.09.1909).

1832, 17 (29) октября — взятие русскими войсками аула Гимры в Дагестане; убит имам Кази-мулла.

1832, 6 (18) декабря — договор о торговле и мореплавании между Россией и США с предоставлением взаимно режима наибольшего благоприятствования.

1832, декабрь — раскрыт заговор в Грузии.

1832 — первое издание Свода законов Российской империи. Объединение всех казаков от р. Кумы до Кубани (кроме Черноморского войска) в единое Кавказское линейное казачье войско. Земельная реформа в Башкирии. Распространение на Министерство иностранных дел «Общего учреждения министерств»; упразднение Коллегии иностранных дел.

1833, 19 (31) января — награждение Николаем I М. М. Сперанского за составление Свода законов на общем собрании Государственного совета знаком ордена Святого Андрея Первозванного.

1833, 9 (21) февраля — 11 (23) апреля — высадка на Босфоре в окрестностях Константинополя русского десанта для помощи Турции в борьбе с египетским пашой.

1833, июнь — вторая поездка Николая I в Финляндию.

1833, 26 июня (8 июля) — Ункяр-Ескелесийский союзный договор с

Турцией на восемь лет.

1833, 24 августа (5 сентября) — прибытие в Шведт (Бранденбургская область Пруссии).

1833, 6 (18) сентября — первая русско-австрийская Мюнхенгретская конвенция.

1833, 7 (19) сентября — вторая русско-австрийская Мюнхенгретская конвенция.

1833, 3 (15) октября — Берлинская конвенция между Россией, Пруссией и Австрией, восстановление Священного союза.

1833, 25 декабря — принятие Государственного гимна (музыка А. Ф. Львова, слова В. А. Жуковского).

1833 — посещение Николаем I Прибалтики (Двинска, Риги, Ревеля). VIII ревизия.

1834, 22 апреля (в День Святой Пасхи) — празднование 16-летия цесаревича Александра Николаевича и принесение им присяги.

1834, 21 июня (3 июля) — арест в Москве участников кружка А. И. Герцена.

1834, 15 (27) июля — открытие университета Святого Владимира в Киеве.

1834, 30 августа — освящение Александровской колонны с надписью «Александрю Первому, благодарная Россия».

1834, октябрь — поездка в Москву, Орел, Ярославль и Кострому.

1834, конец октября — первая половина ноября — поездка с цесаревичем в Берлин, затем — в Варшаву.

1834 — посещение Нижнего Новгорода. Создание корпуса горных инженеров. Начало издания «Земледельческой газеты».

1834–1835 — возмущение государственных крестьян и башкир в Приуральском крае.

1835, 1 января — введение в действие первого издания Свода законов Российской империи.

1835, 24 мая (5 июня) — «Положение об отношениях между хозяевами фабрик и заводов и рабочими» (начало фабричного законодательства в России).

1835, 21 июня — закладка Пулковской обсерватории.

1835, 25 июня — утверждение «Положения об учебных округах».

1835, 26 июля (7 августа) — утверждение «Общего устава императорских российских университетов».

1835, июль — восстание в Башкирии.

1835, 1 (13) августа — поездка с Александрой Федоровной на

пароходе в Данциг (Гданьск), далее самостоятельно сухим путем в Калиш на съезд трех монархов; освящение памятника, созданного Николаем I в память боевого союза 1813–1814 гг.

1835, август — присутствие в Теплице на маневрах австрийской армии с императором Фердинандом I, пребывание с ним в Праге и поездка инкогнито в Вену с посещением императрицы-матери.

1835, 5 октября — прием в Варшаве в Лазенковском дворце горожан-депутатов, речь Николая I.

1835, октябрь — поездка Николая I по маршруту: Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Киев, Белая Церковь, Чугуев, Курск, Орел, Тула, Москва.

1835 — посещение Николаем I с супругой в Москве публичной выставки мануфактурных и фабричных изделий. Создание Секретного комитета 1835 г., разработавшего реформу государственной деревни. Общее положение о евреях.

1836, 8 января — утверждение нового устава и штата Императорской Академии наук.

1836, 19 апреля — первая постановка комедии Гоголя «Ревизор» в Александрийском театре в присутствии Николая I.

1836, в ночь с 25 на 26 августа — дорожное происшествие под Чембаром (сломана ключица).

1836, 27 ноября (9 декабря) — первая постановка оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» в присутствии Николая I.

1836, ноябрь — инцидент с английской шхуной «Виксен» в бухте Суджук-Кале (Цемесской).

1836, 6 декабря — утверждение «Положения о товариществах по участкам или компаниях на акциях» (закона об акционерных обществах).

1836–1838 — восстание в Букеевской орде во главе с аульным старшиной Исатаем Таймановым и поэтом Махамбетом Утемисовым.

1837, 29 января (10 февраля) — смерть А. С. Пушкина после дуэли, отдача Дантеса под военный суд.

1837, май — аварская экспедиция под командованием генерала-швейцарца К. Фезе.

1837, 31 июля — отъезд из Петербурга на Юг России по маршруту: Псков, Динабург (4 августа), Ковно (4–9 августа), Минск, Бобруйск (12 августа), Чернигов, Киев (14 августа), Вознесенск (17 августа — 4 сентября), Николаев, Одесса (6 сентября), Севастополь (10–13 сентября), Ялта, Геленджик (21 сентября), Анапа (24 сентября), Керчь, Редут-Кале, Зугдиди, Ахалцих (1 октября), Ахалкалаки, Гумры (3 октября), Тифлис (8–12 октября), Владикавказ, Пятигорск (16 октября), Ставрополь. Аксайская

станция (19 октября), Новочеркасск (20–23 октября), Воронеж (24 октября), Москва.

1837, сентябрь — высадка десанта у мыса Адлер.

1837, 30 октября (11 ноября) — поездка цесаревича Александра Николаевича по России; Николай I переписывается с ним.

1837, 30 октября (11 ноября) — открытие Царскосельской железной дороги.

1837, 22 ноября — посещение Московского университета.

1837, 10 декабря — возвращение Николая I в Санкт-Петербург после поездки на Кавказ.

1837, 17–19 декабря — пожар Зимнего дворца.

1837, 27 декабря (8 января 1838) — образование Министерства государственных имуществ во главе с П. Д. Киселевым.

1837–1847 — антиколониальное движение казахов Среднего жуза под руководством султана Кенесары Касымова.

1838, весна — ухудшение здоровья Александры Федоровны.

1838, май — поездка в Берлин на маневры в сопровождении Александры Федоровны и наследника.

1838, июль — поездка из Берлина в Теплиц.

1838 — основание укреплений Новороссийское в Цемесской бухте на месте разрушенной турецкой крепости Суджук-Кале (Новороссийск); форта Александровский — в районе р. Сочи (переименован затем в 1839 г. в Навагинский), укрепления Вельяминовское на р. Туапсе (в честь генерала А. А. Вельяминова; с 1896 г. — Туапсе) и др.

1838, 22 мая — открытие железной дороги на всем протяжении пути до Павловска.

1839, праздник Святой Пасхи — освящение восстановленного Зимнего дворца.

1839, 11 (24) февраля — кончина М. М. Сперанского.

1839, 15 (27) февраля — казнь польского революционера С. Конарского.

1839, 12 (25) февраля — соборное постановление о воссоединении униатской и православной церквей.

1839, 1 (13) июля — начало финансовой реформы Е. Ф. Канкрин (1839–1843) с переходом в качестве основной расчетной единицы к серебряному рублю.

1839, 2 июля — бракосочетание великой княжны Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Евгением Иосифом Августом Наполеоном Лейхтенбергским (1817–1852). Обручение 5 декабря 1838 г.

- 1839, 7 августа — открытие Пулковской обсерватории.
- 1839, 22–23 августа — взятие войсками генерал-лейтенанта П. Х. Граббе аула Ахульго.
- 1839, 26 августа (7 сентября) — военный парад на Бородинском поле.
- 1839, 10 (22) ноября — учреждение Секретного комитета 1839–1841 гг. по крестьянскому вопросу.
- 1839, 14 ноября — февраль 1840 — «Хивинская экспедиция» В. А. Перовского.
- 1839, конец года — посещение Москвы и Коломенского.
- 1839 — оставление Российско-Американской компанией форта Росс в Калифорнии.
- 1840, май — поездка через Польшу в Берлин с Александрой Федоровной в связи с болезнью и смертью Фридриха Вильгельма III и в Веймар к сестре Марии Павловне.
- 1840, 25 мая — отмена действия Литовского статута в украинских и литовско-белорусских губерниях.
- 1840, 3 (15) июля — первая Лондонская конвенция между Россией, Англией, Австрией, Пруссией и Турцией по Ближнему Востоку.
- 1840 — административная реформа в Закавказье, распространение на Закавказье общеимперского законодательства. Восстание в Чечне и Адыгее. Учреждение Комитета для определения мер коренного преобразования евреев в России. Образование Кавказского комитета. Учреждение Комитета, обсуждавшего проблему сокращения числа дворовых людей.
- 1841, 16 апреля — бракосочетание великого князя и цесаревича Александра Николаевича с Марией Гессен-Дармштадтской, нареченной Марией Александровной (1.07.1824—22.05.1880).
- 1841, 1 (13) июля — вторая Лондонская конвенция между Россией, Англией, Австрией, Пруссией, Францией и Турцией о воспрещении иностранным судам входить в проливы Босфор и Дарданеллы.
- 1841, 15 (27) июля — смерть М. Ю. Лермонтова.
- 1841 — утверждение нового устава Российско-Американской компании.
- 1842, 1 февраля — указ о строительстве Петербургско-Московской железной дороги за счет казны.
- 1842, 2 (14) апреля — указ об обязанных крестьянах.
- 1842, июль — неудачный поход генерал-лейтенанта П. Х. Граббе в Ичкерия (Чечню).
- 1842, 18 августа — рождение внучки Александры Александровны (18.08.1842–16.06.1849).

1842, 27 ноября (9 декабря) — первая постановка оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила».

1842, ноябрь — записка Николая I для главноуправляющего Закавказским краем и командира Отдельного Кавказского корпуса А. И. Нейдгардта.

1842 — второе издание Свода законов Российской империи. Утверждение устава сберегательных касс. Восстановление Казанской духовной академии.

1843, 8 сентября (день Рождества Богородицы) — рождение внука Николая Александровича, с 19.02.1855 — наследника престола (8.09.1843 — 12.04.1865).

1843, 26 декабря — помолвка Александры Николаевны с Фридрихом Гессенским.

1843 — перевод Римско-католической духовной академии из Вильны в Петербург.

1844, 16 (28) января — бракосочетание великой княжны Александры Николаевны с Фридрихом Вильгельмом, ландграфом Гессен-Кассельским.

1844, 14 (26) мая — начало поездки в Англию.

1844, 31 мая — 9 июня — пребывание в Англии.

1844, 29 июля (10 августа) — кончина от преждевременных родов больной туберкулезом дочери Александры Николаевны и ее сына.

1844, 27 декабря — образование Кавказского наместничества с центром в Тифлисе (1844–1881).

1844 — разделение Польши на пять губерний. Комитет 1844 г. о дворовых людях. Открытие в Москве Межевого института.

1845, зима — поездка в Италию к Александре Федоровне через Прагу и Баварию.

1845, 26 февраля — рождение внука Александра Александровича (26.02.1845—20.10.1894; с 12.04.1865 — наследник престола, с 1.03.1881 — император Александр III).

1845, 26 марта — сформирован аппарат Кавказского наместничества.

1845, июнь — июль — Даргинская («Сухарная») экспедиция М. С. Воронцова.

1845, 15 (27) августа — издание «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных».

1845, 1 (13) декабря — беседа Николая I и папы Григория XVI в Ватикане во время пребывания императора в Риме.

1845, декабрь — возвращение из Палермо через Мюнхен, Вену и Варшаву.

1845 — строительство фортов по Иргизу и Тургаю (Уральское и Тургайское укрепления) в Казахской степи. Присоединение земель Старшего жуза в районе озера Балхаш и района Копала. Открытие первого участка Варшаве ко-Венской железной дороги.

1846 — включение в состав России юго-восточной части Казахстана до р. Или (часть Семиречья), выход к Аральскому морю и устью Сырдарьи; образование Аральской военной флотилии; строительство Ново-Петровского укрепления. Начало новой губернской реформы в Закавказье. Создание Комитета 1846 г. для рассмотрения записки Л. А. Перовского «Об уничтожении крепостного состояния в России».

1846 — бракосочетание великой княжны Ольги Николаевны с принцем Карлом Фридрихом Александром (1823–1891), впоследствии Карлом I, королем Вюртемберга (1864).

1846, 7 июня (по н. ст.) — указ Николая I об уменьшении феодальных повинностей в Польше.

1847, 27 марта (8 апреля) — арест в Киеве Н. И. Костомарова и Т. Г. Шевченко в связи с делом о Кирилло-Мефодиевском братстве.

1847, 10 апреля — рождение внука Владимира Александровича (10.04.1847 — 4.02.1909).

1847, 26 мая — высочайше утверждены «Правила для управления именными по утвержденным для оных инвентарям в Киевском генерал-губернаторстве».

1847, 8 июля — заседание Комитета 1847 г. для рассмотрения записки М. А. Корфа о распространении на всю Россию закона 1824 г., предоставившего грузинским помещичьим крестьянам право выкупаться на свободу при продаже с публичного торга с внесением суммы оценки имения.

1847, 22 июля (3 августа) — заключение конкордата между Россией и папским престолом.

1847, сентябрь — взятие крепости Салта на Кавказе.

1847 — преобразование Кавказской области в Ставропольскую губернию. «Положение об управлении калмыцким народом».

1848, 24 февраля (7 марта) — письмо Николая I прусскому королю Фридриху Вильгельму IV.

1848, 27 февраля (10 марта) — учреждение негласного комитета для надзора за цензурой и повременной печатью под председательством А. С. Меншикова.

1848, 14 (26) марта — манифест о революции в Европе (написан 13/25 марта).

- 1848, 21 марта — речь к депутатам Санкт-Петербургского дворянства.
- 1848, 2 (14) апреля — учреждение особого цензурного комитета под председательством Д. П. Бутурлина.
- 1848, 7 июля — разрушение князем М. Аргутинским аула Гергебиль.
- 1848, 13 (25) июля — поздравление Николая I генералу Кавеньяку с подавлением июньского восстания рабочих в Париже.
- 1848, 8 (20) ноября — распространение на русские губернии закона о праве крепостных крестьян выкупаться на волю при продаже дворянских имений с торгов.
- 1848 — образование Комитета 1848 г. по выкупу крепостных крестьян. — бракосочетание великого князя Константина Николаевича с Александрой Саксен-Альтенбургской, нареченной Александрой Иосифовной (1830–1911).
- 1849, 18 (30) марта — арест на четыре дня Ю. Ф. Самарина.
- 1849, 19 апреля (1 мая) — русско-турецкая декларация в Балта-Лимане.
- 1849, 23 апреля (5 мая) — аресты по делу петрашевцев.
- 1849, 26 апреля (8 мая) — манифест Николая I о содействии Австрии в подавлении венгерской революции.
- 1849, 24 мая (5 июня) — посещение Кракова.
- 1849, 5–6 (17–18) июня — вступление русских войск в Венгрию.
- 1849, 28 июня — закон «Об ограничении числа фабрик и заводов вновь учреждаемых в Москве и уезде ее».
- 1849, июнь — поездка Николая Павловича через Дуклу и Ужгород в Варшаву.
- 1849, 19 июля — указ, в соответствии с которым выкуп крестьян поставлен в зависимость от воли разорившегося помещика.
- 1849, 1 (13) августа — капитуляция венгерских революционных войск под командованием А. Гёргея перед корпусом Ф. В. Ридигера под Вилагошем в Банате (современная Ширия в Румынии).
- 1849, 17 (29) августа — манифест «О благополучном окончании войны с Венгрией».
- 1849, 28 августа — кончина великого князя Михаила Павловича в Варшаве.
- 1849, 22 декабря (1850, 3 января) — объявление приговора петрашевцам на Семеновском плацу.
- 1849 — начало Амурской экспедиции Г. И. Невельского.
- 1849 — назначение цесаревича /Александра Николаевича после смерти великого князя Михаила Павловича командующим гвардейским и

гренадерским корпусами и шефом воевавшего на Кавказе 44-го драгунского полка.

1850, 2 января — рождение внука Алексея Александровича (2.01.1850 — 1.11.1908).

1850, 2 февраля — рождение внука Николая Константиновича (2.02.1850–1918).

1850 — открытие первого постоянного моста через Неву (Благовещенского, с 1855 г. — Николаевского, с 1918 г. — Лейтенанта Шмидта). Инспекционная поездка Александра Николаевича, представление его к знаку ордена Святого Георгия 4-й степени. Две поездки Николая I в Варшаву. IX ревизия.

1851, май — встреча с прусским принцем Вильгельмом в Варшаве.

1851, 25 июля (6 августа) — Кульджинский торговый договор с Китаем.

1851, июль — неудачный поход Хаджи-Мурата на Кайтаг, переход его на сторону русских.

1851, 19–22 августа — переезд Николая Павловича с семьей из Петербурга в Москву по Санкт-Петербургско-Московской железной дороге.

1851, 22 августа (3 сентября) — рождение внучки Ольги Константиновны, будущей королевы Греции (с 1867).

1851, сентябрь — поездка на Украину.

1851, 1 (13) ноября — официальное открытие Санкт-Петербургско-Московской железной дороги.

1851 — временные правила о «разборе» евреев.

1852, 13 (25) января — первое представление «Маскарада» М. Ю. Лермонтова в Александринском театре.

1852, январь — поход князя А. И. Барятинского в Большую Чечню.

1852, 24 апреля (6 мая) — встреча Николая I и Александры Федоровны на прусской границе в Мысловцах с Фридрихом Вильгельмом IV; последующая поездка Николая Павловича через Одерберг в Вену.

1852, 26 апреля (8 мая) — прибытие в Вену.

1852, апрель — бегство и гибель в схватке Хаджи-Мурата.

1852, 4 (16) мая — прибытие из Вены через Веймар в Потсдам.

1852, 1 (13) сентября — поездка на смотр войск в Чугуев.

1852, 14 (26) — 15 (27) сентября — двухдневная встреча с австрийским императором Францем Иосифом I в Оломоуце (Оломоуц в Чехии).

1852, 25 сентября (8 октября) — поездка в Берлин.

1852, 28 декабря — общие «Инвентарные правила для управления

помещичьими имениями в северо-западных и белорусских губерниях».

1852 — особые правила о еврейских ремесленных цехах.

1853, весна — оттеснение отрядов Шамиля в горный Дагестан.

1853, 10 (22) июня — начало работы Вольной русской типографии в Лондоне, основанной А. И. Герценом в контакте с польским Демократическим обществом.

1853, 23 июня (4 июля) — вступление русских войск в Дунайские княжества (Молдавию и Валахию).

1853, 28 июля (9 августа) — взятие В. А. Перовским штурмом кокандской крепости Ак-Мечеть на Сырдарье (впоследствии Перовск и Кызыл-Орда); начало создания оборонительной линии по Сырдарье.

1853, 4 (16) октября — объявление Турцией войны России.

1853, 5 октября — рождение внучки Марии Александровны (5.10.1853—24.10.1920).

1853, 20 октября (1 ноября) — манифест «О войне с Оттоманской Портою».

1853, 27 октября (8 ноября) — английский и французский флот вошел в Босфор.

1853, 14 ноября — разгром турецких войск под Ахалцихом генерал-майором князем И. М. Андронниковым.

1853, 18 (30) ноября — разгром турецкого флота в Синопе адмиралом П. С. Нахимовым.

1853, 19 ноября (1 декабря) — разгром турок под Башкадыкларом генерал-майором князем В. О. Бебутовым.

1853 — проведение переписи евреев в западных губерниях и Бессарабии для упорядочения рекрутской повинности.

1854, 4 февраля — рождение внучки Веры Константиновны (4.02.1854 — 29.04.1912).

1854, 15–16 (27–28) марта — объявление Англией и Францией войны России.

1854, март — третья поездка в Финляндию.

1854, 20 апреля — заключение австро-прусского договора с требованием очищения Россией Дунайских княжеств.

1854, 10 (22) апреля — бомбардировка англо-французским флотом Одессы.

1854, 1 мая — договор Российско-Американской компании с английской Гудзонбайской компанией (при гарантии правительств) о взаимной нейтрализации владений в Америке на три года.

1854, 2–6 (14–18) сентября — высадка союзных войск в Евпатории.

1854, 8 (20) сентября — поражение русской армии под командованием А. С. Меншикова в сражении на Альме с англо-французскими войсками.

1854, 11 (23) сентября — затопление на фарватере Севастопольской бухты первых кораблей (пять старых линейных кораблей и два фрегата).

1854, 13 (25) сентября — объявление Севастополя на осадном положении, начало Севастопольской обороны.

1854, 5 (17) октября — первая общая бомбардировка Севастополя, в ходе которой ответным огнем русских батарей почти все батареи противника подавлены; отказ союзников от штурма города; смертельное ранение на Малаховом кургане руководителя обороны, начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала В. А. Корнилова.

1854, 24 октября (5 ноября) — Инкерманское сражение; поражение русских войск и отказ противника от штурма, переход к длительной осаде.

1854, 2 (14) ноября — сильный шторм, нанесший урон эскадре противника.

1854, 16 (28) ноября — принятие Николаем I «четырёх пунктов» как условия мирных переговоров.

1854, 2 декабря — заключение союза Австрии с Англией и Францией.

1854 — экспедиция В. А. Перовского в южную часть Семиречья, основание у подножия Алатау укрепления Верное (г. Верный — Алма-Ата — Алматы).

1855, 26 января (7 февраля) — Симодский договор с Японией о гарантиях и торговле.

1855, 15 (27) февраля — поручение наследнику Александру Николаевичу написать письмо А. С. Меншикову о его замене князем М. Д. Горчаковым.

1855, 18 февраля (2 марта) — кончина императора Николая I и вступление на престол императора Александра II.

ИЛЮСТРАЦИИ

Великий князь Николай Павлович.

Портрет работы Рокштуля. 1821 г.

Император Павел I.

Императрица Мария Федоровна.

Александровский дворец в Царском Селе.

С гравюры Брандарда.

Великий князь Николай Павлович в детстве.

С гравюры начала XIX в.

Великий князь Михаил Павлович в детстве.

С гравюры начата XIX в.

Михайловский замок.

Акварель Б. Патерсена. 1801 г.

Ш. К. Ливен.

М. И. Ламздорф.

Любная Мамашка!

Во Понедельник 5ое в зрокъ российской ии-
тории читали ибѣ въ Свѣтлыя описанія престола
наше православия Россіи. Отъ плакала, что Тосто-
мбѣвъ былъ сынъ К. Бурова и что онъ при-
ходилъ отъ рода Вагудовскихъ Кнзевъ; а То-

Письмо великого князя Николая матери.

Автограф. 3 января 1813 г.

Император Александр I.

Великий князь Николай Павлович.

Гравюра Жоно с портрета А. Беннера.

Зимний дворец в 1824 г.

Рисунок с натуры Сабата.

Великая княгиня Александра Федоровна.

Гравюра Меку с портрета А. Беннера.

Прусская королева Луиза, мать императрицы Александры Федоровны.

Портрет конца XVIII — начала XIX в.

Аничков дворец в Петербурге.

Литография Ланга

Великий князь Николай Павлович и великая княгиня Александра Федоровна в костюмах Алариса, принца Бухарского, и Лаллы-Рук.

«Коттедж» в Петергофе. 1826–1829 гг.

Цесаревич Александр Николаевич. Здесь и далее портреты П. Соколова из альбома императрицы Александры Федоровны (1828–1829 гг.).

Великая княжна Мария Николаевна.

Великая княжна Ольга Николаевна.

Великая княжна Александра Николаевна.

Портрет великого князя Николая Павловича.

Х. Д. Раух. 1821 г. Мрамор.

Портрет императрицы Александры Федоровны.

К. Ф. Вихман. 1829 г. Мрамор.

Гостиная императрицы Александры Федоровны в «Коттедже».

Э. П. Гау. 1861 г.

Великий князь Константин Николаевич.

Великие князья Николай и Михаил Николаевичи.

Рисунок Ф. Крюгера. 1838 г.

Собственноручный рисунок императора Николая I.

Лист из альбома императрицы Александры Федоровны.

Великий князь Михаил Павлович и его супруга великая княгиня Елена Павловна. С портрета начала XIX в.

Цесаревич Константин Павлович.

С литографии К. П. Беггова.

Stettin 29th Juillet
1818.

J'ai mille et mille fois tout remis
Constantin pour la honte que nous
appela de ma prison pour les
celles avec un grand plaisir; ils
ont parfaitement bien fait. - Je ne

Письмо великого князя Николая Павловича брату, цесаревичу
Константину Павловичу. Автограф. 29 июня 1818 г.

М. А. Милорадович.

Императрица Мария Федоровна в трауре.

С гравированного портрета Соколовского.

*Император Николай I на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.
Литография Рябцова с рисунка В. Садовникова.*

Император Николай I.

Гравюра с портрета Дж. Доу.

Коронация императора Николая I в Успенском соборе Московского Кремля 22 августа 1826 г. Гравюра из «Коронационного альбома». 1828 г.

Въезд императора Николая Павловича и императрицы Александры Федоровны в Москву. Литография второй четверти XIX в.

Thurman

П. А. Клейнмихель.

А. Х. Бенкендорф.

Е. Ф. Канкрин.

К. В. Нессельроде.

П. Д. Киселев.

М. М. Сперанский.

Кабинет Николая I на третьем этаже Зимнего дворца.

И. Ф. Паскевич-Эриванский.

И. И. Дибич-Забалканский.

*Император Николай I переправляется из Варны в Одессу на корабле
«Императрица Мария».*

Офорт, сделанный императором Николаем I собственноручно.

Палатка императора Николая I на маневрах под Кипенью.

С акварели М. Зичи. 1836 г.

Император Николай I на бивуаке.

Литография с рисунка В. Г. Шварца.

*Императрица Александра Федоровна и император Николай Павлович
на прогулке верхом. Ф. Крюгер. 1833 г.*

Сцена из жизни семьи императора Николая 1.

А. Чернышев. 1840—1850-е гг.

Николай I на балу в Зимнем дворце 6 декабря 1827 г.

Акварель М. Зичи.

Сцена из жизни семьи императора Николая I.

А. Чернышев. 1846 г.

Император Николай I, великий князь Михаил Павлович, цесаревич Александр Николаевич, князь П. М. Волконский и граф А. Х. Бенкендорф. Портрет Ф. Крюгера.

А. Ф. Орлов.

П. М. Волконский.

Въезд императора Николая I в Москву во время холеры 1831 г.

Император Николай I.

Карандашный рисунок Ф. Крюгера.

Медаль в честь основания Пулковской обсерватории. 1839 г.

Николаевский зал Зимнего дворца.

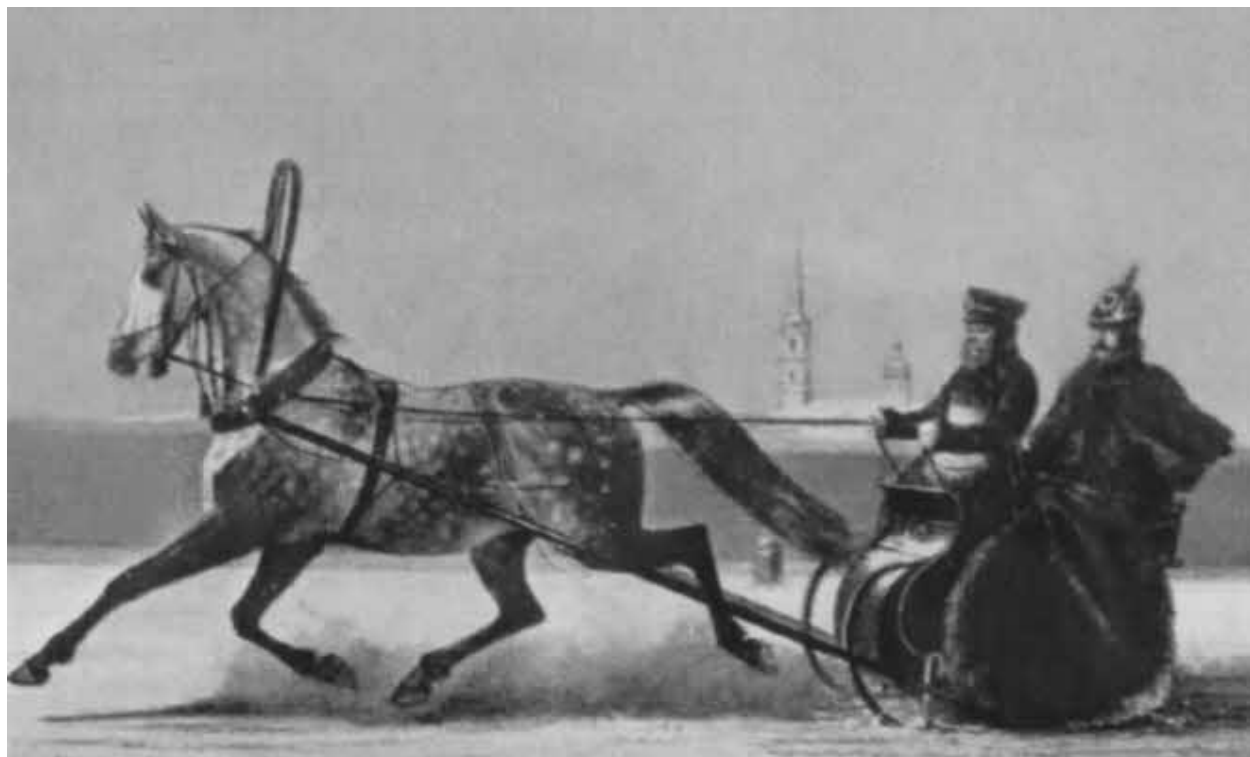
В. С. Садовников. 1857 г.

Императрица Александра Федоровна.

Император Николай I. Литография Шмидта.

Император Николай Павлович в саних на набережной Невы.

П. Л. Толстой.

M. A. Корф.

Фельдмаршальский зал Зимнего дворца.

Рисунок С. К. Зарянко. 1836 г.

Император Николай I. Е. Ботман. 1849 г.

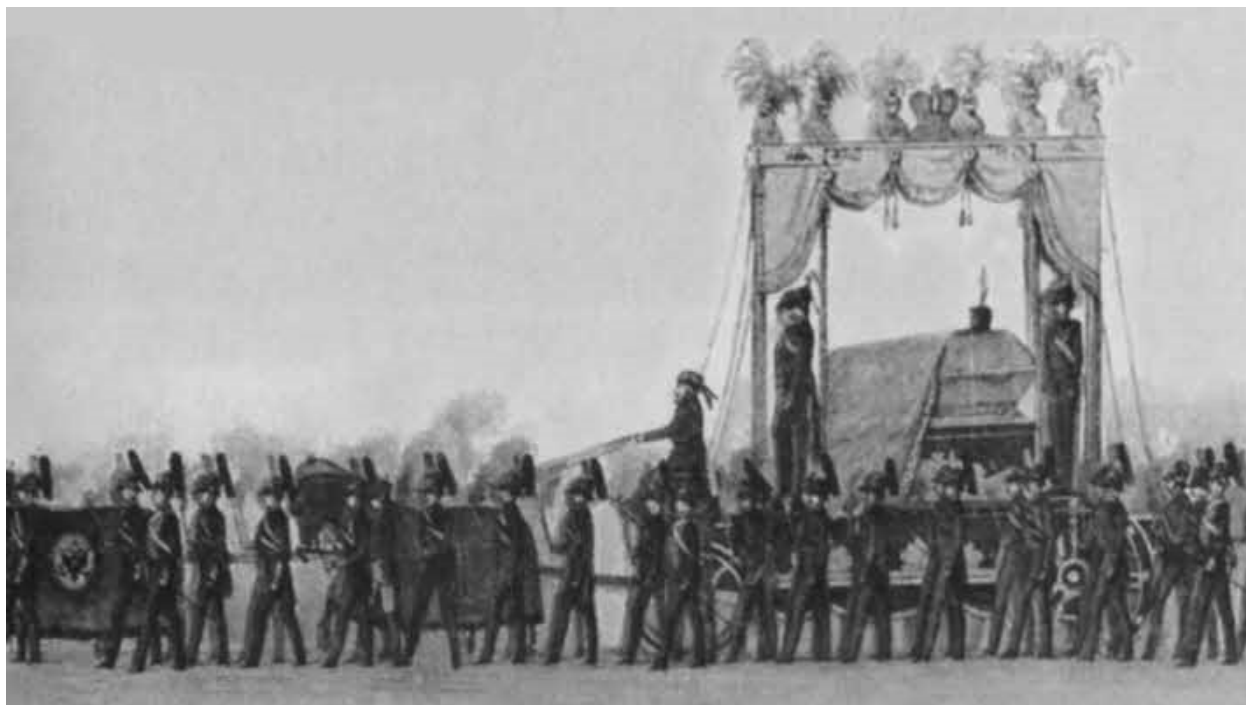
Императрица Александра Федоровна.

Фото. Конец 1850-х гг.

Великий князь Александр Николаевич.

Ф. Крюгер. 1851 г.

Погребение императора Николая I.

С рисунка того времени.

Памятник императору Николаю I на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге. Современное фото.

Высочков Л. В.

В 93 Николай I. — 2-е изд., доп. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 694[10] с.: ил. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биограф.; Вып. 973).

ISBN 5-235-02876-7

УДК 94(47)(092) "179/185"

ББК 63.3(2)521

Высочков Леонид Владимирович
НИКОЛАЙ I

Главный редактор *А. В. Петров*

Редактор *А. Ю. Карпов*

Художественный редактор *Е. В. Кошелева*

Технический редактор *В. В. Пилкова*

Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Подписано в печать с готовых монтажей 01.12.2005. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 36,96+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 54693.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства «Молодая гвардия»: 127994 Москва, Суцеская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии «Молодая гвардия»: 127994 Москва, Суцеская ул., 21.

notes

Примечания

Исаакиевская площадь некоторое время называлась также Мариинской — по Мариинскому дворцу дочери Николая I Марии Николаевны, построенному в 1833–1844 гг.

Маленькие плетеные корзиночки из китового уса, которые прикреплялись с двух боков, чтобы приподнять юбку на боках.

Плотная хлопчатобумажная ткань с текстильным орнаментом в виде полос в технике саржевого или атласного переплетения.

Застежка, по стоимости превосходившая часто само ожерелье и потому, как видно на дамских портретах того времени, носившаяся впереди.

Морганатический брак (от *новолатинского* *martimorium ad morganaticum contractum*; возможно, от *готского* *Morgengabe* — «утренний дар») не передавал все права супруга жене и детям.

Тогда К. Ф. Рылеев выступал секундantom подпоручика Семеновского полка, члена Северного общества и своего родственника К. П. Чернова, защищавшего честь сестры. Оба противника получили смертельные ранения. Похороны К. П. Чернова вылились в яркую общественную манифестацию, а на его могиле В. К. Кюхельбекер прочитал известные стихи (свои или К. Ф. Рылеева), где были слова: «Вражда и брань временщикам».

«Государь, если они поставили меня в такое положение, остается только действовать силой!» (*франц.*).

Среди украинцев и русинов бывшей Австро-Венгрии униатская церковь продолжала существовать до середины XX в. В Западной Украине она была ликвидирована в 1946 г., в Закарпатье — в 1949 г., в Чехословакии — в 1950 г.

Роберт Иванович Ребиндер — министр, секретарь Великого княжества Финляндского.

Водевиль (*франц.* vaudeville от *vau de Vire* — долины р. Вир в Нормандии, где в Средние века были распространены народные песенки, водевиры) — вид «комедии положений» с песнями-куплетами, романсами и танцами.

В связи с потерей слуха в 1861 г. А. Ф. Львов был уволен от должности директора капеллы; он скончался в своем имении «Романи» под Ковно в 1870 г.

Бандаж (от *франц.* bandage — «повязка») — аппарат для поддержания и усиления действия брюшного пресса и удержания органов в нормальном положении.

Павел I вставал в 5 часов утра, Мария Федоровна зимой — в 7 часов, летом — не позднее 6 часов, а Константин Павлович — вообще ночью, между тремя и пятью часами.

Подъемный винт был прикреплен снизу к платформе, и усовершенствованная конструкция действовала по принципу вертикального поршня. Сама «люлька» была выполнена из красного дерева с медной решеткой, дверцей и поручнями. Внутри находилось кресло красного дерева, обитое красным сафьяном. Машина приводилась в действие вручную. Специальная зубчатая передача передавала движение на винт подъемной машины, который снизу «подталкивал» платформу с «люлькой».

Ткань с шелковой основой и металлическим утком серебряного цвета, то есть разновидность парчи.

16

Мягкой кожи хромового дубления, выделанной из шкур коз.

comments

Комментарии

РГИА. Ф. 789. Оп. 29. Д. 256. Об открытии памятника Николаю I. 1859
г. Л. 2.

По «Положению о выходах при высочайшем дворе, о входе за кавалергардов, о представлении их императорским величествам, о приглашениях на балы и другие при дворе собрания и о старшинстве придворных чинов и званий», утвержденному 13 апреля 1858 г., привилегией находиться в зале «за кавалергардами», т. е. ближе к императорской фамилии, пользовались кроме придворных дам и чинов двора лица, состоящие в свите, генерал-губернаторы, генералы и гражданские чиновники первых двух классов, а из лиц, не находящихся в этих чинах, члены Государственного совета, сенаторы, статс-секретари, кавалеры двух высших орденов — Андрея Первозванного и Георгия 1-й и 2-й степеней (см.: *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 178–180).

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 175: Камер-фурьерский журнал. 1859
г. Л. 237 об.

РГАВМФ. Ф. 238. Оп. 3. Д. 500. О назначении судов на экспозицию к 25 июня по случаю открытия памятника Николаю I в 1859 г. см. также: Ф. 283. Оп. 2. Д. 141: Об открытии памятника императору Николаю I, 1859 г.

РГИА. Ф. 733. Оп. 5. Д. 44. О торжественном открытии памятника императору Николаю I. 1859 г. Л. 10–10 об.

Цит. по: *Клодт Г. А.* «Лепил и отливал Петр Клодт...». М., 1989. С. 180.

Цветаева М. Мой Пушкин. 3-е изд. М., 1981. С. 199.

РГИА. Ф. 1287. Оп. 40. Д. 500: О сооружении в Киеве памятника императору Николаю I. 1869–1879 гг. Л. 2; см. также: Ф. 1282. Оп. 3. Д. 120; Ф. 1293. Оп. 169. Д. 629; 630; Памятник императору Николаю I в городе Киеве. Киев, 1899.

РГИА. Ф. 515. Оп. 26. Д. 1. О дозволении соорудить в селе Медведь ведомства Новгородской удельной конторы памятник императору Николаю, 1859–1864 гг. Подробнее см.: *Высочков Л. В.* Памятник императору Николаю I в селе Медведь Новгородской губернии // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 13–15 ноября. Ч. 2. Великий Новгород, 2000*».С. 3–8.

Новиков Ю. В. Собственная дача и Сергиевка в Старом Петергофе // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. Вып. 4. СПб., 1997. С. 157.

Готье Ю. В. Император Николай I (Опыт характеристики) // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сб. / Под ред. В. В. Каллаша: В 6 т. Т. 5. М., 1913. С. 308–309. (Репринт, изд. 1994 г.)

Юзефович М. Несколько слов об императоре Николае: По поводу памятника тысячелетию России *Ц РА.* 1870. Кн. 1. Стб. 999—1008.

Стасов В. В. Художественная выставка за 25 лет Ц Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. СПб., 1894. Стб. 471.

Там же.

Там же.

Там же.

Дельвиг А. И. Мои воспоминания. В 2 т. Т. II. М., 1912. С. 391.

Подробнее см.: *Высочков Л. В.* Третий конный монумент Петербурга (Памятник императору Николаю I на Исаакиевской площади) // Вестник С.-Петербургского ун-та. Сер. 2. 1997. Вып. 4 (№ 24). С. 24; *Кривдина О. А.* Малоизвестные факты истории создания памятника Николаю I в Петербурге // Конференция, посвященная итогам научно-исследовательской работы за 1997 г.: Тезисы докладов. СПб., 1998. С. 15–17.

Толстой Л. Н. [Николай Палкин] // Полн. собр. соч. Т. 26. М., 1936. С. 565; *Залевский М. Н.* Император Николай Павлович и его эпоха по воспоминаниям современников. Б. м., б. г. (Франкфурт-на-Май-не, 1978). С. 205.

Бенуа А. Н. Мои воспоминания. 2-е изд. Т. I. Кн. 2. М., 1993. С. 379.

Сочинения в[еликого] к[нязя] Николая Павловича о Марке Аврелии
(Письмо к профессору морали Аделунгу) // РС. 1874. Т. 9. № 2. С. 253.

Там же. С. 256, 257, 258.

Впрочем, по другой версии, Екатерина 11 сама помогала во время родов повивальной бабке и сказала затем придворным: «Ни с кем из детей у меня не было столько возни» (*Корсаков А. Детство и отрочество Николая Павловича* // РА. 1896. Кн. 2. № 6. С. 278).

Цит.: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1997. С. 6.

Шумигорский Е. С. Императрица Мария Федоровна // РА. 1892. № 3. С. 335.

Письма Е. И. Нелидовой к Павлу Петровичу // Осьмнадцатый век: Исторические сборники, издаваемые Петром Бартевым. Кн. 3. М., 1869. С. 430.

Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно / Сообщ. В. В. Щеглов. Издал В. В. Квадри. СПб., 1906. С. 7.

Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича... С. 8.

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817) // Сб. РИО. 1896. Т. 98. С. 21.

Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича... С. 8.

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I. С. 15.

Из рассказов А. И. Васильчиковой // РА. 1909. № II. С. 205.

Из записок графа А. Х. Бенкендорфа // РС. 1896. Т. 86. № 5. С. 509.

Цит. по: *Татищев С. С.* Император Николай I и иностранные дворы: Исторические очерки. СПб., 1889. С. 29.

Цит. по: 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904: Историческое исследование. СПб., 1911. С. 457.

Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича... С. 11.

Кальницкая Е. Я. Памятник причудливого вкуса // Михайловский замок. 2-е изд. СПб., 2000. С. 118.

Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича... С. 10, 7.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997. С. 17.

Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича... С. 11.

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I...
С. 37.

Жихарев С. П. Записки современника. Ч. 2. Дневник чиновника. Л., 1989. С. 323. Линейки представляли собою экипажи с двумя рядами скамей, на которых рассаживались спина к спине восемь человек, причем места были расположены так низко, что можно было легко, без посторонней помощи, влезать и слезать.

Лалаев М. С. Император Николай I, зиждитель русской школы: Исторический очерк. СПб., 1896. С. 4.

ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф). Д. 95. Н. М. Ламздорф. Биографические материалы, представленные М. А. Корфу. 1856 г. Л. 3 об.

Там же.

Записки Николая I // Николай I: Муж. Отец. Император / Составл.,
предисл. Н. И. Азаровой. М., 2000. С. 38.

Воспоминания Д. А. Склона // РС. 1907. Т. 132. № 9. С. 524.

Воспоминания И. А. Шестакова // РА. 1873. Кн. 1. Стб. 194.

Эвальд А. В. Рассказы об императоре Николае Павловиче //ИВ. 1896. Т. 65. № 7. С. 53.

Записка графа П. Д. Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 525.

ОР РНБ. Ф. 380. Д. 95. Л. 5.

Там же. Л. 5 об.; см. также: *Корф М. А.* Материалы и черты к биографии императора Николая I... С. 99.

Муханов В. А. Из дневных записок // РА. 1897. Кн. 2. № 5. С. 89.

Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. СПб., 1908. С. 23–24.

Готье Ю. В. Император Николай I. (Опыт характеристики) // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник. Т. 5 / Под ред. В. В. Каллаша. Репринт воспроизв. с изд. И. Д. Сытина 1913 г. М., 1994. С. 311.

Муханов В. А. Из дневных записок... С. 23–24.

Цит по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997.
С. 41.

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I...
С. 58.

П. Б. [Бартенев П. И.] Несколько замечаний о Пушкине // РА. 1899. Кн. 3. № 12. С. 613. По поводу медали см. дополнительно: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997. С. 482. Примечание 26.

Цит. по: *Готье Ю. В.* Император Николай... С. 312.

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I...
С. 22, 33, 24.

Лакруа П. История жизни и царствования Николая I, императора всероссийского / Пер. с фр. А. Смирнова. Вып. 1. С. 22–23.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1354. Отрочество великого князя Николая Павловича. Л. 8 об. В тех случаях, когда в опубликованном тексте имеются купюры, присутствующие в первоначальном рукописном варианте, ссылки даются на архивный первоисточник.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1354. Отрочество великого князя
Николая Павловича. Л. 32 об.

Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С. М. Избранные труды. М., 1983. С. 256.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1354. Отрочество великого князя
Николая Павловича. Л. 8 об.

Там же. Л. 10, 11.

Из дневника статс-секретаря Г. И. Вилламова *Сообщ. Н. А. Вилламов /*
РС. 1913. Т. 156. № 10. С. 10.

Рассказы из недавней старины *Сообщ. И. С. Листовский* / РА. 1878.
Кн. 3. С. 520.

Лакруа П. История жизни и царствования Николая I... С. 20.

Тютчева А. Ф. Дневник (Фрагменты) // Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 35.

Молчанов А. Пленные англичане в России // ИВ. 1886. Т. 23. № 1. С. 185; *Герлах Л.* Заметки о пребывании в Петербурге // РС. 1892. Т. 73. № 2. С. 367; *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы... С. 7.

Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817–1819 // РС. 1875. Т. 12. № 4. С. 795.

Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // РС. 1896. Т. 86. № 5. С. 173.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый... Кн. 1. С. 32.

Записки Николая I // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 38.

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I...
С. 69–70.

Павлова С. В. Мраморный дворец. СПб., 1996. С. 63.

Записки Лагарпа о воспитании великих князей Александра и Константина Павловичей. 1786–1794 гг. // РС. 1870. Т. 1. № 1. С. 185.

Давыдов Д. В. Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче //
Давыдов Д. Сочинения. М., 1962. С. 466.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997.
С. 36.

Корф М. А. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. Т. 102. № 6. С. 527. См. также: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. Там же.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1354. Л. 34 об.

Там же. Л. 40.

Там же. Л. 16.

Пушкин А. С. Пирующие студенты // Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 59, 349.

Пушкин А. С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1937. С. 7.

Из истории классицизма в России: Мнение графа С. С. Уварова // РА.
1899. Кн. 3. № 11. С. 466.

Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 54.

Г. А. Глинка, наставник великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича *Сообщ.* Б. Г. Глинка-Маврин / РС. 1876. Т. 17. №. 9. С. 82.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1354. Отрочество великого князя
Николая Павловича. Л. 37 об.

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I...
С. 52.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1354. Отрочество великого князя
Николая Павловича. Л. 34–38.

Цит. по: *Лакруа П.* История жизни и царствования Николая I... С. 20.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1354. Отрочество великого князя
Николая Павловича. Л. 37.

Записки Николая I // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 38.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1354. Л. 61.

Там же. Л. 33. Здесь и далее орфография сохранена.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1312, 1214, 1341.

Цит. по: Н. Д [Дубровин Н.]. Несколько слов в память императора
Николая I-го... С. 453.

Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг.... С. 23.

Воспоминания императрицы Александры Федоровны с 1817 по 1820 г.
Пер. с фр. В. В. Тимощук / РС. 1896. № 10. С. 55.

Цит. по: *Лалаев М. С.* Император Николай I, зиждитель русской школы... С. 9.

Записки Николая I // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 40.

Там же.

Там же. С. 40–41.

Письма императрицы Марии Федоровны к великому князю Николаю и Михаилу Павловичам // РС. 1903. № 8. С. 104.

Зайченко М. Г. История арсенала Аничкова дворца // Аничков дворец — памятник российской истории: Материалы конференции. СПб., 1997. С. 39–41.

Там же. С. 52; в другом переводе см.: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997. С. 47.

Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I:
Муж. Отец. Император. С. 526.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997. С. 48.

Там же. С. 44.

Северная почта, или Новые Санктпетербургские известия. 1815, 13 января (№ 4).

Записка графа П. Д. Киселева... С. 525.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997.
С. 482.

Там же. С. 54.

Автобиографическая записка государственного секретаря В. Р. Марченко. 1782–1838 //РС. 1896. Т. 86. № 4. С. 18.

Из дневника статс-секретаря Григория Ивановича Вилламова. За 1813
год *Сообщ. Н. А. Вилламов* / РС. 1913. Т. 156. № 10. С. 10.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997.
С. 62.

Северная почта, или Новые Санктпетербургские известия. 1815, 8 декабря (№ 98).

Цит. по: *Лакруа П.* История жизни и царствования Николая I... С. 88.

К этому путешествию относится сохранившаяся в фонде Николая I схема маршрута Николая Павловича.

Письмо генерал-адъютанта Коновницына великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам, 1816 г. // *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997. Приложения. С. 552–555. См. также: ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–7.

Нессельроде К. Записка, предназначенная его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу по случаю его путешествия за границу *Сообщ. Евг. Шумигорский* / РС. 1898. Т. 95. № 8. С. 294.

Там же. С. 295, 298.

Малинин В. А. История русского утопического социализма. М., 1977. С. 47.

Цит. по: *Алексеев М. П.* Вальтер Скотт и его русские знакомства // Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 266, 267.

Лакруа П. История жизни и царствования Николая I... С. 99.

Выдержки из писем Г. А. Глинки к его жене. 1811–1818 // РС. Т. 17. № 9. С. 92.

Санкт-Петербургские ведомости. 1816. 3 нояб. (№ 88). С. 875; 28 нояб. (№ 93). С. 924; 8 дек. (№ 98). С. 967; 1817. 16 янв. (№ 5). С. 35; 30 янв. (№ 9). С. 82; 9 февр. (№ 12). С. 115; 27 февр. (№ 17). С. 173; 9 марта (№ 20). С. 209; 17 апр. (№ 31). С. 385.

Цит. по: *Лакруа П.* История жизни и царствования Николая I... С. 98.

Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях. 1817–1820 гг. *Пер. с фр. В. В. Тимощук* / РС. 1896. Т. 88. № 10. С. 14.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997.
С. 85.

Воспоминания императрицы Александры Федоровны... С. 14.

Там же. С. 23, 25, 19–20.

Там же. С. 29, 21.

РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2765. Общее наставление... Л. 2 об.

Там же. Д. 2765. Разные бумаги Николая Павловича по его званию генерал-инспектора по инженерной части. Л. 2.

Записка графа П. Д. Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I: Человек. Муж. Император. С. 525.

Габеев Г. Сто лет службы гвардейских сапер: Краткий исторический очерк. СПб., 1912. С. 14.

Там же. С. 15.

Записки сенатора К. И. Фишера // ИВ. Т. 113. № 7. С. 68.

Лалаев М. С. Император Николай I, зиждитель русской школы... С. 18.

Французов В. Е. «...Именоваться впредь Инженерным замком» // Михайловский замок. 2-е изд. СПб., 2001. С. 196.

Там же. С. 201.

РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3223. Отношение Е. И. Высочества великого князя Николая Павловича относительно ярославских казарм, 1819 г.; Д. 3317. Отношение генерал-инспектора по инженерной части великого князя Николая Павловича к графу Аракчееву, 1820 г.

Там же. С. 17.

Цит. по: *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг.... Т. 1. С. 35.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1184. Собственноручная записка великого князя Николая Павловича об уменьшении издержек на содержание войск. 1824–1825 гг. Л. 1.

Взгляд Н. Н. Муравьева (Карского) на состояние нашей армии и собственноручные замечания императора Николая Павловича *Сообщ. А. М. Зайончковский* / Военный сборник. 1903. № 3. С. 266. В 1843 г. все резервные части с целью экономии были упразднены, на их месте образованы запасные, но во время Крымской войны вопрос о резервах вновь стал актуальным.

Ельницкий Л. Династия Романовых. Л., 1925. С. 54.

Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // РА. 1877. Кн. 2. № 5. С. 15.

Н. Д. [Дубровин Н.] Несколько слов в память императора Николая I-го
// РС. 1896. Т. 86. № 6. С. 457.

Из воспоминаний Леонида Федоровича Львова // РА. 1885. Кн. 1. № 3. С. 349; *Божерянов И. Н.* Императрица Александра Федоровна, августейшая мать императора Александра II. 2-е изд. СПб., 1914. С. 108/109 (вклейка).

Письмо императрицы Александры Федоровны к одной девице перед выходом ее в замужество // РА. 1889. Кн. 1. № 3. С. 304.

Цит. по: *Божерянов И. Н.* Императрица Александра Федоровна... С. 57.

Там же. С. 58.

Письмо А. И. Архаровой к М. И. Посниковой из С.-Петербурга в Москву. Б. д. *И РА*. 1867. Стб. 1028–1038.

Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1903. С. 58.

Воспоминания императрицы Александры Федоровны... С. 132.

Там же. С. 56.

Жуковский В. А. Дневники. С. 56.

Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях... С. 60.

Божерянов И. Н. Императрица Александра Федоровна... С. 182, 186.

Жуковский В. А. Лалла Рук // Жуковский В. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1958. С. 295. Оно датировано 15 (27 января) — 7 (19) февраля 1821 г. См. также: Явление поэзии в виде Лаллы Рук: Там же. С. 297–298.

Впрочем, как полагает М. П. Алексеев, А. С. Пушкин мог заимствовать это выражение из стихотворения В. А. Жуковского 1823 г. «Я музу юную бывало»: *Алексеев М. П.* Томас Мур и русские писатели XIX века // *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX века). С. 664–667, 794.

Пушкин А. С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч. Т. 6. [М.; Л.] 1937. С. 637. Подробнее см.: Алексеев М. П. Томас Мур и русские писатели XIX века. С. 795.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1 Кн. 3. Д. 1170. Докладная записка и ведомость...,
1823 г. Л. 2–3.

Императрица Александра Федоровна в ее воспоминаниях... С. 43.

Пушкин А. С. [На Александра I] // Полн. собр. соч. Т. 2. [1]. |М.; Л.], 1947. С. 459.

Чернышевский Н. Г. «Некоторые замечания, почерпнутые преимущественно из иностранных источников, о действительных причинах гибели наполеоновских полчищ в 1812 году» И. П. Липранди [Рецензия] // *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1947. С. 490.

Устрялов Н. Г. Историческое обозрение царствования государя императора Николая I. 2-е изд. // Устрялов Н. Г. Русская история. 4-е изд. СПб., 1849. С. 394.

Из дневников Николая Павловича // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Подг. к печати Б. Е. Сыроечковский. М.; Л., 1926. С. 66.

Из дневников Александры Федоровны // Там же. С. 83.

Из дневников Николая Павловича... С. 68.

Шеманский А., Гейченко С. Кризис самодержавия: Петергофский коттедж Николая I. 4-е изд. Л., 1932. С. 49.

Примечание П. И. Бартенева при публикации письма С. А. Хомякова:
Хомяков С. А. Письмо к А. С. Хомякову в Париж отца его о событиях 14
декабря 1825 года 3(15) мая 1826 // РА. 1893. № 5. С. 124. 622

Гордин Я. А. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 21–22.

Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича... С. 12.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 277.

Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817–1819 // РС. 1875. Т. 12. № 4. С. 793.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. С. 179.

Пасси де. Император Николай I и его царствование... СПб., 1859. Вып. I. С. 41.

Цит. по: *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. С. 35.

Из воспоминаний императрицы Александры Федоровны... С. 58–59.

Император Александр Павлович и его двор в 1804 г. / Сообщ. Н. К. Шильдер *У РС.* 1880. № 12. С. 787.

Давыдов Д. В. Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче. С. 462.

Мережковский Д. С. Елизавета Алексеевна // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. Т. 15. М., 1914. С. 127.

Массон III. Секретные записки о России... С. 34.

Мережковский Д. С. Елизавета Алексеевна. С. 130.

Там же. С. 126.

Император Александр Павлович и его двор в 1804 г. Там же.

Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Изд. «Русского архива». Ч. 2. СПб., 1892. С. 217–219.

Там же. С. 220.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. С. 184.

Записка Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи... С.
317.

Из переписки Николая I и Константина Павловича // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 141–145.

ОР РНБ. Ф. 380. (М. А. Корф). № 95. Л. 3 об.

Давыдов Д. В. Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче. С. 466.

Архив князей Воронцовых. Т. 13. М., 1879. С. 361.

Массон III. Секретные записки о России... С. 35.

Саксен-Кобургская, принцесса. Письма германской принцессы о русском дворе //РА. 1869. № 7–8. Стб. 1091.

Массон III. Секретные записки о России... С. 109.

Давыдов Д. В. Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче. С. 469.

Лакруа П. История жизни и царствования Николая I... С. 178.

Массон III. Секретные записки о России... Там же.

Император Александр Павлович и его двор в 1804 г. С. 801.

Штейнгель В. И. Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 154; см. также прим, на с. 492–493.

Император Александр Павлович и его двор в 1804 г. С. 800.

Чечулин Н. [Д.] Константин Павлович // Русский биографический словарь. [Т]. Кнаппе — Кюхельбекер. СПб., 1903. Стб. 179.

Дневник Павла Пущина. 1812–1814. Л., 1987. С. 73.

Чечулин Н. [Д.] Константин Павлович... Стб. 184.

Цит. по: Лович, княгиня // Русский биографический словарь, издаваемый Императорским Историческим обществом [Т]. Лабзина — Ляшко. СПб., 1914. С. 573.

Фонтон Ф. П. Юмористические, политические и военные письма. В 2 т. Т. I. Лейпциг, 1862. С. 28.

Великий князь Константин Павлович в сомнениях и отрицаниях современных ему порядков (Из переписки с Н. М. Сипягиным) // РС. 1900. Т. 102. № 4. С. 97.

Давыдов Д. В. Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче. С. 464.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 217.

Великий князь Константин Павлович в сомнениях и отрицаниях современных ему порядков... С. 102.

Там же. С. 104.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке.

Цит. по: *Борщяк И. К.* Восстание декабристов в освещении французского дипломата...

Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. Л., 1989. С. 54–58.

Пушкин А. С. — П. А. Катенину, 4 декабря 1825 г. // Полн. собр. соч. | В 16 т.] Т. 13. М.; [Л]., 1937. С. 247.

Огарев Н. П. Моя исповедь // Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 70.

Цит. по: Восстание декабристов: Документы. Т. 20. М., 2001. С. 47.

Герцен А. И. Былое и думы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. М., 1956. С. 63.

Давыдов Д. В. Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче. С. 464.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997.
С. 122–123.

Там же. С. 123–124.

Там же. С. 128–129.

Цит. по: *Чечулин Н. Д.* Константин Павлович... Стб. 190, 191.

Давыдов Д. В. Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче. С. 464.

Цит. по: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I-го // 14 декабря 1825 года и его истолкователи... С. 220. См. также: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997. С. 131; *Чечулин Н. Д.* Константин Павлович... С. 196.

Приложение к манифесту от 20 декабря 1825 г. // *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997. С. 593.

Цит. по: *Чечулин Н. [Д.] Константин Павлович...* Стб. 221.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997.
С. 596.

[Дроздов В. М.] Из рассказов московского митрополита Филарета *И* РА. 1897. Кн I. С. 113–115. Рукопись его воспоминаний см.: ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–6.

Цит. по *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997.
С. 136.

Андреева Т. В. Александр I: 1825 год... С. 64.

Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. 2-е изд. Л., 1985. С. 80.

Чечулин Н. [Д.] Константин Павлович... Стб. 200.

Сафонов М. М. Междоусобица // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166.

Константин Павлович — Николаю I, 31 декабря 1826 г. // Николай I и его время... Т. 1. М., 2000. С. 144.

Николай I — Константину Павловичу, 8 (20) января 1827 г. // Там же.
С. 145.

Цит по: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I-го / Составлено по Высочайшему повелению статс-секретарем бароном Корфом. 3-е изд. (1-е для публики). СПб., 1857. См.: 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 226.

Заметки Николая I на полях рукописи М. А. Корфа // Междоусобица и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Подгот. к печати Б. Е. Сыроечковский. М.; Л., 1926. С. 41.

Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига // РА. 1880. Кн. 3. № 11/12. С. 273.

Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 3. (Обл. Ч. 1.). Исторический опыт деятельности канцелярии Военного министерства и Военного совета / Составил полковник Н. А. Данилов. СПб., 1907. С. 440.

Там же. С. 279–281.

Сафонов М. М. Междоусобица // Дом Романовых в истории России.
СПб., 1995. С. 167.

Воцарение императора Николая I-го (Из дневника Г. И. Вилламова) // РС. 1899. Т. 97. № 1. С. 93.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 89.

Из дневников Николая Павловича // Междуцарствие и восстание декабристов... С. 67.

Там же. С. 68.

Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 3. Отд. 3. С. 440.

Гордин Я. А. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 33–34, 51–52.

Сафонов М. М. Константиновский рубль и «немецкая партия» // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст. К 60-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 536.

Фраза из письма императрицы Елизаветы Алексеевны к Марии Федоровне из Таганрога сразу после смерти Александра 1. («Наш ангел на небесах! Я одна в мире, не забывайте меня, матушка!») Она разошлась в многочисленных списках. См.: *Каменская М. [Ф.] Воспоминания*. М., 1991. С. 118–119.

Башуцкий А. П. Убийство графа Милорадовича (Рассказ его адъютанта) //ИВ. 1908. Т. 111. № 1. С. 136.

Цесаревич Константин Павлович в 1825 г. // РС. 1881. Т. 32. № 12. С. 920.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. С. 219.

Цесаревич Константин Павлович в 1825 и 1826 гг. // РС. 1870. Т. I. С. 248–249.

Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига... С. 283.

Цесаревич Константин Павлович в 1825 и 1826 гг. С. 249.

Пресняков А. И. 14 декабря 1825 года: С приложением военно-исторической справки Г. С. Бабаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». М.; Л., 1926. С. 75–76.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. С. 224
(по М. А. Корфу).

Воцарение императора Николая I-го (Из дневника Г. И. Вилламова). С. 100.

Заметки Н. К. Шилвдера о восстании 14 декабря и имп. Николае I // Каторга и ссылка. 1925. № 2 (15). С. 149.

Цит. по: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. С. 389.

Объявления и письма в дальнейшем были опубликованы в книге М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». См.: 14 декабря 1825 года и его истолкователи... С. 300–309.

Сафонов М. М. Междоусарствие. С. 179.

Бестужев М. А. Мои тюрьмы: Очерки и ответы 1869 года //
Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 62.

Записки Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи... С.
324.

Подробнее см.: *Шубинский С.* Дуэль Новосильцева с Черновым // *ИВ.* 1901. № 5. С. 591–602.

Междоусобице 1825 года и восстание декабристов... С. 144, 155–157.

Воцарение императора Николая I-го (Из дневника Г. И. Вилламова). С. 107.

Там же // РС. 1899. Т. 97. № 2. С. 316.

Цит. по: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. С. 254–255.

Гордин Я. А. Мятеж реформаторов... С. 152–156.

Сафонов М. М. Междуцарствие... С. 178.

Междоцарствие в России с 19-го по 14-е декабря 1825 года:
исторические материалы // РС. 1882. Т. 35. № 7. С. 195–196.

Александра Федоровна, императрица. Краткий дневник // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 165.

Голицын Н. В. Сперанский в верховном уголовном суде над декабристами // Русский исторический вестник. 1917. Кн. 1–2. С. 61.

ОР РНБ. Ф. 380. Д. 58. Л. 9 об. Цит. по: *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов... С. 202.

Сафонов М. М. Междоусарствие. С. 179.

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4133. Л. 1.

Сафонов М. М. Междоусарствие. С. 179.

Цит. по: *Французов В. Е.* «...Именованть впредь Инженерным замком» // Михайловский замок. 2-е изд. СПб., 2001. С. 206.

Государственный совет. 1801–1901. С. 2–3, 47; *Марченко В. Р.* События в глазах моих совершившиеся при вступлении на престол императора Николая I // РС. 1896. Т. 86. № 5. С. 309. Позднее, с 1828 по 1885 г. Государственный совет и канцелярия находились в здании Эрмитажа (памятью о его пребывании там осталась «Советская» лестница), а 11 февраля 1885 г. для этих целей стали использоваться помещения приобретенного в казну в июле 1884 г. Мариинского дворца.

Деменков П. Четырнадцатое декабря 1825 года на петербургских площадях: Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской (Записано очевидцем на третий день после происшествия) // РА. 1877. Кн. 3. № 10. С. 258.

Государственный совет. 1801–1901. С. 52. Журнал подписали: кн. П. П. Лопухин, кн. А. Б. Куракин, В. П. фон Дезин, Н. С. Мордвинов, гр. А. И. Морков, гр. А. А. Аракчеев, кн. Д. И. Лобанов-Ростовский, В. С. Ланской, В. А. Пашков, И. В. Тутолмин, П. К. Карцов, А. Я. Сукин, А. И. Татищев, И. В. Васильчиков, кн. А. Н. Голицын, гр. К. В. Нессельроде, А. С. Шишков, Е. Ф. Канкрин, кн. С. Н. Салтыков, А. У. Болотников, М. М. Сперанский.

Бестужев М. А. Мои тюрьмы: Очерки и ответы 1869 года. С. 64–65.

Дело А. А. Бестужева // Восстание декабристов: Материалы. Т. I. М.; 1925. С. 188.

Дело К. Ф. Рылеева // Восстание декабристов: Материалы. Т. I. С. 187.

Из дневников Александры Федоровны Междоусарствие 1825 года и восстание декабристов... С. 88.

Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. С. 262.

Там же.

Любом С. Б. Последние Романовы. М., 1990. С. 69, 70, 83.

Давыдов Д. В. Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове // Давыдов Д. Сочинения. М., 1962. С. 326; Герцен А. И. Былое и думы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. М»1956. С. 135.

Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. С. 263.

Записки Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи... С.
326.

Марченко В. Р. События, в глазах моих совершившиеся... С. 309.

Каратыгин П. А. Записки. Л., 1970. С. 137.

Зотов Р. М. Записки Ц ИВ. 1896. Т. 65. № 2. С. 44.

Александренко В. Россия и Англия в начале царствования императора Николая I (По донесениям английского посла лорда Стренгфорда) // РС. 1907. Т. 132. № 9. С. 531; *Борщяк И. К.* Восстание декабристов в освещении французского дипломата // Парижский вестник. 1925. 25 июля (№ 69).

Воспоминания Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г. // 14 декабря 1825 года и его истолкователи... С. 363.

Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. С. 252.

Записки Николая I. С. 327.

Из записок генерал-майора В. И. Фелькнера... С. 137.

Гордин А. Я. Мятеж реформаторов. С. 254.

Марченко В. Р. События, в глазах моих совершившиеся... С. 310.

Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. С. 267.

Марченко В. Р. События, в глазах моих совершившиеся... С. 310.

Башуцкий А. П. Убийство графа Милорадовича... С. 139.

Деменков П. Четырнадцатое декабря 1825 года на петербургских площадях... С. 258–259.

Башуцкий А. П. Убийство графа Милорадовича (Рассказ его адъютанта) // ИВ. Т. 111. № 1. С. 140.

Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. С. 270.

Цит. по: *Борщяк И. К.* Восстание декабристов в освещении французского дипломата.

Там же.

Зотов Р. М. Записки. С. 44.

Каратыгин П. А. Записки. С. 30.

Деменков П. Четырнадцатое декабря 1825 года... С. 260.

Записки Николая I. С. 328.

Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. С. 260.

Там же. С. 261.

Деменков П. Четырнадцатое декабря 1825 года... С. 260–261.

Моя поездка в Россию в 1825 году и петербургский заговор: Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 117.

Страницы дневников императрицы Марии Федоровны // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 133.

Башуцкий А. П. Убийство графа Милорадовича. С. 142.

Деменков П. Четырнадцатое декабря 1825 года... С. 262.

Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. С. 271.

Голенищев-Кутузов-Толстой П. М. Четырнадцатое декабря... С. 231.

Записки барона Велио // РС. 1913. № 12. С. 547.

Деменков П. Четырнадцатое декабря 1825 года... С. 261.

Записки барона Велио... С. 540.

Записки Николая I... С 329.

Там же.

Моя поездка в Россию в 1825 году и петербургский заговор: Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 117.

Хомяков С. А. Письмо к А. С. Хомякову в Париж отца его о событиях 14 декабря 1825 года 3(15) мая 1826 г. // РА. 1893. № 5. С. 128.

Фелькнер В. И. 14 декабря 1825 года... С. 139–140.

Марченко В. Р. События, в глазах моих совершившиеся... С. 130.

Голенищев-Кутузов-Толстой П. М. Четырнадцатое декабря... С. 232.

Там же. С. 52.

Деменков П. Четырнадцатое декабря 1825 года... С. 263.

Голенищев-Кутузов-Толстой П. М. Четырнадцатое декабря... С. 232.

Деменков П. Четырнадцатое декабря 1825 года... С. 264.

Записки Николая I... С. 332.

Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. 3-е изд. М., 1985. С. 205.

Вахтин Н. В. Артиллерийский огонь 14 декабря 1825 г. // РС. 1880. Т. 28. № 5. С. 135.

350

Там же.

Цит. по: 14 декабря 1825 года и его истолкователи... С. 424.

Цит. по: *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов... С. 375.

Хомяков С. А. Письмо к А. С. Хомякову... С. 122.

Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. С. 135; *Семенов Л. С., Смирнова Л. Б.* Восстание 14 декабря 1825 г. в воспоминаниях участников *И Вестник* Ленингр. гос. ун-та. 1976. Сер.: История, язык, литература. № 2. С. 59.

Марголис А. Д. К вопросу о числе жертв 14 декабря 1825 года // *Марголис А. Д.* Тюрьма и ссылка в императорской России: Исследование и архивные находки. М., 1995. С. 52.

Попов М. М.: 1) Число жертв и последствия бунта 14 декабря 1825 года *И Былое*. 1907. Кн. 3. С. 193; 2) Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 года // *О минувшем: Сборник*. СПб., 1909. С. 199; *Эрл Ч.* [Отрывки из дневника] // *Вестник всемирной истории*. 1900–1901. № 1 (декабрь). С. 262.

Фелькнер В. И. 14 декабря 1825 года... С. 158.

Из дневников Александры Федоровны // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 91.

Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 178.

Заметки фон Герлаха о пребывании в Петербурге с 18 января по 8 апреля 1826 г. // РА. Т. 73. № 2. С. 367.

Записки графа Е. Ф. Комаровского... С. 140.

Из воспоминаний княгини Витгенштейн // РС. 1908. Т. 136. № 12. С. 739.

Каратыгин П. А. Записки. С. 138.

Воцарение императора Николая I-го (Из дневника Г. И. Вилламова) // РС. 1899. Т. 97. № 2. С. 319.

Фелькнер В. И. 14 декабря 1825 года. С. 158.

Восшествие на престол императора Николая I-го (Из дневника Г. И. Вилламова).

Из дневников Александры Федоровны... С. 90.

Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. С. 294.

Из дневников Александры Федоровны... С. 90.

Журнал генерал-адъютанта графа К. Ф. Толя о декабрьских событиях 1825 года. СПб., 1898.

Башуцкий А. П. Убийство графа Милорадовича... С. 151; *Фелькнер В. И.* 14 декабря 1825 года... С. 143.

Башуцкий А. П. Убийство графа Милорадовича... С. 154.

Письмо Николая I М. А. Милорадовичу от 14 декабря 1825 г. // *Шильдер И. К* Император Николай I: Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1903. С. 297.

Зотов Р. М. Записки // ИВ. 1896. Т. 65. № 2. С. 45.

Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. М., 2000. С. 245.

Журнал генерал-адъютанта графа К. Ф. Толя... С. 30.

Фелькнер В. И. 14 декабря 1825 года... С. 158.

Николай I. Замечания на рукописи второго издания книги М. А. Корфа (март 1853 года) // 14 декабря 1825 года и его истолкователи... С. 353.

Журнал генерал-адъютанта графа К. Ф. Толя... С. 30.

Реестр высочайшим собственноручным Е. И. В. повелениям, последовавшим на имя ген.-ад. Александра Яковлевича Сукина // *Щеголев П. Е.* Николай и декабристы. Пг., 1919. С. 7.

Фелькнер В. И. 14 декабря 1825 года... С. 158.

Цит. по: Н. Д. [Дубровин Н.] Несколько слов в память императора
Николая I-го // РС. 1896. Т. 86. № 6. С. 457–458.

Трубецкой С. П. Записки 1844–1845 (1854) гг. // *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. В 2 т. Т. I. Иркутск, 1983. С. 255; Журнал генерал-адъютанта графа К. Ф. Толя... С. 34. См. также: Восстание декабристов: Материалы / Под ред. А. А. Покровского. Т. I. М.; Л., 1925. С. 145.

Письмо Николая I московскому военному губернатору князю Д. В. Голицыну. Опубликовано: Из переписки Николая I в декабре 1825 г. // Красный архив. 1924. [Т.] 5. С. 241–247. Подлинник вместе с фондом усадьбы князей Голицыных «Вяземы» находится ныне в РГИА: Ф. 1088. Оп. 2. Д. 869. Л. 23.

ПСЗ. 2-е собр. Т. 1. № 1 (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1312. По высочайшему манифесту о вступлении на престол его императорского величества Николая Павловича... 1825, 14 декабря. Л. 2). См. также: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997. С. 592.

Тютчева А. Ф. Дневники (Фрагменты) // Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров... М., 1990. С. 80.

Борщяк И. Восстание декабристов в освещении французского дипломата...

Фелькнер В. И. 14 декабря 1825 года... С. 161.

Корф М. А. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС.
Т. 102. С. 519.

Там же. С. 37.

Цит. по: *Борщяк И.* Восстание декабристов в освещении французского дипломата...

Герцен А. И. Русский заговор 1825 года // Полн. собр. соч. / Под ред. М. К. Лемке. Т. IX. М., 1919. С. 148–149.

Из дневника Варнгагена фон Энзе. 1850–1851 гг. // РС. 1879. Т. 24. № 2. С. 372.

Хомяков С. А. Письмо к А. С. Хомякову... С. 123.

Там же. С. 124.

Цит. по: *Николай Михайлович, вел. кн. Казнь пяти декабристов 13 июля 1825 г. и император Николай I* // ИВ. 1916. № 7. С. 105.

Из дневников Александры Федоровны// Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов... С. 105.

Серебровская Е. Записка Николая I о казни декабристов // Новый мир. 1958. № 9. С. 277–278.

399

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (внутр, оп. 28/1618). Д. 131. Л. 581 об.

Из дневников Александры Федоровны... С. 93.

Смирнова-Россет А. О. Воспоминания // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 346.

Пушкин А. С. [Дневники 1833–1835 гг.] // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 321.

Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. С. 510 (Комментарии).

РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 510. Л. 7, 8, 24, 36 об.; 36 об. («Гусар»); 36 об., 44, 48 («Драгун»); 24 («Муфта»), В повести Ю. П. Плашевского собака названа сеттером «Фальком». См.: *Плашевский Ю. [П]*. Петербургский сон: Повесть // Простор (Алма-Ата). 1968. № 4. С. 73.

Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 528–529.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. С. 315.

Цит. по: *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. СПб., 1908. С. 54.

Николай Михайлович, вел. кн. Казнь пяти декабристов... С. 105.

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (внутр, оп. 28/1618). Д. 131. Л. 583 об.

Николай Михайлович, вел. кн. Казнь пяти декабристов... С. 107.

Оп. 1 (внутр, оп. 28/1618). Д. 131. Там же.

Из дневников Александры Федоровны... С. 93.

Басков В. И. Суд коронованного палача: Кровавая расправа над декабристами. М., 1980. С. 93, 109, 112.

Николай Михайлович, вел. кн. Казнь пяти декабристов... С. 108.

Там же. С. 109.

Цит. по: *Аринштейн Л. М.* Николаевский цикл // Вестник Российской АН. 1997. Т. 67. № 4. С. 338.

Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992. С. 80–82.

Серебровская Е. Записка Николая I о казни декабристов. С. 277.

Там же.

У Толстого. 1904–1910: Яснополянские записки Д. П. Маковицкого // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. 11. С. 177–178; Кн. III. С. 239, 107.

Там же. Кн. III. С. 262.

Щеголев П. Е. Император Николай I и М. М. Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами // *Щеголев П. Е.* Николай I и декабристы: Очерки. Пг., 1919. С. 30.

Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 528.

Ольга Николаевна, вел. кн. Сон юности // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 280.

Рассказы из недавней старины *Сообщ. Иваном Степановичем
Листовским* / РА. 1882. Кн. 1. С. 176.

Письмо Николая Павловича к графине Елизавете Петровне Потемкиной, 4 апреля 1826 г. // РА. 1872. Кн. 1. Стб. 426.

Цит. по: *Иезуитова Р. В.* Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 209.

Звавич И. Дело о выдаче декабриста Н. И. Тургенева английским правительством // Тайные общества в России в начале XIX столетия. М., 1926. С. 88–102.

Хомяков С. А. Письмо к А. С. Хомякову в Париж отца его о событиях 14 декабря 1825 года... С. 123.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997. С. 544
(Примечания).

Цит по: *Семенова А. В.* Николай I и П. И. Пестель (Письмо В. И. Пестеля о разговоре с Николаем) // Исторические записки. [Т]. 96. (К столетию восстания декабристов). М., 1975. С. 375.

Из дневников Александры Федоровны... С. 93.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа //РС. Т. 103. № 7.
С. 55.

Из дневника П. Г. Дивова // РС. Т. 103. № 7. С. 198.

Цит. по: *Щеголев П. Е.* Николай I и осужденные декабристы. Пг., 1919.
С. 36.

Николай I — Александру Николаевичу, 18 июня 1837 г. // Николай Первый и его время... Т. 1. М., 2000. С. 160.

Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства // РС. 1898. Т. 96. № 11. С. 353–361.

Боровков А. Д. Автобиографические заметки //РС. 1896. Т. 96. № 11. С. 362.

Собственноручная записка императора Николая Павловича о занятиях
Комитета // Сб. РИО. 1891. Т. 74. С. XVI.

Бумаги Комитета 6 декабря 1826 г. // Сб. РИО. 1891. Т. 74. С. 94.

Лунин М. С. Общественное движение в России в нынешнее царствование // Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 141.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки // *Долгоруков П.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. М., 1992. С. 279.

Там же. С. 280.

Цит по: *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. Ч. II. М., 1912.
С. 16.

Сафонов С. В. Разговор с императором Николаем Павловичем 28 сентября 1846 г. // Архив князя Воронцова. Кн. 38. М., 1892. С. 407.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 193.

Там же. С. 152.

Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 192.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 5 // Соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1989. С. 240.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 71–72.

Цит. по: *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I. С. 54.

Записка Николая I о положении дел в Европе. См.: Австрийская революция 1848 г. и император Николай I *Вступ. статья Р. Авербух* / Красный архив. 1938. Т. 4–5 (89–90). С. 162.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки... С. 279.

РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 22.

Цит. в переводе по: *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I. СПб., 1908. С. 55.

Ольга Николаевна, вел. кн. Сон юности. С. 311.

Записка графа П. Д. Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 530.

Эйдельман Н. Я. «Революция сверху в России». М., 1989. С. 85.

Лунин М. С. Общественное движение в России в нынешнее царствование... С. 145.

Поэтому он ценил Е. Ф. Канкрин, П. Д. Киселева, А. С. Меншикова, не бравших взятки.

Лунин М. С. Общественное движение в России в нынешнее царствование.

Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853–1856. М., 1874. С. 259–260, 261.

Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. М., 1885. С. 150.

Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. (Ежегодные отчеты III Отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. 1829. Т. 6(37). С. 162.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 102. № 5. С. 277.

Николай I и его эпоха / Под ред. М. О. Гершензона. М., 2001 (по изд. 1910 г.). С. 202.

Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. С. 190.

Цит по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. С. 310.

Там же.

Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая. По донесениям М. Я. Фока — А. Х. Бенкендорфу // Николай Первый и его время. Т. 2. М., 2000. С. 69. (При первой публикации в инициалах Фока была допущена ошибка (М. М. Фок), повторенная и в данном издании.)

Цит. по: *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. С. 56–57.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 5 // Соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1989. С. 244.

РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1327. Об учреждении III Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1826–1827 гг.

Проект А. Х. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // РС. 1900.
Т. 104. № 12. С. 615–616.

Там же. С. 615.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1899. Т. 100. № 12. С. 147.

Записки Э. И. Стогова.

Николай I — А. Х. Бенкендорфу, 19 июня 1837 г. // Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 307.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1899. Т. 100. № 12. С. 483.

Лемке М. [К.] Николаевские жандармы и литература 1826–1856 гг. по неизданным делам Третьего Отделения СЕИВ Канцелярии. СПб., 1908. С. 157.

Николай I — И. Ф. Паскевичу, 18 (30) сентября 1844 г. // Николай 1: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 510. — В публ.: Письма Николая Павловича к И. Ф. Паскевичу.

Каратыгин П. [П.] Бенкендорф и Дубельт // ИВ. 1887. Т. 30. № 10. С. 167.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1904. Т. 117. № 2. С. 279.

Император Николай 1 и его сподвижники (Воспоминания графа Отгона де Брэ). 1849–1852 // РС. 1902. Т. 109. № 1. С. 128.

Ден В. И. Записки // РС. 1890. Т 67. № 7. С. 134.

Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. М., 2000. С. 245.

Пушкин А. С. [Материалы для заметок в газете «Дневник».] // Полн. собр. соч. Т. 12. [М.; Л.,] 1949. С. 201.

Письма Л. В. Дубельта к жене. 1830–1836 гг. *Сообщ. Е. И. Дубельт/*
РС. 1888. Т. 60. № И. С. 501.

Лемке М. [К.] Николаевские жандармы и литература 1826–1856 гг. С. 120.

Каратыгин П. [П.] Бенкендорф и Дубельт. С. 172.

491

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 100. Л. 2.

Там же. *Л.* 28 об.

Там же. Д. 228. Л. 1 об.

Там же. Д. 235. Л. 22.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 2. М., 1997.
С. 38.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1904. Т. 117. № 1. С. 91–92.

Там же. Т. 101. № 2. С. 335.

Кюстин, А. де. Россия в 1839 году. Т. I. С. 199.

Марков С. А. Александр Сергеевич Меншиков // Военная энциклопедия. Т. 15. СПб., 1914. С. 263.

Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона де Брэ). С. 130.

Это произошло сразу после воцарения Александра II 23 февраля 1855 г.: РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 975. О пожаловании адмиралу Меншикову в потомственное владение дома Главного морского штаба в Петербурге, 1855 г.

Воспоминания И. А. Шестакова // РА. 1873. Кн. 1. Стб. 198–199.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 277.

Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона де Брэ). С. 136.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки... С. 158.

Записки сенатора К. И. Фишера // ИВ. 1908. Т. 113. № 8. С. 68–69.

Записки графа М. Д. Бутурлина. 1845–1849 // РА. 1897. Кн. 3. № 12. С. 521.

РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Воспоминания А. Д. Блудовой. Д. 26–26 об.

Иерейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989. С. 41.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2 [1]. [М.; Л.,] 1947. С. 416.

Корф. 1839. С. 442.

Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона де Брэ). С. 136.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 274.

Цит. по: Уваров Сергей Семенович // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 34, полутом 67. СПб., 1902. С. 419.

Цит. по: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. С. 452–453.

Пушкин А. С. [Дневник 1833–1835 гг.] С. 337.

Татищев С. С. Император Николай I и иностранные дворы: Исторические очерки. СПб., 1889. С. XVIII.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки... С. 262.

Там же.

Граф Рейзет в России в 1852–1854 гг. // РС. 1903. Т. 115. № 7. С. 228.

Цит. по: *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. С. 56–57.

Аксакова В. С. Дневник / Ред. и примеч. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. СПб., 1913. С. 85.

Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // РА. 1877. Кн. 2. № 5. С. 11.

Мальцев С. И. Из воспоминаний // Зап. Моск. Отд. Имп. Русского технического общества. 1866. Вып. 4. С. 40.

Цит. по: *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. С. 165.

Попов М. М. Мелкие рассказы // РС. 1896. Т. 86. № 5. С. 598–599.

Цит. по: *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. С. 165.

Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона де Брэ). С. 135.

Канкрин Е. Ф. Очерки политической экономии и финансии. СПб., 1894. С. 35.

Pintner W. Russian economic policy under Nicolas I. N.-Y., 1967. P. 253–254.

Брэ О. де. Император Николай I и его сподвижники. С. 135.

Заичкин И. А., Почкаев И. Н. Русская история: От Екатерины Великой до Александра II. М., 1994. С. 590.

Там же. С. 136. См. также: *Шилов Д. Н.* «Каменный князь» (Светлейший князь Волконский при дворе двух императоров) // На рубеже двух эпох. 1801–1825, 1825–1855. Тезисы докладов 2-й Царскосельской научной конференции. СПб., 1996. С. 70–72.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 103. № 8. С. 36.

Там же. С. 37.

Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. С. 207.

Пушкин А. С. [Дневник 1833–1835 гг.] С. 53.

Долгоруков П. В. Граф П. Д. Киселев // Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 383.

Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания Оттона де Брэ). С. 131.

Минин А. С. Министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев в воспоминаниях современников // Петербургские чтения — 96... СПб., 1996. С. 429.

ПСЗ. 2-е изд. № 27293.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 5. С. 248.

Миронов Б. Н. Русский город в 1740—1850-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 119.

Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая. По донесениям М. М. Фока — А. Х. Бенкендорфу // Николай Первый и его время. Т. 2. М., 2000. С. 80.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки... С. 225.

Пушкин А. С. [На Воронцова] // Полн. собр. соч. Т. 2. [1] С. 317.

Подробнее о нем см.: *Захарова О. Ю.* «Я князь, коль мой сияет дух...»: Страницы военной биографии генерал-фельдмаршала М. С. Воронцова. Подольск, 1999.

Рассказ Николая Павловича о поездке на Кавказ // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 405.

Корф. 1839. С. 430.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский» (Император Николай в свете исторической правды) // Николай Первый и его время. Т. 2. М., 2000. С. 366.

Бутурлин М. Д. Записки // РА. 1897. Кн. 3. № 1. С. 340.

Там же. С. 341.

Кутузов М. Дело [Очерк биографии генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского]. Владивосток, 1997.

Кизеветтер А. А. Император Николай 1 как конституционный монарх
// *Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 408.*

Глинка Ф. О пребывании государя императора в Орле: Письмо к другу
// Николай Первый и его время. Т. 2. М., 2000. С. 119–120.

Воспоминания И. А. Шестакова. С. 158.

Максим Григорьевич Власов, атаман Войска Донского (фрагмент из воспоминаний) // Николай Первый и его время. Т. 2. М., 2000. С. 129.

Фролова В. [С.] Николай I и флот. С. 36.

Николай I — Александру Николаевичу, 8 мая 1837 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 151. — В публ.: Письма императора Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1899. Т. 98.
№ 6. С. 526.

Эвальд А. В. Рассказы об императоре Николае I // ИВ. 1896. Т. 65. № 7.
С. 55.

Цит. по: *Полиевктов М. А.* Николай I: Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 219.

Пушкин А. С. [Дневники 1833–1835 гг.] // Полн. собр. соч. Т. 12. [Л.] 1949. С. 321.

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 33. По уведомлению графа Аракчеева о предоставлении ему управления военными поселениями на прежнем основании, 1825 г.

Граф Аракчеев перед поездкой за границу в 1826 году *Сообщ. И. А. Бычков* / РС. 1903. Т. 115. Кн. 3. № 6. С. 47–49.

Николай I — Константину Павловичу, 8 (20) января 1827 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 146.

Цит. по: Яченихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 50.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1899. Т. 98.
№ 6. С. 533.

Там же. Т. 102. № 5. С. 283.

Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона де Брэ). С. 136.

Каменская М. [Ф.] Воспоминания. М., 1991. С. 117.

Из записок барона (впоследствии М. А. Корфа) // РС. 1899. Т. 98. № 6.
С. 533.

Там же. С. 532.

Дельвиг А. И. Мои воспоминания. Т. II. М., 1912. С. 14.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. Т. 103. № 7. С. 40.

Из воспоминаний Л. Ф. Львова // РА. 1885. Кн. 1. № 1. С. 351.

Мардарьев М. Е. Император Николай I и академик Паррот // РС. 1896.
Т. 95. № 7. С. 146.

Там же. С. 149.

Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона де Брэ). С. 123.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 103. № 7. С. 47.

Собственноручные резолюции императора Николая I по Морскому ведомству //Морской сборник. 1907. № 12. Неоф. отд. С. 7.

582

Там же.

Фролова В. С. Николай I и флот. Севастополь, 1994.

Собственноручные резолюции императора Николая I // Морской сборник. 1907. № 12. Неоф. отд. С. 11–14. См. также: *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 201.

Фролова В. С. Николай I и флот.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 2. С. 221.

Там же. С. 21.

Эвальд А. В. Рассказы об императоре Николае I // ИВ. 1896. Т. 65. № 7.
С. 57.

Кавелин П. А. А. А. Кавелин как воспитатель императора Александра II // РС. 1902. Т. 109. № 3. С. 550–560; Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. № 6. С. 505–516.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. Ч. II. С. 113.

Цит. по: *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг... Т. I. С. 52.

592

Там же.

Николай I — А. А. Аракчееву, 6 апреля 1826 г. // *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. Приложения. С. 576.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 291–292.

Высочайшее повеление о том, дабы монастыри не брали избыточных денег за погребение // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 93.

Сон юности. С. 203.

Тютчева А. Ф. Дневники... С. 71.

Там же. С. 202–203.

Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. М., 2000. С. 300.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 122.

Николай I — Александру Николаевичу, 9 июня 1837 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 158.

Николай Павлович и петербургские старообрядцы // РА. 1884. Кн. I. № 1. С. 190–191.

Николай I — Александру Николаевичу, 8 июля 1837 г. // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 166.

Цит. по: *Соловьев В.* Памяти императора Николая I // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 421.

Распоряжение об иноверческих церквях // РС. 1898. Т. 95. № 7. С. 39–40.

Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 3. Отд. 2. Главный Военно-санитарный комитет... / Сост. С. И. Заозерский. СПб., 1902. С. 21.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. С. 68.

Бенкендорф А. Х. Записки. Цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай Первый... Т. 2. С. 521.

Цит. по: Николай 1: Муж. Отец. Император. С. 392.

Бенкендорф А. Х. Записки. С. 521–522.

РГИА. В. 1338. Оп. 1 (внутр, оп. 26/92). Д. 13. О разных вещах, поступивших во дворцы, 1839–1849 гг. Л. 80–80 об.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу... Там же. С. 34.

Речь императора Николая Павловича римско-католическим епископам в 1844 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 115.

Там же. С. 116.

Сон юности... С. 315.

Цит. по: Император Николай I и папа Григорий XVI // Император Николай Первый и его время. Т. 2. С. 336.

Цит. по: *Керимов Г. М.* Ислам // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1996. С. 389.

Палимсестов И. Митрополит Платон Киевский об императоре Николае Павловиче// Николай Первый и его время. Т. 2. С. 382.

Хартанович М. Ф. Ученое сословие России: Императорская академия наук во второй четверти XIX в. СПб., 1999. С. 20.

Цит по: Окунь С. Б. Очерки истории СССР: Вторая четверть XIX века.
Л., 1957. С. 102.

Цит. по: *Хартанович М. Ф.* Ученое сословие России. С. 147.

Там же. С. 160.

Там же. С. 154.

Там же. С. 82.

Там же. С. 23.

Цит. по: *Бородкин М. М.* Венчанный рыцарь и его тернистый путь. С. 32.

Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. С. 207.

Государственный совет. 1801–1901. Составлено в Государственной канцелярии. СПб., 1901. С. 59. См. также: *Корф М. А.* Жизнь графа М. М. Сперанского. Т. II. СПб., 1861. С. 316–319.

Рассказы, заметки и анекдоты: Из записок Елизаветы Николаевны Львовой // РС. 1880. Т. 28. № 8. С. 797.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. II. СПб., 1861. С. 318.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1904. Т. 117. № 1. С. 70.

ПСЗ. 2-е собр. Т. I. № 114. Подробнее см.: *Майков П. М.* О своде законов Российской империи. СПб., 1906. С. 8—16.

Николай I. Записки // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 52.

Александра Федоровна. Краткий дневник // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 166.

Там же. С. 67.

Там же. С. 306.

Чибиряев С. А. Великий реформатор: Жизнь, деятельность и политические взгляды М. М. Сперанского. М., 1989. С. 138.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 5. С. 248.

Пушкин А. С. Записка о народном воспитании // Полн. собр. соч. Т. 11. М.; Л., 1949. С. 44 (то же в: *Девятнадцатый век: Исторический сборник*, издаваемый Петром Бартеневым. Кн. 2. М., 1872. С. 210); см. также: *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 24.

Подробнее см.: *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. С. 30–31. См. также: *Бурдин Ф. А.* Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче // ИВ. 1886. Т. 23. № 1. С. 148.

Окунь С. Б. Очерки истории СССР... С. 187.

Каратыгин П. А. Записки. С. 246.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. С. 418.

644

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 148. Л. 93.

Подробнее см.: *Морозов В. И.* Государственно-правовые взгляды М. М. Сперанского. СПб., 1999. С. 69–92.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. С. 420.

Там же. С. 419.

Подсчеты Б. Н. Миронова на основании данных Н. Л. Рубинштейна, В. К. Яцунского, И. Д. Ковальченко и др.: *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVII — первой половине XIX в. Л., 1981. С. 98–99, 112.

Там же. С. 115.

Там же. С. 114–115.

Окунь С. Б. Очерки истории СССР: Вторая четверть XIX века. Л., 1957. С. 24.

Дельвиг А. И. Мои воспоминания. Т. 1. М., 1912. С. 178.

Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М., 1991. С. 117–118.

Гинс Г. К, Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). СПб., 1914. С. 3, 5.

Воспоминания Н. В. Шелгунова // *Шелгунов Н. В. Воспоминания*. Т. 1. М., 1967. С. 72.

Петербургское общество при восшествии на престол императора
Николая по донесениям М. М. Фока — А. Х. Бенкендорфу. С. 321.

Цит. по: История СССР. Т. 2. Россия в XIX веке. С. 206.

Смирнова А. О. Записки. Ч. I. СПб., 1895. С. 72.

Там же. С. 225.

Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. II.
СПб., 1882. С. 2.

Там же. С. 208.

Там же. С. 10–12.

Высочков Л. В. Государственные крестьяне С.-Петербургской губернии во второй трети XIX века (1836–1866 гг.). Дисс... на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Л., 1980.

Дружинин Н. М. Государственная деревня и реформа П. Д. Киселева.
Т. I. М.; Л»1946; Т. II. М., 1958.

Заблоцкий-Десятовский А. П. С. 194.

Высочков Л. В. Массовые первичные источники по истории государственных крестьян 40—60-х годов XIX в. // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1981. Вып. 4. № 20. С. 37–38.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 112.

Смирнова А. О. Записки. Ч. I. СПб., 1895. С. 65.

Крестьянское движение в 1827–1869 гг. Подг. к печати А. Е. Мороховец. М., 1931. С. 31–32; см. также: Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг. Сб. документов Под. ред А. А. Предтеченского М., 1961. С. 343–344.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 284. О слухах и нелепых толках в Московской и Тверской губерниях, 1839 г. Л. 1–2.

Погодин М. П. О влиянии внешней политики на внутреннюю //
Сочинения М. П. Погодина. М., 1874. С. 262.

Дела III Отделения СЕИВК об Александре Сергеевиче Пушкине. СПб., 1906. С. 184.

Смирнова А. О. Записки. С. 63–65.

Цит. по: *Бородкин М. М.* Венчанный рыцарь и его тернистый путь. С. 39; *Майнов И. В.* Смоленские дворяне и обязанные крестьяне 1846–1849 гг. *Ц РС.* 1873. Т. 8. № 12. С. 911–912.

В одной из двух редакций записи речи Николая I. Этот вариант воспроизвел, в частности, В. Г. Белинский. См.: Белинский В. Г. — П. В. Анненкову [1—10 декабря] 1847 г. // Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1956. С. 438—439.

Даллас Д. Американский посланник при дворе Николая I // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 202.

Корф М. А. Заседание Государственного совета 30 марта 1842 года // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 286.

Корф М. А. Император Николай в совещательных собраниях // Сб. РИО. 1896. Т. 98. С. 117.

679

РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 144. Л. 112.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия... С. 192–193.

Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. М., 2000. С. 286.

Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Ч. 2. СПб., 1882. С. 258–259.

Там же. С. 259. Дополнительно см.: РГИА. Ф. 940. (А. П. Заблоцкий-Десятовский) Д. 125. Л. 2–3.

Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Ч. 2.
СПб., 1882. С. 262.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. С. 187.

Корф М. А. Заседание Государственного совета 30 марта 1842 года // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 301.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 5. С. 255.

Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Ч. 2.
СПб., 1882. С. 233.

Семевский В. И. Т. 2. С. 160–161.

Маркс К. Об освобождении крестьян в России // Маркс К, Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 699–700.

691

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 238. Л. 26.

692

Там же.

Национально-колониальная политика царизма и освободительная борьба народов России в дореформенный период / Фадеев А. В. и др. М., 1962. С. 21.

Семевский В. И. Т. 2. С. 485.

Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. Цит. по: Николай I: Муж. Отец. Император. С. 514.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу. С. 37.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. С. 167.

Там же.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Там же. Д. 238. О толках относительно освобождения крестьян... 1846–1848 гг. Л. 19.

Там же. Л. 4, 19 об., 25–25 об. и др.

701

Там же. Л. 2.

Там же. Л. 5.

Там же. Л. 7 об. — 8.

Там же. Л. 50 об. — 52.

Император Николай Павлович в его речи к депутатам Санкт-Петербургского дворянства 21 марта 1848 г. // РС. 1883. Т. 39. № 9. С. 596. См. также Николай I и его время. Т. 1. М., 2000. С. 123.

Белинский В. Г Письмо к П. В. Анненкову [1—10] декабря 1847 г. // Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1956. С. 436—438.

Записки графа М. Д. Бутурлина //РА. 1898. Кн. 1. № 1. С. 157.

РГИА. Ф. 1180. Опись Государственного совета. Т. XV. Д. 144. Л. 119.

РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 125. Листы, исключенные из главы. Л. 18.

Император Николай Павлович в его речи к депутатам Санкт-Петербургского дворянства, 21 марта 1848 г. // Николай I... Т. 1. М., 2000. С. 123–124.

Ольга Николаевна, вел. кн. Сон юности. С. 286.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский» (Император Николай I в свете исторической правды) // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 376.

Кизеветтер А. Деятнадцатый век в истории России. Ростов-на-Дону, 1905. С. 23.

Бородкин М. М. Венчанный рыцарь и его тернистый путь. С. 41.

Крутиков В. И. Законодательство о помещичьих крестьянах дореформенного времени (1801–1860 гг.) // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодально-крепостническую эпоху. Ростов-на-Дону, 1980. С. 113.

Окунь С. Б., Пайна Э. С. Указ от 5 апреля 1797 г. и его эволюция (К истории указа о трехдневной барщине) // Исследования по отечественному источниковедению. Вып. 7. Сб. статей, посвященных 75-летию С. Н. Валка. М., 1964. С. 283–299.

Крутиков В. И. Законодательство о помещичьих крестьянах дореформенного времени (1801–1860 гг.) // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодально-крепостническую эпоху. Ростов-на-Дону, 1980. С. 113.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII — первой половине XIX века. Т. II. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб., 1888. С. 148.

Там же. С. 152.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. С. 296.

Алексеев П. В. Секретные комитеты при Николае I // Великая реформа.
Т. 2. М., 1911. С. 208.

Из истории раскрепощения помещичьих крестьян: Показания А. Е. Тимашева // РА. 1887. № 6. С. 262.

Вяземский П. А. Записные книжки / Сост., вступ. статья, комментарии
Д. П. Иванского. М., 1992. С. 222.

Тарле Е. В. Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов 1842–1847 гг. // *Тарле Е. В. Соч.:* В 12 т. Т. 4. М., 1958. С. 570.

Смирнова А. О. Записки. С. 65.

Цит. по: *Бородкин М. М.* Венчанный рыцарь и его тернистый путь. С. 39; *Майнов И. В.* Смоленские дворяне и обязанные крестьяне 1846–1849 гг. // РС. 1873. Т. 8. № 12. С. 910–939.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII — первой половине XIX века. С. 17.

Тимашев А. Е. Из истории раскрепощения помещичьих крестьян. С. 260–262.

Маркс К. Вопрос об отмене крепостного права в России. С. 607.

Цит по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 292.

Цит. по: *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР. С. 36.

Рыбников И. Н. Император Николай и московское купечество // Николай Первый и его время. Т. 2. М., 2000. С. 108.

Там же. С. 109.

Там же. С. 111.

Ольга Николаевна, вел. кн. Сон юности. С. 367–368.

Там же. С. 366.

РА. 1900. Т. 1. См.: *Тальберг Н. С.* 356.

Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. С. 232.

Рыбников И. Н. Император Николай и московское купечество. С. 109.

Сон юности. С. 238.

Фирсов Н. Н. Призрак социализма пред Николаем I (Характеристика момента) // *Фирсов Н. Н.* Исторические характеристики и этюды. Т. 3. Казань, 1926. С. 53 и др.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. С. 124; см. также С. 149, 183–184.

РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 202: О пожаловании... пенсионера и пособия...
1839–1840 гг. Л. 38.

Там же. Л. 45–46.

Там же. Л. 1–6; 38–39.

Высочков Л. В. Некоторые данные для бюджетов государственных крестьян Петербургской губернии в первой половине XIX века // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. Сб. ст.: В 2 ч. / Под ред. А. Г. Манькова и др. Ч. II. М.; Л., 1980. С. 93.

Цит. по: *Романов М. П.* Царствование императора Николая I. СПб., 1883. С. 102.

Эвальд А. В. Рассказы об императоре Николае 1 // ИВ. Т. 65. № 7. С. 58.

Мальцев С. И. Из воспоминаний... Сообщ. П. Гронский / Зап. Московского отделения Императорского русского технического общества. Вып. 4. М., 1866. С. 39.

Там же. С. 40.

Киняпина Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20—50-е гг. XIX в.). М., 1968. С. 165.

Мальцев С. И. Из воспоминаний... С. 40.

Сон юности. С. 257.

754

Там же.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 365.

Эвальд А. В. Рассказы о Николае I // Николай Первый и его время. Т. 2.
С. 233–234.

Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. 2-е изд. СПб., 1991. С. 358. Подробнее см.: *Славина Т. А.* Архитектор Константин Тон. Л., 1989. С. 93—100.

Лихачев Д. С. Поэзия садов...

Николай I — П. А. Клейнмихелю, 1 ноября 1850 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 189.

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 18. О распоряжениях по путешествию Высочайших особ со свитою из Санкт-Петербурга в Москву по железной дороге, о трактовании и помещении их там, 1851 г. Л. 82–82 об., 83, 221–221 об.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 103. № 7. С. 42.

«Одна из комнат императорского вагона», «Встреча императора с графом П. А. Клейнмихелем». Иллюстрации см.: *Карнович Е. П.* Император Николай Первый: Его царствование и черты характера в рассказах, анекдотах и отзывах современников. СПб., 1897. С. 10, 11.

Цит. по: Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. Там же.

Ракчеев Е. Н. Дмитрий Иванович Журавский. 1821–1891. М., 1984. С. 52–54, 66, 72. См. также планы и рисунки моста: с. 53–54, 68; см. также: *Уродков С. А.* Петербурго-Московская железная дорога: История строительства. Л., 1951. С. 80 (общий вид моста).

Салов В. В. Начало железнодорожного дела в России. 1837–1855 гг. // Вестник Европы. 1899. № 5. С. 119–120.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. Там же.

Николай I — П. А. Клейнмихелю, 22 августа 1851 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 190.

Там же. С. 45.

Там же. С. 48.

Цит. по: *Довнар-Запольский М.* Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 130–131.

Цит. по: *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России... С. 104.

Там же. С. 57.

Миронов Б. Н. Русские города в 1740–1860 гг. Л., 1990. С. 124.

История СССР. Т. 2. Россия в XIX в. М., 1949. С. 10.

Рыбников И. Н. Император Николай и московское купечество. С. 111.

Николай I — И. Ф Паскевичу, 1 (13) июня 1847 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 518.

Цит. по: *Рожкова М. К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке... С. 295.

Цит. по: Окунь С. Б. Российско-Американская компания. Л., 1939. С. 99.

История СССР. Т. 2. М., 1949. С. 11.

Рыбников И. Н. Император Николай и московское купечество. С. 108.

Рожкова М. К. Экономическая политика на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.; Л., 1949. С. 201.

Цит. по: Николай I: Муж. Отец. Император. С. 392.

Пресняков А. Е. Николай I: Апогей самодержавия // *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 268.

Шевченко Т. Г. Кавказ // Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. М., 1972. С. 299.

Высочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001.
С. 283–285.

Разговор Сафонова с императором Николаем Павловичем 28 сентября 1846... С. 407.

Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. М., 1949. С. 274.

Письмо к А. С. Хомякову в Париж отца его о событиях 14 декабря 1825 года. С. 123.

Конституция Н. Муравьева (Текст, найденный в бумагах кн. С. П. Трубецкого) // *Дружинин Н. М. Избр. труды: Революционное движение в России в XIX в.* М., 1985. С. 257.

Пестель П. И. Русская Правда, или Заповедная Государственная грамота Великого народа Российского... // Восстание декабристов. Т. 7. М., 1958. С. 71, 124.

Гросул Я. С. Автономия Бессарабии в составе России (1812–1828 гг.) //
Гросул Я. С. Труды по истории Молдавии. Кишинев, 1982. С. 169–171.

Майков П. М. О своде законов Российской империи. СПб., 1906. С. 27.

Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992. С. 162.

Хартанович М. Ф. Ученое сословие России: Императорская академия наук во второй четверти XIX в. СПб., 1999. С. 116, 118, 131, 132, 174.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 1996. С. 199.

Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. С. 290.

Соллогуб В. А. Воспоминания // Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 417; Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона де Брэ). С. 132.

Пресняков А. Е. Николай I: Апогей самодержавия. С. 248, 250.

Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в. С. 158–161.

Там же. С. 153–154.

Семевский В. И. Т. 2. С. 481.

Николай I — Александру Николаевичу, 5 июля 1837 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 164.

Корф. С. 417–418.

804

Там же.

Там же. С. 418.

Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время... Ч. 2.
СПб., 1882. С. 256.

Сон юности... С. 307.

Цит. по: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 10. СПб., 1896. С. 32.

Цит. по: *Соловьев В.* Памяти императора Николая I // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 421.

Цит. по: *Дубровин Н.* После Отечественной войны (Из жизни русского общества в начале XIX века) // РС. 1904. Т. 117. № 1. С. 8–9.

Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 176.

Дельвиг А. И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 122.

Цит. по: *Пресняков А. Е.* Николай I: Апогей самодержавия. С. 251.

Панчулидзе С. История кавалергардов... Т. 4. СПб., 1912. С. 96.

815

Сон юности. С. 290.

Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. С. 240.

Из дневника Варнгагена фон Энзе... С. 373.

Пушкин А. С. [Дневники 1833–1835 гг.] // Полн. собр. соч. Т. 12. [Л.,] 1949. С. 315.

Там же. С. 328.

Цит. по: *Глинка В. М.* Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1988. С. 165.

Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая по донесениям М. М. Фока и А. Х. Бенкендорфа // РС. 1881. Т. 32. № 9. С. 189.

Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Оттона де Брэ). С. 136.

823

Там же.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 141.

Смирнова-Россет А. О. Автобиографические записки (Вариант 3) //
Смирнова-Россет А. О. Дневники. Воспоминания. С. 139.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 140.

Смирнова-Россет А. О. Автобиографические записки (Вариант 3). С. 139.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 140.

Записка Николая I о положении дел в Европе // Красный архив. 1838.
Т. 4–5 (89–90). С. 160.

Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). СПб., 1907. В состав Царства Польского не вошли Торн, Познань, Померания, Краков и Тарнопольский округ (бывший в составе России с 1807 по 1815 г.).

Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX века... С. 151.

Там же. С. 149, 151.

Юрьев Б. И. Ланской В. С. // Отечественная история. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 281.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997. С. 9.

Там же. С. 65–66.

Цит. по: *Рамбо А.* Королевство Польское // История XIX века. Т. 3. М., 1938. С. 293.

Пестель П. И. Русская Правда... С. 123.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый... Кн. 2. С. 166.

839

Там же.

Жуковский В. А. Соч. Т. 5. СПб., 1885. С. 462–463.

Хартанович М. Ф. К истории коронации в Варшаве. 1829 г. (Дело Смагловского) // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 374–378.

Записка графа П. Д. Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 528.

Портфель графа Бенкендорфа. Мемуары шефа жандармов // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 338.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый... Т. II. СПб., 1903. С. 277.

*Кизеветтер А. А. Император Николай 1 как конституционный монарх
И Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 318, 418.*

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 306.

Портфель графа Бенкендорфа. Мемуары шефа жандармов // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 342.

Цит. по: *Рамбо А.* Королевство Польское // История XIX века. Т. 3. М., 1938. С. 296.

Цит. по: *Азарова Н. И.* «...Мудрено быть самодержавным» // Николай 1: Муж. Отец. Император. С. 23.

Цит. по: *Рамбо А.* Королевство Польское. С. 299, 300.

851

Портфель графа Бенкендорфа. С. 352.

Там же. С. 353.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 313.

Там же. С. 314.

Воспоминания барона Бургоэна... С. 835.

Цит. по: *Воробьев Г. А.* Посылка Тадеуша Вылежинского в Петербург в 1830–1831 гг. *Ц РС.* 1903. Т. 114. № 5. С. 356–357.

Там же. С. 354.

Там же. С. 358.

Император Николай I и Польша в 1830 году (Воспоминания подполковника Фаддея Вылежинского) *Публ. К. А. Военского / ИВ. 1903. № 4. С. 303.*

Там же. С. 360–361; см. также: Воспоминания барона Бургоэна... С. 839.

Цит. по: *Азарова Н. И.* «...Мудрено быть самодержавным». С. 24.

Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Сост. Ф. Ф. Мартенс. Т. 8. СПб., 1885. С. 177, 181. См. также: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Т. 1. С. 323.

863

Портфель графа Бенкендорфа. С. 355.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 316.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Т. II. СПб., 1903. Примечания. С. 889.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу. 1832–1847 гг. // Русский архив. 1897. Кн. I. № 1. С. 6.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу... С.
13.

Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды //
РС. 1876. Т. 16. № 5. С. 276.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу... С.
33.

Николай I — И. Ф. Паскевичу, 1 (13) декабря 1837 г. // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 489.

Соколова А. И. Маленькая польская графиня и маленькая русская княжна // ИВ. № 3. С. 880.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 358.

Записки графа А. Х. Бенкендорфа // *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 2. М., 1997. С. 535.

Пушкин и современники. VII. С. 58–59.

Николай I — И. Ф. Паскевичу, 1 (13) декабря 1837 г. // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 489.

Николай I — И. Ф. Паскевичу, 1 октября 1832 г. // Там же. С. 460.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу... С.
34.

Цит. по: Николай I: Муж. Отец. Император. С. 514.

Там же. С. 32.

Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX века... С. 200.

Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1809–1995. М., 1998. С. 36.

Цит. по: *Хартанович М.* Ученое сословие России: Императорская Академия наук во второй четверти XIX в. СПб., 1999. С. 148–149.

Записки сенатора К. И. Фишера // ИВ. 1908. Т. 113. № 7. С. 51.

Бородкин М. История Финляндии: Время императора Николая I. Пг., 1915. С. 170.

Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии... С. 32–33.

Выборгская губерния в XVIII столетии и отделение ее от империи в 1811 году // Финляндская газета. 1904. № 194 (12 декабря).

Восстание декабристов. Т. 20. М., 2001. С. 47.

Из записок графа А. Х. Бенкендорфа // Русская старина. 1900. Т. 102.
№ 5. С. 242.

Подробнее см.: *Новоселова З. А.* Русские учебные заведения в Выборге XIX — начала XX в. // Страницы Выборгской истории: Краеведческие записки. Выборг, 2000. С. 264; *Шлыгина Н. В.* История формирования двух государственных языков Финляндии // Европа на рубеже третьего тысячелетия: народы и государства. М., 2000. С. 109–160.

Там же. С. 156.

891

ИБ. 1898. № 6. С. 770.

Николай I — И. Ф. Паскевичу, 12 (24) июня 1833 г. // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 465.

Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16; *Шестаков А. И.* Полвека обыкновенной жизни... Л. 192.

Цит. по: *Бородкин М.* История Финляндии: Время императора Николая I. С. 624.

Там же. С. 627.

Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии... С. 49.

Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. Ч. 1. М.; Л., 1936. С. 280.

Цит. по: История внешней политики России... С. 216.

Цит. по: *Рожкова М. К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке... С. 95.

Колониальная политика царизма в Азербайджане. Т. 1. С. 314.

Император Николай Павлович в его письмах к Паскевичу. 1832–1847 // РА. 1897. Кн. 1. № 1. С. 9.

Николай I — И. Ф. Паскевичу, 1833, 12 (24) января // Николай I: Муж.
Отец. Император. С. 464.

Цит. по: *Дьяков В. А.* Освободительное движение в России 1825–1861 гг. М., 1979. С. 191.

Рыбников И. Н. Император Николай и московское купечество // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 108.

Там же. С. 117.

Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.; Л., 1949. С. 88.

Николай I — И. Ф. Паскевичу, 1 (13) октября 1837 г. // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 488.

Рассказ Николая Павловича о поездке на Кавказ // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 412.

Цит. по: История СССР. Т. 2. Россия в XIX в. / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1949. С. 278.

Филипсон Г. И. // РА. 1884. Кн. 3. С. 116.

Цит. по: *Рожкова М. К.* Экономическая политика царского правительства... С. 285.

Там же. С. 101.

Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Ч. 6. М., 1892. С. 82.

Разговор Сафонова с императором Николаем Павловичем 28 сентября 1846 г. С. 388.

915

Там же.

Там же. С. 395.

Там же. С. 400.

Там же. С. 391.

Пестель П. И. Русская Правда... С. 144.

Разговор С. В. Сафонова с императором Николаем Павловичем... С.
301.

Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. С. 281.

Цит. по: *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX века. Л., 1957. С. 223.

Цит. по: История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999. С. 217.

Цит по: *Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. М., 1994. С. 448.

Там же. С. 220.

Цит. по: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20— 50-х гг. XIX века: Сб. документов. Махачкала, 1959. С. 58.

Рапорт ген.-фельд. Паскевича Николаю I о причинах выступления горцев и мерах их покорения // Движение горцев Северо-Восточного... С. 63, 69.

Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум // Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1936. С. 564.

Щербатов [А. П.] Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность. В 7 т. Т. 3. СПб., 1891. С. 115.

Торнау Н. Воспоминания кавказского офицера. СПб., 1864. С. 5, 6.

Цит. по: *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. С. 340.

Цит. по: *Потто В. А.* Кавказская война. Время Паскевича, или Бунт Чечни. В 5 т. Т. 5. Ставрополь, 1994. С. 7.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 103–104.

Цит по: *Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. С. 459.

А. Х. Бенкендорф. Записки // *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 2. М., 1997. С. 522.

Рожкова Н. К. Указ. соч. С. 218.

Цит. по: *Казиев Ш.* Имам Шамиль. М., 2001. С. 77.

Николай I — Александру Николаевичу, 8 июля 1837 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 166.

Цит. по: *Казиев Ш.* Имам Шамиль. С. 98.

Николай I — И. Ф. Паскевичу, 2 июня 1841 г. // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 502.

Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. С. 381.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 7.

Цит. по: *Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. С. 459.

Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. М., 1885. С. 147.

945

Там же.

Там же. С. 148.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 360.

Сон юности. С. 287.

Цит. по: *Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. С. 450.

Цит. по: *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. С. 353.

Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. С. 451.

952

ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 84. Памятная записка, составленная Николаем
I... 1842 г. Копия. Л. 1–1 об.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 393–394.

Там же. С. 394. По штатному расписанию в батальоне было тогда 920 солдат, 96 унтер-и обер-офицеров.

Николай I — И. Ф. Паскевичу, 12 (24) января 1844 г. // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 507.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки... С. 226.

Николай I — И. Я. Паскевичу, 12 (24) января 1844 г. // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 510.

Разговор С. В. Сафонова с императором Николаем Павловичем 28 сентября 1846 г. С. 396.

Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. С. 519.

Добролюбов В. А. Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1937. С. 155.

Цит. по: *Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. С. 469.

Записка Александра II о Кавказе // РС. 1882. Т. 36. № 11. С. 284.

Заблоцкий-Десятовский. Ч. 2. СПб., 1882. С. 194.

Николай I — Александру Николаевичу, 24 июня 1837 г. // Император Николай Первый. Т. 2. М., 2000. С. 162.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. С. 199.

Из воспоминаний Леонида Федоровича Львова // РА. 1885. Кн. 1. № 2.
С. 218.

967

Там же.

Еврейская энциклопедия: В 16 т. Т. 11. С. 709.

Из записок еврея // ИВ. 1903. Т. 91. № 4. С. 126.

Кабузан В. М. Этнический состав населения России... С. 162–167.

Солженицын А. И. Двести лет вместе. (1795–1995). Ч. 1. М., 2001. С. 120.

Там же. С. 189–190.

Пестель П. И. Русская Правда... С. 143.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1295. Письмо великого князя Николая Павловича Ф. П. Опочинину, б. д. [1825 г.]

Фролова В. С. Николай I и флот. Севастополь, 1991. С. 40.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. С. 68.

Старое обвинение евреев... // РА. 1908. Кн. 2. № 8. С. 578–585.

Еврейская энциклопедия. Т. 12. С. 695. С. 115.

Заметки Л. В. Дубельта // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 142.

Из воспоминаний леди Блумфильд. Пер. с англ. // РА. 1899. Кн. 2. С. 232.

Император Николай Павлович в его письмах князю Паскевичу... С. 33.

Солженицын А. И. Двести лет вместе. С. 103.

Там же. С. 122.

Там же. С. 97.

Там же. С. 284.

Там же. С. 134.

Окунь С. Б. Российско-Американская компания. М.; Л., 1939. С. 44.

Там же. С. 108.

Там же. С. 206.

990

Там же.

Алексеева Е. В. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998. С. 58.

Цит. по: *Окунь С. Б.* Российско-Американская компания. С. 143–144.

Цит. по: *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX века.
С. 108–109.

Там же. С. 109.

Цит. по: История дипломатии. Т. 1. М., 1959. С. 536.

Там же.

Сон юности. С. 290.

Палимсестов И. Митрополит Платон Киевский об императоре Николае Павловиче // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 382.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый... Кн. 1. С. 310.

Цит. по: *Лакруа П.* Черты из жизни и царствования императора Николая I // Военный сборник. 1867. Т. 58. Отд. неоф. № И. С. 130.

1001

Кюстин А. де. С. 211–212.

1002

РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Воспоминания А. Д. Блудовой о Николае I.
Л. 16 об. — 17.

1003

Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I:
Муж. Отец. Император. С. 528.

1004

РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 17 об.

1005

Записка Николая I о положении дел в Европе... С. 161.

Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. М., 1885. С. 81.

Там же. С. 147.

1008

Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче. С. 526.

Там же. С. 528.

Маркиз де Кастельбажак об императоре Николае Павловиче // РА. 1893. Кн. 2. № 7. С. 421; в другом переводе см.: *Платонова Н.* Николай I и революционное движение во Франции... С. 222.

В. Т. [Тимирязев В.] Петербург накануне Крымской кампании // ИВ.
1902. Т. 89. Кн. 2. № 7. С. 241.

1012

Там же.

Цит. по: *Воробьев А.* Посылка Тадеуша Вылежинского в Петербург в 1830–1831 гг. // РС. 1903. Т. 114. № 5. С. 359.

Завещание Николая I сыну // Красный архив. 1923. [3] С. 292–293.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса. Т. 1. Священный союз. М., 1947. С. 253.

Цит. по: *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I С.
137–138.

Цит. по: *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР. С. 109.

1018

Там же. С. 117.

Там же. С. 121.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. С. 484.

Цит. по: *Потто В. А.* Кавказская война. Т. 3. Персидская война 1826–1828 гг. Ставрополь, 1993. С. 127–128.

1022

Там же. 143.

Цит. по: *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974.
С. 171–172.

Цит. по: *Кузнецова Н. А.* Иран в первой половине XIX в. М., 1983. С. 58.

Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность. В 7 т. Т. 3. СПб., 1891. С. 114.

Там же. С. 5–6.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 2. С. 383.

Цит. по: История внешней политики России: Первая половина XIX века. М., 1999. С. 226.

Базиленко И. В. Россия и Иран // История России: Россия и Восток. СПб., 2002. С. 418.

Цит. по: *Рожкова М. К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.; Л., 1949. С. 166.

Цит. по: *Шерemet В. И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г.: Из истории восточного вопроса. М., 1975.

Там же. С. 193.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 2. С. 136–137.

Там же. С. 159.

Там же. С. 166.

1036

Там же.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 295.

Цит. по: *Шерemet В. И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. С. 62.

1039

Там же.

1040

Там же. Прил. С. 207.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 297.

Там же. С. 174.

Цит. по: *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР. С. 157.

Цит. по: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х гг. XIX века: Сб. документов. Махачкала, 1959. С. 58.

Записка Николая I о положении дел в Европе // Красный архив. 1838.
Т. 4–5 (89–90). С. 160.

Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. С. 508.

Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I:
Муж. Отец. Император. С. 530.

Собственноручные заметки его величества императора Николая I о политических событиях года. См.: К истории революции 1830 г. в Бельгии // Красный архив. 1941. Т. 1 (104). С. 243–245.

1049

Там же.

Из записок графа А. Х. Бенкендорфа (Император Николай в 1830–1831 гг.) *Ц* РС. 1896. Т. 88. № 10. С. 74.

Записка Николая I о положении дел в Европе // Красный архив. 1838.
Т. 4–5 (89–90). С. 160.

Воспоминания барона Бургоэна, французского посланника при С.-Петербургском дворе с 1828 по 1832 г. // Отечественные записки. 1864. Т. 157. № 12. С. 834.

1053

Там же.

Там же. С. 835.

1055

Собственноручные заметки его величества императора Николая I... С.
244–245.

Цит. по: *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР. С. 168.

Письмо Николая I королю Нидерландов Вильгельму I от 13 (25) октября 1830 г. См.: К истории революции 1830 г. в Бельгии... С. 230.

1058

Собственноручные заметки его величества императора Николая I. С.
245.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 327.

Николай I — И. Ф. Паскевичу, 12 (24) января 1833 г. // РА. 1897. Кн. 1. С. 10. См. также: Николай I: Муж. Отец. Император. С. 464.

Кудрявцева Е. П. Политика России на Балканах // История внешней политики России: Первая половина XIX века. М., 1999. С. 313.

Там же. С. 313.

Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. Цит. по: Николай I: Муж. Отец. Император. С. 466.

Цит. по: *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР: Вторая четверть XIX века.
С. 213.

Там же. С. 217.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 329.

1067

Там же.

Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. Цит. по: Николай I: Муж. Отец. Император. С. 478.

Восточный кризис 1839–1841 гг. и русско-английское сближение // История внешней политики России: Первая половина XIX века. М., 1999. С. 327.

Цит. по: *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР: Вторая четверть XIX века.
С. 238.

1071

Там же. С. 238.

Там же. С. 244.

1073

Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I:
Муж. Отец. Император. С. 530.

Цит. по: *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР: Вторая четверть XIX века.
С. 245.

Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I:
Муж. Отец. Император. С. 530.

1076

Там же. С. 531.

Цит. по: *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР: Вторая четверть XIX века.
С. 246.

Там же. С. 245–246.

Цит. по: *Чиркова Е. А.* Революция 1848–1849 годов и политика России
// История внешней политики России: Первая половина XIX века. М., 1999.
С. 347.

Платонова Н. Николай I и революционное движение во Франции... С. 202.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 2. С. 489.

Там же. С. 490.

Австрийская революция 1848 г. и император Николай I. С. 169–170.

Цит. по: *Покровский М.* Ламартин, Кавеньяк и Николай I (Страничка из истории февральской революции 48 года) / К 75-летию революции 48 года: Сб. статей. М., 1923. С. 80.

Цит. по: Россия и Германия в XIX веке // РС. 1898. Т. 95. № 7. С. 22.

Записка императора Николая Павловича о прусских делах // РС. 1870.
Т. 1. С. 290–291.

Цит. по: *Дени Э.* Революция и реакция в Германии // История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. Т. 5. М., 1939. С. 101.

Цит. по: *Чиркова Е. А.* Революция 1848–1849 гг. и политика России. С. 350.

Там же. С. 351.

Высочайший манифест 14 марта 1848 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 121.

Записка Николая I о положении дел в Европе // Красный архив. 1838.
Т. 4–5 (89–90). С. 160.

Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 6. СПб., 1899. С. 204.

Цит. по: *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР: Вторая четверть XIX века.
С. 248.

Цит. по: *Чиркова Е. А.* Революция 1848–1849 гг. и политика России. С. 335–336.

Палимсестов И. Митрополит Платон Киевский об императоре Николае Павловиче. С. 382.

Федоров А. В. Общественно-политическое движение в русской армии.
М., 1958. С. 43.

Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. С. 237.

Цит. по: *Шевченко К.* «Я русин был, есмь и буду...»: Новое рождение славянского народа // *Родина*. 2002. № 3. С. 73.

Депеши императора Николая I императрице Александре Федоровне // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 180.

Там же. С. 187.

Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 6. С. 329.

Там же. С. 303.

1103

ПСЗ. 2-е собр. Т. 24. № 23458.

Эвальд А. В. Рассказы о Николае I // Николай Первый и его время. Т. 2.
С. 273.

Каховский П. Г. Из писем // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. М., 1951. С. 505.

Сб. РИО. Т. 78. С. 317. См. также: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 1. СПб., 1882. С. 206.

Там же. С. 117.

Цит. по: *Шерemet В. И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. С. 116.

Дебидур А. Юго-Восточная Европа // История XIX века. Т. 3. С. 213.

Шерemet В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. С. 210.

Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. Цит. по: Николай I: Муж. Отец. Император. С. 505.

Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853–1856. М., 1874. С. 116.

1113

РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 3а.

1114

Там же. Л. 1 об.

Божерянов И. Н. Императрица Александра Федоровна, августейшая мать императора Александра II. 2-е изд. СПб., 1914. С. 174–175.

Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30-40-е гг. XIX в.). 1979. С. 162.

Платонова Н. Николай I и революционное движение во Франции // *Анналы.* Вып. II. Пг., 1923. С. 315.

Цит. по: *Чиркова Е. А.* Революция 1848–1849 гг. и политика России. С. 360.

Цит. по: Австрийская революция 1848 г. и император Николай!.. С. 183.

Там же. С. 185.

Цит. по: Война России с Турцией. 1853–1854 // РС. 1876. Т. 17. С. 355.

И. С. Аксаков в его письмах. Т. 2. Ч. 1. М., 1888. С. 154.

1123

Там же. С. 160.

Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 6. М., 1955. С. 235, 248.

Письма Николая Павловича И. Ф. Паскевичу. Цит. по: Николай I: Муж. Отец. Император. С. 515.

Цит. по: Австрийская революция 1848 г. и император Николай I... С. 158.

Там же. С. 191–192.

Собственноручная записка Николая I // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 8. СПб., 1888.

Цит. по: *Тарле Е. В.* Крымская война // *Тарле Е. В. Соч.:* В 12 т. Т. 8. М., 1959. С. 404.

Там же. С. 430.

Воспоминания князя Эмилия Витгенштейна // РС. 1900. Т. 104. № 4. С. 190.

Козьмин Б. П. Николай I и Мадзини в 1854 г. // Из истории общественных движений и международных отношений: Сб. статей в память акад. Е. В. Тарле / Отв. ред. А. М. Панкратова. М., 1957. С. 437–444.

Цит. по: *Шильдер И. К.* Император Николай и освобождение христианского Востока // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 125–126.

Записка Михаила Петровича Погодина 7 декабря 1853 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 412.

Воззвание, написанное собственноручно императором Николаем, [7]
апреля 1854 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 132.

История внешней политики России... С. 238.

Там же. С. 245.

Николай I — И. Ф. Паскевичу, 7 (19) декабря 1842 г. // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 505.

Цит. по: *Рожкова М. К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке... С. 214.

Там же. С. 222.

Николай I — И. Ф. Паскевичу, 3 (15) января 1840 г. // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 498.

Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке... С. 249.

Там же. С. 258.

Рыбников И. Н. Император Николай и московское купечество. С. 109.

Ольга Николаевна, вел. княжна. Сон юности. С. 197.

1146

Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I:
Муж. Отец. Император. С. 531.

Цит. по: *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР: Вторая четверть XIX века.
С. 254.

Тарле Е. В. Крымская война // *Тарле Е. В.* Соч. Т. 8. М., 1959. С. 141, 142.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 383.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу // РА. 1897. Кн. 1. С. 13; см. также: Николай I: Муж. Отец. Император. С. 472.

Цит. по: *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки... С. 234.

Тарле Е. В. Крымская война. С. 382.

Цит. по: *Пономарев В. Н.* Крымская война // История внешней политики России. М., 1999. С. 389.

Цит. по: *Тарле Е. В.* Крымская война. С. 488.

1155

Там же. С. 500.

1156

Там же. С. 487.

Цит. по: *Пономарев В. Н.* Крымская война. С. 399.

1158

Там же. С. 400.

Предсмертная записка императора Николая I князю М. Д. Горчакову // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 192.

Собственноручная записка императора Николая о предстоящих военных действиях от 1 февраля 1855 г. для князя Варшавского // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 195.

Цит. по: *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974.
С. 274.

Николай I — Александру Николаевичу, 19 мая 1837 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 153.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 193.

Пушкин А. С. Стансы // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. [1] М.; Л., 1948.
С. 40.

[Языков Д. А.] Император Николай I в русской поэзии (с двумя неизданными стихотворениями) // Московские ведомости. 1898. № 48. 18 февр.

Божерянов И. Н. Екатеринбург // РС. 1884. Т. 41. № 3. С. 620.

Львов Л. Ф. Из воспоминаний Леонида Федоровича Львова // РА. 1885.
Кн. 1. № 3. С. 348.

Записки А. О. Смирновой. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1895. С. 78. В этом варианте «записки» представляют собой монтаж ее дочери О. Н. Смирновой по рассказам матери.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 179.

1170

Там же. С. 199.

Там же. С. 236, 291.

Любознательность императора Николая Павловича // РА. 1896. Кн. 2.
№ 6. С. 292.

Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 485.

[Сербинович К. С.] Заботы императора Николая Павловича о сохранении памятников отечественных древностей и старины // РС. 1877. Т. 19. № 5. С. 148.

Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды... // РС. 1876. Т. 16. № 5. С. 273–276.

Там же. С. 288.

Там же. С. 290.

Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 307, 415.

93 были описаны в книге Александра Долгова в 1860 г.: *Долгов А. Памятники и монументы, сооруженные в ознаменование достопамятных русских событий и в честь замечательных лиц. СПб., 1860.*

Сокол К. Г. Монументы империи. М., 2001. С. 11. См. также: *Ашик В. А.* Памятники и медали боевых подвигов русской армии в войнах 1812–1814 гг. и в память императора Александра I. СПб., 1913.

Там же. С. 10–11.

Цит. по: *Хартанович М. Ф.* Ученое сословие России. С. 20–21.

Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1952. С. 253–254. Ср.: *Аринштейн Л. М.* Николаевский цикл // Вестник Российской академии наук. 1997. Т. 67. № 4. С. 335–337.

Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М., 1998. С. 228; Пушкин А. С. — П. Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 172.

Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. СПб., 1999. С. 311.

Зенгер Т. Николай I — редактор Пушкина // Литературное наследство.
Т. 16. М., 1934. С. 536.

Воспоминания А. О. Смирновой (Из записных книжек 1826–1845 гг.).
В 2 ч. Ч. 1. М., 1895. С. 50.

Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература. 1826–1856 гг. по подлинным делам Третьего отделения Собств. ЕИВ канцелярии. 2-е изд. СПб., 1909. С. 509.

Цит. по: Чудакова М. Беседы об архивах. М., 1975. С. 11.

1190

Там же.

Записки А. О. Смирновой. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1895. С. 78.

Там же. С. 102.

А. С. Пушкин: Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архива Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831–1837 гг. / Сост. Н. Гастфрейнд. СПб., 1900. С. 37.

Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 137.

Сайтанов В. А. Прощание с царем // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 20. Л., 1986. С. 36, 45.

Федоров В. Е. Гибель Пушкина // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1991. № 3 (май-июнь). С. 45–51.

Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. С. 224.

Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 302.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу // РА. 1897. Кн. 1. С. 19. См. также: Николай I: Муж. Отец. Император. С. 484.

ИОРЯС. 1896. Т. 1. С. 66.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу // РА. 1897. Кн. 1. С. 19. См. также: Николай I: Муж. Отец. Император. С. 485.

Роткирх В. А. Памяти императора Николая Павловича // *Роткирх В. А.* Воспоминания общие. В 5 ч. Ч. 5. Вильна, 1890. С. 2.

Щеглов В. В. Собственные его императорского величества библиотеки и арсеналы... Пг., 1917. С. 33.

Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. С.
230.

Вольценбург О. Э. Библиотека Эрмитажа. 1764–1939: Краткий исторический очерк. Л., 1940. С. 32.

Щеглов В. В. Собственные его императорского величества библиотеки... С. 44, 49, 53.

1207

Сон юности. С. 245.

Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I:
Муж. Отец. Император. С. 525.

[Сенковский О. И.] Мазепа: Сочинение Фаддея Булгарина [рецензия] *И*
Библиотека для чтения. 1834. № 2. Отд. 5. Критика. С. 14.

Яковлев С. П. Императрица Александра Федоровна. С. 25, 37.

Шиман В. М. Император Николай Павлович... С. 462.

Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. С. 256.

Император Николай в Московском университете в 1837 году // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 153.

Цит. по: *Забозлаева Т. В.* Русские императоры и Александринский театр — взгляд из-за кулис. СПб., 1997. С. 38.

Гоголь Н. В. Письмо Николаю I // Николай Первый и его время. Т. 2. М., 2000. С. 132.

1216

Там же. С. 133.

Смирнова-Россет А. О. Дневник. С. 11, 630–631.

Цит. по: *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература. С. 73.

Орлов В. Л. Николай Полевой и его «Московский телеграф» // *Орлов В. Л.* Пути и судьбы: Литературные очерки. М., 1971. С. 437.

Цит. по: *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература. С. 90.

1221

Там же. С. 96.

Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого // Исторический вестник.
1887. Т. 30. № 10. С. 49.

1223

Там же. С. 50.

Белинский В. Г. — П. В. Анненкову [1 — 10 декабря 1847 г.] // Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1956. С. 571 (Примечания).

1225

Там же. С. 440.

Там же. С. 440–441.

Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература. С. 109.

Там же. С. 97.

1229

Сон юности. С. 280.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. С. 178.

Воспоминания графа Рейзета. Цит. по: *В. Т. [Тимощук В.]* Иностранцы о России // ИВ. 1902. Т. 89. № 7. С. 235; см. также: *Тимирязев В. А.* Петербург накануне Крымской кампании // РС. 1903. Т. 115. № 7. С. 220.

Цит. по: *Забозлаева Т. Б.* Русские императоры. С. 22.

Цит. по: К истории французского театра в России // ИВ. 1897. Т. 70. № 12. С. 963.

Забозлаева Т. Б. Русские императоры. С. 23.

1235

Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. С. 53.

Авраменко С. И. Эрмитажный театр. Л., 1975. С. 10–12.

Забозлаева Т. Б. Русские императоры. С. 24–25.

Белинский В. Г. Русский театр в Петербурге // Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1954. С. 493.

Каратыгин П. А. Воспоминания. С. 184.

Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче // ИВ. 1886. Т. 23. № 1. С. 144–145.

Полнер Т. В. В. Самойлов // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 278.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 103. № 7. С. 41.

Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче. С. 148.

Дневник Александра Ивановича Храповицкого, инспектора репертуара
русской труппы, 1829–1839 // РС. 1879. Т. 24. № 2. С. 353.

Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче. С. 153.

Гущин В. А. Император Николай I в Петергофе. Б. д., б. м., 1999. С. 16–17.

Из воспоминаний леди Блумфильд... С. 241.

Зотов Р. М. Записки // ИВ. 1896. Т. 65. С. 311.

Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче. С. 149.

Граф Рейзет в России в 1852–1854 гг. //РС. Т. 114. № 7. С. 703; см. также: *Тимирязев В. А.* Россия накануне Крымской кампании. С. 231–232.

Шаляпин Ф. И. Маска и душа: Мои сорок лет на театрах. М., 1989. С. 163.

Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче. С. 147.

Каратыгин П. А. Записки. С. 183, 230, 232.

200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904:
Историческое исследование. СПб., 1991. С. 426.

Белинский В. Г. Русский театр в Петербурге. С. 493.

Зотов Р. М. Записки // ИВ. 1896. Т. 65. № 1. С. 311.

Белинский В. Г. Русский театр... С. 325.

Зотов Р. М. Записки. Там же.

Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 47.

Воспоминания Василия Борисовича Бланка... С. 181.

Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // РА. 1897. Кн. 3. № 11. С. 328–329.

Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 39.

[Новый балет Тальони] // Библиотека для чтения. 1834. № 1. VII
(Смесь). С. 10–14.

Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче. С. 151.

Зотов Р. М. Записки // ИВ. 1896. Т. 65. № 2. С. 319.

1266

Там же. С. 319.

Смирнова-Россет А. О. Дневник. С. 11.

Каратыгин П. А. Записки. С. 233. См. также с. 239, 232.

Дневник Александра Ивановича Храповицкого... С. 346.

Вольф А. Хроника петербургских театров. Ч. 1. СПб., 1877. С. 120–121.

Полнер Т. В. В. Самойлов. С. 282.

Забозлаева Т. Б. Русские императоры. С. 29–30.

1273

Каратыгин П. А. Записки. С. 254.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 103. № 7. С. 34–35.

Фрадкина Э. А. Зал Дворянского собрания: Заметки о концертной жизни Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 159.

Тимирязев В. А. Россия накануне Крымской кампании. С. 244.

Попов М. М. Мелкие рассказы // РС. 1896. Т. 86. № 5. С. 601.

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5706. О дерзком поведении коллежского асессора Пулевского, 1832 г. Л. 1, 2 об. Автор благодарит за указание этого документа Т. В. Андрееву.

Цензура в царствование императора Николая I // РС. 1903. Т. 114. № 6.
С. 645.

Каратыгин П. А. Записки. С. 165–166 (Примечания: с. 305).

Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче. С. 279.

1282

Там же. С. 146.

Дневник Александра Ивановича Храповицкого... С. 348.

Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче.

Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 211–213.

Там же. С. 213.

[Роткирх Г.] Воспоминания Теобальда. Ч. 5. Вильна, 1890. С. 2–3.

1288

РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 3. Распоряжение директора о просмотре
пьес... 1851 г. Л. 1–2.

В. А. Из воспоминаний о Н. Г. Рубинштейне и Московской консерватории // РА. 1897. Кн. 3. № И. С. 464.

Шаляпин Ф. И. Маска и душа... С. 123.

Ельницкий Л. Династия Романовых. Л., 1925. С. 55.

Тютчева А. Ф. Воспоминания. С. 38.

Корф М. А. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС.
1899. Т. 98. № 6. С. 525.

Берс А. А. Алексей Федорович Львов как музыкант и композитор // РС. 1900. Т. 102. № 4. С. 154.

1295

Там же.

Там же. С. 155.

Бутурлин М. Д. Записки // РА. 1897. Кн. 3. № 12. С. 532–533.

Глинка М. И. Записки... С. 274.

Там же. С. 274–275.

Дневник Александра Ивановича Храповицкого... С. 250.

1301

Там же. С. 270.

Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // РА. 1897. Кн. 3. № И. С. 328.

Глинка М. И. Записки. С. 267.

Там же. С. 281.

Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 226.

Яковлев С. П. Императрица Александра Федоровна. С. 131.

1307

Глинка М. И. Записки. С. 383.

Фрадкина Э. А. Зал Дворянского собрания... С. 159.

Каратыгин П. А. Записки. С. 186. См. также с. 105, 185.

Яковлев С. П. Императрица Александра Федоровна. С. 128.

Арнольд Ю. Воспоминания. Вып. 3. М., 1893. С. 73.

Фрадкина Э. А. Зал Дворянского собрания... С. 157.

Глинка М. И. Записки. С. 134.

Тимирязев В. А. Петербург накануне Крымской кампании // ИВ. 1902.
Т. 89. № 7. С. 242.

Берс А. А. Алексей Федорович Львов... С. 150.

Там же. С. 147.

Львов А. Ф. Записки // РА. 1884. Кн. 2. № 4. С. 246.

Берс А. А. Алексей Федорович Львов... С. 150.

1319

Сон юности. С. 212.

Берс А. А. Алексей Федорович Львов... С. 150.

Шиман В. М. Император Николай Павлович... С. 462.

Скотт С. Романовы. Кто они были? Что с ними стало? Екатеринбург, 1993. С. 30.

Карнович Е. П. Император Николай I... С. 2; Н. Д. [Дубровин Н.]
Несколько слов в память императора Николая I // РС. 1896. Т. 86. № 6. С.
454.

1324

РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 510. Л. 20.

Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч.: В 30 т. Т. 9. М., 1956. С. 136–137.

Цит. по: *Берс А. А.* Алексей Федорович Львов... С. 148.

1327

Там же. С. 149.

3. *Врангель Н. [Н.] Искусство и государь Николай Павлович. Пг., 1915. С.*

Славина Т. А. Архитектор Константин Тон. С. 683; см. также с. 75, 85–87, 93–94.

1330

Сон юности. С. 245.

1331

Там же. С. 288.

Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 156, 164.

1333

Там же. С. 137.

Там же. С. 145.

Там же. С. 163–164.

1336

РГИА. Ф. 789. Оп. 2. Оленин. 1830. Д. 29.

Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 162.

1338

Там же.

Цит. по: Беккер И. И., Бродский И. А., Исаков С. К. Академия художеств: Исторический очерк. М.; Л., 1940. С. 62.

1340

Там же.

Цит. по: *Исаков С. К.* Императорская Санкт-Петербургская Академия художеств. 1764–1914: Краткий исторический очерк. СПб., 1911. С 38

1342

РГИА. Ф. 789. Оп. 2. Оленин. Д. 37.

Клодт Г. А. «Лепил и отливал Петр Клодт...». С. 164.

1344

РГИА. Ф. 789. Оп. 20. Оленин. Д. 10. О причислении по высочайшему повелению художника Гайвазовского к классу батальной живописи, 1837 г.

Клодт Г. А. «Лепил и отливал Петр Клодт...». С. 164. См. также: РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Оленин. Д. 1404. Об увольнении от Академии художеств по высочайшему повелению... 1830 г.

1346

РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Оленин. Д. 1192. Извещение конторы фарфорового завода о награждении профессора Пименова бриллиантовым перстнем, 1830 г.

Там же. Д. 1226. О высочайшем повелении списывать пенсионерам и ученикам Академии в Эрмитаже копии с картин, 1830, ноябрь.

1348

РГИА. Ф. 789. Оп. 20. Оленин. Д. 5. О чередовании гг. профессоров
для преподавания классов воспитанникам... 1837, 31 января.

Там же. Д. 11. О воспрещении по высочайшему повелению имеющим придворные звания носить усы и бороды в виде жидовских... 1837, 19 марта.

РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. II. Д. 3486. О высочайшем повелении выехать из Рима в Неаполь начальнику русских художников и художникам, там находящимся, и затем о возвращении художников в Россию, 1848 г.

Там же. Д. 3415. О высочайшем повелении, чтобы читаемые в учебных заведениях лекции не иначе издавались преподавателями, как с разрешения цензуры, 1848 г.

Тальберг Н. «Человек вполне русский». С. 370.

Пассек Т. П. Из дальних лет. С. 407.

1354

РГИА. Ф. 789. Оп. 20. Оленин. Д. 2, 6.

Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 262.

1356

Там же. Д. 8. Л. 9–9 об.

1357

РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. II. Д. 3490. По просьбе живописца штабс-капитана Федотова... 1848 г., 21 мая.

Там же. Д. 60. По отношению статс-секретаря Н. Муравьева о высочайшем соизволении насчет определения в Академию художеств сына вдовы бывшего метрдотеля Бенуа Николая, 1827 г., 13 ноября.

Записки и воспоминания художника-живописца М. Е. Меликова // РС.
1896. Т. 86. № 6. С. 660.

См. о нем: *Ястребцов Е. В.* Шебуев В. К. // Русский биографический словарь. [Т.] Шибанов — Шютц. СПб., 1911. С. 2–6. См. также: РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. II. Д. 624; Оп. 20. Оленин. Д. 18; Оп. 14 «Ш».

1361

РГИА. Ф. 789. Оп. 14 «Ш». Л. 7—61.

1362

Там же. Л. 87.

Глинка В. М., Помарницкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. 3-е изд. М., 1981. С. 22–23.

Асвариц Б. И. Крюгер в России // Проблемы изобразительного искусства XIX столетия / Под ред. Н. И. Калитиной, И. Д. Чечота. Л., 1990. С. 99–106.

Врангель Н. Н. Иностранцы XIX века в России // Старые годы. 1912.
Июль — сентябрь. С. 26.

1366

РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. II. Д. 867. О присланном на рассмотрение Академии литографированного оттиска портрета государя императора. 1828 г. Л. 2.

1367

Там же. Д. 870. О неодобренных Советом Академии рисунках, 1828 г.

Врангель Н. Н. Иностранцы XIX века в России. С. 26.

1369

Там же. С. 29.

Цит. по: *Пассек Т. П.* Из дальних лет. С. 404.

Пашкова Т. П. История портретной экспозиции Большого и Малого фельдмаршальских залов Зимнего дворца //Архитектурные тетради. Вып. 1. СПб., 1994. С. 19–34.

Врангель Н. Н. Искусство и государь Николай Павлович. С. 4.

Беловская К. П. Дворцовые музеи и хранилища XVIII — первой половины XIX века // Тр. НИИ музееведения. Вып. 3. Очерки истории музейного дела. М., 1961. С. 341.

Там же. С. 327.

1375

Рассказы из недавней старины... // РА. 1882. Кн. 1. С. 176.

1376

Сон юности. С. 199, 266.

Беловская К. П. Дворцовые музеи и хранилища XVIII — первой половины XIX века. С. 327.

Хартанович М. Ф. Ученое сословие России. СПб., 1999. С. 168.

Там же. С. 333, 346.

Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 156–157.

Чернецовы Г. и Н. Путешествие по Волге. Рис. авторов. М., 1970. С. 8–9.

Пассек Т. П. Из дальних лет. С. 410.

1383

Рассказы из недавней старины. С. 176.

1384

Записки и воспоминания художника-живописца М. Е. Меликова. С.
656.

Цит. по: *Фролова В. С.* Николай I и флот. Севастополь, 1994. С. 22.

Из памятных записок П. Х. Граббе // РА. 1873. Кн. 1. Стб. 789.

Шеманский А., Гейченко С. Кризис самодержавия... С. 22, 27, 43.

Врангель Н. Н. Искусство и государь Николай Павлович. С. 59.

Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. М., 1956. С. 62.

1390

Там же. С. 134.

Герцен А. И. Франция или Англия? Русские вариации на тему 14 января 1858 // Полн. собр. соч. Т. 13. М., 1958. С. 239.

Герцен А. И. Былое и думы. С. 56–57.

Цит. по: *Смирнов А. Ф.* Разгадка смерти императора // *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 453.

Любош С. Б. Последние Романовы: Александр I. Николай I. Александр II. Александр III. Николай II. Репринтное издание 1924 г. М., 1990. С. 69.

Ельницкий Л. Династия Романовых. Л., 1925. С. 54.

Марин М. Северное сияние: Исторический роман. М., 1985. С. 363.

Саксен Кобургская, принцесса. Письма германской принцессы о русском дворе // РА. 1869. № 7. Стб. 1091.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997. С. 108.

Карсев А. Левый глаз императора Николая I // ИВ. 1902. Т. 79. № 7. С. 107–108.

Юнге Е. Ф. Воспоминания. М., 1914. С. 119.

1401

Сон юности. С. 237.

РГИА. Ф. 711. Оп. I. Д. 35. Воспоминания А. Д. Блудовой о Николае I с собственноручными замечаниями Александра П. Автограф. Б. д. Л. 5 об.; *Дараган П. М.* Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817–1819 // РС. 1875. Т. 12. № 4. С. 793; *Молчанов А.* Пленные англичане в России // ИВ. 1886. Т. 23. № 1. С. 185; *Шелгунов Н. В.* Воспоминания. Т. I. М., 1967. С. 235.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. С. 162.

Гаффнер В. В. Три недели в России // ИВ. 1914. Т. 135. № 1. С. 267.

1405

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 102. № 5. С. 278.

1406

Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого // ИВ. 1887. Т. 30. № 10. С. 49.

Цит. по: *Татищев С. С.* Император Николай I и иностранные дворы: Исторические очерки. СПб., 1889. С. 7.

Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа... С. 793.

Сон юности. С. 210–211.

Записки Иосифа Петровича Дубецкого // РС. 1895. Т. 83. Цит. по:
Шильдер Н. К. Кн. 2. С. 126–127.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. С. 162.

Бутурлин М. Д. Записки // РА. 1897. Кн. 3. С. 327.

Иллюстрацию см. в кн.: *Заиончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908. С. 134.

Из воспоминаний леди Блумфильд. Пер. с англ. //РА. 1899. Кн. 2. С. 234.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII век — начало XIX века). СПб., 1994. С. 83.

1416

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 102. № 4. С. 28.

1417

Из записок А. Х. Бенкендорфа // ИВ. 1903. Т. 91. № 1. С. 65.

Пасси де. Император Николай I и его царствование... СПб., 1859. С. 45.

Записки Михаила Чайковского (Мехмед Садык-паши) // РС. 1896. Т. 86. № 4. С. 172.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 199.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 368.

Из преданий об императоре Николае Павловиче // РА. 1898. № 8. С. 480.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. С. 162–163.

Император Николай Павлович в Вене в 1835 году (переведено с неизвестной французской рукописи) // РА. 1882. Кн. 1. № 1. С. 201.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. С. 162–163.

Смирнов А. Ф. Разгадка смерти императора // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. С. 161, 162.

1428

РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 5 об.

Тютчева А. Ф. Дневники... С. 71.

Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова. М., 1888. С. 120.

Стасов В. В. Художественная выставка за 25 лет // *Стасов В. В.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. СПб., 1894. Стб. 471.

Герцен А. И. Былое и думы. С. 63.

1433

Бюст в 1932 г. поступил в Государственный Русский музей из Государственного Эрмитажа (Ск.-1303).

Из преданий об императоре Николае Павловиче // РА. 1898. № 8. С. 480.

Пушкин А. С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1937. С. 521.

Пушкин А. С. [Дневник 1833–1835 гг.] // Полн. собр. соч. Т. 12. М.; Л., 1949. С. 334.

Маевский С. И. Мой век, или История генерала Маевского // РС. 1873.
Т. 8. № 11. С. 775.

Рассказы из недавней старины *Сообщ. И. С. Листовский* / РА. 1878.
Кн. 3. С. 514.

1439

Для сравнения на стрижку егерем собак императора Гусара, Драгуна и Муфты уходило 3–4 рубля в год: РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 510. О гардеробной сумме государя императора, 1847–1852 гг. Л. 26, 40, 48.

Асвариц Б. И. Крюгер в России // Проблемы изобразительного искусства XIX столетия. Л., 1990. С. 106.

1441

Соколов А. Петр Федорович Соколов. С. 643.

Николай I — И. Ф. Паскевичу, 19 сентября (1 октября) 1833 г. // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 470.

1443

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа //РС. Т. 103. № 7.
С. 55.

1444

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 102. № 4. С. 27.

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817). Сб. РИО. 1896. Т. 98. С. 55.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997.
С. 109–110.

Смирнова-Россет А. О. Автобиографические записки [вариант 3] //
Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 146.

Шеманский А., Гейченко С. Кризис самодержавия: Петергофский коттедж Николая I. 4-е изд. Л., 1932. С. 40.

1449

Сон юности. С. 245–246.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1899. Т. 100. № 10. С. 28.

Бенкендорф А. Х. Император Николай в 1828–1829 гг. // РА. 1896. Т. 86.
№ 5. С. 506.

Квадри В. В., Шенк В. К. История императорской свиты... С. 284.

Бенкендорф А. Х. Император Николай I в 1828–1829 гг. С. 477.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 117.

Романов М. П. Царствование императора Николая I. СПб., 1883. С. 83.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу // РА.
1897. Кн. 2. С. 9.

1457

Из дневника П. Г. Дивова // РС. 1900. Т. 102. С. 137.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 102. № 4. С. 28.

1459

РГИА. Ф. 472. Оп. 38 (внутр, оп. 412/1933). Д. 8. О даровании звания поставщиков Высочайшего двора, 1883 г. Л. 59.

1460

РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 510. О гардеробной сумме государя императора в 1847–1852 гг. Л. 89.

Каменская М. [Ф.] Воспоминания. М., 1991. С. 117–118.

1462

Сон юности. С. 304, 288.

Император Николай I и его сподвижники (Воспоминания графа Отгона де Брэ, 1848–1852) // РС. 1902. Т. 109. № 1. С. 121.

1464

PC. 1900. T. 102. № 5. C. 265, 268.

1465

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 102. № 5. С. 278.

Любош С. Б. Последние Романовы. С. 80.

Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича... С. 7.

1468

Подлинник в фондах Государственного Русского музея.

Деменков П. Четырнадцатого декабря 1825 года на петербургских площадях: Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской // РА. 1877. Кн. 3. № 9. С. 266.

Цит по: *Костина Н. Г.* Освещение Петра I в русской периодической печати в первые годы после 14 декабря 1825 года // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. Серия историко-филологическая. № 78: Из истории общественного движения и общественной мысли в России в XIX веке. Горький, 1966. С. 554.

Цесаревич Константин Павлович в 1826 г.: Переписка с Ф. П. Опочининым // РС. 1873. Т. 8. № 9. С. 374.

Лакруа П. История жизни и царствования императора Николая I / Пер. с фр. А. Смирнова. Т. I. Кн. 1. М., 1877. С. 22.

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования... С. 17, 24, 55, 74, 82.

1474

Сон юности. С. 203.

1475

РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 105. О заплате денег за вещи, сделанные для гардероба Его Величества, 1826 г. Л. 2. об.

1476

РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 510. О гардеробной сумме государя императора. 1847–1852 гг. Л. 7, 24, 26, 26 об., 37, 48.

Граф Рейзет в России в 1852–1854 гг. // РС. 1903. Т. 115. № 7. С. 221.

1478

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 510. О гардеробной сумме государя императора. 1847–1852 гг. Л. 20 об.

Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 210.

Давыдов Д. В. Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче // Сочинения. М., 1962. С. 510.

Цит. по: *Тальберг Н.* «Человек вполне русский». С. 368.

Пассек Т. П. Из дальних лет: Воспоминания. Т. II. М., 1963. С. 402, 407.

Цит. по: *Татищев С. С.* Император Николай I и иностранные дворы. С. 21.

Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. С. 475.

Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче // ИВ. 1886. Т. 23. № 1. С. 150.

1486

РГАВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16. *Шестаков И. А.* Полвека обыкновенной жизни. Л. 176.

Фет А. А. Мои воспоминания. Ч. 1. М., 1890. С. III.

1488

РГИА. Ф. 789. Оп. 20. Д. 27 б. О допущении в Академию художеств полковника [И. М.] Бибикова... 1833 г., 13 декабря.

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 1. Д. 255. О выдаче глухонемому Владимиру Королеву за алебастровые фигуры, изображающие нижних чинов гвардейских полков, заимообразно 500 рублей, 1849 г. См. также: Д. 1544, 1597, 1684.

1490

Из дневника П. Г. Дивова // РС. 1900. Т. 103. № 7. С. 188.

Пушкин А. С. [Дневники 1833–1835 гг.]... С. 319.

Там же. С. 334.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров... С. 37.

Быкова В. Т. Записки старой смолянки. Ч. 1. СПб., 1898. С. 36–37.

Пушкин А. С. [Дневники 1833–1835 гг.]... С. 314.

Там же. С. 315.

Цит. по: *Смирнов А. Ф.* Разгадка смерти императора... С. 459.

1498

Воспоминания Василия Борисовича Бланка // РА. 1897. Кн. 3. № 10. С. 177.

Оже де Ранкур Н. В двух университетах... // РС. 1896. Т. 86. № 6. С. 572.

Записки князя Николая Сергеевича Голицына. 1825–1855 гг. // РС.
1880. Т. 29. № 11. С. 616.

Оже де Ранкур Н. В двух университетах... С. 579.

РГИА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Письма императора Николая I К. К. Мердеру. 1824–1833 гг. Л. 1.

Д. Я. [Языков Д.] Император Николай I в русской поэзии (с двумя неизданными стихотворениями) // Московские ведомости. 1898. № 48, 18 февр.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый... Кн. 1. С. 314.

1505

Сон юности. С. 293.

1506

Из записок А. Я. Стороженко... Стб. 1242.

Пашкова Т. Л. Главная лестница северо-западного ризалита Зимнего дворца // Архитектурные тетради. Вып. 1. СПб., 1994. С. 35–43.

Быкова В. Т. Записки старой смолянки. 1833–1878. Ч. 1. СПб., 1898. С. 99–100.

1509

Тютчева А. Ф. Дневники... С. 87.

1510

РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 112. План нижнего этажа Зимнего дворца. Б.
д. Л. 116–117.

1511

РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 914. Опись имущества по камер-цалмейстерской части Зимнего дворца, находящегося в комнатах покойного императора Николая I, 1859 г.

Цит. по: *Смирнов А. Ф.* Разгадка смерти императора... С. 459.

Соколова А. И. Маленькая польская графиня и маленькая русская княжна //ИВ. 1910. № 3. С. 880.

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 153. Положение по кухне... 1826–1827 гг. Л.
37.

Рассказы из недавней старины *Сообщ. И. С. Листовский* / РА. 1878.
Кн. 3. № 12. С. 506.

Разговор С. В. Сафонова с императором Николаем Павловичем 28 сентября 1846 //Архив князя Воронцова. Т. 37. М., 1892. С. 384.

Новгородские дворяне и военные поселяне *Сообщ.* Александр Долгоруков / РС. 1873. Т. 8. № 8. С. 412.

РГИА. Ф. 516. Оп. 1. (внутр, оп. 28/1618). Д. 147. Камер-фурьерский журнал, 1838 г. Л. 37, 118 и др.; *Гримм А. Т.* Императрица Александра Федоровна // Отечественные записки. 1866. № 8. С. 286.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров... С. 38–39.

Записки Э. И. Стогова // РС. 1903. Т. 114. № 5. С. 313.

1521

РГИА. Ф. 516. Оп. 1(внутр. оп. 28/1618). Д. 131. Камер-фурьерский журнал. 1826 г. Л. 489 об., 544 об.; Там же. Д. 133. Л. 5 об.

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 238. Л. 4 об. В последующие после Николая I царствования обед продолжал передвигаться на все более позднее время и при Николае II проходил уже в 8 часов вечера.

Гаффнер В. В. Три недели в России. С. 262.

Шиман В. М. Император Николай Павлович // РА. 1902. Кн. 1. № 3. С. 412.

1525

Рассказы из недавней старины... С. 514.

Фонтан Ф. П. Юмористические, политические и военные письма... Т. I. С. 99.

1527

Сон юности. С. 203.

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая Павловича... С. 54.

Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно. С. 7.

1530

Там же.

1531

Там же. С. 73.

РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 269. Ведомость кофешенской должности...
1840 г. Л. 49 об. — 50.

1533

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (внутр, оп. 28/1618). Д. 133. Л. 5 об.

Гаффнер В. В. Три недели в России... С. 262.

Зеест Ф. А. Влияние французского кулинарного искусства на русскую кухню. Отд. оттиск из «Журнала для всех». СПб., 1897. С. 16.

Фонтан Ф. П. Юмористические, политические и военные письма... С. 99.

Ильченко Д. В. Император Николай Павлович в уездном городе Чембаре с 25 августа по 8 сентября 1836 г. //РС. 1882. Т. 36. № 12. С. 524;
Берже Ад. П. Император Николай на Кавказе в 1837 г. // РС. 1884. Т. 43. № 8. С. 381. У Миллера жил на даче на Черной речке А. И. Пушкин.

Эвальд А. В. Рассказы об императоре Николае I // ИВ. 1896. Т. 65. № 8. С. 345.

1539

Сон юности. С. 243.

1540

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 153. Положение по кухне... 1826 г. Л. 3.

1541

Сон юности. С. 205.

1542

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 153. Л. 7 об.

1543

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 284. Л. 268–268 об.

1544

Там же. Л. 327.

1545

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 289. О приготовлении императорских столов с гостями, 1848 г. Л. 7 об.

1546

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 289. Л. 7 об.

1547

РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 509. Ведомость о трактовании их императорских величеств... 1852, 15 марта. Л. 60.

1548

Там же. Л. 1 об.

1549

Там же. Л. 2 об.

Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // РС. 1903. Т. 115. № 7.
С. 703.

1551

РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 509. Л. 1 об.

1552

Сон юности. С. 250.

Там же. С. 214.

Цит. по: *Татищев С. С.* Император Николай I и иностранные дворы. С. 87.

1555

Сон юности. С. 312.

Эвальд А. В. Рассказы о Николае I // Николай I: Муж. Отец. Император.
С. 274.

1557

РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 266. О покупке фруктов для высочайших столов у сына купца Елисеева, 1841 г.

1558

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 303. Относительно доставляемых с
Елагиноостровской фермы сливок... 1854 г.

1559

Сон юности. С. 203.

Там же. С. 192.

Воспоминания первого камер-пажа П. М. Дарагана... // РС. 1875. Т. 12.
№ 4. С. 795.

1562

РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 259: Тафельдекерские и кофешенские ведомости, 1840. Л. 2 об.—3.

Ковалев Н. И. Энциклопедия гурмана: О продуктах и блюдах, посуде и утвари, их названиях и истории. СПб., 1996. С. 240–241.

1564

Сон юности. С. 11.

Пушкин А. С. [Из письма к Соболевскому] // Полн. собр. соч. Т. 3. [Полутом] 1. [Л.,] 1948. С. 34.

Эвальд А. В. Рассказы об императоре Николае I // ИВ. 1896. Т. 65. № 8.
С. 345.

1567

Рассказы из недавней старины. С. 345.

1568

РГИА. Ф. 1338. Оп. 1. (внутр, оп. 27/93). Д. 61. О запрещении рыбакам подносить стерляди... 1840 г. Л. 1–1 об.

Из записок Елизаветы Николаевны Львовой // Николай Первый. Т. 2.
С. 325.

Ильченко Д. В. Император Николай Павлович в уездном городе Чембаре. С. 531.

РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 511. Приходно-расходная книга по петербургскому погребу за 1849 г., 1849–1850 гг. См. подробнее: *Высочков Л. В.* Винный погреб Зимнего дворца при императоре Николае I // История Петербурга. 2002. № 2 (6). С. 51–55.

1572

РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 182. Инструкция разным должностям, 1837 г.
л. 7.

Подробнее см.: *Высочков Л. В.* 1) Пиво при Императорском Дворе // Мир пива-1997: Альманах. № 2. СПб., 1997. С. 28–30; 2) Винный погреб Зимнего дворца при императоре Николае I // История Петербурга. 2002. № 4.

Цит. по: *Татищев С. С.* Император Николай I и иностранные дворы. С. 30.

Тальберг Н. «Человек вполне русский». С. 369.

1576

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 284. Подробная ведомость о столе их императорских величеств и их императорских высочеств, 1840–1841 гг. Л. 171 06.-172.

1577

РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 247. Ведомость мундшенков..., 1840 г. Л. 4–5.

1578

Там же.

Меженин А. Ю. Традиционные русские напитки // Петербургские чтения-97: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1997. С. 649–652.

1580

РГИА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 249. О заплате банкиру Штиглиц и К° за издержки, сделанные генеральным консулом в Париже Чиписом на покупку для государя императора альпийской воды, 1849 г.

Воронов Н. И. Воспоминания об императоре Николае I и его семье...
Владимир, 1907. С. 10.

1582

Рассказы из недавней старины... С. 514.

Там же. С. 177–178.

Рассказы, заметки и анекдоты: Из записок Елизаветы Николаевны Львовой //РС. 1880. Т. 28. № 8. С. 796–797.

Корф М. А. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС.
1900. Т. 102. № 5. С. 273.

Там же //РС. 1900. Т. 103. № 7. С. 46–47.

Цит. по публикации: *Штакельберг Н. С.* Загадка смерти Николая I // Русское прошлое. Кн. 1. Пг.; М., 1923. С. 59–60. — Подлинник см.: РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 762. Л. 1.

Пушкин А. С. Евгений Онегин... С. 153.

Эвальд А. В. Рассказы об императоре Николае I //ИВ. 1896. Т. 65. № 7.
С. 60.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. С. 129.

1591

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). 1838 г. Л. 142.

1592

Там же. Л. 37, 40 и др.

1593

Там же. Л. 34.

Оленина А. А. Дневник Annette. М., 1994. С. 123–124.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу // РА.
1897. Кн. 1. № 1. С. 12.

Дневник сенатора П. Дивова // РС. 1900. Т. 102. № 6. С. 136; *Пушкин А. С.* [Дневники 1833–1855 гг.] С. 316.

Император Николай Павлович в Вене в 1835 году... С. 200.

1598

Из записок графа А. Х. Бенкендорфа // ИВ. 1903. Т. 91. № 1. С. 65.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 102. № 4. С. 45.

1600

Рассказы из недавней старины... С. 514.

Ильченко Д. В. Император Николай Павлович в уездном городе
Чембаре... С. 524.

Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // РС. 1876. Т. 17.
№ 10. С. 260.

1603

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 102. № 5. С. 289.

Ильченко Д. В. Император Николай Павлович в уездном городе Чембаре. С. 523–534.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу... С.
523–534.

Шильдер И. К. Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997. С. 151.

1607

Дневник А. А. Половцева // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 81.

1608

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1899. Т. 98.
№ 6. С. 541.

Смирнова-Россет А. О. Автобиографические записки [вариант 3] //
Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 485.

Шиман В. М. Император Николай Павлович // РА. 1902. Кн. 1. № 3. С. 462.

Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке // Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967. С. 123.

Кузнецов С. О. Адам Менелae на российской земле: Возможные пути интерпретации творчества архитектора императора Николая I // Философский век. Россия в николаевское время... С. 223.

Там же. С. 224–225.

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1 243. Планы загородного дома великого князя Николая Павловича в Петергофе, б. д. [1825 г.]

Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе //РА. 1873.
Кн. 1. № 5. Стб. 789.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. С. 272–274; *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров... С. 116–117; Из воспоминаний леди Блумфильд // РА. 1899. Кн. 2. № 6. С. 240.

Жуковский В. А. — А. О. Смирновой, июнь 1844 г. // *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. С. 346; *Шеманский А.*, *Гейченко С.* Кризис самодержавия: Петергофский коттедж Николая I. С. 18.

Каратыгин П. А. Записки. Л., 1970. С. 232.

РГИА. Ф. 1338. Оп. 1 (внутр, оп. 61/124). Д. 304. О недвижимых имениях, предоставленных в собственность государыне императрице Александре Федоровне, 23 апреля 1855 г.; Там же. Оп. 1 (внутр, оп. 22/83). Д. 83/22. О предоставлении в собственность государыне Александре Федоровне Дудергофских гор... 1826 г.; Там же. Оп. 1 (внутр, оп. 61/124). Д. 304. Указы Николая I Кабинету об Ореанде, Дудергофских горах; Там же. Оп. 1 (внутр, оп. 30/96). Д. 1. Книга прихода и расхода сумм, ассигнованных на сооружение дворцовых зданий в имении Арианда... за 1849–1853 гг.

1620

Ф. 1338. Оп. 3 (внутр, оп. 59/122). Д. 25, 150 и др.

1621

Сон юности. С. 206.

Николай I — Александру Николаевичу, I июня 1837 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 157.

Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // ИВ. 1898. Т. 71. № 1.
С. 71.

Из воспоминаний М. П. Фредерикс // ИВ. 1898. Т. 71. № 1. С. 61.

Цит. по: *Божерянов И. Н.* Императрица Александра Федоровна... С. 62. 122.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997.
С. 110.

Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 591, 419.

Пушкин А. С. [Дневники 1833–1835 гг. [... С. 324.

1629

Там же. С. 333.

Бутурлин М. Д. Записки // РА. 1897. Кн. 3. № 11. С. 327.

Каменская М. [Ф.] Воспоминания. С. 251.

Одним из поставщиков драгоценных камней для императрицы был впоследствии ювелир Зигфрид Левенштейн из Франкфурта-на-Майне, за что впоследствии был удостоен звания поставщика Высочайшего двора: РГИА. Ф. 472. Оп. 38 (внутр, оп. 412/1932). О даровании звания поставщиков Высочайшего двора, 1882 г. Л. 254–255.

Яковлев С. П. Императрица Александра Федоровна. М., 1866 (обл. 1867). С. 57.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 103. № 7. С. 55.

1635

Сон юности. С. 250.

Там же. С. 278.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. С. 163.

1638

Там же. С. 262, 163.

Каменская М. [Ф.] Воспоминания. С. 249.

Шевченко Т. Г. Сон. Комедия // Шевченко Т. Г. Кобзарь. Стихотворения и поэмы. М., 1972. С. 225.

Белинский В. Г. — П. В. Анненскому [1—10 декабря 1847 г. Петербург] // Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1965. С. 440.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров... С. 45.

Жуковский В. А. Дневники. С. 501.

Из дневников Александры Федоровны // Междуцарствие... С. 85.

1645

Там же. С. 91.

Из писем А. Я. Булгакова к его брату // РА. 1902. Кн. 1. № 1. С. 117.

1647

Из дневников Александры Федоровны. С. 93.

Гримм А. Т. Императрица Александра Федоровна. С. 515.

Колокольцев Д. Г. Пожар Зимнего дворца 17, 18 и 19 декабря 1837 г. // РС. 1883. Т. 40. № 11. С. 338.

Цит. по: *Яковлев С. П.* Императрица Александра Федоровна. С. 121.

Яковлев С. П. Императрица Александра Федоровна. С. 99.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 2. С. 51.

Граф Рейзет в России в 1852–1854 гг. С. 223.

1654

Смирнова-Россет А. О. Дневник. С. 16.

1655

Тютчева А. Ф. Дневник. С. 59.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки... С. 207.

Никитенко А. В. Дневник. Т. I. М., 1955. С. 176.

Водовозова Е. Н. На заре жизни. Т. 1. М., 1987. С. 356.

Пушкин А. С. — Е. Ф. Тизенгаузен // Полн. собр. соч. [В 16 т.] Т. 14.
[Л.,] 1941. С. 54.

Тютчева А. Ф. Воспоминания. С. 27.

1661

Там же. С. 33.

Яковлев С. П. Императрица Александра Федоровна. С. 73, 114.

Из воспоминаний княгини Сайн-Витгенштейн-Бедлербург //РС 1908.
Т. 136. № 12. С. 739.

1664

Там же.

Гозенпуд А. А. Дом Энгельгардта... СПб., 1992.

Брэ О. де. Император Николай I и его сподвижники... // РС 1902. Т. 109. № 1. С. 136.

Герцен А. И. Августейшие путешественники. 1. Вдовствующая императрица // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 13. М., 1958. С. 13.

1668

РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 266. О расходе сумм по вояжу Александры Федоровны в Эмс, 1859 г. Л. 33 об., 43–47.

Герцен А. И. Августейшие путешественники. С. 13–14, 17.

1670

П-ва. Письмо русской путешественницы из Ниццы. 1857, 13 (25) января // Северная пчела. 1857. 4 февраля (№ 28). С. 153.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров... С. 40.

Из воспоминаний княгини Сайн-Витгенштейн-Бедлербург. С. 737.

Тютчева А. Ф. Воспоминания. С. 41.

Граф Рейзет в России в 1852–1854 гг. // РС. 1903. Т. 115. № 6 С. 223.

Тютчева А. Ф. Воспоминания. С. 40–41.

1676

Сон юности. С. 2000.

Слова из духовного завещания. Цит. по: *Яковлев С. П.* Императрица Александра Федоровна. С. 212.

Соллогуб В. А. Воспоминания. С. 489.

К-й, Ал. Поездка из Петербурга в Стокгольм на пароходе «Александрия» в 1838 году // РС. 1908. Т. 135. № 8. С. 360.

1680

Из воспоминаний М. П. Фредерикс // ИВ. 1898. № 1. С. 64.

Каменская М. [Ф.] Воспоминания. С. 172.

Бутурлин М. Д Записки // РА. 1897. Кн. 3. № 11. С. 327–328.

1683

Из записной книжки великой княжны Александры Николаевны (29 июня 1843) //РА. 1889. Кн. 1. № 3. С. 406.

Татищев С. С. Император Николай I и иностранные дворы... С. 29.

1685

Сон юности. С. 191.

1686

Там же. С. 244.

Сон юности: Записки дочери императора Николая I, великой княжны Ольги Николаевны. С. 12.

1688

Сон юности. С. 180.

Каменская М. [Ф.] Воспоминания. С. 173.

1690

Тютчева А. Ф. Дневники... С. 80.

1691

Сон юности. С. 265.

1692

Там же. С. 288.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. Т. 103. № 7. С. 51. Именно в этой комнате при Александре I и в первые годы при Николае I проходили заседания Государственного совета.

1694

РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 317. План среднего этажа Зимнего дворца.

1695

Там же. Д. 203. Об устройстве в Зимнем дворце учебной яхты... 1839 г.

Быкова В. Т. Записки старой смолянки... С. 98—100.

1697

Сон юности. С. 266.

Цит. по: Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС.
1900. Т. 102. № 5. С. 289.

Из воспоминаний леди Г. Блумфилд // РА. 1899. Кн. 2. № 6. С. 289.

Письма Ф. П. Литке к В. А. Жуковскому // РА. 1897. Кн. 2. № 5. С. 165.

Каменская М. [Ф.] Воспоминания. С. 173.

Соллогуб В. А. Воспоминания. С. 489.

1703

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 102. № 5. С. 289.

Ушаков Л. Корпусное воспитание при императоре Николае I // *Голос минувшего*. 1915. № 6. С. 131.

Тютчева А. Ф. Дневники... С. 79–80.

1706

Белякова З. И. Мариинский дворец. С. 102.

Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 69–70.

1708

Там же. С. 116.

Воспоминания А. К. Анненковой, рожденной Мердер *Предисл. К. Михайлова* / Наша старина. 1915. № 3. С. 271.

1710

Сон юности. С. 242.

Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 174.

Эвальд А. В. Рассказы об императоре Николае 1 //ИВ. 1896. Т. 65. № 7.
С. 67.

Ушаков Л. Корпусное воспитание. С. 99. Аналогичный рассказ см.:
Марьянов П. К. Дела и люди века. Т. 3. СПб., 1896. С. 241.

Соколов А. П. Петр Федорович Соколов — основатель портретной акварельной живописи в России. 1787–1848 // РС. 1882. Т. 33. №. 3. С. 642.

Кавелин П. Кавелин как воспитатель императора Александра II // РС. 1902. Т. 109. № 3. С. 556.

1716

Сон юности. С. 186.

Корф М. А. Материалы и черты к биографии и истории царствования императора Николая I... С. 99.

Пушкин А. С. [Дневники 1833–1835 гг.] С. 327.

1719

Сон юности. С. 263.

1720

Там же. С. 266.

Письма Ф. П. Литке к В. А. Жуковскому // РА. 1897. Кн. 2. №. 2. С. 159.

1722

Сон юности. С. 232.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. С. 148.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997.
С. 111.

Кюстин. А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. С. 148.

Цит. по: *Татищев С. С.* Император Николай I и иностранные дворы...
С. 29.

Тютчева А. Ф. Дневники... С. 84.

Д. Х. Ливен — А. Х. Бенкендорфу, 13 (25) августа 1833 г. // РС. 1903. Т. 115. № 9. С. 703.

Маркиз де Кастельбажак об императоре Николае Павловиче *Сообщ.* А.
Ч. [Чумиков А.] / РА. 1893. № 7. С. 421.

Тютчева А. Ф. Воспоминания. С. 39.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки // *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992. С. 120.

Ушаков Л. Корпусное воспитание. С. 130.

О пребывании великого князя Николая Павловича в Англии: Из письма леди Пемброк в Москву к графине М. В. де-Бальмен *Сообщ. В. А. Олсуфьев* / РА. 1877. Кн. 3. № 11. С. 292.

Цит. по: *Татищев С. С.* Император Николай I и иностранные дворы...
С. 8.

Цит. по: *Корф М. А.* Материалы и черты к биографии и истории царствования императора Николая I... С. 100.

Цит. по: *Лакруа П.* История жизни и царствования Николая I. С. 184.

Скотт С. Романовы: Царская династия. Кто они были? Что с ними стало? Екатеринбург, 1993. С. 262.

Цит. по: *Татищев С. С.* Император Николай I и иностранные дворы...
С. 30.

Пассек Т. П. Из дальних лет: Воспоминания. Ч. 2. М., 1963.С. 407, 411.

Цит. по: *Рамазанов Н.* Петр Андреевич Ставассер //РВ. 1863. Т. 43. № 1. С. 239.

1741

Там же. С. 237.

Оставшаяся в рукописи работа О. И. Бич была озвучена в докладе В. В. Воробьева на конференции 7 апреля 1996 г. «Николай I: Личность и эпоха. Опыт создания исторического портрета» в Аничковом дворце.

1743

Из воспоминаний леди Блумфильд. С. 234.

Шелгунов Н. В. Воспоминания // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. В 2 т. Т. I. М., 1967. С. 235.

Тютчева А. Ф. Воспоминания. С. 39–40.

Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. 1. М., 1993. С. 73.

Быкова В. Т. Записки старой смолянки. 1833–1878. Т. I. СПб., 1898. С. 85.

Тютчева А. Ф. Воспоминания. С. 21.

Герцен А. И. Былое и думы. С. 62.

Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке //
Покровский М. Н. Избранные произведения. В 4 кн. Кн. 3. М., 1967. С. 123.

Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 238–241.

Юнге Е. Ф. Заметки о Николае I // Литературное наследство. Т. 37–38. М., 1939. С. 642. — В публ.: Материалы к созданию повести «Хаджи-Мурат».

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.
Комментарии. С. 592.

Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. С. 346.

1755

РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (внутр, оп. 28/1618). Д. 147. Л. 371 об.

Смирнова-Россет А. О. Дневник. С. 485.

Пушкин А. С. [Дневники 1833–1835 гг.] С. 321.

1758

Смирнова-Россет А. О. Дневник. С. 8.

Кожин В. В. Тютчев. М., 1988. С. 115–116.

1760

Сон юности. С. 247.

1761

Смирнова-Россет А. О. Дневник. С. 9.

1762

Там же.

1763

Там же. С. 7.

Соколова А. И. Император Николай Первый и «васильковые дурачества» // ИВ. 1910. Т. 119. № 1. С. 111–112.

1765

Из записок графа А. Х. Бенкендорфа // ИВ. 1903. Т. 91. № 1. С. 57.

Из воспоминаний княгини Витгенштейн // РС. 1905. № 12. С. 739.

Граф Рейзет в России в 1852–1854 гг. // РС. 1903. Т. 115. № 7. С. 220–221.

Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 252, ср. С. 360.

Граф Рейзет в России... С. 221.

1770

Рассказы об императоре Николае I // РС. 1898. Т. 95. № 7. С. 38.

1771

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. № 6.
С. 522.

1772

Сон юности. С. 248–249.

Добролюбов Н. А. Разврат Николая Павловича и его любимцев // *Голос минувшего*. 1922. № 1. С. 64–68.

1774

Дельвиг А. И. Мои воспоминания. Т. 2. М., 1912. С. 9.

1775

Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 74.

1776

Соколова А. И. Император Николай Первый... С. 110.

1777

[Гримм П.] Тайны Зимнего дворца. Берлин, 1902. С. 79–80.

1778

Соколова А. И. Император Николай Первый... С. 110.

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. М., 1989. С. 456.

Примечания к изд.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М., 1957. С. 508. Подробнее см.: *Скрынников Р. Г.* С. 139.

Пушкин А. С. [Дневники 1833–1835 гг.] С. 333.

Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания... С. 37. См. также примеч. на с. 395; *Каратыгин П. А.* Записки. Л., 1970. С. 234.

Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания... С. 39.

Соколова А. И. Император Николай Первый... С. 104–107; *Окуджава Б.* Путешествие дилетантов: Из записок отставного поручика Омрана Амилахвари. М., 1990 и др. изд.

Соколова А. И. Император Николай Первый... С. 107–108.

Юнге Е. Ф. Заметки о Николае I. С. 648.

Из записок баронессы М. П. Фредерикс // ИВ. 1898. Т. 2. № 1. С. 73.

Смирнова-Россет А. О. Дневник. С. 7.

Тютчева А. Ф. Дневники... С. 85, 86.

Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке... С. 123.

Щеголев П. Е. Любовный быт пушкинской эпохи // Вульф А. Н. Дневники. М., 1929. С. 15.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре... С. 189.

Готье Ю. В. Император Николай I (Опыт характеристики) // Три века.
Т. 5. М., 1994. С. 317

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 102. № 5. С. 287.

Каменская М. [Ф.] Воспоминания. С. 207.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. С. 198.

1797

Сон юности. С. 247.

Там же. С. 223, 226, 247–248.

1799

Тютчева А. Ф. Дневники... С. 73.

1800

Сон юности. С. 203.

1801

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый... Кн. 1. М., 1997.
С. 111.

Эвальд А. В. Рассказы об императоре Николае I // ИВ. 1896. Т. 65. № 7. С. 59–60.

Каменская М. [Ф.] Воспоминания. С. 158–159.

Карнович Е. Император Николай I... С. 14–15.

1805

Шильдер Н. К. Император Николай Первый... Т. II. С. 165.

Фелькнер В. И. Поездка императора Николая Павловича в Стокгольм в 1838 г. *Ц РС.* 1875. Т. 12. № 1. С. 163.

1807

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I. С. 73.

1808

Сон юности. С. 203.

1809

Готье Ю. [В.] Император Николай I... С. 314.

1810

ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1170. Докладная записка и ведомость,
1823 г. Л. 2–3.

1811

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1899. Т. 100. № 10. С. 285.

1812

Там же // 1900. Т. 102. № 5. С. 273.

1813

Шиман В. М. Император Николай Павлович... С. 462.

Соллогуб В. А. Воспоминания. С. 488.

1815

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа... Там же.

1816

Сон юности. С. 289.

Бутурлин М. Д. Записки Ц РА. 1897. Кн. 1. № 3. С. 269–270.

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 102. № 5. С. 277. Фраза дана в переводе М. А. Корфа.

Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 248–249.

Цит. по: *Пушкин А. С. Table-Talk* // Полн. собр. соч. [В 16 т.] Т. 12. [Л.,] 1949. С. 164.

Бутурлин М. Д. Записки // РА. 1897. Кн. 3. № 10. С. 329.

1822

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5656. Проект высочайшего указа против карточных игроков, переписанный согласно собственноручным поправкам его императорского величества, 1832 г.

Соллогуб В. А. Воспоминания. С. 488–489.

1824

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. Т. 102. № 5. С. 273.

Цит. по: История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999. С. 210 (*Зайончковский А. М.* Восточная война. Т. 1. Приложения. С. 437–438); *Тютчева А. Ф.* Дневники... С. 89–90.

1826

Дубельт Л. В. Заметки и дневники // Российский архив. Вып. VI. М., 1995. С. 233.

1827

Тютчева А. Ф. Дневники... С. 79.

1828

РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 21–22.

Тютчева А. Ф. Дневники... С. 95.

1830

Цит. по публикации: *Штакельберг Н. С.* Загадка смерти Николая I // Русское прошлое. Кн. 1. Пг.; М., 1923. С. 59–60. — Подлинник см.: РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 762. Л. 1.

1831

Дубельт Л. В. Заметки и дневник. С. 238.

Там же. С. 272–274.

1833

Тютчева А. Ф. Дневники...

1834

Описание ходя болезни в Бозе почившего императора Николая Павловича // Северная пчела. 1855. № 44.

1835

Дубельт Л. В. Записки и дневники. С. 86.

1836

Тютчева А. Ф. Дневники... С. 87–88, 92.

Об этой версии см.: *Смирнов А. Ф.* Разгадка смерти императора // *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 435–462.

1838

Тютчева А. Ф. Дневники... С. 92.

Цит. по: *Гайваронский И. В., Свирса А. А.* Венцель Грубер и 18 февраля 1855 года // Морфофункциональные преобразования органов и тканей при воздействии на организм экстремальных факторов: Материалы научной конференции... СПб., 1998. С. 30.

1840

Тютчева А. Ф. Дневники... С. 93.

Зимин И. В. Медики и самодержцы: Загадка смерти Николая I // Отечественная история. 2001. № 4. С. 64.

1842

Сон юности: Записки великой княжны Ольги Николаевны. С. 237.

Овчинников Б. В., Павлов К. В., Владимирова И. М. Ваш психологический тип. СПб., 1994. С. 52–53.

1844

Там же. С. 57.

Обозов Н. Н. Типы личности, темперамент и характер (Методическое пособие). СПб., 1995. С. 4.

1846

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. I. М., 1997. С. 291.

Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // РС. Т. 115. № 7. С. 702.

1848

Пушкин А. С. [Дневники 1833–1835 гг.] // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 12. Л., 1949. С. 330 и 487 (примеч.).

1849

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1899. Т. 98.
№ 6. С. 542.

1850

Там же. Т. 103. № 7. С. 35.

Цебрикова М. Пятидесятые годы... С. 4.

Веселого Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 66.

Цебрикова М. Пятидесятые годы... С. 5.

Савин А. [Н.] Николай I и Фридрих-Вильгельм IV. 1840–1848 // Россия и Запад: исторические сборники под ред. Л. И Заозерского [вып.] I. Пг., 1923. С. 109.

1855

*Гагерн Ф. Б. Дневник путешествия по России в 1839 г. / Пер. и сообщ.
Н. К. Шильдер Ц РС. 1886. Т. 51. № 7. С. 27.*

1856

Ельницкий Л. Династия Романовых. Л., 1925. С. 64.

Овчинников Б. В., Павлов К. В., Владимирова И. М. Ваш
психологический тип. С. 132.

Рассказы из недавней старины / Сообщ. И. С. Листовским // РА. 1878.
Кн. 3. № 12. С. 517–518.

1859

Фонтон Ф. П. Юмористические, политические и военные письма. В 2 т. Т. 1. Лейпциг, 1862. С. 98.

1860

Ельницкий Л. Династия Романовых. С. 55.

1861

Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. С. 139.

Цебрикова М. Пятидесятые годы... С. 2.

Бородкин М. М. Венчанный рыцарь и его тернистый путь. С. 32–33.

Взгляд императора Николая I на смертную казнь в России в 1827 году
// РС. 1883. Т. 40. № 12. С. 660.

Горбачевский И. И. Записки // Горбачевский И. И. Записки. Письма.
М., 1963. С. 104.

1866

Леев Ф. А. Дореформенная армия (По запискам гр. П. Д. Киселева) //
Вестник всемирной истории. 1901. № 11. С. 106.

1867

Завещание Николая I сыну // Красный архив. Т. 3. М.; Л., 1923. С. 292–293.

1868

Цебрикова М. Пятидесятые годы... С. 2.

Марк Аврелий. Размышления. Л., 1985. С. 35.

1870

Эвальд А. В. Рассказы об императоре Николае I. С. 55.

Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // *Леонтьев К. Н.* Цветущая сложность: Избр. ст. М., 1992. С. 242–244.

1872

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Т. 102. № 5. С. 269.

1873

Из преданий об императоре Николае Павловиче // РС. 1898. № 8. С. 479.

Кречмер Э. Строение тела и характер. М., 1995. С. 468.

1875

Там же. С. 455, 457.

1876

Там же. С. 453.

1877

Пресняков А. Е. Николай I: Апогей самодержавия // *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 313.

1878

Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1898. Т. 98.
№ 6. С. 53.

1879

Бенуа А. Н. Мои воспоминания. [Т.] I. М., 1990. С. 22.

1880

Дельви́г А. И. Мои воспоминания. Т. I. М., 1912. С. 261–262.

1881

Цебрикова М. Пятидесятые годы... С. 3.

1882

РГАВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16: Полвека обыкновенной жизни. Ч. II. Л.
219.

1883

Эвальд А. В. Рассказы о Николае I *Ц* Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 276.

1884

Николай I — И. Ф. Паскевичу // Николай I: Муж. Отец. Император. С.
503.

Пассек Т. П. Из дальних лет: Воспоминания: В 2 т. Т. П. М., 1963. С. 494. На самом деле посадку при крепости Измаил было возвращено название «Тучков», данное ему еще в 1812 г. в честь боевых заслуг генерала, участвовавшего в Русско-турецкой войне на ее завершающем этапе (1811–1812 гг.).

1886

Тальберг Н. «Человек вполне русский». С. 364.

1887

Кинг Л. И. Рассказы об императоре Николае Павловиче // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 307.

1888

Рассказы об императоре Николае I // РС. 1898. Т. 95. № 7. С. 39.

1889

Завещание Николая I сыну // Красный архив. 1923. [Т.] 3. С. 293.

1890

Рассказы из недавней старины... С. 177.

1891

Завещание Николая I сыну. С. 293.

1892

Из дневника и записной книжки графа П. Х. Граббе // РА. 1873. Кн. 1.
№ 2. Стб. 793.

1893

РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 18, 16 об., 26.

1894

Любош С. Б. Последние Романовы. С. 69, 70.

1895

Аксакова В. С. Дневник. СПб., 1913. С. 151.

1896

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 153.

1897

Тютчева А. Ф. Дневники. С. 94.

1898

РГАВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Ч. II. Д. 16. Л. 261.

1899

Тарле Е. В. Крымская война // Соч.: В 12 т. Т. 8. М., 1959. С. 68.

1900

Бисмарк О. Мысли и воспоминания: В 2 т. Т. I. М., 1940. С. 158.

1901

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 38.

1902

Тютчева А. Ф. Дневники...